

РЕАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА

Уильям Блум

УБИЙСТВО ДЕМОКРАТИИ

Операции
ЦРУ и
Пентагона
в период
холодной
войны

Уильям Блум

УБИЙСТВО ДЕМОКРАТИИ

**Операции ЦРУ и Пентагона
в период холодной войны**

Кучково поле
Москва
2013

УДК 327.8
ББК 66.4(0)
Б71

William BLUM
Killing Hope: US Military and CIA Interventions Since World War II

Common Courage Press
Monroe, ME, USA

Блум У.

Б71 **Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны** / Пер. с англ. под рук. А. Чернова и Е. Логинова; редактор перевода В. Крашенинникова. — М.: АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», Кучково поле, 2013. — 704 с. (Серия «Реальная политика»).

ISBN 978-5-9950-0312-0

«Убийство демократии» американского историка-исследователя Уильяма Блума — это наиболее полное описание инструментария открытой и скрытой деятельности американских внешнеполитических ведомств и спецслужб. Четкий исторический анализ 56 открытых и тайных вмешательств США в годы холодной войны доказательно демонстрирует глобальный масштаб американской агрессии и жестокую изощренность исполнения в каждом конкретном случае. Блум доказывает, что Соединенные Штаты, вопреки их риторике и общепринятому мнению, занимались отнюдь не продвижением демократии. Наоборот, в одном государстве за другим, методично и безжалостно, напрямую и руками наемников, США уничтожали неугодные им мнения, движения, партии, людей, чтобы привести к власти своих ставленников.

Изобилующая деталями и ссылками, книга Блума — это настоящий учебник по внешней политике США, который должен стоять под №1 в списке литературы любого человека, имеющего отношение как к внешней, так и внутренней политике в России. Если вы хотите понимать, что происходит на шахматной доске мировой политики, вы обязаны знать, как разыгрывались подобные партии в прошлом. Знание истории освещает понимание настоящего и прогнозирование будущего.

УДК 327.8
ББК 66.4(0)

© Blum William, 2004
© Common Courage Press, 2008
© АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», издание на русском языке, название серии, 2013
© Кучково поле, оригинал-макет, художественное оформление 2013

ISBN 978-5-9950-0312-0

Содержание

Об авторе	3
Предисловие от российских издателей	5
Уильям Блум. К российским читателям	
Враждебность США к России после холодной войны	8
Предисловие. Краткая история холодной войны и антисоциализма.....	10
1. Китай, 1945–1960	
Был ли Мао Цзэдун пааноиком?	30
2. Италия, 1947–1948	
Свободные выборы в голливудском стиле	41
3. Греция, 1947–1950	
От колыбели демократии до государства-сателлита	52
4. Филиппины, 1940–1950	
Старейшая колония США	60
5. Корея, 1945–1953	
Что же это было?	70
6. Албания, 1949–1953	
Настоящий английский шпион	85
7. Восточная Европа, 1948–1956	
Операция «Фактор раскола»	89
8. Германия, 1950-е	
Все средства хороши: от детской преступности до терроризма	95
9. Иран, 1953	
Безопасность для Падишаха всех Шахов	101
10. Гватемала, 1953–1954	
Пока мир наблюдал	112
11. Коста-Рика, середина 1950-х	
В попытках свергнуть союзника	126

12. Сирия, 1956–1957	
Покупка нового правительства.....	129
13. Ближний Восток, 1957–1958	
«Доктрина Эйзенхауэра» — Америке нужен еще один задний двор	136
14. Индонезия, 1957–1958	
Война и порнография.....	150
15. Западная Европа, 1950–1960-е	
Ширмы за ширмами.....	157
16. Британская Гвиана, 1953–1964	
Международная профсоюзная мафия ЦРУ	164
17. Советский Союз, конец 1940-х — 1960-е	
От самолетов-шпионов до книгоиздания	173
18. Италия, 1950–1970-е	
Поддержка кардинальских сирот и технофашизм	182
19. Вьетнам, 1950–1973	
Завоевание умов и сердец	186
20. Камбоджа, 1955–1973	
Смертельный номер принца Сианука с политикой нейтралитета	202
21. Лаос, 1957–1973	
Секретная армия.....	211
22. Гаити, 1959–1963	
Морская пехота высаживается снова	219
23. Гватемала, 1960	
Хорошие государственные перевороты стоят друг друга.....	222
24. Франция — Алжир, 1960-е	
Государство — это ЦРУ!	225
25. Эквадор, 1960–1963	
Пособие по грязным делам	232
26. Конго, 1960–1964	
Убийство Патриса Лумумбы	237
27. Бразилия, 1961–1964	
Дивный новый мир эскадронов смерти	248
28. Перу, 1960–1965	
«Форт-Брэгг» перебирается в джунгли	262
29. Доминиканская Республика, 1960–1966	
Спасение демократии от коммунизма путем устранения ее самой.....	267
30. Куба, 1959–1980	
Непростительная революция.....	282
31. Индонезия, 1965	
Ликвидация президента Сукарно... и еще 500 тысяч человек	295
32. Гана, 1966	
Кваме Нkruma переступает черту	303
33. Уругвай, 1964–1970	
Пытка — такая же американская, как яблочный пирог	306

34. Чили, 1964–1973	
Серп и молот будут отпечатаны на лбу вашего ребенка	314
35. Греция, 1964–1974	
«В задницу ваш Парламент и вашу Конституцию!» — сказал президент США	328
36. Боливия, 1964–1975	
Охота за Че Геварой в стране государственных переворотов.....	337
37. Гватемала, 1962–1980	
Неизвестный геноцид	348
38. Коста-Рика, 1970–1971	
В попытке свергнуть союзника.....	364
39. Ирак, 1972–1975	
Не путайте секретную операцию с миссионерской работой	368
40. Австралия, 1973–1975	
Еще одни свободные выборы накрылись.....	372
41. Ангола, 1975–1980	
Великие державы играют в покер	380
42. Заир, 1975–1978	
Мобуту и ЦРУ — брак, заключенный на небесах	391
43. Ямайка, 1976–1980	
Ультиматум Киссинджера	400
44. Сейшельские острова, 1979–1981	
Еще одна территория большой стратегической важности	406
45. Гренада, 1979–1984	
Ложь — единственная индустрия роста в Вашингтоне.....	410
46. Марокко, 1983	
Роковое видео	423
47. Суринам, 1982–1984	
И снова кубинский призрак.....	425
48. Ливия, 1981–1989	
Рональд Рейган встречает свою пару	428
49. Никарагуа, 1978–1990	
Дестабилизация мелкими шагами	442
50. Панама, 1969–1991	
Как мы кинули нашего поставщика наркотиков.....	465
51. Болгария, 1990. Албания, 1991	
Обучение коммунистов демократии.....	478
52. Ирак, 1990–1991	
Бойня в пустыне	488
53. Афганистан, 1979–1992	
Американский джihad.....	517
54. Сальвадор, 1980–1994	
Права человека по-واشنطنски.....	538

55. Гаити, 1986–1994	
Кто избавит меня от этого буйного священника?.....	563
56. Американская империя	
с 1992 года по настоящее время	582
Приложения	595
Примечания	610

Об авторе

Уильям Блум (William Blum, род. 1933) — американский автор, историк-исследователь, активист, критик внешней политики США.

Он ушел из Государственного департамента США в 1967 году, отказавшись от госслужбы из-за несогласия с действиями США во Вьетнаме.

После увольнения основал и возглавил Washington Free Press — первую газету в Вашингтоне, содержание которой шло вразрез с официальными позициями США.

В 1969 году он написал и опубликовал материалы о ЦРУ, в которых раскрыл имена и адреса более чем двухсот кадровых сотрудников Управления.

Работал в качестве журналиста-фрилансера в США, Европе и Южной Америке. Во время пребывания в Чили в 1972–1973 годах писал о «социалистическом эксперименте» правительства Альенде и его падении в результате разработанного ЦРУ переворота. События в Чили вызвали чувство личной причастности и еще более укрепили интерес к деятельности правительства США в разных концах света.

В середине 1970-х в Лондоне работал вместе с бывшим сотрудником ЦРУ Филиппом Эйджи (Philip Agee) и его коллегами в рамках проекта по разоблачению преступлений ЦРУ.

В конце 1980-х Уильям Блум переехал в Лос-Анджелес, где написал несколько сценариев. Эти сценарии не были реализованы, поскольку речь в них шла о том, что не укладывалось в головах голливудских деятелей: об идеях и их последствиях.

В 1999 году получил премию проекта «Цензурированный» (Project Censored — премия за журналистские расследования калифорнийского университета Сонома) за «достойную подражания журналистскую работу». Премия была присуждена за статью о предоставлении Соединенными Штатами Ираку материалов для развития химического и биологического оружия в 1980-х; эта статья вошла в десятку наиболее цензурированных текстов в 1988 году.

В настоящее время живет и работает в Вашингтоне. Занимается написанием книг и ежемесячного «Антиимперского доклада» (The Anti-Empire Report).

Уильям Блум — автор ряда известных книг:
America's Deadliest Export: Democracy. The Truth about US Foreign Policy
and Everything Else, 2013.
Killing Hope: US Military and CIA Interventions Since World War II, 1995, 2004.
Rogue State: A Guide to the World's Only Superpower, 2005.
Freeing the world to death: Essays on the American Empire, 2004.
West-Bloc Dissident: A Cold War Memoir, 2002.
The CIA: A Forgotten History, 1986.

Сайт: www.killinghope.org

Предисловие от российских издателей

«Убийство демократии» Уильяма Блума — одна из тех редких работ, которые формируют мировоззрение человека и навсегда остаются в сознании.

Книга поражает даже тех людей, которые неплохо разбираются в истинных целях и методах внешней политики Соединенных Штатов. Четкий анализ 56 тайных и открытых вмешательств США в годы холодной войны, доказательно демонстрирующий глобальный масштаб американской агрессии и жестокую изощренность исполнения в каждом конкретном случае, наносит такой удар по иллюзиям и предвзятым идеям о политических процессах в мире, что после этого уже невозможно мыслить и действовать как раньше.

«Убийство демократии» доказывает, что Соединенные Штаты, вопреки их риторике и общепринятому мнению, занимались отнюдь не продвижением демократии. Наоборот, в одном государстве за другим, методично и безжалостно, напрямую и руками наемников, США уничтожали неугодные им мнения, движения, партии, людей, чтобы привести к власти своих ставленников, готовых обслуживать американские интересы. Ни одно государство, которое в XX веке попыталось взять независимый курс и провести прогрессивные реформы в интересах своего народа, не избежало безжалостного американского вмешательства. Уильям Блум приводит неумолимую статистику: с 1945 по 2003 год Соединенные Штаты пытались свергнуть правительства более чем в 40 государствах, подавили более 30 народно-патриотических движений, боровшихся против диктаторских режимов, нанесли бомбовые удары по 25 странам; в результате погибло нескольких миллионов человек, и еще миллионы были обречены жить в агонии и отчаянии.

В советскую эпоху любое стремление к независимости в Вашингтоне называли «коммунизмом». Уильям Блум, однако, показывает, что «советская экспансия» и «коммунизм» в подавляющем числе случаев служили лишь предлогом для американского вмешательства. Независимость и левые устремления, пишет автор, отнюдь не были навязаны Советским Союзом, а являлись инициативой народов многих государств — в некоторых случаях СССР помогал, но чаще нет.

В начале 2000-х на смену «коммунизму» в качестве предлога для агрессии пришел терроризм. А те государства, которым такую угрозу не припишешь, как России, становятся объектами жесткого политического давления по линии «отсутствия демократии» и «нарушений прав человека».

Книга Блума — это учебник по истинной внешней политике США. Это также наиболее полное описание инструментария открытой и скрытой деятельности американских внешнеполитических ведомств и спецслужб: от запуска воздушных шаров с пропагандистскими листовками и подделки талонов на еду с целью вызвать дефицит и недовольство населения до террористических актов «под чужим флагом» и открытых бомбардировок «агентом оранж».

Изначально антикоммунист, мечтавший о государственной службе, Уильям Блум, по его словам, потерял иллюзии об американской «демократии» в ходе Вьетнамской войны. В 1960-е он работал в Государственном департаменте США и изнутри увидел, что такая американская внешняя политика. В результате его миссией стало стремление «если не свернуть, то хотя бы остановить экспансию американской империи, которая причиняет столько страданий всему миру». Блум не стал коммунистом, он даже не был приверженцем советского строя; он исследует интервенции США с позиции честного историка и защитника истинной демократии как волеизъявления народа. При этом автор не только блестящий аналитик и глубокий историк, он также и известнейший активист, один из лидеров протesta против имперской политики США. Уильям Блум выступает на стороне независимости и самоопределения народов, социального прогресса и справедливости. Он верит в народ, верит в его способность выбрать правильный для себя путь и добиться успеха — если на его пути не окажутся поставленные Вашингтоном диктаторы, полицейские режимы и эскадроны смерти.

Книга Блума чрезвычайно актуальна сегодня. С разрушением Советского Союза США не изменили целеполагания — американская внешняя политика стала еще более агрессивной в отсутствии сдерживающего фактора. Теперь они могли безнаказанно бомбить Югославию и Ливию. В Сирии в 1957–1958 годах, как пишет Блум, переворот был организован подпольными методами, а сегодня США в открытую вооружают и обеспечивают боевую подготовку террористов в рамках силовой «смены режима». В Иране в 1953 году ЦРУ вместе с британскими спецслужбами свергли демократически избранного премьер-министра Мосаддыка и сегодня используют полную батарею политических, экономических, военных и подрывных методов против иранского руководства. Проблеме Каддафи, после 40 лет непрерывных американских атак, в марте 2011 года было найдено уникальное по своей жестокости и лицемерию «окончательное решение». Что касается Латинской и Центральной Америки, то государства этого региона, который США уже два века считают своим «задним двором», ни на год не сходили с оперативной карты открытых и секретных операций США.

О сегодняшних американских операциях в силу их засекреченности мы можем знать не все. Но прошлые вмешательства, теперь детально описанные,

наглядно показывают тактику, подходы, методы и модели поведения американской империи. Единственное, что меняется со временем, это технологическое обеспечение процесса — сегодня появились интернет и социальные сети.

«Убийство демократии» — третья книга в серии «Реальная политика», инициированной Институтом внешнеполитических исследований и инициатив. В этой серии мы публикуем ключевые издания западных авторов, раскрывающих подлинную, реальную политику США и их союзников — в противоположность той пропагандистской версии, которую нам подают из Вашингтона и проамериканских «гнезд» в России. Эти книги — настоящие учебники по политике Соединенных Штатов, американскому видению мира и средствам реализации этого видения. Это базовая информация, без которой невозможно обрести истинное понимание того, что происходило и происходит в мире. Если вы хотите сесть за пресловутую шахматную доску, вы обязаны знать, как разыгрывались подобные партии в прошлом. Знание истории освещает понимание настоящего и прогнозирование будущего.

Вероника Крашенинникова,
генеральный директор
Института внешнеполитических исследований и инициатив (ИНВИССИН)

Уильям БЛУМ К РОССИЙСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Враждебность США к России после холодной войны

Были ли когда-нибудь стоящие основания верить, что конец холодной войны явит лучший, более безопасный мир? Большинство населения планеты имело все основания расценивать происшедшие исторические события в положительном свете. Американскому народу были обещаны различные блага, которые последуют за окончанием холодной войны. Триллионы долларов могли бы тратиться на нужды людей вместо военных приготовлений. С окончанием «коммунистической опасности» и «коммунистической угрозы» противостояние между США и Советским Союзом, которое пагубно охватывало весь третий мир, должно было кануть в Лету.

Но этого не случилось, и никаких благ американский народ, конечно же, не получил. Военный бюджет США продолжал покорять космические вершины (образно и буквально), в то время как десятки миллионов американцев продолжали жить в постоянной нищете. Что же произошло на самом деле?

Главное, что случилось, — раскрылась настоящая сущность холодной войны. Холодная война была битвой Соединенных Штатов не только против Советского Союза. Это была битва Соединенных Штатов против стран третьего мира.

Америка отправилась во всемирный крестовый поход не для того, чтобы остановить советскую экспансию. Этот всемирный крестовый поход Америкиставил целью блокировать политические и социальные изменения, предпринятые народами третьего мира, которые не устраивали американскую правящую элиту.

Это не было благородным движением свободы и демократии против коммунистического тоталитаризма. Это было глубоко циничное движение Вашингтона в поддержку многочисленных диктаторов, защищавших американские капиталистические интересы в своих странах.

Советского Союза больше не существует. Его бывшие республики и союзники теперь независимые государства. Россия больше не является социалистической страной. У Америки больше нет оснований опасаться «международного коммунистического заговора». Однако Соединенные Штаты по-прежнему занимают активную враждебную позицию по отношению к России, окружая ее силами НАТО, системами ПРО, различными военными базами. Что же происходит?

Незыблемым осталось одно — одержимая решимость США доминировать в мире.

Но Россия остается сильной. Она обладает крупнейшим по величине ядерным арсеналом в мире и многочисленными системами доставки боеголовок. У России самые крупные в мире запасы нефти и газа. Россия высокоразвитая страна. Семьдесят лет холодной войны научили русских преодолевать благоговейный страх перед мифической Америкой. Какая другая ненатовская держава может стать таким мощным барьером против американской гегемонии в мире, как Россия? Только Китай, и сегодня Соединенные Штаты также окружают его и бросают ему вызов.

В годы холодной войны, прежде чем запустить интервенцию против какой-либо страны в третьем мире, washingtonские политики всегда должны были учитывать реакцию Советского Союза. Позиция СССР часто была единственным препятствием на пути «естественного права» Америки править в мире. Распад Советского Союза снял это препятствие. Вашингтон убежден, что ни Россия, ни Китай никогда не смогут вновь достичь того могущества, чтобы снова править в мире.

Предисловие

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ И АНТИКОММУНИЗМА

Страх перед тем, что коммунизм может в один прекрасный день захватить большую часть мира, зашорил нас настолько, что мы не видим того, как антисоветизм уже сделал это.

Майкл Паренти (Michael Parenti) [1]

Однажды, еще в самом начале боевых действий во Вьетнаме, один офицер-вьетконговец задал вопрос пленному американскому военнослужащему: «После войны мы считали вас героями. Мы читали американские книги, смотрели американские фильмы, и обычным желанием вьетнамца в то время было «стать таким же богатым и ловким, как американец». Что же произошло?» [2]

Десять лет до этого подобный вопрос мог задать американцу житель Гватемалы, Индонезии, Кубы или же уругваец, чилиец и грек десятилетие спустя. Доброжелательное отношение и доверие, которые питали к Соединенным Штатам народы других стран в конце Второй мировой войны, исчезали с каждой новой интервенцией, государство за государством отворачивались от них. Шанс построить разоренный войной мир заново, заложить основы мирной жизни, процветания и справедливости рухнул под тяжким грузом антисоветизма.

Этот груз накапливался исподволь, на самом деле с первого дня русской революции. Летом 1918 года американские войска численностью около 13 тыс. человек вторглись на территорию молодой Советской России. Два года спустя, потеряв тысячи солдат и офицеров, американцы убрались восвояси, так и не выполнив своей миссии, состоявшей в том, чтобы «задушить большевистское государство в колыбели», как выразился Уинстон Черчилль.

В то время молодой еще Черчилль был военным министром и министром королевского военно-воздушного флота. Именно ему принадлежит главная

роль одного из организаторов вторжения союзников (Великобритании, США, Франции, Японии и некоторых других стран) в Советскую Россию, войска которых выступили на стороне контрреволюционной Белой гвардии. Годы спустя Черчилль — уже как историк — написал о той редчайшей афере следующие строки в своих мемуарах, оставленных для потомков: [3]

«Находились ли они (союзники) в состоянии войны с Россией? Разумеется, нет; но советских людей они убивали без разбора. Они были захватчиками на русской земле. Они вооружали врагов советской власти. Они блокировали порты России и топили ее боевые корабли. Они действительно желали ей гибели и составляли планы по ее свержению. Но война — это же ужасно! Интервенция — это же позор! Им совершенно все равно, твердили они, как русские решают свои внутренние дела. Они были совершенно непредвзяты... стреляя!» [4]

Что же было такого в большевистской революции, если она так встревожила самые мощные державы мира? Что заставило их вторгнуться в страну, чья армия сражалась более трех лет в союзе с ними и понесла больше потерь, чем любое другое государство во время мировой войны?

Большевики осмелились заключить сепаратный мир с Германией, чтобы выйти из войны, которую считали империалистической и ни в коем случае не своей, и попытались восстановить изнуренную и опустошенную Россию. Но большевики пошли дальше этого и вознамерились свергнуть феодально-капиталистическую систему, провозгласив первое в истории человечества социалистическое государство, а это была уже наглость, не имеющая границ. Это было преступлением, за которое полагалось наказание, это был вирус, который подлежал уничтожению: иначе он заразит и их народы. Вторжение не достигло своей непосредственной цели, однако его последствия оказались глубокими, и они ощущаются по сей день. Профессор Университета Вандербильта (Vanderbilt University) Д. Ф. Флеминг (D. F. Fleming), историк холодной войны, отмечал:

«Для американского народа интервенция в Россию отнюдь не являлась трагедией космического масштаба — скорее, это был незначительный инцидент, давно забытый. Для народов же Советской России и их руководителей это время, наоборот, было периодом бесконечных убийств, мародерства и грабежей, болезней и голода, нескончаемых страданий десятков миллионов людей — трагедией, которая намертво врезалась в сознание нации, которая не будет забыта многими и многими поколениями, если вообще будет забыта когда-либо. И жестко регламентированная жизнь советских людей в течение многих лет может быть оправдана целиком их страхом перед тем, что капиталистические державы однажды вернутся, чтобы завершить свое дело. Поэтому не удивительно, что в своем обращении 17 сентября 1955 года в Нью-Йорке Председатель Совмина СССР Хрущев вдруг напомнил нам об интервенции, «времени, когда вы послали войска, чтобы задушить революцию», как он выразился» [5].

В докладе, опубликованном Пентагоном в 1920 году и посвященном этому вмешательству, являющимся дурным предзнаменованием бесчувственности сверхдержавы к проблемам других народов, читаем: «Эта экспедиция представляет собой прекрасный пример помощи народу, борющемуся за новую свободу в череде благородных, бескорыстных действий при очень трудных обстоятельствах» [6].

История не показала нам, как бы выглядел Советский Союз, если бы ему было позволено развиваться «нормальным» путем — путем, который он выбрал сам. Однако мы хорошо знаем суть того Советского Союза, который пережил вторжение уже на стадии становления, поднялся один в изоляции, находясь во враждебном окружении, а когда смог выжить и достичь зрелости, подвергся нападению со стороны военной машины нацистов с благословения западных держав. Как результат, незащищенность и страх перед внешней агрессией неизбежно привели к деформации характера народа подобно тому, как это происходит с отдельным человеком, выросшим в схожих условиях, когда его жизнь подвергается опасности.

Нам, живущим на Западе, не позволяют забывать политические недостатки (реальные и мнимые) Советского Союза, но в то же время никогда не напоминают о том, что скрывается за этими недостатками. Антикоммунистическая пропагандистская кампания началась даже раньше, чем интервенция. Еще не закончился 1918 год, а выражения: «красная опасность», «большевики атакуют цивилизацию», «красные являются угрозой для всего мира» уже пестрели на страницах газеты «Нью-Йорк таймс».

В феврале и марте 1919 года Юридический подкомитет Сената США проводил слушания, на которых рассматривались «ужасы, творимые большевиками». Характер некоторых показаний можно по достоинству оценить, просмотрев заголовки номера обычно сдержанной и уравновешенной газеты «Нью-Йорк таймс» от 12 февраля 1919 года:

УЖАСЫ, ТВОРЯЩИЕСЯ ПОД ВЛАСТЬЮ КРАСНЫХ. Р. Э. СИМОНС (R. E. SIMONS) И У. У. УЭЛШ (W. W. WELSH) РАССКАЗАЛИ СЕНАТОРАМ О ЖЕСТОКОСТЯХ БОЛЬШЕВИКОВ — ОНИ РАЗДЕВАЮТ ЖЕНЩИН НА УЛИЦАХ — ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВСЕХ КЛАССОВ, КРОМЕ ОТЪЯВЛЕННЫХ ПОДОНКОВ, ПОДВЕРГАЮТСЯ НАСИЛИЮ СО СТОРОНЫ ЧЕРНИ.

Историк Фредерик Льюис Шуман (Frederic Lewis Schuman) писал: «Конечным итогом этих слушаний... стало то, что Советскую Россию начали изображать как некое подобие сумасшедшего дома, населенного бесправными рабами, находящимися полностью во власти шайки маньяков-убийц, имеющих целью разрушить устои цивилизации и вернуть народ назад в варварство» [7].

Ни одну историю о большевиках не считали слишком надуманной, невероятной, гротескной или извращенной, чтобы ее не напечатать, чтобы не верить ей: начиная от национализации женщин и кончая пожиранием

младенцев (кстати, в этом язычники обвиняли ранних христиан, да и евреи выслушивали подобные обвинения в Средние века). Истории с жуткими подробностями о женщинах, ставших государственной собственностью и обязанных принудительно вступать в брак, рассказы о «свободной любви» и т. д. «передавались на всю страну по тысячам каналов», писал Шуман, «и они, наверное, сделали больше, чем все остальное, — для того чтобы создать в сознании американских граждан штамп о коммунистах, как о преступниках-извращенцах» [8]. Подобные сказки имели широкое хождение даже после того, как госдеп был вынужден официально объявить их все фальшивками. (О том, что советские люди едят своих детей, рассказывали членам политической организации «Общество Джона Берча» (John Birch Society) на их занятиях, по крайней мере, до 1978 года) [9].

К концу 1919 года, когда поражение союзников и Белой гвардии уже было весьма вероятным, газета «Нью-Йорк таймс» почевала своих читателей статьями под следующими заголовками:

30 декабря 1919 г. — «Красные стремятся к войне с Америкой».

9 января 1920 г. — «Официальные круги считают большевистскую угрозу на Ближнем Востоке крайне опасной».

11 января 1920 г. — «Официальные лица и дипломаты союзных стран полагают, что вторжение в Европу возможно».

13 января 1920 г. — «Дипломатические круги союзных стран боятся вторжения в Персию».

16 января 1920 г. — заголовок на первой полосе шириной в восемь колонок: «Британия грозит война с красными. Она созывает заседание совета в Париже». «Хорошо информированные дипломаты ожидают военного вторжения в Европу и наступления Советов в Юго-Восточной Азии». На следующее утро, однако, новое сообщение: «Никакой войны с Россией. Союзники готовы с ней торговать».

7 февраля 1920 г. — «Красные собирают армию для нападения на Индию».

11 февраля 1920 г. — «Угроза вторжения большевиков на территорию Японии».

Читателям «Нью-Йорк таймс» предлагали поверить в то, что угроза вторжения исходит от страны, разрушенной так, как немногие другие государства в истории человечества были разрушены; от страны, все еще пытающейся оправиться от ужасов Первой мировой войны, страдающей от хаоса, вызванного только что завершившейся коренной социальной революцией невиданного доселе масштаба, и ввергнутой в жестокую гражданскую войну против сил, пользующихся поддержкой ведущих держав мира. Промышленность этой страны, и ранее не считавшаяся передовой, лежит в руинах, а народ находится в тисках голода, который, прежде чем закончиться, унесет еще многие миллионы человеческих жизней.

В 1920 году журнал «Нью рипаблик» (The New Republic) представил подробный анализ новостных репортажей «Нью-Йорк таймс», посвященных российской революции и интервенции. Среди всего прочего журнал отметил,

что в течение двух лет после Октябрьской революции 1917 года «Нью-Йорк таймс» не менее 91 раза заявляла, что «Советы либо уже приближаются к виселице, либо уже нашли свой конец» [10].

Если реальность представляла такой на страницах столиц «уважаемого» издания, можно себе представить, каким дьявольским варевом потчевали своих читателей другие американские газеты.

Таковым было первое знакомство американского народа тогда с новым феноменом, появившимся в мире, так сказать, первой лекцией о сущности Советского Союза и штуке под названием «коммунизм». Студенты так и не оправились после этого урока, впрочем, как и сам Советский Союз.

Военная интервенция завершилась, однако агрессивная пропаганда никогда не прекращалась, за полным или частичным исключением периода Второй мировой войны. В 1943 году журнал Life посвятил целый выпуск достижениям Советского Союза, явно выйдя за рамки того, чего требовала солидарность военного времени; издание зашло так далеко, что называло Ленина, «возможно, самым великим человеком современности» [11]. Однако два года спустя, когда в Белом доме уже находился Гарри Трумэн (Harry Truman), такое выражение братских чувств вряд ли имело шанс на успех. В конце концов, именно Трумэн был тем человеком, который заявил через день после вторжения нацистов на территорию СССР: «Если мы увидим, что побеждает Германия, мы должны будем помогать России, а если начнет побеждать Россия, мы должны будем помогать Германии, и пусть они убивают друг друга как можно больше, хотя я не желаю победы Гитлера ни при каких обстоятельствах» [12].

Поводом для пропагандистской шумихи стал и советско-германский пакт 1939 года, хотя ее авторы полностью проигнорировали тот факт, что русские были вынуждены заключить его из-за неоднократного отказа западных стран, особенно США и Великобритании, объединить свои усилия с Москвой и выступить против Гитлера единым фронтом [13], также как и отказ прийти на помощь ориентирующемуся на социализм правительству Испании, которое боролось с агрессией немецких, итальянских и испанских фашистов начиная с 1936 года. Сталин прекрасно осознавал, что если Запад не защитит Испанию, то, конечно, не спасет и Советский Союз.

Начиная с «красной угрозы», о которой кричали в 1920-х, в эпоху маккартизма, свирепствовавшего в 1950-е, и вплоть до «крестового похода против империи зла», объявленного Рейганом в 1980-х, американский народ неустанно подвергался регулярным инъекциям антисоциализма. Американцы впитывают подобные идеи с молоком матери, черпают их из книг, комиксов и школьных учебников. Об этом кричат заголовки ежедневных газет, которые рассказывают гражданам обо всем, что те должны знать, то же самое проповедуют министры, вторят политики в своих предвыборных выступлениях, а на этом всем делает деньги журнал «Ридерс дайджест» (Reader's Digest).

В результате такой вероломной атаки на сознание граждан растет глубокое убеждение в том, что на мир было ниспослано ужасное проклятие, может быть, самим дьяволом, но в образе людей, и мотивы этих людей далеки от

нужд, умения, чувств и морали обычного человека, который управляет себе подобными; они вовлечены в чрезвычайно хитрый международный заговор, имеющий целью захватить весь мир и поработить его, руководствуясь не вполне понятными причинами, хотя зло не нуждается в других мотивах, кроме желания творить зло. Более того, любое заявление этих людей о том, что они являются разумными человеческими существами, стремящимися сделать мир и общество лучше, — есть притворство и обман с целью ввести в заблуждение других и прикрыть их коварство; репрессии и жестокости, творившиеся в Советском Союзе, представляют собой свидетельство полной несостоинственности добродетели и дьявольских намерений этих людей, в какой бы стране они ни находились и как бы они сами себя ни называли; и — что самое важное — единственная альтернатива, открытая для каждого в Соединенных Штатах, это возможность выбирать исключительно между американским образом жизни и образом жизни советским, и ничего между ними и за пределами этого пути построения мирового порядка не существует.

Примерно так все это видится простым гражданам США. Между тем и образованные, умудренные опытом люди, если копнуть поглубже и посмотреть, что скрывается за их внешней ученостью, оказывается, думают точно так же.

Для человека, выросшего в Соединенных Штатах, истинность анткоммунизма является сама собой разумеющейся, — как когда-то не вызывало никаких сомнений утверждение, что земля плоская, или как русский народ верил в виновность жертв сталинских чисток, искренне считая их изменниками Родины.

Чтобы понять превратности американской внешней политики после Второй мировой войны, необходимо учитывать предшествующую часть американской истории. Особенно это касается того вклада — как видно из этой книги, — что привнесли американские вооруженные силы, ЦРУ и другие ветви власти народам мира.

В 1918 году американским финансовым кругам не требовалось иных причин для того, чтобы развязать войну против коммунизма, кроме угрозы их богатствам и привилегиям — правда, их враждебность тогда выражалась лишь в терминах морального негодования.

В период между двумя мировыми войнами американская «дипломатия канонерок» действовала в Карибском море, чтобы сделать это «американское озеро» безопасным для судов компаний «Юнайтед фрут» (United Fruit) и «W. R. Grace & Co.» и одновременно предупредить большевистскую угрозу, выраженную в действиях таких людей, как никарагуанский повстанец Аугусто Сандино.

К концу Второй мировой войны каждый американец старше сорока лет прожил приблизительно 25 лет в условиях облучения анткоммунистической истерией — период, достаточный для развития злокачественных образований. Анткоммунизм породил собственную модель жизни, независимую от ее капиталистического «родителя». Вашингтонские политики и дипломаты средних лет в послевоенный период все чаще и чаще рассматривали весь мир как состоящий из «коммунистов» и «анткоммунистов», а не из наций, дви-

жений или отдельных индивидуумов. Это видение мира, похожее на комикс с праведными американскими суперменами, борющимися везде с коммунистическим злом, превратилось из циничных пропагандистских упражнений в моральный долг американской внешней политики.

Даже концепция «третьего пути», подразумевающая некоторую степень нейтралитета, получила только скучную легитимность в этой парадигме. Джон Фостер Даллес (John Foster Dulles), один из главных архитекторов послевоенной американской внешней политики, кратко выразил это с присущим ему морализмом: «Для нас существуют два типа людей в мире: есть христиане, поддерживающие свободное предпринимательство, и все остальные» [14]. Как подтверждают некоторые тематические исследования в данной книге, Даллес воплотил свое кредо в твердую практику.

Слово «коммунист» (как и «марксист») было настолько затаскано и извращено американскими руководителями и СМИ, что потеряло свой фактический первоначальный смысл. Но ведь даже простое наличие названия чего-то — ведьм или летающих тарелок — предполагает определенную веру в его существование.

В то же время американскую общественность, как мы увидели, основательно натренировали, чтобы она реагировала на этот термин, словно «собаки Павлова» на звук: он, «коммунизм», означал и худшие беззакония сталинской эпохи — от массовых репрессий до сибирских гулаговских лагерей; он означал, как заметил Майкл Пэренти (Michael Parenti), что «классические марксистско-ленинские прогнозы [относительно мировой революции] рассматриваются в качестве заявок на практические действия современного коммунизма» [15]. Это означало «мы» против «них».

Среди «них» мог быть филиппинский крестьянин, никарагуанский граффитчик, законно избранный премьер-министр в Британской Гвиане или европейский интеллектуал. Среди «них» мог оказаться камбоджийский сторонник «третьего пути» или африканский националист — все они были каким-то образом частью единого заговора, каждый из «них» в некотором роде оказывался угрозой американскому образу жизни; любая страна, даже маленькая, очень бедная или расположенная слишком далеко, все равно представляла угрозу, «коммунистическую угрозу».

События, описанные в этой книге, ярко демонстрируют, что для агрессоров никогда не было по-настоящему важно, называли себя какие-то люди, политические партии, общественные движения или правительства «коммунистами» или нет. Не имело никакого значения — были они специалистами по диалектическому материализму или же никогда не слышали о Карле Марксе; были они атеистами или священниками; была сильная и влиятельная коммунистическая партия на политической арене или нет; пришло правительство к власти путем кровавой революции или же мирных выборов. Все были целями, все были «коммунистами».

Еще меньшее значение в этой картине мира имело присутствие советского КГБ. Часто звучалось утверждение, что ЦРУ выполняет свои грязные

трюки в основном *как ответ* на операции КГБ, которые были «еще более грязными». Это чистейший обман. Возможно, и были отдельные случаи такого рода в ходе деятельности ЦРУ, но они остались тайной. Отношения между двумя зловещими агентствами отмечены более глубокими дружбой и уважением к коллегам-профессионалам, чем рукопашная схватка. Бывший сотрудник ЦРУ Джон Стоквелл (John Stockwell) написал:

«На самом деле в ходе большинства рутинных операций оперативные сотрудники больше опасались американского посла и его сотрудников, сдерживающих действия штаба, и еще любопытных, сплетничающих местных жителей, которые могли стать угрозой для операций. Тогда прибыла бы местная полиция, за ней и пресса. Последними из всех было КГБ, за мои 12 лет службы я никогда не видел или не слышал о ситуации, в которую бы КГБ вмешивался или затруднял какую-либо операцию ЦРУ» [16].

Стоквелл добавляет, что различные разведывательные службы не хотят «усложнять» жизнь, убивая друг друга:

«Так не поступают. Если у оперативного сотрудника ЦРУ вдруг темной ночью на пустынной дороге спустится шина, он без смущения примет предложение подвезти его от сотрудника КГБ, и, вероятно, эти двое еще заедут в какой-нибудь бар, чтобы вместе выпить. Фактически работники ЦРУ и КГБ частенько приглашали друг друга в гости домой. В архивах ЦРУ полно упоминаний о таких отношениях почти на каждом Африканском участке» [17].

Сторонники теории «борьбы огня с огнем» временами схлестываются и утверждают, что если КГБ, например, приложил руку к свержению правительства Чехословакии в 1968 году, то для ЦРУ вполне приемлемо приложить руку к свержению правительства Чили в 1973 году. Якобы уничтожением демократии КГБ вносит денежные средства на банковский счет, с которого затем ЦРУ оправданно может их снять.

Что же тогда связывало различные объекты американской агрессии, что вызывало гнев, а то и грохот пушек самой могущественной страны в мире? Фактически в каждом из случаев, касающихся стран третьего мира, описанных в этой книге, это была в той или иной форме политика «самоопределения»: желание, рожденное необходимостью и принципом, следовать независимым от целей внешней политики США путем развития. Обычно это прослеживалось в: а) стремлении освободить себя от экономической и политической зависимости от США; б) отказе свести на нет отношения с социалистическим блоком, отказе от подавления «левых» у себя дома или отказе от размещения американских военных баз на своей территории — короче говоря, отказе быть пешкой в холодной войне; в) попытке переделать или заменить правительство, которое не придерживалось ни одного из этих направлений, правительством, поддерживаемым Америкой.

Такая политика независимости проявлялась в деятельности многочисленных лидеров и революционеров третьего мира, при этом на нее нельзя навешивать ярлык «прокоммунистической» или «антиамериканской», их позиция была простым проявлением нейтралитета или неприсоединения к той или иной сверхдержаве. Однако, как мы увидим, США не были готовы мириться с таким положением вещей. Арбенс в Гватемале, Мосаддык в Иране, Сукарно в Индонезии, Нkruma в Гане, Джаган в Британской Гвиане, Сианук в Камбодже... — все они, настаивал Дядя Сэм, должны однозначно занять сторону «свободного мира» или ответить за последствия отказа. Случай отказа от неприсоединения Нkrума (Nkrumah) описал следующим образом:

«Суть эксперимента, который мы предприняли в Гане, состоял в том, чтобы развивать страну, сотрудничая со всем миром как единым целым. Неприсоединение означало именно то, что и должно означать это слово. По сравнению с правительствами старых колониальных держав мы не были враждебны странам социалистического мира. Следует напомнить, что в то время как у себя дома британская метрополия следовала курсу сосуществования с Советским Союзом, британским колониальным террииториям никогда это не позволялось делать. Книги по социализму, которые публиковались и находились в свободном доступе в Великобритании, были запрещены в британской колониальной империи, и после того как Гана стала независимой, за границей предполагали, что страна продолжит следовать тем же самым сдерживающим идеологическим методам. Когда же мы повели себя так же, как и британцы в отношениях с социалистическими странами, нас обвинили в том, что ведем просоветский курс и несем самые опасные идеи в Африку» [18].

Это напоминает о событиях Американского юга XIX столетия, когда множество жителей южных штатов были обижены до глубины души, что такое большое количество их темнокожих рабов сбежало в ходе гражданской войны на сторону северян. Они действительно полагали, что черные должны были быть благодарны за все то, что их белые хозяева сделали для них, и что они были счастливы и довольны своей судьбой. Знаменитый хирург и психолог из штата Луизиана доктор Сэмюэль А. Карtright (Samuel A. Cartwright) вполне серьезно утверждал, что многие рабы пострадали от формы психического заболевания, которое он назвал «драпетомания», симптомом чего было не поддающееся контролю стремление сбежать из рабства. Во второй половине XX века эта болезнь в странах третьего мира обычно называлась «коммунизмом».

Возможно, наиболее укоренившимся антикоммунистическим предрассудком стала убежденность в том, что Советский Союз (или Куба, или Вьетнам и т. д., действующие как суррогат Москвы) — это тайная сила, скрывающаяся за фасадом самоопределения, но имеющая целью разбудить гидру революции или просто устроить беспорядок — здесь и там, везде, где только можно; еще одно воплощение, правда, в намного большем масштабе, пресловутого

«внешнего врага», который регулярно появляется на протяжении всей истории. Король Георг обвинял французов в подстрекательстве американских колоний к восстанию; разочарованные американские землевладельцы и ветераны боевых действий, протестующие против своего тягостного экономического положения после революции (восстание Шейса), клеймились как британские агенты, стремящиеся разрушить новую республику; трудовые забастовки в конце XIX века в Америке являлись рукой «анархистов» и «иноземцев», во время Первой мировой войны — «немецких агентов», после войны — «большевиков».

А в 1960-х американская «Национальная комиссия по причинам и предотвращению насилия» заявила, что Джон Эдгар Гувер (J. Edgar Hoover) «смог навязать полиции убеждение, что массовые протесты любого вида являются следствием распространения тайных заговоров агитаторами, обычно коммунистами, «которые дезориентируют думающих иначе людей» [19].

Последняя ключевая мысль, которая раскрывает сущность конспирологического менталитета людей, пребывающих во власти, — это идея о том, что никакой народ, за исключением того, кто живет под властью врага, не может быть столь несчастным и недовольным, чтобы прибегать к революции или массовым протестам; это — исключительно агитация внешних сил, которые сбивают всех с истинного пути.

Таким образом, если бы Рональд Рейган допустил, что у народа Сальвадора есть серьезные основания для протестов против своего ужасного существования, это поставило бы под вопрос его обвинения Советского Союза (и только его ли?) в том, что именно он со своими кубинскими иникарагуанскими союзниками является главным, кто подстрекает сальвадорцев: мол, это везде — магическая сила коммунистов, которая легким движением «красной руки» превращает мирных, счастливых людей в яростных партизан. И это поставило бы под вопрос и целесообразность американского вмешательства. ЦРУ прекрасно известно, насколько это сложный трюк. ЦРУ, как мы увидим, пыталось поднять массовые восстания в Китае, на Кубе, в Советском Союзе, Албании и всюду в Восточной Европе без единого шанса на успех. Сотрудники Управления возложили вину за эти неудачи на «закрытый» характер обществ, вовлеченных в эти события. Но в некоммунистических странах ЦРУ вынуждено было прибегать к военным переворотам или иным уловкам, чтобы поставить у руля своих людей. ЦРУ ни разу не смогло разжечь пламя народной революции.

Если уж считать благом вмешательство Вашингтона в революционные процессы третьего мира, то имеет смысл задать вопрос: почему Соединенным Штатам, если они обязательно должны вмешиваться, не стать на сторону восставших? Это могло бы не только послужить во благо прав человека и справедливости, но и позволило бы перехватить инициативу у Советского Союза. Не будет ли это лучшим способом разрушить мировой коммунистический заговор? Но это — вопрос, который не осмеливались озвучивать в Овальном кабинете, вопрос, который имеет отношение ко многим историям в этой книге.

Вместо этого Соединенные Штаты по-прежнему остаются верными политике установления и/или поддержки самой отвратительной тирании в мире, с ее бесчинствами против своих собственных граждан, с которыми мы сталкиваемся ежедневно на страницах наших газет: зверская резня; систематические изощренные пытки; публичные порки; солдаты и полицейские, стреляющие в толпу; правительственные поддержка эскадронов смерти; десятки тысяч пропавших без вести людей; экономическая разруха... Все это стандартный «стиль жизни» практически всех союзников Америки — от Гватемалы, Чили и Сальвадора до Турции, Пакистана и Индонезии. Зато все они денно и нощно готовы к «священной войне против коммунизма», все они — страны «свободного мира», мира, о котором мы слышим так много, а видим так мало.

Нарушения гражданских свобод, имеющие место в коммунистическом блоке, при всей их серьезности бледнеют по сравнению с доморощенными освенцимами «свободного мира»; эти нарушения не имеют никакого отношения и не идут ни в какое сравнение с разного рода американскими вмешательствами, совершаемыми якобы ради высшего блага. И только странный интеллектуальный ландшафт, заселенный закоренелыми антикоммунистами, считает по-другому.

Интересно отметить, что как для американских лидеров уже стало привычным говорить о свободе и демократии, поддерживая разного рода диктатуры, так и советские лидеры говорят о национально-освободительных войнах, антиимпериализме и антиколониализме, при этом на практике они делают слишком мало в подтверждение этих слов, что бы там по этому поводу ни говорила американская пропаганда. Советский Союз считал себя лидером стран третьего мира, но оставался безучастным зрителем, ограничиваясь лишь недовольным ворчанием, когда прогрессивные движения или даже коммунистические партии в Греции, Гватемале, Британской Гвиане, Чили, Индонезии, на Филиппинах и в других странах терпели поражение из-за натиска американцев.

В начале 1950-х годов Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США спровоцировало несколько военных вторжений в коммунистический Китай. В 1960 году самолеты ЦРУ безо всякого повода бомбили суверенное государство Гватемала. В 1973 году Управление инспирировало кровавое восстание против правительства Ирака. В американских средствах массовой информации и, соответственно, в мыслях американцев этих событий вообще не было.

Фраза «мы не знали, что происходило» стала клише для высмеивания тех немцев, которые утверждали, что не ведали о событиях, совершаемых при нацистах. Был ли действительно их дежурный ответ так неправдоподобен, как нам кажется? По трезвому размышлению следует отметить, что в нашу эру скоростных глобальных коммуникаций Соединенным Штатам во многих случаях удавалось развернуть ограниченные или крупномасштабные военные операции, предпринять другие, не менее вопиющие формы агрессии без ведома американской общественности — люди узнавали о них только несколько лет спустя, если узнавали вообще. Часто единственное упоминание о собы-

тии или участии США исходило от коммунистических правительств — тип новостей, которые американский народ приучили отмечать без обсуждения, а прессу — не развивать; точно так же немецкий народ учили, что новости из-за границы о нацистских преступлениях были не более чем коммунистической пропагандой.

За редким исключением случаи агрессии никогда не становились заголовками газет или темами вечерних теленовостей. Некоторые кусочки истории всплывали тут и там, но редко объединялись в единое целое, чтобы сформировать связную и ясную картину происходящего. Подробности обычно появляются спустя долгое время после события, спокойно похороненного среди других историй, столь же беспечно забытых. Лишь иногда они вырывались на передний план, когда это диктовалось чрезвычайными обстоятельствами: например, захват в заложники сотрудников американского посольства и других граждан США иранцами в Тегеране в 1979 году вызвал массу статей о роли Соединенных Штатов в свержении иранского правительства в 1953 году. Редакторов изданий как будто подвели к мысли: «Послушайте, что же мы такого *наделали* в Иране, что заставило их всех так нас ненавидеть?».

И хотя в недавнем прошлом Америки было много таких «иранов», но поскольку они не привлекли внимания «Нью-Йорк дейли» или «Лос-Анджелес таймс», не брали за шиворот американцев и не тыкали их лицом в происходящее, а NBC не связывало все это в реальную картину реальных людей для своей аудитории, — эти столкновения не стали событиями для большинства американцев, и они могут честно сказать: «Мы не знали, что происходило».

Бывший китайский премьер-министр Чжоу Эньлай (Chou En-lai) однажды подметил: «Одна из удивительных особенностей американцев — это то, что у них нет абсолютно никакой исторической памяти».

Дело, возможно, обстоит еще хуже, чем он себе представлял. Во время несчастного случая на АЭС «Три-Майл-Айленд» в Пенсильвании в 1979 году японский журналист Ацуо Канеко (Atsuo Kaneko) из японской информационной службы Киото провел несколько часов, интервьюируя людей, временно размещенных на хоккейном поле; в основном это были дети, беременные женщины и молодые матери. Он обнаружил, что никто из них не слышал о Хиросиме. Упоминание этого слова упиралось в стену непонимания [20].

Также в 1982 году судья в Окленде, штат Калифорния, сказал, что был потрясен, когда опросил приблизительно 50 будущих присяжных заседателей для суда по делу об убийстве и «никто из них не знал, кто такой Гитлер» [21].

Для внешнеполитической олигархии в Вашингтоне это больше, чем естественно. Это — непременное условие.

Отчеты об американском вмешательстве были столь засекречены, что в 1975 году, когда исследовательской службе библиотеки Конгресса (Congressional Research Service) поручили провести исследование всех тайных на тот момент действий ЦРУ, она смогла отыскать только очень незначительную часть заграничных инцидентов, представленных в данной книге за тот же самый период [22].

Вся эта информация, которая прорвалась в массовое сознание или в школьные тексты, энциклопедии и другие стандартные справочные издания, вполне могла быть подвергнута строгой цензуре в Соединенных Штатах.

Читателю предлагается ознакомиться с соответствующими разделами в трех основных энциклопедиях страны: «Американской» (Americana), «Британники» (Britannica) и «Кольера» (Colliers). Образ энциклопедии в качестве конечного хранителя объективных знаний терпит фиаско. Непризнание такими уважаемыми изданиями американских интервенций происходит оттого, что они позаимствовали схожий с документами Пентагона критерий, что вполне соответствует стилю вashingtonских чиновников. «Нью-Йорк таймс» обобщила это очень интересное явление таким образом:

«Тайные операции против Северного Вьетнама, например, не видны... как и нарушение Женевских соглашений 1954 года, завершивших колониальную войну Франции в Индокитае, или как противоречащая публичным заявлениям государственная политика различных министерств и ведомств. Тайные операции, в силу их засекреченности, не существуют — с позиции международных договоров и общественного мнения страны. Далее, секретные обязательства перед другими странами вовсе не рассматриваются как нарушение компетенции заключения международных договоров Сенатом, ибо эти обязательства публично не признаны» [23].

Фактическая цензура, которая оставляет так много американцев по-настоящему непросвещенными в истории иностранных дел США, может быть еще более эффективной, потому что она не является чересчур официозной, сложной или конспирологической, так как она бесхитростно вплетается в ткань образования и СМИ. Не нужно никакого заговора. Редакторам «Сборника новостей» (Reader's Digest) и «Американских новостей и мировых сводок» (U. S. News & World Report) нет необходимости тайно встречаться с представителями «Эн-би-си» (NBC) на конспиративной квартире ФБР, чтобы запланировать сюжеты и программы следующего месяца. Истина заключается в том, что эти люди не достигли бы занимаемых ими должностей, если бы они сами не прошли по тем же туннелям закамуфлированной истории, выходя оттуда с избирательной памятью и общепринятым мнением.

«Переворот в Китае — это революция, вызванная, если проанализировать, теми же причинами, что и британская, французская и американская революции» [24]. Это — космополитическое и великодушное мнение Дина Раска (Dean Rusk), тогда еще заместителя госсекретаря по дальневосточным делам, позже госсекретаря США. Когда мистер Раск говорил это в 1950 году, другие члены его правительства активно участвовали в заговоре с целью свержения китайского революционного правительства.

Это было обычным явлением. Во многих случаях, описанных далее в этой книге, можно найти высказывания вashingtonских чиновников высшего и среднего звена, которые ставят под вопрос политику вмешательства, выражая-

ют дурные предчувствия, основанные или на принципах (иногда показывая лучшие стороны американского либерализма), или на озабоченности, что вмешательство не послужит достижению достойной цели, а то и вовсе приведет к катастрофе. Я придавал мало значения таким расходящимся во мнениях заявлениям; так же, в конечном счете, делали и те, кто принимал решения в Вашингтоне, которые в острой мировой обстановке разыгрывали антикоммунистические карты. Представляя в книге вмешательства США, я заявляю, что американская внешняя политика является именно тем, что она делает.

В 1993 году я столкнулся с обзором книги о людях, отрицающих реальность холокоста. Я написал автору, профессору из университета, что ее книга заставила меня задаться вопросом, знала ли она о существовании холокоста, совершенного Америкой, и что его отрицание превосходит по силе отрицание нацистского холокоста. Оправдание американского холокоста настолько широко и глубоко, что люди, отрицающие его, даже не знают о существовании несогласных с ними или их аргументах. Между тем несколько миллионов человек погибли в результате американского холокоста, еще больше были обречены жить в нищете и муках в результате американских вмешательств, начиная от Китая и Греции в 1940-х до Афганистана и Ирака в 1990-х. Я приложил список этих вмешательств, которые, конечно же, являются главной темой этой книги.

В своем письме я также предложил обменяться экземплярами наших книг, но она написала мне, что не хочет этого делать. И это было все, что она сказала. Она не прокомментировала остальную часть письма, касающуюся отрицания американского холокоста, как бы не обратив внимания, что я поднял этот вопрос. Ирония отрицания ученым нацистского холокоста и участие в подобном опровержении американского холокоста достаточно показательны. Меня озадачило, почему хороший ученый не соизволил ответить вовсе.

Ясно, что если мои тезисы не удостоились ответа от научного человека, то в других кругах я и мои тезисы столкнулись с крутым противодействием. В 1930-х, а затем снова после войны в 1940–1950-х, антикоммунисты различных мастей в Соединенных Штатах изо всех сил старались разоблачить преступления Советского Союза, такие как массовые убийства и репрессии. Но произошла странная вещь. Истина, казалось, не имела значения. Американские коммунисты и сочувствующие продолжали поддерживать Кремль. Даже допуская преувеличение и дезинформацию, регулярно оплачиваемую антикоммунистами и вредящую их репутации, продолжительное игнорирование и/или отрицание такой ситуации американскими «левыми» просто достойны уважения.

К концу Второй мировой войны, когда победоносные союзники обнаружили немецкие концентрационные лагеря, в некоторых случаях немецких граждан из близлежащих городов привозили туда, заставляя встретиться лицом к лицу с этим учреждением, с горами трупов и все еще живыми скелетоподобными людьми; некоторые почтенные бургеры даже были вынуждены

хоронить мертвых. Каков был бы удар по американской психике, если бы заставить истинно верующих и отрицающих эти события людей посмотреть на последствия прошедшего полувека американской внешней политики? Что если бы все эти милые, аккуратные и подтянутые, здоровые американские парни, которые сбрасывали бесконечный тоннаж бомб на дюжину разных стран, на людей, о которых они ничего не знали, — словно они персонажи видеоигры — увидели бы свои мишени и понюхали бы запах горящей плоти?

Стало общепринятым мнением, что упорная жесткая антикоммунистическая политика правительства Рейгана с ее изнуряющей гонкой вооружений привела к краху и изменению Советского Союза и его сателлитов. Американские книги по истории, возможно, уже начали высекать этот тезис в мраморе. Тори в Великобритании говорят, что Маргарет Тэтчер и ее жесткая политика также способствовали этому «чуду». Восточные немцы тоже верили в это. Когда Рональд Рейган посетил Восточный Берлин, люди приветствовали его и благодарили «за его роль в освобождении Востока». Даже многие левые аналитики, в частности те, кто был причастен к заговору, верили в это.

Но эта точка зрения не является общепризнанной; так и не должно быть.

Ведущий в течение длительного времени советский эксперт по Соединенным Штатам Георгий Арбатов, директор московского Института США и Канады, написал свои мемуары в 1992 году. В рецензии его книги для «Лос-Анджелес таймс» Роберт Шир (Robert Scheer) подвел частичный итог:

«Арбатов очень хорошо понимал недостатки советского тоталитаризма в сравнении с экономикой и политикой Запада. Из этой откровенной и детальной биографии становится ясно, что желание перемен исподволь развивалось внутри самых высших коридоров власти сразу же после смерти Сталина. Арбатов не только представляет существенные доказательства противоречивой точки зрения, что эти перемены произошли бы и без давления извне, он настаивает, что американское военное наращивание сил в течение срока правления Рейгана на самом деле препятствовало этому развитию» [25].

Джордж Ф. Кеннан (George F. Kennan) с этим согласен. Бывший американский посол в Советском Союзе и идеальный отец теории «сдерживания» СССР утверждал, что «предположение, будто какая-либо администрация Соединенных Штатов имела возможность реально повлиять на курс колossalного внутреннего политического переворота в другой великой стране, на другом конце земного шара, — просто ребячество». Он настаивает, что чрезвычайная милитаризация американской политики укрепила позиции сторонников жесткого курса в Советском Союзе. «Таким образом, основной эффект экстремизма холодной войны заключался в том, что это скорее задерживало, чем ускоряло большие изменения, охватившие Советский Союз» [26].

Хотя, безусловно, затратная гонка вооружений нарушила устои советской гражданской экономики и общества еще больше, чем в Соединенных Штатах, так как она продолжалась на протяжении 40 лет — до прихода к власти

Михаила Горбачева, но без малейшего намека на неминуемый крах. Близкий советник Горбачева — Александр Яковлев на вопрос, заставили ли Советский Союз более высокие военные расходы правительства Рейгана в совокупности с его риторикой об «империи зла» занять более сговорчивую позицию, ответил:

«Это не играло никакой роли. Никакой. Я могу сказать Вам это с полнейшей ответственностью. Горбачев и я были готовы к изменениям в нашей политике независимо от того, был ли американским президентом Рейган, или Кеннеди, или кто-то еще более либеральный. Было ясно, что наши военные расходы огромны, и мы должны были их сократить» [27].

Понятно, что некоторые советские руководители не захотят признать, что они были вынуждены совершить революционные изменения из-за их злейшего врага, что они проиграли в холодной войне. Однако в этом вопросе мы не можем полагаться на мнение какого-либо одного конкретного человека, русского или американца. Мы просто должны взглянуть на исторические факты.

С конца 1940-х и приблизительно до середины 1960-х американской стратегической целью было спровоцировать крушение советского правительства и нескольких восточноевропейских режимов. Сотни российских эмигрантов со-организовывались, обучались и снаряжались ЦРУ, затем тайком отправлялись обратно на родину создавать шпионские сети, организовывать вооруженную политическую борьбу, совершать убийства и акты саботажа: крушения поездов, взрывы мостов, порчу военных предприятий и электростанций, и так далее. Советское правительство, задержавшее многих из этих людей, было, конечно, прекрасно осведомлено, кто за всем этим стоит.

Администрация Рейгана могла расценивать такую политику как одну из причин возможной капитуляции. Однако какими были плоды этой ультра-жесткой антикоммунистической политики? Регулярные серьезные конфронтации между Соединенными Штатами и Советским Союзом в Берлине, на Кубе и в других странах, советские вмешательства в Венгрии и Чехословакии, образование Варшавского договора (прямой ответ на создание НАТО), никакой *гласности*, никакой *перестройки*, только сеяние подозрительности, цинизма и враждебности с обеих сторон. Оказалось, что после всего этого русские остались людьми — они отвечали твердостью на твердость. И следствие: на протяжении многих лет прослеживалась прямая взаимосвязь между дружелюбным настроем в советско-американских отношениях и числом евреев, эмигрировавших из Советского Союза [28]. Мягкость породила мягкость.

Если и есть персоны, которым следует приписать изменения, произошедшие в Советском Союзе и Восточной Европе — как выгодные, так и сомнительные, — то это, конечно, Михаил Горбачев и люди, которых он вдохновил. Нужно помнить, что Рейган находился у власти более четырех лет, прежде чем Горбачев пришел к власти, а Тэтчер — в течение шести, но за это время ничего значительного на пути советских реформ не произошло, несмотря на неутихающую озлобленность Рейгана и Тэтчер к коммунистическому государству.

Часто выдвигается аргумент, что легко задним числом хулигать американскую манию холодной войны ради национальной безопасности страны — со всей ее прогрессирующей паранойей и нелепостью, ее натовской надгосударственной военной могущественной силой, ее системами дальнего радиолокационного обнаружения и тренировками воздушных налетов, ее ядерными бункерами и самолетами-разведчиками U-2. Но после войны в Европе Советский Союз действительно выступил десятифутовым монстром, представляющим угрозу всему миру.

Этот аргумент разбивается вдребезги от единственного вопроса, который достаточно было задать: зачем СССР вторгаться в Западную Европу или бомбить Соединенные Штаты? Он явно ничего не выиграл бы такими действиями, разве что получил бы гарантированное разрушение своей страны, которая только начинала восстанавливаться после войны.

К 1980-м вопрос, который не осмелились задать, породил военный бюджет в 300 млрд долларов и программу «звездных войн».

На самом деле, в наличии имеются многочисленные внутренние документы государственного департамента, Министерства обороны и ЦРУ послевоенного периода, в которых политологи один за другим ясно дают понять свой серьезный скептицизм относительно «советской угрозы» — раскрывая существенные военные слабости русских и/или оспаривая их предполагаемые агрессивные намерения, — в то время как высокопоставленные лица, включая президента, публично озвучивали явно противоположные мнения [29].

Историк Роджер Моррис (Roger Morris), бывший член Совета национальной безопасности при президентах Джонсоне и Никсоне, описал это явление так:

«Творцы американской политики должны были делать свое дело «честнее, чем сама правда», и «вдалбливать в массовое сознание мнение правительства», как выразился госсекретарь Дин Ачесон (Dean Acheson)... Они это делали. Новое Центральное разведывательное управление начинает систематическое завышение советских военных расходов. Чудесным образом на американских правительственных диаграммах склеротическую советскую экономику заставляют жужжать и расти вверх. К конной армии Сталина — в комплекте с дрянным вооружением, разрушенными войной дорогами и лживой моралью — Пентагон добавляет фиктивные подразделения и затем вдобавок приписывает новым силам сценарии вторжения.

Американские деятели «преувеличили советские возможности и намерения до такой степени», говорится в последующем исследовании архивов, «что удивительно, кто вообще воспринимал их всерьез». Подпитываемые мрачными правительственными заявлениями и отражающимся общественным страхом, американская пресса и люди не видели в этом ничего странного [30].

Тем не менее, продолжают настаивать оппоненты, было много чиновников, занимавших высокие посты, которые просто искренне не поняли советских сигналов. Советский Союз, говорили они, был очень деспотич-

ным и закрытым обществом, особенно до смерти Сталина в 1953 году. Так, в 1983 году бывший консервативный член парламента Великобритании Эnoch Пауэлл (Enoch Powell) заметил:

«Международное недопонимание почти всегда полностью произвольно: международное недопонимание — это противоречие, ведь для того, чтобы что-то сознательно неправильно понять, нужно по крайней мере понимать, что нуждается в понимании... [Недопонимание Америкой Советского Союза] имело функцию поддержания мифа — мифа о Соединенных Штатах как «последней, лучшей надежде человечества». Святой Георгий и Дракон — жалкое зрелище без реального дракона, желательно покрупнее и более чешуйчатого, в идеале извергающего из пасти пламя. Недопонимание Советской России стало незаменимо для самооценки американской нации: и она не была бы благосклонна к тем, кто попытался бы ее этого лишить» [31].

Можно также приводить доводы в пользу того, что веру нацистов в большую опасность, исходящую от «международного еврейского заговора», следует рассматривать в первую очередь и только потом осуждать преступников холокоста.

И американцы, и немцы верили собственной пропаганде или делали вид, что верят. При чтении *Mein Kampf* поражает тот факт, что в значительной части то, что Гитлер писал о евреях, перекликается с тем, что американские антикоммунисты писали о коммунистах: они исходят из той предпосылки, что евреи (коммунисты) — это зло и хотят доминировать над миром; далее, любое поведение, которое, оказывается, противоречит этому, рассматривается как простая уловка для того, чтобы одурачивать людей и доводить свое дело до конца, такое поведение всегда является частью заговора, в который вовлечено множество людей. Гитлер приписывает евреям великую, практически мистическую силу манипулирования обществом и экономическими системами. Он обвиняет евреев в «бедах», связанных с промышленной революцией, — например, классовом расслоении и борьбе между ними. Он открыто осуждает евреев за интернационализм и отсутствие национального патриотизма.

Были, конечно, и такие «бойцы холодной войны», которые уверяли, что главный план мирового господства Кремля заключался в грубом вторжении в Западную Европу или сбрасывании бомб на Соединенные Штаты. Имелся и более тонкий, можно сказать, дьявольски умный план свержения: изнутри, страна за страной, через страны третьего мира, окружить и удушить «Первый Мир» — поистине международный коммунистический заговор, «заговор», — сказал сенатор Джозеф Маккарти (Joseph McCarthy), — в столь огромном масштабе, который затмит любое предыдущее такое предприятие в истории человечества».

Этому факту и уделяется основное внимание в данной книге: как Соединенные Штаты во всем мире боролись с этим заговором везде и когда угодно, как только он напоминал о себе.

Существовал ли международный коммунистический заговор на самом деле?

Если он действительно существовал, почему «бойцы холодной войны» ЦРУ и других правительственные учреждений должны были идти на такие невероятнейшие преувеличения? Если они по-настоящему верили в существование дьявольского, единого международного коммунистического заговора, с какой стати они должны были выдумывать так много о нем, чтобы убеждать американский народ, Конгресс и остальной мир в существовании этого зла? Зачем им нужно было закулисно руководить, устраивать ловушки, фабриковать доказательства, истории, подделывать документы? Страницы этой книги полны многочисленных примеров антикоммунистических речей американского правительства и выдумок СМИ о «советской угрозе», «китайской угрозе» и «кубинской угрозе». И все время нас пугали этими историями: в 1950-х было «отставание в бомбардировочной авиации» между США и Советским Союзом, а также «отставание гражданской обороны». Затем возникло «отставание по ракетам», за которым последовало «отставание по антибаллистическим ракетам (ПРО)». В 1980-х было «отставание в расходах». И наконец, «отставание лазерных технологий». И все это было ложью.

Теперь нам известно, что ЦРУ при Рональде Рейгане и Уильяме Кейси регулярно «политизировало оценки разведки», чтобы поддержать антисоветскую направленность администрации, и скрывало отчеты даже собственных аналитиков, которые противоречили этому курсу. Мы теперь знаем, что ЦРУ и Пентагон регулярно переоценивали экономическую и военную мощь Советского Союза, а также преувеличивали масштабы советских ядерных испытаний и количество совершенных «нарушений» по существующим договорам об их запрете, в которых Вашингтон тогда обвинял русских [32]. Делалось все, чтобы показать врага более крупным и более подлым, — с тем чтобы увеличить бюджет военных расходов, обеспечить безопасность и обосновать необходимость работы «бойцов холодной войны».

Время после холодной войны, время «нового мирового порядка» — счастливое время для военно-промышленного и разведывательного комплекса и его глобальных партнеров по преступлениям — Всемирного банка и МВФ. Они распоряжаются Североамериканским соглашением о свободной торговле (НАФТА) и Всемирной торговой организацией. Они диктуют экономическое, политическое и социальное развитие во всех странах третьего мира и Восточной Европы. Реакция Москвы на события нигде больше не играет сдерживающей роли. «Кодекс поведения транснациональных корпораций» ООН, находившийся в процессе создания 15 лет, мертв. Все, что подвластно взгляду, приведено в беспорядок и приватизировано. Капитал бродит по земному шару с такой свободой, которой он не обладал до Первой мировой войны, избавленный от сил трения и тяготения. Весь мир стал безопасным для транснациональных корпораций [33].

Но значит ли это, что жизнь масс стала лучше, чем была при холодной войне? Оказалась ли больше забота о простом народе с тех пор, как этот вопрос

встал на повестку дня много веков назад? «Безусловно», говорит Капитал, предлагая другую подготовленную теорию «просачивания благ сверху вниз», принцип которой заключается в том, что бедные должны существовать благодаря крошкам, упавшим со стола богачей, и чем больше блюдо будет подано богачам, тем больше перепадет бедным для их существования.

Сыны Капитала так же фыркают от смеха в свои бокалы мартини по поводу смерти социализма. Это слово вовсе исключили из светских бесед. И они надеются, что никто не заметит, что каждый социалистический эксперимент любой значимости в XX веке — без исключений — был сокрушен, свергнут, извращен, ниспровергнут или дестабилизирован благодаря Соединенным Штатам. Ни одному социалистическому правительству или движению — от российской революции до сандинистов в Никарагуа, от коммунистического Китая до Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти в Сальвадоре — не было позволено возвыситься или пасть благодаря исключительно собственным заслугам; ни одно из них не оставалось достаточно защищенным, чтобы иметь возможность изгнать войска всесильного внешнего врага и свободно управлять своей страной.

Это как если бы первые эксперименты братьев Райт с летательными аппаратами провалились из-за того, что в интересах автомобильной промышленности саботировался бы каждый их испытательный полет. А затем добрые и богообоязненные люди мира посмотрели бы на это, сделали выводы из случившегося, с умным видом коллективно склонили головы и торжественно произнесли: человек никогда не сможет летать.

1. Китай, 1945–1960

БЫЛ ЛИ МАО ЦЗЭДУН ПАРАНОИКОМ?

На протяжении четырех лет многие американцы — как политики, так и простые граждане — старались на афишировать свою убежденность в том, что Вторая мировая война была «войной ошибочной» и велась она не с теми врагами». Они считали, что единственным подлинным противником исторического курса Америки был коммунизм. Не тем ли объясняется тот факт, что Гитлера игнорировали, терпели, умиротворяли и помогали ему, для того чтобы нацистская военная машина повернула на Восток и стерла большевизм с лица земли раз и навсегда? К несчастью, оказалось, что Адольф Гитлер страдал манией величия и двинул свои полчища также и на Запад.

Но война закончилась, и у этих американцев теперь нашлись дела в каждом уголке мира. Не успели высохнуть чернила на акте капитуляции Японии, как Соединенные Штаты начали использовать японских солдат, все еще находившихся в Китае, наряду с американскими войсками в совместной борьбе против китайского коммунизма. (На Филиппинах и в Греции, как мы увидим далее, США даже не дожидались окончания войны, чтобы использовать результаты победы над Японией и Германией для своего антикоммунистического крестового похода.)

Китайские коммунисты тесно сотрудничали с американскими военными во время войны, предоставляя им важные разведданные о японских оккупационных войсках, спасая и ухаживая за сбитыми американскими летчиками [1]. Но для американцев это не имело значения. Генералиссимус Чан Кайши стал человеком Вашингтона. Он возглавлял орган, считавшийся центральным правительством Китая. По оценкам Управления стратегических служб (УСС, предшественник ЦРУ), основная часть военных усилий Чан Кайши была направлена скорее против коммунистов, нежели против японцев. Чан Кайши также приложил все усилия, чтобы не допустить сотрудничества между красными и американцами. На том этапе его армия состояла из японских частей, а его административный аппарат был полон чиновников, запятнавших себя

сотрудничеством с прояпонским марионеточным китайским правительством [2]. Однако для США все это не имело никакого значения. Генералиссимус был антикоммунистом до мозга костей. Более того, он был прирожденным американским клиентом. Поэтому его войска следовало должным образом обучить и оснастить для битвы против Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая.

Президент Трумэн довольно откровенно назвал это «использованием японцев для сдерживания коммунизма»:

«Нам было совершенно ясно, что если мы заставим японцев немедленно сложить оружие и выйти к побережью, вся страна будет захвачена коммунистами. Поэтому мы вынуждены были сделать этот необычный шаг — использовать вражеские гарнизоны до тех пор, пока мы не сможем перебросить по воздуху части вооруженных сил Китая под командованием Чан Кайши в Южный Китай и отправить морскую пехоту для защиты морских портов» [3].

Развёртывание частей морской пехоты США имело незамедлительные и впечатляющие результаты. Если спустя две недели после окончания войны Пекин был окружен войсками коммунистов, то появление американской морской пехоты в городе воспрепятствовало взятию города красными [4]. И пока части Мао занимали пригороды Шанхая, американские транспортные самолеты перебрасывали войска Чан Кайши для захвата города [5].

В борьбе за то, чтобы взять под контроль ключевые центры и порты раньше коммунистов, США перебросили по морю и по воздуху от 400 до 500 тысяч солдат армии Чан Кайши со всех бескрайних просторов Китая и Маньчжурии в места, куда они никогда бы не добрались без американской помощи.

Поскольку гражданская война набирала обороты, 50 тысяч морских пехотинцев были поставлены Трумэном на охрану железнодорожных путей, угольных шахт, портов, мостов и других стратегических объектов. Они неизбежно оказывались вовлечеными в боевые столкновения, и потери исчислялись десятками, а то и сотнями. Американские войска, по свидетельствам коммунистов, нападали на территории, контролируемые красными, открывали по ним огонь, арестовывали офицеров и разоружали солдат [6]. Американцы безжалостно уничтожили небольшую китайскую деревню, писал морской пехотинец конгрессмену своего штата: никого не интересовало, «сколько невинных людей было убито» [7].

Самолеты ВВС США регулярно совершали разведывательные полеты над территориями коммунистов для разведки расположения их сил. Коммунисты утверждали, что американские самолеты часто атаковали и бомбили их войска и в одном из случаев обстреляли из пулеметов удерживаемый коммунистами город [8]. Степень вовлеченности летчиков ВВС США в эти воздушные операции доподлинно неизвестна.

Впрочем, после многочисленных крушений американских самолетов находились и выжившие. Удивительно, но красные продолжали спасать сбитых американских летчиков, лечить их и возвращать на американские базы. Сейчас

в это трудно поверить, но в то время загадочное обаяние и миф об Америке все еще владел воображением многих людей во всем мире; китайские крестьяне, будь они коммунистами или нет, не были исключением. Во время войны красивые помогли спасти множество американских летчиков и перебросить их через занятые японцами районы в безопасные места. «Коммунисты, — писала газета «Нью-Йорк таймс», — не потеряли ни одного нашего летчика, взятого под их защиту. И для них было делом принципа не брать никаких наград за спасение американских летчиков» [9].

К началу 1946 года в Китае все еще находились приблизительно 100 000 американских военнослужащих, обеспечивающих поддержку Чан Кайши. США официально объясняло их присутствие необходимостью разоружения и депатриации японских войск. В конечном итоге данная задача была действительно выполнена, но она была вторичной политической задачей военных, как предельно четко объясняет Трумэн в процитированном выше заявлении.

Среди американских солдат в Китае поднялась волна протестов, вызванная задержкой их отправки домой. Недовольство было подхвачено по всему миру другими военнослужащими США, остававшимися за рубежом по политическим (обычно антикоммунистическим) мотивам, которые преследовала американская администрация. «Солдаты спрашивают у меня, почему они все еще здесь, — рассказывал лейтенант морской пехоты в Китае во время рождественских праздников в 1945 году. — Как офицер я должен им ответить, но невозможно объяснить человеку, что он здесь для того, чтобы разоружать японцев, в то время как он охраняет одну и ту же железную дорогу вместе с [вооруженными] японцами» [10].

Достаточно странно выглядела посредническая роль Соединенных Штатов в гражданской войне, учитывая, что они были активным и могущественным участником конфликта, занимающим одну из сторон. В январе 1946 года президент Трумэн, очевидно, понимая, что выбор стоял между компромиссом с коммунистами и попаданием всего Китая под их влияние, направил туда генерала Джорджа Маршалла с задачей добиться прекращения огня и договориться о создании некоего коалиционного правительства. Несмотря на то что в определенной степени удалось достичь договоренности о перемирии, в целом идея коалиционного правительства была обречена на такой же провал, как и гипотетический союз между царем и большевиками. Как выразился историк Д. Ф. Флеминг, «невозможно объединить умирающую олигархию с рождающейся революцией» [11].

Незадолго до начала 1947 года Соединенные Штаты начали частичный вывод войск, хотя помощь и поддержка правительства Чан Кайши продолжались в той или иной форме еще долгое время после этого. Приблизительно в это же самое время в боевых действиях начали принимать участие «летающие тигры» — легендарная американская эскадрилья под командованием генерала Клэра Шэнно (Claire Chennault), которая уже сражалась на стороне китайцев против японцев как до мировой войны, так и во время нее. На этот раз Шенно, бывший советник Чан Кайши по вопросам BBC, «реанимировал

вал» свою эскадрилью под названием САТ (Civil Air Transport), и вскоре ее «пилоты удачи» оказались в самом пекле сражений, выполняя бесконечные миссии по переброске грузов находящимся в осаде города националистам. Уклоняясь от артиллерийских обстрелов коммунистов, они доставляли продовольствие, боеприпасы и всевозможное снабжение и эвакуировали раненых [12]. Официально САТ была частной авиакомпанией, арендованной правительством Чан Кайши. Однако еще до окончания гражданской войны авиакомпания начала работать на ЦРУ и стала первым подразделением в растущей воздушной империи Управления, впоследствии сменив название на Air America.

К 1949 году помочь Соединенным Штатам националистам с начала войны составила почти два миллиарда долларов наличными и один миллиард военной техникой. США обучили и вооружили 39 дивизий Национальной революционной армии [13]. И, несмотря на все это, «государство» Чан Кайши разваливалось на куски. Этому способствовали не только атаки коммунистических противников Чан Кайши, но и враждебность китайского народа в целом к его тирании, его необоснованной жестокости, чрезмерной коррумпированности и упадку всей его бюрократической и социальной системы. И напротив, обширные районы, находившиеся под контролем коммунистов, были образцом честности, прогрессивности и справедливости. Целые дивизии генералиссимуса переходили на сторону коммунистов. Американские политические и военные лидеры не питали иллюзий на предмет сущности и форм правления Чан Кайши. Национальная революционная армия, по словам главы американской военной миссии в Китае генерала Дэвида Барра, находилась в руках «самого худшего в мире командования» [14].

Генералиссимус, его ближайшие сторонники и солдаты бежали на прибрежный остров Тайвань (Формоза). За два года до этого они подготовили свое прибытие туда, принудив жителей острова к покорности — учинив резню, унесшую 28 тысяч человеческих жизней [15]. До побега националистов на остров американское правительство даже не испытывало сомнений относительно того, что Тайвань был частью Китая. Позже в умах американских политиков стало проскальзывать чувство неопределенности. Кризис был разрешен удивительно простым способом: США согласились с Чан Кайши в том, что наиболее подходящее решение в данной ситуации — это считать Тайвань не частью Китая, а исходить из того, что Тайвань и есть Китай. На том и порешили.

Сразу за последовавшим успехом коммунистов, ученый-китаевед Феликс Грин (Felix Green) отметил: «Американцы просто не могли поверить в то, что китайцы, несмотря на все их прогнившее руководство, могут отдать предпочтение коммунистическому правительству» [16]. Это можно было объяснить, с точки зрения американцев, лишь искусственным заговором международного масштаба, у рычагов управления которого находился, как и следовало ожидать, Советский Союз. Доказательства такого заговора, однако, были неуловимы. Действительно, с тех пор как вера Сталина в построение «социализма

в отдельно взятой стране» одержала верх над интернационализмом Троцкого 1920-х, позиция Чан Кайши казалась для русских ближе, чем позиция Мао; из Москвы Мао не раз советовали распустить его армию и присоединиться к правительству Чан Кайши [17]. Советскому Союзу, вынужденному в послевоенные годы решать тяжелейшие задачи по восстановлению своей собственной экономики, вовсе не улыбалась перспектива оказывать помощь самому крупному по численности населения государству мира в деле его восстановления. В 1947 году генерал Маршалл публично заявил, что не располагает никакими свидетельствами поддержки китайских коммунистов Советским Союзом [18].

Но отсутствие свидетельств поддержки со стороны СССР вовсе не рассеяло американский миф о том, что Америка «потеряла» Китай. Для создания мифа использовались такие тезисы, как «советская интервенция», «коммунисты в Госдепартаменте США», «трусы в Белом доме», «глупость военных и дипломатов», «коммунистические обманщики и их соучастники в СМИ», «предательство повсюду»...

Администрация Трумэна, говорил сенатор Джозеф Маккарти с присущим ему «обаянием», состоит из «подхалимов и пустозвонов-либералов», защищавших «коммунистов и гомиков», которые и «продали Китай в атеистическое рабство» [19].

Однако же, кроме широкомасштабного вторжения в страну многочисленного контингента американских войск, трудно представить, что еще американское правительство могло предпринять, чтобы предотвратить падение Чан Кайши. Даже после того, как генералиссимус сбежал на Тайвань, США с упорством продолжали проводить против коммунистического правительства военные операции, несмотря на просьбу Чжоу Эньляя об оказании помощи и установлении дружественных отношений. Лидер красных не видел ни практического, ни идеологического препятствия для этого [20]. Вместо помощи Соединенные Штаты неоднократно замышляли физическое устранение Чжоу Эньляя [21].

К большому недовольству бирманского правительства множество солдат Гоминьдана нашли убежище в Северной Бирме после массового бегства 1949 года. Именно там ЦРУ взялось за реорганизацию этой «армии без государства» для дальнейшего противостояния и в начале 1950-х смогло организовать ряд различных по масштабу рейдов в Китай. Так, один из инцидентов произошел в апреле 1951 года. Несколько тысяч солдат, сопровождаемых американскими советниками, при материально-технической поддержке с воздуха американскими военно-транспортными самолетами C-46 и C-47 пересекли границу Китая в провинции Юньнань. Коммунистам понадобилось меньше недели на то, чтобы выбить их с территории страны. Потери нападавших оказались значительными и включали в себя нескольких советников ЦРУ. В ходе другого нападения, совершенного летом того же года, националистам удалось проникнуть на 65 миль в глубь Китая, где, по их словам, им удалось удерживать полосу территории протяженностью в сто миль.

Пока продолжались эти периодические пограничные конфликты, ЦРУ наращивало собственные силы: для помощи в строительстве и расширении взлетно-посадочных полос в Бирму прибыли американские инженеры, сюда передислоцировались свежие части из Тайваня, другие отряды вербовались из бирманских горных племен, эскадрильи ЦРУ использовались для тылового снабжения. Также к бирмано-китайской границе было переброшено огромное количество американской тяжелой военной техники. Личный состав и материальное обеспечение армии большей частью поступали через соседний Таиланд.

Вскоре численность армии достигла более чем 10 тысяч человек. К концу 1952 года Тайвань утверждал, что 41 тысяча солдат коммунистического Китая была убита и более 3000 ранены. Данные, вероятнее всего, преувеличенные, но даже если они оказались бы правдивы, было очевидно, что пограничные конфликты не приведут к триумfalному возвращению Чан Кайши на материк. Это не было их единственной целью. На китайской границе шли две серьезные войны: в Корее и Вьетнаме. Соединенные Штаты надеялись вынудить китайцев передислоцировать свои войска и ресурсы подальше от этих областей. Новорожденная Китайская Народная Республика подвергалась тяжелому испытанию.

Между рейдами на территорию Китая китайские националисты находили время для частых стычек с бирманской армией, занимались бандитизмом, а некоторые становились опиумными баронами «Золотого треугольника» — географической зоны на стыке границ Бирмы, Лаоса и Таиланда, которая была самым большим в мире источником опиума и героина. Пилоты ЦРУ развозили грузы повсюду, чтобы обеспечить лояльность тех в Таиланде, кто был важен для военной операции. Это делалось ради пользы их националистических сателлитов, возможно, даже ради заработка, и служило прикрытием для других, еще более незаконных действий.

Китайские националисты в Бирме продолжали изводить китайских коммунистов до 1961 года, а ЦРУ продолжало оказывать им военную поддержку. Однако с определенного момента Управление начало поэтапное свертывание своего прямого участия. Когда ЦРУ в ответ на неоднократные обращения бирманского правительства к Соединенным Штатам и Организации Объединенных Наций начало давить на китайских националистов, чтобы они покинули территорию Бирмы, Чан Кайши пригрозил обнародовать информацию о секретной поддержке, которую Управление оказывало его войскам там. На раннем этапе вмешательства ЦРУ питало надежду, что ему удастся спровоцировать коммунистических китайцев на вторжение в Бирму и таким образом вынудить нейтральных бирманцев искать спасения у Запада [22]. В январе 1961 года китайцы действительно атаковали Бирму, вместе с бирманцами направив свой удар на главную базу националистов. Это стало концом бирманской авантюры китайских националистов. Бирма в результате отказалась от помощи США и сблизилась с Пекином [23]. Впрочем, китайские националисты недолго сидели без работы. Вскоре они снова вернулись на службу ЦРУ — на сей раз для борьбы на стороне внушительной армии ЦРУ в Лаосе.

Бирма была не единственной стартовой площадкой для организованных ЦРУ нападений на Китай. Несколько островов в пределах примерно пяти миль от китайского побережья, в частности острова Кэмой и Мацу, использовались в качестве баз для подготовки скоротечных операций подразделений численностью не больше батальона, для спорадических бомбардировок и блокирования материковых портов. Примерно с начала 1953 года США оказывали на Чан Кайши «жесткое давление» с тем, чтобы он наращивал численность своих войск на островах, что должно было демонстрировать новую политику Вашингтона по «развязыванию его рук» [24].

Китайцы несколько раз принимали ответные меры, подвергая Кэмой обстрелу тяжелой артиллерией. Во время одного из обстрелов погибли два американских офицера. Перспектива назревающей войны вынудила Вашингтон задуматься и попросить Чан Кайши покинуть острова, но тот отказался. Часто выдвигаются предположения, что замыслом генералиссимуса было втянуть Соединенные Штаты именно в такую войну, которая бы содействовала его возвращению на материк [25].

Множество рейдов на территорию Китая проводилось с использованием небольших десантно-диверсионных подразделений в разведывательных и диверсионных целях. В ноябре 1952 года коммунистами был сбит самолет с двумя сотрудниками ЦРУ на борту. Джон Дауни (John Downey) и Ричард Фекто (Richard Fecteau), которые отвечали за переброску таких подразделений и их материальное обеспечение, были взяты в плен. Два года прошло, прежде чем Пекин объявил о плenении этих людей и вынесении в отношении их приговора. Государственный департамент нарушил собственную двухлетнюю тишину негодованием, утверждая, что эти двое мужчин были гражданскими сотрудниками министерства сухопутных войск США в Японии, которые считались без вести пропавшими при перелете из Кореи в Японию. «Соединенным Штатам неизвестно, как они попали в руки китайских коммунистов.., длительное неправомерное удержание этих американских граждан представляет дополнительное доказательство, что китайский коммунистический режим игнорирует принятые нормы международных отношений» [26].

Фекто был освобожден в декабре 1971 года, незадолго до поездки президента Никсона в Китай. Дауни выпустили из заключения только в марте 1973 года, вскоре после того, как Никсон публично признался, что тот был сотрудником ЦРУ.

В 1954 году Пекин также обнародовал информацию о том, что в январе 1953 года над Китаем были сбиты одиннадцать американских летчиков, выполнивших задание, целью которого была «выброска с воздуха специальных агентов в Китай и Советский Союз». Эти люди оказались более удачливыми и были освобождены всего лишь через два с половиной года. По утверждению китайцев, 106 американских и тайваньских агентов, сброшенных с парашютами на территорию Китая, были убиты, а еще 124 человека попали в плен в период между 1951 и 1954 годами. Хотя ЦРУ не могло похвастаться своими

немногочисленными достижениями в области десантно-диверсионных операций, есть сведения, что Управление поддерживало эту программу по крайней мере до 1960 года [27].

Под руководством ЦРУ над территорией Китая исключительно с целями шпионажа было совершено множество других полетов, выполненных самолетами-разведчиками U-2 на больших высотах, беспилотными самолетами и другими воздушными аппаратами. Эти разведывательные полеты начались примерно в конце 1950-х и не прекращались до 1971 года, когда состоялся первый визит Генри Киссинджера в Пекин. Такие операции не обходились без инцидентов. Китайцами было сбито несколько самолетов U-2 и еще больше беспилотных летательных аппаратов — 19 в период между 1964 и 1969 годами. Китай регистрировал сотни «серьезных инцидентов», связанных с нарушением своего воздушного пространства, и по крайней мере в одном из случаев американский самолет пересек китайскую границу и сбил МиГ-17 [28].

Казалось, что никакие неудачи, никакое отсутствие результатов не могли удержать ЦРУ от поиска новых способов досаждать китайцам в течение десятилетия после их революции. Другим показательным примером стал Тибет. Пекинское правительство объявило Тибет частью Китая, как это делалось предыдущими властями Китая на протяжении более двух веков, хотя множество тибетцев продолжали считать себя автономными и независимыми. Соединенные Штаты ясно обозначали свою позицию во время войны:

«Правительство Соединенных Штатов принимает во внимание тот факт, что китайское правительство в течение длительного времени заявляло право на суверенитет над Тибетом и что китайская конституция относит Тибет к числу районов, составляющих территорию Китайской Республики. Эти притязания никогда не ставились правительством (США) под сомнение» [29].

После коммунистической революции официальные лица Вашингтона стали занимать более неопределенную позицию по данному вопросу. Однако действия США в отношении Тибета ничего не имели общего с соблюдением международного права.

В середине 1950-х ЦРУ начало вербовать диверсантов из числа тибетских беженцев и изгнанников из Тибета, проживающих в соседних с ним странах, таких как Индия и Непал. Среди них были представители личной гвардии далай-ламы, именуемые «грозными всадниками Хамбы», и прочие, кто уже участвовал в партизанской войне против правления Пекина и глубоких социальных перемен, вызванных революцией (крепостничество и натуральное рабство все еще были широко распространены на Тибете). Отобранных в диверсанты людей отправляли в Соединенные Штаты на заброшенную военную базу, расположенную высоко в горах Колорадо, высота которых приближалась по значению к высотам их гористой родины. Там, надежно скрытые от местных жителей, они обучались тонкостям диверсионных операций.

По завершении обучения каждая группа тибетцев перебрасывалась в Тайвань либо другую дружественную азиатскую страну для дальнейшего проникновения в Тибет или в другое место Китая, где она занималась диверсиями, минированием дорог, уничтожением линий связи и устройством засад против небольших подразделений коммунистов. Их действия осуществлялись при поддержке самолетов ЦРУ и в некоторых случаях под командованием контр-активных наемников Управления. В северо-восточной Индии были построены крупные пункты обеспечения.

Подготовка диверсантов в Колорадо продолжалась и в 1960-х. Сколько сотен тибетцев прошли через курсы, вероятно, уже никогда не будет известно. Даже после того, как формальная программа их обучения закончилась, ЦРУ продолжало финансировать и снабжать тибетскую эмиграцию и поощрять их безнадежную мечту об освобождении родины.

В 1961 году до газеты «Нью-Йорк таймс» дошли слухи о центре подготовки в горах Колорадо, но она выполнила просьбу Пентагона не расследовать это дело дальше [30]. Дело было особенно скользким, поскольку в соответствии с уставными документами ЦРУ от 1947 года и их трактовкой Конгрессом США деятельность Управления внутри страны традиционно ограничивалась операциями по сбору информации.

Помимо того что Китай был истерзан внутренней войной, ему доставалось и от войны в Корее. Китайцы часто сообщали о многочисленных бомбардировках и обстрелах американскими самолетами наземных целей на китайской территории, в результате которых гибло гражданское население и уничтожались дома. Другим поводом для обсуждений была бактериологическая война.

Китайцы утверждали, что Соединенные Штаты, особенно в январе — марта 1952 года, сбросили с самолетов большое количество бактерий и насекомых, зараженных бактериями, над территориями Кореи и Северо-Восточного Китая. Они предоставили свидетельства 38 захваченных в плен американских летчиков, которые якобы управляли самолетами со смертельным грузом. Многие из них поведали подробные детали обо всей операции: о типах бомб и других сброшенных контейнерах, о видах насекомых и болезнях, носителями которых они являлись, и т. д. Вместе с тем были опубликованы фотографии предполагаемых бактериологических бомб и зараженных насекомых. Затем, в августе, был создан Международный научный комитет, состоявший из ученых Швеции, Франции, Великобритании, Италии, Бразилии и Советского Союза. После более чем двухмесячного расследования в Китае комитет представил отчет объемом около 600 страниц с множеством фотографий и следующее заключение:

«Народы Кореи и Китая действительно были целями бактериологических атак. Атаки выполнялись с использованием средств американских вооруженных сил, применявших большое разнообразие методов для реализации своих целей, некоторые из которых, похоже, были разработками, применявшимися японцами во время Второй мировой войны» [31].

Последнее упоминание относится к экспериментам с бактериологическим оружием, которые японцы проводили в Китае между 1940 и 1942 годами. В 1945 году Соединенные Штаты Америки взяли в плен японских ученых, ответственных за эту программу, и обеспечили им защиту от судебного преследования в обмен на предоставление технической информации об экспериментах американским ученым из Биологического научно-исследовательского центра сухопутных войск США в Форт-Детрике (Fort Detrick), штат Мериленд. Китайцы узнали об этом в ходе расследования, проведенного Международным научным комитетом [32].

Стоит отметить, что некоторые утверждения американских пилотов содержали так много технической и биологической информации и были так переполнены коммунистической риторикой об «империалистических, капиталистических поджигателях войны с Уолл-стрит» и т. п., что их личное авторство этих заявлений следует подвергать серьезному сомнению. Более того, как выяснилось позже, большинство летчиков давали показания лишь после того, как были подвергнуты физическому насилию [33].

Однако принимая во внимание то, что мы с тех пор узнали о применении американцами химического и биологического оружия, от претензий Китая просто так отмахнуться нельзя. В 1970 году «Нью-Йорк таймс», в частности, сообщила, что во время войны в Корее, когда американские войска были подавлены тактикой «человеческих волн», примененной китайцами, «армия США штудировала захваченные у нацистов документы по применению химического оружия и описывающие летальность действия нервнопаралитического газа зарина, несколько фунтов которого могут убить тысячи людей за считаные минуты. К середине пятидесятых годов в сухопутных войсках США производились тысячи галлонов зарина» [34].

На протяжении 1950-х и 1960-х сухопутные войска США и ЦРУ проводили многочисленные эксперименты с биологическими веществами на территории Соединенных Штатов. Приведем всего два примера. Есть убедительные свидетельства, что в 1955 году ЦРУ распылило бактерии коклюша в открытом воздухе во Флориде, что повлекло чрезвычайно резкое увеличение заболеваемости этой болезнью в штате [35]. В следующем году другое токсичное вещество было рассеяно на улицах и в туннелях Нью-Йорка [36].

В главе, посвященной Кубе, мы также узнаем, как ЦРУ вели химическую и биологическую войну против Фиделя Кастро.

В марте 1966 года госсекретарь Дин Расск (Dean Rusk) выступал перед членами комитета Конгресса США на тему американской политики в отношении Китая. Мистер Расск картинно удивлялся тому, что «периодически лидеры коммунистического Китая кажутся зацикленными в своем убеждении, будто они находятся под угрозой и в окружении врагов». Он говорил о «воображаемом, почти патологическом убеждении Китая в том, что Соединенные Штаты и другие страны, расположенные вдоль его границ, ищут возможность вторгнуться в его материковую часть и уничтожить режим Пекина». Госсекретарь затем добавил:

«Насколько «страх» Пекина перед Соединенными Штатами искренен и насколько он искусственно культивирован для внутриполитических целей, знают только сами лидеры коммунистического Китая. Однако я убежден, что их желание нейтрализовать наше влияние и деятельность в западной части Тихого океана и Юго-Восточной Азии мотивировано отнюдь не опасением, что мы представляем для них угрозу» [37].

2. Италия, 1947–1948

СВОБОДНЫЕ ВЫБОРЫ В ГОЛЛИВУДСКОМ СТИЛЕ

В январе 1948 года американский генеральный прокурор Том Кларк заявил: «Тем, кто не разделяет идеологию Соединенных Штатов Америки, нельзя позволить оставаться в этой стране» [1].

В марте министерство юстиции, руководимое Кларком, вынесло определение, что итальянцам, которые не согласны с идеологией Соединенных Штатов, не разрешат эмигрировать или даже посещать Америку.

Это был очередной тактический шаг в рамках массированной американской кампании, цель которой заключалась в том, чтобы не допустить итальянцев, не поддерживающих идеологию США, к формированию правительства Италии на выборах 1948 года.

Двумя годами ранее Итальянская коммунистическая партия (ИКП), одна из самых больших в мире, и Итальянская социалистическая партия (ИСП) совместно набрали больше голосов и получили большее количество мест на выборах учредительного собрания, чем христианские демократы. Но эти две левые партии выдвинули различных кандидатов, которым пришлось довольствоваться некоторыми министерскими постами в коалиционном правительстве, возглавляемом премьер-министром из Христианско-демократической партии. Результаты тем не менее были достаточно красноречивы, чтобы напугать американскую администрацию Трумана призраком Карла Маркса.

Для участия в выборах 1948 года, намеченных на 18 апреля, ИКП и ИСП объединились в Народно-демократический фронт (НДФ) и в феврале выиграли муниципальные выборы в Пескаре, получив голосов на 10 процентов больше по сравнению с результатами 1946 года. Христианские демократы такими успехами похвастаться не могли; перспектива того, что левые будут контролировать работу итальянского правительства, проявлялась ярче, чем когда-либо прежде. И тогда США решили применить самое мощное политическое и экономическое оружие против итальянского народа. Старое доброе ноу-хау янки, уловки пиар-агентств Мэдисон-авеню в искусстве воздействия

на общественное мнение, избитая голливудская сентиментальщина — все средства были задействованы для того, чтобы оказать воздействие на «целевую аудиторию».

Внутренние проблемы Италии, такие как острая необходимость в проведении сельскохозяйственной и экономической реформ, отсутствие которых порождало резкое социальное расслоение общества, невозможно было решить за один день. Линия фронта проходила между «коммунизмом» и «демократией» (за которой пряталась идея «капитализма»).

Тот факт, что коммунисты были единственной и самой активной антифашистской силой, подвергшейся безжалостному преследованию в Италии во время войны, просто игнорировался. Параллельно замалчивалось присутствие в правительстве христианских демократов 1948 года и среди других правых сил колаборационистов, монархистов и совершенно нереформированных фашистов. Все было перевернуто. Теперь дело было в противостоянии коммунистической «диктатуры» против поклонников «свободы». В качестве примера: группа американских конгрессменов, побывав в Италии летом 1947 года, безапелляционно заявила: «Страна переживает огромное внутреннее и внешнее давление на поворот «влево» и принятие тоталитарно-коллективистского национального строя» [2].

Чтобы подобные заявления выглядели правдоподобными, требовалось поместить привычную картину жизни в рамки противопоставления американского образа жизни советскому. Такой лицемерный оборот шокировал левых в Италии: они считали себя итальянцами, а не русскими или американцами.

В феврале 1948 года в Чехословакии некоммунистические министры бойкотировали работу правительства из-за спора о найме на работу в полицию; тогда коммунистическое руководство распустило коалиционный кабинет и взяло на себя все полномочия. Радиостанция «Голос Америки» неоднократно указывала на это событие как предупреждение итальянскому народу о судьбе, ожидающей их, если Италия «пойдет путем коммунизма» (этот аргумент антикоммунисты использовали в течение многих десятилетий после этих событий, как главный пример коммунистической двуличности). Однако, как оказалось, еще годом ранее итальянское христианско-демократическое правительство и правительство США договорились, узурпировав власть гораздо более вопиющим образом.

В январе 1947 года итальянский премьер-министр Альчиле де Гаспери (*Alcide de Gasperi*) по приглашению Соединенных Штатов посетил Вашингтон. Главной задачей визита премьера было добиться помощи для его разоренной войной страны. У американских чиновников, судя по всему, приоритеты были иными. Спустя три дня после возвращения в Италию де Гаспери неожиданно распустил свое правительство, в которое входили несколько коммунистов и социалистов. По сообщениям прессы, многие итальянцы полагали, что такой поступок де Гаспери был связан с его визитом в Америку, а его целью было сокращение левого, преимущественно коммунистического, влияния в

правительстве. После двух недель всяческих задержек формирование центристского или правоцентристского правительства, которого добивался де Гаспери, оказалось неосуществимым; новый кабинет снова включал коммунистов и социалистов, хотя левые потеряли ключевые позиции, особенно в министерствах иностранных дел и финансов.

С того момента и до мая обещанные США кредиты были заморожены по не вполне понятным причинам; в мае представитель де Гаспери Иван Ломбардо (Ivan Lombardo) направился в Вашингтон с миссией возобновить запрос об оказании помощи. В течение этого периода итальянские левые несколько раз уверенно заявляли: помочь задерживают до тех пор, пока левых не выгонят из правительства. Газете «Нью-Йорк таймс» пришлось заметить, что «по прогнозам некоторых экспертов дальнейшие сдвиги «влево» в Италии замедлят процесс предоставления финансовой помощи». В тот день, когда Ломбардо прибыл в Вашингтон, где Гаспери снова распустил все свое правительство и предложил собрать новый кабинет министров без участия представителей левых — что и произошло. И в течение следующих нескольких месяцев чрезвычайно щедрая американская финансовая помощь потекла в Италию — вдобавок к отмене национального долга в 1 миллиард долларов [3].

В то же самое время Франция, которая также глубоко зависела от американской финансовой поддержки, смирила с постов всех своих коммунистических министров. В этом случае предлогом послужил отказ коммунистов поддержать премьер-министра Рамадье в вопросе заморозки зарплат. Несмотря на рациональное объяснение, изгнание коммунистов из правительства во Франции расценили как «неожиданность» и сочли «дерзким шагом»: широко распространилось мнение о том, что американские кредиты использовались или будут использоваться с целью вынудить Францию вступить в союз с США. Сам Рамадье сказал: «С каждым новым полученным кредитом частица независимости покидает нас» [4].

За месяц до выборов 1948 года журнал «Тайм» назвал возможную победу левых в выборах «преддверием катастрофы» [5].

«Эта опасность, — писал Уильям Колби, бывший директор ЦРУ, — привела к формированию Управления координации политики (Office of Policy Coordination), давшего ЦРУ полномочия предпринять секретные политические, пропагандистские и военные операции в первоочередном порядке» [6]. Но секретные операции, насколько известно, играют относительно незначительную роль в американской кампании по сокрушению итальянских левых. Действия в этом направлении проводились открыто и безо всякого смущения — настолько высокомерно, что назвать это можно было только чванством. Достижения Народно-демократического фронта были сведены на нет с удивительной скоростью под влиянием грандиозной мобилизации ресурсов, включавшей следующие меры: [7]

- Масштабная кампания в США по рассылке писем американцами итальянского происхождения их родственникам и друзьям в Италии. Сначала эти письма писали индивидуально, собственными словами или руковод-

ствуюсь «типовыми заготовками», взятыми из газет. Затем это переросло в серийную рассылку шаблонных, оплаченных отправителем писем, телеграмм, «просветительских буклетов» и плакатов, нуждающихся только в проставлении адреса и подписи. Также было разослано полмиллиона художественных открыток от группы, называющей себя Комитетом поддержки демократии в Италии, иллюстрирующих ужасную судьбу, которая ждет Италию, если они проголосуют за «диктатуру» или «иностранный диктатуру». В целом, приблизительно 10 миллионов почтовых отправлений были написаны и разосланы газетами, радиостанциями, церквями, Американским легионом, состоятельными людьми и т. д.; коммерческие рекламные объявления также стали включать предложения отправлять письма в Италию даже тем, кто не покупал товар. Все это происходило с публичного одобрения со стороны исполняющего обязанности госсекретаря и руководства почтово-телеграфного ведомства, которое учредило специальные «Полеты свободы», чтобы передать широкой огласке отправку почты в Италию.

Содержание писем состояло из сообщений следующего характера: «Победа коммунизма уничтожит Италию. Соединенные Штаты перестанут оказывать помощь, и дальнейшие события могут закончиться мировой войной»; «Мы просим Вас не отдавать нашу прекрасную Италию в руки жестокого коммунистического деспота. Америка ничего не имеет против коммунизма в России [именно так!], но зачем навязывать его другим людям, другим землям, таким образом гася факел свободы?»; «Если силы истинной демократии проиграют на итальянских выборах, американское правительство больше не будет оказывать финансовую помощь Италии и мы не будем больше отправлять деньги Вам, нашим родственникам».

Эти фальсификации были еще не самыми изощренными среди прочих сообщений. Другими затрагиваемыми темами были доминирование советской России над Италией, уничтожение религии и церкви, разрушение семейных ценностей, потеря жилья и земли.

В одной беседе опытный журналист Говард К. Смит отметил: «Для итальянского крестьянина пришедшая издалека телеграмма — поразительная вещь; и уж тем более сложно не обратить внимания на телеграмму, пришедшую из «райя земного» — Америки».

Письма с угрозами о прекращении отправки пожертвований воспринимались одинаково устрашающе. «Такие письма, — писал христианско-демократический представитель в итальянской газете, — словно молнии, ударили по домам в деревнях южной Италии и Сицилии». Опрос 1949 года показал: 16 процентов итальянцев утверждали, что у них есть родственники в Соединенных Штатах, с которыми они поддерживают связь; очевидно, что эта цифра включала в себя и друзей, находившихся в США.

- Государственный департамент усилил предупреждения в письмах заявлением о том, что «в случае победы коммунистов... продолжение каких-либо разговоров об оказании помощи со стороны США невозможно».

Итальянские левые были вынуждены постоянно убеждать избирателей, что этого на самом деле не случится; это, в свою очередь, вдохновило американских чиновников, включая госсекретаря Джорджа Маршалла, все чаще озвучивать угрозу. (В 1953 году Маршалл был награжден Нобелевской премией мира.)

- Государственный департамент США поддерживал ежедневную серию прямых радиоэфиров на коротких волнах в Италии с участием именитых американцев. (По подсчетам госдепа, в Италии с 1946 года насчитывалось 1,2 миллиона коротковолновых приемников.) Министр юстиции США в эфире уверял итальянский народ, что парламентские выборы являются «выбором между демократией и коммунизмом, между Богом и безбожием, между порядком и хаосом». Уильям Донован, руководитель Управления стратегических служб (УСС, предшественник ЦРУ) в период Второй мировой войны, предупреждал, что «под властью коммунистической диктатуры в Италии» многие «национальные промышленные предприятия будут закрыты, оборудование демонтировано и отправлено в Советский Союз, такая же участь ждет и миллионы итальянских рабочих, которые будут высланы туда для принудительного труда». Если и этого было недостаточно, чтобы произвести впечатление на итальянских слушателей, то к микрофону в большом количестве приглашались никому не известные беженцы из Восточной Европы, которые с большим энтузиазмом пересказывали кошмарные истории, якобы случившиеся за «железным занавесом».
- Некоторые коммерческие радиостанции транслировали на территории Италии специальные церковные службы, проходившие в американских католических церквях, где молились за благополучие Папы Римского в «этот наиболее трудный для него час». На одной радиостанции в течение всей недели сотни «итальянских американцев» из всех слоев общества транслировали на Италию одноминутные сообщения при помощи коротковолнового передатчика. Радиостанция WOW в Нью-Йорке пригласила невест итальянских военных, чтобы записать на пленку личные сообщения своим семьям с просьбой о возвращении домой. Затем эти сообщения были отправлены почтой в Италию.
- Радиостанции «Голос Америки» резко увеличила количество ежедневных эфиров на территории Италии, на первый план которых выносились новости об американской помощи или иных дружеских жестах в адрес Италии. Целый небосклон звезд шоу-бизнеса, включая Фрэнка Синатру и Гари Купера, принял участие в записи ряда радиопередач, задуманных с целью заполучить новых союзников и повлиять на ход голосования в Италии. В эфир вышло пять передач с итalo-американскими домохозяйками. Также в эфир приглашались американцы итальянского происхождения, которые ранее придерживались левых взглядов. Лидер профсоюза Луиджи Антонини призывал итальянцев «сокрушить московскую пятую колонну», представители которой «следуют приказам свирепых московских тиранов», в противном случае Италия станет «вражеской тоталитарной страной».

В ответ на обвинения итальянских коммунистов в адрес США в связи с ограничениями в правах негров, радиостанция «Голос Америки» передала в эфир историю негритянской пары, которая нажила состояние на переработке отходов и построила больницу для «своих» людей в Оклахома-Сити (стоит отметить, что в 1948 году американские негры еще не достигли социального статуса граждан даже второго сорта).

- Итальянские радиостанции транслировали одночасовое шоу из Голливуда, записанное с целью сбора денег для сирот итальянских пилотов, которые погибли на войне.
- Американские чиновники в Италии широко распространяли листовки, расхваливающие экономическую помощь США, и организовывали выставки для малообеспеченных граждан. Американское информационное агентство осветило выставку под названием «Рабочий в Америке», а также широко использовало и распространяло документальные и художественные фильмы для восхваления американского образа жизни. Было подсчитано, что в период, непосредственно предшествующий выборам, более пяти миллионов итальянцев каждую неделю смотрели американские документальные фильмы. Голливудский художественный фильм 1939 года «Ниночка», высмеивающий жизнь в Советской России, выбрали как особенно эффективный. Его показывали повсюду среди рабочих, и коммунисты предприняли ряд решительных попыток, чтобы предотвратить широкие показы. После выборов прокоммунистические рабочие говорили: «Ниночка нас подвела».
- Министерство юстиции США официально заявило, что тем итальянцам, которые вступили в коммунистическую партию, будет отказано в возможности эмигрировать в Америку, о чем мечтало большое количество итальянцев. Госдепартамент США уведомил, что любому итальянцу, в отношении которого доподлинно известно, что он голосовал за коммунистов, не разрешат въезд в Америку, этот «рай на земле». В телеграмме минюста, адресованной одному нью-йоркскому политику, было сказано: «В соответствии с эмиграционным законодательством, голосование за коммунистов является основанием говорить о связи с коммунистической партией, а это, в свою очередь, ведет к выдворению из Соединенных Штатов Америки». Говорилось о необходимости всякий раз подчеркивать такие заявления государственных органов власти в направляемых в Италию письмах.
- Президент Трумэн обвинил Советский Союз в заговоре с целью порабощения Западной Европы и призвал к всеобщей военной подготовке в Соединенных Штатах, а также возобновлению срочной службы для предотвращения «грозящего коммунистического господства и установления полицейского государства». Во время кампании американские и британские военные корабли можно было часто наблюдать на якорной стоянке вблизи итальянских портов. Журнал «Тайм» в одном из своих изданий, которое широко распространялось и комментировалось в Италии незадолго до выборов, поддержал мнение, что «США должны ясно дать

понять: в случае необходимости они применят силу, чтобы не допустить изменения Италией политического курса в сторону коммунизма» [8].

- Соединенные Штаты и Италия подписали десятилетнее соглашение о «Дружбе, торговле и сотрудничестве». Это было первым соглашением такого рода, которое США заключило со временем войны, что подчеркивалось специально для итальянского «потребления».
- «Поезд дружбы», собирая подарки, совершил поездку по Соединенным Штатам, а затем проехал через всю Италию, раздавая их. Поезд был окрашен в красный, белый и синий цвета, на него были нанесены изображения, символизирующие дружеские чувства американского народа к итальянцам.
- Правительство Соединенных Штатов заявило, что оно одобрит внешнее правление Италии над некоторыми ее бывшим африканскими колониями, такими как Эфиопия и Ливия; это было совершенно нереалистичное предложение, так как внешнее правление не могло быть осуществлено в послевоенном мире. (Советский Союз внес аналогичное предложение.)
- США, Великобритания и Франция разными манипуляциями вынудили Советский Союз в третий раз наложить вето в отношении принятия Италии в качестве полноправного члена ООН. В первый раз советское руководство возражало, основываясь на отсутствии подписанного мирного договора с Италией. После его подписания в 1947 году Советский Союз заявил, что Италия могла бы быть принята в качестве полноправного члена ООН, если другие противники СССР времен Второй мировой войны, такие как Болгария, Венгрия и Румыния, также стали бы членами организации.
- США, Великобритания и Франция предложили Советскому Союзу провести переговоры по вопросу о возвращении Триеста Италии. Ранее, по условиям мирного договора, основной итальянский порт на Адриатическом побережье Триест, расположенный на границе с Югославией, стал «вольным городом». Одобрение Советского Союза было необходимо, чтобы изменить это соглашение, и предложение Запада было разработано с целью поставить Москву в затруднительное положение. Для итальянцев Триест был важным символом — если бы СССР отклонил предложение, это могло серьезно затруднить работу итальянских коммунистов. Вместе с тем согласие Советского Союза настроило бы против себя их югославских союзников. США требовали от русских ответа, но его так и не последовало. Тянуть с ответом до окончания выборов, с точки зрения советского правительства, было самым очевидным и самым безопасным путем, по которому следовало двигаться. И все же всего лишь за пять дней до голосования они приняли решение объявить о своем отказе от предложения. Таким образом, Москва забила очередной гвоздь в «гроб» Народно-демократического фронта.
- Премьер-министру де Гаспери был направлен «Манифест мира для свободолюбивых итальянцев», призывающий не принимать коммунизм. Среди подписавших его людей были два бывших госсекретаря США,

бывший заместитель госсекретаря, бывший министр юстиции, бывший судья Верховного суда, экс-губернатор Нью-Йорка, прежняя первая леди Элеонор Рузвельт и многие другие влиятельные персоны. Это сообщение было повсеместно опубликовано в Италии. Публикация американских сообщений в итальянской прессе была делом весьма легким, так как примерно 82 процента итальянских газет находились в руках противников левого блока.

- Более 200 американских профсоюзных лидеров итальянского происхождения провели съезд, результатом которого стала телеграмма, отправленная в 23 ежедневные газеты по всей Италии. В телеграмме содержался призыв выразить категорическое несогласие с красными. В то же время итало-американский трудовой совет внес 50 000 долларов в антикоммунистические трудовые организации Италии. ЦРУ и до этого тайно субсидировало такие профсоюзы, чтобы противодействовать влиянию левых объединений, [9] — это было постоянной практикой Центрального разведывательного управления вне зависимости от выборов. По словам бывшего сотрудника ЦРУ, когда в 1945 году коммунисты едва не получили контроль над профсоюзами сначала на Сицилии, а затем во всей Италии и Южной Франции, Управление стратегических служб США и мафия, тесно сотрудничавшие, успешно этому воспрепятствовали [10].
- ЦРУ, по его собственным поздним подтверждениям, предоставило один миллион долларов итальянским «центристским партиям», что являлось значительной суммой для Италии в 1948 году [11], хотя в другом отчете фигурирует сумма в 10 миллионов долларов. Также УСС подделывало документы и письма, якобы приходящие из ИКП и написанные так, чтобы выставить партию в неприглядном свете и дискредитировать ее лидеров; анонимные книги и статьи в журналах, финансируемые ЦРУ, в ярких деталях рассказывали о воображаемой коммунистической деятельности в Восточной Европе и Советском Союзе; брошюры разносили слухи об интимной и частной жизни кандидатов ИКП, а также занимались антицерковной и/или фашистской клеветой в их адрес [12].
- Американская группа, с особо оговоренным присутствием в ней итало-американских музыкантов, поехала в Рим, чтобы представить серию концертов.
- За месяц до выборов президент Трумэн объявил о передаче 29 торговых судов итальянскому правительству в качестве «жеста дружбы и уверенности в итальянской демократии». (Это были итальянские корабли, захваченные во время войны, а также другие — в замещение захваченных и утерянных.)
- Четыре дня спустя комиссия по бюджетным ассигнованиям США в короткие сроки одобрила выделение 18,7 миллиона долларов для дополнительного финансирования «временной помощи» Италии.
- Еще две недели спустя Соединенные Штаты предоставили Италии 4,3 миллиона долларов в качестве первой выплаты для 60 000 бывших итальянских военнопленных, которые находились в США на «добровольных» работах.

- За шесть дней до начала выборов государственный департамент сделал публичное заявление о скорой выдаче Италии золота в размере 31 миллиона долларов США взамен золота, украденного нацистами. (Тот факт, что всего несколькими годами ранее Италия была «врагом», сражающимся на стороне нацистов, остался лишь туманным воспоминанием.)
- Два дня спустя американское правительство утвердило две дополнительные крупные поставки продовольствия в Италию, одна из которых, с грузом зерна, оценивалась в 8 миллионов долларов. Многие суда с гуманитарной помощью по прибытии в Италию во время избирательной кампании разгружались прямо во время официальной церемонии и речи американского посла.

Броские плакаты гласили: «Хлеб, который мы едим, содержит 40 процентов итальянской муки и 60 процентов американской, присланной нам безвозмездно». Правда, забыли упомянуть, пошли ли сэкономленные средства потребителям или служили для «набивания карманов» пекарен.

- За четыре дня до выборов американская комиссия по восстановлению итальянских памятников объявила о дополнительной серии грантов итальянскому министерству искусств.
- «Американские сторонники свободной Италии» провозгласили 15 апреля Свободным днем Италии с дальнейшим общенародным соблюдением правил его проведения.
- Американский посол Джеймс Клемент Данн (James Clement Dunn) ездил по всей Италии, напоминая «при каждом возможном случае, что американская помощь значила для жителей и их страны». При разгрузке последней партии продовольствия Данн заявил, что американский народ спасает Италию от голода, хаоса и возможного господства извне. Его речи обычно получали широкое освещение в «нелевой» прессе. При этом итальянское правительство запретило некоторым послам, находившимся за границей, возвращаться домой для проведения кампании в поддержку Народно-демократического фронта.

В исторической речи, произнесенной 12 марта 1947 года, ставшей впоследствии известной как «доктрина Трумэна», президент сказал:

«Я полагаю, что Соединенные Штаты должны поддерживать свободные народы, которые сопротивляются агрессии вооруженного меньшинства или внешнему давлению. Я уверен в том, что мы должны помочь в освобождении народов, дабы они сами могли решать свою собственную судьбу» [13].

Вряд ли нужно подчеркивать, насколько лицемерным оказалось это обещание, но мнения, которые высказывались в Соединенных Штатах против правительенного крестового похода в Италию, были немногочисленны и едва слышимы во всеобщем реве. «Итало-американский комитет за свободные выборы» в Италии провел митинг, осуждающий пропагандистский «налет». На нем было принято заявление о том, что «тысячи американцев итальян-

ского происхождения чувствуют себя глубоко оскорбленными непрерывным потоком предложений, советов и прочим давлением, оказываемым на них, будто они неспособны самостоятельно решить, за кого им голосовать» [14].

Прогрессивная партия США в продолжение этого заявила: «Как истинные американцы, мы отвергаем угрозы правительства о прекращении поставок продовольствия в Италию до тех пор, пока нас не устроят результаты выборов. Дети не должны оставаться голодными из-за того, что их родители не голосуют по указанию заграницы» [15]. Кандидатом от партии на пост президента в 1948 году был Генри Уоллес, бывший вице-президент, который являлся искренним сторонником полной разрядки политической напряженности с Советским Союзом. История не дает нам возможности четко сказать, какая реакция была бы среди тех, кто не видел ничего неправильного в деятельности Соединенных Штатов в Италии, если бы подобную кампанию развернули Советский Союз или итальянские левые в Соединенных Штатах от имени Уоллеса.

Хотя некоторые итальянцы время от времени полагали, что сам Сталин являлся основным кандидатом Народно-демократического фронта, фактическое советское вмешательство в выборы едва заслужило хоть одного газетного заголовка. Американская пресса выдвигала предположения, что русские вносили существенные денежные суммы в кассу коммунистической партии. Однако обзор, выполненный итальянским бюро «Юнайтед-пресс», показал, что антикоммунистические партии потратили в 7,5 раза больше, чем НДФ на все виды пропаганды; одни только христианские демократы потратили в четыре раза больше средств [16]. По поводу прочей советской деятельности Говард К. Смит поделился следующими своими наблюдениями:

«Некоторое время русские пытались ответить малочисленными слабыми жестами: освободили нескольких итальянских военнопленных; направили в Италию газетную бумагу в качестве помоши всем партиям для проведения ими своих кампаний. Но никакого шанса у них не было.

Есть основания полагать, что русские сочли происходящее шоу слишком грубым для них и фактически стали опасаться возможной американской и британской реакции в случае победы коммунистов в выборах. (Также в течение месяца после итальянских выборов СССР выразил беспокойство по поводу конфликта с Западом в одном из знаменитых писем Коминформа, адресованных Тито, с обвинением югославов в попытке вовлечь Советский Союз в конфликт с западными державами, хотя «должно быть известно.., что СССР после такой тяжелой войны не может вступить в новую».) [17]

В качестве доказательства, на которое косвенно ссылался Смит, приводился отказ СССР от принятия предложений по Триесту. Во время этого события газета «Нью-Йорк таймс» сообщила: «Неожиданное решение заставило некоторых экспертов прийти к заключению, что русские сбросили Итальянскую коммунистическую партию с корабля» [18]. Партийной газете трудно было

тягаться с этой историей. К тому же, стремясь подорвать фундаментальные предпосылки итальянской предвыборной кампании, Вашингтон сделал так, чтобы все считали, что итальянская коммунистическая партия и Советский Союз совершенно не различались в целях и средствах — как в акции «покупая одну, вторую получаете в подарок». Таким образом, было выдвинуто предложение, что, возможно, отказ Советского Союза являлся всего лишь тактическим ходом, который должен был продемонстрировать, что США не могут сдержать свое обещание по Триесту. Но такое решение Советского Союза не сопровождалось никакими громкими заявлениями, поэтому непонятно, почему русские ждали несколько недель до приближения развязки, чтобы нанести сокрушительный удар своим итальянским товарищам. В любом случае, Соединенные Штаты выставили себя в гораздо лучшем свете, чем СССР.

Когда «Бродвейское шоу» завершило свое выступление в Италии, христианские демократы занимали позицию явных лидеров с 48 процентами голосов. Левая коалиция была раздавлена совершенно неожиданным результатом голосования, составившим 31 процент избирателей, несмотря на все выстроенные препятствия. Это был своеобразный итог крестового похода, концепцию которого британский лидер лейбористской партии Эньюрин Бивен (Aneurin Bevan) приписывал консерваторам: «Все искусство консервативной политики в XX столетии, — писал он, — сводилось к тому, чтобы заставить богатых убедить бедных использовать их политическую свободу для сохранения власти богатых».

3. Греция, 1947–1950

ОТ КОЛЫБЕЛИ ДЕМОКРАТИИ ДО ГОСУДАРСТВА-САТЕЛЛИТА

Хорхе Семпрун (Jorge Semprun) — французский и итальянский писатель-романист, сценарист, бывший коммунист и узник Бухенвальда, находясь в 1944 году с другими членами партии в этом нацистском концлагере, услышал следующую новость:

«Последние несколько дней мы не говорили ни о чем другом... Вначале некоторые из нас думали, что это ложь. По-другому и быть не могло. Очередное изобретение нацистской пропаганды для поднятия боевого духа своего народа. Мы слушали выпуски новостей немецкого радио, доносящиеся из всех репродукторов, и кивали головами. Должно быть, это был трюк, чтобы поднять моральный дух немцев. Но вскоре нам пришлось смириться с доказательствами. Некоторые из нас втайне слушали трансляции союзников, подтверждавшие эту новость. Не оставалось никаких сомнений в том, что британские войска действительно громили греческое движение сопротивления. В Афинах шли бои, британские войска зачищали город от войск ЭЛАС (Народно-освободительной армии Греции) район за районом. Это была неравная схватка, поскольку у армии ЭЛАС не было ни танков, ни самолетов.

Но московское радио ничего об этом не сообщало, и это молчание воспринималось по-разному» [1].

Британская армия вошла в Грецию в октябре — ноябре 1944 года, вскоре после того, как основная часть немцев спаслась бегством. Существенную роль в разгроме фашистов сыграла Народно-освободительная армия — ЭЛАС. Основанная в период с 1941 по 1942 год по инициативе Коммунистической партии Греции, ЭЛАС и ее политическое крыло Национально-освободительный фронт Греции (ЭАМ) распространили свое влияние на всю левую часть политического спектра, насчитывая в рядах своих последователей множество

священников и даже несколько епископов. Партизаны освободили многие районы страны от немецко-фашистских захватчиков, разгромивших британцев в 1941 году.

Партизаны ЭЛАС и ЭАМ бывали беспощадны к грекам, отказывающимся сотрудничать с ними или подозреваемых в коллаборационизме с немцами. Другим примером освободительных последствий в ходе войны стало и отвержение консервативных устоев греческого общества; на их месте возникали общины, имевшие по крайней мере подобие самоуправления. Зарождались институты и механизмы, которые могли бы стать предвестниками обновленного греческого общества после войны. Возникла система образования — возможно, и опиравшегося на пропаганду, но в целях избавления от неграмотности. Формировались женские батальоны, в которых домохозяйки впервые действовали независимо от своих мужей. Это явление наблюдалось повсеместно, и численность ЭАМ достигла одного-двух миллионов человек при общей численности населения Греции в семь миллионов [2].

Этот вид общественного порядка не мог не вызывать беспокойства британских политиков (таких как Уинстон Черчилль), уже давно считавших Грецию своей вотчиной. Черчилль решил, что греческого короля следует вернуть на свое законное место со всеми сопутствующими привилегиями. И британские войска в Греции немедленно приступили к формированию такого правительства. Монархисты, коллаборационисты и консерваторы всех мастей оказались в органах политической власти, доминируя в новой греческой армии и полиции, в то время как члены ЭАМ/ЭЛАС были уничтожены либо брошены в тюрьмы [3].

В начале войны, когда главной целью союзников был разгром нацистов, Черчилль обращался к членам ЭЛАС, называя их «достойными партизанами», а сторонники ЭЛАС в начале ноября 1944 года встречали англичан транспарантами с надписью «ЭАМ приветствует храбрую английскую армию» [4].

Но уже в следующем месяце начались бои между ЭЛАС и британскими войсками, с участием на британской стороне тех греков, которые воевали против ЭЛАС во время войны и одновременно сотрудничали с немцами или же просто служили у немцев. Министр иностранных дел Великобритании Эрнест Бевин признал в августе 1946 года, что в новой греческой армии в тот момент служили 228 бывших эсэсовцев, основной задачей которых было выслеживание греческих борцов сопротивления и евреев [5]. Дальнейшая поддержка кампании против ЭЛАС была оказана BBC и ВМС США, которые переправили в Грецию свыше двух английских дивизий [6]. Все это происходило в то время, когда война против Германии все еще бушевала в Европе.

В середине января 1945 года ЭЛАС согласилась на перемирие, на тот момент выглядевшее как признание капитуляции и имевшее соответствующий эффект. Среди историков существуют разногласия на этот счет. Одни полагают, что ЭЛАС потерпела военное поражение. По мнению других, коммунисты в рядах ЭЛАС и ЭАМ получили от Сталина указание сложить оружие. Если последнее и было настоящей причиной, то это связано с соглашением между

Сталиным и Черчиллем в октябре 1944 года, в результате которого сферы влияния в Восточной Европе были поделены между двумя державами. В результате этой циничной (по признанию Черчилля) игры англичане высадились в Греции. Черчиль позднее писал, что Сталин «придерживался строгого и добросовестного соблюдения нашего октябряского соглашения, и в течение всех долгих недель борьбы с коммунистами на улицах Афин ни одного слова упрека не раздалось со страниц газет «Правда» или «Известия» [7]. Об этом молчало также и московское радио, как ранее отмечал Хорхе Семпрун.

В своей знаменитой книге об истории холодной войны профессор Д. Ф. Флеминг отметил: «Важно помнить, что Греция стала первой из освобожденных стран, насильственно вынужденной принять политическую систему оккупирующей ее великой державы. Именно Черчиль начал первым действовать подобным образом, а Сталин последовал его примеру в Болгарии, а затем и в Румынии, хотя и с меньшим кровопролитием» [8].

Последовала череда греческих правительств, управлявшая страной с благоволения Великобритании и Соединенных Штатов. Насквозь коррумпированные греческие власти продолжили терроризировать левых, подвергая их пыткам в трагически известных тюремных лагерях на островах, и не делали ничего, чтобы облегчить ежедневные страдания греческого народа от последствий войны [9]. «В современном мире сложно найти столь же плохое правительство, как это», — писал в то время главный корреспондент Си-би-эс в Европе Говард К. Смит [10].

Осенью 1946 года случилось то, что должно было случиться: левые собирались с силами, чтобы начать второй этап гражданской войны. Коммунисты вышли из-под контроля Сталина, поскольку на карту были поставлены их личное выживание и спасение всего, во что они верили.

Англичане были отягощены собственными проблемами по восстановлению послевоенной страны. В феврале 1947 года они сообщили США, что больше не могут брать на себя содержание многочисленного военного контингента в Греции, а также обеспечивать крупномасштабную военную и экономическую помощь стране. Таким образом, историческая задача «сохранить все достойное и хорошее, что есть в западной цивилизации», перешла в руки Вашингтона.

Спустя несколько дней в Госдепартамент вызвали поверенного в делах Греции в Вашингтоне и сообщили ему, что его правительство должно обратиться к США с просьбой о помощи. Требовалось написать официальное письмо с просьбой о помощи, и такой документ появился. Как оказалось, он был подготовлен Госдепартаментом США. Текст этого письма, как позже сообщил поверенный, «был разработан с учетом менталитета членов Конгресса США. Это письмо также оправдывало действия американской администрации в ответ на обвинения как внутри страны, так и за ее пределами в том, что США проявили инициативу и вмешались в дела иностранного государства, и в том, что Вашингтон согласился принять такое плохое наследие у Лондона. Документ послужил также основой для формирования общественного мнения, которое внимательно изучалось» [11].

В июле в письме главе Американской миссии помощи Греции (AMAG) Дуайту Грисвольду (Dwight Griswold) госсекретарь Джордж Маршалл писал:

«Возможно, что во время Вашего пребывания в Греции Вы и посол приедете к выводу, что эффективность Вашей миссии повысится, если будет осуществлена реорганизация греческого правительства. Если такое решение будет принято, остается надеяться, что Вы и посол сможете способствовать проведению реорганизации настолько осторожно, что даже политические лидеры Греции будут считать, что реорганизация проводится в основном их собственными силами, а не под давлением со стороны» [12].

Госсекретарь снабдил Грисвольда, которого «Нью-Йорк таймс» вскоре назвала «самым влиятельным человеком в Греции», дополнительными указаниями [13]:

«В ходе Вашей работы Вы и члены Вашей миссии будете сталкиваться время от времени с тем, что некоторые греческие чиновники в силу своей некомпетентности, несогласия с Вашей политикой или по какой-то другой причине не захотят сотрудничать в той степени, которая необходима для достижения Ваших целей. От таких чиновников необходимо избавляться» [14].

Однако такие планы были отнюдь не самыми циничными в американской деятельности. Вашингтонские лидеры хорошо знали, что зависимое от них новое греческое правительство было настолько продажным и с таким презрением относились к соблюдению прав человека, что этому ужасались даже самые ярые американские антикоммунисты. Возьмем, к примеру, сообщения влиятельного обозревателя Стюарта Олсопа (Stewart Alsop). Так, 23 февраля 1947 года Олсон телеграфировал из Афин о том, что у большинства греческих политиков «нет большего желания, кроме как испробовать все прелести свободной экономики за счет американцев» [15]. В том же году американцы провели расследование и обнаружили огромные запасы продовольственной помощи, гнившей на складах, — в то время, когда от недоедания страдали 75 процентов греческих детей [16].

Такое состояние дел было так трудно приукрасить, что президент Трумэн в своем обращении к Конгрессу в марте 1947 года с просьбой о выделении Греции помощи на основании греческого «запроса» (речь «Доктрина Трумэна»), попытался упределить критику, признав, что греческое правительство «не идеально» и «допускает ошибки». Но так или иначе, по некоей идеологической схеме, известной только президенту, режим в Афинах считался «демократическим», а его противники — «террористами» [17].

В той речи не было ни единого упоминания о Советском Союзе, но в последующие два с половиной года неустанным рефреном Вашингтона стало утверждение, что русские подстрекают греческих левых и пытаются таким образом затащить за железный занавес еще одну «свободную» страну.

Соседние коммунистические страны, такие как Болгария, Албания и, в частности, Югославия, отчасти движимая старыми территориальными претензиями к Греции, помогали повстанцам, предоставляя им убежище на своих территориях и снабжая оружием (существенно или символически — это спорный вопрос). Однако СССР в лице Иосифа Сталина был категорически против оказания помощи греческим товарищам. По свидетельству Милована Джиласа, второго человека после Тито в югославском руководстве, на встрече с лидерами Югославии в начале 1948 года (за несколько месяцев до разрыва отношений между Югославией и Советским Союзом) Сталин обратился к министру иностранных дел Эдварду Карделью (Edvard Kardelj) и спросил: «Верите ли вы в успех восстания в Греции?» Кардель ответил:

«Только в том случае, если объем иностранного вмешательства не возрастет и не будут совершены серьезные политические и военные ошибки».

Сталин продолжал, не обращая внимания на мнение Карделя:

«Если, если! Нет, у них совершенно нет шансов на успех. Вы думаете, что Великобритания и Соединенные Штаты — США, самое могущественное государство в мире — позволят вам разрушить их линии коммуникаций в Средиземноморье? Чепуха. К тому же у нас нет флота. Восстание в Греции должно быть прекращено, и как можно скорее» [18].

Первая крупная партия военной помощи в рамках новой американской операции была поставлена летом 1947 года. Значительные объемы были отправлены греческому правительству из США еще в то время, когда в стране хозяйствничала Великобритания. К концу года греческие военные полностью обеспечивались американцами, начиная от обмундирования и заканчивая продовольствием. Национальный военный потенциал Греции был полностью переоснащен: происходило постоянное увеличение численности греческих вооруженных сил, а также истребителей-бомбардировщиков, эскадрилий транспортной авиации, аэродромов, напалмовых бомб, безоткатных орудий, военно-морских патрульных судов, коммуникационных сетей, доков, железных и автомобильных дорог, мостов. На поставки и оборудование были потрачены сотни миллионов долларов, и к концу Второй мировой войны сумма расходов приближалась к миллиарду. Еще миллионы были потрачены на создание «тайной резервной армии» — боевых частей, состоявших в основном из бывших эсэсовцев, о которых упоминалось ранее [19].

Военная миссия США взяла в свои руки разработку военных планов для греческой армии, оставив не у дел непригодных для этого греческих генералов. По словам британского военного писателя майора Эдгара О'Бэланса (Edgar O'Ballance), миссия «заняла жесткую позицию и настаивала на том, чтобы все ее рекомендации выполнялись тотчас и в полном объеме» [20]. В стране служили более 250 офицеров армии США, многие из которых были

приписаны к дивизии сухопутных войск Греции для обеспечения надлежащего исполнения американских директив; другие действовали на бригадном уровне. Еще около 200 военнослужащих BBC и ВМС США также находились на военной службе в Греции.

Все военные методы и программы подготовки были «пересмотрены, обновлены и подтянуты до предела» под американским контролем [21]. Подразделения пехоты стали более мобильными, а их огневая мощь возросла; специальные подразделения коммандос обучались тактике ведения боевых действий против партизана, греческие войска — особенностям ведения боевых действий в горах (4000 мулов было поставлено в Грецию из США для этих целей). По настоянию Вашингтона, для того чтобы лишить партизанские отряды естественной базы и источников поступления новобранцев, с места постоянного проживания были насильственно выселены жители целых районов. Двадцать лет спустя во Вьетнаме будет использована та же тактика.

«Американская поддержка становилась все более активной и на земле, и в воздухе, — писал С. М. Вудхаус (C. M. Woodhouse), британский полковник и историк, служивший в Греции в середине 1940-х, — и грань между действиями советников, разведки и боевыми действиями была абсолютно тонкой» [22].

Греческие левые продержались три страшных года. Несмотря на потери многих десятков тысяч бойцов, они всегда имели возможность пополнять свои силы и даже увеличивать их численность. Но к октябрю 1949 года, предвидя еще большие потери от превосходящей их по мощи машины уничтожения, партизаны объявили по радио о «прекращении огня». Это был конец гражданской войны.

Степень господства США над Грецией, начавшегося с 1947 года, трудно переоценить. Мы знакомы с директивами Маршалла в адрес Грисвольда и с тем, как американцы руководили данной военной кампанией. Были и многие другие проявления этой политики.

Так, в сентябре 1947 года заместитель премьер-министра Константинос Цалдарис согласился на распуск правительства и создание новой правящей коалиции. Как сообщала «Нью-Йорк таймс», Цалдарис пошел на это, «уступив желаниям Дуайта П. Грисвольда, американского посла МакВига, а также короля» [23]. Прежде чем Цалдарис смог обратиться к греческим законодателям по данному вопросу, МакВиг (MacVeagh) вмешался и внес изменения в его речь [24].

В течение последующих нескольких лет смена премьер-министров в Греции происходила довольно часто, и каждый раз только после достаточно активного вмешательства американцев, если не по прямому их требованию [25]. Один из таких прецедентов произошел в 1950 году, когда тогдашний американский посол Генри Грейди направил премьер-министру Венизелосу послание, в котором угрожал прервать поставки американской помощи в случае, если тот не проведет реорганизацию правительства. Венизелос был

вынужден подать в отставку [26]. Американское влияние также ощущалось и в отношении других высокопоставленных деятелей греческого общества. Андреас Папандреу, который позднее сам стал премьер-министром, писал об этом периоде: «Члены правительства и армейские генералы, лидеры политических партий и влиятельные личности открыто исполняли все американские пожелания и выстраивали свои действия с учетом мнения американцев» [27].

Прежде чем начать новый этап репрессий против инакомыслящих в июле 1947 года, греческие власти обратились к послу МакВигу. Посол сообщил, что правительство США не будет возражать против «превентивных мер, если они будут считаться необходимыми». Успокоенные этими заверениями, греки раскрутили маховик репрессий так, что число обвиняемых достигло за одну неделю 4000 человек [28].

Примером того, как греческий гражданин мог оказаться в тюрьме, может служить дело члена ЭАМ, осужденного на 18 месяцев за газетные высказывания, показавшиеся Дуайту Грисвольду оскорбительными. Автор назвал американца «официальным представителем иностранного государства» [29].

«В экономической сфере», как писал Андреас Папандреу, Соединенные Штаты «в начале пятидесятых годов осуществляли почти диктаторский контроль, требуя, чтобы на каждом важном документе рядом с подписью греческого министра по координации стояла подпись руководителя американской экономической миссии» [30].

До этого американское управление экономикой, возможно, было еще более жестким. В памятной записке, направленной из Афин Американской миссией помощи Греции в адрес Госдепартамента 17 ноября 1947 года, в частности, говорилось: «Мы установили практически полный контроль... над национальным бюджетом, налогообложением, выпуском денег, ценовой политикой и политикой в области заработной платы, государственным экономическим планированием, а также над импортом и экспортом, выдачей иностранной валюты, вектором реорганизации вооруженных сил и расходами по оказанию помощи» [31].

Кроме того, по образу и подобию ЦРУ было создано новое Агентство внутренней безопасности Греции (по-гречески КYP). Вскоре КYP стало использовать практику тайной полиции, включая систематические пытки.

К началу 1950-х Греция была превращена в самого надежного сателлита союзника Соединенных Штатов. Страна исповедовала ярый антикоммунизм и хорошо вписалась в структуру НАТО. Греция направила свои войска в Корею — в поддержку лукавого заявления Вашингтона о том, что это не только американская война.

Можно с полной уверенностью предполагать, что если бы левые пришли к власти, Греция была бы гораздо более независимой от Соединенных Штатов. Греция, скорее всего, была бы независима и от Советского Союза, которому греческие левые ничем не были обязаны. Как Югославия, которая также не

имела общей границы с СССР, Греция была бы дружественной по отношению к русским, но независимой страной.

Когда в 1964 году к власти в Греции пришло правительство, провозгласившее свежую идею государственного суверенитета Греции, Соединенные Штаты и их греческие пособники быстро и эффективно искоренили эту ересь. С этим мы ознакомимся в одной из следующих глав.

4. Филиппины, 1940–1950

СТАРЕЙШАЯ КОЛОНИЯ США

Я бродил по Белому дому в раздумьях целыми ночами. И мне не стыдно признаться вам, господа, что я опускался на колени, молился Господу Всемогущему и просил его указать мне путь. И вот в одну из таких ночных мне открылось, уж не знаю как, но открылось следующее знание. Во-первых, я понял, что мы не можем вернуть их [Филиппинские острова] обратно Испании, поскольку это было бы трусостью и бесчестьем. Во-вторых, мы не можем передать их Франции или Германии — нашим торговым конкурентам на Востоке. Это было бы невыгодным и постыдным делом. В-третьих, мы не можем не вмешиваться в их дела, ибо они не способны к самоуправлению и в скором времени столкнутся с еще большей анархией и хаосом, которые наблюдались при испанцах. В-четвертых, нам не остается ничего другого, кроме как полностью взять управление над филиппинцами, обучать их, просвещать и приобщать к цивилизации и христианским ценностям, и с божьей милостью делать для них все возможное, как для своих собратьев, за которых отдал свою жизнь Иисус.

Уильям Мак-Кинли, президент США, 1899 год [1]

Намерение Уильяма Мак-Кинли устроить филиппинцам хорошую жизнь свелось к тому, что американские солдаты убивали их десятками тысяч, жгли их деревни, подвергали их пыткам и создали почву для экономической эксплуатации этой страны. Такую политику ведущие государственные деятели и газеты США гордо именовали в то время империализмом.

После изгнания испанцев с Филиппин в 1898 году совместными усилиями американцев и филиппинцев Мадрид согласился «уступить» (следует понимать — продать) США острова за 20 миллионов долларов. Но филиппинцы, уже провозгласившие независимость своей страны, не приняли обращение с собой как с недвижимостью на земельном участке. Тогда, в соответствии с принятым решением, американские войска численностью до 50 тысяч человек

приступили к выполнению задачи по внушению населению необходимости признать уготовленный ему статус.

Таким образом, Филиппины оказались самой давней и самой буквальной колонией США.

Почти полвека спустя американские войска вновь высадились на Филиппинах, обнаружив там патриотическое движение, сражающееся против общего врага, на этот раз против японцев. Воюя в 1945 году с японцами, американские войска предприняли множество усилий для того, чтобы разоружить филиппинскую армию сопротивления — Народную антияпонскую армию, или Хукбалахап (по-тагальски — Hukbo ng Bayan Laban sa mga Hapon). Американские войска разоружали подразделения армии сопротивления, уничтожали созданные Хукбалахап органы самоуправления, арестовывали и бросали в тюрьмы активистов движения, а также лидеров Коммунистической партии Филиппин. Партизанские отряды, сформированные и управляемые в основном американскими офицерами и состоящие из американских и филиппинских солдат из та называемых сухопутных войск США на Дальнем Востоке, проводили жестокие полицейские рейды против участников Хукбалахап и их сторонников. Распространялись слухи, порочащие движение сопротивления, чтобы ослабить его поддержку со стороны мирного населения. Японцам же разрешалась безнаказанно нападать на участников Хукбалахап.

Одновременно с этими событиями участники движения сопротивления вели тяжелые бои с японскими захватчиками и филиппинскими коллаборационистами и часто приходили на помощь американским солдатам [2].

В этой кампании против движения сопротивления США пользовались услугами филиппинцев, сотрудничавших с японцами, — землевладельцев и крупных собственников, многих сотрудников полиции и других государственных чиновников. После войны американцы расставили во властных и государственных структурах многих из тех, кто запятнал себя сотрудничеством с японцами, невзирая на отрицательное отношение к ним со стороны филиппинцев-патриотов [3].

Народная антияпонская армия была создана Коммунистической партией Филиппин в ответ на оккупацию островов Японией в 1942 году. Среди американских политиков были такие, кто считал, что Хукбалахап была не чем иным, как инструментом международного коммунистического заговора, и с ней следовало бороться так же, как и с другими подобными группировками. Другие политики в Вашингтоне и Маниле, чья реакция была менее предсказуема, но более цинична, признавали, что движение, если его растущее влияние не взять под контроль, приведет к радикальным реформам филиппинского общества.

Центральное место в политической программе Народной антияпонской армии отводилось земельной реформе. Она была крайне необходима для ориентированного на сельское хозяйство общества. (Время от времени американские официальные лица неискренне заявляли о своей поддержке этой концепции, однако за все время американской оккупации никаких действий в поддержку не предприняли.) Другой задачей программы движения Хукба-

лахап была индустриализация, осуществлению которой Вашингтон долгое время препятствовал, с тем чтобы американские промышленные компании имели на Филиппинах преференции. Движение Хукбалахап считало, что такие реформы могли бы послужить толчком к началу новой жизни и помогли бы покончить с отсталостью островитян, неграмотностью, ужасающей нищетой и связанными с ней болезнями, в частности туберкулезом и авитаминозом. Газета «Нью-Йорк таймс» сообщала: «В целом считается, что коммунистическое движение сопротивления Хукбалахап появилось из-за недовольства и бедственного положения крестьян Центрального Лусона (самого крупного острова Филиппинского архипелага)» [4].

В исследовании, подготовленном несколько лет спустя для сухопутных войск США, такое утверждение также присутствовало. Там подчеркивалось, что «главным стимулом деятельности движения Хукбалахап было недовольство крестьян, а не идеи ленинизма» [5].

Тем не менее движение было явной угрозой для неоколониального строя на Филиппинах, для американской сферы влияния и для интересов тех филиппинцев, которых устраивало сложившееся положение вещей.

К концу 1945 года, через четыре месяца после окончания Второй мировой войны, Соединенные Штаты уже обучали и вооружали пятидесятисычную филиппинскую армию для фронтов холодной войны [6]. В своих показаниях перед комитетом Конгресса США генерал-майор сухопутных войск США Уильям Арнольд (William Arnold) искренне заявлял, что эта программа была «необходима для поддержания внутреннего порядка, а вовсе не для отражения атак со стороны внешнего противника» [7]. Ни один из присутствовавших конгрессменов публично не выразил никаких возражений по поводу обоснованности с точки зрения международного права такой внешней политики.

В то же время США держали своих солдат на Филиппинах, где по крайней мере в одной из пехотных дивизий был восстановлен центр боевой подготовки. Это привело к громким протестам со стороны американских солдат, которые хотели лишь вернуться домой. Начало боевой подготовки, как писала «Нью-Йорк таймс», «воспринималось солдатами и некоторыми филиппинскими газетами как подготовка к подавлению возможных восстаний групп недовольных филиппинских крестьян». В статье также говорилось, что солдаты могли многое рассказать «про вооруженное вмешательство США в Китае и Голландской Индии [Индонезии]», происходящее в то же время [8].

В какой степени американские военные принимали непосредственное участие в подавлении оппозиционных групп на Филиппинах после войны, остается неизвестным.

Лидеры Хукбалахап не доверяли ни властям Филиппин, ни США и не собирались добровольно складывать оружие. Тем не менее Народная антияпонская армия решила проверить доброту намерений филиппинского правительства и принять участие в национальных выборах в апреле 1946 года, войдя в «Демократический альянс», состоявший из либеральных и социалистических крестьянских политических групп. Объявление независимости

Филиппин было перенесено на три месяца — на 4 июля. Как оказалось, главнокомандующий Народной антияпонской армии Луис Тарук и несколько других участников альянса и сторонников реформ, выигравшие выборы в конгресс (трое в сенат и семеро в палату представителей), не смогли занять свои места из-за явно сфабрикованного обвинения в том, что на избирателей оказывалось давление в их пользу. Избирательная комиссия не стала проводить ни расследование, ни проверку по данному факту [9]. Спустя два года Таруку временно разрешили занять свое место в конгрессе, когда он приехал в Манилу для обсуждения с правительством положения о прекращении огня.

Цели, которые преследовались этими сфабрикованными обвинениями, были довольно очевидны. Правительство таким образом смогло протолкнуть через конгресс довольно противоречивый Закон о торговле между США и Филиппинами: в палате представителей он прошел благодаря перевесу лишь в два голоса, а в сенате — при минимально необходимом числе голосов. Закон предоставил США щедрые привилегии и концессии на разработку филиппинской экономики, включая «равные права... на разработку природных ресурсов страны и операции с акциями и облигациями государственных предприятий общественного пользования» [10]. Это положение о «равенстве прав» распространилось в конечном итоге на все отрасли экономики Филиппин [11].

После этих сомнительных выборов в отношении крестьян прокатилась волна зверств со стороны военных, полиции и банд головорезов, нанятых землевладельцами. По словам Луиса Тарука, спустя некоторое время после выборов было уничтожено несколько деревень, убито более 500 крестьян и их старост; втрое больше людей было брошено в тюрьмы, где они подвергались пыткам, были искалечены или пропали без вести. Участники движения Хукбалахап и другие оппозиционеры поняли, что у них не остается выбора, кроме как вновь взяться за оружие [12].

Независимость вряд ли кардинально изменила бы сложившуюся ситуацию. Американский историк Джордж Тэйлор (George E. Taylor), обладавший доверием истеблишмента, в своей спонсированной ЦРУ книге все же был вынужден подчеркнуть, что независимость «была отмечена щедрыми выражениями взаимной доброй воли, частично выполненными обещаниями и восстановлением старых отношений практически во всех аспектах. ...Перед филиппинцами было выдвинуто много требований и условий, обеспечивающих торговое преимущество США, и ни одного условия не ставилось для обеспечения социальных и политических преимуществ самих филиппинцев» [13].

Тем временем американские военные продолжали обустраиваться на Филиппинах. Соглашение от 1947 года предусматривало предоставление мест под 23 военные базы США со сроком аренды на 99 лет. В нем оговаривалось, что американские военнослужащие, совершившие преступления в ходе несения службы за пределами военных баз, могли быть осуждены только американскими военными судами на территории этих баз.

По условиям соглашения о дружественной военной помощи правительству Филиппин запрещалось покупать что-либо, даже патроны, у любых поставщиков вооружений, кроме США, без согласия Вашингтона. Такое положение дел, включающее в себя обязательную подготовку личного состава, техническое обслуживание и поставку запчастей, сделало филиппинские вооруженные силы чрезвычайно зависимыми от Соединенных Штатов. Более того, никому из иностранцев, кроме американцев, не разрешалось выполнять любые задачи в интересах Филиппин или совместно с филиппинскими вооруженными силами без одобрения США [14].

К началу 1950-х годов США поставили на Филиппины военной техники и вооружений на сумму более 200 миллионов долларов — невероятная сумма для того времени. И это вдобавок к строительству различных военных объектов [15]. Объединенная группа военных советников (ОГВС) США реорганизовала разведывательную службу и министерство обороны Филиппин, во главе которого поставила своего человека — Рамона Магсайсая (Ramon Magsaysay). В армии Филиппин были созданы батальонные боевые группы, специально подготовленные для ведения противоповстанческих действий [16]. Филиппины стали экспериментальной лабораторией для такого нетрадиционного вида ведения боевых действий. Методы и терминология в стиле «найти и уничтожить» и «усмирение» позже стали печально известны во Вьетнаме.

К сентябрю, когда на Филиппины прибыл подполковник Эдвард Лэнсдейл (Edward G. Lansdale), гражданская война имела все признаки затяжной войны без видимых признаков победы с чьей-либо стороны. Для видимости Лэнсдейл был еще одним американским военным советником из ОГВС, но на самом деле он являлся главой отдела ЦРУ, занимавшегося тайными и диверсионными операциями в стране. Очевидный успех его деятельности на Филиппинах сделал Лэнсдейла признанным авторитетом в вопросах карательно-репрессивных действий по борьбе с повстанческими выступлениями.

В своих поздних воспоминаниях об этом периоде жизни Лэнсдейл рассказывал удивление, слыша от своих информированных филиппинских гражданских друзей о репрессиях, к которым прибегало правительство Кирино (Quirino). По их заявлению, зверства филиппинского правительства были не меньшими, чем приписываемые движению Хукбалахап; правительство погрязло в коррупции (вплоть до постовых полицейских, с чем Лэнсдейл сталкивался лично); сам Кирино в предшествовавший год был избран «благодаря обману и мошенничеству». Друзья Лэнсдейла считали, что «участники движения Хукбалахап были правы», они «представляли будущее», и военные методы борьбы были единственным способом для них заполучить свое собственное правительство. (Как писал корреспондент газеты «Сатердей ивнинг пост», «полиция была бандой воров и насильников в форме, более страшных, чем бандиты... а армия была немногим лучше».) [17]

Но Лэнсдейл был несгибаем. Он приехал делать свою работу. Соответственно, говорил он себе, что если бы к власти пришло движение Хукбалахап, это привело бы лишь к другой форме несправедливости, где в привилегиро-

ванном положении оказалось бы другое меньшинство, которое поддерживала бы другая еще более жестокая сила. Впоследствии он убедил себя, что работал на стороне тех, кто взял обязательство «зашитать свободы человека на Филиппинах» [18].

Как бывший рекламный агент, Лэнсдейл был хорошо знаком с механизмами изучения рыночной конъюнктуры, СМИ, технологиями мотивации и дезинформации. На языке ЦРУ это называется «психологическая война». В итоге Лэнсдейл создал подразделение, получившее название «Отдел по связям с гражданской администрацией и населением». В своей работе отдел отталкивался от посыла, согласно которому народная партизанская армия не может быть побеждена одной лишь силой. В глазах большинства американских офицеров это выглядело новым и довольно странным утверждением.

Команда Лэнсдейла провела тщательное исследование суеверий филиппинских крестьян, проживавших в районе деятельности движения Хукбалахап: их традиционные предания, табу и мифы были изучены для поиска подходящих лозунгов, которые могли бы отвратить их от поддержки повстанцев. Так, в ходе одной из операций люди Лэнсдейла совершали облеты сельских районов на небольшом самолете и под прикрытием облаков вещали по громкоговорителю на тагальском языке таинственные проклятия, которые падут на головы всех жителей деревни, если они будут предоставлять участникам движения сопротивления продовольствие или убежище. Сообщалось, что использование подобных приемов привело к капитуляции некоторых испытывающих нехватку продовольствия подразделений Хукбалахап [19].

Другая инициированная Лэнсдейлом операция в рамках «психологической войны» была основана на суеверном страхе перед неким *асуангом*, вампиrom, миф о котором бытовал в филиппинской провинции. Отряд по психологической войне прибыл в город и распространил слухи, что *асуанг* живет на соседнем холме, где базировались отряды Хукбалахап и откуда правительственные войска стремились их выбить. Спустя две ночи после того, как слухи распространились среди сторонников движения сопротивления в городе и добрались до холма, отряд по психологической войне расположился в зарослях рядом с тропой, использовавшейся повстанцами. Когда мимо проходил патруль Хукбалахап, они схватили последнего идущего, проткнули ему шею, сымитировав укус вампира, подвесили его тело за ноги, чтобы стекла кровь, а затем подбросили тело обратно на тропу. Когда повстанцы, очень суеверные, как и другие филиппинцы, обнаружили бескровное тело, они в спешке покинули этот район [20].

Лэнсдейл регулярно, в духе «мозговых штурмов», принятых на населенной пиар-агентствами Мэдисон-авеню, проводил с государственными и военными филиппинскими чиновниками так называемые «кофейные посиделки», в ходе которых обсуждались новые идеи. В результате этих встреч появился на свет «Корпус экономического развития», призванный соблазнить участников движения Хукбалахап программой переселения на их собственные участки с орудиями труда, семенами, денежными займами и т. д. Эти обещания не могли

быть выполнены из-за имеющихся земельных проблем, поэтому число откликнувшихся было невелико. Однако принципиальной целью этого аспекта психологической войны было лишить врага его убедительных аргументов [21]. Среди других тактических приемов, изобретенных и усовершенствованных Лэнсдейлом, были: создание фильмов и радиопередач в поддержку действий правительства; проникновение правительственные агентов в ряды движения сопротивления для сбора информации и внесения раскола; попытки прекратить дурное обращение правительственный солдат с крестьянами (что касается движения Хукбалахап, то у него с давних времен существовал четкий кодекс правильного поведения партизан по отношению к крестьянам, нарушители которого наказывались); в других ситуациях солдатам правительской армии разрешалось бесчинствовать в деревнях — маскируясь под участников движения Хукбалахап [22].

Этот тактический прием, как отмечал Л. Флетчер Праути (L. Fletcher Prouty), был «доведен до совершенства на Филиппинах». Солдат направляли с карательными действиями «на ничего не подозревавшую деревню в духе батальных сцен режиссера Сесиля Б. де Милля» [23]. Отставной полковник ВВС США Праути на протяжении девяти лет руководил взаимодействием Пентагона и ЦРУ. Он описал другой сценарий, в котором участники движения Хукбалахап были заклеймены как террористы для того, чтобы исказить политический характер их борьбы и подорвать к ним доверие со стороны населения:

«На Филиппинах экономические интересы деревообрабатчиков и сахарозаводчиков вынудили десятки тысяч простых, отсталых жителей деревень покинуть районы, в которых они проживали веками. Когда эти бедные люди бежали в другие районы, было вполне очевидно, что это приведет к нарушению территориальных прав других сельских жителей и землевладельцев. Это и вело к жестоким массовым беспорядкам или, по крайней мере, спорадическим вспышкам бандитизма — последнему отчаянному средству спасения для умирающих и запуганных людей. Обычно, когда находящееся вдалеке от мест событий правительство узнает о бандитизме и насилии, оно должно дать надлежащее объяснение этому. В последнюю очередь региональное правительство хотело бы сообщить стране, что финансовые интересы в сфере деревообработки и производства бумаги заставляют бежать людей с родовых земель. На Филиппинах принято, что местные/региональные правительства получают 10 процентов взяток со всех предприятий такого рода и еще 10 процентов уходит государственным чиновникам. Таким образом, «инспирированная коммунистами подрывная деятельность» стала самым безопасным для правительства объяснением имевших место событий. На Филиппинах синонимом слова «коммунист» стал боец армии сопротивления Хукбалахап» [24].

Самой коварной частью операции ЦРУ на Филиппинах стала фундаментальная манипуляция политической жизнью страны, характерной чертой которой были фальсификация выборов и компаний по дезинформации. Кульминацией этих манипуляций стало избрание в президенты в 1953 году

Рамона Магсайсая, говорчного политика, возглавлявшего ранее министерство обороны.

Считается, что «создал» Магсайсая Лэнсдейл [25]. Возглавляемые им, то есть ЦРУ, организации, такие как Национальное движение за свободные выборы, вели избирательную кампанию на Филиппинах, пользуясь такими привилегиями и такими денежными средствами, что сравнить их можно было лишь с возможностями комитетов Демократической или Республиканской партии США либо очень состоятельного мэра Дэйли в Чикаго. Несмотря на это, газета «Нью-Йорк таймс» в редакторской колонке назвала Филиппины «витриной демократии в Азии» [26].

Однажды сотрудники ЦРУ добавили в напиток оппонента Магсайсая и действующего президента Эльпиdio Кирино (Elpido Quirino) наркотическое вещество перед тем, как он выступил с речью. В итоге его речь прозвучала бессвязно и неубедительно. В другой раз, когда Магсайсай попытался настоять на выступлении со своей речью, написанной не людьми из ЦРУ, а филиппинскими спичрайтерами, Лэнсдейл в ярости ударил кандидата в президенты так сильно, что тот потерял сознание [27].

Магсайсай победил на выборах; но еще до выборов ЦРУ контрабандой доставило оружие для организации переворота в случае, если их человек проиграет [28].

Как только Магсайсай приступил к исполнению служебных обязанностей, люди из ЦРУ стали писать для него речи, тщательно контролировать его внешнюю политику. Управление активно использовало свои «ресурсы» в СМИ (проплаченных редакторов и журналистов) для обеспечения постоянной поддержки его политических программ и участия в антикоммунистической кампании в Юго-Восточной Азии, координируемой Вашингтоном, а также для нападок на газетных обозревателей, настроенных против США. Как говорил помощник президента Шерман Адамс (Sherman Adams), Магсайсай был настолько признателен США, что «пообещал Эйзенхауэру, что сделает для США все, что потребуется, — даже если у его министра иностранных дел будет противоположная точка зрения» [29].

Лэнгли использовал практику подборки статей, которые писались агентами-журналистами ЦРУ для провинциальных газет, а затем издавались в ежемесячном дайджесте провинциальной прессы. Далее дайджест направляли парламентариям и другим лицам, формирующим общественное мнение в Маниле, чтобы у них сложилось определенное представление о том, «что думает провинция» [30]. Такая практика, изобретенная ЦРУ для Магсайсая, была позже использована подразделениями Управления в ряде других стран третьего мира.

Для нейтрализации главного политического оппонента Магсайсая и яростного критика американской политики на Филиппинах Кларо М. Ректо (Claro M. Recto) американцы применили следующий подход. ЦРУ распространило слухи о том, что он был агентом коммунистического Китая, и подготовило упаковки презервативов с надписью «Любезно предоставлено

Кларо М. Ректо — другом народа». Однако презервативы были бракованными и имели дырки в самых неподходящих местах [31].

ЦРУ также планировало убийство Ректо путем отравления. От идеи отказались скорее «по прагматическим соображениям, а не из-за угрызений совести» [32].

В 1957 году, после гибели Магсайсая в авиакатастрофе, ЦРУ пыталось найти других филиппинских политиков и силы, которые смогли бы работать на Лэнгли или сами предлагали себя в качестве таковых. Одним из них был Диосдадо Макапагал (Diosdado Macapagal), избранный президентом в 1961 году. Макапагал предоставлял ЦРУ политическую информацию в течение нескольких лет и в конце концов попросил и получил то, чего, по его мнению, заслуживал: большую финансовую поддержку для его кампании. Американский «Ридерз дайджест» назвал его избрание «явной демонстрацией демократии в действии» [33].

По иронии судьбы, Макапагал был злейшим противником американского вмешательства в кампанию выборов Магсайсая в 1953 году. В то время он постоянно цитировал выдержки из филиппинского закона, который гласил, что «ни один иностранец не имеет права оказывать помощь какому-либо кандидату, прямо или косвенно, либо принимать участие или влиять на любые выборы в какой-либо форме» [34].

Что еще более иронично, в 1957 году правительство Филиппин приняло закон, написанный явно под диктовку американцев, который объявил вне закона как коммунистическую партию, так и Хукбалахап по причине того, что эти организации, добиваются перехода правительства «под контроль и господство иностранного государства» [35].

К 1953 году бойцы движения Хукбалахап были рассеяны и деморализованы и не представляли больше серьезной угрозы, хотя очаги их сопротивления продолжали тлеть еще в течение нескольких лет. Трудно определить, в какой степени спад их активности был связан с традиционными силовыми методами борьбы с ними, или с еще более нетрадиционными методами Лэнсдейла, или с физическим ослаблением многих членов Хукбалахап от недоедания и болезней, вызванных обнищанием крестьянства. Задолго до своего конца участники Хукбалахап также испытывали нехватку оружия, боеприпасов и военной техники, ставя тем самым под сомнение часто повторяемые обвинения со стороны филиппинских и американских властей о получении филиппинским сопротивлением советской и китайской помощи [36]. Филиппинский историк Эдвард Лачика (Edward Lachica) написал, что «Кремль только на словах поддерживал коммунистическое движение на Филиппинах, хваля Хукбалахап за участие в «глобальной борьбе против США», но никакой материальной поддержки не предлагал» [37].

Как отмечал Джордж Тейлор, «с уничтожением военной мощи Хукбалахап социальная и политическая программы движения, которые могли бы быть реализованы, отошли на второй план» [38].

Впрочем, «американский бастион» надежно закрепился в Юго-Восточной Азии. Именно с Филиппин начнутся американские воздушные и морские действия против Кореи и Китая, Вьетнама и Индонезии. Филиппинское правительство будет направлять войска, чтобы сражаться на стороне Соединенных Штатов во Вьетнаме и Корее. На островных базах тактика и профессиональные навыки ведения противоповстанческих действий будут передаваться войскам других союзников США на Тихом океане.

5. Корея, 1945–1953

ЧТО ЖЕ ЭТО БЫЛО?

Умереть за идею — бесспорно, благородно. Но было бы куда благороднее умирать за правильные идеи.

Х. Л. Менкен (H. L. Mencken), 1919 год

Как же так получилось, что корейская война обошлась без протестов, сопровождавших войну во Вьетнаме? Ведь все американские преступления во Вьетнаме имели место в предшествовавшей ему корейской войне: поддержка коррумпированной тирании, злодеяния, напалм, массовые убийства гражданского населения, стертые с лица земли города и деревни, расчетливое управление новостями, саботаж мирных переговоров. Но американский народ был убежден, что война в Корее — это частный случай вторжения одного государства, без каких-либо провокаций, на территорию другого государства. Это представлялось как ситуация, когда плохие парни нападают на хороших парней, которых спасают еще лучшие парни; в ней не было той исторической, политической и моральной неоднозначности, которая стала дилеммой во Вьетнаме. Корейская война, как отмечали, началась по-другому: ранним утром 25 июня 1950 года Северная Корея напала на Южную Корею; в то время как о войне во Вьетнаме никто не знал, как она началась, когда и почему.

Также во время корейской войны почти не звучало обвинений США в «империализме». Ведь Соединенные Штаты участвовали в боевых действиях в составе войск ООН — против чего тут протестовать? Конечно, в начале 1950-х годов в общественной жизни США доминировал маккартизм, сдерживавший любые акции протesta.

Существовали довольно разные интерпретации причин самой войны, ведения и даже обстоятельств ее начала, но все они вскоре ушли в небытие в пылу военной лихорадки.

Сразу после окончания Второй мировой войны СССР и США оккупировали Корею, чтобы изгнать оттуда побежденных японцев. Демаркационная линия между советскими и американскими войсками была проведена по 38-й параллели. Создание этой линии не несло в себе намерения, скрытого или явного, основать два независимых государства, но холодная война вскоре внесла свои корректизы.

Обе державы настаивали на том, что объединение Севера и Юга — это основная и желаемая цель. Однако каждая из сторон хотела видеть этот процесс в соответствии со своими идеологическими установками. Стороны стали вести переговоры, состоявшие из предложений и контрпредложений, обвинений и контробвинений, обильно перемешанных с хитростью и изворотливостью. В результате на протяжении последующих лет никакого соглашения достичь не удалось. Хотя Москва, Вашингтон и лояльные им корейские лидеры не всегда были недовольны разделением страны (поскольку половина страны — это лучше, чем ничего), официальные лица и простые граждане Кореи с обеих сторон продолжали искренне призывать к объединению страны.

Тот факт, что на момент начала войны Корея все еще была единой страной, перед которой стоял вопрос объединения, подчеркивал глава постоянного представительства США при ООН Уоррен Остин (Warren Austin) в сделанном вскоре заявлении:

«Искусственная граница, разделившая Северную и Южную Корею, не имеет никаких оснований для существования ни с юридической точки зрения, ни с позиции здравого смысла. Ни Комиссия ООН по Корее, ни Республика Корея [Южная Корея] не признают эту границу, и сейчас Северная Корея путем военного вторжения в Республику Корея еще раз опровергла реальность этой пограничной линии» [1].

Две стороны регулярно вступали в столкновения вдоль 38-й параллели на протяжении нескольких лет, поэтому произошедшее тем роковым июньским днем можно считать не более чем эскалацией имевшей место гражданской войны. Правительство Северной Кореи заявило, что в одном лишь 1949 году южнокорейская армия и полиция совершили 2617 вооруженных вторжений на территорию Северной Кореи, включая убийства, похищения, грабежи и поджоги, с целью организации беспорядков и волнений, а также для повышения боеспособности захватчиков. Время от времени, как заявлял Пхеньян, тысячи солдат участвовали в боях, результатами которых стали многочисленные потери [2]. Представитель Госдепартамента США посол по особым поручениям Филип Джессап (Philip C. Jessup), выступая в апреле 1950 года, прокомментировал это так:

«Происходит постоянное вооруженное противоборство между южнокорейской армией и группами бандформирований, проникающими в страну с севера. Происходят вполне реальные бои с участием одной-двух тысяч человек. Если вы окажитесь у этой границы, как оказался я... вы увидите передвижения войск, укрепления и военнопленных» [3].

В этом контексте вопрос «Кто же именно сделал первый выстрел 25 июня 1950 года?» теряет свою значимость. Согласно северокорейской версии, их вторжение было спровоцировано двухдневными бомбардировками (23 и 24 июня) с южнокорейской стороны, за которыми последовало вероломное нападение Южной Кореи на город Хэджу (Наеju) и другие населенные пункты. Объявление о начале войны было передано по радио Севера позже, утром 25 июня.

Вопреки распространенному в то время мнению, ни одной из групп Организации Объединенных Наций — ни группе военных наблюдателей ООН на местах, ни Комиссии ООН по Корее в Сеуле — не удалось зафиксировать начало военных действий. Патрулирование военных наблюдателей ООН вдоль 38-й параллели закончилось 23 июня. Их заявления о том, что боевые действия начались позже, являются либо предположениями, либо основаны на информации, полученной от южнокорейского правительства или американских военных.

Кроме того, рано утром 26 июня южнокорейское Управление общественной информации объявило, что силы Юга действительно захватили северокорейский город Хэджу. В сообщении говорилось, что нападение произошло тем же утром, но, согласно американской вечерней военной сводке от 25 июня, южная территория к западу от реки Имджин (Imjin) была потеряна на глубину по меньшей мере трех миль внутрь границы, кроме района «контратаки» на Хэджу.

В любом случае, эту военную победу южнокорейской стороны чрезвычайно сложно увязать с официальным мнением Запада, согласно которому северокорейская армия совершила внезапное массированное наступление, занимая на своем пути все населенные пункты и вынуждая войска южнокорейской армии к отступлению в южном направлении.

Впоследствии южнокорейские власти отрицали свой захват Хэджу, объясняв объявление об этой операции преувеличением со стороны армейского офицера. Один историк объяснил это якобы неправильное объявление «ошибкой, вызванной плохой связью, а также попыткой поднять моральный дух южан путем объявления победы». Независимо от того, что фактически стоит за этим объявлением, очевидно, что заявления южнокорейского правительства относительно начала войны не заслуживают доверия [4].

В западной прессе появилось несколько сообщений о нападении на Хэджу, в которых не упоминается о заявлении южнокорейского правительства и которые могут рассматриваться в качестве независимых подтверждений этого события. Лондонская газета «Дейли геральд» (Daily Herald) от 26 июня сообщала, что, «по словам американских военных наблюдателей, южане успешно провели освободительную контратаку, проникнув на пять миль в глубь территории на западном побережье и захватив город Хэджу». В тот же день лондонская «Гардиан» (The Guardian) вторила: «Американские официальные лица подтвердили факт захвата войсками Южной Кореи города Хэджу».

26 июня американская «Нью-Йорк геральд трибюн» (New York Herald Tribune) также сообщила о том, что «южнокорейские войска перешли 38-ю

параллель, по которой проходит граница, и захватили промышленный город Хэджу к северу от нее. Республиканские войска захватили большое количество боевой техники». Ни один из источников не назвал дату начала конфликта.

25 июня американский писатель Джон Гюнтер (John Gunther) находился в Японии, работая над биографией генерала Дугласа Макартура (Douglas MacArthur). В своей книге он рассказывает, как в городе Никко (Nikko) он изображал туриста вместе с «двумя высокопоставленными лицами» из американской оккупационной администрации, когда одного из них неожиданно вызвали к телефону. Вернувшись, тот прошептал: «Большая новость! Южнокорейцы напали на Северную Корею!». Тем же вечером Гюнтер со своей группой вернулся в Токио, где «несколько офицеров встретили нас на вокзале и четко и с большим пафосом изложили нам суть происшедшего... не было никаких сомнений, что агрессором была Северная Корея».

А телефонный звонок? Гюнтер объясняет это следующим образом: «Возможно, сообщение было искажено при передаче. Первые часы в штабе никто ничего не понимал, и видимо, на людей повлияла явная, разъедающая ложь северокорейского радио» [5]. Из таких объяснений складывается несколько нелепый образ американских военных и дипломатов, каждый из которых, будучи активным антикоммунистом, при этом так легко поверил в явную коммунистическую ложь по такому серьезному вопросу.

Глава Южной Кореи Ли Сын Ман (Syngman Rhee) часто заявлял о своем желании и готовности объединить Корею силой. 26 июня газета «Нью-Йорк таймс» напомнила своим читателям: «Д-р Ли в ходе нескольких встреч заявлял о том, что его армия перейдет в наступление в случае согласия со стороны Вашингтона». Газета также отмечала, что перед началом войны «агgressивная риторика странным образом исходила преимущественно со стороны южнокорейских политических лидеров».

У Ли могла быть и другая веская причина спровоцировать полномасштабную войну, помимо вопроса объединения. 30 мая на юге Кореи прошли выборы в Национальное собрание, на которых партия Ли потерпела тяжелое поражение и потеряла контроль над парламентом. Как многочисленные государственные деятели до и после него, Ли, возможно, решил разыграть военную карту, чтобы укрепить свое шаткое правление. Советник по труду при американской миссии в Корее Стэнли Эрл (Stanley Earl), ушедший в июле в отставку, выразил свое мнение о южнокорейском правительстве как о «репрессивном режиме», который «делал очень мало для помощи людям», и «если бы Северная Корея не вторглась, режим Ли был бы сметен восстанием в самой Южной Корее» [6].

Советский лидер Никита Хрущев в своих мемуарах пишет, что северокорейцы действительно рассматривали возможность вторжения на Юг. Он рассказывает об их фактическом вторжении безо всякого упоминания о провокации в тот день. Казалось бы, это дает ответ на поставленный вопрос, однако глава о Корее из книги Хрущева весьма поверхностна. Это не явля-

ется серьезным историческим исследованием, да и не может им быть. Как утверждает сам Хрущев: «Мои воспоминания о корейской войне неизбежно отрывочны» (он стал советским лидером уже после войны). Его глава о Корее не содержит никаких обсуждений предыдущих боевых действий вдоль границы, нет в ней упоминаний об агрессивной риторике Ли Сын Мана, в ней даже не упоминается ставшее решающим отсутствие Советского Союза на заседании Совета Безопасности ООН, которое, как мы увидим, позволило сформировать так называемые войска ООН и вмешаться в военный конфликт. Кроме того, его опубликованные воспоминания являются отредактированной и ужатой версией сделанных им аудиозаписей. Исследование, основанное на сравнении расшифровок аудиозаписей и английского перевода книги, демонстрирует, что рассуждения Хрущева о Корее действительно отрывочны, но книга не воспроизводит их. Например, северокорейский лидер Ким Ир Сен встречался со Сталиным, чтобы обсудить с ним свое намерение «пронзить Южную Корею острием штыка». В книге однозначно говорится о том, что «Ким Ир Сен отправился домой, а затем, приняв решение, вернулся в Москву». Однако в расшифровке аудиозаписи Хрущев говорит: «По-моему, была назначена дата его возвращения, или он должен был сообщить нам, когда примет решение. Не помню точно месяц и год, когда Ким Ир Сен приехал и обсудил свой план со Сталиным» [7].

26 июня США предоставили Совету Безопасности ООН резолюцию, осуждающую Северную Корею за ее «несправедливую агрессию». Резолюция была одобрена, хотя и высказывались аргументы, что борьба «между корейцами» должна рассматриваться как гражданская война, а также мнение египетского делегата о том, что следует убрать слово «несправедливая», поскольку боевые действия между двумя Кореями продолжались уже давно [8].

Югославия настаивала на том, что «нехватка точной информации не позволяет СБ ООН возложить ответственность на одну из сторон», и предлагала пригласить северокорейскую сторону, чтобы она высказала свою версию произошедшего [9]. Но этого не было сделано. Тремя месяцами позже министр иностранных дел СССР предложил выслушать обе стороны, но и это предложение было отвергнуто с перевесом в 46 голосов против шести из-за того, что северокорейцы являлись «агрессорами»; в результате приглашение коснулось только Южной Кореи [10].

27 июня СБ ООН рекомендовал странам — членам ООН начать поставки помощи для Южной Кореи, которая необходима для «отражения агрессии». Президент Трумэн уже привел ВМС и BBC в состояние боевой готовности, тем самым поставив Совет перед свершившимся фактом [11]. Тем самым США использовали тактику, к которой не раз прибегали в случаях, когда в той или иной стране шла война и конца ее не было видно. Совет принял свое историческое решение, основываясь на минимальном объеме информации, специально отобранный для него одной из сторон конфликта. Это было, как выразился журналист И. Ф. Стоун (I. F. Stone), «ни благородно, ни мудро».

Нужно учитывать, что в 1950-е годы ООН не была нейтральной или сбалансированной организацией. Значительное число ее членов зависело от США в вопросах восстановления и развития экономики. Не было блока стран третьего мира, который годы спустя начал проводить гораздо более независимую от США политику. А входившие в ООН четыре страны советского блока не были членами Совета Безопасности [12].

Генеральный секретарь ООН, норвежец Трюгве Ли (Trygve Lie) также не мог расцениваться как нейтральный арбитр в хитросплетениях холодной войны. В своих мемуарах он с поразительной ясностью показывает, что не был сторонним наблюдателем. Его главы о корейской войне — это чистой воды антикоммунизм, хорошо показывающий его маневрирования в этом вопросе [13]. Позже стало известно, что в 1949 году Ли вступил в тайный сговор с Госдепом США, чтобы изгонять из рядов ООН людей, демонстрировавших, по мнению Вашингтона, сомнительные политические взгляды [14].

Принятие подобных резолюций СБ ООН было возможно только в силу того, что Советский Союз бойкотировал его заседания, так как протестовал против того, что Китай в ООН представлен не коммунистическим Китаем, а Тайванем. Если бы русские присутствовали, они без сомнения наложили бы вето на эти резолюции. Их отсутствие всегда создавало некоторую неловкость для тех, кто объяснял северокорейскую агрессию советским влиянием. Как говорится в одной из памятных записок ЦРУ, одно из наиболее распространенных объяснений сводилось к тому, что «руssкие бросили вызов США, чтобы проверить на прочность американское сопротивление коммунистической экспансии» [15]. Поскольку за время существования Советского Союза тот же самый тезис выдвигался во время каждого столкновения США с левыми силами в любой части света, до и после корейской войны, казалось, что проверка на прочность слишком затянулась и можно задаться вопросом: «Почему Советы так и не пришли ни к каким выводам?».

«Последним штрихом, — писал Т. Ф. Стоун, — должно было стать подчинение миротворческих сил ООН Макартуру. Макартур же ООН не подчинялся. Это было сделано 7 июля в резолюции, представленной совместно Англией и Францией. Обычно таким образом предполагалось установление командования ООН. В действительности ничего подобного сделано не было» [16]. Резолюция рекомендовала «всем странам-участникам, обеспечивающим военную и иную поддержку, перевести свои войска и иные виды поддержки под *объединенное командование Соединенных Штатов*». Кроме того, резолюция требовала от «США назначить командующего этими силами» [17]. Им должен был стать доблестный Макартур.

Предстояло очередное американское шоу. В операции принимали участие военнослужащие из 16 стран, но, за исключением южнокорейцев, не могло быть никаких сомнений относительно их истинного статуса и функций. Позже Эйзенхауэр писал в своих мемуарах, что когда планировал военное вторжение США во Вьетнам в 1954 году, также как часть «коалиционных усилий», он признавал, что тяжесть операции ляжет на США, «однако символические

силы, предоставленные другими странами, как в Корее, придадут моральную репутацию мероприятию, позволяя не рассматривать его как бесчеловечный пример империализма» [18].

Война, воистину исполненная жестокости, велась якобы в защиту режима Ли Сын Мана. Помимо южнокорейских правительственные публикаций, будет трудно найти хотя бы одно доброе слово об этом человеке, которого американцы вернули в Корею в 1945 году после многолетнего изгнания в США во время оккупации Японией его страны. Прибыв в Корею на одном из самолетов Макартура, Ли вскоре приобрел известность и авторитет благодаря американской военной администрации в Корее (USAMGIK). В процессе его утверждения американцам пришлось подавить временное правительство Корейской Народной Республики (КПР), которое было сформировано региональными правительственными комитетами из числа известных корейцев и уже выполняло административные задачи, такие как распределение продовольствия и поддержание правопорядка. Предложение временного правительства о сотрудничестве было отвергнуто прибывшими американцами сразу же.

Несмотря на кажущееся коммунистическим название, в составе правительства КНР было довольно много консерваторов, да и самому Ли предоставили пост почетного президента. Конечно, для Ли и других консерваторов, которых выбрали в правительство, пока они находились за границей, оно действительно могло показаться слишком левым, как и для высшего руководства американской военной администрации. Но после 35 лет японской оккупации любая группа или правительство, выступающие против колониального гнета, должны были иметь некоторый революционный оттенок. Среди них были и те из консерваторов, кто сотрудничал с японцами, а также левые и националисты, которые с ними боролись, — все они входили в состав правительства КНР, которое, как сообщалось, было популярнее остальных политических группировок [19].

Какими бы ни были политические пристрастия и идеи правительства КНР, американская военная администрация, отказывая ему в «законности, статусе либо форме» [20], регулировала корейскую внутриполитическую жизнь таким образом, будто страна была поверженным врагом, а не дружественным государством, освобожденным от общего врага и имеющим право на независимость и самоопределение.

Принижение значения правительства КНР со стороны американцев этим не ограничилось. Джон Гюнтер, которого вряд ли можно отнести к радикалам, охарактеризовал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Итак, первый и наилучший шанс для создания единой Кореи был отброшен» [21]. Альфред Крофты (Alfred Crofts), член американской военной администрации, писал в то же время: «Организация, имевшая потенциал к объединению страны, стала в результате лишь одной из 54 разобщенных групп на политическом небосклоне Южной Кореи» [22].

Ли Сын Ман был человеком Вашингтона: убежденный проамериканец, решительный антикоммунист и в достаточной степени управляемый человек. Его режим прекрасно подходил для землевладельцев, колаборационистов, крупных собственников и других консервативных элементов. Крофтс отмечал: «До высадки американцев вряд ли бы могли существовать в Корее политические правые, идеология которых ассоциировалась с колониализмом; но вскоре после высадки мы были вынуждены поддерживать по меньшей мере три консервативные фракции» [23].

Стремясь установить свободные рыночные отношения, американская военная администрация в огромном объеме распродавала конфискованную у японцев собственность, дома, предприятия, производственное сырье и другие ценности. Естественно, покупать это могли колаборационисты, разбогатевшие при японцах, и другие спекулянты. «Учитывая, что фактически на разграбление была отдана половина богатства страны, деморализация общества распространялась стремительными темпами» [24].

В то время как русские на Севере проводили тщательные чистки среди корейцев, сотрудничавших с японцами, американская военная администрация на Юге позволяла занимать административные должности не только колаборационистам, но поначалу и самим японцам, к ужасу тех, кто сражался против японской оккупации. С одной стороны, этих людей могли оставлять на управляющих должностях, поскольку они были самыми опытными управленцами в стране, а с другой — такая мера позволяла предотвратить консолидацию власти в КНР [25].

В то время как на Севере прошла повсеместная и эффективная земельная реформа, а также было провозглашено, по крайней мере формальное, равенство для женщин, режим Ли не предпринимал подобных шагов. Лишь два года спустя была начата земельная реформа, но она коснулась только бывшей японской собственности. Закон 1949 года о переделе прочих земельных владений не был обеспечен правовой защитой, и эксплуатация арендаторов продолжалась как в старых, так и новых формах [26].

Общественное возмущение действиями режима США/Ли было связано с провалом этих реформ, а также с подавлением деятельности КНР и весьма сомнительно проведенными выборами. Ли слишком долго отказывался от проведения честных выборов, вызвав в начале 1950-х годов недовольство США; официальные лица Вашингтона пригрозили ему урезать помочь в случае такого отказа, а также если не будет улучшения ситуации с гражданскими свободами. Очевидно, вследствие такого давления выборы 30 мая прошли относительно честно — в них позволили участвовать «умеренным» элементам, что и привело к отмеченному ранее решительному поражению правительства Ли [27].

Недовольство проявлялось в виде частых восстаний, включая партизанскую войну в горах, с 1946 года до начала войны, а иногда и во время войны. Правительство считало, что к этим восстаниям народ «подстрекали коммунисты», и подавляло их соответствующим образом. Джон Гюнтер заметил по

этому поводу: «Можно уверенно говорить, что в глазах Ходжа (Hodge — командующий вооруженными силами США в Корее) и Ли, особенно поначалу, практически любой кореец, не придерживавшийся крайне правых взглядов, выглядел коммунистом и потенциальным предателем» [28].

Генерал Ходж, несомненно, позволял американским войскам принимать участие в операциях по подавлению беспорядков. Корреспондент газеты «Чикаго сан» (Chicago Sun) в Корее Марк Гейн (Mark Gayn) писал, что американские солдаты «стреляли по толпам людей, проводили массовые аресты, прочесывали холмы в поисках подозреваемых, а также организовывали отряды корейских правых и полиции для проведения массовых рейдов» [29]. Гейн сообщал, что один из политических советников Ходжа уверял его (Гейна), что Ли не был фашистом: «Ему еще два века до фашизма — он чистый консерватор» [30].

Описывая антипартизанскую кампанию правительства в 1948 году, про-западный политолог Джон Ки-Чанг О (John Kie-Chiang Oh) из Университета Маркетт (Marquette University) писал: «В ходе этой кампании игнорировались гражданские свободы бесчисленного количества людей. Часто несчастных крестьян, подозревавшихся в пособничестве партизанам, без суда и следствия уничтожали» [31].

Год спустя, когда комитет Национального собрания начал расследование деятельности коллаборационистов, Ли организовал полицейский налет на собрание. Были арестованы 22 человека, 16 из которых пострадали от травм: переломов ребер, повреждений черепа и порванных барабанных перепонок [32].

На момент начала войны, в июне 1950 года, в южнокорейских тюрьмах содержались около 14 тысяч заключенных [33].

Даже в разгар войны, в феврале 1951 года, как сообщал профессор Джон Ки-Чанг О, произошел Кочангский инцидент (Koch'ang Incident), в ходе которого около 600 мужчин и женщин разных возрастов, подозревавшихся в помощи партизанам, были загнаны в узкую долину и расстреляны из пулеметов подразделением южнокорейской армии [34].

В ходе войны каждая из сторон обрушивала на противоборствующую множество обвинений в жестокости и зверствах по отношению к военнослужащим, военнопленным и гражданским лицам во всех частях страны (каждая из сторон временами оккупировала территорию неприятеля). Стороны пытались превзойти друг друга в словесных баталиях, иногда более жарких, чем настоящие бои. В США это привело к появлению мифов, которые мало чем отличались от возникавших в ходе других войн. Во время войны во Вьетнаме, наоборот, появлению пропагандистских мифов противостояли многочисленные высокообразованные противники войны, которые тщательно изучали ее начало, отслеживали ее ход и предавали свои исследования гласности, противопоставляя их официальной версии, что в конечном итоге влияло на СМИ, вынуждая их делать то же самое.

Например, считалось, что все акты жестокости в войне совершались исключительно северокорейцами. Упомянутый выше инцидент в Кочанге можно противопоставить этому утверждению. Что касается данного инцидента, британский исследователь Кореи Джон Халлидей (Jon Halliday) отмечал:

«Этот случай не только показывает нам действительный уровень политического насилия со стороны ООН, но также подтверждает убедительность обвинений, выдвинутых КНДР и южнокорейскими оппозиционерами в отношении сил ООН и должностных лиц режима Ли, замешанных в массовых преступлениях во время оккупации КНДР в конце 1950 года. В конце концов, если гражданские лица могли уничтожаться на Юге даже по подозрению в пособничестве партизанам (только в пособничестве, а не в партизанской деятельности), что же говорить о Севере, где миллионы вполне обоснованно могли быть коммунистами или политическими боевиками?» [35]

Сообщение Джона Ки-Чанга О является лишь одним из многочисленных докладов об уничтожении южнокорейцами собственных граждан во время войны. Газета «Нью-Йорк таймс» в декабре 1950 года сообщила о череде казней в Сеуле, совершенных южнокорейскими правительственными силами [36]. Корреспондент Би-би-си в Корее Рене Катфорт (Rene Cutforth) позже описывал «внесудебные расстрелы гражданских лиц, названных полицией «коммунистами». Расстрелы обычно производились на рассвете на любом пустыре, где можно было вырыть траншею и выстроить перед ней в ряд заключенных» [37]. Грегори Хэндерсон (Gregory Henderson), американский дипломат, прослуживший в Корее семь лет, в 1940–1950-х годах, заявлял, что «вероятно, более 100 тысяч человек было убито без суда и следствия» силами Ли в Южной Корее во время войны [38]. После нескольких случаев резни гражданского населения в Южной Корее правительство Ли Сын Мана переложило ответственность за эти инциденты на северокорейцев.

Еще одним способом, которым США напрямую внесли свой вклад в уровень жестокости в этой войне, было применение оружия, которое хоть и использовалось на заключительном этапе Второй мировой войны (и еще в Греции), но было невиданным для всех наблюдателей и участников корейской войны. Это был напалм. Вот как описывает последствия от его применения газета «Нью-Йорк таймс»:

«Бомбардировке с применением напалма была подвергнута деревня три или четыре дня назад, во время наступления китайцев. В деревне не было похорон, потому что в живых никого не осталось... Мертвые жители в деревне и на полях находились в тех же позах, когда их настиг удар: мужчина, пытавшийся сесть на велосипед, полсотни мальчиков и девочек, игравших в приюте, домохозяйка, в руке которой осталась страница из каталога Sears-Roebuck, на которой карандашом обведена «очаровательная пижама кораллового цвета за три доллара» с номером заказа на высылку товара по почте. В этой деревушке было почти две сотни погибших» [39].

США, возможно, также вели бактериологическую войну против Китая и Северной Кореи, о чем рассказывалось ранее, в главе о Китае.

В то же самое время ЦРУ планировало убийство северокорейского лидера Ким Ир Сена (Kim Il Sung). Из Вашингтона к Гансу В. Тофту (Hans V. Tofte), агенту ЦРУ в Японии, был направлен индеец-чироки по прозвищу Баффало (Buffalo), который согласился стать убийцей. В случае успешного выполнения этой операции Баффало должен был получить значительную сумму денег. Операция провалилась, и дальнейшие подробности этого инцидента неизвестны [40].

Еще одним распространенным в США мифом было убеждение в том, что американские военнопленные умирали, как мухи, в северокорейских лагерях из-за халатности и жестокости коммунистов. Это эмоциональное утверждение разжигалось склонностью должностных лиц США к завышению цифр. Например, в ноябре 1951 года, задолго до конца войны, американские военные заявляли, что в лагерях погибли от пяти до восьми тысяч военнопленных [41]. Однако тщательное исследование, проведенное американской армией спустя два года после войны, показало, что в ходе всего конфликта погибли 2730 военнопленных (из 7190 человек, оказавшихся в лагерях; неизвестное количество военнослужащих вообще не попали в лагерь, поскольку они были расстреляны прямо на поле боя из-за нежелания возиться с ними — такая практика применялась обеими сторонами).

В исследовании делается вывод, что высокая смертность не связана с коммунистической жестокостью — она могла быть вызвана невежеством и черствостью самих заключенных [42]. Под черствостью подразумевается нехватка у солдат морали и духа коллективизма. Хотя это и не было отмечено в исследовании, но северокорейцы утверждали, что часть американских военнопленных погибла в результате американских же бомбардировок.

Это исследование, конечно, не могло идти ни в какое сравнение с паническими заголовками, которыми три года пичкали западный мир. Не афишировался и тот факт, что куда большее число северокорейских военнопленных погибло в американских и южнокорейских лагерях. Только в середине войны их число официально составило 6600 человек [43]. Следует отметить, что в этих лагерях содержалось значительно большее число заключенных, чем на Севере.

Кроме того, американская общественность пребывала в уверенности, что американские военнопленные подвергались промывке мозгов со стороны китайцев и северокорейцев. Только так можно было объяснить тот факт, что 30% американских военнопленных в той или иной форме сотрудничали с врагом и каждый седьмой, то есть более 13 процентов военнопленных, был виноват в серьезном коллаборационизме, таком как написание предательских брошюрок или согласие шпионить на коммунистов после войны [44]. Другой причиной, по которой тема промывки мозгов широко поддерживалась, была уверенность Вашингтона в том, что такая версия позволит обесценивать заявления ветеранов войны, которые будут расходиться с официальной версией.

По словам психиатра Йельского университета Роберта Дж. Лифтона (Robert J. Lifton), промывка мозгов, по общераспространенному мнению, была «всемогущим, непреодолимым, непостижимым и волшебным методом достижения контроля над человеческим разумом» [45]. Хотя ЦРУ и само разрабатывало такое «волшебство» с начала 1950-х годов, но ни Управлению, ни северокорейцам, ни китайцам преуспеть в этом вопросе не удалось. ЦРУ начало свои эксперименты по контролю над поведением и по управлению сознанием на людях (вероятно, подозреваемых в двойном шпионаже), используя наркотики и гипноз в Японии в июле 1950 года, вскоре после начала корейской войны. Уже в октябре в качестве объектов для экспериментов, по всей видимости, использовались северокорейские военнопленные [46]. В 1975 году капитан-лейтенант ВМС США и военный психолог Томас Нэрут (Thomas Narut) рассказывал, что его работа в те годы заключалась в исследовании состояний, способных вынудить военнослужащих, обычно к убийству не склонных, к его совершению при определенных обстоятельствах. Нэрут добавил, что из военных тюрем были освобождены признанные виновными убийцы, чтобы стать убийцами на поле боя [47].

«Промывание мозгов, — говорится в армейском исследовании, — стало расхожей фразой, используемой для очень многих вещей, так что у этой фразы больше нет точного значения», а «точное значение в этом случае необходимо» [48].

«Заключенные, насколько стало известно армейским психиатрам, не подвергались процедурам, которые можно было бы охарактеризовать как «промывание мозгов». В действительности обращение коммунистов с заключенными, хотя и не отвечало требованиям Женевской конвенции, редко было связано с откровенной жестокостью, будучи вместо этого весьма оригинальной смесью мягкости и давления... Коммунисты редко использовали физические пытки... и армейскими специалистами не было зафиксировано ни одного достоверного случая использования пыток с целью вынудить человека сотрудничать или принять коммунистические убеждения» [49].

Однако, согласно исследованию, некоторые американские летчики из девяноста, попавших в плен, были подвергнуты физическому насилию с целью добиться признаний о применении ими биологического оружия. Это могло означать либо суровое негодование коммунистов по поводу использования такого оружия, либо потребность получить некое подтверждение ложного или сомнительного заявления.

Американские военнослужащие были также подвергнуты политической и идеологической обработке их тюремными надзирателями. Вот как это выглядело в глазах американских военных:

«В лекциях по идеологической обработке коммунисты часто показывали карту мира, усеянную нашими военными базами, названия которых были хорошо известны многим пленным. «Видите эти базы? — говорил инструктор, показывая на карте указкой. — Это — американские базы, напичканные оружием. Вы знаете,

что они американские. И как вы видите, они окружают Россию и Китай. У России и Китая нет ни одной базы за пределами собственной территории. Отсюда становится ясно, какая именно страна разжигает войны. Неужели Америка строила бы эти базы и тратила миллионы на их обслуживание, если бы она не готовилась к войне с Россией и Китаем?» Этот аргумент казался правдоподобным многим заключенным. В общем случае они понятия не имели, что эти базы отражали не желание Соединенных Штатов войны, но их желание мира, что базы были развернуты как часть соглашений, нацеленных не на завоевание, а на ограничение красной агрессии» [50].

Китайские коммунисты, конечно, не изобрели эту практику. Во время американской Гражданской войны военнопленные и Юга, и Севера подвергались идеологической обработке в отношении соответствующих достоинств обеих из сторон. И во время Второй мировой войны «курсы демократизации» проводились в американских и британских лагерях для военнопленных немцев, и исправившимся немцам предоставлялись привилегии. Кроме того, американская армия с гордостью заявляла, что коммунистических заключенных в американских лагерях во время корейской войны учили тому, «что значит демократия» [51].

Предсказанная китайская агрессия проявилась спустя приблизительно четыре месяца после начала войны в Корее. Китайцы вступили в войну после того, как американские самолеты несколько раз нарушили их воздушное пространство, неоднократно бомбили и обстреливали китайскую территорию (каждый раз «по ошибке»), когда в опасности оказались гидроэлектростанции на корейской стороне границы, жизненно важные для китайской промышленности, а американские и южнокорейские силы в нескольких местах подошли к китайской границе — реке Ялу.

Напрашивается вопрос: как долго Соединенные Штаты могли бы воздерживаться от вступления в войну, если заморская коммунистическая военная мощь высадилась бы в Мексике, обстреливала бы и бомбила приграничные города в Техасе, развернулась вдоль Рио-Гранде под командованием генерала, напрямую угрожавшего войной против Соединенных Штатов?

Американские BBC в Корее внушали страх одним своим видом. Как и во Вьетнаме, они славились ковровыми бомбардировками с применением напалма, стиранием с лица земли «подозреваемых в помощи врагу» деревень, бомбардировками городов с целью уничтожения всей инфраструктуры, разрушением дамб и плотин для нанесения вреда ирригационной системе, зачисткой рисовых полей, использованием выражений «тактика выжженной земли», «бомбометание со сплошным поражением» и «операция »Убийца» [52].

«Вы можете распрощаться с этими деревнями!» — кричал капитан Эверетт Л. Хандли (Everett L. Hundley) из Канзас-Сити, штат Канзас, после авиационного налета [53].

«Я бы сказал, что весь, почти весь Корейский полуостров представляет собой ужасное месиво, — свидетельствовал перед сенатом генерал-майор Эмметт О’Доннелл (Emmett O’Donnell) в конце первого года войны. — Все разрушено. Ничего не выстояло» [54].

Вот слова из уважаемого британского военного справочника Brassey’s Annual издания 1951 года:

«Не будет преувеличением заявить, что Южная Корея больше не существует как страна. Ее города разрушены, большая часть средств к существованию уничтожена, а население сократилось до состояния угрюмой массы, зависящей от милости и беззащитной перед подрывным влиянием. После окончания войны нельзя будет ожидать от жителей Южной Кореи какой-либо благодарности, но нужно надеяться, что этот урок научит тому, что нет ничего бесполезнее и хуже, чем разрушение ради освобождения. Конечно, Западная Европа никогда не приняла бы такое «освобождение» [55].

Но наиболее жестокие и разрушительные бомбардировки были еще впереди. Начиная их летом 1952 года, Вашингтон ставил целью занять более выгодную позицию на переговорах с коммунистами по обсуждению перемирия, продолжавшихся в течение всего года, пока бушевали бои. Затянувшиеся и ожесточенные переговоры дали начало другому распространенному на Западе убеждению: причина срыва переговоров и продолжения войны — в непримиримости коммунистов, их двуличии, отсутствии у них мирных намерений.

Это длинная и запутанная глава корейской военной истории, но при ее исследовании нельзя не обнаружить простой факт, что преграды возводились и антикоммунистической стороной. Ли Сын Ман, например, был настолько категорично настроен против любого результата, кроме полной победы, что администрации и Трумэна, и Эйзенхауэра составляли планы по его свержению [56] — что вовсе не означает, что американские посредники вели переговоры из лучших побуждений. Меньше всего они хотели получить обвинения в том, что они позволили «коммунякам» сделать из себя слабаков. Таким образом, в ноябре 1951 года «Нью-Йорк таймс» написала:

«Все больше увеличивается число тех [американских солдат в Корее], кто видит ситуацию в неприкрашенном виде, а именно то, что коммунисты пошли на значительные уступки, в то время как командование сил Организации Объединенных Наций, как им это видится, продолжает выдвигать все больше и больше требований... Действия миротворцев ООН создают впечатление, что они резко меняют свою позицию всякий раз, когда коммунисты показывают, что готовы согласиться с ней» [57].

Однажды во время этого периода, когда коммунисты предложили объявить перемирие и отвести войска с линии фронта на время ведения переговоров, командование сил Организации Объединенных Наций (UNC) среагировало

так, как будто это было агрессивным и непорядочным актом. «Сегодняшнее заявление коммунистов, — говорилось в документе UNC, — было фактически отказом от их ранее изложенной позиции о том, что военные действия должны продолжаться во время переговоров о перемирии» [58].

Когда-то давно в Соединенных Штатах шла гражданская война, в которой Север попытался воссоединить разделенную страну с помощью военной силы. Разве Корея, или Китай, или любая другая иностранная держава послали в США свою армию для убийства американцев, обвинив при этом Линкольна в агрессии?

Почему Соединенные Штаты решили развязать полномасштабную войну в Корее? Лишь годом ранее, в 1949 году, Организация Объединенных Наций при поддержке США вмешалась в арабо-израильский конфликт в Палестине и в пакистано-индийскую войну в Кашмире, добившись перемирия, но не посыпая туда свою армию, не вставая на чью-либо сторону и не расширяя масштаб боевых действий. Оба этих конфликта были меньше похожи на гражданскую войну, чем война в Корее. Если бы ответные действия США/ООН были такими же в случае с Палестиной и Кашмиром, возможно, Палестину и Кашмир ждала бы участь Кореи — пустыни с выжженной землей. То, что их спасло, что не пустило американские вооруженные силы принять участие в этих войнах, было отсутствие коммунистического участия в этих конфликтах.

6. Албания, 1949–1953

НАСТОЯЩИЙ АНГЛИЙСКИЙ ШПИОН

Один из биографов Кима Филби писал: «Вне всяких сомнений, одновременное планирование и саботаж этой заранее обреченной на неудачу авантюры оказались суровой проверкой его работоспособности и изобретательности» [1]. Под авантюрией подразумевалась тайная попытка США и Великобритании с помощью партизанских действий свергнуть в 1949 году просоветский режим Энвера Ходжи.

Авантюра закончилась провалом. Отчасти потому, что советская сторона была заранее предупреждена Филби — настоящим английским джентльменом, получившим надлежащее образование и сумевшим проникнуть в высшие эшелоны британской и американской разведок. Он стал советским шпионом уже в возрасте 21 года.

Филби переехал в Вашингтон за год до этого, где начал обеспечивать взаимодействие между британской Секретной разведывательной службой (SIS) и ЦРУ. Он был одним из руководителей объединенной оперативной группы SIS и ЦРУ, планировавшей операцию в Албании. Выбор пал на Албанию, поскольку она считалась самой уязвимой из стран социалистического лагеря, была самой маленькой и самой отсталой. Страна не имела общей границы с Советским Союзом и была изолирована между подконтрольной США Грецией и «сбежавшей» из советского блока Югославией. Кроме того, еще не успели высохнуть подписи под договором между Советским Союзом и Албанией, который регламентировал предоставление Албании помощи в обмен на право строительства Московской базы подводных лодок с непосредственным выходом к Средиземному морю [2]. Следуя правилам и логике холодной войны, США должны были этому воспрепятствовать.

Оперативная группа начала свою работу с вербовки албанских эмигрантов в Италии, Греции и других странах. Они проходили базовую военную подготовку, включавшую навыки партизанской и разведывательно-диверсионной деятельности, в тренировочных лагерях на Мальте — в то время британской

колонии, а также в американской оккупационной зоне в Западной Германии. Небольшое количество эмигрантов проходили подготовку на территории самой Великобритании [3]. Глава секретных операций ЦРУ Фрэнк Виснер (Frank Wisner) признался Киму Филби: «Всякий раз, когда мы планируем вести подрывную деятельность где-либо, мы обнаруживаем, что под боком у нас есть англичане со своим собственным островом» [4].

На протяжении трех с половиной лет эмигрантов периодически засылали на родину. Они проникали в Албанию через горы Греции, прыгали с парашютами с самолетов, взлетавших с баз в Западной Европе, а также высаживались на побережье морскими судами, направлявшимися из Италии. Американские самолеты и аэростаты разбрасывали пропагандистские листовки, а также товары и продукты питания, которые были в дефиците в Албании: муку, халву, швейные иглы и лезвия для бритв. Все товары имели наклейки, извещавшие, что это подарки от «Албанского фронта национального освобождения». Это лишний раз подтверждает, какие утонченные «маркетинговые» уловки предпринимало ЦРУ — дитя своей страны — в ходе проведения многих своих операций [5].

В общих чертах план заключался в следующем. Подготовленные диверсанты должны были отправиться в свои родные места и попытаться разжечь антисоветские и антикоммунистические настроения, чтобы в конечном итоге поднять восстание. Они должны были распространять пропагандистские материалы, собирать информацию политического, экономического и военного характера, участвовать в саботаже, вербовать в свои отряды людей и снабжать их необходимым снаряжением и средствами. Впоследствии приток новых людей и накапливание материально-технических средств должны были превратить эти отряды в «центры сопротивления» [6].

Во времена холодной войны была принята точка зрения, что народные массы Восточной Европы только и ждут, когда их поднимут на открытое восстание ради их же свободы. Даже если бы так оно и было, выбор средства для «воспламенения» народного недовольства был крайне сомнителен, поскольку среди партизан находилось много таких, кто поддерживал идеи реставрации албанской монархии в лице реакционного короля Зогу, находившегося в то время в изгнании, а также тех, кто сотрудничал с итальянскими фашистами и нацистами во время оккупации Албании в ходе Второй мировой войны.

Безусловно, в эмигрантских комитетах были и люди с республиканскими и демократическими взглядами, но рассекреченные позже документы Государственного департамента США свидетельствуют, что известные албанские коллaborационисты играли ведущую роль в формировании этих комитетов. Госдепартамент считал, что эти коллаборационисты, имевшие «неоднозначное» политическое прошлое, «могли рано или поздно поставить в затруднительное положение правительство страны». Несмотря на возражения внешнеполитического ведомства, официальный Вашингтон сотрудничал с ними, оправдывая свои действия «соображениями разведки». Одним из таких людей с неоднозначным политическим прошлым был Джадер Дева (Xhafer Deva),

занимавший пост министра внутренних дел во время итальянской оккупации. Он был ответственен за депортацию «евреев, коммунистов и подозрительных лиц» (об этом говорилось в захваченном рапорте нацистов) в фашистские лагеря смерти в Польшу [7].

От имени финансировавшегося ЦРУ «Национального комитета за свободную Албанию» внутри страны начала вещание мощная подпольная радиостанция, призывающая к освобождению страны из-под влияния Советского Союза. В начале 1951 года из Албании пришло несколько сообщений об организованном открытом сопротивлении и восстаниях [8]. В какой степени эти события стали следствием заброски в страну эмигрантов с Запада и агитации, установить невозможно. В целом, кампания имела весьма незначительные успехи. Ее преследовала путаница с тыловым обеспечением, а суровая реальность была такова, что албанцы встречали эмигрантов совсем не как освободителей — будь то из страха перед жестоким режимом Ходжи или потому, что поддерживали социальные изменения в стране и не верили тому, что им предлагали эмигранты.

Однако самым худшим было то, что албанские власти обычно, похоже, знали, где и когда появятся диверсанты. Ким Филби был не единственным возможным источником разоблачительной информации. Почти наверняка в рядах албанских групп находились эмигранты различных мастей, и их беспечные разговоры также привели задуманную авантюру к фиаско. Филби, отмечая привычку членов оперативной группы ЦРУ и SIS потешаться над албанцами, писал: «Даже в самые серьезные моменты мы, англосаксы, никогда не забывали, что наши агенты только что спустились с деревьев» [9].

Безопасность операции обеспечивалась с такой халатностью, что корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Сайрус Л. Сульцбергер (Cyrus L. Sulzberger) привел на страницах газеты несколько депеш из Средиземноморского региона, которые явно указывали на вмешательство во внутренние дела другой страны [10]. Но у статей не было ярких, привлекающих внимание заголовков, на этот счет не было сделано ни одного публичного комментария из Вашингтона, никто из репортеров не задавал государственным чиновникам никаких неудобных вопросов. Следовательно, для американцев это не было «событием».

Несмотря на один провал за другим и не ожидая кардинальных изменений в будущем, американцы продолжали операцию до весны 1953 года, когда сотни человек погибли или попали в тюрьмы. Назвать это просто навязчивой идеей — отрубить Сталину один из его пальцев — нельзя. На карту были поставлены профессиональный престиж и карьера. Видимый успех был необходим, чтобы «компенсировать прошлые потери» и «оправдать ранее принятые решения» [11]. А потерянные люди, в конце концов, были всего лишь албанцами, которые не говорили на языке английской королевы и еще толком не научились ходить прямо, по мнению англосаксонских столиц.

Была все же опасность, что эта операция может спровоцировать конфликт с Советским Союзом. СССР действительно отправил несколько новых истре-

бителей в Албанию, очевидно, надеясь, что они помогут сбивать иностранные воздушные суда, сбрасывающие листовки и грузы [12]. Данная операция не могла не напомнить Сталину, Ходже и всему социалистическому лагерю о другой интервенции Запада в Советскую Россию, имевшую место тридцатью годами ранее. Она могла способствовать только еще большему нагнетанию «паранойи» по поводу намерений Запада и убедить их значительно усилить меры внутренней безопасности. В самом деле, все последующие годы Ходжа неоднократно вспоминал американское и британское «вторжение» и использовал его для оправдания своей изоляционистской политики.

В начале 1960-х годов Ходжа сам сделал то, что не удалось ЦРУ и SIS. Он вывел Албанию из советской зоны влияния. Албанский лидер очистил свое правительство от просоветских чиновников и переориентировал свою страну на Китай. Со стороны СССР никакого военного возмездия не последовало. В середине 1970-х Ходжа отказался ориентироваться и на Китай [13].

7. Восточная Европа, 1948–1956

ОПЕРАЦИЯ «ФАКТОР РАСКОЛА»

Впервые о Йозефе Святло (Jozef Swiatlo) стало известно 28 сентября 1954 года, когда он принял участие в пресс-конференции в Вашингтоне. Этот поляк был очень важным человеком, занимавшим высокий пост в министерстве общественной безопасности — главной спецслужбе Польши. Говорили, что он бежал в Западный Берлин в декабре 1953 года во время поездки по магазинам. На пресс-конференции Госдепартамент США представил его публике для того, чтобы он раскрыл тайну исчезновения семьи Филдов — американских граждан, пропавших в 1949 году. Святло показал, что Ноэль Филд (Noel Field) и его жена Герта (Herta) были арестованы в Венгрии, а их брата Германа Филда (Hermann Field) та же судьба постигла в Польше по приказу самого Святло. Аресты были произведены в рамках судебного процесса над одним из руководителей венгерских коммунистов. Госдепартамент к тому времени уже направил ноты протesta правительствам Венгрии и Польши [1].

Однако существует другая, более подробная и более мрачная версия истории Йозефа Святло. Согласно ей, еще в 1948 году в Варшаве, уже занимая свой высокий пост в министерстве общественной безопасности, Святло пытался переметнуться к англичанам. Те в силу ряда причин передали его дело американцам, и по требованию Аллена Даллеса (Allen Dulles) Йозефу Святло было приказано оставаться на своем посту до поступления дальнейших указаний.

В то время Даллес еще не был директором ЦРУ, но занимал пост доверенного консультанта в Управлении, имел на ключевых позициях своих собственных людей и ждал лишь наступления ноября, когда Томас Дьюи (Thomas Dewey) выиграет президентские выборы и назначит его на высшую должность. Неожиданное переизбрание Гарри Трумэна отсрочило это назначение на четыре года, но Даллес все-таки стал заместителем директора ЦРУ в 1951 году.

Ноэль Филд, в прошлом сотрудник дипломатической службы Госдепартамента, долгое время сочувствовал коммунистам и, возможно, был членом ком-

партии в США или в Европе. Во время Второй мировой войны пути Филда и Даллеса пересеклись в полной интриг Швейцарии. Даллес работал в то время в Управлении стратегических служб (УСС), а Филд представлял Унитарианскую церковь в Бостоне, оказывая помощь беженцам, спасающимся от нацистской оккупации. Филд занимался этим с целью помочь беженцам-коммунистам, которых было великое множество, поскольку коммунисты стояли на втором после евреев месте в немецком списке преследуемых слоев общества. УСС оказывало финансовую поддержку этой операции. УСС считало коммунистов превосходным источником информации о событиях в Европе, представлявших интерес для Вашингтона и его союзников.

Ближе к концу войны Филд убедил Даллеса поддержать проект по заброске агентов в некоторые европейские страны с целью подготовить пути продвижения войск союзников. Все подбиравшиеся Филдом для заброски люди были, что неудивительно, коммунистами, и их работа в определенных странах Восточной Европы помогла им получить в свои руки власть еще задолго до того, как некоммунистические силы смогли перегруппироваться и самоорганизоваться.

Из этого можно сделать вывод, что Аллена Даллеса обвели вокруг пальца. Более того, УСС по наводке руководителя бернской резидентуры Даллеса и при участии Филда финансировало издание подпольной газеты в Германии. Антифашистская газета левого направления называлась «Нойес Дойчланд» (Neues Deutschland); сразу после освобождения страны газета стала официальным органом Социалистической единой партии Германии.

После войны такие инциденты воспринимались скорее как шутки, по достоинству оцениваемые разведками как Востока, так и Запада. Вскоре эта шутка аукнулась Ноэлю Филду.

Во время поездки Филда в Польшу в 1949 году польские власти отнеслись к нему с большим подозрением. На него смотрели как на человека, во время войны занимавшего должность, которая с легкостью могла быть использована для шпионажа в пользу Запада и предоставляла ему возможность постоянно контактировать с высокопоставленными членами коммунистической партии. Кроме того, он тесно работал с Алленом Даллесом, уже знаменитым в то время мастером шпионажа, и его братом Джоном Фостером Даллесом (John Foster Dulles), известным в официальных кругах Вашингтона и призывающим уже в то время к «освобождению» стран советского блока.

Во время прибытия Филда в Польшу Йозеф Святло пытался сплести сеть вокруг Якуба Бермана (Jakub Bergman), высокопоставленного партийного и государственного деятеля Польши, которого Святло подозревал и ненавидел. Именно неудачная попытка убедить польского президента предпринять против Бермана какие-либо действия вынудила Святло, по имеющимся сведениям, попытаться бежать из страны за год до этого. Когда Ноэль Филд обратился в своем письме к Берману с просьбой помочь найти работу в Восточной Европе, Святло, узнав об этом, усмотрел в этом свой шанс дискредитировать Бермана.

Однако сначала надо было изобличить Ноэля Филда как американского шпиона. Учитывая имеющиеся косвенные доказательства, как бы указывающие на это, для Святло с его высоким постом и скверным характером это было не слишком сложно сделать. Конечно, если бы Филд *действительно* работал на американскую разведку, Святло не мог бы его разоблачить, поскольку он, высокопоставленный сотрудник польской госбезопасности, теперь сам был американским агентом. Таким образом, свое первое сообщение он отправил в ЦРУ, представив свой план в отношении Бермана и Филда. Он также описал урон, который мог быть нанесен коммунистической партии в Польше. Сообщение он закончил вопросом: «Какие будут возражения?».

У Аллена Даллеса возражений не было. Он с большой радостью и удовольствием отреагировал на письмо Святло. Пришло время свести счеты с Ноэлем Филдом. И что более важно, Даллес разглядел в Святло, «разоблачившем» «американского шпиона» Филда, политический инструмент, с помощью которого можно было избавиться от большого количества коммунистических руководителей в советском блоке. Это могло привести весь блок в состояние острой паранойи и запустить волну репрессий и сталинской тирании, что, в свою очередь, привело бы к восстаниям. Операция «Фактор раскола» (*Operation Splinter Factor*) — так назвал Даллес свой план.

Итак, Йозеф Святло должен был искать шпионов по всей Восточной Европе. Он должен был раскрывать американские и британские планы, «троцкистские» и «титоистские» заговоры. Он должен был докладывать самому шефу советской госбезопасности Лаврентию Берии, что в центре широкой сети находится человек по имени Ноэль Хэвилэнд Филд (*Noel Haviland Field*).

Филд был арестован и отправлен в тюрьму в Венгрии, как и его жена Герта, которая пришла на свидание с ним. И когда его брат Герман Филд попытался разыскать их двоих, его постигла та же участь в Польше.

Святло занимал уникальное положение для осуществления операции «Фактор раскола». Он обладал не только властными полномочиями, но и располагал сведениями на бесконечное количество членов коммунистической партии в странах блока. Любые их контакты с Ноэлем Филдом, любые действия Филда могли быть интерпретированы как дело рук американской разведки или факт реальной либо потенциальной их измены социалистическому строю. В Советском Союзе и лично у Сталина возникла чрезвычайная заинтересованность в «филдистах». Ноэль Филд знал почти всех партийных деятелей в советском блоке.

В тех случаях, когда степень паранойи у молодых и неокрепших правительств Восточной Европы была недостаточно высока, американцы прибегали к следующим методам: двойной агент ЦРУ должен был «подтверждать» необходимую информацию или распускать нужные слухи в нужное время; масла в огонь могла подливать радиостанция ЦРУ «Свободная Европа», которая передавала провоцирующие и вроде бы секретные сообщения, или Лэнгли, откуда от лица «восточноевропейских экспатриантов» в США отправлялись письма, адресованные коммунистическим лидерам в их странах. Такие письма

содержали определенную обрывочную информацию или фразу, тщательно составленную и предназначенную для того, чтобы вызвать подозрение у проверяющих такие письма сотрудников госбезопасности.

Многие жертвы провокаций Святло находились во время войны на Западе, а не в Советском Союзе, поэтому их пути пересекались с Филдом. Это были люди, склонные к национал-коммунизму, желавшие сохранять большую дистанцию между своими странами и Советским Союзом, как это сделал в Югославии Тито, и ратовавшие за более либеральный режим у себя на родине. Даллес отмахнулся от доводов, что этих людей надо поддерживать, а не уничтожать. Он чувствовал, что потенциально они более опасны для Запада, потому что коммунизм, который они пропагандировали, мог позволить им укрепить свои позиции в странах Восточной Европы и стать респектабельной и приемлемой идеологией. Это особенно касалось Италии и Франции, где существовала угроза прихода коммунистов к власти после выборов, и необходимо было показать коммунизм с наихудшей стороны.

По всей Восточной Европе прошли сотни показательных процессов, порой напоминавших спектакли, в которых важную роль играло имя Ноэля Филда. Операция «Фактор раскола» запустила процессы, которые вскоре начали жить своей жизнью — начались аресты высокопоставленных лиц и рост подозрения к тем, кто был знаком с арестованными или назначен на свой пост кем-либо из них. Любые связи с арестованными могли стать поводом для обвинения еще нескольких человек.

Подобный Йозефу Святло агент был и в Чехословакии — высокопоставленный сотрудник чехословацкого аппарата госбезопасности. Человек, чье имя неизвестно, был завербован бывшим шефом нацистской разведки генералом Рейнхардом Геленом (Reinhard Gehlen), уехавшим после войны в США и работавшим на ЦРУ.

Самые ужасные события имели место в Чехословакии. К 1951 году там было арестовано невероятное количество членов Чехословацкой компартии — 169 тысяч человек, то есть 10 процентов от общего числа коммунистов страны. В Польше, Венгрии, Восточной Германии и Болгарии были арестованы десятки тысяч человек, сотни людей казнены, остальные умерли в тюрьмах или сошли с ума [2].

В декабре 1953 года, после побега Святло, восточноевропейские разведки осознали, что он все это время работал на врага. Спустя четыре недели после пресс-конференции Святло в Вашингтоне польское правительство заявило об освобождении Германа Филда, так как расследование показало, что обвинения, выдвинутые против него «американским агентом и провокатором» [3] Йозефом Святло, были «беспочвенными». Филду позже выплатили 50 тысяч долларов за его заключение и оплатили его реабилитацию в санатории [4].

Спустя три недели Ноэль и Герта Филд вышли на свободу в Венгрии. Венгерское правительство заявило, что не смогло подтвердить обвинения против них [5]. Им тоже выплатили компенсации, и они решили остаться в Венгрии.

Когда Ноэля Филда официально объявили невиновным, пришлось пересмотреть дела и многих других в Восточной Европе. Сначала тонкой струйкой, а потом целым потоком заключенные выходили на свободу. К 1956 году подавляющее большинство было выпущено из тюрем.

На протяжении первого послевоенного десятилетия ЦРУ раздувало огонь раздора в Восточной Европе и другими способами помимо операции «Фактор раскола». Радио «Свободная Европа» (см. главу 17), вещавшее из Западной Германии, не стеснялось опускаться до грязных приемов. Так, например, узнав в январе 1952 года о том, что руководство Чехословакии планирует девальвацию своей валюты, радио «Свободная Европа» сообщило об этом в своих трансляциях, что вызвало массовую панику, когда люди стали скупать все и вся [6]. Комментарий «Свободной Европы» по поводу различных европейских коммунистов описала Бланш Визен Кук (Blanche Wiesen Cook) в своем исследовании того периода под названием «Рассекреченный Эйзенхауэр». По ее словам, радиопередачи «включали в себя широкий спектр личной критики, кричащих и клеветнических нападок — от слухов о жестокости и пытках до искаженной информации о коррупции, безумии, извращениях и пороках. Использовалось все, что только можно представить, чтобы выставить коммунистов, где бы они ни находились — в Англии или в Польше, — недалекими, недостойными и ничтожными людьми» [7].

Когда речь заходила об оскорблении в адрес коммунистов, в студию радиостанции «Свободная Европа» часто приглашали Йозефа Святло, которого прозвали «мясником» за его склонность к изощренным пыткам. Вряд ли стоит говорить, что рожденный заново «гуманист» никогда не упоминал ни об операции «Фактор раскола», ни о своей роли двойного агента, хотя некоторые из его передач пошли для польской системы безопасности на пользу [8].

Так или иначе, Соединенные Штаты стремились создать проблемы и нанести вред. Они поддерживали оппозиционные группы в Румынии [9], организовали подпольную радиостанцию в Болгарии [10], разбрасывали с воздуха над Венгрией, Чехословакией и Польшей пропагандистские материалы (за один день 11 августа 1951 года с помощью 11 тысяч воздушных шаров былоброшено 13 миллионов листовок) [11], занимались заброской людей (в Венгрии приземлились четыре американских летчика, которые, скорее всего, были оперативными сотрудниками разведки) [12].

В 1955 году восточных европейцев можно было встретить в Форт-Брэгге (Fort Bragg), в Северной Каролине. Там они вместе с зелеными беретами проходили специальную подготовку, изучали тактику партизанской войны, которую надеялись применить в странах Восточной Европы [13].

В следующем, 1956 году сотни венгров, румын, поляков и представителей других стран Восточной Европы проходили подготовку у специалистов ЦРУ по разведывательно-диверсионной деятельности на одном из секретных объектов в Западной Германии.

Когда в октябре 1956 года началось восстание в Венгрии, эти люди, как утверждает ЦРУ, не использовались, поскольку не были готовы. Но ЦРУ засылало своих агентов в Будапешт для налаживания связей с повстанцами и оказания помощи в организации восстания. В то же время радио «Свободная Европа» убеждало венгров продолжать сопротивление, предлагая тактические советы и обещая, что американская военная помощь уже в пути. Но помочь так и не пришла.

Доказательств того, что операция «Фактор раскола» способствовала венгерскому восстанию или более ранним восстаниям в Польше и Восточной Германии, не имеется. Тем не менее, ЦРУ отмечало, что антикоммунистическая пропаганда холодной войны победила благодаря развернувшейся на Востоке охоте на ведьм, стоившей многих человеческих жизней.

Постскриптум

В 1997 году по Закону о свободе доступа к информации автору этой книги удалось получить от ЦРУ документ — меморандум ЦРУ от 26 октября 1949 года, адресованный Государственному департаменту и ФБР и информирующий ведомства о следующем: «Управление получило информацию [удалено] Ноэль Филд и его жена арестованы [удалено].

Второе удаление состоит из 11 знаков — в которые как раз вписывается «в Венгрии» (in Hungary). Ноэль Филд отбыл в Польшу в январе 1949 года и пропал в период между январем и датой меморандума ЦРУ. В течение последовавших пяти лет Государственный департамент США заявлял на весь мир, что ничего не знает о месте пребывания Ноэля и Герты Филд, и не предпринимал ничего в их поддержку. Вероятно, они узнали о судьбе Филдов от Святло, но не могли обнародовать информацию, чтобы не раскрыть наличие источника в самом центре восточно-европейских правительств.

8. Германия, 1950-е

ВСЕ СРЕДСТВА ХОРОШИ: ОТ ДЕТСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ДО ТЕРРОРИЗМА

За 30-летний период, ознаменовавшийся двумя мировыми войнами с Германией, Советский Союз потерял убитыми и ранеными более 40 миллионов человек. Страна лежала в руинах, а многие советские города были стерты с лица земли. В конце Второй мировой войны Советский Союз был не очень хорошо настроен по отношению к немцам. Восстановлению Германии СССР отводил второстепенное место, поскольку следовало думать о восстановлении своей собственной страны.

США вышли из войны с относительно небольшими потерями, а их территория не пострадала совсем. Они были готовы, могли и хотели посвятить себя реализации своей главной задачи в Европе — построить на Западе, в особенности в таком стратегическом районе, как Германия, антикоммунистический заслон.

В 1945 году бывший госсекретарь США Дин Ачесон (Dean Acheson) писал, что официальная американская политика заключалась в том, чтобы «заставить понять немцев, что им не избежать тех страданий, которые они принесли сами себе... [и] контролировать немецкую экономику... таким образом, чтобы не допустить в этой стране уровень жизни более высокий, чем в соседних странах» [1].

Ачесон добавлял, что «с самого начала» американские чиновники в Германии считали этот план «невыполнимым» [2].

Ачесон не объяснял, на чем основывается прогноз, но его правота скоро стала очевидной. Во-первых, влиятельные американские бизнесмены и финансисты (некоторые из них занимали важные государственные должности) слишком многое поставили на карту в Германии с высокоразвитой довоенной промышленностью, чтобы позволить этой стране утонуть в пучинах, обещанных ей некоторыми американскими политиками в качестве наказания. Во-вторых, возрожденная Западная Германия рассматривалась как необходимое

средство для борьбы с советским влиянием не только в Восточном секторе оккупированной Германии, но и во всей Восточной Европе. Западная Германия должна была стать «витриной западной демократии» — ярким, живым доказательством превосходства капитализма над социализмом. Наконец, в-третьих, в американских консервативных кругах, равно как и в некоторых либеральных, считавших советское вторжение в Западную Европу все еще неизбежным, идея ограничения промышленного развития Западной Германии рассматривалась опасным делом, «играющим на руку коммунизму» [3].

Дуайт Эйзенхауэр позднее подтвердил последнее высказывание:

«Если бы определенные чиновники в администрации Рузвельта добились реализации своих предложений, Германия была бы в наихудшем положении — потому что среди них были те, кто отстаивал затопление рурских шахт, разрушение немецких заводов и превращение Германии из индустриальной в аграрную страну. Среди прочих именно это предлагал Гарри Декстер Уайт (Harry Dexter White). Генеральный прокурор США Браунелл (Brownell) позже назвал Уайта активным участником советской шпионской сети, действовавшей в американском правительстве» [4].

Таким образом, деиндустриализацию Западной Германии постигла та же участь, что и ее демилитаризацию, планировавшуюся на последующие годы, — США завалили страну массированной экономической помощью (4 миллиарда долларов в рамках плана Маршалла и несметное число промышленных и технических экспертов).

В то же время Советский Союз перекачивал на свою территорию массированную экономическую помощь из Восточной Германии. СССР демонтировал и перевез к себе целые заводы и фабрики с многочисленным оборудованием и техникой, тысячи километров железнодорожных рельсов. С учетом военных reparаций плата Германии за военную авантюру достигла миллиардов долларов.

К началу 1950-х годов, несмотря на то что уровень социального обеспечения, занятость населения и культурная жизнь в Восточной Германии соответствовали западногерманскому уровню или превосходили его, Западный сектор имел превосходство в самых привлекательных сферах благосостояния. Так, зарплаты там были выше, питание лучше, потребительские товары более доступны, а неоновые огни обещали сладкую ночную жизнь на бульваре Курфюрстендум.

Однако washingtonские сторонники холодной войны, как будто недовольные окончательным счетом в игре, развязали грубую кампанию подрывной и диверсионной деятельности против Восточной Германии, призванную вывести из строя механизмы экономики и аппарата управления страной. ЦРУ и другие американские разведывательные и военные службы в Западной Германии (с периодической помощью коллег из британской разведки и западногерманской полиции) вербовали, оснащали, обучали и финансировали

немецкие группы активистов и отдельных лиц с Запада и Востока. Найти и завербовать агентов для такого крестового похода было несложно, поскольку в послевоенной Германии антисемитизм продолжал жить как единственный респектабельный пережиток нацизма.

Самая активная из таких групп под названием «Боевая группа против бесчеловечности» признавала, что получала финансовую поддержку от Фонда Форда и правительства Западного Берлина [5]. Впоследствии один из общественно-политических журналов в Восточном Берлине опубликовал копию письма от руководства Фонда Форда, в котором подтверждалось предоставление гранта на 150 тысяч долларов «Национальному комитету за свободную Европу», чтобы тот, в свою очередь, мог бы поддержать гуманитарную деятельность «Боевой группы против бесчеловечности» [6]. «Национальный комитет за свободную Европу» был одной из подставных организаций ЦРУ и управлял деятельностью радиостанции «Свободная Европа» [7].

Двумя другими группами, участвовавшими в кампании против Восточной Германии, были «Ассоциация политических беженцев с Востока» и «Следственный комитет свободомыслящих юристов из советской зоны». В сферу деятельности этих групп входил полный спектр операций от детской преступности до терроризма — использовались все средства, чтобы «представить «коммунистов» в невыгодном свете». Эти и другие группы, направляемые ЦРУ, осуществили следующие диверсионные акции: [8]

- с помощью взрывов, поджогов, коротких замыканий и других диверсионных действий они выводили из строя электростанции, верфи, разрушали плотину, наносили ущерб каналам, докам, общественным зданиям, бензозаправочным станциям, магазинам, радиостанциям, портили наружные стендзы, нарушали работу общественного транспорта;
- пускали под откос товарные поезда, причиняя серьезный вред здоровью рабочих подвижного состава; сожгли 12 вагонов товарного поезда и перерезали шланги для подачи сжатого воздуха в других вагонах;
- взрывали автомобильные и железнодорожные мосты; заминировали железнодорожный мост на линии Берлин — Москва, но взрывчатка была вовремя обнаружена (в противном случае могли погибнуть сотни человек);
- использовали специальные кислоты, чтобы вывести из строя жизненно важное оборудование на фабриках; насыпали в турбину одного из заводов песок, что привело к ее простою; подожгли фабрику по производству плитки; способствовали замедлению работы на фабриках; воровали копии чертежей и образцы новых технических разработок;
- умертили семь тысяч коров на одной колхозной молочной ферме, добавив яд в механизм, подающий корм для коров;
- добавили мыло в сухое молоко, предназначенное для детей школ Восточной Германии;
- нападали на учреждения левых организаций в Восточном и Западном Берлине, крали списки членов; нападали и похищали левых активистов и иногда убивали их;

- взрывали химические бомбы со зловонными газами в целях срыва политических митингов;
- запускали воздушные шары, которые взрывались в воздухе, разбрасывая тысячи пропагандистских листовок над Восточной Германией;
- располагали большим количеством яда кантарицина, из которого планировалось производство отравленных сигарет, предназначенных для убийства руководителей Восточной Германии;
- пытались сорвать Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Берлине, рассыпая фальшивые приглашения, ложные обещания бесплатного жилья и питания, ложные уведомления об отмене фестиваля; совершали нападения на участников с использованием взрывчатых веществ, зажигательных бомб; прокалывали шины в колесах автомобилей участников; подожгли деревянный мост на главной автодороге, ведущей к месту проведения фестиваля;
- подделывали и распространяли большое количество талонов на еду — например, на 60 тысяч фунтов мяса — с целью внести путаницу и вызвать дефицит и недовольство;
- рассылали поддельные налоговые извещения и другие правительственные директивы и документы, чтобы вызвать дезорганизацию и неэффективность промышленности и профсоюзов;
- «оказывали значительную помощь и поддерживали» немцев из Восточной Германии, которые организовали восстание 17 июня 1953 года; во время и после восстания американская радиостанция в Западном Берлине «Радио американского сектора» (RIAS, Radio in the American Sector) транслировала на Восточную Германию подстрекательские радиопередачи, призывая население сопротивляться правительству; дикторы «Радио американского сектора» также выступали с угрозами в адрес свидетелей, проходивших по крайней мере по одному восточногерманскому уголовному делу. За ходом этого дела следили члены «Следственного комитета свободомыслящих юристов из советской зоны». Угрозы заключались в том, что комитет внесет свидетелей в списки «обвиняемых лиц», если они будут лгать.

Несмотря на то что сотни американских агентов были пойманы и осуждены в Восточной Германии, легкость, с которой они могли перемещаться между двумя секторами и проникать на различные предприятия, не испытывая языкового барьера, предоставляла ЦРУ возможности, несравнимые с другими странами Восточной Европы.

На протяжении 1950-х годов немцы из Восточной Германии и Советский Союз направляли неоднократные жалобы бывшим советским союзникам на Западе и в ООН по поводу подрывной и шпионской деятельности, предостав员ляя имена и адреса и призывая прикрыть деятельность этих организаций в Западной Германии. Разумеется, восточногерманские немцы начали ограничивать въезд в страну с Запада.

Запад также доставлял неприятности Востоку, проводя энергичную кампанию по вербовке восточногерманских профессиональных работников и квалифицированных рабочих. В конце концов это привело к жестокому трудовому и производственному кризису в Восточной Германии и к строительству в августе 1961 года печально известной Берлинской стены.

Организовывая свои диверсионные вылазки в Восточной Германии, американские власти и их немецкие агенты были убеждены, что Советский Союз (может быть, в виде проектов) строил враждебные планы в отношении Западной Германии. 8 октября 1952 года премьер-министр западногерманской земли Гессен Георг Август Зинн (Georg August Zinn) предал огласке, что США создали на территории Гессена «тайную армию», состоящую из гражданских лиц, для отражения советского вторжения.

Эта организация, насчитывавшая от 1000 до 2000 бойцов, принадлежала к так называемой Технической службе Федерации немецкой молодежи. Газета «Нью-Йорк таймс» позднее охарактеризовала ее как «правую молодежную группировку, часто обвиняемую в экстремизме» (в связи с террористической тактикой, описанной выше). Костяк Технической службы составляли вовсе не молодые люди. Почти всем было от 35 до 50 лет, и многие из них, по словам Зинна, являлись «бывшими офицерами люфтваффе, вермахта и СС (гитлеровскими чернорубашечниками)».

Больше года в глухой сельской местности и на одном из американских военных объектов они группами по несколько человек под руководством американских инструкторов обучались правилам применения стрелкового оружия и взрывчатых средств и проходили «политический инструктаж».

Разведывательное крыло Технической службы, по словам премьер-министра Гессена, составило картотеку лиц, которых надо будет ликвидировать, когда советские танки начнут вторжение. В эти списки, которые содержали детальное описание и подробности личной жизни, было внесено около 200 руководителей социал-демократов (включая самого Зинна!), 15 коммунистов и много других. Все они рассматривались как «политически неблагонадежные» и противники милитаризации Западной Германии. Очевидно, даже обычная поддержка курса мирного сосуществования с советским блоком и разрядки была достаточным поводом для включения того или иного человека в расстрельный список. Известно, что один человек был расстрелян в подобном учебном центре по обвинению в том, что он способствовал «наведению мостов между Востоком и Западом». Именно это убийство привело к разоблачению деятельности этой тайной организации.

США признавали свою роль в создании и подготовке диверсионных подразделений, но отрицали любое участие в «нелегальной, внутренней и политической деятельности» организации. Но Зинн сообщал, что американцы узнали о планах организации в мае и не распускали группировку до сентября, то есть до того времени, когда немецкая тайная полиция арестовала нескольких лидеров группы. В свое время американец Стерлинг Гарвуд

(Sterling Garwood), который руководил курсами подготовки боевиков, «имел в своем распоряжении копии карточек членов тайной группы». Получается, что власти США никогда не сообщали что-либо правительству Западной Германии в отношении этой упомянутой тайной группы.

Когда следствие по делу группы завершилось, арестованные были быстро освобождены. США препятствовали любым расследованиям этого дела в американской зоне оккупированной Германии. Господин Зинн комментировал: «Единственное юридическое объяснение для этих освобождений может быть в том, что люди в Карлсруэ (в Федеральном суде) объявили, что они действуют по указке американцев» [9].

Кроме того, национальный лидер социал-демократов обвинил США в финансировании оппозиционных групп с целью проникновения и подрыва его партии. Председатель СДПГ Эрих Олленхауэр (Erich Ollenhauer), чье имя также было внесено в список Технической службы, предположил, что, несмотря на опровержения высокопоставленных американских чиновников, американские «тайные» агентства все же стояли за действиями боевиков [10].

Разоблачение по поводу «тайной армии» и ее расстрельного списка вызвало бурю насмешек и обвинений в адрес США со стороны многих кругов в Западной Германии. В частности, тесная работа американцев с «бывшими» нацистами не избежала сурового осуждения со стороны немецкого народа.

Как выяснилось спустя долгие годы, эта операция в Германии была частью гораздо более широкой сети, имевшей название операция «Гладио», которая была предпринята ЦРУ и другими европейскими разведывательными службами, привлекшими для реализации своих планов подобные тайные подразделения по всей Западной Европе (см. главу о Западной Европе).

9. Иран, 1953

БЕЗОПАСНОСТЬ ДЛЯ ПАДИШАХА ВСЕХ ШАХОВ

«Вот так мы собираемся избавиться от этого безумца Мосаддыка (Mosaddegh)», — заявил Джон Фостер Даллес группе ведущих washingtonских политиков в июне 1953 года [1]. Госсекретарь держал в руках план операции по свержению премьер-министра Ирана, подготовленный Кермитом (Кимом) Рузвельтом (Kermit (Kim) Roosevelt) из ЦРУ. Едва ли были какие-нибудь дискуссии среди людей, облеченных высокой властью в той комнате — никаких предварительных вопросов, никаких юридических или этических проблем.

«Надо было принять смертельно опасное решение, — писал позже Рузвельт. — Оно включало в себя огромный риск. Конечно, оно требовало тщательной проверки, самого пристального рассмотрения, в некоторых случаях — на самом высоком уровне. Таких мыслей на этой встрече не высказывали. Фактически я был убежден, что почти половина из присутствующих, если бы они чувствовали себя свободными или имели бы мужество говорить, высказалась бы против предприятия» [2].

Рузвельт, внук Теодора и дальний родственник Франклина, выражал больше удивления, чем разочарования, говоря о внутреннем процессе принятия внешнеполитического решения.

Первоначальная инициатива убрать Мосаддыка исходила от британцев, так как почтенный иранский лидер возглавил парламентское движение за национализацию находящейся в британской собственности Anglo-иранской нефтяной компании, единственной нефтяной компании, действовавшей в Иране. В марте 1951 года закон о национализации был принят, а в конце апреля Мосаддык избран премьер-министром подавляющим большинством парламента. 1 мая национализация была осуществлена. Иранский народ, заявил Мосаддык, «открыл скрытую сокровищницу, на которой лежал дракон» [3].

Как предчувствовал премьер-министр, британцы не приняли национализацию благодушно, хотя она была единодушно поддержана иранским парламентом и подавляющим большинством иранского народа по экономическим

соображениям и из чувства национальной гордости. Правительство Мосаддыка пыталось сделать все, чтобы угодить британцам. Оно предложило им 25 процентов чистой прибыли от нефтяных операций в качестве компенсации. Оно гарантировало безопасность и занятость британским сотрудникам. Оно хотело продавать свою нефть, не нарушая прозрачности контрольной системы, такой дорогой сердцу международных нефтяных гигантов. Но британцы не приняли ничего из этого. Единственное, чего они хотели, — это вернуть назад свою нефтяную компанию. И еще они хотели голову Мосаддыка. Слуга не может оскорбить своего господина и оставаться при этом безнаказанным.

За демонстрацией военной силы британскими ВМФ последовали жестокая международная экономическая блокада и бойкот, замораживание иранских активов, что привело к настоящему застою в экспорте иранской нефти и внешней торговле, погрузило и без того бедную страну в почти полную нищету и сделало невозможной выплату любых компенсаций. Тем не менее еще долгое время после того, как они сместили Мосаддыка, британцы требовали компенсацию не только за физические активы Англо-иранской нефтяной компании, но и за расходы при разработке нефтяных месторождений, — условия, невозможные для выполнения. В глазах иранцев это в десятки раз превышало британские доходы, полученные за многие годы.

Британские попытки экономического удушения Ирана не могли быть предприняты без активного содействия и поддержки со стороны администраций Трумэна и Эйзенхауэра, а также американских нефтяных компаний. В то же время администрация Трумэна спорила с британцами о том, что экономическая разруха при Мосаддыке может открыть двери пресловутому коммунистическому перевороту [4]. Когда британцы позже были вынуждены уйти из Ирана, им ничего не оставалось, как обратиться к США за помощью в свержении Мосаддыка. В ноябре 1952 года правительство Черчилля начало переговоры с Кермитом Рузвельтом, фактическим главой ближневосточного отделения ЦРУ, заявившим британцам, что, по его мнению, «нет шансов получить одобрение уходящей администрации Трумэна и Ачесона. Новая республиканская администрация, однако, может быть совсем другой» [5].

Джон Фостер Даллес определенно был другим. Ярый антикоммунист, он видел в Мосаддыке олицетворение всего того, что ненавидел в третьем мире: явный нейтралитет в холодной войне, терпимость к коммунистам, неуважение к свободному предпринимательству, о чем свидетельствовала национализация нефтяных ресурсов. Стоит заметить с иронией, что в предшествовавшие годы Великобритания национализировала несколько собственных основных отраслей промышленности, и государство было главным собственником Англо-иранской нефтяной компании. По мнению Джона Фостера Даллеса и ему подобных, эксцентричный доктор Мохаммед Мосаддык был по-настоящему сумасшедшим. Учитывая, что Иран был чрезвычайно богат черным золотом и имел общую границу с СССР протяженностью более 1000 миль, госсекретарь не слишком переживал по поводу того, каким конкретно образом иранский премьер-министр должен уйти из публичной жизни.

Дело повернулось так, что свержение Мосаддыка в августе 1953 года стало в большей степени операцией американской, чем британской. 26 лет спустя Кермит Рузвелт предпринял необычный шаг, написав книгу о том, как он и ЦРУ проводили эту операцию. Он назвал свою книгу «Контрреворот», напирая на то, что переворот был организован ЦРУ для предотвращения захвата власти Иранской коммунистической партией (Туде), тесно связанной с Советским Союзом. Рузвелт, таким образом, утверждал, что Мосаддыка надо было сместь, чтобы предотвратить коммунистический переворот, в то время как администрация Трумэна считала, что для этого его как раз надо было сохранить у власти.

Было бы неверно утверждать, что Рузвелт выдвигал мало доказательств в защиту своего тезиса о коммунистической опасности. Точнее было бы сказать, что он вообще не приводит их. Вместо этого читатель имеет дело с простым утверждением тезисов, которые повторяются снова и снова; их авторы, очевидно, полагают, что беспрестанное повторение убедит даже самых колеблющихся. Таким образом, нас потчуют вариациями вроде следующих:

«Советская угроза [была] настоящей, опасной и неотвратимой»... Мосаддык «образовал альянс» с Советским Союзом для свержения шаха... «Очевидная угроза советского переворота»... «Союз между [Мосаддыком] и управляемой Советами партией Туде приобретал угрожающую форму»... «Возрастающая зависимость Мосаддыка от Советского Союза»... «Рука Туде и за ней рука Советов проявлялась все больше и больше каждый день»... «Поддержка Туде Советами и [Мосаддыком] становилась все более очевидной»... Советский Союз был «активнее всего в Иране. Его контроль над руководством Туде усиливался с каждым днем. Он осуществлялся часто и, на наш взгляд, с открытой наглостью» [6]...

Но ни одного доказательства советской подрывной деятельности так никогда и не было приведено или же было недостаточно явным и бесспорным, чтобы вооружить Рузвелта хотя бы одним примером для заинтересованного читателя.

В действительности, хотя партия Туде более или менее верно следовала за изменениями линии Москвы в отношении Ирана, отношение партии к Мосаддыку было гораздо более сложным, чем Рузвелт и другие апологеты холодной войны могли себе представить.

Туде двояко относилась к богатому, эксцентричному, владеющему землей премьер-министру, который тем не менее противостоял империализму. Дин Ачесон (Dean Acheson), госсекретарь Трумэна, воспринимал Мосаддыка как, «в сущности, богатого, реакционного, феодально мыслящего перса» [7], которого с трудом можно представить в качестве сочувствующего коммунистической партии.

Время от времени Туде поддерживала политику Мосаддыка, но чаще всего Мосаддык совершил ожесточенные нападки на эту партию. Так, например, 15 июля 1951 года Мосаддык жестоко подавил демонстрацию, организованную Туде, что привело к 100 погибшим и 500 раненым. Более того, иранский

лидер успешно вел кампанию против продолжавшейся советской оккупации Северного Ирана после Второй мировой войны, а в октябре 1947 года инициировал в парламенте отклонение предложения правительства о создании совместной ирано-советской нефтяной компании, которая добывала бы нефть на севере Ирана [8].

Действительно, чего мог бы достичь Мосаддык, отказавшись от части своей власти в пользу Туде и/или СССР? Утверждение, что Советский Союз якобы хотел, чтобы Туде захватила власть, — не более чем спекуляция. Имелось гораздо больше доказательств тому, что СССР был более озабочен своими отношениями с западными правительствами, чем судьбой местной коммунистической партии в стране за пределами социалистического блока Восточной Европы.

Секретный доклад разведки Госдепа от 9 января 1953 года, составленный в последние дни администрации Трумэна, утверждал, что Мосаддык не искал никакого альянса с Туде и что «главная оппозиция Национальному фронту (правящей коалиции Мосаддыка) исходит из правящих кругов с одной стороны и партии Туде — с другой» [9].

Партия Туде была объявлена вне закона в 1949 году, и Мосаддык не отменил этот запрет, хотя и позволил партии действовать до некоторой степени открыто из-за своих демократических убеждений, а также назначил нескольких сочувствующих Туде на посты в правительстве.

Многие цели Туде перекликались с теми, что заявлял Национальный фронт, отмечалось в докладе Госдепа, но «открытое движение Туде к власти могло бы, вероятно, объединить независимых и некоммунистов всех политических убеждений, что привело бы к энергичным попыткам уничтожить Туде силой» [10].

Сам Национальный фронт был коалицией совершенно разных политических и религиозных элементов, включая правых антикоммунистов; его участников объединяли уважение к личности Мосаддыка и его честности, а также националистические чувства, особенно в связи с национализацией нефти.

В 1979 году, когда Кермита Рузвелта спросили об этом докладе Госдепа, он ответил: «Я не знаю, как это понимать... Лой Хендерсон (Loy Henderson, посол США в Иране в 1953 году) считал, что существует серьезная угроза того, что Мосаддык передаст Иран под советское влияние» [11]. Будучи главной движущей силой переворота, в этом случае Рузвельт перекладывал ответственность на человека, которому, как мы увидим в главе о Ближнем Востоке, приписываются алармистские заявления о «коммунистическом перевороте».

Кто-то может спросить, как Рузвельт воспринял бы заявление Джона Фостера Даллеса перед комитетом Сената в июле 1953 года, когда операция по свержению Мосаддыка уже шла. Госсекретарь, как сообщала пресса, под присягой показал, что «нет существенных доказательств, подтверждающих, что Иран сотрудничает с Россией. В целом, добавил он, мусульманская оппозиция коммунизму всегда одерживает верх, хотя временами иранское правительство обращается за помощью к партии коммунистического толка Туде» [12].

Молодой шах Ирана был сведен Мосаддыком и иранским политическим процессом к очень пассивной роли. Его власть уменьшилась до той точки, с которой он был «неспособен к независимым действиям», отмечалось в разведывательном докладе Госдепа. Мосаддык добивался контроля над вооруженными силами и расходами шахского двора, а неопытный и нерешительный шах — «падишах всех шахов» — не мог открыто противостоять премьер-министру из-за популярности последнего.

Ход инициированных Рузвельтом событий, которые привели на трон шаха, в ретроспективе кажется довольно простым, даже наивным и обязанным в немалой степени удаче. Первый шаг заключался в том, чтобы убедить шаха, что Эйзенхауэр и Черчилль стоят за ним в его борьбе с Мосаддыком за власть и готовы оказывать ему любую необходимую военную и политическую поддержку [13]. Рузвельт на самом деле не знал, что думал Эйзенхауэр и знал ли он вообще об операции, но сам сфабриковал сообщение шаху от имени Президента США с выражением ему ободрения.

В то же время шаха уговорили издать указ, отправляющий в отставку Мосаддыка с поста премьер-министра и назначающий на его место некоего Фазлоллу Захеди, генерала, которого британцы арестовывали за сотрудничество с нацистами во время войны [14]. Поздно ночью с 14 на 15 августа посланник шаха доставил указ в дом Мосаддыка, охраняемый войсками. Неудивительно, что посланника приняли очень холодно, и премьер-министр не счел нужным с ним встречаться. Вместо этого его обязали оставить декрет со слугой, который расписался в получении листа бумаги, отрещающего его хозяина от власти. Также неудивительно, что Мосаддык от власти не отрекся. Премьер-министр, справедливо утверждая, что только парламент может отправить его в отставку, выступил следующим утром по радио и заявил, что шах, подстрекаемый «иностранными элементами», предпринял попытку *государственного переворота*. Мосаддык затем заявил, что он, таким образом, вынужден взять в свою руки всю полноту власти. Он назвал Захеди предателем и попытался его арестовать, но генерала спрятали люди Рузвельта.

Шах, испугавшись, что все потеряно, сбежал со своей женой в Рим через Багдад с одной только ручной поклажей. Не смущившись этим, Рузвельт продолжил действовать и направил копии шахского декрета для распространения в обществе, а также послал двух своих иранских агентов к важным военным командующим в поисках их поддержки. Получается, что важнейшая задача военной поддержки была оставлена на последнюю минуту. Действительно, один из двух иранцев-агентов был завербован для этого дела в тот же день, и только он и преуспел заручиться поддержкой иранского полковника, у которого в подчинении были танки и бронемашины [15].

С утра 16 августа в Тегеране состоялась массовая демонстрация в поддержку Мосаддыка против шаха и США, организованная Национальным фронтом. Рузвельт воспринимал демонстрантов просто как «членов Туде, науськаных Советами», опять не подтвердив своего утверждения никаки-

ми доказательствами. «Нью-Йорк таймс» назвала их «сторонниками Туде и националистическими экстремистами» [16].

Среди демонстрантов также были люди, работающие на ЦРУ. Согласно Ричарду Коттаму (Richard Cottam), американскому ученому и писателю, работавшему в то время в ЦРУ в Тегеране, этих агентов посыпали «на улицы, чтобы действовать, как если бы они были из Туде. Они были больше, чем просто провокаторами, — это были ударные части, которые действовали, как если бы они были членами Туде, бросали камни в мечети и священнослужителей», с целью представить Туде, а заодно и Мосаддыка, противниками религии [17].

Во время демонстраций Туде возобновила свои привычные требования демократической республики. Они призывали Мосаддыка сформировать объединенный фронт и раздать им оружие для защиты от переворота, но премьер-министр отказался [18]. Вместо этого 18 августа он приказал полиции и армии положить конец демонстрациям Туде, и этот приказ был с усердием исполнен. Как считали Рузвельт и посол Хендерсон, Мосаддык предпринял этот шаг после встречи с Хендерсоном, в ходе которой посол сетовал по поводу чрезмерной жестокости иранцев по отношению к американским гражданам. Оба американца промолчали на предмет того, какая часть обвинений была сфабрикована ими по случаю. Так или иначе, Хендерсон сказал Мосаддыку, что, если это не прекратится, он будет вынужден приказать всем американцам покинуть Иран немедленно. Мосаддык, говорит Хендерсон, умолял его не делать этого, так как американская эвакуация могла бы показать, что его правительство не контролирует страну, хотя в то же время премьер-министр обвинял ЦРУ в подготовке и выпуске указа шаха [19]. Газета Туде в то время требовала выслать «интервенционистских» американских дипломатов [20].

Какой бы ни была мотивация Мосаддыка, его действия вновь остро противоречили утверждениям, что он был в союзе с Туде или что Туде собиралась брать власть. В действительности Туде снова не вышла на улицы.

На следующий день, 19 августа, иранские агенты Рузвельта организовали шествие по Тегерану. Для этих целей в одном из сейфов американского посольства хранилось около миллиона долларов, и «чрезвычайно компетентным и профессиональным организаторам», как назвал их Рузвельт, не составило труда купить себе массовку; вероятно, достаточно было лишь малой части этих денег. По различным подсчетам, свержение Мосаддыка обошлось ЦРУ в Иране от 10 тысяч до 19 миллионов долларов. Большая сумма основана на докладах о том, что ЦРУ подкупало членов парламента и других влиятельных иранцев в борьбе против премьер-министра.

Вскорости можно было увидеть кучки людей, идущих с древних базаров, ведомых крепкими молодыми парнями. Марширующие махали флагами, скандировали: «Да здравствует шах!». По краям процессии люди раздавали иранские деньги с портретом шаха. По ходу движения толпа разрасталась, подхватывая песни, — люди присоединялись по невероятному разнообразию политических и личных причин. Психологический баланс поменялся не в пользу Мосаддыка.

По пути некоторые марширующие выходили из строя, нападая на офисы поддерживающих Мосаддыка газет и политических партий, а также Туде и правительственные здания. В то же время радио Тегерана прервало свои передачи и сообщило, что «указ шаха об отставке Мосаддыка выполнен. Новый премьер-министр, Фазлолла Захеди, уже выполняет свои обязанности. Его императорское величество возвращается домой!».

Это была ложь, или «предправда», как выразился Рузвельт. Только после этого он пошел доставать Захеди из его укрытия. По пути он наткнулся на командующего ВВС, который был в толпе демонстрантов. Рузвельт приказал офицеру захватить танк и немедленно отвезти в нем Захеди к дому Мосаддыка [21].

В своей книге Кермит Рузвельт стремился убедить читателя, что на этот момент все уже было кончено и ему оставалось только открывать шампанское: Мосаддык сбежал, Захеди получил власть, шаха пригласили вернуться — драматический, радостный и мирный триумф народной воли. Но он почему-то забывает упомянуть, что все это время на улицах Тегерана и перед домом Мосаддыка в течение 9 часов шли столкновения между солдатами, верными Мосаддыку, с одной стороны, и теми, кто поддерживал Захеди и шаха, — с другой. Сообщалось, что около 300 человек погибли, сотни пострадали, прежде чем защитники Мосаддыка прекратили сопротивление [22].

Рузвельт также не упоминает о каком-либо вкладе британцев в операцию, что существенно нервировало людей из МИ6 — коллег ЦРУ, которые утверждали, что они, как и сотрудники Anglo-Iranian Oil Company, местные бизнесмены и другие иранцы, сыграли значимую роль в этих событиях. Но о том, какова эта роль была на самом деле, они упорно молчали [23].

Американская военная миссия в Иране также претендовала на роль в операции, как позже свидетельствовал перед Конгрессом генерал-майор Джордж Стюарт (George C. Stewart):

«На момент, когда кризис продолжался и ситуация грозила выйти из-под контроля, мы нарушили наши обычные критерии и среди прочего, что мы сделали, — мы предоставили армии незамедлительно, в срочном порядке одеяла, обувь, форму, электрогенераторы, лекарства, что позволило создать обстановку, в которой она могла поддержать шаха... Оружие, которое они держали в руках, грузовики, на которых они ездили, бронемашины, на которых они патрулировали улицы, средства связи, которые позволили им управлять обстановкой, — все это было предоставлено в рамках программы военной помощи» [24].

«Вполне допустимо, что Туде могла повернуть ситуацию против сторонников шаха, — писал Кеннет Лав (Kennett Love), репортер «Нью-Йорк таймс», который был в Иране в эти критические дни августа. — Но по некоторым причинам она оставалась в стороне от конфликта. Я полагаю, что Туде была удержана советским посольством, так как Кремль в первые годы после Сталина не хотел иметь дело с вероятными последствиями установления режима под контролем коммунистов в Тегеране».

Точка зрения Лава, содержащаяся в его статье, написанной в 1960 году, могла сложиться в результате информации, полученной из ЦРУ. По его собственному признанию, он был в тесном контакте с Управлением в Тегеране и даже помогал ему в его операции [25].

В начале 1953 года «Нью-Йорк Таймс» отмечала, что «преобладающим мнением среди объективных наблюдателей в Тегеране» было то, что «Мосаддык — самый популярный политик в стране». На протяжении более чем 40 лет общественной жизни Мосаддык «приобрел репутацию честного патриота» [26].

В июле директор иранского отдела Госдепа заявлял, что «Мосаддык обладает такой огромной популярностью в массах, что свергнуть его было бы весьма трудно» [27].

Несколько дней спустя «по меньшей мере 100 тысяч человек заполнили улицы Тегерана, чтобы выразить сильные антиамериканские и антишахские настроения. Хотя демонстрации и были организованы Туде, их многочисленность превзошла все ожидания партии» [28].

Но популярность и массы, когда они не вооружены, значат мало. Ибо в конечном итоге в Тегеране обе стороны прибегли к открытым столкновениям. Солдаты послушно выполняли приказы кучки офицеров, некоторые из которых поставили свои карьеры и амбиции на выигрывающую сторону; у других были идеологические убеждения. «Нью-Йорк Таймс» охарактеризовала внезапный поворот в судьбе Мосаддыка как «не более чем мятеж низших чинов против офицеров Мосаддыка»; низшие чины считали шаха и жестоко подавили предыдущие демонстрации, но отказались делать то же самое 19 августа и вместо этого повернули оружие против своих офицеров [29].

Какие связи имели Рузвельт и его агенты с некоторыми офицерами шаха заранее, неясно. В интервью, которое Рузвельт дал в момент, когда заканчивал книгу, он заявил, что некоторые шахские офицеры в то время, когда шах сбежал в Рим, получилиубежище в городке ЦРУ, примыкавшем к американскому посольству [30]. Но поскольку в книге Рузвельта нет ни слова об этом важном и интересном развитии событий, к другим его утверждениям надо подходить с осторожностью.

Может быть, демонстрация 19 августа, организованная командой Рузвельта, была просто толчком для тех офицеров, которые этого ждали. Если так, то это показывает, насколько Рузвельт доверялся слухам.

К какому выводу можно прийти относительно американской мотивации в свержении Мосаддыка в свете всех этих сомнительных, противоречивых и запутанных заявлений, исходивших от Джона Фостера Даллеса, Керmita Рузвельта, Лоя Хендерсона и других американских официальных лиц? Последствия переворота лучше всего помогут нам разобраться в этом вопросе.

В течение последующих 25 лет шах Ирана был таким близким союзником США, что независимый и нейтральный Мосаддык пришел бы в ужас. Шах

буквально отдал свою страну в распоряжение американских военных и разведывательных организаций, чтобы ее использовали как оружие в холодной войне — как окно и дверь в Советский Союз. Электронные прослушивающие устройства и радары были размещены около советской границы. Американские ВВС использовали Иран как базу для разведывательных полетов над СССР. Шпионы просачивались через границу. Различные американские военные объекты усеяли иранский ландшафт. Иран рассматривался как жизненно важное звено в цепи США, созданной для «сдерживания» Советского Союза. В телеграмме исполняющему обязанности британского министра иностранных дел в сентябре Даллес написал: «Я думаю, если мы сможем двигаться вперед в Иране скоординированно, быстро и эффективно, мы закроем самую опасную брешь в дуге от Европы до Южной Азии» [31]. В феврале 1955 года Иран стал членом Багдадского пакта, созданного США, по словам Даллеса, «для твердого противостояния Советскому Союзу» [32].

Через год после переворота иранское правительство заключило контракт с международным консорциумом нефтяных компаний. Среди новых иностранных партнеров Ирана британцы потеряли свои исключительные права, которыми они наделены были ранее: их доля сократилась до 40 процентов. Другие 40 процентов отошли американским нефтяным фирмам, остальные — прочим странам. Однако британцы получили чрезвычайно щедрую компенсацию за свою бывшую собственность [33].

В 1958 году Кермит Рузвелт покинул ЦРУ и перешел на работу в Gulf Oil Co, одну из американских нефтяных фирм в консорциуме. На этом посту Рузвелт отвечал за связи компании с правительством США и иностранными правительствами, а также имел возможность вести дела с шахом. В 1960 году он стал ее вице-президентом. Впоследствии Рузвелт создал консалтинговую фирму «Доунс и Рузвелт» (Downs and Roosevelt), которая между 1967 и 1970 годами получала, по имеющимся сведениям, 116 тысяч долларов в год сверх расходов за свои услуги в интересах иранского правительства. Другой клиент — аэрокосмическая компания «Нортроп Корпорейшн» (Northrop Corporation) — платила Рузвелту 75 тысяч долларов в год за помощь в продвижении своих продаж в Иран, Саудовскую Аравию и другие страны [34]. (См. главу о Ближнем Востоке, о связях Рузвелта и ЦРУ с королем Саудовской Аравии Саудом.)

Другим американским членом нового консорциума был Standard Oil Co из Нью-Джерси (нынешний Exxon), клиент нью-йоркской юридической фирмы «Салливан и Кромвелл» (Sullivan and Cromwell), в которой Джон Фостер Даллес долго был старшим партнером. Его брат Аллен Даллес, директор ЦРУ, также был партнером фирмы [35]. Публиковавшийся одновременно в нескольких изданиях обозреватель Джек Андерсон (Jack Anderson) сообщал несколькими годами позже, что семья Рокфеллеров, которая контролировала Standard Oil и Chase Manhattan Bank, «помогла ЦРУ организовать переворот, свергнувший Мосаддыка». Андерсон перечислил несколько примеров благдарности шаха Рокфеллерам, включая большие вклады на его личном счете

в Chase Manhattan и строительство жилых домов в Иране компанией семьи Рокфеллеров [36].

Стандартное американское прочтение событий в Иране в 1953 году, вне зависимости позиции автора по отношению к операции, гласит, что США спасли Иран от советского/коммунистического переворота. Однако в течение двух лет американской и британской активной подрывной деятельности в Иране Советский Союз не сделал ничего, что могло бы подтвердить приписываемые ему намерения. Когда британский ВМФ сосредоточил в иранских водах свои крупнейшие со времен Второй мировой войны силы, СССР не предпринял никаких враждебных шагов. Советский Союз не предпринял их и тогда, когда Великобритания ввела драконовские международные санкции, которые ввергли Иран в глубокий экономический кризис и сделали его очень уязвимым. Нефтяные месторождения «не стали заложниками» большевиков, несмотря на то что «в распоряжении Советского Союза была вся партия Туде» в качестве агентов, как заявлял Рузвелт [37]. Даже перед лицом переворота, осуществленного руками иностранцев, Москва не сделала угрожающих шагов, а Мосаддык никогда не просил русских о помощи.

И все равно через год «Нью-Йорк Таймс» вещала: «Москва... подсчитала своих цыплят, до того как они вылупились, и думала, что Иран станет следующей «народной демократией». В то же время газета предупреждала с поразительным высокомерием, что на примере Ирана «развивающиеся страны с богатыми ресурсами получили наглядный урок о том, какую непомерную цену придется заплатить тем из них, которые бездумно играют с фанатичным национализмом» («фанатичным национализмом» в данном случае газета называет патриотизм и стремление к независимости. — Прим. ред.) [38].

Спустя десятилетие Аллен Даллес торжественно блестал в главной роли разоблачителя коммунизма, который «добился контроля над правительством» в Иране [39]. И через десять лет после этого журнал «Форчун» (Fortune), ссылаясь на один из многих примеров, воскресил историю, написав, что Мосаддык «планировал вместе с коммунистической партией Ирана Туде свергнуть шаха Мохаммеда Резу Пехлеви и примкнуть к Советскому Союзу» [40].

А как насчет иранского народа? Чем «спасение от коммунизма» обернулось для него? Для большинства населения жизнь при шахе состояла из тяжелой нищеты, полицейского террора и мучений. Тысячи были казнены под предлогом борьбы с коммунизмом. Несогласие подавлялось с самого начала нового режима при помощи американцев. Кеннет Лав писал о своей уверенности в том, что офицер ЦРУ Джордж Кэрролл (George Carroll), которого он знал лично, работал вместе с генералом Фархадом Дадсетаном (Farhad Dadsetan), новым военным губернатором Тегерана, «в первые две недели ноября 1953 года над разработкой эффективных способов подавления потенциально опасного диссидентского движения, исходящего от базарной площади и Туде» [41].

Печально известная иранская тайная полиция (САВАК), созданная под руководством ЦРУ и Израиля [42], раскинула свои щупальца по всему миру,

чтобы карать иранских диссидентов. По свидетельству бывшего специалиста ЦРУ по Ирану, ЦРУ давало САВАК инструкции по технике пыток [43]. «Международная амнистия» подытожила ситуацию в 1976 году, подчеркнув, что в Иране «самый большой процент смертных приговоров в мире, нет действенной системы гражданских судов, а история пыток превосходит все границы. Нет страны в мире, в которой ситуация с правами человека была бы хуже, чем в Иране» [44].

Если добавить к этому уровень коррупции, который «поражал даже самых опытных свидетелей ближневосточного воровства» [45], становится понятным, почему шах нуждался в огромной военной и полицейской силе, отстроенной при необычайно щедрой американской помощи и программах подготовки [46], — чтобы держать ситуацию под контролем настолько, насколько сможет. Сенатор Хьюберт Хэмфри (Hubert Humphrey) сказал, похоже, с некоторым удивлением:

«Знаете, что сказал глава иранской армии одному из наших людей? Он сказал, что армия сейчас в хорошей форме благодаря американской помощи, что сейчас она способна справиться с гражданским населением. Эта армия не собирается воевать с русскими. Она собирается воевать с иранским народом» [47].

Где сила могла не сработать, ЦРУ обращалось к самому надежному оружию — деньгам. Чтобы обеспечить поддержку шаху или, по крайней мере, устраниТЬ недовольство, ЦРУ начало платить иранским религиозным лидерам — этой всегда капризной компании. Выплаты аятоллам и муллам начались в 1953 году и продолжались регулярно до 1977 года, когда президент Картер внезапно прекратил их. Один «информированный источник в разведке» оценил эти выплаты примерно в 400 миллионов долларов ежегодно; другие считают эту цифру слишком большой, что возможно. Прекращение выплат святым людям считается одной из причин, предопределивших начало конца «падишаха всех шахов» [48].

10. Гватемала, 1953–1954

ПОКА МИР НАБЛЮДАЛ

Старый вопрос — к кому вы обратитесь за помощью, если на вас напала полиция?

К кому обратится бедная банановая республика, если армия ЦРУ продвигается по ее территории и ее самолеты бомбят страну с воздуха?

Руководители Гватемалы перепробовали все средства — ООН, Организацию американских государств, другие страны, каждую по отдельности, мировую прессу, даже пытались обратиться к самим США в отчаянной надежде, что все это — большое недоразумение и что в конце концов разум победит.

Ничего не помогло. Дуайт Эйзенхауэр, Джон Фостер Даллес и Аллен Даллес решили, что законно избранное правительство Хакобо Арбенса (Jacobo Arbenz) — «коммунистическое», поэтому оно должно уйти. И ему пришлось уйти в июне 1954 года.

В самом разгаре американской подготовки к свержению правительства Гватемалы министр иностранных дел страны Гильермо Торьелло (Guillermo Toriello) сокрушался, что США рассматривают «как «коммунистическое» любое проявление самоопределения или экономической независимости, любое стремление к социальному прогрессу, любую интеллектуальную любознательность, любую заинтересованность в прогрессивных либеральных реформах» [1].

Торьелло был близок к истине. Но washingtonские официальные лица достаточно хорошо чувствовали реальность и общественное мнение, чтобы понимать неуместность любых открытых высказываний против самоопределения, независимости или реформ. Именно поэтому госсекретарь Даллес заявил, что гватемальцы живут при «коммунистической разновидности терроризма» [2]. Президент Эйзенхауэр предупредил о «коммунистической диктатуре», создающей «аванпост на континенте для подрыва всех американских наций» [3]. Американский посол в Гватемале Джон Перифуа (John Peurifoy) заявлял: «Мы не можем допустить, чтобы советская республика

возникла между Техасом и Панамским каналом» [4]. Другие предупреждали, что Гватемала может стать базой, с которой Советский Союз захватит канал... Сенатор Маргарет Чэйс Смит (Margaret Chase Smith) недвусмысленно намекала, что «неоправданный рост цен на кофе», импортируемый из Гватемалы, вызван коммунистическим контролем над страной, и призвала провести расследование [5]. И пошло-поехало.

Советский Союз можно было бы простить, если он каким-то образом был сбит с толку этой риторикой. СССР не проявлял интереса к Гватемале, не оказывал этой стране никакой военной помощи, даже не поддерживал дипломатических отношений с ней и, следовательно, не имел необходимого в таких случаях посольства, из которого можно было бы плести нечестивые интриги. В этот период расцвета маккартистской «логики», несомненно, находились американцы, которые говорили: «Это все для того, чтобы обмануть нас еще больше!».

За исключением одного случая, страны Восточной Европы имели также мало отношения к Гватемале, как и Советский Союз. За месяц до переворота, то есть спустя долгое время с начала его подготовки Вашингтоном, Чехословакия продала за наличные деньги Гватемале единственную партию оружия — что чехи сделали бы, без сомнения, в отношении любой другой страны, желающей заплатить наличными. К тому же оружие было, по словам «Нью-Йорк таймс», «ненужным военным хламом». Журнал «Тайм» отнесся с пренебрежением к выводам газеты и процитировал американских военных, которые дали поставленному оружию более высокую оценку. Возможно, ни «Тайм», ни американские военные не могли представить, что один член «международного коммунистического заговора» может послать другому его члену некачественное оружие [6].

Американская пропагандистская мельница много намолола из этой оружейной сделки. Гораздо меньше освещался тот факт, что Гватемала была вынуждена искать оружие в Чехословакии: потому что с 1948 года США отказались продавать ей какое-либо вооружение из-за реформистского правительства страны и давили на другие страны, чтобы они делали то же самое, несмотря на многократные просьбы Арбенса снять эмбарго [7].

Как и у Советского Союза, у Арбенса были причины удивляться американским санкциям. Гватемальский президент, вступивший в должность в марте 1951 года и выигравший выборы с большим перевесом, не имел особых контактов или духовных/идеологических связей с Советским Союзом и другими государствами коммунистического блока. Хотя американские политики и пресса, напрямую и косвенно, часто вешали на Арбенса ярлык коммуниста, в Вашингтоне были те, кто отлично понимал ситуацию, по крайней мере в менее пристрастные свои моменты. При Арбенсе позиция Гватемалы в ООН была так близка к позиции США по вопросам «советского империализма», что группа Госдепа, занятая планированием свержения Арбенса, пришла к выводу, что пропаганда, касающаяся итогов голосования Гватемалы в ООН, «будет не особо полезной в этом случае» [8]. Аналитическая записка Госдепа

сообщала, что президент Гватемалы получал поддержку «не только со стороны руководимых коммунистами профсоюзов и радикального крыла интеллигенции, но также от многих антикоммунистических националистов в городах» [9].

Тем не менее Вашингтон неоднократно и твердо выражал свое недовольство присутствием коммунистов в правительстве Гватемалы и их активным участием в политической жизни страны. Арбенс утверждал, что такова настоящая демократия, однако Вашингтон продолжал настаивать на том, что Арбенс слишком терпим к таким людям, — не потому что они совершили что-то, что могло угрожать интересам США или западной цивилизации, а просто потому, что они принадлежали к породе коммунистов, хорошо известной своей бесконечной способностью к вероломству. Посол Перифуа — дипломат, чей костюм мог быть элегантен, но чьи подходы были вполне дикими, — предупреждал Арбенса, что отношения США и Гватемалы будут натянутыми до тех пор, пока хотя бы один коммунист останется на государственном довольствии [10].

Центральной частью программы Арбенса была аграрная реформа. Ее необходимость была ясно выражена типичной статистикой отсталой страны, близкой к кризису: в аграрной стране 2,2 процента землевладельцев обладали 70 процентами всей пахотной земли; ежегодный доход сельскохозяйственного рабочего составлял 87 долларов. До революции 1944 года, которая свергла диктатуру Убико (Ubico), «солдаты связывали рабочих вместе и доставляли их на фермы в долинах, чтобы отдать в долговое рабство землевладельцам» [11].

Экспроприация больших участков необрабатываемой земли, которую распределили примерно 100 тысячам безземельных крестьян, укрепление прав рабочих профсоюзов и другие социальные реформы были причинами, по которым Арбенс ожидало завоевание поддержку коммунистов и других левых. Когда Арбенса критиковали за то, что он принимал поддержку коммунистов, он призывал своих оппонентов доказывать свою лояльность поддержкой его реформ. Но они отвергали это, и становилось ясно, откуда ветер дует [12].

Созданная коммунистами Трудовая партия Гватемалы, получила четыре места в конгрессе и была самой малочисленной фракцией правящей коалиции Арбенса, которая располагала 51 местом в законодательном собрании созыва 1953—1954 годов [13]. У коммунистов было несколько постов в министерствах, но никто из них никогда не достиг уровня министра; коммунисты работали в бюрократическом аппарате, особенно в органах, занимавшихся земельной реформой [14].

Не находя ничего по существу для обвинения гватемальских левых, вашингтонские официальные лица перешли к подмене понятий. Так, коммунисты, в отличие от нормальных людей, не получали работу в правительстве, а «проникали» в него. Коммунисты не поддерживали отдельную программу, а «эксплуатировали» ее. Коммунисты не поддерживали Арбенса, а «использовали» его. Более того, коммунисты «контролировали» рабочее движение и земельную реформу. Но кто в развивающейся стране посвящает себя борьбе за благосостояние рабочих и крестьян? Никто, кроме тех, кого Вашингтон называл «коммунистами».

Основной идеей использования такого языка, который был стандартной пищей Запада во время холодной войны, было отрицание того, что коммунисты могут искренне заботиться о социальных переменах. Американские официальные лица отрицали это друг перед другом и перед всем миром. Вот, например, выдержка из доклада ЦРУ о Гватемале, подготовленного в 1952 году для наставления Белого дома и спецслужб:

«Политический успех коммунистов в целом является производным от способности отдельных коммунистов и сочувствующих им идентифицировать себя с национальными и социальными устремлениями революции 1944 года. Таким способом они успешно проникли в правительство и проправительственные политические партии и установили контроль (!) над рабочими организациями... (Арбенс) — это, в сущности, оппортунист, чья политика — вопрос чистой исторической случайности... Распространение (коммунистического) влияния обеспечивается применимостью марксистских «клише» к антicolonиальным и социальным целям гватемальской революции» [15].

Первый план ЦРУ по свержению Арбенса был утвержден президентом Трумэном в 1952 году, но в последний момент госсекретарь Дин Ачесон убедил Трумэна отменить операцию [16]. Однако вскоре после того, как Эйзенхауэр стал президентом в январе 1953 года, план операции откопали снова.

Руководители компании «Юнайтед фрут» (United Fruit) прессовали обе администрации США: правительство Арбенса в рамках земельной реформы экспроприировало их обширные необработанные земли в Гватемале. Компания хотела почти 16 миллионов долларов за землю, а правительство предлагало 525 тысяч долларов — оценку, указанную в налоговой декларации самой «Юнайтед фрут» [17].

«Юнайтед фрут» действовала в Гватемале как государство в государстве. Она владела телефонной и телеграфной сетью страны, управляла единственной важной атлантической гаванью и монополизировала экспорт бананов. Ее дочерняя компания владела почти всеми милями железных дорог страны. Влияние фруктовой компании на элиту в Вашингтоне было столь же внушительным. На деловом и/или личном уровне у нее были тесные связи с братьями Даллесами, с различными чиновниками в Госдепе, конгрессменами, американским представителем в ООН и другими. Энн Уитмен (Anne Whitman), жена директора департамента компании по связям с общественностью, была личным секретарем президента Эйзенхауэра. Заместитель госсекретаря (и бывший директор ЦРУ) Уолтер Беделл Смит (Walter Bedell Smith) стремился получить руководящую должность в «Юнайтед фрут» в то же время, когда он помогал планировать переворот. Позже он вошел в совет директоров компании [18].

При Арбенсе Гватемала построила порт на Атлантическом побережье и магистраль, чтобы конкурировать с холдингами «Юнайтед фрут», а также ГЭС, чтобы предлагать более дешевую энергию, чем контролируемая США монополия.

полия. Стратегия Арбенса была в том, чтобы ограничить власть иностранных компаний с помощью прямой конкуренции, а не национализации. Эта политика, конечно, неосуществима, когда речь идет о таком конечном ресурсе, как земля. В своем обращении при вступлении в должность Арбенс заявил:

«Мы всегда будем приветствовать иностранный капитал, пока он отвечает местным условиям, подчиняется законам Гватемалы, способствует экономическому развитию страны и строго воздерживается от вмешательства в ее общественную и политическую жизнь» [19].

Деятельность «Юнайтед фрут» вряд ли вписывалась в эти условия. Кроме всего прочего, компания постоянно пыталась срывать реформы Арбенса, дискредитировать его правительство и привести его к падению.

Соответственно, Арбенс относился с недоверием к транснациональным корпорациям, и нельзя сказать, что он ждал их с распостертыми объятиями. Такого отношения, экспроприации земель «Юнайтед фрут» и «терпимости к коммунистам» было более чем достаточно, чтобы Арбенса взяли на заметку в Вашингтоне. США связывали эти проблемы в одну цепь с коммунизмом: это оно, коммунистическое влияние, а не экономические и социальные нужды Гватемалы, ответственно за отношение правительства страны к американским фирмам.

В марте 1953 года ЦРУ сблизилось с недовольными офицерами правого толка в армии Гватемалы и организовало поставку им оружия. «Юнайтед фрут» выделила 64 тысячи долларов наличными. В следующем месяце в нескольких городах вспыхнули восстания, но были быстро подавлены верными войсками. Мятежников отправили под трибунал, и они раскрыли роль фруктовой компании в заговоре, но не роль ЦРУ [20].

Администрация Эйзенхауэра решила довершить работу спустя некоторое время. С циничным усердием почти целый год был потрачен на кропотливую, поэтапную подготовку свержения Хакобо Арбенса Гусмана. Из крупных операций, предпринятых ЦРУ, мало было так хорошо задокументированных переворотов, как в Гватемале. После публикации многих ранее засекреченных документов вырисовывается следующая картина [21].

Штаб по руководству операцией разместился в городе Опа-Лока (Опа Locka) во Флориде, на окраине Майами. Диктатор Никарагуа Анастасио Сомоса предоставил свою страну под аэродромы, сотни человек — гватемальские эмигранты и наемники из США и Центральной Америки — обучались там владению оружием и радиотехникой, а также приемам саботажа и подрывной деятельности. Для участия в «Освобождении» было выделено тридцать самолетов, базированных в Никарагуа, Гондурасе, в зоне Панамского канала и пилотируемых американскими летчиками. Зона Панамского канала была зарезервирована под склады оружия, которое постепенно доставлялось повстанцам — они должны были соединиться вместе в Гондурасе под командованием полковника Карлоса Кастильо Армаса (Carlos Castillo Armas)

перед пересечением гватемальской границы. Для доставки в Гватемалу перед вторжением было приобретено оружие, маркированное как советское, чтобы раздуть американские обвинения в советском вмешательстве. Как оказалось, не менее важным оружием были скрытые радиопередатчики, расположенные по периметру Гватемалы, включая один в американском посольстве.

Была предпринята попытка подорвать поезда с чехословацким оружием, идущие из порта в город Гватемала. Однако обильные ливни вывели из строя детонатор, и тогда диверсионный отряд ЦРУ обстрелял поезд, убив одного гватемальского солдата и ранив троих; тем не менее составы благополучно дошли до места назначения.

После того как чехословацкий корабль прибыл в Гватемалу, Эйзенхауэр приказал останавливать «подозрительные иностранные суда, входящие в воды Гватемалы, и проверять груз» [22]. Юридический советник Госдепа написал короткую записку, в которой однозначно заключил, что «подобные действия будут означать нарушение международного права». Не помогло. По крайней мере, два иностранных судна были задержаны и досмотрены, одно французское и одно голландское. Так действовали британцы во время войны с США в 1812 году.

Гватемальские военные стали объектом пристального внимания. США демонстративно подписали договоры о взаимной безопасности с Гондурасом и Никарагуа, враждебными к Арбенсу странами, и отправили им большие партии оружия в надежде, что это будет ясным сигналом угрозы для гватемальских военных и заставит их отказаться от поддержки Арбенса. Вдобавок к этому ВМФ США отправил две подводные лодки из Ки-Уэст (Key West), скрупульзно объявив, что они направляются «на юг». Несколько дней спустя BBC под громкие звуки фанфар отправил три бомбардировщика B-36 в Никарагуа с «визитом вежливости».

ЦРУ внимательно изучило списки гватемальского офицерского корпуса и предложило некоторым офицерам взятки. Одна из подпольных радиостанций ЦРУ обратилась к военным, а также ко всем остальным, призвав присоединиться к освободительному движению. Радиостанция сообщала, что Арбенс тайно планировал расформировать и разоружить армию и заменить ее народной милицией. Самолеты ЦРУ сбрасывали на Гватемалу листовки с призывом такого же содержания.

Тем временем по настоянию посла Перифуа группа высокопоставленных офицеров призвала Арбенса уволить всех коммунистов, занимающих посты в администрации. Президент заверил их, что коммунисты не представляют угрозы, что они не управляют правительством и было бы недемократично увольнять их. На следующей встрече офицеры потребовали, чтобы Арбенс отказался от создания народной милиции.

В какой-то момент ЦРУ предложило большую сумму денег самому Арбенсу, но он отверг их. Деньги, размещенные в швейцарском банке, предлагались, видимо, для того чтобы подтолкнуть Арбенса к отставке или затем обвинить его в коррупции.

На экономическом фронте были предприняты чрезвычайные меры: прекращение иностранных кредитов и поставок нефти Гватемале, массовое изъятие ее банковских вкладов за рубежом [23]. Но наиболее ярко американское мастерство проявилось на пропагандистском фронте. Поскольку правительство Гватемалы должно было быть свергнуто по причине его коммунистических убеждений, этот факт должен был быть доведен до сознания остальной Латинской Америки. Соответственно, Информационное агентство США (United States Information Agency, USIA) начало в своих заграничных газетах помещать анонимные статьи, которые развещивали ярлыки коммунистов на гватемальских чиновников и объясняли поисками коммунистов различные действия правительства Гватемалы. В течение нескольких недель до падения Арбенса в латиноамериканской прессе вышло более 200 статей о Гватемале.

ЦРУ и Информационное агентство США отладили метод, ставший стандартным во всей Латинской Америке и остальном мире, как мы увидим: статьи, размещенные в одной газете, подхватывались в других странах — в результате оплаты ЦРУ или неосознанно, потому что история была интересная. Кроме очевидной пользы от резкого расширения потенциальной аудитории, эта тактика создавала видимость того, что независимое общественное мнение заняло определенную позицию, и еще больше камуфлировала роль США.

Информационное агентство США распространило более 100 тысяч экземпляров брошюры «Хронология коммунизма в Гватемале» по всему полуострову, а также 27 тысяч экземпляров антикоммунистических карикатур и плакатов. Американское пропагандистское агентство также изготовило для свободного показа в кинотеатрах три фильма с предсказуемым содержанием о Гватемале и новостные ролики, обеляющие США.

Францисканский кардинал Нью-Йорка Спеллман (Spellman) — прелат, одержимый антикоммунизмом, который боялся социальных перемен еще больше, чем Бога, — был удостоен визита ЦРУ. Не смог бы его преподобие установить контакт между ЦРУ и архиепископом Мариано Росселем Арельяно (Mariano Rossell Arellano) в Гватемале? Кардинал был бы рад. Таким образом, 9 апреля 1954 года в гватемальских католических церквях было зачитано пасторское послание, которое призывало всех верующих обратить внимание на дьявола в стране, называемого коммунизмом, и требовало, чтобы все «встали как один против врага Бога и страны» или, по крайней мере, не защищали бы Арбенса. Чтобы оценить значимость этого послания, надо помнить, что гватемальские крестьяне были глубоко религиозны, и в большинстве своем мало кто умел читать, поэтому они могли получать Слово Божье только таким способом. Для тех же, кто умел читать, с самолетов сбрасывались тысячи листовок с посланием архиепископа.

В мае ЦРУ тайно спонсировало Конгресс против советского вмешательства в Латинской Америке в Мехико. В том же месяце Сомоса созвал дипломатический корпус в Никарагуа и сообщил послам — его голос дрожал от гнева, — что полиция нашла тайные советские склады с оружием (организованные ЦРУ) у тихоокеанского побережья, и предположил, что коммунисты

хотят превратить Никарагуа в «новую Корею». Несколько неделями позже самолет без опознавательных знаков сбросил на парашютах на гватемальское побережье оружие с советской маркировкой.

Латиноамериканцев кормили такой пропагандой десятилетиями. Так их учили, что такое «коммунизм».

В конце января 1954 года фотокопии документов «Освобождения» оказались в руках Арбенса. Операция столкнулась с серьезными трудностями. Через несколько дней газеты Гватемалы опубликовали на своих главных полосах переписку Кастильо Армаса с Сомосой и другими. Документы раскрывали планы поэтапной подготовки к вторжению с привлечением, кроме всего прочего, «правительства Севера» [24].

Госдеп назвал обвинения в адрес США «нелепыми и лживыми» и заявил, что не будет их больше комментировать, так как не хочет придавать им значения, которого они не заслуживают. Пресс-секретарь департамента сказал: «Политика США заключается в невмешательстве во внутренние дела других стран. Этот курс неоднократно подтвержден действующей администрацией».

Журнал «Тайм» вообще не поверил в возможность американского участия в таких планах, заключая, что все это «сфабриковано в Москве» [25].

«Нью-Йорк таймс» не была так открыто циничной, но ее публикации не содержали никаких признаний того, что в гватемальских газетах могла быть какая-то правда. «Латиноамериканские обозреватели в Нью-Йорке, — сообщала газета, — говорят, что обвинения в «заговоре» попахивают коммунистическим влиянием». За этой статьей сразу шла другая, озаглавленная «Красные шефы профсоюзов встретились на открытии съезда Гватемальской конфедерации профсоюзов» [26].

ЦРУ продолжало свою подготовку как ни в чем не бывало.

Наступление началось ранним утром 18 июня, когда самолеты сбросили на Гватемалу листовки с требованиями немедленной отставки Арбенса — в противном случае различные цели будут подвергнуты бомбардировке. После полудня самолеты вернулись, обстреляли из пулеметов дома рядом с казармами, сбросили осколочные бомбы и на бреющем полете обстреляли Национальный дворец.

Всю следующую неделю воздушные налеты продолжались ежедневно — бомбардировкам подверглись порты, цистерны с горючим, склады боеприпасов, казармы, международный аэропорт, одна школа, несколько городов. Сообщалось, что девять человек, в том числе трехлетняя девочка, были ранены. Количество домов, сгоревших от зажигательных бомб, неизвестно. Во время одного изочных налетов через громкоговорители на крыше американского посольства передавалась запись бомбардировки, чтобы усилить страх у жителей столицы. Когда Арбенс вышел в эфир, стараясь успокоить население, специалисты ЦРУ заглушили радиопередачу.

Тем временем подразделения ЦРУ вошли в Гватемалу из Гондураса и захватили несколько поселков. Но их продвижение замедлилось, столкнувшись

с сопротивлением гватемальской армии. Однако радио ЦРУ «Голос освобождения» рисовало другую картину: антиправительственные «повстанцы» были везде и всюду, они успешно наступали, их было великое множество, по ходу наступления к ним присоединялись добровольцы, война и беспорядки во всех уголках страны, страшные бои и тяжелые поражения гватемальской армии. Некоторые радиопередачи транслировались через постоянные общественные и даже военные каналы, давая повод некоторым офицерам Арбенса думать, что эти сообщения подлинны. По этим же каналам ЦРУ отвечало ложными сообщениями на настоящие военные донесения. Распространялись все виды дезинформации, провоцировались слухи. В отдельных районах на парашютах сбрасывались манекены, чтобы заставить верить в масштабность вторжения [27].

Отдел по связям с общественностью «Юнайтед фрут» распространял среди журналистов фотографии массовых захоронений обезображеных трупов в качестве примера зверств режима Арбенса. Фотографии широко разошлись. Томас Макканн (Thomas McCann) из отдела по связям с общественностью компании позже признался, что он понятия не имел, что изображено на этих фотографиях: «Они легко могли быть жертвами каждой из сторон. Или землетрясения. Но штука в том, что их восприняли так, как и предназначалось: в качестве жертв коммунизма».

В таком же стиле Вашингтон сообщал о политических арестах и цензуре в Гватемале, не упоминая тот факт, что правительство находится в осаде, — и, конечно, не говоря о том, кто организовал осаду, — что основную массу арестованных составляли подозреваемые в заговоре и саботаже и что администрация Арбенса обладала хорошей репутацией по части соблюдения гражданских свобод. В этом отношении американская пресса действовала не намного лучше.

Главной целью бомбардировок и дезинформации было показать, что военная оборона дала трещину, что сопротивление бесполезно, и тем самым вызвать смятение и раскол в гватемальских вооруженных силах, а также обра- тить некоторых военных против Арбенса. Психологическая война, ведомая по радио, шла под управлением Говарда Ханта (E. Howard Hunt), известного позже по Уотергейту, и Дэвида Этли Филипса (David Atlee Phillips), недавно поступившего на службу в ЦРУ. На первом совещании по операции Филипс невинно спросил своего начальника Трэйси Барнса (Tracy Barnes): «Но Арбенс стал президентом на свободных выборах. Какое право мы имеем помогать кому-то свергать его правительство и выкидывать его с должности?».

«На какую-то секунду, — писал Филипс позже, — я заметил на его лице тень обеспокоенности, сомнения, реакции чувствительного человека». Но Барнс быстро пришел в себя и повторил партийную линию о Советах, создающих «расширяющийся плацдарм» в Центральной Америке [28].

Филипс никогда не оглядывался назад. Когда он ушел из ЦРУ в середине 1970-х годов, он основал Ассоциацию офицеров разведки в отставке для противодействия потоку негативной информации о ЦРУ.

Американские журналисты, освещавшие события в Гватемале, продолжали демонстрировать отсутствие стремления расследовать ситуацию и разобраться в ней. Но то, что было неясным для американской прессы, было очевидным для многих в Латинской Америке. Горячие протесты против США прошли в июне, по крайней мере, в 11 странах и были поддержаны правительствами Эквадора, Аргентины, Уругвая и Чили, которые осудили американскую интервенцию и агрессию.

Журнал «Лайф» отметил эти протесты, заметив, «что мировой коммунизм эффективно использует события в Гватемале, чтобы нанести удар по США». Журнал насмехался над обвинением в том, что Вашингтон стоит за восстанием [29]. «Ньюсик» сообщал, что Вашингтон «официально рассматривал» протесты «как показатель глубины проникновения красных в обе Америки» [30]. Однако в то же время секретный меморандум Госдепа признавал, что многие из этих протестов были организованы некоммунистическими левыми и умеренными сторонниками США [31].

21 и 22 июня министр иностранных дел Гватемалы Торьелло обратился к ООН со страстным призывом помочь в разрешении кризиса. Американский представитель при ООН Генри Кэбот Лодж (Henry Cabot Lodge) попытался не допустить обсуждения в Совете Безопасности резолюции об отправке в Гватемалу комиссии для расследования и охарактеризовал обращение Торьелло как коммунистические маневры. Но под сильным давлением Генсека ООН Дага Хаммершельда (Dag Hammarskjold) Совбез все-таки был созван. Перед голосованием, когда Лодж работал с маленькими странами, представленными в Совбезе, Эйзенхауэр и Даллес ругались с Францией и Великобританией, которым нравилась резолюция. Президент сказал своему госсекретарю: «Британцы ожидают, что мы дадим им свободу рук на Кипре. Но они даже не хотят нас поддержать в Гватемале! Что ж, дадим им урок» [32].

В результате резолюция была отклонена пятью голосами против четырех. Великобритания и Франция воздержались, хотя это не имело значения, так как для принятия резолюции требовалось семь голосов. Хаммершельд был так раздосадован американскими махинациями, подрывавшими, по его словам, авторитет ООН, что сообщил: он будет вынужден «пересмотреть свое нынешнее положение в ООН» [33].

В то же время ЦРУ приступило к созданию «инцидента». Самолеты Управления сбросили несколько неразрывающихся бомб на территорию Гондураса. Правительство Гондураса обратилось в ООН и ОАГ, заявив, что его страна была атакована самолетами Гватемалы [34].

Наконец, Арбенс получил ультиматум от армейских офицеров: уйти в отставку или же они подпишут соглашение с интервентами. ЦРУ и посол Перифу предложили офицерам деньги за измену. Сообщалось, что один из командующих армией получил 60 тысяч долларов за капитуляцию своих войск. Прижатый к стене Арбенс сделал попытку вооружить своих гражданских сторонников, но армейские офицеры блокировали раздачу оружия. Президент Гватемалы понял, что конец близок.

«Голос освобождения» тем временем вещал, что два крупных и хорошо вооруженных отряда двигаются в сторону города Гватемала. Через несколько часов поступило сообщение о дальнейшем продвижении мифических сил, хотя Кастильо Армас и его маленькая банда на самом деле не сильно про-двинулись от гондурасской границы. Американская дезинформация и слухи продолжали распространяться и другими путями. Арбенс, которому было уже некому доверять в получении достоверной информации, не мог быть более уверен, что в этих радиосообщениях нет хотя бы зерна правды.

Ничто не должно было угрожать победе, такой близкой. Британский грузовой корабль, стоявший в гватемальском порту и попавший под подозрение в поставках топлива для военной техники Арбенса, был разбомблен и потоплен самолетом ЦРУ, после того как команду призвали покинуть судно. Оказалось, что корабль прибыл в Гватемалу за грузом кофе и хлопка.

Отчаявшийся Торьелло неоднократно умолял посла Перифуа прекратить бомбардировки, предложив даже возобновить переговоры по компенсациям «Юнайтед фрут». В длинной телеграмме Джону Фостеру Даллесу министр иностранных дел описал воздушные налеты на гражданское население, подчеркнул беззащитность своей страны перед бомбардировками и призвал США проявить добрую волю и остановить их. Выполняя эту глубоко унизительную миссию, Торьелло высказал все это без единого намека на то, что США участвовали или могли участвовать во всем этом. Просьба была не просто запоздалой. Она была запоздалой еще до того, как события начались.

Силы Кастильо Армаса не могли победить численно превосходящие войска Гватемалы, но атаки с воздуха вместе с верой в непобедимость врага привели к тому, что гватемальские офицеры заставили Арбенса уйти в отставку. Никакие коммунисты, внутренние или внешние, не пришли к нему на помощь. Он только попросил главу офицеров, начальника штаба армии полковника Карлоса Диаса (Carlos Diaz), о том, чтобы тот дал слово не вести переговоры с Кастильо Армасом. Диас, который презирал командира мятежников не меньше, чем Арбенс, с готовностью согласился. Чего не осознавал Диас, так это то, что США не удовлетворятся простым свержением Арбенса. Кастильо Армаса намечали на пост главы правительства, и это назначение обсуждению не подлежало.

Сотрудник ЦРУ Энно Хоббинг (Enno Hobbing), который прибыл в Гватемалу для помощи в составлении новой конституции нового режима, сказал Диасу, что он «сделал большую ошибку», взяв на себя руководство правительством. «Полковник, — сказал Хоббинг, — вы просто не отвечаете требованиям американской внешней политики».

Теперь Перифуа потребовал от Диаса, чтобы он имел дело непосредственно с Кастильо Армасом. Заодно посол показал гватемальскому полковнику длинный список имен, потребовав, чтобы Диас расстрелял их всех в течение 24 часов. «Но почему?» — спросил Диас. «Потому что они коммунисты», — ответил Перифуа [35].

Хотя Диас не сочувствовал коммунистам, он отказался выполнять оба требования и указал, что борьба против вторжения будет продолжаться [36]. Перифуа побагровел от гнева. Он отправил в штаб ЦРУ во Флориде простую телеграмму: «Нас жестоко обманули. БОМБИТЕ!». Через несколько часов из Гондураса вылетел самолет ЦРУ, разбомбил военную базу и уничтожил правительенную радиостанцию. Полковник Кастильо Армас, антикоммунизму которого США могли доверять, скоро стал новым лидером Гватемалы.

Но пропагандистское шоу на этом не закончилось. По приказу ЦРУ гватемальские офицеры нового режима устроили для иностранных корреспондентов экскурсию по бывшей резиденции Арбенса, где они смогли увидеть комнаты, заполненные школьными учебниками, изданными — да, в Советском Союзе. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Пол Кеннеди (Paul Kennedy), настроенный против Арбенса, пришел к выводу, что «книги были подброшены» и не стал возиться с этой сфабрикованной историей [37]. «Тайм» никак не упомянул о книгах, но каким-то образом вышел на историю о том, что толпа разграбила дом Арбенса и нашла «груды коммунистической пропаганды и четыре ящика с землей из России, Китая, Сибири и Монголии» [38]. Статья «Тайм» давала понять, что изданию известно об американской роли в свержении Арбенса (хотя, очевидно, известно не все), но журнал ничего не сказал о правомерности насильственного свержения демократически избранного правительства.

Кастильо Армас отпраздновал освобождение Гватемалы несколькими способами. За один лишь июль тысячи людей были арестованы по подозрению в коммунистической деятельности. Многих пытали и убили. В августе был принят закон и создан комитет, который мог объявлять любого коммунистом без права защиты. Тех, кого таким образом объявляли коммунистом, можно было арестовать на срок до шести месяцев. Они не могли иметь радио или занимать государственный пост. В течение четырех месяцев комитет зарегистрировал 72 тысячи «коммунистов». Чиновник комитета сказал, что они планировали довести список до 200 тысяч [39]. Дальнейшая реализация земельной реформы была остановлена законом, а все уже выполненные мероприятия по экспроприации земли были объявлены недействительными [40]. «Юнайтед фрут» не только получила все свои земли обратно, но вдобавок правительство также запретило деятельность профсоюзов сборщиков бананов. Семь работников компании, которые были активными профсоюзовыми деятелями, были таинственным образом убиты в городе Гватемала [41].

Новый режим лишил голоса три четверти избирателей Гватемалы, исключив неграмотных из избирательных списков, и запретил все политические партии, профсоюзные конфедерации и крестьянские организации. К этому можно добавить закрытие оппозиционных газет (чего Арбенс не делал), сжигание «подрывных» книг, включая «Отверженных» Виктора Гюго, романов Достоевского, работ гватемальского нобелевского лауреата писателя Мигеля Анхеля Астуриаса (Miguel Angel Asturias), резко критиковавшего «Юнайтед фрут» [42].

Тем временем Джон Фостер Даллес, которого Торъелло обвинил в попытках создания «бананового занавеса» в Центральной Америке [43], был обеспокоен тем, что некоторые «коммунисты» могли избежать кары. В телеграммах, которыми Даллес обменивался с послом Перифуа, он настаивал, чтобы правительство арестовало тех гватемальцев, которые нашли убежище в иностранных посольствах, и предъявило им «уголовные обвинения», чтобы они не могли покинуть страну, — например, обвинения в том, что они были «тайными агентами Москвы». Госсекретарь утверждал, что коммунисты должны быть автоматически лишены права на политическое убежище, потому что они связаны с международным заговором. Единственным путем, которым они могли воспользоваться, утверждал он, была их отправка в СССР. Но Кастильо Армас отказался удовлетворить требования Даллеса по этому конкретному вопросу. Вероятно, на него повлияло то, что он, как и многие его соратники, время от времени получал политическое убежище в иностранных посольствах [44].

Одним из тех, кто искал убежища в аргентинском посольстве, был 25-летний аргентинский врач по имени Эрнесто Че Гевара. Че Гевара, живший в Гватемале с 1953 года, пытался организовать вооруженное сопротивление вторжению, но безуспешно. Опыт Че Гевары в Гватемале оказал сильное влияние на его политические убеждения. Его первая жена, Ильда Гадеа (Hilda Gadea), которую он встретил там, писала позже:

«Он часто говорил, что до этого момента он был одиноким охотником, критикующим с теоретических позиций политическую панораму нашей Америки. После этого он убедился, что борьба против олигархической системы и главного врага, империализма янки, должна быть вооруженной, поддерживаемой народом» [45].

В результате переворота США конфисковали огромное количество документов гватемальского правительства, несомненно, в надежде наконец-то выявить руку «международного коммунистического заговора», манипулировавшую Арбенсом. Если что-то было найдено, оно так и не стало достоянием гласности.

30 июня, когда пыль еще не улеглась, Даллес подытожил ситуацию в Гватемале в речи, которая стала памятником холодной войны:

«(События в Гватемале) выявили дьявольские планы Кремля по разрушению внутриамериканской системы... захвату контроля над тем, что они называют массовыми организациями; (коммунистам) удалось захватить официальную прессу и радио гватемальского правительства. Они доминировали в организациях общественной безопасности и проводили аграрную реформу, диктовали конгрессу и президенту свои условия. Лидеры коммунистов открыто манипулировали Арбенсом. Гватемальский режим пользовался полной поддержкой Советской России. Гватемальцы сами испортили ситуацию» [46].

Когда дело дошло до переписывания истории, речь Даллеса не имела ничего общего с докладом ЦРУ для внутреннего пользования, написанным в августе 1954 года: «Когда коммунисты под внешним давлением попытались захватить всю власть в Гватемале, они заставили Арбенса уйти в отставку (удалено). Потом они приступили к созданию коммунистической хунты полковника Карлоса Диаса» [47].

В октябре Джон Перифуа, выступая перед комитетом конгресса, говорил:

«Моя роль в гватемальской революции строго ограничивалась ролью дипломатического наблюдателя. Революция, которая свергла правительство Арбенса, была организована и вдохновлена теми людьми в Гватемале, кто восстал против политики и беспощадного давления со стороны правительства, подконтрольного коммунистам» [48].

Позже Дуайт Эйзенхауэр написал о Гватемале в своих мемуарах. Бывший президент предпочел не делать намеков на то, что США как-то участвовали в планировании или осуществлении переворота, и упомянул, что администрация имела только самое косвенное отношение к его осуществлению [49]. Когда на Западе были опубликованы мемуары Никиты Хрущева, издатель счел нужным нанять видного советолога для написания аннотации к книге и отметить ошибки, вызванные умолчаниями и предвзятостью.

Так респектабельные джентльмены из Госдепа, ЦРУ и «Юнайтед фрут», получившие высокое образование в Принстоне и Гарварде, построившие карьеру на Уолл-стрит, элегантно куря трубы, убеждали друг друга, что неграмотные крестьяне Гватемалы не заслужили землю, которую им дали, что рабочим не нужны профсоюзы, что голод и страдания были малой ценой за избавление от бед коммунизма.

Тerror, развязанный Кастильо Армасом, был только началом. Как мы увидим, со временем он ужесточится. Тerror продолжался без перерыва более 40 лет.

В 1955 году «Нью-Йорк таймс» сообщила из ООН, что «США начали борьбу за удаление раздела предлагаемого Пакта о правах человека, который представлял угрозу их деловым интересам за рубежом». Проблемный раздел касался права народа на самоопределение и постоянный суверенитет над своими природными богатствами и ресурсами. Газета говорила, что этот раздел пакта «фактически провозглашает право страны на национализацию ее ресурсов...» [50]

11. Коста-Рика, середина 1950-х

В ПОПЫТКАХ СВЕРГНУТЬ СОЮЗНИКА

Часть I

Хосе Фигереса (Jose Figueres), трижды главу государства Коста-Рика, ЦРУ любило и ненавидело одновременно.

С одной стороны, Фигерес, по собственному признанию в 1975 году, работал на ЦРУ «двадцатью тысячами способов... по всей Латинской Америке» на протяжении тридцати лет [1]. «Я сотрудничал с ЦРУ, когда мы пытались свергнуть Трухильо», — разгласил он свою тайну, говоря о диктаторе Доминиканской Республики [2].

Но в то же время, признавался Фигерес, управление дважды пыталось убить его [3]. Он не уточнил, когда именно, хотя тогда же уточнил, что пытался на протяжении двух лет добиться отмены операции в заливе Свиней. Возможно, это и вызвало покушения в одном или обоих случаях.

Кроме того, ЦРУ пыталось свергнуть правительство Фигереса. В 1964 году произошло первое громкое разоблачение управления, по поводу чего *Невидимое правительство* (спецслужбы США. — Прим. ред.) сообщило:

«В середине 1950-х агенты ЦРУ глубоко внедрились в политическую жизнь Коста-Рики, самой стабильной и демократической республики в Латинской Америке».

Осведомленные костариканцы знали о роли ЦРУ. Его целью было «способствовать отставке Хосе (Пепе) Фигереса, умеренного социалиста, который стал президентом в честных и открытых выборах 1953 года» [4].

Первый президентский срок Фигереса продолжался до 1958 года; в конце 1940-х он возглавлял либеральную хунту.

«Основное огорчение» ЦРУ вызывал тот факт, что «Фигерес упорно признавал право на политическое убежище в Коста-Рике как некоммунистов,

так и коммунистов. Большой приток сомнительных лиц усложнял работу управления по слежке и вынуждал его увеличить свой штат» [5].

На самом деле проблемы ЦРУ с Фигересом зашли куда глубже. Коста-Рика стала убежищем для сотен изгнанников из разных латиноамериканских стран, где установились правые диктатуры, — Доминиканской Республики, Никарагуа, Венесуэлы. Фигерес оказывал этим группам материальную и моральную поддержку в их планах по свержению правых режимов [6]. С позиции Фигереса это полностью соответствовало его антитоталитарным убеждениям, направленным как против левых, так и против правых. Проблемой было то, что правые диктаторы состояли на хорошем счету у американского антикоммунистического клуба «Свободного мира» (отношение США к Трухильо позже было пересмотрено). Более того, Фигерес иногда высказывал критику американской политики, которая поддерживала правые диктатуры, но не принимала во внимание экономические и общественные проблемы полушария.

Такое поведение могло с легкостью перевесить известность Фигереса как антикоммуниста, хотя и не «ультра»; и «социалистом» он был не большим, чем сенатор США Хьюберт Хэмфри (Hubert Humphrey). Хотя Фигерес и высказывался порою резко против зарубежных инвестиций, но как президент он отлично ладил с международными фруктовыми компаниями — предметом всеобщей ненависти в Центральной Америке [7].

Помимо оказания поддержки политическим оппонентам [8] Фигереса, ЦРУ пыталось:

«...вызвать неразбериху внутри Коммунистической партии Коста-Рики и связать Фигереса с коммунистами. Попытки создать видимость того, что Фигерес вступал в контакт с лидерами коммунистов во время поездки в Мексику, не увенчались успехом. Но агентам ЦРУ повезло больше с первой частью их стратегии — создавать трудности для коммунистов. Им удалось поместить письмо в коммунистической газете. Это письмо, якобы написанное ведущим коста-риканским коммунистом, ставило автора в разрез с партийной линией по поводу Венгерской (1956) революции. Будучи не в курсе того, что письмо является фальшивкой ЦРУ, чиновники американского посольства созвали экстренное совещание для обсуждения его значения. Американский агент в Коста-Рике отправил надолго засекреченный после этого доклад в Вашингтон, предупреждая высших политических деятелей о возможности поразительного разворота в политике коммунистов в Латинской Америке» [9].

В 1955 году управление организовало операцию против Фигереса, которая представляла прямую и непосредственную угрозу. Глубокая личная и политическая неприязнь между Фигересом и никарагуанским диктатором Анастасио Сомосой переросла в насилие: в ответ на покушение на жизнь Сомосы, организованное в Коста-Рике при поддержке Фигереса, Никарагуа вторглась в эту страну на суше и в воздухе. Биограф Фигереса Чарлз Амерингер (Charles Ameringer) писал:

«Фигерес обвинил Центральное разведывательное управление США в содействии Сомосе против него. Он утверждал, что ЦРУ чувствует себя должником Сомосы за помощь, которую он предоставил при свержении режима Арбенса. Он заявил, что те же самые пилоты и самолеты (Ф-47), которые участвовали в налете на Гватемалу, «после этого прилетели из Никарагуа и обстреляли одиннадцать беззащитных городов на нашей территории». Согласно Фигересу, в то время как Госдепартамент США готовил продажу истребителей для Коста-Рики, самолеты и пилоты ЦРУ совершили полеты в интересах мятежников» [10].

Интересно заметить, что в этот период, когда практически ничего не было известно о вопиющих тайных операциях ЦРУ, оно было поймано с поличным при прослушке телефона Фигереса. Этот факт был удостоен осуждающего редакторского комментария «Вашингтон пост» и заявления в подобном же тоне в сенате США сенатора Майка Мэнсфилда (Mike Mansfield) [11].

Хосе Фигерес вернулся на пост президента Коста-Рики в 1970 году; ЦРУ вновь предприняло попытки свергнуть его по тем же самым причинам.

12. Сирия, 1956–1957

ПОКУПКА НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

«Нейтралитет, — объявил Джон Фостер Даллес в 1956 году, — постепенно стал устаревшим понятием, и кроме разве что исключительных обстоятельств, это аморальная и близорукая концепция» [1].

Близорукость нейтральных правительств заключается скорее в их неспособности понять, что их нейтралитет приведет к попыткам Джона Фостера Даллеса свергнуть их.

Сирия вела себя не так, как, по мнению Вашингтона, должна себя вести страна третьего мира. Начнем с того, что она была единственной страной в регионе, которая отказалась от любой экономической или военной помощи США. Дамаск не желал брать на себя обременяющие условия — принятие военной помощи обычно означало присутствие американских военных советников и специалистов; более того, Акт совместной безопасности США от 1955 года уточнял, что принимающая страна соглашалась вносить свой вклад в «оборонную силу свободного мира» и что политика США должна «поощрять усилия других свободных государств... развитие частной инициативы и конкуренции (иными словами — капитализма)» [2].

Сирийское правительство в предшествовавшие годы вело более или менее консервативную политику и воздерживалось от неприятных левых привычек, таких как национализация компаний, которыми владели американцы. Это, однако, не мешало американским официальным лицам, страдавшим недугом под названием «антикоммунистическая паранойя» или ставшим жертвами собственной пропаганды, постоянно видеть самые зловещие надписи на стенах — и это в Вашингтоне считали проблемой Сирии. Чтобы оценить эту логику, стоит прочесть некогда секретные, а ныне рассекреченные документы Совета по национальной безопасности, основанные частично на докладах, полученных от американского посольства в Дамаске в 1955–1956 годах:

«Если популярные левые тенденции в Сирии будут продолжаться длительное время, существует реальная угроза того, что Сирия окончательно подпадет

под контроль левых либо посредством государственного переворота, либо через узурпацию власти»; «фундаментальная антиамериканская и антizападная ориентация сирийцев стимулируется неизбежными политическими спектаклями на тему палестинской проблемы»; «четыре сменяющих друг друга краткосрочных правительства в Сирии разрешали последовательную и возраставшую коммунистическую активность»; «коммунисты поддерживают левые клики в армии»; «апатия к коммунизму со стороны части политиков и офицеров армии» является угрозой безопасности... Партия арабского социалистического возрождения (БААС) и Коммунистическая партия Сирии способны привести к дальнейшему разрушению сирийской внутренней безопасности»; «опасность *государственного переворота* БААС» и «усилившееся коммунистическое проникновение в правительство и армию»; «из всех арабских государств Сирия в настоящем является наиболее искренне преданной политике нейтралитета сильными антizападными тонами»... «если нынешняя тенденция сохранится, есть большая вероятность того, что в результате мы получим управляемую коммунистами Сирию, угрожающую миру и стабильности в регионе и ставящую под удар наши достижения на Ближнем Востоке»; мы «должны сделать приоритетным разработку планов действий на Ближнем Востоке, с тем чтобы усилить влияние на положение в Сирии и предпринять специфические шаги по противодействию коммунистической подрывной деятельности» [3].

Может показаться, что мысль о военных, которые были левыми и/или апатичными к коммунизму, действительно была нелепым феноменом мышления официальных лиц США. Но нигде, ни в каких документах не было упоминания о том, что левые/коммунисты/БААС действительно совершили что-то незаконное и нехорошее, хотя применяемый тон близок к тому, что мы видели в главе о Гватемале: эти люди не присоединяются к чему-либо, а «внедряются», «проникают»; они «контролируют», они — «оппортунисты». В принципе, описанное поведение подобно поведению других политических игроков: попытки влиять на ключевые сектора общества и завоевать союзников. Но для людей, занимающих ответственные посты в Совете по национальной безопасности и Госдепартаменте, злые намерения и опасность таких людей были настолько очевидны, что даже не нуждались в разъяснении.

Существует одно исключение, видимо, высказанное для объяснения неудобного наблюдения:

«На самом деле, похоже, что у коммунистической партии немедленный захват власти не стоит на повестке дня. Скорее всего, она стремится к разрушению национального единства, усиливая при этом поддержку советской политики и противодействие западной политике, а также обостряя напряженность в арабском мире. В этом плане они существенно продвинулись вперед» [4].

Нет ни единого намека на то, что автор имеет в виду под «национальным единством».

Левоориентированное или подконтрольное коммунистам сирийское правительство, делал выводы посол США в Сирии Джеймс Мус-младший (James Moose Jr.), «явно угрожает американским интересам в соседней Турции, что, в свою очередь, может коснуться всех государств НАТО, и так далее и тому подобное» [5]. Было очевидно, что если на сирийское правительство нельзя полагаться по поводу надвигающейся левой катастрофы, то с ним нужно что-то делать.

К этому нужно добавить обычную ближневосточную интригу: замыслы Ирака с британцами свергнуть правительство Сирии и Насера в Египте; давление британцев на американцев, чтобы те присоединились к заговору [6], и компромиссное предложение ЦРУ — оставьте в покое Насера на время, и мы разберемся с Сирией [7].

Невероятный сценарий, скандальный, но в духе проверенных временем традиций Ближнего Востока. Британцы давно занимались такими делами. Даллес и американцы, до сих пор ликующие по поводу сотворения ими шаха в Иране, стремились продолжить переделывание нефтегазового региона по собственной задумке.

Уилбур Крэйн Ивленд (Wilbur Crane Eveland) был членом Совета по национальной безопасности, межведомственной структуры высокого уровня, которая, теоретически, отслеживает и осуществляет контроль над скрытыми действиями ЦРУ. Ивленд обладал многолетним опытом на Ближнем Востоке, и ЦРУ попросило направить его к ним для серии заданий в регионе.

Арчибалд Рузвельт (Archibald Roosevelt), как и его двоюродный брат Кермит Рузвельт, был высокопоставленным кадровым сотрудником ЦРУ; оба были внуками Теодора Рузвельта. Кермит разработал план свержения иранского правительства в 1953 году. Арчи надеялся повторить то же самое в Сирии.

Михаил Бей Илаин (Michail Bey Ilyan) когда-то был министром иностранных дел Сирии. В 1956 году он был лидером консервативной Народной партии.

Во время встречи этих трех людей в Сирии, в Дамаске, 1 июля 1956 года, как описано Ивлендом в его мемуарах, Рузвельт спросил у Илаина, «что необходимо сделать, чтобы дать сирийским консерваторам достаточную возможность очистить страну от коммунистов и их левых сторонников. Илаин перечислил имена и города; радиостанции в Дамаске и Алеппо, несколько ключевых старших офицеров... достаточно денег для подкупа газет, на тот момент находившихся в египетских и саудовских руках». Рузвельт нажимал далее. «Могли бы эти мероприятия, — спросил он Илаина, — быть осуществлены деньгами и силами одних США, без помощи других западных или ближневосточных стран?» «Без проблем», — отвечал Илаин, мрачно кивая.

26 июля президент Египта Гамаль Абдель Насер объявил, что его правительство берет под свой контроль деятельность Суэцкого канала. Реакция британцев и французов была быстрой и бурной. А реакция Соединенных Штатов оказалась менее агрессивной на публике, хотя все же осуждающей,

и счета египетского правительства в США были заморожены. Неожиданный инцидент стал помехой в планах ЦРУ: как в отчаянии объяснял Илаин Ивленду, Насер стал героем арабского мира, и взаимодействие с какой-либо западной державой в целях свержения арабского правительства было политически неоправданно.

По времени переворот был запланирован на 25 октября. Разработчики, как подчеркивал Илаин, призывали старших полковников сирийской армии:

«...взять под контроль Дамаск, Алеппо, Хомс и Хаму. Приграничные посты с Иорданией, Ираком и Ливаном также должны быть захвачены для того, чтобы закрыть границы Сирии на замок до того момента, когда радиостанции объявили о взятии правительства под контроль полковником Каббани; он расставит вооруженные посты в ключевых точках Дамаска. Как только будет установлен контроль, Илаин скажет избранной группе гражданских людей, что они станут членами нового правительства, но во избежание утечки этот разговор состоится только за неделю до переворота».

Для этой операции деньги должны были сменить хозяев. Илаин запросил и получил полмиллиона сирийских фунтов (примерно 167 тысяч долларов). Далее сирийцы поставили условием своего участия в перевороте гарантию американским правительством на высшем уровне того, что США поддержат переворот и немедленно признают новое правительство. По словам Илаина, это можно было сформулировать таким образом: в апреле президент Эйзенхауэр заявил, что Соединенные Штаты будут противодействовать агрессии на Ближнем Востоке, но только с одобрения конгресса. Он спросил, мог бы президент повторить это заявление в свете Суэцкого кризиса в определенный день, когда коллегам Илаина будет сказано ожидать этого? Слова Эйзенхауэра и стали бы гарантией, которую они ждали.

Утвердительный ответ на план Илаина поступил из Вашингтона в Дамаск на следующий день. Соответствующий повод для требуемого заявления должен был быть найден, и секретарь Даллес объявил его. План заключался в том, что Даллес публично сошлеется на заявление Эйзенхауэра между 16 и 18 октября, тем самым предоставляя Илаину неделю для формирования его гражданской команды.

Вскоре Джон Фостер Даллес организовал пресс-конференцию. В свете недавних израильских атак на Иорданию один из присутствующих репортеров спросил, могут ли Соединенные Штаты прийти на помощь Иордании в соответствии с «нашим заявлением от 9 апреля».

«Да», — ответил госсекретарь, повторяя ссылку на апрельское заявление. Это было 16 октября.

Но вскоре после этого последовало сообщение от Илаина из Дамаска Ивленду в Бейрут, согласно которому дата переворота откладывалась на пять дней — до 30 октября, так как полковник Каббани информировал, что его люди не совсем готовы.

Перенос имел решающее значение. Рано утром 30 октября Михаил Илаин вне себя появился в дверях Ивленда. «Этой ночью, — кричал он, — израильяне вторглись в Египет и сейчас выдвигаются к Суэцкому каналу! Как вы могли просить нас свергнуть наше правительство в тот момент, когда Израиль развязал войну с арабским государством?» [8]

В Вашингтоне продолжали бить в набат о левых тенденциях в Сирии. «В январе 1957 года, — писал позже президент Эйзенхауэр, — директор ЦРУ Аллен Даллес предоставил доклады, показывающие, что новый сирийский кабинет взял левый уклон» [9].. Два месяца спустя Даллес подготовил «Доклад о положении в Сирии», в котором писал о «возрастающей тенденции правительства к намеренно левому, просоветскому курсу». Даллес был озабочен «организованной группой левых офицеров, принадлежащих к Партии арабского социалистического возрождения» [10]. В этот же месяц внутренний документ Госдепартамента констатировал:

«Считается, что британцы активно стимулируют изменения в нынешнем режиме Сирии, пытаясь обеспечить прозападную ориентацию будущих сирийских правительств. Соединенные Штаты разделяют обеспокоенность британского правительства по поводу положения в Сирии» [11].

Позже, в июне, внутренний меморандум министерства обороны указывал на возможный «левый государственный переворот». Согласно ему, это должно было быть осуществлено против «левого правительства Сирии» [12].

Именно поэтому в Бейруте и Дамаске чиновники ЦРУ снова пытались режиссировать сирийский переворот. Теперь Кермит Рузвельт дергал за ниточки активнее, чем его двоюродный брат Арчибалд. Он организовал перевод Говарда (Рокки) Стоуна из Судана в Дамаск для того, чтобы «разработка» была осуществлена «профессионалом». Стоун в свои 32 года уже был легендой секретных служб ЦРУ из-за того, что помог Киму Рузвельту свергнуть иранское правительство четырьмя годами ранее, но в чем именно состоял вклад Стоуна, остается неясным.

Предполагаемым победителем этого конкретного заговора был Адиб Шишакли (Adib Shishakly), бывший правый диктатор Сирии, нелегально проживавший в Ливане. Бывший глава безопасности Шишакли, полковник Ибрагим Хуссейни (Ibrahim Husseini), ныне военный атташе Сирии в Риме, тайно проник в Ливан с паспортом, сфабрикованным ЦРУ. Хуссейни должен был быть переправлен через сирийскую границу в багажнике дипломатического автомобиля США, чтобы встретиться с ключевыми сирийскими агентами ЦРУ и предоставить гарантии, что Шишакли вернется к власти после того, как сирийское правительство будет свергнуто.

Но переворот был раскрыт еще до того, как начался. Офицеры сирийской армии, которым были поручены важные роли в операции, пришли в кабинет главы сирийской разведки полковника Сараджа (Sarraj), сдали полученные

ими в качестве взятки деньги и назвали имена чиновников ЦРУ, заплативших им. Подполковник Роберт Моллой (Robert Molloy) — американский военный атташе, Франсис Жетон — кадровый сотрудник ЦРУ, официально вице-консул при посольстве США, легендарный Говард Стоун, выполнивший обязанности второго секретаря по политическим делам, были объявлены персонами нон-грата и высланы из страны в августе.

Подполковник Моллой намеревался покинуть Сирию эффектно. Когда его автомобиль приблизился к ливанской границе, он сбил сопровождавший его сирийский мотоциклетный эскор特 и крикнул упавшему водителю, что «полковник Карадж и его друзья-коммунисты» должны знать, что Моллой «одной рукой выбьет всю дурь из них, если они когда-либо снова попадутся на его пути».

В заявлении сирийского правительства, которое последовало за приказом о выдворении, говорилось, что Стоун сначала установил контакт с запрещенной социал-националистической партией, а потом с армейскими офицерами. Когда военачальники доложили о заговоре, им приказали продолжить контакты с американцами и позже встретиться с Шишакли и Хуссейни дома у штатных сотрудников американского посольства. Согласно отчетам, Хуссейни заявил военачальникам, что Соединенные Штаты были готовы перечислить новому сирийскому правительству от 300 до 400 миллионов долларов помощи, если оно заключит мир с Израилем.

Забавное отступление от этого дела случилось, когда министр обороны Сирии и посол Сирии в Италии оспаривали участие Хуссейни в заговоре. Посол указал, что Хуссейни не был в Сирии с 20 июля и его паспорт не содержал свидетельств его пребывания вне Италии с того момента.

Госдепартамент охарактеризовал сирийские обвинения как «абсолютно сфабрикованные» и ответил той же монетой — выдворением сирийского посла и второго секретаря и отзывом американского посла из Сирии. Это изгнание главы дипмиссии иностранного государства из США случилось впервые с 1915 года [13].

На волне разногласий «Нью-Йорк таймс» писала:

«Существуют многочисленные теории о том, почему сирийцы выступили против Соединенных Штатов. Одна из них — они действовали по подстрекательству Советского Союза. Другая — правительство создало антиамериканскую шпионскую историю, чтобы отвлечь общественное внимание от важности сирийских переговоров с Москвой» [14].

В том же номере редакция «Нью-Йорк таймс» рассуждала и о других правдоподобных версиях [15]. Однако ни в новостных выпусках, ни в редакционной колонке газета даже не рассматривала возможность того, что сирийские обвинения могли быть и правдой.

Президент Эйзенхауэр, вспоминая этот инцидент в своих мемуарах, не представил никаких доводов против обвинений. Его единственным коммен-

тарием по поводу выдворения американских дипломатов было: «Все действие скрыто загадками, но было сильное подозрение, что коммунисты получили контроль над правительством. Более того, у нас есть свежие данные о том, что советский блок поставлял вооружение в Сирию» [16].

Одержанность нейтралитетом/«левизной» сирийской политики не оставляла Соединенные Штаты. Спустя пять лет, когда Белый дом занимал уже Джон Кеннеди, он встретился с британским премьер-министром Макмилланом, и оба лидера, согласно докладам ЦРУ, согласились с необходимостью «проникновения и культивирования разрушительных элементов в сирийских вооруженных силах, в частности в сирийской армии, для того чтобы Сирия могла быть управляема Западом» [17].

Спустя десятилетия Вашингтон все еще был обеспокоен, хотя Сирия так и не «свернула к коммунизму».

13. Ближний Восток, 1957–1958

«ДОКТРИНА ЭЙЗЕНХАУЭРА» — АМЕРИКЕ НУЖЕН ЕЩЕ ОДИН ЗАДНИЙ ДВОР

9 марта 1957 года Конгресс США утвердил президентскую резолюцию, ставшую известной как «доктрина Эйзенхауэра». Этим листком бумаги, как ранее «доктриной Трумэна» и «доктриной Монро», американская администрация утверждала за собой примечательное и завидное право на военное вторжение в другие страны. Одним росчерком пера Ближний Восток был присоединен к Европе и Западному полушарию — американской игровой площадке.

В резолюции говорилось, что «Соединенные Штаты считают жизненно необходимым как для национальных интересов, так и для интересов мира во всем мире сохранение независимости и единства стран Ближнего Востока». Хотя в этот же период, как мы видели, ЦРУ начало операцию по свержению правительства Сирии.

Деловая часть резолюции заключалась в лаконичном заявлении о том, что США «готовы использовать вооруженные силы для оказания помощи» любому государству Ближнего Востока, «взывающему о защите против вооруженной агрессии со стороны любого государства, контролируемого международным коммунизмом». О некоммунистической или антикоммунистической агрессии, угрожающей миру во всем мире, не было сказано ни слова.

Уилбур Крэйн Ивленд (Wilbur Crane Eveland), специалист по Ближнему Востоку, работавший в то время на ЦРУ, присутствовал на встрече в Госдепартаменте, созванной двумя месяцами ранее для обсуждения резолюции. Ивленд был ознакомлен с проектом резолюции, в котором говорилось, что «многие, если не все», страны Ближнего Востока «осознают опасность, исходящую от международного коммунизма». Позже он писал:

«Я был шокирован. Мне было интересно: кому в голову пришла идея именно таким образом сформулировать опасность для арабов? Израильская армия только

что вторглась в Египет и до сих пор занимает весь Синайский полуостров и сектор Газа. И если бы не угроза СССР вмешаться на стороне египтян, то британские, французские и израильские вооруженные силы могли бы сейчас занять Каир и праздновать унизительное лишение Насера власти» [1].

Упрощенный и поляризованный взгляд на мир, отраженный в «доктрине Эйзенхауэра», игнорировал не только антиизраильские настроения, но и патриотические течения, тенденции панарабизма, нейтралитета и социализма, превалировавшие во многих влиятельных ближневосточных кругах. Авторы резолюции видели перед собой только один из фронтов холодной войны и, явив ее миру, тем самым преуспели в создании такого фронта.

В апреле король Иордании Хусейн отправил в отставку премьер-министра Сулеймана Набулси (Suleiman Nabulsi). По слухам, причем небезосновательным, Набулси был замешан в готовящемся против короля перевороте, подстрекаемом Египтом, Сирией и проживавшими в Иордании палестинцами. Это был ключевой момент в продолжавшемся конфликте между Хусейном с его прозападной политикой и склонным к политике нейтралитета Набулси. Так, Набулси заявил, что в соответствии с его политикой нейтралитета, Иордания готова наладить близкие дружественные отношения с Советским Союзом и принять его помощь, если СССР ее предложит. При этом он отверг американскую помощь, поскольку по его словам, Соединенные Штаты сообщили ему, что экономическая помощь будет оказана лишь после того, как «Иордания прекратит свои контакты с Египтом» и «согласится принять палестинских беженцев на поселение в Иордании». Госдеп эти обвинения отрицал. Набулси также добавил, что «коммунизм для арабов не опасен».

Хусейн же, наоборот, обвинил «международный коммунизм и его последователей» в прямой ответственности за «попытки уничтожить его страну». Когда к нему обратились за уточнениями по его обвинению, он отказался представить какие-либо факты.

Когда в нескольких городах Иордании начались мятежи и появились признаки начала гражданской войны, Хусейн продемонстрировал, что является достойным противником, способным справиться с надвигающейся угрозой для своего правления. Он ввел военное положение, очистил правительство и армию от пронасеровских и левых тенденций, а также запретил какую-либо политическую оппозицию. Иордания вскоре снова вернулась к относительно спокойному состоянию.

Тем не менее США воспользовались выражением Хусейна «международный коммунизм», чтобы оправдать скорейшую переброску кораблей Шестого флота на восток Средиземноморья. В их числе были авианосец, два крейсера, 15 эсминцев, за которыми последовали другие военные суда и батальон морских пехотинцев, высадившихся в Ливане для «подготовки к возможной будущей интервенции в Иорданию» [2].

Несмотря на то что ничего даже отдаленно напоминавшего «вооруженную агрессию со стороны любого государства, контролируемого международным

коммунизмом», не имело места, Госдепартамент открыто призвал короля сослаться на «доктрину Эйзенхауэра» [3]. Однако Хусейн, который даже не просил о демонстрации силы, отказался, понимая, что такой шаг только подольет масла в огонь, уже пылавший в политической жизни Иордании. Он выжил и без этого.

В том же году ЦРУ начало тайно выплачивать королю Хусейну денежные суммы, изначально составлявшие миллионы долларов в год. Это продолжалось 20 лет, при этом Управление также предоставляло Хусейну женщин-компаньонок. Чтобы оправдать платежи, ЦРУ позже заявило, что Хусейн позволял американской разведке свободно действовать на территории Иордании. Хусейн сам снабжал ЦРУ разведанными и распределял часть выплат среди других чиновников, тоже подготавливавших информацию и сотрудничавших с Управлением [4].

Спустя несколько месяцев на авансцену мелодрамы Вашингтона под названием «международный коммунизм» вышла Сирия. Сирийцы установили тесные контакты с Советским Союзом в форме торговых отношений, экономической помощи, военных закупок и обучения. США стали рассматривать это как угрозу, хотя такое состояние дел во многом было вызвано Джоном Фостером Даллесом (John Foster Dulles), в чем мы убедились в прошлой главе. Антипатия Америки по отношению к Сирии достигла своего апогея в августе, после того как Дамаск обнародовал разработанный в ЦРУ антиправительственный заговор, нацеленный на свержение правительства Сирии.

Представители Вашингтона и американских СМИ с легкостью стали называть Сирию «советским сателлитом» или «квазисателлитом». Эти обвинения не были ни объективными, ни спонтанными. Кеннет Лав (Kennett Love), корреспондент «Нью-Йорк таймс», тесно сотрудничавший с ЦРУ (см. главу об Иране), позже раскрыл ряд обстоятельств, стоявших за этим:

«Посольство США в Сирии сквозь пальцы смотрело на лживые отчеты, публиковавшиеся в Вашингтоне и Лондоне через дипломатические каналы и прессу, в которых говорилось, что русское оружие рекой поставлялось в сирийский порт Лatakию, что в Сирию прибыло «не более 123 МиГов» и что начальник сирийской разведки подполковник Абдель Хамид Сарадж (Abdel Hameed Serraj) взял в свои руки контроль над государственным переворотом, к которому подстрекали коммунисты. Я беспрепятственно путешествовал по всей Сирии в ноябре и декабре (1956) и выяснил, что там действительно было «не более 123 МиГов». Их там вообще не было. И на протяжении нескольких месяцев никаких вооружений от русских не поступало. И не было никакого государственного переворота, хотя некоторые корреспонденты в Бейруте, что в двух часах езды от Дамаска, пересказывали без ссылки на источник лживую информацию, скормленную им посетителями посольства в Дамаске и странствующим агентом ЦРУ, работавшим под прикрытием сотрудника Казначейства США. Сарадж, который был антикоммунистом, только что сорвал неумело спланированный британо-американо-иракский заговор (по свержению сирийского правительства). В Сирии было тихо, беспокойство лишь

вызывало предчувствие нового государственного переворота или прозападного вторжения» [5].

Чтобы убедить оставшихся скептиков, Эйзенхауэр послал своего личного представителя Лоя Хендерсона (Loy Henderson) в поездку по Ближнему Востоку. Неудивительно, что Хендерсон вернулся со следующим выводом: «Во всех странах Ближнего Востока присутствуют опасения, что Советы могут сместь существующие в их странах режимы, используя кризис в Сирии» [6]. Он не представил информации о том, считали ли сами сирийцы, что они переживают кризис.

Чтобы понять, насколько искусственным был кризис, объявленный Белым домом, насколько произвольными были мрачные предсказания о Советском Союзе, давайте рассмотрим следующую выдержку из докладной записки министерства обороны, датируемой июлем 1957 года, то есть за два месяца до поездки Хендерсона на Ближний Восток:

«СССР не проявил намерений напрямую вмешиваться в существовавшие на Ближнем Востоке кризисные ситуации, и мы считаем, что, скорее всего, СССР не будет вмешиваться напрямую для обеспечения успеха левого переворота в Сирии» [7].

В начале сентября, за день до возвращения Хендерсона, США объявили о том, что Шестой флот снова направляется в Средиземноморье и что вооружение и боевая техника срочно перебрасываются в Иорданию, Ливан, Ирак и Турцию. Спустя несколько дней Саудовская Аравия также вошла в этот список. Советский Союз ответил поставкой вооружений в Сирию, Египет и Йемен.

Сирийское правительство обвинило США в том, что те направили группу военных кораблей к побережью, бросив «открытый вызов», и в том, что неопознанные самолеты на протяжении четырех суток днем и ночью совершали полеты над Лatakией. Именно в порт Лatakии приходили советские суда.

Сирия также утверждала, что США спровоцировали Турцию сконцентрировать около 50 тысяч солдат на границе с Сирией. Сирийцы не восприняли всерьез объяснений о том, что турецкие войска выполняли учебные маневры. Эйзенхауэр позже писал, что войска у границы были «готовы к действию» и что Соединенные Штаты уже заверили лидеров Турции, Ирака и Иордании в том, что, если те «почувствуют необходимость действовать против агрессии сирийского правительства, США ускорят поставки вооружений, уже выделенных для стран Ближнего Востока, и в дальнейшем США будут восполнять потери этих стран как можно быстрее». Президент не сомневался, что такое действие может быть предпринято для отражения, по его словам, «ожидаемой агрессии» Сирии, а значит, будет, «в сущности, оборонительным по своей природе» [8].

Роль Америки могла быть более активной, нежели это предлагал Эйзенхауэр. Один из его советников, Эммет Джон Хьюз (Emmet John Hughes), писал о том, что помощник госсекретаря Кристиан Гертер (Christian Herter),

который позже заменил ушедшего по состоянию здоровья Джона Фостера Даллеса (John Foster Dulles) на посту госсекретаря, «рассматривал в мельчайших деталях... некоторые недавние неумелые подпольные попытки Америки подстегнуть турецкие вооруженные силы на какое-нибудь неопределенное боевое столкновение с Сирией» [9].

Даллес в публичных заявлениях дал понять, что США с нетерпением ждут возможности применить «доктрину Эйзенхауэра», которая послужила бы «оправданием» дальнейших действий против Сирии. Но он не предлагал никаких объяснений того, как это возможно осуществить. Конечно, Сирия не собиралась просить о помощи в рамках «доктрины Эйзенхауэра».

Единственным возможным решением была атака Сирии на другую арабскую страну, которая потом, в свою очередь, обратится за помощью к США. Это было единственным разумным объяснением американскому шквалу военных и дипломатических усилий, направленных на Сирию. Исследование, проведенное для Пентагона спустя несколько лет, пришло к заключению: «В 1957 году во время сирийского кризиса... Вашингтон, похоже, добивался изначального применения силы самой целью» [10] (под «целью» понималась Сирия).

На протяжении этого периода представители Вашингтона, с одной стороны, пытались рассчитывать на заявления других арабских государств о том, что Сирия действительно была разновидностью советского сателлита и представляла для региона угрозу, а с другой стороны, заверяли мировое сообщество в том, что США получили достаточно таких заявлений. Но Иордания, Ирак и Саудовская Аравия отрицали, что ощущают на себе угрозу со стороны Сирии. Египет, ближайший союзник Сирии, конечно же, вторил этому. На пике «кризиса» король Иордании Хусейн отправился на отдых в Европу. Иракский премьер-министр объявил, что его страна и Сирия достигли «полного взаимопонимания», а король Саудовской Аравии Сауд в сообщении Эйзенхауэру отметил, что озабоченность США по поводу Сирии «преувеличена» и попросил президента предоставить «обновленные гарантии того, что Соединенные Штаты воздержатся от любого вмешательства во внутренние дела арабских государств». Сауд добавил, что «попытки свергнуть сирийский режим лишь сделают сирийцев более податливыми советскому влиянию» — это мнение разделяли несколько наблюдателей от каждой из сторон.

В то же время «Нью-Йорк таймс» сообщала:

«С самого начала кризиса, возникшего из-за смещения Сирии влево, он вызвал куда меньше беспокойства среди арабских соседей, нежели в Соединенных Штатах. Зарубежные дипломаты в регионе, в том числе и многие американские дипломаты, ощущают, что шумиха, вызванная в Вашингтоне, непропорциональна своей причине».

В конечном счете Даллес, вероятно, признал факт отсутствия поддержки для американского тезиса, потому что когда его попросили конкретно «охарактеризовать соотношение между советскими целями в регионе и той частью,

которую занимает в них Сирия», он ответил, что «ситуация внутри Сирии неясна в полной мере и несколько неустойчива». Сирия, по его заявлению, еще не попала в лапы международного коммунизма.

На следующий день Сирия, не желавшая изолироваться от Запада, также умерила свой тон, объявив, что американские военные корабли находятся в 15 милях от берега и «спокойно продолжают движение по своему курсу» [11].

Оказалось, что все в том же беспокойном 1957 году Соединенные Штаты были вовлечены в заговор по свержению Насера с его назойливым национализмом, хотя подробности этой попытки полностью не восстановлены. В январе, когда король Сауд и иракский наследный принц Абдул Иллах (Abdul Illah) посещали ООН в Нью-Йорке, с ними связывался директор ЦРУ Аллен Даллес и один из его главных помощников Кермит Рузвельт (Kermit Roosevelt). Американцы предложили при содействии ЦРУ скрытно спланировать и профинансировать свержение египетского лидера, чья радикальная риторика, хотя и в зачаточном состоянии, рассматривалась королевскими гостями как угроза самой идее монархии. Насер и другие военачальники сместили короля Египта Фарука в 1952 году. Парадоксальным образом Кермиту Рузвельту и ЦРУ традиционно приписывается роль в разработке этого переворота. Однако нельзя сказать с точностью, действительно ли они это сделали [12].

«Абдул Иллах, — писал Ивленд, — настаивал на британском участии во всех тайных операциях, но саудовцы оборвали все связи с Британией и отказались от этой идеи. В результате ЦРУ работало отдельно с каждым, согласившись финансировать короля Сауда в новой региональной схеме для противостояния Насеру и устранения его влияния в Сирии; с той же целью ЦРУ координировало в Бейруте тайную рабочую группу из представителей британской, иракской, иорданской и ливанской разведок» [13].

Разработка заговора началась в середине весны, в доме Госна Зогби (Ghosh Zogby) в Бейруте. Зогби, выходец из Ливана, был главой резидентуры ЦРУ в Бейруте. Он и Кермит Рузвельт, живший тогда у него, провели в доме несколько тайных совещаний по планированию. «Их «скрытные» перемещения, — продолжал Ивленд, — были настолько очевидными, что когда британские, иракские, иорданские и ливанские связные приходили и уходили по ночам, египетский посол в Ливане, согласно отчетам, делал ставки на место и время следующего переворота с участием США». На одной из таких встреч человек из британской секретной разведывательной службы (SIS) проинформировал собрание о том, что были высланы команды специалистов для убийства Насера.

Вскоре Ивленд узнал от представителя ЦРУ о том, что Джон Фостер Даллес со своим братом Алленом направили Рузвельта сотрудничать с англичанами в деле свержения Насера. Теперь, когда речь шла о Египте, Рузвельт выскакивался в духе «дворцовых переворотов» [14].

С этого момента начинается неопределенность, поскольку последующие события содержат больше вопросов, чем ответов. При участии шести вышеупомянутых стран, а также Турции и Израиля, очевидно, присоединившихся к действию по ходу пьесы, а также в условиях менее чем доверительной и

дружелюбной обстановки в отношениях между некоторыми правительствами, множество сюжетных линий, интриг и контринтриг неминуемо воплотилось в жизнь. Местами это граничило с комедией, хотя некоторые называли это нормальной ближневосточной «дипломатией».

В период между июлем 1957 и октябрём 1958 года египетские и сирийские правительства и СМИ объявили о раскрытии по меньшей мере восьми отдельных заговоров, направленных на свержение того или иного правительства, на физическое устранение Насера и/или на предотвращение ожидавшегося объединения двух стран. Чаще всего заговорщиками назывались Саудовская Аравия, Ирак и США, но из-за хитросплетения интриг, оказавшихся на поверхности, практически невозможно распутать нити, указывающие на роль США [15].

Типичным и близким к фарсу стал факт, что братья Даллесы, авторы, по крайней мере, одного покушения на Насера, сочли приказом на совершение убийства Насера фразу Эйзенхауэра о том, что «проблема с Насером может быть устранена». Президент же, согласно истории, имел в виду улучшение американо-египетских отношений. После осознания своей ошибки, госсекретарь Даллес отдал приказ о прекращении операции [16] (тремя годами позже Аллен Даллес снова «неверно истолковал» слова Эйзенхауэра как приказ на уничтожение Патриса Лумумбы в Конго).

Официальные заявления США того периода преследовали цель заставить мир поверить в то, что Советский Союз был «серым кардиналом», стоявшим за междуусобицами в Иордании, «кризисом» в Сирии и в целом волнениями на Ближнем Востоке. По заявлениям Вашингтона, целью Советов было доминирование в регионе, в то время как единственной целью США были отражение этого советского стремления и сохранение независимости арабских стран. И все же по трем отдельным случаям в феврале, апреле и сентябре 1957 года Советский Союз призывал к принятию четырехсторонней (СССР, США, Великобритания, Франция) декларации об отказе от применения силы и вмешательства во внутренние дела ближневосточных стран. В февральском обращении также прозвучал призыв к введению четырехстороннего эмбарго на поставки вооружений в регион, выводу всех иностранных войск, ликвидации всех военных баз, а также к проведению конференции для достижения всеобщего равновесия в ближневосточном регионе.

Советской стратегией было явное стремление нейтрализовать Ближний Восток, устраниТЬ давно ощущавшуюся угрозу от потенциально враждебного контроля Франции и Великобритании над нефтедобывающим регионом, а теперь и от США, стремившихся заполнить «вакuum власти», возникший в результате утраты этими двумя европейскими государствами своего влияния на Ближнем Востоке.

История не знает, каким бы стал Ближний Восток, будь он свободен от великодержавных манипуляций, — ведь ни Франция, ни Великобритания, ни США даже не были готовы назвать предложение Советского Союза «блеfом», если оно действительно им было. Газета «Нью-Йорк таймс» обобщила отно-

шения трех западных держав к первым двум инициативам. Они «энергично возражали против предложений Советов, посчитав их попытками получить признание права СССР на прямое участие в делах Ближнего Востока. Они посоветовали русским обратиться со своими жалобами в ООН».

После сентябрьских предложений Джон Фостер Даллес, отвечая на вопрос во время пресс-конференции, сказал, что «Соединенные Штаты скептически относятся к договоренностям с Советским Союзом о невмешательстве. То, о чем Советы склонны думать, — это наше невмешательство и их скрытое участие». Это единственный публичный комментарий по данному вопросу, который правительство США сочло уместным сделать [17].

Полезно было бы поразмышлять о реакции западных стран в том случае, если бы Советский Союз принял «доктрину Хрущева», оставляя за собой право на такой же спектр действий на Ближнем Востоке, какой оговорен в «доктрине Эйзенхауэра».

В январе 1958 года Сирия и Египет озвучили свои планы по объединению, формируя новое государство — Объединенную Арабскую Республику (ОАР). Инициатива по слиянию принадлежала Сирии, которая была в немалой степени движима опасением дальнейшей силовой игры против нее самой со стороны Америки. По иронии судьбы, согласно условиям объединения, коммунистическая партия, уже запрещенная в Египте, была распущена в Сирии — так была достигнута цель, которой ЦРУ не добилось за полтора года своих тайных операций.

Через две недели после появления ОАР Ирак и Иордания в качестве прямого ответа сформировали Арабский союз. «Повивальной бабкой» этого союза стали США. Союз был недолговечным, поскольку в июле кровавый переворот в Ираке свергнул монархию, новый режим установил республику и скоро отказался от пакта. Трубы Армагеддона снова были разборчиво слышны в Овальном кабинете. «Этот печальный исход событий, — писал Эйзенхауэр в своих мемуарах, — мог без стремительной реакции с нашей стороны вылиться в полную потерю западного влияния на Ближнем Востоке» [18]. Беспокойство американского президента, скорее всего, было вызвано тем фактом, что одно из самых больших нефтяных месторождений в мире отошло под контроль правительства, которое могло оказаться не таким верным союзником, как предыдущий режим, и слишком независимым от Вашингтона.

Время, когда просто демонстрации силы было достаточно, подошло к концу. На следующий день морские пехотинцы вместе с американскими ВМФ и ВВС были направлены в регион — но не в Ирак, а в Ливан.

Из всех арабских стран Ливан был самым близким союзником Соединенных Штатов. Только Ливан поддерживал «доктрину Эйзенхауэра» с некоторым энтузиазмом и определенно разделял панические настроения Вашингтона в отношении Сирии. Точнее, разделяли их президент Ливана Камиль Шамун (Camille Chamoun) и министр иностранных дел Шарль Малик (Charles Malik), доктор философских наук, выпускник Гарварда, который целиком и полностью присоединился к США во время холодной войны. Шамун имел

все резоны быть преданным сторонником США. ЦРУ, очевидно, сыграло свою роль в его выборах в президенты в 1952 году [19], а в 1957 году ЦРУ подготовило для Шамуна щедрую денежную поддержку для использования на июньских выборах кандидатов в палату представителей (парламент). Нужно было выбрать тех, кто поддержит Шамуна и американскую политику. Также денежные средства выделялись для противодействия кандидатам, которые ушли в отставку в знак протеста против приверженности Шамуна «доктрине Эйзенхауэра».

Как и принято в таких операциях, ЦРУ направило в Бейрут вместе с деньгами «специалиста по выборам» для оказания помощи в деле планирования. Официальные лица США и Ливана действовали исходя из предположения, что Египет, Сирия и Саудовская Аравия тоже финансово вмешаются в выборы. Американский посол в Ливане Дональд Хит (Donald Heath) не без иронии аргументировал, что «вместе с президентом и новой палатой представителей, поддерживающими американские принципы, мы получили бы подтверждение того, что представительная демократия может работать» на Ближнем Востоке.

Неизвестно, насколько помогло американское финансирование и как были потрачены деньги, но результатом стала полная победа проправительственных депутатов. Она была настолько явной, что вызвала большой протест в Ливане, включая обвинения в том, что Шамун собрал парламент для того, чтобы изменить конституцию и разрешить себе идти на еще один, незаконный, шестилетний срок на выборах в следующем году [20].

В конце апреля 1958 года напряжение в Ливане достигло «точки кипения». Чрезмерная проамериканская ориентация правительства Шамуна и его отказ развеять слухи о том, что он пойдет на второй срок, разгневали как ливанских националистов, так и представителей арабского национализма, продвигаемого Насером по всему Ближнему Востоку. Были выдвинуты требования, чтобы правительство вернулось к строгому нейтралитету, зафиксированному в Национальном пакте 1943 года во время объявления независимости Ливана от Франции.

Начались демонстрации с применением оружия, бомбардировки и столкновения с полицией. Когда в начале мая был убит редактор антиправительственной газеты, в нескольких частях страны вспыхнуло вооруженное восстание, а в Триполи и Бейруте были разгромлены библиотеки Информационного агентства США (USIA). В Ливане появились все признаки гражданской войны.

«За всем этим, — писал Эйзенхауэр, — стояло наше глубокое убеждение в том, что коммунисты были ответственными за беспорядки и что президент Шамун был движим исключительно сильным чувством патриотизма».

Президент не разъяснил, кого или что он имел в виду под «коммунистами». Однако в следующем параграфе он без объяснений заявляет, что Советский Союз «проводит беспорядки на Ближнем Востоке». А на следующей странице старый солдат пишет, что «мы не сомневались» в обвинениях Шамуна в том, что «Египет и Сирия подстрекали восстания и вооружали повстанцев» [21].

В разгар боев Джон Фостер Даллес объявил о том, что считает «международный коммунизм» источником конфликта, и в третий раз за год Шестой флот был отправлен в Восточное Средиземноморье. Поставки полицейской техники для помощи в подавлении мятежей, а также танки и другая тяжелая техника были переброшены в Ливан по воздуху.

На последовавшей пресс-конференции Даллес объявил, что даже если международный коммунизм здесь не замешан, «доктрина Эйзенхауэра» все равно применима, так как в одном из ее положений сказано, что «независимость этих стран жизненно важна для мира и национальных интересов США». «Это, безусловно, мандат, — сказал он, — для выполнения необходимых действий, если, по нашему мнению, наш мир и наши жизненно важные интересы находятся под угрозой, и неважно, откуда эта угроза исходит» [22]. Так один из авторов доктрины наделил себя мандатом.

Египет и Сирия как могли поддерживали дело повстанцев оружием, людьми и деньгами, в дополнение к подстрекательским радиопередачам из Каира, хотя точный объем материальной поддержки трудно установить. По запросу министра иностранных дел Малика в июне в Ливан отправилась группа наблюдателей ООН. В отчете группы было сказано, что не было найдено каких-либо значимых свидетельств вмешательства ОАР. Второй отчет ООН подтвердил эту информацию. Однако остается открытым вопрос: насколько верными могут быть эти отчеты, если они были основаны на противоречивых оценках и составлены организацией, профессионально занимающейся поиском компромиссов?

Был ли конфликт в Ливане проявлением логичной, вызванной внутренними причинами гражданской войны, или все же это было результатом профессиональной «внешней агитации»? По этому поводу историк Ричард Барнер (Richard Barner) сделал следующее замечание:

«Без сомнения, группа наблюдателей минимизировала степень участия ОАР. Но по сути они были правы. Насер пытался использовать политическую неразбериху в Ливане, но он не создавал ее. Ливан, который всегда изобиловал тайными арсеналами и рынком оружия, не нуждался в иностранном оружии для внутреннего насилия. Вмешательство египтян не было ни стимулом, ни поддержкой гражданской борьбы. В очередной раз правительство, потерявшее способность эффективно управлять, возложило вину в своей неудаче на иностранных агентов» [23].

Президент Эйзенхауэр, продолжая свои разноплановые размышления по данному вопросу, писал, что теперь Насер, казалось, «был бы рад увидеть временное окончание борьбы... и связался с нашим правительством, предложив использовать его влияние для решения проблемы» [24].

Камиль Шамун пожертвовал независимостью и нейтралитетом Ливана ради личных амбиций и обширной помощи от Америки, последовавшей после того, как он согласился с «доктриной Эйзенхауэра». Ливанские мусульмане,

составлявшие большинство оппозиции Шамуна, также были возмущены действиями президента-христианина, снова выставившего свою страну за рамки общего потока, которым следовал арабский мир, как он это сделал в 1956 году, отказавшись разорвать отношения с Францией и Великобританией после их вторжения в Египет.

Шамун сам признал большое значение своей проамериканской ориентации в разоблачающем комментарии Уилбуру Крэйну Ивленду. Ивленд пишет, что в конце апреля он предлагал ему снизить трения, заявив о своем отказе от переизбрания:

«Шамун усмехнулся и предложил мне взглянуть на календарь: прошел месяц после 23 марта, и никакие поправки, разрешающие еще один срок, не могли быть приняты после этой даты. Очевидно, он указал, что тема президентства не была реальной причиной: отказ от «доктрины Эйзенхауэра» — вот чего желали его оппоненты» [25].

Вместо отказа от доктрины Шамун способствовал ее осуществлению. Несмотря на то что в Ливане продолжались бои, местами ожесточенные, именно переворот в Ираке 14 июля изменил ситуацию, и Шамун решил официально обратиться за военной помощью. И США ее немедленно предоставили. Отчет ЦРУ о заговоре против короля Иордании Хусейна, произошедшем примерно в то же время, еще более усилил, казалось бы, непрекращающееся чувство беспокойства Вашингтона в отношении Ближнего Востока.

К этому времени Шамун уже объявил, что покинет свой пост по истечении полномочий в сентябре. Он был заинтересован в том, чтобы американские войска помогли ему остаться в живых до этого дня и, кроме того, предприняли операции против повстанцев. За последние несколько месяцев страх быть убитым не позволял ему не только покинуть президентский дворец, но даже близко подойти к окну. Убийство иракского короля и премьер-министра во время переворота не давало ему чувствовать себя в безопасности.

«Доктрина Эйзенхауэра» была приведена в действие не только несмотря на сопротивление со стороны ливанской оппозиции, но и вопреки тому, что ситуация в Ливане даже не подходила под ее сомнительные положения. Нельзя было сказать, что Ливан страдал от «вооруженной агрессии со стороны другого государства, контролируемого международным коммунизмом». Если тому требовались доказательства, они были представлены ветераном дипломатической службы Робертом Мерфи (Robert Murphy), направленным в Ливан Эйзенхауэром спустя несколько дней после высадки американских войск. Мерфи пришел к выводу, о чём писал позже, что «коммунизм не играл прямой или существенной роли в восстании» [26].

И все же Эйзенхауэр написал, что американское правительство «действовало согласно положениям резолюции по Ближнему Востоку («доктрине Эйзенхауэра»); но если бы конфликт разросся до состояния, которое не было предусмотрено резолюцией, я при наличии времени обратился бы к Конгрессу

за дополнительными санкциями» [27]. Очевидно, президент закрыл глаза на тот факт, что Джон Фостер Даллес уже принял решение о неограниченности мандата.

Так американские вооруженные силы были введены в Ливан. В операции участвовали около 70 военных кораблей и сотни самолетов и вертолетов, многие из которых оставались частью видимого американского присутствия. К 25 июля силы США на побережье составляли 10 600 человек. К 13 августа их численность увеличилась до 14 тысяч — больше, чем вся ливанская армия и жандармерия вместе взятые [28].

«В моих (теле- и радио-) обращениях, — писал Эйзенхауэр, — я осторожно использовал термин «размещенные в Ливане» вместо «оккупировавшие Ливан» [29]. Эта разница, скорее всего, была упущена многими ливанцами в правительстве и в народе, поддерживавшими повстанцев и правительство, включая правительственные танковые войска, которые были готовы заблокировать войскам США вхождение в Бейрут. Только посредничество американского посла, оказавшегося на месте в последнюю минуту, позволило избежать вооруженного столкновения [30].

На встрече Роберта Мерфи с ливанским главнокомандующим генералом Фаудом Шехабом (Faud Chehab), о которой позднее рассказал Ивленд со слов Мерфи, американского дипломата предупредили, что ливанский народ был «нетерпелив, непреклонен и настроен на то, чтобы Шамун ушел в отставку, а войска США немедленно покинули страну. В противном случае генерал не мог отвечать за последствия. На протяжении пятнадцати лет офицеры действовали за его спиной, и сейчас он опасается, что они могут восстать и атаковать американские вооруженные силы».

По слова Ивленда, Мерфи терпеливо слушал, а затем подвел генерала к окну с видом на море:

«Указывая на большой авианосец «Саратога», покачивавшийся на якоре на горизонте, представитель президента тихо объяснил, что всего один самолет с этого корабля, вооруженный ядерным оружием, может стереть с лица земли Бейрут вместе с его окрестностями. Затем Мерфи быстро добавил, что его послали для того, чтобы удостовериться, что у американских войск не будет необходимости давать залп. Он выразил уверенность в том, что Шехаб обеспечит отсутствие провокаций с ливанской стороны. Это была, как сказал мне Мерфи, заключительная фраза их диалога. Теперь, похоже, генерал «восстановил контроль» над своими войсками» [31].

Ни одна из сторон, казалось, не брала в расчет, какой была бы судьба тысяч американских солдат в Бейруте, стертом с лица земли.

В течение двух недель после американского вторжения гражданская война в Ливане разгорелась с еще большей силой. Радиопередатчики ЦРУ на Ближнем Востоке были заняты распространением американской пропаганды, замаскированной под неамериканские источники. Это была тактика, которой

часто пользовалось ЦРУ. Так, очевидной задачей одной из передач было перенаправление антиамериканских настроений в сторону Советского Союза и других целей. Но граждане ближневосточных стран были не единственными, кто мог попасться на уловку фальшивых трансляций. Американские СМИ тоже следили за эфиром и передавали такие сообщения неосведомленной американской публике. В американских газетах, в частности, появилась следующая новость:

«Бейрут, 23 июля (UPI) — Вторая по счету загадочная арабская радиостанция вышла в эфир, называя себя «Голосом справедливости» и утверждая, что вещает из Сирии. Ее программа, которую мы услышали, состояла из жесткой критики в адрес Советской России и советского премьера Хрущева. Ранее «Голос Ирака» вышел в эфир с нападками на иракское революционное правительство. «Голос справедливости» назвал Хрущева «палачом Венгрии» и предупредил народы Ближнего Востока, что они пострадают так же, как и венгры, если русские получат плацдарм на Ближнем Востоке» [32].

31 июля Палата представителей без промедлений выбрала генерала Шехаба на пост президента на смену Шамуну. Это событие вскоре привело к прекращению боев в Ливане и положило начало завершению конфликта, который при тщательном анализе оказался скорее жестоким протестом, нежели гражданской войной. Напряжение еще более спало в связи с прозвучавшим вскоре заявлением США о своем стремлении отозвать батальон морских пехотинцев в качестве первого шага к последующему выводу войск.

Последние американские солдаты покинули Ливан в конце октября, не произведя от злости ни единого выстрела. Чего они добились своим присутствием?

Американские военные исследователи пришли к выводу, что «дать сбалансированную оценку поведению США во время ливанского кризиса тяжело из-за подозрений в том, что итог конфликта мог быть таким же в случае отсутствия действий со стороны США. Даже Эйзенхауэр выразил некоторые сомнения по этому поводу» [33].

Американское вмешательство, направленное против нового иракского правительства, было более завуалированным. Тайный план совместного американо-турецкого вторжения в страну (операция носила кодовое название «Берцовая кость» — Cannon bone) был разработан Объединенным комитетом начальников штабов ВС США вскоре после государственного переворота 1958 года. Согласно отчетам, только угроза со стороны СССР заставить Ирак вынудила Вашингтон воздержаться от его исполнения. Но в 1960 году Соединенные Штаты начали финансировать курдских партизан в Ираке, которые боролись за автономию [34].

В то же время иракцы под руководством бригадного генерала Абдула Карима Кассема (Abdul Karim Kassem) приступили к работе над созданием международной организации для противодействия нефтяным монополиям

Запада. Такой организацией стала ОПЕК. Ее появление не было встречено с радостью в определенных западных кругах. В феврале 1960 года ближневосточное отделение секретных служб ЦРУ запросило Управление найти способ «вывести из строя» Кассема за его «продвижение политических интересов Советского блока в Ираке». «Мы не настаиваем на окончательном устраниении объекта со сцены, — говорилось от имени ближневосточного отделения. — Мы также не возражаем, если такое развитие событий будет иметь место».

Как показал дальнейший ход событий, ЦРУ отправило по почте из одной азиатской страны платок с монограммой, содержащий «выводящее из строя отравляющее вещество». Если иракский лидер действительно получил платок, он его точно не убил. Убит он был своими согражданами, казнившими его спустя три года [35].

Важность вмешательства в ливанский конфликт, а также демонстрация силы, использованной в отношении Иордании и Сирии, имели далеко идущие последствия. В период до и после вмешательства Эйзенхауэр, Даллес и другие официальные лица в Вашингтоне предлагали множество разнообразных оправданий американским военным действиям в Ливане, таким как защита жизни американцев; защита американского имущества; «доктрина Эйзенхауэра» в ее различных интерпретациях; защита ливанского суверенитета, неприкосновенности и независимости; национальные интересы США; мир во всем мире; коллективная самооборона; справедливость; международное право; закон и порядок; борьба с «насеризмом»; необходимость «что-либо делать». [36].

Подводя итоги по этому вопросу в своих мемуарах, президент Эйзенхауэр, похоже, пришел к одному разумному объяснению. И это объяснение, пожалуй, является наиболее близким к истине. Это было сделано для того, чтобы поставить мир и, в частности Советский Союз и Насера, перед фактом, что у Соединенных Штатов имеется фактически неограниченная сила, которая может быть молниеносно переброшена в любой уголок мира, и что эта сила может быть применена и будет применена для решительного разрешения любой ситуации, вызывающей недовольство Соединенных Штатов, независимо от ее причины [37].

В то же время это было посланием для Великобритании и Франции, говорившим о том, что в послевоенном времени существует только одна западная сверхдержава, а их дни в качестве великих держав в нефтеносных землях сочтены.

14. Индонезия, 1957–1958

ВОЙНА И ПОРНОГРАФИЯ

«Я думаю, пора задать Сукарно жару», — сказал Фрэнк Уиснер (Frank Wisner), заместитель директора планирования секретных операций ЦРУ, осенью 1956 года [1]. Уиснер говорил о человеке, который управлял Индонезией со времен вооруженной борьбы за независимость от Голландии. Несколькоими месяцами ранее, в мае, пытаясь донести проблемы и нужды развивающихся наций, Сукарно выступил с пламенной речью перед Конгрессом США [2].

За этим последовала американская кампания, нацеленная на свержение яркого лидера пятой по численности населения страны в мире, задействовавшая все рычаги давления — от масштабных военных учений до грязных сексуальных интриг.

Годом ранее в ответ на создание Организации договора Юго-Восточной Азии (SEATO), проамериканского военно-политического альянса, нацеленного на «сдерживание коммунизма», Сукарно созвал Бандунгскую конференцию. В индонезийском городе Бандунг в качестве позиции стран третьего мира была провозглашена доктрина о нейтралитете. С точки зрения сотрудников ЦРУ в Индонезии эта позиция была такой ересью, что при разработке планов по саботажу Бандунгской конференции дело доходило до планирования покушения.

В 1975 году сенатский комитет, проводивший расследование действий ЦРУ, заслушал показания о том, что работавшие в Индонезии офицеры ЦРУ предлагали убить лидера с целью «сорвать предстоящую коммунистическую конференцию в 1955 году» [3]. По всей вероятности, речь шла либо о Сукарно, либо о Чжоу Эньлае. Но, по словам комитета, в штабе ЦРУ в Вашингтоне возобладал разум, и предложение было решительно отвергнуто.

Тем не менее самолет, перевозивший членов китайской делегации, вьетнамского и двух европейских журналистов на конференцию в Бандунг, при загадочных обстоятельствах разбился. Китайское правительство заявило, что это был акт саботажа со стороны Соединенных Штатов и Тайваня, про-

валившаяся попытка убийства Чжоу Энлая. Этот чартерный рейс компании «Эйр Индия» вылетел из Гонконга 11 апреля 1955 года и потерпел крушение в Южно-Китайском море. Перелет Чжоу Энлая, который также должен был быть осуществлен компанией «Эйр Индия», был запланирован на день или два позже. Китайское правительство ссыпалось на сообщение в «Таймс оф Индия» (Times of India), в котором сообщалось что авария была вызвана двумя бомбами с часовым механизмом, заложенными на борту самолета в Гонконге. Часовой механизм был позже найден среди обломков самолета, полиция Гонконга назвала это «хорошо спланированным массовым убийством». Несколько месяцами позже британская полиция в Гонконге заявила, что пыталась арестовать китайского националиста, который был организатором крушения, но он бежал в Тайвань [4].

В 1967 году в Индии вышла заслуживающая внимания книга «Я был агентом ЦРУ в Индии» (I Was a CIA Agent in India), написанная американцем Джоном Диско Смитом (John Discoe Smith). Опубликованная Коммунистической партией Индии книга была сделана на основе статей автора для «Литературной газеты» в Москве после того, как он перешел на сторону Советского Союза — примерно в 1960 году. Смит родился в Квинси (Quincy), штат Массачусетс, в 1926 году; работал техником связи и шифровальщиком в посольстве США в Дели с 1954 по 1959 год — эта информация подтверждается в Биографическом регистре Государственного департамента США [5].

В рамках другого расследования сенатский комитет сообщил, что «были получены доказательства того, что ЦРУ участвовало в планах по убийству президента Индонезии Сукарно» и что планирование дошло до стадии выбора агента для исполнения этого задания [6]. Комитет сената отметил, что одно время агенты ЦРУ, занимавшиеся убийствами и другими подобными методами, внутри управления входили в «Комитет по изменению состояния здоровья» (Health Alteration Committee).

Вдобавок к беспокойству американских лидеров Сукарно посетил СССР и Китай (хотя и Вашингтон тоже), закупил оружие в странах Восточной Европы (но только после того, как в этом ему отказали Соединенные Штаты) [7]. Он национализировал многие голландские частные предприятия. Но больше всего беспокойства вызывали впечатляющие успехи Коммунистической партии Индонезии (КПИ) на выборах и в организации профсоюзного движения, что позволило партии занять видное место в коалиционном правительстве.

Это было типичное для государств третьего мира развитие событий, и реакция Вашингтона была такая же типичная. И снова они не смогли или не захотели отличить патриотический национализм от прокоммунизма и нейтралитет от зла. Какое бы значение не имело слово «коммунист», Сукарно им не был. Он был индонезийским патриотом-националистом и «сукарноистом», победившим мощь Коммунистической партии Индонезии в 1948 году после обретения страной независимости [8]. Он шел своим путем, предоставляя преференции как КПИ, так и армии, маневрируя от одних к другим. Об изгнании коммунистической партии, насчитывавшей более миллиона членов,

из правительства, Сукарно заявил: «Я не могу и не буду ездить верхом на трехногой лошади» [9].

Для США балансирование Сукарно было слишком сомнительным, чтобы оставить политическую жизнь Индонезии наедине со своими капризами. Для Вашингтона не имело никакого значения, что коммунистическая партия шла своим мирным и легальным путем — как и то, что никакого «кризиса» или «хаоса» в Индонезии не было. Интервенция должна была состояться.

Это было не первое вмешательство во внутреннюю политику Индонезии. В 1955 году во время избирательной кампании в Индонезии ЦРУ выделило партии Масджуми (*Masjumi*), центристской коалиции мусульманских организаций, проигравшей на выборах, миллион долларов с целью помешать Националистической партии Сукарно и Коммунистической партии Индонезии. По словам бывшего офицера ЦРУ Джозефа Буркхолдера Смита (*Joseph Burkholder Smith*), проект подразумевал «полное списание средств, то есть не требовалось никакой бухгалтерии и отчетности по расходам. Не могу даже предположить, как Масджуми потратила этот миллион долларов» [10].

В 1957 году в ЦРУ решили, что ситуация требует больше «прямого действия». Найти единомышленников внутри страны сложности не представляло. Такая группа людей уже существовала: клика армейских офицеров и прочие, кто в силу своих персональных амбиций и неприязни к влиянию КПИ не хотел власти Сукарно или хотел независимости своих островов. (Индонезия — крупнейший в мире архипелаг, состоящий из 3000 островов.)

Военная операция ЦРУ была такого масштаба, что требовала значительной помощи со стороны Пентагона, которая для политических действий могла быть получена только с одобрения «Особой группы» Совета национальной безопасности. «Особая группа» состояла из руководства Совета национальной безопасности, которое действовало от имени президента; с целью защитить его репутацию и репутацию страны группа оценивала предлагаемые секретные операции, следя за тем, чтобы ЦРУ не заходило слишком далеко. В разное время эта группа была известна как «Комитет 5142», «Комитет 303», «Комитет 40» и Группа советников по операциям (*Operations Advisory Group*).

Подход, использованный ЦРУ для получения этого одобрения, является хрестоматийным примером того, как ЦРУ определяет американскую внешнюю политику. Джозеф Буркхолдер Смит, возглавлявший действия ЦРУ в Вашингтоне с середины 1956 по начало 1958 года, описал этот процесс в своих мемуарах:

Вместо того чтобы предложить план действий для утверждения в Вашингтоне, где «преждевременные упоминания могут положить конец операции, «мы начали скармливать Государственному департаменту и министерству обороны развединформацию, которая была полезна для понимания Индонезии — этого никто не мог отрицать. Когда они достаточно начитались тревожных сообщений, мы предложили свой план по поддержке полковников для того, чтобы урезать власть Сукарно. Это был метод работы, который лег в основу многих

политических авантюр 1960–1970-х годов. Иными словами, неправильно утверждать, что ЦРУ проводило вмешательства в дела таких стран, как Чили, только после получения приказа от «Особой группы». Во многих случаях мы принимали программы действий сами, предварительно собрав достаточно развединформации для того, чтобы они выглядели так, как будто бы их требуют обстоятельства. Наша деятельность в Индонезии в 1957–1958 годах был одним из таких случаев» [11].

После того как в июле коммунистическая партия в очередной раз добилась хороших результатов на выборах, ЦРУ увидело в этом «огромный козырь, чтобы убедить правительство в серьезности ситуации в Индонезии. Единственный человек, который не видел ничего ужасного в победах КПИ, был посол Эллисон (John Allison). И этого было достаточно для того, чтобы наконец доказать Джону Фостеру Даллесу, что этот пост в Индонезии занимает неправильный человек. Закрутилось колесо, чтобы убрать это последнее препятствие на пути нашей операции» [12]. Как писал Смит, Джон Эллисон не был сторонником операции ЦРУ. И поэтому в начале 1958 года, не успев пробыть в своей должности и года, он был заменен на Говарда Джонса (Howard Jones), что порадовало работавших по Индонезии сотрудников ЦРУ [13].

30 ноября 1957 года в тот момент, когда Сукарно выходил из школы, в него было брошено несколько ручных гранат. Сукарно не пострадал, но 10 человек были убиты и 48 детей получили ранения. Сотрудники ЦРУ в Индонезии не имели понятия, кто это совершил, но быстренько придумали историю, что за этим стоит КПИ, «по рекомендации из СССР, чтобы выставить противников Сукарно дикими и отчаявшимися людьми». Как выяснилось позже, террористами оказались мусульманские группы, не связанные ни с КПИ, ни с военными заговорщиками ЦРУ [14].

Аргумент о приятельских отношениях Сукарно с коммунистами выдвигался при любой возможности. В ЦРУ решили нажить капитал на сообщениях о том, что на борту самолета Сукарно во время его визита в Советский Союз находилась привлекательная белокурая стюардесса, которая повсюду сопровождала его, и что она прибыла в Индонезию вместе с председателем Президиума Верховного Совета СССР Климентом Ворошиловым и была несколько раз замечена в компании Сукарно. Замысел ЦРУ заключался в том, чтобы представить Сукарно любителем женского пола, который попал под влияние советской женщины-агента и поддался советскому влиянию в результате ее обольщения, шантажа — или одновременно того и другого.

«Это легло в основу нашей фантазии, — пишет Смит, — и в итоге мы добились значительного успеха. В мировой прессе появились соответствующие сообщения, и когда в 1958 году в мартовском номере серьезного британского ежеквартального журнала «Раунд тейбл» (Round Table), освещавшего международную политику, появился анализ причин возникновения индонезийского восстания, одной из них был назван шантаж Сукарно со стороны советской шпионки.

Видимо, успех операции вдохновил офицеров ЦРУ в Вашингтоне продвинуть эту идею еще на один шаг вперед. Значительные усилия были приложены для того, чтобы снять порнографический фильм или хотя бы несколько фотографий, где Сукарно и его русская любовница занимаются «любимым занятием». Когда после тщательного изучения всех имеющихся в наличии порнофильмов (предоставленных шефом полиции Лос-Анджелеса) не было найдено подходящей пары, походившей на Сукарно (смуглый и лысый) и прекрасную русскую блондинку, ЦРУ решило спродюсировать собственные фильмы — создали маску индонезийского лидера, которая была отправлена в Лос-Анджелес, где полиция заплатила какому-то порноактеру, чтобы тот надел ее во время съемок. В итоге было сделано несколько снимков, но они так никогда и не были использованы [15].

Еще одним итогом попыток шантажа был фильм, снятый для ЦРУ Робертом Майо (Robert Maheu), бывшим агентом ФБР и близким другом Говарда Хьюза (Howard Hughes). В фильме Майо снимался актер, напоминавший Сукарно. Судьба фильма, названного «Счастливые дни», осталась неизвестной [16].

В других частях света и в другое время съемка порнофильмов удавалась ЦРУ лучше, когда дело происходило на явочных квартирах ЦРУ, куда объекты были заманены агентами-женщинами.

В 1960 году полковник в отставке Трумэн Смит (Truman Smith), описывая в журнале «Ридерс дайджест» (Reader's Digest) деятельность КГБ, заявил: «Для большинства из нас трудно оценить угрозу, которую он (КГБ) собой представляет, так как его методы настолько унизительные, что находятся за гранью понимания добра и зла простого человека». Один из методов КГБ, перенятых этим «хорошим» полковником, было создание порнофильмов для шантажа. «Люди достаточно развратные для использования данного метода, — писал он, — не находят ничего предосудительного и в более жестоких методах» [17].

Для достижения целей американской внешней политики сексом можно было заниматься и дома. Под прикрытием американской программы помощи зарубежным странам, в то время называвшейся Администрацией экономического сотрудничества (Economic Cooperation Administration), индонезийские полицейские были наняты и обучены для того, чтобы поставлять информацию о действиях СССР, Китая и КПИ в Индонезии. Некоторые из этих людей, отмеченные за особые заслуги на этой работе, были отправлены в Вашингтон для специального тренинга, где они были обучены и обработаны для вербовки. Как и Сукарно, этих офицеров постоянно преследовало навязчивое желание переспать с белой женщиной. Соответственно, во время пребывания в Америке их доставляли в секс-квартал Балтимора для удовлетворения желаний [18].

В ноябре 1957 года разрешение на политические операции от «Особой группы» должно было вот-вот прийти [19], и военизированная машина ЦРУ была запущена. В этом деле, как и в других, ЦРУ пользовалось ресурсами широко раскинувшейся военной империи США. Штаб-квартира руководства

операцией была оборудована с разрешения британских властей в соседнем Сингапуре, тренировочные базы — на Филиппинах, аэродромы для самолетов транспортной и бомбардировочной авиации находились в разных частях Тихого океана. Живая сила — индонезийцы вместе с тайваньцами, филиппинцами, американцами и другими «солдатами удачи», — а также масса вооружения и техники были сосредоточены на Окинаве и Филиппинах.

На тот момент это была самая амбициозная военная операция ЦРУ: десятки тысяч повстанцев были вооружены, экипированы и обучены американской армией. Подводные лодки США патрулировали побережье Суматры, главного острова архипелага, и небольшими партиями высаживали повстанцев вместе со снабжением и средствами связи. Военно-воздушные силы США задействовали значительное количество воздушного транспорта, который сбрасывал оружие в глубине территории Индонезии. Для участия в операции была подготовлена эскадрилья из 15 бомбардировщиков B-26: предварительно бомбардировщики «санкционировали», чтобы причастность к США была не доказуема.

В первые месяцы 1958 года одно за другим начали вспыхивать восстания в разных частях архипелага. Летчики ЦРУ поднимались в воздух для ведения бомбардировок и транспортировки грузов для мятежников. В Вашингтоне ЦРУ завербовало индонезийского военного атташе полковника Алекса Кавиларунга (Kawilarung). Вскоре он объявился в Индонезии и взял на себя командование силами мятежников. Тем не менее уже весной стало понятно, что мятежники не способны выигрывать решающие сражения и переходить в наступление, даже при поддержке с воздуха, которая наносила урон правительству стороне. Сукарно в апреле объявил, что в воскресное утро бомбардировщик уничтожил корабль, стоявший в гавани острова Амбон, — все, кто был на борту, погибли. Также во время налета была разрушена церковь — здание обрушилось, а все, кто был внутри, погибли. Он подчеркнул, что жертвами того налета стали 700 человек.

15 мая самолет ЦРУ разбомбил рынок Амбона, убив множество мирных жителей, направлявшихся в церковь на службу в День Вознесения Господня. Правительству Индонезии пришлось принять меры, чтобы сдержать публичные выступления.

Тремя днями позже во время очередного налета на Амбон пилот ЦРУ Аллен Лоуренс Поуп (Allen Lawrence Pope) был сбит и схвачен. Тридцатилетний уроженец Перрина, штат Флорида, Поуп уже совершил 55очных полетов над линиями коммунистов в Корее. Позже на протяжении двух месяцев он летал под огнем зенитной артиллерии, сбрасывая продовольствие для французов во время битвы при Дьен-Бьен-Фу. В Индонезии удача покинула его. Ему пришлось провести четыре года в индонезийской тюрьме, пока Сукарно не удовлетворил просьбу Роберта Кеннеди о его освобождении.

Когда Поуп был взят в плен, при себе у него были обнаружены компрометирующие документы, среди них такие, по которым было установлено, что он является пилотом BBC США и одновременно пилотом ЦРУ в авиакомпании

CAT (Civil Air Transport). Как и все летчики, выполнившие тайные операции, Поуп и его самолет прошли через сложный процесс «санирования». Но он пронес на борт самолета документы втайне, так как понимал, что оказаться в плену «неизвестным гражданином, без гражданства», означало не иметь никаких юридических прав и быть подверженным риску расстрела по подозрению в шпионаже. Живой американский военнослужащий является ценным товаром для тех, кто взял его в плен.

Правительство Индонезии после инцидента сразу же получило доказательства американского вмешательства. Хотя индонезийцы согласились не оглашать историю Поупа, 27 мая пилот и его документы были представлены миру на пресс-конференции. Присутствие американских военных в Индонезии резко противоречило предшествовавшим заявлениям высоких американских чиновников [20]. Среди заявлений выделялась декларация президента Эйзенхауэра по Индонезии от 30 апреля: «Наша политика — тщательно придерживаться нейтралитета и соблюдать осторожность на всем протяжении конфликта, чтобы не принимать ни одну из сторон, пока это нас не касается» [21].

9 мая редакционная колонка «Нью-Йорк таймс» тем не менее писала:

«К сожалению, власти Индонезии продолжают передавать ложные сообщения о том, что правительство США санкционирует поддержку повстанцев. Позиция США разъяснялась неоднократно. В своем заявлении госсекретарь особенно подчеркнул, что страна не откажется от своей нейтральной позиции... США не готовы вмешиваться... для оказания помощи в свержении конституционного правительства. Таковы факты. Джакарта не воспринимает доказательства и тем самым ухудшает свое положение».

Поуп был выставлен на обозрение, мятежники терпели поражения — и в ЦРУ решили, что игра не стоит свеч и начали сворачивать поддержку. К концу июня верные Сукарно части успешно подавили военный бунт.

Индонезийский лидер продолжал балансировать между коммунистами и армией до 1965 года, когда военные, не без помощи ЦРУ, свергли его.

15. Западная Европа, 1950–1960-е

ШИРМЫ ЗА ШИРМАМИ

В 1960 году на собрании лейбористской партии ее глава Хью Гайтскел (Hugh Gaitskell) назвал Майкла Фута (Michael Foot), будущего лидера партии и члена левого крыла, «попутчиком», что означало сочувствие коммунистам. Фут ответил, имея ввиду Гайтскела и других членов правого крыла партии: «А с кем путешествуют *они*?» [1].

Они, как оказалось, на протяжении уже нескольких лет работали на ЦРУ. Попутчиками были французы, немцы, датчане, итальянцы и многие другие европейцы. Все они были участниками операций ЦРУ, ставивших целью «завоевать умы и сердца» либералов, социал-демократов и разных социалистов — чтобы те не попали в лапы русского медведя.

Это была масштабная операция. В течение двадцати лет Управление использовало десятки американских фондов, благотворительных организаций и прочих подобных учреждений, включая созданные ими самими, в качестве каналов для финансирования множества организаций в Соединенных Штатах и за границей. Многие из них, в свою очередь, финансировали другие структуры. Число вовлеченных организаций было столь велико, переплетения и связи столь запутаны, что маловероятно, чтобы кто-нибудь в ЦРУ обладал полной картиной, не говоря уже о надлежащем управлении и финансовой отчетности. (См. Приложение 1: Организационная схема, неполная.)

Конечными потребителями этого денежного потока были политические партии, журналы, новостные агентства, союзы журналистов, различные трудовые организации и союзы, студенты и молодежные группы, ассоциации адвокатов и прочие учреждения, поддерживающие «свободный мир», — на них, при надлежащем финансировании, можно было рассчитывать для распространении своих взглядов.

Главной зонтичной организацией, основанной ЦРУ в тот период, была структура с торжественным названием Конгресс за свободу культуры (КСК).

В июне 1950 года в театре «Титиана Палас» в американской зоне Берлина перед многочисленной аудиторией собрались наиболее известные американские и европейские ученые и литераторы и объявили о создании организации «для защиты свободы и демократии от захватывающей мир тирании». Скоро Конгресс за свободу культуры уже проводил семинары, конференции и целые программы политической и культурной направленности в Западной Европе, Индии, Австралии, Японии, Африке и во многих других местах. Кроме этого, под финансовым покровительством Конгресса состояли более 30 периодических изданий, включая европейские:

— в Великобритании: «Социалистические комментарии» (Socialist Commentary), «Цензура» (Censorship), «Наука и свобода» (Science and Freedom), «Минерва» (Minerva), «Советское обозрение» (Soviet Survey, или просто Survey), «Китай ежеквартально» (China Quarterly), «Встреча» (Encounter);

— во Франции: «Доказательства» (Preuves), «Цензура против искусства и мысли» (Censure Contre les Arts' el la Pensée), «Новый мир» (Mundo Nuevo) и «Тетрадь» (Cuadernos) — два последних были на испанском языке и предназначались для Латинской Америки;

- Perspektiv в Дании;
- Argumenten в Швеции;
- Irodalmi Ujsag в Венгрии;
- Der Monat в Германии;
- Forum в Австрии;
- Tempo Presente в Италии;
- Vision в Швейцарии.

Конгресс за свободу культуры также был связан с изданиями «Новый лидер» (The New Leader), «Африканский доклад» (Africa Report), «Восточная Европа» (East Europe) и «Атлас» (Atlas) в Нью-Йорке [2].

В основном периодику КСК составляли хорошо написанные политические и культурные журналы, которые, по словам бывшего высокопоставленного сотрудника ЦРУ Рэя Клайна (Ray Cline), «не смогли бы существовать без финансовой поддержки ЦРУ» [3].

Среди других связанных со средствами массовой информации организаций, субсидируемых ЦРУ в Европе, в то время были западногерманское новостное агентство DENA (позже известное как DPA) [4], международная ассоциация писателей PEN в Париже, некоторые французские газеты [5], Международная федерация журналистов, Форум мировых новостей — новостная служба в Лондоне, чьи материалы покупали более 140 газет во всем мире, включая около 30 в Соединенных Штатах, среди них «Вашингтон пост» и четыре другие влиятельные газеты. Комитет Черча (The Church Committee — названный по имени сенатора Черча в 1975 году комитет расследовал деятельность спецслужб США на предмет легальности. — Прим. ред.) докладывал, что основные американские ежедневные издания, пользующиеся материалами Форума мировых новостей, были информированы о том, что тот «контролируется ЦРУ». Британские «Гардиан» и «Сандэй таймс» также

пользовались текстами Форума мировых новостей. В 1967 году, по словам одного из основных писателей Форума, новостная служба стала «главным медийным проектом ЦРУ в мире» — это было значительным достижением, учитывая, что ЦРУ на пике успеха тратило 29 процентов своего бюджета на средства массовой информации и пропаганду [6].

Еще одним важным получателем благотворительной помощи ЦРУ был Аксель Спрингер (Axel Springer), западногерманский медиамагнат, которому в начале 1950-х годов было передано 7 миллионов долларов для построения его огромной медиаимперии. Вплоть до своей смерти в 1985 году Спрингер был главой самого большого в Западной Европе издательского конгломерата, служившего маяком прозападным и антикоммунистическим настроениям. Издатель влиятельного западногерманского еженедельника «Шпигель» (Der Spiegel) Рудольф Огстейн (Rudolph Augstein) говорил: «Никто в Западной Германии, ни до, ни после Гитлера, за исключением Бисмарка или пары императоров, не обладал такой властью, как Спрингер». По имеющимся сведениям, его взаимоотношения с ЦРУ продолжались, по крайней мере, до начала 1970-х годов [7].

Основатель американской программы, глава международного отдела ЦРУ Том Брейден (Tom Braden), позже писал, что Управление поставило кадрового сотрудника в руководство Конгресса за свободу культуры; другой служил редактором «Встречи», одного из наиболее влиятельных журналов КСК [8].

По всей видимости, в каждой финансируемой организации служил, по крайней мере, один агент или офицер ЦРУ. Брейден заявлял, что «агенты предлагали антикоммунистические программы официальным руководителям организаций». Однако, добавлял он, действовало правило «защищать репутацию независимости организации, не требуя от нее поддерживать каждый аспект официальной американской политики» [9].

Журналы Конгресса за свободу культуры взвывали к немарксистским левым (Форум, напротив, был консервативным), уклоняясь от обсуждения вопросов классовой борьбы и национализации промышленности. Пресса КСК придерживалась тезиса Даниеля Белла (Daniel Bell) о «конце идеологии». Его смысл заключался в том, что поскольку никто не может всерьез призывать умереть за капитализм, то и идея умереть за социализм или любую другую идеологию должна быть дискредитирована. При этом журналы продвигали реформированный капитализм, «капитализм с человеческим лицом».

Но платящим по счетам вashingtonским воинам холодного фронта идея реформирования капитализма была неинтересна. Их интересовала работа журналов на построение сильной, хорошо вооруженной, единой Западной Европы, дружественной Соединенным Штатам. Европы, которая будет бастионом на пути советского блока; будет поддерживать общий рынок и НАТО; критиковать интеллектуальное содержание «международной коммунистической диверсии»; скептически относиться к разоружению, пацифизму и

нейтралитету, которые продвигали организации вроде известной британской кампании за ядерное разоружение (Campaign for Nuclear Disarmament).

Критика американской внешней политики была позволена строго в рамках идеологии холодной войны. Например, можно было критиковать конкретную американскую интервенцию как не самый эффективный способ решить проблему в конкретной стране. Легитимность собственно интервенции или диктаторская сущность поддерживаемой США стороны не могли стать предметом критики.

«Частные» публикации могли продвигать взгляды, которые американские официальные источники вроде «Голоса Америки» озвучить не могли — и при этом звучали правдоподобно. Это касалось многих других частных организаций, помимо прессы, работавших на деньги ЦРУ.

В 1960 году кампания за ядерное разоружение и другие организации левого крыла лейбористской партии преуспели в привлечении симпатий партийной конференции к проведению политики полного одностороннего ядерного разоружения и нейтралитета в холодной войне. В довершение, две резолюции в поддержку НАТО были отклонены. Хотя лейбористская партия и не была сильна в то время, ее действия имели значительную психологическую и пропагандистскую силу. Вашингтон наблюдал за событиями с опасением, поскольку подобные настроения могли легко распространиться и на другие страны НАТО.

Правое крыло лейбористской партии, имевшее близкие, если не сказать задушевные, связи с Конгрессом за свободу культуры, с журналами «Встреча» и «Новый лидер», а также с другими «ресурсами» и подставными организациями ЦРУ, начало кампанию за отмену резолюции о разоружении. Комитет, основанный для этой цели, подал жалобу на финансирование и вскоре рапортовал, что наряду с множеством мелких пожертвований была получена крупная сумма от источника, пожелавшего остаться неизвестным. В течение следующего года последовало значительное финансирование на оплату постоянного офиса, работы председателя и сотрудников, кадров на местах, расходов на поездки, рассылку тонн литературы по обширному списку членов движения, составление регулярного бесплатного бюллетеня и т. д.

Левое крыло партии не могло ответить на такой массированный пропагандистский натиск. И на конференции 1961 года одностороннее разоружение и нейтралитет были отменены большинством голосов, и лейбористская партия вернулась в лоно НАТО [10].

Сторонники ЦРУ неизменно поддерживали разнообразные планы Управления в Западной Европе, объясняя это тем, что военные действия с русскими начнутся именно здесь. На самом деле, как заявлял Том Брейден, американское влияние распространялось в тех местах, «где они [Советы] даже не начали действовать» [11]. Брейден не уточняет, в каких местах, но, похоже, речь идет о политических партиях: ЦРУ поддерживало рабочие и финансовые отношения с ведущими членами западногерманской социал-демократической

партии, двумя партиями в Австрии, христианскими демократами в Италии, с либеральной и лейбористской партиями в Британии [12]. Вероятно, такие отношения были, по крайней мере с одной партией, в каждой западноевропейской стране. Все эти партии единогласно утверждали свою независимость от обеих супердержав. От коммунистических партий, независимо от наличия поддержки Советского Союза или отсутствия таковой, такие заявления не принимались.

Ситуация со СМИ складывалась аналогично. Ни Брейден, ни кто-либо другой из ЦРУ не приводят примеров издательств или новостных агентств в Западной Европе — прокоммунистических или антинатовских, — которые утверждали бы свою независимость в холодной войне, но секретно финансирувались Советским Союзом.

Важно помнить, что подобные западноевропейским организациям и проекты ЦРУ вели во всем третьем мире на протяжении десятилетий на постоянной основе — даже в тех случаях, когда Советского Союза и на горизонте видно не было. Растущее влияние левых в послевоенной Европе было достаточным поводом для того, чтобы ЦРУ развернуло секретные программы по всему миру. Но популярность левых была следствием их героизма во время Второй мировой войны и экономических реалий, а не результатом советской пропаганды и операций.

Операция «Гладио»

Источником операции «Гладио» стала стандартная парадоксия холодной войны: русские вторгнутся в Западную Европу. И если они сокрушат западные армии и заставят их отступить, то специально подготовленные люди должны остаться в тылу и изматывать русских диверсионной войной и саботажем, а также поддерживать связь с заграницей.

Люди, которым предстояло действовать в тылу, должны были быть обеспечены деньгами, оружием, оборудованием для связи и пройти специальную подготовку. Создание этой секретной сети, под кодовым названием операция «Гладио» (что означало «меч» по-итальянски), началось в 1949 году при участии британцев, американцев и бельгийцев. Позднее были созданы подразделения в каждой некоммунистической стране Европы — включая Грецию, Турцию и нейтральную Швейцарию. Исключением были Ирландия и Финляндия. Вопрос о том, кому подчинились подразделения — национальным правительствам или НАТО, до сих пор неясен, хотя с оперативной точки зрения похоже, что приказы отдавали ЦРУ и другие разведывательные службы.

При полном отсутствии советского вторжения операция служила исключительно для нанесения политического ущерба левым движениям.

Скандал по поводу «Гладио» разразился в Италии осенью 1990 года. В ходе судебного расследования взрыва машины в 1972 году выяснилось, что взрывчатка была взята с одного из 139 секретных складов, существовавших

в Италии для подразделений «Гладио». Впоследствии глава итальянского парламентского расследования этого дела рассказал, что «когда «Гладио» начиналась, американцы часто настаивали на использовании организаций для противодействия повстанцам». Отставной греческий генерал Никос Курис (Nikos Kouris) рассказал подобную историю: греческие подразделения были созданы с помощью ЦРУ в 1955 году для действий в случае внешней или внутренней коммунистической угрозы. «В них состояли бывшие военные, специально обученные солдаты и гражданские лица. Всех их объединяла одна общая политическая цель — ультраправый уклон».

Так же, как и в Германии (см. главу 8), операции в Италии были тесно связаны с террористами. Бывший агент «Гладио» Роберто Кавалеро (Roberto Cavallero) выступил публично с обвинениями о прямой связи «Гладио» с волной террористических актов в Италии в 1970-х и в начале 1980-х годов, в результате которых погибли около 300 человек. Он рассказал, что в рамках операции «Гладио» он и многие другие были обучены «готовить группы, которые в случае продвижения левых сил в нашу страну заполнят улицы, создавая такую высокую напряженность, что потребуется военное вмешательство». Кавалеро, конечно, имел в виду успех итальянской коммунистической партии на выборах, а не вторжение Советского Союза.

Самым кровавым террористическим актом был взрыв на железнодорожной станции Болонья в августе 1980 года, когда погибли 86 человек. Лондонский «Обзервер» (Observer) написал:

«Ответственность за взрыв на итальянской железной дороге приписали крайним левым с целью убедить избирателей, что страна находится в тяжелом положении и у них нет другого выбора, кроме как голосовать за христианских демократов. Но все улики указывали на тот факт, что за этим стояла «Гладио».

Один из разыскиваемых в Италии по делу о взрыве в Болонье, Роберто Фиоре (Roberto Fiore), живет в Лондоне, и британское правительство отказывается его экстрадировать. По всей видимости, он находился под защитой МИ6 (британское ЦРУ), которой он предоставлял ценную информацию.

Похищение и убийство в 1978 году лидера христианских демократов Альдо Моро (Aldo Moro), приписанное «Красным бригадам», также было работой агентов-провокаторов «Гладио», внедрившихся в организацию. Незадолго до похищения Моро объявил о намерении создать коалиционное правительство вместе с коммунистической партией.

В Бельгии в 1983 году для того, чтобы убедить общественность в существовании опасности, кадры «Гладио» совместно с полицией организовали серию перестрелок в супермаркетах. При этом, случайно или нет, погибли несколько человек. Годом позже группа американских морских пехотинцев была десантирована в Бельгии с целью атаковать полицейский участок. Во время операции один бельгийский гражданин был убит и один морской пехотинец потерял глаз. Предполагалось, что такая операция повысит состояние

боевой готовности бельгийской полиции и покажет дремлющему населению, что страна находится на грани «красной революции». Использованное при операции оружие позже было подброшено в брюссельский дом одной из фракций коммунистической партии.

В некоторых странах до конца 1990-х годов можно было обнаружить большие запасы оружия и взрывчатки, приготовленные для операции «Гладио». Согласно утверждению итальянского премьер-министра Джулио Андреотти (Giulio Andreotti), более 600 человек в Италии все еще находятся на финансировании «Гладио».

В 2001 году в ходе судебного процесса в Милане бывший глава итальянской военной контрразведки свидетельствовал, что в 1970-е годы спецслужбы США подстрекали и способствовали ультраправому терроризму в Италии. Генерал Джанаделио Малетти (Gianadelio Maletti) заявил, что «ЦРУ, следуя приказам своего правительства, стремилось создать итальянский национализм, способный остановить сползание влево, и для этой цели могло использовать ультраправый терроризм. Я считаю, что именно это произошло и в других государствах» [13].

16. Британская Гвиана, 1953–1964

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОФСОЮЗНАЯ МАФИЯ ЦРУ

В течение 11 лет две старейшие мировые демократии — Великобритания и Соединенные Штаты — делали все возможное, чтобы не дать демократически избранному лидеру занять свой кабинет.

Этим человеком был доктор Чедди Джаган (Cheddi Jagan). Внук индийских иммигрантов, работавших по контракту, Джаган работал в Соединенных Штатах дантистом. Позже он вернулся на свою родину в Гвиану. В 1953 году, в возрасте 35 лет, он и Народная прогрессивная партия (НПП) возглавили правительство британской колонии при поддержке большинства. Победа Джагана частично была обеспечена тем фактом, что индийцы составляли 46 процентов населения, африканцы — 36 процентов.

В программе НПП во время его правления не было ничего революционного. Они поощряли инвестиции в горнорудном секторе, старались провести либеральные реформы вроде усиления прав профсоюзов и фермеров, создавали систему государственного общего образования, которая ослабила бы влияние церкви на обучение, снимали запрет на импорт «нежелательных» публикаций, фильмов и музыки. Но британское консервативное правительство не желало мириться с политикой, которую отстаивал человек, говоривший подозрительно — как социалист. Правительство и британские средства массовой информации, а также и американские СМИ, обвинили администрацию Джагана в «красной угрозе» в стиле сенатора Маккарти (McCarthy), чьей доктриной повально увлекались в Соединенных Штатах.

Спустя четыре с половиной месяца после того, как Джаган занял офис, правительство Уинстона Черчилля отстранило его от власти. Британцы направили морские и сухопутные силы, приостановили действие гвианской конституции и сняли все гвианскоe правительство. Тем временем адвокаты состряпали документы, которые подписала королева, чтобы все было красиво и имело законную силу [1].

«Правительство Ее Величества», сказал британский секретарь по делам колоний во время дебатов в парламенте, «не готово принять установление коммунистического государства в Британском содружестве» [2].

Отношение американцев к подобной пощечине по лицу демократии характеризует тот факт, что правительство США отказалось Джагану в транзите через американскую территорию, когда он пытался отправиться в Лондон для участия в парламентских дебатах. Согласно Джагану, авиакомпания «ПанАм» (Pan American) даже не продала ему билет. «ПанАм» имела длинную историю сотрудничества с ЦРУ. Эта практика зародилась при президенте авиакомпании Хуане Триппе (Juan Trippe), который был зятем госсекретаря Эдварда Стеттиниуса (Edward R. Stettinius) в администрации Рузельята [3].

К этому моменту ЦРУ уже проникло в профсоюзное движение Британской Гвианы через Американскую федерацию профсоюзов в Соединенных Штатах (American Federation of Labor), «женившуюся» на ЦРУ. Одним из ранних ростков этого союза стала Межамериканская региональная организация профсоюзов (Inter-American Regional Labor Organization, ОРИТ — на испанском языке). В начале 1950-х годов ОРИТ была инструментом превращения ведущей конфедерации профсоюзов в Гвиане, Совета профессиональных союзов, из активнейшей трудовой организации в орудие антикоммунизма. Серафино Ромуальди (Serafino Romualdi), одно время бывший главой АИСТР (см. ниже) и долго сотрудничавший с ЦРУ, писал: «Со времени моего первого визита в Британскую Гвиану в 1951 году я делал все, что в моих силах, для усиления демократических (то есть антикоммунистических) профсоюзных сил, противодействующих ему (Джагану)» [4].

Впоследствии у Джагана из-за этого были серьезные неприятности.

В 1957 году Джаган, используя программу четырехлетней давности, снова выиграл выборы. Теперь британцы решили, что применение более тонких методов для его смещения будет разумнее, и на арену вышло ЦРУ — один из редких случаев, когда Управлению было официально позволено действовать в британской сфере интересов. ЦРУ уже неоднократно действовало в британских сферах неофициально, чем вызвало неудовольствие британских властей.

ЦРУ приступило к работе и занялось усилением профсоюзов, которые уже каким-либо образом поддерживали противника Джагана — Форбса Бернхэма (Forbes Burnham) из Народного национального конгресса (People's National Congress). Одним из наиболее влиятельных был профсоюз госслужащих, в котором доминировали чернокожие.

Как следствие, ЦРУ обратилось к Международному объединению работников общественного обслуживания (МОРОО, Public Service International) в Лондоне — международному секретариату профсоюзов госслужащих. Эта всемирная сеть специализировалась на экспорте профсоюзных ноу-хау из развитых индустриальных стран в менее развитые.

Согласно исследованию, проведенному лондонской «Сандэй таймс», к 1958 году «финансы МОРОО подходили к концу, и ее репутация обесценилась в глазах материинской компании — Международной конфедерации

свободных профсоюзов (The International Confederation of Free Trade Unions, организованной ЦРУ в 1949 году в противовес находящейся под влиянием Советского Союза Всемирной федерации профсоюзов — World Federation of Trade Unions). МОРОО был нужен какой-нибудь успех. Финансовый кризис разрешился совершенно неожиданно с помощью главного американского партнерского профсоюза МОРОО — Американской федерации государственных, районных и муниципальных работников (American Federation of State, County and Municipal Employees). Директор федерации, доктор Арнольд Зандер (Arnold Zander), информировал руководство МОРОО, что он «поискал» и нашел донора.

«Первоначальные вливания, в 1958 году, были скромными, всего несколько сотен тысяч фунтов. Деньги предназначались для Латинской Америки и пошли на «вербовочную кампанию» МОРОО в северной части Латинской Америки под руководством Вильяма Доэрти-младшего (William Doherty, Jr.), человека, давно знакомого с ЦРУ». Позже Доэрти стал генеральным директором Американского института свободного профсоюзного развития (American Institute for Free Labor Development), основной профсоюзной организацией в Латинской Америке, созданной ЦРУ.

«Очевидно, донор остался доволен, потому что в следующем, 1959 году Зандер сказал МОРОО, что они могут открыть от своего имени постоянно действующую латиноамериканскую секцию. МОРОО было очаровано».

По словам Зандера, представителем МОРОО должен был стать Уильям Говард Маккэйб (William Howard McCabe), профсоюзный ученик ЦРУ. «Сандэй Таймс» продолжает:

«Маккэйб, низкорослый твердолобый американец, не имел опыта профсоюзной работы, но МОРОО любило его. Приходя на собрания, он распространял зажигалки и свои фотографии, на которых раздавал продуктовые наборы крестьянам. На зажигалках и наборах была надпись «С наилучшими пожеланиями от МОРОО» [5].

В 1967 году, на волне многочисленных откровений о секретном финансировании со стороны ЦРУ, новый глава Американской федерации государственных, районных и муниципальных работников признал, что вплоть до 1964 года профсоюз получал большие суммы от Управления через благотворительные каналы (см. Приложение 1). Стало известно, что Отделом международных отношений федерации, отвечавшим за операцию в Британской Гвиане, на самом деле управляли два «помощника» из ЦРУ [6].

Работа ЦРУ внутри профсоюзов третьего мира часто предусматривала значительные усилия по обучению. Обучение зиждалось на том, что все решения рабочие найдут в свободе предпринимательства, классовом сотрудничестве и коллективных переговорах, а также неприятии коммунизма совместно со своими управляющими и правительством, если только, конечно, правительство не «коммунистическое». Подающие надежды студенты, отмеченные как

будущие лидеры, выбираются для отправки в школы ЦРУ в Соединенных Штатах для дальнейшего обучения.

ЦРУ, по словам «Сандэй таймс», также, «по-видимому, преуспело в поощрении выхода политиков из партии Джагана и из правительства. Их способ финансирования сочувствующих фигур заключался в предоставлении для них очень выгодных страховок» [7].

Во время избирательной кампании 1961 года штаб-квартира ЦРУ дополнила текущие операции специальной операцией. Информационная служба США (US Information Service, USIA) предприняла необычный шаг и начала показывать на улицах Британской Гвианы фильмы, изображающие ужасы режима Кастро и коммунизма. Политико-религиозная организация Христианский антикоммунистический крестовый поход (The Christian Anti-Communist Crusade) привезла свое передвижное шоу, которое вполне соответствовало названию организации, и потратила на предвыборную пропаганду 76 тысяч долларов [8]. Один из историков назвал это «сомнительной для частной организации деятельностью, для осуждения которой Государственный департамент ничего не сделал» [9]. С другой стороны, деятельность американского правительства была не менее сомнительной.

Несмотря на организованную против него кампанию, Джаган был переизбран достаточным большинством законодательного собрания и относительным большинством голосов избирателей.

В октябре по его просьбе Джагана приняли в Белом доме в Вашингтоне. Он приехал обсудить содействие своим программ по развитию. Однако, прежде чем оказать какую-либо помощь, президент Кеннеди и его советники хотели разобраться в политических убеждениях Джагана. Странно, но встреча, по описанию присутствовавшего на ней помощника Кеннеди Артура Шлезингера (Arthur Schlesinger), проходила так, как будто люди Кеннеди были абсолютно не осведомлены об американской дестабилизирующей деятельности в Британской Гвиане.

На выраженное Джаганом одобрение политики британского лидера профсоюзов Эньюрина Бивена (Aneurin Bevan), присутствовавшие в комнате «ответили одобрительно».

По поводу приверженности Джагана социализму Кеннеди заявил, что «мы не участвуем в крестовом походе по навязыванию частного предпринимательства в тех частях света, где оно не уместно».

Но когда Джаган, скорее по наивности, упомянул свое восхищение научным, левых убеждений журналом «Ежемесячное обозрение» (Monthly Review), он перешел идеологическую границу, что тихо и эффективно определило судьбу его страны. «Джаган, — писал позже Шлезингер, — без всякого сомнения, был марксистом» [10].

Во время правления Джагана Британская Гвиана так и не получила экономической помощи, при этом администрация Кеннеди оказала давление на британцев, чтобы не допустить предоставления стране независимости, которое было запланировано на следующий год [11]. Британская Гвиана стала

независимой страной Гайаной только в 1966 году, когда Джагана уже не было у власти. В 1962 году ЦРУ организовывало и финансировало протесты против Джагана, предлогом для которых стал только что опубликованный бюджет. Последовавшие за этим забастовки, беспорядки и поджоги были совершенно не пропорциональны обвинениям. Комиссия Содружества, расследовавшая события, пришла к заключению — вероятно, к неудовольствию назначившего ее Британского колониального офиса (British Colonial Office), — что:

«Нет никаких сомнений в том, что, несмотря на громкие протесты лидеров профсоюзов, политические связи и убеждения сыграли большую роль в разработке политики и программы по противодействию бюджету и настойчивых усилий по смене существующего правительства» [12].

ЦРУ организовало, как часто делало в подобных случаях, для связанных с Управлением североамериканских и латиноамериканских профсоюзных организаций поддержку забастовок посланиями солидарности и едой, создавая тем самым видимость настоящей трудовой борьбы. Управление также выпустило в эфир не известные ранее радиостанции и напечатало газеты с фальшивыми публикациями о приближающихся кубинских военных кораблях [13].

Гвоздем программы ЦРУ в Британской Гвиане стала всеобщая забастовка — если можно ее назвать таковой, поскольку ее поддержка была далека от всеобщей, — которая началась в апреле 1963 года. Длилась она 80 дней, и, как утверждается, стала самой продолжительной в истории всеобщей забастовкой [14].

Эта забастовка, как и в 1962-м, была организована Советом профсоюзных союзов (СПС, Trade Union Council), который, как мы уже видели, был членом международной мафии ЦРУ. Главой СПС был некий Ричард Ишмаэл (Richard Ishmael), прошедший вместе со многими другими гвианскими профсоюзными лидерами подготовку в США — в Американском институте развития свободных профсоюзов, принадлежащем ЦРУ. Во время забастовки были нередки случаи насилия и провокаций, включая нападение на жену Джагана и некоторых из его министров. Сам Ишмаэл был упомянут в секретном докладе британской полиции как участник террористической группы, осуществлявшей во время забастовки взрывы и поджоги правительственные зданий [15].

По отношению к Ишмаэлу и другим членам группы британскими властями не было применено никаких санкций в надежде, что напряженная ситуация ускорит падение Джагана.

Между тем, по сообщениям «Нью-Йорк таймс», агенты ЦРУ давали «местным профсоюзным лидерам советы, как организовывать и поддерживать» забастовку. «Они также обеспечивали финансирование и предоставляли еду, чтобы поддержать забастовщиков, а также медикаменты для раненых в беспорядках рабочих Бернхэма. В какой-то момент агент ЦРУ даже участвовал в переговорах с доктором Джаганом как член комитета гвианского профсоюза работников». Позднее этот агент был разоблачен Джаганом и выслан из страны

[16]. Это, вероятно, был Джин Микинс (Gene Meakins) — один из основных профсоюзных агентов ЦРУ, который работал в качестве советника по связям с общественностью и офицером по общеобразовательной подготовке в СПС. Микинс редактировал еженедельную газету и ежедневную программу радиостанции, через которые сумел распространить немалый объем пропаганды против Джагана [17].

Исследование, проведенное газетой «Сандэй таймс», показало, что:

«Похоже, Джаган рассчитывал на то, что профсоюзы смогут продержаться не более месяца. Но Маккэйб давал много денег за забастовку плюс деньги фондов для нуждающихся, деньги за ежедневные 15-минутные выступления бастующих на радио и другую пропаганду и значительные суммы на дорожные расходы. Казалось, что братские профсоюзы по всему миру сплотились в это время».

Из Лондона был прислан посредник Роберт Уиллис (Robert Willis), генеральный секретарь Лондонского типографского общества, известный своей строгостью в переговорах с управляющими газет. Он был шокирован обстановкой и сказал: «Мне сразу стало очевидно, что забастовка была исключительно политической. Джаган уступал всем требованиям забастовщиков, но как только он соглашался, они выдвигали новые требования» [18].

Финансовые траты только на забастовку, переведенные ЦРУ через МОРОО и другие профсоюзные организации, составили около одного миллиона долларов.

Американские нефтяные компании стали еще одним примером того, какое большое число способов имеется в арсенале США, чтобы повлиять на выбранную цель. Компании, действуя заодно с забастовщиками, отказывались поставлять бензин, что заставило Джагана обратиться за нефтью к Кубе. Из-за американского общего экономического эмбарго Джаган в последний год своего правления все больше склонялся в сторону советского блока. Эта практика, конечно же, обеспечивала оружием тех критиков Джагана в Британской Гвиане, Соединенных Штатах и Великобритании, которые настаивали на том, что он коммунист и поэтому чреват всеми опасностями, какими опасны коммунисты.

Забастовку в основном поддерживали чернокожие сторонники Форбса Бернхэма и работодатели, уволившие многих индийских сторонников Джагана.

Как следствие, это обострило уже существовавшую расовую напряженность. «Сандэй таймс» утверждала, что «хотя расовое разделение до 1963 года было довольно дружественным, забастовка поделила страну на два лагеря». В конце концов трения переросли в кровопролитие с сотнями убитых, раненых и «наследием расовой ожесточенности» [19].

Джаган был, конечно же, осведомлен, по крайней мере в какой-то степени, о том, что происходило вокруг него во время забастовки. После того как все закончилось, он предъявил обвинения:

«Соединенные Штаты, несмотря на отрицания некоторых их лидеров, не готовы позволить существовать в этом полушарии социалистическому правительству или правительству, преданному решительным и серьезным реформам, даже если это правительство уже свободно избрано... Совершенно очевидно, что Соединенные Штаты будут поддерживать только то демократическое правительство, которое одобряет классическую систему частного предпринимательства» [20].

Пытаясь преодолеть навязчивую идею США в отношении Советского Союза и «еще одной Кубы в западном полушарии», Джаган предложил, чтобы Британская Гвиана стала «нейтральной» посредством соглашения между Соединенными Штатами и Советским Союзом, по тому же принципу, как две державы поступили в случае с Австралией. Официальный Вашингтон никак не прокомментировал данное предложение [21].

Правительство Чедди Джагана смогло выстоять, несмотря на все провокации и унижения. Приближающиеся выборы в 1964 году снова свели вместе британского и американского братьев.

Британский министр по делам колоний Дункан Сэндис (Duncan Sandys), игравший главную роль в соглашении Британии и ЦРУ по Джагану, использовал забастовку и беспорядки как доказательство неспособности Джагана управлять страной и обеспечивать стабильность. А это было необходимым условием британского правительства для предоставления Британской Гвиане независимости. (В 1948 году Сэндис основал «Европейское движение» — финансированную ЦРУ организацию эпохи холодной войны) [22].

Без всякого сомнения, это была надуманная позиция. Американский обозреватель Дрю Пирсон (Drew Pearson), писавший о встрече президента Кеннеди и британского премьер-министра Макмиллана летом 1963 года, сказал, что «главное, в чем они согласились, это то, что британцы откажутся предоставить независимость Гвиане из-за всеобщей забастовки против прокоммунистического премьер-министра Чедди Джагана. Забастовка была секретно организована при помощи денег ЦРУ и британской развединформации. Это дало Лондону необходимый предлог» [23].

Предлог был затем использован еще раз для принятия поправки в конституцию Британской Гвианы, создавшую систему пропорционального представительства на выборах, что превратило абсолютное большинство законодательных мест Джагана в относительное большинство. Впоследствии назначенный британцами губернатор Британской Гвианы объявил, что он не обязан просить лидера партии большинства сформировать правительство, если она не имеет большинства мест, — процедура, поразительно отличающаяся от того, чему следовали в Великобритании.

Когда в октябре 1964 года в Великобритании власть от консервативной партии перешла к лейбористской партии, у Джагана появилась надежда, что заговор против него будет прекращен. Несколько высокопоставленных лидеров лейбористской партии заявили публично и лично Джагану о не-приятии секретной и антидемократической политики своих соперников из

консервативной партии. Однако через несколько дней после занятия офиса лейбористская партия разрушила эти надежды [24].

«Уступая желаниям Соединенных Штатов, — писала «Нью-Йорк таймс», — лейбористская партия «отказалась от предоставления независимости Британской Гвиане» и одобрила выборы по пропорциональному представительству. Как стало известно, госсекретарь Дин Раск (Dean Rusk) дал понять новому британскому министру иностранных дел Патрику Гордону-Уокеру (Patrick Gordon-Walker), что «Соединенные Штаты, вне всяких сомнений, будут противодействовать становлению Британской Гвианы как независимого государства подобного кубинскому» [25]. Ранее Раск уговаривал предшественника Гордона-Уокера от консервативной партии лорда Хоума (Lord Home), снова приостановить действие конституции Британской Гвианы и «вернуться к прямому колониальному правительству» [26].

Интенсивная американская лоббистская кампания против Британской Гвианы (в дополнение к подрывным действиям) привела к тому, что член парламента от консервативной партии и бывший министр по делам колоний Ян Маклеод (Iain Macleod) заметил в палате общин: «Все мы признаем иронию того факта, что Америка подталкивает нас к колониальной свободе по всему миру, кроме мест, близких к ее границам» [27].

За день до выборов, 7 декабря, в одной из газет Британской Гвианы было опубликовано фальшивое прокоммунистическое письмо — обычная тактика ЦРУ во всем мире. Письмо было якобы написано Джанет (Janet), женой Джагана, членом коммунистической партии, и в нем говорилось: «Мы можем быть спокойны, зная, что ННК (партия Бернхэма) недолго продержится у власти... наши друзья за границей будут продолжать помогать нам одержать полную победу».

Госпожа Джаган быстро ответила, что не может быть настолько глупа, чтобы написать такое письмо, но, как бывает в подобных случаях, отрицание звучит слабее, чем обвинения [28].

Как и ожидалось, Джаган получил только относительное большинство законодательных мест — 24 из 53. После этого губернатор попросил Форбса Бернхэма, ставшего вторым, сформировать новое правительство. В британском полицейском докладе, упомянутом ранее, Бернхэм и несколько новых министров из его правительства были названы террористами.

Джаган отказался оставить власть. Британские войска в столице Джорджтаун были приведены в полную боевую готовность. Неделю спустя правительство Ее Величества еще раз подписало бумагу с новой поправкой к конституции Британской Гвианы, закрыв тем самым лазейку, позволявшую Джагану тянуть время. В конце концов он подчинился неизбежности [29].

На конференции в Нью-Йорке в 1990 году Артур Шлезингер публично извинился перед присутствовавшим там же Чедди Джаганом. Шлезингер сказал, что это была его рекомендация британцам, приведшая к тактике пропорционального представительства. «Я чувствую себя неловко за свою роль

тридцать лет назад, — признался бывший советник Кеннеди. — Мне кажется, что с Чедди Джаганом поступили несправедливо» [30].

Спустя четыре года Джаган снова стал президентом, выиграв в 1992 году первые в стране после его свержения свободные выборы. Администрация Клинтона выбрала нового посла в Гайану — Уильяма Доэрти (William Doherty). Джаган был поражен решением и так четко выразил свое мнение, что США отказались от кандидатуры Доэрти [31].

Когда в 1994 году, по истечении 30 лет, пришло время для американского правительства рассекретить документы по действиям в Британской Гвиане, Госдепартамент и ЦРУ отказались это сделать, чтобы «избежать неловкости», писала «Нью-Йорк таймс». Газета также добавила:

«Все еще закрытые документы описывают в деталях прямой приказ президента о смещении доктора Джагана, говорит один из правительственные чиновников, читавший секретные документы. Хотя многие президенты приказывали ЦРУ дискредитировать зарубежных лидеров, документы по Джагану являются неопровергимой уликой — четко сформулированный, без закамуфлированных фраз приказ Президента США о смещении премьер-министра» [32].

«Они сделали ошибку, выдвинув Бернхэма, — сказала Джаган, вспоминая прошлое. — К сожалению, страна откатилась назад». Будучи самой успешной страной в регионе 30 лет назад, в 1994 году Гайана оказалась среди самых бедных. Основной статьей ее экспорта стали люди.

17. Советский Союз, конец 1940-х — 1960-е

ОТ САМОЛЕТОВ-ШПИОНОВ ДО КНИГОИЗДАНИЯ

Информация... Сотни молодых американцев и русских эмигрантов отдали свои жизни ради сбора для Соединенных Штатов огромного количества информации о Советском Союзе — любой информации о стране, которую Черчилль назвал «загадкой, завернутой в тайну, спрятанную в головоломке».

Однако не существует доказательств того, что эта информация спасла чью-то жизнь или послужила на пользу мира. По сей день тонны папок, набитых отчетами, горы компьютерных распечаток, магнитных лент и фотографий лежат в шкафах, пылясь на складах в США и Германии. Возможно, большая часть материалов уже уничтожена. Многое из этого никогда не читали и никогда не прочитают.

Начиная с конца 1940-х годов, американские военные, ЦРУ и Агентство национальной безопасности (АНБ) регулярно посыпали курсировать вдоль границ Советского Союза самолеты для сбора визуальных, фотографических и электронных данных военного или промышленного характера, в частности связанных с советскими ракетно-ядерными возможностями. Оснащенные сложнейшим оборудованием самолеты, а также спутники, подводные лодки и станции электронного прослушивания в Турции и Иране производили огромное количество компьютерных данных. Иногда самолеты непреднамеренно залетали в воздушное пространство Советского Союза. В других случаях они делали это намеренно, чтобы сфотографировать определенную цель, или активировать радарные установки для записи сигналов, или оценить реакцию советских ПВО на атаку. Это была опасная игра, и во многих случаях самолеты были встречены зенитным огнем и советскими истребителями.

За годы холодной войны произошли десятки воздушных инцидентов, связанных с американскими самолетами и ответной военной реакцией коммунистических стран, в результате сотен, если не тысяч разведывательных полетов. В 1950 и 1951 годах советские войска сбили по одному разведывательному самолету с десятью членами экипажа. В живых не осталось никого.

В 1969 году, на этот раз северокорейским истребителем, над Японским морем был сбит самолет с экипажем из 31 человека. Некоторые самолеты-разведчики после того, как в них стреляли или даже попадали, благополучно возвращались на базы (расположенные в Турции, Иране, Греции, Пакистане, Японии, Норвегии), другие были сбиты, летчики погибали или попадали в плен [1].

Существует большая путаница относительно числа и дальнейшей судьбы летчиков США, попавших в советский плен после совершения ими вынужденной посадки или катапультирования в 1950–1960-х годах. Президент России Борис Ельцин заявил в 1992 году, что в начале 1950-х было сбито девять американских самолетов, двенадцать выживших американцев находились в плена, их дальнейшая судьба остается неизвестной. Пять месяцев спустя после заявления президента Дмитрий Волкогонов, советский генерал в отставке и сопредседатель Российско-американской комиссии, расследовавшей судьбы пропавших без вести американцев, сообщил комитету Сената США, что 730 летчиков были взяты в плен во время разведывательных полетов во время холодной войны; их судьба также неясна [2].

Наиболее известным из этих инцидентов был, конечно, сбитый 1 мая 1960 года самолет U-2, пилотируемый Фрэнсисом Гэри Пауэрсом (Francis Gary Powers). U-2 был разработан для полетов на большой высоте. Благодаря этому он был неуязвим для самолетов-перехватчиков. Исчезновение Пауэрса и его U-2 над Советским Союзом заставило правительство Соединенных Штатов публично придумывать ложные оправдания, опровержения и поправки к оправданиям и опровержениям. Наконец, когда Советский Союз представил Пауэрса и его самолет мировой общественности, у президента Эйзенхауэра не было другого выхода, кроме как признать правду. Однако он многозначительно добавил, что такие полеты, как полет U-2, были «неприятны, но жизненно важны», поскольку русские страдают «фетишизмом секретности и скрытности» [3]. Один из советников Эйзенхауэра — Эммет Джон Хьюз (Emmet John Hughes) позднее заметил, что администрации потребовалось всего шесть дней, чтобы «превратить немыслимую ложь в суворенные права» [4].

В ряде случаев Соединенные Штаты заявляли протест Советскому Союзу в связи с советскими атаками на американские самолеты, которые на самом деле пролетали не над советской территорией, а над Японским морем, например. Хотя и спланированные с целью сбора разведывательных сведений, такие полеты, по всей видимости, приемлемы в соответствии с международным правом.

Наиболее серьезными последствиями истории с U-2 явился провал переговоров на высшем уровне между Эйзенхауэром и Хрущевым, состоявшихся через две недели после инцидента в Париже, на которые люди по всей планете возлагали так много надежд на мир и разрядку.

Был ли инцидент с U-2 простой случайностью именно в тот момент времени? Полковник BBC США в отставке Л. Флетчер Праут (L. Fletcher Prouty) предполагает, что нет. С 1955 по 1963 год Праут служил офицером по связи и взаимодействию между ЦРУ и Пентагоном по вопросам, касающимся во-

енной поддержки специальных операций. В своей книге «Секретная группа» (The Secret Team) Праути пишет о том, что ЦРУ и некоторые его коллеги из Пентагона способствовали тому, чтобы данный полет У-2 — последний запланированный до встречи Эйзенхауэра с Хрущевым — состоялся и привел к трагическим последствиям. Они сделали это предположительно потому, что не желали ослабления напряженности в холодной войне, которая стала их смыслом жизни.

Использованный метод, по догадке Праути, был удивительно прост. Двигателю У-2 необходима подача жидкого водорода для поддержания высоты полета, обеспечивающей недосягаемость самолета для средств ПВО и самолетов-перехватчиков. Если водородные баллоны были заполнены лишь частично, то после взлета из Турции У-2 был бы вынужден спуститься на более низкую высоту, и момент спуска можно было рассчитать так, чтобы он пришелся именно на территорию СССР. Вопрос, был ли самолет сбит или Пауэрс катапультировался, позволив ему упасть, не является бесспорным. Советский Союз утверждал, что У-2 был сбит на обычной для него высоте ракетой, но это было, вероятнее всего, ложью — после четырех лет тщетных попыток сбить хоть один У-2 на такой высоте. Как бы то ни было, Советский Союз смог представить миру частично уцелевший самолет-разведчик вместе с полностью уцелевшим пилотом-разведчиком, в комплекте с различными компрометирующими его документами и неиспользованной иглой для самоубийства. По словам Праути, наличие у летчика удостоверяющих личность документов не было случайным недосмотром. Сознательно «ни летчик, ни самолет не были проверены перед вылетом, как это требуется для других полетов» [5].

Пауэрс в своей книге вообще не обсуждает количество жидкого водорода в баках. Он считал, что его самолет был поврежден взрывной волной советской ракеты, после чего он был вынужден снизиться. Но он рассказывает о технических проблемах с самолетом, существовавших еще до предполагаемого взрыва [6].

В 1983 году Советский Союз сбил южнокорейский пассажирский самолет, который, как утверждали советские ведомства, осуществлял разведывательный полет. В свете вызванного этим событием фурора на Западе интересно отметить, что Праути также упоминает об использовании Соединенными Штатами «внешне незапятнанной национальной коммерческой авиакомпании» неопределенного иностранного государства «для шпионской фотосъемки и реализации других тайных операций» [7].

Для Советского Союза самолеты-разведчики представляли нечто большее, чем просто нарушителей воздушного пространства, и Москва отвергла выдвинутые Вашингтоном объяснения, что полеты были всего лишь одной из форм шпионажа, «разведывательной деятельностью, практикуемой во всех странах», как заявил Вашингтон [8]. В то время не было никаких намеков на полеты советских самолетов над Соединенными Штатами [9]. СССР считал такие полеты особенно провокационными: самолеты являются средствами

ведения вооруженной борьбы, их использование можно рассматривать как начало военных действий, и они могут нести бомбы на борту. В Москве не могли забыть, что нацистскому вторжению в СССР предшествовали частые разведывательные полеты немецкой авиации. Не могли они забыть и тот факт, что в апреле 1958 года американские самолеты с ядерным оружием на борту летели над Арктикой в направлении СССР из-за ложного сигнала тревоги на американских радарах. Самолеты были отозваны, когда их отделяло от Советского Союза всего два часа полета [10].

Ни один американский самолет не сбросил бомбы на Советский Союз, но многие из них сбрасывали людей с заданиями выполнять враждебные миссии. Обычно это были русские, эмигрировавшие на Запад, где они вербовались ЦРУ и другими западными разведслужбами.

Ведущая организация эмигрантов была известна как Народно-трудовой союз русских солидаристов, или Народно-трудовой союз (НТС). Она состояла из двух больших групп: сыновей русских эмигрантов, бежавших на Запад после революции, и тех русских, кто по различным причинам попал в Западную Европу в конце Второй мировой войны. Члены обеих групп сотрудничали с нацистами во время войны. Хотя НТС в целом стоял на правом фланге эмигрантских организаций, их коллаборационизм был мотивирован скорее антисталинизмом, чем пронацистскими настроениями.

НТС базировался в Западной Германии. В 1950-е годы ЦРУ было главным благодетелем организации, часто ее единственной опорой. В школе ЦРУ, созданной в Германии, под звучным названием Институт по изучению СССР (Institute for the Studies of the USSR), а также в школах в Великобритании и Соединенных Штатах Управление проводило разностороннюю подготовку членов НТС перед их заброской на советскую территорию. Диверсанты приземлялись на родную землю в полной экипировке — от оружия до складных велосипедов, боевых костюмов пловцов и резиновых ковриков для пересечения колючей проволоки под напряжением.

Диверсанты возвращались на родину по разным причинам: для сбора информации о военных и технологических сооружениях; совершения убийств; получения современных образцов документов, удостоверяющих личность; оказания помощи западным агентам в бегах; совершения актов саботажа, которым они были хорошо обучены (пуск под откос поездов и подрыв мостов, диверсии на оружейных заводах и электростанциях и т. д.) либо для раздувания вооруженной политической борьбы против коммунистической власти силами движений сопротивления — совершенно нереальная задача, учитывая слабое состояние таких движений.

Мы никогда не узнаем, сколько всего агентов ЦРУ проникло в Советский Союз — не только по воздуху, но и на лодках, и другими путями — по меньшей мере, многие сотни. Что же касается их судеб... В 1961 году в Советском Союзе была опубликована книга под названием «Пойманный на месте преступления» — Caught In the Act, сокращенно CIA (ЦРУ), — в которой перечислялись

имена и другие подробности о двух десятках русских диверсантов, многие из которых были схвачены почти сразу по прибытии в СССР. Некоторые из них были казнены, остальные получили тюремные сроки, среди них был человек, который принимал участие в массовых расстрелах евреев на оккупированной немцами территории СССР. В книге утверждается, что число пойманных диверсантов было гораздо больше. Это, возможно, слишком громкое заявление, но для советских спецслужб было сравнительно простым делом проникнуть в ряды эмигрантов в Западной Европе и узнать все необходимое про готовящиеся операции.

ЦРУ, конечно, не принимало кадры на веру. Управление применяло все меры вплоть до пыток к подозреваемым перебежчикам в Мюнхене, с использованием таких эзотерических методов, как намазывание гениталий склизом и содержание в комнате с оглушительной индонезийской музыкой до тех пор, пока подозреваемый не «раскалывался» [11].

Москва также утверждала, что некоторые из забрасываемых на территорию СССР агентов закладывали радиомаяки, используемые самолетами для десантирования других агентов; также радиомаяки могли быть использованы для навигации американских бомбардировщиков в случае войны.

Некоторые из эмигрантов возвращались в Западную Европу с крохами добытой информации или после попытки выполнить другие задания. Другим, снабженным полным набором необходимых документов, было поручено интегрироваться в советское общество и стать «агентами на местах». Были и такие, кто, оказавшись под воздействием эмоций «я — дома», переходили на сторону СССР; здесь свою роль играл «человеческий фактор», с которым ни обучение, ни воспитание не могут справиться [12].

Ни одна американская операция против Советского Союза не была бы полной без пропагандистской составляющей: «Благую весть язычникам» приносили мириадами способов, в которых проявилось творчество ЦРУ и его команды эмигрантов.

Новые разработанные механизмы позволяли сбрасывать антикоммунистическую литературу над Советским Союзом с самолетов и воздушных шаров. При правильном ветре бесчисленные листовки и брошюры разбрасывались по огромной территории; также пачки литературы спускались по течению рек в водонепроницаемых пакетах.

Советских граждан, прибывавших на Запад, на каждом шагу встречали люди из НТС, раздавая свои газеты и журналы на русском и украинском языках. Для облегчения контактов НТС время от времени занимался операциями на черном рынке, открывая небольшие магазины, которые продавали русским товары по дешевке. От Северной Африки до Скандинавии с сетью ЦРУ сталкивались советские моряки, туристы, чиновники, спортсмены, даже советские солдаты в Восточной Германии: их пытались познакомить с «Истиной» — такой, какая она есть в «свободном мире», а заодно вытянуть из них информацию, склонить к пороку и завербовать в качестве шпионов.

Этих целей пытались достичь взятками, шантажом, угрозами; номера в отелях обыскивались, телефоны прослушивались. Такие же действия предпринимались для завлечения в ловушку и провокаций в отношении сотрудников советских дипломатических служб, чтобы инициировать их увольнение и дискредитировать Советский Союз [13].

Пропагандистское наступление привело правительство США в книгоиздательский бизнес. По различным договоренностям с американскими и зарубежными издательствами, дистрибуторами, литературными агентами и авторами ЦРУ и Информационное агентство США (USIA) к 1967 году производило, субсидировало и спонсировало «более тысячи книг», которые были призваны служить целям пропаганды [14]. Многие из книг были проданы в Соединенных Штатах, а также за рубежом. Книги никогда не несли никаких признаков участия в них правительства США. Но о некоторых изданиях представитель Информационного агентства США говорил: «Мы контролируем все — от самой идеи до окончательно отредактированной рукописи» [15].

Некоторые книги были опубликованы, а порой и написаны только после того, как Информагентство или ЦРУ соглашались приобрести большое количество экземпляров. Сложно определить, какой эффект оказывал финансовый стимул на издателя и автора, по содержанию и посылу книги. В некоторых случаях Вашингтон выпускал секретные инструкции для автора, чтобы помочь ему или ей в написании книги. В 1967 году, вскоре после откровений о внутренней деятельности ЦРУ в США, этой практике якобы был положен конец в США, однако она продолжалась за рубежом. Комитет Сената в 1976 году заявил, что в течение предыдущих нескольких лет ЦРУ было связано с публикацией около 250 книг, в основном на иностранных языках [16]. Некоторые из них были, скорее всего, переизданы в Соединенных Штатах.

Список книг, изготовленных ЦРУ, по-прежнему засекречен. Среди тех, которые были выявлены, присутствуют: «Динамика советского общества» Уолта Ростоу (*The Dynamics of Soviet Society*, Walt Rostow), «Новый класс» Милована Джиласа (*The New Class*, Milovan Djilas), «Краткая история Коммунистической партии» Роберта А. Бертона (*Concise History of the Communist Party*, Robert A. Burton), «Программы иностранной помощи советского блока и коммунистического Китая» Курта Маллета (*The Foreign Aid Programs of the Soviet Bloc and Communist China*, Kurt Mullet), «В погоне за мировым порядком» Ричарда Н. Гарднера (*In Pursuit of World Order*, Richard N. Gardner), «Пекин и народная война» Сэма Гриффита (*Peking and People's Wars*, Major General Sam Griffith), «Путь Яньань» Эудосио Равинеса (*The Yenan Way*, Eudocio Ravines), «Жизнь и смерть в Советской России» Валентина Гонсалеса (*Life and Death in Soviet Russia*, Valentin Gonzalez), «Муравейник» Сюзанны Лабин (*The Anthill*, Suzanne Labin), «Политика борьбы: Коммунистический фронт и политические войны» Джеймса Д. Аткинсона (*The Politics of Struggle: The Communist Front and Political Warfare*, James D. Atkinson), «От колониализма к коммунизму» Хоанга Ван Чи (*From Colonialism to Communism*, Hoang Van Chi), «Почему Вьетнам?» Фрэнка Трэгера (*Why Vietnam?*, Frank Trager) и

«Террор во Вьетнаме» Джайа Мэллина («Terror in Vietnam», Jay Mallin). Кроме того, ЦРУ финансировало и широко распространяло мультфильм «Скотный двор» по произведению Джорджа Оруэлла («Animal Farm», George Orwell) [17].

Наиболее распространенным видом пропаганды на территории социалистического блока являлось радио. Были установлены многочисленные передатчики огромной мощности, круглосуточное вещание вели «Радио Свобода» и «Радио Свободная Россия» на Советский Союз, «Радио Свободная Европа» и «Радио в американском секторе» вещали на Восточную Европу, а «Голос Америки» — на все страны мира. За исключением последней, все станции принадлежали якобы частным организациям, финансируемым «пожертвованиями» американских корпораций, американской общественностью и из других частных источников. На самом деле ЦРУ тайно финансировало практически все расходы до 1971 года. Разоблачение роли Управления в 1967 году (хотя многие об этом догадывались задолго до этого) привело к тому, что Конгресс в конце концов разрешил открытое государственное финансирование этих радиостанций.

Целью станций было заполнение некоторых пробелов и исправление лживых заявлений коммунистических СМИ, но они не могли избежать своих упущений и искажений в представлении картины мира как Востока, так и Запада. Их миссией было подчеркивание всего, что могло очернить коммунистические режимы. «Для многих в ЦРУ, — пишет Виктор Маркетти (Victor Marchetti), бывший высокопоставленный чиновник Управления, — основная ценность радиостанций была в возможности посеять недовольство в странах Восточной Европы и постепенно ослабить коммунистические правительства» [18].

Многие из русских, работавших на различных радиостанциях, которые пространно говорили о свободе, демократии и других гуманитарных проблемах, позднее были идентифицированы министерством юстиции США как члены организации Гитлера — Einsatzgruppen, устраивавшие облавы и убившие множество евреев в Советском Союзе. Одним из этих «достойных» людей был Станислав Станкевич, под командованием которого массово убивали евреев в Белоруссии; детей заживо закапывали вместе с мертвыми, вероятно, чтобы сохранить боеприпасы. Станкевич впоследствии устроился работать на «Радио Свобода». Немецкие военные преступники также были задействованы ЦРУ в различных антисоветских операциях [19].

Каждый раз различные программы по сбору стратегической информации о Советском Союзе, в частности через проникновение в страну и вхождение в контакт с советскими гражданами на Западе, заканчивались провалом. Собранныя информация, как правило, была тривиальной, фрагментарной, искаженной и устаревшей. Хуже того, часто она была приукрашена, если не сфабрикована. Многие послевоенные эмигранты в Западной Европе зарабатывали себе на жизнь этим «информационным бизнесом». «Информация» была их самым продаваемым товаром. Из реальных или фиктивных встреч с

советскими гражданами они готовили доклады, которые часто состояли из обычных фактов с добавлением политической окраски. Иногда составлялись четыре версии доклада, различающиеся по стилю и количеству «фактов», написанные четырьмя разными людьми; доклад мог быть продан отдельно американским, британским, французским и западногерманским спецслужбам. Вариант для ЦРУ содержал в себе другие три версии; эти версии из спецслужб трех стран скоро попадали в ЦРУ без указания источника. Анализ всех отчетов, как правило, приводил ЦРУ к выводу, что НТС давал им полную картину происходящего и общая информация совпадала с информацией из спецслужб союзников. НТС выглядел достойно, а папки были наполненными [20].

Советские папки ЦРУ в Вашингтоне выросли до огромных размеров после того, как Управление начало собирать почтовые отправления между Советским Союзом и Соединенными Штатами; практика стартовала в начале 1950-х годов и продолжалась по крайней мере до 1970-х [21]. Советник почтовой службы сказал в 1979 году: «Если бы не было национальной программы безопасности почты, ФБР было бы сковано в определении стран, которые готовили войну против нас» [22].

Бывший офицер ЦРУ Гарри Розитцки (Harry Rositzke), который был тесно связан с антисоветской деятельностью после войны, позже писал, что основной задачей эмигрантов, проникших в Советский Союз в первые послевоенные годы, — то же, вероятно, можно сказать и о самолетах-разведчиках — было обеспечить «раннее предупреждение» о советском военном наступлении на Запад. Такое вторжение воинам холодной войны в американском правительстве вечно казалось «неизбежным». Это опасение звучало так же, как и после Октябрьской революции (см. Предисловие), несмотря на то что Советский Союз в послевоенное время был опустошен мировойвойной и вряд ли был в состоянии провести военную операцию такого масштаба. Тем не менее, как пишет Розитцки, «было официально подсчитано, что советские войска способны достичь Ла-Манша в течение нескольких недель... В Вашингтоне было аксиомой, что Сталин готовит войну. Вопрос был один: «Когда она начнется?». Он отметил, однако, что «наличие на советской территории агентов, оснащенных радиостанциями, которые не передавали информации о нападении, оказывало некоторое сдерживающее действие на военных стратегов в разгар холодной войны» [23].

Секретный доклад Комитета по государственным стратегическим ресурсам (National Security Resources Board) в январе 1951 года предупреждал: «При существующем положении вещей к 1953 году, если не к 1952-му, советские агрессоры возьмут в свои руки полный контроль над ситуацией в мире».

Розитцки, будучи убежденным антикоммунистом, признает нереальность такого образа мысли. Но, как он пояснил, с таким мнением он был в меньшинстве в официальном Вашингтоне:

«Факты, доступные даже в то время, предполагали гораздо большую вероятность именно оборонительного характера послевоенной стратегии Москвы,

включая превращение Восточной Европы в западный буфер. Я доказывал этот тезис в беседах с аналитиками из ЦРУ, работавшими над оценкой советской угрозы, и со специалистами из Пентагона. Но этот взгляд не был популярным в то время. Ни тогда, ни после не было написано ни одного сценария, который бы объяснял, *почему* русские хотят силой завоевать Западную Европу и бомбить Соединенные Штаты. Эти действия не способствовали бы реализации советских национальных интересов и вели бы к риску уничтожения Советского государства. Этот основной вопрос так и не был поднят; холодная война, созданная в призме умов дипломатов и военных стратегов, делала мир черно-белым; там не было серых тонов» [25].

Пройдет несколько лет, указывает Розитцки, прежде чем в Вашингтоне поймут, что о предупреждениях, ранних или других, им так и не доложат. Это, однако, не затормозило наращивание военной мощи Соединенных Штатов и их пропаганду против СССР.

18. Италия, 1950–1970-е

ПОДДЕРЖКА КАРДИНАЛЬСКИХ СИРОТ И ТЕХНОФАШИЗМ

После различных экстравагантных методов, использованных США в 1948 году для изгнания бродившего по Италии призрака коммунизма, ЦРУ обосновалось там надолго для проведения менее яркой, но более коварной операции.

В докладной записке Белого дома, подготовленной после выборов 1953 года, говорилось, что «во время выборов перед избирателями явно не размахивали ни военной дубинкой Москвы, ни американской экономической морковкой» [1]. Эта игра называлась «скрытое финансирование». Бывший помощник заместителя директора ЦРУ Виктор Марчетти (Victor Marchetti) раскрыл, что в 1950-е годы Управление «тратило от 20 до 30 миллионов долларов в год, а возможно, и больше, на финансирование своих программ в Италии». Расходы в 1960-е годы, добавил он, составляли около 10 миллионов долларов в год [2].

ЦРУ само признало, что между 1948 и 1968 годами оно заплатило в общей сложности 65 150 тысяч долларов Партии христианских демократов, другим партиям, рабочим группам, а также большому количеству различных организаций в Италии [3]. Также была потрачена неназванная сумма на поддержку журналов, книжных издательств и других инструментов манипуляции общественным мнением, внедрявших новостные сюжеты в неамериканские средства массовой информации по всему миру, чтобы выставить коммунизм в неблагоприятном свете. Далее материалы перепечатывались в дружественных итальянских изданиях [4].

Неизвестно, когда ЦРУ прекратило (если вообще прекратило) практику финансирования антикоммунистических групп в Италии. Внутренние документы Управления за 1972 год показывают платежи на сумму около 10 миллионов долларов в адрес политических партий, организаций и отдельных кандидатов на парламентских выборах того года [5]. По меньшей мере

6 миллионов долларов было передано политическим лидерам на июньских выборах 1976 года [6]. В 1980-х директор ЦРУ Уильям Кейси (William Casey) договорился с Саудовской Аравией о выплате 2 миллиона долларов, чтобы помешать коммунистам набрать голоса на выборах в Италии [7]. Кроме того, крупнейшая нефтяная компания США, корпорация Exxon, признала, что в период между 1963 и 1972 годами она делала политические пожертвования Партии христианских демократов и ряду других политических партий Италии на общую сумму от 46 до 49 миллионов долларов. С 1970 по 1973 год корпорация Mobil Oil также вносила свой вклад в итальянский избирательный процесс, в среднем по 500 тысяч долларов ежегодно. Отчетов о том, что эти корпоративные выплаты производились по настоянию ЦРУ или Государственного департамента, не существует; тем не менее кажется маловероятным, что эти фирмы могли спонтанно заниматься настолько экстравагантными вложениями [8].

Большая часть денег, полученных от ЦРУ итальянскими политическими партиями со времен Второй мировой войны, по словам бывшего высокопоставленного американского чиновника, оказалась «в виллах, загородных домах и на счетах швейцарских банков самих политиков» [9].

Прямое американское вмешательство в выборы 1976 года имело форму пропаганды. Поскольку политическая реклама на итальянском телевидении не допускается, посол США в Швейцарии Натаниэль Дэвис (Nathaniel Davis) приобрел крупные эфирные блоки на телевидении Monte Carlo TV для презентации ежедневных комментариев «новостей» миланской редакцией газеты «Джорнале нуово» (Il Giornale Nuovo), тесно связанной с ЦРУ. Именно эта газета в мае 1981 года запустила международную дезинформацию, известную как «План КГБ убить Папу».

Другая итальянская газета в Риме, «Дэйли американ» (Daily American), ведущая англоязычная газета в стране на протяжении десятилетий, в течение длительного времени с 1950-х до 1970-х годов была в частичной собственности и/или под управлением ЦРУ. «В любой момент времени мы «имели» по меньшей мере по одной газете в каждой иностранной столице», — призналось ЦРУ в 1977 году, имея в виду газеты непосредственно в собственности, или интенсивно субсидируемые, или те, в редакцию которых были внедрены агенты ЦРУ, что позволяло публиковать полезные для Управления материалы и подавлять тех журналистов, которые находили такие материалы нежелательными [10].

Посол Дэвис также организовал на телевизионных студиях Монте-Карло и Швейцарии трансляцию новостей (каналы вещали и на Италию), размещенных Управлением в различных газетах. Программы были подготовлены в Милане Франклином Дж. Тоннини (Franklin J. Tonnini) из американского дипломатического корпуса и Майклом Ледином (Michael Ledeen), репортером «Джорнале нуово» [11]. Американец Ледин позднее был консультантом в администрации Рейгана и возглавлял консервативный Центр стратегических и международных исследований (Center for Strategic and International Studies), в те времена связанный с Джорджтаунским университетом в Вашингтоне.

Неослабевающая борьба против итальянской коммунистической партии принимала новые повороты. Один из таких поворотов, в 1950 году, был плодом умственных усилий американского посла Клэр Бут Люс (Clare Booth Luce). Знаменитая госпожа Люс — драматург и жена издателя журнала «Тайм» Генри Люса — дала понять, что Госдепартамент США лишит итальянские фирмы, сотрудники которых проголосовали за коммунистические профсоюзы, оборонных контрактов. В случае с «Фиатом» это дало существенные результаты — доля голосов коммунистического профсоюза быстро снизилась с 60 до 38 процентов [12].

Затем была история с кардиналом Джованни Баттистой Монтини (Giovanni Battista Montini), еще одним бенефициаром щедрых даров ЦРУ. Передаваемые ему вознаграждения показывают некую механистичность суждений ЦРУ о том, почему люди становятся радикалами. Добрый кардинал был покровителем приютов для сирот в Италии в 1950–1960-х годах и, как говорит Виктор Марчетти, «идея была в том, что если поддерживать такие учреждения должным образом, подростки будут там жить хорошо и не попадут в руки коммунистов» [13]. Кардинал был связан с операциями Ватикана по тайной переправке нацистов на свободу после Второй мировой войны. Он долгое время сотрудничал с западными правительствами и их разведслужбами. В 1963 году он стал Папой Павлом VI [14].

В 1974 году в своем интервью Марчетти также рассказал об участии Управления в подготовке итальянских служб безопасности:

«Они обучены, например, противостоять беспорядкам и студенческим демонстрациям, составлять досье, эффективно использовать банковские данные, налоговые декларации отдельных граждан и т. д. Другими словами, следить за населением своей страны с использованием средств, предлагаемых современными технологиями. Это я называю технофашизмом» [15].

Уильям Колби (William Colby), впоследствии директор ЦРУ, прибыл в Италию в 1953 году в качестве главы резидентуры и посвятил следующие пять лет своей жизни финансированию и консультированию центристских и правых организаций с конкретной целью: побудить итальянцев отвернуться от левого блока, в частности от коммунистической партии, и исключить ее приход к власти в результате выборов 1958 года. Колби обосновывал программу необходимостью поддержки «демократии» или «центристской демократии», чтобы предотвратить превращение Италии в советский сателлит. Колби видел добродетель и истину, тесно сгруппированными вокруг центра политического спектра, а итальянскую коммунистическую партию как экстремистскую организацию, целью которой было упразднение демократии и создание общества по образцу (худших?) эксцессов сталинской России. Он не выдвигает никаких доказательств, подтверждающих свои выводы о коммунистах, возможно, потому, что считает их настолько же очевидными для читателя, как для самого себя. Он также не объясняет, что такое «демократия», которую он так лелеет и с которой так хотели покончить коммунисты [16].

Колби производит впечатление технократа, который выполнял приказы своей «стороны» и озвучивал линию партии без ее серьезного изучения. Когда итальянская журналистка Ориана Фаллачи (Oriana Fallaci) брала у него интервью в 1976 году, она заметила в конце разочаровывающей беседы: «Если бы Вы родились на другой стороне баррикад, вы были бы идеальным сталинистом». На что Колби ответил: «Я отказываюсь принимать это утверждение. Но... ну... может быть. Нет, нет. Этого не может быть» [17].

Американские политики, имевшие дело с Италией в последующие десятилетия, страдали от такой категоричности не меньше, чем Колби. Колби хотя бы всячески старался показать свои *либеральные наклонности*. Это были люди, неспособные видеть итальянскую коммунистическую партию в ее местном, национальном политическом контексте, но только как угрозу «национальной безопасности» для Соединенных Штатов и НАТО. Хотя все эти годы Коммунистическая партия Италии шла путем настолько ревизионистским, что Ленин перевернулся бы в могиле, если бы он лежал в ней. Путь был отмечен плакатами, провозглашающими «демократическое продвижение к социализму» и «национальный путь к социализму», отказ от «диктатуры пролетариата» и осуждение советского вторжения в Чехословакию. Партия упорно продвигала свою «национальную» роль ответственной оппозиции, участвовала в «движении повышения производительности», заявляла о своей поддержке многопартийной системы, приветствовала членство Италии в Европейском общем рынке и в НАТО и была непревзойденным противником любых форм терроризма. Во многих обстоятельствах она была основной политической силой в городских муниципалитетах, включая Рим, Флоренцию и Венецию (и возвращения к варварству там не наблюдалось), *де-факто* участвовала в управлении итальянским государством. Социалистическая партия, главная мишень Соединенных Штатов в выборах 1948 года, была официально представлена в правительстве на протяжении большей части времени — с 1960-х до 1990-х годов.

В архивах Государственного департамента и ЦРУ лежит большое количество внутренних отчетов, подготовленных анонимными аналитиками, которые подтверждают реальность «исторического компромисса» с коммунистической партией и эволюции ее отчуждения от Советского Союза, известного как «еврокоммунизм».

Однако вопреки этому — вопреки всему — американская политика стояла на своем как вкопанная, застряв в том времени, которого больше нет и, вероятно, никогда не было; политика, которая не имела ничего общего с демократией — в любой ее формулировке. Американская политика основывалась на категоричном убеждении, что коммунистическое правительство в Италии не стало бы гибким партнером в холодной войне, каким стал христианско-демократический режим на протяжении последующих десятилетий. Для такого правительства независимости от Москвы было бы недостаточно. Проблема с коммунистическим правительством была в том, что оно, вероятно, попыталось бы занять такую же независимую позицию по отношению и к Вашингтону.

19. Вьетнам, 1950–1973

ЗАВОЕВАНИЕ УМОВ И СЕРДЕЦ

Вопреки неоднократным заявлениям вashingtonских чиновников на протяжении 1960-х годов о том, что Соединенные Штаты не осуществляли интервенцию во Вьетнам до самого последнего момента и вмешались туда только потому, что «Северный Вьетнам вторгся в Южный Вьетнам», США глубоко и на постоянной основе были вовлечены в эти трагические события, начиная с 1950 года [1].

Первоначальным и роковым шагом было решение о крупномасштабных поставках военной техники (танки, транспортные самолеты и т. д.) французам во Вьетнам весной и летом 1950 года. В апреле государственный секретарь Дин Ачесон (Dean Acheson) уведомил французских чиновников о том, что правительство Соединенных Штатов в обход Франции начало вести переговоры с их северовьетнамским противником — Вьетминем [1] (также известны другие написания: Вьет Минь или Вьет-Минь — сокращение от Лиги независимости Вьетнама, широкого национально-освободительного движения, возглавляемого коммунистами). Вашингтону не нравились усилия Франции по восстановлению контроля над своей столетней колонией, и он колебался по этому вопросу, но приход к власти коммунистов в Китае осенью 1949 года склонил чашу весов в пользу поддержки французов. Для администрации Трумэна перспектива появления еще одного коммунистического правительства в Азии была недопустима. Была и еще одна причина для поддержки Франции — необходимость убедить Париж поддержать американские планы по включению Германии в западноевропейские военные организации.

Во время Второй мировой войны японцы вытеснили французов из Индокитая. После поражения Японии Вьетминь пришел к власти на Севере, в то время как англичане оккупировали Юг, но вскоре вернули его обратно французам. Французский генерал Жан Леклерк (Jean Leclerc) сказал в сентябре 1945 года: «Я вернулся в Индокитай не для того, чтобы отдать Индокитай обратно индокитайцам» [2]. Впоследствии французы подчеркивали, что они

боролись за «свободный мир» против коммунизма — утверждение, сделанное не в последнюю очередь для того, чтобы убедить Соединенные Штаты увеличить им военную помощь.

Американские бомбардировщики, военные советники и технические специалисты в количестве нескольких сотен шли первыми строками в списке военной помощи. В течение следующих нескольких лет прямая американская военная помощь на французские военные нужды составила около одного миллиарда долларов в год. К 1954 году официальные вливания достигли суммы в 1,4 миллиарда долларов и составили 78 процентов затрат Франции на войну [3].

Подробное письменное описание роли Америки в Индокитае за авторством министерства обороны, ставшее известным как «документы Пентагона», пришло к выводу, что решение о предоставлении помощи Франции «непосредственно вовлекло» Соединенные Штаты во Вьетнам и «определенко» курс последующей американской политики в регионе [4].

Таким образом, открылся новый фронт в американской внешней политике. В 1945 и 1946 году лидер Вьетминя Хо Ши Мин написал по крайней мере восемь писем президенту Трумэну, а также в Государственный департамент США с просьбой о помощи в борьбе за независимость вьетнамского народа от Франции. Он писал, что мир на планете в настоящее время подвергается угрозе из-за усилий Франции вновь завоевать Индокитай; он просил, чтобы «четыре державы» — США, СССР, Китай и Великобритания — вмешались, стали посредниками в справедливом урегулировании и поставили вопрос об Индокитае перед Организацией Объединенных Наций [5]. Это было удивительное повторение истории. В 1919 году, после Первой мировой войны, Хо Ши Мин обратился к госсекретарю США Роберту Лансингу (Robert Lansing) за помощью в вопросе достижения основных гражданских свобод и улучшения условий жизни колониальных субъектов Французского Индокитая. Эта просьба также была проигнорирована [6].

Несмотря на то что Хо Ши Мин и его последователи работали в тесном сотрудничестве с американским Управлением стратегических служб (УСС — предшественник ЦРУ) во время недавно закончившейся Второй мировой войны, а французские власти в Индокитае сотрудничали с японцами, Соединенные Штаты не ответили ни на одно из этих писем и даже не подтвердили их получение. В итоге Вашингтон встал на сторону французов. В 1950 году одним из аргументов официального обоснования американской позиции служило утверждение: Хо Ши Мин не был «подлинным националистом», а был инструментом «международного коммунизма».

К такому выводу можно было прийти только путем намеренного игнорирования совокупности работы всей его жизни. Он и Вьетминь по факту были давними поклонниками Соединенных Штатов. Хо доверял США больше, чем Советскому Союзу, и даже, как сообщалось, держал изображение Джорджа Вашингтона и Декларацию независимости США у себя на рабочем столе. По словам бывшего офицера УСС, Хо просил его совета при написании Декларации независимости Вьетнама. Так, Декларация независимости Вьетнама

1945 года, знаменовавшая рождение Демократической Республики Вьетнам (ДРВ), начинается знакомыми словами: «Все люди созданы равными. Они наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и стремление к счастью» [7].

Но благословение должны были получить французы — от Америки. Хо Ши Мин ведь был коммунистом.

Соединенные Штаты рассматривали борьбу Франции во Вьетнаме и свою одновременную интервенцию в Корею как два звена в одной цепи под названием «сдерживание» Китая. Вашингтон был категорически против переговоров Франции по прекращению военных действий, которое отдало бы Вьетминю власть в северной части страны и в то же время дало бы возможность китайцам сосредоточиться исключительно на границе с Кореей. В 1952 году США оказали сильное давление на Францию в вопросе свертывания всех попыток заключения перемирия с Вьетминем, и французская делегация, которая должна была встретиться с Вьетминем в Бирме, была спешно отзвана в Париж.

Бернард Фолл (Bernard Fall), известный французский исследователь Индокитая, считал, что отмененные переговоры «могли привести к прекращению огня на гораздо более приемлемой основе» для французов, «чем прекращение огня два года спустя в условиях сокрушительного военного поражения» [8].

Впоследствии, чтобы удержать французов от переговоров с Вьетминем, США пригрозили прекращением своей экономической и военной помощи [9]. Это побудило одну французскую газету написать: «Индокитайская война заняла первое место по долларовой прибыли среди экспортимемых товаров Франции» [10].

В ноябре 1953 года вездесущая авиакомпания ЦРУ САТ (Civil Air Transport) помогла французским военно-воздушным силам десантировать 16 тысяч человек в укрепленную базу в долине Дьенбьенфу на севере Вьетнама. Когда гарнизон был окружжен и позже отрезан Вьетминем, пилоты САТ, летавшие на C-199 BBC США, через зенитный огонь доставляли снабжение находящимся в осаде французским силам в этом их «Ватерлоо» [11].

В 1954 году «Нью-Йорк таймс» сообщила, что «BBC Франции в настоящее время почти полностью оснащены американскими самолетами» [12]. Для облегчения ведения военных действий Соединенные Штаты построили ряд аэродромов, портов и дорог в Индокитае, которые американские войска использовали позже уже в своей войне.

В апреле 1954 года, когда военное поражение Франции стало очевидным и переговоры в Женеве были уже запланированы, Совет национальной безопасности США (СНБ) торопил президента Эйзенхауэра «проинформировать Париж о том, что молчаливое согласие Франции на коммунистическую экспансию в Индокитае повлияет на ее статус как члена Большой Тройки» и что «американская помощь Франции с этого момента автоматически прекратится» [13].

В своем докладе СНБ рекомендовал президенту: «Политика США должна быть нацелена только на военную победу в Индокитае», «США должны ак-

тивно выступать против любого урегулирования ситуации в Индокитае путем переговоров в Женеве». Далее Совет заявлял, что в случае необходимости США должны рассмотреть вопрос о продолжении войны без французского присутствия [14].

Администрация Эйзенхауэра в течение некоторого времени серьезно обдумывала отправку американских боевых подразделений во Вьетнам. Это не было сделано, видимо, из-за неуверенности в одобрении операции Конгрессом США и из-за отказа других стран направить даже символические военные силы, как в Корею, — чтобы операция не выглядела чисто американской [15]. «Мы столкнулись с прискорбным фактом, — сетовал госсекретарь Джон Фостер Даллес (John Foster Dulles) в 1954 году на заседании в администрации. — Большинство стран мира не разделяют наше мнение о том, что захват коммунистами любого правительства где бы то ни было сам по себе является опасностью и угрозой» [16].

В мае председатель Объединенного комитета начальников штабов адмирал Артур Рэдфорд (Arthur Radford) направил министру обороны Чарлзу Уилсону (Charles Wilson) докладную записку по «Исследованиям в отношении возможных действий США в Индокитае». В ней заявлялось, что «применение атомного оружия предполагается в случае, если такие действия будут в военном отношении выгодными» [17]. Генерал Чарлз Уиллоуби (Charles Willoughby), начальник разведки генерала Макартура, выступая за атомные бомбардировки, сформулировал цель ярче: «...создать пояс выжженной земли на пути коммунизма, который остановит нашествие азиатских орд» [18].

К тому времени двум американским авианосцам, оснащенным атомным оружием, уже был отдан приказ направиться в Тонкинский залив на севере Вьетнама [19], а Даллес, в свою очередь, уже докладывал о том, что он предложил своему французскому коллеге Жоржу Бидо (Georges Bidault) атомные бомбы в сражении при Дьенбьенфу. Бидо пришлось указать Даллесу на то, что атомные бомбардировки в таком близком вооруженном противостоянии уничтожат помимо Вьетминя также и французские войска [20].

Даллес в своей известной, крайне лицемерной манере регулярно осуждал Китай за помощь Вьетминю, как будто китайцы не имели веских причин или права отвечать на антикоммунистическую военную операцию в нескольких милях от своих границ. К приближающейся Женевской конференции команда пропагандистов ЦРУ в Сингапуре начала распространять сфабрикованные новости, которые проталкивали идею о том, что «китайцы в полной мере оказывали вооруженную поддержку Вьетминю» и «признавали» Вьетминь «частью мирового коммунистического движения». ЦРУ считало, что такие истории будут способствовать укреплению антикоммунистической позиции в женевских обсуждениях [21].

Джозеф Буркхолдер Смит (Joseph Burkholder Smith) служил агентом ЦРУ в Сингапуре. Его «пресс-ресурсом» была некто Ли Хуан Ли (Li Huan Li), опытная местная журналистка. Примечателен метод создания и распространения одного из новостных репортажей о китайском вмешательстве. Смит и Ли

придумали такую историю, и Ли отправилась на регулярную пресс-конференцию британского верховного комиссара в Сингапуре Малкольма Макдональда (Malcolm MacDonald). На конференции Ли, упомянув вымышленную информацию, попросила дать какие-либо комментарии. Как и ожидалось, Макдональду нечего было сказать в этом отношении. Результатом стал следующий новостной пассаж:

«ВСЕ БОЛЬШЕ КИТАЙСКИХ СОЛДАТ И СНАБЖЕНИЯ ОБНАРУЖЕНЫ НА ПУТИ В ХАЙФОН. Сегодня на пресс-конференции британского верховного комиссара по Юго-Восточной Азии вновь упоминалась информация об обнаружении китайских военно-морских кораблей и кораблей снабжения в Тонкинском заливе.

Согласно этим сообщениям, самое последнее из многих подобных обнаружений имело место неделю назад, когда был замечен конвой из десяти судов. Среди них были два оснащенных орудиями китайских военно-морских корабля, что свидетельствовало о том, что конвой перевозил живую силу, технику и снабжение.

Верховный комиссар Малcolm Макдональд не стал уточнять эти сообщения» [22].

Эта новость утром отправилась в путешествие по всем каналам связи, к вечеру облетела весь мир и вернулась в Сингапур с европейской трансляцией.

Женевская конференция 20 июля 1954 года положила формальный конец войне во Вьетнаме. Соединенные Штаты были единственной страной, отказавшейся подписать Итоговую декларацию только потому, что мирное урегулирование исключало любые дальнейшие военные мероприятия по со-крушению Вьетминя. Но и задолго до окончания конференции американская сторона выразила достаточно недовольств в отношении всего этого процесса. К примеру, двумя неделями ранее президент Эйзенхауэр заявил на пресс-конференции: «Я не буду участником любого договора, ставящего кого-либо в положение раба; это все и точка» [23]. Но все же США выпустили «одностороннее заявление», в котором они согласились « воздерживаться от угроз или применения силы с целью нарушить» ранее достигнутые соглашения [24].

Послание и дух соглашения о прекращении огня и Итоговой декларации оставляли Вьетнам свободным от любого военного присутствия, кроме вьетнамского и французского, и от всех форм наступательных действий. Однако уже в ходе конференции, в июне, Соединенные Штаты начали формировать военизированное подразделение во Вьетнаме. В августе, спустя несколько дней после закрытия конференции, подразделение было готово к действиям. Под руководством ведущего специалиста ЦРУ Эдварда Лэнсдейла (Edward Lansdale), на волне успеха его операции на Филиппинах, был дан старт кампании военного и психологического противостояния с Вьетминем. Деятельность Лэнсдейла во Вьетнаме позже нашла отражение в двух полуискусственных произведениях: «Опасный американец» (The Ugly American) и «Тихий американец».

канец» (The Quiet American).) В течение следующих шести месяцев секретные команды Лэнсдейла выполняли следующие операции:

— подстрекание вьетнамцев к миграции с Севера на Юг с помощью «чрезвычайно интенсивной, хорошо скоординированной, и, с точки зрения своей цели, очень успешной... психологической военной операции. Пропагандистские лозунги и листовки были обращены к набожным католикам с такими темами, как «Христос ушел на Юг» и «Дева Мария покинула Север» [25];

— распространение поддельных листовок от имени Вьетминя, вселявших страх в умы вьетнамцев Севера, о жизни людей под коммунистическим правлением. На следующий день после распространения листовок число зарегистрированных беженцев с Севера на Юг увеличилось в три раза. Бегство вьетнамцев на Юг во время этапа «перегруппировки», который последовал за Женевским соглашением, часто упоминалось американскими чиновниками в 1960-е годы и ранее в качестве доказательства того, что люди не хотели жить при коммунизме — была даже фраза «Они голосовали ногами». Другие же листовки «Вьетминя» были направлены на предотвращение возвращения людей с Юга на Север;

— проникновение военизированных формирований на Север под видом переселенцев;

— поставка автобусным компаниям в Ханое загрязненного топлива, использование которого влекло за собой постепенную поломку двигателей автобусов;

— осуществление «первичных мероприятий по отложенному саботажу на железной дороге (который требовал совместной работы со специальной технической группой ЦРУ в Японии, выполнившей свою роль блестяще)»;

— распространение слухов об изнасилованиях китайцами с целью вызвать ненависть к Китаю;

— создание и распространение альманаха астрологических прогнозов, тщательно разработанных с целью сыграть на страхах и суевериях вьетнамцев, поставить под сомнение успешность жизни на Севере и придать будущему Юга более привлекательную форму;

— публикация и тиражирование антикоммунистических статей и «новостных» репортажей в газетах и листовках;

— попытка, но безуспешная, уничтожения крупнейшей типографии на Севере, оставшейся в Ханое и работавшей с Вьетминем;

— заложение основ для будущей американской войны во Вьетнаме: отправка прошедших отбор вьетнамцев на тихоокеанские базы США для подготовки к ведению партизанской войны, обучение вооруженных сил Юга, воевавших с французами, создание различных военных объектов поддержки на Филиппинах; контрабанда во Вьетнам большого количества вооружения и военной техники с последующей отправкой в скрытые хранилища, разработка планов по «умиротворению Вьетминя и областей инакомыслия» [26].

В это же время Соединенные Штаты начали экономический бойкот Северного Вьетнама и угрожали занести в черные списки французские фирмы, ведущие с ним бизнес [27].

Еще одним событием этого периода, оказавшим серьезное влияние на последующую трагедию, стала отмена выборов, которые должны были объединить Северный и Южный Вьетнам в одну нацию.

Согласно Женевскому соглашению, выборы под международным контролем должны были состояться в июле 1956 года; «консультации» по их подготовке планировались 20 июля 1955 года. Соединенные Штаты в своей односторонней декларации подтвердили это обещание: «В случае разделения наций против их воли мы и впредь будем стремиться к достижению единства посредством свободных выборов под наблюдением Организации Объединенных Наций, дабы гарантировать честность их проведения».

Выборы так и не состоялись. 16 июля 1955 года, за четыре дня до запланированного начала консультаций, президент Южного Вьетнама Нго Динь Зьем (Ngo Dinh Diem) выступил с заявлением, что он не намерен участвовать в консультациях, и тем более в выборах [28]. Три дня спустя Северный Вьетнам послал Зьему официальную ноту с призывом к переговорам, но Зьем остался тверд в своей позиции. Усилия Франции и Великобритании убедить Зьема в необходимости переговоров оказались безрезультатными.

Причина непримиримости Зьема хорошо известна. Он, как и президент Эйзенхауэр и как Джон Фостер Даллес, знал, что Хо Ши Мин определенно был бы победителем в любых национальных выборах. Осенью в Национальной разведывательной оценке (National Intelligence Estimate) ЦРУ пришло к выводу, что режим Зьема, который Лэнсдейл сам называл «фашистующим» [29], «почти наверняка не сможет победить коммунистов на выборах в масштабах всей страны» [30]. Позже Эйзенхауэр вынужден был написать в своих мемуарах: «Все осведомленные в индокитайских делах люди, с кем я говорил и переписывался, соглашались: если бы выборы были проведены в момент боевых действий, то, возможно, 80 процентов населения проголосовали за коммуниста Хо Ши Мина как за своего лидера, а не за главу государства Бао Дая» [31]. (Бао Дай был предшественником Зьема.)

Документы Пентагона приводят мнение: «Телеграммы Государственного департамента и доклады Совета национальной безопасности свидетельствовали о желании администрации Эйзенхауэра отложить выборы как можно дальше и передать эти чувства г-ну Зьему» [32].

Это была та поддержка, без которой Зьем просто не мог обойтись, ибо, как отмечают историки Пентагона, «без угрозы вмешательства США Южный Вьетнам не мог бы отказаться даже от обсуждения выборов, запланированных на 1956 год в рамках Женевского соглашения, не будучи немедленно захваченным армией Вьетминя» [33].

В публичных заявлениях Зьема и Даллеса речь шла только об озабоченности тем, что выборы не будут «свободными». Эти заявления нужны были лишь для сокрытия того факта, что Хо Ши Мину для победы не пришлось

бы прибегать к обману, ровно как и игнорировать заявления Организации Объединенных Наций и Международной контрольной комиссии (создана во Вьетнаме Женевским соглашением) о готовности выступить в качестве наблюдателей на выборах.

В любом случае, приверженность Зьема свободным выборам можно проследить на примере референдума, который состоялся в октябре 1955 года в Южном Вьетнаме с целью придать режиму видимость законности. В этом референдуме Зьем получил якобы 98,2 процента голосов избирателей. В журнале «Лайф» позже сообщалось, что американские советники Зьема считали, что победы с 60 процентами было бы вполне достаточно и выглядела бы она лучше, «но Зьем настаивал на 98 процентах» [34].

С отменой выборов, разделенным на две части народом и Зьемом с его «мандатом» свободно продолжать жестокое, тираническое правление поворот к насилию в Южном Вьетнаме стал неизбежным.

В порядке изучения ситуации и подготовке к этому Соединенные Штаты дополнителью направили 350 военнослужащих в Сайгон в мае 1956 года — пишется в документах Пентагона в качестве «примера игнорирования Соединенными Штатами» Женевского соглашения [35]. Вскоре после этого Даллес признался коллеге: «Теперь у нас тут чистая основа, без пятен колониализма. Дьенбьенфу стал нашим несчастьем во спасение» [36].

Следующий этап

«Если вы схватите их за яйца, их сердца и умы последуют за вами... Доверяйте нам ваши сердца и умы — или мы сожжем дотла ваши проклятые деревни» — это конечный результат антикоммунистической политики США во Вьетнаме, а также его начало и середина.

Но на пути «завоевания умов и сердец» (*winning the hearts and minds*) вьетнамского народа стояли некоторые преграды, преодолеть которые можно было только путем социальных преобразований — то, что Зьем никак не хотел делать во Вьетнаме, то, что Соединенные Штаты не могли допустить ни в одной стране третьего мира. Если бы Вашингтон был готов согласиться с такими изменениями, которые он всегда регулярно и пренебрежительно называл «социалистическими», не было бы никакой необходимости отменять выборы или поддерживать Зьема, равно как не было бы необходимости вести войну. Следовательно, для Соединенных Штатов не было способа избежать клейма новых империалистических захватчиков в глазах народа Вьетнама, подобно первым китайским, затем французским, японским, а затем вновь французским оккупантам.

Не будем вдаваться в подробный пересказ всех ужасов, всего обмана, разрушения общества, панорамы абсурдности и парадоксов — только выборка, чтобы мы помнили.

Для всех, кто ходил по коридорам власти в Вашингтоне, для боевых офицеров, не было сражения за Индокитай — была одна большая битва за Юго-Восточную Азию.

Войска Южного Вьетнама были использованы в Лаосе и Камбодже.

Войска Таиланда были использованы в Лаосе, Камбодже и Южном Вьетнаме.

Таиланд и Филиппины были использованы в качестве баз, с которых осуществлялись бомбардировки этих трех стран.

Офицеры армии Южного Вьетнама, Таиланда и Тайваня обучались на американских базах на Филиппинах.

Пользуясь поддержкой ЦРУ, боевые подразделения осуществляли внезапные нападения и вторжения в Китай через Лаос, Бирму и Тайвань.

Во время паузы в бомбардировках Северного Вьетнама, широко разрекламированной в прессе, освободившиеся американские самолеты бомбили Лаос.

И так продолжалось всю войну.

С 1955 по 1959 год Университет штата Мичиган по контракту с правительством США осуществлял секретную программу обучения полиции Южного Вьетнама. При полном понимании ситуации определенными должностными лицами Мичиганского университета пять кадровых сотрудников ЦРУ работали под университетским прикрытием и находились на окладе в качестве сотрудников университета. В соответствии с положениями закона 1957 года, составленного этой группой, каждый вьетнамец начиная с 15 лет и старше должен был регистрироваться в государственных органах и иметь при себе удостоверение личности. Любой пойманный без надлежащей идентификации подозревался в деятельности Фронта национального освобождения (Вьетконг) и наказывался лишением свободы или хуже. Во время регистрации снимался полный набор отпечатков пальцев и записывалась информация о политических убеждениях человека [37].

Когда народное сопротивление Нго Динь Зьему достигло такого уровня, что стало обузой для США, он был принесен в жертву. 1 ноября 1963 года генералы Зьема свергли своего главнокомандующего и убили его и его брата, после того как те сдались. Переворот, как писал журнал «Тайм», «был запланирован с ведома Дина Раска (Dean Rusk) и Аверелла Гарримана (Averell Harriman) из Государственного департамента, Роберта Макнамара (Robert McNamara) и Розуэлла Гилпатрика (Roswell Gilpatrick) из министерства обороны и ныне покойного Эдварда Марроу (Edward Murrow) из Информационного агентства США» [38].

Очевидно, что Вашингтон не планировал убийства во время этого переворота, но, как отмечал генерал Максвелл Тейлор (Maxwell Taylor), главный военный советник президента Кеннеди: «Организация переворота не похожа на организацию чаепития, это очень опасное дело. Поэтому я не думаю, что у нас было малейшее право удивляться... когда Зьем и его брат были убиты» [39].

Дональд Дункан (Donald Duncan) во время войны во Вьетнаме служил в составе «зеленых беретов». Позже он написал о своей подготовке, часть

которой называлась «противодействие вражескому допросу» — потому что коммунисты якобы пытают попавших к ним в плен американских солдат. Переводы предполагаемого советского руководства по ведению допроса были разданы классу. В руководстве подробно описывались такие методы, как «самолет» (подвешивание за большие пальцы руки), «лечебное холодной и горячей водой», а также зажимание яичек в ювелирных тисках; параллельно инструктор, сержант Лэйси (Lacey), объяснял некоторые вариации этих методов. Затем один курсант задал вопрос:

«Сержант Лэйси, в названии этого курса сказано «противодействие вражескому допросу», но большую часть времени вы рассказывали нам о том, что такого противодействия не существует. Если это так, то единственная причина, по которой нас знакомят с ними [методами пыток], как мне кажется, это то, чтобы мы знали, как их использовать. Вы предлагаете нам использовать эти методы?»

Класс рассмеялся, Лэйси посмотрел вниз и выдержал драматическую паузу. Когда он поднял голову, лицо его было серьезным, но его непоколебимый глубокий взгляд говорил о другом. «Мы не можем сказать вам это, сержант Харрисон. Матери Америки не одобрят этого».

Класс разразился смехом в ответ на этот саркастический цинизм. «Кроме того, — заговорщики подмигнули Лэйси, — мы будем отрицать, что такие вещи преподаются или предполагаются» [40].

В школах ВМС США в Сан-Диего и в штате Мэн в 1960—1970-х годах этот курс имел другое название. Там студенты узнавали о предполагаемых методах «выживания, уклонения, сопротивления и побега», которые они могли бы использовать, будучи военнопленными. В дисциплину входило что-то про выживание в пустыне, где студентов заставляли питаться ящерицами, но морские офицеры и курсанты также подвергались избиениям, жестоким броскам дзюдо, «тигриным клеткам»: где курсантам на голову надевали мешок, а затем бросали в коробку 4 на 4 фута на 22 часа с одной лишь кружкой для экскрементов, а также и имитации утопления: человека привязывали к наклонной доске вниз головой, размещали на лице полотенце, далее холодную воду выливали на полотенце — испытуемый задыхался, кашлял, давился в рвотных позывах, то есть испытывал ощущения тонущего человека. Точно так же, как северовьетнамские пленники, к которым тоже применялись и «тигриные клетки».

Бывший студент, пилот военно-морского флота лейтенант Уэнделл Ричард Янг (Wendell Richard Young), утверждал, что ему сломали позвоночник во время этого курса, что студентов пытали, заставляли плеваться, мочиться и испражняться на американский флаг, мастурбировать перед охранниками, а, в одном случае — заниматься сексом с инструктором [41].

Фальсификации были необходимы для поддержки разнообразных заявлений Государственного департамента США о природе войны во Вьетнаме и причинах начала американской военной операции. Бывший агент ЦРУ

Филип Лихти (Philip Liechty) заявлял в 1982 году, что в начале 1960-х он видел разработанные планы, например такой: загрузить вьетнамский катер большим количеством оружия коммунистического блока, инсценировать сражение, в котором катер должен был потонуть на мелководье, затем вызвать западных репортеров, чтобы продемонстрировать трофеиное оружие в качестве доказательства внешней помощи Вьетконгу. Именно это и произошло в 1965 году. В документе Государственного департамента «Агрессия со стороны Севера», опубликованном в конце февраля 1965 года, рассказывалось, что «подозрительное судно» «затонуло на мелководье» у берегов Южного Вьетнама 16 февраля 1965 года после атаки южновьетнамских сил. Корабль, как сообщалось, был загружен по меньшей мере сотней тонн вооружений «почти полностью коммунистического происхождения, в основном из коммунистического Китая и Чехословакии, а также из Северного Вьетнама». В документе отмечалось, что «представители свободной прессы посетили затонувший корабль Северного Вьетнама и рассмотрели его груз».

Лихти также рассказывал о ряде документов, касавшихся тщательно проработанной операции по печати большого количества почтовых марок, на которых изображался вьетнамец, сбивающий вертолет армии США. Бывший агент ЦРУ отмечал, что это была высокопрофессиональная работа, поскольку марки были изготовлены качественно с использованием многоцветной печати, что свидетельствовало о том, что они были произведены Северным Вьетнамом. Затем по всему миру были разосланы письма на вьетнамском языке с этими марками, в свою очередь «ЦРУ сделало все, чтобы они попали в руки к журналистам». Журнал «Лайф» от 26 февраля 1965 года поместил увеличенное полноцветное изображение этой марки на обложку с подписью «Северовьетнамская почтовая марка». Все это произошло всего за два дня до публикации официального доклада Государственного департамента.

По поводу заявлений Лихти газета «Вашингтон пост» отмечала:

«Публикация официального доклада оказалась ключевым событием в документальном подтверждении поддержки Северным Вьетнамом и другими коммунистическими странами боевых действий на Юге и в подготовке американского общественного мнения к тому, что должно было вскоре за всем этим последовать — крупномасштабному вовлечению США в военные действия» [42].

Возможно, самой значимой фальсификацией было вымышленное нападение на два американских эсминца в Тонкинском заливе у побережья Северного Вьетнама в августе 1964 года. Президент Джонсон использовал этот инцидент, чтобы получить разрешение от Конгресса США принять «все необходимые шаги, включая использование вооруженных сил», с целью предотвратить дальнейшую агрессию Северного Вьетнама. Это было открытое одобрение эскалации в ответ на эскалацию. Сомнения о реальности атаки на тот момент были достаточно серьезными, но с годами противоположный взгляд все больше и больше набирал силу, пока официальная версия не попала в архивы [43].

И наверное, самая глупая фальсификация — обучающий фильм армии США «County Fair» («Ярмарка» — некий вариант выставки достижений народного хозяйства в американской культуре. — Прим. ред.) 1966 года, в котором зловещий вьетконговец на поляне в джунглях разогревает на костре бензин и мыло, стряпая грязное коммунистическое оружие под названием напалм [44].

Метод администрации Джонсона, с помощью которого Белый дом минимизировал общественный резонанс в ходе эскалации конфликта, — глазами психиатра:

«Первый шаг: Происходит «утечка» информации об эскалации конфликта. Второй шаг: Президент официально и красочно снижает уровень накала, заявляя об умеренной эскалации и сопровождая это заявление заверениями о мирных намерениях правительства.

Третий шаг: После общего вздоха облегчения постепенно начинается настоящая эскалация, о которой до этого ходили лишь слухи.

Череда «утечек», отказов от этих «утечек» и отказов от отказов от этих «утечек» сбивает человека с толку. Человек впадает в состояние недоумения, беспомощности, апатии.

Конечный результат — люди становятся сторонниками крупномасштабной войны, не будучи в состоянии ответить, что стало ее причиной, когда и как она началась» [45].

Сенатор от Огайо Стивен Янг (Stephen Young) рассказал, что во время его пребывания во Вьетнаме ЦРУ уведомило его о том, что некоторые агенты Управления совершают различные злодействия под видом Вьетконга, в том числе убийства и изнасилования, с целью дискредитации коммунистов. Доклад вызвал панику в Вашингтоне, на что Янг ответил, что его неправильно процитировали — ЦРУ не был источником этой истории. Конгрессмен Корнелиус Галлахер (Cornelius Gallagher), сопровождавший Янга в поездке, предположил: «...может быть, он [Янг] говорил с вьетконговцем, замаскировавшимся под агента ЦРУ» [46].

Из выступления Карла Оглсби (Carl Oglesby), президента движения «Студенты за демократическое общество» (Students for Democratic Society), во время марша на Вашингтон 27 ноября 1965 года:

«Первоначальное вторжение во Вьетнам осуществил Трумэн, типичный либерал. Его продолжил президент Эйзенхауэр, умеренный либерал. Усилил его покойный президент Кеннеди, отъявленный либерал. Подумайте о тех, кто сейчас ведет эту войну, тех, кто изучает карты, отдает приказания, нажимает на кнопки и подсчитывает убитых: Банди (McGeorge Bundy), Макнамара (McNamara), Расс (Rusk), Лодж (Lodge), Голдберг (Goldberg), сам президент [Джонсон]. Они не моральные уроды. Они все уважаемые люди. Они все либералы» [47].

Международный коммунистический заговор в действии

В разгар боевых действий в 1966–1967 годах Советский Союз продал в США на два миллиона долларов магния — металла, жизненно важного для производства боевых самолетов, — в связи с его нехваткой в Соединенных Штатах. Это произошло одновременно с поддержкой Вашингтоном эмбарго на поставки коммунистическими странами некоторых сплавов того же металла [48]. Примерно в это же время Китай продал несколько тысяч тонн стали Соединенным Штатам в Южный Вьетнам для использования в строительстве новых аэродромов и военных баз. Никто, кроме Китая, не мог удовлетворить насущные потребности американских военных: и это в то время, когда Вашингтон распространил бойкот на все китайские товары, включая даже импортируемые из Гонконга в США парики, которые должны были сопровождаться сертификатом происхождения, подтверждающим отсутствие в них китайских волос. Продажа была, возможно, лишь верхушкой айсберга китайской торговли с Соединенными Штатами во время войны [49].

Во время визита в Китай в январе 1972 года посол Белого дома Александр Хейг (Alexander Haig) встретился с премьером Чжоу Эньлаем. Годы спустя Хейг писал: «Хоть он и не придавал большого значения этому случаю, я передал президенту Никсону слова Чжоу: «...не потеряйте Вьетнам. Не потеряете всю Юго-Восточную Азию» [50].

В 1975 году Комитет по расследованиям Сената начал проверять утверждения о том, что ЦРУ подделывало американские деньги во время войны во Вьетнаме с целью финансирования секретных операций [51].

«Двое пленных вьетконговцев были допрошены в самолете, летевшем в направлении Сайгона. Первый отказался отвечать на вопросы и был выброшен из самолета с высоты 3000 метров. Второй сразу же ответил на все вопросы. Но тоже был выброшен». Использовались и различные вариации пыток водой, чтобы развязать язык или просто измучить. «Другие методы, как правило, состояли в отрезании пальцев, ушей, ногтей и половых органов одного пленника на глазах у другого с целью заставить последнего говорить» [52].

На самом деле неясно, были ли эти вьетнамцы военными, захваченными в бою, или же они оказались в числе многих тысяч гражданских лиц, арестованных в рамках печально известной программы «Феникс» (Phoenix Program). Программа «Феникс» была неизбежным следствием войны с населением страны: невозможно знать, кто друг, а кто враг. Любой мог быть потенциальным доносчиком, бомбометателем или убийцей. Безопасность требовала рассматривать всех как врагов, как — в терминологии ЦРУ — «инфраструктуру Вьетконга» (Vietcong infrastructure, VCI).

В 1971 году один конгрессмен спросил Уильяма Колби, руководителя программы «Феникс» в ЦРУ: «Вы уверены, что мы сможем отличить члена инфраструктуры Вьетконга от лояльного гражданина Южного Вьетнама?».

«Нет, господин конгрессмен, — ответил Колби, — я не уверен» [53].

Программа «Феникс» была совместной работой США и Южного Вьетнама по уничтожению этой инфраструктуры. В рамках этой программы вьетнамских граждан арестовывали и заключали в тюрьмы, часто в «тигриные клетки», пытали, убивали — либо в процессе ареста, либо позднее. По записям Колби, в период с начала 1968 по май 1971 года 20 587 предполагаемых членов Вьетконга были уничтожены в рамках программы «Феникс» [54]. Аналогичная программа под разными названиями существовала с 1965 года, Соединенные Штаты вели ее самостоятельно [55].

Колби утверждал, что более 85 процентов из этих 20 587 вьетнамцев на самом деле были убиты в боевых действиях и только потом получили статус «членов инфраструктуры Вьетконга» [56]. Сложно поверить, что тело каждого из этих десятков тысяч вьетконговцев, убитых в бою в этот период, было подобрано с целью последующей идентификации и установления связи с «инфраструктурой Вьетконга».

Правительство Южного Вьетнама приписывало программе «Феникс» смерть 40 994 человек [57]. Реальная цифра, вероятно, никогда не станет известна.

Бывший американский офицер военной разведки во Вьетнаме К. Бартон Осборн (K. Barton Osborn) свидетельствовал перед комитетом палаты представителей, что подозреваемых, пойманных в рамках программы «Феникс», допрашивали в вертолетах и иногда выбрасывали из них. Он также говорил об использовании пыток электрическим током и забивании шестидюймовых штифтов в ухо подозреваемым, до тех пор пока те не умирали [58]. Коллега Осборна Майкл Ул (Michael J. Uhl) утверждал, что большинство из них были захвачены во время стремительных тактических рейдов и что все пойманные лица классифицировались как вьетконговцы. Ни один из них, по словам Осборна, не выжил в процессе допроса [59].

Артур Сильвестр (Arthur Sylvester), заместитель министра обороны по общественным вопросам, был человеком в наибольшей мере ответственным за «предоставление, контроль и управление новостями о войне во Вьетнаме». Однажды, в июле 1965 года, Сильвестр рассказал американским журналистам, что их патриотический долг — распространять только ту информацию, которая выставит Соединенные Штаты в хорошем свете. Тогда один из журналистов воскликнул: «Ну, конечно, Артур, вы не дождитесь того, чтобы американская пресса стала служителем правительства». Сильвестр ответил: «Это именно то, чего я ожидаю. — И при этом добавил: Если вы действительно считаете, что какой-нибудь американский чиновник расскажет вам правду, то вы глупец. Вы слышали это? Глупец». И когда корреспондент нью-йоркской газеты начал брать интервью, Сильвестр прервал его: «Да ладно... Что может волновать жителя Нью-Йорка в войне во Вьетнаме?» [60].

Между тем сотни военнослужащих США в Азии и Европе были обмануты аферистами, выдававшими себя за американских автодилеров. Лжеавтоди-

леры собрали задатки, но автомобилей так никто и не увидел. Комментарий конгрессмена штата Иллинойс: «Мы не можем ожидать от наших военнослужащих, что они будут защищать систему свободного предпринимательства, если сама система, за которую они борются, использует их» [61].

27 января 1973 года в Париже Соединенные Штаты подписали «Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме». Среди принципов, с которыми Соединенные Штаты соглашались, был один, указанный в статье 21: «В соответствии со своей традиционной политикой, Соединенные Штаты будут способствовать заживлению ран войны и послевоенному восстановлению Демократической Республики Вьетнам [Северный Вьетнам] и всего Индокитая».

Пять дней спустя, 1 февраля, президент Никсон направил послание премьер-министру Северного Вьетнама, в котором он повторил и расширил данные обещания. Среди принципов, изложенных президентом в послании, были:

«(1) Правительство Соединенных Штатов Америки будет способствовать послевоенному восстановлению Северного Вьетнама без каких-либо политических условий. (2) Предварительные исследования Соединенных Штатов показывают, что выплаты Соединенных Штатов для послевоенного восстановления должны составлять порядка 3,25 миллиарда долларов безвозмездной помощи в течение пяти лет. Другие виды помощи будут согласованы между двумя сторонами — эта оценка подлежит пересмотру и подробному обсуждению между правительством США и правительством Демократической Республики Вьетнам» [62].

В течение следующих двух десятилетий единственная помощь, которую оказали США в отношении вьетнамского народа, — это помощь тем, кто покинул Вьетнам, и тем, кто был внедрен туда наводить смуту. Параллельно США ввели полное эмбарго на торговлю и помощь Демократической Республике Вьетнам, которое продолжалось вплоть до 1994 года.

Можно ли найти жертвы войны во Вьетнаме среди еще не родившихся поколений? Десятки миллионов галлонов гербицидов были развеяны над страной; среди них был и диоксин — наиболее токсичное из всех полученных человеком веществ. Три унции диоксина, внесенные в водоснабжение Нью-Йорка, могли, как утверждалось, полностью уничтожить все население. Послевоенные исследования во Вьетнаме указывают на аномально высокий уровень онкологических заболеваний, особенно печени, повреждение хромосом, врожденные дефекты, длительные неврологические расстройства и т. д. в областях наибольшего распыления. Другими жертвами были американцы. Тысячи ветеранов, воевавших во Вьетнаме в течение многих лет, стали инвалидами из-за непоправимого ущерба здоровью, нанесенного токсичными гербицидами.

После Второй мировой войны союзники-победители созвали Международный военный трибунал в Нюрнберге в Германии. Нюрнбергский трибунал

приговорил к тюремному заключению и казни многочисленных нацистов, признавших, что они «только выполняли приказ». В понимании Трибунала это означало, что «сама сущность Устава [Трибунала] заключается в том, что лица имеют международные обязательства, которые превышают национальный долг повиновения, наложенный отдельным государством».

Во время войны во Вьетнаме некоторые молодые американцы отказались от военной службы на основании того, что Соединенные Штаты совершают военные преступления во Вьетнаме и что если они примут участие в войне, то, согласно принципам, изложенным в Нюрнберге, будут виновны в военных преступлениях.

Одним из самых известных таких случаев было дело Дэвида Митчелла (David Mitchell) из штата Коннектикут. В ходе судебного разбирательства в сентябре 1965 года судья Уильям Тимберс (William Timbers) отклонил доводы защиты как «вздор» и «подрывную деятельность» и посчитал, что принципы Нюрнберга не имеют «никакого отношения» к делу. Митчелл был приговорен к тюремному заключению. Консервативный обозреватель Уильям Ф. Бакли-младший (William F. Buckley, Jr.), не замеченный в качестве противника военного призыва, отметил вскоре после этого:

«Я рад, что не работаю судьей, как судья Тимберс. О, я мог бы обругать господина Митчелла и таких, как он. Но, я лучше буду кашлять и хрюпеть, очищая горло в этой части моего катехизиса, где я объясню господину Митчеллу, почему Нюрнбергская доктрина явно не в его распоряжении» [63].

В 1971 году Телфорд Тейлор (Telford Taylor), главный прокурор США на Нюрнбергском процессе, высказал предположение, что генерал Уильям Уэстморленд (William Westmoreland) и высокие должностные лица администрации Джонсона, такие как Роберт Макнамара и Дин Раск, могли бы быть признаны виновными в военных преступлениях по критериям, установленным в Нюрнберге [64]. Тем не менее каждый американский суд и судья, столкнувшись с «нюрнбергской защитой», отклоняли ее, не придавая глубокому рассмотрению.

Запад никогда не забудет холокост. За 55 лет свет увидело бесконечное число историй, мемуаров, рассказов, художественных фильмов, документальных фильмов, телесериалов, снятых и переснятых на разных языках; музеи, мемориальные скульптуры, выставки, траурные мероприятия... Никогда снова! Но кто услышит голос вьетнамского крестьянина? Как много людей прочитают произведения вьетнамских писателей? Какова была судьба вьетнамской Анны Франк? «Где это, Вьетнам?» — спрашивают молодые американцы.

20. Камбоджа, 1955–1973

СМЕРТЕЛЬНЫЙ НОМЕР ПРИНЦА СИАНУКА С ПОЛИТИКОЙ НЕЙТРАЛИТЕТА

Меня навестил Джон Фостер Даллес, занимавший пост госсекретаря. Он предпринял неимоверные усилия, чтобы убедить меня поместить Камбоджу под защиту Организации договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО). Я отказался... я считал СЕАТО агрессивным военным альянсом, направленным против соседей, чью идеологию я не разделял, но с которыми Камбоджа не ссорилась. Я весьма четко объяснил все это Джону Фостеру, едкому, надменному человеку, но его брат [директор ЦРУ Аллен Даллес] вскоре появился с кипой документов, «доказывающих», что не сегодня, так завтра Камбоджа станет жертвой «коммунистической агрессии» и что единственный способ спасти страну, монархию и себя самого — это принять защиту СЕАТО. «Доказательства» не совпадали с имеющейся у меня информацией, и я ответил Аллену Даллесу, как и его брату, что Камбоджа не хочет иметь ничего общего с СЕАТО. Мы сами о себе позаботимся как сторонники нейтралитета и буддисты. Главе разведслужбы ничего не оставалось, как собрать свои сомнительные документы и уйти.

Принц Нородом Сианук (Norodom Sihanouk) в своих воспоминаниях [1]

Визиты братьев Даллесов в 1955 году, похоже, были первым залпом в кампании экстраординарных мер, направленных на то, чтобы заставить харизматического камбоджийского лидера присоединить свою страну к Западу в его «священной войне» против коммунизма. Давление оказывалось на Сианука периодически до 1970 года, когда он был окончательно свергнут в результате поддержанного американцами государственного переворота и США вторглись в Камбоджу.

В марте 1956 года после визита Сианука в Пекин, где он раскритиковал СЕАТО, две соседние с Камбоджой страны — Таиланд и Южный Вьетнам, обе

полностью зависящие от союза с США, — неожиданно закрыли границы. Это был серьезный шаг, поскольку основное транспортное сообщение Камбоджи с внешним миром осуществлялось в то время либо по реке Меконг через Южный Вьетнам, либо по железной дороге через Таиланд.

Угроза жизни крошечного королевства повышалась неоднократными военными провокациями. Таиландские войска вторглись на камбоджийскую территорию, а финансировавшиеся ЦРУ военизированные подразделения начали предпринимать диверсионные рейды из Южного Вьетнама. Базировавшиеся на территории двух стран самолеты стали проникать в воздушное пространство Камбоджи.

Сианук считал подобные действия «предварительными попытками подготовки» его свержения. Он решил рассказать об этом всему миру. На пресс-конференции он в резкой форме раскритиковал США, заступился за камбоджийскую политику нейтралитета и объявил, что данный вопрос будет вынесен на повестку дня предстоящего национального съезда его партии. Появились предпосылки того, что Камбоджа обратится к социалистическому блоку за помощью.

Соединенные Штаты, похоже, решили отступить перед лицом такой необычной публичной дипломатии. Госдепартамент направил пару довольно примирительных посланий, в которых аннулировал объявленную ранее отмену экономической помощи. В посланиях, в частности, заключался такой шедевр альтруизма: «Единственная цель американской политики в Камбодже — это оказание помощи в ее укреплении и защите независимости». За два дня до созыва национального съезда Таиланд и Южный Вьетнам открыли свои границы. Местные споры, которые две страны использовали как предлог для закрытия границ, вовсе не были разрешены [2].

Принятые против Камбоджи меры оказались непродуктивными. Сианук не только не прекратил нападки на СЕАТО, но и установил отношения с Советским Союзом и Польшей и принял помощь от Китая. Сианук с похвалой отзывался о Китае за его отношение к Камбодже как к равному партнеру и за его помощь без всяких условий, которыми, по мнению камбоджийского лидера, сопровождалась американская помощь [3].

Такое поведение не должно затенять тот факт, что Сианук был настоящим приверженцем политики нейтралитета, насколько это было возможным в чрезвычайно поляризованном регионе мира в самый разгар холодной войны. Он не сторонился критики в адрес Китая, Северного Вьетнама или коммунизма во многих случаях, когда чувствовал угрозу безопасности или нейтралитету Камбоджи. «Я предвижу довольно отчетливо, — сказал он однажды, — крах независимой и нейтральной Камбоджи после полной победы коммунизма в Лаосе и Южном Вьетнаме» [4].

В мае 1957 года в одном из документов Совета национальной безопасности (СНБ) признавалось, что «США оказались неспособны повлиять на Камбоджу в деле установления там стабильного (то есть прозападного) правительства, которое не поддерживало бы отношений с коммунистическим блоком» [5].

В следующем году пять батальонов сайгонских войск при поддержке авиации снова пересекли камбоджийскую границу, проникли почти на 10 миль в глубь территории и стали устанавливать новые пограничные столбы. Первой реакцией Сианука было попытаться изгнать захватчиков, но, к его удивлению, посол США в Камбодже Карл Стром (Carl Strom) заявил, что американская военная помощь предоставляется исключительно с целью предотвращения «коммунистической агрессии» и ни в коем случае не может быть использована против американского союзника. Посол предостерег, что если хоть один выстрел будет сделан в сторону южновьетнамских солдат или хоть один присланный американцами грузовик использован для переброски камбоджийских войск к театру военных действий, это приведет к прекращению помощи [6].

Посол Стром был отзван в Вашингтон для получения инструкций: ему было сказано, что Сианук должен уйти и что для ускорения его ухода американская помощь будет прекращена. Стром, однако, считал, что на данный момент это был не самый разумный шаг, и смог убедить Госдепартамент пока повременить [7].

Уильям Шоукросс (William Shawcross) в своей исследовательской работе «Отвлекающий маневр: Киссинджер, Никсон и уничтожение Камбоджи» (*«Sideshow: Kissinger, Nixon and the Destruction of Cambodia»*) отмечает, что «документы СНБ за тот период, цитируемые в бумагах Пентагона, подтверждают, что Вашингтон считал тайландинские и вьетнамские провокации на границах с Камбоджей одним из основных средств, используемых в попытке склонить Сианука к занятию проамериканской позиции» [8].

Помимо тайландинских и южновьетнамских войск в распоряжении ЦРУ имелись и две другие силы — военизированное кхмерское ополчение «Свободные камбоджийцы» (Khmer Serei) и кхмеры Южного Вьетнама (Khmer Krom). Эти силы в основном состояли из этнических камбоджийцев, выступавших против правления Сианука и действовавших с территорий двух соседних стран. «Свободные камбоджийцы», писал Шоукросс, — это «камбоджийская организация, с которой американские официальные лица поддерживали самые тесные контакты» [9]. Сианук сравнил их со «свободными» кубинцами, которых США содержали во Флориде [10].

Эти силы, завербованные, финансируемые, вооруженные и подготовленные ЦРУ и «зелеными беретами» (американским спецназом) [11], начали проникать в Камбоджу в конце 1958 года. Это было частью сложного заговора, в котором помимо прочих участвовали камбоджийский генерал предатель Дап Чуон (Dap Chhuon), планировавший вооруженное восстание внутри страны. Заговор был рассчитан на свержение Сианука.

Сианук раскрыл план благодаря докладам китайской и французской разведок. Французы были недовольны вмешательством США в их бывшую колонию.

К февралю 1959 года заговорщики были схвачены или бежали, включая сотрудника резидентуры ЦРУ в Пномпене Виктора Масао Мацуи (Victor Masao

Matsui), который в спешке покинул страну после того, как Сианук обвинил его в участии в заговоре. Американец японского происхождения, Мацуи работал под прикрытием Госдепартамента в качестве атташе при посольстве.

По словам Сианука, интрига закрутилась в сентябре 1958 года на встрече глав стран СЕАТО в Таиланде и получила дальнейшее продолжение в том же месяце в Нью-Йорке после его посещения штаб-квартиры ООН. Пока Сианук в течение нескольких дней находился в Вашингтоне, член его делегации Слат Пеу (Slat Peou) провел несколько конференций с американцами в гостиничном номере нью-йоркского отеля, о чем он не сообщил никому из своих коллег по делегации. Как оказалось, Слат Пеу был близким другом Виктора Мацуи и братом генерала Дап Чуона. После неудачной попытки переворота Слат Пеу был казнен за измену [12]. Сианук с горькой ironией признавал, что был шокирован тем, что ЦРУ планировало против него заговор в Нью-Йорке, в то время как в Вашингтоне его приветствовал президент Эйзенхауэр. Приветствие сопровождалось салютом из 21 орудийного ствола [13].

Спустя несколько лет президент Кеннеди клялся перед Сиануком «своей честью», что США не принимали никакого участия в делах «Свободных камбоджийцев». «Я считал президента Кеннеди честным человеком, — писал Сианук, — но в таком случае кто же в действительности представлял интересы американского правительства?» [14]

Офицер ЦРУ (позднее директор) Уильям Колби (William Colby), работавший в резидентуре во Вьетнаме во время заговора Дап Чуона, написал, что Управление было прекрасно осведомлено о заговоре. Сотрудники ЦРУ завербовали кого-то в штате Дап Чуона и снабдили его передатчиком для связи с ЦРУ. Колби заверяет, что Управление хотело быть информированным для того, чтобы «отговорить тайланцев и вьетнамцев» от свержения Сианука. Колби добавляет:

«К сожалению, раскрыв заговор, люди Сианука схватили нашего агента и его радиопередатчик. И Сианук вполне естественно пришел к умозаключению, что ЦРУ было одним из участников, что доставленные из Бангкока и Сайгона золото и оружие для свержения камбоджийского лидера были только частью обширного заговора, в котором передатчик играл ключевую роль» [15].

Камбоджийский лидер подтвердил, что был ряд других заговоров, к которым причастно ЦРУ. Среди них была неудачная попытка убить его в 1959 году, когда полиция выхватила из окружавшей Сианука толпы молодого сильно нервничавшего человека по имени Рат Ват (Rat Vat). У него нашли гранату и пистолет. Как пишет Сианук, расследование показало, что убийцу подготовили ЦРУ и «Свободные камбоджийцы». Сианук также приводит данные о еще трех инцидентах, произошедших в 1963 году. Среди них: попытка взорвать машину, в которой он ехал на встречу с председателем КНР Лю Шаоци (Liu Shao Chi); попытка ввезти в Камбоджу контрабандным путем оружие в ящиках для американского посольства и частично удавшаяся операция по

подрыву камбоджийской экономики, приведшая к отставке ключевых фигур в правительстве путем создания некоего банка в Пномпене [16].

20 ноября того же года, за два дня до убийства Джона Кеннеди, Камбоджийский национальный конгресс по инициативе Сианука проголосовал «за отказ от всей американской помощи — военной, экономической, технической и культурной». Похоже, никогда еще ни одна страна добровольно не отказывалась от американской помощи. Но Сианук был твердо уверен в правильности своих действий по этому вопросу. На протяжении ряда лет он часто декларировал свой список претензий по поводу американской помощи Камбодже. Он говорил о том, как эта помощь развратила, коррумпировала камбоджийских официальных лиц и бизнесменов, которые «чувствовали себя обязанными клиентами по отношению к щедрым дарителям заграничных денежных средств». Он упоминал о том, что помощь не могла быть использована на государственные нужды, а только для нужд частного предпринимательства, и, как упоминалось ранее, ее нельзя было использовать для отражения нападений со стороны американских союзников [17].

После нескольких бомбардировок американской авиацией камбоджийских деревень на границе с Южным Вьетнамом во время преследования северовьетнамцев и вьетконговцев правительство Камбоджи в октябре 1964 года заявило, что «в случае новых нарушений камбоджийской территории американскими сухопутными, военно-воздушными или военно-морскими силами Камбоджа немедленно разорвет дипломатические отношения с США». Правительство так и поступило, когда в мае американские самолеты разбомбили несколько деревень, убив и ранив десятки крестьян [18].

В течение следующих нескольких лет, по мере разрастания войны в Индокитае, американские и сайгонские войска, а также боевики из кхмерского ополчения «Свободные камбоджийцы» совершали налеты на камбоджийскую территорию. Они искали пути снабжения и убежища коммунистов вдоль «тропы Хо Ши Мина», бомбили, сбрасывали напалм, ставили мины, что приводило к многочисленным жертвам среди мирного населения Камбоджи. Камбоджийское правительство продолжало гневно осуждать такие действия. Затем следовали извинения американцев, обещания разобраться и принять «меры по предотвращению повторения подобных инцидентов» [19].

Сианук совсем не одобрял вторжения вьетнамских коммунистов в Камбоджу и не всегда осуждал американцев за их преследование, в частности, если при этом не было жертв среди камбоджийцев. В одном из случаев он раскрыл американцам местоположения коммунистических баз, которые были тут же разбомблены. Однако вскоре после этого Сианук по радио осудил бомбардировки [20]. Оппортунист по натуре, как он часто себя называл, Сианук в действительности просто попал между двух огней и к концу 1960-х, оказавшись в затруднительном положении, был вынужден просить о возобновлении американской помощи и восстановить дипломатические отношения с США.

Несмотря на личную импульсивность и нестабильность его политики, балансирующая на грани позиция нейтралитета Сианука успешно защитила его

страну от страшных разрушений, которые постигли земли и людей Вьетнама и Лаоса. В Камбодже были и свои коммунистические повстанцы, «красные кхмеры», которые наверняка начали бы полномасштабную гражданскую войну с камбоджийским правительством, уютно устроившемся в американском лагере. Именно это и произошло после свержения Сианука и прихода к власти Лон Нола (Lon Nol), тесно связанного с США.

Ситуация начала драматически меняться в марте 1969 года. При новом американском президенте Ричарде Никсоне и советнике по национальной безопасности США Генри Киссинджере разрозненные и единичные атаки на границе Камбоджи стали постоянными, включая крупномасштабные бомбардировки с помощью бомбардировщиков B-52, или «ковровые бомбометания», как благопристойно выражались военные.

В течение последующих 14 месяцев B-52 осуществляли не менее 3630 бомбардировочных рейсов над Камбоджей [21]. Чтобы избежать уничтожения, вьетнамские коммунисты перенесли свои базы в глубь страны. Конечно же, B-52 последовали за ними, что повлекло за собой увеличение жертв среди гражданского населения.

Администрация Никсона искусно приуменьшала характер и масштабы этих бомбардировок, доходя даже до фальсификации военных документов, и в общем преуспела в сокрытии всего этого от американской общественности, прессы и Конгресса [22]. Только в 1973 году, в разгар Уотергейтского скандала, история стала полностью известна.

Часто спорят, что США имели полное право атаковать Камбоджу, потому что она использовалась американскими врагами из Вьетнама как убежище. По поводу этого заявления Уильям Шоукросс подчеркнул следующее:

«Во время войны за независимость Алжира США отвергли заявленное Францией право атаковать город в Тунисе, где обосновались алжирские партизаны, и в 1964 году Эдлай Стивенсон (Adlai Stevenson) в ООН обвинил Великобританию в нападении на йеменский город, использовавшийся повстанцами в качестве базы для набегов на Аден. Даже Израиль часто подвергался критике Соединенными Штатами за нападения на врагов за пределами своей территории» [23].

18 марта 1970 года Сианук, находившийся в поездке за границей, был смешен с поста главы государства его двумя основными министрами — Лон Нолом и Сириком Мата ком (Sirik Matak). Степень прямого участия США (если оно было в этом заговоре) до сих пор не установлена, но некоторые обстоятельства и свидетельства указывают на американскую причастность. Среди них следующие:

— Согласно Фрэнку Снейпу (Frank Snepp), главному политическому аналитику ЦРУ по Вьетнаму в то время, в начале 1970-х Управление разрабатывало Лон Нола и лидера «Свободных камбоджийцев» Сон Нгок Тана (Son Ngoc Thanh) как возможную замену Сиануку. Он утверждает, что ЦРУ было уверено, что если Лон Нол придет к власти, то «он будет приветствовать

США с распластертыми объятиями и сделает все, что нужно» [24]. (Это, вероятно, означало выдачу карт-бланша на то, чтобы стереть с лица земли силы вьетнамских коммунистов и их базы в Камбодже, так как Сианук был абсолютно против этого.) Впоследствии оба этих человека стали премьер-министрами в новом правительстве, немедленно получившем признание Вашингтона.

— США, похоже, могли также полагаться и на Синка Матака, ярого антикоммуниста, который по документам Развеывательного управления министерства обороны (РУМО) проходил как «друг Запада, сотрудничавший с американскими официальными лицами в 1950-х годах» [25].

— Журналист-исследователь Сеймур Херш (Seymour Hersh) в своей биографической работе о Киссинджере утверждает, что быстрое смешение Сианука подразделениями «зеленых беретов», находившимися в Камбодже, было их основной задачей начиная с конца 1960-х годов. Есть также неопровергнутое свидетельство, что в 1969 году к Лон Нолу обращались агенты американской военной разведки с предложением свергнуть правительство Сианука. Сианук выдвинул похожие обвинения в своих мемуарах «Моя война с ЦРУ» в 1973 году, но тогда их никто не воспринял всерьез [26].

— Противник Сианука Пром Тос (Prom Toss), ставший министром в новом правительстве, сказал, что неважно, имел ли Лон Нол особые гарантии американской помощи перед переворотом: «Мы все просто знали, что США нам помогут; до этого было много историй о предложениях ЦРУ» [27].

— Тесные связи США с кругом заговорщиков подтверждаются докладом ЦРУ, подготовленным за шесть дней до переворота и озаглавленным «Показатели возможного переворота в Пномпене». Он раскрывает, что антикоммунистические демонстрации против посольств Вьетконга и Северного Вьетнама в столице накануне были спланированы Сириком Матаком и Лон Нолом как часть политики открытой конфронтации с Сиануком и его последователями и что оба этих деятеля привели армию в готовность «к перевороту, если Сианук откажется их поддерживать» [28].

— Генерал Уильям Россон (William Rosson), заместитель генерала Крейтона Абрамса (Creighton Abrams), командующего силами США во Вьетнаме в тот период, заявил, что командиры американских подразделений были за несколько дней проинформированы о планировавшемся перевороте и запрошенней поддержке США [29].

— Роджер Моррис (Roger Morris), работавший в аппарате советника по национальной безопасности Генри Киссинджера во время переворота, сообщил, что «Белый дом был осведомлен, что резидентура ЦРУ в Пномпене хорошо знала заговорщиков, вероятно, знала и об их планах и не предприняла ничего, чтобы предупредить Сианука. Зато они загодя проинформировали Вашингтон» [30].

— Уильям Шоукросс утверждает, что если бы Сианук «вернулся быстро и спокойно в Пномпень [после антикоммунистических демонстраций], то он, вероятнее всего, смог бы предотвратить катастрофу». То, что он не сделал

этого, наверняка было неслучайно. Фрэнк Снепп рассказал, что ЦРУ убеждало мать Сианука, королеву, послать своему сыну за границу сообщение, что ситуация не столь серьезна и нет причины возвращаться [31].

Когда Сианук со своим набившим оскомину нейтралитетом больше не стоял на пути, начали вращаться колеса американской военной машины. Через несколько часов после переворота американские и южновьетнамские войска расположились в районе границы и начали устанавливать контакты с камбоджийскими командирами на другой стороне и принимать меры к военному сотрудничеству. На следующий день камбоджийская армия вызвала американский разведывательный самолет и огонь южновьетнамской артиллерии для зачистки батальоном камбоджийских войск убежища вьетконговцев на территории Камбоджи. «Нью-Йорк таймс» заявила, что «сражение стало самым решительным усилием Камбоджи по изгнанию Вьетконга из пограничных районов» [32]. Великая камбоджийская война началась. Она продолжалась пять ужасных лет.

Враг, с которым столкнулись США и их союзники из Сайгона и Пномпеня, был уже не просто северовьетнамским или вьетконговским. В конфликт вступили камбоджийские коммунисты — «красные кхмеры» — под руководством своего лидера Пол Пота (Pol Pot), а также различные камбоджийские сторонники принца Сианука.

30 апреля 1970 года было запущено первое полномасштабное вторжение США. Оно вызвало волну громких протестов в Соединенных Штатах, раскачивая университетские городки от побережья до побережья. Похоже, самой необычной реакцией стал гневный уход в отставку четырех человек из аппарата советника по национальной безопасности США Генри Киссинджера, Роджера Морриса. Киссинджер назвал эти отставки «малодушием Восточного истеблишмента» [33].

К концу мая множество деревень были разрушены и сожжены американской авиацией дотла; длинная вереница камбоджийских беженцев начала свой путь.

Спустя три года — и сотню тысяч тон сброшенных бомб — 27 января 1973 года, если быть точным, в Париже было подписано соглашение, положившее конец десятилетию военных действий США во Вьетнаме. Бомбардировки Камбоджи, однако, продолжились.

Перед подписанием парижского соглашения официальная позиция администрации Никсона, многократно подтвержденная, заключалась в том, что единственная цель бомбардировок Камбоджи состояла в защите американских жизней во Вьетнаме. Однако теперь США не только не прекратили бомбардировки, но и активизировали их в последней отчаянной попытке не допустить «красных кхмеров» к власти. В течение марта, апреля и мая общий вес сброшенных над Камбоджей бомб удвоился по сравнению со всем предыдущим годом. Традиционная экономика страны была уничтожена. Старая Камбоджа исчезла навсегда.

Под усиливающимся давлением Конгресса в августе администрация Никсона наконец прекратила бомбардировки. Более 2 миллионов камбоджийцев стали бездомными.

Может показаться нелепым, что в ходе применения такой жестокой силы ЦРУ, в свою очередь, проводило одну из наиболее тонких психологических операций. ЦРУ распространяло информацию, призванную вызвать недовольство находившимся в изгнании Сиануком в среде камбоджийских крестьян, относившихся к нему с уважением. Звукотехники из ЦРУ, используя сложное оборудование, создали точную копию характерного голоса принца и его манеру речи — прерывистую, на высоких тонах и смешливую. Радиопередачи велись с секретной радиостанции в Лаосе. «Радиопослания» были выдержаны в оскорбительной для любого камбоджийца манере. Так, в одной из передач «Сианук» убеждал молодых женщин спать с храбрыми вьетконговцами для пользы дела [34].

На прошальной пресс-конференции в сентябре 1973 года американский посол в Камбодже Эмори Сванк (Emory Swank) охарактеризовала то, что происходило там, как «самую бессмысленную войну в Индокитае» [35].

Позднее конгрессмен от штата Калифорния Пит Макклоски (Pete McClosky) после своего визита в Камбоджу выразился еще жестче. Он заявил, что США «причинили этой стране зло, большее, чем любой другой стране мира, и абсолютно без всякой причины, исключительно для удовлетворения своих нужд в войне с вьетнамцами» [36].

17 апреля 1975 года «красные кхмеры» вошли в Пномпень победителями. Две недели спустя северовьетнамцы захватили Сайгон и Вьетконг. Невероятно, но «красные кхмеры» принесли на эту несчастную землю еще больше страданий. В добавление к этой трагедии и умножая ее, США поддерживали «красных кхмеров» после их поражения от Вьетнама, отстаивая их право на место в ООН и право вести вооруженную борьбу против правительства Камбоджи и его вьетнамских союзников. В ноябре 1980 года бывший заместитель директора ЦРУ Рэй Клейн (Ray Cline) посетил анклав «красных кхмеров» в Камбодже. Теперь он занимал должность главного советника по внешней политике избранного, но еще не вступившего в должность президента Рональда Рейгана. В пресс-релизе «красных кхмеров» о визите сообщалось в дружеских тонах [37]. Это было нужно для подтверждения оппозиции администрации Рейгана поддерживаемому Вьетнамом правительству Пномпеня. Похоже, единственным объяснением такой политики была долгая и горькая ненависть к Вьетнаму со стороны непримиримых воинов холодной войны в США.

21. Лаос, 1957–1973

СЕКРЕТНАЯ АРМИЯ

За последние два года США провели самые продолжительные в истории бомбардировки, в сущности, гражданских целей на северо-востоке Лаоса... Действуя с баз в Таиланде и с авианосцев, американские самолеты уничтожили множество деревень и городов на северо-востоке. Погибло огромное количество гражданских лиц... Беженцы из Долины Кувшинов рассказывали, что в последний год американские самолеты бомбили их практически ежедневно. Они говорили, что последние два года жили в пещерах и норах.

*«Фар Истэрн экономик ревью» (Far Eastern Economic Review),
Гонконг, 1970 год [1]*

Это [операция в Лаосе] то, чем мы можем гордиться как американцы. В ней практически не было жертв среди американцев. Что мы получаем за наши деньги там... это, как я думаю, если воспользоваться старым выражением, чрезвычайно эффективно, доход с наименьшими затратами.

*Ю. Алексис Джонсон (U. Alexis Johnson),
заместитель госсекретаря США, 1971 год [2]*

США начали бомбардировки, потому что их наземная война против коммунистического движения «Патет Лао» (Pathet Lao) провалилась.

Наземная война началась из-за того, что движение «Патет Лао» возглавляли люди, которых Госдепартамент называл не иначе как «коммунистами».

Силы «Патет Лао» возобновили боевые действия, используя свой опыт «работы внутри системы».

В 1957 году у движения «Патет Лао» («страна лаосцев») было два министерских портфеля в коалиционном «правительстве национального единства». Это было в эпоху Джона Фостера Даллеса, и если было что-либо, что фанатичный госсекретарь ненавидел больше, чем нейтралитет, так это коалицию с коммунистами. Данное правительство практиковало и то, и другое. Не может быть

другой причины для полномасштабного американского вторжения в нищую и примитивную крестьянскую страну. Посол в Лаосе в тот период Дж. Грэм Парсонс (J. Graham Parsons) позже признался: «Я боролся шестнадцать месяцев, стараясь предотвратить появление коалиции» [3].

В дополнение к своим требованиям о вхождении в правительственный коалицию движение «Патет Лао» призвало к установлению дипломатических отношений со странами советского блока и принятию от них помощи, помимо помощи с Запада. По мнению Вашингтона, «согласие с этими условиями предоставило коммунистам в Юго-Восточной Азии значительные выгоды со времен распада Индокитая» [4]. Другие сказали бы, что условия «Патет Лао» были всего лишь обычным проявлением позиции нейтралитета.

В мае 1958 года «Патет Лао» и другие левые организации, сыграв на обвинениях в адрес правительства в коррупции и безразличии, получили 13 из 21 места в Национальной ассамблее и стали контролировать более одной трети нового законодательного органа [5]. Два месяца спустя, однако, премьер-министр Суванна Фума (Souvanna Phouma) — человек, всеми признанный как сторонник политики нейтралитета, — «ушел» с поста для формирования нового правительства, в котором не должны были появиться министры от «Патет Лао» [6]. Впоследствии он утверждал, что его заставили уйти из-за постоянного американского противодействия лаосской политике нейтралитета. Как только это произошло, премьером в реорганизованном правительстве стал Фуи Сананикон (Phoui Sananikone), которого поддерживали США [7]. Затем, в январе 1957 года, нелевое большинство в Национальной ассамблее проголосовало за ее роспуск с целью «противостоять коммунистическому влиянию и подрывной деятельности». Теперь левые были полностью исключены из правительства, а назначенные на декабрь выборы отменены [8].

Вряд ли это событие окончательно разочаровало «Патет Лао» или другие политические силы в привлекательности лаосского политического процесса. Конец 1950-х и начало 1960-х явили миру целый спектакль из нескончаемой вереницы переворотов и контрпереворотов, смены правительств и режимов, возглавлявшихся людьми, которые бок о бок с французами сражались в войне против независимости Индокитая, в то время как «Патет Лао» воевало против колониалистов [9]. Были еще фальсифицированные правительством выборы, где ЦРУ «работало» с избирательными urnами [10]. Были режимы различных полевых командиров с их воюющими друг с другом армиями, управлявшими одновременно из разных «столиц». Союзники и враги менялись местами, когда это было нужно этим командирам. Был дождь из сотни миллионов американских долларов, проливавшийся на крошечное королевство с его почти стопроцентной аграрной экономикой и приводивший к «невероятному взяточничеству, жульничеству, махинациям с валютой и растратами» [11].

ЦРУ и Госдепартамент могут взять ответственность за организацию переворотов с применением силы, взяток и других форм давления, по крайней мере один раз в 1958 году, один раз в 1959, а затем в 1960 и, может, в другие годы тоже [12]. «Простой невыплатой месячного жалованья военным, — писал

Роджер Хилсман (Roger Hilsman), который послужил в обеих структурах, возможно, одновременно, — США могли создать условия для свержения любого лаосского правительства, чья политика им не нравилась. Как оказалось, США воспользовались таким средством дважды, когда распустили правительство одного лаосского лидера и сломали волю другого» [13].

Американцы преследовали цель передать власть подобранным ЦРУ лидеру правых Фуми Носавану (Phoumi Nosavan), отправить в отставку Суванну Фуму и других сторонников нейтралитета и посадить в тюрьму лидеров «Патет Лао», включая главу движения Суфанувонга (Souphanouvong). Последний был братом Суванны Фумы, а оба они — принцами королевской семьи. Суфанувонг настаивал на том, что и он, и «Патет Лао» придерживались скорее ультранационалистических, нежели коммунистических идей [14]. Для понимания его заявлений важно уяснить, что в точности он имел в виду под термином «коммунист». Но это неясно, как неясно и то, что имел в виду Госдепартамент, когда называл его коммунистом. Движение «Патет Лао» было единственной в стране многочисленной группой, которая всерьез относилась к необходимости социальных перемен, и это, конечно же, давало Вашингтону право навесить на него коммунистический ярлык.

В августе 1960 года офицер Конг Ле (Kong Le) со своим подразделением осуществил переворот и установил правительство сторонников нейтралитета под руководством Суванны Фумы, отказавшись от помощи со стороны «Патет Лао» [15]. Однако когда это правительство пало жертвой переворота ЦРУ в декабре, Конг Ле сошелся во взглядах с «Патет Лао». А позднее он обратился за помощью к США и воевал против «Патет Лао». Вот так был устроен лаосский «цирк».

Ни одно из исследований Лаоса того периода не достигло заметного успеха в распутывании неразберихи во власти — кто сменял кого, когда, как и почему. Писатель Норман Казинс (Norman Cousins) после посещения Лаоса в 1961 году сказал: «...если вы хотите получить ощущение рушащейся вселенной, приезжайте в Лаос. Такую запутанность надо уважать» [16].

Однако одна вещь оставалась неизменной — стремление США спасти Лаос от коммунизма и политики нейтралитета. С этой целью ЦРУ начало создавать теперь ставшую известной «Секретную армию» (Armée Clandestine). Процесс начался в середине 1950-х годов, когда армия США организовала подготовку отрядов из представителей народности мяо — отряды из представителей этой этнической группы были созданы и во Вьетнаме. С течением времени в эту армию вливались другие народности Лаоса, и к середине 1960-х годов ее численность достигла 30 тысяч человек. Половина из них была более или менее похожа на солдат, многие тысячи были из Таиланда, сотни — из других азиатских стран. Выходцы из Южного Вьетнама, филиппинцы, тайваньцы, южнокорейцы и те, кто получил специальную подготовку от американских наставников в своих странах для ведения других войн, теперь собирались вместе — в армию, которая, по информации «Нью-Йорк таймс», «вооружалась, оснащалась, кормилась, оплачивалась и направлялась для выполнения

стратегических и тактических задач, а зачастую и доставлялась к месту ведения боевых действий и выводилась из них Соединенными Штатами». Подготовленная и усиленная сотрудниками ЦРУ и представителями всех родов войск ВС США, эта армия могла рассчитывать на помощь пилотов принадлежавшей ЦРУ «Эйр Америка» (Air America), около двух тысяч американцев в Лаосе и многих тысяч, разбросанных по всей Азии и обеспечивавших ее тыловое обеспечение. Секретная армия, тайное войско — тайное от американского народа и Конгресса США; американские военные находились там под разным прикрытием, некоторые как гражданские, «ушедшие» ради такого случая в отставку и нанятые частной компанией, созданной ЦРУ. Другие числились посольскими атташе. Пилоты ЦРУ официально находились там по контракту Агентства США по международному развитию (USAID). Погибшие в Лаосе американцы объявлялись погибшими во Вьетнаме [17]. Все это было дополнением к полностью оплачивавшимся Вашингтоном «официальным» правительенным войскам — Королевской лаосской армии, численность которой неимоверно возросла [18].

Лаос стал американской плантацией, игровой площадкой ЦРУ. В 1960-х годах Управление свободно хозяйствовало в стране, строя то там, то здесь аэродромы, ангары, базы, склады, казармы, радиолокационные станции [19], перемещая тысячи людей — целые деревни, целые племена — для обеспечения стратегических военных нужд; вербя бойцов «путем подкупа или угроз и обещаний способствовать в создании независимых королевств, которые и не собирались выполнять, а затем, заставляя их воевать, даже если они этого не хотели» [20], в то время как «легендарные» пилоты «Эйр Америки», наплевав на смерть, носились в пьяном угаре над страной с нарушением всех летных правил, чтобы потом рассказывать интересные истории дома, если останутся в живых [21].

В некоторых историях были замешаны наркотики. Перевозка опиума и героина по всему Индокитаю для оплаты личных и предпринимательских нужд различных военных и политических союзников ЦРУ в конечном итоге превратила многих американских солдат во Вьетнаме в наркоманов. Операция вовсе не была образцом осторожности. Героин производили в лаборатории, находившейся рядом со штаб-квартирой ЦРУ в Лаосе. После десятилетия американского военного вторжения Юго-Восточная Азия стала источником 70 процентов мирового производства опиума и главным поставщиком сырца для растущего американского рынка героина [22].

В то же время «сердца и умы» народа Лаоса — по крайней мере тех, кто умел читать, — не были забыты. Американское информационное агентство ЮСИА (USIA) работало там, издавая журнал тиражом в 43 тысячи экземпляров. Это происходило в стране, где тираж крупнейшей газеты составлял 3300 экземпляров. Кроме того, были стенгазеты ЮСИА, фильмы, листовки и радиопрограммы [23].

Несмотря на все это, движение «Патет Лао» продолжало удерживать свои позиции. ЦРУ не хватало сил, и в отличие от разномастной банды азиатов,

собранных Управлением, солдаты «Патет Лао» знали, за что они воюют. Советский Союз, зная, в отличие от американской общественности, о деятельности США в Лаосе, был обеспокоен установлением проамериканского правительства в стране и, следуя рефлексу холодной войны, стал посыпать военную помощь «Патет Лао» [24].

В начале 1960-х годов Северный Вьетнам также помогал движению. Интересы Ханоя заключались не столько в установлении коммунистического государства, сколько в недопущении появления враждебного государства на своей границе. В январе 1961 года «Нью-Йорк таймс» написала, что «многие западные дипломаты во Вьентьяне [столице Лаоса]... чувствуют, что коммунисты согласились бы оставить Лаос в покое, если он останется нейтральным и вне сферы влияния США» [25].

Ханой был обеспокоен не только американскими политическими и военными операциями в Лаосе, но и действиями подразделений американского спецназа, которые проникали в Северный Вьетнам для шпионажа, саботажа и убийств [26], и американскими бомбардировками [27] страны в то время, когда война в Южном Вьетнаме была лишь тенью грядущей большой войны. Позднее, когда войны в Лаосе и Вьетнаме переплелись, Лаос стал частью «тропы Хо Ши Мина», основного пути, по которому из Ханоя шли поставки товарищам в Южном Вьетнаме, а северовьетнамцы защищали эту тропу и наносили удары по американским радиолокационным станциям в Лаосе, использовавшимся для бомбардировок Северного Вьетнама.

Характер и размеры помощи «Патет Лао», которую оказывал Северный Вьетнам до этого периода, трудно оценить по западным источникам, поскольку обвинения о помощи коммунистам исходили от лаосского правительства и Госдепартамента. Во многих случаях их доклады об операциях Северного Вьетнама в Лаосе оказались фальшивкой. Уильям Ледерер (William Lederer) и Юджин Бердик (Eugene Burdick) в книге «Нация овец» («A Nation of Sheep») описали одно из таких несостоявшихся событий летом 1959 года:

«Людей в США заставили верить, что в Лаос через его северную границу вторглись иностранные коммунистические войска. Наш госсекретарь назвал ситуацию тяжелой; наш посол при ООН призвал мировое сообщество к действиям; наша пресса печатает страшные заголовки; наш высокопоставленный военно-морской чин намекнул на военное вмешательство и был поддержан конгрессменами... Все дело оказалось мошенничеством... Казалось, не было никакого сомнения в том, что где-то идут крупные сражения с привлечением тысяч солдат, танков, самолетов. Но никакого военного вторжения в Лаос не было.

Такую картину показали нашей нации, используя различные наборы слов» [28].

Это была уловка, чтобы убедить Конгресс США не сокращать помощь Лаосу. Вопрос помощи серьезно рассматривался из-за постоянных коррупционных скандалов, раскрывавшихся в ходе предоставления помощи [29].

Лаосское правительство и многочисленный американский истеблишмент в Лаосе, каждый по своей собственной причине, не хотели так просто лишиться «золотого гуся».

В 1960 году лаосское правительство объявило миру о том, что семь северовьетнамских батальонов вторглись в страну. По общему мнению, при отсутствии доказательств такое заявление рассматривать серьезно нельзя [30].

В 1962 году известный французский исследователь Индокитая Бернард Фолл (Bernard Fall) сообщил, что после сражения между правительственными войсками и силами «Патет Лао» лаосская сторона, американская пресса и официальный Вашингтон немедленно заявили, что они опять столкнулись с крупномасштабным «иностранным вмешательством». Это произошло несмотря на тот факт, что полковник Эдвин Элдер (Edwin Elder), американский командир в зоне этих боевых действий, сразу же заявил, что не было «никаких свидетельств участия китайских или [северо]вьетнамских сил в нападении» [31].

Вскоре после того, как в январе 1961 года Кеннеди стал президентом, он начал предпринимать дипломатические попытки создать правительственную коалицию в Лаосе, то есть делать как раз то, что администрация Эйзенхауэра и ЦРУ всеми силами старались саботировать. Хотя иногда, говоря о Лаосе, он скатывался к обычной риторике холодной войны, Джон Кеннеди понимал абсурдность войны за отсталую страну, за землю, которую он считал «не стоящей того, чтобы обращать на нее внимание сверхдержав» [32]. Советский генсек Хрущев, в свою очередь, как сообщают, «скучал» при обсуждении лаосского вопроса и с раздражением поинтересовался у посланника Кеннеди, почему Вашингтон так интересуется этой страной [33].

В конце концов, в июле 1962 года во время международной конференции в Женеве было подписано соглашение о формировании в Лаосе коалиционного правительства. Но в горах и на равнинах страны такой вариант не рассматривался. ЦРУ вложило слишком много времени, усилий, материальных средств и эмоций в секретную армию. Это была самая лучшая война, которую вело Управление где-либо. Это было славное приключение. И движение «Патет Лао» было намного сильнее сейчас, чем несколько лет назад. ЦРУ не собиралось «покупать такие поношенные и подозрительные вещи» снова, хотя они и совершили необходимые телодвижения.

Обе стороны постоянно обвиняли друг друга в нарушении соглашения, и не без основания. Северовьетнамцы, например, полностью не вывели свои войска с территории Лаоса, а США оставили свой военный персонал, американский и азиатский, работавший под прикрытием гражданских организаций и Агентства по международному развитию (USAID), но тем не менее это было нарушением соглашения. Более того, Кристофер Роббинс (Christopher Robbins) в своем исследовании деятельности компании «Эйр Америка» заметил, что американские «военные советники и сотрудники ЦРУ пересекали границу с Таиландом, откуда они каждый день летали [в Лаос]

пассажирами на «Эйр Америка», чья вертолетная база находилась в Удорне [Таиланд]» [34]. К началу 1970-х годов у «Эйр Америки» в Таиланде было не менее 4000 служащих [35].

Таким образом, боевые действия, хоть и спорадически, продолжались. В апреле 1964 года коалиционное правительство было свергнуто правыми. В правое правительство, возглавлявшееся как всегда живучим Суванной Фумой с его нейтралитетом размером с фиговый листок, вошел человек ЦРУ Фуми Носаван [36]. Движение «Патет Лао» снова осталось вне игры. Для них это был последний шанс. Интенсивность боевых действий значительно возросла, стычки переросли в войну, и наступление «Патет Лао» вскоре принесло плоды. Затем начались американские бомбардировки.

Между 1965 и 1973 годами на Лаос былоброшено более двух миллионов тонн бомб — значительно больше, чем СШАбросили на Германию и Японию вместе взятые во Второй мировой войне [37]. Первоначально бомбардировки были нацелены на провинции под контролем «Патет Лао». Фред Бранфман (Fred Branfman), работавший в то время в Лаосе, писал о бомбардировках: «Деревня за деревней сравнивались с землей, бесчисленное количество людей было погребено заживо мощной взрывчаткой, сгорало заживо от напалма и белого фосфора, было искалечено противопехотными минами» [38]. Как говорилось в одном из докладов Сената, «США развернули крупномасштабную воздушную войну над Лаосом, чтобы уничтожить инфраструктуру районов, удерживаемых «Патет Лао», и предупредить проникновение сил Северного Вьетнама... посредством политики уловок и секретности... посредством таких вещей, как ковровые бомбардировки и насильственное выселение населения с контролируемых врагом территорий, — мы способствовали непередаваемой агонии для сотен тысяч крестьян» [39].

Американские военные тем не менее сохранили все записи. Агентство по международному развитию (USAID) доложило Конгрессу, что раны, от которых страдало гражданское население во время войны, были следующими:

1. Тип: мягкие ткани — 39%, переломы — 30%, ампутации — 12%, внутрибрюшные — 10%, внутригрудные — 3%, внутричерепные — 1%.

2. Расположение: нижние конечности — 60%, верхние конечности — 15%, туловище — 13%, голова — 7% [40].

Для народа Лаоса не было выхода из ситуации. В октябре 1971 года в лондонской «Гардиан» можно было прочитать:

«Несмотря на то что американские официальные лица рьяно это отвергают, существуют множественные свидетельства, подтверждающие обвинения, что деревни мя пытаются найти выход из войны. Даже если они просто остаются нейтральными и отказываются посыпать своих 13-летних детей воевать в армию ЦРУ, их немедленно лишают риса и транспорта и в конечном итоге подвергают бомбардировке силами ВВС США» [41].

ЦРУ напечатало фальшивой валюты «Патет Лао» на миллионы долларов в попытке разрушить экономику [42]. Фред Бранфман (Fred Branfman) так описал неопытное местное общество, которое США пытались истребить:

«Правление «Патет Лао» в Долине Кувшинов началось в мае 1954 года и вывело людей в постколониальную эру. Впервые их учили гордиться своей страной и людьми, вместо того чтобы преклоняться перед западной культурой; была начата кампания обучения и искоренения массовой безграмотности взрослых на лаосском, а не на французском языке; было положено начало мягкой, но основательной социальной революции, простирающейся от земельной реформы до равноправия женщин» [43].

По примеру событий во Вьетнаме, положение о прекращении огня вступило в Лаосе в силу в 1973 году, и была предпринята еще одна попытка сформировать коалиционное правительство. Оно продержалось до 1975 года, когда военные действия возобновились и силы «Патет Лао» взяли полную власть в стране. Лаос стал страной кочевников без деревень, без ферм, с поколением беженцев, с сотнями тысяч убитых и еще большим числом искалеченных. Когда BBC США закрывали свою радиостанцию в стране, она ушла из эфира с сообщением: «До свидания, увидимся на следующей войне» [44].

В конце концов, худшие из опасений Вашингтона сбылись: весь Индокитай — Вьетнам, Камбоджа и Лаос — стали коммунистическими. На начальном этапе американского вмешательства в Индокитае в 1950-х годах Джон Фостер Даллес, Дуайт Эйзенхаэр и другие официальные американские лица регулярно выступали с предсказаниями конца света, известными, как концепция «домино»: если Индокитай «падет в коммунизм», то и другие азиатские нации вскоре последуют за ним. В одном случае президент Эйзенхаэр упомянул, что даже таким странам, как Тайвань, Австралия, Новая Зеландия, Филиппины и Индонезия, следует опасаться эффекта «домино» [45].

Подобные предупреждения повторялись периодически и в последующее десятилетие сменяющимися администрациями в Вашингтоне и другими сторонниками американской политики в Индокитае. Они служили основным аргументом для защиты подобной политики. Тот факт, что все эти предсказания не имели под собой никакой реальной основы, не остановил официальный Вашингтон от желания применять подобную догму ко всем новым «горячим точкам» на карте мира вплоть до 1990-х годов. Это свидетельствовало о несокрушимой вере американского истеблишмента в существование и активной деятельности «международного коммунистического заговора».

22. Гаити, 1959–1963

МОРСКАЯ ПЕХОТА ВЫСАЖИВАЕТСЯ СНОВА

«Дювалье совершил экономическое чудо, — заметил житель Гаити, говоря о диктаторе своей страны, — он приучил нас жить без денег... есть без еды... жить без жизни» [1].

Когда же Франсуа Дювалье (Francois Duvalier) по прозвищу Папа Док не хватало магии вуду, он всегда мог рассчитывать в деле «воспитания» своих соотечественников на морскую пехоту США.

В ночь с 12 на 13 августа 1959 года к северному побережью Гаити причалили небольшой корабль. На его борту находилось около 30 гаитян, кубинцев и, вероятно, представителей других стран. Они приплыли с Кубы, находящейся в пятидесяти милях от Гаити. Их целью было свержение диктаторского режима на Гаити с его главной опорой на тайную полицию, численность которой, по некоторым оценкам, превышала численность армии.

В короткие сроки высадившаяся на гаитянский берег группа, оснащенная тяжелым вооружением, захватила небольшой армейский блокпост и начала вербовать в свои ряды и вооружать местных крестьян [2]. По сведениям правительственные источники, к отряду присоединилось около 200 человек [3]. Гаитянские эмигранты, изгнанные в Венесуэлу, объединили свои усилия и обратились по радио к жителям острова с призывом помочь этой группе. Эмигранты сообщили о 120 высадившихся повстанцах, хотя эта цифра была явно преувеличена [4].

Первоначально в правительстве Дювалье преобладали панические настроения, а полиция начала облавы на сторонников оппозиции [5]. В этот момент вмешалась американская военная миссия, которая оказывала помощь в подготовке армии Дювалье. Американцы начали вести морскую и воздушную разведку местности для обнаружения повстанцев. Гаитянские войска в сопровождении американской морской пехоты были переброшены по воздуху в район действий повстанцев, чтобы оказать им сопротивление [6]. Из Пуэрто-Рико также прибыли два самолета и вертолет ВМС США [7].

Командовавший американскими морскими пехотинцами полковник Роберт Дэбс Хейнл (Robert Debs Heinl, Jr.) сообщил, что его подчиненные принимали участие в боевых действиях, длившихся до 22 августа [8] и завершившихся полным разгромом повстанцев.

Информация о группе людей, прибывших с Кубы, целиком основана на сообщениях гаитянского правительства и американской военной миссии. Эти источники утверждали, что группа, насчитывавшая около 30 человек, состояла из кубинцев, за исключением одного-двух гаитян, стоявших во главе ее. Газета «Нью-Йорк таймс», в свою очередь, сообщила, что среди 30 человек, высадившихся на Гаити, 10 были гаитянами, а двое — венесуэльцами [9]. Последнее, вероятно, ближе к истине, так как на Кубе проживало немало гаитянских эмигрантов, получивших боевой опыт во время недавней кубинской революции. Учитывая сложившуюся тогда в мире политическую обстановку и стремление к дальнейшему распространению идеалов революции, эти люди были самыми вероятными кандидатами на то, чтобы стать частью сил, высадившихся на острове.

Правительство Кастро охотно признало, что отряд мог прибыть с Кубы, однако отрицало, что оно знало об этом факте или одобряло это вторжение. Это признание выглядело бы довольно подозрительным, если бы не тот факт, что кубинская береговая охрана не пресекла подобную попытку в апреле того же года [10].

Первые члены американской военной миссии прибыли на Гаити в январе, в основном в качестве ответного шага на предыдущую попытку вторжения, имевшую место в июле 1958 года (ее организаторы, по всей видимости, находились в Доминиканской Республике). Нужно заметить, что, несмотря на все рассказы об ужасах гаитянского режима, подобные тому, что поведал полковник Хейнл (так, его собственный 12-летний сын был арестован гаитянской полицией за то, что выразил сочувствие встретившимся ему на улице гаитянским крестьянам), Дювалье все же был ставленником Вашингтона. После всего сказанного и сделанного он оставался человеком, на которого американцы рассчитывали в том, чтобы удерживать свой черный народ от искушения перейти на сторону «красных», сохраняя репутацию самого беднейшего народа в Латинской Америке. Хейнл вспоминал, какие инструкции он получил от заместителя госсекретаря США в январе:

«Полковник, самый лучший способ обеспечить соблюдение наших интересов на Гаити состоит в поддержании Дюvalье у власти до конца его срока, а может быть, и немного дольше, если все получится» [11].

Администрация Кеннеди, пришедшая к власти в январе 1961 года, не видела толку от Папы Дока и поддерживала его свержение, равно как и возможное физическое устранение. Согласно более поздним показаниям, которые давал Следственному комитету Сената сотрудник ЦРУ Уолтер Элдер (Walter Elder), управление поставляло оружие гаитянским диссидентам,

стремившимся свергнуть диктатора. Элдер пояснял, что на тот момент, пока окончательного решения по ликвидации Дювалье принято не было, оружие поставлялось, «чтобы помочь [диссидентам] принять необходимые меры для свержения режима», и что убийство Дювалье в случае успешного переворота было вполне возможно [12].

Политика Вашингтона изменилась после того, как Куба стала все больше и больше превращаться в предмет ненависти Вашингтона и огромную навязчивую идею ЦРУ. Сотрудничество с Гаити требовалось для успеха американских усилий по изгнанию Кубы из рядов Организации американских государств в 1963 году. С этого момента и далее Дювалье пользовался полной дипломатической и экономической поддержкой США. Когда 12 апреля 1971 года гаитянский лидер умер, американский посол Клинтон Нокс (Clinton Knox) был единственным дипломатом, присутствовавшим на ночном приведении к присяге 19-летнего Жан-Клода Дювалье (Jean-Claude Duvalier) по прозвищу Бэби Док. В качестве нового пожизненного президента Гаити ему полагалась такая же экономическая, политическая и военная поддержка, которую получал Папа Док. Единственное, что от него требовалось — время от времени прислушиваться к критике из Вашингтона, когда становилось трудно не замечать масштабы репрессий на Гаити [13].

23. Гватемала, 1960

ХОРОШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ СТОЯТ ДРУГ ДРУГА

В ноябре 1960 года, когда Джон Ф. Кеннеди готовился сменить на посту президента Дуайта Эйзенхауэра, вторжение на Кубу продолжало оставаться приоритетом американской внешней политики. На пляжах и в джунглях Гватемалы и Никарагуа, во Флориде проводились тренировки по высадке десанта в Заливе Свиней.

13 ноября, через пять дней после победы Кеннеди на выборах, гватемальские военнослужащие подняли вооруженное восстание против генерала Мигеля Идигораса Фуэнтеса (Miguel Ydígoras Fuentes). Им удалось захватить две военные базы и портовый город Пуэрто-Барриос. Оценочная численность офицеров, принявших участие в восстании, составляла от 45 до 120 человек, причем последняя цифра — это почти половина всего офицерского корпуса гватемальской армии. Под командованием этих офицеров находилось до 3000 военнослужащих, представлявших значительную часть вооруженных сил страны. Как было установлено впоследствии, восставшие преследовали скорее общепатриотические, а не идеологические цели. Офицеры были сыты по горло коррупцией в администрации Идигораса и в армии. Особое недовольство вызывалось тем, что страна использовалась иноземцами как трамплин для вторжения на Кубу: Кастро импонировал многим своей патриотической политикой. Один из оппозиционных офицеров впоследствии следующим образом охарактеризовал американскую учебную базу в Гватемале: «...это позорное нарушение нашего суверенитета. Почему оно стало возможным? Да потому, что у нас марионеточное правительство!» [1].

Восстание было вскоре подавлено, якобы исключительно силами гватемальских ВВС. Но несколько лет спустя картина представилась иной. Повстанцы были силой, с которой нельзя было не считаться. Легкость, с которой они захватили две базы, и вероятность распространения мятежа на

другие гарнизоны вызывали у ЦРУ беспокойство за базу, которая располагалась на большой кофейной плантации в отдаленном уголке на юго-западе Гватемалы. Там ЦРУ совместно с ВВС США готовило кубинских эмигрантов к вторжению на их бывшую родину. ЦРУ вполне справедливо опасалось, что в случае прихода к власти новый режим не пожалеет ни этих кубинцев, ни организаторов операции.

Президент Эйзенхауэр отдал приказ ВМС и ВВС США организовать патрулирование Карибского бассейна и при необходимости «открывать огонь», чтобы предотвратить любое «организованное коммунистами» вторжение в Гватемалу и Никарагуа [2]. Эйзенхауэр, как и Идигорас, видел за попыткой переворота руку международного коммунизма, в частности Кубы, хотя никаких доказательств тому не было представлено [3]. Обвинения выглядели довольно нелепо, учитывая, что одной из причин восстания была подготовка руководителями США и Гватемалы военного переворота на Кубе, а также тот факт, что американский флот действовал с базы Гуантанамо, несмотря на энергичные возражения против этого кубинского правительства.

Между тем в Гватемале ЦРУ решило справиться с проблемой исключительно легко и просто. Американские и кубинские летчики взлетали со своей учебной базы и наносили бомбовые удары по штабу повстанцев, находившимся неподалеку от столицы Гватемалы, а также по захваченному ими городу Пуэрто-Барриос и прилегающему аэродрому. Застигнутые врасплох и будучи бессильными против превосходящего противника, повстанцы потерпели поражение [4].

Вернувшись на кофейную плантацию, ЦРУ возобновило прерванную подготовку к военному вторжению на Кубу. В Вашингтоне никаких заявлений о бомбежках сделано не было. Молчала и американская пресса.

Действия ЦРУ не стали достоянием широкой общественности и в Гватемале. Зато широко разошлась информация о том, что президент Идигорас попросил американцев оказать ему авиационную и морскую поддержку и даже отдал распоряжение гватемальскому послу в Вашингтоне «немедленно связаться с Томасом Манном [помощником госсекретаря по межамериканским делам] для координации действий» [5]. Впоследствии, чтобы хоть как-то дистанцироваться от столь явного сотрудничества с янки, президент был вынужден делать заявления о том, что такие страны, как Гватемала, находятся в уязвимом положении, потому что «Куба является сателлитом мощной России», а «мы не являемся сателлитом США» [6].

Последствием поражения явился и тот факт, что, уйдя в подполье, оппозиционные офицеры стали более радикальными. Во время восстания они отвергали предложения крестьян поддержать их, хотя эта поддержка и носила бы очень ограниченный характер, так как борьба за социальные изменения не была первоочередной задачей восставших. Но, оказавшись в подполье, оппозиционеры были вынуждены теснее контактировать с крестьянами и признать, что крестьянам действительно нужна земля для того, чтобы выбраться из своего бедственного положения [7]. В 1962 году некоторые офи-

церы стали руководителями партизанского движения, в название которого были включены слова «тринадцатое ноября». В своем первом обращении повстанцы заявили:

«Демократия давно оставила нашу страну. Ни один народ не может жить в стране, где отсутствует демократия. Именно поэтому в нашей стране повышенный спрос на перемены. Мы должны свергнуть правительство Идигораса и привести к власти такое правительство, которое соблюдает права человека, ищет пути и средства для преодоления трудностей, а также проводит серьезную и заслуживающую уважения внешнюю политику» [8].

Простое желание, просто сформулированное — но, как видим, оно оказалось в противоречии с намерениями США. Ибо если Вашингтон смог легко разделаться с законно избранным правительством Гватемалы в 1954 году, повстанцы могли воздействовать на него не больше, чем морские волны на скалы или воющие волки на луну.

24. Франция — Алжир, 1960-е

ГОСУДАРСТВО — ЭТО ЦРУ!

Когда Джон Кеннеди вступил в должность президента в январе 1961 года, он столкнулся с ЦРУ на пике могущества. За первые 14 лет существования Управления Конгресс США не провел ни одного расследования его деятельности, не создавалось никаких контрольных комиссий. Независимые рабочие группы, которые провели в этот период четыре расследования деятельности ЦРУ, постарались, чтобы все секретные операции Управления так и остались секретными, за одним исключением — инцидента с U-2 годом ранее. В прессе не появилось ни одного скандала, ни одной критической публикации. То же, что получило огласку — перевороты в Гватемале и в Иране, — преподносилось как успехи ЦРУ. Белый дом и послушные СМИ тщательно скрывали от общественности провал ЦРУ в Индонезии в 1958 году, заслуживавший серьезного внимания.

Вероятно, у ЦРУ было больше штатных сотрудников — не считая его многочисленных платных агентов, работавших под официальным и неофициальным прикрытием за рубежом, чем у Госдепартамента. Часто руководитель резидентуры ЦРУ в той или иной стране служил там дольше, чем посол, и имел большее финансирование и влияние. Когда это было нужно для их целей, представители ЦРУ в обход посольства и принятого протокола выходили непосредственно на руководителя страны и других высокопоставленных лиц.

ЦРУ обладало собственными военными силами, включая ВВС и дипломатическую службу со своей внешней политикой, хотя она, конечно, не шла вразрез с фундаментальными целями США в холодной войне и антисоветической идеологией.

Не боясь разоблачений или осуждения, ЦРУ не стеснялось экспериментов в стиле доктора Стрейнджлава по контролю над человеческим разумом и разработке биохимического оружия (см. фильм режиссера Стенли Кубрика «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу», вышедший в разгар холодной войны. — Прим. ред.). В результате этих экспери-

ментов в небе над Соединенными Штатами было распылено огромное число бактерий, что привело к болезням и смертям.

Все это давало пьянящее чувство — играть в мужские игры детскими игрушками. ЦРУ не принимало ни малейших ограничений свободы своей деятельности: они были британскими колониальными губернаторами, а весь мир — их Индией.

Затем, в середине апреля, последовал провал операции ЦРУ в Заливе Свиней на Кубе. Международные страсти не успели утихнуть, а Управление снова оказалось на первых страницах международной прессы. 22 апреля четыре французских генерала захватили власть в Алжире, пытаясь оставить страну в составе Франции. Пutsch, длившийся четыре дня, был следствием прямой конфронтации с президентом Франции Шарлем де Голлем (Charles de Gaulle), провозгласившим курс на то, чтобы «Алжир управлялся не из Франции, а самими алжирцами».

На следующий день левая итальянская газета *Il Paese* сообщила: «Недивительно, что некоторые источники в Париже обвиняют американские спецслужбы во главе с Алленом Даллесом в участии в заговоре четырех радикальных генералов» [1].

Остается загадкой, была ли *Il Paese* первоисточником этого обвинения. Даллес сам позже писал, что итальянская газета была «одной из первых, кто заявил об этом». По словам Даллеса, «все это было чистой мистификацией, подстроенной коммунистами» [2].

Газета «Нью-Йорк таймс» сообщила, что обвинение, очевидно, начало циркулировать на уровне слухов в день путча [3]. Ее поддержала «Вашингтон стар» (*Washington Star*), добавив, что старт этим слухам был положен «второстепенными чиновниками в Елисейском дворце по их собственной инициативе», которые дали репортерам понять, «что заговор генералов был поддержан радикальными антикоммунистическими элементами в правительстве и вооруженных силах США» [4].

Каким бы ни было их происхождение, слухи быстро расползлись по всему миру, а французское МИД не стало опровергать передовицу газеты «Монд» (*Le Monde*) от 28 апреля, в которой говорилось, что «США во время последнего кризиса вели себя неумело. Достоверно установлено, что американские агенты более или менее активно поддерживали генерала Шалля (Challe) [руководителя путча]... Президент Кеннеди, конечно, об этом не знал» [5].

Все источники соглашались с тем, что если ЦРУ действительно причастно к путчу, то это было сделано по двум причинам. Во-первых, существовало опасение, что если Алжир получит независимость, в скором времени там к власти придут «коммунисты», которые были в рядах Фронта национального освобождения (ФНО, National Liberation Front), в течение нескольких лет воевавшего с французской армией в Алжире во время знаменитой битвы за Алжир. Ождалось, что именно с ФНО де Голль будет вести мирные переговоры. Во-вторых, ЦРУ надеялось, что этот процесс ускорит отставку де Голля, поскольку именно он был основным препятствием на пути осуществления

планов США в рамках блока НАТО. Среди прочего, генерал отказывался передавать французскую армию под единое военное командование и был против эксклюзивного американского контроля над ядерным оружием альянса.

Все сходились также на том, что мятежные генералы рассчитывали на поддержку со стороны важных военных и гражданских кругов Франции, чтобы перенести восстание в метрополию и свергнуть де Голля. Несмотря на маловероятность такого развития событий, французское правительство отнеслось к угрозе всерьез, и французский премьер Мишель Дебре (Michel Debré) выступил по телевидению, предупредив о возможной высадке парашютистов в Париже и выступлениях оппозиции [6].

Реакция в американской прессе имела различный характер. Обозреватель «Вашингтон пост» Маркис Чайлдс (Marquis Childs) писал, что французы были так потрясены путчем генералов, что просто обязаны были найти козла отпущения. В то же время он цитировал «одно из самых высокопоставленных должностных лиц Франции»:

«Конечно, ни ваше (американское) правительство, ни Государственный департамент, ни президент не имели с этим ничего общего. Но когда у вас так много агентов во всех частях света, то неудивительно, что некоторые из них могли вступить в контакт с алжирскими генералами» [7].

Журнал «Тайм» смягчал историю, повторяя, что Соединенные Штаты были сделаны козлом отпущения и что ЦРУ стало «любимой мишенью прессы в последние недели» [8].

Джеймс Рестон (James Reston) писал в «Нью-Йорк таймс»:

ЦРУ «вовлечено в неловкую связь с антиголлистскими офицерами, которые организовали на прошлой неделе в Алжире восстание... [события в Заливе Свинарь и Алжире] дают понять, что ЦРУ вышло за границы объективного ведомства по сбору информации и стало защитником людей и политики, которые ставят правительство в неловкое положение» [9].

Однако К. Л. Зульцбергер (C. L. Sulzberger), который был в «Нью-Йорк таймс» сотрудником, самым близким к ЦРУ со дня его основания, категорически заявил, что «никакие лидеры мятежников не имеют никакого отношения ни к одному американцу в Алжире... Ни один сотрудник консульства не встречался с мятежниками». Спустя несколько дней, однако, госсекретарь Дин Расс (Dean Rusk) рассказал, что эмиссары мятежных французских генералов просили помочь в американском консульстве в Алжире, но получили отказ.

По мнению Зульцбергера, все эти слухи были частью преднамеренной программы по «дискредитации франко-американских отношений», запущенной в Москве, но поддержанной «антиамерикански настроенными французскими чиновниками» и «наивными людьми в Вашингтоне... Любой желающий может убедиться, что все это началось статьей в московских «Из-

вестиях» от 25 апреля» [10]. Последнее утверждение, как мы видели выше, не соответствует истине.

Известный американский обозреватель Уолтер Липпманн (Walter Lippmann), встречавшийся с де Голлем в Париже незадолго до путча, писал:

«Причина, по которой французское правительство не хочет снимать с ЦРУ обвинения за его поддержку мятежных алжирских генералов, заключается в том, что оно и так было сердито на ЦРУ из-за постоянных вмешательств во внутреннюю политику Франции. Французские обиды, оправданные или нет, связаны с недавним принятием французского законодательства о ядерном оружии и предполагаемых попытках агентов ЦРУ помешать его принятию» [11].

Журнал «Ньюсвик» (Newsweek) повторил утверждение, что именно «французские официальные лица» были основными источниками слухов с самого начала. Столкнувшись с вызовом со стороны американской администрации, французы стали отрицать свое авторство и пытались смягчить обвинения. Некоторые французские чиновники в конечном итоге объявили, что вопрос закрыт, хотя так и не смогли явно исключить утверждения о вмешательстве со стороны США [12].

В начале мая 1961 года популярный французский либеральный еженедельник «Экспресс» (L'Express) опубликовал, возможно, первый подробный отчет об этом таинственном деле. Алжирский корреспондент журнала Клод Криф (Claude Krief) сообщал:

«И в Париже, и Вашингтоне сейчас известны факты, хотя они никогда не будут преданы огласке. Высокопоставленные французские чиновники не делают из этого тайны при конфиденциальном разговоре: «ЦРУ играло прямую роль в алжирском перевороте и, безусловно, в значительной степени повлияло на генерала Шалля в его решении начать путч» [13].

Незадолго до этих событий Шарль де Голль занимал пост главнокомандующего войсками НАТО в Центральной Европе, что позволяло ему ежедневно контактировать с американскими офицерами [14]. Криф писал, что некоторые американские официальные лица в НАТО и Пентагон благоволили Шаллю, и что у генерала было несколько встреч с агентами ЦРУ, которые дали ему понять, «что если мы избавимся от де Голля, то это будет большой услугой для всего свободного мира». Криф отмечал, что Шалль, несмотря на чрезмерное тщеславие, был очень осторожным и серьезным человеком: «Все люди, которые хорошо его знают, глубоко убеждены в том, что это ЦРУ подтолкнуло его к решительным шагам».

За год до того в Вашингтоне за завтраком состоялась встреча бывшего генерал-губернатора Алжира Жака Сустеля (Jacques Soustelle), публично выражавшего свое несогласие с политикой генерала де Голля, с представителями ЦРУ, включая Ричарда Бисселла (Richard Bissell), руководителя тайных опе-

раций. По мнению Крифа, Сустель убеждал представителей Управления, что из-за нерасторопности де Голля Алжир превратится в «советскую базу». Этот завтрак стал серьезным поводом для предположений о возможной роли ЦРУ в алжирских делах. Газета «Нью-Йорк таймс» и другие сообщили, что завтрак был организован Управлением для Сустеля [15]. Однако американские чиновники утверждали, что завтрак организовал кто-то из французского посольства по просьбе Сустеля. По их словам, представитель посольства присутствовал на этом мероприятии, и таким образом, никакого заговора там быть не могло [16]. Остается тайной, почему французское посольство организовало завтрак для непримиримого врага де Голля, которого всего двумя месяцами ранее изгнали из кабинета генерала за его симпатии к радикалам. Точно также не объяснялось и присутствие там ЦРУ. В любом случае, глупо думать, что это была единственная возможность для встречи Сустеля и ЦРУ во время его пребывания в США, которое продолжалось больше недели.

Споры возникли и вокруг тайной встречи в Мадриде. Криф датирует ее 12 апреля 1961 года и описывает как встречу «различного рода иностранных агентов, включая представителей ЦРУ и алжирских заговорщиков, которые раскрыли свои планы людям из ЦРУ». По имеющимся сведениям, американцы жаловались на то, что политика де Голля «парализует НАТО и делает невозможной оборону Европы», и заверяли генералов-заговорщиков в том, что если их план удастся, то новое правительство Алжира может быть признано в течение 48 часов.

Возможно, французское правительство действительно располагало доказательствами соучастия ЦРУ в этом заговоре. Однако в неестественном мире международной дипломатии это не обязательно должно было привести к публичному обнародованию такой информации. Такой шаг мог послужить поводом к открытой конфронтации между Францией и Соединенными Штатами, а такого затруднительного положения старались избежать обе стороны. Кроме того, такая ситуация вынуждала французов предпринять какие-то шаги. Но какие? Разрушить отношения с США было нереально для Франции, да и не было у французов возможности оказать военное или экономическое давление на Соединенные Штаты. Однако французские лидеры были слишком разгневаны, чтобы спустить этот вопрос на тормозах. И чтобы хоть что-то предпринять, они выбрали сценарий закулисных интриг, со всеми его недостатками.

Точно так же и Соединенные Штаты знали, что советские спецслужбы по крайней мере в течение целого года перехватывали телефонные разговоры в правительстве и Конгрессе США. Но никаких публичных заявлений не последовало, потому что не было технических возможностей прекратить эту практику [17]. К тому же дело касалось «врага», а не союзника.

Между 1958 годом и серединой 1960-х произошло около 30 серьезных покушений на жизнь Шарля де Голля. И это не считая огромного количества попыток покушения, не вышедших за рамки стадии планирования [18]. Как говорят, для главы государства — это мировой рекорд. И как минимум в одном случае ЦРУ было соучастником заговора против французского президента.

К середине 1960-х годов противоречия между де Голлем и Вашингтоном относительно НАТО достигли максимальной точки. В феврале 1966 года он поставил крайний срок перед НАТО и США, по достижении которого их военные базы на территории Франции должны были быть или демонтированы, или переданы под контроль французского правительства.

В 1975 году газета «Чикаго трибьюн» (Chicago Tribune) в своей передовице писала:

«Конгрессменам был представлен доклад об участии ЦРУ в заговоре французских оппозиционеров с целью убийства де Голля. В минувшие две недели представителем ЦРУ были обнародованы некоторые детали этой схемы... Примерно в середине 1960-х — вероятно, в 1965 или 1966 году — оппозиционеры в правительстве де Голля вошли в контакт с представителями ЦРУ, чтобы ликвидировать французского президента. Неизвестно, кто первым вышел на контакт. По словам представителя ЦРУ, состоялось обсуждение того, как лучше устранить де Голля, который к тому времени стал настоящей занозой для президента Джонсона из-за своего стремления убрать американские военные базы из Франции и требования вывести американские войска из Индокитая. Так что этот план появился в ходе переговоров между французской оппозицией и ЦРУ. Правда, нет никаких доказательств того, что он продвинулся дальше разговоров.

Убийца с отправленным перстнем должен был проникнуть в группу ветеранов, для которых де Голль устраивал прием. Убийца должен был подойти к президенту в конце мероприятия, когда руки де Голля устали и онемели бы от сотен рукопожатий. Убийца бы пожал руку, а генерал вряд ли обратил внимание на небольшой укол. После этого убийца затерялся бы в толпе, пока яд по венам президента дошел до его сердца или мозга, в зависимости от конкретного отравляющего вещества. Насколько быстро должна была наступить смерть — не указывалось, даже если это и обсуждалось на встрече.

В докладе, представленном конгрессменам, нет ни одного намека на то, какой должна была быть практическая роль ЦРУ в реализации этого замысла» [19].

Оппозиционеры, участвовавшие в предполагаемом заговоре, были озлобленными армейскими офицерами и бывшими жителями Алжира, которые не могли простить де Голлю «поруганную честь Франции» в результате его отказа от этой североафриканской колонии.

В устных заявлениях представителей ЦРУ перед Конгрессом нет никаких упоминаний о вовлеченности в заговор Линтона Джонсона, хотя известно, что они с де Голлем не любили друг друга. Французский лидер был уверен, что именно американский президент стоит за неудачей его визита в Южную Америку в 1964 году. Он полагал, что ЦРУ использовало свою сеть для того, чтобы предотвратить высокую явку людей на его встречу [20]. Существуют доказательства того, что это не было просто паранойей генерала. В 1970 году Конгресс заслушал доклад профессора политологии Йельского университета Альфреда Степана (Alfred Stepan), который рассказал о своем опыте пребы-

вания в Южной Америке в 1964 году, когда был корреспондентом журнала «Экономист» (The Economist):

«Когда де Голль планировал поездку по Южной Америке, то многие опрошенные латиноамериканцы [сотрудники различных посольств] рассказывали, что они столкнулись с давлением различных американских групп, требовавших холодного приема де Голля, так как Латинская Америка была традиционной зоной влияния США» [21].

После появления в «Чикаго трибьюн» этой истории директор ЦРУ Уильям Колби (William Colby) подтвердил, что «иностранные» обратились к Управлению за помощью в заговоре с целью убийства де Голля. По словам Колби, Управление отвергло эту идею, но он не знал, было ли предупреждено о ней французское правительство [22]. Пока не очень понятно, шла ли в словах Колби речь о том же эпизоде, который упоминался в «Чикаго трибьюн».

Шарль де Голль мирно скончался в возрасте 80 лет, сидя в кресле перед телевизором и наблюдая за перипетиями сентиментального сериала «Нану» (Nanou). Это произошло ранним вечером в понедельник 9 ноября 1970 года.

25. Эквадор, 1960–1963

ПОСОБИЕ ПО ГРЯЗНЫМ ДЕЛАМ

Если бы Книга рекордов Гиннесса включала в себя такую категорию, как цинизм, то в ней была бы отмечена деятельность ЦРУ по созданию подставных «левых» организаций, осуждающих бедность, болезни, неграмотность, капитализм и США для того, чтобы привлечь на свою сторону убежденных сторонников и их финансовые средства из настоящих левых организаций.

Маленькая страна Эквадор в начале 1960-х годов представляла собой классический пример неразвитой «банановой» республики. Впрочем, она остается такой и поныне. Фактически страна находилась на самом дне в плане экономического развития среди стран Южной Америки. В стране всего один процент населения получал доход, соразмерный стандартам зажиточных слоев общества США, в то время как две трети населения имели средний ежемесячный доход на семью, равный приблизительно десяти долларам США, то есть люди попросту находились за рамками товарно-денежного оборота, на низком уровне социальной интеграции и участия в жизни страны. Такая ситуация была типична для стран Латинской Америки.

В сентябре 1960 года к власти в стране пришло новое правительство во главе с Хосе Мария Веласко Ибарра (Jose Maria Velasco Ibarra). Веласко Ибарра одержал уверенную победу на выборах, отстаивая расплывчатые либеральные, популистские взгляды, «что-нибудь значащие для каждого». Он не был Фиделем Кастро, он даже не был социалистом, но он вызвал ярость Госдепартамента США и ЦРУ из-за своей непреклонности по отношению к двум приоритетным направлениям американской политики в Эквадоре: разрыву отношений с Кубой и подавлению активистов коммунистической партии и остальных левых.

В течение последующих трех лет, преследуя данные цели, ЦРУ сделало все возможное, чтобы не упустить свой шанс. Итак, откроем подлинное пособие по тайной подрывной деятельности. На страницах этого пособия будет много информации, основанной на жизненном опыте Филипа Эйджи (Philip Agee), кадрового сотрудника резидентуры ЦРУ в Эквадоре в тот период [1].

Почти все значимые политические организации, от крайне левых до крайне правых, были нашпигованы агентами, часто на самом высоком уровне. Помимо прочих задач агенты, действовавшие в рядах левых, должны были удержать молодых радикалов от оказания поддержки Кубе и от антиамериканизма. Те же, кто проник в ряды правых, должны были инспирировать и координировать деятельность в соответствии с приоритетами ЦРУ. Если же в какой-то момент не находилось организации, подходящей для обслуживания подобных нужд, то она создавалась.

Или появлялась новая группа «обеспокоенных граждан» во главе со знаменитыми деятелями, которые размещали на страницах ведущих газет статьи, осуждающие проникновение ультралевых в правительство и требующие разорвать отношения с Кубой. Или один из знаменитых деятелей выступал с речью, подготовленной ЦРУ, а затем редактор газеты или хорошо известный журналист — оба в штате ЦРУ — восхваляли ее.

Некоторые из этих организаций действительно существовали. Другие были обычной «липой». Однажды сотрудник ЦРУ, который создал несуществующую организацию «Антикоммунистический фронт Эквадора», был очень удивлен, прочитав в утренней газете, что такая организация уже существует. Он изменил название своей организации на «Антикоммунистическое движение Эквадора».

Особое внимание уделялось заигрыванию с рабочим классом. Придумывались, изменялись, прекращали существование и придумывались заново названия многочисленных рабочих организаций — иногда, кроме бланков, у них не было ничего. Эти яростные усилия прилагались для того, чтобы найти нужную комбинацию слов в названии, в деле соперничества с существующими настоящими левыми профсоюзами и увести у них силы и популярность. Профсоюзных лидеров приглашали на различные курсы обучения и тренинги, проводившиеся ЦРУ в Эквадоре или США (при этом все расходы оплачивались) для того, чтобы ознакомить их с опасностью, которую представляет коммунизм для профсоюзного движения, и для подбора потенциальных агентов.

Эти усилия не обходились без курьезов. Агенты ЦРУ иногда соперничали друг с другом с целью получения лучшей должности в этих рабочих организациях, созданных ЦРУ. Временами деятели эквадорских, созданных ЦРУ, организаций встречались на «международных конференциях» с представителями, также созданных ЦРУ, рабочих организаций из других стран, и почти никто из участников этих конференций точно не знал, кто есть кто и что есть что.

В Эквадоре, как и почти повсюду в Латинской Америке, ЦРУ распространяло антикоммунистические новостные сообщения в сотрудничавших с Управлением газетах. Впоследствии данные сообщения подхватывались другими резидентурами ЦРУ в Латинской Америке и распространялись через новостные агентства, принадлежавшие ЦРУ радиостанции или бесчисленное число журналистов, работавших с Управлением сдельно. К тому же сообщения неосознанно подхватывались и другими средствами массовой информации,

включая американские. Антикоммунистическая пропаганда и искаженные — часто вплоть до противоположного — новости, состряпанные на кухне ЦРУ, также печатались как редакторские колонки латиноамериканских газет.

Практически в каждом департаменте правительства Эквадора можно было найти людей на любых должностях, сотрудничавших с ЦРУ ради денег и/или по иным соображениям. Был момент, когда ЦРУ располагало агентами в правительстве, занимавшими вторые и третьи посты в высших эшелонах власти страны.

Такие агенты в правительстве получали преимущество благодаря информации, поставляемой им ЦРУ, собираемой Управлением путем прослушивания и другими средствами: владение более полными данными позволяло им завоевывать авторитет, быстрее продвигаться по карьерной лестнице и укреплять свое положение в хаосе политической жизни Эквадора. Высокопоставленный министр с левыми взглядами, наоборот, становился объектом постоянной негативной пропагандистской кампании из всех источников, имевшихся в арсенале ЦРУ. Против министра были организованы демонстрации, что усилило давление на президента.

Министр почты, как и его сотрудники, состоял на службе ЦРУ и регулярно переправлял почту с Кубы и из стран советского блока в ЦРУ для внимательного изучения. Параллельно сотрудники таможенной службы и глава миграционной службы сообщали ЦРУ о тех, кто приезжал с Кубы или туда выезжал. Когда ставший объектом нападок человек возвращался с Кубы, его обыскивали в аэропорту и «находили» у него документы, подброшенные ЦРУ. Такие документы предавались огласке, насколько было возможно, и могли содержать инструкции по «усилению межклассовой ненависти» или иные материалы, способные повлечь раскол в рядах коммунистической партии. Обычно документы «подтверждали» самые худшие страхи общественности о планах коммунистов осуществить государственный переворот в Эквадоре при поддержке Кубы или СССР. При этом «обнаруживалась» причастность к этим планам определенного представителя левого движения Эквадора, за головой которого как раз и охотилось ЦРУ. Подобные разоблачения, сфабрикованные ЦРУ в других странах Латинской Америки, распространялись в Эквадоре с четким посыпом: Эквадор будет следующим.

Финансирование Управлением консервативных групп в квазирелигиозных кампаниях против Кубы и «атеистического коммунизма» помогло серьезно ослабить авторитет президента Веласко Ибарра среди бедных слоев населения, преимущественно индейцев, которые в подавляющем большинстве голосовали за него, но были еще более глубоко преданы своей религии.

Когда ЦРУ требовалось узнать реакцию президента на их кампанию, было достаточно обратиться к его врачу, агенту ЦРУ доктору Фелипе Овалле (Felipe Ovalle), который всегда мог доложить, в какой момент его пациент больше страдает от переутомления.

Агенты ЦРУ могли устраивать взрывы в церквях и штаб-квартирах правых организаций, при этом сваливая вину на левых. Они могли участвовать

в демонстрациях левых, выкрикивая лозунги чрезвычайно провокационного антивоенного содержания с тем, чтобы вызвать неприязнь у военных и ускорить совершение государственного переворота.

Грязные дела ЦРУ не всегда сходили Управлению с рук. Во время предвыборной кампании 19 марта 1960 года два полковника, ключевые агенты в национальной полиции, участвовали в беспорядках, целью которых было сорвать демонстрацию в поддержку Веласко Ибарры. Сотрудник ЦРУ Боб Везервокс (Bob Weatherwax) был в центре событий, управляя полицейскими подразделениями во время беспорядков, в ходе которых пятеро сторонников президента были убиты и многие ранены. Когда Веласко Ибарра стал президентом, он арестовал двух полковников, а Везервокса попросили покинуть страну.

Поддерживаемые ЦРУ акции проводились без информирования посла США. Когда посольство Кубы публично обвинило ЦРУ в причастности к различным антикубинским акциям, посол США выступил с заявлением, которое «заставило всех в резидентуре [ЦРУ] презрительно усмехнуться». Посол заявил: «Единственными агентами в Эквадоре, которым платят США, являются работники технической службы, приглашенные правительством Эквадора для содействия в деле повышения уровня жизни эквадорцев».

Наконец, в ноябре 1961 года вооруженные силы сыграли свою роль. Веласко Ибарра был вынужден уйти в отставку, и его сменил вице-президент Карлос Хулио Аросемена (Carlos Julio Arosemena). На этот раз на пост вице-президента претендовали два основных кандидата. Один из них был заместителем председателя Сената, агентом ЦРУ; другой — ректором Центрального университета, умеренным политиком. В день, когда для принятия решения был созван Конгресс, в утренней газете появилась заметка о поддержке кандидатуры ректора со стороны коммунистической партии и радикальной левой молодежной организации. Заметка принадлежала журналистом, который был главным специалистом по пропаганде в резидентуре ЦРУ в Кито. Ректор был скомпрометирован, опровержения поступили слишком поздно, и агент ЦРУ одержал победу. Его месячная заработка плата, выплачиваемая Управлением, увеличилась с 700 до 1000 долларов США.

Вскоре Аросемена стал нужен ЦРУ не больше, чем Веласко Ибарра. Деятельность ЦРУ продолжалась, в частности кампания по разрыву отношений с Кубой, что Аросемена решительно отказывался делать. Тупиковая ситуация была разблокирована в марте 1962 года военным гарнизоном во главе с полковником Aurelio Naranjo (Aurelio Naranjo): Аросемене было предоставлено 72 часа на то, чтобы выдворить кубинцев из страны и изгнать из правительства министра труда, придерживавшегося левых взглядов (нет необходимости уточнять, кто финансировал Наранхо). Аросемена выполнил ultimatum, а также выдворил из страны чешскую и польскую делегации — от имени нового кабинета министров, навязанного ему.

В резидентуре ЦРУ в Кито победу праздновали с шампанским. Кое-где в Эквадоре люди, разозленные властью военных и осознающие безнадежность

своего положения, взялись за оружие. Но в данном случае, как и в других, все свелось к ничтожному результату.. Малочисленная группа людей, плохо подготовленных и вооруженных, инфильтрованная агентами, докладывавшими в Управление о каждом их шаге, противостояла десантному батальону, вооруженному по последнему слову техники и обученному в США. Это то, что было на самом деле. А в прессе небольшая группа разрослась до «нескольких сотен человек», вооруженных не только «до зубов», но и оружием «из-за рубежа» (читайте — кубинским), и вся операция была «тщательно спланирована на съезде коммунистической партии» за месяц до событий.

11 июля 1963 года президентский дворец в Кито был окружен танками и пехотой. Аросемена был свергнут, а к власти пришла хунта, первым указом которой стало объявление коммунистов вне закона. «Коммунисты» и другие «ультралевые» были схвачены и брошены в тюрьмы. Аресты упрощались наличием списка ЦРУ по контролю над деятельностью подрывных элементов (Subversive Control Watch List). Стандартный для большинства резидентур ЦРУ, данный список включал по каждому объекту наблюдения имена и адреса его родственников и друзей, места частого посещения, то есть все, что может помочь выследить человека, когда придет время.

Действие гражданских свобод было временно приостановлено, выборы 1964 года отменены — еще одна история, не раз звучавшая в Латинской Америке.

И что в течение этих трех лет говорили американцам о дьявольском вареве секретных операций, проводимых, предположительно, ради их блага? Очень немногое, если читать «Нью-Йорк таймс». Ни разу за весь период, до и во время переворота, ни в одной газетной статье в Эквадоре не было ни одного указания на то, что ЦРУ или другие американские государственные службы сыграли какую-либо роль в произошедших в стране событиях. Ложь вскрывается, если читатель обладает дополнительными знаниями и способен читать между строк.

За одним исключением. После переворота в самом низу двадцатой страницы «Нью-Йорк таймс» прошло очень маленькое объявление о том, что радио Гаваны обвинило США в подстрекательстве к военному перевороту [2]. Кубинское правительство регулярно и публично раскрывало американские операции в Эквадоре, но теперь это впервые сделала «Нью-Йорк таймс». Напрашивается вопрос: почему эти обвинения считаются недостойными для освещения или комментариев, а также проведения отдельного расследования?

26. Конго, 1960–1964

УБИЙСТВО ПАТРИСА ЛУМУМБЫ

Уже через несколько дней после обретения независимости от Бельгии, 30 июня 1960 года, страна, долгое время известная как Бельгийское Конго, а позднее Заир, погрузилась в хаос: многочисленные лидеры, племена и политические группы начали борьбу за власть или независимость. В течение последующих нескольких лет в мировой прессе постоянно появлялись новости о сменяющих друг друга правительствах Конго, бесконечных заговорах и новых лицах на политической арене страны. На страницах газет постоянно мелькали экзотические географические названия, такие как Стенливилль и Леопольдвилль, а также шокирующие рассказы о захватах европейцев в заложники и белых наемниках, насилии и жестокости во всех ее проявлениях, имеющих при этом расовую подоплеку.

В этот хаос были «естественно» вовлечены и страны Запада. Так, Бельгия пыталась защищать свои инвестиции в разработку полезных ископаемых, а США, как всегда, были сосредоточены на борьбе с «коммунизмом», не забывая при этом и об огромном богатстве Конго.

Администрации президентов Эйзенхауэра, Кеннеди, Джонсона рассматривали страну через призму холодной войны и считали ее полем битвы между Западом и Востоком. Резидентура ЦРУ в Конго в августе сообщила в Вашингтон: «И посольство, и резидентура уверены в том, что коммунисты планируют захватить власть в Конго». Директор ЦРУ Аллен Даллес предупреждал о «катастрофических последствиях прихода коммунистов к власти в стране... для мира во всем мире». В то же самое время Даллес санкционировал создание фонда в 100 тысяч долларов на финансирование смешения действующего правительства Патриса Лумумбы и замены его на «прозападную группу политиков» [1].

Неизвестно, каким образом ЦРУ пришло к выводу о том, что правительство Лумумбы собиралось выбрать коммунистический путь развития страны, но нам доподлинно известно, как к тому же выводу пришла газета «Вашингтон пост»:

«Западные дипломаты являются свидетелями того, как... часть страны [Конго], находящаяся под управлением непостоянного в своих политических взглядах премьер-министра Патриса Лумумбы, постепенно смещается в сторону коммунистического блока... Даже если не брать в расчет активную деятельность в стране представителей коммунистических государств, картина происходящего становится очевидной для специалистов по коммунизму. Пугающая перемена позиции премьера Лумумбы, его открытое противостояние ООН и Генеральному секретарю Дагу Хаммаршельду (Dag Hammarskjold), постоянно проводимая им агитация среди населения страны, в большинстве своем неграмотного, могут иметь только одно объяснение, считают постоянные наблюдатели» [2].

Много лет спустя заместитель госсекретаря США Дуглас Диллон (Douglas Dillon) рассказал следственной комиссии Сената (Комиссии Черча), что Совет национальной безопасности и президент Эйзенхаэр в 1960 году были уверены в том, что Лумумба был «человеком, с которым очень сложно, практически невозможно иметь дело, и он представляет угрозу для мира и безопасности во всем мире» [3]. Писатель Джонатан Квитни (Jonathan Kwitny) в связи с этим заявлением отметил:

«Могли в 1956 году босоногий почтальон из джунглей хотя бы в мечтах представить, что уже через какие-нибудь несколько лет он будет представлять угрозу для мира и безопасности во всем мире! Такое суждение кажется лишенным смысла, особенно если учитывать, что оно исходит от Совета национальной безопасности, который действительно располагал возможностями положить конец существованию человечества за несколько часов» [4].

Патрис Лумумба стал первым премьер-министром Конго после того, как его партия получила большинство голосов на всенародных выборах. Он призывал к политическому и экономическому освобождению страны и не стеснялся своих контактов с представителями социалистических государств. На церемонии по случаю Дня независимости он произнес речь, в которой настроил против себя всех присутствовавших высокопоставленных иностранных чиновников. Ниже приведены выдержки из этой речи:

«Восемьдесят лет наша страна находилась под гнетом колониального владычества... Мы познали утомительный труд за такие деньги, которых не хватало даже на то, чтобы утолить голод... Мы прошли через насмешки, оскорбления, избиения, которые продолжались с утра и до ночи, потому что мы были «неграми»... Мы узнали о том, что закон не един для белого и чернокожего человека... Мы подвергались гонениям за наши политические взгляды и религиозные верования... Мы знали, что в городах для белого населения строятся роскошные дома, в то время как негры должны были жить в ветхих соломенных хижинах» [5].

Следует учитывать, что в 1960 году, когда и в Америке все еще действовала сегрегация и зверствовал ку-клукс-клан, такую речь в подобных

обстоятельствах действительно можно было считать радикальной и провокационной.

11 июля провинция Катанга — район, в котором сосредоточены основные залежи меди, кобальта, урана, золота и других природных богатств, — объявила об отделении. Бельгия, являвшаяся главным собственником всех этих богатств, никогда не собиралась отказываться от своей власти в стране и поддержала независимость Катанги, рассчитывая на то, что теперь все инвестиции будут сосредоточены в одной маленькой стране и при этом не будет необходимости платить налоги и отчитываться перед центральным правительством в Леопольдвилле. Более того, Катангу возглавлял Моис Чомбе (Moise Tshombe), который в высшей степени уважительно относился к белым и их инвестициям.

Администрация президента Эйзенхауэра поддержала бельгийское военное вмешательство в Катангу. Более того, посольство США даже направило просьбу на проведение подобного вмешательства до того, как решение было принято Бельгией. В значительной степени на выбор такого курса повлияло не только то, что Вашингтон отвергал идеологию Лумумбы, но и тот факт, что некоторые высокопоставленные лица в американской администрации имели финансовые связи с компаниями, занимающимися разработкой полезных ископаемых в Катанге [6].

Бельгийское вмешательство, отличавшееся особой жестокостью, незамедлительно получило осуждение со стороны Советского Союза, а также большого числа стран Африки и Азии. В результате, Совет Безопасности ООН 14 июля принял резолюцию, согласно которой Бельгия должна была вывести свои войска, а в страну должен быть введен контингент войск ООН. Данная резолюция вполне устраивала Соединенные Штаты, поскольку при Даге Хаммаршельде ООН являлась очень близким союзником Вашингтона. Операцию в Конго возглавили представители США, чьи кандидатуры определялись совместно с Госдепартаментом и без участия советской стороны. Советским сотрудникам в Секретариате ООН даже не показали записи переговоров по Конго. Хаммаршельд сам был крайне негативно настроен по отношению к Лумумбе [7].

Войска ООН вступили на территорию провинции Катанга и заместили бельгийские части, но не предприняли никаких усилий по предотвращению отделения провинции. Осознав, что он сам не сможет самостоятельно справиться с этим восстанием, а также еще с одним восстанием в другой провинции, Лумумба обратился в ООН и к правительству США с просьбой предоставить ему транспортные средства для переброски войск. Получив два отказа, он обратился за помощью к Советскому Союзу и получил ее, однако все его военные операции по-прежнему не имели успеха [8].

Смятие царило на всей территории Конго. 5 сентября президент Джозеф Касавубу (Joseph Kasavubu) неожиданно объявил об отставке Лумумбы с поста премьер-министра. Законность этого шага была крайне спорной: решение об отставке было принято по настоянию и при активной поддержке со стороны США, а Касавубу «был цепным псом ЦРУ» [9]. Позже сенатская Комиссия

Черча сообщала, что этот шаг был предпринят «несмотря на то, что Лумумба имел сильную поддержку в парламенте Конго» [10].

В начале 1960-х годов, по словам высокопоставленного представителя ЦРУ, Управление «регулярно покупало и продавало конголезских политиков» [11]. Источники в дипломатических кругах США также подтверждают, что Вашингтон оказывал Касавубу помочь [12].

Хаммаршельд открыто поддержал отставку Лумумбы в Совете Безопасности. Когда бывший премьер попытался обратиться к народу страны, войска ООН заблокировали радиовещание. Тогда Лумумба выступил перед законодательным собранием страны и благодаря своему ораторскому искусству смог убедить обе палаты парламента проголосовать за его возвращение на должность премьер-министра. Однако сладость победы Лумумба мог ощущать в течение лишь нескольких дней, поскольку 14 числа произошел спланированный США военный переворот под предводительством генерала Джозефа Мобуту (Joseph Mobutu).

Даже в период, когда Лумумба не обладал всей полнотой власти, «ЦРУ и высшие чиновники в правительстве страны по-прежнему рассматривали его в качестве угрозы»; его «таланты и динамичность всегда оказывались главным фактором, позволявшим ему восстановить свои позиции, когда, казалось бы, все уже потеряно»; «Лумумба был выдающимся оратором, умеющим заставить народные массы действовать»; «если он... начинал произносить речь перед батальоном армии Конго, уже через пять минут все солдаты готовы были выполнить любой его приказ». [13].

В конце сентября ЦРУ направило в Конго одного из своих ученых, доктора Сиднея Готтлиба (Sidney Gottlieb), который вез с собой «смертельно опасный биологический материал» (вирус), специально предназначавшийся для убийства Лумумбы. Вирус, который способен вызвать болезнь, типичную для этого региона Африки, был доставлен дипломатической почтой [14].

В 1975 году Комиссия Черча объявила результаты расследования: приказ об устранении Лумумбы отдал Аллен Даллес, назвав убийство Лумумбы «срочной и основной задачей» (слова Даллеса) [15]. Несколько чиновников в своих показаниях заявили, что приказ убить африканского лидера поступил изначально от президента Эйзенхауэра; комиссия пришла к выводу о высокой вероятности такого хода событий [16].

Как показали дальнейшие события в Конго, вирус не был использован, поскольку резидентура ЦРУ в Конго не смогла найти «достаточно надежного агента с необходимым доступом» к Лумумбе до того момента, как биологический материал стал непригодным для использования [17].

При этом Комиссия Черча отмечала:

Резидентура ЦРУ в Леопольдвилле «продолжала поддерживать тесные связи с гражданами Конго, заявлявшими о своем желании убить Лумумбу. Офицеры ЦРУ поощряли этих людей и обещали помочь; однако свидетельств того, что подобная помощь когда-либо была оказана, не существует» [18].

Опасаясь за свою жизнь, Лумумба бежал. Некоторое время он скрывался от Мобуту под защитой ООН, которой под значительным международным давлением пришлось дистанцироваться от Вашингтона [19]. Однако 1 декабря Лумумба был пленен войсками Мобуту. Отчет ЦРУ от 28 ноября содержит доказательства того, что Управление принимало участие в определении местонахождения харизматического лидера Конго. В отчете говорится, что резидентура ЦРУ работала совместно с правительственные силами Конго и координировала усилия по установке блокпостов на дорогах и оповещению войск с целью предотвращения бегства Лумумбы [20].

Соединенные Штаты также участвовали в организации захвата власти генералом Мобуту, которого, как утверждает писатель и специалист по ЦРУ Эндрю Талли (Andrew Tully), выбрало для организации переворота именно ЦРУ [21]. Мобуту держал Лумумбу в заключении до 17 января 1961 года, а затем передал своего пленника в руки Моиса Чомбе, премьер-министра провинции Катанга, который являлся злейшим врагом бывшего премьер-министра страны. В тот же день Лумумба был убит.

В 1978 году бывший сотрудник ЦРУ, специалист по африканскому региону Джон Стоквелл (John Stockwell) передал в своей книге слова своего сослуживца о том, как тот вывозил тело Лумумбы в кузове своей машины, «пытаясь решить, что же с ним делать» [22]. Что же он в результате сделал, до сих пор скрыто от общественности.

Во время тюремного заключения Лумумбы американские дипломаты в Конго вели политику «порицания» насилия над ним и старались обеспечить для него «гуманное обращение», хотя делали они это «не из добрых чувств к нему, а под влиянием мнения международного сообщества» [23]. Незамедлительным и долгосрочным результатом убийства Лумумбы стало признание его мучеником и символом борьбы с империализмом в Африке и в странах третьего мира в целом. Именно этого американцы и опасались. Позднее даже Мобуту был вынужден воздвигнуть мемориал в память о человеке, ставшем его жертвой.

В отсутствии явного «коммунистического» врага, каковым был Лумумба, администрация Кеннеди, занявшего президентское кресло 20 января 1961 года, расходилась во мнениях по вопросу провинции Катанга. Хотя США продолжали активно участвовать — во имя стабильности Конго — в военной операции ООН, направленной на предотвращение отделения, Чомбе имел колоссальную поддержку в Конгрессе США. При этом чиновники Госдепартамента и Белый дом относились к нему крайне негативно. Экономические и дипломатические связи этих чиновников оказались еще более многообразными и противоречивыми, чем при администрации Эйзенхауэра, и это привело к отсутствию единого политического курса. Однако, по мнению советника и биографа Кеннеди Артура Шлезингера (Arthur Schlesinger), мнения обеих сторон по данному вопросу сходились в том, что необходимо препятствовать вероломным планам СССР и коммунистов в отношении Конго [24].

Политическое противостояние имело конкретные примеры. В то время как военно-воздушные силы США перевозили транспортными самолетами C-130 войска и технику для борьбы с повстанцами в провинции Катанга, ЦРУ и их соратники по подпольным операциям в Пентагоне готовили свою воздушную армаду тяжелых транспортных самолетов и подразделения наемников, чтобы оказать помощь тем самым повстанцам [25]. Это, по крайней мере, третий известный случай военных действий ЦРУ, направленных непосредственно против другого государственного ведомства США [26].

Более или менее единого мнения washingtonские политики придерживались в отношении другого известного представителя левых — Антуана Гизенги (Antoine Gizenga), который во время правления Лумумбы был вице-премьером. После отставки Лумумбы, по информации Комиссии Черча, руководитель резидентуры ЦРУ в Конго Лоуренс Девлин (Lawrence Devlin) просил «главного конголезского лидера» (предположительно Мобуту) «арестовать» или предпринять меры по «устранению Лумумбы, Гизенги и Мулеле». Пьер Мулеле (Pierre Mulele) был еще одним ближайшим соратником Лумумбы [27]. Гизенга был арестован вскоре после прихода Мобуту к власти, но ганский контингент войск ООН под командованием Кваме Нkrумаха (Kwame Nkrumah), который был союзником Лумумбы, провел операцию по освобождению бывшего вице-премьера [28].

В результате постоянно продолжавшихся перестановок в руководстве Конго 1 августа 1961 года Гизенга оказался в кресле вице-премьера в правительстве Сирила Адулы (Cyril Adoula). Уже к концу месяца Гизенга стал и лидером повстанческих сил, захвативших власть в районе Стенливиля и провозгласивших себя законным правительством всего Конго. Гизенга считал себя политическим и духовным наследником Лумумбы.

СССР, вероятно, верил в Гизенгу, поскольку советское правительство поддерживало его деньгами и оружием, которые поставлялись в страну через северного соседа Конго — Судан. Когда агенты ЦРУ узнали о том, что чехословацкое судно направляется в Судан с грузом оружия, упакованного в контейнеры с эмблемой Красного креста и выдаваемого за гуманитарную помощь для беженцев в Конго, Управление прибегло к своей излюбленной тактике — подкупу. Один из портовых крановщиков за определенное вознаграждение должен был случайно уронить ящик на землю при разгрузке. Крановщик справился с этой задачей, и все находившиеся в тот день в доке могли видеть кучу новых советских автоматов Калашникова, разбросанных повсюду. В результате еще одной не менее хитроумной операции, проведенной агентами ЦРУ в аэропорту Хартума (Судан), конголезский курьер лишился чемодана с деньгами от СССР, предназначавшимся для Гизенги [29]. В то же время Госдепартамент США:

«...убеждал Адулу... отправить Гизенгу в отставку, обвинить его в организации восстания против правительства страны и возбудить в отношении него уголовное дело. Мы также призываем ООН предпринять военное вмешательство с целью

подавления восстания... Мы прилагаем все возможные усилия, чтобы препятствовать получению Гизенгой любой помощи как зарубежной, так и внутри страны... Мы позаботились о том, чтобы помочь, которую оказывают США, поступала через центральное правительство и стала экономической поддержкой правительственной политики» [30].

ЦРУ поставляло оружие и обеспечивало деньгами сторонников Адулы и Мобуту [31]. Адула, который в прошлом тесно сотрудничал как с американским рабочим движением, так и с международным рабочим движением, организованным ЦРУ (через Международную конфедерацию свободных профсоюзов, International Confederation of Free Trade Unions; см. главу про Британскую Гвиану), был избран премьер-министром вместо Гизенги парламентской конференцией, участники которой были подкуплены не только ЦРУ, но даже и ООН. Меморандум, опубликованный ЦРУ, подтверждал этот факт: «ООН и Соединенные Штаты в результате скоординированных действий сыграли важную роль в этой значимой победе над Гизенгой» [32].

В январе 1962 года войска ООН при поддержке США вытеснили Гизенгу и его сторонников из Стенливилля, а еще год спустя они наконец вынудили Чомбе отказаться от отделения провинции Катанга от остальной части страны. Эти операции проводились во имя «объединения Конго». Никогда ранее войска ООН не проводили настолько масштабных наступательных операций, в связи с чем организация подверглась серьезной критике вплоть до обвинения в нарушении собственного устава. В любом случае, данные операции помогли только временно замедлить беспорядочный процесс смены лидеров, организации переворотов, создания независимых армий, объединения различных сил в альянсы.

Некоторую долю иронии и даже абсурда в описании американской политики в Конго вносит тот факт, что спустя три месяца после успешного завершения операции против Гизенги Аллен Даллес (на тот момент уже бывший директор ЦРУ из-за грандиозного провала в Заливе Свиней) в телевизионном интервью заявил, что США «переоценили угрозу» советского вторжения... «Казалось, что они всерьез намереваются захватить власть в Бельгийском Конго, но ничего подобного так и не произошло» [33].

Тем не менее к середине 1964 года, когда повстанческое движение, возглавляемое последователями Лумумбы и Гизенги, достигло пика своей силы, а крах центрального правительства был вполне предсказуем, США продолжали в невероятных масштабах предоставлять военную помощь режиму в Леопольдвалле. Помимо поставок вооружений и самолетов Вашингтон направил от 100 до 200 военных и технических советников в подразделения правительственных войск Конго. В то же время ЦРУ проводило специальные операции по борьбе с повстанцами на востоке страны [34].

Правительство теперь возглавлял не кто иной, как Моис Чомбе, «самый непопулярный африканец в Африке» из-за его широко известной роли в

убийстве популярного Лумумбы и из-за использования белых наемников — в основном из Южной Африки и Родезии — при попытке отделить от Конго провинцию Катанга. Чомбе оправдывал привлечение наемников тем, что его войска не пошли бы в бой без белых офицеров [35].

Чомбе еще раз призывал на службу своих белых наемников, численность которых составляла от 400 до 500 человек. ЦРУ, в свою очередь, также собрало собственный отряд наемников, куда входили американцы, участники боевых действий в Заливе Свиней, представители Родезии и Южной Африки. Последних ЦРУ вербовало при помощи правительства страны. Один из оперативников ЦРУ описывал действия Управления так: «Мы хотели заполнить джунгли нашими собственными зверями». Авиация ЦРУ регулярно проводила бомбардировки и наносила авиаудары по повстанцам, хотя, как сообщалось, кубинцы на службе США неохотно выполняли приказы поливать сплошным огнем гражданское население [36]. Описывая события 1966 года, газета «Нью-Йорк таймс» отмечала, что в Конго ЦРУ удалось создать «воздушные силы немедленного реагирования» [37].

Когда Китай передал США ноту протеста в связи с участием американских летчиков в боевых действиях на территории Конго, Госдепартамент США опроверг обвинения, а затем, противореча самому себе, стал настаивать на том, что американцы летают легально, «по контракту с правительством Конго». На следующий день представители Госдепартамента, получив заверения от «других правительственные органов США», заявили, что полеты будут прекращены. При этом Госдепартамент по-прежнему настаивал, что все дело в некоторых гражданских лицах, работавших по частным контрактам с правительством Конго, и это совершенно не нарушает законодательства США [38].

Конголезцы, против которых была направлена вся эта военная мощь, представляли собой коалицию различных сил. Некоторые из лидеров коалиции жили или учились в свое время в странах Восточной Европы, СССР или Китае и получали помощь в виде оружия, а также инструкции из этих стран. Однако при этом они не всегда придерживались коммунистических взглядов, точно так же, как не всегда лидеры стран третьего мира, получившие образование в США, выбирали для себя западную или капиталистическую идеологию. Это не относилось к профессиональным военным, которые, в отличие от гуманитарного среза общества, представляли собой однородную идеологическую прослойку — они придерживались консервативных, авторитарных взглядов и были враждебно настроены в отношении коммунистов.

Африканский ученый М. Кроуфорд Янг (M. Crawford Young) отмечал в своих работах: «Для лидеров коалиции основными задачами были свержение режима в Леопольдвалле, немедленное обретение жителями Конго власти над судьбой своей страны и социальные обязательства, смутно похожие на социалистические. Хотя в результате все это оказалось скорее общим видением и стилем выражения, а не четкой совокупностью идей» [39]. У повстанцев не было революционной программы, которую они могли бы провозгласить.

В рамках коалиции активно существовали различные эзотерические церкви, мессианские секты, борцы с ведьмами и иные оккультные группы, а также обычные оппортунисты. Многие повстанцы считали, что магия местных злахарей и колдунов убережет их от пули. Один из лидеров коалиции Пьер Мулеле относился к квазикатолической церкви и обращал последователей в свою веру своей собственной мочой, чтобы также уберечь их от пуль. Кроме этого, существовало разделение повстанцев по племенному признаку, что вносило еще большую разобщенность в их ряды. При этом ни одна из группировок, как и ни одна из конфессий, не была преобладающей [40].

«Успех действий повстанцев создал образ единой цели и революционных намерений, — писал Янг. — Только потом, когда начались разложение и дезинтеграция», стали абсолютно очевидными «отсутствие сплоченности в рядах коалиции и разногласия в целях и идеологии ее участников» [41].

Газета «Нью-Йорк таймс» писала следующее по поводу идеологии коалиции:

«Очевидно, что большинство сторонников Стенливильского режима не имеют какой-либо идеологии, а являются обычными жителями страны, разочарованными коррупционностью и безответственностью леопольдивильского правительства. Лидеры повстанцев получают деньги и помощь от коммунистических стран, но едва ли кого-то из них можно назвать коммунистом. Вполне вероятно, что лишь немногие из них вообще слышали, кто такой Карл Маркс» [42].

На территории под контролем сил коалиции в районе Стенливиля в западне войны оказались от двух до трех тысяч белых иностранцев. Один из руководителей повстанцев Кристофер Гбенье (Christopher Gbenye) вел переговоры по их освобождению в обмен на прекращение американских авиаударов, но соглашение не было достигнуто [43].

Ранним утром 24 ноября 1964 года США и Бельгия провели крупную операцию по освобождению пленных в Стенливилле, в рамках которой более 500 бельгийских десантников высадились из американских транспортных самолетов. После высадки десанта начался хаос, и отчеты об операции весьма противоречивы, однако в результате были спасены более 2000 заложников. В ходе операции повстанцы убили около сотни заложников, а еще несколько сотен увезли в джунгли.

Правительства США и Бельгии сделали все возможное, чтобы подчеркнуть «гуманитарный» характер операции. Однако десант, помимо освобождения заложников, выполнил одновременно и другую важную боевую задачу, «захватив стратегические объекты в городе и координируя свои действия с быстро приближающимися к городу подразделениями наемной армии Чомбе» [44]. Более того, в ходе освобождения заложников десантники уничтожили десятки повстанцев и позже не предприняли никаких мер для того, чтобы сдержать войска Чомбе, когда в городе начался «разгул мародерства и убийств» [45].

Окрыленный успехом в тот день, Чомбе в интервью корреспонденту лондонской газеты «Таймс» подчеркнул гуманитарную значимость операции. Корреспондент писал, что Чомбе «был уверен, что падение Стенливиля даст новый импульс развитию экономики и привлечет инвесторов. Также это событие будет способствовать реализации крупномасштабного плана развития страны, разработанного при участии США, Великобритании и Западной Германии» [46].

Падение оплота повстанцев в Стенливилле ознаменовало начало распада повстанческого движения. К весне 1965 года дела повстанцев шли уже плохо, и ситуацию не смогло изменить даже прибытие ста кубинских революционеров, среди которых был сам Че Гевара (Che Guevara). Несколько месяцев спустя он вернулся на Кубу, разочарованный низким уровнем революционного пыла, проявленного конголезскими повстанцами и местными жителями [47].

Последним аккордом в бесконечной борьбе за власть стало свержение Чомбе и Касавубу Джозефом Мобуту в ноябре. Мобуту, который взял себе имя Мобуту Сесе Секо, установил в стране жесткий диктаторский режим и правил ей долгие годы.

Подводя итог, можно заключить, что для правительства США не такое уж большое значение имело то, одержали ли войска, которым они оказывали помощь, победу над «коммунистами» или иными силами, как бы они ни назывались. Главным было то, что теперь власть в более или менее объединенном Конго принадлежала человеку, который готов был взаимодействовать с ЦРУ и Западом и который не был настолько открыт для сотрудничества с социалистическим блоком, как это было в случае с Лумумбой и Гизенгой. ЦРУ считало это своей победой.

Что выиграл народ Конго, ныне Заира, — непонятно. При Мобуту террор и репрессии стали реалиями повседневной жизни, гражданские свободы и иные права человека практически отсутствуют. Страна остается одной из беднейших в мире, несмотря на свои природные богатства. При этом Мобуту до сих пор считается одним из самых богатых глав государств в мире (см. главу о Заире).

Уильям Этвуд (William Atwood), посол США в Кении в 1964–1965 годах, принимавший участие в переговорах по освобождению заложников, также рассматривает роль США в Конго с положительной точки зрения. С сожалением вспоминая о подозрениях со стороны африканцев относительно мотивов США, он писал: «Для нас было трудно убедить жителей Конго в том, что США в качестве помоши предоставило их стране 420 миллионов долларов со временем получения независимости только для того, чтобы предотвратить хаос. Они не могли поверить, что какое-либо государство может быть настолько альтруистичным» [48].

Слова Этвуда гораздо легче понять, если иметь в виду, что слово «хаос» американские чиновники использовали для описания ситуации, при которой США не располагали достаточными возможностями обеспечить пребывание или приход к власти истинно прозападного руководителя. Например, когда в 1958 году президент Эйзенхауэр принял решение направить войска в Ливан, он, по его собственным словам, рассматривал этот шаг как «меру предотвращения хаоса» [49].

27. Бразилия, 1961–1964

ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР ЭСКАДРОНОВ СМЕРТИ

По результатам совещания в марте 1964 года руководство дипломатической миссии США в Бразилии пришло к консенсусу о том, что поддержка президентом Жуаном Гулартом (Joao Goulart) социальных и экономических реформ была надуманным и тонко завуалированным способом получить диктаторские полномочия [1].

Американский посол Линкольн Гордон (Lincoln Gordon) проинформировал Госдепартамент, что «резкое изменение политического курса [Гуларта] в сторону тоталитарной власти может произойти в любой момент» [2].

Начальник штаба бразильской армии Умберту ди Аленкар Каштелу Бранку (Humberto de Alencar Castelo Branco) предоставил американскому посольству докладную записку, в которой он изложил свои опасения, что Гуларт собирается распустить конгресс и провозгласить себя диктатором [3].

Не прошло и недели, как бразильские военные во главе с Каштелу Бранку свергли конституционное правительство президента Гуларта. Это было кульминацией заговора, в котором активно участвовало американское посольство. После этого военные приступили к установлению и укреплению одного из самых жестоких диктаторских режимов в Южной Америке, который существовал два десятилетия.

Какой вывод мы можем сделать из всего этого? Идея о том, что люди высокого ранга, наделенные властью, лгут общественности, не нова и не заслуживает обсуждения. Но также ли легко они врут друг другу? Настолько ли велика для них необходимость рационализировать свои злодеяния, что они оказывают друг другу моральную поддержку? Вольтер писал: «Люди используют мысли только для того, чтобы оправдать свою несправедливость, и речь только для того, чтобы скрыть свои мысли».

На самом деле мотивация американцев в поддержке этого переворота была менее героической, чем сохранение демократии, скорее даже приземленной,

если на то пошло. Американское противостояние Гуларту, ставшему президентом в 1961 году, опиралось на знакомый перечень жалоб.

Министр обороны США Роберт Макнамара (Robert McNamara) подверг сомнению нейтральную позицию Бразилии во внешней политике. Посол Бразилии в Вашингтоне Роберто Кампуш (Roberto Campos) отреагировал на это, заявив, что «нейтралитет» был неточным термином, и пояснил, что «на самом деле речь идет о глубоком желании бразильского народа отстаивать свои интересы в мировых делах» [4].

Американские чиновники не одобряли некоторых членов кабинета министра Гуларта и заявляли об этом открыто. Посол Кампуш указывал им, что было «довольно неуместным» для Соединенных Штатов «пытаться влиять на формирование состава кабинета» [5].

Генеральный прокурор Роберт Кеннеди встретился с Гулартом и выразил ему свое беспокойство относительно того, что бразильский президент позволяет «коммунистам» занимать должности в правительственные учреждениях. «Бобби, похоже, действовал исходя из старых и очень глубоко укоренившихся в Америке убеждений, что как только вы пускаете коммунистов в свой кабинет, они захватывают правительство и подписывают соглашение с Москвой». Гуларт же не видел в этом никакой опасности. Он ответил, что он полностью контролирует ситуацию. Позже, в разговоре с Кампушем, он сказал, что воспринял это как утверждение, что он не способен оценивать людей вокруг себя [6].

Полковник Вернон Уолтерс (Vernon Walters), американский военный атташе в Бразилии, сообщал, что Гуларт отдавал предпочтение «ультранационалистически настроенным» офицерам по сравнению с «проамерикански настроенными». Гуларт же таким образом поощрял самых лояльных своему правительству офицеров. На самом деле он был очень обеспокоен поддерживаемыми США военными переворотами и открыто сказал об этом президенту Кеннеди [7].

Гуларт рассматривал вопрос о закупке вертолетов в Польше, потому что Вашингтон медлил с ответом на его просьбу о закупке их в США. Посол Гордон сообщил ему про польскую закупку, что он «не может рассчитывать на то, что Соединенным Штатам это понравится» [8].

Кроме того, администрация Гуларта приняла закон, ограничивающий размер прибыли многонациональных корпораций, которую они могли выводить из страны, а филиал американской корпорации ITT (International Telephone & Telegraph) был национализирован. Пришлось долго ждать компенсации за передачу управления из-за сложного финансового положения Бразилии, но это были единственные значительные меры, принятые против интересов корпорации США.

Неразрывно вплетенной во все эти жалобы, но в то же время отдельной проблемой был ужас, который испытывал Вашингтон от бразильского «дрейфа влево»: «коммунистического/левого» влияния в рабочем движении; повсеместного «внедрения» левых; «антиамериканизма» среди студентов и остального рабочего класса (генеральный консул США в Сан-Паулу пред-

ложил Госдепартаменту, чтобы США «нашли конкурирующие студенческие организации»; общего подрыва «влияния США и влияния людей и групп, дружественно настроенных по отношению к США» [9]. Можно было подумать, что виноградники чиновники страдают от недостатка признания — если бы не тот факт, что перевороты всегда приводили только к усилению антиамериканских настроений по всей Латинской Америке, и в США это знали.

Предшественник Гуларта Жаниу да Силва Куадруш (*Janio da Silva Quadros*) также вызывал раздражение Вашингтона. Он спрашивал, «почему США могут торговать с СССР и его союзниками, но настаивать, чтобы Бразилия торговала только с США?». Так он приступил к переговорам с Советским Союзом и другими коммунистическими странами с целью восстановления дипломатических и торговых отношений. Одним словом, он был независимым [10].

Куадруш был также более или менее консервативно настроенным: он подвергал резкой критике профсоюзы, посыпал федеральные войска в голодные районы северо-востока подавлять протесты и сажал в тюрьмы несогласных студентов [11].

Но Джон Морс Кэбот (*John Moors Cabot*), будучи послом США в Бразилии в то время, счел законным оспаривать участие Бразилии в заседании «неприсоединившихся государств». «Бразилия подписала различные обязательства в отношении США и других государств Американского континента, — сказал посол. — Я уверен, что Бразилия не собирается забывать о своих обязательствах... У страны есть обязательства — это факт. Но Бразилия может отказаться от этих обязательств, если захочет» [12].

В начале 1961 года, как только Куадруш вступил в должность, ему нанес визит Адольф Берли-младший (*Adolf Berle, Jr.*), советник президента Кеннеди по Латинской Америке и бывший посол в Бразилии. Берли прибыл в качестве специального посланника Кеннеди, для того чтобы заручиться поддержкой Куадруша в предстоящем вторжении в Залив Свиней. Посол Кэбот присутствовал при этом разговоре и несколько лет спустя описал эту встречу писателю Питеру Бэллу. Со слов Бэлла:

«Посол Кэбот помнит бурный разговор, в ходе которого Берли заявил, что Соединенные Штаты зарезервировали 300 млн долларов для Бразилии и неожиданно «предложил их в качестве взятки» за сотрудничество Бразилии... Куадруш был «явно раздражен» тем, что Берли отказался услышать его третью «нет». Ни один бразильский чиновник не присутствовал в аэропорту, когда этот посланник улетал» [13].

Куадруш, избранный с рекордным перевесом голосов, был, как и Гуларт, обвинен в стремлении к диктатуре — поскольку предпринимал меры, непопулярные среди олигархии, военных кругов и США, и проводил прокоммунистическую внешнюю политику. Всего через семь месяцев он неожиданно подал в отставку — по сообщениям, под давлением и при возможных угрозах со стороны военных. В заявлении об отставке он обвинил в своем вынужден-

ном уходе «реакционеров» и «амбиции групп людей, включая иностранцев... ужасные силы, которые поднялись против» него [14].

Несколько месяцев спустя Куадруш появился вновь для того, чтобы выступить с речью, в которой он назвал Берли, Кэбота и министра финансов США Дугласа Диллана (Douglas Dillon) среди тех, кто способствовал его падению. По его словам, Диллан стремился смешать внешнюю политику с потребностью Бразилии в иностранных кредитах [15]. Как Берли, так и Кэбот в 1954 году были сторонниками свержения гватемальского президента Арбенса, чьи грехи в глазах Вашингтона повторял Гуларт [16].

В то же время Куадруш объявил о своем намерении возглавить «народный крестовый поход против реакционеров, коррупции и коммунистов» [17].

Будучи вице-президентом при Куадруше, Гуларт в августе 1961 года сам стал президентом, несмотря на неожиданный переворот и гражданскую войну, начатую частью военных с целью блокировать его, так как он считался опасным радикалом. Только вмешательство лояльных военных частей и других сторонников конституционного процесса позволило Гуларту вступить в должность [18]. Военная оппозиция Гуларту, следует отметить, появилась еще до того, как у него возникла возможность показать свое предполагаемое стремление к диктатуре. Действительно, в начале 1954 года военные продемонстрировали свою антипатию к нему, заставив президента Варгоса уволить Гуларта с поста министра труда [19]. Сомнения американцев в Гуларте также появились еще до его президентства. В 1960 году, когда Гуларт был избран вице-президентом, «озабоченность Госдепартамента и Пентагона превратилась в панику», по словам служившего в Бразилии американского чиновника [20].

Гуларт пытался продолжать вести самостоятельную внешнюю политику, начатую Куадрушем. Его правительство пошло дальше, возобновив отношения с социалистическими странами. На заседании Организации американских государств в декабре 1961 года Бразилия в ходе голосования воздержалась по вопросу о проведении специальной сессии, где должна была обсуждаться «кубинская проблема». Она также решительно выступала против санкций в отношении правительства Кастро [21]. Несколько месяцев спустя, выступая перед Конгрессом США, Гуларт подтвердил право Бразилии на собственную позицию по некоторым вопросам холодной войны. Он заявил, что Бразилия солидаризируется «с демократическими принципами, которые объединяют народы Запада, но «не является частью какого либо военно-политического блока» [22].

Журнал «Тайм», как и большинство американских средств массовой информации, никак не мог понять концепцию и практику независимости союзников Америки. В ноябре 1961 года этот журнал писал, что внутренняя политика Бразилии была «запутанной» и что Бразилию «сносило течением во внешних делах; Гуларт пытается продолжать старую игру Куадруша в международную «независимость», что означает «добиваться расположения у Востока и одновременно попрошайничать у Запада». «Тайм» критически отозвался о Гуларте по поводу того, что он просил приглашения посетить

Вашингтон и, получив, в тот же день вызвал к себе прибывшего с визитом министра иностранных дел коммунистической Польши Адама Рапацкого (Adam Rapacki). К тому же Гуларт наградил Рапацкого «Орденом Южного Креста — тем же самым орденом, который Куадруш вручил вдохновителю марксизма на Кубе Че Геваре» [23].

Бывший редактор «Тайм» и корреспондент в Латинской Америке Джон Джерасси (John Gerassi) отмечал, что каждый приезжавший с визитом иностранный сановник получал этот орден как часть протокола. Он добавлял:

«Очевидно, в «Тайм» считают, что любой президент, желающий посетить нас, в дальнейшем должен обязательно ненавидеть наших врагов, и «смущаются», когда этого не происходит. Но, конечно же, журнал «Тайм» настолько не привык к слову «независимый», что независимая внешняя политика на самом деле должна быть очень запутанной. В Южной Америке, где каждый хочет вести независимую внешнюю политику, но где только Бразилия время от времени проявляет необходимое для этого мужество, никто не смущается» [24].

Гуларт, землевладелец-миллионер и католик, носивший на шее медаль Богоматери, был не более коммунистом, чем Куадруш. Он оказывал очень сильную поддержку США во время Карибского кризиса в октябре 1962 года. Он предложил послу Гордону тост «За победу янки!» [25]. Возможно, он не знал о том, что всего за три недели до этого во время федеральных и государственных выборов в Бразилии ЦРУ активно раздавало деньги на поддержку кандидатов — противников Гуларта. Бывший сотрудник ЦРУ Филип Эйджи (Philip Agee) утверждал, что Управление потратило от 12 до 20 миллионов долларов от имени сотен кандидатов [26]. Линкольн Гордон (Lincoln Gordon) говорит, что на эти цели в фонде было выделено не более 5 миллионов долларов [27].

Вдобавок к прямым вложениям в президентскую кампанию ЦРУ обратилось к своему набору грязных трюков, чтобы сорвать избирательные кампании левых кандидатов [28]. В то же время Агентство США по международному развитию (USAID) по настоятельной просьбе президента Кеннеди предоставляло денежные средства на проекты, направленные на улучшение результатов избранных США губернаторов-кандидатов [29]. Пока Гуларт был президентом, США прекратили оказывать экономическую помощь центральному правительству, в то время как помочь на региональном уровне предоставлялась исключительно на идеологической основе. Когда военные захватили власть, подход США резко изменился [30].

Эйджи добавляет, что ЦРУ проводило последовательную пропагандистскую кампанию против Гуларта, начавшуюся с операций в ходе выборов 1962 года. Та кампания включала, помимо прочих мер, финансирование массовых демонстраций в городах, «доказывая, что старые темы Бога, родины, семьи и свободы так же эффективны, как и всегда», в деле подрыва правительства [31].

Деньги ЦРУ также вливались в сеть газет правого толка «Диариаш ассиадиш» (Diarias Associades) для продвижения антикоммунистических идей;

средства были выделены на распространение 50 тысяч книг антикоммунистической направленности среди студентов университетов и колледжей; на создание женских групп латиноамериканских матерей, чтобы клеймить «бездожную сущность коммунистического врага». Эти женщины и другие сотрудники ЦРУ занимались созданием и распространением слухов, рассказывая истории об ужасах, запланированных Гулартом и его приспешниками, таких как изменение конституции с целью продления срока президентских полномочий, и сплетен о том, что Гуларт рогоносец и бьет жену [32].

И все это делалось для того, чтобы свергнуть человека, который в апреле 1962 года торжественно проехал по улицам Нью-Йорка, был тепло принят в Белом доме президентом Кеннеди и выступил на совместном заседании Конгресса.

Противостояние между спецслужбами, которые способствовали приходу Гуларта к власти, очевидно, сдерживало офицеров, настроенных на государственный переворот, вплоть до 1963 года. В марте этого года ЦРУ сообщило Вашингтону, но не Гуларту, о заговоре консервативных офицеров [33]. В течение следующего года подготовка заговоров активизировалась. Бразильские офицеры не принимали курса Гуларта на популярные социальные реформы, хотя его программа была робкой и нерешительной, риторика мягкой, а действия редко соответствовали его словам. Что касается распределения земель, Гуларт отмечал, что даже в Японии после Второй мировой войны американский генерал Дуглас Макартур (Douglas MacArthur) распределял земли более радикальными методами, чем все вместе взятые инициативы, запланированные бразильским правительством. Военные были особо разгневаны поддержкой Гуларта ослабления воинской дисциплины и его попытками найти сторонников среди сержантского состава [34]. Поэтому «параноидальные» опасения президента по поводу переворота имели под собой серьезные основания.

Заигрывания Гуларта с неправительственными организациями и его обращения к населению, минуя враждебно настроенный конгресс и губернаторов штатов (такую тактику позже использовал президент Рейган), враги Гуларта назвали диктатурой.

В начале 1964 года, как стало известно благодаря публикации в журнале «Форчун» после переворота, военные заговорщики направили эмиссара «для того, чтобы выяснить у посла США Линкольна Гордона позицию США в случае начала гражданской войны». Эмиссар «должен был по возвращении, что Гордон был осторожен и дипломатичен, но оставил впечатление, что, если [заговорщики] смогут продержаться в течение 48 часов, то получат помощь и признание со стороны США» [35].

Основным лицом, поддерживающим контакты с заговорщиками, был военный атташе Веронон Уолтерс. В Бразилию он прибыл с установкой, что президент Кеннеди не будет возражать против свержения Жуана Гуларта [36]. Уолтерс, который позже стал заместителем директора ЦРУ, был близок к высо-

копоставленным бразильским военным, особенно к генералу Каштелу Бранку (Castelo Branco), еще со времен Второй мировой войны, когда Уолтерс служил переводчиком в Бразильском экспедиционном корпусе, сражавшемся тогда в Италии на стороне союзников. Бразилия была единственной латиноамериканской страной, отправившей наземные войска на фронт, и это позволило США построить огромные авиабазы на ее территории [37]. Отношения между американскими и бразильскими военными продолжились и укрепились после войны при создании Высшего военного колледжа (Escola Superior de Guerra) в Рио-де-Жанейро в 1949 году. Историк Латинской Америки Томас Скидмор (Thomas E. Skidmore) заметил:

«В соответствии с американо-бразильскими соглашениями начала 1950-х годов, армия США получила эксклюзивные права на оказание помощи в организации и функционировании колледжа, моделью которого послужил Национальный военный колледж (National War College) в Вашингтоне. В связи с тем, что Бразильский военный колледж стал альма-матер для ведущих военных противников гражданских политиков-популистов, закономерен вопрос: до какой степени проникновение антикоммунистической идеологии, граничащей с антиполитическими убеждениями (некоторых офицеров), было усилено (или наоборот уменьшено) их частыми контактами с американскими военными?» [38].

Кроме того, в то время продолжалась американская программа военной помощи, которую Гордон назвал «основным средством для установления близких отношений с личным составом вооруженных сил» и «очень важным фактором, формирующим проамериканский настрой [бразильских] военных» [39].

За неделю до переворота Каштелу Бранку, ставший лидером заговорщиков, предоставил Уолтерсу свое письменное обоснование военного переворота; этот документ был очередной вариацией на тему отстаивания конституции и предотвращения диктаторского правления Гуларта [40].

Линкольн Гордон и другие американские чиновники понимали, что вероятность гражданской войны после государственного переворота велика. По мере того, как приближался назначенный день, разрабатывались действия при различных вариантах обстановки.

Большое количество нефтепродуктов планировалось к отправке в Бразилию в распоряжение офицеров-мятежников на тот случай, если сторонники Гуларта в государственном нефтяном союзе взорвут или возьмут под контроль нефтеперерабатывающие заводы [41].

Оперативно-тактическая группировка военно-морских сил США должна была направиться к берегам Бразилии. Их присутствие стало бы очевидным сигналом противникам переворота, что США переворот поддерживают [42].

Оружия и боеприпасы должны были быть направлены силам Бранку для боевого обеспечения [43].

Будучи обеспокоенным тем, что попытка государственного переворота может привести к всеобщей забастовке, Вашингтон обсудил с Гордоном

возможную необходимость «для США развернуть обширную программу материально-технической поддержки для обеспечения успеха переворота» [44]. Заговорщики уже просили об экономической помощи со стороны США, чтобы в случае их успеха правительство и экономика продолжали работать дальше, и получили в целом благоприятный ответ [45].

В то же время Гордон разослал письма некоторым губернаторам штатов, настроенным против Гуларта, подчеркивая необходимость, с американской точки зрения, признать легитимность нового режима. Посол также встретился с экс-президентом Жуселино Кубичеком (Juscelino Kubitschek), чтобы убедить его занять более твердую позицию по отношению к Гуларту и использовать его значительное влияние, чтобы «склонить в свою сторону большую группу участников Конгресса и таким образом обеспечить легитимность» [46].

Из всех запланированных американских мер присутствие военно-морских сил США — они включали авианосец, эсминцы и системы управляемых ракет — особенно воодушевило бразильских военных заговорщиков и убедило колебавшихся [47].

Другим действующим лицом в разворачивающейся драме стал Американский институт развития свободного труда (American Institute for Free Labor Development). Этот институт был основан в 1961 году и технически находился под руководством Американского рабочего движения (AFL-CIO), но вскоре перешел на почти эксклюзивное финансирование правительством через Агентство США по международному развитию. В большинстве стран Латинской Америки институт служил инструментом ЦРУ. В мае 1963 года на базе этого института был создан Культурный рабочий институт (Instituto Cultural Trabalho) в Бразилии, который в течение следующих лет провел курсы для более чем 7000 лидеров и членов профсоюзов [48]. Другие бразильцы отправились на обучение в Соединенные Штаты. Ответственное лицо Американского института по развитию свободного труда Уильям Доэрти-младший (William Doherty Jr.) сообщил:

Вернувшись в Бразилию, они «начали принимать непосредственное участие в некоторых тайных операциях революции перед тем, как она состоялась 1 апреля. То, что произошло в Бразилии 1 апреля, не произошло стихийно, оно было запланировано заранее за много месяцев. Многие из лидеров профсоюзов — среди них прошедшие подготовку в нашем институте — участвовали в революции и в свержении режима Гуларта» [49].

Доэрти не раскрыл каких-либо подробностей роли его института в перевороте (или революции, как он его называл). Но «Ридерз дайджест» позже сообщил, что один из профсоюзных деятелей, подготовленных Американским институтом по развитию свободного труда (АИСТР), организовал в рамках профсоюзного движения в Бразилии курсы по борьбе с коммунизмом для работников связи и «после каждого занятия он незаметно предупреждал

ключевых работников о предстоящих проблемах и призывал их поддерживать связь, что бы ни произошло» [50]. Кроме того, Ричард Мартинес (Richard Martinez), которого Управление использовало втемную, был отправлен в Бразилию для работы с находившимся под контролем ЦРУ Международным союзом работников почты, телеграфа и телефона (Post, Telegraph and Telephone Workers International — ранее сфера деятельности Доэрти); он рассказал, что его работники в Бразилии сожгли дотла штаб-квартиру коммунистической партии во время переворота [51].

Переворот начался 31 марта 1964 года, когда к Рио-де-Жанейро подступили войска и танки. Офицеры получили поддержку части рядового и сержантского состава, сообщив им, что направляются в город, чтобы защитить его от врагов Гуларта. Но солдаты на главной базе ВВС, услышав о движении в сторону Рио-де-Жанейро, захватили базу и поместили своих офицеров под арест. Однако нерешительность и топтание на месте помешали, и того, что могло переломить ход событий, не случилось. Другие воинские подразделения, верные Гуларту, принимали более активные действия в других районах, но это также ни к чему не привело [52].

Повсеместно группы рабочих устраивали забастовки, произошло несколько недолгих бесполезных демонстраций. Но этим все и ограничилось. Ряд профсоюзных лидеров и радикально настроенных активистов были схвачены по приказам губернаторов нескольких штатов, силы оппозиции оказались не готовы оказать яростное сопротивление. В одном случае группа студентов провела акцию протеста — несколько человек поднялись по лестнице штаба сухопутных войск, но охранник открыл огонь по толпе, убив двух из них и заставив остальных отступить [53].

Большинство людей рассчитывали на то, что верные правительству вооруженные силы будут выполнять свой долг, или ждали выступления Гуларта. Однако Гуларт не желал давать призыв к гражданской войне (по его словам, он не хотел брать на себя ответственность за кровопролитие между бразильцами) и бежал в Уругвай [54].

Линкольн Гордон телеграфировал в Вашингтон о хороших новостях, предлагая, однако, «избегать торжествующих заявлений». Он описал переворот как «большую победу для свободного мира», отметив — преувеличение, которое, возможно, даже Джону Фостеру Даллесу было бы сложно произнести, — что без этого переворота мог произойти «полный провал для Запада во всех южноамериканских государствах». Второго апреля, после парада победы переворота — Марша семьи с Богом за свободу — в Рио-де-Жанейро, Гордон сообщил в Госдепартамент, что «единственным неприятным моментом было ограниченное участие в марше представителей низших классов» [55].

Отправив эту телеграмму, бывший гарвардский профессор вернулся к попыткам убедить конгресс Бразилии поставить печать «легитимности» на новое правительство [56].

Через два года сенаторы расспрашивали Гордона в ходе рассмотрения его кандидатуры на должность государственного секретаря по межамериканским

делам. «Я особо озабочен, — сказал один из сенаторов, — той ролью, которую вы играли в подстрекательстве, оказании содействия и осуществлении того переворота».

Линкольн Гордон ответил: «Сенатор, ответ на этот вопрос очень прост. Движение, которое свергло президента Гуларта, было на 100 процентов — не на 99,44 процента, а именно на 100 процентов — бразильским движением. Ни американское посольство, ни я лично не играли какой бы то ни было роли в этом процессе» [57].

Начальник Гордона Дин Расск (Dean Rusk) откровенничал не больше. Когда ему был задан вопрос об обвинениях со стороны Кубы в том, что США стояли за переворотом, госсекретарь ответил: «Ну, в этом нет ни йоты правды. Это не так в любом случае, ни по форме, ни по содержанию» [58]. Хотя точка зрения генерального прокурора Роберта Кеннеди по этому делу, озвученная Гордону, гласила: «Гуларт получил то, что заслуживал. Очень жаль, что он не последовал совету, который мы ему дали, когда я был там» [59].

Гордон искусно сочетал быструю речь с избирательным отношением к фактам бразильской политики. Его рассказ о взлете и падении Гуларта совсем не содержал упоминания о попытке военных помешать его вступлению в должность в 1961 году — для того чтобы убедить собравшихся американских сенаторов в том, что Гуларт действительно стремился создать режим личной диктатуры [60].

В зависимости от ситуации бразильский переворот представляли как «спасение Бразилии от диктатуры» или как «спасение Бразилии от коммунизма». Генерал Эндрю О’Мира (Andrew O’Meara), глава американского Южного (Латиноамериканского) командования США, использовал и то, и другое. Он заявил комитету палаты представителей, что «приход к власти в Бразилии правительства Каштелу Бранку в апреле прошлого года спас эту страну от неминуемого наступления диктатуры, за которым могло последовать только господство коммунистов» [61].

Позицию «спасения от коммунизма» было особенно трудно поддерживать: коммунисты в Бразилии не сделали ничего из того, на что могли бы указать Соединенные Штаты. Кроме того, Советский Союз в «картине» отсутствовал. В начале 1964 года, по сообщению одной из бразильских газет, советский лидер Хрущев заявил бразильской коммунистической партии, что советское правительство не желает ни оказывать финансовую помощь режиму Гуларта, ни ссориться с США из-за Бразилии [62].

В своих воспоминаниях — хотя, как отмечается выше, они не претендуют на серьезный исторический труд — Хрущев совсем не пишет о Бразилии.

Через год после переворота торговый оборот между Бразилией и СССР достиг 120 миллионов долларов в год. Планировалось отправить бразильскую делегацию в Москву, для того чтобы рассмотреть возможность постройки Советским Союзом в Бразилии крупного промышленного завода [63]. На следующий год russкие пригласили нового кандидата в президенты Бразилии генерала Кошта-и-Силва (Costa e Silva) с визитом в Советский Союз [64].

На протяжении всего срока военной диктатуры, вплоть до 1980-х годов, Бразилия и Советский Союз участвовали в обширной программе торгово-экономического сотрудничества, обороты которого достигали миллиардов долларов в год и включали строительство нескольких крупнейших гидроэлектростанций в Бразилии. Аналогичные экономические отношения существовали между Советским Союзом и Аргентиной, где в 1976–1983 годах правила военная диктатура. Эти отношения были до такой степени тесными, что в 1982 году, когда умер советский лидер Леонид Брежnev, аргентинское правительство объявило о национальном дне траура [65].

Во время холодной войны, только игнорируя подобные факты, антисоветическая пропагандистская машина США могла страшать «международным коммунистическим заговором» и утверждать, что переворот в Бразилии спас эту страну от коммунизма. Типичный пример такой пропаганды дает статья «Страна, которая спасла сама себя», опубликованная в журнале «Ридерс дайджест» через несколько месяцев после переворота. Бесконечная ложь о событиях в Бразилии, которую журнал скормливал миллионам своих читателей, несомненно, сыграла свою роль в подготовке американской общественности к великому антисоветическому походу во Вьетнам, в то время только начинавшему набирать обороты. Статья начиналась так:

«Редко крупные страны приближались к краю пропасти и успевали отдалиться от нее так, как смогла сделать Бразилия в своем недавнем триумфе над красной подрывной деятельностью. Стремление коммунизма к господству, отмеченное пропагандой, операциями внедрения и террористическими актами, развивалось на большой скорости. Всеобщая капитуляция казалась неизбежной, и тогда народ сказал «Нет!» [66].

Независимое поведение, продемонстрированное бразильским военным правительством в своих экономических отношениях с Советским Союзом, носило такой характер, который был приемлем для Вашингтона. Консервативному правительству Бразилии было даже позволено национализировать часть американской собственности. Ибо в Америке знали, что на бразильцев можно было положиться в самых главных обязательствах в рамках холодной войны: подавлении левого движения в стране и участии в жизненно важных для США антисоветических кампаниях за рубежом. В 1965 году Бразилия направила 1100 военнослужащих в Доминиканскую Республику, чтобы поддержать вторжение США, — единственная страна в Латинской Америке, направившая существенные, а не символические силы. В 1971 и 1973 годах бразильские военные и спецслужбы оказывали содействие американцам в их усилиях по свержению правительств Боливии и Чили.

Соединенные Штаты не почивали на лаврах. Штаб-квартира ЦРУ немедленно запустила пропаганду по всему Западному полушарию через широчайшую разветвленную сеть с отдаленными корреспондентскими пун-

ктами. Пропаганда велась в поддержку нового бразильского правительства и дискредитации Гуларта [67].

Дин Раск был обеспокоен, что Гуларт может быть принят в Уругвае, как если бы он все еще был президентом Бразилии. Он телеграфировал в американское посольство в Монтевидео: «Было бы полезно, если бы вы могли, не привлекая внимания, довести до сведения соответствующих должностных лиц, что Гуларт оставил свой пост, несмотря на его утверждения об обратном» [68].

В то же время резидентура ЦРУ в Уругвае следила за бразильскими изгнанниками, бежавшими после военного переворота, чтобы не допустить попыток создать повстанческое движение в Бразилии. Управлению было легко попросить (платного) друга, начальника уругвайской разведки, поставить своих офицеров на посты в резиденциях Гуларта и других ключевых фигур бразильской эмиграции. Выдавая себя за личных охранников, предоставленных изгнанникам, эти офицеры вели журналы учета посетителей; маловероятно, что сами изгнанники не понимали, кто эти люди на самом деле [69].

В первые несколько дней после переворота несколько тысяч бразильцев были арестованы, все они являлись «коммунистами и подозреваемыми в сотрудничестве с коммунистами» [70]. Выпускники Американского института по развитию свободного труда были быстро назначены в новое правительство, для того чтобы провести чистку в рядах профсоюзов [71]. Несмотря на то что посол Гордон до переворота заверил Госдепартамент, что вооруженные силы «быстро восстановят конституционные учреждения и вернут власть в руки гражданской администрации» [72], этого не произошло.

Через несколько дней генерал Каштелу Бранку занял пост президента, и за нескольких лет его режим обрел все особенности военной диктатуры, которую ультраправая Латинская Америка успела узнать и полюбить: Конгресс был распущен, политическая оппозиция сведена к полному отсутствию, процедура рассмотрения законности ареста в суде за политические преступления отменена. Критика президента была запрещена законом, руководство профсоюзами было передано лицам, назначенным правительством, нарастающие протесты жестко пресекались полицейскими и военными с использованием огнестрельного оружия. На политической сцене Латинской Америки в качестве одного из способов репрессий широко использовался так называемый метод «исчезновения». Дома крестьян предавали огню, священников запугивали. Правительство назвало эту программу «моральной реабилитацией» Бразилии. Затем последовали пытки и появление «эскадронов смерти». В значительной степени практикуемые полицией и военными пытки начались и продолжались под покровительством США [73].

В главах, посвященных Гватемале и Уругваю, мы увидим, как Американское управление общественной безопасности (US Office of Public Safety), ЦРУ и Агентство США по международному развитию (USAID) объединились для обеспечения технической подготовки, доставки оборудования и проведения обучения с целью поддержки террора в этих странах. Бразилия

не стала исключением. Дэн Митрионе (Dan Mitrione) из Управления по общественной безопасности, который предстанет перед нами во всей своей красе в Уругвае, начал свою карьеру в Бразилии в 1960-е годы. К 1969 году Управление создало национальные полицейские силы для Бразилии и обучило более 100 тысяч бразильских полицейских; 523 «стража порядка» получили углубленное образование в Соединенных Штатах [74]. Около трети учебного времени студентов полицейских академий было посвящено лекциям о «коммунистической угрозе» и необходимости бороться против нее [75]. «Школа подрывного дела» и методы борьбы с массовыми беспорядками были также важными предметами в ходе их обучения.

«Пытки варьировались от простых, но жестоких побоев дубинкой до использования электрического тока. Часто пытки были более изощренными: конец тростника помещался в анус обнаженного мужчины, который подвешивался вниз головой в позе «жерди попугая», а кусочек хлопка, пропитанный бензином, поджигался на другом конце тростника. Беременные женщины были вынуждены наблюдать за тем, как их мужья подвергаются пыткам. Других жен подвешивали рядом с их мужьями и пытали электрическим током, подсоединяя контакты к их половым органам. Детей подвергали пыткам перед их родителями и наоборот. По крайней мере, один трехмесячный ребенок Вергилио Гомиша да Силвы (Virgílio Gomes da Silva), как сообщается, погиб в результате полицейских пыток. Продолжительность пыток зависела от сопротивляемости жертв, и иногда пытки продолжались в течение нескольких дней подряд».

Международная амнистия (Amnesty International) [76]

«Судья Агамемнон Даурте (Agamemnon Duarte) указывал на то, что ССС [«Коммандос по охоте за коммунистами», Commandos to Hunt Communists — «эскадрон смерти», вооруженный полицией и действующий при ее содействии] и ЦРУ замешаны в убийстве падре Энрике Нету (Henrique Neto). Он признал, что за созданием ССС стояла американская разведка (ЦРУ)».

«Журнал ду Бразил» (Jornal do Brazil) [77]

В 1973 году на 10-й конференции американских армий начальник штаба бразильской армии генерал Брену Боржес Форти (Breno Borges Forte) заявил:

«Врага сложно вычленить... он приспосабливается к любой среде обитания и использует все средства, как законные, так и незаконные, для достижения своих целей. Он маскируется под священника, студента или крестьянина, защитника демократии или передового интеллектуала, под благочестивую душу или экстремистски настроенного протестующего, он идет на поля и в школы, на фабрики и в церкви, в университеты и магистратуры; при необходимости он будет носить униформу или гражданскую одежду; в общем, он будет играть любую роль, которую сочтет целесообразной, для того чтобы вводить в заблуждение, обманывать, лгать и злоупотреблять порядочностью западных народов» [78].

В 1970 году исследовательская группа Конгресса США посетила Бразилию. Она опубликовала следующее резюме заявлений американских военных советников в этой стране:

«Вместо того чтобы разбираться с авторитарными аспектами режима, они повторяют утверждения представителей бразильских вооруженных сил о том, что те верят в представительную демократию, поддерживают ее как идеальную форму правления и вернут правительство под гражданский контроль, если это можно будет сделать без ущерба для безопасности страны. Уход военных с политической арены в ближайшее будущее не предвидится. По этой причине они подчеркивают важность программы помощи в обучении военных как средство влияния США и сохранения существующих проамериканских настроений в бразильских вооруженных силах. Возможный ущерб интересам США, который в настоящее время настолько тесно отождествляется с авторитарным режимом, не рассматривается как особо важный» [79].

ЦРУ никогда не спит. «Нью-Йорк Таймс» сообщала в 1966 году:

«В прошлом году в ЦРУ узнали, что в 1963 году во время учебы по стипендии университета им. Патриса Лумумбы один бразильский студент погиб в Москве в результате автомобильной катастрофы. Тогда ЦРУ организовало масштабную кампанию в СМИ для того, чтобы переубедить южноамериканские семьи направлять своих детей на учебу в Советский Союз» [80].

Телефонный разговор между президентом США Линдоном Джонсоном и заместителем госсекретаря по межамериканским вопросам Томасом Манном (Thomas Mann):

Манн: Надеюсь, вы столь же счастливы по поводу Бразилии, как и я.

Джонсон: Да, счастлив.

Манн: Думаю, это самое важное событие в нашем полушарии за последние три года.

Джонсон: Надеюсь, что они оценят это, вместо того чтобы поносить нас.

28. Перу, 1960–1965

«ФОРТ-БРЭГГ» ПЕРЕБИРАЕТСЯ В ДЖУНГЛИ

Сбылась мечта ЦРУ: налет группы коммандос из числа антикастровски настроенных кубинских эмигрантов на кубинское посольство в Лиме обнаружил документальные доказательства того, что в Перу Куба заплатила «сотни тысяч долларов» за пропаганду, направленную на создание общественного мнения, благоприятно настроенного к кубинской революции, и на популяризацию в стране коммунистических взглядов.

Это не было еще одним огульным обвинением в духе холодной войны, поскольку в захваченных документах раскрывались всевозможные подробности и имена: лица, получавшие кубинские деньги, профсоюзные лидеры, университетские преподаватели и политики, люди, посещавшие Кубу на условиях «полного пансиона» [1]. Именно этих людей ЦРУ считало врагами.

Единственной проблемой — а может быть, и не проблемой — было то, что некоторые из документов были поддельными. Налет действительно имел место, и именно 8 ноября 1960 года. Документы действительно были захвачены — под дулом автоматов. Однако самые обличающие документы, представленные месяц спустя наряду с настоящими, были сработаны умелцами из Управления технического обеспечения ЦРУ [2].

С точки зрения пропаганды, «находка» оказалась весьма приятной неожиданностью. Все это дело широко освещалось средствами массовой информации в Латинской Америке и США, которые не скучились на возмущенные антикоммунистические статьи и передовицы. Газета «Уолл-стрит джорнэл» сподобилась на чрезвычайно длинный и слегка истеричный материал (явно основанный на информационном сливе из администрации и лишенный неудобных вопросов), в котором было сделано предупреждение о том, что «горы разведанных из 20 стран, протянувшихся от Мексики до Аргентины, повествуют о ширящемся проникновении коммунистов в наше полушарие» [3].

Конечно, кубинцы настаивали на том, что документы были поддельными, но иного от них никто и не ожидал. Вся эта затея была направлена на то, чтобы бросить тень на международные отношения Кастро.

С точки зрения ЦРУ, наиболее благоприятным результатом стало то, что через несколько дней после обнародования этих документов, перуанское правительство разорвало дипломатические отношения с Кубой. Это было одним из приоритетов резидентуры агентства в Лиме, равно как и резидентур в большинстве других латиноамериканских стран, и в дальнейшем привело к запрету кубинского агентства новостей «Пренса латина» в Перу. Перуанские власти решили, что его репортажи «контролировались Москвой» [4].

Неделю спустя проявились дальнейшие благоприятные для ЦРУ последствия данного инцидента. Перуанское правительство ввело закон, облегчающий арест членов коммунистической партии (год спустя его отменили). В ходе разбирательства перуанский парламент принял заявление под присягой некоего Франсиско Рамоса Монтехо (Francisco Ramos Montejo), сотрудника кубинского посольства, незадолго до того ставшего перебежчиком и присутствовавшего в посольстве при нападении, который «подтвердил» то, что все документы были подлинными. Рамос, ныне проживающий в Майами и состоящий на службе ЦРУ, поделился новыми откровениями о существовании подробных планов, касающихся политических убийств перуанских государственных служащих и свержения правительства. Кроме того, он рассказал, что предположительно с этой целью из Боливии и Эквадора в Перу контрабандой ввезли оружие [5].

Вот таким манером ведется «борьба за умы и сердца» в Латинской Америке.

Политическая история Перу является классической для стран Южной Америки: олигархию свергают в ходе военного переворота, воцаряется очередная олигархия, процесс периодически отмечается восстаниями и спорадическим насилием со стороны низов, стремящимся напомнить верхам о том, что они еще живы, хотя и едва-едва. Журналист Джон Джерасси (John Gerassi), проведший немало лет в Латинской Америке, так описывает положение перуанских низов в начале 1960-х:

«В столице Лиме, чьи колониальные особняки, окольцованные богато украшенными деревянными балконами, делают ее одним из прекраснейших городов мира, половина из 1,3 млн жителей обитает в кишащих крысами трущобах. Одна из трущоб, известная как Эль-Монтон, построена на городской свалке. Когда я однажды побывал там, то наблюдал, как голые дети (некоторые совсем еще младенцы) соперничали со свиньями за жалкие обедки, случайно выброшенные мусорщиками... Чтобы притупить голод, крестьяне жуют листья коки, содержащие кокаин, а их рацион составляет в среднем 500 килокалорий в день. Если где-то обнаруживается трава, то перуанские индейцы ее едят; овец они забивают, когда те настолько оголодают, что начинают выгрызать шерсть из других овец для пропитания. Батраки, обрабатывающие землю белого населения, зарабатывают в среднем 1 сол (4 цента) в день, трудясь от восхода до заката» [6].

В тот период движение под предводительством Уго Бланко (Hugo Blanco) организовывало крестьян в профсоюзы, устраивало забастовки и захватывало землю. Движение начало маломасштабную партизанскую войну, используя свое немногочисленное вооружение для защиты скваттеров, селившихся на небольших клочках земли, и было с легкостью и жестокостью подавлено полицией и армией, вероятно, без существенной американской помощи — за исключением «рутинных» поставок оружия полиции и военным, а также их боевой подготовки.

Однако к 1965 году на восточных склонах Анд было сформировано несколько вооруженных партизанских групп. Их руководители осознали сиюминутную действительность — организовать крестьян само по себе было недостаточно, а по мнению некоторых, и просто самоубийственно. Вдохновленные кубинской революцией и последовавшим за нею социальным прогрессом, эти выходцы из среднего класса встретились в мае для планирования общей стратегии. Некоторые из них прошли подготовку под руководством кубинцев. В следующем месяце они начали партизанскую войну всерьез. Однако к концу года три мятежные группы были разгромлены в ходе совместной перуанско-американской противоповстанческой операции (две из них — менее чем через два месяца). Те из партизан, кому удалось выжить, вели в течение следующего года с небольшим тщетные стычки с правительственные войсками [7].

Роль ЦРУ в этом решающем разгроме повстанцев лаконично описывается бывшим высокопоставленным сотрудником ЦРУ Виктором Маркетти (Victor Marchetti):

«В этой операции, которая была крупнейшим вмешательством ЦРУ в дела Латинской Америки со времен вторжения в заливе Кочинос (Залив Свиней), участвовали «зеленые береты». Это произошло в середине 1960-х годов, когда управление тайно пришло на помощь перуанскому правительству, не справлявшемуся с партизанами в отдаленных восточных районах. Оказавшись неспособной самостоятельно справиться с повстанческим движением, Лима обратилась за помощью к США, которую последние незамедлительно и скрытно предоставили.

ЦРУ профинансировало строительство в неспокойных перуанских джунглях того, что один опытный наблюдатель описывал как «Форт-Брэгг» в миниатюре, включая столовые, учебные классы, казармы, административные здания, парашютные вышки, морские десантно-высадочные средства и все остальные атрибуты полувоенных операций. Под прикрытием официальных программ военной помощи были поставлены вертолеты, а самолеты ЦРУ доставили оружие и иную боевую технику. Боевую подготовку вели инструкторы из Управления специальных операций ЦРУ и «зеленые береты», прикомандированные к сухопутным войскам США» [8].

В феврале 1966 года министр обороны Роберт Макнамара (Robert McNamara) подвел итоги операции на слушаниях в Сенате: «В Перу правительство

уже достигло значительных успехов в борьбе с партизанами, а перуанские сухопутные и военно-воздушные силы, подготовленные и оснащенные Соединенными Штатами, сыграли заметную роль в этой противопартизанской кампании» [9].

Как обычно — и как ни парадоксально — такая подготовка привила перуанским офицерам мотивацию к борьбе в первую очередь с повстанцами. Как указывал американский военный исследователь Майкл Клэр (Michael Klare):

«Многие латиноамериканские офицеры предпочли бы командовать каким-нибудь элитным подразделением или частью вроде истребительной авиационной эскадрильи, военно-морской флотилии или танковой бригады, а не воевать против партизан в ходе долгих, не особенно эффектных военных операций в джунглях. Поэтому американские программы боевой подготовки нацелены на то, чтобы подчеркнуть важность противопартизанских операций (и тем самым намекнуть, что США вознаградят тех из них, кто хорошо себя проявит в войне подобного рода)» [10].

Масштаб непосредственного участия американского личного состава в боевых действиях в Перу неизвестен. Однако американцы развернули свой штаб в деревне Мазанари, посреди района, в котором велись ожесточенные боевые действия. В сентябре 1965 года газета «Нью-Йорк таймс» сообщила о том, что когда перуанская армия начала крупное наступление на партизан, «по меньшей мере один американский специалист по противоповстанческой борьбе помогал планировать наступление и руководил им» [11].

Одновременно в населенных пунктах прошли аресты сторонников партизан на основе разведданных, предоставленных ЦРУ — в частности, списка «подрывных элементов», регулярно составлявшегося резидентурами ЦРУ по всему миру как раз для подобных случаев [12]. ЦРУ обычно гораздо удобнее собирать сведения подобного рода, чем правительству той или иной страны, ввиду огромного опыта «фирмы» в данной области, финансовых средств для найма информаторов, наличия оборудования для организации прослушки и более высокой заинтересованности в результате.

Пока в Перу происходили вышеописанные события, заголовки американских газет были заполнены новостями о войне во Вьетнаме и активных антивоенных протестах. В этой связи единственное сообщение о перуанских событиях в «Нью-Йорк таймс» прошло практически незамеченным. Однако американская цель в Перу — сокрушение движения за проведение настоящей земельной реформы и общественно-политические перемены, неизбежно вытекающие из таковой реформы, — была та же самая, что и во Вьетнаме. Применяемые методы тоже были схожими: дома крестьян и целые деревни сжигали в наказание за поддержку партизан, сельскую местность подвергали воздействию дефолиантов для уничтожения мест базирования партизан, бомбардировки велись «ковровым методом» с применением помимо обычных бомб напалма, пленных выбрасывали из вертолетов в воздухе [13].

Ряды перуанских повстанцев не пополнялись хоть сколько-нибудь заметным количеством крестьян-индейцев. И это было существенным отличием их борьбы — отличием, обрекшим их на поражение. Революционное сознание крестьян-индейцев было слабо выраженным, и еще слабее выражалась их смелость. Четыре века бесчеловечивания практически лишили их какой-либо надежды на улучшение и осознание своего права на восстание. А когда такое осознание (даже слабое) наступало, как, например, в случае с Уго Бланко, то органы государственного насилия обрушивали на него всю свою мощь, чтобы оно не окрепло.

В странах третьего мира большинство личного состава вооруженных сил, чьей задачей было удержание в узде крестьян, состояло из солдат, которые сами были выходцами из крестьян. Со стороны перуанского и американского военного командования было высшей мерой цинизма отправлять солдат служить подальше от дома, чтобы они не отказывались стрелять в народ, когда получали такой приказ [14].

У них все получилось. И получилось настолько эффективно, что до следующего вооруженного восстания отчаявшихся людей в Перу прошло более десятилетия.

29. Доминиканская Республика, 1960–1966

СПАСЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ ОТ КОММУНИЗМА ПУТЕМ УСТРАНЕНИЯ ЕЕ САМОЙ

Ночью 30 мая 1961 года генералиссимус Рафаэль Трухильо (Rafael Trujillo), массовый убийца, палач и диктатор с неограниченной властью, был застрелен на дороге в окрестностях столицы Республики Сьюдад-Трухильо.

Это убийство привело к череде событий в последующие пять лет, которые характеризовались таким интенсивным и грубым вмешательством США во внутреннюю политику Доминиканской Республики, какого не было во всей Латинской Америке со времен расцвета американской дипломатии канонерок.

Соединенные Штаты сыграли ключевую роль в убийстве человека, которого они сами продвигали наверх и поддерживали на протяжении более 30 лет. Это был один из тех редких случаев, когда правительство США решило убрать ультраправого деспота, хотя главной мотивацией по-прежнему оставалась борьба против коммунизма.

Какое бы отвращение к вопиющим нарушениям Трухильо прав человека ни испытывал ряд парламентариев Вашингтона, его абсолютная преданность политике США, его репрессии в отношении левых и, как следствие, та поддержка, которой он пользовался в Конгрессе (где деньги Трухильо также сыграли немаловажную роль) и в других влиятельных американских кругах, были достаточными основаниями, чтобы одна за другой администрации США закрывали глаза на его преступления.

Когда в январе 1959 года Фульхенсио Батиста (Fulgencio Batista) потерпел поражение от сил Фиделя Кастро на соседней Кубе, США поняли необходимость пересмотреть поддержку ультраправых режимов. Историческое событие на Кубе показало, что поддержка правых сил не всегда теперь является способом контроля и сдерживания революционного движения в Латинской Америке, а наоборот, только усиливает его. И действительно, в июне силами доминиканских эмигрантов началось военное вторжение в Доминиканскую

Республику с Кубы. И хотя само по себе вторжение оказалось полностью провальным, американские власти уже всерьез обеспокоились тем, кто же плавает в «американском озере», каковым они считали Карибское море.

«После Батисты — Кастро, а после Трухильо — ...» — таков был скрытый тезис, и Вашингтон хотел во что бы то ни стало заполнить этот пробел выгодным для себя образом», как сформулировало проблему одно из аналитических исследований. Соответственно, США необходимо было избавиться от Трухильо и одновременно подобрать достойную кандидатуру, которая смогла бы заменить его [1]. По иронии судьбы убежищем Батисты была именно Доминиканская Республика Трухильо.

Решение свергнуть Трухильо укрепилось в начале 1960-х, когда власти США задумали организовать оппозицию режиму Кастро в Западном полушиарии. Эта политика, однако, вела напрямую к знакомым обвинениям в том, что США выступают только против левых правительств и никогда против правых, какими бы деспотическими они ни были. Тесные ассоциации с Трухильо, широко известным как протеже Вашингтона, становились весьма неудобными. Обстоятельства складывались таким образом, что президент США Эйзенхауэр вынужден был признать: «Очевидно, что американское общество не будет осуждать политику Кастро до тех пор, пока США решительно не выступят против режима Трухильо» [2]. В данном случае вера президента в независимость американского мнения могла быть завышенной, ибо Вашингтон поддерживал правые диктаторские режимы в Гватемале, Никарагуа, Гаити и где бы то ни было как до, так и после убийства Трухильо, но это не мешало американской общественности с энтузиазмом осуждать политику Кастро.

Еще в 1958 году шеф резидентуры ЦРУ в Доминиканской Республике Лиэр Рид (Lear Reed) вместе с несколькими гражданами Доминиканской Республики задумал убийство Трухильо, но этому плану не суждено было воплотиться в жизнь [3]. Доподлинно неизвестно, чем руководствовалось при этом Управление и действовало ли оно по собственной инициативе или по указанию свыше. Тем не менее в феврале 1960 года Специальная группа Совета национальной безопасности (группа высокопоставленных чиновников аппарата безопасности, принимавшая решения по секретным операциям. — Прим. ред.) в Вашингтоне одобрила программу секретной поддержки доминиканцев, настроенных против режима Трухильо [4]. Двумя месяцами позже Эйзенхауэр одобрил план действий, в котором, в частности, говорилось, что если ситуация и дальше будет ухудшаться, то «США незамедлительно предпримут действия по свержению Трухильо и высыплю его из страны. Это произойдет в том случае, если будет выбран подходящий преемник, способный установить свой режим при политической, экономической и, если необходимо, военной поддержке США» [5].

Создавая впечатление человека, ничего не подозревающего о заговоре, Трухильо продолжал действовать в соответствии со своей репутацией гангстера. В июне один из его помощников организовал взрыв автомобиля, где находился президент Венесуэлы Ромуло Бетанкурт (Romulo Betancourt), жест-

кий критик доминиканского диктатора. Таким образом, США столкнулись с нарастающим давлением со стороны более демократических государств Карибского бассейна и с необходимостью устранения Трухильо. Выживший после покушения президент Венесуэлы заявил госсекретарю США Кристиану Гертеру (Christian Herter), что если Трухильо не будет устранен, Венесуэле придется предпринять вооруженное вторжение на территорию Доминиканской Республики [6].

В течение последующего года диссиденты и различные американские чиновники играли в шпионские игры. Так, были организованы различные встречи в Нью-Йорке и Вашингтоне, Сьюад-Трухильо и Венесуэле. ЦРУ вербовало для специальных операций американцев, проживавших в Доминиканской Республике. Различные схемы свержения Трухильо составлялись и прорабатывались как Вашингтоном и ЦРУ, так и диссидентами. В дальнейшем некоторые из этих схем были одобрены Специальной группой Совета национальной безопасности (СНБ). В Венесуэле был организован специальный лагерь для доминиканских эмигрантов, приезжавших туда из США и Пуэрто-Рико под прикрытием ЦРУ. Диссиденты неоднократно просили поставить им разнообразное оружие, от снайперских винтовок до взрывных устройств с дистанционным управлением, для одной цели: убийства Трухильо и других ключевых фигур его режима. Часть просьб была одобрена и удовлетворена Госдепартаментом и ЦРУ. Поддержка диссидентов постепенно вышла на очень высокий уровень в администрации США. Однако при всем сделанном и сказанном ни один из амбициозных планов так и не был воплощен в жизнь: убийство Трухильо стало импровизацией. За все время удалось передать противникам режима Трухильо только три пистолета и три карабина, и нет уверенности в том, что именно это оружие было использовано при его убийстве.

В итоге самой важной и единственной помощью США в деле организации убийства Трухильо стало заверение со стороны США, что «северный гигант» ни в коей мере не будет препятствовать устранению Трухильо и окажет поддержку в случае, если к власти придет «подходящее» правительство. Это были типичные обязательные условия действий США в Латинской Америке, особенно актуальные для Доминиканской Республики, где за последний век американская морская пехота высаживалась четыре раза. Последнее военное вторжение привело к созданию Доминиканской национальной гвардии, во главе которой США поставили подготовленного ими молодого офицера по имени Рафаэль Трухильо [7].

Огромная пропасть между словом и делом властей США в отношении убийства Трухильо стала причиной растущей неуверенности в Вашингтоне относительно того, что будет после свержения Трухильо. А не возникнет ли из хаоса режим, подобный режиму Кастро на Кубе? Вторым важным фактором, который препятствовал свержению Трухильо, было нежелание США оказаться вовлечеными в политическое убийство. Это нежелание объяснялось как политическими, так и «этическими» соображениями. По меткому выражению одного из чиновников Госдепартамента, Вашингтон не хотел бы

и «далее позориться в глазах мировой общественности» [8]. Этот момент беспокоил пришедшего в 1961 году к власти в США президента Джона Кеннеди и его администрацию, хотя вскоре его администрация уже организовывала попытки убийства Кастро.

Катастрофический провал в Заливе Свиней в апреле еще сильнее ослабил энтузиазм Вашингтона по части карибских приключений (за исключением действий против Кубы — властями США руководила месть) и вынудил американцев отложить на некоторое время организацию убийства. Однако заговорщики уже давно прошли точку невозврата.

Грезившие об убийстве Трухильо доминиканцы ни в коей мере не были революционерами. По большей части это были выходцы из консервативных кругов, представлявшие привилегированную часть доминиканского общества. Все, что их объединяло — это жесткая неприязнь к Трухильо и личная месть: каждому из них в свое время, если удалось избежать пыток и убийства, пришлось испытать чувство глубочайшего унижения со стороны дьявольского диктатора.

Их планы в отношении того, что же будет после свержения Трухильо, были не до конца проработаны, но и они разбились вдребезги. А получилось так, что на следующий день после убийства Рафаэль Трухильо-младший — Рамфис — уже спешил домой после очередного кутежа в Париже, чтобы принять бразды правления. С его приходом к власти мало что поменялось как в Доминиканской Республике, так и в Вашингтоне. Администрация Кеннеди осталась с теми же идеологическими противоречиями, которые не были разрешены до убийства и в годы администрации Эйзенхауэра. А именно: что же лучше предпринять, чтобы к власти не пришли левые правительства с их радикальными социальными переменами, — традиционный «стальной кулак» правой диктатуры или создание более демократичного общества, способного понимать и принимать большой объем легитимных требований обычных людей? Каким должен быть объем этой демократии? А что если демократия станет причиной выдвижения еще большего количества требований, удовлетворение которых будет просто невозможным? Что если демократия даст левым легальную платформу, чтобы привести общество на свою сторону («одурачить» в терминологии Вашингтона)? И если единственным путем обеспечить американские интересы будет поддержка диктатуры, как либеральное американское правительство объясnit это мировому сообществу и своим собственным гражданам?

Джон Кеннеди и его соратники из Гарварда были настроены на более вдумчивый подход к политическим вопросам, чем обычно делали это другие американские лидеры. Можно сказать, что время от времени они даже мучились над решением этих вопросов. Но в итоге оказалось, что латиноамериканская политика администрации Кеннеди едва ли отличалась от политики консервативных республиканских руководителей. Лидер, навязывающий «порядок», прикрывающийся фасадом демократии, сдерживающий левых, по возможности не прибегая к особым жестокостям, — короче говоря, ли-

беральный антикоммунист, похоже, все еще оставался самым надежным союзником для США.

Кеннеди говорил: «Существуют три возможности, от более предпочтительной к менее: сдержанный режим демократии, режим Трухильо или режим Кастро. Мы нацелены на претворение в жизнь первого, но мы не можем отказываться от второго, пока грозит опасность третьего» [9].

Рафаэль Трухильо-младший был далеко не идеален. Запятнанный фамилией и одержимый местью, он продолжал «кровавую мясорубку» еще на протяжении шести последующих месяцев [10]. Однако, в отличие от своего отца в последние годы правления, Рамфис оказался более вменяемым, и Вашингтон смог подтолкнуть его к проведению ряда знаковых реформ, что, в принципе, устраивало обе стороны. Но не устраивало жителей Доминиканской Республики, которые чувствовали себя жестоким образом обманутыми в ходе событий. Их моральный подъем, вызванный избавлением от диктатора, был обманут неизменностью положения дел.

Негодование вылилось на улицы. К октябрю уличные протесты стали происходить ежедневно и достигли такого накала, что для их подавления приходилось использовать даже тяжелую военную технику. В результате правительственные войска застрелили несколько студентов. Соединенным Штатам пришлось предпринимать срочные меры, поскольку анархизм не только захватил улицы, но и стал внедряться в верхние эшелоны власти. Хотя левое движение в Доминиканской Республике во времена репрессий не имело большого размаха, Вашингтон опасался претворения в жизнь крылатого и кажущегося магическим выражения того времени — «коммунистический переворот».

В то же время американские дипломаты встретились в столице с членами семьи Трухильо и доминиканскими военными лидерами и заявили им в лоб, что, если потребуется, военная мощь США будет использована во благо создания временного правительства под председательством Хоакина Балагера (Joaquín Balaguer) до проведения выборов. На протяжении десятилетий Балагер был очень тесно связан с семьей Трухильо. В период подготовки и организации убийства Трухильо он занимал пост президента и сохранил его при режиме Рамфиса, но он не был угрозой для продолжения тирании. Как сказал Кеннеди: «Балагер — наш единственный инструмент. Либеральные антикоммунисты сейчас слабы. Мы должны использовать наше влияние, чтобы поставить Балагера на путь демократии» [11]. Насколько Кеннеди был предан идеалам демократии в Доминиканской Республике, мы сейчас увидим.

Чтобы довести до доминиканцев свой посып, Вашингтон направил к берегам Доминиканской Республики оперативное соединение ВМС из восьми кораблей с 1800 морскими пехотинцами на борту. Соединение появилось в трех милях от Сьюодад-Трухильо в зоне прямой видимости 19 ноября. По громкоговорителям, установленным на кораблях, на испанском языке передавались сообщения о том, что морские пехотинцы готовы в любой момент высадиться на берег. Параллельно небо над береговой линией контролировали

реактивные истребители ВВС США. Под давлением США доминиканский бригадный генерал Педро Родригес Эчеваррия (Pedro Rodriguez Echevarria), ключевой человек среди военных, был вынужден выбросить из головы все планы по организации военного переворота и оказать поддержку американским действиям. Родригес отдал приказ — неизвестно, по собственной инициативе или нет — нанести удар по авиабазе в окрестностях столицы, где сторонники Трухильо сосредоточивали войска. Через пару дней Рамфис вернулся в свои храмы наслаждений в Европе, а другие известные сторонники Трухильо отправились за красивой жизнью во Флориду [12].

Однако когда Балагер оказался серьезным препятствием на пути демократизации и намекнул, что не рассматривает свое нахождение у власти временным, США были вынуждены обратить против него всю мощь оппозиционного движения. Результатом этого стал уход Балагера в отставку всего через два месяца нахождения у власти. Между тем Вашингтон выставил генералу Родригесу новое требование. Запугав доминиканских лидеров тем, что они потеряют помощь США, если поддержат переворот, Вашингтон еще раз продемонстрировал свою военно-морскую мощь и оказал поддержку другим генералам, чтобы помешать попытке генерала Родригеса взять власть в свои руки [13].

Власть в Доминиканской Республике между тем перешла в руки Государственного совета из семи человек, а США продолжали ставить в республике свои эксперименты, направленные на недопущение коммунистов к власти. Посол США Джон Бартлоу Мартин (John Bartlow Martin) оказывал давление на Совет для сдерживания роста левого движения. По собственному признанию, Мартин избрал для действий «методы полиции, однажды зарекомендовавшие себя в Чикаго», — запугивание подозреваемых путем повторных арестов,очные обыски их домов, избиения и так далее [14].

После того как по стране прокатилась волна уличных волнений, генеральный прокурор США Роберт Кеннеди распорядился направить в Санто-Доминго (современное название столицы Доминиканской Республики) технические средства противодействия массовым беспорядкам. Вскоре два испаноговорящих детектива из Лос-Анджелеса доставили и передали доминиканским союзникам эти средства, недавно использованные для подавления волнений в мексиканских районах Лос-Анджелеса. Несколько неделями позже посол Мартин доложил, что «исключительно благодаря поставкам двух детективов Совет отбил улицы у мятежников» [15].

Подразделение по пресечению массовых беспорядковочно обосновалось в структуре полиции Санто-Доминго. Известные как «белые каски» (Cascos Blancos), полицейские этого подразделения стали самыми ненавистными среди населения. Вскоре после этого США запустили масштабную программу по реформированию вооруженных сил государства, нацеленную на создание эффективного инструмента борьбы с партизанскими отрядами — хотя партизаны были таким же редким явлением на этом острове Карибского моря, как и члены семьи Трухильо [16].

Наконец, в декабре 1962 года под контролем посла Мартина были проведены выборы, в которых участвовали два основных кандидата. Целью американского посла было ввести в Доминиканскую Республику некоторые черты, по мнению американцев, необходимые для демократической системы выборов. Однако все указы Мартина неизбежно звучали как чрезвычайно высокомерное вмешательство в дела предположительно суверенного государства. Указания американского посла расценивались как речи неудачника, признающего свое поражение на выборах.

После этого в соответствии с «Законом о чрезвычайном положении» США и Государственный совет организовали депортацию около 125 сторонников Трухильо и «коммунистов Кастро» в США, откуда им было запрещено выезжать до момента окончания выборов в Доминиканской Республике. Все это делалось «для обеспечения стабильности проведения выборов» [17].

Победителем на выборах стал Хуан Бош (Juan Bosch), писатель, который в годы правления Трухильо долгое время был в изгнании. Он стал первым президентом, избранным более или менее демократическим путем с 1924 года. Наконец к власти пришел либерал из мечты Кеннеди: не приемлющий коммунизм, не военный, избранный легально большинством людей. Правительство Боша должно было на долгое время стать «витриной демократии», выставляющей напоказ ложь Фиделя Кастро. В Вашингтоне его приняли со всеми почестями незадолго до того, как он вступил в должность в феврале 1963 года.

Бош был верен своим убеждениям: проведение земельной реформы, включая передачу части частных земель государственному сектору; аренда жилья по низкой цене; частичная национализация бизнеса; снижение импорта предметов роскоши; амбициозный проект общественных работ, полезный в большей степени народным массам, чем интересам монополий. При этом Бош поощрял частное предпринимательство и был открыт для иностранных инвестиций, если только они не были чрезвычайно эксплуататорскими для его страны. В целом, это был стандартный набор реформ либерального правителя страны третьего мира, серьезно нацеленного на социальные перемены. Он столь же серьезно относился к гражданским свободам: коммунисты, те, кого таковыми называли, и представители других оппозиционных движений не подвергались преследованиям, если не нарушали закон.

Ряд американских политиков и конгрессменов начали проявлять свое недовольство политикой Боша, равно как и его независимостью от Соединенных Штатов. Земельные реформы и национализация в Вашингтоне всегда воспринимались с повышенной чувствительностью — они отдавали «ползучим социализм». В ряде американских изданий о Боше стали появляться неоднозначные статьи, его стали сравнивать с Кастро, а Доминиканскую Республику — с Кубой, в то время как Кастро, со своей стороны, называл Боша «марионеткой янки». Конечно, часть критики в прессе была организована ЦРУ, как и многие другие их кампании [18].

И в США, и в Доминиканской Республике одним из наиболее распространенных обвинений, которыми закидывали Боша, было типичное обвинение в адрес лидеров Латинской Америки (как президенту Гватемалы Арбенсу и президенту Бразилии Гуларту): Бош позволил «коммунистам» «просочиться» в страну и правительство, а сам не боролся с «подрывной деятельностью коммунистов». Последняя, правда, заключалась лишь в том, что люди стали отстаивать свои давно попирающиеся права. Репортер газеты «Майами ньюс» (Miami News) писал: «Коммунистическое проникновение в Доминиканскую Республику протекает с большой скоростью и эффективностью». Однако в статье не сообщалось ни одного имени коммуниста в рядах администрации Боша. Как и следовало ожидать, репортер Хэл Хендрикс (Hal Hendrix) был в 1960-е годы ценным ресурсом в прессе и тайным агентом ЦРУ [19].

ЦРУ продолжало накалять атмосферу вокруг Боша. Посол Мартин сообщил, «что ЦРУ придает слухам [о коммунистах в Доминиканской Республике] гораздо большее значение, чем я... Докладывая о заговоре Кастро и коммунистов, сколь бы неправдоподобным он ни был, конечно, гораздо безопаснее оценить его «скорее правдивым», нежели полной ахинеей» [20].

Джон Кеннеди также невзлюбил Боша, в частности за его отказ принять крутые меры против радикалов. Однажды он сказал послу Мартину:

«Хочу надеяться, что придет тот день, когда он [Бош] захочет избавиться от некоторых левых. Скажите ему, что мы поддерживаем его убеждения, мы его поддерживаем, но может прийти день, когда он захочет депортировать 30 или 50 человек — лучше их депортировать, нежели отпустить. Полагаю, ему придется поймать их на чем-либо» [21].

Когда США перестали оказывать Доминиканской Республике экономическую помощь и другими способами показали, что Хуан Бош более им не интересен, правые доминиканские офицеры сочли, что их руки развязаны и они могут избавиться от этого президента и его политики. Сэм Хэлпер (Sam Halper), бывший шеф Карибского бюро журнала «Тайм», сообщил позднее, что военный переворот, нацеленный на свержение Боша, был совершен «после того, как военные получили «добро» от Пентагона» [22].

В июле группа офицеров выдвинула Бошу ультиматум: они сохранят верность его режиму лишь при условии, если он будет проводить политику жесткого антисоветизма. В ответ на это Бош выступил по телевидению с речью, в которой заявил, что в демократическом обществе военные не должны заниматься политикой. Конечно же, такая мысль была похожа на оккультизм для военных оппонентов президента, тем более после 31 года режима Трухилю.

Окруженный врагами президент понимал, что его правительству придется сложить свои полномочия раньше времени. Его речь по телевидению выглядела как прощальная. Отсутствие голоса поддержки из Вашингтона лишь усугубляло его положение. В действительности Бош и некоторые его

помощники подозревали, и небезосновательно, что американские военные и ЦРУ уже находятся в сговоре с доминиканскими офицерами. Некоторые американские военные, оставив дипломатический этикет, достаточно открыто, чтобы Бош мог услышать, заявляли о своем отношении к его политике [23].

За неделю до неминуемого военного переворота созданная в Доминиканской Республике с помощью ЦРУ Федерация профсоюзов CONATRAL, целью которой было противодействие деятельности Боша и его сторонников среди рабочего движения, разместила в ведущей газете объявление, призвав народ довериться армии в деле защиты его от коммунизма [24].

Конец наступил в сентябре, всего лишь после семи месяцев у власти. У Боша не было времени выполнить многие из своих планов в этом безнадежно коррумпированном обществе. Вновь, как и всегда в Латинской Америке, на авансцену вышли военные.

Соединенные Штаты, которые могли бы предотвратить военный переворот в Латинской Америке одним только движением бровей, не сделали ничего, чтобы воспрепятствовать доминиканским офицерам. В этот раз уже не было демонстрации американской военной мощи, хотя Бош и просил этого, «поскольку не было угрозы захвата власти коммунистами», — заявил Госдепартамент [25].

Как писал потом журнал «Ньюсвик»: «Демократия была спасена от коммунизма путем устранения ее самой» [26].

А в Вашингтоне, как обычно, звучали сожаления относительно падения демократии и обязательное неодобрение нового режима. Однако двумя месяцами позже, когда оппозиция стала внушительно заявлять о своем неприятии новой репрессивной диктатуры, хунта начала истошно вопить о «коммунистах» и была быстро обласкана Вашингтоном в виде признания и других привилегий, которыми обладают страны — члены добropорядочного клуба под названием «Свободный мир» [27].

Через полтора года в Доминиканской Республике разразилась революция, с которой возродились надежды на возвращение Боша из ссылки во власть вместе с военными и гражданскими силами, верными его политической программе. Однако в пятый раз за столетие на берег высадилась американская морская пехота, положив конец всем надеждам.

Ранним утром 24 апреля 1965 года группа молодых офицеров среднего звена вместе с гражданскими партизанами Боша объявили, что поднимают восстание против правительства. К «конституционалистам», как они себя называли, вскоре примкнули другие офицеры и их части. Воодушевленные призывами радиостанций, тысячи доминиканцев высыпали на улицы с лозунгами «Да здравствует Бош!», вооружившись предоставленным восставшими частями оружием.

Была захвачена телестанция, в эфире которой на протяжении двух дней смогли открыто выступить против сложившегося положения дел «все, кто угодно: политики, солдаты, женщины, дети, авантюристы, бандиты и т. д.» [28].

В рядах оппозиции были замечены не только сторонники Боша или социальных реформ, но и люди с правыми взглядами и своими собственными интересами. Однако движущей силой восстания были конституционалисты, поэтому остальные военные и посольство США с тревогой отнеслись к восстанию как к попытке вернуть Боша к власти.

Журналист издания «Уолл-стрит джорнэл» (а по совместительству и агент ЦРУ) Филип Гейelin (Philip Geyelin), который был вхож в посольство США и имел возможность непосредственно наблюдать за развитием событий, писал:

«Основной задачей, которую Соединенные Штаты ставили перед собой с самого начала восстания, было любой ценой и любыми средствами погасить революционные идеи в обществе.

К 25 апреля... посольство США в Санто-Доминго явно стало на сторону заговорщиков-«лоялистов» и приняло решение бороться с основной целью восстания — возвращением к власти Хуана Боша. «Восстановление режима Боша будет противоречить интересам Вашингтона» — сообщало посольство. Блокирование Боша означало дальнейшее кровопролитие — признавало посольство. Тем не менее по директиве Вашингтона военные атташе посольства США дали лидерам «лоялистов» добро на «все возможное», чтобы не допустить того, что они называли «захват власти коммунистами» [29].

Военные атташе, а также консул США в срочном порядке встретились с некоторыми «свободными от обязательств» доминиканскими военачальниками, пытаясь убедить их, и похоже успешно, поддержать правительство [30].

Улицы Санто-Доминго накрыла кровавая гражданская война. Из дня в день то здесь, то там происходили ожесточенные бои. К вечеру 28 апреля военные и полиция в Санто-Доминго были разгромлены, и «конституционалисты» начали подготовку к захвату основного оплота военных — базы Сан-Исидро (San Isidro), находившейся в 10 милях от города [31].

«Генералы в Сан-Исидро подавлены, некоторые из них плачут, а один истерично призывает сдаваться», — читали в Вашингтоне сообщение посла Тэпли Беннетта (W. Tapley Bennett) вечером 28 апреля. Беннетт, как мы увидим далее, был большим любителем гиперболы, хотя военные чины в Сан-Исидро действительно были изолированы и деморализованы. В этом же или в другом сообщении Беннетт добавил: если войска США не высадятся на берег незамедлительно, прольется кровь американских граждан, а «приверженцы Кастро» окажутся победителями [32].

В считанные часы первые 500 морских пехотинцев армии США были переброшены вертолетами в страну с кораблей, находившихся в нескольких милях от побережья. Двумя днями позже американский контингент на доминиканской территории уже насчитывал более 4000 солдат. В пик кризиса в Доминиканской Республике насчитывалось более 23 тысяч американских солдат и офицеров. Подразделения морской пехоты и сухопутных войск США

заняли прочные позиции в осажденной стране. Помимо этого, на боевом дежурстве близ побережья находилось оперативное соединение из 35 кораблей.

Действия США в тот момент очевидным образом нарушили целый ряд международных соглашений, в том числе Устав Организации американских государств (ОАГ), который запрещал вмешательство, «прямое или косвенное, по какой бы то ни было причине, во внешние или внутренние дела любого государства».

В течение всего периода военной оккупации США Доминиканской Республики «независимое» американское телевидение уверяло мировую общественность, что вооруженные силы США находятся там в «нейтральном» статусе, для защиты жизней американцев и других иностранцев, обеспечения свободных выборов, недопущения открытия огня и т. д. Как мы видели, США с самого начала боевых действий приняли одну из сторон. На следующее утро после высадки первых морских пехотинцев на берег Доминиканской Республики Госдепартамент проинструктировал посла Беннетта, что американские военные нужны для того, чтобы «оказать содействие доминиканским генералам, занимающим Сан-Исидро, в разработке плана по захвату плацдарма повстанцев в центре города» [33].

В течение нескольких дней американские военные заняли позиции в виде вооруженного коридора, проходящего через центр Санто-Доминго. Таким образом они разделили зону конституционалистов и отрезали их от остальной страны, зажав их в тиски на небольшой территории в центре города — в тылу у повстанцев оставался только океан. Остальные американские части дислоцировались за пределами столицы. Таким образом, наступление на Сан-Исидро было остановлено. Это был конец революции.

Подразделения армии США оказали всестороннюю поддержку доминиканским военным: обеспечение их военной техникой, продовольствием, выплата им жалований. Главную роль сыграло, однако, прямое военное вмешательство США. В решающий момент основные силы американской армии разделились надвое, позволив доминиканским военным выдвинуться, и нанесли сокрушающий удар по северной части повстанческой армии, в то время как основная ее часть на юге была блокирована американскими подразделениями и оказать помощь не могла.

«Эта триумфальная победа, — сообщала газета «Нью-Йорк таймс», — была достигнута только при помощи регулярных подразделений армии США». О том, что армия США приняла непосредственное участие в вооруженном конфликте, писали и другие журналисты, однако Вашингтон яростно отрицал все эти сообщения [34].

Все, что удалось предпринять повстанцам, — это локальные атаки по американским солдатам, но за это они заплатили высокую цену. Здание в центре Санто-Доминго, из которого повстанцы вели снайперский огонь, было разрушено снарядами американских орудий. Продвигаясь в зону конституционалистов, американцы снова натолкнулись на снайперский огонь и убили еще 67 повстанцев и прохожих. Морские пехотинцы обстреливали и тех, кто

пытался спастись бегством. Министр внутренних дел конституционалистов, «как сообщалось, был застрелен огнем из пулемета в момент, когда он и его подразделение пытались занять пустующий президентский дворец» [35].

Администрация Джонсона даже не пыталась отрицать указанные выше факты, заявив, что в обоих случаях речь идет о «персональной неосторожности» или «локальных происшествиях».

Секретная группа «зеленых беретов» также была привлечена к обеспечению безопасности американских граждан. Но когда они обнаружили, что некоторые американцы поддерживают революционные настроения, «их основной задачей стала не их защита, а слежка за ними» [36].

«Береты» также нашли возможность для подготовки убийства одного из лидеров конституционалистов — полковника Франциско Каманьо (Francisco Caamaño). В самый последний момент убийство было отменено ввиду чрезмерного риска [37].

В то же время в Доминиканской Республике работала еще одна американская группа — делегация Национальной студенческой ассоциации (National Student Association), члены которой были направлены туда якобы для обсуждения вопросов образования с доминиканскими коллегами. В действительности же, будучи агентами ЦРУ, они собирали информацию о членах студенческих мятежных организаций. Но пройдет еще два года, прежде чем раскроется история долгосрочного сотрудничества ЦРУ с этой известной студенческой организацией [38].

На протяжении всего этого периода правительство США через СМИ «обрабатывало» граждан США, Доминиканской Республики и всего остального мира, убеждая их в том, что именно коммунисты были доминирующей силой в рядах конституционалистов, собирались захватить контроль над движением или уже захватили, и в случае их прихода к власти последствия для всех были бы ужасными.

Администрация Джонсона в разное время составляла списки «коммунистов и сторонников Кастро», которые входили в состав мятежных отрядов. По некоторым данным, в списках было от 53 до 58 человек, по другим — до 77 человек. Эти списки получили дурную славу и стали объектом насмешек СМИ. Число «коммунистов» было смехотворно мало — в то время как в восстании участвовали десятки тысяч человек со множеством лидеров, а некоторые из представленных в списках, как оказалось, находились в это время в тюрьмах, других не было в стране.

Посольство США в Санто-Доминго уверяло журналистов, что если они посетят штаб повстанцев, то воочию увидят лидеров-коммунистов. Журналисты отправились в штаб, но им не удалось выявить ни одного коммуниста. Правительство США объяснило впоследствии это так: найти коммунистов не удалось, потому что высадка американских военных до смерти напугала красных и они все вынуждены были попрятаться.

В конце концов американские официальные лица стали сомневаться, что смогут доказать, что среди лидеров конституционалистов были коммунисты.

Однако несмотря на это, президент Джонсон требовал от ЦРУ и ФБР найти-таки доказательства этого факта. 25 апреля ЦРУ сообщило в Вашингтон, что коммунистическая партия (Социалистическая доминиканская партия) «была не осведомлена о готовящемся военном перевороте» [39].

Бывший офицер ЦРУ Филип Эйджи (Philip Agee), который в то время работал в резидентуре ЦРУ в Уругвае, позднее написал, что новый пароль в его резидентуре звучал так: «Пятьдесят восемь обученных коммунистов». Откликом на пароль было: «Десять тысяч морских пехотинцев» [40].

Тем временем посольство во главе с послом Беннеттом продолжало выдавать «нарастающий поток истеричных сплетен, историй об ужасах и алармистские доклады о мятежниках» [41], напоминавшие кампанию против большевиков после Октябрьской революции в России; посольства захвачены; «массовые казни в духе Кастро»; по городу ходят колонны мятежников с отрубленными головами их жертв на шестах...

В одном из своих выступлений президент Джонсон как-то упомянул о «зверствах», но ни одна из этих историй не была доказана, никто нигде не обнаружил ни одного обезглавленного доминиканца. А позже власти США наглым образом подвергли американскую прессу осуждению за публикацию непроверенных данных [42].

Между тем ЦРУ, Разведывательное управление министерства обороны США и Информационное агентство США (ЮСИА) вели собственную активную пропагандистскую кампанию в Доминиканской Республике, целью которой было укрепление позиции США и дискредитация доминиканских оппозиционных групп. Активную деятельность развернули прибывшие специалисты по психологическим операциям. Контроль над прессой, радиопередачами, радиоэлектронная борьба против мятежных радиостанций, распространение листовок с агитационными лозунгами были основными задачами технических специалистов ЦРУ. ЮСИА также тайно финансировало периодические издания, распространявшие информацию проправительственного характера в интересах США [43].

Выражение «кризис доверия» (credibility gap) появилось в американском языке после всех этих диких обвинений и частых противоречивых заявлений американских официальных лиц. «Кризис доверия» преследовал Джонсона в ходе всего его президентского срока [44].

Историк Ричард Барнет (Richard Barnet) подметил еще одну интересную сторону у американской пропаганды того времени:

«Для оправдания вторжения, которое вызвало волну недовольства и неприятия со стороны традиционных друзей США из-за их грубых действий и пелены лжи, которой это вторжение было окутано... [Вашингтон] начал прямые нападки на концепцию невмешательства — краеугольный камень латиноамериканской политики, освященный многочисленными договорами, декларациями и речами в духе панамериканизма... Помощник госсекретаря Томас Мэн заявил корреспондентам газет, что Уставы Организации американских государств и ООН были

написаны «в терминологии XIX века»... Аверелл Гарриман (Averell Harriman) заметил в Монтевидео, что принцип невмешательства становится «устаревшим». В результате голосования — 315 голосов против 52 — палата представителей США провела резолюцию... оправдывающую одностороннее применение силы в отношении иностранной территории любой страной, которая считает, что ей «прямо или косвенно» угрожает «международный коммунизм»... Президент заявил в своей речи: «Прежде всего хочется отметить, что в условиях современной действительности старые концепции и старые ярлыки абсолютно неуместны. В современном мире, где враги свободы говорят о «войнах за национальное освобождение», старое различие между «гражданской войной» и «всеобщей войной» уже во многом потеряло свое значение... Момент принятия решения должен быть и моментом для начала активных действий».

«В этом и состоит сущность «доктрины Джонсона», — писал Барнет, — по сути, неограниченная заявка на приздание законности военному вмешательству в гражданские волнения» [45].

Последние части армии США покинули Доминиканскую Республику в сентябре 1966 года. Это было время, когда прекращение огня сменялось нарушением перемирия, а переговоры с временными правительствами казались бесконечными.

В июне 1966 года состоялись выборы, на которых Хоакин Балагер с большим отрывом победил Хуана Боша. Это было неудивительно. На протяжении пяти лет народ Доминиканской Республики жил в атмосфере хаоса и насилия. Горький опыт привил им сильное стремление к нормальной жизни, к порядку, без иностранного вмешательства, без патрулирующих улицы солдат, без комендантского часа, слезоточивого газа и кровопролития. Торчащая, словно бельмо в глазу, американская солдатня на улицах городов, повсеместная пропагандистская шумиха американцев о «красной угрозе» и связанных с ней конституционалистах, доминиканские военные, сохранившие дух и идеологию Трухильо. Доминиканцы видели в возможной победе Боша на выборах опасность того, что все эти ужасы прольются на их головы снова. А Бош, который незадолго до выборов вернулся домой, был настолько испуган за свою личную безопасность, что всю кампанию просидел в своем доме.

Хоакин Балагер оставался у власти 12 последующих лет, управляя народом в традиционном латиноамериканском стиле, когда богатые богатеют, а бедным с трудом удается прокормить своих голодных детей. Демократия в таком обществе остается чуждой идеей, а полиция и военные регулярно похищают, пытают и убивают противников режима и терроризируют профсоюзных лидеров [46].

Однако новый президент лично не был таким монстром, каким был Трухильо. В стране были относительное спокойствие и мир. Над ней не сгущались «коммунистические угрозы». Экономика была открыта для иностранных инвестиций, и американские корпорации со своими крупными капиталами устремились в страну. В стране были стабильность и порядок. А люди, кото-

рые правила Соединенными Штатами, были удовлетворены происходящим. Быть может, кто-то из них пришел к мысли, что антикоммунистическое либеральное правительство было недостижимым идеалом, поскольку любое движение, выступающее за истинную демократию и социальные реформы, неизбежно привлечет в свои ряды лиц, которых США неизменно относят к категории «коммунистов». Вашингтону же затем приходится дискредитировать, вести подрывную деятельность и в конечном итоге уничтожать такое движение.

30. Куба, 1959–1980

НЕПРОСТИТЕЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Существование революционного социалистического правительства с крепнущими связями с Советским Союзом в каких-то 90 милях от побережья США неприемлемо для уважающей себя сверхдержавы, настойчиво заявляла администрация США. И в 1961 году Соединенные Штаты совершили вторжение на Кубу.

Однако менее чем в 50 милях от Советского Союза находился Пакистан, близкий союзник США и член СЕАТО (Организации договора о Юго-Восточной Азии), основанного в 1955 году Соединенными Штатами антикоммунистического альянса. Непосредственно граничил с СССР Иран, еще более близкий союзник США. В Иране находились неусыпные станции радиоэлектронного перехвата, с его территории против СССР велась авиаразведка и засыпались агенты в Армению. Рядом с Ираном, тоже на границе с СССР, находилась Турция — с 1951 года член смертельного врага Советского Союза НАТО.

В 1962 году в ходе Карибского кризиса Вашингтон, по-видимому, изрядно струхнув, заявил на весь свет о том, что СССР развертывал на Кубе «наступательные» ракеты. США быстро установили «карантин» острова: демонстративно развернутая в Карибском море мощная военно-морская группировка останавливалась и обыскивала все суда, направлявшиеся на Кубу, заворачивая обратно любое судно, где обнаруживался какой-либо груз военного назначения.

Однако у самих США уже имелись ракеты и бомбардировщики, развернутые в Турции и Западной Европе, нацеленные на Советский Союз. Советский руководитель Никита Хрущев позднее писал:

«Американцы окружили нашу страну военными базами и угрожали нам ядерным оружием, а теперь им предстоит самим узнать, каково оно, когда на тебя направлены ракеты противника; мы не сделаем ничего иного, кроме как угостим

американцев их собственным лекарством... В конце концов, у Соединенных Штатов не было с нами какого-либо морального или юридического конфликта. Мы не предоставляли кубинцам чего-либо такого, что американцы не предоставляли своим союзникам. У нас были те же права и возможности, что и у американцев. Наше поведение на международной арене определялось теми же правилами и ограничениями, что и поведение американцев» [1].

Чтобы все поняли правила, которых придерживался Вашингтон и которых, очевидно, не понял Хрущев, журнал «Тайм» поспешил пояснить их: «Что касается коммунистов, за этим уравниванием [предложением Хрущева о взаимном выводе ракет с Кубы и из Турции. — Авт.] явно стояли их тактические мотивы. Что до сторонников нейтралитета и пацифистов [приветствовавших предложения Хрущева. — Авт.], оно выдало их интеллектуальное и моральное замешательство». Похоже, данное замешательство заключалось в их неспособности отличить своих от врагов, поскольку «предназначением американских баз в Турции являлся не шантаж СССР, а укрепление обороноспособности системы НАТО, созданной для предотвращения советской агрессии. Будучи членом НАТО, Турция приветствовала размещение на ее земле американских баз в качестве средства укрепления ее собственной обороноспособности». Кубе же, которая всего лишь за год до этого отбила вторжение, похоже, беспокоиться о своей обороне не приличествовало. «Тайм» продолжал свои нотации:

«Помимо этих различий между данными двумя случаями, существует огромная моральная разница между целями США и России... Ставить знак равенства между американскими и советскими базами — значит ставить знак равенства между американскими и советскими целями... американские базы, например, те, что находятся в Турции, помогают поддерживать мир с окончания Второй мировой войны, в то время как советские базы на Кубе угрожают нарушить этот мир. Советские базы были предназначены для дальнейших завоеваний и господства, тогда как американские базы созданы для сохранения свободы. Данное различие должно быть очевидным всем» [2].

Не менее очевидным было право Соединенных Штатов держать на кубинской земле военную базу — военно-морскую базу Гуантанамо, тяжкое наследие колониализма, висящее на шее кубинского народа, которое США и по сей день отказываются вывести, несмотря на резкие протесты кубинского правительства.

В дополнение к хорошим и плохим ракетам и базам в американском лексиконе есть хорошие и плохие революции. Американская и французская революции хорошие. Кубинская — плохая. Должно быть, она плоха из-за большого количества людей, покинувших Кубу в результате ее.

Однако по меньшей мере 100 тысяч человек выехали из британских колоний в Америку в ходе и после американской революции. Эти тори, про-

тивники отделения колоний от Великобритании, не смогли принять общественно-политические перемены как действительные, так и воображаемые. В частности, невозможным для них стало принять изменение, сопутствующее любой приличной революции: чтобы те, на кого ранее смотрели как на чернь, после революции более не хотели знать свое место. Или, как выразился после Октябрьской революции тогдашний госсекретарь США, большевики-де стремились «сделать невежественные и ни на что неспособные человеческие массы хозяевами Земли» [3].

Противники отделения от метрополии бежали в Новую Шотландию (провинция Канады) и Великобританию, разнося рассказы о безбожных, распутных, варварских американских революционерах. Те же из них, кто остался и отказался присягать на верность новообразованных государств, были лишены практически всех гражданских прав. Многих бросили в тюрьмы, убили или изгнали из страны. После гражданской войны в США, еще тысячи человек бежали в Южную Америку и другие места, опять же вследствие общественных потрясений. Как можно было не ожидать подобного исхода после кубинской революции — поистине социальной революции, вызвавшей изменения куда более глубокие, нежели те, что когда-либо довелось пережить американцам? Сколько еще людей покинуло бы США, если бы в 90 милях от американского побережья находилась бы богатейшая страна мира, охотно их принимающая и обещающая им всевозможные пособия и иную помощь?

После кубинской революции, состоявшейся в январе 1959 года, мы узнали о том, что бывают, оказывается, хорошие и плохие угоны воздушных и морских судов. Несколько раз кубинские самолеты и катера угнались в США, но Кубе их не возвращали, а угонщиков не наказывали. Вместо этого некоторые из этих самолетов и катеров были конфискованы американскими властями в счет уплаты долгов, претензии по которым к кубинскому правительству выдвинули американские фирмы [4]. Однако случались и плохие угоны, когда угонщики вынуждали экипажи самолетов лететь из США на Кубу. Когда количество угонов в противоположном направлении возросло, Вашингтон был вынужден пересмотреть свой подход.

Похоже, террористы тоже бывают хорошие и плохие. Когда в 1985 году израильтяне разбомбили штаб-квартиру Организации освобождения Палестины в Тунисе, президент Рональд Рейган выразил свое одобрение. Президент утверждал, что у государств есть право возмездия за теракты, «если удалось установить лиц, ответственных за них» [5].

Однако если бы Куба отбомбилась по штаб-квартире любой из антикастровских группировок в Майами или Нью-Джерси, Рональд Рейган развязал бы против нее войну, хотя правительство Кастро к тому времени на протяжении 25 лет подвергалось нескончаемым терактам, осуществлявшимся против его официальных лиц на Кубе, в США и других странах антикастровскими элементами и их кураторами из ЦРУ (последствия гипотетической бомбежки Кубой штаб-квартиры ЦРУ мы даже не будем обсуждать).

Бомбажки и обстрелы Кубы самолетами, базирующимиися в Соединенных Штатах, начались в октябре 1959 года, если не раньше [6]. В начале 1960 года состоялось несколько авианалетов на кубинские плантации сахарного тростника и фабрики по производству сахара с применением зажигательных бомб; в этих налетах принимали участие и американские летчики: по меньшей мере трое из них погибли при крушении самолетов, а еще двое были арестованы кубинцами. Госдепартамент США признал, что один из разбившихся самолетов взлетел во Флориде (двое пилотов погибли), однако настаивал на том, что это произошло вопреки желанию государственных органов США [7].

В марте в гаванском порту взорвалось французское грузовое судно, с которого выгружались доставленные из Бельгии боеприпасы. Погибли 75 человек, еще 200 были ранены (некоторые из них потом скончались). Соединенные Штаты отвергли выдвинутые Кубой обвинения в совершении диверсии, но признали, что стремились предотвратить доставку означенного груза [8].

Так оно и продолжалось, пока не достигло кульминации в апреле следующего года в виде печально известного вторжения в Заливе Свиней, организованного ЦРУ. В ходе вторжения погибли более сотни кубинских эмигрантов, около 1200 были взяты в плен. Позднее стало известно, что также погибли четверо американских летчиков, задействованных ЦРУ во вторжении [9].

Организаторы вторжения в Заливе Свиней рассчитывали на то, что кубинский народ восстанет и присоединится к агрессорам [10], но этого не произошло. Оказалось, что руководство и рядовые боевики вторгшейся группировки сплошь и рядом были сторонниками свергнутого Фиделем Кастро диктатора Фульхенсио Батисты (Fulgencio Batista), и кубинский народ не желал видеть их ни при каких обстоятельствах.

Несмотря на то что администрация Кеннеди изрядно оконфузилась в связи со столь громким провалом, именно *из-за* него практически немедленно началась серия меньших по масштабу нападений на Кубу. В течение 1960-х годов этот карибский остров подвергся бесчисленным диверсионным рейдам с воздуха и моря, нанесшим ущерб кубинским нефтеперерабатывающим и химическим заводам, плантациям сахарного тростника, фабрикам по производству сахара. На Кубу забрасывали шпионов, диверсантов и наемных убийц: делалось все, что угодно, лишь бы повредить кубинской экономике, вызвать народное недовольство или выставить революцию в неприглядном свете; совершались убийства кубинских ополченцев и других лиц, пиратские нападения на кубинских рыбаков и торговые суда, обстрелы советских судов в кубинских портах; имело место нападение на советский военный лагерь, в ходе которого были ранены 12 советских солдат; с моря подверглись артобстрелу гостиница и театр, в которых должны были присутствовать советские граждане и граждане восточноевропейских стран [11].

Эти акции не всегда проводились по прямому указанию ЦРУ или с его ведома, но Управление вряд ли могло обосновать свою непричастность к ним. Ведь это оно создало оперативный штаб в Майами, который на самом деле был государством в государстве, стоявшим над законом США и действовавшим

вне его рамок, не говоря уже о международном законодательстве. В состав штаба входили несколько сотен американцев, руководивших существенно большим числом агентов кубинского происхождения в ходе проведения акций вышеупомянутого характера с бюджетом более 50 миллионов долларов в год. С местной прессой была достигнута договоренность о том, что организуемые во Флориде операции будут держаться в секрете, за исключением тех случаев, когда ЦРУ решит какие-либо из них обнародовать [12].

Раздел 18 Кодекса США гласит, что проведение «военной или военно-морской операции или действий» с территории Соединенных Штатов против государства, с которым США не находятся (официально) в состоянии войны, является преступлением. Хотя американские власти время от времени препятствовали какому-нибудь из затеваемых кубинскими эмигрантами заговору и перехватывали их суда — иногда по той причине, что береговая охрана США или иные органы были просто не введены в курс дела, — никто из причастных к этому кубинских эмигрантов не нес ответственности по данному закону. Поэтому неудивительно, что тогдашний генеральный прокурор Роберт Кеннеди постановил после разгрома в Заливе Свиней, что вторжение не являлось военной операцией [13].

Налеты диверсантов дополнялись полным торгово-кредитным эмбарго против Кубы, введенным американскими властями и не снятым до сих пор. Эмбарго нанесло огромный вред кубинской экономике и ухудшило уровень жизни кубинцев. Эмбарго является настолько жестким, что когда в 1963 году Куба пострадала от урагана и нью-йоркский общественный клуб «Каса Куба» (Casa Cuba) собрал большое количество одежды в качестве гуманитарной помощи, администрация США отказалась выдать экспортную лицензию под предлогом того, что такой груз «противоречил национальным интересам США» [14].

Более того, на другие страны было оказано давление с тем, чтобы заставить их соблюдать эмбарго, а товары, предназначенные Кубе, подвергались порче: оборудование повреждали, в смазочные материалы добавляли химикаты, ускоряющие износ дизельных двигателей; одной западногерманской фирме заплатили за то, чтобы она произвела для Кубы некачественные шарикоподшипники; другой, производившей симметричные шестерни, приплатили за то же самое. «Речь идет о больших деньгах, — сказал сотрудник ЦРУ, участвовавший в саботаже против кубинцев. — Когда вы просите производителя пойти вам навстречу в проекте подобного рода, ему приходится перенастраивать все свое производственное оборудование. Кроме того, он, вероятно, озабочен последствиями для своей компании в будущем. Приходится платить ему несколько сотен тысяч долларов, а то и больше» [15].

Компанией, не пожелавшей соблюдать эмбарго, оказалась британская «Лейланд компания» (Leyland Company), продавшая Кубе в 1964 году большое количество автобусов. Неоднократные протесты и критика американских чиновников и конгрессменов не привели к полному прекращению поставок этих автобусов. Однако в октябре восточногерманское грузовое судно с

42 предназначеными для Кубы автобусами на борту столкнулось на Темзе в густом тумане с японским кораблем. Японец смог продолжить свое плавание, однако восточногерманское судно легло на борт; автобусы пришлось «списать», заявил представитель компании «Лейланд». В ведущих британских газетах этот случай прошел как один из несчастных случаев [16]. «Нью-Йорк таймс» о нем даже не сообщала. Только через десятилетие американский обозреватель Джек Андерсон (Jack Anderson) поведал о том, что его источники в ЦРУ и Агентстве национальной безопасности подтвердили, что столкновение было организовано ЦРУ вместе с британской разведкой [17]. Впоследствии еще один сотрудник ЦРУ заявил о своих сомнениях относительно этой истории со столкновением кораблей, хотя и признал: «То, что мы совершали акты саботажа в отношении автобусов фирмы «Лейланд», отправляемых на Кубу из Англии, — это правда, и это было довольно-таки деликатное дело» [18].

Еще более деликатным делом было применение Соединенными Штатами против Кубы химического и биологического оружия. Это исключительные события.

В августе 1962 года британское грузовое судно, нанятое Советским Союзом, повредило о риф гребной винт и кое-как доползло до порта Сан-Хуан на Пуэрто-Рико для ремонта. Пунктом назначения судна был какой-то советский порт, груз — 80 тысяч мешков кубинского сахара. Судно поставили в сухой док, а 14 135 мешков сахара выгрузили на склад для ускорения ремонта. На складе агенты ЦРУ заразили сахар веществом, которое-де было безвредно, но делало сахар несъедобным. Когда об операции узнал президент Кеннеди, он пришел в ярость, поскольку она проводилась на американской территории и, если бы о ней узнали, могла предоставить Советскому Союзу великолепные пропагандистские возможности и создать отвратительный прецедент диверсий с применением химического оружия в ходе холодной войны. Он запретил возвращать русским зараженный сахар, хотя неизвестно, под каким предлогом это было сделано [19]. Очевидно, что подобные операции впоследствии продолжались. Сотрудник ЦРУ, помогавший руководить вышеупомянутыми диверсиями по всему миру, впоследствии сообщил: «С Кубы экспортировалось много сахара, а мы добавляли в него много заражающих средств» [20].

В том же году канадскому агротехнику, работавшему в качестве советника кубинского правительства, «агент американской военной разведки» заплатил 5000 долларов за то, чтобы тот заразил кубинских индюшек вирусом, вызывающим смертельный для них ньюкаслский энцефалит птиц. В результате умерло 8000 индюшек. Агротехник позднее утверждал, что хотя он и бывал на ферме, где умерли птицы, он не заражал их вирусом, а просто прикарманил выплаченные ему деньги, а индюшки, дескать, умерли из-за плохого ухода и иных причин, не связанных с вирусом. Возможно, он пытался откликнуться от ответственности. «Вашингтон пост» сообщала: «Согласно американским разведывательным данным, кубинцы, а также некоторые американцы, полагают, что индюшки погибли в результате шпионской деятельности» [21].

Писатели Уоррен Хинкл (Warren Hinckle) и Уильям Тернер (William Turner), ссылаясь на одного из участников операции, сообщили в своей книге о Кубе следующее:

«В 1969–1970 годах ЦРУ задействовало новейшую систему изменения погоды с целью уничтожения урожая сахарного тростника на Кубе и подрыва экономики последней. Из военно-морского центра вооружения «Чайна лэйк» (China Lake Naval Weapons Center), расположенного в пустыне в штате Калифорния и являвшегося местом разработки новейшего вооружения, были направлены самолеты, которые облетели остров, сбросив в дождевые облака кристаллы, которые вызвали проливные дожди над районами несельскохозяйственного применения и тем самым лишили влаги плантации сахарного тростника (ливни спровоцировали внезапные наводнения в ряде районов, сопровождавшиеся жертвами среди населения)» [22].

По словам участников операции, в 1972 году ЦРУ передало кубинским эмигрантам вирус, вызывающий африканскую свиную чуму. Полтора месяца спустя на Кубе произошла вспышка данного заболевания, из-за чего кубинцы были вынуждены забить 500 тысяч свиней во избежание эпидемии среди животных в масштабах государства. Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН назвала эту вспышку африканской свиной чумы — первую за все время в Западном полушарии — «крайне тревожным событием» [23].

Десять лет спустя, когда по Кубе прокатилась эпидемия лихорадки денге, целью уже были люди. Это заболевание, переносимое кровососущими насекомыми, обычно комарами, характеризуется симптомами, напоминающими острое течение гриппа, и сильнейшей болью в костях. С мая по октябрь 1981 года на Кубе заболели более 300 тысяч человек и умерли 158, 101 из которых были дети младше 15 лет [24].

В 1956 и 1958 годах были обнародованы рассекреченные документы, согласно которым американская армия в штатах Джорджия и Флорида выпустила на волю большое количество специально выведенных комаров, чтобы изучить возможность их применения в качестве биологического оружия. Комары, выведенные для испытаний, относились к виду *Aedes Aegypti* — переносчику лихорадки денге, а также иных заболеваний [25]. В 1967 году журнал «Сайенс» (Science) сообщал, что в государственном центре в Форт-Детрик (Fort Detrick) в штате Мэриленд лихорадка денге числилась среди «заболеваний, которые были объектом углубленного изучения и, похоже, среди тех, которые рассматривались в качестве потенциального биологического оружия» [26]. Затем, в 1984 году, некий кубинский эмигрант, находившийся под судом, свидетельствовал о том, что во второй половине 1980 года с полуострова Флорида на Кубу было направлено судно с заданием:

«...доставить туда микроорганизмы, предназначенные для использования против советских военных и гражданского персонала, а также против кубинской экономики, для того чтобы начать химическую войну. Однако полученные

впоследствии результаты оказались не теми, которых мы ожидали, потому что мы думали, что микроорганизмы будут использованы против советских военнослужащих, а их применили против наших собственных людей, а мы так не договаривались» [27].

Из свидетельства не понять, считал ли кубинец, что воздействие микроорганизмов каким-то образом можно будет ограничить только русскими, или же его ввели в заблуждение организаторы операции.

Нам никогда не узнать весь масштаб американской химической и биологической войны против Кубы. В течение многих лет правительство Кастро обвиняло США в ряде других эпидемий, поразивших различные виды животных и культивируемых растений [28]. А в 1977 году из свежерассекреченных документов ЦРУ стало известно о том, что управление «выполняло тайную исследовательскую программу по уничтожению сельскохозяйственных культур, направленную в 1960-е годы на ряд стран» [29].

Получилось так, что США почувствовали необходимость поделиться частью своих знаний в области химической и биологической войны с рядом других стран. По состоянию на 1969 год в Школе химических войск США в Форт-Макклеллан (US Army Chemical School, Fort McClellan) в штате Алабама прошли подготовку около 550 человек из 36 стран. Обучение приемам ведения химико-биологической войны проводилось под предлогом «обороны» от такого оружия — прямо как во Вьетнаме, где под аналогичным предлогом, как известно, учили пыткам. Ниже, в главе, посвященной Уругваю, описывается, как под предлогом борьбы с террористами велось обучение производству и применению самодельных взрывных устройств [30].

Изобретательность, с которой велась химико-биологическая война против Кубы, проявилась в некоторых из более десятка планов, нацеленных на убийство или унижение Фиделя Кастро. Планы, составленные сотрудниками ЦРУ или кубинскими эмигрантами при помощи американской мафии, предусматривали самые разные акции против Кастро: от убийства с помощью отравленных сигар и пищи до подмешивания химического вещества, вызывающего облысение и выпадение бороды, или до введения ЛСД непосредственно перед его публичным выступлением. Кроме того, существовали, конечно же, и более традиционные методы, предусматривавшие применение огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. Один из таких планов предусматривал бомбезку стадиона, где должен был выступать Кастро. Однако кубинцы отогнали посланный на это задание бомбардировщик Б-26 огнем зенитной артиллерии до того, как он смог достигнуть стадиона [31]. Именно сочетание эффективности кубинской службы безопасности, наличия агентуры и информаторов и некомпетентности исполнителей терактов позволили Фиделю Кастро дожить до наших дней в добром здравии и с бородой.

Также были покушения на жизнь брата Фиделя Кастро, — Рауля и Че Гевары. Последнего обстреляли из ручного противотанкового гранатомета, когда

он находился в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке в декабре 1964 года [32]. В США различные кубинские эмигрантские группы регулярно на протяжении десятилетий совершают акты насилия достаточно безнаказанно. Одна из этих группировок — «Омега-7», со штаб-квартирой в Юнион-сити в штате Нью-Джерси, — характеризовалась ФБР в 1980 году как «опаснейшая террористическая организация из числа действующих в США» [33]. Интенсивность терактов непосредственно на Кубе стала снижаться примерно в конце 1960-х, вероятно, ввиду недостатка удовлетворительных результатов в сочетании со старением кубинских эмигрантов, и эмигрантские группировки переключились на цели в США и других странах.

В течение следующего десятилетия, пока ЦРУ продолжало накачивать эмигрантское сообщество деньгами, в США имели место более ста серьезных «инцидентов», ответственность за которые взяли на себя «Омега-7» и несколько других группировок (в самом эмигрантском сообществе различие между террористическими и нетеррористическими группами достаточно размыто; многие эмигранты состоят сразу в нескольких группах, которые часто меняют названия). Совершались неоднократные подрывы бомб, направленные против советской миссии в ООН, советского посольства в Вашингтоне и посольских машин, офиса «Аэрофлота», имел место подрыв советского судна, пришвартовавшегося в порту штата Нью-Джерси. В результате данных терактов были ранены несколько советских граждан. Несколько бомб было взорвано у кубинской миссии в ООН и у кубинского представительства в Вашингтоне, имели место неоднократные нападения на кубинских дипломатов, включая одно убийство; в 1976 году незадолго до начала празднования годовщины кубинской революции в нью-йоркской Академии музыки была обнаружена бомба; два года спустя была взорвана бомба в Центре им. Линкольна после выступления кубинской балетной труппы [34].

Наиболее резонансным терактом того времени является подрыв самолета авиакомпании «Кубана эйрлайнз» вскоре после взлета с Барбадоса 6 октября 1976 года. Теракт унес жизни 73 человек, включая всю кубинскую фехтовальную сборную. Позднее из документов ЦРУ выяснилось, что 22 июня сотрудник одной из резидентур ЦРУ сообщил в штаб-квартиру о том, что он узнал от агента о теракте против одного из кубинских авиалайнеров на маршруте Панама — Гавана, готовящемся одной из группировок кубинских эмигрантов. Группировку возглавлял врач-педиатр по имени Орландо Бош (Orlando Bosch). После того как самолет рухнул в океан в октябре 1976 года, именно группировка Боша взяла на себя ответственность за теракт. Из доклада было ясно, что ЦРУ располагало возможностями внедрить агента в группировку Боша, но в документах отсутствуют данные о том, что управление присматривало за Бошем и его группировкой из-за ее планов или что оно предупредило о готовящемся теракте Гавану [35].

В 1983 году, когда Орландо Бош сидел в венесуэльской тюрьме по обвинению в организации теракта против данного авиалайнера, мэрия г. Майами

объявила о проведении Дня доктора Орландо Боша [36]. В 1968 году Боша осудили за гранатометный обстрел польского судна в Майами.

Кубинские эмигранты и сами нередко подвергались жесткому обращению. Те из них, кто по любой причине посещал Кубу или публично высказывался — не важно, насколько мягко, — за улучшение отношений с родиной, тоже становились жертвами терактов с применением огнестрельного оружия и взрывных устройств во Флориде и Нью-Джерси. Терактам подвергались американские организации, призывавшие к восстановлению дипломатических отношений или снятию эмбарго, а также туристические фирмы, организовавшие поездки на Кубу, и фармацевтическая компания из Нью-Джерси, поставлявшая на остров лекарства. Несогласным в Майами быстро заткнули рот при попустительстве полиции, мэрии и СМИ, которые разве что не демонстрировали свою поддержку кампании запугивания, ведомой кубинскими эмигрантами [37]. В Майами (и не только) ЦРУ под предлогом выявления агентуры Кастро задействовало кубинских эмигрантов для того, чтобы шпионить за их соотечественниками и вести досье на них и на общавшихся с ними американцев [38].

Хотя в среде кубинских эмигрантов всегда существовали экстремистски настроенные сумасшедшие маргиналы (в отличие от нормальных сумасшедших маргиналов), утверждавшие, что Вашингтон предал их «благородное» дело, за все годы аресты и осуждение кубинских эмигрантов за теракты в США были настолько редкими, что эмигранты могли быть уверены — Вашингтон не страдал избытком рвения в данном вопросе. Эмигрантские группировки и их руководство хорошо известны властям — они не слишком чурались известности. По крайней мере, в начале 1980-х годов они в открытую проходили соответствующую подготовку на юге Флориды и Калифорнии; фотографии, в которых они позируют с оружием в руках, публиковались в прессе [39]. ЦРУ со своими бесчисленными информаторами среди кубинских эмигрантов могло бы при желании многое поведать ФБР и полиции. В вышедшем 1980 году подробном обзоре террористической деятельности кубинских эмигрантов нью-йоркская газета «Виллидж войс» (Village Voice) писала:

«Из руководства нью-йоркской полиции удалось выжать две новости. «Забавно, знаете ли, — сказал один из сотрудников, — была пара случаев... но скажем так: расследование доходит до определенного этапа, а затем бац! — дело закрыто. Обращаемся за помощью к ЦРУ, а они говорят, что им, вообще-то, все это не нужно. Все становится понятно». Другой следователь поведал о том, что пару лет назад вел дело о наркотиках, в котором были замешаны кубинские эмигранты. Из перехватов их телефонных разговоров стало известно, что они часто звонили по некоторому номеру в Майами. По словам следователя, он выяснил, что номер принадлежал некоей компании под названием «Зодиак», «которая оказалась «крышой», под которой работало ЦРУ». Расследование пришлося прекратить» [40].

В 1961 году администрация Кеннеди с большой помпой обнародовала свою образцовую программу «Альянс во имя прогресса» (Alliance for Progress). Задуманная в качестве непосредственного ответа Кубе Кастро, программа ставила целью доказать, что в Латинской Америке настоящие социальные перемены могут произойти и без революции или социализма. «Если для народа Латинской Америки единственной альтернативой существующему положению является коммунизм, — заявил Джон Кеннеди, — они неизбежно выберут коммунизм» [41].

Данная программа с многомиллиардовым финансированием была нацелена на ряд непростых задач, выполнить которые предполагалось к концу десятилетия. Задачи включали увеличение экономического роста, более справедливое распределение государственных доходов, создание новых рабочих мест, проведение реформы сельского хозяйства, улучшение образования, строительство жилья, развитие системы здравоохранения и т. д. В 1970 году нью-йоркский фонд «XX век», чьи сотрудники являлись не последними людьми во взаимосвязанном мире государственных и предпринимательских структур, изучил, насколько программа была близка к достижению своих целей. Одним из выводов исследования стало то, что Куба, которая не получала помощи по данной программе, была гораздо ближе к достижению заявленных в программе целей, чем большинство стран — участников программы. Что касается образования и здравоохранения, ни одна из других латиноамериканских стран не проводила столь дерзких общегосударственных программ. Плановая экономика Кубы добилась большего в интеграции сельскохозяйственного и городского секторов посредством политики распределения доходов, чем другие латиноамериканские страны со своей рыночной экономикой [42].

Исследование признавало также, что кубинская программа реформы сельского хозяйства являлась более широкомасштабной, чем аналогичные программы любой другой латиноамериканской страны, хотя авторы заняли выжидательную позицию касательно ее результатов [43].

Эти и иные экономические и социальные успехи были достигнуты вопреки американскому эмбарго и необходимости для Кубы сосредоточить огромные денежные и трудовые ресурсы на обеспечении обороны и безопасности из-за нависающего над нею северного гиганта. Более того, хотя в программе «Альянс во имя прогресса» этот пункт отсутствовал, существовала тем не менее еще одна область глобального значения, в которой Куба стояла особняком среди своих латиноамериканских соседей: на Кубе не было без вести пропавших, убитых эскадронами смерти, равно как и самих эскадронов смерти, и практики систематических пыток.

Куба стала тем, чего всегда так боялся Вашингтон: предметом для подражания странам третьего мира.

Наряду с военной и экономической агрессией, США давно ведут неустранное пропагандистское наступление на Кубу. В данной книге можно найти ряд примеров оного в других странах. Вдобавок к своей огромной журналистской империи за рубежом, ЦРУ на протяжении десятилетий поддерживает анти-

кастровские «новостные фабрики» и в самих США. Говорят, что управление иногда поддерживает деньгами такие майамские издания, как *Avarice*, *El Mundo*, *El Prensa Libre*, *Bohemia* и *El Diario de Las Americas*, а также AIP — новостную радиостанцию, создающую программы, которые потом бесплатно распространяют сто с лишним небольших радиостанций в Латинской Америке. «Форин пабликейшнз инкорпорэйтед» (Foreign Publications, Inc.) и «Эдиторз пресс сервис» (Editor's Press Service) — две нью-йоркские фирмы, используемые ЦРУ в качестве прикрытия, тоже являлись частью данной пропагандистской сети [44].

Неизбежны ли были попытки США свергнуть кубинское правительство? Могли ли отношения между этими соседними странами пойти иным путем? Судя по неизменно враждебному отношению США даже к умеренно левым правительствам, ответ на этот вопрос, похоже, таков, что нет причин полагать, будто революционное правительство Кубы могло бы стать исключением. Вашингтонские чиновники, однако, изначально не были плохо настроены против Кубы. Были и такие, кто высказывал осторожное одобрение или оптимизм, основанные, очевидно, на уверенности в том, что происшедшее на Кубе мало отличалось от очередной смены правительства по-латиноамерикански, каковые происходили на протяжении более чем столетия с монотонной регулярностью, меняя имена и лица, но оставляя неизменным раболепие перед Соединенными Штатами.

Затем оказалось, что Кастро — это совсем другой коленкор. Обстановка в Карибском бассейне коренным образом изменилась. Кастро вскоре принялся резко критиковать США. Он резко высказывался о 60-летием американском контроле над Кубой; о том, как по истечении этих 60 лет кубинцы в массовом порядке оказались бедными; как США использовали квоты на импорт сахара для выкручивания рук кубинцам. Он говорил о неприятии американской военной базы в Гуантанамо и достаточно ясно дал понять Вашингтону, что в холодной войне Куба будет проводить политику независимости и нейтралитета. Именно по этим причинам Кастро и Че Гевара отказались от ожидавшей их прибыльной буржуазной карьеры соответственно юриста и врача ради того, чтобы в первую очередь возглавить революцию. Компромиссы не входили в их планы, как не входили они и в планы Вашингтона, не готового мирно уживаться с такими людьми и с таким правительством.

В повестку Совета национальной безопасности (СНБ), собравшегося 10 марта 1959 года, входило рассмотрение возможности «приведения во власть на Кубе другого правительства» [45]. Заседание состоялось еще до того, как Кастро национализировал какую-либо собственность США. В следующем месяце после встречи в Вашингтоне с Кастро вице-президент Ричард Никсон передал президенту памятную записку, в которой заявил о своей убежденности в том, что Кастро «либо невероятно наивен в том, что касается коммунизма, либо разделяет идеи коммунизма», и что к кубинскому лидеру нужно относиться соответствующим образом и соответствующим же образом с ним поступать. Никсон позднее писал, что по кубинскому вопросу в администра-

ции Эйзенхауэра в то время он находился в меньшинстве [46]. Однако еще до истечения года директор ЦРУ Аллен Даллес (Allen Dulles) решил, что необходимо вторжение на Кубу. В марте 1960 года президент Эйзенхауэр разрешил его проведение. Затем было введено эмбарго, не оставившее Кастро иного выбора, кроме как все чаще и чаще обращаться за помощью к Советскому Союзу, подтверждая таким образом в глазах Вашингтона свою коммунистическую сущность. Некоторые утверждали, без каких-либо доказательств, что Кастро изначально был «красным», но скрывали это.

В данном контексте интересно заметить, что Коммунистическая партия Кубы поддерживала Батисту, ее члены входили в его правительство и не поддерживали Кастро и его сторонников до тех пор, пока приход последних к власти не стал неизбежен [48]. Парадокс, но в 1957–1958 годах ЦРУ снабжало деньгами возглавляемое Кастро движение, одновременно поставляя Батисте оружие для борьбы с мятежниками; по всей вероятности, это еще один пример стремления управления подстраховаться [49].

Если бы даже Кастро с самого начала был помягче в высказываниях и соблюдал все дипломатические манеры, но продолжал проводить политику самоопределения и социализма, которые, как он считал, больше всего подходили Кубе (или же были неизбежными при осуществлении некоторых изменений), он всего лишь отсрочил бы час расплаты для себя, да и то ненадолго. Гватемальский президент Хакобо Арбенс (Jacobo Arbenz), иранский премьер-министр Мосаддых (Mosaddegh), лидер Британской Гвианы Чедди Джаган (Cheddi Jagan) и иные лидеры третьего мира делали все возможное, чтобы не наступать на любимый мозоль Вашингтона без необходимости, и являлись куда менее радикальными в своих планах и отношении к США, чем Кастро. Тем не менее все они пали жертвами заговоров, организованных ЦРУ.

В 1996 году стало известно, что в августе 1961 года, четыре месяца спустя после вторжения на Кубу в Заливе Свиней, Че Гевара говорил с Ричардом Гудвином (Richard Goodwin), специальным советником президента Кеннеди, на международной встрече в Уругвае. У Че Гевары для Кеннеди было сообщение. Куба была готова гарантировать свое невступление ни в какие политические альянсы со странами советского лагеря, заплатить за конфискованную у американцев собственность производимыми на острове товарами и рассмотреть ограничение своей поддержки левым повстанцам по всему миру в обмен на прекращение Соединенными Штатами всех враждебных действий против Кубы. Вернувшись в Вашингтон, Гудвин посоветовал президенту «тихо усилить» экономическое давление на Кубу. В ноябре того же года Кеннеди одобрил проведение операции «Мангуст», ставившей целью спровоцировать восстание на Кубе.

31. Индонезия, 1965

ЛИКВИДАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА СУКАРНО... И ЕЩЕ 500 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК

Вооруженные ножами с широким лезвием, которые называются паранг, банды мусульман проникали по ночам в дома коммунистов, вырезая целые семьи. Путешественники рассказывают о небольших реках и ручьях, сплошь забитых трупами. Сообщение по рекам в некоторых местах серьезно затруднено.

«Тайм», декабрь 1965 года [1]

Почти 100 коммунистов и лиц, подозреваемых в членстве в коммунистической партии, согнали в городской ботанический сад и расстреляли из пулемета. Голову директора школы, члена КПИ [Коммунистической партии Индонезии], насадили на шест и демонстрировали его ученикам, которых специально собрали с этой целью.

«Нью-Йорк таймс», май 1966 года [2]

Общее число индонезийцев, убитых в течение нескольких лет после неудачного государственного переворота, варьируется от 500 тысяч до 1 миллиона [3].

Ранним утром 1 октября 1965 года небольшая группа младших офицеров похитила и убила шесть генералов и захватила несколько важнейших точек в столице Индонезии Джакарте. Затем они вышли в эфир с заявлением о том, что их действия были направлены на предотвращение путча так называемого «генеральского совета», запланированного на День армии (5 октября). По их словам, подготовка путча оплачивалась ЦРУ и была нацелена на лишение власти президента Сукарно (Sukarno). Однако к исходу дня мятежники в Джакарте были разгромлены армейскими частями под командованием генерала Сухарто (Suharto); несколько поддержавших мятежников воинских частей в других городах продержались на день или два дольше [4].

Сухарто — это человек, послуживший и голландским колонизаторам, и японским оккупантам [5]. Его коллеги заявили, что за «попыткой государственного переворота» младших офицеров стояла большая влиятельная Коммунистическая партия Индонезии (КПИ), а за ней — коммунистический Китай. Военные воспользовались возможностью и захватили бразды правления в государстве, ограничили властные полномочия Сукарно (вскоре его низвели до положения зиц-председателя) и устроили кровавую бойню, чтобы раз и навсегда уничтожить КПИ, с которой Сукарно обязывал их делить власть в государстве на протяжении многих лет. По крайней мере на этот раз им подвернулась возможность узаконить эти свои долгожданные действия.

Поощрялось участие антикоммунистических организаций и лиц, особенно мусульман, в убийстве любого, заподозренного в симпатиях к КПИ. Индонезийцы китайского происхождения тоже становились жертвой обезумевших фанатиков. Одной из причин возбуждения индонезийского народа был показ по телевидению и публикация в прессе фотографий сильно разложившихся трупов убитых мятежниками генералов. Общественности заявили, что перед смертью их кастрировали и вырвали им глаза женщины-коммунистки. Позднее военные совершили ошибку, позволив использовать результаты официальной аутопсии генералов в качестве доказательств в ходе ряда судебных разбирательств: в чрезвычайно подробных результатах вскрытия среди причиненных повреждений перечислялись только пулевые ранения и синяки — и никаких кастраций или вырванных глаз [6].

Затем последовало то, что «Нью-Йорк таймс» назвала «одним из дичайших массовых убийств в современной политической истории» [7]. Журнал «Лайф» писал, что это было насилие, «окрашенное не только фанатизмом, но и кровожадностью и чем-то наподобие колдовства» [8].

25 лет спустя американские дипломаты рассказали о том, что они систематически составляли подробные списки «коммунистических» активистов, начиная с высших уровней власти вплоть до сельских лидеров, и передали по меньшей мере 5000 имен индонезийским военным, которые затем ловили и убивали этих людей. Американцы затем исключали убитых и схваченных из списков. Роберт Мартенс (Robert Martens), бывший сотрудник политического отдела посольства США в Джакарте, заявил в 1990 году: «Это действительно очень помогло [индонезийским] военным. Вероятно, они убили множество людей, и на руках у меня, вероятно, много крови, но это не так уж и плохо. Иногда приходит время, когда в решающий момент необходимо нанести сильный удар».

«Я знаю, что у нас было намного больше информации [о КПИ], чем у самих индонезийцев, — заявил Маршалл Грин (Marshall Green), посол США в Индонезии в период государственного переворота. — Мартенс говорил мне неоднократно, что... правительство не обладало подробными сведениями о положении дел у коммунистов, и у меня сложилось такое впечатление, что наши сведения были намного лучше, чем их».

«Никому не было дела до того, что коммунистов «мочили», они же были коммунисты, — заявил Говард Федершпиль (Howard Federspiel), работавший экспертом по Индонезии в Бюро разведки и исследований Госдепартамента США (State Department, Bureau of Intelligence and Research). — Никто этим особенно не заморачивался».

Хотя бывший заместитель резидента ЦРУ в Индонезии Джозеф Лазарски (Joseph Lazarsky) и бывший дипломат Эдвард Мастерс (Edward Masters), в свое время начальник Мартенса, подтвердили факт содействия сотрудников ЦРУ в составлении списков подлежащих уничтожению индонезийцев, руководство ЦРУ категорически отрицало какое-либо участие в этом [9].

Бойня положила страшный конец эффективно организованной КПИ. Однако она не дала ответа на следующие вопросы, лежавшие в основе событий 1965 года.

Действительно ли «генеральский совет» намеревался в течение последующих нескольких дней захватить власть в стране? Опубликованный в Индонезии в 1968-м полуофициальный отчет о событиях 1965 года отрицал существование такого совета [10]. Однако исследование, проведенное и опубликованное ЦРУ в том же году, подтвердило, что «генеральский совет» все-таки существовал, но предназначен был всего лишь для того, чтобы найти способ защититься от якобы подготовленного Сукарно плана сокрушить вооруженные силы [11].

Каковы были характер и масштаб — если они вообще были — участия КПИ в якобы имевшей место попытке государственного переворота? Знал ли заранее кто-либо из членов КПИ о планах младших офицеров и просто ли поддерживал их морально или же играл более активную роль? В вышеупомянутом полуофициальном отчете утверждалось, что целью КПИ являлся захват политической власти не просто ради власти, а с целью «помешать военным уничтожить партию после смерти Сукарно» [12] (в августе у Сукарно случился почечный приступ, от которого он, впрочем, быстро оправился; его роль в событиях 1965 года тоже до конца не ясна). В исследовании, проведенном ЦРУ, делается схожий вывод: «Похоже, стало ясно, что государственный переворот в Индонезии не был попыткой свергнуть Сукарно и/или правительство Индонезии. В сущности, это была чистка руководства вооруженных сил» [13].

Какую роль в событиях 1965 года сыграло ЦРУ и участвовало ли оно в них вообще? Была ли попытка государственного переворота вызвана провокатором, распространявшим слухи о «генеральском совете» и планируемом им неминуемом путче? Убийство и даже похищение тех шести генералов, вероятно, нельзя было предвидеть: трое из них, вообще-то, были убиты при сопротивлении похитителям [14]. Было ли участие КПИ спровоцировано для того, чтобы быть использованным в качестве предлога для уничтожения партии? Существуют факты, указывающие на провокатора, спровоцировавшего те драматические события, — некоего Камарусамана бин Ахмеда Мубайдаха (Kamarusaman bin Ahmed Mubaiddah), известного как Сям (Sjam). По

свидетельству некоторых из арестованных впоследствии офицеров, именно Съям проталкивал идею враждебно настроенного «генеральского совета» и необходимости ему противодействовать. В ходе судебных разбирательств и в проведенном ЦРУ исследовании делается попытка навязать мнение, что в своих действиях Съям действовал от имени руководителя КПИ Айдита (Aidit). Обнародование этого предположения может служить объяснением причины, по которой ЦРУ пошло на такой уникальный шаг, как издание той книги: было необходимо возложить ответственность за попытку государственного переворота на КПИ, чтобы «оправдать» последовавший за нею ужас.

Однако вполне возможно, что Съям действовал в интересах ЦРУ и/или генералов. Вероятно, он был доверенным помощником Айдита и, возможно, вовлек руководителя КПИ в заговор, а вовсе не наоборот. Политическое прошлое Съяма — весьма запятнанное и непонятное, а его свидетельство в ходе одного из судебных разбирательств, где он выступал в качестве подзащитного, было направлено на то, чтобы выставить Айдита единственным руководителем неудавшегося государственного переворота [15].

ЦРУ, которое было активно вовлечено в политическую жизнь Индонезии, по крайней мере с середины 1950-х годов (см. главу 14), несомненно, внедрило в КПИ агентов на различных уровнях — а уж индонезийские военные и подавно. Таким образом, Управление имело возможность распространять дезинформацию и подкидывать идеи определенных действий через Съяма или иных агентов.

Желание США избавиться от Сукарно, одного из лидеров движения неприсоединения и антиимпериалистического движения третьего мира и защитника КПИ, после провала поддержанного ЦРУ военного мятежа 1958 года не уменьшилось. Среди различных докладов начала 1960-х годов, указывавших на неослабевающий интерес США к подобному развитию событий, очень в тему приходится одна из докладных записок ЦРУ за июнь 1962 года. Автор, имя которого удалено, писал о своих впечатлениях от разговоров с «западными дипломатами» о состоявшейся незадолго до того встречи президента Кеннеди и британского премьер-министра Макмиллана (Macmillan), договорившихся попытаться изолировать Сукарно в Азии и Африке. Далее «они договорились ликвидировать президента Сукарно в зависимости от обстановки и представившейся возможности (мне [сотруднику ЦРУ. — Авт.] не ясно, подразумевает ли слово «ликвидировать» убийство или свержение)» [16].

Теперь Сукарно перестал быть для США международным бельмом на глазу. Что еще более важно, КПИ, крупнейшая коммунистическая партия в мире после КПСС и КПК, была разгромлена, а ее остатки загнаны в подполье. О большем США и новая военная хунта и мечтать не могли бы.

Если генералы действительно затевали свой мятеж, то существуют убедительные доказательства того, что США были серьезно замешаны в событиях 30 сентября и 1 октября до, в течение и после оных. Одним из аспектов данного доказательства являются тесные отношения между вооруженными

силами США и Индонезии, поддерживаемые Соединенными Штатами на протяжении многих лет. Президент Кеннеди, как пишет его помощник Артур Шлезингер (Arthur Schlesinger), «придавал важнейшее значение укреплению [индонезийских] антикоммунистических сил, особенно вооруженных сил, для того чтобы помешать могущественной Индонезийской коммунистической партии получить власть в стране в случае, если бы с Сукарно что-нибудь случилось» [17].

Роджер Хилсмен (Roger Hilsman), послуживший в ЦРУ и Госдепартаменте, отмечает:

К 1963 году «треть офицеров индонезийского генерального штаба и почти половина офицерского корпуса ВС прошла ту или иную подготовку у американцев. В результате проведения как программы содействия гражданскому развитию, так и программы военной подготовки, американские и индонезийские военные познакомились довольно хорошо и питали взаимное уважение и даже восхищение» [18].

Данное наблюдение подкрепляется отчетами комитета Палаты представителей по международным отношениям:

«Во время попытки коммунистического переворота и военного контрпереворота [sic!] в октябре 1965 года в США проходили подготовку более 1200 индонезийских офицеров, включая высокопоставленных военных. В результате этого между индонезийскими и американскими военными завязались многочисленные дружеские контакты, в частности между военнослужащими сухопутных войск обеих стран. После переворота, когда политическая обстановка еще оставалась неустойчивой, Соединенные Штаты, используя данные связи, смогли обеспечить антикоммунистические силы моральной и символической материальной поддержкой [19].

Когда среднестатистический участник программы военной помощи возвращается домой, у него вполне уже могут быть американские знакомые и объективное восприятие Соединенных Штатов. Такое влияние может в будущем обеспечить ценную возможность общения, как это имело место в Индонезии после поддержанного коммунистами переворота в октябре 1965 года» [20].

«Нью-Йорк таймс» писала, что ЦРУ, по слухам, «настолько успешно внедрило агентуру в высшие эшелоны индонезийского правительства и вооруженных сил, что США не хотели в 1964–1965 годах срывать операции прикрытия ЦРУ прекращением программ помощи и предоставления информации. То, что в Вашингтоне официально преподносилось в качестве толерантности к оскорблению и провокациям президента Сукарно, в гораздо большей степени являлось желанием как можно более долгого использования этих программ в качестве прикрытия операций ЦРУ» [21].

Наконец, есть и свидетельство министра обороны Роберта Макнамары (Robert McNamara) в одном из сенатских комитетов, сделанное в 1966 году:

«Сенатор Спаркмен (Sparkman): В то время когда Индонезия довольно сильно взбрыкивала, когда нас подвергали жесткой критике за продолжение военной помощи ей, в то время мы не могли сказать, для чего была предназначена эта помощь. Это все еще секрет?

Макнамара: Оглядываясь назад, думаю, что эта помощь была вполне оправданна.

Спаркмен: Думаете, она принесла пользу?

Макнамара: Да, сэр» [22].

Существуют и другие заявления, которые могут иметь отношение к вопросу об американском вмешательстве в дела Индонезии. Бывший посол Маршалл Грин, выступая в 1973 году в Австралии, где он тогда был послом США заявил: «Помню, в 1965 году Индонезия балансировала на лезвии ножа. Помню, люди здесь заявляли, что Индонезия не станет коммунистической. Однако когда Сукарно в своей речи 17 августа объявил о том, что Индонезия в течение года получит коммунистическое правительство [?], я был почти уверен [что так оно и будет]... Мы вынуждены были сделать то, что сделали, и будьте довольны, что мы это сделали, потому что иначе Азия была бы сейчас совершенно другой» [23].

Джеймс Рестон (James Reston) писал в «Нью-Йорк таймс» в 1966 году:

«Вашингтон изо всех сил старается отреститься от утверждений, что ему принадлежит заслуга данной перемене [от Сукарно к Сухарто]... но это не значит, что Вашингтон не имеет к этому никакого отношения. До индонезийской резни и во время ее между антикоммунистическим силами в этой стране и по крайней мере одним весьма высокопоставленным лицом в Вашингтоне существовало куда больше контактов, чем обычно думают. Силы генерала Сухарто, временами располагавшие чрезвычайно скучными запасами провианта и боеприпасов, получают помочь отсюда через различные третьи страны, и сомнительно, чтобы Сухарто отважился бы на переворот без американской демонстрации силы во Вьетнаме или чтобы переворот удался без тайной помощи, оказываемой ему непосредственно отсюда» [24].

Невил Maxwell (Neville Maxwell), старший исследователь Института изучения Британского содружества (Institute of Commonwealth Studies) в Оксфордском университете, писал:

«Несколько лет назад я проводил в Пакистане исследования дипломатической подоплеки индийско-пакистанского конфликта 1965 года и в предоставленных мне документах пакистанского МИДа наткнулся на письмо одного из пакистанских послов в Европе (полагаю, это был пакистанский посол в Париже, г-н Дж. А. Рахим — J. A. Rahim) тогдашнему министру иностранных дел г-ну Бхутто (Bhutto), в котором сообщалось о разговоре с сотрудником голландской разведки, служившим в штаб-квартире НАТО. Согласно моим заметкам каса-

тельно того письма, данный разведчик сказал пакистанскому дипломату, что Индонезия «готова упасть в руки Западу как гнилое яблоко». По его словам, западные разведки устроят «преждевременный коммунистический переворот... который будет обречен на провал, обеспечив тем самым законную долгожданную возможность военным сокрушить коммунистов и сделать Сукарно заложником доброй воли военных». Доклад посла был датирован декабрем 1964 года» [25].

Следует иметь в виду, что Индонезия была колонией Нидерландов и что голландцы до сих пор имеют с этой страной особые отношения.

«Новый порядок», навязанный генералом Сухарто народу Индонезии почти три десятилетия назад, поразителен. Правительство управляет страной, словно чикагские гангстеры 1930-х годов, предоставляющие «крышу». Тюрьмы под завязку набиты политическим заключенными. Пытки — заурядное дело [26]... В стране безнаказанно орудуют эскадроны смерти, тысячами убивая не только «подрывные элементы», но и людей, «подозреваемых в совершении преступлений» [27]. «[В провинции Ачех] армейский офицер стреляет в воздух, а все мужское население, за исключением стариков и детей, бегом бежит на центральную площадь, пока он не выстрели в воздух второй раз. Тех, кто опаздывает или остается дома, пристреливают на месте» [28].

И еще 200 тысяч

В 1975 году Индонезия вторглась в бывшую португальскую колонию Восточный Тимор, находившуюся в восточной части Индонезийского архипелага и провозгласившую независимость после того, как Португалия утратила над ней контроль. Вторжение стало началом резни, которая продолжается и сейчас, в 1990-е. К 1989 году, по оценкам организации «Международная амнистия» (Amnesty International), индонезийские войска с целью насилиственной аннексии Восточного Тимора убили 200 тысяч человек при населении Восточного Тимора в 600–700 тысяч [29]. Совершаемые зверства зачастую подобны тем, которые совершались против членов КПИ в самой Индонезии.

Вторжение 7 декабря 1975 года, о котором «Нью-Йорк таймс» писала: «Как ни крути, Индонезия совершила неприкрытую агрессию» [30], началось через день после отъезда из Индонезии Президента США Джеральда Форда и госсекретаря Генри Киссинджера по окончании их встречи с президентом Сухарто. Обозреватель Джек Андерсон (Jack Anderson) позднее писал:

«К 3 декабря 1975 года в разведдонесении, направленном в Вашингтон, сообщалось: «Высокопоставленные чиновники индонезийского правительства приняли решение о том, что единственным способом разрешить проблему португальского Тимора для Индонезии является начало открытого наступления на «Фретилин» [основное движение сопротивления Восточного Тимора].

Однако важно было нейтрализовать США, поскольку индонезийские вооруженные силы сильно зависели от поставок американского оружия, которое по нашим законам не подлежало использованию в целях агрессии.

Так случилось, что президент Джеральд Форд прибывал в Индонезию с государственным визитом. В одной из разведсводок было сделано предупреждение о том, что Сухарто поднимет тиморский вопрос и «постарается добиться благожелательного отношения».

Тот факт, что Сухарто добился своего, подтвердил сам Форд. США до того потерпели сокрушительный провал во Вьетнаме, что сделало Индонезию их важнейшим союзником в регионе. Интересы США, решил Форд, «должны быть на стороне Индонезии».

Форд негласно одобрил [вторжение] 6 декабря 1975 года. Через пять дней после вторжения ООН выразила свое осуждение этого нападения как самого настоящего акта международной агрессии. Соединенные Штаты при голосовании воздержались. Впоследствии представитель США тайно пытался противостоять усилиям ООН, направленным на то, чтобы заставить Индонезию вернуть захваченную территорию» [31].

В конце 1970-х и в 1980-е сотрудники Госдепартамента США в заявлениях прессе и в ходе слушаний в Конгрессе последовательно поддерживали притязания Индонезии на Восточный Тимор (в отличие от ООН и ЕЭС) и резко преуменьшали резню местного населения. Тем временем вездесущие американские советники, боевая подготовка, оружие, боевые вертолеты и другие средства, незаменимые для ведения эффективной современной противоповстанческой войны, по-прежнему текли потоком в руки индонезийских военных. Этим дело не ограничивалось, ибо представители «Фретилин» несколько раз сообщали о том, что американские советники командовали боевыми действиями и даже принимали в них участие [32].

32. Гана, 1966

КВАМЕ НКРУМА ПЕРЕСТУПАЕТ ЧЕРТУ

В октябре 1965 года Кваме Нкрума (Kwame Nkrumah), президент Ганы, издал свою в будущем ставшую известной книгу «Неоколониализм — последняя стадия империализма», посвященную «борцам за свободу Африки, живым и мертвым». В книге Нкрума обвинил ЦРУ в многочисленных кризисах и регрессе в третьем мире и Восточной Европе. Позже он написал: «Американское правительство направило мне ноту протesta и вскоре отказалось предоставить Гане 35 миллионов долларов «помощи» [1]. Четыре месяца спустя он был свергнут в организованном ЦРУ военном перевороте.

Безусловно, организаторы переворота — члены ганской армии и полиции — имели собственные мотивы. Они боялись, что мнительный Нкрума, создающий свою, частную армию, отнимет их полномочия, и были полны решимости продвинуть собственные профессиональные карьеры и статус. В течение нескольких дней, даже часов, после успешного переворота в феврале 1966 года, майоры стали полковниками, а полковники — генералами.

Будучи студентом в Соединенных Штатах во время Великой депрессии, Кваме Нкрума бродил по Гарлему, спал в метро и выстаивал очереди в столовых для нуждающихся. Позже он стал «самой яркой звездой Африки», лидером, призывающим к борьбе против империализма, созданию панафриканской организации и международному движению неприсоединения в годы холодной войны. По общему мнению, Нкрума придерживался особых, одному ему принадлежащих правил и считал, что к социализму можно прийти указами сверху. И хотя он смело высказывался против неоколониализма, ему все же не удалось в конечном счете предотвратить влияние транснациональных корпораций в Гане. Когда он попытался уменьшить зависимость своей страны от Запада, усиливая экономические и военные связи с Советским Союзом, Китаем и Восточной Германией, он окончательно решил свою судьбу.

Соединенные Штаты хотели избавиться от него. Великобритания, прежняя метрополия Ганы, называвшейся тогда Золотой Берег (Gold Coast), также

хотела его убрать. Францию и Западную Германию он тоже не устраивал. Те ганцы, которые свершили переворот, не сомневались, что движение против Нkrума будет поддержано западными державами.

Во время переворота советская пресса обвинила ЦРУ в участии; в 1972 году консервативная лондонская газета «Дейли телеграф» (Daily Telegraph) сообщила, что «к 1965 году резидентура ЦРУ в Аккре [столица Ганы] насчитывала около сорока кадровых сотрудников, щедро распределявших пожертвования секретным противникам президента Нkrумы». К февралю 1966 года, согласно статье, ЦРУ подготовило планы по свержению режима Нkrумы: «Терпеливая и усердная работа резидентуры ЦРУ в Аккре увенчалась полным успехом» [2].

Однако только в 1978 году история «переломилась» в Соединенных Штатах. Бывший чиновник ЦРУ Джон Стоквелл (John Stockwell), прослуживший большую часть своей карьеры в Африке, издал книгу, в которой он раскрывает причастность Управления. Вскоре после этого «Нью-Йорк таймс», цитируя «непосредственные источники в разведке», подтвердила, что ЦРУ консультировало и поддерживало офицеров-диссидентов в Гане.

Стоквелл рассказал, что резидентура ЦРУ в Аккре «получила щедрую финансовую поддержку и действовала в тесном контакте с заговорщиками в процессе разработки переворота. Причастность резидентуры была настолько велика, что в ходе переворота стало возможным восстановление Соединенными Штатами некоторой секретной советской военной техники» [3].

Резидентура ЦРУ также предложила штабу в Вашингтоне держать наготове небольшую команду военных инструкторов из сил специального назначения: с выкрашенными в черный цвет лицами они должны были взять штурмом китайское посольство, уничтожить всех внутри, изъять секретные отчеты и взорвать здание, чтобы скрыть этот факт [4].

«Это предложение было отвергнуто, — продолжал Стоквелл, — но штаб-квартира ЦРУ поставила в заслугу аккреской резидентуре всю работу по организации переворота, в котором были убиты восемь советских советников» [5]. (Советский Союз категорически отрицал, что кто-либо из его советников был убит.)

Другие разведывательные источники, присутствовавшие в Гане во время переворота, не согласились с точкой зрения Стоквелла, что переворот был полностью делом рук ЦРУ. Но они полагали, что Управление сыграло ключевую роль. Некоторые чиновники в Вашингтоне признали, что глава резидентуры ЦРУ в Аккре Говард Бэйн (Howard T. Bane) был быстро продвинут по службе и занял руководящий пост в Управлении [6].

«В моменты успеха, — сказал один из источников «Нью-Йорк таймс» относительно Бэйна, — все в африканском подразделении знали об этом. В случае неудачи он был бы переведен, и причастность ЦРУ не была бы признана».

Бэйна, однако, запрет руководства ЦРУ на штурм китайского посольства, в то время единственного посольства Пекина в Африке, привел в ярость. «Кишка у них тонка», — поделился он с сослуживцем [7].

После переворота ЦРУ заплатило «по крайней мере 100 тысяч долларов» новому ганскому режиму за конфискованное советское оборудование, в числе которого была зажигалка, функционировавшая как камера [8].

Ганские лидеры вскоре изгнали большое число советских сотрудников, а также китайцев и восточных немцев. Фактически все принадлежащие государству отрасли промышленности перешли в частные руки. В скором порядке ранее заблокированные каналы американской помощи были открыты: дотации, продукты питания и проекты по развитию пошли из Соединенных Штатов, Западной Европы и Международного валютного фонда. Вашингтон, например, спустя три недели после переворота в ответ на настоятельную просьбу Ганы одобрил существенный объем продовольственной помощи. Хотя четырьмя месяцами ранее такой запрос от Нкрума был отклонен [9]. Спустя месяц после его изгнания международная цена на какао — жизненную основу экономики Ганы — выросла на 14 процентов [10].

Нежелание ЦРУ одобрить операцию по китайскому посольству, возможно, исходило из факта, что Совет национальной безопасности США однозначно запретил ЦРУ даже участвовать в перевороте. Это был, как мы видели, не первый случай, когда ЦРУ взяло внешнюю политику США в свои руки. В подобных случаях *modus operandi* ЦРУ подразумевает минимум письменных документов и невключение их в официальные досье ЦРУ — так, чтобы они были недоступны раскрытию в рамках закона о свободном доступе к информации и расследованиям Конгресса США. Таким образом, технически эта информация не существует и может быть уничтожена в любое время. Это относится к событиям в Гане и объясняет, почему детали о роли ЦРУ в этом перевороте не стали известны.

Взгляд на произошедшее американских правых

Согласно версии Джона Баррона (John Barron), эксперта по КГБ «Ридерс дайджест» (Readers's Digest), Нкрума был свергнут исключительно местными повстанцами, и единственными иностранцами, фигурировавшими в деле, были 11 офицеров КГБ в штабе Нкрумы, которых без промедления расстреляли. Советский Союз ни словом не обмолвился об этом эпизоде, пишет Баррон, так как не хотел, «чтобы мир узнал, что офицеры КГБ сидели в аппарате ганского президента и фактически управляли страной». Баррон не дает никаких доказательств своего утверждения об управлении страной КГБ и при этом не объясняет, почему новое правительство не предавало гласности этот очень интересный факт.

Баррон также писал о «многочисленных секретных материалах режима Нкрумы», которые были обнаружены, затем изучены и проанализированы. Как он заявляет, материалы доказывают, что «КГБ превратило Гану в обширную базу для подрывной деятельности для захвата Африканского континента». По одному ему известным причинам Баррон не представляет читателю ни единой цитаты ни из одного из многочисленных секретных материалов в подтверждение своих утверждений [11].

33. Уругвай, 1964–1970

ПЫТКА — ТАКАЯ ЖЕ АМЕРИКАНСКАЯ, КАК ЯБЛОЧНЫЙ ПИРОГ

«Точная боль, в точном месте, в точном количестве, для желаемого эффекта» [1].

Это слова преподавателя искусства пытки — Дэна Митрионе (Dan Mitriune), главы столичного отделения Службы общественной безопасности (СОБ, Office of Public Safety, OPS — ведомство США, основанное в 1957 году для подготовки полицейских сил союзников, ежегодно обучавшее около 700 кадров, в том числе работе со взрывчатыми веществами; распущено в 1974 году. — Прим. ред.) [2].

Официально служба являлась подразделением Агентства США по международному развитию (USAID), но директор СОБ в Вашингтоне Байрон Энгле (Byron Engle) был давним кадровым сотрудником ЦРУ. Служба поддерживала тесное сотрудничество с ЦРУ, и чиновники Управления честенько действовали за границей под прикрытием СОБ, хотя Митрионе не был одним из них.²

Формально Служба общественной безопасности работала в Уругвае с 1965 года, снабжая полицию оборудованием, оружием и обеспечивая ее подготовку — для чего она и была создана. Четыре года после того, как Митрионе прибыл в страну, у уругвайцев была особая потребность в услугах СОБ. В стране продолжался затянувшийся спад экономической активности и никогда провозглашенного процветания и демократии, в результате чего Уругвай стремительно приближался к уровню своих южноамериканских соседей. Забастовки рабочих, студенческие демонстрации и вспышки уличного насилия стали нормой за прошедший год, но больше всего вызывали беспокойство уругвайских властей революционеры, которые называли себя «Тупамарос» (Tupamaros). Это были, пожалуй, самые умные, самые находчивые и самые искусные городские партизаны, которых когда-либо видел мир. Своими гром-

кими акциями и философией современных Робин Гудов «Тупамарос» смогли захватить воображение общественности и заполучить немало сочувствующих. Их члены и тайные сторонники занимали ключевые позиции в правительстве, банках, университетах, а также в вооруженных силах и полиции.

«В отличие от других латиноамериканских повстанческих групп, — писала «Нью-Йорк таймс» в 1970 году, — «Тупамарос» обычно избегают кровопролития, когда это возможно. Вместо этого они пытаются создать затруднения для правительства и общий беспорядок» [3]. Любимой их тактикой был захват документов частных корпораций с целью разоблачения лжи и коррупции на высоких уровнях или похищение важной персоны и предание ее народному суду. Было очень изобретательно с их стороны брать общественного преступника, успешно избежавшего до тех пор законодателей, судов, прессы, и подвергнуть его бескомпромиссному допросу, а затем предать гласности результаты интригующего диалога. Однажды, перевернув вверх дном первоклассный ночной клуб, они написали на стене, возможно, свой самый знаменитый лозунг: «Или танцуют все, или не танцует никто» (O Bailan Todos O No Baila Nadie).

Но не Дэн Митрионе ввел практику пыток политических заключенных в Уругвае. Эту практику с начала 1960-х время от времени вели полиция. Однако в неожиданном интервью ведущей бразильской газете в 1970 году бывший глава разведки уголовной полиции Александр Отеро (Alejandro Otero) объявил, что американские советники, и в особенности Митрионе, превратили пытки в обычную, рутинную меру. Причем к средствам причинения боли они добавили «научной» изощренности и усилили психологическую обработку, чтобы породить отчаяние: например, ставили запись голосов кричащих женщин и детей, говоря узнику, что это его семью пытают [4].

«Жестокие методы, которые начали применяться, — сказал Отеро, — вызвали подъем в деятельности «Тупамарос». До того они применяли жестокость только в качестве крайней меры» [5].

Интервью в газете очень расстроило американских чиновников в Южной Америке и Вашингтоне. Байрон Энгле позже попытался объяснить, что «три бразильских репортера в Монтевидео не собирались публиковать интервью. Позже мы узнали, что материал был кем-то подсунут в статью в наборном цехе в Jornal do Brasil» [6].

Отеро был сознательным агентом ЦРУ, прошел обучение в их Международной школе полицейских служб в Вашингтоне, годами получал от них деньги, но он не был палачом. Возможно, поэтому пытка женщины, которая в то время симпатизировала «Тупамарос» и притом была его подругой, заставила его высказаться. Когда она рассказала ему, что Митрионе наблюдал за тем, как ее пытали, и даже помогал палачам, Отеро пожаловался Митрионе об этом конкретном инциденте и также о методах извлечения информации в общем случае. Единственным результатом разговора стало понижение Отеро в должности [7].

Уильям Кэнтрелл (William Cantrell) был оперативником ЦРУ в Монтевидео под прикрытием Службы общественной безопасности. В середине 1960-х он сыграл ключевую роль в создании Департамента информации и разведки (Department of Information and Intelligence, DII), обеспечению его финансированием и оборудованием [8]. Часть оборудования, изобретенного Отделом технических служб ЦРУ, была предназначена именно для пыток, которые являлись одной из функций Департамента информации и разведки [9].

«Одним из элементов оборудования, который был признан полезным, — сообщает бывший корреспондент «Нью-Йорк таймс» А. Дж. Лэнгтут (A. J. Langguth), — был тонкий провод, который проходил между зубами во рту и, касаясь десен, пропускал электрический заряд. Часть оборудования для допросов, в том числе эту тонкую проволоку, Митрионе получал дипломатической почтой» [10].

За то время, когда во главе Службы общественной безопасности стоял Митрионе, дела пошли так плохо, что уругвайский сенат был вынужден предпринять расследование. После пятимесячного сбора и анализа информации, комиссия пришла к единодушному заключению, что пытки в Уругвае стали «нормальным, частым и рутинным явлением», применяемым как в отношении «Тупамарос», так и в отношении остальных. Среди прочих способов пытки были разряды тока по гениталиям, электрические иглы под ногтями, прижигание сигаретами, медленное сжатие яичек, а также ежедневные психологические пытки, когда «беременные женщины подвергались различной степени жестокости и бесчеловечному отношению», «некоторые заключались в тюрьму с младенцами, подвергаясь при этом тем же пыткам»... [11].

Затем Департамент информации и разведки стал прикрытием для эскадрона смерти (Escuadron de la Muerte). Эскадрон смерти состоял, как и везде в Латинской Америке, в основном из полицейских, которые подрывали и штурмовали дома подозреваемых в симпатиях к «Тупамарос», убивали и похищали их. Часть взрывчатых материалов эскадрон смерти получал из Отдела технических служб ЦРУ, а некоторые профессиональные навыки его членов, по всей вероятности, были почерпнуты из инструкций в Соединенных Штатах [12]. С 1969 по 1973 год по крайней мере 16 уругвайских полицейских прошли восьминедельный курс в школах ЦРУ-СОБ в Вашингтоне и Лос-Фресносе (штат Техас) по изготовлению и применению бомб и взрывных устройств [13]. Официальным объяснением необходимости этих курсов Службы общественной безопасности было обучение полицейских обращению с бомбами, заложенными террористами. Однако инструкций по разминированию бомб в школах не давалось — только инструкции по их созданию. Кроме того, по крайней мере в одном случае, обучали не полицейских, а членов частной ультраправой организации в Чили (см. главу 34). Частью учебного плана эскадрона смерти был также предмет «Орудия убийства» — «обсуждение различного оружия, которое может применить убийца», сформулировала Служба общественной безопасности [14].

Оборудование и обучение такого плана было дополнением к обычному снабжению СОБ: шлемы, прозрачные щиты, слезоточивый газ, противогазы, средства связи, транспортные средства и прочие средства сдерживания толпы. Поставки этого оборудования увеличились в 1968 году, когда общественные беспорядки достигли своего пика. К 1970 году подготовку по контролю беспорядков прошли около тысячи уругвайских полицейских [15].

Дэн Митрионе построил звуконепроницаемое помещение в подвале своего дома в Монтевидео. Там он собирал отобранных уругвайских полицейских для демонстрации методов пыток. Другим наблюдателем был Мануэль Хевия Коскаллуела (Manuel Hevia Coscalluela), кубинец на службе ЦРУ, который работал с Митрионе. Хевия позже написал, что курс начинался с описания человеческой анатомии и нервной системы.

«Вскоре стали происходить малоприятные вещи. Для первого опыта были выбраны нищие из предместий Монтевидео, которых в Уругвае называли *bichicos*, и женщина, по всей видимости, из граничных с Бразилией районов. Допроса не было, была только демонстрация эффектов применения различного электрического напряжения на различные части человеческого тела. Также был продемонстрирован препарат, вызывающий рвоту, — не знаю, зачем и для чего, и еще один химический препарат. Четверо из этих людей умерли» [16].

В своей книге Хевия не говорит определенно, какую именно роль во всем этом играл Митрионе, но позже он публично заявил, что руководитель Службы общественной безопасности «лично замучил четверых нищих до смерти разрядами тока» [17].

В другом случае, когда Хевия однажды сидел с Митрионе в его доме, американец, пропустив пару стаканов, объяснил кубинцу свою философию допроса. Митрионе считал это искусством. Сначала шел «размягчающий» период с обычными оскорблением и избиением. Нужно было унизить заключенного, дать ему осознать свою беспомощность, отрезать его от реальности. Никаких вопросов, только удары и оскорбления. Затем только удары, в полной тишине.

Только после этого, сказал Митрионе, настает время допроса. Теперь вся боль должна быть произведена конкретным инструментом. «Точная боль, в точном месте, в точном количестве — для желаемого результата» — был таков девиз.

Во время процедуры нельзя допустить, чтобы объект потерял всякую надежду на жизнь, так как это может привести к упрямому сопротивлению. «Вы всегда должны оставлять ему немного надежды, ... отдаленный свет».

«Когда вы получаете то, что вы хотите — я всегда получаю, — продолжал Митрионе, — можно немного продлить процедуру и применить другой способ «размягчения». Не для того чтобы извлечь информацию, а в качестве политической меры, чтобы породить здоровый страх перед участием в подрывной деятельности».

Митрионе указал, что при получения объекта для допроса первым делом нужно определить его физическое состояние и способность к сопротивлению посредством медицинской экспертизы. «Преждевременная смерть означает неудачу техника... Важно знать заранее, можем ли мы позволить себе роскошь смерти объекта» [18].

Вскоре после этой беседы Мануэль Хевия исчез из Монтевидео и появился в Гаване. Он был кубинским агентом — двойным агентом — все это время.

Около полугода спустя, 31 июля 1970 года, Дэн Митрионе был похищен «Тупамарос». Они не пытали его. Они потребовали освобождения 150 заключенных в обмен на него. При решительной поддержке администрации Никсона уругвайское правительство отказалось. 10 августа труп Митрионе был найден на заднем сиденье украденного автомобиля. Ему исполнилось пятьдесят на пятый день заключения.

В родном городе Митрионе Ричмонде, в штате Индиана, госсекретарь Уильям Роджерс (William Rogers) и зять президента Никсона Дэвид Эйзенхаэр (David Eisenhower) присутствовали на похоронах Митрионе, бывшего начальника полиции города. Фрэнк Синатра и Джерри Льюис (Jerry Lewis) также приехали в город, чтобы выступить в поддержку семьи Митрионе.

Представитель Белого дома Рон Зиглер (Ron Ziegler) торжественно заявил: «Самоотверженное служение г-на Митрионе процветанию мира порядка послужит примером свободным людям повсюду» [19].

«Идеальный мужчина», — сказала его вдова.

«Великий гуманист», — сказала его дочь Линда [20].

Вступление в усиливающийся конфликт вооруженных сил означало начало конца для Тупамарос. К концу 1972 года на их партизанском фронте опустился занавес. Шесть месяцев спустя вооруженные силы победили, конгресс был распущен, и все, что было не запрещено, стало обязательным. В течение следующих одиннадцати лет Уругвай успешно боролся за звание самой репрессивной диктатуры в Южной Америке. Был момент, когда Уругвай занимал первое место по числу политических заключенных на душу населения в мире. И, как могла свидетельствовать любая правозащитная организация, каждый из них прошел через пытки. «Пытка, — сказал священник-активист, — была рутиной и применялась автоматически». [21].

Никто не танцевал в Уругвае.

В 1981 году на XIV Конференции американских армий уругвайская армия предложила документ, в котором подрывная деятельность была определена как «действия, насилистственные или нет, с окончательными целями политического характера, во всех областях деятельности человека в пределах внутренней сферы государства, цели которых воспринимаются как неугодные для политической системы» [22].

Уругвайский писатель-диссидент Эдуардо Галеано (Eduardo Galeano) подвел итог эры диктатуры в своей стране так: «Люди сидели в тюрьме, чтобы цены были свободными» [23].

В 1972 году вышел фильм «Осадное положение» (State of Siege). В нем речь шла о Митрионе и «Тупамарос», и главным героем был уругвайский полицейский, обучавшийся в секретной школе в Соединенных Штатах. При этом в фильме была попытка раскрыть общую роль США в репрессиях в Латинской Америке. Премьера должна была состояться в финансируемом государством Центре искусств Джона Кеннеди в Вашингтоне, но была отменена. Уже нарастала общественная критика темной стороны американской внешней политики. В середине 1970-х годов, однако, Конгресс ввел поправки в законодательства, которые отменили всю «Программу общественной безопасности». За годы активной работы Служба общественной безопасности обеспечила обучение более чем миллиона полицейских из стран третьего мира. Десять тысяч из них прошли через углубленное обучение в Соединенных Штатах. Полиции разных стран было отправлено оборудования приблизительно на 150 миллионов долларов [24]. Теперь «экспорт репрессий» должен был прекратиться.

На бумаге. Действительность оказалось другой.

Работу Службы общественной безопасности продолжило Управление по борьбе с наркотиками (Drug Enforcement Administration, DEA). Оно идеально подошло для этой цели, поскольку его агенты уже работали повсеместно в Латинской Америке и других регионах в контакте с местной полицией. В 1975 году DEA признало, что у них в штате состояли 53 «бывших» сотрудника ЦРУ и что между двумя управлениями были прочные деловые отношения. В следующем году Главное бюджетно-контрольное управление США (General Accounting Office, GAO) сообщило, что агенты DEA вели большей частью ту же самую деятельность, что и Служба общественной безопасности.

Кроме того, обучение иностранных полицейских было частично передано школам ФБР в Вашингтоне и Куантико (Quantico, штат Виржиния). Министерство обороны продолжало поставлять оборудование полицейского типа воинским частям, занятым в операциях по внутренней безопасности, а американские производители вооружения вели оживленную деятельность, снабжая оружием и обеспечивая обучение правительственные силы стран третьего мира. В некоторых странах контакты между этими компаниями и местными правоохранительными органами устанавливались американским посольством или военной миссией. Самый крупный из производителей вооружения — «Смит и Вессон» имел собственную академию в Спрингфилде (штат Массачусетс), предоставляя американским и иностранным «государственным и частным силам безопасности высококлассное обучение противодействию массовым беспорядкам» [25].

Как заявил аргентинский министр Хосе Лопес Рега (Jose Lopes Rega) при подписании в 1974 году соглашения между США и Аргентиной по борьбе с наркотиками: «Мы рассчитываем истребить торговлю наркотиками в Аргентине. Мы поймали партизан, совершивших нападение, и они находились под воздействием наркотиков. Партизаны — главные наркоманы в Аргентине. Поэтому кампания по борьбе с наркотиками автоматически становится антипартизанской кампанией» [26].

В 1981 году бывший уругвайский офицер разведки также заявил, что американские инструкции по технологии пыток использовались при подготовке вооруженных сил Уругвая. Он рассказал, что большинство обучавших его офицеров прошли курс, организованный США в Панаме. Среди других деталей в инструкциях были перечислены 35 нервных окончаний, к которым можно было приложить электроды [27].

Филип Эйджи (Philip Agee), покинув Эквадор, служил в Уругвае с марта 1964 до августа 1966 года. Его рассказ о деятельности ЦРУ в Монтевидео — еще одно свидетельство того, сколько международного обмана можно купить за деньги. Среди многообразных грязных дел, безнаказанно проведенных Эйджи и когортами Управления, есть следующий интересный пример [28].

Конференцию латиноамериканских студентов, придерживающихся левых взглядов, в Монтевидео решили скомпрометировать, представив ее как советское мероприятие, организованное, финансируемое и управляемое Советским Союзом. Передовицы, авторами которых были сотрудники ЦРУ, появились в ведущих газетах, работавших в контакте с Управлением. Далее последовала публикация фальсифицированного письма лидера студентов, благодарящего советского атташе по культуре за помощь. Заголовок в газете гласил: «Документы для разрыва с Россией» — что и было в действительности основной целью операции.

Непомерное количество времени, энергии, творческого потенциала было брошено, с весьма скромным успехом, на производство различных схем для изгнания русских, восточных немцев, северокорейцев, чехов и кубинцев с уругвайской земли и, по возможности, на разрыв отношений с их странами. В дополнение к установке на освещение в невыгодном свете в СМИ, ЦРУ попыталось получить инкриминирующую информацию, читая почту, идущую в эти страны и из них, выявляя телефоны посольств и участвуя в различном прослушивании и тайном внедрении сотрудников разведки. Затем Управление готовило «разведотчеты», в которых было достаточно фактической информации для правдоподобности; эти бумаги шли на стол высокопоставленных чиновников, вплоть до президента государства.

Антикоммунистическая идеологическая обработка учеников общеобразовательных школ велась посредством финансирования конкретных организаций и публикаций.

Конгресс народов, который объединил множество общественных групп, профсоюзы, студентов, госслужащих, коммунистов и некоммунистов, встревожил ЦРУ своей способностью создать объединенный фронт в предвыборный период. Следовательно, ЦРУ спродюсировало массу статей и редакторских колонок, обвинявших Конгресс народов в попытке классического коммунистического захвата и обмана и призывающих некоммунистов воздержаться от участия в нем. Распространялись фиктивные листовки, в которых конгресс призвал уругвайский народ к началу повстанческой забастовки и оккупации своих рабочих мест. Тысячи листовок были разданы;

организаторы Конгресса энергично отрицали их содержание, но, как обычно в таких случаях, ущерб был уже нанесен.

Уругвайская коммунистическая партия запланировала международную конференцию, чтобы выразить солидарность с Кубой. ЦРУ было достаточно обратиться к своему (проплаченному) другу, министру внутренних дел, чтобы конференцию запретили. Когда конференцию переместили в Чили, ЦРУ в Сантьяго сделало то же самое.

Уругвай в это время был приютом для политических эмигрантов репрессивных режимов Бразилии, Аргентины, Боливии и Парагвая. ЦРУ, проникая в круги эмигрантов, регулярно собирало информацию относительно действий изгнанников и их единомышленников и направляло ее в отделения ЦРУ на родине эмигрантов; далее информация с высокой вероятностью передавалась тем самым правительствам, которые хотели знать все о своих непослушных гражданах, и границы их не смущали в создании эмигрантам проблем.

«Другие операции, — пишет Эйджи, — были разработаны с целью лишить коммунистов и других левых господства на улицах, и наши команды, зачастую при участии резервной полиции, разгоняли их собрания и всячески терроризировали их. Пытки коммунистов и других левых применялись при допросах нашими агентами в полиции».

Контроль и преследование коммунистических дипломатических миссий со стороны ЦРУ, как описано выше, были обычной практикой Управления во всем мире. Создание таких трудностей для коммунистов редко было обусловлено чем-то большим, нежели простым наличием холодной войны.

Постскриптум

В 1998 году Эладио Молл (Eladio Moll), уругвайский морской контр-адмирал в отставке и бывший начальник разведки, свидетельствуя перед комиссией уругвайской палаты депутатов, заявил, что во время «грязной войны» в Уругвае в 1972–1983 годах из Соединенных Штатов поступали приказы убивать пленных членов «Тупамарос» после допроса. «Указания, которые поступали из США, — сказал Молл, — касались того, что должно быть сделано с захваченными партизанами: получить информацию, а после этого они не имели права на жизнь» [29].

34. Чили, 1964–1973

СЕРП И МОЛОТ БУДУТ ОТПЕЧАТАНЫ НА ЛБУ ВАШЕГО РЕБЕНКА

Когда Сальвадор Альенде, убежденный марксист, набрал три процента голосов на выборах президента Чили в 1958 году, Соединенные Штаты решили, что следующие выборы в 1964 году нельзя оставлять в руках провидения или демократии.

Вашингтон воспринял ситуацию очень серьезно. В начале правления Кеннеди в 1961 году был создан комитет по выборам, который состоял из высокопоставленных чиновников Государственного департамента, ЦРУ и Белого дома. В Сантьяго был сформирован параллельный комитет из служащих посольства и ЦРУ [1].

«Вмешательство американского правительства в события в Чили в 1964 году было вопиющим и бесстыдным, — заявил офицер разведки, глубоко внедренный в страну. — Мы направляли людей направо и налево — главным образом, от Государственного департамента США, но также и от ЦРУ, — под всевозможными прикрытиями. В целом, около ста американских сотрудников участвовали в операции» [2].

Согласно результатам расследования Комитета Сената, они начали за-кладывать фундамент под выборы за несколько лет вперед, «устанавливая деловые отношения с ключевыми политическими партиями и создавая пропагандистские и организационные механизмы, способные влиять на ключевые секторы населения». Были разработаны программы помощи для обучения и организации «антикоммунистов» среди крестьян, обитателей трущоб, членов профсоюза, студентов, СМИ и т. д [3].

Направив средства нескольким партиям правого и центристского толка, избирательная команда в конечном счете остановилась на центристе Эдуардо Фре (Eduardo Frei), кандидате от христианско-демократической партии, — человеке, который, как казалось, с большой вероятностью заблокирует приход

к власти Альенде. ЦРУ профинансировало больше половины всей стоимости кампании партии, так что предвыборная деятельность Управления в Чили уменьшила резервы казначейства США приблизительно на 20 миллионов долларов — намного больше в расчете на одного избирателя, чем было потрачено кампаниями Джонсона и Голдуотера, проходившими в том же самом году в Соединенных Штатах. Большая часть расходов пошла на пропаганду. Комитет Сената США описал это так:

«Кроме обеспечения поддержки политических партий, ЦРУ организовало массивную антикоммунистическую пропагандистскую кампанию. Широко использовались пресса, радио, фильмы, брошюры, плакаты, листовки, прямые рассылки, заголовки газет и даже настенная живопись. Это была «кампания запугивания», которая в большой степени использовала изображения советских танков и кубинских расстрельных команд и была направлена преимущественно на женщин. Сотни тысяч экземпляров антикоммунистического письма Папы Римского Пия XI распространялись христианско-демократическими организациями. Заголовок гласил: «Напечатано гражданами без политической принадлежности для более широкого распространения содержания». Также использовались «дезинформация» и «черная пропаганда» — материалы, которые, как подразумевалось, исходили из других источников, таких как, например, чилийская коммунистическая партия».

Кампания запугивания играла на том факте, что женщины в Чили, как и повсеместно в Латинской Америке, традиционно более религиознее, чем мужчины, и поэтому могут быть больше встревожены призраком «бездожного, атеистического коммунизма». Так, одна радиозапись транслировала звук пулемета, сопровождаемого криком женщины: «Они, эти коммунисты, убили моего ребенка!». Диктор добавил к этому пылкий призыв: «Коммунизм предлагает только кровь и боль. Чтобы не допустить этого в Чили, мы должны избрать Эдуардо Фрея нашим президентом» [7].

Другое направление запугивания сосредоточилось на предупреждениях о советском контроле, и что левые конфискуют все близкое, дорогое и святое.

Доклад Комитета далее гласил:

«Пропагандистская кампания была массированной. В течение первой недели интенсивной пропагандистской деятельности (третья неделя июня 1964 года) финансируемая ЦРУ пропагандистская группа производила по 20 радиороликов в день в Сантьяго и на 44 провинциальных станциях. Кроме того, на трех станциях в Сантьяго и 24 провинциальных радиостанциях выходили двенадцатиминутные выпуски новостей пять раз в день, тысячи комиксов и множество проплаченной рекламы в прессе. К концу июня группа ежедневно выпускала 24 новостных выпуска в Сантьяго и провинциях, 26 еженедельных программ с «комментариями» и распространяла по 3000 плакатов» [8].

На одном из этих тысяч плакатов были изображены дети с серпом и молотом, отпечатанными на их лбах [9].

Газетные статьи из всех концов Латинской Америки, поддерживающие политическую линию кампании ЦРУ, собирались и переиздавались в Чили. Несомненно, многие из этих статей были написаны, в первую очередь, периферийными резидентами ЦРУ в отдельных странах. В поддержку Фрея также выступали различные известные лица из-за границы, издавались рекламные объявления — такие как «послание женщин Венесуэлы». Тем же целям послужила и яростно антикоммунистическая радиопередача с Хуанитой Кастро, сестрой Фиделя, которая участвовала в организованной ЦРУ поездке по Южной Америке. «Если красные победят в Чили, — говорила она, — станут невозможными любые виды религиозной деятельности... Чилийская мать, я знаю, ты не позволишь забрать твоих детей и отдать их в коммунистический блок, как в случае с Кубой» [11].

Комитет Сената также раскрыл, что:

«В дополнение к розничным покупкам пропагандистских статей, резидентура ЦРУ часто скупала их оптом, спонсируя чилийские СМИ, доброжелательно относящиеся к Соединенным Штатам. Вместо того чтобы размещать отдельные материалы, ЦРУ поддерживало или даже основывало дружественные информационные агентства, которые, очевидно, не существовали бы без поддержки Управления.

С 1953 по 1970 год резидентура ЦРУ в Чили спонсировала агентства новостей, журналы для интеллектуальных кругов и еженедельную правую газету» [12].

Об одной из таких газет ветеран Государственного департамента вспоминает, что «компоновка была великолепна. Фотографии были превосходны. Это был продукт пиар-агентств Мэдисон-авеню, стоящий намного выше стандартов чилийских публикаций» [13].

То же самое могло быть сказано и о самой агитации. Помимо управления проектами политических выступлений во многих избирательных блоках ЦРУ руководило всей кампанией христианских демократов по американским стандартам: с регистрацией избирателей, активным привлечением их к участию в голосовании и профессиональными управлеченческими фирмами, проводящими опросы общественного мнения. В довершение всего, они послали «прингера» (человек, незаконно голосующий несколько раз. — *Прим. ред.*) — специалиста по выборам из команды выдающегося знатока и опекуна свободных выборов мэра Чикаго Ричарда Дэйли (Richard Daly) [15]. Какова была функция человека Дэйли в Чили, можно только предполагать.

Некоторыми из программ местного уровня, финансируемых ЦРУ, управлял Роджер Векеманс (Roger Vekemans) — бельгийский священник-иезуит, который прибыл в Чили в 1957 году и основал здесь сеть общественных организаций; одна из них выросла до сотни сотрудников, а ее годовой бюджет составлял 30 миллионов долларов. Как заявил Векеманс в 1963 году, он по-

лучил от ЦРУ пять миллионов долларов и еще столько же от Агентства США по международному развитию для поддержки христианских демократов и Эдуардо Фрея, с которым у Векеманса были тесные связи [16].

Иезуитские программы выполняли классическую функцию: переводили революционное рвение на безопасный реформистский путь. Представители церкви, работающие на ЦРУ в странах третьего мира, как правило, были вовлечены в сбор информации о действиях и взглядах отдельных крестьян и рабочих — нарушителей спокойствия, способствовали пополнению рядов потенциальных агентов, проповедовали евангелие антисоциализма, действовали как каналы финансирования, служили религиозным прикрытием для различных операций Управления. Радикальный антисоциалист Векеманс был солдатом на передовой в борьбе христианских демократов и католической церкви против «Теологии освобождения» — набиравшего обороты движения в среде более либерального духовенства в Латинской Америке, которое впоследствии привело к историческому диалогу между христианством и марксизмом [17].

Операция принесла свои плоды. Даже сверх ожидаемого. Фрей получил 56 процентов голосов против 39 процентов Альенде. ЦРУ расценило «антисоциалистическую кампанию запугивания как самую эффективную из проведенных», — отметил Комитет Сената [18]. Это была тактика, направленная, в частности, на чилийских женщин. Получилось так, что Альенде заработал на 67 тысяч голосов мужчин больше, чем Фрей (в Чили мужчины и женщины голосуют отдельно), но среди женщин Фрей вышел вперед, получив на 469 тысяч голосов больше — еще одно свидетельство того, насколько легко и непринужденно можно манипулировать умами людей в любом обществе.

Что было ранее известно о Сальвадоре Альенде, чья персона вызвала всю эту лихорадочную деятельность? Какую угрозу представлял человек, против которого были пущены в ход огромные технические и экономические ресурсы самой могущественной страны в мире?

Альенде был человеком, политическая программа которого, как написано в отчете Комитета Сената, должна была «перераспределить доход (2 процента населения получали 46 процентов дохода страны) и изменить чилийскую экономику, начиная с национализации главных отраслей промышленности, особенно компаний по добыче меди; расширить аграрную реформу и наладить отношения с социалистическими и коммунистическими странами» [19].

Человек с такой программой, как могли предполагать американские политические деятели, поведет свою страну по пути, не согласованному с приоритетами американской внешней политики и транснациональных корпораций. Позднее, став президентом, он подтвердил независимость от других государств.

ЦРУ всегда в действии. Управление проводит секретные операции каждый день, в каждой стране. Между президентскими выборами в Чили в 1964 и

1970 годах ЦРУ продолжало реализовывать множество программ, разработанных для развития правых взглядов в различных слоях населения. Большая часть пропаганды и механизмов агитации также использовалась в поддержку нужных кандидатов на выборах в Конгресс в 1965 и 1969 годах. На последних выборах финансовая поддержка была оказана отколовшейся части социалистической партии, чтобы переманить голоса от социалистической партии Альенде, что, по имеющимся сведениям, лишило партию как минимум семи мест в Конгрессе [20].

Комитет Сената описал некоторые другие секретные проекты, осуществленные ЦРУ во время этого периода:

- Перехват контроля студенческих организаций Чилийского университета у коммунистов;
- Поддержка женской группы, активной в чилийской политической и интеллектуальной жизни;
- Противодействие Центральному управлению чилийских рабочих (Central Unica de Trabajadores Chilenos), в котором ведущую роль играли коммунисты, и поддержка демократических, — то есть антикоммунистических, трудовых групп;
- Использование в качестве прикрытия группы гражданских действий в борьбе с коммунистическим влиянием в культурных и интеллектуальных кругах [21].

В 1968 году ЦРУ было занято разрушением союзов и блоков с преобладающим влиянием чилийской коммунистической партии. Комитет Сената США пришел к заключению, что латиноамериканское рабочее движение в основном утратило свою революционную направленность: «Даже блоки под властью коммунистов, особенно те, которые следуют курсу политики Москвы, теперь в основном принимают мирный путь как наиболее жизнеспособную альтернативу» [22].

«Я не понимаю, почему мы должны стоять в стороне и смотреть, как страна катится к коммунизму из-за безответственности ее собственных граждан» [23], — так высказался Генри Киссинджер (Henry Kissinger), ведущий советник президента Соединенных Штатов по вопросам национальной безопасности. Это было 27 июня 1970 года на встрече в «Комитете 40» Совета национальной безопасности (секретный «Комитет 40» занимался координацией всех тайных операций США в мире, Киссинджер возглавлял его в 1969–1976 годах; ранее, в администрации Джонсона, эта структура называлась «Комитет 303». — *Прим. ред.*). Людьми, подозреваемыми Киссинджером в «безответственности», были чилийцы, которые, как он опасался, могли выбрать Сальвадора Альенде своим президентом.

Соединенные Штаты не стояли праздно в стороне. На этой встрече было одобрено увеличение на 300 тысяч долларов финансирования операции «порчи» Альенде, которая уже реализовывалась. ЦРУ применяло свою тяжелую артиллерию дезинформации на чилийском избирательном избирательном округе, бомбардируя

сознание людей фразами типа: «Победа Альенде — это насилие и сталинские репрессии» [24]. Для подрыва коалиции Альенде Управление использовало методы черной пропаганды, сеяло раздор между коммунистической партией и социалистической партиями, главными членами коалиции, а также между коммунистической партией и Центральным управлением чилийских рабочих [25].

Несмотря на все предпринятые меры, 4 сентября Альенде набрал большинство голосов. 24 октября был создан чилийский конгресс, чтобы выбрать между ним и пришедшим вторым Хорхе Александри (Jorge Alessandri) от национальной консервативной партии. Альенде, несомненно, должен был стать президентом.

У Соединенных Штатов было семь недель, чтобы воспрепятствовать его вступлению на пост президента страны. 15 сентября президент Никсон встретился с Киссинджером, директором ЦРУ Ричардом Хелмсом (Richard Helms) и генеральным прокурором Джоном Митчеллом (John Mitchell). Пометки, сделанные рукой Хелмса во время той встречи, отражают суть разговора: «У нас есть, возможно, один шанс из десяти, чтобы сохранить Чили! ...никакого риска... Есть 10 миллионов долларов, если надо, и больше... чтобы заставить экономику закричать» [26].

«Комитет 40» направил деньги на подкуп чилийских конгрессменов, чтобы они голосовали за Александри [27], но вскоре эта идея была оставлена как неосуществимая. Под интенсивным давлением Ричарда Никсона американские усилия были сконцентрированы на том, чтобы побудить чилийские вооруженные силы организовать переворот и затем отменить голосование Конгресса в целом [28]. В то же время Никсон и Киссинджер дали понять ЦРУ, что убийство Альенде допускается. В одном из документов Белого дома рассматривались различные способы осуществления этой операции [29].

Новая пропагандистская кампания была развернута в Чили с целью внушиТЬ вооруженным силам мысль о катастрофе, которая случится со страной, если Альенде станет президентом. В дополнение к стандартным антисоветским страшилкам говорилось о сокращении американской и другой иностранной помощи; это сопровождалось слухами о национализации всего — вплоть до небольших магазинов — и предсказаниями экономического краха. Эта кампания действительно отрицательно повлияла на чилийскую экономику — последовала финансовая паника [30].

Чилийским офицерам дали понять, что американская военная помощь прекратится, если Альенде займет кресло президента [31]. Во время этого промежуточного периода, по данным самого ЦРУ, в латиноамериканских и европейских СМИ, в результате деятельности Управления, вышло более 700 статей, передач, передовиц и т. п. против Альенде. И это помимо «настоящих» историй СМИ, основанных на фальшивках теми, кто был подвержен внушению. Кроме того, в Чили прибыли журналисты по крайней мере из десяти разных стран, состоящие на службе у ЦРУ, чтобы «повысить достоверность» материала на месте [32].

Приведенная ниже часть телеграммы ЦРУ от 25 сентября 1970 года дает некоторое представление о проведении подобных операций в СМИ:

«Отчеты в Сан-Паулу, Тегусигальпе, Буэнос-Айресе, Лиме, Монтевидео, Боготе, Мехико продолжали воспроизводить материалы по теме Чили. Статьи передавались также в «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост». Пропагандистские действия продолжают производить хорошее освещение событий в Чили согласно нашим указаниям» [33].

ЦРУ также устраивало «инсайдерские» брифинги американским журналистам по ситуации в Чили. Один такой брифинг для сотрудников «Тайм» просветил журнал относительно «намерения» Альенде «поддержать насилие и уничтожить свободную прессу Чили». Как отмечено в отчете Сената, это привело к изменению основных посылов материалов о Чили в «Тайм» [34].

Когда Альенде раскритиковал ведущую консервативную газету «Эль-Меркурио» (*El Mercurio*), в большой степени спонсируемую ЦРУ, Управление организовало линию поддержки этой газеты и протеста со стороны зарубежных газетных изданий, заявление протеста ассоциации международной прессы и мировое освещение этого протеста в прессе» [35].

В телеграмме, посланной штаб-квартирой ЦРУ в Сантьяго 19 октября, выражалось беспокойство относительно переворота:

«Все еще нет предлога или оправдания перевороту, приемлемого в Чили или Латинской Америке. Поэтому представляется необходимым создать такой предлог, чтобы стимулировать утверждение военных о том, что они спасают Чили от коммунизма».

Одним из предложений штаб-квартиры было:

сфабриковать «надежные сведения о том, что кубинцы планировали реорганизовать все разведывательные службы (Чили) по советской/кубинской модели и таким образом создать структуру полицейского государства... Контакт с соответствующими военными поможет определить, как лучше организовать «обнаружение» разведоклада, который может быть подброшен даже во время рейдов карабинеров» [36].

Тем временем Управление вступило в активные переговоры с несколькими чилийскими офицерами, которые могли принять предложение переворота. Трудность их идентификации и установления с ними контактов была описана ЦРУ как проблема преодоления «apolитичной, конституционно-ориентированной инерции чилийских вооруженных сил» [37]. Их уверили, что Соединенные Штаты окажут им полную поддержку во всем, за исключением прямого военного конфликта. Непосредственным препятствием, с которым столкнулись эти офицеры, было решительное сопротивление главнокомандующего

армии Рене Шнайдера (Rene Schneider), который настаивал на следовании конституционному процессу. Стало быть, его нужно было убрать с поста.

Рано утром 22 октября ЦРУ передало «чистые» пулеметы и боеприпасы некоторым заговорщикам. Ранее был передан слезоточивый газ. В тот же день Шнайдер был смертельно ранен при похищении его по пути на работу. Резидентура ЦРУ в Сантьяго телеграфировала в свой штаб, что генерал был застрелен из того же самого вида оружия, которое было поставлено военным заговорщикам, хотя Управление позже заявило Сенату, что убийцы не те люди, которым передано оружие [38].

Однако убийство не помогло заговорщикам достичь цели. Оно лишь послужило сплочению армии вокруг принципа конституционной системы правления. Время стремительно уходило. Два дня спустя Сальвадор Альенде был утвержден чилийским конгрессом. 3 ноября он занял свой пост в качестве президента.

Почва для столкновения двух экспериментов была готова. Один из них — «социалистический» эксперимент Альенде, нацеленный на подъем Чили из болота экономической отсталости и зависимости и избавление от нищеты. Другой был, как позже выразился директор ЦРУ Уильям Колби (William Colby), «опытным образцом или лабораторным экспериментом, проверкой метода вливаний значительных финансовых инвестиций в дело дискредитации и свержения правительства» [39].

Хотя индивидуальных особенностей этого эксперимента, которые являлись бы уникальными для ЦРУ, было немного, в общем итоге это стало, возможно, самым многоплановым вмешательством, когда-либо предпринимаемым Соединенными Штатами. В своем процессе оно обогатило язык новым понятием: «дестабилизация».

«Ни одна гайка или болт не попадет в Чили при Альенде», — предупредил тогда американский посол Эдвард Корри (Edward Korry) [40]. Чилийская экономика, чрезвычайно зависящая от Соединенных Штатов, была уязвимым местом страны. За следующие три года новые американские программы правительственный поддержки Чили резко упали до нуля. Та же ситуация произошла с кредитами от американского Экспортно-импортного банка и Межамериканского банка развития, в котором Соединенные Штаты практически имели право вето, и Всемирный банк отказывался предоставлять новые кредиты Чили в период 1971—1973 годов. Американская правительственные финансовая помощь и гарантии американским частным инвестициям в Чили были резко сокращены. Американским фирмам дали указание затянуть экономическую петлю [41].

От бойкота в первую очередь пострадал транспорт Чили. Автобусы и такси в большом количестве стали непригодными к эксплуатации из-за нехватки запасных частей. Аналогичные трудности испытывали медная, сталелитейная, электрическая и нефтяная отрасли промышленности. Американские поставщики отказались продавать необходимые запчасти, несмотря на предложение Чили заранее оплатить их наличными [42].

Корпорация ITT (International Telephone & Telegraph — крупная американская корпорация, владевшая Чилийской телефонной компанией и газетами в Чили. — Прим. ред.), которой не было нужды говорить, что делать, заявила в меморандуме 1970 года: «Наиболее реалистичной для тех, кто хочет заблокировать Альянде, кажется надежда, что стремительно ухудшающаяся экономика породит волну насилия, которая, в свою очередь, приведет к военному перевороту» [43].

В ситуации резкого уменьшения экономической помощи Соединенные Штаты увеличили свою военную поддержку Чили в течение 1972 и 1973 годов, а также обучение чилийских военнослужащих в Соединенных Штатах и Панаме [44]. Правительство Альянде оказалось между молотом и наковальней, не желая отказываться от этой «помощи» из-за боязни сопротивления военной верхушки.

Видимо, ничто не вызывало большего недовольства у людей, чем нехватка каждодневных товаров, когда нельзя было купить любимую еду, или муку, или масло для приготовления пищи, или туалетную бумагу, простыни или мыло, или починить телевизор или автомобиль, или (худшее из всего!) когда никотинозависимый не мог достать сигарет. Частично дефицит являлся результатом того, что Чили находилась в состоянии переходного периода: различные изменения в системе государственной собственности, эксперименты в управлении работающими гражданами и т. д. Но это было незначительным по сравнению с сокращением поступающей помощи и методами ведущих американских корпораций. Столь же показательными в этом отношении стали и затяжные забастовки, которые могли продолжаться так долго только при финансовой поддержке ЦРУ [45].

В октябре 1972 года, например, ассоциация частных владельцев грузовиков прекратила работу с целью блокировать поток продовольствия и других предметов первой необходимости, включая даже газеты, которые поддерживали правительство (тонкие действия не были необходимы в этой исключительно поляризованной стране). Тут же последовало закрытие магазинов — бесчисленные мелкие буржуа вносили свою лепту, чтобы завинтить гайки общественного недовольства. Но даже когда магазины были открыты, многие их владельцы сдерживали продажу определенных товаров, например сигарет, чтобы сбыть их на черном рынке тем, кто мог предложить за них больше. Прекратили работу большинство частных автобусных компаний. Ко всему прочему, с помощью ЦРУ или без таковой, на улицы стали выходить различные квалифицированные и «беловоротничковые» рабочие, в основном враждебно настроенные к правительству.

В основном эта кампания была нацелена на то, чтобы исчерпать терпение общества, убеждая людей, что «социализм в Чили не работает». Хотя такие проблемы существовали и до Альянде. Большая часть населения страдала от дефицита во всех областях жизнеобеспечения — питание, жилье, здравоохранение, образование. По крайней мере, половина населения страдала от недоедания. Альянде, который по образованию был врачом, дал комментарии

к своей программе бесплатного молочного питания, указав, что «в настоящий момент в Чили более 600 тысяч детей умственно отсталы, потому что их должным образом не кормили в течение первых восьми месяцев жизни и они недополучили необходимые белки» [46].

Финансовая помощь бастующим не была единственным вкладом ЦРУ в забастовки. Более 100 членов чилийских профессиональных ассоциаций и гильдий работодателей были выпускниками школы Американского института свободного трудового развития в Форт-Роял в штате Вирджиния (American Institute for Free Labor Development, AIFLD, Fort Royal). AIFLD, основная трудовая организация ЦРУ в Латинской Америке, также способствовала формированию в мае 1971 года новой профессиональной ассоциации — Конфедерации чилийских профессионалов (Confederation of Chilean Professionals). Профсоюзные специалисты AIFLD обладали весьма богатым опытом в искусстве разжигания экономической неразберихи — или поддержании рабочих в бездействии до особого случая и нужного времени [47].

У пропагандистских торговцев ЦРУ была отличная возможность повеселиться, обостряя ситуацию беспорядками и ограничениями, провоцируя паническую сккупку товаров. Применялись все методы, и более всего нагнетание атмосферы через СМИ, созданные для достижения любых целей, так эффективно используемые в 1964 и 1970 годах, чье существование было облегчено фактической вседозволенностью, гарантированной прессе: заголовки и истории, которые распространяли слухи обо всем — от национализации до плохого мяса или непригодной для питья воды.

«Экономический хаос! Чили на краю гибели!» и т. д. и т. п. — давались самые кричащие из тех заголовков, которые только можно представить в газете, обострившие предчувствие гражданской войны, если не откровенно *призывающие* к ней. Тревожные истории, которые в остальном мире были бы названы подстрекательскими. Худший из ежедневных таблоидов Лондона или Соединенных Штатов покажется по сравнению с чилийскими газетами того периода объективным и благообразным, как стоматологический журнал [48].

В ответ на это в некоторых случаях правительство временно закрывало газету или журнал как левого, так и правого толка за угрозу безопасности [49].

Стандартная поддержка политической оппозиции была расширена и теперь предоставлялась также крайне правой организации «Патрия и Либертад» (Patria y Libertad), которую, по имеющимся сведениям, также помогло сформировать ЦРУ. Ее членов ЦРУ обучало партизанской войне и подрывному делу в школах в Боливии и Лос-Фресносе в штате Техас (Los Fresnos). Члены «Патрия и Либертад» шествовали на митингах в полном защитном снаряжении полиции, неоднократно устраивая террористические акты и провокации. Публикации этой организации открыто призывали к военному перевороту [50].

ЦРУ склоняло военных к тому же. Поставки военного оборудования означали присутствие американских советников и давали возможность американцам плотно работать с чилийцами. С 1969 года Управление формировало «разведывательные ресурсы» во всех трех видах чилийских вооруженных сил,

включая «офицеров младшего, среднего и старшего командного звена, отставных генералов и военнослужащих рядового состава». Используя обычную смесь достоверной и фальсифицированной информации наряду с поддельными документами, ЦРУ пыталось держать военных «на чеку». Один из вне-драйемых ЦРУ посылов состоял в том, что отдел полицейских расследований с одобрения Альенде совместно с кубинской разведкой собирали информацию, наносящую ущерб верховному командованию армии [51].

При поддержке ЦРУ газеты Сантьяго, особенно «Эль-Меркурио» (El Mercurio; газетой владела американская ITT, International Telephone & Telegraph. — Прим. ред.), часто пытались оказывать влияние на вооруженные силы. Журналисты бездоказательно ссылались на коммунистические заговоры, целью которых якобы было ослабить или разрушить вооруженные силы, на советские планы якобы устроить базы подводных лодок в Чили и Северной Корее, открыть тренировочную базу и т. д. Газеты старались вызвать ненависть к правительству; в некоторых случаях целые полосы были направлены на то, чтобы изменить мнение одного офицера или его жены [52].

Управление также занималось финансированием многих книг и разного рода публикаций в Чили. Например, было составлено короткое антиправительственное информационное письмо, направленное в вооруженные силы [53]. Позже ЦРУ использовало для таких задач еженедельный юмористический-политический журнал SEPA, нацеленный на ту же аудиторию. Обложка номера от 20 марта 1973 года вышла с заголовком: «Роберт Мосс. Английский рецепт для Чили — военный контроль». Мосс (Moss) был назван в журнале британским социологом. Более верным представлением было бы «специалист по новостям», связанный с известными подставными организациями ЦРУ в СМИ. Одна из таких организаций, Forum World Features of London (см. главу 15), в 1973 году издала книгу Мосса «Марксистский эксперимент в Чили» (Chile's Marxist Experiment), которую хунта широко распространяла для оправдания своего переворота [54].

Мосс был связан с финансируемым ЦРУ исследовательским институтом в Сантьяго, который носил в высшей степени безобидное название Института общих исследований (Institute of General Studies). Среди прочего, этот институт проводил семинары для чилийских офицеров, на которых чисто техническим, неполитическим языком объяснялось, почему Альенде был катастрофой для экономики и почему либеральная система являлась решением всех бед в Чили. Нет способа определить, до какой степени такие лекции повлияли на будущую деятельность вооруженных сил, но стоит отметить: после переворота хунта назначила несколько людей из Института общих исследований на главные правительственные должности [55].

Тем временем резидентура ЦРУ в Сантьяго собирала оперативные разведывательные сведения, необходимые для переворота: «списки ключевых гражданских объектов, персонала, который нуждался в защите, ключевых правительственных объектов, которые было необходимо захватить, а также сведения о правительстенных планах действий при непредвиденных обсто-

ятельствах, какие должны были быть приняты и использоваться в случае военного восстания» [56]. ЦРУ позже утверждало, что эта информация никогда не передавалась чилийским военным, — утверждение, которое оторвано от реальности. В связи с этим нужно отметить, что в первые дни после переворота чилийские вооруженные силы направились непосредственно в места жительства многих американцев и других иностранцев, которые поддерживали правительство Альенде [57].

Правительственный план действий при непредвиденных обстоятельствах был, по-видимому, получен Управлением посредством проникновения его агентов в различные партии, которые составляли коалицию Альенде «Народное единство» (Unidad Popular). Агентам ЦРУ в высших эшелонах социалистической партии Альенде «платили, чтобы они совершали ошибки в работе» [58]. В самом Вашингтоне для получения документов Управление предпочитало кражи со взломом (автор имеет в виду Уотергейтский скандал, из-за которого президент Никсон был вынужден уйти в отставку. — *Прим. ред.*). Таким образом, бумаги изымались из домов некоторых сотрудников чилийского посольства. Само посольство, которое в течение некоторого времени прослушивалось, в мае 1972 года тоже подверглось краже со взломом, в которой приняли участие те же люди, что в следующем месяце объявились в Уотергейтском деле [59].

В марте 1973 года на выборах в конгресс «Народное единство» Альенде набрало около 44 процентов голосов, тогда как в 1970 году — приблизительно 36 процентов. Это было самым большим ростом популярности, которое в Чили когда-либо получала партия, находящаяся у власти более двух лет. Перед выборами оппозиционные партии публично выразили свой оптимизм, говоря о намерении завоевать две трети в конгрессе и возможности таким образом подвергнуть Альенде импичменту. Теперь же им предстояло еще три года терпеть его самого и его реформы, при невозможности, несмотря на все их закулисные усилия, препятствовать росту его популярности.

В течение весны и лета процесс дестабилизации активизировался. Последовала целая серия демонстраций и забастовок, самая продолжительная из которых была устроена водителями грузовиков. Журнал «Тайм» сообщал: «В то время как большая часть страны выживала на скромном рационе, водители грузовиков казались необычно хорошо снабженными для затяжной забастовки». Корреспондент спросил группу водителей грузовиков, расположившихся лагерем, во время обеда, состоящего из «щедрой коммунальной пищи: стейка, овощей, вина и блинчиков с мясом», откуда у них на это деньги. «От ЦРУ», — ответили они, смеясь [60].

Имели место ежедневные саботаж и насилие, включая убийства. В июне вооруженные силы и «Патриа и Либертад» совершили нападение на президентский дворец.

В сентябре у вооруженных сил было уверенное превосходство. «Ясно, — сообщает следственный комитет Сената, — что ЦРУ получило разведыва-

тельные данные о планировании переворота группой, которая успешно его совершила 11 сентября 1973 года. Процесс подготовки переворота длился в течение июля, августа и сентября 1973 года» [61].

Американская роль в тот роковой день была существенной и темной. Военный переворот начался с отправки военных кораблей из тихоокеанского порта Вальпараисо в Сантьяго. В то время корабли военно-морских сил США находились в открытом море, якобы для участия в совместных маневрах с чилийскими ВМС. Другие корабли США ожидали в состоянии готовности за пределами чилийских вод. Самолет ВВС США WB-57S — воздушная система коммуникационной связи — курсировал в чилийском небе. В то же самое время 32 американских самолета службы наблюдения и самолеты-истребители приземлились на американской авиабазе в Мендозе (Mendoza) в Аргентине, недалеко от чилийской границы [62].

В Вальпараисо, в то время как офицеры США встречались со своими чилийскими коллегами, молодой американец Чарлз Хормен (Charles Horman), который жил в Сантьяго и застрял там из-за переворота, как оказалось, участвовал в беседе с несколькими американцами, гражданскими и военными. Отставной военно-морской инженер сказал ему: «Мы приземлились, чтобы выполнить свою миссию. И она выполнена». Один или два американских военных также раскрыли некоторую информацию, которую раскрывать не следовало бы. Несколько днями позже Хормен был арестован у себя дома в Сантьяго. Больше его никогда не видели [63].

Таким образом, в ту неделю, когда происходили самые кровавые события, страна была заблокирована от внешнего мира. В то время по улицам двигались танки, а солдаты ломали двери домов, на стадионах гремели выстрелы — там шли массовые расстрелы, тела складировались вдоль улиц и плавали в реке; книги сколько-нибудь подозрительного содержания сбрасывались в костры; солдаты разрезали брюки на женщинах, крича при этом: «Женщины в Чили носят платья!».

В результате этих событий бедные в Чили возвратились к своему естественному состоянию, а джентльмены в Вашингтоне и в залах международных банков открывали свои чековые книжки.

Год спустя президент Джеральд Форд объявил: что Соединенные Штаты сделали в Чили, было «на благо людей в Чили и, конечно, в наших собственных интересах» [64]. Это заявление было сделано неспроста.

По словам Джеральда Форда, все это «было сделано ради сохранения оппозиционных газет, радио и телевидения, а также оппозиционных политических партий» [65]. Присутствующие там корреспонденты были настолько добры или настолько угодливы, что не посмели спросить у Форда его мнение о чилийской хунте, при которой любая оппозиция, любого толка, в любой форме, в любой среде была запрещена.

Утверждать, что Соединенные Штаты в Чили отражали советскую угрозу западному миру, конечно, было обязательным требованием и для других чи-

новников и конгрессменов. Но советское отношение к правительству Альенде не соответствовало ни одной из гипотез. Язык американских разведывательных сводок подтверждает, что: «Советские увертюры к Альенде... характеризуются подчеркнутой осторожностью идержанностью»; «главное советское желание — избежать» еще одного груза ответственности, как в отношении Кубы; русские «советуют Альенде улучшить его отношения с Соединенными Штатами... чтобы ослабить напряжение между этими двумя странами» [66].

Исследование ЦРУ от 7 сентября 1970 года, спустя три дня после победы Альенде на выборах, заключило следующее.

1. У США нет жизненно важных национальных интересов в пределах Чили. Однако возникли бы ощутимые экономические потери.

2. Мировое военное равновесие сил не было бы значительно изменено правительством Альенде.

3. Победа Альенде, однако, привела бы к значительным политическим и психологическим затратам:

а) единству Западного полушария угрожала бы проблема негативного отношения правительства Альенде к Организации американских государств и реакции, которые это породило бы в других странах;

б) победа Альенде представляла бы определенную психологическую неудачу США и определенное психологическое преимущество марксистских идей [67].

«Ощутимые экономические потери», вероятно, относились к ожидаемой национализации американских медных горнорудных компаний. Это в действительности и произошло. Компаниям не было выплачено никаких компенсаций, так как «Народное единство» просчитало, что за годы многолетних сверхприбылей многие компании фактически были должны деньги Чили.

«Реакции, которые это породило бы в других странах...» — что это может означать, кроме того, что народы других стран могли бы быть вдохновлены на решение своих собственных социальных и экономических проблем социалистическими методами? Иначе говоря, Чили под управлением Альенде могло бы сделать реальностью тот призрак, который преследовал американских политиков в коридорах официального Вашингтона: успешная альтернатива капиталистической модели.

Вашингтон не знает большей ереси для третьего мира, чем независимость. В случае Сальвадора Альенде независимость была бы одета в особенно провокационный костюм — костюм марксиста, законно избранного и соблюдающего конституцию. Такого не должно случиться. Это могло потрясти сам фундамент, на котором построена антикоммунистическая башня, подорвать доктрину, кропотливо взращиваемую на протяжении многих десятилетий: коммунисты могут прийти к власти только через силу и обман, они могут сохранить власть только посредством террора и промывания мозгов населению.

Есть только одно зло, большее, чем марксист у власти, — законно избранный марксист у власти.

35. Греция, 1964–1974

«В ЗАДНИЦУ ВАШ ПАРЛАМЕНТ И ВАШУ КОНСТИТУЦИЮ!» — СКАЗАЛ ПРЕЗИДЕНТ США

«Черт! Да это лучшее правительство со времен Перикла», — заявил американский двухзвездный генерал [1] (газетное сообщение не упомянуло, жевали ли он при этом большую толстую сигару).

Правительство, о котором доблестный генерал высказывался так экспрессивно, было хунтой полковников, которая пришла к власти путем военного переворота в апреле 1967 года. За ним тут же последовали традиционное военное положение, цензура, аресты, избиения, пытки и убийства, жертвами которых стали примерно 8000 человек в первый же месяц, и такое же традиционное заявление, что это все делалось ради спасения страны от «коммунистической угрозы». Такие проявления тлетворного влияния, как мини-юбки и длинные волосы, а также иностранные газеты, подрывающие устои греческой жизни, должны были быть устраниены. Посещение церкви для молодежи должно было стать обязательным [2].

Репрессии были настолько зверскими и стремительными, что к сентябрю Дания, Норвегия, Швеция и Нидерланды уже выступали перед Европейской комиссией по правам человека, обвиняя Грецию в нарушении большинства положений этой Комиссии. Еще до окончания 1967 года организация «Международная амнистия» (Amnesty International) направила своих представителей в Грецию для проведения расследования. В последовавшем отчете утверждалось, что «пытки используются тайной полицией и военной полицией как намеренная практика» [3].

Переворот произошел за два дня до начала предвыборной кампании в федеральные органы —казалось, что эти выборы помогут вернуть в кресло премьер-министра старого либерального лидера Георгиоса Папандреу. Он был избран в феврале 1964 года абсолютным большинством, что впервые произошло в истории современных греческих выборов. И тут же начались

успешные махинации по его немедленному смещению: совместная работа королевского двора, греческих вооруженных сил, американских вооруженных сил и сил ЦРУ, находящихся в Греции.

Филип Дин (Philip Deane) под псевдонимом Герассимос Гигантес — грек, бывший сотрудник ООН, — работал в тот период и на короля Константина, и в качестве представителя правительства Папандреу в Вашингтоне. Он в деталях описал этот заговор, направленный на подрыв доверия к правительству и упрочение положения военных заговорщиков, о грубой силе, примененной ЦРУ в его стране [4].

Ранее (см. главу 3) мы видели, что Вашингтон смотрел на Грецию, как на свою собственность, которая должна быть отстроена для удовлетворения washingtonских потребностей. История, рассказанная Дином, иллюстрирует, как незначительно изменилось подобное отношение и насколько непрочным было положение Папандреу: во время одного из вечных споров между Грецией и Турцией в отношении Кипра. Теперь спор перетекал в сферу НАТО: президент Джонсон вызвал посла Греции, чтобы сообщить ему о «решении проблемы», избранном Вашингтоном. Посол возразил, что это недопустимо для греческого парламента и будет противоречить греческой конституции. «Тогда слушайте меня, господин посол, — сказал Президент Соединенных Штатов, — в задницу ваш парламент и вашу конституцию. Америка — слон. Кипр — блоха. Если две блохи продолжат раздражать слона, они могут просто-напросто быть раздавлены его тушей, и хорошо раздавлены... Греки получают от нас много добрых американских долларов, господин посол. Если ваш премьер-министр разглагольствует о демократии, парламенте и конституциях, то он, его парламент и его конституция долго не продержатся» [5].

В июле 1965 года Георгиос Папандреу решением короля был наконец выведен из состава правительства. Короля поддерживала коалиция отковавшихся представителей Союза центра (партия Папандреу) и реакционеров, ждущих лишь возможности сформировать новое правительство. Позднее от представителя Госдепартамента США появилась информация о том, что руководитель резидентуры ЦРУ в Афинах Джон Мори (John Maury) «работал в интересах дворца в 1965 году. Он помог королю Константину подкупить представителей Союза центра, чтобы свергнуть правительство Георгиоса Папандреу» [6].

Далее в течение почти двух лет страной управляли различные правительства, не удерживающиеся у власти на длительный срок. Это происходило до тех пор, пока не стало невозможным избегать проведения выборов, предусмотренных конституцией.

Больше всего противников Георгиоса Папандреу заботил его сын — Андреас Папандреу, который являлся деканом экономического факультета в Калифорнийском университете в Беркли (Berkeley) и министром в кабинете отца и должен был играть ведущую роль в новом правительстве. Но он отнюдь не был наивным радикалом. В Соединенных Штатах Андреас был активным сторонником таких умеренных либералов, как Эдлай Стивенсон (Adlai

Stevenson) и Хьюберт Хемфри (Hubert Humphrey) [7]. «Его экономические взгляды, — пишет обозреватель «Вашингтон пост» Маркис Чайлдс (Marquis Childs), — относятся к американскому новому курсу» [8].

Андреас Папандреу не скрывал своего желания вытащить Грецию из холдной войны. Он публично подверг сомнению здравость смысла страны, остающейся в НАТО, причем остающейся в нем как сателлит Соединенных Штатов. Он склонялся к установлению отношений с Советским Союзом и другими коммунистическими странами, граничащими с Грецией. Он утверждал, что разбухшие американские вооруженные силы и разведывательные группы, находящиеся в Греции, ставят под угрозу свободу действий страны. Он видел в греческой армии угрозу демократии и стремился очистить ее от старших офицеров — сторонников диктатуры и тех, кто поддерживал монархию [9].

Но «лай» Андреаса Папандреу был сильнее, чем его «укус», что в полной мере продемонстрировало его последующее президентство: он не вывел Грецию из НАТО, а американские базы — из Греции. Но в Вашингтоне времен Линдона Джонсона: если вы не были полностью и беспрекословно с нами, вы были против нас. Джонсон считал, что Андреас, натурализованный американский гражданин, «предал Америку». Президент Джонсон сформулировал свои мысли так:

«Мы дали этому сукиному сыну американское гражданство, не так ли? Он был американцем со всеми правами и привилегиями. И он поклялся в верности нашему флагу. А затем он предал свое американское гражданство. Он вернулся к тому, чтобы просто быть греком. Невозможно доверять человеку, который нарушает присягу верности флагу Соединенных Штатов» [10].

Как же тогда понимать тот факт, что Андреас Папандреу, как позже сообщалось, сотрудничал с ЦРУ в начале 1960-х? (Он раскритиковал публикацию отчета, но не отрицал обвинение) [11]. Если это правда, то эта функция была вполне совместима с либеральными взглядами, особенно в то время. Это было несовместимо только с его видением Греции как независимой от американской внешней политики, но об этом он узнал позднее.

Что касается старшего Папандреу, то его антикоммунистический по служной список времен его работы премьер-министром — на этот пост он был назначен британцами — в годы гражданской войны против левых в 1944—1945 годах был безупречен. Но он также демонстрировал беспокойство по поводу независимости Греции от западных сверхдержав. Он не поддался давлению Джонсона и не пошел на компромисс с Турцией в отношении Кипра. Он принял приглашение посетить Москву, и, когда его правительство сообщило, что примет советскую помощь в подготовке к возможной войне с Турцией, американское посольство потребовало объяснений. Кроме того, в попытке залечить старые раны гражданской войны Папандреу начал повторно вводить определенные гражданские свободы и допускать в Грецию

некоторых из тех, кто боролся против правительства в период гражданской войны [12].

Когда Андреас Папандреу приступил к своим министерским обязанностям в 1964 году, он был потрясен, обнаружив суровую реальность техноиндустриального государства — проникнувшая повсюду спецслужба, ставшая теневым правительством и неподвластная контролю национального, номинального, лидера. Это, как думал Папандреу, было причиной многих препятствий, с которыми правительство сталкивалось в попытке реализовать свою политику [13].

Греческая Центральная служба информации (KYP), с сотнями сотрудников, обученных в Соединенных Штатах, как мы видели, была создана УСС/ЦРУ в ходе гражданской войны. Один из этих людей, Георгиос Пападопулос (George Papadopoulos), и стал лидером хунты, захватившей власть в 1967 году. Андреас Папандреу обнаружил, что KYP регулярно прослушивала министерские переговоры и передавала данные ЦРУ. Многие западные спецслужбы в течение длительного времени предоставляли ЦРУ информацию об их собственных правительствах и гражданах, а ЦРУ время от времени платило за эти услуги. Причем характер большей части этой информации был таков, что если бы частное лицо передало ее иностранной державе, оно могло быть обвинено в измене.

В результате своего открытия младший Папандреу уволил двух начальников KYP и заменил их надежными сотрудниками. Новому директору приказали защитить кабинет министров от наблюдения. «Он возвратился сконфуженный, — вспоминал Папандреу, — и сообщил, что не смог этого сделать. Все оборудование было американским, управлялось ЦРУ и греками под руководством ЦРУ. Между этими двумя службами не было никакой разницы. Они дублировали функции друг друга. В действительности они являлись единым ведомством» [14].

Приказ Андреаса Папандреу прекратить прослушивание кабинета вдохновил заместителя начальника миссии американского посольства Норберта Аншутца (Norbert Anshutz, или Anschuetz) нанести ему визит.

Связанный с ЦРУ Аншутц потребовал от Папандреу отмены приказа. Андреас, в свою очередь, сказал, чтобы американец покинул его кабинет, что тот и сделал, но прежде чем уйти, предупредил Андреаса о «последствиях» [15].

Тогда Папандреу поручил новому заместителю директора KYP провести тщательный обыск в его доме и офисе на предмет обнаружения электронных устройств. «Намного позже, — говорит Андреас, — мы обнаружили, что он просто установил множество новых жучков. Подумать только, мы поставили номером два платного американского агента» [16].

Попытка Андреаса положить конец финансированию KYP напрямую из ЦРУ, минуя греческое министерство, также потерпела неудачу, но ему удалось перевести на другую должность человека, который был связующим звеном между этими двумя спецслужбами в течение нескольких лет. Это был Георгиос

Пападопулос. Однако смена должности оказалась не более чем формальностью — ЦРУ по-прежнему получала от него приказы. Даже впоследствии заместитель главы ЦРУ в Афинах Джеймс Поттс (James Potts) часто говорил греческим оппозиционным политикам: «Взгляните на Георгиоса — это мой мальчик» [17].

В середине февраля 1967 года состоялась встреча в Белом доме, как сообщал Маркис Чайлдс, для обсуждения отчетов ЦРУ, которые «не оставляли сомнений в том, что идет подготовка военного переворота... Навряд ли это было секретом. С 1947 года греческая армия и американская военная группа содействия в Афинах, численностью несколько сотен человек, работали как члены одной команды... Важный вопрос состоял в том, можно ли с помощью некоторого неявного политического вмешательства предотвратить переворот» и таким образом сохранить парламентаризм. Однако в итоге встречи пришлось констатировать:

«...ни один из планов действий не годился. Как вспоминал один из высокопоставленных гражданских участников совещания, Уолт Ростов (Walt Rostow), советник президента по вопросам национальной безопасности, закрыл встречу такими словами: «Я надеюсь, вы понимаете, господа, что вывод, к которому мы здесь пришли — или, скорее, не пришли, — делает развитие событий в Греции неизбежным» [18].

Отчет ЦРУ, датированный 23 января 1967 года, определял группу Пападопулоса как организаторов переворота и, очевидно, был одним из отчетов, обсуждавшихся на февральской встрече [19].

Из пяти заговорщиков, пришедших к власти в апреле, четыре, по сообщениям, были тесно связаны либо с американскими военными, либо с ЦРУ в Греции. Пятый был введен в состав хунты, потому что командовал танковыми частями [20]. Георгиос Пападопулос стал фактическим лидером военного правительства и позже в том же году взял себе титул премьер-министра.

Среди старослужащих американской военной миссии в Греции ходило модное выражение: Пападопулос стал «первым агентом ЦРУ, который занял пост премьер-министра европейской страны». «Многие греки считают, что это чистая правда», — сообщил Чарлз Фоли (Charles Foley) в лондонском «Обозревателе» (The Observer) [21].

На момент переворота срок службы Пападопулоса на ЦРУ насчитывал приблизительно 15 лет [22]. Одной из причин успеха его сотрудничества с ЦРУ, возможно, была верная служба полковника Пападопулуса в годы Второй мировой войны. Когда немцы вторглись в Грецию, Пападопулос служил капитаном в нацистских батальонах безопасности, главная задача которых состояла в уничтожении греческих борцов Сопротивления [23]. Он был, как говорят, большим сторонником «нового порядка Гитлера», и дальнейший результат его деятельности во власти не заставил усомниться в этом утверж-

ждении. Фоли пишет: когда на одной из вечеринок в Афинах в разговоре с американским военным советником он упомянул немецкий опыт лидера хунты, американец намекнул, что высокая исполнительность Пападопулоса в отношении американских желаний была связана и с этим тоже. «Георгиос очень эффективно работает, — сказал он с улыбкой, — потому что в Вашингтоне есть документы, ход которым он не хотел бы дать» [24].

Фоли писал:

«...активная официальная пропаганда изображала коммунизм как единственного врага, когда-либо имевшегося у Греции, а ужасы немецкой оккупации настолько преуменьшала, что даже нацистские злодеяния были показаны как спровоцированные коммунистами. Это переписывание истории ясно отражало обеспокоенность диктатора тем, что опасный пробел в его официальной биографии может быть однажды заполнен» [25].

Согласно переписанной истории, члены батальонов безопасности были «героями Сопротивления» [26].

Наиболее глубокий и несмыvableй след в семилетнем греческом кошмаре оставили воспоминания о широком применении пыток. Джеймс Бекет (James Becket), американский юрист, посланный в Грецию от организации «Международная амнистия» (Amnesty International), написал в декабре 1969 года, что, «по самым скромным подсчетам, количество замученных людей составляет не менее двух тысяч» [27]. Бекет провел несколько тяжелых разговоров с жертвами пыток:

«Людей беспощадно пытали просто за листовку, критиковавшую режим. Зверства и жестокость — с одной стороны, бессилие и беспомощность — с другой. Над людьми издевались, и с этим ничего нельзя было поделать. Это было как выслушивать друга, у которого обнаружили рак. Какую поддержку, какое мудрое решение может дать тот, у кого все в порядке? Пытка может длиться недолго, но человек никогда уже не будет прежним» [28].

Как сообщил Бекет, некоторые палачи говорили заключенным, что частью их оборудования стала американская военная помощь: специальный «толстый белый двойной кабель», использовавшийся как кнут, был одним из средств, как и головные тиски, известные под названием «железный венок», которые сильно сжимали вокруг головы или ушей [29].

Делегация «Международной амнистии» описала много других методов пыток, обычно используемых во время правления «черных полковников». Среди них были:

а) избиение ступней ног палкой или трубой. После четырех месяцев подобного истязания ступни одного заключенного были покрыты толстым слоем шрамов. Другому сломали кости;

b) многочисленные случаи сексуально-направленных пыток: засовывали пальцы или предметы во влагалище, скручивали и жестко разрывали; так же делали и с задним проходом; или вставляли трубу в задний проход, а затем пускали воду под очень высоким давлением;

c) метод завязывания рта: горло сжималось так, что перерезалась трахея, или в горло впихивали грязную тряпку, пропитанную мочой, иногда экскременты;

d) отрывание волос с головы и лобка;

e) прыжки на животе;

f) отрывание ногтей на пальцах рук и ног [30].

И это еще не самые худшие из них. Худшее — это то, что можно прочесть в отдельных свидетельствах. Но они слишком длинные, чтобы приводить их здесь [31].

В ответе хунты на первый отчет «Международной амнистии» говорилось, что отчет состоял из обвинений, происходящих «от международного коммунизма», и военное правительство Греции намерено нанимать фирмы, специализирующиеся на связях с общественностью в Нью-Йорке и Лондоне, чтобы улучшить его образ [32].

Тем не менее в 1969 году Европейская комиссия по правам человека признала Грецию виновной в пытках, убийствах и других нарушениях. По этим причинам, и особенно из-за отмены хунтой парламентской демократии, Совет Европы — совещательный орган, на тот момент 18 европейских государств, которые подпадали под деятельность Комиссии, — готовился к исключению Греции. Совет категорически отклонил заявление Греции о том, что она была подвержена риску коммунистической угрозы. «Международная амнистия» позже сообщила, что Соединенные Штаты, хотя и не являлись членом Совета, оказывали активное дипломатическое давление на государства, чтобы они не голосовали за исключение Греции. Тем не менее в то время как Совет размышлял, «Нью-Йорк таймс» передавала: «По сообщению Государственного департамента, Соединенные Штаты сознательно избегали любой позиции по вопросу о продолжении членства Греции в Совете Европы». Европейские участники, заявила «Международная амнистия», полагали, что только Соединенные Штаты обладали силой провести перемены в Греции. Но США приняли решение защищать хунту [33].

По вопросу пыток в докладе «Международной амнистии» был сделан следующий вывод:

«Американская политика в вопросе пыток, как выражено в официальных заявлениях и свидетельствах, состояла в том, чтобы отрицать их существование, где это было возможно, и минимизировать там, где опровержение было невозможно. Эта политика проистекала, естественно, от общей поддержки греческого военного режима» [34].

Греция вышла из Совета Европы, прежде чем Совет официально оформил исключение.

В мире, становящимся все более и более враждебным, поддержка наиболее могущественной страны на планете была непременным условием существования греческой хунты. Правительства этих двух стран процветали за счет друг друга. Американский посол в Греции Генри Таска (Henry Tasca) сказал: «Это самая антикоммунистическая группа, которую только можно найти. Ни одно другое место на земле, кроме Греции, не может предложить такие возможности, при поддержке такого правительства, которое есть у вас здесь». («У вас», как сказал докладчик, а не «у нас» — было в этой фразе единственным притворством.) [35]

Возможности, о которых упомянул посол, — это десятки американских военных установок, от ядерных ракетных баз до крупнейших коммуникационных объектов, и десятки тысяч американских военнослужащих. Соединенные Штаты, в свою очередь, предоставили хунте большое количество военных технических средств, несмотря на официальное эмбарго Конгресса США, а также полицейское оборудование, затребованное греческими властями для обеспечения в стране жесткого контроля.

В попытке формально снять эмбарго правительство Никсона попросило Пападопулоса предпринять шаги в направлении конституционного правительства, на которое мог бы указать Белый дом. Греческого премьер-министра требовалось заверить, гласит секретный документ Белого дома, что правительство примет любые из этих шагов «по номиналу и безоговорочно» [36].

Американский вице-президент Спиро Агню (Spiro Agnew) во время посещения земли своих предков должен был восхвалять «достижения» греческого правительства и его «постоянное сотрудничество с США, в согласовании с американскими потребностями и пожеланиями» [37]. Одной из удовлетворенных потребностей, которые, возможно, имел в виду Агню, был вклад 549 тысяч долларов, внесенный хунтой в избирательную кампанию Никсона — Агню 1968 года. Помимо прочих предположений, подозревалось, что эти деньги были переданы ЦРУ хунте с тем, чтобы найти способ их возврата в Вашингтон. Расследование этого вопроса Сенатом было резко прекращено прямым указанием Генри Киссинджера [38].

Возможно, ничто так хорошо не отражает мистической связи, которую ощущали греки по отношению к своим американским опекунам, чем история о старшем инспекторе Бэзиле Лэмбру (Basil Lambrou), одном из известных палачей Афин:

«Сотни заключенных слушали короткую речь, произнесенную инспектором Бэзилом Лэмбру, который сидел за столом с изображением рук, сошедшихся в рукопожатии, раскрашенных в цвета американского флага и символизирующих американскую помощь. Он пытался показать заключенным абсолютную тщетность сопротивления: «Вы нелепы, если думаете, что вы что-то можете сделать. Мир разделен на две части: коммунисты — на той стороне и свободный мир — на этой. Русские и американцы, и никто больше. Кто мы? Американцы. За мной — правительство, за правительством — НАТО, за НАТО — США. Вы не можете бороться с нами, мы — американцы» [39].

«Международная амнистия» добавляет, что некоторые палачи говорили своим жертвам, например, такие вещи: «Комиссия по правам человека не поможет вам... Красный Крест ничего не может сделать для вас... Передайте им всем, это бесполезно, вы беспомощны». «В первую очередь палачи сказали, — заявляет «Международная амнистия», — что Штаты поддерживали их, и именно это имело значение» [40].

В ноябре 1973 года размолвка среди греческих правящих кругов достигла высшей точки. Пападопулос был изгнан и заменен полковником Димитриосом Иоаннидисом (Dimitrios Ioannidis), начальником военной полиции, мучителем, выпускником американских курсов по антиподрывной борьбе, доверенным лицом ЦРУ [41]. Иоаннидис назначил премьер-министром американца греческого происхождения А. Андруцопулоса (A. Androutsopoulos), прибывшего в Грецию после Второй мировой войны в качестве кадрового сотрудника ЦРУ, чем он частенько хвастал.

Восемь месяцев спустя режим Иоаннидиса сверг правительство Кипра. Это был фатальный просчет. Турция вторглась на Кипр, что вызвало неминуемый отклик в Афинах. Все это привело к тому, что хунта потеряла контроль и уступила место гражданскому правительству. Греческий кошмар закончился.

Мы никогда не узнаем большей части истории американского соучастия в перевороте 1967 года и его последствиях. В 1975 году на слушании дел членов хунты и палачей многие свидетели ссылались на роль США в этих событиях. Возможно, это и стало причиной отдельного расследования данного аспекта, которое, как предполагалось, будет предпринято Апелляционным судом Греции [43]. Но, судя по всему, результаты этого запроса, если он действительно был произведен, никогда не оглашались. По возвращении в Грецию спустя несколько месяцев после того, как гражданское правительство вступило в свои права, ведущие политики заявили Филиппу Дину, что «ради сохранения хороших отношений с США доказательства американского соучастия не должны стать достоянием общественности» [44].

Андреас Папандреу был арестован во время переворота и провел в тюрьме восемь месяцев. Вскоре после того как его выпустили, он и его жена Маргарет посетили в Афинах американского посла Филлипса Тэлбота (Phillips Talbot). Папандреу по этому поводу сообщил следующее:

«Я спросил Тэлбота, могла ли Америка вмешаться в ночь переворота, чтобы предотвратить гибель демократии в Греции. Он отрицал, что американцы могли что-либо сделать для этого. Тогда Маргарет задала критический вопрос: «Что если бы переворот был коммунистическим или левым переворотом?». Тэлбот ответил без колебания: в таком случае они, несомненно, вмешались бы и подавили переворот» [45].

36. Боливия, 1964–1975

ОХОТА ЗА ЧЕ ГЕВАРОЙ В СТРАНЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПЕРЕВОРОТОВ

Когда Виктор Пас Эстенссоро (Victor Paz Estenssoro) был свергнут в ходе очередного боливийского переворота, ему был дан выбор. Он мог быть доставлен, как сказал ему один из офицеров, «или на кладбище, или в аэропорт». Президент решил отправиться в Лиму, в изгнание [1].

Человек, который руководил переворотом в ноябре 1964 года и заменил Паса, был не кто иной, как его вице-президент — генерал Рене Барьентос Ортуньо (René Barrientos Ortuiio). Это была, кажется, 185 смена правительства (никто не назовет точное число) в 139-ю годовщину независимости Боливии от испанского правления. Лишь малая доля смены режима проходила через выборы.

Пас был смешен, несмотря на поддержку американского посла Дугласа Хендersonа (Douglas Henderson), поскольку ЦРУ, и Пентагон хотели его свергнуть. Барьентос, бывший командующий военно-воздушными силами, установил тесную связь с обоими учреждениями, прежде всего через полковника Эдварда Фокса (Edward Fox), своего «инструктора по летной подготовке и компаньона по выпивке» во времена военной подготовки боливийца в Соединенных Штатах.

В 1964 году в боливийской столице Ла-Пас Фокс работал на ЦРУ под прикрытием должности военного атташе [2].

Пас проводил политику, прямо противоположную американской, голосуя против исключения Кубы из Организации американских государств (Organization of American States, OAS) в 1962 году, отказываясь присоединяться к санкциям ОАГ против правительства Кастро двумя годами позже и прекращать дипломатические отношения с Гаваной. Только в августе 1964 года, когда боливийско-американские отношения были «на грани открытого конфликта» [3], Пас наконец порвал отношения с «главным врагом» Соединенных

Штатов — Кубой. «Это был момент выбора: подчиняешься или помочь Соединенных Штатов значительно сокращается», — заявляла передовица «Нью-Йорк таймс» [4].

Попытки боливийского правительства привлечь экономическую помощь и инвестиции не из Соединенных Штатов, а из Советского Союза, Чехословакии и Югославии стали источником дальнейших разногласий с Вашингтоном. В этом вопросе боливийцы в конечном счете также уступили [5].

Хотя Фокс и посол Хендерсон по-разному относились — глубоко по-разному, надо сказать, — к тому, чтобы Пас оставался на своем посту [6]; они оба были обеспокоены политической властью и экономической мощью шахтеров на оловянных рудниках и их лидера Хуана Лечина (*Juan Lechin*), прежнего вице-президента, кандидата на должность Паса. Шахтеры управляли частью страны; у них были собственная радиостанция и собственное вооруженное ополчение; они были настроены против вооруженных сил; их считали силой потенциально более радикальной, чем президент. Четырехмесячная забастовка на шахтах в середине 1963 года, достигшая кризисных размеров, усилила звон тревожных колоколов в американском посольстве. Министр рудников при Пасе Рене Савалете Меркадо (*Rene Zavaleta Mercado*) позже написал: «Более полутора лет американское посольство в лице г-на Хендерсона почти ежедневно убеждало отправить войска в зоны добычи и угрожало, что в противном случае американская программа финансирования рудников будет временно приостановлена» [7].

Пас признал вызов своему правлению со стороны шахтеров, но вероятность политического ущерба в результате вооруженного вмешательства представлялась гораздо большей, чем то, чем он был готов рискнуть.

Сам факт существования армии, которую можно было бы направить на рудники, был следствием усилий Соединенных Штатов по реконструкции пошатнувшихся вооруженных сил Боливии. В 1952 году в Боливии случилось редкое явление — вооруженное народное восстание победило вооруженные силы, сместило олигархию, национализировало оловянные рудники и создало новое правительство под управлением Националистического революционного движения (НРД, *Movimiento Nacionalista Revolucionario*). НРД сократило военных до маленькой, бессильной и дискредитированной армии, параллельно усилив народное ополчение. Десятилетия переворотов и столкновений воспламенили антивоенные чувства боливийского населения. Несмотря на просьбы части левых, традиционные вооруженные силы не были полностью разоружены. Это, как оказалось, стало фатальной ошибкой для НРД и неоперившихся демократических институтов страны.

Прежде всего, в противовес силам ополченцев, а также из-за давления американцев, Пас и его предшественник неохотно, но все же разрешили медленное, но верное обновление вооруженных сил. Под американским руководством боливийская армия первой в Латинской Америке развернула программу «гражданского действия», строя дороги, школы и т. д., — программу, разработанную с целью улучшить свой имидж в глазах населения. «Ника-

кая другая страна в Западном полушарии не зависит так сильно от помощи Вашингтона, — писала «Нью-Йорк таймс» вскоре после переворота, — и нигде посольство Соединенных Штатов не действовало столь навязчиво в организации подобной «помощи» [8].

Вашингтон использовал мощное экономическое давление, чтобы стимулировать наиболее благоприятную государственную политику по отношению к вооруженным силам — такую, которая позволила бы США «профессионализировать» их. В армию вкладывалось больше денег, росла ее численность, закупалась новая военная техника. Отобранные офицеры отправлялись в Соединенные Штаты на обучение. Преподаваемые сторонниками НДР и профессорами вводные политические курсы были заменены идеологической обработкой в американской «Школе Америк» (School of the Americas) в зоне Панамского канала. К 1964 году приблизительно 1200 боливийских офицеров, включая 20 из 23 старших офицеров, прошли обучение в Соединенных Штатах или в Панаме. Боливийские вооруженные силы вернулись к своим первоначальным размерам, эффективности, престижу и независимости [9].

«Школа Америк», по сообщению «Вашингтон пост» в 1968 году, «в ряду своих выпускников насчитывает такое большое количество высших латинских офицеров... что повсюду в Латинской Америке она известна как «школа переворотов», *escuela de golpes*» [10].

Нельзя сказать с уверенностью, являлась ли возможность совершения военного переворота тем самым стимулом для американцев к восстановлению вооруженных сил Боливии. Но, как минимум, это свидетельствовало об их недоверии к боливийской революции с ее потенциалом установить подлинную независимость от Соединенных Штатов. Учитывая историю страны, кульминация военного процесса — скорее всего, в виде переворота — представлялась явно неизбежной.

Пентагон долгое время рассматривал вооруженные силы Латинской Америки как своих партнеров, истинных «строителей» страны. Это убеждение было записано полковником американской военной миссии в Боливии Трумэном Куком (Truman F. Cook) в предисловии к брошюре по применению армии в программах гражданских действий. В брошюре, изданной в Боливии в 1964 году боливийским подполковником Хулио Санхинесом (Julio Sanjines), доверенным лицом Пентагона и ЦРУ, Кука пишет:

«Военная организация — возможно, единственный государственный институт, обладающий порядком, дисциплиной и самоотверженным отношением к целям достижения всеобщего блага... В случае если политические и экономические учреждения потерпят неудачу... есть реальная возможность, что вооруженные силы пойдут против взяточничества и коррупции в правительстве... Наивно предполагать, что они не станут стремиться к власти в классическом смысле» [11].

Также неизвестно, почему генерал Барьентос и соучастники его заговора в действительности решили выгнать Паса. Но точно известно, во-первых,

что пост вице-президента для генерала был ключевым этапом процесса; во-вторых, роль ЦРУ и Пентагона в приведении к власти Барьентоса была непременной и обязательной.

На съезде НДР в январе 1964 года, объявляя кандидата на пост вице-президента, Пас проигнорировал Барьентоса, который уже заявил о своих амбициях, и выбрал гражданского кандидата Фредерико Фортуна (Frederico Fortun). Барьентос плохо перенес поражение. Он объявил публично, что номинация Фортуна была ошибкой, и продолжал заниматься политикой; в конце концов, президент был вынужден просить о его отставке с поста командующего ВВС. Генералу дали одну неделю, чтобы он подал в отставку [12]. Однако несколько дней спустя события стали развиваться непредвиденным образом и удержали Барьентоса от падения в политическую пропасть.

Вечером 25 февраля была якобы совершена попытка убийства Барьентоса. По некоторым версиям, генерал был при смерти, по другим — «только ранен». Так или иначе, кажется довольно странным, что он был перевезен военным транспортным средством в аэропорт, а затем самолетом ВВС США в американскую больницу в зоне Панамского канала — на расстояние в 2000 миль. Ни один боливийский доктор не осматривал Барьентоса [13].

В последующие дни, в то время как Барьентос все еще находился в больнице после «продолжительной операции», в боливийской прессе его расхваливали как национального героя. Особенно в «Эль-Дьярио» (El Diario) — влиятельном консервативном антипасовском издании. Согласно более позднему свидетельству члена нового кабинета Барьентоса, некоторые сотрудники газеты работали с ЦРУ. Кроме того, одним из членов правления «Эль-Дьярио» был вышеупомянутый подполковник Санхинес. Будучи выпускником американской Военной академии Уэст-Пойнт (West Point), Санхинес являлся сотрудником американского посольства и работал над программами «Альянса во имя прогресса» (Alliance for Progress). После переворота он был назначен министром экономики, позже — послом в Вашингтоне [14].

В прессе история освещалась таким американо-патриотическим образом: Барьентос выжил только потому, что пуля попала в серебряные крылья ВВС США, которые он носил на своей униформе. Это стало решением проблемы и снискalo большое сочувствие к храброму генералу, тем более, как отмечает один боливийский историк:

Командующий армией и политической оппозицией «публично намекнул, что полиция Паса была ответственна за предполагаемое нападение. Со стороны других высокопоставленных чиновников также было оказано сильное давление на Паса: чтобы оправдать себя самого, нужно было взять Барьентоса в кандидаты в вице-президенты. Пас понял, что не сможет отказаться» [15].

Спустя десять дней после загадочного инцидента президент заменил Фортуна на Барьентоса. Предвыборная кампания продолжилась.

Сам Барьентос позже признал, что без покушения он никогда не стал бы вице-президентом [16]. Далее, восемь месяцев в качестве кандидата и вице-президента помогли завершению всех дел, необходимых для того, чтобы после 12 лет политического забвения вооруженные силы начали действовать и организовали переворот с минимумом сопротивления — и даже с определенной поддержкой.

Власть Барьентоса узаконила действия вооруженных сил, а генерал регулярно использовал свою политическую платформу, чтобы поддерживать вооруженные силы и защищать их от укоренившегося антиимилитаризма. Он осуждал ополченцев, призывал к их роспуску, но при этом сделал сомнительный шаг по подрыву авторитета правительства, вице-президентом которого он являлся, публично критикуя президента и НДР — особенно их отношение к вооруженным силам — и поддерживая антиправительственные группы. Эта тактика должна была доказать слабость президента и помогла сплотить на стороне Барьентоса многих офицеров, которые до того не были уверены в его мудрости, в безопасности возвращения на политическую арену и в собственной политической силе [17].

В дальнейшем о «ранении» Барьентоса почти ничего не было слышно, хотя во время этого периода он «чудесным образом» избежал нескольких других предполагаемых попыток убийства, включая бомбу, которая взорвалась в его автомобиле, когда в нем никого не было, или еще одну бомбу, которая каким-то образом попала под его кровать. Он воспользовался последним случаем, чтобы объявить, что у него «было больше врагов в рядах НДР, чем среди оппозиционеров» [18].

Паса Эстенссоро переизбрали, потому что оппозиция, заявившая среди всего прочего о несправедливости избирательной процедуры, решила воздержаться. Боливийская политика, представлявшая собой мазохистский, непонятный беспорядок, застряла в его горле, не давая возможности сделать вдох. Повсеместное недовольство, являясь результатом давних обид и личных стремлений, вылилось в ряд забастовок, демонстраций и жестких конfrontаций. В этих условиях Барьентос, который поддержал своим авторитетом диссидентские элементы, нападал на осажденного президента и взял на себя роль защитника порядка. Затем, в октябре, вице-президент отбыл в свой родной город и объявил себя мятежником.

Этот период общественного хаоса и правительского кризиса, возможно, ускорил переворот, убедив некоторых все еще сопротивляющихся офицеров, испытывавших отвращение к непрекращающейся гражданской войне. Выступление вооруженных сил против Паса в начале ноября было встречено с удовлетворением многими слоями населения.

Три года спустя опытный корреспондент «Вашингтон пост» в Латинской Америке Джон Гошко (John Goshko) сообщил: Пас «все еще настаивает, что Фокс стоял за его отстранением. Среди сведущих в политике боливийцев трудно найти того, кто с этим не согласен» [19].

Рене Барьентос вел неумолимо жесткую линию по отношению к рабочим оловянных рудников. Он добился колоссального 50-процентного сокращения их зарплат. Лидеру шахтеров Хуану Лечину, как и лидерам НДР, было приказано покинуть страну, а Федерацию горняков Боливии, которой он руководил, запретили. Всем боливийским объединениям было предписано реорганизоваться в соответствии с рекомендациями, разработанными для создания аполитичного рабочего движения.

Затем в действие вступила армия. Повторное вторжение и оккупация оловянных рудников казались правительству необходимыми для умиротворения ультраактивных шахтеров. Борьба была кровавой: только за один рейд — *La Noche de San Juan*, как он стал печально известен, — погибли 70 шахтеров [20]. Революция 1952 года закончилась.

В этой ситуации Соединенные Штаты не были безразличными наблюдателями. В феврале 1966 года министр обороны Роберт Макнамара (Robert McNamara), представляя свою очередную «Оценку международной ситуации», сказал комитету Конгресса: «Насилие в добывающих областях и городах Боливии время от времени проявляется, и мы помогаем этой стране улучшить подготовку и обеспечение ее вооруженных сил» [21].

Это было все, что министр обороны имел сообщить о Боливии, — обычный отчет, в рабочем порядке написанный неким безликим сотрудником Пентагона, обыденно представленный Конгрессу, как будто американское вмешательство было самой естественной и безвредной вещью в мире.

Столь же естественной, как и американские финансовые вливания в Барьентоса. Антонио Аргуедас (Antonio Arguedas), министр внутренних дел при Барьентосе, позже сообщил, что ЦРУ вложило 600 тысяч долларов в боливийского лидера в 1966 году, когда он решил проводить выборы. Несколько правых партий получили меньшие суммы.

Аргуедас, агент ЦРУ, который в 1968 году предоставил миру дневник Че Гевары, утверждая, что Управление слишком на него давило, также показал, что корпорация «Галф ойл» (Gulf Oil) пожертвовала 200 тысяч долларов на кампании Барьентоса и его вертолет для совершения полетов по стране. «Галф ойл» впоследствии признала, что боливийским офицерам, главным образом Барьентосу, было заплачено в общей сложности 460 тысяч долларов в виде «политических вкладов» в период с 1966 по 1969 год — по рекомендации ЦРУ, хотя нефтяную компанию подталкивать особенно и не требовалось. В результате боливийский президент открыл экономику для транснациональных корпораций в большей степени, чем его предшественники, давая «Галф ойл» особенно щедрые привилегии [22].

За два года — с того момента, как Че Гевара перестал появляться на публике в начале 1965 года, — он, по слухам, в разное время находился в Доминиканской Республике, Бразилии, Венесуэле, Колумбии, Перу, Чили, Гватемале, Конго (что было правдой), Китае, Вьетнаме и даже Нью-Йорке — «всегда в процессе подготовки революции вместе с некоей угрожающей и таинственной

группой отчаянных десперадос» [23]. Также ходили слухи, будто он сошел с ума и был помещен в психиатрическую лечебницу, или был заключен в тюрьму, или казнен его бывшим товарищем по оружию Фиделем Кастро за то, что подрывал его авторитет. Эти и другие подобные истории, скорее всего, были делом рук ЦРУ. Управление, всегда такое изобретательное, начало распространять в прессе негативные спекуляции об исчезновении Че Гевары уже осенью 1965 года в надежде, что он вновь появится, чтобы положить конец этим историям [24].

Когда в начале 1967 года в штаб ЦРУ начали поступать свидетельства того, что Че вел группу партизан по южным горам Боливии, среди некоторых сотрудников Управления возник вполне объяснимый скептицизм. Однако, так как ЦРУ было одержимо поиском легендарного партизана, Управление запустило многоступенчатую операцию.

В апреле в Боливию пошли американские военные поставки, подобранные для сражения с партизанскими силами: легкое оружие, средства связи, вертолеты и т. д. В конце месяца отряд из 16 «зеленых беретов» был послан из Форт-Гулик (Fort Gulick) в зоне Панамского канала в Боливию, чтобы на месте обучить отобранный батальон боливийских рейнджеров тактике действий против партизан. Рейнджеры обладали минимальным или же вовсе никаким опытом действий в реальных условиях. У «зеленых беретов» в распоряжении была команда экспертов по связи, разведке, а в скором времени — и материалы воздушной фотосъемки площади приблизительно в 23 500 квадратных миль на юге Боливии. При фотосъемке применялась система инфракрасного обнаружения, чувствительного к тепловому излучению, а не к видимому свету, поэтому она могла быть использована ночью и в облачные дни. Инфракрасные камеры могли отличить цели при разнице температур менее чем в один градус по сравнению с общим фоном и, таким образом, отслеживать транспортные средства, костры и даже людей. Ну или, по крайней мере, технократы могли в это верить. Хотя партизаны редко разводили костры или пользовались транспортными средствами [25].

В Ла-Пасе резидентура ЦРУ сообщила министру внутренних дел Аргуедасу о направлении ему нескольких «консультантов», присутствие которых было необходимо по причине неэффективности спецслужб Боливии. Несколько дней спустя, по сообщению Аргуедаса, четверо кубинских эмигрантов прибыли и заняли свои «консультативные» позиции в его министерстве. Один из них приступил к организации двух точек для допросов, куда привозили боливийцев, подозреваемых в оказании помощи партизанам. Когда Аргуедас узнал о том, что в некоторых случаях кубинцы прибегали к пыткам, он был разъярен и потребовал, чтобы ЦРУ положило конец этой операции [26].

Другие кубинские агенты ЦРУ были приставлены к военному верховному командованию и направлены в зону партизанских действий с целью сбора подробной информации от пленных и крестьян. Этот метод больше способствовал установлению местонахождения неуловимого Гевары, чем весь спектр технологических чудес ЦРУ, хотя окончательное значение роли Управления

не может быть с точностью определено. Однако ясно то, что Управление перестаралось. Партизанское движение Че никогда не представляло большой угрозы. Едва ли более пятидесяти мужчин и одна женщина участвовали в нем на пике его деятельности — к концу их число сократилось вдвое; мятежники могли спровоцировать лишь редкие перестрелки с армией. Левые в Боливии в основном их игнорировали, и едва ли они «плавали, как рыбы, в море крестьян».

«Жители этого региона, — писал Че в своем дневнике, — непробиваемы, как скалы. Вы говорите с ними, но в глубине их глаз вы видите, что они не верят вам». Так и в Конго человек, сделавший социальную революцию делом своей жизни, не смог расположить к себе крестьянство. «Вы можете разбудить людей, — сказал Александр Герцен столетие назад в России, — только представляя их мечты более ясно, чем они представляют их себе сами».

Че Гевара был схвачен 8 октября 1967 года. На следующий день боливийское правительство хладнокровно приказали казнить его, чтобы он не стал объектом международной кампании милосердия, несмотря на возражения людей из ЦРУ, которые надеялись, что Че Гевара начнет, в конечном счете, открыто говорить о своих разнообразных партизанских приключениях.

После смерти Рене Барьентоса в апреле 1969 года — он разбился на вертолете компании «Галф ойл» — государственные деятели Боливии вскоре вернулись к своим обычным интриганским изворотам. Так, вице-президент, который сменил Барьентоса, успел проработать только пять месяцев до того, как его вытеснил генерал Альфредо Овандо Кандиа (Alfredo Ovando Candia).

Здесь проявились давние националистические настроения Овандо. В первый же месяц он национализировал нефтяную корпорацию «Галф ойл». Решающим в отношении транснациональной компании стал, по словам боливийского руководства, тот факт, что «Галф ойл» «представляла собой теневое правительство с огромной властью на бедной земле» [27].

Национализация открыла Боливию «гневу Соединенных Штатов», написала в декабре «Нью-Йорк таймс».

«После национализации Соединенные Штаты, оплот экономики Боливии в течение многих лет, указали, что дальнейшей помощи не последует... Вашингтон не был впечатлен предложением Боливии дать компенсацию «Галф ойл» за собственность, которая была оценена в 140 миллионов долларов, что приблизительно на 50 процентов больше, чем годовой бюджет Боливии... Два боливийских члена кабинета министров дали интервью на той неделе и конфиденциально заявили, что Соединенные Штаты и Аргентина, как и наиболее информированные люди в столице Боливии, знали о щедро финансируемых группах, которые разрабатывали план заговора по свержению нового боливийского режима» [28].

Это сопровождалось посланием из Ла-Паса от пресс-службы Inter Press Service (крупнейшее латиноамериканское информационное агентство), со-

общающим, что Соединенные Штаты планировали свергнуть правительство Овандо посредством экономического удушения [29]. Два дня спустя правительство оповестило общественность о заговоре, «который организовывало ЦРУ в тесном сотрудничестве с «Галф ойл» и некоторыми боливийскими реакционерами» [30].

На какой огонь указывал весь этот дым, неизвестно. Овандо, ходивший по коридорам структур боливийской власти много лет, — именно он предоставил Пасу выбор между кладбищем и аэропортом — был посвящен в интриги ЦРУ в его стране и, возможно, рассматривал прожектор публичности как единственное средство против своего ниспровержения. Это также могло объяснить, почему в январе 1970 года правительство дежурно высказалось о том, что оно обнаружило офис ЦРУ в Ла-Пасе с системой радиопередачи и оборудованием для прослушивания [31]. В тот же месяц Овандо выступил за восстановление отношений с Кубой — все это выглядело как наличие разногласий с ЦРУ.

Но потом, возможно, Овандо было сделано предложение, от которого он не мог отказаться. Медленно, но верно президент дрейфовал вправо. Так, несколько антиамериканских студенческих демонстраций было жестко подавлено полицией, о Кубе больше ничего не было слышно, командующий вооруженными силами генерал Хуан Хоше Торрес (Juan Jose Torres), которого высоко ценило большинство боливийских левых, был отправлен в отставку [32]. К сентябрю дело дошло до того, что представители Госдепартамента открыто выражали обеспокоенность углубляющимся расколом между правительством Овандо и его бывшими левыми союзниками, который мог дойти до открытого противоборства и привести к «коммунистическому» правительству [33].

Воистину, в Боливии возникла новый политический конфликт. Две недели спустя борьба за власть породила военное восстание. Генерал Овандо остался не у дел, уступив место генералу Торресу. Овандо продержался у власти год.

Десять месяцев у власти Хуана Хоше Торреса представляли собой крайне типичную латиноамериканскую политическую драму. В первом акте Торрес делал все, что заставляет вашихтонских чиновников видеть в политике «коммунистический красный цвет»: он стал инициатором дружбы с Чили — Альянде и Кубой — Кастро; усилил коммерческие связи с Советским Союзом; национализировал оловянные рудники, находившиеся во владении американцев. (Это привело к угрозам США выбросить большое количество запаса олова на мировой рынок, чтобы снизить его цену.) В дополнение ко всему прочему, Торрес вывел из страны американский «Корпус мира» (Peace Corps) и закрыл Межамериканскую региональную профсоюзную организацию (American Regional Labor Organization), которая являлась важным механизмом операций ЦРУ в профсоюзной среде Латинской Америки. Мало того, время от времени Торрес не отказывал себе в удовольствии применять марксистскую риторику, говоря о власти рабочих и крестьян, и т. п. [34].

Во втором акте на арену выходит некий Уго Бансер (Hugo Banzer), боливийский полковник, долгое время поддерживавший тесную связь с американскими военными. Он также учился в *escuela de golpes* («школе переворотов») в

Панаме. Позже последовала военная подготовка в Форт-Худе в Техасе (Fort Hood), и наконец, пост боливийского военного атташе в Вашингтоне. За свои военные заслуги он получил орден от правительства США. Также Бансер, как сообщалось, был одним из получателей финансовой помощи «Галф ойл» в период службы в кабинете Барьентоса.

В январе 1971 года полковник Бансер совершил попытку переворота, которая не закончилась его изгнанием в Аргентину. ЦРУ в Ла-Пасе знало о плане Бансера по крайней мере за две недели и уведомило об этом Вашингтон [35]. Ввиду того что Бансер и его военные когорты старательно готовили следующую попытку свержения Торреса, в течение последующих шести месяцев Бансер регулярно пересекал аргентинскую границу с Боливией для встреч с американским майором Робертом Ландином (Robert Lundin), советником военного авиационного училища боливийских ВВС в Санта-Крусе [36].

Третьим актом этой борьбы за власть стал государственный переворот. Это произошло в августе, через несколько дней после того, как Торрес объявил о достижении соглашения с Советским Союзом о широкомасштабном сотрудничестве в области развития черной металлургии в Боливии [37]. За несколько дней до того Торрес должен был встретиться с Сальвадором Альенде, чтобы восстановить дипломатические отношения с Чили.

Когда заговорщики находились в пункте управления войсками в Санта-Крус, пропала радиосвязь. Это явилось причиной задержки присоединения к ним других боливийских воинских частей. В этот момент, чтобы заполнить брешь, в игру вступил майор Ландин, предоставив в распоряжение мятежников систему радиосвязи ВВС США [38]. Насколько важной оказалась эта помощь для успешного совершения переворота — как оказалось, очень кровавого — или какую еще роль играл Ландин, осталось неизвестным.

Неделю спустя «Сан-Франциско кроникл» (San Francisco Chronicle) сообщила: «Хотя это официально отрицается, деньги, подготовка и консультирование со стороны ЦРУ были щедро предоставлены стратегам мятежа, стоящим за ниспровержением левого президента Боливии Хуана Хосе Торреса» [39].

В финале обнаруживаем, что военно-политическая коалиция, которая пришла к власти, была правой, а одна из ее партий-членов назвала себя общепринятым фашистским обозначением «Фаланга» (Falange). Кроме того, Бансер немедленно объявил, что его правительство будет поддерживать тесные связи с Соединенными Штатами, откажется от восстановления связей с Кубой и Чили, что национализация в стране будет остановлена, уже национализированные объекты будут возвращены государству. Наконец, он заявил, что правительство будет приветствовать частные иностранные инвестиции, а все школы будут закрыты в течение по крайней мере четырех месяцев, потому что они являются рассадниками «подрывной политической агитации со стороны анархистов, настроенных против нового установленного порядка» [40]. В скором времени правительство приказали советскому посольству покинуть страну, и, в конечном счете, Бансер увеличил иностранный заем, чтобы выплатить значительно выросшую компенсацию.

Населению была представлена «освященная веками» сцена, известная как «господство террора»: в течение первых двух лет нового режима более 2000 человек были арестованы по политическим причинам без привлечения к суду, «все фундаментальные законы, защищающие права человека, регулярно нарушались». К заключенным «обычно применялись пытки во время допроса... избитые, изнасилованные и прошедшие через имитацию расстрела... подвешенные в течение многих часов с руками, связанными за спинами» [41].

К 1975 году католические религиозные группы и духовенство Боливии взяли на себя опасное бремя выступлений в защиту прав человека. Правительство Бансера ответило просчитанной и методичной кампанией, стараясь расколоть церковь, изолировать ее прогрессивных участников, подвергнуть нападкам и цензуре, опорочить их, называя коммунистами. Иностранные священники и монахини, которые составляли большую часть духовенства страны, оказались особенно уязвимы для ареста и депортации. Один из них, американский миссионер из Айовы отец Рэймонд Херман (Raymond Herman), был найден убитым.

ЦРУ, как сообщалось, помогло боливийскому правительству выявить таких неблагонадежных иностранцев «путем предоставления полной информации об определенных священниках — личные данные, исследования, друзья, адреса, письма, их работы, контакты за границей и т. д.». Помощь Управления с его международной сетью передачи данных была, несомненно, «особенно ценной» в этом деле, касающемся иностранного духовенства [42].

«Я буду соблюдать конституцию, — сказал Бансер, — покуда она не противоречит военным декретам» [43].

«Начиная с прихода к власти нынешнего боливийского правительства в августе 1971 года, — сообщалось в заявлении главы Счетной палаты США в 1975 году, — цель американской военной помощи состояла в том, чтобы обеспечить стабильность и безопасность. Чтобы помочь в достижении цели, США обеспечивают материальную базу и боевую подготовку для построения необходимых антипартизанских сил» [44].

В 1978 году Уго Бансер был свергнут во время еще одного боливийского переворота. Новый авторитетный лидер Боливии — бывший генерал военно-воздушных сил Боливии Хуан Переда Асбун (Juan Pereda Asbun) объявил, как в свое время это сделал Бансер, что он спас страну от «международного коммунизма» [45].

37. Гватемала, 1962–1980

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГЕНОЦИД

«Индейцы рассказывают жуткие истории о набегах на их деревни, когда сжигают дома, мужчин страшно пытают и убивают, женщин насилуют, а скучные посевы уничтожают. Этот геноцид Гватемала устроила в ответ на действия повстанцев, считая, что только массовое убийство индейцев может предотвратить их присоединение к массовым восстаниям» [1].

Эта заметка была опубликована в газете в 1983 году. Подобные сообщения появлялись в печати по всему миру с 1966 года. Из них видно, что «окончательное решение» в Гватемале длилось значительно дольше, чем бесчинства гитлеровцев, получившие гораздо более широкое освещение в прессе.

Трудно переоценить страдания крестьян-индейцев и городской бедноты, которые составляют три четверти населения этой прекрасной страны, куда так любят ездить американские туристы. Их существование, как видно из периодики того времени, больше напоминает злую насмешку над жизнью, чем саму человеческую жизнь. В столь благоприятном климате, где растет все, лишь немногие не страдают от голода и продолжительного истощения, почти половина детей не доживает до пяти лет, а основной причиной смертности в стране являются кишечные инфекции. С самолетов без разбора распыляют ядохимикаты, иногда прямо на головы крестьян, оставляя за собой след отравлений и смерти. Государственное здравоохранение в сельской местности практически отсутствует, то же касается и образования: большинство жителей страны неграмотны. Несколько сотен семей владеют почти всей пахотной территорией, в то время как тысячи семей без земли и работы ются в поселениях из картона и жести, без воды и электричества, в море грязи в сезон дождей, деля ванну и туалет с животным миром. Мужчины на плантациях кофе зарабатывают от 20 до 50 центов в день, работая в условиях, больше похожих на концентрационные лагеря; их хозяева считают их скорее выручальными животным, чем людьми. В рекламе написано: «Продается большая плантация:

200 гектаров, 300 индейцев» — вот что осталось от древних майя, которых американский археолог Сильванус Морли (Sylvanus Morely) назвал самыми восхитительными туземцами на планете [2].

Но худшее было впереди.

Мы помним, как в 1954 году США свергли последнее реформаторское правительство Гватемалы — легитимно избранного Джакобо Арбенса (Jacobo Arbenz). И как в 1960 году патриотические элементы гватемальской армии, пытавшиеся немного облегчить социальное напряжение, были в ускоренном порядке уничтожены ЦРУ. Вскоре все нарастающее недовольство прорвалось в новом конфликте — на сей раз в виде партизанского движения, и вновь оно было подавлено путем проведения гватемало-американской военной операции, по жестокости напоминающей времена испанских конкистадоров.

В начале 1960-х партизанское движение, возглавленное несколькими влиятельными офицерами после неудавшегося восстания 1960 года, постепенно набирало силу: организовывало поддержку со стороны крестьян в сельской местности, нападения на отдаленные армейские посты с целью получения оружия, устраивало похищения людей и ограбления банков, чтобы добыть денег, но при всем этом пыталось избежать прямых вооруженных столкновений с гватемальскими вооруженными силами.

Вербовка партизан из рядов крестьян шла крайне медленно и трудно — у людей, и без того истощенных ежедневной борьбой за выживание, бодрости духа почти не осталось. Угнетенные до такой степени люди едва ли верят, что у них есть право сопротивляться, а мыслей об успехе и того меньше. Будучи ярыми католиками, они склонны думать, что их страдания — это Божье наказание за грехи.

Некоторые партизанские лидеры заигрывали с коммунистической партией и троцкистскими идеями и группами, в итоге становясь жертвами фракционного соперничества и раскола. В действительности никакая идеология не доминировала над движением больше, чем мечты о программе земельной реформы, прерванной переворотом 1954 года, а также простое желание иметь более равноправное общество и независимость от Соединенных Штатов.

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Аллан Говард (Alan Howard) после интервью с партизанским лидером Луисом Турсиосом (Luis Turcios) написал:

«И хотя Турсиос неожиданно оказался в положении политического лидера, он, по сути, солдат, борющийся за новый кодекс чести. Если у него есть альтернатива, то это не Ленин, или Мао, или даже Кастро, работы которых он прочитал и которыми восхищается, — а Августо Сандино (Augusto Sandino), никарагуанский генерал, который боролся с американскими морскими пехотинцами, посланными в Никарагуа в годы правления американских президентов Кулайджа и Гувера (Coolidge and Hoover)» [3].

В марте 1962 года тысячи демонстрантов вышли на улицы, протестуя против бездарной экономической политики, закоренелой коррупции и предвы-

борного мошенничества правительства генерала Мигеля Идигораса Фуентеса (Miguel Ydigoras Fuentes). Начатые студентами демонстрации скоро получили поддержку со стороны групп рабочих и крестьян. Полиция и вооруженные силы в конечном счете переломили хребет протестов — но только после серии жестких конфронтаций и всеобщей забастовки.

Американская военная миссия в Гватемале видела в расцветающем партизанском движении только вездесущую «коммунистическую угрозу». Американская военная техника прибывала, и американские советники начали подталкивать менее встревоженную и малоагрессивную гватемальскую армию к принятию соответствующих мер. В мае Соединенные Штаты основали базу, специально созданную для обучения антиповстанческим действиям (Пентагон предпочитает использовать этот термин вместо «контрреволюционные действия» из-за щекотливого подтекста последнего). В северо-восточной провинции Изабэл, которая вместе со смежной провинцией Сэкэпа составляла область самой значительной партизанской поддержки, командой американского спецназа — «зеленых беретов» — пуэрто-риканского и мексиканского происхождения была сформирована база, чтобы сделать присутствие США менее заметным. Штат базы был увеличен на 15 гватемальских сотрудников, обученных антиповстанческим действиям в американской «Школе Америк» (School of the Americas) в Форт-Гулике (Fort Gulick) в зоне Панамского канала [4].

Американская стратегия действия против партизан основана на философии кнута и пряника. Соответственно, в то время как гватемальским вооруженным силам преподавали методы засад, ловушек, выживания в джунглях, тактику «найти и уничтожить», предоставляли самолеты и обучали пилотов, в северо-восточной области была начата операция «гражданского содействия»: строились колодцы, распределялись лекарства, предоставлялись школьные обеды. Были обещаны и другие блага, чтобы перехватить инициативу у партизан и дать крестьянам меньше поводов поддерживать их. Американскому персоналу разрешили вести разведку на партизанской территории под гражданским прикрытием. Земельная реформа, необходимость которой стояла наиболее остро, теперь даже не планировалась.

Таким образом, планы должны были осуществиться с помощью «покорения сердец и умов» (winning hearts and minds) крестьян, однако в Гватемале это оказалось столь же бесполезно, как и в Юго-Восточной Азии. Поэтому, когда все научные статьи о «разработке социальных систем» были написаны и все исследования антиповстанческих действий были проведены исследовательским центром «Корпорация РЭНД» (RAND Corporation) и другими мозговыми центрами, в ход пошел террор — чистейший, проверенный террор. Партизан, крестьян, студентов, рабочих, лидеров и квалифицированных специалистов сотнями бросали в тюрьмы или убивали, чтобы хотя бы временно заглушить требования реформы [5].

Но худшее все еще было впереди.

В марте 1963 года генерал Идигорас, избранный в 1958 году на шестилетний срок, был свергнут в результате переворота полковником Энрике Перальтой Асурдия (Enrique Peralta Azurdia). Известный латиноамериканский корреспондент Джорджи Энн Джейер (Georgie Anne Geyer) позже сообщила: «Высоко-поставленные источники в правительстве Кеннеди раскрыли информацию о том, что США спровоцировали и поддержали переворот 1963 года». Судьба Идигораса, очевидно, была предопределенна, поскольку он уже находился в немилости у Вашингтона из-за нескольких инцидентов: например, когда он позволил вернуться в Гватемалу Хуану Хоце Аревало (Juan Jose Arevalo), который возглавлял реформаторское правительство до Арбенса и у которого все еще имелись сильные сторонники. Идигорас планировал уйти в 1964 году, таким образом оставляя дверь открытой для проведения выборов. Однако Вашингтон вместе с президентом Кеннеди лично, как и гватемальская армия, полагали, что свободные выборы восстановят власть Аревало в правительстве, склонном к тем же реформам и независимой внешней политике, из-за которых Соединенные Штаты свергли Арбенса [6]. Аревало был автором книги под названием «Акула и сардины», в которой он изобразил США пытающимися доминировать над Латинской Америкой. Хотя он также публично назвал Кастро «опасностью и угрозой для континента» [7].

Весь курс правительства Перальты характеризовался одним из его первых действий: убийством восьми лидеров политического союза и профсоюза — их раздавили грузовиками, нагруженными камнями [8]. Режим Перальты был репрессивным и зверским на протяжении всех его трех лет у власти. Однако американские военные советники считали, что правительство и гватемальская армия все еще не оценили в полной мере угрозу, которую представляли собой партизаны, и все еще не были готовы к методам ведения нетрадиционной войны. А эти методы, систематически применяемые, должны были истребить партизан раз и навсегда. Тем не менее, несмотря на американские убеждения, армия редко совершала набеги в горы.

К тому же Перальта оказался в некоторой степени националистом: ему не нравилось чрезмерное влияние Соединенных Штатов в Гватемале, особенно в его собственной сфере — вооруженных силах. Он отклонил настойчивые предложения американских «зеленых беретов» обучаться партизанской войне для борьбы с повстанцами. Предпочитая полагаться на своих людей, он сократил число гватемальских офицеров, которым было разрешено участвовать в американских программах обучения за границей.

Это привело к тому, что Соединенные Штаты на выборах в марте 1966 года оказали четкую и мощную поддержку гражданскому лицу, некоему Хулио Сесару Мендесу Монтенегро (Julio Cesar Mendez Montenegro). Мендес победил в том, что считалось выборами в Гватемале, и предоставил американцам свободу действий, которую они так ждали. Он также сослужил еще одну службу Соединенным Штатам: администрация президента Джонсона могла указывать на Мендеса как на гражданское лицо и человека с подлинно

либеральным образованием в ответ критикам у себя дома, которые беспокоились о правах человека.

Однако, вне зависимости от своего социального сознания, Хулио Сесар Мендес стал в значительной степени пленником гватемальской армии, и его правительство далеко превзошло Перальту по своей жестокости. Но все-таки армия не доверяла этому бывшему преподавателю юридической школы — в условиях специфической атмосферы Гватемалы некоторые военные даже считали его коммунистом, и Соединенные Штаты, по крайней мере дважды, вынуждены были вмешаться, чтобы предотвратить попытку переворота, направленного на свержение Мендеса.

Не прошло и нескольких дней после того, как в июле Мендес занял свой пост, а американский полковник Джон Уэббер (John D. Webber, Jr.) прибыл в Гватемалу, чтобы принять управление американской военной миссией. Журнал «Тайм» позже описал его роль так:

«Уэббер немедленно усилил обучение антиповстанческим действиям в пятитысячной армии Гватемалы, поставил американские джипы, грузовики, средства связи и вертолеты, чтобы обеспечить армию большей огневой мощью и мобильностью, и вдохнул новую жизнь в программу «гражданских действий» военных. К концу 1966 года армия смогла нанести главный удар по партизанским очагам сопротивления... Для содействия борьбе с партизанами армия также наняла и вооружила местные группы «гражданских» коллаборационистов: им было разрешено убивать крестьян, в которых они видели партизан или «потенциальных» партизан. Находились и те, кто сомневался в разумности поощрения таких мер в склонной к насилию Гватемале, но Уэббер не был среди них. «Так обстоят дела в этой стране, — сказал он. — Коммунисты используют все, что у них есть, включая террор. И мы должны на это ответить» [9].

Последнее предназначалось для внутреннего американского потребления. Хотя действия, тактика и выбор целей левых никогда не шли ни в какое сравнение с жестокостью проамериканских правых: за редкими исключениями левые атаковали только законных политических и военных врагов, явных и на деле виновных противников, они не пытали их и не мстили их семьям. Двумя из таких жертв левых стали сам Джон Уэббер и американский военно-морской атташе, убитый в январе 1968 года. В информационном листке, выпущенном позже группой повстанцев, говорилось, что эти убийства «предали правосудию офицеров-янки, которые обучали гватемальскую армию ведению войны против народа» [10].

«Международная амнистия» (Amnesty International) установила, что в период с октября 1966 по март 1968 года полицией, вооруженными силами, правыми эскадронами смерти (зачастую бесчинства слишком кровавые для того, чтобы совершаться от лица правительства, выполнялись полицией или военными в штатской одежде), а также различными группами гражданских антикоммунистических линчевателей было убито от 3000 до 8000 гватемаль-

цев. К 1972 году число жертв было оценено в 13 тысяч. Четыре года спустя количество убитых или пропавших без вести превысило 20 тысяч человек.

Каждый, кто пытался организовать союз или другое объединение с целью улучшения жизни крестьян либо был заподозрен в поддержке партизан, подвергался преследованиям. Неизвестные вооруженные мужчины врывались в их дома и уводили в неизвестном направлении. Их искалеченные пытками или сожженные тела находили похороненными в братской могиле, или плавающими в полиэтиленовых пакетах в озере или реке, либо лежащими возле дороги со связанными за спиной руками. Тела убитых также сбрасывали с самолетов в Тихий океан. В области Гуалан больше никто не ловил рыбу — сетями было поймано слишком много трупов, обезглавленных или кастрированных, с иголками, воткнутыми в глаза. Деревни, жители которых подозревались в том, что они помогали партизанам людьми, питанием, информацией, окружали, забирали всех взрослых мужчин на глазах их семей и уводили навсегда. Или же просто все уничтожали, деревню сравнивали с землей, чтобы скрыть следы расправы. Настоящие же партизаны редко становились жертвами подобных расправ.

Один из способов пытки состоял в том, что на голову жертвы надевали капюшон, наполненный инсектицидом; также применялись удары током (самые эффективные — в области половых органов). Этим процессом руководили при помощи военно-полевых телефонов, подключенных к небольшим генераторам. Соединенные Штаты поставляли оборудование и инструкции для использования пыточных средств в несколько стран, включая Южный Вьетнам, где крупномасштабная военная операция против партизан породила новые методы и средства извлечения информации из несговорчивых заключенных. Некоторые из этих методов дошли до Латинской Америки [11].

«Зеленые береты» обучали своих гватемальских учеников различным методам «допроса», но они не всегда были исключительно кабинетными бойцами. Часто сообщалось об их присутствии в сельской местности — они сопровождали гватемальских солдат в зоны сражения. Грань, отделяющая консультативную роль от боевой, — часто лишь вопрос пропаганды.

Как писали Томас и Марджори Мелвиллье (Thomas and Marjorie Melville), американские католические миссионеры в Гватемале с середины 1950-х до конца 1967 года, полковник Уэббер «не делает тайны из того, что с его легкой руки методы террора были использованы гватемальской армией в провинциях Сакапа и Изабэл» [12]. Мелвиллы также упомянули майора Бернарда Вестфола (Bernard Westfall) из Айовы:

Он «погиб в сентябре 1967 года при крушении пилотируемого им самолета гватемальских BBC. Официальные сообщения заявляли, что американский авиатор «проводил испытания» самолета. Возможно, это было правдой, однако на авиабазе Ла-Аурора в Гватемале говорили, что майор часто «проводил испытания» гватемальских самолетов, обстреливая и бомбя партизанские лагеря северо-восточной территории» [13].

F-51 (D) — самолеты-истребители, модифицированные Соединенными Штатами для использования против партизан в Гватемале. После модификации, оснащенные шестью пулеметами 50-го калибра и крепежами для бомб на крыльях, напалмом и пятидюймовыми ракетами класса «воздух — земля» [14], самолеты способны патрулировать ограниченные области в течение пяти часов. Напалм сбрасывается на деревни, на поля, которыми живут крестьяне, на людей. Вылетающие из Панамы американские пилоты сбрасывают большое количество напалма, выжигая предполагаемые партизанские убежища, затем возвращаются обратно в Панаму [15]. Напалм взрывается, как фейерверк, покрывая землю массой из сверкающей красной пены, сжигая все, что попадается на пути. Кедры и сосны выжжены полностью, вместе с корнями, сгоревшие животные, опаленная земля... В результате партизаны больше не смогут использовать эту землю в качестве убежища или выращивать на ней урожаи.

В противоположной точке земного шара, во Вьетнаме, происходит то же самое. Во Вьетнаме такие участки назывались «зонами свободного огня» (free-fire zones); в Гватемале — «свободными зонами» (zonas libres): «Огромные территории страны были объявлены такими «свободными зонами» и подвергались бомбардировкам. Самолеты-разведчики, оснащенные новейшими технологиями фотографирования, пролетают над предполагаемой партизанской территорией и вызывают реактивные самолеты, предназначенные для специфических задач, которые прибывают за считанные минуты, чтобы уничтожить все, что движется по земле» [16].

«Военные, которые этим занимаются, походят на серийных убийц. Если бы Джейфри Дамер (Jeffrey Dahmer — серийный убийца и насильник в Америке. — Прим. ред.) был в Гватемале, к настоящему времени он был бы генералом». В городе Гватемала правые террористы при свете дня обстреливали из пулемета людей и дома — журналистов, адвокатов, студентов, учителей, членов профсоюза, членов оппозиционных партий — любого, кто помогал или выражал сочувствие повстанцам, каждого приверженца левой политики или умеренно критикующего государственную политику... родственников жертв, виновных в том, что они родственники. Для «очищения» общества мелкие преступники были изъяты из тюрем и расстреляны.

«Увидишь коммуниста — убей коммуниста!» — лозунг новой антисоветической организации... Информатор с закрытым лицом сопровождает полицию по улице города или в сельской местности, указывая на тех, кто должен жить, а кто должен умереть: «Этот сукин сын, этот...». Людей находили мертвыми, с выдавленными глазами, с гениталиями во рту, без рук, с отрезанными языками, женщин с отрезанной грудью... Редко находились свидетели этих убийств, даже когда людей забирали из домов при свете дня и расправлялись с ними на улице... Родственники предпочитали изгнание, нежели обращение к властям... Правительство соболезновало семьям погибших» [17].

Один из «эскадронов смерти», «Мано бланка» («Белая рука»), направил студенческому лидеру предупреждение о смерти. Бывший американский священник Блэйз Бонпэйн (Blase Bonpane) из католической миссионерской организации «Мэринол» (Maryknoll) написал:

«Я отправился в одиночку к главе «Мано бланки» и спросил его, почему он собирался убить этого парня. Сначала тот отрицал факт отправки письма, но после небольшой беседы с ним и его первым помощником помощник заявил: «Ну, я знаю, что он коммунист, поэтому мы и собираемся убить его». Я спросил: «Откуда вы это знаете?». Он сказал: «Я знаю, что он коммунист, потому что я слышал, как он сказал, что отдал бы свою жизнь ради бедных» [18].

«Мано бланка» распространяла листовки с предложением отмечать двери домов представителей левых черным крестом [19].

В ноябре 1967 года американский посол Джон Гордон Мейн (John Gordon Mein) подарил гватемальским вооруженным силам новые бронированные машины, гранатометы, учебное оборудование и радиооборудование, а также несколько оснащенных реактивными снарядами вертолетов HU-1B и публично заявил:

«Такое оборудование, особенно вертолеты, сейчас нелегко заполучить, так как они используются нашими силами в защите свободы в других частях мира (то есть в Юго-Восточной Азии). Но свобода должна быть защищена везде, где ей что-либо угрожает, а в настоящее время свобода под угрозой в Гватемале» [20].

В августе 1968 года в городе Гватемала молодая француженка Мишель Кирк (Michele Kirk) застрелилась, когда полиция приехала к ней, чтобы «навести справки». В своей записной книжке Мишель писала:

«Трудно найти слова, чтобы описать то разложение, которое происходит в Гватемале, и постоянный террор, в котором живут люди. Каждый день из реки Мотагуа вытаскивают изрешеченные пулями и частично съеденные рыбами тела. Каждый день людей похищают прямо на улице неизвестные вооруженные до зубов люди в автомобилях, без какого-либо вмешательства полицейских патрулей» [21].

Агентство США по международному развитию (USAID) со своим Управлением общественной безопасности (Office of Public Security), а также «Альянсом ради прогресса» (Alliance for Progress) были готовы протянуть руку помощи. Эти организации с их жизнеутверждающими названиями внесли большой вклад в программу по увеличению размера государственной полиции Гватемалы и развитию ее профессиональной мощи, направленной на противодействие городским беспорядкам. Старшие по званию полицейские, а также технический персонал были направлены на обучение в Межамериканскую полицейскую академию (Inter-American Police Academy) в Панаме,

на смену которой в 1964 году пришла Международная полицейская академия (International Police Academy) в Вашингтоне. Другая их часть обучалась в Федеральной школе в Лос-Фресносе в штате Техас (Federal School, Los Fresnos; где изучали, в частности, сборку и использование разных типов взрывных устройств — см. главу 33) и в других образовательных учреждениях, преподавателями которых зачастую были сотрудники ЦРУ, действующие под прикрытием Управления общественной безопасности. Сотрудники Управления общественной безопасности в Гватемале давали свои рекомендации местной полиции и готовили рядовых полицейских. Иногда эти американские офицеры участвовали непосредственно в допросах политических заключенных, занимались допросами с применением полиграфа и сопровождали антинаркотические полицейские патрули.

Кроме того, городская полиция Гватемалы была снабжена оборудованными радиосвязью патрульными автомобилями и сетью радиосвязи; из Америки финансировались создание Государственной полицейской академии, зарплаты полицейских, приобретение формы, оружия и оборудования для подавления бунтов.

Связующим элементом этих мероприятий стало попечительство Управления общественной безопасности над учебной программой, аналогичной существующей в вооруженных силах: курсантам внушали идею, что за всеми волнениями в Гватемале стояли «коммунисты», прежде всего кубинцы. Курсантам рекомендовалось «оставаться вне политики», то есть поддерживать любой действующий проамериканский режим.

Стандартной рекомендацией было применять «минимум силы» и налаживать хорошие связи с населением. Но поведение полиции и курсантов на практике было очень далеко от этого. Для американцев, участвовавших в этих действиях на протяжении десятилетия, такие рекомендации были проформой и реализацией известного бюрократического приема: «Прикрой свою задницу» [22].

Согласно данным Агентства США по международному развитию (USAID), к 1970 году более чем 30 тысяч гватемальских полицейских прошли обучение в Управлении общественной безопасности в одной только Гватемале по одной из самых масштабных программ Управления в Латинской Америке [23].

«Был момент, когда большое количество филиалов Агентства США по международному развитию (USAID) сверху донизу были заполнены людьми из ЦРУ, — сообщил Джон Джиллиган (John Gilligan), директор агентства в годы администрации Картера. — Идея состояла во внедрении сотрудников агентства в любой вид деятельности за границей, будь то правительенная, волонтерская, религиозная или любая другая деятельность» [24].

К концу 1968 года кампания антиповстанческих действий и запугивания сельских жителей практически свела партизанское движение на нет, не давая партизанам возможности действовать открыто в сельских районах, как раньше, что приводило к их изоляции, лишая основной поддержки в сельской местности.

Это была неравная борьба. Однако по стандартам Пентагона — «ограниченная» война, из-за отсутствия крупных и открытых регулярных подразделений ВС США. В американских СМИ и среди общественности это породило иллюзию невмешательства их страны в события в Гватемале. Однако, как заметил один наблюдатель: «В словаре американских контрреволюционеров эти войны ограничены лишь численностью участия внешних сил. Для атакуемых людей и страны эти войны не ограничены — они тотальны» [25].

Это продолжалось до тех пор, пока в 1976 году не возникло другое серьезное партизанское движение под названием «Гватемальская армия бедных» (EGP). В то же время велась и городская война против правительенного насилия, которое достигло нового пика в период с 1970 по 1971 год во время «осадного положения», введенного президентом — полковником Карлосом Араной Осорио (Carlos Arana Osorio). Арана, который был связан с американскими вооруженными силами еще со времен службы на посту военного атташе Гватемалы в Вашингтоне, а затем командующего антиповстанческими операциями в Сакапе (где его деятельность принесла ему титул «мясника Сакапа»), фактически пользовался неограниченной властью для обуздания любой оппозиции [26].

«Международная амнистия» (Amnesty International) позже заявила: гватемальские источники, включая Комитет родственников исчезнувших людей (Committee of the Relatives of Disappeared Persons), утверждали, что за эти два года более 7000 человек исчезли или были найдены мертвыми. «Иностранные дипломаты в городе Гватемала, — сообщала «Ле-монд» (Le Monde) в 1971 году, — полагают, что на каждое политическое убийство, совершенное левыми революционерами, приходится пятнадцать убийств, совершенных правыми фанатиками» [27].

«Во время комендантского часа, столь сурового, что даже автомобилям скорой помощи» или пожарным машинам было запрещено ездить... американские патрульные машины и автозаки патрулировали улицы днем и ночью... в небе гудели американские вертолеты... Соединенные Штаты сочли целесообразным и дальше обеспечивать правительство Араны технической помощью и военной техникой, чтобы реорганизовать полицию и сделать ее еще более эффективной» [28].

«В ответ на вопрос (дозвонавателя Конгресса США в 1971 году), в чем заключается его работа, член Американской военной группы (US Military Group, MILGP) в Гватемале немедленно ответил, что они должны сделать гватемальские вооруженные силы максимально эффективными. Следующий вопрос относительно того, почему это в интересах Соединенных Штатов, сопровождался долгим молчанием и размышлением над тем, что, очевидно, никогда не приходило ему в голову» [29].

Что касается несчастной Гватемалы... В 1976 году крупное землетрясение обрушилось на страну, лишив жизни 20 тысяч гватемальцев, в основном

бедных людей, чьи дома разрушились первыми. Об этом сообщил спасатель от Американской церкви, прибывший для оказания помощи жертвам землетрясения. Он был потрясен тем, как они выглядели, и условиями, в которых они жили; тогда ему сказали, что он находится не в зоне землетрясения и что все, что он видел, — норма [30].

«Уровень опрыскивания пестицидом — самый высокий в мире, — сообщала «Нью-Йорк таймс» в 1977 году, — и о людях, живущих неподалеку от хлопковых полей, никто особо не беспокоится». В сезон отравления пестицидом лечат 30—40 человек в день. Смерть может наступить в течение нескольких часов. Также отравление может привести к продолжительному сбою работы печени. В Гватемале содержание ДДТ (один из первых высокотоксичных инсектицидов. — *Прим. ред.*) в молоке матерей самое высокое в западном мире. «Это очень просто, — объяснил хлопковод, — больше инсектицида означает больше хлопка, меньше насекомых — больше прибыль». При нападении партизаны уничтожили 22 самолета-опрыскивателя, но они были быстро заменены благодаря достижениям американской промышленности [31]. Словом, здесь можно найти любой пестицид, который только можно пожелать, по милости «Химической компании Монсанто» (Monsanto Chemical Company) с офисами в Сент-Луисе и столице Гватемалы.

Во время президентства Картера в ответ на нарушения прав человека в Гватемале и других странах в Конгресс США были переданы несколько поправок в законодательство, которыми предпринималась попытка сократить военную и экономическую помощь этим странам. В предыдущие годы подобные запреты помощи Гватемале были предписаны в законодательном порядке. Эффективность этих законов может быть измерена их количеством. Но даже при принятии законов эмбарго всегда оставалось частичным, и Гватемала получала оружие и военную технику из Израиля, тайно оплаченные Вашингтоном, полностью или частично [32].

По сообщениям, в качестве очередного прикрытия часть боевой подготовки сил безопасности Гватемалы была переведена на подпольное положение в Чили и Аргентине [33].

Свидетельство индейской женщины:

«Меня зовут Ригоберта Менчу Тум (Rigoberta Mench Tum). Я представитель крестьянского движения «Комитет за единство крестьян» («Кампесино»), которое возглавлял Винсенте Менчу [ее отец]... 9 декабря 1979 года мой 16-летний брат Патрокино был захвачен и подвергался пыткам в течение нескольких дней, а затем был уведен вместе с двадцатью другими молодыми людьми к площади в Чахуле... Офицер армии убийц [президента] Лукаса Гарсии (Lucas Garcia) приказал выстроить заключенных в линию. Он начал оскорблять жителей деревни и угрожать им, заставив выйти из домов и быть свидетелями происходящего. Я была со своей матерью, и мы видели Патрокино; ему отрезали язык и пальцы ног. Шакал-офицер произнес речь. Каждый раз, когда он делал паузу, солдаты избивали заключенных-индейцев.

К моменту, когда он закончил свою громкую речь, тела моего брата и других заключенных распухли до неузнаваемости, были все в крови. Это чудовищно, и они были все еще живы.

Затем их бросили на землю и облили бензином. Солдаты подожгли несчастных факелами, а капитан смеялся, как гиена, заставляя жителей Чахуля смотреть. Его целью было запугать их зрелищем казни партизан» [34].

В 1992 году Ригоберта Менчу Тум была награждена Нобелевской премией мира.

Фред Шервуд (Fred Sherwood), пилот ЦРУ во время свержения правительства Арбенса в 1954 году, осевший в Гватемале и ставший президентом Американской торговой палаты (American Chamber of Commerce), заявил в своей речи в Гватемале в сентябре 1980 года:

«Почему мы должны быть обеспокоены эскадронами смерти? Они убивали коммунистов, наших врагов. Я бы дал им больше власти. Черт, я бы сам хотел иметь несколько патронов, да и все остальные тоже... Почему мы должны критиковать их? Я за эскадроны смерти... Черт! Мы ждем не дождемся прихода Рейгана. Мы надеемся, что Картер очень скоро канет в Лету... Все мы чувствуем, что он [Рейган] — наш спаситель» [35].

Движение национального освобождения (Movement for National Liberation, MNL) было значимой политической партией. Это была основная партия режима Араны. Выдержка из радиотрансляции речи лидера партии Марио Сандовала Аларкона (Mario Sandoval Alarcon) в 1980 году:

«Я признаю, что Движение национального освобождения — партия организованного насилия. Организованное насилие — это сила, как организованный цвет — пейзаж, а организованный звук — гармония. Нет ничего плохого в организованном насилии, это сила, а Движение национального освобождения — сильное движение» [36].

Марио Сандовал Аларкон и бывший президент Арана («мясник Сакапа») «проводили неделю инаугурации, общаясь со звездами правящих кругов Рейгана», как сообщил обозреватель Джек Андерсон (Jack Anderson). Сандовал, тесно сотрудничавший с ЦРУ в подготовке свержения Арбенса, объявил, что встречался с командой Рейгана и советниками по внешнеполитическим вопросам еще перед выборами. Правые гватемальские лидеры были в восторге от того, что победил Рейган. Они с нетерпением ждали возобновления приятельских отношений между американскими и гватемальскими службами безопасности и бизнесменами, существовавшими до того, как Картер занял свой пост [37].

Но прежде правительство Рейгана должно было смягчить отношение Конгресса США к тому, что называется правами человека. В марте 1981 года,

спустя два месяца после инаугурации Рейгана, госсекретарь Александр Хейг (Alexander Haig) заявил в комитете Конгресса, что существует советский «список первоочередных мероприятий... для окончательного поглощения Центральной Америки». Это были «четыре поэтапно осуществляемые операции», первой из которых стоял «захват Никарагуа». «Затем — Сальвадора, за ним следуют Гондурас и Гватемала», — предостерегал Хейг [38].

Подобная информация — это тип разведданных, которые можно получить из перехваченного секретного документа или от дезертира КГБ. Но происхождение информации не было представлено, и никто из созванных конгрессменов не осмелился задать вопрос об этом.

Два месяца спустя генерал Вернон Уолтерс (Vernon Walters), бывший заместитель директора ЦРУ, во время посещения Гватемалы в качестве специального эмиссара Хейга объявил, что Соединенные Штаты надеялись помочь гватемальскому правительству защитить «мир и свободу» [39].

Во время этого периода гватемальские силы безопасности, официальные и неофициальные, уничтожили по меньшей мере 2000 крестьян — используя обычные приемы пыток, членовредительство и обезглавливание, разрушили несколько деревень, уничтожили 76 представителей оппозиционной Партии христианских демократов, огромное число членов профсоюзов и как минимум шесть католических священников [40].

19 августа 1981 года неопознанные бандиты занимают город Сан-Мигель Акатаан, вынуждают мэра дать им список всех, кто финансировал строительство школы, выбирают пятнадцать человек из списка, включая трех детей мэра, заставляют их рвать себе могилы и расстреливают [41].

В декабре 1981 года Рональд Рейган наконец высказался против правительственные репрессий: он осудил Польшу за уничтожение «движений свободы с помощью грубой силы... Наше правительство и союзники выразили нравственное отвращение в отношении тактики полицейского государства польских угнетателей» [42].

Используя лазейки в законодательстве Конгресса как реальные, так и надуманные, администрация Рейгана за первые два года разрушила сам дух эмбарго: 3,1 миллиона долларов на джипы и грузовики, 4 миллиона на запасные части для вертолетов, 6,3 миллиона долларов на другие виды военного оборудования [43]. Все это было частью публично объявленной помощи. О том, что поставлялось тайно, можно лишь судить по некоторым данным. Так, в августе 1981 года Джек Андерсон заявил, что Соединенные Штаты использовали кубинских эмигрантов для обучения сотрудников службы безопасности в Гватемале. Андерсон пишет, что ЦРУ организовало «секретное обучение тонкостям убийства» [44]. В следующем году было объявлено, что «зеленые береты» обучали гватемальских офицеров тонкостям ведения войны более двух лет [45]. В 1983 году мы узнали, что за предыдущие два года парк вертолетов военно-воздушных сил Гватемалы вырос с 8 до 27 исключительно американских вертолетов и что гватемальские чиновники снова проходили обучение в «Школе Америк» в Панаме [46].

В марте 1982 года переворот привел к власти генерала Эфраина Риоса Монтта (Efrain Rios Montt), «новообращенного христианина». Месяц спустя правительство Рейгана заявило, что почувствовало признаки улучшения в отношении прав человека в стране, и воспользовалось этим случаем, чтобы оправдать посылку военной помощи [47].

Первого июля Риос Монтт объявил осадное положение. Оно продлилось более восьми месяцев. За полгода его правления были уничтожены 2600 индейцев и крестьян. За 17 месяцев его правления было стерто с лица земли более 400 деревень [48]. В декабре 1982 года Рональд Рейган, тоже христианин, решил убедиться в этом лично. После встречи с Риосом Монттом Рейган, говоря об утверждениях о значительных нарушениях в области прав человека, объявил, что гватемальского лидера «незаслуженно обвиняют» [49].

Вот заявление «Гватемальской армии бедных», сделанное в 1981 году, — к тому времени число погибших от рук правительства с 1954 года достигло как минимум 60 тысяч, а сыновья членов «эскадронов смерти» теперь убивали сыновей индейцев, уничтоженных их отцами:

«Гватемальская революция входит в свое третье десятилетие. С тех пор как в 1954 году правительство Хакобо Арбенса было свергнуто, большая часть гватемальского народа пыталась найти решение проблем, которые существовали тогда, а с течением времени только усугубились.

Контрреволюция, движимая американским правительством и теми ее внутренними секторами, которым было поручено сохранить все привилегии богатых, рассредоточила и дезорганизовала народные и демократические силы, выдвинувшие сначала требования экономических, социальных и политических изменений. Эти требования предъявлялись снова и снова любым казавшимся подходящим способом последнюю четверть века и каждый раз получали тот же репрессивный ответ, как и в 1954 году» [50].

Заявление отца Томаса Мелвилла (Thomas Melville), 1968 год:

«Придя к выводу, что реальное положение, состоящее из насилия, недоедания, невежества, болезней и голода гватемальского населения, является прямым результатом капиталистической системы, которая заставляет беззащитного индейца конкурировать с влиятельным и хорошо вооруженным землевладельцем, мой брат [отец Артур Мелвилл] и я решили не быть молчаливыми соучастниками массового убийства, порождаемого этой системой.

Мы начали учить индейцев тому, что никто не защитит их права, кроме них самих. Если правительство и олигархия используют оружие для того, чтобы поддерживать их отчаянное положение, то они тоже обязаны взяться за оружие и защитить данное им Богом право быть людьми.

Нас обвинили в том, что мы и те, кто нас слушает, — коммунисты, а наши религиозные наставники и американский посол [Джон Гордон Мейн] попросили нас покинуть страну. Так мы и сделали.

Но заявляю, что я коммунист, только если Христос был коммунистом. Я сделал то, что сделал, и продолжу это делать ради учения Христа, а не ради Маркса или Ленина. И я также заявляю, что нас много больше, чем церковные иерархи и американское правительство думают.

Когда борьба вырвется наружу, дайте миру знать, что мы делаем это не для Советского Союза, не для Китая или любой другой страны, а для Гватемалы. Таков наш ответ на текущую ситуацию, и не потому, что мы прочли Маркса или Ленина, но потому, что мы прочли Новый Завет» [51].

Постскриптум, небольшая выборка

1988 год. «Гватемала продолжает страдать от наихудших нарушений прав человека в Латинской Америке», — заявил Совет по делам Западного полушария (Council on Hemispheric Affairs) в своем годовом отчете по правам человека в Западном полушарии [52].

1990 год. Гватемальские солдаты на военной базе в Сантьяго-Атитлан открыли огонь по безоружным гражданам, несущим белые флаги. 14 человек убиты и 24 ранены. Люди пришли вместе со своим мэром, чтобы поговорить с военным начальником о постоянных домогательствах со стороны солдат [53].

1990 год. «Соединенные Штаты были разочарованы из-за постоянной коррупции в правительстве президента Винисио Серезо Аревало (Vinicio Cerezo Arevalo), которое, по сообщениям, все более склонялось на сторону вооруженных сил Гватемалы, чтобы поспособствовать экономической и политической стабильности... при этом вооруженные силы обвиняются в нарушениях прав человека и предположительно вовлечены в оборот наркотиков» [54].

Это сообщение прошло в мае. В июне крупный американский бизнесмен, живущий в Гватемале, Майкл Девайн (Michael DeVine), был похищен и почти обезглавлен гватемальскими вооруженными силами, после того как он, очевидно, столкнулся с незаконным оборотом наркотиков, осуществлявшимся вооруженными силами, и/или с другими контрабандными действиями. Администрация Буша, чтобы продемонстрировать гнев общества по поводу убийства, прекратила поставку военной помощи Гватемале, но, как мы позже узнали, тайно позволила ЦРУ предоставлять миллионы долларов военному правительству, чтобы восполнить потерю. Ежегодная плата в размере от 5 до 7 миллионов долларов продолжала поступать и при Клинтоне.

1992 год. В марте гватемальский партизанский лидер Эфраин Бамака Веласкес (Efrain Bamaca Velasquez) был захвачен, после чего исчез. В течение следующих трех лет его американская жена — адвокат Дженифер Хэрбери (Jennifer Harbury) вела активную международную кампанию, включая покатительную голодовку в городе Гватемала (почти до смерти) и в Вашингтоне, а чтобы оказать давление на гватемальское и американское правительства и получить информацию о судьбе мужа. Оба правительства настаивали на том, что они ничего не знают. Наконец, в марте 1995 года конгрессмен Ро-

берт Торричелли (Robert Torricelli) из Комиссии палаты представителей по разведке сообщил, что Бамаку пытали и казнили в год его похищения и что он, как и Девайн, был убит по приказу полковника Хулио Роберто Альпиреса (Julio Roberto Alpirez), «выдающегося» выпускника «Школы Америк» в Форт-Бенningе (Fort Benning), который в течение нескольких лет получал финансирование от ЦРУ.

Факты, связанные с этими случаями, были известны ЦРУ, чиновникам Государственного департамента и Совета национальной безопасности как минимум за несколько месяцев до их раскрытия. Заявление Торричелли побудило нескольких других американцев выступить с рассказами об убийствах, насилии и пытках родственников или их самих, совершенных гватемальскими военными. Сестра Диана Ортис (Dianna Ortiz), монахиня, рассказала, как в 1989 году она была похищена, как ее кожу прожигали сигаретами, как ее неоднократно насиловали и погружали в яму, наполненную трупами и крысами. «Казалось, главным там был светлокожий человек, говоривший с американским акцентом», — сказала она [55].

38. Коста-Рика, 1970–1971

В ПОПЫТКЕ СВЕРГНУТЬ СОЮЗНИКА

Часть II

Хосе Фигерес (Jose Figueres), трижды возглавлявший правительство Коста-Рики, всегда был практически недосягаемой — казалось, даже невозможной — мишенью для Соединенных Штатов. Он был истинным американофилом: свободно говорил по-английски, образование получил в Массачусетском технологическом институте, читал лекции в Гарварде и других американских университетах, имел хорошие связи в американских интеллектуальных кругах, особенно с семейством Кеннеди, являлся почетным членом организации «Американцы за демократические действия» (Americans for Democratic Action). Фигерес обычно упоминался как «выдающийся друг» Соединенных Штатов и долгое время ассоциировался с ЦРУ во множестве их операций и подставных организаций в Латинской Америке. К тому же обе жены Фигереса были американками.

Тем не менее ЦРУ попыталось свергнуть Фигереса во время его правления в 1950-х, дважды пыталось его убить (см. главу 11) и, возможно, предприняло еще одну попытку свергнуть его в 1970-х.

Для либеральных политических фигур Америки Фигерес был типичным «либеральным демократом» — типом государственного деятеля, о котором им нравилось думать. Им также хотелось, чтобы мир думал о нем как о естественном партнере американской внешней политики, а не как о военном диктаторе, какие без конца появляются по всему миру в качестве союзников США.

Американским консерваторам Фигерес казался сомнительным союзником: если он и не был фактически коммунистом, то как минимум не в полной мере осознавал природу и роль международного коммунистического заговора и, следовательно, давал коммунистам слишком много пространства для маневра.

Вскоре после того как Фигерес был переизбран президентом в мае 1970 года, он начал «наводить мосты» с коммунистическим блоком. Коста-Рика стала первой страной Центральной Америки, установившей дипломатические отношения с Советским Союзом и Восточной Европой.

«Это дипломатическое признание никоим образом не затрагивает нашу лояльность по отношению к Соединенным Штатам или к демократии, — убеждал Фигерес. — Люди устали от холодной войны. Россия управляет половиной Европы, а мы хотим заставить русских пить кофе [основной продукт экспорта Коста-Рики] вместо чая» [1].

За предыдущие два года Советский Союз приобрел у Коста-Рики кофе на 10 миллионов долларов, что было воспринято как «экономическое наступление», которое, судя по сообщениям, «потревожило официальных представителей США» [2].

Эрл (Тед) Уильямсон (Earl (Ted) Williamson), официально считавшийся первым секретарем американского посольства в Сан-Хосе, а на самом деле глава резидентуры ЦРУ, как-то на вечеринке заявил, что правительство Фигереса долго не продержится. Он открыто высказывался против стремления президента «наводить мосты».

Коста-риканские чиновники узнали о комментариях Уильямсона, как и о его тесной связи с консервативными политическими противниками Фигереса, а также об опрометчивых замечаниях его настроенной против режима Кастро кубинской жены относительно предполагаемого марша страны в сторону коммунизма. Уильямсон, служивший на Кубе до революции и женившийся там на племяннице богатого сахарного барона, был также обвинен в конфискации и уничтожении некоторой марксистской литературы, провозимой через аэропорт Коста-Рики. Его вина была обусловлена ведением «программы технической помощи ЦРУ в области безопасности».

К осени коста-риканское правительство было вынуждено сделать неофициальное предложение через отдел Коста-Рики Государственного департамента в Вашингтоне об отстранении Ульямсона. Прошение было проигнорировано.

17 декабря один рыбак сообщил о таинственном судне, которое выгрузило «длинные деревянные ящики» на одном из отдаленных коста-риканских пляжей. Судно называлось «Уолтхэм» (Waltham), а позже коста-риканское правительство получило информацию, что оно было зарегистрировано в «комерческом отделе Государственного департамента США». Достоверность этой информации никогда не проверяли, однако департамент торговли США на тот момент действительно владел 455-футовым судном под названием «Уолтхэм Виктори» (Waltham Victory).

Сначала сообщалось, что в ящиках находилось оружие. Однако впоследствии распространилась информация, что это был выгруженный на берег контрабандный виски.

Газета «Майами геральд» (Miami Herald) первой опубликовала эту информацию с комментарием: «История с контрабандой, по всей видимости, была

распространена с целью рассеять слухи о государственном перевороте». Будучи американофилом, Фигерес, вероятно, стремился сгладить противоречие, которое, должно быть, его очень смущало. Однако три конгрессмена из его партии, не обремененные подобными чувствами, опубликовали заявление, в котором обвинили ЦРУ в том, что оно имело отношение к перемещению судна и предполагаемой отгрузке оружия.

К началу января 1971 года коста-риканское правительство серьезно опасалось восстания и вновь обратилось к администрации Никсона с просьбой отозвать Уильямсона: тот давал публичные прогнозы, что правительство Фигереса не продержится и двух недель.

Гражданская гвардия (*Guardia Civil*), единственные вооруженные силы Коста-Рики, была приведена в готовность, а Фигереса было решено вывезти из столицы и укрыть в горах. По запросу Фигереса правительство Панамы тайно передало в Коста-Рику более сотни полуавтоматических винтовок.

Как сообщалось, на протяжении всего этого времени в американском посольстве в Сан-Хосе шла серьезная борьба между либералами и консерваторами. Возможно, самым консервативным наряду с Уильямсоном был посол Уолтер Плозер (*Walter Ploeser*), политический ставленник Никсона с солидной историей антикоммунистической деятельности. Плозер рьяно защищал Уильямсона и, как говорили, не приложил никаких усилий, чтобы обуздить выплески эмоций сотрудников ЦРУ в отношении Фигереса. В то же время Плозер уволил директора Агентства США по международному развитию (*USAID*) в Коста-Рике Лоуренса Харрисона (*Lawtence Harrison*), который был сторонником Фигереса. По сообщениям, эти два чиновника столкнулись в борьбе за приоритеты, при этом Плозер хотел увеличить объем военной помощи, хотя Коста-Рика не испытывала в этом потребности, и сократить объем американской экономической помощи стране.

Официальные телеграммы в Вашингтон из посольства Плозера описывали ситуацию в Коста-Рике как «опасную». Фигереса обвиняли в том, что он отвернулся от Запада и повернулся в сторону Востока, так как принял финансовую помощь от коммунистов для своей предвыборной кампании и разрешил коммунистам проникнуть в его правительство [3].

В феврале Вашингтон наконец отозвал Уильямсона. Коста-риканские чиновники надеялись и ожидали, что Плозер также будет заменен, как только это можно будет сделать с учетом общепринятых дипломатических приемов по спасению престижа. Но Плозер задержался на своем посту на целый год, прежде чем уйти в отставку по «личным обстоятельствам».

Объявление об отъезде Уильямсона было, возможно, ускорено тем фактом, что несколькими днями ранее подкомитет по межамериканским делам палаты представителей США провел брифинг для детального изучения вопроса. Но конгрессмены не собирались никого разоблачать. После заслушивания свидетельств обоих представителей Госдепартамента комитет объявил, что все это было большим недоразумением из-за «личностных конфликтов» в посольстве, «последствия» которых вышли за пределы стен, как и «сверх-

усердные действия» некоторых американских чиновников — имена остались закрытыми, как и все услышанное на этом брифинге [4].

В тот же день «Майами геральд» в редакционной статье писала: «Предельно ясно... что в такой небольшой стране, как Коста-Рика, посольство Соединенных Штатов имеет серьезную власть и влияние. Любое посольство, которое даже тихо роняет слово о том, что оно против правительства, может стимулировать оппозицию и, возможно, даже вдохновить ее на свержение этого правительства. Открытая антипатия практически запрашивает свержение» [5].

39. Ирак, 1972–1975

НЕ ПУТАЙТЕ СЕКРЕТНУЮ ОПЕРАЦИЮ С МИССИОНЕРСКОЙ РАБОТОЙ

Длинная рука ЦРУ достигла земли древней Месопотамии, и курдские народы в горных массивах Загрос и Тавр, которые еще несколько десятилетий назад вели жизнь кочевников, присоединились к списку клиентов Управления.

В мае 1972 года президент Ричард Никсон и его советник по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджер отправились в Советский Союз на встречу со своими российскими коллегами. Позже на пресс-конференции в Москве Киссинджер заявил, что две страны согласились попытаться разрядить напряженные отношения на Ближнем Востоке «и сделать все возможное для достижения всеобщего урегулирования... Такое урегулирование также способствовало бы ослаблению гонки вооружений в той области... С нашей стороны, — добавил он, — я могу сказать, что мы попытаемся осуществить эти принципы в духе, в котором они были провозглашены» [1].

Киссинджер и Никсон были движимы этим «духом» на протяжении, возможно, 24 часов. По пути домой они остановились в Тегеране, чтобы навестить своего друга — иранского шаха. Казалось, Иран и Ирак возобновили свою постоянную вражду — разногласия в отношении границы и т. п., — и шах попросил у своего приятеля Ричарда оказывать ему небольшую услугу. Не мог бы он помочь вооружить борющихся за автономию курдов в Ираке? Накалить ситуацию, чтобы истощить иракские ресурсы и отвлечь их от Ирана? [2]

«Все, что угодно, для друга и преданного союзника», — говорил Ричард Никсон за две недели до Уотергейтского скандала, пока еще на вершине благополучия.

Шах вполне мог вооружить курдов самостоятельно, что он фактически и делал в некоторой степени, но курды не доверяли ему. Они доверяли Соединенным Штатам и хотели быть вооружены ими. Несколько лет спустя коми-

тет Конгресса, известный как Комитет Пайка, расследовавший секретные операции ЦРУ (Pike Committee; названный по имени председателя, Комитет конгрессмена Пайка был в палате представителей эквивалентом Комитета сенатора Черча в Сенате США. — Прим. ред.), установил: «США действовали как гарант того, что курды не будут в скором порядке брошены шахом» [3].

ЦРУ полезло на свои склады, и вскоре советское и китайское стрелковое оружие и винтовки с миллионами патронов отправились в руки курдских мятежников. Коммунистическое происхождение оружия служило стандартным средством стандартного принципа «убедительного опровержения» (plausible denial). В конечном счете, военная помощь составила приблизительно 16 миллионов долларов.

Курды — обособленная этническая группа, мусульмане, но, в отличие от большинства других иракцев, не арабы. Проживали они в основном в Турции, Иране, Ираке и Сирии. В течение многих десятилетий иракские курды периодически вели боевые действия против правительства за «автономию» — понятие, которое было не очень четко ими определено и, возможно, несколько не дотягивало до понятия независимого государства.

Политическая история иракских курдов в их недалеком прошлом являла собой сложную мозаику. Десятью годами ранее они были в союзе с иракской коммунистической партией, настолько близком, что, когда правящая партия «Баас» начала преследовать коммунистов, они нашли убежище среди курдов. Курдский лидер Мустафа аль-Барзани прожил дюжину из своих семидесяти лет в Советском Союзе и владел русским языком. Но теперь, в 1972 году, коммунисты были союзниками «Баас» в стремлении подавить «империалистического агента Барзани», а курдская пропаганда делала акцент на военной поддержке иракского правительства Советским Союзом, также утверждая, что русские бомбили курдов. В то же время курды позиционировали себя как социал-демократы европейского типа и дошли до того, что обратились с просьбой о приеме в Социалистический интернационал [4]. Тем не менее Барзани часто повторял, что он «не доверяет никакой другой власти», кроме власти Соединенных Штатов, и утверждал, что если дело пойдет успешно, то курды «станут 51-м штатом США» [5]. Все это вдобавок к стремлению установить мусульманское общество.

В октябре 1973 года, когда произошла атака на Израиль в дни праздника Йом-Кипур, Ирак был в роли союзника Египта и Сирии. Курды были готовы пойти в наступление по предложению Израиля — наступление, выгодное для них самих и для Израиля, поскольку отвлекало от него силы иракской армии. Но Киссинджер не позволил курдам двигаться в этом направлении. 16 октября по его распоряжению ЦРУ послало им телеграмму: «Мы не считаем целесообразным для вас предпринимать наступательные военные действия, которые вам предложил Израиль». Курды повиновались [6].

В отчете Комитета Пайка этот инцидент расценивался как пример очевидной политики «без победителей», которую проводили Соединенные Штаты и Иран. Комитет заявил:

«Прогрессивно ухудшающееся положение курдов отразило факт, что ни одна из стран, которые помогали им, не хотела, чтобы они претворили в жизнь свою цель достижения автономного государства. Записка ЦРУ от 22 марта 1974 года четко отражает позицию Ирана и Соединенных Штатов: «Мы считаем, что Иран не одобрит установление формализованного автономного правительства. Иран, как и мы, видит преимущество в патовости ситуации... в которой Ирак будет ослаблен отказом курдов оставить [их] полуавтономию. Ни Иран, ни мы не хотим разрешения данного вопроса каким бы то ни было образом» [7].

«Эта политика, — сказано в отчете, — не была раскрыта нашим клиентам, которым было рекомендовано продолжать борьбу. Даже в контексте секретной операции с нашей стороны это было циничным предприятием» [8].

На следующий день после отправки упомянутой выше служебной записи ЦРУ, 23 марта 1974 года, советский министр обороны Андрей Гречко, который подружился с Барзани, когда тот жил в Советском Союзе, прибыл в Ирак, чтобы помочь правительству урегулировать ситуацию с курдами. Однако по совету Ирана и Соединенных Штатов Барзани отказался от любых соглашений [9]. Ранее в том же месяце иракское правительство фактически приняло закон, предлагающий курдам ограниченную автономию, но они отклонили это — по просьбе «союзников» или нет, неизвестно.

Комитет Конгресса обнаружил, что «ЦРУ заранее располагало информацией, согласно которой шах собирался бросить курдов, как только он придет к соглашению с Ираком по пограничным спорам». В документах Управления отражалось отношение шаха к курдам как к «размненной карте» в этом споре с Ираком, а служебная записка ЦРУ характеризовала курдов как «уникально полезный инструмент для ослабления потенциала Ирака в международных авантюрах» [10].

Под последним обвинением, вероятно, имелось в виду решение Ирака подписать договор о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом в апреле 1972 года, согласно которому Ирак получал военную помощь и предоставлял советскому военно-морскому флоту привилегии в порту. Затем, в июне, невероятно богатый нефтью Ирак национализировал западный консорциум «Ирак петролеум компани» (Iraq Petroleum Company), принадлежавший США на 23,75 процента, — жест, который СССР тепло приветствовал и после которого две страны пришли к торговому и экономическому соглашению [11].

Но нефть объединила Иран и Ирак. В 1973 году шах хотел закрепить соглашение Ирана с Организацией стран — экспортёров нефти (ОПЕК), и ключевым стимулом для Ирака и других арабских соседей была готовность Ирана обмануть курдов, многим доставляющих неприятности [12]. Ни одна из арабских стран не хотела, чтобы их собственные национальные меньшинства заразились какими-либо ненужными идеями в случае успеха курдской идеи.

Только в марте 1975 года шах был готов начать действовать. События разывались стремительно. Шах встретился с вице-президентом Ирака, после чего Иран прервал все поставки курдам, включая американские. На следу-

ющий день иракцы развязали свое самое мощное наступление. Несколько дней спустя ошеломленные курды направили полное отчаяния сообщение в ЦРУ: «Беспорядок и тревога царят среди наших людей и сил. Судьбы наших людей в беспрецедентной опасности. Полное разрушение нависло над нашей головой. Этому нет никакого объяснения. Мы обращаемся к вам и правительству Соединенных Штатов с просьбой вмешаться, согласно данным вами обещаниям» [13].

В тот же день курды также обратились к Киссинджеру:

«Ваше Превосходительство, всегда веря в мирное решение споров, включая существующие между Ираном и Ираком, мы рады видеть, что эти две страны пришли к некоторому соглашению... Однако наши сердца кровоточат при виде того, что непосредственным побочным продуктом их соглашения является уничтожение наших беззащитных людей... Наше движение и люди уничтожаются невероятным способом без какой-либо огласки. Мы чувствуем, Ваше Превосходительство, что Соединенные Штаты несут моральную и политическую ответственность по отношению к нашим людям, которые руководствуются принципами вашей страны» [14].

Несчастные курды не получили ответа на свои просьбы ни от ЦРУ, ни от Генри Киссинджера. К концу месяца их силы были уничтожены. Несколько сотен курдских лидеров были казнены.

В заключении отчета Пайка отмечалось:

«Более 200 тысяч беженцев смогли бежать в Иран. Но ни Соединенные Штаты, ни Иран не увеличили количество гуманитарной помощи. К тому же впоследствии Иран должен был насильственно вернуть более 40 тысяч беженцев, и правительство Соединенных Штатов не приняло ни одного беженца посредством предоставления политического убежища, хотя они имели на это право» [15].

В ходе интервью аппарату Комитета Пайка о роли Соединенных Штатов в этой мелодраме Генри Киссинджер произнес ныне известное изречение: «Не путайте секретную операцию с миссионерской работой» [16].

40. Австралия, 1973–1975

ЕЩЕ ОДНИ СВОБОДНЫЕ ВЫБОРЫ НАКРЫЛИСЬ

Когда политбюро сместило с поста лидера коммунистической страны, это стало, по западному пониманию, подтверждением тоталитаризма или в лучшем случае авторитарии коммунистической системы. Но как тогда мы должны расценить тот факт, что в 1975 году Эдвард Гоф Уитлэм (Edward Gough Whitlam), законно избранный премьер-министр Австралии, был бесцеремонно уволен отдельно взятым неизбранным лицом, действующим под титулом генерал-губернатора?

Уитлэм занял свой пост первого за 23 года лейбористского правительства Австралии в декабре 1972 года. Тем самым он незамедлительно начал доказывать оппозиционным партиям правильность их исторического предсказания, что власть лейбористов будет «безответственной и опасной» [1]. Но для кого? Это, конечно, всегда оставалось вопросом.

Позиция нового правительства по войне во Вьетнаме была первым тому примером. Австралийские военные, служившие там под командованием офицеров Соединенных Штатов, были отзваны домой, воинская повинность отменена, а молодые люди, заключенные в тюрьму за отказ проходить военную службу, освобождены [2]. Кроме того, правительство Уитлэма признало Северный Вьетнам, а несколько его министров публично осудили бомбардировку американцами Ханоя и призывали проводить против этого митинги. Протестующие портовые рабочие собирались временно бойкотировать американское транспортное судоходство, но эту последнюю инициативу Уитлэм не поддержал [3].

Осуждение министрами-лейбористами президента Никсона и его администрации звучало крайне недипломатично: «коррупция»... «маньяки»... «серийные убийцы»... Это лишь некоторые из эпитетов, брошенных австралийскими лейбористами в адрес Вашингтона. Американские чиновники, как сообщалось, были «шокированы и возмущены» [4].

Внешняя разведка Австралии (Australian Secret Intelligence Service, ASIS), как оказалось, сотрудничала с ЦРУ в Чили против правительства Альенде. В начале 1973 года Уитлэм приказал немедленно приостановить операцию, хотя во время падения Альенде в сентябре австралийская разведка, по имеющимся сведениям, все еще сотрудничала с ЦРУ [5].

Лейбористское правительство показало, что оно непричастно также и к играм службы безопасности у себя в стране. Уитлэм немедленно дал понять, что не хотел, чтобы его люди подверглись стандартным процедурам проверки на безопасность, потому что знал их и доверял им. Австралийская служба безопасности и разведки (Australian Security and Intelligence Organization, ASIO) была озабочена таким неортодоксальным заявлением и поставила в известность своих коллег из ЦРУ, работавших в Австралии. В Вашингтон полетели телеграммы. Вскоре сотрудник политического отдела американского посольства сообщил Ричарду Холлу (Richard Hall), одному из советников Уитлэма: «Ваш премьер-министр только что уничтожил одну из своих возможностей» [6]. Холл расценил замечание как угрозу обрубить поступление разведывательной информации. Под давлением Америки и ASIO или без него, но Уитлэм вскоре после этого согласился с проверками на безопасность.

Новое правительство также положило конец дискриминации иммигрантов, которым отказывали в гражданстве по причине их выступлений против военных хунт в таких местах, как Греция и Чили [7]. Сотрудникам службы безопасности, в свою очередь, очень не понравилось поведение генерального прокурора, который в марте 1973 года без предупреждения явился с полицией в штаб-квартиру ASIO и вывез оттуда некоторые документы, подозревая, что разведывательная служба скрывала от него информацию. По всей вероятности, ASIO сознательно утаивала информацию от собственного правительства, как это делается во многих других странах. Единственное различие состояло в том, что лейбористское правительство отказывалось принимать это как норму.

Несколько лет спустя после отставки Уитлэма, в 1973 году, Джеймс Энглтон (James Angleton), высокопоставленный офицер ЦРУ, непосредственно связанный с работой разведки в Австралии, жаловался австралийскому телевизионному интервьюеру, что «генеральный прокурор вмешивается в дела, и мы были очень заинтересованы в неприкосновенности этой информации, которая могла поставить под угрозу источники, методы и даже человеческие жизни». В ЦРУ, сказал он, всерьез задумывались о разрыве отношений по линии разведки с Австралией [8].

Из-за нестандартных методов руководства правительством, которые практиковал Уитлэм, ЦРУ стало беспокоиться за безопасность и деятельность своих многочисленных военных и разведывательных объектов в Австралии. По стандартам ЦРУ, это была очень важная система, предоставляющая работу тысячам людей: жизненно важный элемент системы раннего предупреждения; ключевая станция слежения в глобальной системе разведывательных спутников Соединенных Штатов для фотографирования и контроля действий на территории Советского Союза; американская военно-морская станция для

связи с ядерными субмаринами; огромный центр электронного контроля, созданный американским Управлением национальной безопасности (National Security Agency, NSA) для перехвата голосовых, телексных и других сообщений, поступавших в Австралию и Тихоокеанский регион и отправляемых оттуда, — то есть прослушивание всех и вся [9].

Большая часть всего этого была построена в конце 1960-х годов и действовала в такой секретности, что лишь немногие высшие чины Министерства иностранных дел Австралии были проинформированы, какая именно деятельность происходила в тех зданиях на широких просторах Австралии, а связь с ЦРУ никогда не признавалась официально.

После того как лейбористская партия пришла к власти, некоторые ее члены решительно критиковали наличие секретных объектов. Они все настоятельнее требовали официального объяснения наличия подобных объектов и время от времени даже голосовали за их удаление. Это решение не было выполнено, потому что члены правительства Уитлэма, при всей своей радикальной позиции, не собирались уходить в политически нейтральную зону и разрывать связь с Западом. При случае они говорили о нейтралитете и неприсоединении, но были готовы довольствоваться просто независимостью. Это было то же, чего хотели и отец, и сын Папандреусы (Papandreous), прежде чем они были смешены в Греции — еще одной площадке для американского электронного государства в государстве. В таких случаях национальные военные и спецслужбы, как правило, демонстрируют больше лояльности по отношению к своим американским коллегам, чем к собственному «правительству сегодняшнего дня».

В 1976 году расследование, предпринятое Королевской комиссией Австралии по разведке и безопасности, заключило, что в течение многих лет члены ASIO предоставляли в ЦРУ информацию об известных австралийских политиках и правительственный чиновниках, что потенциально наносило вред стране. По имеющимся данным, характер информации варьировался от обвинений в подрывных намерениях до подробностей о личных слабостях [10].

Кроме того, позже обнаружилось, что помимо Чили австралийская разведка содействовала американским операциям во Вьетнаме, Камбодже и Индонезии [11].

Правительство Уитлэма демонстрировало свою независимость везде, где только могло. В 1973 году Уитлэм раскрыл существование в Сингапуре подразделения Управления связи Министерства обороны Австралии (Defence Signals Directorate, DSD), еще одной игрушки ЦРУ и ASIO времен холодной войны, контролировавшей военный и гражданский радиообмен в Азиатском регионе (Управление связи Министерства обороны Австралии сопоставимо с американским Агентством национальной безопасности, NSA, и Управлением правительенной связи Великобритании, GCHQ). Позже австралийский премьер-министр упразднил это подразделение в Сингапуре, хотя частично восстановил его в Австралии. Правительство также выразило свое неодобрение американским планам создания на острове Диего-Гарсия в Индийском

океане еще одной военной, разведывательной и ядерной базы [12]. В феврале 1975 года конференция лейбористской партии проголосовала за то, чтобы позволить временному революционному правительству Вьетнама — вьетнамским антиимпериалистическим силам — открыть свое представительство в Австралии. Это было до падения Сайгона.

«К концу 1974 года, — пишет Джоан Кокседж (Joan Coxsedge), член парламента от лейбористской партии в штате Виктория, — почти каждый шаг правительства Уитлэма или отдельных лейбористских парламентариев, будь то ведомственное решение, назначение персонала, международная телеграмма, телекс, телефонный звонок или конфиденциальное письмо, быстро становился достоянием средств массовой информации. Проводилась беспрецедентная кампания личностного понижения, намеков на некомпетентность, разногласия, коррупцию и частные скандалы внутри правительства» [13].

Обстановка достигла точки кипения осенью 1975 года. Уитлэм уволил руководителей обеих спецслужб, ASIO и ASIS, по разным причинам — последнего потому, что служба под его руководством тайно помогала ЦРУ в секретных операциях в соседнем Восточном Тиморе [14]. Затем в начале ноября, и об этом писалось в прессе, выяснилось, что бывший сотрудник ЦРУ Ричард Ли Сталлингс (Richard Lee Stallings) направлял денежные средства Дж. Дугласу Энтони (J. Douglas Anthony), лидеру Национальной аграрной партии, одной из двух главных оппозиционных партий. Сообщалось, что Сталлингс был близким другом Энтони и когда-то снимал у него квартиру и что секретные объекты в отдаленных районах действительно создавались ЦРУ, а Сталлингс был первым руководителем значительной части операции [15].

Годом ранее австралийский политический журналист Рей Эйчисон (Ray Aitchison) опубликовал книгу под названием «Глядя на либералов» (Looking at the Liberals; либеральная партия, другая важная оппозиционная партия, в действительности была довольно консервативной). В книге он пишет, что ЦРУ предложило оппозиции неограниченные средства для борьбы против лейбористской партии на парламентских выборах в мае 1974 года — что не спасло либералов от проигрыша [16]. Впоследствии одна сиднейская газета сообщила, что либералы получали деньги от ЦРУ с конца 1960-х годов, сославшись при этом на слова бывшего офицера ЦРУ Виктора Марчетти (Victor Marchetti), который подтвердил, что ЦРУ финансировало основные оппозиционные партии [17].

Уитлэм публично повторил обвинения в адрес Сталлингса и настоял на исследовании секретных объектов, чтобы раз и навсегда определить их истинную природу и назначение. Правительство серьезно интересовал вопрос, являются ли они частью системы вооружения. Одновременно Уитлэм потребовал список всех сотрудников ЦРУ в Австралии.

Австралийский военно-разведывательный комплекс, кажется, активно подстегивали к действию. 6 ноября глава министерства обороны встретился

с генерал-губернатором сэром Джоном Керром (sir John Kerr), после чего публично объявил: «Сейчас как никогда прежде национальная безопасность находится в состоянии величайшего риска» [18].

8 ноября другой высокопоставленный чиновник провел встречу с Керром и проинформировал генерал-губернатора об утверждениях ЦРУ, что Уитлэм якобы ставит под угрозу безопасность американских баз в Австралии [19]. В тот же день ЦРУ сообщило представителям ASIO в Вашингтоне, что все связи с Австралией по линии разведки будут приостановлены, если не будет получено удовлетворительного разъяснения по поводу поведения господина Уитлэма [20]. ЦРУ уже выражало сомнения относительно доведения разведывательной информации до сведения определенных министров [21].

Если бы Австралия являлась страной третьего мира, то ЦРУ, вероятно, уже давно отправило бы ее правительство паковать вещи.

9 ноября Керр посетил Управление связи министерства обороны еще для одного брифинга [22]. На следующий день представительство Австралийской службы безопасности и разведки (ASIO) в Вашингтоне по требованию ЦРУ направило телекс в свой штаб в Австралии, в котором говорилось, что «ЦРУ не понимает, к чему еще может привести такой диалог со ссылками на ЦРУ, кроме как к раскрытию правды об этих объектах» [23]. Кроме Сталлингса в прессе появились также имена его преемников — старших офицеров ЦРУ — и резидента ЦРУ в Канберре.

Керр, поклонник мира шпионажа, регулярно читавший секретные материалы, по всей вероятности, знал о телексе ASIO и ультиматуме ЦРУ [24]. 11-го числа он уволил Уитлэма с поста премьер-министра, распустил обе палаты парламента и назначил Малколма Фрейзера (Malcolm Fraser), лидера либеральной партии, главой временного правительства до проведения выборов 13 декабря. В часы между назначением Фрейзера и роспуском парламента лейбористское большинство в палате представителей сумело протолкнуть вотум недоверия в отношении Фрейзера, что, в свою очередь, вынудило генерал-губернатора уволить лидера либералов. Керр принял решение проигнорировать этот бюрократический маневр, хотя увольнение Уитлэма было не менее бюрократическим.

15 октября контролируемый оппозицией Сенат отказался голосовать за принятие закона о новых бюджетных расходах, чтобы вынудить правительство распустить парламент и провести новые выборы, надеясь таким образом вернуть власть. Хотя конституция давала Сенату техническое право воздержаться от одобрения бюджета, оно редко интерпретировалось буквально, как это делается в Соединенных Штатах. Большее значение имел прецедент, но за всю 75-летнюю историю существования Австралии как федерации Сенат ни разу не осуществлял это право в отношении федерального правительства. Только за несколько дней до этих событий восемь ведущих профессоров права публично объявили, что подобное действие было ненадлежащим с точки зрения конституции. Таким образом, тактика оппозиции была, по крайней мере, спорной.

Когда Уитлэм отказался распускать парламент и попытался управлять без бюджета, в стране стал уверенно нарастать конституционный и финансовый кризис. Тогда Керр прибегнул к полномочию, столь же архаичному и сомнительному, как то, которым наделил себя Сенат: впервые генерал-губернатор увольнял федерального премьер-министра — на государственном уровне такое имело место только однажды [25].

В мельбурнской газете «Эйдж» (Age), которую «Нью-Йорк таймс» однажды охарактеризовала как «наиболее достойную доверия национальную газету» [26], говорилось, что действие Керра стало «торжеством узкой законности над здравым смыслом и чувствами общества». И далее:

«Свергая правительство по причине того, что Сенат отказал ему в бюджете (поставках), сэр Джон Керр действовал как минимум против духа австралийской конституции. С 1901 года действовал твердый принцип, что Сенат не должен отклонять бюджеты... Сэр Джон создал удивительный прецедент, что враждебно настроенный Сенат может отстранить правительство всякий раз, когда отказывает ему в принятии бюджета. [Керр] вернул к жизни старую конституционную традицию: право королей и королев единолично назначать правительство» [27].

Кабинет генерал-губернатора традиционно являлся кабинетом номинального главы — представителя королевы Англии. Решение Керра, однако, представляло собой акт политического расчета. Прежде чем уволить Уитлэма, он не предупредил его и не поставил ультиматум, не предоставил ему возможности попросить о роспуске парламента, что позволило бы ему остаться при исполнении обязанностей. Нужно прочитать отчет Керра о его конфронтации с Уитлэном, чтобы оценить то, как он умудрился вывести премьер-министра из кабинета генерал-губернатора без прошения о роспуске. Керр утверждает, будто воздержался от ультиматума Уитлэму, потому как боялся, что премьер-министр уйдет в отпуск и попросит королеву убрать с поста генерал-губернатора [28]. Но он не объясняет, почему не поставил Уитлэму ультиматум, на который тот должен был ответить немедленно.

Керр был назначен королевой, по крайней мере в теории. И рекомендовал ей кандидатуру Керра не кто иной, как Уитлэм, вопреки желаниям левого крыла его партии. Благодаря Керру Уитлэма стали считать человеком, плохо разбирающимся в людях, человеком, которого можно легко обвести вокруг пальца.

Конечно, имелись и предупредительные знаки, поскольку Джон Керр в течение многих лет был тесно связан с ЦРУ. В 1950-х годах он вступил в Австралийскую ассоциацию за свободу культуры (Australian Association for Cultural Freedom), детище Конгресса за свободу культуры (Congress for Cultural Freedom), созданную ЦРУ (см. главу 15). В 1957 году Керр стал членом исполнительного органа этой организации и сотрудничал в ее журнале «Квадрант» (Quadrant). Одна статья, написанная в 1960 году, называлась «Борьба против коммунизма в профсоюзах». В ней излагались программа

и тактика, которым, как мы уже видели, ЦРУ придавало первостепенное значение во всем мире.

В 1966 году Керр помог основать организацию «Закон Азии» (Lawasia или Law Asia), объединявшую юристов стран Дальнего Востока и финансируемую фондом «Азия» (Asia Foundation). На протяжении более десяти лет этот фонд являлся одной из самых видных организаций ЦРУ, с офисами и представителями во всех крупнейших столицах Азии. Одна из его главных миссий, как писал Виктор Марчетти, состояла в том, чтобы «распространить повсюду в Азии отрицательное отношение к Китаю, Северному Вьетнаму и Северной Корее» [29]. Керр стал первым президентом «Закона Азии» и занимал эту должность вплоть до 1970 года. Он описывает организацию как «некоммунистическую группу азиатских юристов», которую поддерживает фонд «Азия», потому что «верховенство закона — это хорошая штука, сильная юриспруденция — хорошая штука и разговор между юристами — хорошая штука» [30].

Когда Керр уволил Уитлэма, «в ЦРУ был настоящий праздник», сообщает Кристофер Бойс (Christopher Boyce), американец, который работал в то время на фирму TRW Systems, Inc., Лос-Анджелес, в шифровальном отделе центра связи в Австралии, соединявшего штаб-квартиру ЦРУ в штате Вирджиния с объектом спутниковой системы наблюдения ЦРУ в Австралии. В обязанности Бойса входило обеспечение телексной связи между этими двумя объектами. Как он выразился, ЦРУ относилось к Керру как к своему человеку [31].

Бойс также сообщил, что ЦРУ проникало в австралийские профсоюзы, «управляло их лидерами» и «подавляло их забастовки», особенно те, в которых участвовали железнодорожники и работники аэропортов, так как из-за этого задерживались поставки оборудования на базы ЦРУ. Некоторые профсоюзы также были настроены против американских объектов [32].

Сложилось так, что Уитлэм потерпел поражение на новых выборах.

Еще одна операция ЦРУ в Австралии заслуживает внимания. Это банк «Нугэн Хэнд» в Сиднее (Nugan Hand Bank), настоящий банк ЦРУ. Банк был основан в 1973 году австралийцем Фрэнком Нугэном (Frank Nugan) и американцем Майклом Хэндом (Michael Hand), бывшим «зеленым беретом», отслужившим во Вьетнаме и в авиакомпании ЦРУ «Эйр Америка» (Air America). Банк демонстрировал феноменальный рост с первых лет создания. Его филиалы открывались в Саудовской Аравии, Гамбурге, Малайзии, Таиланде, Гонконге, Сингапуре, на Филиппинах, в Аргентине, Чили, на Гавайях, в Вашингтоне и Аннаполисе в штате Мэриленд, а руководили ими люди от ЦРУ, «зеленых беретов» и из аналогичных сфер профессиональной банковской деятельности. Бывший директор ЦРУ Уильям Колби (William Colby) был одним из поверенных юристов банка.

Банк «Нугэн Хэнд» преуспел в том, что расширил область стандартных банковских услуг. Наряду с прочими операциями среди них были: незаконный оборот наркотиков, международная торговля оружием, связи с организован-

ной преступностью, отмывание денег для Президента Индонезии Сухарто, неспецифические услуги для Президента и госпожи Маркос с Филиппин, оказание помощи семейству шаха Ирана в переводе денег из Ирана. Кроме того, через этот банк направлялись деньги ЦРУ в проамериканские политические партии и на финансирование операций в Европе, было передано 2,4 миллиона долларов для Либеральной партии Австралии через одно из множества дочерних предприятий банка. Предпринимались попытки шантажировать одного из государственных министров Австралии, который расследовал организованную преступность (на его имя ЦРУ открыло счет в швейцарском банке, а затем угрожало обнародовать эту информацию), а также осуществлялась масса других «социально полезных» проектов.

Кроме того, с банком было связано несколько таинственных смертельных случаев, включая смерть одного из сотрудников ЦРУ в Мэриленде. А 27 января 1980 года Фрэнк Нугэн был найден застреленным в своем автомобиле. В июне бесследно исчез Майкл Хэнд. Банк Нугэна и Хэнда потерпел крах, имея около 50 миллионов долларов долга [33].

41. Ангола, 1975–1980

ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ ИГРАЮТ В ПОКЕР

Весна 1975 года. Только что пал Сайгон. Последние американцы бегут, спасая свои жизни. Последствия Уотергейта всей своей тяжестью давят на атмосферу Соединенных Штатов. Комитет Пайка (The Pike Committee) палаты представителей исследует секретную деятельность ЦРУ за границей. Комитет Черча (The Church Committee) делает то же самое со стороны Сената. Комиссия Рокфеллера (The Rockefeller Commission) приступила к исследованию экономических действий ЦРУ внутри страны. Утренние газеты освещают все новые преступления ЦРУ и ФБР. ЦРУ и его влиятельные сторонники предупреждают, что бурный темп раскрытия секретных сведений приведет к тому, что Управлению будет запрещено выполнять функции, необходимые для обеспечения национальной безопасности.

А в штабе ЦРУ в Лэнгли, штат Вирджиния, люди заняты подготовкой к следующему секретному приключению — в Анголе.

Для того чтобы предпринять военную операцию в такой момент, очевидно, должны быть серьезные основания. Однако за всю продолжительную историю американских вмешательств трудно найти более бессмысленное или менее выигрышное для Соединенных Штатов или для вовлеченных иностранцев предприятие, чем это.

Наша история начинается на заре 1960-х, когда два политических движения в Анголе стали силовым образом выступать против португальского колониального правительства: Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА) во главе с Агостино Нето и Национальный фронт освобождения Анголы (ФНЛА) во главе с Холденом Роберто (последняя группа была известна под другими названиями в свои первые годы, но для простоты лучше называть ее ФНЛА).

Соединенные Штаты, обычно не занимающиеся поддержкой «освободительных» движений, в этот раз решили, что, поскольку Португалия, скорее

всего, будет неспособна вечно держаться за свою колонию, то установка контакта с возможным режимом преемника могла бы оказаться выгодной. По причинам, затерянным в туманах истории, Соединенные Штаты или кто-то в ЦРУ решили, что Роберто является их человеком, поэтому приблизительно с 1961 или 1962 года он находился на балансе Управления [1].

В то же самое время, как и в течение следующих лет, Вашингтон предоставлял союзнику НАТО — диктатуре Салазара в Лиссабоне — военную помощь и обучал антипартизанским действиям для подавления восстаний. Джон Маркум (John Marcum), американский ученый, который прошел 800 миль по Анголе, направляясь в партизанские лагеря ФНЛА в начале 1960-х, написал:

«К январю 1962 года сторонние наблюдатели могли видеть, как португальские самолеты бомбили и обстреливали африканские деревни, наблюдатели наведывались в обугленные руины таких городов, как Мбанза М'Пангну и М'Пангала, и копировали данные с оболочек напалмовых 750-дюймовых бомб, с которых португальцы даже не сорвали маркировку «Собственность военно-воздушных сил США» [2].

Советский Союз, который также оказывал некоторую поддержку Роберто, в 1964 году перешел на сторону Нето, утверждая, что Роберто помог дискредитированному Моизу Чомбе (Moise Tshombe) в Конго, и сократил собственные партизанские операции в Анголе под давлением Вашингтона [3]. В скором времени вышло на арену еще одно движение — УНИТА, Национальный союз за полную независимость Анголы. Китай тоже был вовлечен в игру в покер великих держав, так как оказывал поддержку УНИТА и ФНЛА.

Хотя движение МПЛА, возможно, было несколько более последовательным в своих левых убеждениях, чем ФНЛА или УНИТА, в идеологическом смысле они мало чем отличались. Когда прессы пытались найти различия между ними, МПЛА обычно определялась как «марксистское движение», но это определение было не совсем точным и существовало только в СМИ. Каждая из групп говорила о социализме и использовала марксистскую риторику, когда того требовал случай, но поклонялась другим богам, когда случай того не требовал. В 1960-х каждое движение было готово принять поддержку со стороны любой страны. Нето, например, отправился в Вашингтон в декабре 1962 года, чтобы представить свое видение ситуации американскому правительству и прессе и подчеркнуть ошибку определения МПЛА как коммунистического движения. В течение следующих двух лет Роберто просил о помощи Советский Союз, Кубу, Китай, Алжир и нассеровский Египет. Позже лидер УНИТА Джонаш Савимби (Jonas Savimbi) обратился к тем же самым странам — за исключением, возможно, Советского Союза — и к Северному Вьетнаму и принял помочь в военной подготовке своих людей от Северной Кореи.

Каждая группа была составлена преимущественно из членов одного племени; каждый пытался препятствовать помощи или признанию, оказывае-

мым другим; каждая группа пострадала от серьезных внутренних расколов и потратила столько же времени на борьбу друг с другом, сколько на борьбу с португальской армией. Это не был Северный Вьетнам [4].

Писатель Джонатан Квитни заметил, что у этих трех племенных наций была долгая история борьбы друг с другом...

«Однако в конце XX века доктор Генри Киссинджер и другие политологи обнаружили, что истинная причина борьбы мбунду, овимбунду и конго на протяжении последних 500 лет заключалась в том, что мбунду были «марксистами», а овимбунду и конго были «прозападниками» [5].

То, что выбор ЦРУ его союзника был в основном произвольным процессом, подтверждается телеграммой из Государственного департамента в его африканские посольства в 1963 году: «Американская политика, повторяем, не собирается препятствовать МПЛА... двигаться в сторону Запада и не собирается выбирать между двумя этими движениями» [6].

Даже в 1975 году, когда комитет Конгресса США спросил главу ЦРУ Уильяма Колби, в чем заключаются различия между тремя борющимися фракциями, он ответил:

«Они все — независимые. Они все — за черную Африку. Они все — за тот несколько неопределенный вид социальной системы, который можно определить лозунгом типа «Не позволим, чтобы нас эксплуатировали капиталистические страны».

И когда был задан вопрос, почему китайцы поддерживали ФНЛА или УНИТА, он заявил: «Поскольку Советы поддерживают МПЛА — это самый простой ответ».

«Похоже, что и мы делаем так потому же», — сказал конгрессмен Аспин. «Так и есть», — ответил Колби [7].

Тем не менее комитет в своем более позднем отчете утверждал: ввиду заявления Колби «выраженное США несогласие с МПЛА озадачивает» [8].

Наконец, стоит заметить, что португальцы называли все три группы коммунистами и террористами.

До апреля 1974 года, когда в результате переворота в Португалии была свергнута диктатура, помочь, предоставленная ангольским движениям сопротивления различными иностранными покровителями, была нерегулярной и незначительной — их покровители просто хотели оставаться в игре. Переворот, однако, поднял ставки, поскольку новое португальское правительство вскоре объявило о готовности предоставить независимость своим африканским колониям. В соглашении, о котором было объявлено 15 января 1975 года, эти три движения сформировали переходное правительство с выборами, намеченными на октябрь, а формальное провозглашение независимости планировалось в следующем месяце.

С 1969 года ЦРУ ежегодно выплачивали Роберто гонорар в размере 10 тысяч долларов [9]. 22 января «Комитет 40» Совета национальной безопасности в Вашингтоне уполномочил ЦРУ направить 300 тысяч долларов Роберто и ФНЛА на «различные политические действия, ограниченные невоенными целями» [10]. Такие средства, конечно, позволяют направить значительное финансирование на военные цели.

В марте ФНЛА, исторически самая воинственная из групп, напала на штаб МПЛА, а позже расстреляла юных невооруженных новобранцев МПЛА в количестве 51 человека [11]. Эти инциденты послужили разжиганию конфликта, который должен был перерасти в полномасштабную гражданскую войну между УНИТА в одном ряду с ФНЛА против МПЛА. Запланированные выборы не состоялись.

Также в марте прибыла первая большая партия оружия, по некоторым данным — из Советского Союза, в поддержку МПЛА [12]. Комитет по расследованиям Конгресса США впоследствии заявил, что «более поздние события намекают на то, что вливание американской помощи [300 тысяч долларов], беспрецедентное по своему размаху в истории слаборазвитой колонии, возможно, спровоцировало Советы на вооружение их клиентов в рядах МПЛА» [13].

На такое решение Советского Союза, возможно, также повлияла отправка Китаем огромного количества вооружений для ФНЛА в сентябре 1974 года и более сотни военных советников в соседний Заир для обучения солдат Роберто спустя месяц после переворота в Португалии [14].

ЦРУ направило первую существенную партию оружия ФНЛА в июле 1975 года. Таким образом, как русские и китайцы, Соединенные Штаты представили помощь одной стороне ангольской гражданской войны, причем на гораздо более высоком уровне, чем во время борьбы против португальского колониализма.

Соединенные Штаты в известной степени были непосредственно вовлечены в гражданскую войну. В дополнение к боевой подготовке ангольских подразделений американцы совершали перелеты между Заиром и Анголой, ведя разведку и доставляя грузы [15]. ЦРУ потратило более миллиона долларов на амбициозную программу по набору наемников [16]. Несколько отчетов, появившихся в американской прессе, содержали заявление, что многие американские наемники в Анголе боролись против МПЛА — от «десятков» до «трех сотен»; вербовка и боевая подготовка продолжались в Соединенных Штатах для пополнения рядов. Но Джон Стоквелл (John Stockwell), глава оперативной группы ЦРУ по Анголе, сообщал, что только 24 американских наемника добрались до Анголы [17]. Однако Холден Роберто использовал деньги ЦРУ с его (Управления) молчаливого согласия, чтобы завербовать других наемников — более сотни британцев плюс небольшое число французов и португальцев [18]. ЦРУ также непосредственно финансировало вооружение британских наемников [19]. Среди них был известный англичанин-психопат Джордж Каллен (George Cullen), который выстроил в линию и расстрелял 14 других наемников, потому что они по ошибке атаковали не ту сторону [20].

Впоследствии госсекретарь Генри Киссинджер сообщил Сенату, что «ЦРУ не участвует» в вербовке наемников для Анголы» [21].

Еще более ста сотрудников ЦРУ и американских военных советников существоились вокруг Анголы, Заира, Замбии и Южной Африки, направляя боевые операции и практикуя свои пропагандистские навыки [22]. С помощью нанятых журналистов, представлявших крупнейшие информационные службы, Управление обеспечило международное освещение сфабрикованных отчетов советских советников в Анголе. Согласно одной из историй ЦРУ, которой с прессой поделилась УНИТА, было захвачено 20 русских и 35 кубинцев. Другим вымыслом были утверждения об изнасилованиях, совершаемых кубинскими солдатами в Анголе; история включала поимку «преступников», суд над ними, расстрел и заодно фотографии молодых местных женщин, убивающих кубинцев, которые их будто бы изнасиловали [23].

Обе истории были широко освещены в американской и британской прессе. Некоторые влиятельные газеты — «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и лондонская «Гардиан» — указывали, что единственным источником этой информации была УНИТА и что авторы статей не выказывали к отчетам особого доверия [24]. Но, естественно, подобные публикации не могли не зародить убеждение в умах читателей, уже настроенных верить в самое худшее со стороны коммунистов.

Кампания по распространению дезинформации также имела место в Соединенных Штатах. В сентябре делегаты ФНЛА прибыли в Нью-Йорк для выступления в ООН и при поддержке нью-йоркской прессы распространяли «Белую книгу» об ангольском конфликте. «Белая книга» была подготовлена в штаб-квартире ЦРУ, но отпечатана так, как будто она была сделана в Заире [25]. Джон Стоквелл описал документ как местами «просто неточный», а иногда «ложный на грани абсурдного» [26].

Затем представители УНИТА отправились в Вашингтон и представили членам Конгресса, Государственного департамента, Белого дома и СМИ устные отчеты о ситуации в Анголе, которым их обучили на брифингах оперативные сотрудники резидентуры ЦРУ [27].

В январе 1976 года Уильям Колби сидел перед членами комитета расследований Сената и торжественно заверял сенаторов:

«Мы были особенно осмотрительны, стараясь гарантировать, чтобы наши действия были сосредоточены за границей, а не в Соединенных Штатах, чтобы не повлиять на мнение американского народа» [28].

Не было фактически ни одного важного аспекта вмешательства в Анголу, которое Колби, Киссинджер и другие высокопоставленные лица не исказили бы перед лицом Конгресса и СМИ.

Вероятность военной победы сил, которые США поддерживали в Анголе, была незначительна, особенно в отсутствие относительно крупномасштабного американского присутствия, которое, учитывая политическую атмосферу, не

стояло на повестке дня. МПЛА была наиболее организованной силой, у нее было лучшее руководство из всех трех воюющих сторон, и она контролировала столицу Луанду, где располагался почти весь государственный аппарат. И все-таки без особой на то причины — кроме, пожалуй, антисоветской злобы — Соединенные Штаты не хотели мирного урегулирования вопроса. Когда Савимби из УНИТА направил в МПЛА в сентябре 1975 года своих представителей, чтобы обсудить мирное решение, он получил выговор от ЦРУ за это. Точно так же в следующем месяце, когда делегация МПЛА отправилась в Вашингтон, чтобы еще раз выразить свое потенциальное дружелюбие Соединенным Штатам, она получила прохладный прием — ее принял всего лишь представитель Госдепартамента невысокого ранга [29].

В ноябре представители МПЛА прибыли в Вашингтон, чтобы просить о предоставлении двух авиалайнеров «боинг», за которые их правительство заплатило, но которые Государственный департамент не позволял экспортировать. Джон Стоквелл сообщает интересный факт: людей из МПЛА сопровождал Боб Теммонс (Bob Temmons), который незадолго до того был главой резидентуры ЦРУ в Луанде, а также президент корпорации «Боинг». Пока ангольцы и президент корпорации «Боинг» убеждали Госдеп, Теммонс сообщил штабу Управления, что он приехал, чтобы поддержать мнение американского генерального консула в Луанде: «МПЛА лучше всего подготовлена для управления страной, невраждебна по отношению к Соединенным Штатам, и поэтому Соединенные Штаты должны заключить с ней мир как можно скорее».

Ответ Государственного департамента представителям МПЛА был прост: цена за американское сотрудничество сангольским правительством — это отказ от советского влияния и принятие влияния американского [30].

В какой-то момент почти две дюжины стран Востока и Запада почувствовали необходимость вмешаться в конфликт в Анголе. Ведущими силами были Соединенные Штаты, Китай, Южная Африка и Заир на стороне ФНЛА/УНИТА и Советский Союз, Куба, Республика Конго и войска Катанга (заирские повстанцы) на стороне МПЛА. Присутствие режима апартеида ЮАР на их стороне сильно осложняло Соединенным Штатам и их ангольским союзникам задачу заручиться поддержкой со стороны других стран, особенно африканских. Но все же участие Южной Африки в войне было обусловлено требованиями Соединенных Штатов [31]. В резком противоречии с заявляемой американской политикой ЦРУ и Агентство национальной безопасности сотрудничали с разведывательной службой Претории с 1960-х годов и продолжали делать то же в отношении Анголы.

Одной из основных целей разведки США в Южной Африке был Африканский национальный конгресс — ведущая направленная против апартеида организация, которая была запрещена и разогнана; информацию по Конгрессу США передавали Претории [32]. В 1962 году южноафриканская полиция арестовала лидера АНК Нельсона Манделу по данным о его местонахождении

и маскировке, полученным от сотрудника ЦРУ Дональда Рикарда (Donald Rickard). Мандела провел почти 28 лет в тюрьме [33].

В 1977 году правительство Картера наложило запрет на обмен разведданными с Южной Африкой, что большей частью было проигнорировано американскими спецслужбами. Двумя годами ранее ЦРУ создало тайный канал, посредством которого южноафриканцам поставлялось оружие. Практика нарушения американского закона продолжалась, по крайней мере, до 1978 года, и часть оружия направлялась в Анголу [34]. Южная Африка также помогла переправить американскую военную помощь из Заира в Анголу [35].

Справедливо ради нужно отметить, что не все представители ЦРУ игнорировали сущность режима Южной Африки. Управление было очень осторожным в вопросе участия его чернокожих сотрудников в ангольской программе [36].

Сокращение помощи ФНЛА/УНИТА, предписанное Конгрессом США в январе 1976 года, забило решающий гвоздь в их гроб. Конгрессмены еще не знали всю правду об американской операции, но было достаточно общественной реакции, чтобы они возмутились из-за этого — Киссинджер, Колби и другие лгали им в лицо. Вследствие этого американский Конгресс имел прямое и поворотное влияние на американскую внешнюю политику — один из нечастых случаев современности. При этом удалось избежать скользкого пути в другой Вьетнам, в начале которого стояли Генри Киссинджер и ЦРУ [37].

К февралю МПЛА с помощью кубинских войск и советской военной техники практически разгромили своих противников. Кубинское присутствие в Анголе было прежде всего прямым ответом на южноафриканские нападения на МПЛА. Уэйн Смит (Wayne Smith), директор отдела Государственного департамента по делам Кубы с 1977 по 1979 год, писал: «В августе и октябре [1975 года] южноафриканские войска вторглись в Анголу при полном американском знании дела. До этого вмешательства никакие кубинские войска не находились в Анголе» [38].

Савимби в этот момент снова пытался достичь понимания с МПЛА. Ответ из Вашингтона звучал так: «Продолжайте бороться». Киссинджер лично обещал постоянную поддержку УНИТА, если они будут сопротивляться, зная при этом, что больше нет возможности эту поддержку оказывать. В течение двух недель ожидания ответа Савимби потерял 600 человек в одном только сражении [39]. Все же, как ни невероятно, меньше чем за два месяца до этого госсекретарь заявил: «Мы не настроены против МПЛА как таковой... Мы можем ужиться с любой фракцией в Анголе» [40]. Киссинджер был полностью одержим противостоянием советским действиям где угодно на планете — существенным или незначительным, реальным или предполагаемым, совершившимся или ожидаемым. В данной ситуации он был особенно одержим данной идеей, так как позже написал: «Ангола впервые демонстрирует, как воинственно шагали Советы на столь дальнее расстояние, чтобы навязать свой режим» [41].

Это выглядит непохожим на то, как описывают нам американскую внешнюю политику академики. Но такое объяснение все же более вероятно, чем другое, обычно выдвигаемое в отношении политики в Анголе: политика объясняется стремлением угодить Сесе Секо Мобуту, главе Заира, которого характеризуют как самого важного клиента США в Африке, если не во всем третьем мире [42] (Заир являлся родиной самой большой резидентуры ЦРУ в Африке). Мобуту хотел иметь влияние в ангольском правительстве прежде всего, чтобы предотвратить использование Анголы в качестве прибежища его противников — повстанцев из провинции Катанга. Соответственно, заирский лидер бросил свои оснащенные Соединенными Штатами вооруженные силы в бой в Анголе на стороне ФНЛА, а Холден Роберто, как оказалось, состоял с ним в родстве, хотя для Роберто и ФНЛА это мало что значило.

Профессор Джеральд Бендер (Gerald Bender), ведущий американский эксперт по Анголе, в 1978 году свидетельствовал перед Конгрессом:

«Хотя Соединенные Штаты поддерживали ФНЛА в Анголе на протяжении 17 лет, фактически невозможно найти американского чиновника, ученого или журналиста, который знал эту партию и мог бы положительно свидетельствовать о ее организации или лидерстве. После дебатов со старшим представителем Госдепартамента в конце гражданской войны в Анголе я спросил его, почему Соединенные Штаты сделали ставку на ФНЛА. Он ответил: «Будь я проклят, если бы знал. Я никогда не видел ни единого отчета или служебной записки, которая намекала бы на то, что ФНЛА обладает организацией, солидными лидерами или идеологией, на которую мы могли бы положиться». Даже иностранные лидеры, которые поддержали Холдена Роберто, как, например, генерал Мобуту, согласны с этим мнением. Когда приехавший с визитом американский сенатор спросил Мобуту, получится ли из Роберто хороший лидер Анголы, он ответил: «Черта с два!» [43].

Сам Киссинджер заявил комитету расследований Конгресса, что продвижение Мобуту было одной из главных задач американской политики в Анголе [44]. Все же даже если это и было одним из редких правдивых заявлений Киссинджера о ситуации в Анголе и даже если оно могло бы быть оправданием вмешательства США в гражданскую войну в стране третьего мира, то его заявление настораживает, если не полностью разрушает все представление. Ведь в июне 1975 года, за месяц до того, как Соединенные Штаты отправили свою первую крупную партию оружия ФНЛА, Мобуту обвинил США в заговоре против него с целью ниспровержения и убийства, после чего выслал американского посла (см. главу 42).

Госсекретарь, всегда готовый гнуть любую линию в угоду непосредственной аудитории, также сказал израильским чиновникам, что провал попытки остановить русских в Анголе «мог воодушевить арабские страны, такие как Сирия, пойти на риск, который мог привести к новому нападению, поддерживаемому русскими, на Израиль» [45].

Американский посол в Организации Объединенных Наций Даниэль Мойнихэн (Daniel Moynihan) не слишком углубил обсуждения, заявив, что, если бы Соединенные Штаты не вмешались, «коммунисты пришли бы к власти в Анголе и благодаря этому управляли морскими сообщениями и переправкой нефти из Персидского залива в Европу. Они будут следующими после Бразилии. У них будет большой кусок Африки, а мир изменится, если они преуспеют» [46]. Воистину, причудливый ход мыслей и пример того, что может случиться с умным и образованным человеком в условиях холодной войны.

С разницей лишь в географических названиях продвигались схожие теории geopolитического домино, чтобы придать налет рациональности веренице американских интервенций. В этом случае, как и в других, где «коммунисты» победили, ничего подобного не последовало. «При всем уважении к Киссинджеру, — писал Джонатан Квитни (Jonathan Kwitny), — действительно, нужно подвергнуть сомнению здравомыслие человека, который, рассматривая древний конфликт племен из-за контроля над кофейными полями, видит в нем советскую угрозу безопасности Соединенных Штатов» [47].

Находясь у власти, МПЛА была ограничена теми же внутренними и внешними экономическими реалиями, с которыми бы столкнулись ФНЛА или УНИТА. МПЛА пыталась приглушить активность профсоюзов, жестко подавляла забастовки, призывала рабочих повысить производительность, заключила торговые соглашения с несколькими транснациональными корпорациями — и не подняла «серп и молот» над президентским дворцом [48]. МПЛА убедила нефтяную компанию «Галф ойл» (Gulf Oil Co.) продолжить свою особую работу в провинции Кабинда и гарантировала безопасность сотрудникам американской корпорации, в то время как борьба все еще продолжалась. «Галф ойл» согласилась на это предложение, но ЦРУ и Госдеп оказали на компанию давление, чтобы та прекратила выплачивать МПЛА компенсацию, таким образом подвергая опасности все нефтяное предприятие, — метод, к которому «марксистское» правительство никогда не прибегало. Одним из способов этого давления была угроза Киссинджера начать расследование по факту международного взяточничества компании. «Галф ойл» нашла компромиссное решение, поместив платежи на банковский счет условного депонирования до окончания гражданской войны, когда выплаты МПЛА возобновились [49].

Вопреки общепринятому западному убеждению, Куба не вступала в ангольскую войну в качестве представителя СССР. Джон Стоквелл отметил: после войны ЦРУ «узнало, что действия Кубы не были заказаны Советским Союзом», но «кубинские лидеры чувствовали себя вынужденными вмешаться по своим собственным идеологическим причинам» [50]. В «Африканском докладе» (Africa Report) 1977 года в журнале «Нью-Йорк» говорилось: «Кубинцы поддержали pragmatический подход [лидера МПЛА Нето] к западным инвестициям и его попытки вести внешнюю политику неприсоединения». Журнал также сообщил, что 27 мая ангольское правительство объявило, что

с помощью кубинских войск сокрушило восстание фракции МПЛА, лидер которой будто бы получал советскую поддержку [51].

Гражданская война в Анголе в действительности не закончилась в 1976 году, как казалось, поскольку борьба затянулась и проявлялась периодически — иногда умеренно, иногда жестоко.

В 1984 году секретная докладная записка, вывезенная контрабандой из Заира, показала, что Соединенные Штаты и ЮАР встретились в ноябре 1983 года, чтобы обсудить дестабилизацию ангольского правительства. Был составлен план по обеспечению УНИТА большей военной помощью (ФНЛА уже не играла существенной роли). Обсуждались способы применения широкого диапазона тактик: объединение антиправительственных движений, провоцирование общественного мнения против правительства, саботаж фабрик и транспортных систем, захват стратегических пунктов. Кроме того, говорилось о разрушении совместных советско-ангольских проектов, о подрыве отношений между правительством Анголы, Советским Союзом и Кубой, об оказании давления на Кубу, чтобы отозвать ее войска, сеянии раздора среди лидеров МПЛА, внедрении агентов в ангольскую армию и об остановке потока иностранных инвестиций в Анголу.

Соединенные Штаты заявили, что документ является подделкой, но представитель УНИТА в Вашингтоне не подтверждал и не отрицал, что встреча имела место. Он заявил, однако, что у УНИТА были «контакты с американскими чиновниками всех уровней на регулярной основе».

Цель операции, согласно докладной, состояла в том, чтобы вынудить часть ангольских лидеров договориться с УНИТА — в частности то, чему Вашингтон успешно препятствовал несколькими годами ранее [52].

Спустя месяц после встречи США и ЮАР Совет Безопасности ООН осудил ЮАР за военные действия в Анголе и подтвердил правоLuанды на репарации. Только Соединенные Штаты воздержались и не поддержали резолюцию [53].

В августе 1985 года, после трехлетнего сражения с Конгрессом, правительство Рейгана добилось отмены запрета 1976 года на американскую военную помощь войскам мятежников в Анголе. Военная помощь начала поступать в УНИТА как открыто, так и тайно. В январе 1987 года Вашингтон объявил, что предоставлял мятежникам ракеты «Стингер» и другое зенитное вооружение. Тремя месяцами ранее Джонаш Савимби держал речь перед Европейским парламентом в Страсбурге, прося о поддержке. После его речи, однако, пленарное заседание парламента раскритиковало американскую поддержку Савимби и приняло резолюцию, которая характеризовала УНИТА как «террористическую организацию, поддерживающую ЮАР» [54].

Наконец в сентябре 1992 года были проведены выборы, но, когда стало очевидно, что МПЛА станет победителем в последнем туре — в голосовании, как заверила ООН, свободном и справедливом, — Савимби отказался принять результат. Он положил конец годовому перемирию и начал одно из самых больших, самых длительных военных наступлений УНИТА, все еще снабжа-

емой ЮАР и в последние годы американскими «частными» авиакомпаниями и «организациями помощи» с любопытными репутациями, включающими, например, контакты с никарагуанскими контрас [55].

В мае 1993 года Вашингтон наконец признал ангольское правительство. В январе, непосредственно перед тем, как администрация Клинтона вступила во власть, высокопоставленный чиновник Госдепартамента объявил: «УНИТА в точности как «красные кхмеры»: выборы и переговоры — просто еще один метод ведения войны; власть — это все» [56].

К этому времени война унесла более 300 тысяч жизней, породила по всеместный голод и, как говорили, самый высокий уровень инвалидности в мире от бесчисленного количества мин. Смерть Савимби в бою в феврале 2002 года, казалось, дала луч надежды на будущее.

42. Заир, 1975–1978

МОБУТУ И ЦРУ — БРАК, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ НА НЕБЕСАХ

К 1975 году президент Мобуту Сесе Секо (урожденный Джозеф Мобуту), заирец (родился в Конго), сильная личность, которого ЦРУ считало одним из своих «успехов» в Африке, руководил своими несчастными, обедневшими подданными на протяжении долгих десяти лет. По ходу дела, с видимым талантом к коррупции — лучшее достижение этого столетия, — Мобуту накопил личное состояние, которое, по оценкам, доходило до миллиардов долларов, покоившихся в обычных швейцарских, парижских и нью-йоркских банках, в то время как большая часть населения страдала от острого недоедания [1].

Можно обоснованно сказать, что степень его коррумированности соответствовала его жестокости. Как заметил один обозреватель из Заира:

«Мобуту правил с помощью указов с гротескной импульсивностью, которая шокировала даже его кураторов из ЦРУ. Другой наблюдатель засвидетельствовал, что в июне 1971 года Мобуту насильственно завербовал в вооруженные силы все студенчество Университета Лованium (Lovanium). «Его вывели из себя студенческие демонстрации», — вспоминает чиновник. В конце концов, Мобуту смягчился, но десять студентов были приговорены к пожизненному заключению за «публичное оскорблечение» главы государства... Один разведисточник вспоминает страстную идею Мобуту, в конечном счете, отклоненную от курса: Заир с помощью ЦРУ или только ЦРУ должно напасть на «тех ублюдков на другой стороне реки» в Республике Конго (Бразавиль). Мобуту — «настоящий дикарь», — сказал один бывший чиновник, — и мы с большим трудом удерживали его в узде» [2].

Разумеется, не могло не быть попыток его свержения. Так, в июне 1975 года Мобуту объявил, что раскрыл и подавил попытку переворота, нацеленную на его «физическую уничтожение». Он обвинил неназванную «большую

иностранный державу» и заирских граждан, «жадных до денег». Обвинения появились в газете, контролируемой правительством, в форме письма от Мобуту в сопровождении передовой статьи, в которой прямо намекалось, что большой иностранной державой были Соединенные Штаты. Несколько дней спустя заирские газеты заявили, что ЦРУ организовало племенных диссидентов и темнокожих американцев для переворота против Мобуту, запланированного на 30 сентября. Неясно, какое отношение имеет это заявление к более раннему.

Мобуту объявил, что «империалистам» пришелся не по вкусу его разрыв отношений с Израилем, как и национализация множества иностранных компаний, и «искренняя и взаимная» дружба, которая развивалась между Заиром, Китаем и Северной Кореей. Несколько высокопоставленных заирских офицеров и другие военные и гражданские лица были арестованы; большинство из них, как сообщалось, являлись агентами резидентуры ЦРУ в Заире. Правительство объявило, что один из арестованных четыре месяца назад прибыл из американского военного училища, другой был ранее заирским военным атташе в Вашингтоне, а третий недавно вернулся после обучения в Форт-Брэгге (Fort Bragg) в штате Северная Каролина, где в качестве задания подготовил доклад «Как спланировать и совершить государственный переворот в Заире». Последнее не так смешно, как может звучать. О таких «гипотетических» заданиях сообщали и ранее бывшие студенты школ ЦРУ, хотя названия реальных стран использовались под прикрытием изучения подавления попыток переворота. Также во Вьетнаме преподавались методы пыток под видом «противодействия вражескому допросу»; тот же подход практиковался в обучении методам бомбёжки и химической/биологической войны.

В конечном счете семь из арестованных были осуждены на смерть из-за предполагаемого заговора (включая некоторых агентов ЦРУ), семь человек были оправданы, а двадцати семи арестованным дали тюремные сроки. О заговорщиках из числа американцев не заявлялось, но американскому послу Дину Хинтону (Deane R. Hinton) приказали покинуть страну, а Заир отозвал своего посла из Вашингтона.

Госдеп отверг обвинения и призвал заирское правительство представить свидетельства вины, чего сделано не было. Госсекретарь Генри Киссинджер заявил, что обвинения были основаны на «полностью ложной информации, которая попала в Заир» и, «вероятно, была подделкой». Трудно определить правдивость заявления Киссинджера, поскольку заирское правительство публично не упоминало ни о каких документах [3].

Возможно, Мобуту действительно был введен в заблуждение подделанными документами или, как истинный жулик, раздул из муhi слона. Были также предположения, что эта история стала предлогом, чтобы избавиться от определенных заирских офицеров, или же он искал козлов отпущения для решения внутренних проблем.

С другой стороны, это был не первый раз, когда привлекали ЦРУ, чтобы устранить очевидного союзника Соединенных Штатов — Трухильо, Фигереса и Зьема. Мобуту в то время, в силу своих собственных причин, был глубоко

вовлечен в гражданскую войну в Анголе на стороне поддерживаемых ЦРУ сил. Заир являлся для них незаменимой тыловой базой, учебным пунктом и пунктом снабжения, а заирские войска оказались втянуты в борьбу. Управление, возможно, испытывало тревогу из-за того, что важнейшим его союзником во время войны был человек неустойчивый, непредсказуемый и не поддающийся контролю — Мобуту Сесе Секо. «Мобуту, знаете ли, довольно успешно портит нам дела в Заире, — прокомментировал старший офицер ЦРУ по возвращении в Вашингтон после встречи с заирским лидером и вскоре после его обвинения США. — Он просто понятия не имеет, как управлять страной» [4].

Кроме того, хотя китайские и северокорейские военные советники в Заире обучали военных, которые сражались в Анголе на той же стороне, что и Соединенные Штаты, существовал простой принцип холодной войны: американский союзник не должен приглашать китайских или северокорейских военных советников в свою страну. Но заирский «дикарь», не слушая ничьих советов, дважды разрушал отношения с Советским Союзом и дважды восстанавливал их. Никто не знал, какая еще причуда может прийти ему в голову.

Также оставался вопрос о высланном после США Дин Хинтоне не был обычным кадровым дипломатом внешнеполитической службы. Он работал в тесном контакте с ЦРУ с 1950-х годов и принимал участие в особых дипломатических операциях. С 1967 по 1969 год в Гватемале, а следующие два года в Чили (против Альенде) Хинтон, под прикрытием Агентства США по международному развитию (USAID), играл особую роль в операциях ЦРУ. Затем он служил в подкомитете Совета национальной безопасности до отъезда на пост посла в Заире в 1974 году [5].

После сенсационного заявления о предполагаемом перевороте и ЦРУ, и Мобуту вели себя так, будто ничего необычного не произошло, хотя Управление действительно обратилось к заирскому президенту с прошением освободить их агентов, сидящих в камере смертников (результат обращения неизвестен) [6]. Казалось, что оно на удивление покорно Мобуту, несмотря на его неприятное и импульсивное поведение. В октябре Мобуту попросил ЦРУ помочь ему захватить Кабинду, область Анголы, которая была отделена от остальной части Анголы узкой полосой заирской территории. Мобуту хотел заполучить эту территорию с самого момента его прихода к власти в 1965 году. Несколько лет спустя его алчность увеличилась, особенно когда на береговой линии Кабинды нашли нефть. Хотя ЦРУ и было в то время активно вовлечено в ангольскую гражданскую войну, они все же отправили крупную партию вооружения заирским войскам, которые направлялись в Кабинду. Офицеры Управления помогли скординировать это почти случайное вторжение в суверенное государство, однако операция оказалась весьма неудачной [7].

Шесть месяцев спустя, в апреле 1976 года, ЦРУ дало Мобуту около 1,4 миллиона долларов для раздачи ангольским военным, поддерживаемым США, — тысячи были беженцами в Заире, отчаявшимися и голодными. Мобуту просто присвоил деньги. Когда Управление направляло деньги, оно предполагало такое развитие событий: по словам специалиста ЦРУ по Африке

Джона Стоквелла (John Stockwell), «они логически обосновали это тем, что деньги успокоят его и подкупят, чтобы он не принимал ответных мер против ЦРУ». Стоквелл также добавил:

«Интересный парадокс: Комиссия по ценным бумагам и биржам с 1971 года занялась расследованиями, и министерство юстиции преследовало в судах несколько крупных американских корпораций за взяточничество, когда они применяли его для решения своих зарубежных задач. В то же время американское правительство через ЦРУ ежегодно выплачивает десятки миллионов долларов наличными в качестве взяток. Взяточничество — стандартный способ работы американского правительства через ЦРУ, однако для американского бизнеса это уголовное преступление» [8].

То же самое может быть сказано относительно убийств. Несколько месяцами ранее, в январе 1976 года, министерство юстиции пришло к заключению, что не было никаких оснований для федерального судебного преследования чиновников ЦРУ, вовлеченных в заговоры и убийства нескольких глав государств, включая Патриса Лумумбу в Конго [9].

В начале марта 1977 года, во время паузы в ангольской войне, члены лунды (или балунды), племенной группы Заира, находившейся в Анголе в изгнании и борющейся вместе с их ангольским племенным родом на стороне МПЛА, пересекли границу и вошли в Заир, возобновив собственную гражданскую войну. Группа как минимум из двух тысяч человек состояла в основном из бывших жителей Катанги (ныне Шаба), сбежавших из Конго в начале 1960-х после неудачи их сепаратистского движения (см. главу о Конго).

Мобуту в срочном порядке запросил помочь у традиционных поставщиков оружия Заира — Бельгии, Франции и Соединенных Штатов, чтобы подавить угрозу его контролю над богатой минералами провинцией Шаба, которая приносила приблизительно 70 процентов валюты Заира. Соединенные Штаты немедленно ответили военными поставками приблизительно на 2 миллиона долларов, доведя цифру до 15 миллионов долларов в течение месяца; Бельгия и Франция обеспечили его большим количеством оружия и боеприпасов и 14 реактивными бомбардировщиками «Мираж».

Когда вспыхнул заирский конфликт, Джимми Картер находился во главе исполнительной власти менее двух месяцев. Он отказывался глубоко вовлекаться в эту военную авантюру, окончательный исход которой невозможно было предвидеть. Вмешательство в ангольские события совсем недавно было сведено на нет серьезной критикой Конгресса США. По сравнению с этим и другими американскими вмешательствами действия Картера в Заире представляли собой довольно умеренный ответ — достаточно умеренный, чтобы позволить Вашингтону выдать свою политику за «невмешательство» и эффективно заретуширивать факт активной помощи другой стороне в гражданской войне.

Правительство указало, что предоставляемая помощь была «нелетального» типа (всего лишь военный транспортный самолет, запасные части, топливо, коммуникационное оборудование, парашюты и т. д.) и оплачивалась она уже одобренными Конгрессом кредитными займами для Заира — как будто из-за этого правительство Соединенных Штатов не имело другого выбора в вопросе. Кроме того, Белый дом дал отказ на запрос Заира о дальнейшей помощи. Президент Картер неоднократно утверждал, что заирский кризис — африканская проблема, которая лучше всего может быть решена африканцами. Сам он, очевидно, не видел противоречия этого тезиса с его собственной политикой и не критиковал Францию, Бельгию или Китай, которые направляли Мобуту значительное количество военной техники.

Картер отрицал предположение, что помощь США Заиру была частью скоординированной с Францией, Бельгией, Марокко, Египтом и Суданом авантюры; в то же время Государственный департамент характеризовал американскую политику как позицию «ни помогать, ни препятствовать» Заиру. Тем не менее всего несколькими днями ранее Соединенные Штаты молчаливо одобрили решение Марокко направить 1500 человек войск, вооруженных американцами, на помощь Мобуту, потому что «как по закону, так и по двустороннему соглашению Марокко должно получить разрешение Вашингтона, если армия Марокко собирается использовать американское оружие за пределами государства» [10]. Были ли заирские повстанцы остановлены этой американской политикой «нелетальной помощи», «невмешательства» и «ни помощи, ни препятствия» — неизвестно [11].

В середине апреля нью-йоркская газета «Ньюсдей» (Newsday) опубликовала сенсационный репортаж о том, что ЦРУ тайно поддерживало попытки вербовки нескольких сотен наемников в Соединенных Штатах и Великобритании, которые должны были подкрепить общеизвестно неэффективную армию Заира. Дэвид Бафкин (David Buskin), 38-летний калифорниец, который, по некоторым данным, сам был опытным военным наемником и нанимал американцев для работы в Анголе, сказал, что американские наемники в течение недели отправятся в Заир, чтобы бороться против мятежников. Бафкин занимался поиском бывших военных с опытом ведения боевых действий для этой особой миссии.

Нью-йоркская газета заявила, что ЦРУ имело «прочные связи» с Бафкином и сообщило министерству юстиции, что не будет сотрудничать в расследовании его деятельности. В Соединенных Штатах служба американского гражданина в иностранных вооруженных силах или вербовка на такую службу считаются уголовным преступлением.

«Дипломаты в Вашингтоне, — сообщила «Нью-Йорк таймс», — заявили, что президент Мобуту Сесе Секо несколько недель назад дал понять: Заиру, возможно, придется рекрутировать наемников для отражения вторжения». Они добавили, что помощь со стороны Франции, Бельгии, Марокко, Соединенных Штатов и других стран, вероятно, вынудила Мобуту оставить эту идею.

Бафкин отрицал, что ЦРУ его финансировало. Он утверждал, что его финансовая помощь «прибывает из Африки, и это все, что я могу вам сказать» [12]. Это, конечно, не исключает факт финансирования Бафкина Управлением через Заир. Несколько месяцев спустя наемник раскрыл, что работал с ЦРУ, не уточняя, правда, когда и где, что он работал и с корейским ЦРУ, сообщив некоторые детали о его сотрудничестве с последним [13]. Какую функцию, если таковая имела место, на самом деле выполняли наемники в Заире, остается невыясненным.

Более опытные повстанцы держали превосходство в течение первого месяца восьмидесятидневной войны, и правление Мобуту ставилось под сомнение. Но постоянный поток людей и военной техники в Заир как минимум из восьми западных и африканских стран создал слишком большой перевес над племенем лунда. К концу мая их наступление было сокрушено, и они были вынуждены снова отступить в Анголу.

Несмотря на то что люди племени лунда вели борьбу за племенную автономию способом, типичным для многих африканских стран после обретения независимости, Мобуту знал, что должен был разыграть антикоммунистическую карту холодной войны, чтобы заручиться большей военной поддержкой, особенно со стороны Соединенных Штатов. Соответственно, Заир начал оглашать регулярные обвинения против Кубы, которая имела многочисленный воинский контингент, все еще размещененный в Анголе.

Куба обучала и вооружала повстанцев, заявляя Мобуту. Это было верно до некоторой степени, но делалось не для того, чтобы вторгнуться в Заир. Некоторые международные левые одели лунда в революционную мантию, но на самом деле повстанцы вдохновенно боролись лишь против Мобуту, Соединенных Штатов и Франции, пытаясь отстоять свою независимость и с равнодушием относясь к любым революционным идеям. Напротив, первоначально в их попытке отделить Катангус изучали белые наемники и поддерживали Бельгия и другие западные страны. После бегства в Анголу они служили, в обмен на убежище, вместе с колониальной португальской армией в ее кампании по подавлению активистов МПЛА. Затем, во время следующей гражданской войны в Анголе, они переключились на борьбу на стороне МПЛА и кубинцев [14].

«Куба вела повстанцев... Кубинские, российские и португальские войска боролись с нами», — настаивало заирское правительство.

Вторжение «не могло состояться и не могло продолжаться без материальной поддержки и согласия со стороны Советского Союза — при участии кубинских войск или без них», — объявил (теперь бывший) госсекретарь Генри Киссинджер. Очередной пример автоматической антикоммунистической реакции, без каких-либо доказательств [15].

Так обстояли дела. Надо отдать должное правительству Картера: оно сопротивлялось искушению подхватить все необоснованные и временами глупые обвинения, заявляя несколько раз, что не было никаких доказательств кубинской причастности и что Соединенные Штаты не рассматривали кон-

фликт как конфронтацию между Советским Союзом и Западом. Все более и более негодующий Мобуту был вынужден заявить, что если Соединенные Штаты действительно сдались перед лицом коммунистической опасности, они должны объявить об этом [16].

Почему тогда Соединенные Штаты вообще вмешались?

На следующий день после первой отгрузки американской военной помощи Вашингтон выразил свое беспокойство по поводу возможного «ущерба» американским интересам в горной промышленности Заира. Однако не было никакой логической связи между захватом племенем лунда провинции Шаба или даже свержением Мобуту и угрозой иностранным инвестициям и кредитам. Администрация Картера не предложила никаких объяснений на эту тему. Независимо от того, кто контролирует шахты, они будут стремиться продать медь, кобальт и другие полезные ископаемые. В 1960 году сепаратистское движение тех же самых сил лунды в провинции Катанга было поддержано как Вашингтоном, так и Бельгией. Почему Бельгия теперь выступила против них, было неясно — за исключением того, что саботаж повстанцев, вкупе с перебоем в электроснабжении, привел к остановке водных насосов шахт, что вызвало их масштабное затопление.

А в соседней Анголе, как мы видели, когда «марксистская» МПЛА стала контролировать богатую нефтью провинцию Кабинда, она начала самым тесным образом сотрудничать с компанией «Галф ойл» (Gulf Oil Co). Правительство Заира, с другой стороны, в 1974 году, когда захватило большинство предприятий малого бизнеса и плантаций, не предоставляя компенсации владельцам, разделило трофеи между лояльными к Мобуту политическими лидерами. Это далеко выходило за пределы того, что делала МПЛА [17].

Выраженная обеспокоенность об американских инвестициях, возможно, служила временной отговоркой, которые часто выдвигались washingtonскими чиновниками, чтобы иностранное вмешательство казалось более приемлемым в глазах американской общественности (что в свете традиционного марксистского анализа было наиболее нелепо), пока правительство решало, чего же в действительности они пытаются достичь. В дальнейшем на американские инвестиции не ссылались.

Американское вмешательство в этом случае представляется не более чем развитым автоматическим рефлексом холодной войны, который запускается малейшими действиями с территории страны, относящейся к советскому лагерю, в отношении страны, принадлежащей американскому или западному лагерю. Последующие события или их отсутствие, возможно, стали причиной их переосмысления в правительстве и породили дилемму, кратко сформулированную редакторской колонкой «Нью-Йорк таймс» в первый месяц войны: «Интервенционный инстинкт велик, но причины для вмешательства совсем не ясны» [18].

Ранее подобные сомнения выражала «Вашингтон пост». В редакторской колонке, названной «Почему Заир?», газета заявила, что это был «очень сомнительный проект Соединенных Штатов — углубиться в заирский мрак таким

способом». А президент Картер «не представлял ни ставки, которые требуют такого резкого американского ответа, ни риска задержки» [19].

Ко второму году в Белом доме Джимми Картеру удалось приобрести неудачную репутацию «нерешительного» человека, президента, которому еще предстояло продемонстрировать стране свои лидерские качества. Его умеренный ответ на события в Заире в предыдущем году способствовал этой репутации, особенно среди бескомпромиссных антикоммунистов в Соединенных Штатах и среди некоторых европейских и африканских стран, которые оказывали помочь Мобуту.

Таким образом, к середине мая 1978 года, когда лунда снова покинули Анголу и вошли в свою область в Заире, случилось так, что администрация Картера снова стала участницей конфликта по причинам ничуть не более веским, чем за год до этого. «Целью на сей раз, особенно в предверии встречи через 11 дней в Вашингтоне глав правительств НАТО, были более решительные действия» — так перефразировала «Нью-Йорк таймс» слова «высокопоставленных представителей администрации» [20].

В течение считанных дней Соединенные Штаты послали Мобуту «нелетальной» военной помощи на несколько миллионов долларов больше — тому же Мобуту, которого всего лишь тремя месяцами ранее Госдеп осуждал за нарушения прав человека. В то же время парк из 18 американских военно-транспортных самолетов начал переправлять бельгийские и французские войска в Заир для спасения (белых) иностранцев. В процессе эвакуации иностранцев французские войска предприняли очень активные военные действия против повстанцев, заставив их отступать.

Впоследствии американские самолеты занялись переброской в провинцию Шаба марокканских вооруженных сил, затем армейских подразделений из Сенегала и Габона, потом стали вывозить французские войска оттуда, поскольку их заменили африканскими силами [21].

На сей раз борьба в провинции Шаба закончилась меньше чем за месяц. По ее окончании «Нью-Йорк таймс» сообщила, что «обсуждения с чиновниками за последние дни не дали ни одного связного объяснения» американской политики в Заире [22].

«Нью-Йорк таймс», очевидно, не придавала большого значения ранее выдвинутым объяснениям правительства. Теперь появилось еще несколько комментариев в дополнение к «спасательной миссии» и потребности «действовать решительно». Президент, например, осознал нечто, что он не понимал год назад, а именно: помочь, оказываемая Заиру, была «в интересах национальной безопасности Соединенных Штатов» [23]. Общепринято, что подобного рода веские причины не нуждаются в разъяснении их истинного смысла.

Представители администрации также открыто признавали «обеспокоенность в отношении территориальной целостности всех стран в Африке и где-либо еще» [24]. Эта невероятная банальность не только перекрыла по своей избитости предыдущие 80 лет американской внешней политики, включая

совсем недавнее вмешательство в Анголе, но была просто неприменима в контексте гражданской войны. Отговорки, отговорки...

Несколько африканских правительств, пришедших на помощь Мобуту в течение этих двух лет, также выражали беспокойство в отношении территориальной целостности африканских государств. Однако на самом деле их беспокоило больше всего то, что победа мятежников Шаба могла бы поощрить племенных диссидентов в пределах их собственных уязвимых границ [25].

Другой причиной, предлагаемой правительством, была вера в то, что Куба, Советский Союз и даже Ангола являлись так или иначе ответственными за конфликт (Мобуту добавил сюда Алжир и Ливию). Но других доказательств в поддержку таких обвинений не было представлено ни от одной группы, в отличие от случая за год до этого: тогда Картеру пришлось прибегнуть к обвинению в бездействии. 25 мая 1978 года он заявил, что Куба, «очевидно, ничего не сделала», чтобы сдержать вторжение. Позже выяснилось, что неделей ранее Кастро сообщил американскому правительству о запланированном повстанцами вторжении в Шаба и даже предпринял неудачную попытку остановить его. У представителей администрации, откровенно смущенных, не было выбора, кроме как ответить, что они ему не верят.

«Это не полуложь, — прокомментировал Фидель Кастро обвинения в кубинской причастности. — Это абсолютная, полная, полноценная ложь».

Два дня спустя президент возразил: «Кастро мог сделать намного больше, если бы он действительно хотел остановить вторжение. Он мог ходатайствовать перед Катангой самостоятельно; он, конечно, мог бы разместить кубинские войска недалеко от границы» [26].

В заключительной сцене этой легкой комедии Мобуту объявил, что у него были взятые в плен в бою кубинские солдаты — долгожданное доказательство кубинской причастности. Но когда американское посольство в Заире навело справки по данному вопросу, выяснилось, что этому обвинению нет никаких обоснованных доказательств. Как сказал один чиновник: «Давайте снисходительно назовем это ошибкой» [27].

43. Ямайка, 1976–1980

УЛЬТИМАТУМ КИССИНДЖЕРА

«Могу дать вам честное слово, — сказал Генри Киссинджер премьер-министру Ямайки Майклу Мэнли (Michael Manley), — что в настоящее время против ямайского правительства никаких тайных действий не проводится» [1].

Мэнли писал по этому поводу следующее: «...мне как-то зловеще вспомнились подобные заверения в отношении Чили» [2]. (Киссинджер дал честное слово чилийскому послу в Вашингтоне в 1971 году об американском невмешательстве как раз в то время, когда американское правительство, и в частности сам Киссинджер, активно готовило заговор против чилийского правительства. Когда посол сослался на сообщения прессы о тайных действиях американцев против его страны, Киссинджер ответил: «Абсолютный абсурд, и никаких оснований».) [3]

Майкл Мэнли также знал из первых рук, что американское невмешательство в дела Ямайки не было чем-то само собой разумеющимся. В ходе предвыборной кампании в 1972 году американский посол на Ямайке Винсент де Рулет (Vincent de Roulet) заверил Мэнли, что Соединенные Штаты не будут вмешиваться в кампанию, если Мэнли не будет использовать на выборах тему национализации принадлежащей иностранцам глиноземной промышленности. Де Рулет боялся, что если бы Мэнли поднял вопрос о национализации, он вынудил бы оппозиционную Лейбористскую партию Ямайки соперничать с Мэнли за народную поддержку в данном вопросе. По словам Де Рулета, Мэнли дал на это согласие, и обе стороны сдержали свое обещание [4].

В декабре 1975 года госсекретарь США Киссинджер прибыл на Ямайку, чтобы предложить Мэнли изменить политику, иначе американо-ямайские отношения «будут пересмотрены» [5]. Киссинджер поднял вопрос о просьбе Ямайки выделить ей торговый кредит в сумме 100 миллионов долларов. «Он сказал, что вопрос находится на рассмотрении, — писал позже Мэнли, — и следует немного подождать. Я понял, что он посыпает мне сигнал» [6].

Премьер-министр Ямайки, выпускник Лондонской школы экономики и сын Нормана Мэнли, который вел Ямайку к независимости от Великобритании в 1962 году, после вступления в должность в 1972 году вызывал своим поведением недовольство у Вашингтона следующими действиями:

- Выражением поддержки режиму Народного освобождения Анголы (MPLA), который Соединенные Штаты пытались свергнуть как раз в тот момент, когда встречались Киссинджер и Мэнли.
- Установлением дипломатических отношений с Кубой и Советским Союзом и поддержанием тесных связей с правительством Кастро, хотя «не более тесных», как сказал Мэнли, «чем... с Венесуэлой и Мексикой» [7].
- Поддержанием идеи демократического социализма при смешанной экономике — идеи не более радикальной, чем то, что можно было найти во многих странах Западной Европы в области здравоохранения, образования, минимальной заработной платы и социального обеспечения. Партия Мэнли, Народная национальная партия, чьим лозунгом были слова «Социализм — это любовь», входила в состав Социалистического интернационала, так же как и правящие партии Австрии, Великобритании, Западной Германии и Швеции.
- Противодействием транснациональным алюминиевым компаниям, особенно американским, работавшим на богатых ямайских месторождениях бокситов — сырья для получения алюминия. Ямайское правительство обложило добычу налогом, чтобы получать от компаний существенные и, как считали на Ямайке, давно просроченные платежи; это убедило другие производящие глинозем страны третьего мира делать то же самое. Правительство также намеревалось выкупить 51 процент иностранных акций бокситодобывающей промышленности и вместе с Венесуэлой и Мексикой планировало создать международный комплекс по обработке алюминия вне транснациональной системы [8].

На Мэнли пытались влиять и Вашингтон, и ямайские левые. «Каждый хочет, чтобы я был либо капиталистом, либо коммунистом, — сказал он однажды. — Почему не могут позволить мне быть самим собой?.. Я всегда был социал-демократом, и это то, чего я хочу для Ямайки» [9]. Он рассматривал транснациональные корпорации в том же ключе, заявляя, что они «превратились в два вида. Одни являются попрошайками с неоколониальным синдромом, другие — революционерами, которые просто направляют войска, чтобы захватить производство. Здесь мы не хотим ни того, ни другого. Мы ищем третий путь» [10].

Премьер-министр Ямайки не подчинился требованиям Киссинджера. Через пять дней после отъезда госсекретаря Мэнли сообщил ему, что «Ямайка решила поддержать кубинское военное присутствие в Анголе, потому что мы считаем верным их присутствие там в период южноафриканского вторжения... Больше я не услышал от него ни слова о выделении кредита на 100 миллионов долларов» [11].

Определенные действия по дестабилизации обстановки, особенно в сфере пропаганды, начались еще во время визита Киссинджера. Но активные подрывные действия стали набирать обороты с начала 1976 года, года выборов. В январе, несколько недель после отбытия Киссинджера, американское посольство в Кингстоне было увеличено в семь раз. Мэнли отметил: «...вся помошь Ямайке внезапно свелась практически к нулю. Трубопроводы внезапно засорились. С расширением посольства экономическое сотрудничество сократилось» [12].

Журналисты Эрнест Волкман (Ernest Volkman) и Джон Каммингс (John Cummings), работавшие в 1977 году в журнале «Пентхаус», со ссылкой на «несколько важных американских разведывательных источников» утверждали, что программа дестабилизации, разработанная руководителем отделения ЦРУ на Ямайке Норманом Деското (Norman Descoteaux), содержала следующие пункты:

1. «Тайные поставки оружия и другого оборудования для оппозиции». Политическая деятельность на Ямайке на протяжении длительного времени сдабривалась тактикой грубой силы, но теперь она усилилась как по частоте, так и по смертоносности, с использованием поджогов, бомбардировок и убийств. «ЦРУ быстро перешло к организации и расширению насилия: оружие и современные средства связи были доставлены на остров контрабандным способом. Только в одной лишь партии, захваченной силами безопасности Мэнли, было 500 автоматов» [13].

К месту событий прибыло экспедиционное подразделение ЦРУ из кубинских экспатриантов. Одним из них был Луис Посада Каррилес (Luis Posada Carriles), бывший офицер тайной полиции кубинского диктатора Батиста, а теперь — специалист ЦРУ по взрывчатым материалам, который участвовал в подрыве самолета кубинских авиалиний в 1976 году, когда погибли 73 человека. Сообщают, что Посада был неоднократно замечен на месте подрывов на Ямайке [14].

Ставшие широко известными случаи насилия нанесли смертельный удар по жизненно важному туристическому бизнесу Ямайки. Иностранные туристы перестали посещать страну, вынуждая многие гостиницы закрываться и увольнять сотрудников.

2. «Обширные волнения трудящихся». Волна забастовок на транспорте, в сфере электроснабжения и связи охватила остров и была частично спровоцирована выпускниками Американского института свободного трудового развития (American Institute for Free Labor Development), главной профсоюзной организации ЦРУ в Латинской Америке [15].

3. «Экономическая дестабилизация». Вдобавок к прекращению выдачи американских кредитов и помощи, алюминиевые компании нанесли удар по хрупкой ямайской экономике. В качестве акта возмездия за введение налога на добычу бокситов в мае 1974 года и при молчаливой поддержке Вашингтона компании систематически сокращали производство, что наносило серьезный ущерб Ямайке по нескольким направлениям [16]. В августе 1975 года

американская фирма «Резерв коппер энд брасс компании» (Reserve Copper and Brass Company) закрыла перерабатывающий алюминиевый завод всего лишь после четырех лет работы, ссылаясь на его низкую эффективность. [17]. В январе 1976 года компания объявила, что она предъявляет иск ямайскому правительству за введенный налог [18]. Нет точных данных о том, были ли эти действия связаны с общими усилиями по дестабилизации.

Мука, доставленная на Ямайку германским судном «Гейдельберг», была отправлена инсектицидом тиофос, запрещенным на Ямайке много лет назад. Большая часть муки была уже продана, и в декабре 1975 — январе 1976 года от отравлений умерли 17 человек. В том же году в октябре из Коста-Рики на борту судна «City Boscum» прибыла большая партия ставшего дефицитным риса, которого жители Ямайки ждали долгие месяцы. Он также был отравлен тиофосом и подлежал уничтожению [19]. Эти два инцидента напомнили о заражении сахара на Кубе агентами ЦРУ.

4. «Тайная финансовая поддержка оппозиции». Основным получателем была Лейбористская партия Ямайки (Jamaica Labor Party) консервативного толка. В июне 1976 года ямайские силы безопасности объявили о раскрытии заговора, направленного на свержение правительства, с участием руководителей партии. Другой арестованный член этой партии изготавлял «коктейли Молотова» на принадлежавшем ему заводе по бутилированию минеральной воды [20]. Свидетельств причастности ЦРУ к заговору найдено не было.

5. «Мобилизация среднего класса в созданные ЦРУ антиправительственные организации для участия в хорошо разрекламированных демонстрациях». Были сформированы группы с названиями типа «Молчаливое большинство» (Silent Majority) и «Христианские женщины — поборники правды» (Christian Women Agitators for Truth) — последняя нападала на тех, кто критиковал Соединенные Штаты и ЦРУ. В одном случае группа использовала пример знаменитого иуважаемого американского доктора Тома Дули (Tom Dooley), который основал в Юго-Восточной Азии семь больниц для бедных. Христианские женщины, возможно, и не знали тогда, что доктор Дули был сознательным и активным сотрудником ЦРУ в Индокитае [21]. Наскоро склоненный «Национальный совет женщин» попробовал сыграть по сценарию «горшки и кастрюли», который так хорошо сработал в Чили: там женщины, главным образом из высшего сословия, вместе со своими горничными вышли на улицы, стучали горшками и кастрюлями — демонстрируя таким образом неспособность правительства обеспечить их семьи продуктами питания. Но на Ямайке постановка окончилась пшиком [22].

6. «Внедрение агентов в службы безопасности и вооруженные силы с целью развернуть их против правительства». «С помощью щедрых взяток ЦРУ превратило кадры спецслужб в своих платных осведомителей». Несколько солдат приняли участие в июльском заговоре, чтобы убить Мэнли. Это была одна из, по крайней мере, трех таких попыток, в которых «непосредственно участвовало ЦРУ»; вторая была проведена в сентябре с помощью кубинских беженцев; в третьей были задействованы ямайские бандиты — это отчаянное

покушение состоялось в декабре в ночь выборов. Все три попытки потерпели неудачу, до выстрелов даже не дошло. Мэнли легко выиграл выборы [23].

В период предвыборной кампании офицер ЦРУ Джеймс Холт (James Holt) был обвинен в организации заговора с целью повернуть вооруженные силы против Народной национальной партии (People's National Party) Мэнли. Согласно обвинению, была смонтирована лента с записью собрания молодежи Народной национальной партии, куда было вмонтировано якобы обращение Фиделя Кастро, который призывал молодых людей подняться на вооруженную борьбу против полиции и армии. Пленка должна была попасть в руки военных и вызвать среди них разногласия [24].

Нападки прессы на правительство зависели от уровня честности — и этот уровень лишь немного превышал методы Холта в случае производства фальшивой ленты. Это особенно касалось газеты «Дейли глиннер» (Daily Gleaner), чья деятельность была подобна той, которую проводил «Эль-Меркурио» (El Mercurio) в Чили перед свержением Альянде, и разумно предположить, что издание подобным же образом финансировалось ЦРУ. Обе газеты имели тесные связи с Межамериканским агентством печати (Inter-American Press Association, IAPA) в Майами. Управляющий директор газеты «Дейли глиннер» Оливер Кларк был избран в руководство агентства в 1976 году. Межамериканское агентство печати служило неофициальной подставной организацией ЦРУ, получало финансирование от Управления и было его надежным и ценным ресурсом в СМИ с 1950-х годов [25].

Газета «Дейли глиннер» трубила о вездесущей кубинской угрозе и о том, что Мэнли является пленником Кастро и КГБ. Постоянной темой, которую эхом подхватывала американская пресса, было присутствие кубинских войск на Ямайке — неприкрытая ложь; факт наличия иностранных военных было бы невозможно скрыть на маленьком острове.

Из Соединенных Штатов также прибыли пропагандисты. Евангелисты и другие религиозные целители настроили палаток и вели проповеди против коммунизма и правительства среди глубоко религиозной части населения [26], а-ля христианский антикоммунистический крестовый поход в Британской Гвиане в рамках кампании ЦРУ против правительства Чедди Джагана (Cheddi Jagan).

После отставки Генри Киссинджера с официальной должности и с приходом менее агрессивной администрации Картера в январе 1977 года американская политика в отношении Ямайки стала более умеренной: экономические каналы были немного прочищены, а ЦРУ, в отсутствие скорых выборов, снизило свою активность.

Однако это отнюдь не значило, что washingtonский истеблишмент внял просьбе Мэнли — «только позвольте мне быть». В феврале 1980 года американский журналист, лауреат Пулитцеровской премии Лес Пейн (Les Payne) сообщал в газете «Ньюсдей» (Newsday): «Администрация Картера намерена добиваться отстранения социалистического премьер-министра от власти, если он не умерит свою прокубинскую политику». В более ранней статье

Пейн приводит слова государственного департамента: «Если в шестимесячный испытательный срок Мэнли проявит некоторые признаки умеренности в своей политике, мы будем проводить более мягкую линию. В противном случае продолжим придерживаться твердой линии» [27].

Газета «Дейли глиннер» не прекращала делать резкие выпады против Мэнли и его правительства. Она перепечатывала многочисленные статьи со всех континентов, написанные по тематическим и синтаксическим стандартам ЦРУ. «Дейли глиннер» открыто поощряла потерю доверия, мятеж в силовых ведомствах и свержение правительства. Выдержка из колонки Джона Хирна (John Hearn) в июне 1980 года дает типичный пример:

«Во многих других странах лидер с организованной силой, стоящей за ним, давно бы отстранил правительство... В большинстве стран третьего мира наши министры, государственные секретари, партийные руководители, главы государственных учреждений и другими уже были бы отправлены в ссылку или захоронены в братских могилах» [28].

Настроенные против Мэнли «Дейли глиннер» и другие газеты Ямайки беспрерывно стенали по поводу угрозы свободе прессы, исходящей от власти — чего же еще можно ожидать от «коммунистического» правительства, и в то же время беспрепятственно публиковали такие материалы, за которые в других странах подвергают репрессиям.

Мэнли потерпел поражение на перевыборах в октябре 1980 года прежде всего из-за продолжающегося ухудшения уровня жизни в стране. Признавая важность этого фактора, прежний премьер-министр называл причинами своего поражения также «пропаганду и точно рассчитанное насилие», которое сопровождало его второй срок у власти и было особенно жестоким в год выборов, когда в политических расприях погибли 800 человек. Мэнли написал: «Если нет принимаемых подавляющим большинством людей доказательств, возлагающих вину за насилие на конкретных преступников, тогда вина ложится на власть, так как именно правительство отвечает за безопасность людей» [29]. Он также добавил:

«Ямайский истеблишмент овладел искусством дестабилизации. Они знали, как использовать факты и создавать фиктивную реальность с максимальным эффектом. Мы не ведаем, какую конкретно часть работ выполняло ЦРУ в последний год. К тому времени это не имело особого значения, потому что и «Дейли глиннер», и Лейбористская партия Ямайки уже достигли серьезного профессионального уровня в этой сфере» [30].

44. Сейшельские острова, 1979–1981

ЕЩЕ ОДНА ТЕРРИТОРИЯ БОЛЬШОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ВАЖНОСТИ

Майкл Хор (Michael Hoare) в 1981 году был пожилым бухгалтером, ведущим относительно спокойную жизнь в Дурбане в Южной Африке. Была, однако, у этого человека и другая сторона жизни, несколько необычная. В этой другой жизни он был известен как Безумный Майк (Mad Mike), старый наемник. Он сражался в интересах ЦРУ в различных «горячих точках» мира, включая Конго в 1960-е, и в интересах правительства Южной Африки. В 1981 году в возрасте 62 лет он командовал вторжением наемников на Сейшельские Острова от имени обоих своих давних хозяев.

Сейшельские Острова — это страна, состоящая из множества маленьких островов в Индийском океане, приблизительно в 800 милях от берегов Кении, с населением около 62 тысяч человек. Прежняя колония Британской короны, Сейшельские Острова стали местом базирования подразделения BBC США, официально известного как станция слежения за спутниками. Соединенные Штаты считают Сейшельские Острова частью территории высокой стратегической важности. Трудно найти место на земле, которое вashingtonские политики в тот или иной момент не считали бы территорией высокой стратегической важности.

После того как социалист Франц-Альберт Рене (France-Albert René) пришел к власти в 1977 году в результате переворота, он лишил Южную Африку права на использование сейшельской территории, а Соединенные Штаты были вынуждены использовать всю мощь своего экономического и политического давления, чтобы сохранить в стране военную базу. Более того, срок арендного договора истекал в 1990 году, и Вашингтон, беспокоившийся о долгосрочной «национальной безопасности», опасался, что договор мог быть не возобновлен. У Соединенных Штатов также вызывал опасение рост дружбы между Сейшельскими Островами и Советским Союзом, и это, оче-

видно, тревожило Вашингтон — тем более учитывая «высокую стратегическую важность» территории.

Рене проводил политику неприсоединения, которая не исключала отношений с обеими сверхдержавами, если их условия не были чрезмерно эксплуататорскими. Он был также ярым сторонником превращения Индийского океана в безъядерную зону, свободную также от иностранных военных баз, включая, в идеале, и собственную страну. Президент Сейшельских Островов особенно критично относился к американским усилиям превратить британский остров Диего-Гарсия в Индийском океане в крупную авиационную и военно-морскую базу [1].

В 1979 году попытка вторгнуться на Сейшельские Острова и свергнуть Рене провалилась, после того как его правительству стало известно, что наемники готовились выйти из Дурбана. Официальное расследование правительством Сейшель показало, что за заговорщиками стояли непосредственно Соединенные Штаты и Франция, что американский посол в Кении был в контакте со сторонниками Джеймса Манчама (James Mancham), ранее свергнутого усилиями Рене, и что поверенный в делах США на Сейшельских Островах держал связь с заговорщиками [2]. Некоторые из 120 американцев, работавших на американской базе, были высланы из страны [3].

Два года спустя, в ноябре 1981 года, десантная группа численностью более 40 человек под видом клуба регбистов отбыла из Южной Африки в Свазиленд, а оттуда прилетела на Сейшельские Острова регулярным коммерческим рейсом компании «Роял Свази эрлайнз» (Royal Swazi Airlines). Представляется, что нападение было запланировано на более поздний срок — после того как «солдаты удачи» обосновались на месте, но часть оружия, спрятанного в багаже, была обнаружена сразу по прибытии, и сражение вспыхнуло прямо в аэропорту. Потенциальные захватчики были вынуждены похитить самолет компании «Эйр Индия» (Air India), чтобы вернуться в Дурбан, хотя семерым из них не повезло — их поймали и задержали на Сейшелях [4]. Но Хору — Безумному Майку удалось скрыться.

Спустя несколько дней после этого газета «Сандэй трибьюн» (Sunday Tribune) в Дурбане, где готовился заговор, ссылаясь на «надежные местные и иностранные источники», утверждала, что группа вторжения была профинансирована и вооружена ЦРУ. Эта консервативная газета писала: «Несмотря на сухое однострочное опровержение причастности, сделанное вчера правительством США, некоторые источники среди наемников в Южной Африке уверены, что финансирование операции исходило от ЦРУ». Южноафриканская газета также ясно заявила о соучастии в заговоре собственного правительства, за что несколько редакторов подверглись должностному преследованию со стороны властей [5].

В 1982 году Хор и еще 44 человека предстали перед судом Южной Африки за похищение самолета. Через пять недель все, за исключением пяти человек, были освобождены правительством как «наши хорошие парни». Однако раздались дипломатические протесты со стороны западных стран, включая

Соединенные Штаты, которые указывали на подписание Южной Африкой «антиугонной» декларации 1978 года, и это привело к аннулированию судебного решения.

Двадцать три «хороших парня» были южноафриканцами, и большинство из них, как оказалось, были резервистами из элитных подразделений Южноафриканских сил обороны. Начальник тайной полиции объяснил, что с самого начала им не были предъявлены обвинения, так как им внущили, что они выполняют официальную миссию. Кто их ввел в заблуждение и почему, не сообщалось. В ходе расследования прояснилось, что правительство было как минимум хорошо осведомлено о заговоре и готово оказать ему поддержку. Хор представил счет, по его словам от военных, подтверждающий доставку оружия и боеприпасов к его дому перед вылетом на Сейшельские Острова. Этот факт обвинением в суде не оспаривался. Правительство также потребовало, чтобы показания некоторых обвиняемых об их причастности к военным действиям в 1981 году не оглашались, потому что это могло нанести ущерб государственной безопасности.

Хор свидетельствовал далее, что в Претории он встретил сотрудника местной резидентуры ЦРУ и сообщил ему о планах заговора. «Солдат удачи» рассказал, что Соединенные Штаты проявили интерес, но позиция человека из ЦРУ была «чрезвычайно робкой», и Хор не предложил ему, чтобы Соединенные Штаты сыграли активную роль. Однако в ходе перекрестного допроса он признал, что сообщил своим подчиненным: ЦРУ одобрило план [6].

Мотивы операции на суде не обсуждались. Для наемников участие в заговоре, по всей видимости, диктовалось деньгами. Из двух причастных к делу правительства, Соединенные Штаты были намного более заинтересованы в свержении Рене, чем Южная Африка, и пробовали это делать ранее. Но в этой части мира им требовалась помощь Южной Африки. Как мы уже видели, американская разведка сотрудничала с разведывательной службой Претории с 1960-х годов и продолжала это делать в середине 1970-х в связи с Анголой. Это сотрудничество продолжалось либо было возобновлено при администрации Рейгана, занявшего президентский пост в 1981 году.

Кажется, что Хор — Безумный Майк был выбран козлом отпущения: его заключили в тюрьму до 1985 года. Сам он счел, что его «надули», и объяснил этот факт желанием правительства представиться невинной стороной, защищающей международное право. Почти все его同伴ы были освобождены в ноябре 1982 года, после того как отсидели четыре месяца [7].

15 декабря 1981 года Совет Безопасности ООН решил послать комиссию на Сейшельские Острова для расследования обстоятельств вторжения. Хотя Соединенные Штаты поддержали предложение, американский представитель в ООН Джин Киркпатрик (Jeane Kirkpatrick) заявила, что направлять комиссию означало предположить, что «дело Сейшельских Островов не было просто внутренним делом», что направление комиссии само по себе было «предрешением ситуации» [8]. Даже по стандартам выдающейся логики холодной войны Киркпатрик это было замечательное утверждение: граждане

Южной Африки составляли только половину сил вторжения, остальные были из Великобритании, Родезии, США, Германии, Австрии и других государств. Число сейшельских диссидентов среди них равнялось нулю.

Кажется, кто-то все еще был уверен, что правительство Рене не должно оставаться у власти. В декабре 1983 года Южная Африка объявила: арестованы пять человек за попытки рекрутировать наемников еще для одного заговора по вторжению на Сейшельские Острова [9].

45. Гренада, 1979–1984

ЛОЖЬ — ЕДИНСТВЕННАЯ ИНДУСТРИЯ РОСТА В ВАШИНГТОНЕ

Что можно сказать о вторжении, проведенном страной с численностью населения в 240 миллионов человек на территорию страны, насчитывающей всего 110 тысяч жителей? И если захватчик в военном и экономическом отношении является самым мощным государством в мире, а объект нападения — слаборазвитое островное государство в 1500 милях, состоящее из небольших деревень, площадью в 133 квадратные мили, главным продуктом экспорта которого является какао, мускатный орех и бананы?

Правительство Соединенных Штатов много сказали об этом. Пропорция сказанного Белым домом к истине может быть оценена тем фактом, что через три дня после вторжения и сопутствующих объяснений пресс-секретарь по иностранным делам Белого дома ушел в отставку со словами: «...это удар по моей личной репутации» [1].

Фундаментальная ложь относительно вторжения 25 октября 1983 года заключалась в том, что якобы еще 21 октября Организация Восточно-Карибских государств (Organization of Eastern Caribbean States, OECS), включающая шесть стран, вместе с Барбадосом и Ямайкой попросила Соединенные Штаты срочно вмешаться в обстановку в регионе. Как утверждалось, эти страны опасались неких агрессивных действий со стороны нового ультраправового режима на Гренаде, который отстранил от власти социалистического лидера Мориса Бишопа (Maurice Bishop). 12 октября Бишоп был исключен из правящей партии и на следующий день помещен под домашний арест, а 19 октября убит.

Даже если бы опасения соответствовали действительности, создавался прецедент, прежде неизвестный международному праву, по которому государство «A» могло попросить государство «B» вторгнуться в государство «C». При этом каких-либо агрессивных актов со стороны государства «C» против

государства «А» не имело места. Юристы Государственного департамента усиленно изучали в Вашингтоне статьи Договора ОЕСС о взаимопомощи, Устава Организации американских государств (ОАГ) и Устава Организации Объединенных Наций, чтобы найти юридическое обоснование действий США. Однако эти документы даже при самом тщательном их исследовании не предусматривают ничего подобного. Более того, статья 6 договора ОЕСС требует, чтобы решения руководства Организации (глав правительств) поддерживались всеми странами-участницами. Гренада, являющаяся членом Организации, конечно, их не поддерживала. Этого не случилось даже на совещании, где присутствовали американские представители, чтобы регулировать направление обсуждений [2].

Как позже выяснилось, премьер-министр Барбадоса Том Адамс (Tom Adams) заявил, что Соединенные Штаты обращались к нему 15 октября относительно военного вмешательства (Государственный департамент отказался комментировать заявление Адамса) [3]. Позже «источники, близкие к ямайскому премьер-министру Эдварду Сига (Edward Seaga)» утверждали, что обращение к США государств Карибского бассейна «было инспирировано Соединенными Штатами». «Сделайте обращение, а мы дадим ответ», было сказано в сообщении Вашингтона [4]. Кроме того, 26 октября американский посол во Франции Эван Гэлбрайт (Evan Galbraith) заявил по французскому телевидению, что администрация Рейгана уже на протяжении предыдущих двух недель занималась планированием вторжения [5]. То есть не только задолго до предполагаемого обращения стран Карибского бассейна, но, если понимать Гэлбраита буквально, то даже до свержения Бишопа и до того, как исход внутрипартийных распрея мог проясниться даже без вмешательства ЦРУ.

Со временем стало известно, что до вторжения правительство премьер-министра Доминиканской Республики Юджинии Чарлз (Eugenia Charles), возглавлявшей ОЕСС, являлось получателем тайных денег от ЦРУ «для секретной операции поддержки» [6].

В то же время Соединенные Штаты, чтобы подстраховать свои ставки, одобрили заявление Организации Восточно-Карибских государств — если фактически сами не сочинили его — о том, что генерал-губернатор Гренады Пол Скун (Paul Scoon) также срочно направил в Организацию просьбу о военном вмешательстве. Вопрос о том, обладает ли генерал-губернатор Скун, по традиции назначенный королевой Великобритании на церемониальную должность номинального главы государства, конституционным правом принимать такое важное решение от имени независимой Гренады, остается спорным. Тайной же остается ответ на вопрос, как и когда он посыпал свой запрос, если он вообще это делал.

31 октября лондонская пресса сообщила, что британский министр иностранных дел сэр Джеймс Хей (Sir Geoffrey Howe) «был категоричен, утверждая, что от Пола Скуна вообще не было никакого запроса о вмешательстве». Премьер-министр Тэтчер недвусмысленно подтвердила это. Сэр Джеймс

сказал, что Скун «в прошлый понедельник, за день до вторжения, встречался с британским дипломатом и ничего не упомянул о таком намерении» [7]. В тот же самый день (по другим сообщениям, в воскресенье) Скун разговаривал по телефону с представителями министерства по делам Содружества в Лондоне и с представителями Букингемского дворца, но опять-таки никаких упоминаний о вмешательстве не было [8].

Позже в интервью корреспонденту «Би-би-си» сам Скун сказал, что вторжение было «последним делом», которое он хотел бы видеть [9].

А когда вторжение уже шло полным ходом, Скун подписал на борту американского крейсера «Гуам» какую-то «бумагу», в соответствии с которой вся операция выглядела правильной и юридически законной [10].

Другим оправданием действий, которые президент Рейган назвал делом «первостепенной важности», была необходимость эвакуировать с острова много сотен американцев, главным образом студентов медицинского колледжа им. Святого Георгия, которые якобы находились в опасности из-за прихода нового режима и царившего в стране хаоса.

Чтобы опровергнуть это утверждение, не нужно глубоко копаться в поисках свидетельств. Доказательства лежат на поверхности. Вот они:

Два сотрудника американского посольства на Барбадосе, Кен Курц (Ken Kurze) и Линда Флор (Linda Flohr), сообщали незадолго до вторжения, что «американские студенты в Гренаде, в основном, не желали уезжать оттуда или эвакуироваться. Они хотели продолжать учебу» [11]. В другом сообщении лондонской прессы говорилось, что в то же самое время Гренаду посетили три американских дипломата и, по-видимому, договорились об организованном отъезде тех американцев, которые пожелают. Возможно, это и не было связано с обстановкой [12].

Белый дом признал, что за два дня до вторжения Гренада предоставила Соединенным Штатам возможность эвакуировать американских граждан. Но чиновники администрации Рейгана не поверили предложению, «потому что, как сказали они, правительство Гренады пообещало открыть в понедельник аэропорт для эвакуации, но вместо этого его закрыло» [13]. Только позже Белый дом признал, что на самом деле в понедельник четыре чартерных рейса вылетели из аэропорта [14].

Некоторые из тех, кто уехал в тот понедельник, были американскими студентами-медиками. Руководитель медицинской школы доктор Чарлз Модика (Dr. Charles Modica) заявил в день вторжения, будучи в Нью-Йорке, что он связывался с радистами-любителями колледжа. «Думаю, что информация президента неверная, — сказал он, — потому что вчера некоторые американцы начали уезжать» [15].

Правительство Гренады распорядилось, чтобы военные крайне внимательно относились к американским студентам, и для их перевозки между двумя университетскими городками были специально выделены транспортные средства и силы сопровождения [16].

Кубинское правительство опубликовало документы, из которых видно: 22 октября оно уведомило Соединенные Штаты, что ни один американец или другой иностранный гражданин не подвергался опасности, и что Куба готова была «сотрудничать в решении проблем без насилия или вмешательства». Но до начала вторжения никакого ответа получено не было [17]. 23 октября Куба направила руководителям Гренады предложение объявить территорию, прилегающую к медицинской школе, демилитаризированной зоной и тем самым не дать Соединенным Штатам повода для вторжения под предлогом эвакуации американских граждан [18].

На вопрос журналистов, была ли какая-нибудь конкретная информация об угрозе американцам в Гренаде, представитель Белого дома ответил: «Ни какой, насколько мне известно» [19].

После преодоления незначительного сопротивления, оказываемого гренадскими солдатами и кубинскими строительными рабочими, американские военные нашли еще несколько оправданий в пользу своего появления в стране: они обнаружили, сказал Рональд Рейган, «целую базу оружия и средств связи, что свидетельствует о планах кубинцев занять остров». Одного склада «с оружием и боеприпасами, уложенными почти под потолок, достаточно чтобы вооружить тысячи террористов». Гренада, заявил президент, являлась «советско-кубинской колонией, готовившейся стать главным военным бастионом для экспорта терроризма и подрыва демократии, и мы оказались там вовремя» [20].

Документы, обнаруженные американскими военными, якобы указывали на то, что «кубинцы намеревались создать на Гренаде собственное правительство». Позже директор ЦРУ Уильям Кейси (William Casey) вынужден был признать, что документы «не были в действительности найдены», а был обнаружен какой-то «учебный центр для подготовки террористов» [21]. Более того, было заявлено, что на Гренаде сооружались ракетные шахты и на острове находилась 1100 кубинцев, почти все — профессиональные военные. Вскоре число кубинцев выросло до 1600 [22].

Сценарий «США — Гренада — Куба», разработанный в Вашингтоне, был бы эквивалентен такому невозможному сценарию: Советский Союз вторгается на территорию Великобритании и объявляет, что тем самым предотвратил захват американцами страны и еще неизвестно чего, потому что там обнаружились 30 тысяч американских военнослужащих, более сотни американских военных баз, огромный арсенал ядерного вооружения и «оружие для оснащения миллионов террористов». Советский президент мог бы в таком случае заявить: «Мы оказались там вовремя».

Все это сопоставимо, за исключением одного: советские открытия были бы вполне реальными. Американские официальные заявления оказались таким же фантомом или, в лучшем случае, очень сомнительными, как и различные сообщения СМИ. Корреспондент лондонской газеты «Гардиан» (The Guardian) писал, что на упомянутом складе, «где находилась большая часть

найденного оружия, оказалось всего лишь пять минометов, одно безоткатное орудие, одна многоствольная зенитная установка советского производства и два старых британских пулемета марки «Брен» времен корейской войны» [23]. Газета «Нью-Йорк таймс» сообщала, не вдаваясь в подробности, не только о «существенных запасах советского оружия, но и некотором количестве устарелого оружия, в том числе винтовок образца 1870-х годов» [24]. Спустя несколько лет стало известно из донесения американской разведки за 30 октября, что «запасы оружия на Гренаде предназначались для армии и милиции, и их было недостаточно для использования в целях свержения правительства на соседних островах» [25].

Однако более существенным является тот факт, что на протяжении более четырех лет Соединенные Штаты запугивали правительство Гренады угрозой дестабилизации обстановки в стране. Лидеры страны знали, что должны укреплять свою обороноспособность. Они читали кое-что из истории.

Кубинское правительство объявило, что на Гренаде на различных работах находились 784 кубинца, в том числе 636 рабочих-строителей, в основном в возрасте от 40 до 50 лет (по наблюдениям американских и британских журналистов), остальные, в том числе 44 женщины, — это врачи, дантисты, медсестры, другие работники системы здравоохранения, преподаватели и т. д., а также 43 военнослужащих. Но Соединенные Штаты оставили без внимания кубинскую информацию [26].

Мировую общественность убеждали, что на Гренаде имели место значительное кубинское военное присутствие и, следовательно, неизбежный контроль над страной. Однако кубинцы не смогли даже спасти Мориса Бишопа и его правительство, которому симпатизировал Кастро. Кубинское руководство недвусмысленно выражало свою неприязнь по отношению к Военно-революционному совету (Military Revolutionary Council, MRC), свергшему Бишопа. Еще до американского вторжения Кастро считал, что «серезные ошибки» экстремистов стали причиной гибели Бишопа [27]. Позже он назвал этих людей «группой Пол Пота» [28]. Когда американское вторжение казалось неизбежным, Кастро отклонил просьбу Военно-революционного совета прислать больше войск. Он сказал, что после всего случившегося это было «невозможно и недопустимо».

Советский Союз, с другой стороны, выразил поддержку Военно-революционному совету и государственному перевороту, хотя советский интерес к Гренаде был минимальным. Куба для Москвы была достаточным бременем и потенциальным очагом неприятностей в Карибском бассейне. Советский Союз осудил американское вторжение, сравнив его с «кавалерийским налетом вооруженных до зубов белых поселенцев на деревню краснокожих». Это было сделано в духе этикета холодной войны. Отсутствие у советских лидеров реального беспокойства по поводу вторжения американцев на Гренаду стало очевидным шесть месяцев спустя, когда СССР объявил, что не будет принимать участие в Олимпийских играх в Лос-Анджелесе. При этом Гренада даже не была упомянута среди причин демарша, хотя обсто-

ятельства требовали этого. Ведь четыре года назад Соединенные Штаты назвали советское вторжение в Афганистан причиной бойкота Московских олимпийских игр.

Наконец, вставал вопрос, зачем Кубе или Советскому Союзу нужна Гренада в качестве трамплина для «нечистых» дел в Латинской Америке, когда уже существовала Куба, в военном и политическом отношении более надежная и стабильная, чем Гренада.

После уже состоявшегося вторжения, свержения правительства Гренады, после того как американцы убили или ранили сотни людей, официальные лица администрации Рейгана, писала «Нью-Йорк таймс», «признали, что США своими попытками завоевать общественную поддержку вторжению на Гренаду, возможно, подорвали доверие к правительству, делая огульные заявления о советском и кубинском влиянии на острове, не предъявляя при этом никаких доказательств». Вашингтонские чиновники просто попросили, чтобы общественность «воздерживалась от осуждения, пока не поступит вся информация» [31].

«Новое движение драгоценного камня» (New Jewel Movement, NJM) под руководством Мориса Бишопа пришло к власти в марте 1979 года, смеявшись, к всеобщей радости, правительство Эрика Гэйри (Eric Gairy), эксцентричной личности, прибегавшей к различным аферам, чтобы удержаться во главе страны. Когда цель была достигнута, перед Бишопом, юристом с лондонским образованием, встала намного более сложная задача, чем та, которая обычно стоит перед революционером-социалистом, находящимся у власти. Нужно было заставить слаборазвитую страну встать с колен. Это все равно что заставить человека поднять себя за шнурки собственных ботинок — когда у него и никаких ботинок нет.

Нужно было начинать с основ: рабочие места, новые школы, подготовка учителей, грамотность взрослого населения, социальное обеспечение, чистая вода... «Движение драгоценного камня» не трогало частный бизнес, но ввело бесплатное здравоохранение, обеспечило бесплатным молоком маленьких детей, создало сельскохозяйственные кооперативы и т. п.

Газета «Гардиан» сообщала, что вместе со своими коллегами Николас Брэйтвейт (Nicholas Brathwaite), глава временного правительства, санкционированного США после вторжения, «с готовностью хвалит NJM за привитие жителям Гренады чувства понимания нового, уверенности в себе и национальной гордости, а это — нелегкая работа» [32].

Всемирный банк также дал правительству Гренады высокую оценку. В 1980 году он похвалил NJM за разумное решение финансовых вопросов, а два года спустя констатировал, что «усилия правительства сосредоточены на решении самых важных проблем развития и касаются наиболее многообещающих отраслей промышленности» [33].

«Новое движение драгоценного камня» не проводило выборов. Бишоп объяснял это решение следующим образом:

«Есть такие личности (некоторые из них — наши друзья), которые полагают, что невозможно иметь демократию, если каждые пять лет в течение пяти секунд людям не разрешают поставить крестик напротив имени какого-то кандидата. И на протяжении этих пяти секунд за пять лет они являются демократами, а в остальное время в течение четырех лет и 364 дней люди возвращаются в состояние тех, кто не может возразить что-либо своему правительству и кто не имеет права участвовать в управлении страной» [34].

Вместо традиционной системы, считало NJM, демократия в Гренаде осуществляется через многочисленные массовые организации и децентрализованные структуры, которые получают серьезное пополнение за счет большого количества граждан. Но какой бы хорошей ни была эта форма демократии — которая, возможно, и работала бы, если бы ей не мешали, — она также неизбежно вызывала негодование. Люди должны постоянно посещать собрания, подвергаться различным формам давления, чтобы соответствовать острым потребностям революции.

Совсем недавно лидеры соседних государств, особенно Том Адамс из Барбадоса и Юджиния Чарлз из Доминиканской Республики — главные сторонники американского вторжения — проявляли враждебность по отношению к правительству Гренады. Бишоп полагал, что их пугал энтузиазм народа Гренады, который мог перекинуться на другие страны. И надо сказать, что подобный энтузиазм проявлялся при каждом общественном появлении лидеров Гренады в регионе [35]. В американской администрации Чарлз считалась ярой проамериканкой, «カリбской Джин Киркпатрик», по сравнению с которой «премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер выглядела котенком» [36].

Соединенные Штаты почти сразу оценили оппозиционность руководства Гренады. Вашингтон инстинктивно догадывался, что новые лидеры Гренады не подчинятся американской навязчивой идеи изоляции Кубы. В действительности Гренада сама могла бы оказаться тем страшным животным, «еще одной Кубой». Меньше чем через месяц после прихода Бишопа к власти американский посол вручил ему ноту, в которой, в частности, говорилось:

«Хотя мое правительство и разделяет ваше беспокойство по поводу возможного контр переворота, оно также считает, что было бы не в лучших традициях Гренады искать помочь у страны типа Кубы для предупреждения подобного явления. Мы без удовольствия рассматриваем любые намерения со стороны Гренады развивать более тесные отношения с Кубой» [37].

Под контр переворотом, на который ссылался посол, подразумевалось опасение Бишопа, что находящийся в изгнании в Соединенных Штатах Эрик Гейри может собрать наемную армию и высадиться на остров. Но еще больше «Движение драгоценного камня» боялось дестабилизирующих операций ЦРУ. В любом случае, к кому еще, кроме как к «стране типа Кубы», могли обратиться они за помощью?

Еще в 1979 году были обнаружены скрытые подслушивающие устройства в помещении миссии Гренады при ООН [38]. Представители американского правительства навещали приезжавших в Соединенные Штаты агентов по туризму и распространяли среди них панические слухи с целью помешать туристическому бизнесу, который являлся главным источником получения иностранной валюты на солнечных берегах острова [39].

На протяжении последующих четырех лет Вашингтон пытался досаждать Гренаде несколько другими методами, в большей степени при Рональде Рейгане с 1981 года, чем при президенте Картере. Соединенные Штаты настойчиво лоббировали Международный валютный фонд и другие международные организации, пытаясь блокировать предоставление ссуд Гренаде, хотя, как ни удивительно, без особого успеха. Международный валютный фонд, например, одобрил выделение Гренаде средств, «несмотря на энергичное противодействие со стороны администрации Рейгана», диктуемое якобы «экономическими соображениями» [40].

Летом 1981 года ЦРУ разработало планы, направленные на то, «чтобы вызвать экономические трудности для Гренады и подорвать политический контроль премьер-министра Мориса Бишопа». Операция якобы была свернута из-за возражений со стороны комитета по разведке Сената США. Один из членов комитета, однако, отметил, что «если они собирались что-что сделать, я не уверен, что нам об этом сказали бы. Думаю, они выжидали бы, пока все завершится» [41].

Главный удар в ходе американской кампании против Гренады был нанесен по линии пропаганды. Тема была следующая: Гренада является полностью оплаченным членом советско-кубинско-никарагуанской террористической сети, которая приставила кинжал к горлу Америки. Подключение сюда Гренады на самом деле могло служить для того, чтобы препятствовать туризму и оправдать вторжение.

Распространение данного утверждения подкреплялось лживыми обвинениями и являлось обычным мошенничеством. Один из обманов заключался в том, что на южном побережье острова якобы сооружалась база для советских подводных лодок. Эта информация широко распространялась до тех пор, пока в 1983 году какой-то корреспондент из газеты «Вашингтон пост» не посетил предполагаемый район и не отметил, что в указанном месте море было настолько мелким, что никакой базы для подводных лодок там построить невозможно [42].

В феврале 1983 года одно официальное лицо из Министерства обороны США заявило, не моргнув глазом, что Советский Союз поставил в Гренаду ударные вертолеты, торпедные катера на подводных крыльях и сверхзвуковые истребители МиГ. Что позволило увеличить военно-воздушные силы Гренады до 200 (!) современных самолетов [43]. Местонахождение такой могущественной армады остается тайной до сих пор.

Самый большой резонанс в СМИ получила нелепость, что новый аэропорт, строящийся в Гренаде, предназначен для военного использования русскими и

кубинцами. Гренада же настаивала на том, что он служит целям расширения туризма — одной из развивающихся отраслей страны. В марте 1983 года президент Рейган поведал американским телезрителям, что летное поле будет иметь взлетно-посадочную полосу длиной 10 тысяч футов (свыше 3000 метров), но:

«У Гренады нет даже своих военно-воздушных сил. Для кого в таком случае это предназначалось?.. Стремительное усиление военного потенциала Гренады не связано ни с какой вероятной угрозой... Советско-кубинская милитаризация Гренады... может рассматриваться только как наращивание военной мощи в регионе» [44].

Президент продемонстрировал кадры аэрофотосъемки строительной площадки, сделанные американскими самолетами-шпионами, совершившими регулярные полеты над островом, будто там что-то укрывалось, хотя участок был полностью открыт для публики.

Имеется множество свидетельств, ставящих под сомнение результаты анализа Рейгана. По крайней мере пять других островов в Карибском море, включая Барбадос, располагают летными полями аналогичного или даже большего размера, и там тоже нет военно-воздушных сил [45]. Строительство летного поля поощрялось Всемирным банком, который также обсуждал с Гренадой вопрос о сооружении новых туристических гостиниц [46]. Земляные работы выполняла фирма «Лейн дреджинг компани» (Layne Dredging Co.) из Флориды, а систему коммуникаций прокладывала британская корпорация «Плесси» (Plessey). Кубинцы же поставляли рабочую силу и технику [47]. «Плесси» отклонила претензии американцев, заявив, что «аэропорт строился с чисто гражданскими спецификациями», и перечислила многочисленные технические особенности военного аэродрома или базы, которых новый аэропорт не имел [48].

И далее, деньги на строительство внес Европейский общий рынок. «По нашему мнению, аэропорт предназначен для туризма, — сказал его представитель. — Мы придерживаемся своих обязательств» [49]. Строительство аэропорта финансировалось примерно десятком стран, включая Канаду, Мексику и Венесуэлу. При этом Соединенные Штаты отклонили просьбу Гренады о предоставлении ей помощи и вместо этого стали оказывать давление и препятствовать международному финансированию [50].

После вторжения строительство аэропорта завершили уже Соединенные Штаты. «Было принято решение, чтобы работу закончили военные в интересах военных, — сказал один из субподрядчиков. — Оборудование для этого уже направляется» [51]. (Насколько известно, Соединенные Штаты пока еще не использовали аэропорт в военных целях.)

Было несколько случаев, когда оппозиционная пресса Гренады публиковала совершенно необоснованные истории типа упомянутой выше, а также распространяла вредные слухи на экономические темы. В 1979 году одна из газет Гренады перепечатала историю не откуда-нибудь, а из западногерман-

ского журнала «Бунте» (Bunte), который утверждал, что на Гренаде строятся крупные военные и ракетные базы. Факт, который невозможно было бы скрыть на крошечном острове. Это была ложь чистейшей воды [52]. Как мы видели, тактика перепечатывания материалов из иностранной прессы часто используется ЦРУ — для лидеров NJM это было четким сигналом, что в город прибыли люди Управления. В конечном счете, это привело к закрытию независимых газет. Чувствовалось, что страна была просто слишком уязвима, даже больше, чем Чили и Ямайка, где применялась та же тактика ЦРУ.

То же самое было и с политическими заключенными, большинство из которых ранее были сотрудниками тайной полиции ведомства Гэри (Gairy) [53]. Правительство опасалось освобождать некоторых из них, чтобы не позволить им вступать в ряды армии наемников Гэри и/или ЦРУ или становиться участниками событий, подобных тем, которые произошли в июне 1980 года с взрывами на митинге. Очевидно, этот теракт был нацелен на устранение одним ударом всех лидеров NJM, но вместо этого он унес жизни трех молодых женщин.

Что касается самого вторжения, то в первый день на остров высадились 2000 американских морских пехотинцев и воздушных десантников, а к концу недели — 7000. Еще больше американских военных находятся в состоянии ожидания на некотором расстоянии от берега. Самолеты ведут бомбардировку, разрушая все объекты инфраструктуры, включая психиатрическую больницу. Расположения Народно-революционной армии под пулеметным обстрелом... «Народно-революционная армия — она на чьей стороне, на нашей или на их?» — спрашивает один молодой морской пехотинец» [54]... Резиденция кубинского посла разрушена и разграблена американскими солдатами. На одной из стен выведены буквы «АА» — символ 82-й воздушно-десантной дивизии, а рядом надпись: «Жрите деръмо, коммунистические ублюдки» [55]. Захваченных в плен кубинцев используют в качестве заложников, ими прикрываются как щитом, приказывая идти впереди американских джипов, что является нарушением Женевской конвенции [56]. Фидель Кастро говорил, что кубинским пленным раздавались всякого рода обещания с целью заставить их отправиться в Соединенные Штаты. Но ни один из них на это не согласился [57]. «Я хочу, чтобы коммунисты ушли вон с этого маленького острова, — говорит морской пехотинец, — и отправлялись назад, прямо в Москву» [58]. В первое же утро американская радиостанция сообщила населению Гренады, что «Великобритания объявила о направлении в регион эсминца для участия в спасательной операции». Это была даже не полуправда, а полная ложь. Те жители Гренады, которые слышали радиопередачи, говорили, что они были направлены на поддержание готовности населения согласиться с оккупацией [59]. Через неделю бои прекратились. Погибли или были ранены 135 американцев, 84 кубинца, около 400 гренадцев.

Когда территория была покорена, оставались еще «сердца и умы» людей. Вначале радиостанция сил вторжения участвовала в яростных нападках на Бишопа — ведь он привел Гренаду к вторжению на нее, говорил диктор [60].

Но потом американцы, видимо, поняли, что это была их тактическая ошибка, поскольку Бишоп был все еще чрезвычайно популярен. Поэтому в дальнейшем критика его правительства велась уже более осторожна, без упоминания имени.

В дело вступил батальон психологических операций сухопутных войск США. Их вертолет летал над островом и через громкоговоритель предлагал крупные суммы денег за антикубинскую информацию о кубинцах, которые способствовали убийству Бишопа, вещал о том, что Гренада была заложником Кубы, что Кастро и коммунизм все еще представляют угрозу и т. д. Развешивались плакаты с изображением якобы захваченного кубинского оружия и с надписями: «Это те орудия труда, с помощью которых строят аэропорты?». На других плакатах говорилось о связях лидеров Военно-революционного совета с Москвой [61].

В марте 1984 года побывавший там лондонский журналист смог сообщить следующее:

«Остров явно остается под американской оккупацией. Везде и повсюду патрулируют джипы. Над пляжами летают вертолеты. Вооруженные солдаты военной полиции присматривают за сельскими жителями и частенько наведываются в кофейни. Люди из ЦРУ наблюдают за безопасностью в здании суда. Единственная еженедельная газета на острове выливает на своих страницах потоки лжи о действиях революционного правительства у власти, «это ужасный период в нашей истории». Мелкие общины находятся под сильным давлением» [62].

А в июне мы узнали, что школам, носящим имена «героев революции», вернули их старые названия, хотя и раздавались протесты учащихся. Американская служба информации показывала школьникам фильм «Гренада: возвращение к свободе» [63].

Повсеместно в Латинской Америке вторжение осуждалось, его поддержали лишь страны с военными диктатурами: Чили, Гватемала и Уругвай. Организация Объединенных Наций подавляющим большинством осудила вторжение, на что президент Рейган ответил: «Сто стран в ООН не согласились с нами почти по всем делам, к которым мы были причастны, но это совершенно не испортило мой завтрак» [64].

Нам всегда говорили, что одним из зол коммунистических государств является то, что они не прислушиваются к общественному мнению в мире.

Однако ирония заключается в том, что большинство жителей Гренады приветствовало вторжение. Кроме консервативного меньшинства, которое знало, что «социалистический» эксперимент будет теперь отправлен на отды whole, имелось большое число тех, кто был безумно рад видеть, что убийцы их любимого Мориса Бишопа получили по заслугам. Несмотря на всю враждебность и ложь, направлявшуюся Вашингтоном на протяжении более четырех лет в адрес Бишопа, жителям острова, казалось, и в голову не приходило, что

вторжение не имело никакого отношения к мести за его смерть и что Соединенные Штаты просто использовали случай в качестве удобного предлога для действий, которые они стремились осуществить в течение долгого времени.

Если средний гренадец выглядит, таким образом, довольно бесхитростным и с короткой политической памятью, то мы должны полагать также, что средний американец с вожделением приветствовал вторжение и верил всему, что слетало с языка Рональда Рейгана (как будто это было первое в истории американское вмешательство в дела других!). И сейчас нужно было бы крепко надавить на него, чтобы он вновь пересказал хотя бы одну неправду, связанную со всей аферой. Сам президент позже, казалось, полностью выбросил из своей головы тот инцидент. Когда в марте 1986 года его спросили о возможности американского вторжения в Никарагуа, он ответил:

«Вы сейчас смотрите на человека, меньше всех в мире желающего направить американские войска в Латинскую Америку, потому что память о большом Колоссе на севере настолько укоренилась в Латинской Америке, что мы потеряли бы всех наших друзей, если бы сделали что-либо подобное» [65].

На четвертый день вторжения Рейган выступил с речью, ознаменовавшейся тем, что дурному делу был придан ореол ура-патриотизма. Президент сумел связать вторжение на Гренаду с историями о сбитом Советским Союзом корейском авиалайнере, убийстве американских солдат в Ливане и захвате американских заложников в Иране. Ясно, вторжение символизировало конец целому ряду унизительных для Соединенных Штатов событий. Мстили даже за Вьетнам. Чтобы отметить «американский ренессанс», около 7000 военно-служащих были объявлены героями республики и награждены медалями. (Многие из них проявили себя лишь тем, что выжидали, сидя на борту судов недалеко от острова.) Америка вновь обрела лицо, «наступив на блоху».

Постскриптум

В конце 1984 года бывший глава правительства Герберт Блэйз (Herbert Blaize) был избран премьер-министром, а его партия получила 14 из 15 мест в парламенте. Блэйз сразу же после вторжения обратился к Соединенным Штатам. Его слова «Мы от всего сердца говорим вам спасибо» [66] были с одобрением восприняты в администрации Рейгана [67]. Кандидат от оппозиции, получившей единственное место в парламенте, заявил, что не будет занимать это место из-за, как он выразился, «подтасовки голосов на выборах и вмешательства внешних сил» [68].

Год спустя washingtonский Совет по делам полушария (Council on Hemispheric Affairs) в своем ежегодном докладе о нарушениях прав человека сообщил относительно Гренады следующее:

«Имеются надежные свидетельства об избиении заключенных, отказе им в медицинском обслуживании, ограничениях в течение длительного времени общения с адвокатами. Новая полиция страны, подготовленная американцами, проявляет жестокость, допускает случаи необоснованного ареста и превышает полномочия».

В докладе также говорилось о том, что в стране закрыта радиостанция, транслировавшая музыкальные программы, и что антипартизанские подразделения, обученные американцами, нарушают гражданские права [69].

В конце 1980-х годов правительство начало конфисковывать множество книг, доставляемых из-за границы, в том числе таких, как «Наш человек в Гаване» Грэма Грина и «Говорит Нельсон Мандела». В апреле 1989 года был составлен список из 80 книг, запрещенных для ввоза в страну [70].

Через четыре месяца премьер-министр Блэйз временно приостановил работу парламента, чтобы не допустить голосования по вотуму недоверия, что было вызвано, как утверждают критики премьера, «все усиливающимся авторитарным стилем руководства» [71].

46. Марокко, 1983

РОКОВОЕ ВИДЕО

В январе 1983 года правительству Марокко пришлось исполнить печальный долг и сообщить о «прискорбной кончине» в автокатастрофе генерала Ахмеда Длими (Ahmed Dlimi), который более 20 лет являлся приближенным короля Хассана, а также командующим южной группировкой войск марокканской армии.

Позднее, когда корреспондент газеты «Ле монд» опрометчиво предположил, что смерть Длими, возможно, была неслучайной, он был немедленно выслан из страны [1].

Затем в марте марокканский политолог Ахмед Рами (Ahmed Rami), живущий в изгнании в Швеции, прямо заявил, что Длими был убит Хассаном и его службой безопасности, а ЦРУ серьезно замешано в этом [2].

Ахмед Рами был лейтенантом марокканской армии и лидером Движения свободных офицеров (*Le Mouvement des Officiers Libres*) — подпольного движения офицеров армии, целью которого являлось свержение короля и монархии, а также разоблачение личной коррумпированности короля и его «преступлений против прав человека». Рами жил за рубежом в связи со смертным приговором в Марокко, вынесенным ему за участие в 1972 году в провалившейся попытке сбить самолет, в котором летел Хассан.

Офицеры-диссиденты выступали за установление «демократической Исламской Арабской Республики Марокко» и за переговорный процесс с партизанами Полисарио о прекращении разрушительной войны в Западной Сахаре — войны, в которой, по имеющимся сведениям, военная помощь и присутствие военнослужащих США завели Марокко в тупик [3].

Ахмед Длими, будучи правой рукой короля, был тайно связан со Свободными офицерами. Выезжая за рубеж, он предположительно мог встречаться с Рами, и в 1982 году они могли обсуждать планы попытки государственного переворота, намеченного на июль следующего года.

«Однако нам не было известно, — сообщил Рами, — следило ли ЦРУ за ним [Длими]. Но когда в январе [1983 года] ЦРУ передало королю Хассану досье, в котором находились видеоматериалы о моей встрече с генералом Длими в декабре прошлого года в Стокгольме, этого оказалось достаточно, для того чтобы устраниТЬ Длими» [4].

Как писала «Нью-Йорк таймс», Марокко стало для Соединенных Штатов «ближайшим и самым полезным союзником в арабском мире» [5]. Хассан четко связал свою судьбу с администрацией Рейгана. Только в 1981 году его посетили министр обороны Каспар Уайнбергер и госсекретарь Александр Хейг, заместитель директора ЦРУ, председатель комитета по иностранным делам при Сенате США и ряд других высокопоставленных официальных лиц из Вашингтона. Заместитель министра обороны США по вопросам международной безопасности прибыл с командой из 23 военных советников и экспертов; сообщалось, что более 100 американцев работают с вооруженными силами Марокко [6].

В предыдущие годы Хассан активно содействовал политике США в Африке. Так, в 1977 и 1978 годах он направлял марокканские войска в Заир для поддержки американских действий в данной стране, а с середины 1970-х наряду с Соединенными Штатами и Южной Африкой оказывал помо^{чь} силам УНИТА в Анголе в их непрекращающихся попытках свергнуть правительство МПЛА (Народное движение за освобождение Анголы). В то же время король Хассан позволил ЦРУ развернуть свою базу в Марокко, которая, возможно, была одним из ключевых постов Управления в Африке [7].

Действуя подобным образом, Хассан заслужил расположение и защиту Соединенных Штатов. Именно поэтому ЦРУ разоблачило перед королем двойную жизнь генерала Длими. Более того, по имеющимся данным, Длими выступал за то, чтобы Марокко получало помо^{чь} от бывшей метрополии Франции, а не от Соединенных Штатов. ЦРУ видело в этом угрозу американским позициям в стране и настаивало на том, чтобы Хассан избавился от своего приближенного, который поддерживал близкие отношения с Францией [8].

По словам Ахмеда Рами, 23 января 1983 года в одиннадцать часов вечера Длими вызвали во дворец в Марракеш. Затем десять сотрудников службы безопасности провели его в подземную комнату для допросов. В час ночи два американских офицера прибыли вместе с королем и несколько часов находились в комнате для допросов. Длими подвергли пыткам, а в пять часов утра он был расстрелян. После этого его тело уложили в его машину и взорвали в пригороде. Никому, даже членам его семьи, не позволили увидеть останки [9].

47. Суринам, 1982–1984

И СНОВА КУБИНСКИЙ ПРИЗРАК

Безусловно, было бы странно, если бы директор ЦРУ заранее поставил Конгресс в известность о плане Управления свергнуть иностранное правительство. Уильям Кейси (William Casey) в декабре 1982 года заявил комиссиям по разведке палаты представителей и Сената о том, что президент Рейган одобрил попытку ЦРУ свергнуть правителя Суринама полковника Дези Баутерсе (Desi Bouterse). Как сообщалось, план Управления заключался в создании военизированного формирования в изгнании для вторжения в Суринам в связи с тем, что Баутерсе, захвативший власть в результате военного переворота в 1980 году, выводит маленькую южноамериканскую страну на пресловутую наводящую ужас «кубинскую орбиту» [1].

Члены комиссии Конгресса, «не выражая принципиального протesta против самой идеи попытки свержения иностранного правительства» [2], высказались против данного предложения, так как доказательства того, что Куба «манипулирует правительством Суринама или укрепляет военные плацдармы в этой стране», отсутствовали [3].

Поскольку разумные соображения подобного рода никогда не производили глубокого впечатления на взгляды Рональда Рейгана или были не в состоянии повлиять в значительной мере на ЦРУ, оснований верить в то, что это был конец истории, не имелось.

Или даже ее начало. За два месяца до этого, в октябре, режим Баутерсе пригрозил выдворить двух американских дипломатов, обвинив их в поддержке консервативных профсоюзов страны, а также в том, что они играли ключевую роль в организации антиправительственных демонстраций и забастовок с целью свержения правительства [4]. Затем, 8 декабря, Суринам заявил, что была предпринята попытка государственного переворота. Многие предполагаемые заговорщики были арестованы, некоторые из них расстались с жизнью, будучи «застреленными при попытке к бегству» — эвфемизм для казни. Баутерсе утверждал, что арестованные состояли в сговоре с ЦРУ [5]. Одним из тех, кто

распрощался с жизнью, был лидер консервативного союза Сирил Даал (Cyril Daal), который ранее в том же году помогал организовывать антиправительственные демонстрации и, по имеющейся информации, был связан с ЦРУ через свою ассоциацию профсоюзов Moederbond с ведущим Американским институтом развития свободных профсоюзов (American Institute for Free Labor Development, AIFLD), действующим под контролем ЦРУ [6].

В следующем месяце двух американских дипломатов все-таки попросили покинуть страну по причине их «дестабилизирующей деятельности» [7].

В июле 1983 года дело приняло другой оборот. Газета «Нью-Йорк таймс» сообщила, что вторжение в Суринам наемников, обосновавшихся во Флориде, запланированное на первые числа месяца, было отменено после того, как планы были раскрыты Главной службой национальной безопасности Нидерландов, бывшей метрополии Суринама, известного как Голландская Гвиана. Группу вторжения, численность которой, по имеющимся данным, должна была составлять приблизительно 300 человек, половина из которых — выходцы из США и Южной Америки, а остальные — уроженцы Суринама, планировалось перебросить из Флориды в Парамарибо, столицу Суринама, находящуюся в северной оконечности Южной Америки. Позднее к интервентам должны были присоединиться суринамские экспатрианты из Нидерландов. Именно из этой группы к голландцам и просочилась информация о планах [8].

По сценарию, традиционному для мишеней США в Латинской Америке, историй о присутствии большого количества кубинских солдат в Суринаме успешно распространились по всему миру. Как и их братья по оружию на Ямайке и в Гренаде, эти воины остались лишь мифическими персонажами.

Весной 1983 года Суринам заключил договор с правительством правых сил соседней Бразилии, который предусматривал оказание экономической и военной помощи, а также организацию военной подготовки. Следуя умозаключениям администрации Рейгана, Суринаму следовало тогда находиться на «бразильской орбите». Простая истина заключалась в том, что Суринам, как и другие развивающиеся страны, готов был принять помощь от кого бы то ни было. И фактически, Бразилия, которая открыто признала, что ее целью было «спасти Суринам от Кубы», поддалась на подстрекательства Вашингтона [9].

Как выяснилось, к октябрю Баутерсе выдворил из страны практических всех кубинских советников и сотрудников посольства, включая посла, и приостановил выполнение всех договоров с Гаваной. Заявление о высылке из страны было сделано в тот день, когда США вторглись в Гренаду. На это повлияла убежденность Баутерсе в том, что Куба сыграла свою роль в свержении Мориса Бишопа (Maurice Bishop) и что если бы не подобное вторжение, то похожая судьба была бы уготована и ему [10]. Такое представление о Кубе, как мы убедились, не имело ничего общего с действительностью и, возможно, поддерживалось США. Журнал «Ньюсвик» позднее сообщил о том, что «американские дипломаты в столице страны Парамарибо заверили Баутерсе, что предоставляют ему доказательства того, что Куба приложила руку

к перевороту в Гренаде, а остальная работа была оставлена его прогрессирующей паранойей» [11].

Дези Баутерсе во всех отношениях оставлял желать лучшего как лидер и как человек. Задолго до октябрьских событий сообщалось о том, что Куба и Гренада негласно были «раздражены, даже рассержены вредом, нанесенным репутации левых в данном регионе, поскольку они видят, как незрелые революционеры возглавляют несвоевременные революции» [12]. И хотя Баутерсе научился, как попугай, повторять социалистические и антиимпериалистические клише, оказалось, что его принципы на самом деле лежат в другой плоскости. По словам одного из дипломатов в Суринаме, «Баутерсе — это хамелеон. Его первостепенная задача — это вопрос личного выживания. На втором месте — вопрос его выживания как руководителя» [13]. Время от времени Баутерсе обвиняли в заявлениях о заговорах против самого себя в качестве предлога избавиться от тех, кто выступает против его правления. (Кроме вышеуказанной попытки переворота в декабре 1982 года, безосновательно заявлялось о еще нескольких попытках.)

В период с декабря 1983 по январь 1984 года Суринам сотрясали забастовки тысяч рабочих, протестующих против повышения налогов и резкого роста цен, с призывом снять Эррола Алибукса (Errol Alibux) с должности премьер-министра; кроме того, имели место серьезные акты саботажа на объектах водо- и электроснабжения. Баутерсе поддался требованию отправить в отставку Алибукса и отменил резкое повышение цен, но не откликнулся на требование возврата власти военными гражданским [14]. Несмотря на то что сценарий развития событий и напоминал о деятельности ЦРУ в Британской Гвиане, Ямайке и в других местах, и на тот факт, что правительство Суринама в октябре 1982 года предъявило обвинение Соединенным Штатам, документов, подтверждающих, что ЦРУ приложило руку к волнениям в этот период, не существует. Однако в 1985 году стало известно, что Национальный фонд развития демократии (National Endowment for Democracy), финансируемый Конгрессом для поддержки иностранных организаций, симпатизирующих целям американской иностранной политики, осуществлял финансирование организаций в Суринаме в 1983–1985 годах [15].

48. Ливия, 1981–1989

РОНАЛЬД РЕЙГАН ВСТРЕЧАЕТ СВОЮ ПАРУ

Большие массы людей в глубине их души склонны быть испорченными, а не сознательно и преднамеренно злыми... поэтому ввиду примитивной простоты их умов, они легче становятся жертвой большой лжи, нежели маленькой, так как они сами лгут в небольших вещах, но стыдились бы лжи, которая была бы слишком большой.

Адольф Гитлер [1]

«Наши доказательства прямые, это точно, это неопровергимо», — объявил президент Соединенных Штатов. Так он объяснял, что американская бомбардировка Ливии 14 апреля 1986 года была ответом на взрыв ночного клуба в Западном Берлине, устроенный ливийцами девятью днями ранее. Американские служащие часто посещали этот клуб, и взрыв в нем унес жизни двух солдат и одного гражданского; многие были ранены [2].

В действительности доказательства причастности Ливии к взрыву никогда не были прямо и четко предъявлены миру, но на это не обращали внимание. На протяжении десятилетия с лишним американской общественности внушили мысль, что ливийский лидер Муаммар Каддафи имел отношение к череде террористических актов в разных частях мира. За несколько дней до американского нападения президент Рейган назвал его «бешеной собакой Ближнего Востока». Взрыв в ночном клубе был лишь еще одним примером. Картина складывалась сама собой.

Сброшенные на Ливию бомбы унесли жизни от 40 до 100 человек — все погибшие были гражданскими, кроме одного — и ранили еще примерно сто человек. Французское посольство, расположенное в жилом районе, было разрушено. Среди убитых были приемная дочь Каддафи и девочка-подросток, приехавшая в гости из Лондона; другие семеро детей Каддафи и его жена пострадали от шока и различных ран и были госпитализированы [3].

Соединенные Штаты не пытались утверждать, что кто-то из убитых или раненых имел какое-либо отношение к взрыву в Берлине. Как ближневосточные террористы, взорвавшие гранаты у билетной стойки израильской авиакомпании «Эль Аль» (El Al), чтобы убить израильтян просто потому, что они были израильтянами, как те, кто заложил бомбу на рейс 103 авиакомпании «Пан Америкэн» (Pan American), чтобы убить американцев просто потому, что они были американцами — Соединенные Штаты бомбили Ливию в попытке убить ливийцев просто потому, что они были ливийцами. После воздушного нападения представитель Белого дома Ларри Спикес (Larry Speakes) объявил: «Мы надеемся, что этот акт упредит и удержит ливийцев от нападения на невинных граждан в будущем» [4].

Для Соединенных Штатов самым преследуемым ливийцем был, конечно же, Каддафи. Бомбардировка была попыткой убийства именно его. По словам «хорошо осведомленного офицера разведки BBC», приведенным «Нью-Йорк таймс», «вне всякого сомнения, они искали Каддафи. Летчики получили такую инструкцию. Они собирались убить его» [5]. Что же еще делать с «бешеной собакой»?!

Впоследствии двое детей Каддафи подали иск в Соединенных Штатах, чтобы остановить президента Рейгана в дальнейших попытках убийства их семьи. Иск обвинял Рейгана и других высокопоставленных должностных лиц США в нарушении приказа на авиаудары правительенного распоряжения, запрещающего убийства лидеров иностранных государств [6]. Иск был отклонен американским судом. Другой иск был подан в Вашингтоне от имени 65 человек, убитых и покалеченных бомбардировкой [7]. ВМС США тем временем наградили медалями 158 пилотов, которые сбросили 250- и 1000-килограммовые бомбы ночью на спящих людей [8].

Идея бомбить семью Каддафи исходила от ЦРУ: в Управлении утверждали, что по понятиям бедуинской культуры Каддафи был бы унижен как лидер, который не смог защитить свой дом: «Если вы действительно попадете в дом Каддафи — и значит, в его семью, — вы разрушите важную связь с людьми, основанную на преданности» [9].

Для пущей убедительности ливийский народ получил сообщение, неоднократно переданное «Голосом Америки» во время бомбежки: «Полковник Каддафи — ваше трагическое бремя», и если будете подчиняться его приказам, то придется «принимать и последствия этого» [10].

Президентское заявление о неопровергимости доказательств причастия Ливии к взрывам в Западном Берлине было основано на перехвате переговоров между ливийской столицей Триполи и ливийским посольством в Восточном Берлине. Рейган заявил, что 25 марта из Триполи поступил приказ посольству «провести террористическую атаку против американцев, чтобы нанести максимальные неизбирательные потери»; что 4 апреля посольство доложило Триполи: нападение будет произведено на следующий день, и «Триполи будет рад, когда завтра увидит заголовки газет»; и что после взрыва посольство со-

общило: операция была проведена успешно и связь операции с посольством установить будет невозможно [11].

Все это — в лучшем случае интерпретации и пересказы. Подлинные, полные, неотредактированные тексты этих перехватов опубликованы не были. Сообщения были перехвачены Агентством национальной безопасности (NSA) и расшифрованы немецкой Федеральной разведывательной службой (BND), взломавшей ливийские коды еще несколько лет назад. Ведущий общественно-политический журнал Германии «Шпигель» (*Der Spiegel*) сообщил, что по окончании расшифровки все еще было неясно, о чем шла речь в сообщениях — были различные версии. Более того, NSA и BND пришли к различным выводам о смысле сообщений, «но их разногласия были быстро отодвинуты в сторону по политическим причинам». Сотрудники немецких спецслужб настаивали на том, что Ливия не должна быть единственным фигурантом этого дела, и предостерегали против «преждевременного обвинения»; также рассматривались конкурирующие группы дискотек и торговцев наркотиками. В январе 1987 года высокопоставленное официальное лицо в Бонне заявило проводившему расследование журналисту Сеймуру Хершу (Seymour Hersh), что немецкое правительство по-прежнему «очень критически и скептически относится» к американской точке зрения, связывающей со взрывом Ливию. В конце следующего года Германия объявила, что расследованию был положен конец [12].

«У некоторых представителей Белого дома с самого начала были сомнения в виновности Ливии, — сообщил Херш. — Более того, эта дискотека считалась местом встречи чернокожих солдат, а ливийцы были известны тем, что никогда не нападали на чернокожих или другие меньшинства» [13].

Однако, как и во многих других случаях, без конца повторяемая официальная позиция Вашингтона становится официальной правдой. Спустя три года после инцидента журнал «Тайм» заявлял как истину: «...связанные с Ливией террористы организовали взрыв дискотеки в Западном Берлине», таким образом провоцируя американскую «ответную» бомбардировку [14].

Большая часть планирующейся Вашингтоном тайной операции против Ливии происходила в то же самое время, когда проводились тайные переговоры о поставках оружия Ирану. Таким образом, администрация Рейгана преследовала цель устранения одного ближневосточного источника терроризма, параллельно вооружая другой. Более того, в эти две операции были вовлечены те же самые люди из сферы национальной безопасности, в частности Джон Пойндекстер (John Poindexter) и Оливер Норт (Oliver North).

Хотя администрация Картера и не совершала открытых военных нападений на Ливию, она, возможно, участвовала в очень серьезной подпольной операции. 27 июня 1980 года итальянский пассажирский самолет был уничтожен ракетой над Средиземноморьем — 81 человек погиб. В то же самое время ливийский самолет, на борту которого, возможно, находился Каддафи, летел поблизости от этого места. У итальянских воздушных диспетчеров этот

полет проходил под шифром «VIP 56», указывая на присутствие на борту высокопоставленных официальных лиц. В 1988 году итальянское государственное телевидение сообщило, что самолет был по ошибке сбит ракетой, принадлежавшей стране — члену НАТО, возможно Италии. Год спустя в докладе Министерства обороны Италии говорилось, что это была, по всей видимости, ракета класса «воздух-воздух» «Сайдвиндер» (Sidewinder), стоявшая на вооружении НАТО. Итальянская пресса строила версии о том, что план убийства ливийского лидера дал сбой и вместо этого ракетой НАТО был сбит итальянский самолет. Каддафи после катастрофы намекал на ответственность Соединенных Штатов. США и Франция — главные противники Ливии — выступили с опровержением, как и НАТО. Итальянские военные изо всех сил старались скрыть информацию об инциденте. Однако офицеру BBC пришлось признаться, что он уничтожил радарную запись того дня, а гражданское расследование указывало на то, что персонал воздушных сил заставили лгать и «забывать» детали инцидента [15].

Рональд Рейган и его ультраидеологизированные сторонники пришли к власти в январе 1981 года с твердым намерением осуществить передачу ценностей от бедных богатым. Одним из основных способов искусно достичь этой цели был огромный рост военного бюджета, то есть гарантированное благосостояние для богатых, для друзей военной промышленности и деловых партнеров — в прошлом, настоящем и будущем. Но чтобы получить одобрение американской общественности и Конгресса, военно-промышленный комплекс нуждался в постоянном потоке новых войн, вооруженных столкновений, мятежей, действий против партизан — или подобных слухов и «угроз» — и врагов, желательно из разряда монстров, против которых необходимо было бы воевать.

Каддафи был записным монстром: изворотливый, непредсказуемый, супернахальный лидер третьего мира, сидящий на девятых по объему запасах нефти в мире; с глубокими панисламистскими, панарабскими, антиимпериалистическими и антисионистскими убеждениями; закрывший американскую военную базу в Ливии в 1970 году; безыскусный фанфaron, изрекающий революционную риторику настолько незрелую, что мог служить и страшилищем, и шутом; поддержавший достаточное число террористических актов, чтобы на него можно было навесить любые преувеличения.

Но были также и элементы глубокой личной вражды между этими двумя политиками. Рональд Рейган — человек, который играл с забастовками авиадиспетчеров так, как будто снимал кино, — решил принять вызов человека, который, как и он сам, был заложником идеологии. Оба поставили мировым СМИ достаточно догм и откровенно глупых замечаний. (Все великие пророки современности, сказал Каддафи, пришли из пустыни и были неграмотны: «Мохаммед, Иисус и я») [16]. У ливийского лидера, однако, присутствовала социальная совесть — качество, которого Рональд Рейган был лишен напрочь. «Здесь вы не увидите бедности или голода. Основные потребности в Ливии удовлетворяются в большей степени, чем в любой другой арабской стране», — сообщала «Ньюсвик» в 1981 году [17].

Основное преступление Каддафи в глазах Рейгана состояло не в том, что он поддержал террористические группы, а в том, что он поддержал *неправильные* террористические группы; то есть Каддафи не поддерживал тех же террористов, что и Вашингтон — таких как никарагуанские контрас, УНИТА в Анголе, кубинских эмигрантов в Майами, правительства Сальвадора и Гватемалы, американских военных в Гренаде. Была только одна группа террористов, которых эти два лидера поддержали вместе, — моджахеды в Афганистане.

Некоторые воинственные американские действия против Каддафи, предпринятые и обещанные, и обвинения Ливии в терроризме, фактическом и надуманном, были рассчитаны по времени так, чтобы разжигать страсти в Конгрессе в периоды обсуждения военного бюджета или помочь любимым террористам Рейгана, которых он называл «борцами за свободу». Бомбардировка Ливии 14 апреля 1986 года, например, началась накануне новых дебатов по помощи никарагуанским контрас в палате представителей. На следующий день, 15 апреля, Рейган заявил: «Я напоминаю палате, принимающей решение на этой неделе, что этот архитеррорист Каддафи направил 400 миллионов долларов, арсенал оружия и советников в Никарагуа» [18].

Вскоре после вступления в должность Рейган объявил о назначении специальной группы для изучения «ливийской проблемы». У государственного департамента оказались в наличии два подхода к этой проблеме: дипломатическое давление на Каддафи или более конфронтационный подход. «Никто, — указывал один чиновник, — не выступает за конструктивные отношения с ним» [19].

Скоро ЦРУ составило генеральный план, о котором журнал «Ньюсвик» (Newsweek) в августе 1981 года отозвался так: «...крупномасштабный, многофазный и дорогостоящий план по свержению ливийского режима», которым ЦРУ достигает «окончательного» удаления Каддафи из власти. План предусматривал программу «дезинформации» с целью парализовать действия Каддафи и его правительства; создание «правительства в изгнании» с целью лишить его национального лидерства; эскалацию диверсионно-разведывательных операций [20].

Эскалация стартовала без промедлений. 19 августа американские самолеты пересекли «линию смерти» Каддафи — обозначенную Ливией 120-мильную зону над заливом Сидра — и сбили два ливийских истребителя. Соединенные Штаты, которые считали эту зону международными водами, как и большинство других государств — однако в приложении к воздушному пространству это понятие более спорно, чем в отношении водных рубежей [21], — преднамеренно выбрали именно этот район для проведения военно-морских учений. Как и ожидалось, Ливия поддалась на уловку — по крайней мере, согласно Вашингтону, который утверждал, что ливийские самолеты открыли огонь первыми.

Каддафи в ярости обвинил США в «международном терроризме» и, по некоторым сообщениям, в телефонном звонке лидеру Эфиопии угрожал убить Рейгана [22]. Чиновник из аппарата национальной безопасности при

Рейгане отметил, что тут не было никакого вопроса и «единственное, что надо сделать с Каддафи — это убить его. Он уже покойник» [23].

Скоро американские СМИ дали пропагандистский залп о смертельных угрозах со стороны Каддафи Рейгану и другим высокопоставленным лицам. В октябре появилась история с американским послом в Италии, которого в спешном порядке вывезли из страны после того, как итальянские власти раскрыли ливийский заговор с целью его убийства, «пресеченный итальянской полицией, выславшей десять подозреваемых ливийских наемных убийц». Но некоторые американские чиновники в Вашингтоне и Риме оспаривали эту историю; один официальный источник подтвердил ее [24].

Месяц спустя появилось сообщение о покушении на американского дипломата в Париже — семь выстрелов были произведены в Кристиана Чапмэна (Christian Chapman), но он остался цел и невредим. В тот же самый день госсекретарь Александр Хейг (Alexander Haig), называвший Каддафи «святым заступником террора», предположил, что за этим покушением стоит Ливия — хотя и признал, что у него «нет никакой другой информации» о прямой причастности Ливии. Но Чапмэн, по сообщениям французского правительства, ранее получал угрозы, следы которых вели в Триполи [25]. Газета «Нью-Йорк таймс» провела расследование инцидента и пришла к заключению, что «для организованной попытки убийства здесь чего-то не достает» [26].

В конце ноября правительство объявило, что на территорию Соединенных Штатов просочилась группа террористов, прошедших подготовку в Ливии, с целью убить президента Рейгана и других высокопоставленных чиновников. Это вызвало общенациональные поиски «ливийской боевой группы» и тех американцев, к кому они могли бы обратиться за помощью, включая и организацию «Синоптики» (Weather Underground — леворадикальная боевая организация, действовавшая в США с 1969 по 1977 год. — Прим. ред.). Тогда правительство привлекло в историю известного международного террориста Карлоса; было объявлено, что у правительства имеются сведения из первых рук об обучении и планах террористов. Каждый день все новые зловещие детали появлялись в СМИ, которые уже забыли, что в августе рассказывали о кампании по дезинформации против Ливии, запущенной правительством [27]. «У нас есть доказательства, — сказал Рейган корреспондентам, — и он [Каддафи] это знает». Репортеры настаивали на обнародовании этих доказательств, но Белый дом отказал. Однако некоторые официальные лица, включая старших чиновников ФБР, как сообщалось, относились скептически к таким сведениям [28].

Известный обозреватель Джек Андерсон (Jack Anderson) описывал поставщиков информации о «ливийской боевой группе» как темную и ненадежную кампанию со связями с израильской разведкой; у последней «были собственные причины поощрять американо-ливийский разлад», учитывая глубокую взаимную неприязнь между Израилем и Каддафи [29].

В середине 1981 года была создана рабочая группа под руководством заместителя госсекретаря Уильяма Кларка (William Clark) для изучения

проблемы Каддафи в целом. Несколько лет спустя Сеймур Херш (Seymour Hersh) сообщал:

«Согласно ключевым источникам, в оперативной группе Кларка было мало сомнений в том, кто был ответственен за потоки дезинформации против Каддафи — ЦРУ, при поддержке президента, Хейг и Кларк. «Эта тема [ливийская боевая группа] мне уже стала поперек горла, — вспоминал один чиновник. — Мы выпустили на свет эту большую террористическую угрозу для американского правительства. Все это было полной фальсификацией»... Один член рабочей группы в конечном счете пришел к заключению, что [директор ЦРУ Уильям] Кейси (William Casey) на самом деле проводил свою операцию внутри американского правительства: «Он кормил дезинфекцией (разведывательную) систему таким образом, чтобы сведения выглядели как отдельные, независимые отчеты» и воспринимались бы со всей серьезностью другими правительственными учреждениями» [30].

Как потом оказалось, большинство предполагаемых убийц были ливанцами, которые помогали Рейгану договориться об освобождении американских заложников в Бейруте; они ненавидели Каддафи [31]. Когда цели были достигнуты, история сошла на нет.

В то время как большая часть угроз со стороны Каддафи была дезинфекцией, планы Запада по его устранению были реальными. Французский заговор в феврале 1981 года, в котором участвовали Соединенные Штаты, вынужденно был отменен, когда французский президент Жискар д'Эстен (Giscard d'Estaing) неожиданно потерпел поражение на выборах [32]. В 1984 году этот план был вновь задействован французской секретной службой совместно с ЦРУ, которое поставляло строго секретную разведывательную информацию, включая спутниковые фотографии и перехваты переговоров. Французские спецслужбы, считавшие Каддафи угрозой своим интересам в Африке, помогали ЦРУ по крайней мере в двух серьезных, но неудачных операциях по ликвидации или свержению ливийского лидера. Одна из операций привела к боевым столкновениям в Ливии между эмигрантами и сторонниками Каддафи [33].

В 1985 году Государственный департамент приложил немало усилий, чтобы воспрепятствовать плану Белого дома по реализации совместного американо-египетского наземного и воздушного вторжения в Ливию. Госсекретарь Джордж Шульц (George Shultz) счел план «сумасшедшим», а его коллеги по Госдепартаменту называли сотрудников Совета по национальной безопасности не иначе как «те сумасшедшие из Белого дома» [34].

В Рождество 1985 года теракты в аэропортах Рима и Вены унесли жизни 20 человек, включая пять американцев; ответственность за них была скоро спешно возложена на всех обычных подозреваемых — Иран и отковавшуюся палестинскую группу во главе со злодеем Абу Нидалом, которые шли в первых строках [35]. Администрация Рейгана вскорости добавила в этот список и Каддафи, объявив, что ЦРУ нашло убедительное свидетельство ливийско-

го следа — в то время как все, что у них было, это тунисские паспорта трех террористов, неким образом связанные с Ливией. Не прошло и нескольких дней, как Рейган объявил, что получены теперь уже «неопровергимые» доказательства роли Каддафи во взрывах в аэропортах — хотя он знал, что это было не так. Одновременно с этим на Ливию были наложены новые экономические санкции, «чтобы в следующий раз пойти дальше» [36]. Следующий раз наступил в марте 1986 года. Авиация ВМС США снова пересекла «линию смерти» Каддафи, провоцируя на ответный удар. Ответного удара не последовало, они вернулись бомбить на следующий день и через день, дважды атаковав ливийские зенитные позиции и уничтожив три или четыре судна. Вашингтон утверждал, что на второй день Ливия первой пустила несколько ракет по американским самолетам.

Вскоре после этого лондонская газета «Сандэй таймс» (Sunday Times) взяла интервью у группы британских инженеров-электронщиков, работавших в то время в Ливии. Один инженер сообщил, что он наблюдал за экраном радиолокационных локаторов в течение двух дней боев и видел, как американские военные самолеты пересекли не только 12 миль ливийских территориальных вод, но и летали также над ливийской территорией.

«Я видел, как самолеты вторглись приблизительно на восемь миль в ливийское воздушное пространство, — сказал инженер. — Я не думаю, что у ливийцев был другой выбор, кроме как защищаться. Но, по моему мнению, они не стремились делать этого» [37].

После первого американского нападения на Ливию в марте Каддафи провел телефонный разговор с королем Саудовской Аравии Фадхом, который впоследствии сообщил американским чиновникам, что ливийский лидер показался ему глубоко угнетенным развязанным против него насилием. Король описал Каддафи как «неадекватного и дезориентированного» — определение, подобное другим появившимся в течение 1980-х сведениям, говорило об очень подавленном состоянии Каддафи, который, казалось, не понимал, что Соединенные Штаты хотят от него. До и после событий марта он предпринял дюжину попыток через третьи лица открыть диалог с Вашингтоном, но представители администрации Рейгана каждый раз резко отказывали ему. Потенциальные европейские и арабские посредники, включая короля Фадха, получили твердый посыл: Соединенные Штаты не заинтересованы ни в «прямом, ни в косвенном диалоге» с Каддафи [38].

Это была официальная политика — личина, обращенная к публике. Были тем не менее сообщения, что Белый дом тайно имел дело с ливийским лидером, но до какой степени — неизвестно. Единственный установленный контакт был в ноябре 1985 года, когда Каддафи в Ливии посетил американский посол в Ватикане Уильям Уилсон (William Wilson). Встреча отрицалась официальным Вашингтоном как несанкционированная, и Уилсон потерял свою должность после того, как информация стала достоянием общественности [39].

Тем временем в течение всего срока администрации Рейгана Соединенные Штаты увеличивали военную помощь непосредственным соседям Ливии и

проводили военные учения с Египтом с целью спровоцировать Каддафи; на Ливию были наложены различные экономические санкции, действовавшие с разной степенью эффективности; предпринимались попытки объединить ливийскую эмиграцию и предоставить ей финансовую помощь и поддержку; финансирование и поддержка были предложены правительствам Египта и Франции для различных действий против Каддафи, не исключая и его убийства. Нужно отметить, что Франция — главный «антитеррористический» партнер Соединенных Штатов — в 1985 году сознательно утопила судно «Рейнбоу уорриор» (Rainbow Warrior) организации «Гринпис», убив фотографа организации. Все это было сделано с открыто выраженного одобрения французского президента Франсуа Миттерана [40].

Дезинформация была составной частью процесса: использование иностранной и американской прессы для предания гласности новых вымышленных ливийских террористических планов и объявления при каждом новом террористическом акте в западном мире, что Ливия «может быть» виновной; чтобы заставить Каддафи думать, что его ближайшее окружение неверно ему, что ливийские военные плетут заговоры против него, что его советские военные советники собираются его свергнуть, что его войска дезертируют массами и что вот-вот произойдет новое американское военное нападение — таким образом они надеялись подтолкнуть Каддафи на «нерациональные» действия. Его неизбежное падение предсказывалось так же часто, как и падение Кастро [41]. В одной из операций был задействован даже отряд морских диверсантов, высадившийся на ливийском побережье и оставивший явные следы — израильские спичечные коробки и окурки сигарет, — чтобы заставить ливийцев нервничать, сделать их пааноиками [42].

Служебная записка Джона Пойндекстера (John Poindexter), советника президента Рейгана по национальной безопасности, датируемая августом 1986 года, развенчала кампанию по дезинформации, доложив, что Каддафи «бездействует» на террористическом фронте [43]. Вскоре после этого высокопоставленный представитель администрации Рейгана признался американским репортерам, что если потребуются «твёрдые доказательства» вины Ливии, то таковых у них не найдется: «Это будет похоже на еще одну ложную тревогу» [44]. В ответ на записку Пойндекстера, которая вызвала маленький скандал, представитель государственного департамента по связям с общественностью Бернард Кэлб (Bernard Kalb) ушел в отставку в знак протеста, потому что он «был обеспокоен доверием к Америке... верой в Америку» и «всем тем, что вредит Америке» [45].

Проблема коснулась и британцев: официальные лица объявили, что данные американской разведки о намерениях Ливии являются «грубо неточными» и были переданы британцам с «явным намерением ввести в заблуждение» [46].

В этот тот же самый период, в свете американских новостей о возможных дальнейших ударах по Ливии в ответ на террористические акты, якобы планируемые режимом Каддафи, премьер-министр Ливии призвал США изложить детали этих якобы планируемых Ливией действий с тем, чтобы Ливия смогла бы «самым тесным образом сотрудничать, чтобы предотвратить и прервать в

корне такие нападения, задерживать подозреваемых и привлекать их к суду». Он заявил, что его запрос, посланный в Вашингтон через дипломатические каналы, остался без ответа [47]. На следующий день Каддафи, выступая в Ливии, предложил Соединенным Штатам обнародовать банковские документы, подтверждающие, что Ливия финансировала терроризм [48].

Постоянное использование Соединенными Штатами дезинформации о Каддафи и Ливии так затемнило историческую картину, что в большинстве случаев чрезвычайно трудно отделить факты от подделок, отличить оказанную Ливией поддержку какому-либо революционному движению от символической и от обещаний. Тот факт, что администрация Рейгана нуждалась в кампаниях по распространению дезинформации против Ливии, указывает на недостаток неопровергимых улик.

1 сентября 1969 года капитан Муаммар Каддафи вместе с группой поддержавших его офицеров ниспровергли монархию в бескровном перевороте и установили Ливийскую Арабскую Республику. Несмотря на его «проблемное поведение» за границей, он первоначально пользовался благосклонностью Запада — США помешали трем серьезным заговорам против него в первые два года его правления [49] из-за своего свирепого антикоммунизма, происходившего из несовместимости марксистского атеизма с исламской верой. Но все это не помешало стремлению провести в ливийском обществе революционные социально-экономические изменения вполне марксистского характера. Это плюс начало развития нефтяной промышленности, плюс военное сотрудничество с Советским Союзом заложили начало конца снисходительности Запада к авантюрам Каддафи за рубежом [50].

В течение 1970–1980-х годов Каддафи обвиняли в использовании своих обильных нефтяных доходов для поддержки — финансами, оружием, боевой подготовкой, услугами, приютом, дипломатией и общей подрывной деятельностью — множества радикальных, повстанческих, террористических организаций, особенно определенных палестинских фракций, мусульманских диссидентов и движений меньшинств в разных частях Ближнего Востока, Африки и Азии. Его также обвиняли в поддержке боевиков ИРА (Ирландской республиканской армии), баскских и корсиканских сепаратистов в Европе; нескольких групп, боровшихся против режима апартеида в Южной Африке; генерала Норьеги в Панаме; оппозиционных групп и политиков в Коста-Рике, Сент-Люсии, Доминике, на Ямайке, в карibbeanских колониях Франции — Гваделупе, Французской Гвиане и на Мартинике; Красной армии Японии, итальянских Красных бригад, бригады Баадера — Майнхоф (Baader — Meinhof) в Германии... и так далее, и тому подобное.

Утверждалось также, что Ливия стояла за или, по крайней мере, так или иначе была связана с покушениями на жизнь Папы Римского Иоанна Павла, убийством египетского президента Анвара Садата, минированием Суэцкого канала, попыткой взорвать американское посольство в Каире, угоном самолетов, взрывом бомбы в американском авиалайнере над Грецией, взрывом сина-

гоги в Стамбуле, попыткой дестабилизировать правительства Чада, Либерии, Судана и других африканских стран и что Каддафи принимал наркотики, был настоящим бабником и бисексуалом, носил женскую одежду, использовал грим, таскался с игрушечным мишкой, страдал приступами эпилепсии [51].

Более надежной является информация о том, что в течение нескольких лет Каддафи пользовался услугами бывших штатных сотрудников ЦРУ, в частности Эдвина Уилсона (Edwin Wilson) и Франка Терпила (Frank Terpil), которые снабжали его самолетами и летчиками, техниками и инструкторами «зеленых беретов», всеми видами сложного вооружения, оборудования и взрывчатыми веществами. Они также помогли ему организовать военизованные тренировочные лагеря в Ливии [52].

В 1987 году организация Amnesty International объявила, что с 1980 года Ливия совершила нападения по крайней мере на 37 диссидентов, противников Каддафи за границей, — 25 из них были убиты [53].

В январе 1989 года Государственный департамент добавил на счет Каддафи финансирование и боевую подготовку «радикальных элементов и групп, действия которых усугубляют местные проблемы» в Таиланде, на Филиппинах, в Индонезии, Японии и Новой Кaledонии. Несколько месяцами ранее ЦРУ обвинило Ливию в строительстве крупнейшего завода ядовитого газа в мире [54]. В марте 1990 года на этом заводе вспыхнул крупный пожар, который уничтожил его дотла. Президент Буш немедленно и лично заверил весь мир, что Соединенные Штаты «абсолютно» не имеют никакого отношения к этому пожару. Но неделей ранее, когда представителя Белого дома спросили, должны ли США проводить военные действия, чтобы уничтожить завод, он ответил: «Мы ничего не исключаем» [55].

А в это время в Чикаго, в конце 1987 года:

Члены уличной банды «были обличены в планировании террористической деятельности. Американские служащие Фемиды обвинили их в том, что банды должна была получить 2,5 миллиона долларов из Ливии для организации покушений на жизнь американских политиков и совершения нападений на американские аэропорты и государственные учреждения» [56].

Так, в целом, обрисовала ситуацию газета «Лос-Анджелес таймс» — получалось, что пресловутая сильная ливийская личность опять строит свои козни. В действительности, «убийство» из обвинений было вычеркнуто, и на суде не было представлено никаких доказательств того, что Ливия имела какое-либо отношение к возникновению таких планов или содействию им, что Ливия заплатила какие-либо деньги или обещала их заплатить. Члены банды Эль-Рукн (El Rukn), мусульманской секты, донельзя наивные, встречались с ливийскими представителями в Нью-Йорке, Панаме и Ливии и патетически пытались произвести на них впечатление своей отвагой и лояльностью Каддафи. Они вдохновились обещанием лидера организации «Нация ислама» (Nation of Islam) Луи Фарракхана (Louis Farrakhan) получить

якобы из Ливии пять миллионов долларов. Даже если Эль-Рукн и было обещано вознаграждение в 2,5 миллиона долларов — а этому есть только их словесное заверение, — то оба обещания со стороны Каддафи могли быть его революционным хвастовством. (ИРА также утверждала, что не получала денег от Ливии, вопреки заявлению Каддафи [57].) На основе показаний сомнительных информаторов и посредством провокации суд присяжных признал членов банды виновными в общенациональном заговоре и приговорил их к длительным срокам заключения. Возможно, в таком приговоре присяжных сыграла роль высокая степень враждебности по отношению к Ливии, введенная американскому народу десятилетием пропаганды. Так граждан США впервые осудили по обвинениям в терроризме [58].

Это напоминает низкосортный фильм ужасов. Бесчисленное количество раз он поднимается из праха и покачивающейся походкой вновь является народу; десятки раз его разрывают на куски, и десятки раз он подымается снова и снова и топает медленно вперед. Но это не призрак мумии, бродящий по верховьям Нила. Это — он, ливийский лидер, полковник Муаммар Каддафи, ответственный за каждый террористический акт во всем мире, и он упорно возвращается на страницы западной прессы и на экраны западных телеканалов [59].

Рейс 103 авиакомпании «Пан Америкэн»

21 декабря 1988 года рейс 103 авиакомпании «Пан Америкэн» (Pan American) взорвался в воздухе над Локерби (Lockerbie) в Шотландии, унеся жизни 270 человек; более половины были американцы. Пять месяцев спустя Госдепартамент объявил, что ЦРУ было «уверено», что заложившие бомбу в самолет злодеи были членами Народного фронта освобождения Палестины — Главного командования (Popular Front for the Liberation of Palestine — General Command) во главе с Ахмедом Джибрилем (Ahmed Jibril); фронт базировался в Сирии и был нанят Ираном, чтобы отомстить за американское нападение на иранский авиалайнер [60]. Эта версия стала официальной, без конца повторяемой версией Вашингтона, несмотря на то что Сирия и Иран рассматривались как ключевые фигуры в процессе освобождения западных заложников в Ливане. Затем в 1990 году произошло что-то странное. Соединенные Штаты готовили военную кампанию против Ирака. Кто должен был неожиданно появиться как их союзник, чтобы направить войска в Саудовскую Аравию *на джихад* против Саддама Хуссейна? Не кто иной, как рай террористов — Сирия. И чье содействие требовалось во время войны? Проклятого Ирана. Но так не пойдет. В начале октября американские официальные лица объявили, что недавно обнаруженные свидетельства показывают, что изготовить и заложить бомбу в самолет могли ливийские агенты. Но это, оговорились они быстро, не освобождает Иран, Сирию и Народный фронт освобождения Палестины от ответственности за соучастие [61].

После войны постепенно просочилась информация о предполагаемом участии Ливии в теракте. 14 ноября 1991 года два сотрудника ливийской разведки были заочно признаны преступниками. В тот же самый день глава уголовного отдела министерства юстиции утверждал, что никаких доказательств причастности Сирии или Ирана к взрыву не было «и он отмечает в сторону предположения, что это заключение продиктовано желанием США улучшить отношения с Сирией» [62]. В течение последующих 20 дней последние четыре удерживаемые в Ливане американских заложника были освобождены и среди них самый знаменитый заложник — англичанин Терри Уэйт (Terry Waite).

И каковы же доказательства против двух ливийцев? Два кусочка металла размером с ноготь, предположительно от электронного часового механизма. Необходимо ознакомиться с подробным отчетом об этом деле против Ливии, чтобы оценить его полную несостоительность [63]. Более того, в декабре 1993 года программа «Би-би-си» «Тишина над Локерби» (*Silence over Lockerbie*) представила новые данные, которые навевают серьезные сомнения в судебном разбирательстве против Ливии и указывают на то, что Великобритания и Соединенные Штаты, возможно, обвинили Ливию, чтобы отвести подозрения от Сирии и Ирана. Новая ключевая информация состояла в том, что швейцарский производитель электронных таймеров изменил свои предыдущие показания, в которых называл Ливию единственным покупателем таких устройств. Теперь он вспомнил, что продал такие же таймеры в Восточную Германию. Между спецслужбами ГДР и Народным фронтом освобождения Палестины, а также другими арабскими террористическими группами существовали тесные связи. Еще более существенным было то, что инженер швейцарской компании объявил, что информировал следователей Локерби о восточнонемецкой связи в конце 1990 года. Это означает, что международное следствие знало о необоснованности своих обвинений против Ливии до их обнародования в октябре или вскоре после этого [64]. «Ни один немецкий судья не мог бы привлечь к ответственности этих двух подозреваемых на основе таких доказательств», — заявил Фолькер Рат (Volker Rath), немецкий государственный обвинитель и эксперт, в Локерби в 1994 году [65].

Постскриптум

В 2003 ливийское правительство взяло на себя «ответственность» за взрыв авиалайнера в 1988 году — не признавая фактической роли в этих событиях — в надежде на снятие санкций, наложенных США и ООН. Ливия согласилась на это, потому что в 2001 году гражданин Ливии был признан виновным Гаагским судом в том, что заложил бомбу в авиалайнер. Однако гаагский судебный процесс был больше похож на фарс [66].

Новый Каддафи?

Может быть, поначалу озадаченный Муаммар Каддафи, пройдя через десятилетия многословных обвинений и дезинформации, наконец-то начал понимать, что же Соединенные Штаты и другие правительства имели против него. Во второй половине 1988 года он, казалось бы, «повзросел», провел массу прогрессивных реформ в ливийском обществе: установил гражданские свободы, выпустил на свободу сотни политических заключенных, снял ограничения на выезд за границу, дал послабления в экономике («Мы призываем всех ливийцев стать богатыми»), заключил мир и улучшил отношения со многими африканскими соседями [67].

Но начался 1989 год, и Вашингтон готовился к замене Рональда Рейгана на Джорджа Буша. Соединенные Штаты отметили это событие, проведя серию «военных учений» на ливийских задворках, сбив при этом два ливийских самолета. Госдепартамент счел целесообразным обнародовать именно в этот момент свой самый подробный отчет о ливийской причастности к международному терроризму — в «стремлении поддержать международное давление» на Ливию, как об этом написала «Лос-Анджелес таймс» [68].

Несмотря на это, Каддафи продолжал демонстрировать свои новые качества. Он объявил, что решил полностью прекратить или частично урезать финансовую помощь различным иностранным группам, и предупредил несколько палестинских групп, что они впредь не получат прямое финансирование от его правительства и что они должны снизить свою активность в Ливии. Он также признал, что Ливия субсидировала террористические группы, но отметил, что страна перестала это делать: «...когда мы обнаружили, что эти группы наносят больше вреда, чем пользы арабскому делу, мы прекратили полностью нашу помощь им и отказали в нашей поддержке». И добавил, что не желал никакой конфронтации с Вашингтоном [69].

Соединенные Штаты Америки не были впечатлены ни одним из его заявлений. Возможно, они почувствовали, что, ослабляя свой крестовый поход против Каддафи, они ничего от этого не выиграют, а лишь потеряют своего врага.

49. Никарагуа, 1978–1990

ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ МЕЛКИМИ ШАГАМИ

«У меня есть самые неопровергимые доказательства того, что оружие и боеприпасы в больших количествах и неоднократно... поставлялись революционерам в Никарагуа... Я уверен, что Соединенные Штаты менее всего желают вмешиваться во внутренние дела Никарагуа или любой другой республики Центральной Америки. Однако мы должны сказать, что у нас есть определенная заинтересованность в поддержании порядка и дееспособного правительства в Никарагуа в настоящее время... Поэтому Соединенные Штаты не могут не испытывать глубокого беспокойства по поводу серьезной угрозы стабильности и конституционному правительству в Никарагуа, скатывающемуся к анархии и подвергающему опасности американские интересы, особенно если такое положение дел вызвано внешним влиянием или же ему способствует какое-либо другое иностранное государство» [1].

С такими словами обратился президент Калвин Кулидж (Calvin Coolidge) к Конгрессу Соединенных Штатов в 1927 году. Революционеры, из-за которых он был тревогу, были сторонниками либеральной партии — одним из них был Августо Сесар Сандино (Augusto Cesar Sandino). Они с оружием в руках выступили против правительства консервативной партии, которое, как они считали, находится у власти незаконно. Иностранным государством, обвиняемым в вооружении либералов, было мексиканское правительство, которое администрация Кулиджа считала «пропитанным большевистскими идеями». Американскими интересами, которым грозила опасность, были обычные деловые инвестиции, которые привлекались и поощрялись в то время более открыто, чем когда-либо. Именно благодаря этому американские морские пехотинцы высаживались в Никарагуа 12 раз за менее чем три четверти столетия (см. Приложение 2).

В 1980-х годах правительством, встревожившим администрацию Рональда Рейгана — который называл Кулиджа своим политическим святым покровителем, — было революционное никарагуанское правительство сандинистов;

иностранный державой, сурово осуждаемой за то, что она вооружала сандинистов, был Советский Союз, с лихвой пропитанный большевистскими идеями; контрреволюционерами, известными как контрас, были американские морские пехотинцы; что касается американских «интересов» — к «рациональности» экономического империализма было добавлено стремление к политической гегемонии, граничащее с патологией.

Когда американские вооруженные силы покинули Никарагуа в последний раз в 1933 году, они оставили после себя «подарок», за который никарагуанский народ долго их вспоминал — Национальную гвардию под руководством некоего Анастасио Сомосы (Anastasio Somoza), так же как в 1924 году Соединенные Штаты оставили после себя Трухильо (Trujillo) для народа Доминиканской Республики. Три года спустя Сомоса стал президентом и при помощи Национальной гвардии установил семейную династию, которая управляла Никарагуа, во многом как своим частным владением, в течение следующих 43 лет. Когда гвардейцы, находясь под постоянным покровительством Соединенных Штатов, во время военного положения совершили насилия, пытки, убийства оппозиции и массовые погромы крестьян, а также занимались грабежом, вымогательством, контрабандой, содержанием публичных домов и другими государственными делами, клан Сомосы предъявил права на львиную долю земли и предпринимательства в Никарагуа. Когда Анастасио Сомоса II был свергнут сандинистами в июле 1979 года, он сбежал за границу, оставив страну, в который две трети населения зарабатывало меньше 300 долларов в год. Прибыв в Майами, Сомоса оценил свое состояние в 100 миллионов долларов. Однако по данным американской разведывательной службы, оно оценивалось в 900 миллионов долларов [2].

Новым никарагуанским лидерам повезло, что они пришли к власти в то время, когда в Белом доме находился Джимми Картер. У них было полтора года относительной передышки, чтобы сделать первые шаги в задуманном ими переустройстве обнищавшего общества перед тем, как беспощадная врачебность администрации Рейгана обрушится на них; хотя нельзя сказать, что и Картер особо приветствовал сандинистскую победу.

В 1978 году Картер, согласовав свои действия с Сомосой, почувствовавшим неладное, санкционировал тайную поддержку ЦРУ прессе и профсоюзам трудящихся в Никарагуа с целью создания «умеренной» альтернативы сандинистам [3]. В это же время американские дипломаты устанавливали контакты с другими нелевыми никарагуанскими оппонентами Сомосы. Идея Вашингтона об «умеренной альтернативе», согласно группе видных никарагуанцев, которые покинули переговорный процесс, состояла в том, чтобы включить в будущее правительство политическую партию Сомосы и «оставить фактически нетронутой насквозь коррумпированную структуру сомосистского аппарата», включая Национальную гвардию, хотя и в несколько реорганизованной форме [4]. Действительно, в это же время командующий Южного командования США (Латинская Америка) генерал-лейтенант Деннис Маколифф (Dennis McAuliffe) говорил Сомосе, что хотя он и должен будет отречься от власти, но

Соединенные Штаты «намерены не допустить подобного решения, которое приведет к расформированию Национальной гвардии» [5]. Такое представление красноречиво показывает, насколько непонятна была американцам глубокая ненависть к Национальной гвардии, испытываемая преобладающим большинством никарагуанского народа.

Кроме того, Соединенные Штаты безуспешно пытались убедить Организацию американских государств направить в Никарагуа «миротворческие силы» [6] — структуру, которая могла бы воспрепятствовать разрастанию боевой активности повстанцев. В соседней Коста-Рике американский посол счел необходимым пожаловаться правительству, что Куба открыла центр для координации своей военной поддержки сандинистам, и в результате кубинцы переместили свой штаб в консульство [7].

После того как сандинисты пришли к власти, Картер уполномочил ЦРУ обеспечивать финансовую и другую помощь их противникам [8]. В то же самое время Вашингтон оказывал давление на сандинистов, чтобы те включили в новое правительство определенных деятелей [9]. Несмотря на то что эта тактика не увенчалась успехом, администрация Картера не отказалась от помощи Никарагуа. Рональд Рейган позже указывал на этот момент и вопрошал: «Может кто-либо сомневаться в великодушии и добрых намерениях американского народа?».

Но вот о чем умолчал президент:

а) Почти вся эта помощь попадала в неправительственные агентства и частный сектор, включая Американский институт свободного профсоюзного развития (American Institute for Free Labor Development), давней ширмы ЦРУ. (В 1981 году заместитель министра юстиции США в ходе дебатов в Верховном суде неосторожно затронул связи между этим институтом и ЦРУ. Когда прессы подхватила тему, он, запинаясь, сказал, что говорил об этом гипотетически.) [10]

б) Основным и ярко выраженным мотивом для этой помощи было укрепление позиций так называемой «умеренной оппозиции» и пресечение влияния социалистических стран в Никарагуа.

в) Никарагуанскому правительству было отказано во всех видах военной помощи, несмотря на его неоднократные просьбы об оказании такой помощи и о его праве на таковую [11]. Ибо побежденная Национальная гвардия и другие приспешники Сомосы не исчезли — они перегруппировались в контрас и сохраняли свою боеспособность.

В январе 1981 года республиканец Рональд Рейган занял Белый дом и утверждал, что «сожалеет о марксистском сандинистском захвате Никарагуа». Президент начал действовать энергично, чтобы пресечь фактически все формы помощи сандинистам, и это было преддверием его открытой войны против их революции. Американский кит еще раз почувствовал угрозу от пекаря в Карибском море.

Среди множества предпринятых администрацией Рейгана мер следующие: Никарагуа была исключена из списка американской правительственный про-

грамм по продвижению американских инвестиций и торговли; сахарный импорт из Никарагуа был сокращен на 90 процентов; без лишнего шума, но с известным успехом Вашингтон оказывал давление на Международный валютный фонд (МВФ), Межамериканский банк развития (МАБР), Всемирный банк и европейский Общий рынок, чтобы те отказывали Никарагуа в кредитах [12]. Директор МАБР Кевин О'Салливан (Kevin O'Sullivan) позже указывал, что в 1983 году США отказали в предоставлении кредита никарагуанским рыбакам под предлогом того, что у страны не было соответствующего топлива для их лодок. Неделю спустя, отметил О'Салливан, «диверсанты взорвали крупнейший никарагуанский топливный склад в порту Коринто» [13], что, по словам американского разведывательного источника, было «абсолютно точно операцией ЦРУ» [14].

Все же Вашингтон предлагал 5,1 миллиона долларов в качестве помощи частным организациям и Римско-католической церкви Никарагуа. Но это предложение было отклонено правительством, потому что, как отмечалось, «слушания в Конгрессе Соединенных Штатов показали, что соглашение [о помощи] имеет политическую подоплеку, направленную на поддержку со-противления и дестабилизацию революционного правительства» [15]. Никарагуа уже арестовала ранее несколько членов организаций-получателей, таких как Моравская церковь и Верховный совет частного предпринимательства (Superior Council of Private Enterprise), из-за причастности к вооруженным заговорам против правительства [16].

Администрацию Рейгана это не остановило. Кардинал Мигель Обандо (Miguel Obando) и Католическая церковь Никарагуа получили сотни тысяч долларов тайного финансирования от ЦРУ до 1985 года, и затем — после того как официальная американская правительственная помощь была приостановлена комитетом Конгресса по надзору, — деньги шли неофициально через Оливера Норта (Oliver North) на основе соглашения с Белым домом. Одно из мероприятий, куда Обандо, по сообщениям, вкладывал деньги, были «религиозные инструкции», чтобы «подрывать марксистско-ленинскую политику сандинистов» [17].

Скоординированными усилиями с целью лишить никарагуанскую экономику нефти было совершено несколько нападений на нефтехранилища. В ходе операций, проводившихся контрас и ЦРУ из Гондураса, также совершались диверсии на нефтепроводах, минировались акватории нефтеналивных портов — любой приближающийся к порту нефтяной танкер мог быть взорван; по крайней мере семь иностранных судов были повреждены минами, в том числе советский танкер, пять членов команды которого, по сообщениям, получили тяжелые ранения. Порты Никарагуа были на осадном положении: минометные обстрелы со скоростных моторных катеров, воздушные налеты, ракетные и пулеметные обстрелы велись с тем, чтобы блокировать экспорт Никарагуа, а также заставить страну голодать от недостатка импорта, угрожать иностранному судоходству [18]. В октябре 1983 года компания Esso, ведущий поставщик Никарагуа, объявила, что ее танкеры больше не будут перевозить

сырую нефть из Мексики; в тот момент Никарагуа располагала всего лишь 10-дневными запасами нефти [19].

Сельское хозяйство было другой важной мишенью. Рейды контрас наносили значительный ущерб зерновым культурам и уничтожали навесы для сушки табака, зерновые элеваторы, ирригационные системы, дома и сельхозоборудование; дороги, мосты были разрушены, грузовая техника поломана, чтобы не дать перевозить то, что производится; многие государственные хозяйства и кооперативы были парализованы, сбор урожая был сорван; другие, не пострадавшие фермы не работали из-за угроз [20].

В октябре 1982 года компания «Стандарт фрут» (Standard Fruit Company) объявила, что приостанавливает все свои банановые операции в Никарагуа и продажу фруктов в Соединенные Штаты. Американская транснациональная компания, которая целое столетие обогащалась в Никарагуа, разорвала контракт с правительством, продленный до 1985 года, оставив безработными около 4000 рабочих и примерно шесть миллионов упаковок спелых бананов без транспорта и без рынка [21].

Рыбная промышленность Никарагуа пострадала не только от нехватки топлива для ее лодок. Рыболовецкий флот был подкошен минами и нападениями, траулеры простаивали из-за отсутствия запасных частей — сказывалась блокада кредита США. От падения экспорта креветок страна потеряла миллионы долларов [22].

Это была американская война против Никарагуа. У контрас были свои собственные мотивы, чтобы бороться за свержение сандинистского правительства. Соединенным Штатам не нужно было их подталкивать. Перед тем как американские вооруженные силы стали тысячами прибывать в Гондурас и обосновывали там «американскую крепость», деятельность контрас ограничивалась почти исключительно набегами на границе, небольшими вылазками и нападениями на никарагуанских пограничников и фермеров, обстрелами патрульных катеров и т. п. Убив несколько человек здесь, подорвав здания там [23] — в такой войне против превосходящей силы у контрас не было никаких шансов. Но тогда американцы в 1982 году выставили свою тяжелую артиллерию. Появилась авиация, устраивались взлетно-посадочные полосы с грунтовым покрытием, доки, радарные станции, узлы связи, построенные под прикрытием многократных совместных американо-гондурасских военных учений [24], в то время как тысячи контрас проходили боевое обучение во Флориде и Калифорнии [25].

Американские и «гондурасские» самолеты-разведчики, обычно пилотируемые американцами, начали регулярные полеты над Никарагуа для поиска целей бомбардировок и организации диверсий, отслеживали передвижения сандинистских войск и объектов, определяли с воздуха минирование, вели перехват военной связи и фотографировали местность. Корабли радиоэлектронной разведки недалеко от берегов Никарагуа прослушивали объекты в глубине страны с помощью электронных средств слежения [26]. Бывший аналитик ЦРУ отмечал: «Наша разведка в Никарагуа так хороша... что мы можем услышать, как в Манагуа спускают воду в туалете» [27].

Тем временем американские летчики совершали боевые полеты против никарагуанских войск и осуществляли поставки контрас внутри никарагуанской территории. Некоторые из них были сбиты и погибли [28]. Другие летали в гражданской одежде, и в Пентагоне их предупредили, что от них откажутся, если они попадут в плен [29]. Некоторые представители контрас рассказывали американским конгрессменам, что им приказали взять на себя ответственность за бомбардировку, устроенную ЦРУ и его платными наемниками [30]. Гондурасские войска также обучались в США приемам диверсионных действий в Никарагуа [31]. Все так и происходило — так же, как и в Сальвадоре. Полная картина американского вмешательства в этой войне никогда не будет раскрыта.

Жестокость мятежников принесла им известность. Они методично уничтожали медицинские пункты, школы, сельскохозяйственные кооперативы и дома культуры — символы социальной программы сандинистов в сельских районах. Людей, захваченных в этих налетах, подвергали пыткам и убивали самым жестоким способом. Достаточно одного случая, о котором сообщает лондонская «Гардиан» (The Guardian). Оставшийся в живых после налета в провинции Хинотега (Jinotega), на границе с Гондурасом, местный житель рассказывал:

«Розе отрезали грудь. Потом они вскрыли ее грудную клетку и вынули сердце. Мужчинам отрезали руки, половые органы, выкалывали глаза. Им перерезали горло, вытаскивая наружу язык» [32].

Американская организация по правам человека Americas Watch пришла к заключению, что «систематическое применение жестокого насилия контрас... является столь распространенным, что можно сказать — это их основной метод ведения войны».

В ноябре 1984 года никарагуанское правительство объявило, что с 1981 года контрас убили 910 государственных служащих и 8000 гражданских лиц [33].

Аналогия неизбежна: если бы Никарагуа была Израилем, а контрас — Организацией освобождения Палестины, сандинисты давно бы уже совершили налет на базы в Гондурасе и стерли бы их с лица земли. Соединенные Штаты молчаливо одобрили бы эту акцию, Советский Союз осудил бы ее, но ничего не предпринял бы, остальная часть мира просто бы удивилась — и этим все и закончилось бы.

После того как о многих злодеяниях контрас стало известно в мировой прессе, в октябре 1984 года выяснилось, что ЦРУ подготовило для своих клиентов инструкцию, в которой среди прочего рекомендовалось применение насилия по отношению к гражданским лицам. На волне негодования в Конгрессе, вызванной этими разоблачениями, Государственный департамент был вынужден публично осудить террористическую деятельность контрас. ЦРУ, настоящие и бывшие лидеры контрас, а также другие свидетели информировали комитет по разведке Конгресса, что контрас действительно «насиловали,

пытали и убивали мирных граждан, включая детей» и что «группы гражданских лиц, включая женщин и детей, были сожжены, расчленены, ослеплены и обезглавлены» [34]. Это были те самые контрас, которых Рональд Рейган на своем странном языке называл «борцами за свободу» и «равными, с точки зрения морали, нашим отцам-основателям». Повстанцы в Сальвадоре, по напускному мнению президента, были «убийцами и террористами» [35].

Учебное пособие ЦРУ под названием «Психологические операции в партизанской войне» (Psychological Operations in Guerilla Warfare) содержало советы по таким темам, как политическое убийство, шантаж обычных граждан, массовое насилие, похищение, устройство взрывов в общественных местах. После входа в город, говорилось в этом пособии, «организуйте открытые суды», на которых контрас смогут «позорить, высмеивать и оскорблять» сандинистов и сочувствующих им, «крича лозунги и насмехаясь над ними». «Если... нужно будет... расстрелять человека, пытавшегося покинуть город», контрас должны объяснять, что «он был врагом народа», хотел привести сандинистов, чтобы те «совершили расправы, насиливали, грабили, разрушали, хватали людей и т. д.»

Контрас советовали объяснять людям, что «мы ведем борьбу не против народа, а против русских империалистов». Это «вызовет сочувствие крестьян, и они немедленно примкнут к вам». (Сам Мао, возможно, не сказал бы лучше.) Рабочим нужно было говорить, что «государство отменяет фабрики», а докторам — что «их заменят кубинские фельдшеры».

Когда население проникнется этим и начнет подниматься против правительства, «профессиональные преступники должны быть наняты для выполнения особых заданий». Они должны устраивать во время демонстраций столкновения с властями, чтобы вызвать восстания и перестрелки, во время которых погибнут один-два человека, и это создаст как раз образ мученика». Другие люди должны быть «вооружены палками, железными прутьями и плакатами и, если это возможно, иметь спрятанное огнестрельное оружие». Другие «ударные группы», вооруженные «ножами, бритвами, цепями, палками и дубинками», должны «шествовать немного сзади мирной толпы» и подталкивать процесс.

Наконец, глава под названием «Целевое применение насилия для пропагандистских эффектов» учит контрас, как можно «нейтрализовать тщательно отобранные и запланированные цели, такие как суды, полицейские участки и учреждения общественной безопасности», а также другие объекты [36].

Всем своим содержанием пособие показывает примерно то же самое, чему западный мир всегда учили: что это — путь, которым коммунисты плели интриги и обучали. Раскрытие пособия сильно ударило по администрации Рейгана, однозначно развеяв миф о том, что Соединенные Штаты не преследовали цель свергнуть сандинистское правительство; хотя к тому времени любой, кто все еще верил в это, был достаточно далек от действительности.

Представители Белого дома и президент Рейган изобретательно пытались объяснить, что это пособие только проект, что оно не было размножено и

распространено, что авторы оговорились, что слово «нейтрализовать» не означает убить, а только отстранить от работы, что автор пособия был неким безответственным «фрилансером» низкого уровня [37]…

Немного позже это же пособие с незначительными изменениями можно было снова найти в Гондурасе; его распространением для видимости занялась частная американская организация — журнал «Солдат удачи» (Soldier of Fortune) [38].

ЦРУ, возможно, попыталось предоставить своим студентам-контрас некоторые наглядные примеры нейтрализации в духе мафии. В июне 1983 года правительство Никарагуа выслало трех служащих посольства США, один из которых, как сообщали, был руководителем резидентуры ЦРУ в Манагуа, обвинив их в том, что они являлись частью подрывной сети Управления, которая, среди прочего, пыталась убить министра иностранных дел Мигеля д'Эското (Miguel d'Escoto). Орудием убийства должна была послужить бутылка бенедиктинского ликера, содержащего таллий, отравление которым почти невозможно обнаружить в человеческом теле. На пресс-конференции правительство представило доказательства — фотографии и видеозаписи американских дипломатов, встречающихся с их никарагуанскими чиновниками, выдававшими себя за соучастников заговора, а также копии перехваченных сообщений [39].

Два месяца спустя никарагуанское правительство предотвратило другой заговор ЦРУ с целью убийства д'Эското (который также был католическим священником) и двух других правительственные служащих. Агент ЦРУ Майк Ток (Mike Tock) был обвинен в организации этого заговора [40].

В июне, по словам одного из участников, ЦРУ направило ударный отряд из Гондураса в Манагуа, чтобы покончить со всеми девятью *командантес* национальной Директории одним махом, подорвав здание, где они заседали. Отряд прибыл в Манагуа, но взрывчатые вещества не поступили; заговор был раскрыт [41].

У Бога и у борьбы за свободу есть что-то общее: они оба движутся неисповедимыми путями. Если пособие ЦРУ по антипартизанской борьбе не было своеобразным «инструментом свободы», то иллюстрированный комикс агентства, конечно же, им был: 16-страничная «Книга борца за свободу» (Freedom Fighters' Manual) поставлялась контрас для распространения среди населения Никарагуа. Ее 40 иллюстраций показывали читателям, как они могли «освободить Никарагуа от притеснения и нищеты» «набором полезных методов саботажа». Среди них были такие: забивать туалеты тряпками, перерезать силовые кабели, сыпать грязь в бензобаки, раскидывать гвозди на дорогах и шоссе, резать и прокалывать шины транспортных средств, рубить и кидать деревья на шоссе, делать ложные звонки о мнимых пожарах и преступлениях, красть и припрятывать продовольствие от правительства, оставлять включенным свет и открытыми водопроводные краны, красть почту из почтовых ящиков, опаздывать на работу, прикидываться больным, устраивать короткие

замыкания, бить электролампочки, портить книги, распространять слухи, угрожать начальникам и чиновникам по телефону [42].

По крайней мере, до середины 1980-х годов основное официальное объяснение американской воинственности по отношению к сандинистскому правительству, наиболее часто повторяемое, состояло в том, что Никарагуа снабжало военной помощью сальвадорских повстанцев. Тот факт, что Соединенные Штаты в то же самое время существенно вооружали сальвадорское правительство, которое поддерживало контрас, Вашингтон в расчет не берет. В главе о Сальвадоре мы увидим, насколько Вашингтону не хватало доводов для этого обвинения. Независимо от того, какие были организованы поставки и каких размеров они достигали, они, похоже, закончились в начале 1981 года. В январе этого года один из членов сальвадорского кабинета министров объявил, что Никарагуа больше не позволяет использовать свою территорию для осуществления военных поставок [43]. Несколько недель спустя сандинистское правительство, встревоженное приостановкой американской экономической помощи, потребовало от сальвадорских повстанцев найти политическое урегулирование конфликта [44]. С подобными требованиями сандинисты обращались и в последующие годы [45]. И в марте на совещании директора Уильяма Кейси в штаб-квартире ЦРУ было подтверждено прекращение операций по этим поставкам [46].

Дэвид Макмайкл (David MacMichael), который служил с ЦРУ с 1981 по 1983 год в качестве аналитика военного и политического развития в Центральной Америке, присутствовал на многостороннем совещании, где обсуждались планы ЦРУ по поддержке контрас. С этого совещания он вынес мнение, что «хотя объявленная цель и состояла в том, чтобы запретить поставки оружия, идущего в Сальвадор, едва ли можно сказать, что было какое-то обсуждение трафика оружия... Я не знал причину этого до тех пор, пока через несколько месяцев не понял, как и все остальные, что запрет трафика оружия никогда не был серьезной темой для обсуждения».

Бывший сотрудник ЦРУ рассказал, что у него был доступ к самой секретной информации по Никарагуа, включая поставки оружия в Сальвадор, и, основываясь на этом, он пришел к заключению, что «администрация и ЦРУ систематически искали никарагуансую причастность к поставкам оружия сальвадорским партизанам, чтобы оправдать [свои] усилия свергнуть никарагуанское правительство» [47]. Дэвид Макмайкл, помимо ЦРУ, прослужил десять лет в морской пехоте США и четыре года занимался противопартизанскими действиями в Юго-Восточной Азии. Для человека с таким послужным списком его взгляды на внешнюю политику США в Латинской Америке претерпели странные изменения:

«Мы имеем контроль, и мы не хотим терять его. Идеология антисоветизма дает этому разумное объяснение, хотя такое убежденное упорство в ней — настоящая патология. Мы имеем целое поколение людей, выросших во внешнеполи-

тическом истеблишменте и работающих в нем, кто в течение 25 лет вставал по утрам и говорил каждый раз: «Сегодня мы наконец-то прикончим этого ублюдка Кастро» [48].

Безуспешные попытки Соединенных Штатов найти настоящие никарагуанские следы на сальвадорской территории, очевидно, подтолкнули вездесущего Оливера Норта (Oliver North) попытаться оставить там некоторые фальшивые. В 1988 году Хосе Блэндон (Jose Blandon), бывший близкий советник шефа обороны Панамы, а на самом деле ее фактического правителя генерала Мануэля Норьеги, заявил, что Норт проводил в 1986 году тайную операцию, в ходе которой на территории Панамы собиралась большая партия оружия и транспортных средств советского блока, которую потом предстояло «захватить» в Сальвадоре и ложно привязать к сандинистам. Но эти усилия претерпели неудачу в июне, когда судно с военным грузом на борту было задержано панамскими служащими. Два дня спустя газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью о незаконной деятельности Норьеги [49].

Вторым объяснением вашингтонской политики, вероятно, было то, что Никарагуа представляла собой военную угрозу другим центральноамериканским странам, не просто базам в Гондурасе, которые были ежедневно планируемой провокацией — но и самому Гондурасу и другим соседним государствам. Но это было слабым аргументом, поскольку у Никарагуа фактически не было военно-воздушных сил — и было бы равносильно самоубийству напасть на кого-либо без надлежащего прикрытия с воздуха — и даже не было флота, а никарагуанские танки совсем не подходили для местности в Гондурасе [50]. Еще меньше причин для вторжения было у сандинистов. Сомнительно, чтобы служащие Государственного департамента сами верили в эту историю больше, чем предполагаемые объекты нападения. Министр информации Коста-Рики Армандо Варгас (Armando Vargas) на конференции для коста-риканских журналистов в 1985 году бодро заявлял: «Никто здесь на самом деле не ожидает, что Никарагуа нападет на нас»... «И никто в Гондурасе также не ожидает этого», — сказал Мануэль Гэморо (Manuel Gamero), главный редактор «Тиempo» (Tiempo), одной из ведущих гондурасских газет [51].

В другие дни нам дают другие причины, почему сандинистов следует сдерживать. Это, возможно, необходимо для защиты Панамского канала или «свободного мореплавания в Карибском бассейне и Мексиканском заливе». Угроза морским коммуникациям — эта карта разыгрывалась Вашингтоном не один раз в каждом уголке земного шара за прошедшие 40 лет. Множество раз он ставил на нее. Или это была угроза «второй Кубы» или ее подобия — «советский береговой плацдарм» в регионе. Такие предупреждения дополнялись иллюстрациями — выставкой воздушных фотографий Никарагуа с «военными казармами кубинского типа», «советского типа места для физической подготовки с турниками и другими спортивными снарядами для упражнений и беговой дорожкой», и — самое страшное — сандинистский военный городок,

«имеющий стандартную прямоугольную форму, как мы видели на Кубе» [52]. Хитрые кубинцы придумали прямоугольное здание.

«Стратегическая проблема — довольно простая штука, — утверждал Патрик Бьюкенен (Patrick Buchanan), директор по связям с общественностью при администрации Рейгана. — Кто больше хочет Центральную Америку — Запад или Варшавский договор?» [53]

Фидель Кастро не сомневался. По крайней мере, в двух случаях он однозначно выразил свое разочарование и беспокойство по поводу того, что Советский Союз недостаточно помогает Никарагуа, и считал это слабым и нерешительным ответом СССР американскому давлению на сандинистское правительство, особенно после того как российское судно подорвалось на минах ЦРУ. Кубинский лидер не присутствовал на похоронах советского руководителя Черненко в марте 1985 года и не оставил запись в книге соболезнований в советском посольстве в Гаване, очевидно, чтобы отметить свое недовольство советской политикой. Один советский дипломат говорил: «Мы, разумеется, отдаём приоритет улучшению отношений с нашим противником, мы должны искать баланс с США, поэтому мы, естественно, скажем [кубинцам] успокоиться, мы не заинтересованы в обострении ситуации в Анголе и Никарагуа» [54].

«В аналитических центрах и академических институтах в Москве, где обсуждается и рассматривается советская политика в Латинской Америке, — сообщала лондонская газета «Гардиан» (The Guardian), — акцент делается на диалоге и переговорах, и если Советский Союз в чем-то и соглашается с Соединенными Штатами, так это в том, что не должно быть «больше Куб». Это был намек на тяжелое экономическое и политическое бремя Кубы, висевшее годами на шее Москвы» [55].

Оливер Норт также не испытывал никакого сомнения в том, кто хотел Центральную Америку больше. Подполковник как-то сказал одному из частных американских спонсоров контрас: «Россия никогда не пойдет против нас, чтобы спасти Никарагуа» [56].

Не сомневалась в этом и Польша. Страна — участник Варшавского договора продавала оружие контрас, как и коммунистические китайцы [57].

В 1987 году советский лидер Михаил Горбачев предложил прекратить советскую военную помощь Никарагуа, если Соединенные Штаты прекратят свою военную поддержку контрас. Рейган подтвердил, что Горбачев поднял этот вопрос в беседе с ним, но нет никакого упоминания, что президент последовал этим путем [58].

В январе 1983 года так называемая Контадорская группа (Contadora Group) в составе Мексики, Панамы, Колумбии и Венесуэлы начала периодически встречаться, пытаясь успокоить беспокойные воды Центральной Америки. Отклонив с самого начала идею, что конфликты в этом регионе могут или должны рассматриваться как часть противостояния Востока и Запада, они консультировались со всеми вовлеченными в конфликт странами, включая

Соединенные Штаты. Сложные и долгие обсуждения в конечном итоге породили соглашение из 21 пункта, включавшее наиболее спорные вопросы: гражданская война, иностранная интервенция, выборы и права человека. Вашингтон, который не являлся подписантам соглашения, но очевидным образом должен был его выполнять, оказывал давление на Манагуа подписать соглашение. Это было отчасти для внутреннего американского потребления: Белому дому была необходима поддержка Конгресса политики администрации в отношении Никарагуа и победа на президентских выборах 1984 года. Другой причиной была возможность давить на Никарагуа, утверждая, что подписание соглашения сделало бы страну демократичной и остановило бы «экспорт революции».

Затем, к большому удивлению Вашингтона, 7 сентября 1984 года Никарагуа объявила о своем намерении подписать соглашение. До этого момента Соединенные Штаты публично не критиковали положения этого соглашения, но тут Вашингтон вдруг начал находить спорные моменты и требовать их изменения. Государственный департамент объявил, что Контадорская группа «не считает, что это [соглашение] может быть концом процесса», но высокопоставленный дипломат одной из контадорских стран настоял, чтобы «все рассматривали его как заключительный документ с самого начала», в том числе и представители США [59].

То, что встревожило Вашингтон в соглашении, были его требования вывода из каждой страны всех иностранных военных баз; ограничения на присутствие иностранных военнослужащих, вооружение и проведение военных учений; запрет на помочь повстанческим силам, стремящимся свергнуть какое-либо правительство. Всего этого было достаточно, чтобы оставить без дела интервенционистскую державу. Соединенные Штаты отказались давать свое благословение этому соглашению. Член палаты представителей Майкл Барнс (Michael Barnes), председатель подкомиссии по иностранным делам в Западном полушарии, так прокомментировал это: «Возражения администрации по поводу соглашения укрепляют мою веру в том, что она никогда не имела реального интереса к мирному урегулированию» [60].

После объявления об этом в Манагуа представители Госдепартамента признали свою обеспокоенность тем, что это «могло бы подорвать усилия администрации рассматривать сандинистов как основной источник напряженности в Центральной Америке». Некоторые чиновники утверждали, что намеченная поездка в Лос-Анджеles сандинистского лидера Даниэля Ортеги «не должна быть одобрена, отчасти чтобы наказать г-на Ортегу и сандинистов за то, что они приняли контадорские мирные предложения» [61]. Готовность Никарагуа подписать соглашение была названа «пропагандистской уловкой» [62].

Месяц спустя внутренний циркуляр Совета национальной безопасности отметил, что Соединенные Штаты в результате интенсивного лоббирования «эффективно заблокировали» принятие соглашения в том виде, в каком оно было написано [63].

В течение последующих трех лет администрация Рейгана успешно искала способы срыва мирных переговоров в рамках Контадорской группы, потому что эти переговоры усложняли ей попытки выбивать финансирование для контрас в Конгрессе, а также мешали ее основной цели — свержению никарагуанского правительства [64].

Советник по вопросам национальной безопасности Джон Пойндекстер (John Poindexter) дал понять панамскому лидеру генералу Мануэлю Норьеге, что Соединенные Штаты недовольны ролью Панамы в Контадорском процессе, и предложил Норьеге отойти от власти. Когда Норьега отказался это сделать, США отказали в экономической помощи на 40 миллионов долларов. Затем в июне 1986 года washingtonские официальные лица проинформировали американских журналистов о причастности Норьеги к незаконному обороту наркотиков и отмыванию денег. Таким образом, бывший на хорошем счету клиент ЦРУ в одновременность превратился в антиобщественный элемент номер один в Соединенных Штатах. Подобным же образом в 1985 году, когда президент Гондураса Роберто Суасо (Roberto Suazo) воспрепятствовал поставкам помощи контрас, США заблокировали программу помощи Гондурасу и облили его грязью.

В феврале 1986 года США пригрозили Мексике, которая наряду с Панамой была наиболее активным членом Контадорской группы, что если она будет лobbировать в Конгрессе Контадорский процесс, то администрация начнет поддерживать оппозиционную Партию национального действия на следующих мексиканских выборах. Осужденный участник скандала с контрас (Contragate) Карл Ченнелл (Carl Channell) позже рассказывал представителям Партии национального действия, что Рейган помог бы им, если бы они помогли контрас. В мае представители Белого дома выступили перед Конгрессом, раскритиковав мексиканское правительство за коррупцию, незаконный оборот наркотиков и неумелое руководство экономикой — чрезвычайно необычный шаг в отношении Мексики [65].

В августе 1987 года «Центральноамериканское мирное соглашение», инициированное президентом Коста-Рики Оскаром Ариасом (Oscar Arias), преемник неудавшегося Контадорского процесса, было подписано Сальвадором, Гондурасом, Гватемалой, Никарагуа и Коста-Рикой. Его ключевые условия относительно иностранного военного вмешательства были похожи на предыдущие контадорские версии. Администрация Рейгана, однако, все еще страстно стремилась к военной победе. По словам бывших официальных лиц, некоторые в администрации желали срыва мирных переговоров, созданных по плану Ариаса [66]. Война в Никарагуа продолжалась.

Аргументом, чаще всего выдвигаемым администрацией Рейгана и объясняющим ее нежелание принять контадорское соглашение в течение 1983 и 1984 годов, было то, что Никарагуа не была готова проводить действительно свободные выборы, как того требовало соглашение. Вашингтон называл победу, одержанную сандинистами на выборах в ноябре 1984 года с перевесом два к одному, «обманом».

На первый взгляд, по (некорректным) стандартам западных выборов к никарагуанским выборам нельзя сильно придираться; по стандартам Латинской Америки это был истинный образец демократии; тот факт, что не было никаких смертельных случаев в связи с выборами, сам по себе делает их почти уникальными в Латинской Америке; появление небольших партий на избирательных участках в каждой провинции страны отличало их от типичных президентских выборов в Соединенных Штатах.

Выборы были открыты для всех партий и кандидатов, ни о каких фальсификациях на выборах не сообщалось, и даже не было обвинений в них; на выборах присутствовали 400 иностранных наблюдателей из 40 различных стран, и в день выборов газета «Вашингтон пост» имела основания сообщить:

«Даже американские дипломаты здесь признают, что сандинисты предоставили возможность широкого выражения политических взглядов, включая те, которые резко критиковали правительство. В начале кампании сандинисты ослабили цензуру единственной оппозиционной газеты «La Пренса» (La Prensa), а государственное телевидение и радиоканалы выделили эфирное время — хотя и ограниченное — для малочисленных, но громких оппозиционных партий, чтобы те могли изложить свою платформу» [67].

Критика Вашингтоном выборов сосредоточилась на бойкоте их Демократическим координирующим союзом (ДКС, Democratic Coordinating Alliance) — значительной коалицией оппозиционных групп во главе с Артуро Хосе Крузом (Arturo Jose Cruz). Несколько раз Круза и его последователей, когда они появились публично, толпа избивала, и по крайней мере в одном случае сообщалось, что многие из протестующих приехали в город на правительском транспорте. Неясно, сознательно ли сандинисты создавали Крузу препятствия, но ясно то, что, запретив союзу участвовать в избирательной кампании, правительство потеряло бы намного больше, чем получило. В любом случае, эти эпизоды были несущественны и не помешали в целом избирательной кампании Круза. Самое существенное возражение Демократического координирующего союза состояло в том, что им предоставлялось мало эфирного времени для кампании.

Хронология событий такова: 21 февраля было объявлено, что выборы будут проводиться 4 ноября. В мае была начата регистрация партий и кандидатов, и к 25 июля было зарегистрировано семь партий: сандинисты в центре и по три партии с левого и правого крыла [68]. ДКС отказался регистрироваться, и Круз объявил, что не будет принимать участие в выборах, если правительство не начнет диалог с контрас, как будто бы контрас страстно к этому стремились, а правительство отклоняло их требования. ДКС выдвинул это требование три недели спустя, заявляя, что контрас информировали их, что они согласятся с любой договоренностью, достигнутой между их партией и правительством [69]. Отказ зарегистрироваться, и это нужно отметить, произошел прежде какого-либо особыго ущемления прав.

Круз также утверждал в то время, что в течение пяти лет население было слишком настроено правительством против оппозиции, чтобы иметь какой-либо шанс [70] — это обвинение может быть выдвинуто с веским основанием любой оппозиционной партией в любой стране мира.

В день регистрации несколько помощников Круса встретились с представителями правительства и попросили продлить крайний срок для регистрации [71] — жест, указывающий, возможно, на раскол в рядах ДКС. Сандинисты сначала отказались, но 22 сентября объявили, что регистрация продлевается до 1 октября. ДКС снова не зарегистрировался, заявляя, что дата выборов должна была быть передвинута с ноября на январь [72]. Сандинисты подозревали и сказали об этом открыто, что ДКС знают, что они проиграют в любом случае и воздерживаются от выборов по просьбе Соединенных Штатов, чтобы бросить тень на процесс в целом. В августе некоторые покровители Круса фактически заявили, что надеялись «дискредитировать выборы и вынудить сандинистов пойти им на политические уступки». «Что нам действительно нужно, — заявили они, — это посадить Артуро в тюрьму» [73].

Одним безошибочным признаком руки ЦРУ в выборах были рекламные объявления на всю полосу, которые появились в августе в газетах Венесуэлы, Коста-Рики и Панамы, подписанные несуществующей организацией, которая называла себя «Друзья Томаса Борджа» (*Friends of Tomas Borge*). Эти объявления пытались расколоть сандинистское руководство, выдвигая кандидатуру Борджа вместо Даниэля Ортеги, который уже был выбран в качестве сандинистского кандидата. «Ни Орtega, ни Круз!» — провозгласили они лозунг [74].

В течение этого периода ДКС выдвигал одно за другим требования по изменению процедуры избирательной гонки как цену за свое участие в выборах. По любому разумному стандарту политической кухни правительство показало себя достаточно гибким. 21 сентября газета «Нью-Йорк таймс» сообщила, что, по заявлению оппозиции, сандинисты пошли на существенные уступки и что единственное главное предложение, которое осталось, — это отложить выборы до января. ДКС заявил, что это важно, потому что выборная кампания не может начаться прежде, чем некоторые позиции не будут согласованы. Позиция правительства заключалась в том, что оно даст гарантию отсрочки — важнейшая и невероятная уступка — только в том случае, если ДКС заключит перемирие с контрас. Другая сторона ответила, что она неполномочена поступить таким образом, и переговоры продолжались в течение всего октября со многими запутанными и противоречавшими сообщениями об их ходе, пока наконец не истек их срок. Соединенные Штаты, конечно, могли бы устроить перемирие, если бы они захотели проверить приверженность сандинистов тому, что Вашингтон называл свободными выборами. То, что у США был такой интерес — факт спорный в свете того, что «Нью-Йорк таймс» выявила за две недели до выборов:

«Администрация Рейгана, публично критикуя выборы 4 ноября в Никарагуа и расценивая их как «обман», по словам высокопоставленных официальных лиц,

в частном порядке возразила против участия ведущего кандидата от оппозиции из опасения, что его участие в выборах узаконило бы избирательный процесс.

С мая, когда была сформирована американская позиция по отношению к выборам, администрация подразумевала, что Артуро Хосе Круз, кандидат от оппозиции, или не вступит в избирательную гонку, или, если он это сделает, сойдет с дистанции перед выборами, заявляя, что условия были несправедливы.

«Администрация никогда не собиралась позволять Крузу оставаться в гонке, — отметил чиновник, — потому что тогда сандинисты могли бы законно утверждать, что выборы были легитимны, что осложнило бы ситуацию для Соединенных Штатов в его противостоянии с никарагуанским правительством».

Несколько представителей администрации, осведомленные о ее действиях в Никарагуа, рассказали, что Центральное разведывательное управление США работало с рядом сторонников г-на Круза, чтобы иметь гарантию того, что они будут возражать против любого возможного соглашения об его участии в выборах» [75].

За несколько дней до выборов ряд правых партий, участвовавших в них, заявили, что дипломаты США давили на них, чтобы они выбыли из гонки [76]. Одна из них, Независимая либеральная партия, уже объявила, что больше не участвует в выборах.

Раскрывая план администрации саботировать законность выборов, главной фигурой которого был Артуро Круз, и сообщая об упомянутом выше давлении выбыть на других участников избирательной гонки, «Нью-Йорк таймс» после окончания выборов непонятно зачем поместила редакционную статью, в которой, в частности, сказано:

«Только наивные полагают, что воскресные выборы в Никарагуа были демократическими или узаконивающими популярность сандинистов... Сандинисты на самом деле легко доказали, что их выборы — обман. Их решающим актом было то, что они прервали переговоры с Артуро Крузом, оппозиционным демократом, чья кандидатура могла бы придать больше честности выборной гонке... Оппозиция... была напоследок сведена к четырем малочисленным левым группам и фракциям двух традиционных партий. И даже в таком положении, после пяти лет неограниченной власти, сандинисты, по всей видимости, получили меньше, чем две трети голосов» [77].

Американский посол в Коста-Рике сравнил Никарагуа при сандинистах с «зараженным куском мяса», который привлекает «мух» [78].

Президент Рейган назвал страну « тоталитарной темницей» [79] и настаивал на том, что люди в Никарагуа угнетались сильнее, чем чернокожие в Южной Африке [80].

Члены комиссии Киссинджера по Центральной Америке указывали, что Никарагуа при сандинистах была такой же плохой или даже хуже, чем при Сомосе. Генри Киссинджер считал, что Никарагуа хуже, чем нацистская Гер-

мания [81]. Рейган был согласен — он сравнивал тяжелое положение контрас с положением британцев в противостоянии с Германией во время Второй мировой войны [82].

«Центральная Америка, — отмечал Уэйн Смит (Wayne Smith), прежний руководитель Секции интересов США в Гаване (US Interests Section, фактически посольство при отсутствии дипломатических отношений. — Прим. ред.), — теперь имеет такое же влияние на американскую внешнюю политику, как полная луна на оборотней» [83].

Ненависть была столь всеохватывающей, столь жестокой, что Киссинджер потребовал отозвать американского посла в Никарагуа просто потому, что в его сообщении указывалось, что сандинистское правительство «выступило довольно неплохо в такой области, как образование» [84]. Вслед за ужасным опустошением в Никарагуа, вызванном ураганом Джоан в октябре 1988 года, администрация Рейгана отказалась посыпать туда любую помощь, запретив также частным американским организациям делать это. Желание Государственного департамента превратить сандинистов на международной арене в касту неприкасаемых было настолько сильным, что он возвещал безо всяких доказательств всему миру, что Никарагуа экспортировала наркотики, что это антисемитское государство и оно обучает бразильских партизан [85]. Когда ЦРУ потребовалось давать разъяснения по поводу предполагаемой сандинистской связи с наркотиками, оно отступилось от слов администрации [86].

Госсекретарь Александр Хейг (Alexander Haig) показал фотографию обгоревших трупов в качестве примера «зверского геноцида, проводимого никарагуанским правительством» против индейцев мискито. Потом выяснилось, что фотография была 1978 года — времен Сомосы [87].

Ненависть такого масштаба нужно было как-то оформить — институциализировать. Поэтому в 1983 году было создано Управление общественной дипломатии (УОД, Office of Public Diplomacy), номинально при Государственном департаменте, но работающее как отделение Совета национальной безопасности. Новое Управление характеризовалось американским чиновником как «крупномасштабная психологическая операция, подобная тем, что проводят военные, чтобы влиять на население на спорной или вражеской территории» [88]. Только в этом случае объектом операции становился сам американский народ. Заместитель директора Управления полковник Даниэль Яковиц (Daniel Jacobowitz), военный специалист по «психологическим операциям», так описывал медийную кампанию в «конфиденциально-секретном» стратегическом документе в марте 1985 года: «Главная установка: никарагуанские борцы за свободу являются борцами за свободу в американской традиции, СФНО [сандинисты] — зло» [89].

Раскручивание маховика дезинформации Управления общественной дипломатии проходило при участии воображения Оливера Норта, который был более чем когда-либо активным, и включало басни о Никарагуа, приобретающей химическое оружие, о связях «Иран — Никарагуа» (не путать

с реальными связями США/Норт-Иран, о которых мы поговорим позже), выдумки о «советских МиГах в Никарагуа», сандинистская казнь 50 политических заключенных — и многое другое, в лучшем случае вводящее в заблуждение [90].

На страницах основных информационных агентств размещались комментарии и «репортажи», подготовленные штатными сотрудниками Управления общественной дипломатии и их контактами, за подписями лидеров контрас и якобы независимых ученых, намеревающихся давать независимую оценку утверждений Белого дома. Другие материалы были направлены тысячам университетских библиотек, факультетам, авторам редакционных статей и религиозным организациям. Эксперты по связям с общественностью частного сектора, группы лоббистов и исследовательские центры также были привлечены к этой задаче и, хорошо оплачиваемые деньгами налогоплательщиков, продвигали вперед миссию Управления общественной дипломатии. По собственным оценкам Управления, его работа значительно изменила общественное мнение и точку зрения Конгресса, что дало возможность получить одобрение палаты представителей на 100 миллионов долларов помощи контрас в июне 1986 года [91].

В пределах рациональной постановки вопроса следовало бы спросить: что же именно такого сделали сандинисты, что лишили Соединенные Штаты возможности делить одну планету с ними? Дэвид Макмайл замечает, что не было никакого *повода к войне* (*casus belli*) между двумя странами:

«Нет никаких примеров американских граждан, которые были бы убиты там. Никакая американская собственность не была конфискована без установленного порядка или без возмещения. Эти люди настолько «отсталые», что не пытались убить нескольких американских священников или монахинь.

Сегодня любая полуреспектабельная страна в мире способна на такое, но сандинисты даже не думали этого делать» [92].

То, что Соединенные Штаты сделали в отношении никарагуанской революции, более чем ясно.

Было бы чрезвычайно трудно преобразовать никарагуанское общество, даже если бы США оставили его в покое. Сандинисты унаследовали страну ужасающей бедности, отсталую во всех отношениях (по сообщениям, в Никарагуа было всего два лифта), с внешним долгом в 1,6 миллиарда долларов, который они решили выплатить (за исключением долга Израилю и Аргентине за поставки оружия Сомосе) [93].

Но затем последовали американские сокрушительные удары по внешней торговле и кредиту, по промышленности и сельскому хозяйству и война, которая вынудила правительство отвлечь все возрастающую часть государственного бюджета и чрезмерное количество рабочей силы на оборону и безопасность. В 1980 году половина государственного бюджета была выделена на здравоохранение и образование, а военные расходы составляли примерно

18 процентов. К 1987 году военные нужды съедали больше половины бюджета, а на здравоохранение и образование уходило меньше 20 процентов.

Вдобавок к этому исторически знакомый постреволюционный кризис: без капитала и профессионалов среднего класса; тот же известный саботаж со стороны тех, кто остается в стране, [94] легко сделать в стране, где большинство бизнеса и ферм в частных руках. Никарагуанская экономика была брошена на выживание: цепи неэффективности и нехватки всего и вся; простирающиеся такси, автобусы и машины из-за отсутствия американских запчастей; невозможность удовлетворить нужды населения, только отчасти смягченные проведением аграрной реформы, реформы здравоохранения, ликвидацией неграмотности и других социальных программ — многие из которых были приняты революцией, а некоторые встретили протест и непонимание.

Люди вовлекаются в социальную революцию или, наоборот, отвергают ее в силу множества причин, идеологических и личных. Ко всем нужно относиться с осторожностью. Наиболее знаменитый перебежчик из стана сандинистов Эден Пастора (Eden Pastora) в перерывах между политическими (полуподследовательными) заявлениями объявлял, что «они [сандинисты] нападают на меня за мой успех у женщин, из ревности, потому что они все педики, а я могу заняться любовью с их женщинами» [95].

«Некоторые американские чиновники теперь полагают, что контрас смогут скоро вытеснить сандинистов, — писала газета «Бостон глоб» (The Boston Globe) в феврале 1986 года. — Представители администрации сообщили, что они довольны тем, как контрас истощают сандинистов, вынуждая их выделять дефицитные ресурсы на войну и отнимать их от социальных программ» [96].

Сорок лет антикоммунистической идеологической обработки при Сомосе и под американским культурным влиянием также оставили свои следы. Правительственный активист прокомментировал это так:

«Скажите никарагуанскому рабочему, что мы строим систему, в которой рабочие будут управлять средствами производства, в котором доход будет перераспределен в пользу пролетариата, и он скажет «да, это то, чего мы хотим». Назовите это социализмом, и он скажет вам, что не хочет ничего такого. Скажите крестьянину — в ком проблема политического образования самая острая, — что вся революция заключается в разрушении власти больших латифундистов, что аграрная реформа и кампания грамотности включают крестьянство в политические решения... и он будет в восторге, он признает, что это — правильно и просто. Но упомяните слово коммунизм — и он убежит от вас на милю» [97].

Перед лицом разногласий сандинисты часто оказывались неспособными различать искреннюю и конструктивную критику от попыток дестабилизации. Некоторые противники подвергались нападкам и были заключены в тюрьму, гражданские свободы были ущемлены, хотя это никогда не происходило драконовскими методами. И верность революции все более и более становилась

приоритетом сверху донизу. Это достаточно интересное явление происходило и в Вашингтоне в это же время: ультраидеологизированная администрация Рейгана требовала от бюрократии подтверждения своей верности.

Последующие открытия, однако, установили, что сандинисты не были пааноиками. В сентябре 1988 года спикер американской палаты представителей Джим Райт (Jim Wright) ссылался на «убедительные свидетельские показания людей из ЦРУ», которые выявили, что Управление нанимало людей в Никарагуа, чтобы организовать и вести антиправительственные митинги и протесты в надежде спровоцировать применение суровых мер или другую чрезмерную реакцию правительства, которые помимо того, что выставили бы сандинистов в плохом свете, «были бы направлены на срыв переговоров о мире», и администрация Рейгана это публично поддерживала [98].

Закрытие видной оппозиционной газеты «La Prensa» либертарианцы гражданского общества также расценили как грубое ущемление гражданских свобод. Но эта политика подняла важный исторический вопрос: позволило ли американское правительство во времена Второй мировой войны свободу пронемецкой или прояпонской прессы в Соединенных Штатах? Позволило бы противнику какое-нибудь правительство в состоянии войны, особенно войны на выживание, когда война ведется на его собственной территории, свободно издавать или вешать у себя дома или позволило бы неограниченное инакомыслие? Во времена гражданской войны в Америке Линкольн приостановил предписание о представлении арестованного в суд и сажал вражеских сочувствующих в военные тюрьмы без суда и следствия.

«La Prensa» действительно представляла врага. Неоднократно в 1980-х одним из главных редакторов газеты был Педро Хоакин Чаморро-младший (Pedro Joaquin Chamorro, Jr.). В то же время он был членом управления группы, находящейся под защитой контрас — Никарагуанского сопротивления в Вашингтоне (The Nicaraguan Resistance of Washington). Чаморро ездил по Соединенным Штатам, выступал и собирал поддержку для контрас.

Газета состояла на финансировании врага: ЦРУ тайно содержало ее с 1979 года, а Национальный фонд поддержки демократии (НФД) с 1984 года в открытую перечислял миллионы долларов; к делу также присоединились различные «частные» американские группы [100]. НФД получал деньги от Конгресса США. Фонд был создан в 1983 году вслед за всеми скандальными разоблачениями ЦРУ в 1970-х. Смысл его существования заключается в том, что он должен делать более публично то, что ЦРУ делало тайно в течение многих десятилетий: управлять политическим процессом в какой-либо стране, финансируя политические партии, профсоюзы, книгоиздательства, газеты и т. д. — в надежде устраниТЬ клеймо тайных операций, ассоциируемых с ЦРУ [101]. Аллен Вайнштейн (Allen Weinstein), который участвовал в составлении учредительных документов и был основателем Центра в поддержку демократии (Center for Democracy), одного из финансовых посредников НФД, напрямую сказал в 1991 году: «Многое из того, что мы делаем сегодня, тайно делалось ЦРУ на протяжении 25 лет» [102]. НФД, как и ЦРУ раньше,

говорит, что он это делает для поддержки демократии. Правительства, против которых идет это финансирование, называют это дестабилизацией.

В любом случае, тайное финансирование не ушло в прошлое. И ЦРУ, и разнообразные каналы в духе Оливера Норта переправили крупные денежные суммы антисандинистским политикам и другим элементам внутренней оппозиции, а также католической церкви [103].

В тот период, когда Конгресс запретил предоставление военной помощи контрас, Норт через свои сети закупал большие партии оружия для контрас через Манзера аль-Кассара (Manzer al-Kassar) — человека, чье криминальное досье в США начиналось со слова «ТЕРРОРИСТ!» на обложке. Кассар был известен как партнер тех, на ком лежит ответственность за рождественскую резню 1985 года в аэропортах Рима и Вены, угон круизного корабля «Акилле Лауро» (Achille Lauro) и другие трагически известные нападения [104].

Другим апостолом благопристойности, завербованным для дела, было правительство Южной Африки, которое направило 200 тысяч фунтов боеприпасов лидеру контрас Эдену Пасторе [105].

К тому времени, когда война в Никарагуа начала медленно стихать и подходить к предварительному завершению в течение 1988–1989 годов, навязчивая идея администрации Рейгана по отношению к сандинистам вдохновила как официальные, так и неофициальные группы овладевать тактикой поддержания постоянного потока финансирования, вооружений и другой помощи контрас. Для этого практиковалось: налаживание связей с другими ближневосточными и латиноамериканскими террористами, регулярная контрабанда наркотиков различными невообразимыми путями, отмывание денег, растрата американского правительенного финансирования, лжесвидетельства, воспрепятствование осуществлению правосудия, нападения на офисы американских диссидентов, тайная пропаганда против внутренних политических противников, нарушение закона о государственном нейтралитете, уничтожение правительственных документов, планы приостановить действие конституции в случае широкого распространения внутреннего инакомыслия против государственной политики — и многое другое, что было выявлено в феноменальной операции Иран-контрас. И все для того, чтобы поддержать группу насильников, мучителей и убийц, известных как контрас [106].

Это было высшим уровнем, достигнутым антикоммунизмом после 70 лет обкатки. Имперские амбиции лидеров Америки можно успешно сравнить с британскими временем 1925 года.

Но это работало.

25 февраля 1990 года сандинисты потерпели поражение на выборах в федеральные органы от коалиции политических партий под названием Национальный оппозиционный союз (НОС). Президент Джордж Буш назвал это «победой демократии». Сенатор Роберт Доул (Robert Dole) объявил, что «конечный результат — это подтверждение правильности политики Рейгана» [107]. Эллиот Абрамс (Elliott Abrams), бывший представитель Госдепарта-

мента и один из ведущих участников Иран-контрас, заявил: «Когда история будет написана, контрас станут народными героями» [108].

Противоположный анализ выборов состоял в том, что десять лет всеобъемлющей войны совсем истощили никарагуанский народ. Никарагуанцы опасались, что пока сандинисты остаются у власти, контрас и Соединенные Штаты никогда не уступят и попытаются свергнуть их. Люди голосовали за мир. Как и народ Доминиканской Республики голосовал в 1966 году за кандидата, поддерживаемого США, чтобы предупредить дальнейшее американское военное вмешательство.

«Мы не можем больше принимать войну. Все, что у нас было, это — война, война, война», — сказал Сэмюэль Рейна (*Samuel Reina*), водитель группы наблюдателей за выборами Джимми Картера в Хуигальпа (*Juigalpa*). В некоторых семьях «один сын был призван сандинистами, а другой присоединился к контрас. Война разлучила семьи» [109].

Американское вторжение и бомбардировка Панамы всего двумя месяцами ранее, со всеми смертями и разрушением, могли только закалить волю твердых сандинистов к сопротивлению против империализма янки, но, возможно, эти события послужили предостережением для большого блока неопределившихся избирателей. Никарагуанцы также голосовали, надеясь на некоторое послабление снедающей их бедности за пять лет полного американского экономического эмбарго, как и войны, свалившейся на их головы. Американский адвокат Пол Рейчлер (*Paul Reichler*), который представлял никарагуанское правительство в Вашингтоне в это время, прокомментировал: «Каков бы ни был революционный пыл у людей ранее, война и невозможность положить что-нибудь в рот своим голодным детям выбили его из них» [110].

«Здесь никто не сдается!» (*Aquí no se rinde nadie*) — в течение десяти лет народ Никарагуа кричал этот лозунг, и никто не сдавался. Но в феврале 1990 года они сами сдались. Точно так же, как люди в Чили пели «Никогда не победить единый народ» — прежде чем уступить американской власти. В распоряжении Соединенных Штатов было больше средств, чем война и эмбарго, чтобы определить победителя выборов. Национальный фонд поддержки демократии потратил прямо или косвенно более 11 миллионов долларов на избирательную кампанию в Никарагуа [111]. Это сопоставимо с тем, если бы какое-нибудь иностранное правительство потратило бы более 700 миллионов долларов на американские выборы. Еще несколько миллионов долларов выделил Конгресс для «поддержания избирательной инфраструктуры» в Никарагуа плюс неизвестное число миллионов, которые прошли через ЦРУ тайно.

В результате скандала в 1984 году — когда НФД финансировал панамского кандидата в президенты, поддержанного Норьегой и ЦРУ, — Конгресс принял закон о запрещении использования средств НФД «для финансирования кампаний кандидатов на государственные посты». Способы обойти букву и дух этого закона найти было нетрудно. НФД сначала ассигновал миллионы, чтобы помочь организовать Национальный оппозиционный союз, создавая партии и организации, которые образовали и поддержали коалицию. Затем

множество других организаций — гражданские, профсоюзные, женские, СМИ и т. д. — под руководством активистов оппозиционного союза получили гранты на все виды «внепартийных» и «демократических» программ для образования избирателей, их регистрации, обучения профессиональным навыкам и так далее. Крупные гранты были выделены самому союзу на офисное оборудование и транспортные средства: конгрессмен Сильвио Конте (Silvio Conte) из Массачусетса указал, что 1,3 миллиона долларов, выделенных на транспорт, пойдут на аренду 2241 автомобиля в течение месяца за 20 долларов в день. Национальный оппозиционный союз был единственным получателем финансирования США, притом что восемь других оппозиционных партий также выдвинули своих кандидатов. Деньги, полученные оппозиционерами для различных целей, конечно, освободили их собственные деньги для использования в кампании и помогли всем их кандидатам. Более того, США продолжали финансировать контрас, и некоторые из них проводили кампанию в пользу Национального оппозиционного союза в сельских областях [112].

Впоследствии критики американской политики в Никарагуа назвали ее «образцовой схемой» успешного американского вмешательства в третий мир. Аналитик Пентагона согласился: «Это пойдет прямо в учебники» [113].

50. Панама, 1969–1991

КАК МЫ КИНУЛИ НАШЕГО ПОСТАВЩИКА НАРКОТИКОВ

Эль Чоррийо — это район, где можно было бы снять жилье в Панама-сити... В нем ютились 20 тысяч человек; вторжение в декабре 1989 года, 10 часов беспрерывного штурма, оставило без крова 15 тысяч... Марсия Макфарланд и ее дочери спали, когда начался захват соседнего военного здания; она вывела дочерей из дома, когда осколок раздробил ей часть бедра, а двухлетней дочери — ступню. Артиллерийские снаряды и ракеты, танки, пулеметы и огнеметы; затем в ход шла пехота, «солдаты янки с их размалеванными лицами, все они орали и были похожи на индейцев»; люди сгорали в пылающих домах, выпрыгивали из окон, бежали в панике по улицам, падали, скошенные перекрестным огнем, раздавленные танками части человеческих тел были повсюду. Эриберто Питти работал в авиакомпании «Восточные авиалинии»; когда американцы напали на аэропорт, Питти, Пабло Диас и его коллега быстро прыгнули в пикап и помчались из ангара, семь пуль попали в переднее стекло грузовика и убили всех троих; у Питти осталась вдова с двумя детьми, у Диаса — вдова с двенадцатью детьми [1].

По официальным данным, с которыми согласились правительства США и Панамы, погибли около 500 человек; другие источники, представившие свидетельства, утверждают, что тысячи человек найдены мертвymi — точное число жертв скрыто в массовых захоронениях, около 3000 ранены; с американской стороны 23 человека убиты, 324 ранены.

На вопрос репортера «Действительно ли стоило посыпать людей на смерть для того, чтобы поймать Норьегу?». Джордж Буш ответил: «...каждая человеческая жизнь ценна, но я все же должен ответить: да, это того стоило» [2].

«Рожденный информировать» — такая надпись была бы наиболее подходящей для футболки, которую носил бы Мануэль Антонио Норьега (Manuel

Antonio Noriega). В годы его молодости — это были 1950-е и начало 1960-х — он уже передавал информацию то одной, то другой спецслужбе США: о товарищах в рядах социалистической партии, в которой он состоял, о курсантах левых убеждений, с которыми учился в военной академии Перу [3].

Норьега делал военную карьеру под опекой правильного наставника, генерала Национальной гвардии Омара Торрихоса (Omar Torrijos). Последнему дважды приходилось вмешиваться, чтобы защитить беспощадного Норьегу от обвинений в изнасиловании. В октябре 1968 года Торрихос пришел к власти в Панаме в результате военного переворота. По нормам Латинской Америки он слыл не слишком кровавым диктатором; Торрихос был более известен как либеральный реформатор, пытавшийся отдалиться от тех бесчинств, которые творила североамериканская держава в Центральной Америке.

В декабре 1969 года группа консервативно настроенных офицеров успешно попыталась свергнуть Торрихоса, обвиняя правительство в том, что оно является прокоммунистической диктатурой. Буквально за несколько часов до начала переворота один из главных заговорщиков встретился с чиновником США. После переворота тот же заговорщик и остальные бежали из хорошо охраняемой тюрьмы в результате сложной операции, проведенной командос, были переправлены в зону Панамского канала под юрисдикцию США, а затем отправлены в « ссылку » в Майами.

Норьега, который доказал свою преданность Торрихосу во время попытки переворота, вскоре получил повышение и возглавил разведподразделение в Национальной гвардии. Теперь он находился в нужном месте для того, чтобы опровергнуть все виды бесчинств и повысить свою репутацию головореза.

Уже в 1971 году Бюро США по наркотикам и опасным препаратам (Bureau of Narcotics and Dangerous Drugs, предшественник Управления по борьбе с наркотиками, Drug Enforcement Administration, DEA) имело «веские доказательства» серьезной причастности Норьеги к незаконному обороту наркотиков, «достаточные для предъявления обвинения». Однако юридические и дипломатические препятствия оказались слишком значительными, и Норьега к тому времени уже был ценным кадром для ЦРУ. Президент Никсон, однако, хотел его «убрать». Среди обсуждаемых вариантов по достижению конечной цели было убийство. Дело зашло так далеко, что в Мексику направили члена печально известной группы «сантехников» (см. Уотергейтский скандал. — Прим. ред.) ожидать приказа проследовать в Панаму и привести приговор в исполнение. Однако предполагаемый убийца не смог осуществить замысел [5].

В разгар Уотергейтского скандала в 1973 году бывший советник Белого дома Джон Дин (John Dean) свидетельствовал, что правительство привлекло Е. Ховарда Ханта (E. Howard Hunt), «бывшего» офицера ЦРУ и участника кражи со взломом в комплексе Уотергейт — одного из «сантехников» — для осуществления заказного убийства Омара Торрихоса, потому что тот занимал неконструктивную позицию в переговорах по Панамскому каналу, а также из-за участия его правительства в наркоторговле [6].

Тем временем денежные средства американского правительства — в основном из ЦРУ и Пентагона — поступали на банковские счета Мануэля Норьеги. За исключением периода правления президента Картера в 1977–1981 годах [7], перечисления на счета Норьеги продолжались до 1986 года, включая период, когда директором ЦРУ был Джордж Буш (1976), — тогда начальник панамской разведки получал, как сообщалось, свыше 100 тысяч долларов в год [8].

И на многое закрывал глаза. Во время переговоров по Панамскому каналу в октябре 1976 года три автомобиля были взорваны в зоне канала. Американские представители полагали, что теракты были продиктованы национализмом, который исповедовала Национальная гвардия Норьеги [9]. Уже в декабре того года Буш принял Норьегу в Вашингтоне и провел ему почетную экскурсию по ЦРУ. В Вашингтоне Норьега остановился дома у заместителя Буша — пользующегося дурной славой Вернона Уолтерса (Vernon Walters) [10].

Когда Омар Торрихос погиб в авиакатастрофе в 1981 году, Норьега вошел в состав правящих сил военной хунты. В 1987 году полковник Роберт Диас Херрера (Robert Diaz Herrera), кузен Торрихоса и член хунты, заявил, что Торрихос погиб в результате заложенной в самолет бомбы. Диас перечислил заговорщиков: Норьега, ЦРУ, американский генерал Уоллас Нуттинг (Wallace Nutting), глава Южного командования США в Панаме в момент авиакатастрофы и другие [11].

К августу 1983 года Норьега переместился на должность командующего Национальной гвардией — ее название он вскоре заменил на Силы обороны Панамы. Фактически Норьега стал главой государства, и его ценность для американских кураторов увеличилась соответственно.

Шестью месяцами ранее постоянный подкомитет Сената по расследованиям передал: «В Панаме общеизвестным считается тот факт, что Национальная гвардия имеет сомнительные связи и получает доход от различных торговцев наркотиками, оружием и от других видов контрабанды» [12].

Однако в ноябре Норьеге был оказан торжественный прием в Вашингтоне, отмеченный роскошными убранствами, встречами с представителями Белого дома, Госдепартамента и Пентагона и четырехчасовым обедом с директором ЦРУ Уильямом Кейси (William Casey). Кейси был, вероятно, самым большим сторонником Норьеги в Вашингтоне и провел с лидером Панамы по меньшей мере шесть встреч в Вашингтоне и Панаме в течение 1980-х годов [13].

Норьеге удалось заработать деньги и благосклонность Вашингтона за эти годы, оказывая многочисленные услуги. Он предоставлял огромное количество информации для решения региональных вопросов, включая результаты его встреч с Фиделем Кастро и Даниэлем Ортегой; дал убежище шаху Ирана в декабре 1979 года; обеспечил США возможностью настройки постов прослушивания в Панаме, что позволило контролировать каналы связи по всей Центральной Америке и за ее пределами; активно содействовал США в их военных действиях против повстанцев в Сальвадоре и правительства в Никарагуа. В последнем конфликте Норьега обеспечил движение денежных

потоков и вооружения для контрас, предоставил базы в Панаме для самолетов-разведчиков США, тем самым явно нарушив положения соглашений по вопросам канала, дал добро американцам обучать контрас на территории Панамы (это точно не установлено, но фактически имело место), а также предоставил информацию для прямого вмешательства и проведения США диверсионной операции внутри Никарагуа [14].

Однако американских представителей интересовало: какую информацию предоставлял тот же самый Мануэль Антонио Норьега Фиделю Кастро и Даниэлю Ортеге о США? Вашингтон уже знал о том, что Норьега помогал Кубе обходить наложенное Америкой экономическое эмбарго, а также о том, что в разные периоды он содействовал в получении оружия сандинистам и партизанам в Сальвадоре и Колумбии и передавал высокие технологии в Восточную Европу.

12 июня 1986 года газета «Нью-Йорк таймс» на первой полосе опубликовала статью, в которой перечислялось множество сомнительных действий Норьеги, включая наркоторговлю и операции по незаконному отмыванию денег, а также убийство политического противника. Это была наиболее подробная обвинительная информация о Норьеге, которая появилась в американских СМИ.

Норьега, вероятно, ошибочно предположил, что данная статья вышла с одобрения Белого дома. И хотя администрация Рейгана заверила его, что не следует принимать эту историю слишком близко к сердцу, лидер Панамы почувствовал, что ему угрожает опасность [15].

В августе он через посредника выдвинул предложение Оливеру Норту (Oliver North): в обмен на обещание Вашингтона очистить его репутацию и обязательство правительства США снять запрет на военные поставки Силам обороны Панамы (наложенный после опубликованной статьи о нем) — он устранит лидера сандинистов. Норт, видимо, отклонил предложение, заметив в письменной ноте, что существует правительственное распоряжение о запрете участия США в подобных акциях [16]. Однако, как было видно, незадолго до этого ЦРУ в Никарагуа брало на себя точно такие же обязательства.

В следующем месяце Норт и Норьега провели встречу в Лондоне с целью обсудить вопросы сотрудничества в диверсионной операции в Никарагуа. Со своей стороны, Норт договорился с американской фирмой по связям с общественностью насчет работы по улучшению имиджа Панамы и Норьеги [17].

Ключевыми периодами наркоторговли и отмывания денег для Норьеги стали начало 1970-х и 1980-х годов; последний включал сотрудничество с колумбийским наркокартелем Медельин. В другие периоды по своим корыстным и оппортунистическим мотивам он жестче применял закон в отношении подобной деятельности. По его приказу судна с флагами Панамы подвергались обыску в нейтральных водах, беглых наркоторговцев отправляли в США для расследования, банковское законодательство Панамы нарушалось — все это происходило по распоряжению американских властей [18].

Американские покровители Норьеги были этому рады. В разное время он получал теплые послания со словами благодарности от Госдепартамента

США, Южного командования США в Панаме, Генерального прокурора США Уильяма Френча Смита (William French Smith), директора ЦРУ Уильяма Вебстера (William Webster) и несколько раз от Управления по борьбе с наркотиками. В 1987 году, спустя больше года после той самой публикации на первой странице «Нью-Йорк таймс» о причастности Норьеги к наркоторговле, глава Управления по борьбе с наркотиками Джон Лоун (John Lawn) высоко оценил его «личное участие» в раскрытии крупного дела по отмыванию денег [19]. В тот же год было обнаружено, что высокопоставленные американские силовики, включая самого Лоуна, работали бок о бок с Норьегой на совещании Интерпола и даже давали ему рекомендации по улучшению его имиджа [20].

Но в конечном итоге удача отвернулась от него. Несколько менее благодушно настроенных агентов Управления по борьбе с наркотиками и прокуроров США в 1985 году без лишнего шума дали старт процессу, который в феврале 1988 года привел к вынесению федеральным судом во Флориде обвинительного приговора Норьеге по делу о наркоторговле. В тот же промежуток времени разразился скандал «Иран-контрас», который повлек за собой слушания в Конгрессе, что сократило возможности главных покровителей Норьеги в администрации — таких как Оливер Норт и Уильям Кейси — влиять на ход дела. После этого, в ноябре 1986 года, Норт был освобожден от своих обязанностей. В мае следующего года умер Кейси. В июне Сенат провел резолюцию, призывающую к немедленному смещению Норьеги, и администрация не смогла ее остановить.

Но, по иронии судьбы, казалось, что Норьега все-таки начал исправляться. С одним исключением — в марте 1986 года было дело о поставках оружия в обмен на наркотики — все преступления, в которых его обвиняли в 1988, произошли в июне 1984 или до того. Управление по борьбе с наркотиками резко разделилось во мнениях на тех, кто рассматривал его как преступника, и на тех, кто убедительно доказывал, что он — их сотрудник [21].

«Янки, — коротко заметил Норьега перед их вторжением, — кажется, обожают продукт [наркотики], а потом обзываются на латиноамериканцев, как будто мы их сами как-то соблазняем» [22].

Таким образом, получилось, что администрация Рейгана оказалась с обвинительным актом на руках в отношении самой себя. Такое положение привело к разделению мнений. Джордж Буш, участвовавший в президентской кампании 1988 года, неоднократно заявлял о недостаточности доказательств в причастности панамского лидера к делам по наркотикам до самого момента его обвинения [23]. Также сначала он отрицал, но потом признал, что, будучи директором ЦРУ, в 1976 году проводил встречи с Норьегой [24]. Следует отметить, что Буш возглавлял Рабочую группу по борьбе с наркотиками в администрации Рейгана.

Для всех, кто был в этом заинтересован, стало понятно, что будет лучше, если Норьега подаст в отставку. Администрация Рейгана предложила отменить обвинение, если он согласится уйти в отставку и быть высланным из

страны; его изолировали дипломатическим путем; в отношении Панамы был принят ряд строгих и многогранных экономических санкций, но Норьега держался стойко, хотя санкции в конце концов привели к «разлагающейся экономической депрессии и полному kraху тысяч компаний», о чём писала «Нью-Йорк таймс» [25].

Летом 1988 года США разработали секретный план для группы противников Норьеги по его ненасильственному свержению. В случае провала предлагалось прибегнуть к военной акции с участием повстанческих сил одного панамского офицера и его сторонников, которые находились в изгнании в Майами и работали на ЦРУ.

Разведкомитет Сената отклонил данный план на основании того, что он мог привести к незаконному убийству Норьеги [26].

Выборы президента в Панаме были намечены на май 1989 года, и в США ожидали, что кандидат Норьеги украдет победу, как случилось на предыдущих выборах 1984 года. Поэтому ЦРУ выделило более 10 миллионов долларов на поддержку оппозиции, а также на тайное теле- и радиовещание [27]. Норьега не разочаровал своих критиков. Когда подсчет голосов указал на то, что его представитель терпит тяжелое поражение, он легко положил конец избирательному процессу и позволил своим головорезам избить кандидатов от оппозиции и их сторонников.

Вашингтон выразил моральное негодование по поводу сфальсифицированных выборов, но данный факт следовало бы рассмотреть с позиции того, что произошло пятью годами ранее. Тогда на выборах кандидат Норьеги Николас Барлэтта (Nicolas Barletta) был объявлен победителем спустя 10 дней после финального подсчета голосов. Оппозиция кричала «Мошенник!» и проводила недельные демонстрации, но результата это не дало. Как выяснилось, ЦРУ наряду с медельинским наркокартелем оказалось содействие в финансировании кампании Барлэтты [28]. А после его победы президент Рейган оказал Барлэтте радушный прием в Овальном кабинете, госсекретарь Джордж Шульц присутствовал на его инаугурации, и все, казалось, было на своем месте. Тем временем секретарь по политическим вопросам американского посольства в Панаме тщательно проверял целые кипы выборных бланков и отчетов, которые ему удалось собрать. Заключение оказалось неутешительным: налицо было вопиющее мошенничество. Отставание Барлэтты измерялось, по меньшей мере, четырьмя тысячами голосов.

Посол США выразил беспокойство по поводу того, что данные проверки не были оглашены в прессе. Ни один из американских чиновников не потребовал пересчета голосов. Тот отчет пылится где-нибудь в недрах Госдепартамента [29].

3 октября 1989 года подразделение Сил обороны Панамы попыталось провести молниеносную военную операцию по свержению Норьеги. Когда представителей США в Панаме заранее уведомили об этом плане, те не стали возражать против его претворения в жизнь. Но при выполнении замысла заговорщики не получили никакой поддержки, несмотря на то что Норьега

находился, по крайней мере, в течение двух часов под их охраной и они были готовы выдать его американским военным.

Позже администрация Буша в разное время объясняла причины, по которым Америка не оказала должного содействия: «Мы не знали, что происходит, мы не знали, что Норьега находится под арестом; возможно, что он и был у них под арестом, но они не хотели выдать его нам; командующему ВС США в Панаме не была поставлена задача задержать Норьегу (позже выяснилось, что такая задача ставилась); мятежники не проявляли к нам политических симпатий; мы были связаны по рукам комитетами по разведке Конгресса; мы подозревали, что акция ставила цель спровоцировать и опорочить правительство США» [30].

Вооруженные силы США не смогли перекрыть дороги верным силам Норьеги, которые спешили ему на помощь. Позже администрация США заявила, что к тому времени, когда стало известно о перемещениях войск, было уже поздно предпринимать что-либо. И это несмотря на то, что конвой грузовиков сторонников Норьеги буквально прогремел перед американским посольством. Более того, у США в воздухе были вертолеты — по сообщениям, целая дюжина, — которые следили за ходом событий [31].

Некоторые отчеты содержали сведения о том, что мятежники хотели выдать Норьегу американцам, если бы они прибыли и сами взяли его — с целью показать, что он был взят против воли его панамских похитителей. Однако администрация убежденно отрицала все это [32].

В определенный момент посольство США доложило в Госдепартамент и ЦРУ в Вашингтоне, что мятежники хотят выдать Норьегу, и ЦРУ направило информацию членам комитета по разведке Конгресса. Позже представители администрации сообщили, что в посольстве неправильно поняли то, что им передали военные, так как телефонная связь в Панаме в то время работала некачественно [33].

Возможно, администрация Буша сделала подарок Норьеге, отказавшись от его захвата во время октябрьской попытки переворота, потому что готовила планы своего вторжения в Панаму. Одно обстоятельство могло указать на отрицательный ответ на данный вопрос: 12 октября представители США провели встречу с доверенным лицом Норьеги в Госдепартаменте для того, чтобы еще раз договориться о решении вопроса по мирному отречению панамского лидера от власти. Данная встреча не принесла ожидаемых результатов.

После того как США начали вторжение в час ночи 20 декабря, произошел другой инцидент, который впоследствии поднимет вопрос о том, был ли Норьега предан Белым домом или же о нем проявляли заботу.

Европейский дипломат в Панама-сити (представляющий крупное государство — союзника США) утверждал, что менее чем через три часа после начала вторжения он звонил американским военным, чтобы сообщить, что Норьега находился на расстоянии в два дома в квартире бабушки его любовницы, но данная информация была проигнорирована. Позже дипломат утверждал, что был «на 100 процентов уверен» в местонахождении Норьеги. «Когда я

звонил, в штабе Южного командования США мне ответили, что у них есть другие задачи» [34]. Он встречал несколько раз Норьегу с любовницей, которая недавно переехала в собственную квартиру в дипломатическом доме. Два других жителя этого дома подтвердили показания дипломата о присутствии Норьеги. Однако ни представители Южного командования, ни посольство США не отреагировали на эту информацию [35].

Отклонили ли США захват Норьеги в первые несколько часов вторжения просто потому, что они были нацелены на то, чтобы парализовать в первую очередь точку опоры его власти — Силы обороны Панамы и одержать великую военную победу, которая позволила бы Джорджу Бушу стереть в порошок этот ненавистный образ, который так досаждал ему? Стоило ли прибегать к применению военной силы для того, чтобы продемонстрировать наличие огромной боеготовной мощи даже в отсутствии «советской угрозы», спустя какие-то недели после падения Берлинской стены? Или это было сделано для того, чтобы дать наглядный пример жителям Никарагуа, в которой через два месяца планировалось провести президентские выборы?

Когда Джорджа Буша и министра обороны Дика Чейни спросили, почему они полностью изменили свое мнение в отношении войны против Панамы, оба сослались на один и тот же инцидент, случившийся в ночь с 16 на 17 декабря [36].

Согласно данным минобороны, четверо американских служащих, без оружия и в гражданской одежде, заблудились и неумышленно выехали к дорожной заставе Сил обороны Панамы (СОП), где их обыскали. Когда они отъехали, в них начали стрелять: в результате один был убит, остальные ранены. В это же время офицер ВМФ США и его жена, которые стали свидетелями стрельбы, были сильно избиты военными СОП [37].

Год спустя «Лос-Анджелес таймс» сообщила, что данный инцидент не был неспровоцированным актом агрессии СОП, как его изобразили в Вашингтоне. Напротив, был факт агрессивного поведения небольшой группы американских военнослужащих, которые часто проверяли терпение и реакцию панамских солдат, особенно возле КПП, провоцировали, сначала подъезжая, а затем отказывались останавливаться или неожиданно резко трогались с места. Американцы тогда не заблудились; они были вооружены. Они подъехали к КПП, а в ответ на требование солдат СОП выйти из машины показали непристойный жест пальцем, выкрикнули оскорблений и отъехали. После этого панамцы открыли огонь [38].

Правдивость этому сообщению придает, как ни странно, запись телефонного разговора молодого морского пехотинца в американском посольстве со своей матерью следующим утром. «Эти четверо, — сказал он, — зашли в запретную зону, а делать там им было нечего. Весь мир знает, что им нельзя было туда ходить. Они все испортили. Если бы американцы установили где-нибудь такой же заслон и кто-то повел бы себя подобным образом, мы бы тоже открыли огонь» [39].

Хорошо известна и другая провокация. За месяцы до главного инцидента США занимались военными учениями на территории Панамы. Сухопутные войска, «вооруженные до зубов», разъезжали в мобильных конвоях, демонстрируя всем, будто вынашивают планы нападения на кого-то. Морская пехота спускалась по вертолетным веревкам, отрабатывая аварийную эвакуацию посольства. Панамские военные лагеря были окружены, и их ворота сотрясались от произносимых американцами оскорблений. Однажды более 1000 американских военнослужащих провели операцию, которая больше была похоже на отработку похищения человека: вертолеты и реактивный самолет летали низко над домом Норьеги, и американские солдаты высаживались на берег поблизости [40].

В конце сентября генерал Макс Турман (Max Thurman) был назначен новым командующим Южного командования США. Он был кратко проинформирован адмиралом Уильямом Кроу (William Crowe), председателем Объединенного комитета начальников штабов, что существует весьма высокая вероятность того, что Буш начнет крупномасштабные военные действия в Панаме в ближайшем будущем. «Мы собираемся начать, [но] я не могу сказать вам когда» [41].

После вторжения мать одного убитого американского солдата рассказала, что ее сын звонил ей 14 декабря, чтобы сообщить, что он идет на опасное задание. «Он позвонил, чтобы попрощаться... и сказать, что может не вернуться домой». Это было перед инцидентом на контрольно-пропускном пункте. Другой военнослужащий, общаясь с репортерами после вторжения, сказал, что солдаты узнали об этом, «возможно, за четыре или пять дней до того, как вам самим это стало известно». Когда репортер спросил, когда же это было, — офицер не дал солдату ответить [42].

Это свидетельство того, что война была запланирована задолго до того, как американский военнослужащий был застрелен. Для этого нужен был всего лишь предлог, случай.

Спустя два дня после инцидента американский лейтенант в свободное от службы время выходил из прачечной, когда к нему приблизился панамский полицейский (или военный). Американец дважды выстрелил и ранил панамца. «Американскому военнослужащему угрожали», — заявила администрация Буша, допустив перед этим, что эта история, в которой убитый панамец применил оружие, была ложной [43]. Однако нигде не сообщалось, что Панама напала на США в результате данного происшествия.

Таким образом, одна сверхдержава сокрушила одну из самых малочисленных армий на американском полуширье. Это был седьмой раз, когда Соединенные Штаты вторгались в Панаму, с тех пор как в 1903 году они присоединили эту область Колумбии, чтобы построить канал (см. Приложение 2). Новый председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Колин Пауэлл (Colin Powell) объявил во время вторжения: «Мы должны повесить на нашей двери табличку, гласящую: «Здесь живет Сверхдержава» [44].

Но Сверхдержава тем не менее должна была проявлять *уважение к общественному мнению остального мира*. Соответственно, ведущие представители Департамента юстиции, Госдепартамента и министерства обороны собрались вместе и пришли к единодушному выводу, что вторжение в суверенное государство Панаму, смещение ее лидера и уголовный процесс в США — все это выглядело законно и пристойно.

Вторжение назвали операцией «Правое дело» — возможно, для того чтобы американская военная машина могла провести следующие действия:

- розыск и арест сотен гражданских сторонников Норьеги, даже несмотря на то, что им не предъявляли уголовные обвинения ни в США, ни в Панаме; разрушение домов, чтобы только схватить некоторых из них;

- принудительное задержание машин «скорой помощи», мчавшихся с включенными проблесковыми сигналами и сиренами, чтобы доставить больных в госпиталь, для обыска в целях обнаружения сторонников Норьеги, переодетых в пациентов;

- стрельба в воздух без предупреждения на заполненных людьми улицах;
- установление комендантского часа;

- организация экскурсий в дом и офис Норьеги для репортеров, чтобы те, разинув рты, совали нос во все личные дела человека — от фотографий до нижнего белья, чтобы опубликовать и высмеять все — от сексуальных предпочтений до религиозных верований;

- вторжение в тюрьмы и освобождение заключенных; новый командующий Силами по поддержанию общественного порядка Панамы, назначенный американцами, осудил необычную волну преступности и насилия, которая поднялась в стране после вторжения, после того как сотни опасных преступников были освобождены американцами; он объявил, что количество нападений, убийств и других преступлений стало намного больше, чем при режиме Норьеги;

- ношение масок на лицах, выстрелы в воздух, нападение на дом посла Никарагуа: посла уложили на землю; его и еще семерых человек удерживали под дулом автомата, пока солдаты США обыскивали дом и конфисковывали оружие, 3000 долларов наличными и личные вещи; деньги так и не вернули, как сообщил посол;

- посольство Ватикана, в котором Норьега нашел убежище, окружили, и в течение нескольких дней соседние районы будоражила оглушительная рок- и барабанная музыка из громкоговорителей. Американские солдаты прокручивали возле посольства пародию на старую песню Вуди Гатри: «Эта земля — моя земля, та земля — моя земля, здесь нет другой земли, кроме моей» [45].

«Многие панамцы поначалу приветствовали интервенцию США, — сообщала «Лос-Анджелес таймс». — Но по мере продолжения борьбы, на четвертый день, в субботу из Панамы стали поступать сообщения, подтверждающие распространение недовольства американским присутствием. Жители Панамы стали чувствовать

опасности гораздо больше, чем при режиме Норьеги, — заявило официальное лицо [американской] администрации» [46].

В первую годовщину американского вторжения жители страны не знали, как отмечать эту дату — как праздник или день скорби. В итоге президент Эндара (Endara) официально объявил этот день Национальным днем осуждения [47].

«От Мексики до Аргентины правительства стран Латинской Америки резко осудили применение силы США против генерала Мануэля Антонио Норьеги в Панаме».

Сообщение из газеты от 20 декабря 1989 года [48]

«Я высоко ценю поддержку, которую мы получили, уверенную поддержку от Конгресса США и от наших соседей в Латинской Америке».

Джордж Буш, 21 декабря 1989 года [49]

Организация американских государств (ОАГ) одобрила резолюцию «глубокого сожаления по поводу военной интервенции в Панаму» 20 голосами против одного — против проголосовали США.

«Мы в гневе», — заявил пресс-секретарь Госдепартамента Ричард Баучер (Richard Boucher). Организация американских государств, объявил он, «упустила историческую возможность выйти за рамки своих традиционно узких представлений о невмешательстве» [50].

Послесловие

В течение 1990-х годов США играли важную роль в создании в Панаме строго секретной разведывательной службы с емким названием «Совет общественной безопасности и национальной обороны» (Council of Public Security and National Defense). Новую службу возглавил человек, который дважды был важным министром в марионеточном правительстве Норьеги. Правительство официально признало, что ЦРУ содействовало в подготовке персонала новой службы, а Департамент юстиции США и в дальнейшем оказывало помощь в обучении полиции Панамы.

По сообщениям, одной из задач агентства был сбор информации о «возмутителях спокойствия», включая представителей оппозиции, организующих массовые демонстрации. Другой целью было обновление Национальной полиции, состоявшей из остатков армии Норьеги. «Мы будем следить за полицией, — заявил американский чиновник. — Мы не можем позволить монстру подняться заново». Это оставило открытым вопрос, над кем будет надзирать новая спецслужба [51]. В то же время группа 4-й армии США по

ведению психологической войны установила общественную горячую линию с целью обличить сторонников Норьеги, преступников, оппозиционеров, диверсантов и антиамериканских борцов, которые были задержаны американскими войсками и отправлены в лагеря для интернированных [52].

В декабре 1990 года, когда президент Гильермо Эндаре столкнулся с невозможностью подавления военного восстания, он призвал американских военных вмешаться и подавить восстание [53]. Годом ранее Эндаре принял присягу как президент на военной базе США во время американского вторжения. Данные официального исследования Пентагона по оккупации Панамы говорят, что реальные планы после вторжения составлялись напрямую военным правительством США вместе с главой Южного командования США в Панаме, который фактически управлял страной. В последнюю минуту было принято решение назначить Эндаре президентом, но его правительство, как заявлялось в исследовании, «было всего лишь ширмой» [54].

США конфисковали тысячи коробок с правительственные документами Норьеги и отказались передать их панамским следователям. «Соединенные Штаты защищают грабителей и воров и препятствуют осуществлению правосудия, — сетовал главный обвинитель со стороны правительства. — Эти документы принадлежат нам. И если я должен выполнить свою работу, мне необходимо ознакомиться с ними» [55].

Бизнесмены Панамы сообщали, что они понесли ущерб размером более 700 миллионов долларов, причиненный грабежами и беспорядками, последовавшими за вторжением, и лишь небольшая его часть была покрыта страховкой. Через год после вторжения уровень безработицы в стране поднялся более чем на 25 процентов, а урон, причиненный вторжением, грабежами и санкциями США в 1988–1989 годах снизил показатели экономики Панамы на 30 процентов [56].

Новый президент, один из двух вице-президентов и главный прокурор, как оказалось, были связаны с наркоторговлей и отмыванием денег [57].

К весне 1991 года можно было констатировать, что наркокартели Колумбии и партнеры Норьеги снова превратили Панаму в транзитный центр; они были еще лучше оснащены средствами для производства кокаина, чем при режиме Норьеги, а потребление наркотиков в Панаме, как сообщалось, находилось на более высоком уровне. Новые каналы наркоторговли и отмывания денег сходились в офисы чиновников, особенно в офисы президента и главного прокурора. Когда представители США сообщили населению Панамы, что юрисконсульт министерства иностранных дел Хулио Берриос (Julio Berrios) находится под следствием США по обвинению в отмывании денег, люди на это никак не отреагировали. Позже Берриос был включен в состав делегации Панамы по переговорам с США для выработки соглашения по борьбе с отмыванием денег [58].

Вашингтон настоял на том, чтобы Панама изменила свои законы о неразглашении банковской тайны, для облегчения усилий США по преследованию подозреваемых нарушителей закона, преимущественно отмывателей

денег от продажи наркотиков. Генеральный инспектор Панамы отметил, что США хотели бы, чтобы Панама преследовала действия, которые считались преступлениями в Америке, но не в самой Панаме. «Мы не можем поменять всю законодательную систему только из-за какой-то одной вещи [наркотиков]», — возразил он.

В конце концов, после долгих угроз Америки о прекращении оказания помощи, в апреле 1991 года Панама подписала соглашение, дающее право американским властям на частичный доступ к банковским счетам Панамы, а также возможность преследовать в уголовном порядке людей, получавших прибыль от незаконного оборота наркотиков. Однако иностранные банки, особенно колумбийские, находили способы обхода новых требований и вскоре вернулись в нелегальный бизнес отмывания денег [59].

Американский боевой вертолет расстреливал на улице людей, которые были приняты за врагов. Эрнесто Кубилья был у себя дома на кухне. Случайная очередь прошла крышу дома. Сын нашел отца в углу кухни на полу. Эрнесто Кубилья потерял легкое, почку и часть печени [60].

«Женщины и дети бросились к окнам, когда услышали стрельбу, — говорил Роберто Тронкосо, президент Панамского комитета за права человека, — и нервничающие [американские] солдаты расстреляли их» [61].

За несколько часов до вторжения, когда согласовывались последние детали, Джордж Буш в красно-зеленом рождественском галстуке держал на руках свою внучку и пел рождественские песни на рождественском празднике в Белом доме [62]. Через два дня он передал «глубокие соболезнования семьям погибших в Панаме» [63].

Один из советников Буша сказал: президент чувствовал, что Норьега «показывает ему нос» [64].

51. Болгария, 1990. Албания, 1991

ОБУЧЕНИЕ КОММУНИСТОВ ДЕМОКРАТИИ

Для американских и болгарских антикоммунистических поборников холодной войны это, возможно, выглядело более многообещающим.

Холодная война закончилась. Силы западной цивилизации, капитализма и добра победили. Советский Союз был на грани распада. Коммунистическая партия Болгарии оказалась в опале. Ее лидера-диктатора привлекли к ответственности за 35-летнее злоупотребление властью. Партия изменила свое название, но это никого не ввело в заблуждение. И страна провела первые за 45 лет многопартийные выборы.

Но коммунисты продолжали побеждать на выборах.

Антикоммунисты были разгневаны. Конечно, произошла чудовищная ошибка, и эту ошибку надо было исправить.

Вашингтон рано проявил интерес к событиям, разворачивающимся в Болгарии. В феврале государственный секретарь США Джеймс Бейкер (James Baker) стал самым высокопоставленным американским чиновником, посетившим Болгарию после Второй мировой войны. Как было записано в официальном графике его визита, он был в Болгарии для того, чтобы «встретиться с лидерами оппозиции, а также правительственные официальными лицами». Газета «Нью-Йорк таймс» писала, что обычно в рамках официального визита иностранного высокопоставленного чиновника в страну последовательность проведения встреч должна быть другой, с точностью наоборот. Бейкер принял активное участие в переговорах с оппозицией о политических стратегиях и организации выборов. Он также обратился к народу на митинге, организованном оппозиционными группами. Его речь воодушевила собравшихся. В документах, подготовленных внешнеполитическим ведомством Болгарии и разданных журналистам, сопровождавшим Бейкера в его поездке, под заголовком «Тип правительства» было написано: «Переходное» [1].

В мае за три недели до дня голосования возник спор о некоторых утверждениях лидера основной оппозиционной группы. Петр Берон (Petar Beron), секретарь Союза демократических сил (СДС) — коалиции из 16 партий и движений, — сказал, что во время визитов представителей СДС в страны Европы и Соединенные Штаты многие политики сказали, что не будут оказывать финансовую помощь социалистической Болгарии. Финансовая помощь также не будет оказана и в случае, если Социалистическая партия Болгарии — бывшая Коммунистическая партия Болгарии — честно победит на выборах. Берон рассказал:

«Западные лидеры выступают за долгосрочные отношения с теми правительствами, которые строят демократию и проводят экономические реформы по западному образцу. Министр иностранных дел Великобритании Дуглас Херд (Douglas Hurd) был особенно категоричен. Он заявил, что подготовил декларацию, где прописан отказ в предоставлении помощи тем странам Восточной Европы, в которых у власти будет находиться социалистическое правительство. Декларация будет представлена на рассмотрение европейского сообщества» [2].

Тем временем Национальный фонд в поддержку демократии, созданный Вашингтоном в качестве «открытой» альтернативы ЦРУ (см. главу 49), направил в Болгарию около двух миллионов долларов — в данном случае полученных от Агентства по международному развитию США — с целью повлиять на исход выборов. Представители фонда назвали этот процесс «продвижением демократии». Вмешательство фонда в выборы аналогично тому, как если бы какое-либо иностранное государство вложило более 50 миллионов долларов в американскую избирательную кампанию. Одним из основных получателей таких щедрот была газета оппозиционного Союза демократических сил Demokratzia, которая получила 233 тысячи долларов на газетную бумагу, «чтобы позволить ей увеличить количество материалов и тираж в период подготовки к национальным выборам». Сам Союз демократических сил получил 615 тысяч долларов для «поддержки региональных отделений партии и подготовки ее членов», «материально-технического обеспечения» и «оказания помощи СДС после выборов» [3].

Соединенные Штаты даже и не пытались скрыть свою поддержку. 9 июня, за день до выборов, посол США в Болгарии Сол Полански (Sol Polansky) появился на трибуне в разгар митинга, организованного Союзом демократических сил [4]. Полански, который в начале своей чиновничей карьеры занимался разведанализом, имел далеко не шапочное знакомство с ЦРУ. Кроме того, несколькими днями ранее Государственный департамент сделал необычный шаг — выступил с публичной критикой в отношении правительства Болгарии. Болгарские официальные власти были раскритикованы за несправедливое распределение ресурсов для средств массовой информации, в частности газетной бумаги для оппозиционных газет. Выступая с такой критикой, Государственный департамент как будто игнорировал тот факт, что

подобное несправедливое распределение ресурсов в отношении истинных оппозиционных сил является обычной практикой как в самих Соединенных Штатах, так и в любой другой стране в мире. Болгарское правительство ответило, что оппозиция получила газетную бумагу и ей была предоставлена возможность выступать в эфире радиопередач в соответствии с соглашением между различными политическими партиями. Кроме того, болгарское правительство указало, что многие преимущества социалистической партии перед конкурентами, например существенные финансовые средства, объясняются ее численностью, ведь членами партии являются около одного миллиона человек — приблизительно одна девятая населения Болгарии. В дальнейшем болгарское правительство предоставило типографию для печати газеты Союза демократических сил, а также отдало в распоряжение оппозиционной коалиции здание под штаб-квартиру [5].

На фоне рушащейся экономики по результатам голосования социалисты лидировали. Это вызывало недоумение у руководителей и сторонников СДС. Социалистическая партия Болгарии сумела заручиться поддержкой большей части пенсионеров, людей, занятых в сельскохозяйственном и промышленном секторах экономики. Все они представляли более половины избирателей [6]. Представители этих секторов экономики связывали Социалистическую партию Болгарии со стабильностью, и партия воспользовались этим, указывая на катастрофические результаты, особенно безработицу и инфляцию, вызванные экономическими реформами в России [7]. Хотя три основные партии предлагали двигаться по пути рыночной экономики, социалисты настаивали на том, что изменения должны тщательно контролироваться. Сейчас сложно сказать, смогли бы или нет руководители Социалистической партии Болгарии, прияя они к власти в стране, на практике применить то, что они декларировали в ходе избирательной кампании. Однако с уверенностью можно утверждать: в то время не было никакой возможности для социалистической партии, в прошлом коммунистической и еще недавно связанной неразрывными узами с Советским Союзом, завоевать доверие и поддержку со стороны Запада.

Как выяснилось после второго тура голосования, социалисты выиграли около 47 процентов голосов и 211 мест в 400-местном парламенте (Великое национальное собрание), тогда как СДС получил 36 процентов и 144 места. Сразу же после первого тура оппозиция вышла на улицы с обвинениями в мошенничестве, скандируя: «Социалистическая мафия!» и «Мы не будем работать на красных!». Тем не менее европейские наблюдатели придерживались противоположной точки зрения о выборах. «Результаты... будут отражать волю народа», — заявил глава британской делегации наблюдателей. «Если бы я хотел подделать результаты выборов, то проще было бы сделать это в Англии, чем в Болгарии».

«Оппозиция называет результаты подтасовкой, но это не соответствует тому, что мы видели», — заявил представитель Совета Европы.

Другой западноевропейский наблюдатель назвал претензии оппозиции «полностью необоснованными» [8].

«Абсолютная гниль» — так описал заявления оппозиционеров о серьезных мошенничествах в ходе выборов английский член парламента от консервативной партии. Он констатировал, что «выборы прошли честно; имелись только незначительные инциденты, которые были преувеличены».

«Оппозиция, по всей видимости, не умеет проигрывать», — заключил один западный дипломат [9].

Эти доводы разделяли сотни наблюдателей, дипломатов и парламентариев из стран Западной Европы. Тем не менее большинство американских наблюдателей были недовольны, говоря, что страх и запугивание, связанные с «наследием 45 лет тоталитаризма», оказали психологическое давление на болгарских избирателей. Один из американских наблюдателей в ответ на вопрос, был бы доклад его команды столь же критическим, если бы победила оппозиция, сказал: «Это хороший вопрос» [10].

Член британской парламентской группы наблюдателей опроверг сообщения о том, что голосование было омрачено запугиванием и другими противозаконными действиями. Большинство жалоб были либо «банальными», либо их было невозможно обосновать, сказал он. «Когда в какой-либо деревне мы спрашивали, где имело место запугивание, выяснялось, что оно всегда имело место в соседней деревне», — сказал лорд Тордофф (Lord Tordoff) [11].

Перед выборами социалистический премьер-министр Луканов (Lukanov) призвал создать коалицию с оппозиционными партиями, если его Болгарская социалистическая партия победит на выборах. «Новое правительство, — сказал он, — нуждается в самых широких мерах государственной поддержки, если мы хотим осуществить необходимые изменения» [12]. Победив, он повторил призыв к коалиции. Но СДС отклонил предложение [13]. Существовали, однако, и элементы внутри социалистической партии, которые были против коалиции.

Оппозиция отказалась признать итоги голосования. Она находилась в состоянии войны с правительством. Уличные демонстрации стали повседневным явлением, сторонники СДС, опираясь на большое число студенческой молодежи, строили баррикады и перекрывали движение, студенты начали волну забастовок, в том числе и сидячих. Многие студенты позиционировали себя как часть Федерации независимых студенческих обществ (или ассоциаций), которые были сформированы до выборов. Председатель студенческой группы Аптанас Кирчев (Aptanas Kirchev) утверждал, что организация имеет документы, свидетельствующие о нарушениях в ходе выборов, которые вскоре будут обнародованы. Но этого, кажется, так и не произошло [14].

Студенческие движения были среди получателей грантов Национального фонда в поддержку демократии в размере 100 тысяч долларов США с целью «обеспечить поддержку представительств Федерации независимых студенческих ассоциаций Болгарии для улучшения информационно-пропагандистского потенциала в рамках подготовки к национальным выборам». Студенты получили «факсимильные аппараты, видео- и копировальное оборудование, громкоговорители, полиграфическое оборудование для недорогих методов

печати», а также помочь различных польских консультантов, американских юридических консультантов и других специалистов — лучшее, что можно было купить на деньги фонда [15].

Первая победа протестного движения произошла 6 июля, менее чем через месяц после выборов. Тогда президент Младенов (Mladenov) был вынужден уйти в отставку после недели протестов, в том числе голодовки у стен парламента против его действий во время антиправительственной демонстрации в декабре прошлого года. Заявление об отставке последовало за тем, как СДС выпустил видеозапись, где Младенов говорил своим коллегам: «Разве мы не должны ввести танки?». Член Союза демократических сил сказал по поводу его отставки: «Мы довольны тем, что произошло. Это повергло социалистов в хаос» [16].

В течение июля демонстрации, протесты, агитация продолжались ежедневно. В центре Софии был создан «Город свободы», состоявший более чем из 60 палаток. Его обитатели говорили, что они останутся там, пока все старые болгарские политики, служившие бывшему коммунистическому режиму, не уйдут с политической арены. Когда им было отказано в том, что они считали приемлемым доступом к СМИ, протестующие добавили к своим требованиям отставку главы болгарского телевидения [17]. На улице разожгли огромный церемониальный костер, в котором были сожжены книги коммунистической эпохи, а также партийные билеты и флаги [18].

Следующим высокопоставленным чиновником, лишившимся своего поста, стал министр внутренних дел Атанас Смерджиев (Atanas Smerdziev). Причиной его ухода послужил спор в отношении степени открытости допроса бывшего диктатора Тодора Живкова (Todor Zhivkov). У болгарского народа действительно было много причин протестовать. В первую очередь, из-за стремительного снижения уровня жизни. В стране, оказавшейся без президента, работа правительства была парализована. Оно было не в состоянии провести крайне необходимые стране реформы. На вопрос, поставленный некоторыми депутатами, когда тысячи враждебных демонстрантов окружили здание парламента во время дела Смерджиева: «Мы собираемся идти на поводу у улицы?», премьер-министр Луканов ответил: «Проблема состоит в том, является ли парламент полновластным органом или мы будем вынуждены принимать решения под давлением». Его автомобиль подвергся нападению, когда он покинул здание [19]. Наконец 1 августа глава СДС Желю Желев (Zhelyu Zhelev) был избран новым президентом. В парламенте никто не выступил против его избрания.

Несколько недель спустя еще одно требование протестующих было выполнено. Правительство начало снимать со зданий в Софии коммунистические символы — красные звезды, серп и молот. А еще спустя два дня в штаб-квартире социалистической партии был устроен пожар: около 10 тысяч человек собрались вокруг посмотреть, многие из них врывались в здание и грабили его, прежде чем оно превратилось в распогороженный и обугленный каркас [20].

Движение протesta в Болгарии начинало напоминать всеобщую забастовку в Британской Гвиане, чтобы свергнуть Чедди Джагана (Cheddi Jagan) в 1962 году и кампанию по отставке Сальвадора Альенде в Чили в начале 1970-х. События и в Гвиане, и в Чили были операцией ЦРУ. Там, как и в Болгарии, наблюдалась следующая тактика: как только одно требование было выполнено, выдвигались новые. В результате протестующие практически брали правительство в осаду, надеясь, что в ответ на их действия оно будет перегибать палку и нормальное управление станет невозможным. В Болгарии женщины устроили демонстрацию, стуча кастрюлями и сковородками, чтобы показать отсутствие еды в магазинах [21]. Такая же тактика применялась женщинами в Чили, на Ямайке и в Никарагуа, там, где ЦРУ тоже финансировало антиправительственные демонстрации. В Британской Гвиане США инициировали «антикоммунистический крестовый поход», задачами которого было распространять Евангелие и деньги. Похожие группы с аналогичными целями были организованы и на Ямайке. В августе в Болгарии представители Фонда свободного конгресса (Free Congress Foundation), американской правой организации с большим количеством денег, проповедующей антикоммунистическую и религиозную идеологию, встретились приблизительно с одной третью членов оппозиции в парламенте и главным политическим советником президента Желева. Желев сам посетил офис фонда в Вашингтоне в следующем месяце. Представители Фонда свободного конгресса, которые получили деньги из Национального фонда в поддержку демократии, побывали также в Советском Союзе и большинстве стран Восточной Европы в 1989 и 1990 годах. В ходе поездок они делились своим старым и добрым американским ноу-хау избирательных и политических методов формирования общественной политики, а также проводили семинары, где рассказывали о прелестях свободного предпринимательства. Неизвестно, были ли слушатели семинаров осведомлены о том, что один из главных восточноевропейских директоров программы фонда — Ласло Пастор (Laszlo Pasztor) активно сотрудничал с нацистами в годы войны, обеспечивая связь с Третьим рейхом венгерской фашистской Партии скрещенных стрел [22].

К октябрю группа американских финансовых экспертов и экономистов под эгидой Американской торговой палаты (American Chamber of Commerce) составила подробный план преобразования экономики Болгарии в свободную рыночную экономику с приоритетом стимулирования предложения. Кроме того, был разработан план-график реализации. Президент Желев с уверенностью высказался о том, что болгарское правительство на деле примет все рекомендации, даже несмотря на то что Социалистическая партия Болгарии имеет большинство в парламенте. Он также заявил: «Правительство будет стремиться следовать разработанному плану, в противном случае оно уйдет в отставку» [23].

Свидетели и полиция утверждают, что Константин Тренчев (Konstantin Trenchev), яростный антикоммунист, который был главной фигурой в Союзе демократических сил и лидером независимого профсоюза «Подкрепа»,

призвал группу непримиримых демонстрантов штурмовать здание Социалистической партии Болгарии во время пожара. Он также призвал к роспуску парламента и упразднению президентского правления. По заявлениям представителей социалистической партии, это было «равносильно призыву к государственному перевороту». Тренчев скрылся [24].

«Независимый» профсоюз «Подкрепа» также финансировался Национальным фондом в поддержку демократии — 327 тысяч американских долларов были выделены, чтобы «обеспечить материально-техническую поддержку независимого профсоюзного движения Болгарии «Подкрепа» и чтобы помочь «Подкрепе» организовать просветительскую кампанию для избирателей во время выборов в местные органы власти». По словам вице-президента «Подкрепы», профсоюзному движению были доставлены компьютеры, факсимальные аппараты, работали советники, чтобы помочь союзу «самоорганизоваться и набраться сил». Помощь передавалась «Подкрепе» через Институт свободных профсоюзов (Free Trade Union Institute) [25], созданный Американской федерацией труда и Конгрессом производственных профсоюзов (AFL-CIO) в 1977 году в качестве преемника Комитета свободных профсоюзов (Free Trade Union Committee), который был образован в 1940 году для борьбы с левым профсоюзным движением в Европе. И у Института свободных профсоюзов, и у Комитета свободных профсоюзов были давние тесные связи с ЦРУ [26].

В первую неделю ноября несколько сотен студентов еще раз захватили Софийский университет, требуя теперь уже уголовного преследования бывших коммунистических лидеров и функционеров. Кроме того, они выдвинули требование национализировать активы Социалистической партии Болгарии. Положение премьер-министра было шатким. Луканов угрожал уйти в отставку, если оппозиция в парламенте не поддержит программу экономических реформ. С другой стороны, Союз демократических сил теперь требовал большего количества мест в новом коалиционном правительстве, включая должность премьер-министра и большинство ключевых портфелей. Несмотря на то что Социалистическая партия Болгарии не согласилась бы отдать СДС место премьер-министра, другие посты в кабинете были открыты для переговоров [27].

Движение за свержение Луканова усиливалось. Тысячи демонстрантов призвали к его отставке. Студенты университета провели митинги, сидячие забастовки, стачки и протестные голодовки, а теперь требовали опубликовать имена всех бывших тайных осведомителей полиции в университетах. Они выразили свое полное недоверие правительству и усомнились в его способности справиться с политическим и экономическим кризисом в Болгарии. Студенты призвали «положить конец однопартийной системе». Это был странный призыв, учитывая желание Луканова сформировать коалиционное правительство [28]. В июне лондонская газета «Гардиан» описала Луканова как «впечатляющего премьер-министра Болгарии... квалифицированного политика, который восхищает руководителей предприятий, банкиров и кон-

сервативных западных политиков, сохраняя при этом народную поддержку дома, даже среди оппозиции» [29].

23 ноября Луканов едва пережил ветум недоверия и встал во главе группы представителей коалиционных демократических сил, которые демонстративно покинули здание парламента. При этом он заявил, что они не приступят к работе в парламенте в течение «неопределенного срока». Три дня спустя «Подкрепа» объявила начало «всеобщей стачки», хотя большинство рабочих ее не поддержали [30].

Между тем студенческие протесты продолжались, хотя некоторые из их требований уже были частично удовлетворены. Социалистическая партия решила вернуть государству 57 процентов своих активов, соответствующих субсидиям, полученным из государственного бюджета при прежнем режиме. А бывший лидер партии Тодор Живков уже предстал перед судом.

У некоторых лидеров оппозиции наступило отрезвление — они больше не испытывали эйфорию от бесконечного студенческого протестного движения. Лидер СДС Петр Берон (Petar Beron) заявил, что, поскольку Болгария вступила на путь парламентской демократии, студенты должны дать демократии шанс и не прибегать к сидячим забастовкам. А член парламента от Союза демократических сил добавил, что «социалисты должны уйти с политической арены по решению суда, а не при помощи революции». Студенческие лидеры с ходу отклоняли эти пожелания [31].

Андрей Луканов закончил работу на своем посту 29 ноября, когда в забастовке стали принимать участие представители средств массовой информации, а тысячи врачей, медсестер и учителей провели демонстрации. Он объявил, что предложенная им экономическая программа не получила той широкой поддержки, на которую он надеялся, и решил, что «бесполезно продолжать работать в этой должности». Должна быть создана коалиция, которая будет руководить страной, что, в свою очередь, должно привести к новым всеобщим выборам [32].

В ходе протестов и беспорядков Соединенные Штаты продолжали оказывать финансовую помощь различным оппозиционным силам, «нашептывая советы о том, как оказать давление на избранных лидеров». Вице-президент союза «Подкрепа», ссылаясь на американских дипломатов, сказал: «Они хотели помочь нам и помогли советами и стратегией». Эта поддержка породила надежды на будущую американскую помощь. Константин Тренчев, глава «Подкрепы», видимо, прекративший скрываться, подтвердил, что активисты оппозиции были уверены в дополнительной помощи США, когда вырывали власть из рук бывших коммунистов [33].

Эти надежды, возможно, были столь же наивны, как надежды на американскую поддержку СДС. Болгары, как и другие восточные европейцы и советские граждане, жили изолированно как в политическом, так и в интеллектуальном отношении. В 1990 году их идеологическая искушенность сводилась к следующему элементарному уравнению: если коммунистическое правительство — это плохо, то все при нем было плохо; если все было плохо,

то главный враг должен быть полностью хорошим. Они верили, что американские политические лидеры и правительственные чиновники не могли занимать свои должности, если бы они лгали людям. Поэтому сообщения о бездомных и отсутствии государственного медицинского страхования в Соединенных Штатах истолковывались исключительно как «коммунистическая пропаганда».

Тем не менее новый посол Америки Кеннет Хилл (*Kenneth Hill*) заявил, что Вашингтон официально дал болгарским политикам понять, что в будущем помочь зависит от демократических реформ и осуществления плана экономического восстановления, приемлемого для западных кредиторов на тех же условиях, что и во всей Восточной Европе.

Болгарские социалисты не сомневались в преданности Вашингтона экспорту капитализма, но жаловались, что Соединенные Штаты время от времени нарушают принципы демократии, работая против руководства, избранного болгарским народом. Один болгарский чиновник-социалист, сторонник реформ, утверждал, что американцы отреагировали на победу его партии так, как будто она угрожала политике США. «Люди из правительства США не были самыми морально чистыми защитниками демократии здесь, — сказал он. — То, что не могло быть сделано у себя дома из-за неминуемости наказания, может быть воплощено в отсталой балканской стране. И это сойдет с рук» [34].

В последующие годы болгары, в частности студенты, возможно, что-то и поняли. Страна на себе испытала свободный рост цен, пересмотр субсидий на основные товары и услуги, дефицит основных товаров и услуг — в общем, знакомую схему при переходе к рыночной экономике. Кроме того, страна столкнулась с требованиями Всемирного банка и МВФ потуже затянуть пояса. С политической точки зрения в стране царил хаос. СДС пришел к власти на следующих выборах, ненамного опередив Социалистическую партию Болгарии. Однако в связи с тяжелой экономической ситуацией Союз демократических сил потерял вотум доверия в парламенте. Когда весь кабинет министров ушел в отставку, вице-президент предупредил, что страна движется к диктатуре. Наконец, весь июль 1993 года протестующие мешали президенту войти в его кабинет и требовали его отставки.

К 1994 году в газете «Лос-Анджелес таймс» можно было прочитать статью одного из наиболее ярых антикоммунистических иностранных корреспондентов, работавшего на газету: «Условия жизни настолько ухудшились в эпоху реформ, что болгары начали с любовью оглядываться назад на «старые добрые времена» коммунизма, когда рука государства давила свободу личности, но обеспечивала людей жильем, работой и достаточным количеством еды» [35].

Но для washingtonских политиков с идеологической точки зрения важным было то, что Болгарской социалистической партии не может быть и не будет предоставлена возможность доказать, что демократическая социалистически ориентированная смешанная экономика может иметь успех в Восточной Европе, в то время как капиталистическая модель не оправдывала себя.

Также, по-видимому, не будет такой возможности и у соседней Албании. Там по состоянию на 31 марта 1991 года коммунистическое правительство получило подавляющее большинство голосов на выборах. За этим сразу последовали два месяца повсеместных беспорядков, в том числе уличных демонстраций и всеобщей забастовки продолжительностью в три недели, что в конечном итоге привело к краху нового режима в июне. Национальный фонд в поддержку демократии отметил и там, выделив 80 тысяч американских долларов рабочему движению и 23 тысячи долларов «в поддержку программ подготовки кадров и гражданского образования».

52. Ирак, 1990–1991

БОЙНЯ В ПУСТЫНЕ

«Такого никому не пожелаешь увидеть, — говорит 20-летний рядовой. — Большое количество бездомных и раненых. Дружище, ты не представляешь, что мы увидели, когда ехали через лагерь для беженцев».

«Действительно грустно, — говорит сержант, — когда маленькие дети подходят ко мне и видят мой пистолет, то они начинают плакать. Я сам чуть не плачу, когда смотрю на это».

«Ночью вы ведете огонь по противнику и двигаетесь дальше, — говорит другой солдат. — Вы не останавливаетесь. Вы не должны ни на что отвлекаться. Только на следующее утро замыкающий нашей колонны сказал нам, что было истреблено все живое. Мы уничтожили целую дивизию» [1].

Современная история знает немало примеров войн, когда солдаты сталкивались со своими врагами лицом к лицу на поле брани. Американцы научились не вступать в непосредственный контакт с противником, но при этом наносить ужасные разрушения. Взять, к примеру, атомную бомбардировку Японии или ковровые бомбометания, загнавшие Корею обратно в каменный век. Во время вьетнамской войны американцы применяли напалм и пестициды. На протяжении трех десятилетий американцы снабжали латиноамериканские режимы инструментами для пыток и делились своими методами, а затем отводили глаза и закрывали уши, отрицая свою причастность к тем или иным событиям. Вот и сейчас в ходе беспрецедентной по своим масштабам за всю историю человечества воздушной операции США сбросили на головы иракских граждан около 90 тысяч тонн авиационных бомб.

Что же заставило Соединенные Штаты в течение более чем сорока дней и ночей вести это безжалостное уничтожение одного из самых развитых и просвещенных на Ближнем Востоке народов и его столицы, имеющей многовековую историю?

Первая половина 1990 года. Ежедневно ведутся работы по демонтажу Берлинской стены. Везде царит эйфория, связанная с окончанием холодной войны. Люди смотрят с оптимизмом в новую эру мира и процветания. Администрация Буша под давлением. От нее требуют сократить чрезмерный военный бюджет и начать использовать средства, высвободившиеся в результате сокращения гонки вооружений, в мирных целях. Но Джордж Буш, верховный главнокомандующий вооруженными силами США, бывший нефтяник из Техаса и бывший директор ЦРУ, даже и не думает о том, чтобы порвать отношения со своими приятелями из военно-промышленного комплекса и разведывательных кругов США. Он обрушивается с яростной критикой на тех, кто «наивно» предлагает «ослабить обороноспособность США». Буш настаивает на том, что следует осторожнее относиться к реформам в СССР [2]. В феврале появилось сообщение, что «администрацию и Конгресс ожидает самая острая схватка за оборонный бюджет в новейшей истории»; в июне «отношения накалились» между Конгрессом и Пентагоном, «поскольку Конгресс готовится к разработке одного из наиболее ключевых оборонных бюджетов за последние два десятилетия» [3]. Месяц спустя подкомитет Сената по делам вооруженных сил проголосовал за сокращение численности военнослужащих. Число военнослужащих, подлежащих сокращению по предложению подкомитета, было в три раза больше, чем рекомендовалось администрацией Буша. «Масштабы сокращений, а также сферы, в которых происходят эти сокращения, говорят о том, что президент Буш проигрывает войну по сокращению военных расходов» [4].

В это же время популярность Буша резко упала. Если в январе 1990 года его действия на посту президента одобряло примерно 80 процентов населения США (он снискал популярность среди американцев после того, как в декабре 1989 года принял решение о вторжении в Панаму), то уже в феврале того же года его поддерживало 73 процента, а в мае и июне — около 65 процентов населения. Согласно опросам, проведенным 11 июля 1990 года, президент Буш имел поддержку уже 63 процента населения Америки, а еще через две недели — только 60 процентов [5].

Президенту Джорджу Герберту Уокеру Бушу необходимо было предпринять эффектный ход, который не сходил бы с газетных заголовков и широко обсуждался американцами. Ему требовалось убедить Конгресс в том, что мощная военная машина все еще нужна Соединенным Штатам, так как страна живет в страшном и опасном мире.

Согласно официальной версии Вашингтона, действия Ирака против Кувейта выглядели как акт необоснованной и ничем не оправданной агрессии. В действительности Кувейт был одним из районов Ирака еще во времена Османской империи и продолжал им оставаться до Первой мировой войны. После окончания войны в поисках рычагов давления на богатый нефтью Ирак Министерство по делам колоний Великобритании приняло решение о создании отдельной территориальной единицы — крошечного Кувейта. При

этом Лондон лишил Ирак выхода к Персидскому заливу. В 1961 году Кувейт стал «независимым» — снова потому, что Великобритания так решила. В ответ на эти действия Ирак сосредоточил свои войска на границе с Кувейтом, но впоследствии вынужден был отвести войска в глубь страны, так как Лондон направил свой воинский контингент в зону потенциального конфликта. Иракские лидеры всегда оспаривали легитимность создания независимого государства Кувейт. В семидесятых годах прошлого века Ирак также стягивал войска к границе с Кувейтом, а в 1976 году иракские подразделения даже вторглись на территорию Кувейта на глубину до одного километра. Тем не менее Багдад всегда был открыт к диалогу с Кувейтом и готов пойти на компромисс, в результате которого иракская сторона могла бы получить доступ к своим бывшим островам в Персидском заливе [6].

История нынешнего конфликта уходит корнями в так называемую Восьмилетнюю войну между Ираком и Ираном (1980–1988). По окончании этой кровопролитной для обеих сторон войны официальные власти Ирака заявили, что в то время, когда государство целиком и полностью было сконцентрировано на этой войне, Кувейт украл с месторождения Румайла нефтяных запасов на общую сумму в 2,4 миллиарда долларов. Нефтяное месторождение находится в районе границы с Кувейтом. Граница эта должна была установлена и обозначена на местности. Согласно иракской стороне, Кувейт построил различные объекты, в том числе и военные, на территории Ирака. Однако самым неприятным моментом во всей этой истории было то, что сразу после окончания ирано-иракской войны Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты стали превышать установленные Организацией стран — экспортёров нефти (ОПЕК) квоты на добычу нефти. Это привело к переизбытку «черного золота» на рынке и снижению цен на нефть. Ирак вышел из войны с разоренной экономикой и большими долгами. Президент Ирака Саддам Хусейн назвал такую политику «экономической войной», развязанной против его государства. Он также указал на то, что из-за уменьшения цены на нефть на каждый доллар Ирак теряет миллиарды долларов в год [7]. Багдад не только настаивал на компенсации убытков от снижения цены на нефть, но и заявил о своем желании вернуть два острова в Персидском заливе под свою юрисдикцию (без обладания этими островами Ирак не имел широкого доступа к водам залива). Кроме того, Хусейн настаивал на признании бесспорного права собственности на месторождение Румайла.

Во второй половине июля 1990 года в ответ на действия Кувейта, который пренебрегал финансовыми и территориальными претензиями со стороны Ирака и игнорировал просьбы ОПЕК придерживаться установленной квоты, Ирак начал концентрировать свои войска вдоль границы с Кувейтом.

Реакция на эти действия со стороны единственной в мире сверхдержавы и самопровозглашенного мирового жандарма стала предметом глубокого анализа и интенсивных споров уже после фактического иракского вторжения. Дал ли Вашингтон зеленый свет Ираку на вторжение? Озвучил ли Вашингтон

хотя бы какой-нибудь запрет на действия Ирака в отношении Кувейта? Масло в огонь подливали следующие заявления и действия высокопоставленных американских чиновников.

19 июля министр обороны Дик Чейни (Dick Cheney) заявил, что американские союзнические обязательства, данные Кувейту во время ирано-иракской войны, не утратили своего значения. США окажут помочь Кувейту в случае нападения на него третьей стороны. То же самое сказал Пол Вулфович (Paul Wolfowitz), заместитель министра обороны по политическим вопросам, во время частного завтрака с арабскими послами. (Стоит вспомнить, что Кувейт во время Восьмилетней войны объединился с Ираком, опасаясь нападения со стороны Ирана.) Позже слова Чейни были несколько по-иному интерпретированы его собственным пресс-секретарем Питом Уильямсом (Pete Williams), который приуменьшил их значение. Он заявил, что заместитель главы оборонного ведомства выразился в «некоей свободной манере». После этого случая Чейни вызвали в Белый дом, где сказали, что «подобными заявлениями он вовлекает Штаты в войну, которую, возможно, им не хочется вести». Ему также сообщили, что с этого времени любые заявления по Ираку будут делаться только официальными представителями Белого дома или Госдепартамента США [8].

24 июля пресс-секретарь Госдепартамента Маргарет Тутвайлер (Margaret Tutweiler) заявила: «У нас с Кувейтом нет никаких оборонительных соглашений, и никаких специальных обязательств в области обороны или безопасности Кувейта тоже нет». На вопрос о том, помогут ли Соединенные Штаты Кувейту, если он подвергнется нападению, Тутвайлер сообщила: «Мы также твердо придерживаемся обязательств в деле оказания помощи нашим друзьям в Персидском заливе, с которыми нас связывают глубокие и давние отношения, в вопросах индивидуальной и коллективной обороны». В личных беседах кувейтские официальные лица называли это заявление пресс-секретаря слишком неубедительным [9].

24 июля США провели незапланированные совместные военные учения с Объединенными Арабскими Эмиратами. Стоит отметить, что раньше подобные учения проводились редко. Все тот же пресс-секретарь Пит Уильямс в точности повторил слова, сказанные ранее Тутвайлер об обязательствах в деле оказания помощи в Персидском заливе, в вопросах индивидуальной и коллективной обороны. А Белый дом заявил: «Мы обеспокоены тем, что Ирак наращивает численность войск. Мы просим, чтобы все стороны приложили усилия с целью недопущения насилия» [10].

25 июля посол США в Ираке Эйприл Гласпи (April Glaspie) сказала лично Саддаму Хусейну ставшую сейчас известной фразу: «У нас нет мнения по поводу арабо-арабских конфликтов, вроде ваших с Кувейтом разногласий в отношении границ». Однако затем она заявила иракскому лидеру о своей обеспокоенности большим скоплением войск Ирака на границе с Кувейтом. Все это происходило на фоне заявления иракского правительства, назвавшего действия Кувейта «аналогичными военной агрессии» [11].

25 июля помощник госсекретаря США по Ближнему Востоку и Южной Азии Джон Келли (John Kelly) помешал выходу в эфир запланированной передачи на радиостанции «Голос Америки». В материале, который планировался к эфиру, должны были прозвучать схожие по своему содержанию заявления Тутвайлер и Уильямса, что могло бы насторожить политическое руководство Ирака [12]. Хуссейн мог и не знать об одинаковых заявлениях, сделанных американскими официальными лицами. В то же время в апреле лидер сенатского меньшинства Роберт Доул (Robert Dole), находившийся с визитом в Ираке, от имени Президента США довел до сведения иракского президента Саддама Хусейна, что администрация Буша отмежевывается от критических замечаний в отношении нарушения прав человека в Ираке, прозвучавших в эфире радиостанции «Голос Америки». Доул также заявил, что президентская администрация придерживается противоположных взглядов в отношении инициативы Конгресса ввести экономические санкции против Ирака [13].

27 июля палата представителей и Сенат проголосовали за введение экономических санкций против Ирака в связи с нарушениями прав человека в этой стране. Однако администрация Буша сразу же повторно выразила свое несогласие с такой мерой.

28 июля президент Буш направил личное послание Хусейну (видимо, после получения доклада посла США в Ираке Гласпи о ее встрече с иракским лидером), где предостерег иракского президента от применения силы, но при этом в послании не было прямого упоминания Кувейта [15].

31 июля, выступая перед Конгрессом, Келли заявил: «Мы не связаны договорными обязательствами в области обороны ни с одним государством Персидского залива. Это точно. Исторически в вопросах урегулирования пограничных споров или каких-либо внутренних разногласиях между государствами — членами ОПЕК мы не занимаем ту или иную позицию».

Республиканец Ли Гамильтон (Lee Hamilton) спросил Келли, правильно ли говорить, что если Ирак «перейдет границу и нападет на Кувейт», то Соединенные Штаты, «не имея договорных обязательств, не смогут применить свои вооруженные силы». Келли ответил, что это так [16].

На следующий день (по washingtonскому времени) иракские войска при поддержке танков перешли границу Кувейта. Тотчас Соединенные Штаты Америки выразили свое явное несогласие с действиями иракской стороны.

Несмотря на отрицающие официальные заявления, похоже, что у США действительно была своя позиция в отношении ирако-кувейтского пограничного спора. После вторжения в архивах кувейтской разведки иракцы обнаружили памятную записку, касающуюся встречи главы Государственной безопасности Кувейта и директора ЦРУ Уильяма Уэбстера (William Webster), состоявшейся в ноябре 1989 года. В записке, в частности, говорилось:

«Мы согласились с американской стороной, что необходимо воспользоваться ухудшающейся экономической ситуацией в Ираке с целью оказания давления на иракское правительство по вопросу установления государственной границы. ЦРУ

высказала нам свое видение в отношении приемлемых средств по оказанию такого давления, отметив при этом, что необходимо положить начало сотрудничеству между США и Кувейтом по широкому кругу вопросов при условии, что действия по оказанию давления на иракское руководство должны координироваться на высоком уровне».

ЦРУ назвало документ «абсолютной фальшивкой». Однако газета «Лос-Анджелес таймс» написала, что «памятная записка не является очевидной подделкой, в частности потому, что если бы иракские власти стояли за этим документом, то почти наверняка они бы составили его в еще более компрометирующей манере, подорвав тем самым доверие к США и Кувейту» [17]. По всей видимости, памятная записка, которую нашли иракцы в архивах разведслужбы Кувейта, не являлась подделкой и нанесла серьезный удар по репутации Кувейта и США. Иначе как можно объяснить близкое к паническому состоянию министра иностранных дел Кувейта, когда глава внешнеполитического ведомства Ирака показал ему эту записку в ходе саммита представителей арабских стран, проходившего в середине августа [18].

Когда посла Ирака в Вашингтоне спросили, почему эта памятная записка противоречит прямому утверждению американского посла Гласпи о нейтралитете по вопросу ирако-кувейтских отношений, он ответил, что высказанная им ремарка была «неотъемлемой частью расставленной ловушки» [19].

Действительно ли Ирак попал в ловушку, расставленную Соединенными Штатами Америки и Кувейтом? Спровоцировали ли заговорщики вторжение Саддама в Кувейт, полагая, что боевые действия не выйдут за пределы пограничной зоны и что впоследствии Хусейн будет поставлен на место, как того хотели США и Кувейт?

В феврале 1990 года Хусейн выступил на саммите лидеров арабских стран. Его речь, безусловно, могла подлить масла в огонь и явиться дополнительным фактором, стимулирующим развитие заговора против Ирака. Выступая с трибуны саммита, иракский президент осудил постоянное американское военное присутствие в водах Персидского залива и предупредил, что «если страны Персидского залива и остальные арабские государства не будут действовать осмотрительно, то регионом Персидского залива будут управлять США». Более того, Вашингтон будет диктовать политику добычи, распределения и образования цен на нефть, «основываясь на особой точке зрения, отвечающей исключительно интересам США, и не станет учитывать интересы других стран» [20].

В поисках ответа на вопрос, а был ли заговор против Ирака и Саддама Хусейна, мы, в дополнение к уже вышеизложенному, должны принять во внимание следующее.

Председатель Организации освобождения Палестины Ясир Арафат утверждал, что Вашингтон в ходе саммита Лиги арабских стран в мае использовал шанс мирно урегулировать разногласия между Кувейтом и Ираком после того, как Хусейн предложил провести переговоры о границе, которая была

бы приемлемой для обеих стран. «США подстрекали Кувейт не идти ни на какие компромиссы, — сказал Арафат, — что не позволило найти мирного решения вопроса и избежать кризиса в Персидском заливе». У Кувейта, по его словам, были основания думать, что он может полагаться на силу американского оружия [21].

Кроме того, король Иордании Хусейн (Hussein) рассказал, что незадолго до иракского вторжения министр иностранных дел Кувейта заявил: «Мы не собираемся реагировать [на действия со стороны Ирака]... если им это не нравится, пусть они оккупируют нашу территорию... мы собираемся пригласить американцев». А эмир Кувейта сказал своим военным, что в случае вторжения они должны будут удерживать иракцев в течение 24 часов. За это время «американские и иностранные войска высадятся в Кувейте и выбьют иракцев из Кувейта». По мнению короля Иордании Хусейна, арабы понимали, что Саддама Хусейна подстрекают к вторжению, загоняя тем самым в подготовленную для него ловушку [22].

Эмир Кувейта отказался удовлетворить финансовые требования Ирака. Вместо этого он предложил Багдаду оскорбительные полмиллиона долларов. В записке эмира, адресованной его премьер-министру перед вторжением, говорится о поддержке проводимой Кувейтом политики со стороны Каира, Вашингтона и Лондона. «Будьте непоколебимы в ваших переговорах, — пишет эмир, — мы сильнее, чем они [иракцы] думают» [23].

После войны кувейтский министр нефти и финансов признал:

«Но мы знали, что США не позволят Ираку нас захватить. Я провел слишком много времени в Вашингтоне, вел переговоры с большим количеством лиц и мог сам убедиться в своей правоте. Американская политика была ясна. И только Саддам Хусейн не понимал этого» [24].

Итак, мы ознакомились, вероятно, с достаточным количеством причин, по которым Саддам Хусейн не смог предположить истинную ситуацию.

Министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз (Tariq Aziz) заявил, что Кувейт, инвестировав большие средства в западные страны, мог легко пережить резкое падение цен на нефть. Однако резкое падение цен на нефть лишит Багдад, остро нуждавшийся в долларах, источника дохода. Азиз сказал: «Кувейт мог так рисковать и принять участие в столь масштабном заговоре против такой крупной и сильной страны, как Ирак, только в одном случае — если бы его действия поддерживала сильная держава. И такой сильной державой были Соединенные Штаты Америки» [25]. Действительно, не существует никаких публичных свидетельств того, что Соединенные Штаты, несмотря на свои очень тесные финансовые связи, пытались убедить Кувейт прекратить провокационные действия против Ирака.

Ни США, ни Кувейт, похоже, не беспокоило вероятное вторжение Ирака. Так, за неделю до иракского наступления эксперты американских спецслужб настойчиво докладывали в администрацию Буша, что, вероятнее всего, Ирак

оккупирует только часть Кувейта. Такие прогнозы, «похоже, не вызвали серьезного отклика со стороны правительственные структур». В течение этого времени Буш был лично проинформирован о ситуации директором ЦРУ Уильямом Уэбстером (William Webster), который показал президенту спутниковые снимки иракских войск, сосредоточившихся вблизи границы с Кувейтом. Буш, как сообщается, большого интереса не проявил [27]. 1 августа сотрудник центрального аппарата разведки ЦРУ по вопросам оповещения вошел в офис ближневосточного отдела Совета национальной безопасности США и объявил: «Это последнее предупреждение вам. Ирак вторгнется в Кувейт к концу этого дня». Что в действительности и произошло. Но и это сообщение также не вызвало никакой реакции у государственных чиновников [28]. Наконец, кувейтский дипломат, находившийся в Ираке до вторжения, слал своему правительству множество рапортов, пытаясь предупредить его о возможном иракском вторжении. Его сообщения также были проигнорированы. Причем последнее сообщение даже называло точную дату вторжения (по кувейтскому времени) — 2 августа. После войны этот дипломат провел пресс-конференцию в Кувейте, в ходе которой собирался рассказать о том, как его информация была проигнорирована правительством Кувейта. Однако пресс-конференция была прервана по распоряжению государственного министра и ряда армейских офицеров Кувейта [29].

В июле, в то время когда все вышеупомянутые предостережения якобы игнорировались, Пентагон проводил командно-штабные учения с использованием компьютерного моделирования. Учения начались еще в конце 1989 года и проводились специально с целью изучения возможных ответных действий на «иракскую угрозу», которая, согласно новому военному плану № 1002-90, пришла на смену «советской угрозе». По замыслу учений, Ирак вторгался в Кувейт или Саудовскую Аравию, либо в оба этих государства [30]. На военных учениях в Военно-морском колледже в Ньюпорте, штат Род-Айленд, участников также просили определить наиболее эффективные действия американцев в ответ на возможное вторжение Ирака в Кувейт [31]. В то же время на базе ВВС Шоу (Shaw Air Force Base), штат Южная Каролина, в рамках еще одних учений рассматривались цели на территории Ирака для нанесения ударов с воздуха [32].

На протяжении мая и июня специалисты Центра стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета активно информировали Пентагон, Конгресс и представителей ВПК о результатах своих исследований по теме будущих военных действий с применением обычных видов оружия. Специалисты Центра пришли к выводу, что, скорее всего, новая война, в которой потребуется американское военное участие, возникнет между Ираком и Кувейтом или Саудовской Аравией [33].

Еще одним, судя по всему, хорошо осведомленным человеком был Джордж Шульц (George Shultz), бывший госсекретарь во времена президента Рейгана. Покинув пост госсекретаря, Шульц вернулся на работу в корпорацию «Бектэл» (Bechtel Corp), крупнейшую межнациональную строительную компанию.

Весной 1990 года Шульц убедил компанию отказаться от нефтехимических проектов в Ираке. «Я сказал, что в Ираке что-то пойдет не так, начнется война, и если компания будет заниматься там бизнесом, то она потерпит убытки. Тогда я посоветовал представителям компании не лезть в Ирак» [34].

Наконец, в газете «Вашингтон пост» была напечатана статья с разоблачением:

«С самого начала вторжения, согласно совершенно секретным оценкам американской разведки, Саддам Хусейн считал заявления Вашингтона о нейтралитете... зеленым светом администрации Буша для вторжения. Один высокопоставленный иракский военный рассказал сотруднику Управления [ЦРУ], что Хусейн, похоже, искренне удивился последовавшей агрессивной реакции со стороны Вашингтона» [35].

С другой стороны, мы имеем заявление министра иностранных дел Ирака Тарика Азиза, который присутствовал на встрече Гласпи с Хусейном:

«Она не давала зеленый свет, она не упоминала и о красном, потому что вопрос о нашем присутствии в Кувейте не поднимался... И мы не воспринимали как зеленый свет... тот факт, что американцы не отреагируют, если мы начнем вторжение в Кувейт. Это было не так. Мы ожидали, что американцы атакуют нас утром 2 августа» [36].

Однако нужно скептически относиться к так называемому небрежному отношению Ирака к нападениям со стороны США. Все эти замечания, по сути отрицающие, что Ирак обвели вокруг пальца, следует рассматривать в контексте упорного нежелания правительства Ирака на протяжении определенного периода времени признавать тот факт, что стране в результате американских бомбардировок был нанесен большой ущерб и погибло много иракцев.

Согласно позиции, которой придерживалась администрация Буша, арабские соседи Ирака, в частности Египет, Саудовская Аравия и Иордания, призывали Соединенные Штаты все это время не говорить и не делать того, что могло бы спровоцировать Саддама Хусейна. Кроме того, как подчеркнула посол Гласпи, никто не ожидал, что Хусейн оккупирует «весь» Кувейт. Все думали, что Хусейн захватит только те части, о которых он неоднократно заявлял — острова и нефтяное месторождение.

Но, конечно, Ирак предъявил права на «весь» Кувейт, к чему стремился на протяжении столетия.

Вторжение

Когда Ирак вторгся в Кувейт, время для противоречивых сигналов закончилось. Вне зависимости от наличия или отсутствия предварительного коварного плана в отношении Ирака, теперь американский президент в

полной мере воспользовался предоставленной ему возможностью. Прошли даже не часы, а минуты с момента вторжения иракских войск в Кувейт — и Соединенные Штаты уже начали мобилизационные мероприятия, Белый дом осудил действия Ирака, назвав их «вопиющей военной агрессией» и потребовал «немедленно и безоговорочно вывести все иракские войска». В Белом доме также подчеркнули, что «рассматриваются все возможные варианты действий». Джордж Буш заявил, что иракское вторжение «подтверждает необходимость начать постепенную реорганизацию ВС США» [37].

Спустя 24 часа американское оперативное соединение ВМС США, усиленное истребителями и бомбардировщиками, было на пути в Персидский залив. Буш искал возможности привлечь мировых лидеров к коллективным действиям против Ирака. На торговлю с Ираком было наложено эмбарго, а все иракские и кувейтские активы в США были заморожены. Сенату США удалось «решительным образом нейтрализовать попытки прекратить либо заморозить производство бомбардировщиков B-2, выполненных с использованием технологий «стелс», после того как сторонники этой программы ухватились за иракское вторжение в Кувейт как за предлог, позволяющий Соединенным Штатам активизировать работы по снижению заметности боевой техники в радиолокационном спектре обнаружения». Сторонники программы утверждали, что нападение Ирака на Кувейт «служит подтверждением того, что постоянно существует риск начала войны, и это, в свою очередь, требует создания современных вооружений». Сенатор Доул (Dole) заявил: «Мы можем поблагодарить Саддама Хусейна, по крайней мере, за то, что он «разбудил» нас» [38].

Спустя день после того, как сенаторы использовали ирако-кувейтский кризис для спасения производства высокотехнологичного бомбардировщика B-2, они снова, сославшись на войну, предотвратили консервацию двух кораблей ВМС времен Второй мировой войны [39].

Через несколько дней тысячи американских солдат и бронетанковая бригада были дислоцированы в Саудовской Аравии. Этой масштабной операции было дано название «Щит пустыни». Возникла необходимость увеличения затрат на военные нужды США.

Менее чем через год после политических изменений в Восточной Европе, когда предприятия оборонно-промышленного комплекса Советского Союза были вынуждены работать на фоне масштабного сокращения вооруженных сил и недостаточного дофинансирования, представители исполнительной власти и аналитики США заявили, что кризис в Персидском заливе стал лучом надежды для американских военных компаний.

«Если Ирак не выведет свои войска из Кувейта и ситуация усложнится, то это положительно отразится на отрасли ВПК. В Вашингтоне станут меньше говорить о «дивидендах от мира», — сказал Майкл Лauer (Michael Lauer), аналитик Kidder, Peabody & Co. в Нью-Йорке.

Как написала американская газета «Вашингтон пост», «возможными бенефициарами» кризиса являются «различные предприятия военной промышленности» [40].

К сентябрю Джеймс Вебб (James Webb), бывший помощник министра обороны и министр ВМС в администрации Рейгана, посчитал необходимым высказаться следующим образом:

«Президент должен знать, что в то время как большинство американцев работают не покладая рук, чтобы поддержать его, за их внешним уважением кроется цинизм. Многие утверждают, что наращивание военной мощи — это не более чем очередная «игра Пентагона с бюджетом», направленная на предотвращение сокращений вооруженных сил, командование которых ищет способ их применения на фоне сокращения военных баз НАТО» [41].

Примечательно, что был услышен еще один скептически настроенный помощник министра обороны США. Лоуренс Корб (Lawrence Korb) написал, что развертывание войск в Саудовской Аравии «в большей степени объясняется предстоящими боями за бюджет на Капитолийском холме, чем возможной военной операцией против Саддама Хусейна» [42].

Но разве существуют пределы цинизма для конгрессмена, преследующего переизбрание? К началу октября можно было прочитать следующее:

«Политическая подоплека развертывания американских частей в Саудовской Аравии сыграла важную роль в деле ограничения сокращения расходов на оборону в контексте воскресного соглашения по бюджету и прекращения «свободного падения» военных расходов, которое некоторые аналитики предсказывали ранее. Специалисты по стратегическим вопросам с Капитолийского холма подчеркивали, что операция «Щит пустыни» внесла существенные изменения в политический климат переговорного процесса и заставила некоторых представителей законодательной власти, выступавших за сокращение военного бюджета, изменить свою позицию по этому вопросу.

Благодаря достигнутому компромиссу по оборонному бюджету... не сократилось не только финансирование операции «Щит пустыни», но и сохранилась большая часть ежегодного финансирования в ответ на бешеный натиск Советского Союза на Восточную Европу [43].

Между тем президента Джорджа Буша стало поддерживать большее количества американцев. Его рейтинг был восстановлен. Первый опрос, проведенный в августе после вступления США в конфликт в Персидском заливе, показал повышение рейтинга до 74 процентов, по сравнению с 60 процентами в конце июля. Американской общественности, однако, похоже, требуются регулярные поводы для вспышек патриотизма, чтобы поддерживать любовь к человеку, занимающему кабинет в Белом доме. Однако Буш оказался не в состоянии четко определить цели и задачи, преследуемые США в Персидском заливе, и к середине октября его рейтинг едва достигал 56 процентов — самый низкий уровень с момента вступления в должность. Рейтинг Буша оставался примерно на этом уровне до следующей вспышки воинственного патриотизма в январе, как мы увидим [44].

Прелюдия к войне

По мере того как Ирак продолжал грабить Кувейт и превращать его в свою 19-ю провинцию, Соединенные Штаты усиливали свое военное присутствие в Саудовской Аравии и водах Персидского залива. США также использовали тактику принуждения и самых щедрых за всю историю своего существования подкупов, чтобы создать «коалицию» для поддержки подготовленных Вашингтоном резолюций и участия в предстоящей военной кампании. Одним из таких примеров может служить попытка придать респектабельность «многонациональным» силам в предстоящей кампании, чтобы затем прикрываться этим «фиговым листком». Эта тактика уже была опробована в войнах в Корее, Гренаде и Афганистане, где американцы вели самостоятельные боевые действия при формальном существовании «коалиции». В целях привлечения в «коалицию» Египту были прощены многомиллиардные долги; Сирия, Китай, Турция, Советский Союз и другие страны получили военную или экономическую помощь, кредиты Всемирного банка и Международного валютного фонда, отмену санкций и другие привилегии, причем не только от США, но (под давлением Вашингтона) и от Германии, Японии и Саудовской Аравии. В дополнение к этому, администрация Буша перестала критиковать государства, участвовавшие в коалиции, за нарушения прав человека [45].

Однако Вашингтон и мировые средства массовой информации были недовольны сдержанной позицией Германии, которая не торопилась встать на сторону стран, выбравших путь войны. Немцы, о которых еще вчера говорили как о фашистах, прошедших маршем через Польшу, теперь обвинялись в «трусости» из-за массовых мирных демонстраций, прокатившихся по Германии.

Вашингтон протолкнул через Совет Безопасности ООН десяток резолюций, осуждавших Ирак, вводивших против него жесткие экономические санкции и дающих «разрешение» на ведение против него войны. Только Куба и Йемен проголосовали против всех этих резолюций. Когда 29 ноября в адрес представителя Йемена, высказавшего свой голос против ключевой резолюции по применению силы, раздались аплодисменты, председательствовавший на заседании госсекретарь США Бейкер сказал членам своей делегации: «Я надеюсь, что он наслаждался этими аплодисментами, потому что это может оказаться самым дорогим голосованием в его жизни». Весточка долетела до адресата, и буквально через несколько дней это небольшое государство на Ближнем Востоке пострадало от резкого сокращения американской помощи [46].

Генеральный секретарь ООН Хавьер Перес де Куэльяр (Javier Perez de Cuellar) признал, что «это не была война Организации Объединенных Наций, и генерал Шварцкопф (Schwarzkopf) [командующий силами коалиции] голубую каску не носил» [47]. Ситуация, когда ООН попала под контроль США, побудила британского политического обозревателя Эдварда Пирса (Edward Pearce) написать, что Организация Объединенных Наций «функционирует, как английский средневековый парламент, в котором ведутся консультации,

соблюдается церемониал, но который помнит об исключительном праве короля, поэтому пробормочет что-то, да и примет нужное решение» [48].

Скоро Соединенные Штаты столкнулись с вопросом — сколько им следует ждать с момента введения санкций в отношении Ирака до прямого военного вмешательства? Администрация и ее сторонники утверждали, что они давали Хусейну все шансы, чтобы найти мирный способ сохранить лицо и выбраться из той сложной ситуации, в которую он сам себя поставил. Но факт остается фактом — каждый раз, когда президент Буш делал иракскому лидеру какие-либо предложения, всегда они были пронизаны оскорблением и никогда не предполагали хотя бы малейшего признания законности заявленных Ираком претензий [49]. В самом деле, Буш охарактеризовал вторжение со стороны Ирака как «несправедливый акт» [50]. В речах президента чувствовалось все больше сарказма, а обвинения из его уст становились слишком преувеличенными. Буш переносил обвинения на личностный уровень, демонизируя тем самым Саддама Хусейна и действуя по схеме, которую он использовал в отношении Норвегии, а Рейган — в отношении Каддафи, словно эти иностранцы не имели гордости или интеллектуальных способностей, какими располагают американцы. Вот как писала об этом газета «Лос-Анджелес таймс»:

«Вскоре после иракского вторжения... Буш осторожно сравнил агрессию Ирака с немецкой агрессией против Польши, которая стала причиной начала Второй мировой войны. Однако он не дошел до сравнения президента Саддама Хусейна с Адольфом Гитлером. Но в прошлом месяце осторожность была пущена побоку, когда Буш не только сравнил Хусейна с Гитлером, но и пригрозил инициировать судебные разбирательства в отношении военных преступлений в стиле Нюрнбергского процесса. Затем, на прошлой неделе Буш пошел еще дальше, утверждая, что иракский лидер хуже, чем Гитлер, потому что немцы никогда не использовали американских граждан в качестве «живого щита» на военных объектах».

После такого опошления событий Второй мировой войны Буш продолжал предостерегать, что любое одобрение неконтролируемой агрессии «завтра может вылиться в мировую войну». Как сказал один из его собственных чиновников, Бушу «надо научиться выбирать слова» [51].

Вскоре Саддам Хусейн осознал, что, оккупировав весь Кувейт и разграбив его, он откусил гораздо больше, чем может прожевать. В начале августа, а затем еще раз в октябре Хусейн давал ясно понять, что готов вывести иракские войска из Кувейта в обмен на единоличный контроль над нефтяным месторождением Румайла, гарантированный доступ к Персидскому заливу, снятие санкций, а также урегулирование споров по вопросам добычи нефти и ценообразования [52].

Он также начал выпускать из заключения некоторых иностранцев, имевших несчастье оказаться в Ираке или Кувейте во время войны. В середине декабря последний из них был освобожден. В начале декабря Ирак приступил к обустройству новой границы с Кувейтом, что должно было демонстрировать,

что Багдад отказался от намерений сделать Кувейт частью Ирака. Правда, истинное намерение иракской стороны в вопросах демаркации границы до конца не было ясным [53]. А в начале января Хусейн сделал еще более существенное предложение по мирному урегулированию вопроса.

Администрация Буша решила проигнорировать все предложения иракской стороны. В ответ на августовское предложение Саддама Хусейна Госдепартамент «категорически» отрицал, что оно когда-либо делалось. Это же подтвердил затем и Белый дом [54]. Позднее в стенограммах Конгресса было записано:

«Иракцы, по-видимому, считают, что вторжение в Кувейт позволит привлечь к ним внимание мировой общественности, выторговать для себя в ходе переговоров преференции в экономике и затем вывести свои войска из Кувейта... Дипломатическое решение вопроса, отвечающее интересам Соединенных Штатов, вероятно, могло быть достигнуто в течение первых дней после вторжения».

Администрация Буша, говорится в документе Конгресса, хотела любым способом избежать того, что могло бы выглядеть как поощрение вторжения. Однако отставной офицер сухопутных войск США, действовавший в качестве посредника в августовских переговорах, заявил впоследствии, что мирное предложение «уже шло вразрез с проводимой политической линией» [55].

Но после прохождения определенной точки в процессе наращивания своей военной мощи могли ли Соединенные Штаты допустить мирное разрешение конфликта, даже если бы они этого хотели? Бывший помощник министра обороны Лоуренс Корб (Lawrence Korb) в конце ноября поделился своими наблюдениями. Он сказал, что все структурные подразделения министерства обороны старались принять участие в военной операции, чтобы доказать свою значимость и необходимость их сохранения в структуре МО, чтобы гарантировать их длительное финансирование:

«К середине января... Соединенные Штаты будут иметь в Персидском заливе более 400 тысяч военнослужащих [оказалось, более 500 тысяч] всех пяти видов вооруженных сил (даже включая береговую охрану). Это примерно на 100 тысяч больше, чем было в Европе в любое время в ходе холодной войны. По окончании развертывания группировки сухопутные войска будут насчитывать восемь дивизий, дислоцированных на территории Саудовской Аравии (в два раза больше, чем было в Европе), две трети всех подразделений и частей морской пехоты будут развернуты в зоне конфликта... Командование военно-морских сил направит в зону конфликта шесть из имеющихся четырнадцати авианосных ударных групп, два из четырех линейных кораблей и одну из двух групп десантных транспортов... В зоне конфликта командование ВВС уже разместило девять из двадцати четырех действующих тактических авиакрыльев, а также бомбардировщики. Планируются к отправке в зону конфликта части и подразделения резервистов. Лоббисты командований резерва ВС США (в США каждый вид вооруженных сил имеет

командование резерва. — *Прим. ред.*) признали, что их финансирование может оказаться в будущем под угрозой, если резервисты не примут участия в военной операции».

Корб с удивлением спрашивает, могло ли высшее командование ВС США не поддаться давлению, оказывавшемуся со стороны командований видов вооруженных сил? Например, не поддаться давлению со стороны командования ВМС, отдавшего приказ направить несколько авианосцев в узкие и опасные воды Персидского залива только для того, чтобы быть поближе к театру военных действий? Не поддаться давлению со стороны командования Корпуса морской пехоты, которое, возможно, хотело доказать, что десантные операции все еще необходимы в ходе военных действий, и продемонстрировать высадку на неприятельский берег? И могли ли сухопутные войска оставаться в стороне, когда предпочтение отдается военно-воздушным силам [56]? Высшее военное командование сопротивляться давлению не смогло, и это продлило войну.

Американские военные и президент Буш должны были показать всю свою мощь, показать, что они могут вести самые современные, с использованием новейших разработок, войны, и никакие сигналы из Ирака о переговорах и миротворцы не должны были все испортить. Журнал «Форчун», в простой форме описывая стойкость Буша, так описал довоенный период:

«Президент и его люди работали сверхурочно, чтобы устранить некоторых политиков в арабском мире, Франции и Советском Союзе, выступавших за мирное урегулирование конфликта. Ведь такие политики могли позволить Саддаму Хусейну сохранить лицо и выпутаться из устроенной Бушем ловушки. Снова и снова Буш повторял свою мантру: никаких переговоров, никаких сделок, никаких попыток сохранить лицо, никаких компенсаций и в особенности никакой увязки с палестинской мирной конференцией [пункт, на который Ирак обращал внимание несколько раз]» [57].

29 ноября Совет Безопасности ООН санкционировал применение «всех необходимых средств» с целью заставить Ирак покинуть Кувейт, если иракская сторона добровольно не выведет свои войска до 15 января. Стало известно, что в период рождественских праздников Джордж Буш корпел над каждой из 82 страниц исключительно детального доклада «Международной амнистии» (Amnesty International) об арестах, насилии и пытках в Кувейте со стороны иракских властей. После праздников он сказал своим сотрудникам, что его совесть чиста: «Это ситуация, где черное противостоит белому, зло противостоит добру. Этот человек должен быть остановлен» [58].

К сожалению, нет сведений относительно того, читал ли когда-нибудь Буш хоть что-то из большого количества докладов этой неправительственной организации об аналогичных омерзительных случаях нарушений прав человека и вероисповедания, совершенных союзниками Вашингтона в Гватемале, Сальвадоре, Афганистане, Анголе и Никарагуа. Если он читал, то отчеты,

очевидно, не произвели на него должного эффекта, поскольку он продолжал поддерживать этих союзников. В течение более 10 лет «Международная амнистия» также сообщала о жестокостях в Ираке, но только за несколько месяцев до августовских событий представители организации выступили с докладом о ситуации с правами человека в Ираке перед Сенатом. Но и тогда ничего не могло вызвать справедливого негодования у Джорджа Буша.

Приближалось 15 января — крайний срок для выполнения условий резолюции ООН, — и весь мир затаил дыхание. Возможно ли такое, чтобы в течение пяти с половиной месяцев никак нельзя было найти решение для предотвращения очередной ужасной войны на этой планете? 11 января арабские дипломаты в ООН сообщили, что они получили сообщения из Алжира, Иордании и Йемена — стран, находящихся с Ираком в тесных отношениях, — что после 15 января Саддам планирует выступить с инициативой, в которой намерен выразить свою принципиальную готовность вывести свои войска из Кувейта в обмен на международные гарантии, что Ирак не будет атакован. Также, согласно иракской инициативе, в обмен на вывод войск из Кувейта должна состояться международная конференция, на которой будут рассмотрены жалобы палестинской стороны и проведены переговоры, на которых должен быть урегулирован спор между Ираком и Кувейтом. Дипломаты отметили, что иракский лидер намерен выждать день или два после того, как закончится отведенный резолюцией ООН срок на добровольный вывод войск, и тем самым продемонстрировать, что он действует не под давлением.

Для Соединенных Штатов, разместивших в Саудовской Аравии полутора миллионную группировку войск, готовую к началу военной операции, такая инициатива иракской стороны была неприемлема. Как заявил госсекретарь США Бейкер (Baker), Саддам Хусейн «пересечет черту в полночь 15 января», и он может не надеяться, что спасет себя, предлагая вывести свои войска из Кувейта после этого числа [59].

Многочисленные оправдания Джорджа Буша

«Наши рабочие места, наша жизнь, наша собственная свобода и свобода друзей и союзников по всему миру пострадают, если контроль над самыми большими в мире запасами нефти попадет в руки такого человека, как Саддам Хусейн» [60].

С такой речью обратился Джордж Герберт Уокер Буш к народу Америки. Как заметил Теодор Дрейпер (Theodore Draper):

«Причины начала войны были одновременно и обыденными, и невероятными. Буш упомянул о «рабочих местах» прежде всего для того, чтобы в рамках своей внутренней политики обратиться к избирателям через их кошельки. Однако в качестве одной из причин развязывания войны это выглядело полнейшей глупостью, тем более если речь идет о войне на другом конце земного шара» [61].

В ходе продолжительной подготовки к войне, во время самой войны и после нее никто по-настоящему не понял, почему Буш вторгся в Персидский залив и вверг Соединенные Штаты в эту войну. Конгрессмены, журналисты, редакторы, простые граждане продолжали просить, время от времени почти умоляя, чтобы президент ясно и однозначно объяснил свои мотивы. От него ждали объяснений, которые бы не противоречили тому, что он сказал ранее. Экономисты и ведущие специалисты различных научно-исследовательских центров сочли, что с их стороны было бы не совсем профессионально соглашаться с неопределенными заявлениями президента. В этой связи ими было написано большое количество авторитетно звучащих, но абсолютно туманных работ.

В результате полной неразберихи в обществе газета «Уолл-стрит джорнэл» решила пригласить несколько человек, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. По сообщению газеты, «эти люди не понимают, что происходит в данный момент, и настойчиво просят предоставить им дополнительную информацию...». Кроме того, они огорчены тем обстоятельством, что господин Буш изо дня в день приводит разные аргументы». Как сказал один из участников: «До сих пор происходящее вокруг выглядело как шоу Дэвида Леттермана «Десять основных причин, чтобы побывать здесь» (David Letterman; юмористическое телешоу Леттермана отличалось своей остротой и непредсказуемостью. — Прим. ред.) Практически каждую неделю мы слышим совершенно новую историю» [62].

Происходящее в Персидском заливе, как, впрочем, и всегда, подталкивало к мысли, что причиной возникновения конфликта являлось «черное золото». Однако это утверждение не подтверждалось реальным положением дел. С поставкой проблем не было. Министерство энергетики подтвердило, что нехватки нефти не наблюдалось. Саудовская Аравия и другие страны увеличили свою добычу в объеме более чем достаточном для компенсации недопоставленной нефти из Ирака и Кувейта. Стоит отметить, что доля поставок нефти из этих двух государств составляла лишь около пяти процентов от всего американского потребления. Существовал целый мир, от Мексики до России, готовый поставлять больше нефти. Не стоит также забывать и об американских залежах нефти, которые были законсервированы. Такое положение дел наглядно демонстрирует, что любой поставщик нефти, будь то Хусейн или кто-нибудь другой, который старается взять под контроль или доминировать на нефтяном рынке, сталкивается с трудностями — что делать с нефтью, ну не пить же ее? К декабрю стало известно, что «уровень добычи нефти стран — членов ОПЕК достиг максимума по сравнению с уровнем, зафиксированным в начале лета. До тех пор пока война на Ближнем Востоке не начнется и не будут сорваны поставки нефти, существовала вероятность того, что на рынке будут наблюдаться излишки нефти, а цена на «черное золото» резко упадет» [63].

Что же касается цен на нефть, то разве нефтяники Джордж Буш и Джеймс Бейкер, а также экономически ослабленные американские нефтяные штаты

хотят, чтобы цены шли вверх или вниз? Можно привести доводы в поддержку той или иной версии. (В январе 1990 года США тайно вели с Саддамом Хусейном переговоры, в ходе которых пытались убедить его в необходимости поднять цену за один баррель нефти, добываемой странами — членами ОПЕК, до 25 долларов) [64]. Мог ли Вашингтон в ситуации хаоса легко манипулировать ценами, играя то на понижение, то на повышение? И без того цены на нефть регулярно колеблются, и зачастую очень резко. Так, между 1984 и 1986 годами, например, цена барреля нефти упала приблизительно с 30 долларов до менее 10 долларов. И это, несмотря на продолжавшуюся тогда ирано-иракскую войну, из-за которой в обеих странах объемы нефтедобычи упали.

Однако анализ непосредственных обстоятельств не учитывает огромного и непрерывного влияния «нефтяной загадки» на мышление американских политиков. Если учесть, что Буш искал «кризиса», чтобы внушить Конгрессу США мысль о непрекращающейся опасности в мире, то в этом случае участие в конфликте между двумя крупнейшими нефтедобывающими странами, конечно, произвело бы гораздо более желаемый эффект, чем война Боливии с Парагваем или Ганы с Кот-д'Ивуар.

Ссылки президента на «американский образ жизни» и «общую свободу» отражают жизненно важное значение, которое он и другие политики открыто придают нефти. Ранее в том же году директор ЦРУ Уильям Уэбстер (William Webster) заявил Конгрессу, что нефть «будет продолжать оказывать значительное влияние на интересы США», поскольку «зависимость Запада от нефти из Персидского залива резко возрастет» в следующем десятилетии. В то же время генерал Шварцкопф (Schwarzkopf), который имел давние связи с Ближним Востоком, подчеркнул:

«Ближневосточная нефть — жизненная основа Запада. Она питает нас сегодня и, составляя 77 процентов разведанных запасов нефти свободного мира, будет питать нас, когда остальной мир высохнет... Считается, что в течение 20–40 лет США фактически исчерпают свои экономически доступные запасы нефти, в то время как регион Персидского залива по-прежнему будет располагать доказанными запасами нефти, по крайней мере, еще 100 лет» [65].

В действительности к тому времени разведано было лишь 69 процентов запасов нефти, а после того как к «свободному миру» присоединился Советский Союз, то даже меньше [66]. Следует также отметить, что хороший общий прогноз для США является весьма спекулятивным, а термин «экономически доступные запасы» означает тот факт, что на внутреннем рынке США разработка запасов нефти более затратна, чем в Персидском заливе. Но это только сводит вопрос к проблеме прибыли, а не к проблеме нефтяных ресурсов. Кроме того, в это экономическое уравнение должен быть включен огромный потенциал альтернативных источников энергии.

В это время Соединенные Штаты, опасаясь, по-видимому, сбоев в поставках нефти из Персидского залива, получали из региона приблизительно

11 процентов всей импортируемой нефти. В то время как Япония, получавшая 62 процента нефти из Залива, и Европа, получавшая 27 процентов, вовсе не испытывали никаких панических настроений. Исключением была Великобритания с премьер-министром Маргарет Тэтчер (Margaret Thatcher), которая всегда приходила в ярость, если речь заходила о Саддаме Хусейне или о бывшей британской колонии — Ираке [67]. Германия получала около 35 процентов нефти из Залива, но Вашингтон выкручивал руки Бонну и Токио, чтобы они поддержали милитаристскую политику. По сути, и Германия, и Япония довольно скептически относились к планам Соединенных Штатов Америки, направленным на установление контроля над нефтью в регионе.

Принятие на веру официальным Вашингтоном так называемой «нефтяной загадки» дало начало долгосрочной политике, описанной политологом Ноамом Хомски (Noam Chomsky) следующим образом:

«Это была ведущая, движущая доктрина американской внешней политики с 1940-х годов, заключавшаяся в том, что Соединенные Штаты и их сателлиты будут эффективнее распоряжаться огромными запасами энергетических ресурсов в регионе Персидского залива. И самое главное, что никакой независимой местной национальной силе не будет разрешено иметь существенное влияние на управление нефтедобычей и ценами» [68].

Это не всегда означало обязательное применение силы. В 1973 году, когда ОПЕК во главе с Саудовской Аравией, используя значительное повышение цен на нефть и нефтяной бойкот, пытались заставить Вашингтон повлиять на уход Израиля с недавно оккупированных территорий, Соединенные Штаты вторжения не предприняли и даже не угрожали им. Этот вопрос был решен с помощью обширной дипломатии без единого выстрела. Спасли государства ОПЕК от жестокой гибели комбинация нескольких факторов — война во Вьетнаме, все еще тяжело довлевшая в Вашингтоне, и администрация Никсона, которую вот-вот должен был накрыть «Уотергейт».

В дополнение к сделанным на раннем этапе зловещим предупреждениям о серьезных экономических последствиях для Соединенных Штатов в случае вторжения Буш предупредил об еще худшей судьбе, если Ирак захватит Саудовскую Аравию. Объяснение, что Саудовской Аравии грозит опасность, было неудачным. У Ирака никогда не было никаких планов относительно Саудовской Аравии, как ясно дает понять простой взгляд на карту. Иракцы имеют протяженную границу с этой страной. Чтобы вторгнуться в Саудовскую Аравию, им не нужно идти через Кувейт, и даже если бы иракцы это сделали, они могли бы войти в Саудовскую Аравию, практически не встретив сопротивления, через три недели после их захвата Кувейта, как позже признал генерал Колин Пауэлл (Colin Powell) [69]. Представители администрации Буша фактически признались, что ни ЦРУ, ни Разве́дывательное управление министерства обороны (РУМО) не допускали возможности, что Ирак вторгнется в Саудовскую Аравию [70]. Саудовская Аравия тоже об этом не

задумывалась, пока 5 августа министр обороны Чейни (Cheney) не полетел в Эр-Рияд и лично не заявил королю Фахду (Fahd), что его страна находится в серьезной потенциальной опасности и отчаянно нуждается в очень большом американском военном контингенте для защиты [71].

Буш отказался от нефтяного обоснования, когда критики обвинили его в попытке защитить интересы нефтяной промышленности. В октябре он был прерван во время своего выступления некоторыми людьми, которые кричали: «Господин президент, приведите домой наши войска из Саудовской Аравии! Не надо крови в обмен на нефть!». На что Джордж Буш заявил враждебно настроенным оппонентам: «Вы знаете, некоторым людям никогда не дадут слова. Схватка ведется не за нефть, схватка ведется из-за неприкрытой агрессии, которую [мы] не собираемся терпеть». Через месяц, если не раньше, президент снова начал разыгрывать нефтяную карту, привязав экономическую безопасность Америки к нефти из Саудовской Аравии. Вскоре после этого он вернулся к «огромному ущербу, наносимому каждый день» США и международной экономике разрушением рынка нефти [72].

Что касается неприкрытой агрессии Ирака, то такое замечание требует навыка избирательной памяти высокого уровня от правительства, на счету которого лежат все случаи международной агрессии — открытой и скрытой — в новейшей истории, и от человека, который меньше чем за год до того открыто вторгся в Панаму. Тот факт, что Сирия и Израиль вторглись в Ливан и продолжают оккупировать большую часть страны, а Израиль подвергает Бейрут нещадным бомбардировкам, не вызывает со стороны США ни упреков, ни тем более угрозы войны. Саддам Хусейн, вероятно, удивился, когда Вашингтон изменил правила игры, и заявил американцам: «Вы говорите об агрессивности Ирака... Если Ирак вел себя агрессивно во время ирано-иракской войны, тогда почему вы вели [с нами] переговоры?» [73].

Во время эпической борьбы Ирака с аятоллой Хомейни Соединенные Штаты, конечно, не просто участвовали в переговорах с Багдадом. Вашингтон, избрав Ирак как меньшее из зол для борьбы с «шиитским экстремизмом», поставлял Багдаду огромные объемы оружия современных технологий, обеспечивал военную подготовку подразделений иракской армии, делился данными спутниковой фоторазведки и миллиардами долларов. Щедрую поддержку Саддаму Хусейну оказывали также Кувейт и Саудовская Аравия, которые беспокоились, что антимонархические настроения Ирана могли распространиться на их собственные страны. Более того, есть доказательства, что Вашингтон подстрекал Ирак напасть на Иран и начать войну первым [74]. Во время того периода американской поддержки Хусейна последний был, конечно, тем же самым мерзким и ужасным бандитом, как и позднее, когда он попал под пресс поучающей и высокопарной риторики со стороны США. Точно так же, без тычков и напоминаний со стороны Вашингтона, ООН не только не осудила иракское вторжение, но и не наложила никаких санкций и не обозначила никаких требований.

Даже когда было официально запрещено продавать оружие любой из воюющих сторон, США тайно поставляли вооружение и тем, и другим. Другое «пугало» региона, аятолла Хомейни, получал американские вооружения и данные военной разведки по Ираку во время войны. Все это делалось для того, чтобы повысить возможности обеих стран нанести максимальный урон друг другу и задержать их развитие как сильных ближневосточных стран.

Теперь у Ирака во врагах было двое бывших «союзников» — Саудовская Аравия и Кувейт. Вашингтон закрывал глаза на «особенности» той и другой страны, и официальная политика всегда была такова, что Соединенные Штаты имели принципиальные обязательства по защите первой и освобождению второй. А они вовсе не были симпатичной парой. Саудовская Аравия постоянно заявляла о своей чрезвычайной религиозной нетерпимости. В стране применялись внесудебные аресты, пытки и телесные наказания [75]. Там также практиковалась гендерная сегрегация, систематические репрессии в отношении женщин, фактическое рабство наемных рабочих из других стран, забивание камнями за прелюбодеяние и ампутации рук ворам. Местные власти требовали, чтобы военные священники ВС США, находившиеся в стране, убирали с военной формы кресты и звезды Давида и назывались «офицерами по вопросам морально-политического состояния личного состава» [76].

Кувейт, как ни странно, был яростным противником США в своей внешней политике [77]. Будучи социально более просвещенным, чем Саудовская Аравия (но менее, чем Ирак), он находился под управлением одной семьи и представлял собой элитарную олигархию, которая в 1986 году свернула деятельность парламента, не позволяла иметь никаких политических партий и запретила критику правящего эмира. Не более 20 процентов ее населения обладали хоть какими-либо политическими правами вообще. После того как страна была возвращена ее законным диктаторам, в ней проводилась очень жестокая политика по отношению к населяющим ее многочисленным иностранным работникам, которых могли держать в заключении без суда и следствия на протяжении нескольких месяцев. «Эскадроны смерти» уничтожили множество людей. «Пытки политических заключенных были делом обычным и широко распространенным», — считают в «Международной амнистии». По крайней мере, 80 человек в то время «бесследно исчезли» в заключении. Целями кампании, развернувшейся во время пребывания там многотысячного военного контингента США, стали в основном те, кого обвиняли в сотрудничестве с иракцами, и те, кто был вовлечен в зарождающееся демократическое движение. Кроме того, около 400 иракцев были вынуждены вернуться в Ирак, несмотря на опасность преследований и казни [78].

Однако элита региона не проявляла особой благодарности за все, что, по словам Джорджа Буша, Америка для них сделала. Один государственный деятель из стран Персидского залива сказал: «Вы думаете, что я хочу отправлять сына-подростка умирать за Кувейт?». Затем он усмехнулся и добавил: «Для этого у нас есть белые рабы из Америки». Саудовский учитель видел это так: «Американские солдаты — это новый тип иностранного работника. У нас есть

таксисты-пакистанцы, а теперь есть еще и американцы, нас защищающие». Объясняя отсутствие благодарности со стороны лидеров стран Залива, йеменский дипломат сказал: «Многие правители стран Персидского залива просто не чувствуют, что они должны быть благодарны людям, которых они наняли вести борьбу за их интересы» [79]. Помимо всего прочего, люди в арабском мире очень чувствительны к убийству мусульман и арабов иностранцами, как и к иностранному военному присутствию на арабской земле, напоминающему им о столетиях белого колониализма Запада.

Буш также предостерег, что Ирак представляет собой ядерную угрозу. Возможно, но такую же ядерную угрозу представляют собой Соединенные Штаты, Франция, Израиль и любая другая страна, у которой оно есть. С другой стороны, Ираку, по мнению американских, британских и израильских экспертов, требовалось 5–10 лет на то, чтобы приблизиться к возможности создать и применить ядерное оружие [80]. Маловероятно, что сам президент считал, будто такая опасность существует. Его заявление появилось лишь после проведенного опроса общественного мнения, который показал, что многие американцы считают препятствование Ираку в приобретении ядерного оружия самым убедительным аргументом для начала войны [81].

Одним фактором, не упомянутым Бушем в качестве причины вмешательства, но в действительности сыгравшим важную роль, стало желание Пентагона создать или укрепить соглашения со странами Персидского залива о постоянном американском военном присутствии. И значительные успехи по этой части, похоже, были сделаны [82]. Генерал Шварцкопф ранее сообщил Конгрессу США, что «американское присутствие» в Персидском заливе является одним из трех основных направлений общей военной стратегии, наряду с обеспечением безопасности местных союзников и проведением совместных учений. Все это обеспечивает существенный «доступ» в регион — это слово можно взять в качестве эвфемизма вместо «влияния и контроля» [83]. После войны было выявлено наличие в Саудовской Аравии сети военно-коммуникационных систем — «супербаз», которые на протяжении десяти лет в обстановке строжайшей секретности возводились американцами. Их строительство — стоимость составила почти 200 миллиардов долларов — было оплачено Саудовской Аравией. Они использовались во время войны в Заливе, и это объясняет, почему Буш так быстро бросился защищать Саудовскую Аравию, хотя бы и от несуществующей угрозы [84].

«Остановите меня прежде, чем я убью снова!»

Иосиф Сталин учился в семинарии. Адольф Гитлер был вегетарианцем и боролся с курением. У Германа Геринга, люфтваффе которого поливали смертельным дождем Европу, в кабинете висела табличка: «Тот, кто мучает животных, ранит чувства немецкого народа». Эли Визель (Elie Wiesel) назвал величайшим открытием последней мировой войны то, что: Адольф Эйхман

(Adolf Eichmann) был культурным, начитанным человеком, игравшим на скрипке. Муссолини тоже играл на скрипке. Чарлз Мэнсон (Charles Manson) был ярым противником вивисекции.

Что касается Панамы, то, как мы видели, отдав приказ бомбить, Джордж Буш сказал, что его «сердце с семьями, которые умерли в Панаме». И когда его спросили, действительно ли стоило посыпать людей на смерть ради того, чтобы получить Норьегу, он ответил: «Каждая человеческая жизнь драгоценна, и все же я должен ответить: да, оно того стоило».

По поводу Ирака Буш сказал: «Люди мне говорят: «Сколько жизней? Сколько жизней можно тратить?». Каждая из них драгоценна» [85].

В январе перед тем, как отдать приказ о начале войны против Ирака, Буш молился, слезы текли по его щекам. «Я думаю, — позже сказал он, — что, как и многие другие, которые отвечали за отправку чужих детей на войну, мы осознаем: в молитве имеет значение лишь то, будет ли это угодно Богу» [86].

Бог, можно предположить, мог бы спросить Джорджа Буша о детях Ирака. И о взрослых. И с раздражением, не подобающим Богу, мог бы громогласно заявить: «Так перестаньте уже тратить драгоценные жизни!».

Танки с тралами двигались вдоль окопов, обстреливали иракских солдат, а затем засыпали их песком. Тысячи людей были похоронены таким образом — убитые, раненые или живые [87].

Американские войска открыли огонь по иракским солдатам после того, как иракцы выбросили белые флаги капитуляции. Командующий военно-морским контингентом, который отдал приказ открыть огонь, наказан не был [88].

Бомбардировка уничтожила два действующих ядерных реактора в Ираке. Это был первый случай, когда действующие реакторы бомбили, что вполне могло создать опасный прецедент. Чуть больше месяца прошло с тех пор, как Организация Объединенных Наций, под чьим мандатом США якобы воевали, приняла резолюцию, подтверждающую «запрет военного нападения на ядерные объекты» на Ближнем Востоке [89]. Разные химикаты, в том числе химическое оружие, объекты и мнимые заводы по производству биологического оружия, также стали целями для американской авиации. Генерал Шварцкопф позже заявил, что они были очень осторожны в выборе средств уничтожения упомянутых объектов, в том числе и ядерных, применяли их только «после совещаний с большим количеством очень, очень известных ученых» и были на «99,9 процентов» уверены, что не произошло «никакого загрязнения» [90]. Однако европейские ученые и защитники окружающей среды обнаружили следы химических отравляющих веществ, появившиеся в результате бомбардировок, а также химические осадки и ядовитые пары, возникшие от авианалетов и убившие множество гражданских лиц [91].

У американской администрации и средств массовой информации было много поводов для веселья в связи с «очевидной иракской пропагандой» — иракцы утверждали, что разбомбленный завод по производству биологического оружия на самом деле являлся заводом детского питания. Но прави-

тельство и бизнесмены Новой Зеландии, имевшие тесные контакты с этим заводом, однозначно подтвердили, что там действительно производилось детское питание [92].

Соединенные Штаты также широко использовали боеприпасы и ракеты с обедненным ураном (ОУ), оставляя тонны радиоактивных и токсичных обломков в Кувейте и Ираке. В апреле 1991 года Управление Великобритании по атомной энергии в секретном докладе предупредило, что «если ОУ попадет в пищевую цепь или воду, это создаст потенциальные проблемы со здоровьем». Уран-238, используемый при изготовлении оружия, может при вдыхании вызывать рак и генетические дефекты. Уран так же химически токсичен, как свинец. Вдыхание вызывает отравление тяжелыми металлами и повреждение почек или легких. Иракские солдаты, сидящие в своих бункерах во время нападений, почти наверняка были отравлены радиоактивными облаками пыли [93].

Пострадало от безжалостных бомбардировок и гражданское население. Правозащитная организация «Миддл Ист уотч» (Middle East Watch) зафиксировала многочисленные случаи бомбардировок, как правило среди бела дня, жилых домов, многолюдных рынков, мостов, заполненных пешеходами и гражданскими транспортными средствами, центрального автовокзала. Правительственных зданий или военных объектов поблизости не было [94].

12 февраля Пентагон объявил, что «практически все военные силы и средства... или уничтожены, или не способны к действиям» [95]. Тем не менее на следующий день произошла преднамеренная бомбардировка гражданского бомбоубежища, которая унесла жизни около 1500 мирных жителей, большую часть которых составляли женщины и дети. За этим последовали ежедневные бомбардировки различных районов Ирака в течение оставшихся двух недель войны, в том числе и та, которая была 18 февраля названа лондонской газетой «Гардиан» «одной из самых жестоких атак [коалиции] на центр Багдада» [96]. Какова же была цель бомбардировок после 12 февраля?

Американцы заявили, что думали, будто бомбили убежище для высокопоставленных лиц, чем оно и являлось в свое время. Они также утверждали, будто оно использовалось в качестве центра военной связи, но жители окрестностей подтвердили, что ежедневно замечали постоянное наблюдение с воздуха за потоком женщин и детей в бомбоубежище [97]. Западные журналисты заявили, что они не смогли обнаружить никаких признаков, указывающих на то, что объект использовался в военных целях [98].

Американский журналист в Иордании, просмотревший неотредактированные кадры видеозаписи трагедии, которую американская общественность никогда не видела, писал:

«Они показали сцены невероятной бойни. Почти все тела были обуглены до черноты, в некоторых случаях жар был настолько велик, что все конечности были сожжены... Спасатели теряли сознание, роняя трупы, некоторых спасателей рвало от зловония все еще тлеющих тел» [99].

Как сказал официальный представитель Белого дома Марлин Фицутер (Marlin Fitzwater) после бомбардировки убежища: «Это была военная цель... Мы не знаем, почему гражданские лица находились в этом месте, но мы знаем, что Садам Хусейн не разделяет наших ценностей о святости жизни» [100]. Джордж Буш, критикуя бомбардировку, сказал: «Я обеспокоен страданиями невинных людей» [101].

Разрушение энергосистемы умножило в геометрической прогрессии ежедневный ужас жизни иракского народа. Как современная страна Ирак полагался на электроэнергию для основных коммунальных служб, необходимую для очистки и распределения воды, очистки сточных вод, работы больниц и медицинских лабораторий, сельскохозяйственного производства. Разрушения от бомбардировок вкупе с последствиями эмбарго со стороны ООН и США вызвали нехватку электроэнергии и снизили ее подачу до 3–4 процентов от довоенного уровня. Водоснабжение упало до 5 процентов от довоенного уровня, нефтедобыча была незначительна, система распределения продовольствия разрушена, канализация не работала, широко распространился гастроэнтерит, население страдало от острого недоедания [102].

Через два месяца после окончания войны группа специалистов в области здравоохранения Гарвардского университета посетила медицинские учреждения в ряде иракских городов. На основании своих исследований группа составила прогноз, в котором говорилось, что, «по крайней мере, 170 тысяч детей младше пяти лет в ближайший год умрет от замедленного воздействия», вызванного разрушением энергосетей и нехваткой топлива и транспорта. «Также вероятно большое увеличение смертности среди остального населения. Непосредственной причиной смерти в большинстве случаев будут передающиеся через воду инфекционные заболевания в сочетании с острым недоеданием» [103]. Один из членов обеих групп (Гарвардского университета и исследовательской группы, которая посетила Ирак позднее) свидетельствовал перед Конгрессом США, что «дети играют в неочищенных сточных водах, текущих по улицам». Два всемирно известных детских психолога заявили, что дети в Ираке стали «наиболее травмированными детьми за все когда-либо описанные войны» [104].

Несмотря на неоднократные заявления американских властей о том, что бомбардировкам подвергаются только военные цели, что применяются «точечные удары» и используются «умные бомбы» и бомбы с лазерным наведением, мы теперь знаем, что все это было не более чем очередной пропагандой. Страдания людей, гражданского населения рассматривались как «побочный ущерб». После войны Пентагон признал, что невоенные объекты были разрушены в значительной степени по политическим мотивам [105]. В обстоятельных государственных исследованиях Второй мировой войны содержатся выводы о том, что «страх болезней и тягот, вызванных отсутствием санитарно-бытовых средств, должен был оказывать деморализующее воздействие на гражданское население», что между разрушением предприятий коммуналь-

ного хозяйства и готовностью немецкого населения принять безоговорочную капитуляцию существовала «надежная и яркая» взаимосвязь [106].

В случае с Ираком мотивация состояла в том, чтобы подтолкнуть отчаявшихся граждан восстать и свергнуть Саддама Хусейна. Как сказал один из сотрудников мобилизационно-планового управления ВВС США:

«По большому счету, мы хотели сказать людям: «Избавьтесь от этого парня, и мы будем рады помочь вам в восстановлении. Мы не собираемся терпеть Саддама Хусейна или его режим. Исправьте это, и мы исправим ваше электричество» [107].

Те, кто пытался избежать ужасов бомбардировки в Ираке, бежали в Иорданию, но подверглись воздушным атакам на трассе между Багдадом и иорданской границей. Автобусы, такси и частные автомобили неоднократно подвергались, в буквальном смысле, безжалостным, обычно средь бела дня, налетам с применением ракет, кассетных бомб и пулеметов. Причем четко было видно, что цели гражданские — с багажом, навьюченным на крыши, без военных транспортных средств, окруженные только открытой пустыней, атакуемые самолетами, летящими очень низко над землей.

Автобусы с пассажирами скигались, а когда люди выходили из машин и бежали, спасая свою жизнь, самолеты часто налетали на них, стреляя вслед. «Вы убиваете нас! — кричал иорданский таксист американскому репортеру. — Вы стреляете в нас повсюду, где мы передвигаемся! Всякий раз, завидев автомобиль или грузовик, самолеты ныряют с неба и преследуют нас. Их не волнует, кто мы и какие мы. Они просто стреляют». Его крик был повторен сотнями других. Американские военные, по-видимому, считали, что любое транспортное средство, в том числе с мирными жителями и их семьями, может быть прикрытием для перевозки военными топлива или других военных материалов, может быть, даже ракет «Скад». Даже перевозка обычного бензина являлась нарушением эмбарго [108].

В самом конце, когда голодные, раненые, больные, измученные, дезориентированные, деморализованные, оборванные, некоторые даже босиком, иракские военные уже не выражали никакого желания сражаться, покидали Кувейт и направлялись к Басре на юге Ирака, Саддам Хусейн попытался спасти жалкие клочки достоинства, заявив, что отводит свою армию ввиду «особых обстоятельств». Но даже этого оказалось слишком много, чтобы Джордж Буш допустил такое заявление. «Последняя речь Саддама — безобразие, — убежденно заявил президент. — Он не отводит войска. Отступают его побежденные силы. Он пытается претендовать на победу в разгар бегства».

Этого США допустить не могли. Поэтому американцы обрушили всю мощь своей авиации на дорогу, ведущую к Басре, сбрасывая бомбы и ракеты и поливая свинцом длинные колонны иракской военной техники и гражданских транспортных средств, солдат и беженцев. Хорошие благочестивые парни — американские солдаты, которых вскоре будут приветствовать

дома как героев, гордились собой: «мы поджарили его», «мы сорвали куш», «легкая задача»...

Снова и снова под зажигательную песнь героя-одиночки из увертюры Россини о Вильгельме Телле, несущуюся из репродукторов авианосца ВМС США «Рейнджер», один за другим взлетали самолеты, чтобы обрушить на головы иракцев тонны ракет и кассетных бомб. К палубной авиации присоединялись B-52 наземного базирования со своими пятисоткилограммовыми бомбами: «момент, когда от них ничего не останется, наступит быстро, это не займет слишком много дней»; «стрельба по сидящим уткам»; «это самое большое шоу в честь Дня независимости из тех, что когда-либо видел, и видеть эти разваливающиеся танки — просто «бум»... они просто раскаляются добела. Это замечательно».

Британская газета «Индепендент», хотя и поддерживала войну, осудила ликование, которым американцы сопровождали уничтожение отступающих войск Саддама Хусейна, заявив, что это «вызывает отвращение» и они стали «свидетелями тошнотворной стрельбы в спину обращенной в бегство армии» [109].

Корреспондент «Би-би-си» подвел итоги нападения вопросом: «Кому могут угрожать эти жалкие остатки разбитой армии Саддама Хусейна? Разве не очевидно, что люди сдались бы добровольно, без применения такого ужасного оружия?» [110].

И все это против врага, который в течение пяти дней призывал к прекращению огня.

Но небеса запрещают американцам оскорблять любого жителя Залива. Поэтому параллельно истреблению иракских сил солдат учили никогда не использовать левую руку, предлагая еду или напиток, поскольку эта рука традиционно предназначалась для санитарных функций. Их учили, как правильно, чтобы не спутать с приманиванием собаки, подзывать к себе арабов рукой и пальцами [111].

Известна также история американского летчика, который, отправляясь бомбить иракцев, положил в свой идентификационный пакет 20 долларов и записку, написанную на арабском, фарси, турецком и английском языках. В ней говорилось: «Я американец и не говорю на вашем языке. Я не испытываю никакой злобы к вашему народу». После этого он, нагруженный бомбами, с ревом улетел по направлению к Ираку [112].

Были ли американские солдаты агрессивно настроены по отношению к сослуживцам женского пола? Одно послевоенное исследование показало, что более половины женщин, которые служили в войсках во время войны в Персидском заливе, подвергались сексуальным домогательствам в устной форме, в то время как восемь процентов (почти 3000 человек) были объектами попыток или совершения сексуального насилия [113].

И сразу же после того как Джордж Буш приказал начать бомбардировку, его рейтинг среди американцев подскочил до 82 процентов, рекордной отметки за два года на посту президента, даже выше, чем после его вторжения в Панаму [114]. Один журналист позже отметил:

«Одна минута истины в вечерних новостях об этой «популярной» войне изменила бы американское общественное мнение... Если бы в шестичасовых новостях в понедельник в течение хотя бы минуты показали 5000 иракских солдат с ужасными ожогами от начиненных фосфором боеприпасов. Затем во вторник вечером — в течение еще одной минуты — бойню в бомбоубежище Багдада... А вечером в среду американцам бы показали уничтожение 10 тысяч иракских солдат с помощью американского высокотехнологичного оружия» [115].

С момента вторжения Ирака в Кувейт в августе, несмотря на множество путаных и резких заявлений из Белого дома, одна вещь казалась достаточно ясной: если Ирак согласится уйти из Кувейта, военные действия против него прекратятся независимо от продления других санкций. Таким образом,казалось, что в ситуации появился хотя бы и поздний луч надежды, когда 21–22 февраля 1991 года Советскому Союзу все же удалось убедить Ирак согласиться пойти на полный вывод войск на следующий день после вступления в силу положения о прекращении огня. Соглашение подкреплялось временными схемами и планом его мониторинга [116].

Однако Джордж Буш отказался прекратить огонь. Он даже не мог заставить себя упоминать это слово в своих ответах. Все, что он мог сказать: отступающие иракские силы не будут атакованы — оказалось неправдой, а также, что коалиция «будет проявлять сдержанность». Саддам Хусейн мог принять это как прекращение огня, но он был так же горд и упрям, как Джордж Буш.

Буш особо подчеркивал в течение этих двух важнейших дней, как и ранее, что Ирак должен выполнить все 12 резолюций СБ ООН. В оценке юридических требований Буша следует иметь в виду, что американцы, проводившие свою военную политику и применявшие ее на практике, неоднократно нарушили дух и букву Устава ООН, Гаагских конвенций, Женевских конвенций, Нюрнбергского трибунала, протоколов Международного комитета Красного Креста, а также Конституции США, не говоря уже о других важных документах [117].

В конце концов Буш дал Хусейну 24 часа, чтобы начать вывод войск из Кувейта. Когда время истекло, Соединенные Штаты начали так давно ожидавшуюся наземную войну, в то время как воздушные атаки, включая массовые убийства на дороге в Басру, продолжались до конца месяца.

Виталий Игнатенко, пресс-секретарь президента СССР Михаила Горбачева, сказал: «Похоже, что президент Горбачев заботится о спасении жизней американских солдат больше, чем Джордж Буш» [118].

В послевоенном опросе наблюдатели ООН заявили, что бомбардировки коалиции имели «почти апокалиптическое воздействие» на Ирак и вогнали в «доиндустриальный век» страну, которая «до января представляла собой общество с довольно высоким уровнем урбанизации и механизации» [119].

Неизвестно, сколько сотен тысяч иракцев погибли от прямых и косвенных последствий войны. Их число растет каждый день. Из-за отказа США прекратить эмбарго в отношении Ирака продолжились и лишения его народа:

недоедание, голод, отсутствие лекарств и вакцин, загрязненная питьевая вода, скапливание продуктов человеческой жизнедеятельности, брюшной тиф, корь, некоторые другие заболевания. Продовольственное снабжение Ирака на 70 процентов зависело от импорта, миллиарды долларов были заморожены на зарубежных счетах, введен запрет на продажу нефти. Неспособность восстановить промышленность из-за проблем с импортом важных деталей вызвала закрытие заводов, массовую безработицу, поломку сетей транспорта и связи [120]. До сентября 1994 года правительство США по-прежнему крепко держалось за эмбарго, все еще надеясь, что страдание достигнет критической массы и иракский народ свергнет Саддама Хусейна. Иракское правительство объявило, что с начала санкций в августе 1990 года приблизительно 400 тысяч детей умерли от недоедания и болезней [121].

После войны, когда иракское правительство подавило восстание курдов, которое США поощряли, а затем оказались не в состоянии поддержать, Буш сказал: «Я чувствую разочарование каждый раз, когда убивают невинных мирных жителей» [122].

Это был второй раз, когда Соединенные Штаты повели курдских ягнят на убой, нарушив обязательства (см. главу «Ирак, 1972–1975»).

Соединенные Штаты также призывали к бунту иракских мусульман-шиитов, а затем их не поддержали. Вероятно, потому, что Вашингтон не собирался создавать курдское правительство, что вызвало бы недовольство Турции. Не собирался Вашингтон создавать и шиитское правительство, которое могло бы стать союзником Ирана или поддерживало исламских фундаменталистов где-либо на Ближнем Востоке.

Американские психиатрические больницы и тюрьмы стали домом для многих людей, утверждавших, будто слышали голос, призывающий им убить определенных людей, которых они никогда не встречали раньше, людей, которые никогда не причинили им никакого вреда или угрожали.

Американские солдаты отправились в Персидский залив убивать таких людей, услышав голос, который им приказывал: голос Джорджа Герберта Уокера Буша.

53. Афганистан, 1979–1992

АМЕРИКАНСКИЙ ДЖИХАД

Его последователи впервые получили известность, брызгая кислотой в лица женщин, которые отказывались носить паанджу. Представители ЦРУ и Госдепартамента, с которыми я общался, называли его «страшным», «порочным», «фашистским» и считают, что он — «определенno материал для диктатуры» [1].

Однако это не помешало правительству Соединенных Штатов оказывать этому человеку огромную помощь для борьбы против правительства Афганистана, поддерживаемого Советским Союзом. Его имя Гульбеддин Хекматияр (Gulbuddin Hekmatyar). Он был главой исламской партии и ненавидел Соединенные Штаты Америки почти так же, как ненавидел русских. Его люди кричали «Смерть Америке» наряду со «Смерть СССР», вот только русские не оказывали ему никакой поддержки [2].

Соединенные Штаты начали поддерживать афганских исламских фундаменталистов в 1979 году, несмотря на то, что в феврале того года фундаменталисты взяли в заложники американского посла в столице Афганистана Кабуле. В ходе спасательной операции посол погиб. Поддержка продолжалась даже после того, как их братья-фундаменталисты из соседнего Ирана в ноябре того же 1979 года захватили посольство США в Тегеране и продержали 55 граждан Америки в заложниках более года. Главное, что Хекматияр и его коллеги участвовали в сражении против советской «империи зла». Таким образом, они являлись важной составляющей тех сил, которые Рональд Рейган назвал «борцами за свободу».

27 апреля 1978 года Народная демократическая партия Афганистана (НДП) свергла правительство Мохаммеда Дауда (Mohammad Daoud). Пять лет назад Дауд сам сверг монархическую власть и возглавил Афганистан, хотя и был членом королевской семьи. В этом начинании его поддержали левые. Но, как оказалось, «своя рубашка ближе к телу». Когда во время правления Дауда был убит лидер НДП, арестована остальная часть руководства и произведена

чистка сотен подозреваемых на правительстенных постах в оказании содействия партии, члены НДП, опираясь на своих сторонников в армии, подняли мятеж и захватили власть.

Афганистан был отсталой страной: продолжительность жизни — около 40 лет, смертность новорожденных — не менее 25 процентов, абсолютно примитивная система канализации и водопровода, повсеместное недоедание, безграмотность более 90 процентов населения, небольшое количество шоссейных дорог и полное отсутствие железных дорог. Большинство людей вели оседлый или кочевой образ жизни в условиях крайней нищеты. Разделение среди людей происходило скорее по принадлежности к этническим группам, нежели к политическим течениям. Сложившийся уклад жизни не сильно отличался от существовавшего несколько веков назад.

Новое правительство стремилось провести реформы, направленные на решение социальных проблем: земельную реформу (при сохранении частной собственности), контроль над ценообразованием и получением сверхприбыли, укрепление государственного сектора, а также отделение церкви от государства, искоренение неграмотности, легализацию профсоюзов и эмансипацию женщин в стране, почти полностью мусульманской.

Тысячекилометровая граница Афганистана с Советским Союзом всегда определяла особые отношения между двумя государствами. Даже будучи монархией, страна находилась под сильным влиянием своего могущественного северного соседа, который долго был ее крупнейшим торговым партнером, оказывал помощь и осуществлял поставки военной техники и вооружения. Но крайне консервативная страна никогда не поддавалась Советскому Союзу — факт, который, возможно, подтверждает часто повторяемое советским руководством утверждение, что их гегемония в Восточной Европе была нужна только для того, чтобы создать буфер между страной и Западом, часто вторгающимся на ее территорию.

Однако в течение многих десятилетий представители Белого дома и шах Ирана пытались оказать давление на Афганистан и подкупить его правителей, чтобы уменьшить российское влияние в стране. Во время режима Дауда Иран, поощряемый Соединенными Штатами, стремился заменить Советский Союз в качестве крупнейшего поставщика Кабула, предлагая экономическое соглашение о помощи в размере двух миллиардов долларов и призывая Афганистан присоединиться к организации «Региональное сотрудничество ради развития» (Regional Cooperation for Development), в которую входили Иран, Пакистан и Турция. Советский Союз и его союзники критиковали эту организацию в Афганистане, так как она являлась филиалом «Организации Центрального договора» (The Central Treaty Organization, CENTO; военно-политическая группировка на Ближнем и Среднем Востоке, созданная по инициативе Великобритании, США, а также Турции, действовавшая в 1955–1979 годах как часть американской «политики сдерживания» Советского Союза. — Прим. ред.). В то же время печально известная тайная полиция Ирана — САВАК была занята сбором информации о подозреваемых в поддержке коммунистов

в афганском правительстве и вооруженных силах. В сентябре 1975 года под давлением иранских властей, которые оказывали в то время помощь Афганистану, Дауд уволил 40 подготовленных Советским Союзом офицеров и, пытаясь в будущем уменьшить афганскую зависимость от обучения офицеров в СССР, инициировал подготовку офицеров в Индии и Египте. Самым главным для СССР было то, что Дауд постепенно разрывал свой союз с НДП, создавая собственную партию и запрещая всю другую политическую деятельность в соответствии со спроектированной новой конституцией [3].

Селиг Харрисон (Selig Harrison), эксперт газеты «Вашингтон пост» по Южной Азии, написал в 1979 году статью под названием «Афганский переворот организовал шах, а не Кремль», где был сделан следующий вывод:

«Коммунистический переворот в Кабуле [апрель 1978 года] случился тогда и так, как случился, потому что шах нарушил хрупкое равновесие, существовавшее в Афганистане между Советским Союзом и Западом в течение почти трех десятилетий. В иранских и американских глазах тегеранское наступление было разработано, чтобы сделать Кабул просто более нейтральным, но на самом деле цели были далеко идущими. Учитывая необычно длинную границу с Афганистаном, Советский Союз, несомненно, пошел бы на многое, чтобы препятствовать переходу Кабула к прозападной позиции» [4].

Когда в январе 1979 года иранский шах был свергнут, Соединенные Штаты потеряли своего главного союзника в регионе и форпост на границе с СССР, а также военные объекты и станции электронного слежения, направленные на Советский Союз. Воинам холодной войны из Вашингтона оставалось только следить за Афганистаном с еще большим вожделением, чем раньше.

После апрельской революции новое правительство под руководством президента Нура Мохаммеда Тараки (Noor Mohammed Taraki) объявило о приверженности исламу в светском государстве и о внешней политике не-присоединения. Правительство утверждало, что переворот был вдохновлен не иностранцами, что это не «коммунистический переворот» и что они были не «коммунистами», а скорее националистами и революционерами. Действительно, никакая официальная или традиционная коммунистическая партия никогда в Афганистане не существовала [5]. Однако мировые средства массовой информации, а также внутренние оппоненты правительства Тараки назвали переворот «коммунистическим». Причиной тому стали программа радикальных реформ, классовая борьба и антиимпериалистическая риторика, поддержка стран с прокоммунистическими позициями (Куба, Северная Корея и т. д.), подписание договора о дружбе и других соглашений о сотрудничестве с Советским Союзом, увеличение в стране числа советских гражданских и военных советников (хотя, вероятно, их было меньше, чем у США в Иране на тот момент).

Было ли новое правительство Афганистана коммунистическим, существовала ли разница от того, как оно называлось, — линия раздела все равно

была проведена для политического, военного и пропагандистского фронта: начался джихад (священная война) между мусульманскими фундаменталистами и «безбожными коммунистами»; между афганским национализмом и «управляемым Советами» правительством; крупными землевладельцами, племенными вождями, бизнесменами, королевской семьей и другими против экономических реформ правительства. Новый премьер-министр, говоря об элите, необходимой, чтобы держать страну под контролем, подчеркнул, что «все усилия будут направлены на ее привлечение. Но мы хотим перевоспитать элиту таким образом, чтобы она думала о людях, а не как раньше — только о себе: иметь хороший дом и хорошую машину, в то время как другие люди умирают от голода» [6].

Новое афганское правительство пыталось затащить страну в XX век. В мае 1979 года британский политолог Фред Холлидей (Fred Halliday) заметил, что, «вероятно, в сельской местности за последний год произошло больше изменений, чем за два столетия с тех пор, как государство было создано». Крестьянские долги землевладельцам были отменены, как и система ростовщичества (по которой крестьяне, вынужденно занимавшие деньги под будущий урожай, оставались в вечном долгу у кредиторов), в сельской местности построены сотни школ и медицинских учреждений. Холлидей также сообщил, что осуществлялась программа существенного перераспределения земель — многие из 200 тысяч сельских семей, которым причиталась земля по этой реформе, уже ее получили. Однако к этому последнему заявлению следовало подходить с осторожностью. Революционная земельная реформа — всегда чрезвычайно сложное и сомнительное обязательство, даже при лучших условиях, а крайне отсталый, скованный традициями Афганистан едва ли предложил хорошие условия для социальных экспериментов в разгар зарождающейся гражданской войны.

Реформы также касались крайне чувствительной области исламского отношения к женщинам. Они ставили вне закона браки с несовершеннолетними девушкиами и выдачу замуж в обмен на деньги или вещи, а также обучение их письму и чтению. И это происходило в то время, когда определенные исламские круги открыто призывали к ужесточению затворнических норм отлучения женщин от общественной жизни.

Холлидей отметил, что Народная демократическая партия рассматривала Советский Союз в качестве единственного реального источника поддержки давно назревшей модернизации [7]. Этнические родственники неграмотных афганских крестьян, проживавшие неподалеку от них, всего лишь через границу — в Советском Союзе, зачастую были выпускниками университетов и профессионалами.

Аргумент моджахедов («священных воинов») в пользу того, что «коммунистическое» правительство могло ограничить их религиозную свободу, никогда не подтверждался практически. Спустя полтора года после смены правительства консервативный британский журнал «Экономист» сообщил, что «для религиозной практики [8] никакие ограничения не были введены».

Ранее «Нью-Йорк таймс» писала, что религиозная проблема «используется некоторыми афганцами, которые на самом деле возражают больше против планов президента Тараки относительно земельных реформ и других изменений в этом феодальном обществе» [9]. Большинство мусульманского духовенства фактически были богатыми землевладельцами [10]. Оппозиция, заключил репортер «Би-би-си», который провел с ними четыре месяца, «борется, чтобы сохранить свою феодальную систему и остановить левые реформы афганского правительства. Такие реформы они считают антиисламскими» [11].

Две другие страны, граничащие на большом протяжении с Афганистаном и тесно связанные с США, выразили опасения по поводу нового правительства. На западе — Иран, до сих пор находящийся под правлением шаха, беспокоила «угроза маршрутам нефтепровода в Персидском заливе». На юге — Пакистан говорил об «угрозах из враждебного и экспансионистского Афганистана» [12]. Бывший американский посол в Афганистане рассматривал это как часть «постепенно сжимающихся клещей, направленных на Иран и нефтяные регионы Ближнего Востока» [13]. Ни один из этих предполагаемых страхов, как оказалось, не имел никакого смысла или доказательств, которые бы его подтверждали. Но люди, настроенные ант коммунистически, были уверены в том, что русских и их афганских марионеток остановили вовремя.

Через два месяца после апрельского переворота 1978 года союз, сформированный из числа консервативных исламских фракций, уже вел партизанскую войну против правительства [14]. К весне 1979 года борьба происходила на многих фронтах, и Государственный департамент США предостерег Советский Союз, чтобы его военные советники в Афганистане воздерживались от военного участия в гражданской войне [15]. Такое предупреждение, сделанное летом представителем Государственного департамента Ходдингом Картером (Hodding Carter), стало еще одним примером наглости Вашингтона: «Мы ожидаем, что принцип невмешательства будет соблюдаться всеми сторонами в регионе, в том числе Советским Союзом». Это заявление было сделано в то время, когда СССР обвинял ЦРУ в вооружении афганских эмигрантов, проживающих в Пакистане, а афганское правительство, в свою очередь, обвиняло Пакистан и Иран в оказании помощи партизанам и даже в пересечении границы с целью участия в боевых действиях. Пакистан недавно совершил крутой поворот к строгой мусульманской ортодоксальности, в результате чего афганское руководство назвало пакистанское правительство «фанатичным» [16]. В январе после свержения шаха Иран также создал мусульманское государство. Однако, в отличие от афганских фундаменталистских борцов за свободу, иранские исламские фундаменталисты регулярно описывались на Западе как террористы, ультраконсерваторы и антидемократы.

Излюбленной тактикой афганских «борцов за свободу» было сначала отрезать носы, уши и гениталии «жертвам пыток [часто русским], а затем удалять один кусок кожи за другим», обрекая их на «медленную, мучительную смерть» [17]. Из-за очевидной неспособности мятежников отличить русских от других европейцев моджахеды убили канадского туриста и шестерых запад-

ных немцев, в том числе двоих детей, а также вытащили из машины и избили американского военного атташе [18].

В марте 1979 года Тараки отправился в Москву, чтобы уговорить СССР направить сухопутные войска и тем самым помочь афганской армии подавить моджахедов. Ему обещали военную помощь, но войска направить отказалось. Советский премьер-министр Косыгин сказал афганскому лидеру:

«Ввод наших войск в Афганистан повлечет возмущение международного сообщества, вызвав ряд крайне негативных последствий в самых разных областях. Наши общие враги только и ждут момента, когда советские войска появятся в Афганистане. Это даст им повод направить в страну вооруженные банды» [19].

К сентябрю 1979 года вопрос об оказании военной помощи для Нура Мухаммеда Тараки имел уже чисто формальный характер, поскольку он проиграл во внутрипартийной борьбе — и вскоре был тайно убит. На его место пришел его заместитель, премьер-министр Хафизулла Амин (Hafizullah Amin). Хотя Тараки иногда был жестким в осуществлении программы реформ, пытаясь проводить социальные изменения и при этом грубо ломая традиции в племенных и этнических автономиях, и создал оппозицию даже среди потенциальных союзников, в сравнении с Амином он оказался более умеренным политиком.

Кремль был недоволен Амином. Участие в свержении и смерти популярного в СССР Тараки сильно испортило его репутацию. В Москве также считали его совершенно непригодным для решения задачи, которая была непременным условием советской стороны: препятствовать возникновению в Афганистане антикоммунистического исламского государства. Благодаря Амину реформы приобрели чрезвычайно дурную славу. В стремлении убрать Амина из политики резидентура КГБ в Кабуле заявила, что его узурпация власти приведет к «суровым репрессиям и, как реакции, к активизации и консолидации оппозиции» [20]. Более того, как мы увидим, СССР испытывал большие сомнения в идеологических убеждениях Амина.

Таким образом, то, что в марте было невероятно, в декабре стало действительностью. Советские войска начали прибывать в Афганистан примерно на восьмой месяц после начала переговоров об их отправке. Что на это решение повлияло больше — просьба Амина или его одобрение советского решения, и соответственно, считать ли ввод войск вторжением или не считать — этот вопрос стал предметом активного обсуждения и споров.

23 декабря газета «Вашингтон пост» прокомментировала: «Не было никаких обвинений [от Государственного департамента], что Советы вторглись в Афганистан, так как ввод войск, очевидно, осуществлялся с разрешения официального Кабула» [21].

Однако в октябре на встрече с послами советского блока министр иностранных дел правительства Амина открыто раскритиковал Советский Союз за то, что он вмешивается в афганские дела. Амин настаивал на том, чтобы Москва заменила своего посла [22]. Тем не менее 26 декабря 1979 года, когда

основная часть советских войск прибывала в Афганистан, Амин дал «неофициальное интервью» арабскому журналисту. «Советы, — сказал он, — оказывают стране экономическую и военную помощь, но в то же самое время они уважают нашу независимость и наш суверенитет. Они не вмешиваются в наши внутренние дела». Он также одобрительно высказался о готовности СССР принять его решение о недопущении создания военных баз [23].

Уже на следующий день советский спецназ штурмовал президентский дворец и расстрелял Амина. Амина заменили Бабраком Кармалем (Babrak Karmal), который был вице-президентом и заместителем премьер-министра в революционном правительстве 1978 года [24].

Москва отрицала свое участие в смерти Амина, хотя и не показывала наигранного сожаления об этом, поскольку Брежнев ясно дал понять:

«Амин облегчил действия агрессоров против Афганистана, а при захвате власти начал безжалостно подавлять широкие слои афганского общества, партийные и военные кадры, членов интеллигенции и мусульманского духовенства, то есть тех самых групп, на которые опиралась Апрельская революция. И народ под руководством Народно-демократической партии во главе с Бабраком Кармалем восстал против тирании Амина и положил этому конец. Теперь в Вашингтоне и некоторых других столицах оплакивают Амина. Это показывает их лицемерие с особой ясностью. Где были эти скорбящие, когда Амин проводил массовые репрессии, когда он насильственно сверг и незаконно убил Тараки, основателя нового афганского государства?» [25]

После свержения Амина и его смерти люди в «праздничном настроении» заполнили улицы. «Если бы Кармаль смог свергнуть Амина без русских, — делился впечатлениями западный дипломат, — то его бы чтили как национального героя» [26].

Советское правительство и пресса неоднократно называли Амина «агентом ЦРУ». Это обвинение было встречено с большим скептицизмом в Соединенных Штатах и других странах [27]. Тем не менее существует достаточно много косвенных доказательств, подтверждающих это. Так что такое мнение не следует полностью сбрасывать со счетов.

В течение конца 1950-х — начала 1960-х годов Амин учился на педагогическом факультете Колумбийского университета и в Университете Висконсина [28]. Это было периодом расцвета ЦРУ, использовавшего внушительные взятки и угрозы, чтобы завербовать иностранных студентов, учившихся в Соединенных Штатах, которые стали бы его агентами, когда вернутся домой. Во время этого периода, по крайней мере один президент Ассоциации студентов Афганистана (Afghanistan Students Association) — Зия Нурзай (Zia N. Noorzay) работал в Соединенных Штатах с ЦРУ, а позже стал президентом казначейства Афганистана. Один из афганских студентов, которых Нурзай и ЦРУ безуспешно пытались завербовать, — Абдул Латиф Хотаки (Abdul Latif Hotaki) объявил в 1967 году, что большое количество ключевых чиновни-

ков в афганском правительстве, которые учились в США, «являются либо агентами, либо осведомителями ЦРУ. Некоторые — люди уровня кабинета министров» [29]. Проходили сообщения, что Амин стал главой Ассоциации студентов Афганистана в 1963 году, но это не было подтверждено [30]. Однако известно, что Ассоциация студентов Афганистана частично финансировалась Фондом Азия (The Asia Foundation) — основным отделом ЦРУ в Азии на протяжении многих лет и что когда-то Амин был связан с этим фондом [31].

В сентябре 1979 года, за месяц до прихода Амина к власти, американский поверенный в делах Кабула Брюс Амстутц (Bruce Amstutz) начал проводить с ним дружеские встречи, чтобы заверить его, что с тех пор как США укрепили свое присутствие в Афганистане, он не должен беспокоиться о недовольстве советских союзников. Эта стратегия, возможно, сработала, так как в том же месяце Амин обратился к Амстутцу с отдельным обращением об улучшении отношений с Соединенными Штатами. Два дня спустя в Нью-Йорке министр иностранных дел Афганистана конфиденциально выразил те же чувства чиновникам Государственного департамента. А в конце октября посольство США в Кабуле сообщило, что Амин «отлично знал о том, что Советы взяли под опеку изгнанное руководство для будущего использования» (имея в виду Кармала) [32]. При нормальных обстоятельствах американские встречи с Амином могли бы быть расценены как обычный и невинный дипломатический контакт, но обстоятельства едва ли были нормальными — в Афганистане шла гражданская война, в которой Соединенные Штаты поддерживали другую сторону.

Кроме того, отличающийся особой жестокостью Амин делал именно то, чего можно было бы ожидать от американского агента: велась дискредитация Народно-демократической партии, реформ партий, лиц, придерживающихся идей социализма или коммунизма, разделявших политику Советского Союза, и всего вместе взятого. Амин также провел чистки в офицерском корпусе, которые серьезно подорвали боевые возможности армии.

Но зачем было Амину несколько раз просить СССР об оказании военной помощи, если он фактически состоял в заговоре с американцами? Основная причина заключается в том, что на него было оказано давление со стороны высшего руководства НДП, и он ради приличия был вынужден подчиниться. Бабрак Кармаль предложил и другие, отличающиеся еще большей беспринципностью сценарии [33].

Администрация Картера, используя тему советского «вторжения», вскоре начала кампанию праведного негодования, наложив на СССР, как сказал президент Картер, «штрафы» — от прекращения поставки зерна до отмены участия сборной США в Олимпиаде 1980 года в Москве.

Советский Союз на это возразил, что США просто были в ярости от введения войск, так как вынашивали замысел превратить страну в американскую базу, чтобы компенсировать потерю Ирана [34].

Неудивительно, что по этой очевидной проблеме — «борьба с коммунистической угрозой» — американская общественность и СМИ легко согласились с

президентом. «Уолл-стрит джорнэл» призвал к «военному ответу», к созданию американских баз на Ближнем Востоке, «восстановлению призыва в армию», разработке новых ракет и предоставлению ЦРУ большей свободы действий, добавив: «Ясно, что мы не должны отказываться и от возможности тайной помохи афганским мятежникам» [35]. На самом деле эта помощь уже оказывалась в течение некоторого времени. Незадолго до военного вмешательства Советского Союза ЦРУ распространяло пропагандистские материалы на территории Афганистана и его союзников в поддержку лидеров афганской оппозиции, находящихся в изгнании, а также осуществляло поставку медиакаментов и оборудования связи [36].

Представители дипломатической службы США встретились с руководителями моджахедов, чтобы определить их потребности, в начале апреля 1979 года, и ЦРУ начало подготовку боевиков в Пакистане и радиопропаганду в Афганистане [37]. А в июле президент Картер подписал документ, по которому мятежниками оказывалась помощь по секретным каналам, в результате чего Соединенные Штаты должны были предоставлять денежные средства, оружие, оборудование, а также вести от их имени пропаганду и другие психологические операции в Афганистане [38].

Вмешательство в афганскую гражданскую войну США, Ирана, Пакистана, Китая и других стран вызвало у русских серьезную озабоченность по поводу того, в чьи руки попадет власть в соседнем государстве. Они постоянно упоминали эти «агрессивные империалистические силы», чтобы оправдать собственное вмешательство в Афганистан. Впервые после Второй мировой войны советские войска приняли участие в боевых действиях за пределами своих восточноевропейских границ. Перспектива создания антикоммунистического исламского государства на границах среднеазиатских республик Советского Союза, которые являлись родиной приблизительно 40 миллионов мусульман, не могла больше расцениваться Кремлем с хладнокровием — равно как Вашингтон не смог бы быть невозмутимым по отношению к коммунистическому поглощению Мексики.

Как мы уже видели неоднократно, Соединенные Штаты не ограничивались обороной только своих непосредственных соседей или Западной Европы, они считали себя вправе «оборонять» весь мир. Президент Картер объявил, что район Персидского залива находится «под угрозой советских войск в Афганистане», что этот регион был сферой интересов США и что Соединенные Штаты будут защищать его от любой угрозы всеми необходимыми средствами. Он назвал советскую акцию «самой большой угрозой миру после Второй мировой войны», упустив значительную часть послевоенной истории, связанную со своим государством. Но 1980 год был годом выборов.

С другой стороны, Брежнев заявил, что «события в Афганистане никоим образом не влияют на национальные интересы или безопасность Соединенных Штатов Америки и других государств. Все попытки изобразить события в ином свете — сущая ерунда» [39].

Администрация Картера столь же пренебрежительно отзывалась о зоне интересов Советского Союза. Советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский (*Zbigniew Brzezinski*) позже заявил, что «проблема была не в субъективных причинах Брежнева войти в Афганистан, а в объективных последствиях советского военного присутствия в этой стране, очень близко расположенной к району Персидского залива» [40].

Так началась 12-летняя ужасная война, ежедневное страдание для подавляющего большинства афганского народа, который никогда не просил и не хотел этой войны. Однако Советский Союз считал, что его границы должны быть безопасными. Афганское правительство ставило своей целью светское преобразование Афганистана. А Соединенные Штаты намеревались сделать так, чтобы Афганистан обернулся для СССР тем же, чем для американцев стал Вьетнам.

В то же время большинство американских высших чиновников не могли не понимать, хотя и не осмеливались говорить это публично и явно, что поддержка моджахедов (многие из которых несли с собой изображения аятоллы Хомейни) может привести к образованию в Афганистане фундаменталистского исламского государства, столь же репрессивного, как и в соседнем Иране, который в 1980-е годы считался в Америке вражеским государством № 1. Не могло слово «террорист» вырваться из уст чиновников Вашингтона, говорящих о своих новых союзниках-клиентах, хотя это были те же самые люди, что стреляли в гражданские авиалайнеры и минировали аэропорты. В 1986 году премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, так ярко и эмоционально выступавшая против «террористов», приветствовала Абдула Хака (*Abdul Haq*), лидера афганских моджахедов, признавшего, что в 1984 году именно он дал команду на закладку бомбы в кабульском аэропорту, взрыв которой унес жизни 28 человек [41]. Таковы были взгляды антикоммунистов времен холодной войны в конце XX столетия. Как Анастасио Сомоса (*Anastasio Somoza*) был «нашим сукиным сыном», моджахеды были теперь «нашими фанатичными террористами».

Правда, вначале еще были некоторые мысли о нравственности в политике. «Вопрос здесь, — сказал высокопоставленный чиновник в администрации Картера, — состоял в том, было ли приемлемо с нравственной точки зрения вывести Советы из равновесия, что и послужило причиной их военной операции [в Афганистане]; допустимо ли было жертвовать жизнями других людей в наших геополитических интересах» [42].

Но такие настроения не имели будущего. Афганистан был мечтой сторонников холодной войны: наконец у ЦРУ и Пентагона появилась возможность вести опосредованную войну с силами советской «империи зла». Никакая цена не была слишком высокой, чтобы заплатить за эту игру Супер Нинтендо — ни сотни тысяч афганских жизней, ни уничтожение афганского общества, ни три миллиарда (*sic!*) долларов американских налогоплательщиков, вылитых в бездонную дыру лишь для того, чтобы сделать несколько афганцев и пакистанцев богатыми. Конгрессмены также были полны энтузиазма — еще

меньше задумываясь о моральной стороне дела, чем в те времена, когда они вооружали никарагуанских контрас. Для них это стало своего рода рогом изобилия, поощряемым обеими партиями, так как с каждым годом выделялось все больше и больше денег. Член палаты представителей Чарлз Уилсон (Charles Wilson) из Техаса выразил вполне типичное настроение официального Вашингтона, когда заявил:

«Во Вьетнаме было 58 тысяч убитых, и мы в долг перед русскими... В этой связи у меня есть небольшая навязчивая идея. Я думал, что Советы тоже должны получить что-то вроде этого... По моему мнению, эти деньги (на вооружение афганских моджахедов. — *Прим. ред.*) лучше навредят нашим врагам, чем любые деньги из бюджета минобороны» [43].

ЦРУ стало великим координатором процесса. Управление приобретало или организовывало производство оружия советского образца в Египте, Китае, Польше, Израиле и других странах и поставляло свое собственное. ЦРУ вело военную подготовку афганских боевиков с помощью американских, египетских, китайских и иранских специалистов. Оказывало давление на страны Ближнего Востока с целью организовать сбор пожертвований, в частности на Саудовскую Аравию, которая ежегодно предоставляла сотни миллионов долларов, а в общей сложности за все время предоставила более миллиарда долларов. В Пакистане [44], с которым в последнее время американские отношения ухудшились, ЦРУ оказывало давление и подкупало должностных лиц, чтобы превратить эту страну в военный плацдарм и убежище для боевиков; Управление включило в платежную ведомость пакистанского директора по военным операциям бригадного генерала Миана Мохаммеда Афзала (Mian Mohammad Afzal) для обеспечения надежного сотрудничества. США пообещали Пакистану восстановление прекращенной раньше военной и экономической помощи, если страна присоединится к большому крестовому походу. И это несмотря на то, что всего лишь за месяц до советского вмешательства антиамериканские толпы сожгли и разграбили посольство США в Исламабаде и американские культурные центры в двух других пакистанских городах [45].

Американский посол в Ливии сообщил, что Муаммар Каддафи также отправил повстанцам 250 тысяч долларов, но это, по-видимому, было сделано не по просьбе ЦРУ [46].

Вашингтон предоставлял пакистанцам право самим решать, кто из различных афганских групп боевиков должен быть бенефициарами большей части этих щедрых вливаний. Как выразился один наблюдатель: «Согласно расхожему в то время мнению, Соединенные Штаты больше не повторили бы ошибку Вьетнама — управлять мельчайшими вопросами в стране, культуру и обычай которой они не понимают» [47].

Но не все в Пакистане были подкуплены. Независимая исламабадская ежедневная мусульманская газета не раз обвиняла Соединенные Штаты в

том, что они готовы «драться до последнего афганца». «Нам не льстит быть названными Вашингтоном «пограничным государством». Вашингтон, похоже, не хочет искать скорейшего урегулирования войны, выгоду от которой он пожинает, не вовлекая свои людские ресурсы в эту военную операцию» [48].

На самом деле неясно, были ли потери среди американских граждан во время афганской войны. Несколько раз в конце 1980-х годов кабульское правительство объявляло, что американцы были убиты в боях [49]. А в 1985 году лондонская газета сообщила, что в Афганистане было около двух десятков афроамериканцев-мусульман, принимающих участие в джихаде наряду с моджахедами, что, согласно фундаменталистской интерпретации Корана, все сторонники ислама должны сделать по крайней мере один раз в своей жизни [50]. Некоторые из темнокожих мусульман вернулись в Соединенные Штаты после полученных ранений.

Советская агрессия... советское вторжение... советское поглощение соседнего невинного государства как очередной шаг для завоевания мира или, по крайней мере, Ближнего Востока. Это было главным и прочным уроком, преподанным с помощью официальных разъяснений Вашингтона и средств массовой информации США об афганской войне. И это стало всей суммой знаний среднего американца, хотя Афганистан сохранял свою независимость в течение 60 лет мирного сосуществования рядом с Советским Союзом. Збигнев Бжезинский, хотя и неумолимый антисоветчик, в своих мемуарах неоднократно говорит о факте «нейтралитета» Афганистана [51]. Страна действительно была нейтральной, даже во время Второй мировой войны.

Можно было бы долго и упорно анализировать информацию и риторику, предложенную американской общественности после советской интервенции, чтобы найти хотя бы намек на то, что гражданская война была по существу борьбой за глубинные социальные реформы, однако фактического обсуждения этого вопроса практически не существует. До вмешательства Советского Союза прочувствовать суть происходящего можно было благодаря, например, следующим строкам из «Нью-Йорк таймс»:

«Попытки осуществления земельной реформы подорвали авторитет лидеров общин. Портреты Ленина угрожали религиозным лидерам. Но именно революционное правительство Кабула предоставило новые права для женщин, против которых протестовали ортодоксальные мусульманские мужчины в пуштунских деревнях восточного Афганистана, поднимая свое оружие... Правительство сообщило, что наши женщины должны присутствовать на заседаниях, а наши дети должны пойти в школу. Это угрожает нашей религии. Нам пришлось бороться... Правительство ввело различные постановления, позволяющие женщинам выходить замуж за любого, кого они выбрали, без согласия их родителей» [52].

На протяжении 1980-х годов режим Кармала, а затем режим Наджибуллы, несмотря на гражданскую войну, реализовывал программу модернизации

и расширения ее основ: проведение электроэнергии в деревнях наряду со строительством медицинских клиник; проведение земельной реформы и реформы образования; освобождение многочисленных заключенных, незаконно посаженных Амином; продвижение мулл и других беспартийных людей в правительство — и попытка выполнить все это с умеренностью и уважением к чувствам верующих, вместо того чтобы противостоять курсу традиционных структур. Правительство, подтверждая свою приверженность исламу, восстанавливало и строило мечети, освобождало от земельной реформы участки, принадлежащие религиозным деятелям, на которых находились религиозные учреждения. В общем, правительство стремилось избежать грубых ошибок, допущенных при Амине с его насильственными методами введения изменений [53].

Селиг Харрисон (Selig Harrison) писал в 1988 году:

«Афганские коммунисты считают себя националистами и модернизаторами... Они дают рациональное объяснение своему сотрудничеству с русскими как единственному доступному способу упрочить свою революцию перед лицом иностранного «вмешательства»... Приверженность коммунистов к быстрой модернизации позволит им приобрести сдержанно-терпимое отношение со стороны многих современно настроенных членов среднего класса, которые чувствуют себя в ловушке между двух огней: русских и фанатичных мусульман, настроенных против социальных реформ» [54].

Программа кабульского правительства, в конечном счете, поощряла многих добровольцев взять в руки оружие. Но это была сложная для них борьба, поскольку антиреформистам и их иностранным покровителям удавалось относительно легко убедить большое количество обычных крестьян в том, что у правительства были злые намерения, размывая различия между нынешним правительством и его ненавистным предшественником. Тот факт, что правительство любило подчеркивать продолжение революции апреля 1978 года, лишь усложняло его задачи [55]. Вот только крестьянам, как и антиреформистам, несомненно, не сказали о связи США с тем самым ненавистным предшественником — Хафизуллою Амином.

Конечно, еще одной проблемой было продолжающееся советское военное присутствие. Хотя нужно помнить, что исламская оппозиция левому правительству началась задолго до прибытия советских войск. Более того, Хекматияр, самый воинственный из лидеров моджахедов, руководил широкомасштабным восстанием против предыдущего (не левого) правительства, и еще в 1975 году заявлял, что в Кабуле у власти «бездожный режим под управлением коммунистов» [56].

Пока советские войска оставались в Афганистане, простым американцам конфликт представлялся как сражение между русскими оккупантами и афганским сопротивлением — «борцами за свободу». Как будто армии и правительства Афганистана не существовало, и как будто его не поддержи-

вало большинство населения, которое хотело реформ и не желало жить при фундаменталистском исламском правительстве.

«Может быть, люди действительно не любят нас, — сказал Мохаммед Хаким (Mohammed Hakim), мэр Кабула и генерал афганской армии, который в 1970-х годах проходил подготовку на военных базах в Соединенных Штатах и который думал, что Америка это «лучшая страна», — но мы им нравимся больше, чем экстремисты. Это то, чего западные страны не понимают. Мы только надеемся, что г-н Буш и народ Соединенных Штатов обратят к нам более пристальный взгляд. Они думают, что мы очень фанатичные коммунисты, что мы не люди. Мы даже не коммунисты» [57].

Тем не менее в американских СМИ любой чиновник афганского правительства или правительство в целом, как правило, априори назывались «коммунистами» или «марксистами», «прокоммунистическими» либо «промарксистскими», без объяснения причин такого определения. Наджибуллу, который занял пост Кармала, ушедшего в отставку в 1986 году, утвердили в должности в 1987 году в рамках новой конституции, которая была лишена всей социалистической риторики и полна ссылок на ислам и священный Коран. «Это не социалистическая революционная страна, — сказал он в своей инаугурационной речи. — Мы не хотим строить коммунистическое общество» [58].

Могли ли Соединенные Штаты выйти за рамки идеологии холодной войны и учесть потребности афганского народа? В августе 1979 года, за три месяца до советского вмешательства, в секретном докладе Государственного департамента говорилось:

«Общие интересы Соединенных Штатов... будут удовлетворены в связи с кончиной режима Тараки и Амина, несмотря на все негативные последствия, которые это может повлечь для будущих социальных и экономических реформ в Афганистане... Уничтожение Демократической Республики Афганистан покажет остальному миру, особенно странам третьего мира, что мнение Советов о неизбежности социалистического курса истории ошибочно» [59].

В 1980-х годах, как и раньше, Советский Союз неоднократно утверждал, что решение конфликта не может быть найдено, пока Соединенные Штаты и другие страны не прекратят свою поддержку моджахедов. Соединенные Штаты, в свою очередь, настаивали на том, что СССР должен сначала вывести из Афганистана свои войска.

Наконец, после нескольких лет переговоров при поддержке ООН, 14 апреля 1988 года в Женеве было подписано соглашение, в соответствии с которым Кремль взял на себя обязательство начать 15 мая вывод своего контингента в количестве около 115 тысяч человек и завершить процесс к 15 февраля следующего года. Афганистан, как заявил советский президент Михаил Горбачев, стал «кровоточащей раной» для СССР.

В феврале, после того как последние советские войска покинули территорию Афганистана, Горбачев призвал США поддержать эмбарго на поставки

оружия в Афганистан и выполнение соглашения о перемирии между двумя воюющими сторонами. Оба предложения были отвергнуты новой администрацией Буша, которая утверждала, что в распоряжении афганского правительства были оставлены большие запасы военной техники. Непонятно, почему Вашингтон считал, что мятежники, которые боролись до конца с правительством, несмотря на мощное присутствие советских вооруженных сил со всей их техникой, с уходом советских войск ослабеют. Ключ к американскому ответу может лежать в заявлении Государственного департамента, сделанном неделей ранее, что правительство в Кабуле самостоятельно не протянет больше шести месяцев [60].

Поднимая вопрос о дефиците оружия (реальном или нет), Вашингтон гарантировал продолжение гонки вооружений в Афганистане — холодной войны в миниатюре. В то же время администрация Буша призвала СССР поддерживать «независимый Афганистан, участвующий в движении неприсоединения», как будто Соединенные Штаты не пытались помешать именно этому в последние десятилетия.

Два дня спустя президент Наджибулла раскритиковал отказ Америки от предложения Горбачева, предлагая вернуть советское оружие, если мятежники также согласятся сложить оружие и вести переговоры. Не сообщается, последовал ли ответ на это предложение со стороны США или мятежников, которые в прошлом отказывались от таких предложений.

Но Вашингтон больше думал о своих долгосрочных интересах, чем о прекращении огня и переговорах. В тот же день, когда поступило предложение Наджибуллы, Соединенные Штаты объявили, что поставили в Афганистан 500 тысяч отпечатанных в Америке учебников для 1–4-х классов школы. Учебники, которые, по словам критиков, «граничили с пропагандой», рассказывали о борьбе мятежников против Советского Союза, с рисунками боевиков, убивающих русских солдат [61]. С самого начала войны моджахеды продемонстрировали самое жестокое обращение именно с советскими пленными. Вашингтон имел в распоряжении подтвержденные данные о том, что мятежники сделали наркоманами и замучили до смерти от 50 до 200 советских военнопленных, содержа их в клетках как животных, «превращая их жизнь в неописуемый кошмар» [62].

В другом отчете репортера «Фар Истерн экономик ревью» (Far Eastern Economic Review) говорится:

«Одна группа [советских] бойцов была убита, освежевана и повешена в мясной лавке. Один пленник оказался инструментом в игре базкаши, агрессивной форме афганского поло, в котором мячом обычно служила обезглавленная коза. Пленный был использован вместо нее. Живой. Он был буквально разорван на куски» [63].

Между тем, к большому удивлению Соединенных Штатов и всех остальных, правительство Кабула после вывода советских войск не показывало

никаких признаков развала. Правда, для Вашингтона улучшилось «соотношение затрат и выгод» [64], которое измерялось исключительно в неамериканских смертях и страданиях, поскольку мятежники регулярно закладывали бомбы в автомобили, запускали ракеты в жилые районы Кабула, разрушали построенные правительством школы и больницы и убивали учителей. Так же делали на другой стороне земного шара поддерживаемые США никарагуанские мятежники, и по той же самой причине: объектами атак были символы социальной деятельности правительства.

Конечно, СССР и их афганские союзники тоже не были ангелами, их действия, вроде бомбардировок деревень, также несли обширные разрушения. Но к отдельным историям злодеяний следует подходить с осторожностью, поскольку, как мы уже видели неоднократно, склонность и способность ЦРУ распространять антикоммунистическую дезинформацию, часто из самых надуманных фактов, была практически неограниченной. С таким противником, как Советский Союз, творческая деятельность, должно быть, бурлила в Лэнгли всю ночь.

По сообщениям неправительственной организации «Международная амнистия», с ее обычными осторожными методами сбора информации, в середине 1980-х имели место частое применение пыток и деспотичное задержание людей властями в Кабуле [65]. Но как понимать, например, сообщение (без ссылки на источник) обозревателя Джека Андерсона (Jack Anderson), связанного с афганским лобби в Америке, о том, что советские войска *часто* врывались в недружественные деревни в Афганистане и «уничтожали каждого мужчину, женщину и ребенка» [66]? Или историю «Нью-Йорк таймс», рассказанную гражданином Афганистана, о том, как афганские солдаты намеренно ослепили пятерых детей металлическими предметами, а затем задушили их? К чести газеты, они добавили: «Нет никакого способа подтвердить эту информацию. Возможно, что человек, который сказал это, действовал, пытаясь дискредитировать здешний режим. Однако он был похож на человека, который увидел настоящий ужас» [67]. Или обвинение американского конгрессмена в 1985 году в адрес СССР в использовании игрушек с минами-ловушками, чтобы калечить афганских детей [68]? Подобные истории рассказывались ранее о левых силах других стран мира во время холодной войны и повторились в 1987 году, проиллюстрированные «Си-би-эс ньюс» (CBS News). Газета «Нью-Йорк пост» позже сообщила о заявлении продюсера «Би-би-си», что бомба-игрушка была специально создана для оператора «Си-би-эс» [69].

Тогда появился Афганский фонд милосердия, якобы агентство по оказанию помощи — но прежде всего пропагандистской, который сообщил, будто Советы сожгли ребенка заживо, будто они маскируют мины под конфеты и бабочек, чтобы таким образом привлекать к ним детей. Однако мины-бабочки оказались копиями тех, что были разработаны американцами для применения во Вьетнаме [70].

Стоит вспомнить также о сбитом пакистанском истребителе в Афганистане в мае 1987 года. Пакистан и Вашингтон сообщили, точно зная, что их заявле-

ние — неправда, будто истребитель был сбит советской ракетой. Оказалось, что самолет был сбит по ошибке пакистанским самолетом [71].

В первой половине — середине 1980-х годов администрация Рейгана заявила, что русские распыляли токсичные химикаты над Лаосом, Камбоджей и Афганистаном. Этот так называемый «желтый дождь» вызвал более десяти тысяч смертей в 1982 году, в том числе в Афганистане — 3042 случая смерти плюс 47 отдельных случаев в период между летом 1979 и летом 1981 года — можно лишь удивляться исключительной точности информации. Госсекретарь Александр Хейг был главным распространителем таких историй, и сам президент Рейган осудил Советский Союз больше чем 15 раз в документах и речах, используя такие истории [72]. «Желтый дождь» оказался наполненными пыльцой осадками, пролившимися через огромный рой пчел высоко в небе. Тогда, в 1987 году, стало известно, что администрация Рейгана выдвинула эти обвинения, несмотря на то что работавшие на правительство ученые не могли их подтвердить. Мало того, они считали обвинения безосновательными и вводящими в заблуждение [73]. Еще один интересный факт. Проводимые позже научные исследования по обвинениям официального Вашингтона доказали, что токсичные химикаты распылялись на территории Лаоса, Камбоджи и Таиланда, а об их применении в Афганистане вообще не упоминалось. Это выглядело, как если бы администрация искренне ошиблась, в первый раз говоря об Индокитае, а затем добавила Афганистан в список, прекрасно зная о ложности своих утверждений.

Такие кампании по распространению дезинформации часто разрабатываются для внутренних политических потребностей. Рассмотрим вклад сенатора Роберта Доула (Robert Dole) в обсуждение военного бюджета в 1980 году в Конгрессе США: в качестве «убедительных доказательств» он сообщил, что «Советский Союз разработал химическое оружие, которое нельзя было представить и в самом страшном сне. От этого газа не защищают... наши противогазы, что делает наших военных беззащитными». Затем он добавил: «Отказ от увеличения расходов на оборону для нашей нации администрацией Картера в такой критический момент нашей истории является непостижимым» [74]. А в марте 1982 года, когда администрация Рейгана сделала свое заявление о 3042 афганских смертях от «токсичного желтого дождя», «Нью-Йорк таймс» отметила: «Президент Рейган только что принял решение о возобновлении Соединенными Штатами производства химического оружия и попросил существенного увеличения военного бюджета на такое оружие» [75].

Выделение денежных средств для расширения международной американской пропагандистской кампании также было щедро санкционировано Конгрессом. Одномоментно было выделено 500 тысяч долларов на обучение афганских журналистов использованию телевидения, радио и газет для выполнения своих профессиональных задач [76].

Следует отметить, что в июне 1980 года, еще до обвинений СССР в создании «желтого дождя», кабульское правительство заявило об использовании

мятежниками и их зарубежными покровителями отравляющего газа, приведя инцидент: 500 учащихся и учителей в нескольких средних школах были отправлены ядовитыми газами; согласно сообщениям, обошлось без жертв [77].

Одной из причин того, что победа продолжала ускользать от моджахедов, являлось их глубокое разделение на этнические и племенные общности, которые складывались веками, а также вступление сравнительно недавно появившегося исламского фундаментализма в конфликт с более традиционным исламом. Различия часто приводили к насилию. В одном случае, в 1989 году, конкурирующая группа мятежников убила семь командиров моджахедов и более 20 других мятежников. Это было не первым и не последним случаем [78].

К апрелю 1990 года, спустя 14 месяцев после вывода советских войск, «Лос-Анджелес таймс» описала состояние повстанцев так:

«В последние недели они убили больше своих людей, чем врагов... Командиры конкурирующих подразделений были расстреляны в гангстерском стиле здесь, в пограничном городе Пешавар [Пакистан], плацдарме для ведения войны. Продолжают поступать сообщения о масштабных политических убийствах в лагерях беженцев... Причины последней казни были связаны как с наркотиками, так и с политикой... Другие командующие в Афганистане и в приграничных лагерях просто отказываются бороться. Они конфиденциально говорят, что предпочитают [президента Афганистана] Наджибуллу жесткой линии моджахедов фундаменталистов во главе с Гульбеддином Хекматилем» [79].

Причиной несогласованных действий оппозиции явилось также разбазаривание поставляемого огромного количества оружия. Репортер Тим Уайнер (Tim Weiner), проводивший журналистское расследование, сообщил следующее:

«Трубопровод ЦРУ протек. Ужасно протек. Огромное количество оружия было распространено на всем протяжении одного из самых анархических регионов мира. Сначала пакистанские вооруженные силы брали из поставок оружия то, что они хотели. Потом коррумпированные афганские полевые командиры крали и продавали зенитные орудия, управляемые ракеты, гранатометы, автоматы АК-47, автоматические винтовки, боеприпасы и мины из арсенала ЦРУ, стоимостью в сотни миллионов долларов. Часть оружия попала в руки преступных группировок, торговцев героином и самой радикальной фракции иранских вооруженных сил... В то время как их войска властили тяжелую жизнь в горах Афганистана и пустынях, политические лидеры боевиков имели прекрасные виллы в Пешаваре и большое количество транспортных средств в своем распоряжении. ЦРУ хранило молчание, поскольку афганские политики конвертировали оружие Управления в деньги» [80].

Среди вооружения, которое моджахеды продали иранцам, были очень современные переносные зенитно-ракетные комплексы «Стингер» с тепловой головкой самонаведения, благодаря которым мятежники сбили сотни советских военных самолетов, а также по меньшей мере восемь пассажирских самолетов. 8 октября 1987 года революционная гвардия на иранской канонерской лодке попыталась использовать такой «Стингер» против американских вертолетов, патрулирующих Персидский залив. Но ни одна ракета не попала в цель [81].

Ранее в том же году ЦРУ заявило Конгрессу, что по крайней мере 20 процентов его военной помощи моджахедам было разворовано повстанцами и пакистанскими чиновниками. Обозреватель Джек Андерсон (Jack Anderson) в то же время заявил: по его оценке, утечка составила около 60 процентов — один из лидеров мятежников рассказал помощнику Андерсона во время его визита к границе о своих сомнениях, что даже 25 процентов оружия попали в нужные руки. Если у моджахедов действительно был дефицит оружия по сравнению с правительственные силами, как подразумевал Джордж Буш, то ясно, что одной из основных причин этого было воровство. Тем не менее ЦРУ и другие представители администрации рассматривали подобную ситуацию просто как ведение бизнеса в этой части мира [82].

Как и многие другие клиенты ЦРУ, повстанцы финансировались при помощи незаконного оборота наркотиков, однако Управление, по-видимому, было не слишком обеспокоено, пока это делало его мальчиков счастливыми. Командиры моджахедов в Афганистане лично контролировали огромные поля опиумного мака — сырья, из которого получают героин. Поставляемые ЦРУ грузовые автомобили и мулы, которые возили оружие в Афганистан, использовались для транспортировки части опиума в многочисленные лаборатории вдоль афгано-пакистанской границы, где в сотрудничестве с пакистанскими военными обрабатывались многие тонны героина. Приблизительно от одной трети до половины всего произведенного герoina ежегодно потреблялось в Соединенных Штатах и три четверти — в Западной Европе. Официальные лица США признали, что в 1990 году они не смогли провести расследование и принять меры против наркотрафика, поскольку не хотели обидеть своих пакистанских и афганских союзников [83]. В 1993 году сотрудник Управления по борьбе с наркотиками США назвал Афганистан Новой Колумбией мира наркотиков [84].

Война, со всеми ее мучениями, продолжалась до весны 1992 года — еще три года после того, как ушли последние советские войска. Соглашение о прекращении поставок оружия, которое было достигнуто между Соединенными Штатами и Советским Союзом, в настоящее время вступило в силу. Две сверхдержавы отказались от войны. Советского Союза больше не существует. Война в Афганистане повлекла за собой более миллиона смертей, три миллиона инвалидов и пять миллионов беженцев — в общей сложности приблизительно половина всего населения Афганистана.

Поддержанное ООН перемирие должно было передать власть переходному правительству коалиции до выборов. Но этого не произошло. Кабульское правительство, среди продовольственных бунтов и восстаний практически распавшейся армии и боевиков, штурмовавших столицу, установило в Афганистане первый исламский режим, хотя страна стала независимой еще в середине XVIII века.

Ключевым событием в падении правительства стал переход на сторону моджахедов генерала Абдула Рашида Дустума (Abdul Rashid Dostum). Дустум, которого ранее американские СМИ называли «коммунистическим генералом», теперь превратился в «экс-коммунистического генерала».

Моджахеды победили. И теперь обратили всю свою ярость друг против друга. Ракеты и артиллерийские снаряды уничтожали целые кварталы в Кабуле. Так, в августе были убиты или ранены, по крайней мере, 1500 человек, в основном мирные жители. К 1994 году число жертв этой второй гражданской войны достигло 10 тысяч. Из всех лидеров моджахедов только Гульбеддин Хекматияр настаивал на применении военной силы в таких масштабах и не шел на компромисс.

Роберт Ньюман (Robert Neumann), бывший посол США в Афганистане, делился своими наблюдениями, описывая это время:

«Хекматияр — сумасшедший, экстремист и очень жестокий человек. Он был создан пакистанцами. К сожалению, действия нашего правительства играли на руку пакистанцам. Мы поставляли деньги и оружие, но они [пакистанские власти] преследовали свои политические цели».

Вашингтон был очень обеспокоен тем, что Хекматияр придет к власти. По иронии судьбы, они боялись, что если ему это удастся, бренд экстремизма начнет распространяться и дестабилизировать обстановку больших групп мусульманского населения в бывших советских республиках, вызвав тот же страх, который был одним из главных мотивов советского вмешательства в афганскую гражданскую войну [85].

На руку Хекматияру сыграло и то, что «коммунистический генерал» Дустум в конце концов примкнул к нему.

Сулейман Лейек (Suleiman Layeq), человек левых убеждений, поэт и «идеолог» свергнутого режима, наблюдал из своего окна, как город кишел моджахедами. Они занимали одно здание за другим. «Они без исключения, — сказал он по их поводу, — идут по пути фундаментального ислама, добиваясь его целей и решая его задачи. И это не ислам. Это своего рода теория против цивилизации, против современной цивилизации» [86].

Еще до прихода к власти моджахеды запретили все немусульманские объединения. Вводилось все больше новых законов: в Исламской Республике был запрещен алкоголь, женщины не могли выходить на улицу без чадры, нарушения наказывались порками, ампутациями и публичными казнями. Причем это исходило и от более «умеренных», чем Хекматияр, исламистов.

В сентябре было проведено первое публичное повешение. Троє мужчин были повешены перед лицующей толпой в 10 тысяч человек [87]. Их судили за закрытыми дверьми, и никто не скажет, какие преступления они совершили.

В феврале 1993 года группа лиц с Ближнего Востока организовала взрывы во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке. Большинство из них были моджахедами, ветеранами той войны. Другие совершали убийства в Каире, осуществляли взрывы в Бомбее, организовывали кровавые восстания в горах Кашмира и вели диверсионную войну на Филиппинах.

Это была сила и слава «борцов за свободу» президента Рейгана, ставших еще более антиамериканскими в 1990-е годы. Многие из них поддерживали иракского лидера Саддама Хусейна в ходе конфликта в Персидском заливе в 1990–1991 годах. Разумеется, даже Рональд Рейган и Джордж Буш предпочли бы сейчас компанию «коммунистических» реформаторов, вроде президента Нура Мохаммеда Тараки, мэра Мохаммеда Хакима или поэта Сулеймана Лейека.

Но им удалось пустить кровь Советскому Союзу. Рана была большая. А для Соединенных Штатов это была священная война.

54. Сальвадор, 1980–1994

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА ПО-ВАШИНГТОНСКИ

Соединенные Штаты поддерживают правительство Сальвадора, заявил президент Рональд Рейган, потому что оно пыталось «остановить проникновение в Америку террористов, а также внешних сил, которые не просто целятся в Сальвадор, но, я думаю, нацелены на всю Центральную и, возможно, в дальнейшем — на Южную Америку, а в конце концов, я уверен — и на Северную Америку» [1].

У психиатров для такого восприятия реальности есть термин. Они называют это параноидальной шизофренией.

По мнению Рональда Рейгана, повстанцы в Сальвадоре — самой маленькой стране в Центральной и Южной Америке, сплели заговор с целью захвата Западного полушария; другие видели в этом квинтэссенцию революции.

В контексте революции нельзя утверждать, что сальвадорцы решились на революционные действия после первых жестоких репрессий либо взялись за оружие из-за склонности к насилиственным методам решения проблем, или из-за отказа «работать в рамках системы», или из-за «внешних агитаторов», или из-за любых других объяснений народных восстаний, которые так дороги сердцу вashingtonских специалистов по формированию общественного мнения. Сколько люди помнят, бразды правления Сальвадора находились в руках той или иной военной диктатуры, в то время как экономика была под контролем знаменитых четырнадцати семей промышленников и торговцев кофе, и только случайные кратковременные взрывы накопленного недовольства будоражили этот аккуратный порядок.

В декабре 1980 года репортер «Нью-Йорк таймс» Рэймонд Боннер (Raymond Bonner) спросил Хосе Наполеона Дуарте (José Napoleón Duarte): «Почему в горах были партизаны?». Дуарте, только что ставший президентом правящей хунты, удивил Боннера своим ответом: «Пятьдесят лет лжи, пятьдесят лет несправедливости, пятьдесят лет разочарований. Это история людей, умирающих от голода, живущих в нищете. Пятьдесят лет у таких же

людей была вся власть, все деньги, все рабочие места, все образование, все возможности» [2].

После знаменитого крестьянского восстания 1932 года, потопленного в крови, реформистское правительство было у власти лишь дважды: в течение девяти месяцев в 1944-м, затем в 1960 году. Второй случай прихода реформистов к власти был вызван волнениями нескольких тысяч студентов Национального университета, проводивших акцию протesta против ущемления гражданских свобод. Правительство вывело против них полицейские отряды, которые принялись методично крушить офисы, кабинеты и лаборатории, избили президента университета, убили библиотекаря, кололи студентов штыками и изнасиловали десятки девушек. Наконец, когда студенты собрались заново, войска открыли по ним прямой огонь.

Кровавый инцидент стал одним из поворотных моментов для группы младших армейских офицеров. В октябре они устроили переворот с целью проведения основных социальных и политических реформ. Но новое правительство продержалось всего три месяца и было свергнуто в результате контрпереворота, в котором, как сообщается, участвовали США [3]. Доктор Фабио Кастильо (Fabio Castillo), бывший президент Национального университета и член свергнутого правительства, свидетельствовал перед Конгрессом США несколько лет спустя, что в процессе свержения правительства реформ американское посольство сразу же начало «вмешиваться напрямую», а «члены военной миссии США открыто призывали к заговору и восстанию» [4].

На протяжении 1960-х годов разнообразные американские специалисты занимались в Сальвадоре усилением и совершенствованием аппарата государственной безопасности и силового аппарата по борьбе с повстанцами: полиции, национальной гвардии, армии, сетей связи и разведки, а также координации с коллегами из других стран Центральной Америки. Как оказалось, эти силы и средства были приведены в состояние готовности для проведения повсеместных репрессий и развязывания войны. Годы спустя газета «Нью-Йорк таймс» отмечала:

«В Сальвадоре американская помощь была использована для подготовки сотрудников полиции в 1950–1960-х годах, многие офицеры трех департаментов полиции позже стали лидерами правых «эскадронов смерти», убивших десятки тысяч человек в конце 1970-х и начале 1980-х годов» [5].

Если в 1960-е годы аппарат госбезопасности в Сальвадоре нельзя было обвинить в крупномасштабной кампании убийств, пыток или исчезновений политических оппонентов, как в Гватемале и других странах Латинской Америки, то это было связано скорее с незначительной степенью открытого инакомыслия и беспорядков, чем с уважением прав человека. Оппозиционные группы, которые не были объявлены вне закона, считались безобидными; раздутые от голода животы крестьянских детей вообще не рассматривались в качестве угрозы.

Поскольку даже милитаристы считали необходимым соблюдать видимость законности, в течение 1960-х годов определенным политическим организациям, состоящих в основном из представителей городского среднего класса, было разрешено выдвигать кандидатов в муниципальные и законодательные органы. Они в этом преуспели, хотя подсчитываемые правительством результаты выборов последовательно оставляли оппозицию в меньшинстве в законодательных органах, то есть фактически без реальной власти. В 1967 году правительство разрешило участие в первых выборах на пост президента нескольким партиям, впервые с 1931 года. После объявления своей Партии национального примирения (*El Partido de Conciliación Nacional*, PCN) победителем, правительство оперативно запретило одну из главных конкурирующих — Истинную революционную партию (*Partido Auténtico Revolucionario*, PAR) — на том основании, что она поддерживает принципы, «противоречащие Конституции». По словам представителя PAR, «принципом», о котором шла речь, являлась поддержка аграрной реформы. Другой источник сообщает, что партия была объявлена вне закона «якобы за распространение коммунистической идеологии» — в рамках системы ценностей правительства «незаконный» и «коммунистический» могло значить одно и то же [6].

В 1972 году была сформирована левоцентристская коалиция (UNO), выдвинувшая христианского демократа Хосе Наполеона Даурте (*José Napoleón Duarte*) в качестве кандидата в президенты. Хотя UNO столкнулась с насилием в отношении своих кандидатов и участников кампании, в том числе с убийством помощника Даурте и саботажем радиопередач коалиции, наступивший день выборов был полон больших ожиданий для UNO. Через два дня после голосования центральная избирательная комиссия после первого объявления о победе Партии национального примирения потрясла всех, объявив, что пересчет голосов показал: победителем стала левоцентристская коалиция — UNO. Правительство быстро наложило запрет на освещение выборов в СМИ, и в течение следующих двух дней о результатах выборов ничего не было слышно. На третий день избирательная комиссия объявила, что победителем все-таки стала Партия национального примирения.

Чтобы сохранить бразды правления в своих руках, в 1974 и 1976 годах на выборах в законодательные органы, а затем в 1977 году на президентских выборах, власти использовали такой же творческий подход при подсчете голосов наряду с грубым физическим запугиванием кандидатов, избирателей и наблюдателей [7].

Массовая демонстрация после выборов 1977 года, организованная против их фальсификации, была окружена правительственными силами безопасности, которые открыли огонь и устроили кровавую бойню. Число погибших измерялось сотнями. Сразу же после этого лидеры UNO были отправлены в ссылку, а сторонники партии подверглись арестам, пыткам и убийствам [8]. Президент страны полковник Артуро Молина (*Arturo Molina*) возложил вину за протесты на «иностранных коммунистов». Его ответом на обвинения в фальсификации выборов была фраза: «Только Бог совершенен» [9].

Правительственное политическое насилие такого рода продолжалось местами в 1960-х, но стало обычным явлением в 1970-е годы, поскольку все больше и больше сальвадорцев, разочарованных в выборах как средстве достижения социальных изменений, готовы были выразить свой протест другими средствами. Пока одни ограничивались воинственными демонстрациями, забастовками и захватами территорий, все большее число людей обращалось к актам городской партизанской войны — убийствам лиц репрессивного аппарата, взрывам и похищениям людей с целью выкупа. Правительство и военизированные правые группы парламента, называвшие себя в современном стиле «эскадронами смерти», ответили кампанией, направленной против лидеров профсоюзов, крестьянских организаций и политических партий, а также священников и религиозных деятелей. «Будь патриотом — убей священника!» — таким был лозунг одного из «эскадронов смерти». Служители церкви были обвинены в обучении крестьян подрывной деятельности, которую сами люди называли Словом Божиим — и это происходило в стране, единственной в мире названной в честь Христа. ЦРУ и американские военные играли важную роль в организации работы органов безопасности, из которых вышли «эскадроны смерти». С помощью средств наблюдения ЦРУ регулярно поставляла в эти учреждения информацию о местонахождении различных людей, будущих жертв «эскадронов смерти» [10].

В октябре 1979 года группа заговорщиков, состоявшая из младших офицеров, уставших от участия в регулярных правительственные массовых убийствах демонстрантов и забастовщиков, желая восстановить «добroe имя» военных, свергла генерала Карлоса Ромеро (Carlos Romero) с поста президента и пришла к власти в результате бескровного переворота. Ряд видных гражданских политических деятелей получил должности в новой администрации, представившей впечатляющую программу реформ. Но ей не суждено было осуществиться. Молодые и политически неопытные офицеры быстро ассилировались со старшими консервативными офицерами, шло давление и со стороны Соединенных Штатов, требовавших поставить на ключевые позиции определенных военных [11]. Гражданские члены правительства оказались не в состоянии вести контроль над вооруженными силами и были сведены к функции реформистского камуфляжа.

Вашингтон поддержал свержение жестокого режима Ромеро. Всего лишь три месяца назад сандинисты свергли диктатуру Сомосы в Никарагуа, и администрация Картера не хотела рисковать потерей второго клиента в Центральной Америке за такой короткий промежуток времени, поэтому пошла на уступки, чтобы управлять процессом.

Между тем силы безопасности продолжали расстреливать толпы людей: число жертв за один лишь первый месяц «реформистского» правительства было больше, чем за первые девять месяцев года. В январе 1980 года почти все гражданские лица ушли в отставку из отвращения к правительству [12]. Опыт этого переворота стал той соломинкой, которая переломила хребет многим умеренным и либералам, а также членам компартии Сальвадора,

которые все еще питали надежды на мирные реформы. Коммунистическая партия поддержала новое правительство, даже содействовала работе министра труда, «потому что мы считаем, что он собирается выполнять свои обещания и способствовать демократизации страны». Компартия стала последней левой группой, присоединившейся к партизанским силам [13].

Один из гражданских членов кабинета — министр образования Сальвадор Самайоа (Salvador Samayoa) объявил перед телекамерами одновременно о своей отставке и вступлении в партизанскую группу [14]. Те, кто еще продолжал питать иллюзии, довольно быстро их потеряли и тоже пополнили ряды партизан. 22 января прошла демонстрация коалиции общественных организаций, над которой сначала распылили дихлордифенилтрихлорэтан (один из первых высокотоксичных инсектицидов. — *Прим. ред.*) из самолетов вдоль маршрута колонны, а когда демонстранты достигли центральной площади Сан-Сальвадора, снайперы открыли огонь из правительственные зданий, расположенных по периметру площади. По крайней мере 21 человек был убит и 120 серьезно ранены, некоторые из участников, по сообщениям, стали жертвами ответного огня демонстрантов.

17 марта прошла всеобщая забастовка, против участников которой применили оружие — только в столице были убиты 54 человека.

Через неделю произошло убийство архиепископа Сан-Сальвадора Оскара Ромеро (Oscar Romero), ярого критика правительства за нарушения прав человека, призывавший президента Картера, «как христианин христианина», прекратить оказание властям военной помощи. В своей последней проповеди он обратился к силам безопасности с такими словами: «Умоляю вас, заклинаю вас, приказываю вам, во имя Бога — *остановите репрессии*». На следующий день он был убит — одиннадцатый священник, убитый в Сальвадоре за три года.

Во время похорон мученически погибшего архиепископа, который был соискателем Нобелевской премии мира за год до этого — среди тех, кто номинировал его, было 23 члена палаты представителей США, — в похоронную процессию была брошена бомба. Затем со стороны Национального дворца и офисных зданий, примыкающих к площади, был открыт огонь из винтовок и автоматов, как и в январе. По меньшей мере 40 человек были убиты и сотни ранены [15].

Хунта президента Дуарте пыталась свалить на левых ответственность за бойню на похоронах. Однако заявление правительства было голословным, поскольку все очевидцы заявляли, что стрельба велась со стороны Национального дворца и других правительственные зданий, оттуда же была брошена бомба. Заявление, сделанное восемью епископами и шестнадцатью другими присутствовавшими на похоронах иностранными посетителями церкви, отрицало версию правительства [16].

Прошло семь лет, прежде чем Дуарте, избранный на пост президента в 1984 году, обвинил бывшего майора армии Роберто д'Обюссона (Roberto d'Aubuisson), видного руководителя правых, в том, что тот дал приказ убить Ромеро. Хотя к тому времени эта версия уже была широко распространена,

публичное обвинение произвело фурор в Сальвадоре и Соединенных Штатах. Оказалось, ЦРУ знало об этом факте не позже чем через год после убийства. Стоит отметить, д'Обюссон когда-то сказал трем европейским репортерам: «Вы, немцы, очень умны. Вы поняли, что евреи отвечали за распространение коммунизма, и начали их убивать». Прошедший подготовку у американцев, этот бывший офицер разведки никогда не был подвергнут аресту из-за депутатской неприкосновенности, являясь представителем в Национальном собрании. Он умер в 1992 году [17].

В течение первых месяцев 1980 года правительство, при прямом влиянии и участии США, приняло программу аграрной реформы — непременное условие социальных изменений в Сальвадоре. Ее ключевое положение — получение права собственности фермерами-арендаторами на обрабатываемые ими участки — использовалось и в других программах, с которыми США с 1950-х годов выступали в ряде горячих точек в странах третьего мира, и по тем же самым причинам: во-первых, это была тактика противодействия партизанам — кража партизанских лозунгов и во-вторых, при такой программе правительство, получающее военную поддержку от США, выглядело более достойным в глазах Конгресса и всего мира. В опубликованном в середине 1980-х годов меморандуме Агентства США по международному развитию (USAID), комментирующем реакцию в Сальвадоре на программу «Земля — фермерам», в частности, говорится:

«Многие считают, что эта «символическая» и «косметическая» мера была предложена для того, чтобы хорошо выглядеть в глазах некоторых американских политиков, а не потому, что она будет выгодна или существенно значима в контексте Сальвадора» [18].

Реакцию сальвадорской аграрной элиты можно было предсказать. Они прогнали многие тысячи крестьян с их скучных участков, чтобы не передавать им землю. Но это было не самое худшее.

Вот свидетельство специалиста сальвадорской организации по передаче земли Instituto Salvadoreño de Transformation Agraria, созданной для наблюдения за ходом программы:

«Войска пришли и сказали работникам, что земля теперь принадлежит им (работникам). Они могут избирать своих собственных лидеров и управлять землей самостоятельно. Крестьяне не могли поверить своим ушам, но провели выборы в ту же ночь. На следующее утро войска вернулись, и я видел, как они расстреляли каждого из избранных лидеров» [19].

Это был не единичный случай. Заместитель министра сельского хозяйства Хорхе Альберто Вильякорта (Jorge Alberto Villacorta) в своем заявлении об отставке в марте 1980 года заявил, что «в первые дни реформы пять директоров и два президента новых крестьянских организаций были убиты, и мне доложили о том, что эта репрессивная практика продолжает набирать силу» [20].

«Сила, — писал Карл Маркс (Karl Marx), — является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым». Революция оставалась единственным пунктом в политической повестке оппозиции, сплоченной, как никогда, против общего врага, а не на основе общей идеологии. Но многие видели в этом плюрализме силу, а не слабость. Левые теперь были готовы воевать вместе с (бывшими) христианскими демократами, которых они незадолго до этого обвиняли в служении американскому империализму.

Если отнестись серьезно к широко известной преданности Джимми Картера правам человека, то у его администрации явно не было никакой альтернативы, кроме как примкнуть к сальвадорской оппозиции или, по крайней мере, держать свои руки подальше от борьбы. Однако администрация Картера, с некоторой оглядкой на свои основные принципы, продолжила военную поддержку правительства Сальвадора. За несколько дней до окончания своего срока, в январе 1981 года, Картер распорядился, чтобы в Сальвадор было отправлено военной помощи на 10 миллионов долларов наряду с дополнительными американскими советниками. Эти действия характеризовались одним из свидетелей как «последнее судорожное усилие внешней политики президента Картера уклониться от ответственности за то, что она была «слишком мягкой» в борьбе с повстанцами Сальвадора». Два года спустя, будучи уже частным лицом, Картер заявил: «Я думаю, что правительство в Сальвадоре является сейчас самым кровожадным в полуширии» [21].

В администрации Рейгана, для которого «права человека» были подозрительным термином, изобретенным левыми, не боялись обвинений в лишней мягкости. Подход администрации к конфликту основывался на трех направлениях: а) резкая эскалация, количественная и качественная, американского военного присутствия в Сальвадоре; б) пиар-кампания для придания военной хунте «человеческого лица»; в) манипулирование новостными сообщениями для убеждения американской и мировой общественности в том, что сальвадорская оппозиция не имела законных оснований для революции, а также для того, чтобы показать, что те мучения, которые сальвадорцы испытывали в течение двух предыдущих десятилетий (в действительности — в течение полувека), имели мало или вообще ничего общего с их восстанием. «Неспроповещанное и бессмысленное», это восстание, оказывается, было вдохновлено «левыми террористами» при содействии Советского Союза, Никарагуа и Кубы. И здесь не обошлось без «красных дьяволов».

Военная эскалация

Для Соединенных Штатов Сальвадор не превратился в зыбучие пески очередного Вьетнама, как о том предупреждали многие левые и центристские критики. Но для народа Сальвадора война и ее ужасы тянулись так же бесконечно, как и для вьетнамцев, и по той же причине — из-за американской поддержки режима, еще более отвратительного, чем во Вьетнаме, который без

нее печально рухнул бы, исчерпав свои собственные ресурсы. Тем не менее, несмотря на подавляющую, превосходящую военную мощь, правительство смогло поставить повстанцам пат, но не мат.

Объем американской военной помощи Сальвадору, предоставленной с 1980 года до начала 1990-х, на одну только технику насчитывал миллиарды долларов. В прессе широко используется сумма в шесть миллиардов, но реальная помощь навсегда останется неизвестной. Закрытая двухпартийная группа Конгресса США по контролю над вооружениями и внешней политической обвинила администрацию Рейгана в предоставлении в середине 1980-х годов «неточной, вводящей в заблуждение, а в некоторых случаях, ложной информации» о предоставляемой Сальвадору помощи. Администрация Рейгана, по заключению закрытой группы, классифицировала большую часть военной помощи как помощь «в целях развития» и занижала реальную стоимость технических средств, даже если они были надлежащим образом классифицированы как военная помощь [22].

К этому следует добавить затраты на обучение тысяч сальвадорских военнослужащих на территории Соединенных Штатов, в зоне Панамского канала и в Сальвадоре. А также повышение квалификации, проводимое в ранние годы в Аргентине, Чили и Уругвае по указанию США. Кроме того, оказывалась существенная военная помощь через Израиль — такая практика поставок использовалась Соединенными Штатами в других странах Центральной Америки [23].

Красноречивым результатом такого массового предоставления оружия и обучения, а также денег для более высоких зарплат стало резкое увеличение численности вооруженных сил и других силовых служб Сальвадора. По оценкам, в 1979 году армия насчитывала от 7 до 12 тысяч человек, в 1983 году их число превысило 22 тысячи плюс дополнительные 11 тысяч человек в составе гражданских сил безопасности. Спустя три года общая численность двух силовых ведомств насчитывала уже 53 тысячи человек [24]. Оборудование текло рекой. Например, в январе 1982 года повстанцы в ходе нападения на аэропорт уничтожили 16–18 самолетов, и Соединенные Штаты в течение нескольких недель поставили 28 новых самолетов [25]. Частью военно-воздушных сил, находящихся в распоряжении правительства Сальвадора, были американские разведывательные самолеты, оснащенные современным оборудованием для видеонаблюдения. Они могли предоставлять почти мгновенно разведанные о перемещении партизан, а также осуществлять целеуказание для бомбардировок [26]. У партизан же не было ни военно-воздушных сил, ни зенитных орудий вплоть до ноября 1990 года, когда они впервые использовали советскую ракету класса «земля-воздух».

Очевидно, что бомбардировки, пулеметные обстрелы с самолетов и использование напалма унесли жизни гораздо большего числа мирных жителей, чем партизан, которые лучше знали, как избежать нападений: огромное количество жилищ сравняли с землей, деревни были разрушены, образовалась целая нация беженцев. Гибель гражданских лиц в результате воздушных или наземных рейдов правительственных сил не всегда была случайной — свидетельством

тому служит множество историй о резне мирных жителей. Таков основной принцип борьбы с повстанцами: убей сочувствующих — и выиграешь войну.

Официально американское военное присутствие в Сальвадоре было ограничено совещательными полномочиями. На самом деле, военные, как и сотрудники ЦРУ, уже с 1980 года играли намного более активную роль, и на постоянной основе. Так, около 20 американцев были убиты или ранены в результате крушения вертолетов и самолетов во время авиаразведки и при выполнении других заданий над районами боевых действий [27]. Кроме того, американская программа подготовки сальвадорских летчиков, артиллеристов и стрелков позволяла легко скрыть непосредственное участие в этих операциях советников во время сопровождения своих подопечных.

Всплыло немало других доказательств роли США в проведении и наземных операций [28]. Существовали многочисленные доклады о вооруженных американцах, замеченных в районах боевых действий: например, сообщение «Си-би-эс ньюс» (CBS News) об американских советниках, «сражающихся бок о бок» с правительственными войсками [29], доклады других американцев о наемниках, убитых в бою [30]. Масштаб участия американских наемников в событиях в Сальвадоре неизвестен, но имеются факты, это подтверждающие. Так, Лоуренс Бейли (Lawrence Bailey), бывший морской пехотинец США, заявил, что он входил в группу из 40 американских наемников, нанятых богатыми сальвадорскими семьями, живущими в Майами, для защиты их плантаций от захвата мятежниками [31].

Во время слушаний по делу «Иран-контрас» в 1987 году стало известно, что, по крайней мере, до 1985 года военизированные формирования ЦРУ организовывали и проводили специальные сальвадорские армейские подразделения в районы боевых действий для выслеживания партизан и передачи координат по радио для проведения атак с воздуха [32].

Эта раскрываемая по крупицам информация указывает на частое, если не рутинное, американское участие в продолжавшихся боевых действиях. В сентябре 1988 года в сообщении СМИ говорилось, что американские военные советники были схвачены в ходе перестрелки между силами сальвадорской армии и партизанами, когда они для «самообороны» открыли огонь по мятежникам [33].

Степень глобального контроля военной операции Соединенными Штатами, пожалуй, наиболее раскрыта в отрывке из интервью, данного журналу «Плэйбой» в 1984 году президентом Даурте, одним из немногих христианских лидеров-демократов, в прежние времена работавших в правительстве.

«Плэйбой»: Рассказывают ли вам американские военные советники, как вести войну?

Даурте: Это проблема, не так ли? Корень этой проблемы в том, что помощь предоставляется на таких условиях ее использования, которые действительно определяют американцы, а не мы. Они принимают все решения: сколько самолетов или вертолетов мы покупаем, как мы тратим наши деньги, сколько грузовиков

нам нужно, сколько патронов и какого калибра, сколько пар ботинок и каковы должны быть наши приоритеты... И все деньги тратятся там. Мы не видим ни пенини, потому что все оборудование поставляется сюда уже оплаченным» [34].

В предыдущем воплощении Дуарте как оппонента правительства его взгляд на деятельность янки был еще более жестким. Политика США в Латинской Америке, сказал он в 1969 году, была разработана, чтобы «поддерживать иберо-американские страны в состоянии прямой зависимости от международных политических решений, наиболее выгодных для Соединенных Штатов — как в полуширье, так и на мировом уровне. Таким образом, [Северная Америка] проповедует нам о демократии, в то время как сами они всюду поддерживают диктатуру» [35].

Тем не менее идеология Дуарте оказалась гибким и рыночным товаром. В какой-то момент в 1970-х годах, если не раньше, он начал тайно поставлять ЦРУ разведывательную информацию [36].

«Человеческое лицо»

28 января 1982 года президент Рейган официально засвидетельствовал в Конгрессе, что правительство Сальвадора «предпринимает согласованные и значительные усилия для соблюдения международно признанных прав человека» и что оно «достигло существенного контроля над всеми элементами собственных вооруженных сил, чтобы положить конец пыткам и убийствам сальвадорских граждан этими силами». Эта формулировка была навязана администрации Конгрессом, чтобы в случае необходимости можно было продолжить направлять большое количество оружия и американских военнослужащих в Сальвадор.

Двумя днями ранее американская и зарубежная пресса рассказала о том, как в декабре правительственные войска участвовали в расправе над жителями деревни Эль-Мозоте (El Mozote). Было убито от 700 до 1000 человек — в основном старики, женщины и дети. После появления в 1993 году очень длинного и подробного отчета об этом инциденте стало очевидно, что это одно из самых отвратительных и жестоких массовых убийств XX века, совершенное войсками по отношению к своим жертвам: люди были разрублены мачете, многие обезглавлены, детей подбрасывали в воздух и ловили на штыки, насиловали очень маленьких девочек, прежде чем их убить. «Если мы не убьем их [детей] сейчас, они вырастут партизанами», — рявкнул офицер солдату, который не хотел участвовать в расправе. Антикоммунизм в зените.

И сразу же после этого Госдепартамент при изобильной поддержке СМИ попытался опровергнуть и замять данный эпизод массового убийства [37]. Защита Государственным департаментом своей позиции перед комиссией Конгресса не привела членов комиссии в восторг, хотя конгрессмены еще не знали всей истории целиком [38].

Через два дня после заверений президента о том, что ничего подобного не было, мировые СМИ рассказали, как сальвадорские солдаты посреди ночи вытащили из постелей около 20 человек, пытали, а затем убили, при этом найдя время изнасиловать несколько девочек-подростков [39].

Ранее, в том же месяце, «Нью-Йорк таймс» опубликовала интервью с дезертиром из сальвадорской армии, который описал занятие, в ходе которого жестокие методы пыток демонстрировались на заключенных-подростках. Он заявил, что при этом присутствовали восемь американских военных советников, по-видимому «зеленых беретов». Сальвадорский офицер сказал новобранцам, что наблюдение за пытками «заставит вас почувствовать себя мужчиной», добавив, что они должны «никого не жалеть», лишь «испытывать ненависть к врагам нашей страны» [40].

Другой сальвадорец, бывший член Национальной гвардии, позже свидетельствовал: «Я был в отряде из двенадцати человек. Мы посвящали время пыткам и поиску людей, про которых нам сказали, что они партизаны. Я обучался в Панаме в течение девяти месяцев у [неразборчиво] из Соединенных Штатов по борьбе с партизанами. Часть времени нас обучали пыткам» [41].

Офицеры Национальной гвардии также проходили подготовку в Соединенных Штатах. В августе 1986 года телекомпания «Си-би-эс теливижн» (CBS Television) сообщила, что три старших офицера гвардии, связанные с правыми «эскадронами смерти», прошли обучение в полицейской академии в Финиксе (Phoenix), штат Аризона [42]. В 1984 году организация «Международная амнистия» (Amnesty International) сообщила:

Она получала «постоянно, часто ежедневно, отчеты, доказывающие ответственность службы безопасности и воинских частей Сальвадора за пытки, «исчезновения» и убийства гражданских лиц из всех слоев сальвадорского общества... В этих отчетах говорилось, что больных вытаскивали из кроватей или операционных, подвергали пыткам и убивали... Виды пыток, о которых сообщали пережившие арест и допрос, включали избиения, сексуальное насилие, использование химических веществ для дезориентации, имитацию казни и прожигание плоти серной кислотой» [43].

В свете вышеизложенных и многих других докладов подобного рода [44] можно сказать, что администрация Рейгана должна была проявить серьезный творческий подход, чтобы развеять сомнения Конгресса по поводу продолжения военной помощи правительству Сальвадора. Таким образом, в марте 1984 года администрация добавила требование на дополнительную военную помощь к законопроекту об отправке американских поставок продовольствия голодающим африканцам [45]. Несколько дней спустя она добавила требование о поддержке никарагуанских контрас к законопроекту об оказании экстренной помощи в расходах на топливо для малоимущих американцев, пострадавших от холодной зимы [46].

Казненные «эскадронами смерти», погибшие в военной резне, исчезнувшие — их число превысило десятки тысяч. Возможно, руки «эскадронов

смерти» дотянулись и до Соединенных Штатов. Во всяком случае, в 1987 году некоторым американцам и сальвадорцам, жившим в Лос-Анджелесе, работающим с беженцами и активно выступающим против американской военной помощи Сальвадору, угрожали смертью. Так, преподобному Луису Оливаресу (Luis Olivares), католическому священнику, чья церковь являлась частью движения «Убежище» (церковная и политическая кампания в начале 1980-х по предоставлению убежища беженцам из Центральной Америки. — Прим. ред.), было отправлено анонимное письмо с буквами «ЕМ», часто встречавшимися на дверях домов тех людей, которые были целями в Сальвадоре. Буквы означали Escuadron Muerto (эскадрон смерти) [47].

В июле 1987 года в Лос-Анджелесе, выйдя из офиса Комитета солидарности с народом Сальвадора (CISPES), была похищена гражданка Сальвадора Янира Кореа (Yanira Corea), получавшая до этого письма и телефонные звонки с угрозами. Двое мужчин, говорящие с акцентом, который она описала как сальвадорский, угрожая ножом, заставили ее сесть в фургон, где допросили относительно ее политической деятельности и ее коллег, порезали ей руки ножом, прижгли пальцы сигаретами и изнасиловали ее, в том числе палкой. Месяцем раньше она вместе со своим трехлетним сыном чудом избежала похищения. Другим активистам разбивали или портили машины [48].

На протяжении нескольких лет в годы правления Рейгана ФБР проводило общенациональное расследование деятельности организации CISPES. В течение этого периода некоторые из офисов организации были взломаны, но не было взято ничего ценного, только документы. «Сейчас очень важно сформулировать план атаки на CISPES», — гласит одно телетайпное сообщение ФБР, обнародованное позже [49].

Время от времени в 1980-е годы официальные лица Вашингтона выносили правительству Сальвадора предупреждения о необходимости улучшения статистических данных по правам человека или сообщали Конгрессу, что такие данные улучшились, или рассказывали миру, насколько хуже могли быть эти данные, если бы не американское влияние. Но чаще Соединенные Штаты по-прежнему продолжали наращивать все составляющие военных и военизованных сил, принимающих участие в злодеяниях. В 1984 году в интервью «Нью-Йорк таймс» полковник Роберто Эулалио Сантибанез (Roberto Eulalio Santibanez), ранее занимавший один из самых высоких постов в тайной полиции Сальвадора, подтвердил для тех, кто еще сомневался, что сеть «эскадронов смерти» была сформирована руководящими должностными лицами Сальвадора и по-прежнему ими контролировалась. Он также сообщил, что один из этих чиновников — полковник Николас Карранца (Nicolas Carranza), глава полиции казначейства, которая «уже давно считается наименее дисциплинированной и самой жестокой из сил безопасности Сальвадора», получал от ЦРУ выше 90 тысяч долларов в год в течение предыдущих пяти или шести лет. Несмотря на то, что некоторые члены полиции казначейства были связаны,

по данным администрации Рейгана, с деятельностью «эскадронов смерти», Соединенные Штаты продолжали их обучать и снабжать оборудованием [50].

Во время визита в Сан-Сальвадор в феврале 1989 года вице-президент США Дэн Куэйл (Dan Quayle) сказал армейским командирам, что убийства «эскадронов смерти» и другие нарушения прав человека военными должны прекратиться. Десять дней спустя обученный в США батальон «Атлакатль» (Atlacatl Batallion — считалось, что в нем постоянно находился инструктор из США) напал на партизанский полевой госпиталь. Погибли по меньшей мере десять человек, в том числе пять пациентов, врач и медсестра; кроме того, по крайней мере две женщины были изнасилованы, прежде чем их застрелили. Источники, близкие к сальвадорским военным, говорили потом, что предупреждение Куэйла не приняли всерьез, посчитав за риторику, направленную на Конгресс США и американскую общественность [51].

В октябре 1989 года бывший командос сальвадорской армии Сезар Вильман Хойя Мартинес (Cesar Vielman Joya Martinez) в интервью для вечерних новостей «Си-би-эс» рассказал, что он и другие члены его подразделения — разведывательной группы первой бригады армии — действовали как подпольный «эскадрон смерти», а два американских военных советника, входящие в подразделение, были осведомлены об убийствах, хотя и отказывались слушать детали. Он сообщил, что советники поставляли в его подразделение деньги, в частности на содержание двух гражданских автомобилей, используемых для операций «эскадронов смерти», и на явочную квартиру, служившую секретной базой для операций и используемую для хранения оружия. В последующих интервью американской прессе Хойя Мартинес заявил, что эти советники работали под именами Маурисио Торрес (Mauricio Torres) и Рауль Антонио Лазо (Raul Antonio Lazo). С апреля по июль 1989 года его подразделение совершило 74 убийства сальвадорских диссидентов, он лично участвовал в восьми убийствах с применением пыток. По поводу ноябрьских взрывов, повлекших за собой жертвы в диссидентских организациях Сальвадора (в юнион-холле и в организации матерей пропавших без вести), он добавил, что его подразделение прошло обучение взрывному делу у американских инструкторов. Конечно, посольство Сальвадора в Вашингтоне, отрицая любую причастность правительства к действиям «эскадронов смерти», тем не менее подтвердило, что «Хойя Мартинес был членом разведывательной группы Первой бригады армии» [52].

В июле 1990 года помощник конгрессмена Джозефа Мокли (Joseph Moakley, демократ от штата Массачусетс), председатель Speaker's Task Force (специальная группа, состоявшая из представителей американской законодательной власти. — Прим. ред.) в Сальвадоре, заявил: «Тот факт, что Хойя Мартинес находится в США с августа прошлого года, что его арестовали, что он давал все возможные интервью и никто из правительства не удосужился допросить его, кажется довольно странным — если, конечно, люди хотят найти ответы» [53].

12 июля 1990 года Хойя Мартинес был арестован за незаконный въезд в Соединенные Штаты после того, как был депортирован шесть лет назад.

После судебного процесса, в октябре 1992 года, было вынесено решение о его депортации в Сальвадор. Его сторонники в Соединенных Штатах выразили озабоченность по поводу его безопасности в Сальвадоре, на что официальный представитель Госдепартамента ответил с невозмутимым видом: Хойя Мартинес «признался в убийствах и пытках, и по отношению к жертвам было бы жестоко не судить его» [54].

Через несколько недель после того, как Хойя Мартинес стал известен общественности Соединенных Штатов, произошло одно из самых шокирующих злодействий этой войны. Шесть иезуитских священников из Университета Центральной Америки в Сан-Сальвадоре были хладнокровно расстреляны на территории кампуса вместе с домработницей и ее дочерью. Свидетель, которую убийцы не заметили, Лючия Баррера де Черна (Lucia Barrera de Cerna), показала, что видела, как пять вооруженных мужчин в форме совершили убийства. Сальвадорские вооруженные силы, которых Римский католический орден часто критиковал за нарушения прав человека, были непосредственными и логичными подозреваемыми. Из-за исключительно активного протesta против этого преступления в США и на международном уровне, включая создание Конгрессом специальной группы, два месяца спустя были арестованы девять офицеров и солдат из батальона «Атлакатль». Причем семь из них, как оказалось, всего лишь за два дня до убийства принимали участие в боевых учениях под руководством американских сил специального назначения («зеленых беретов») в Сальвадоре.

Прошло почти два года, прежде чем двух арестованных признали виновными в преступлении; это были два младших офицера, но их начальство — тех, кто отдавал приказ, — не тронули. Тем не менее в стране, где тысячи людей были убиты военными из «экадронов смерти», это было достижением, поскольку ни одно должностное лицо никогда раньше не судили, не говоря уже о вынесении приговора о виновности за убийство или другие нарушения прав человека. Сальвадорские военные были вынуждены провести суд над офицерами, потому что Конгресс США выдвинул требование — судебное преследование убийц являлось условием для продолжения оказания военной помощи.

В течение двухлетнего периода, а также после вынесения приговора официальные лица администрации Буша, похоже, пытались препятствовать ведению следствия и помочь в сокрытии улик следующими действиями:

- 1) грубо запугали свидетеля Черну и повесили на нее ярлык «лгунья»;
- 2) по соображениям национальной безопасности отказались предоставить сальвадорскому суду секретные документы, касающиеся дела; на тех же основаниях скрывали материалы независимых журналистов, несмотря на закон о свободе информации;
- 3) в течение длительного времени запрещали судье проводить в интересах следствия допросы майора армии США Эрика Бакленда (Eric Buckland), проходившего службу в Сальвадоре, который узнал о виновности сальвадорских вооруженных сил вскоре после убийств от сальвадорского полковника Кар-

лоса Авиакса (Carlos Aviks), а затем ввели для допроса Бакленда ряд условий, которые помогали скрыть большую часть его истории;

4) подвергли Бакленда таким ужасным допросам, что у него случился нервный срыв;

5) незамедлительно уведомили высшее сальвадорское командование о том, что это Авиакс рассказал обо всем Бакленду (что принесло Авиаксу большие неприятности).

В 1991 году отец Чарлз Берн (Charles Beirne), вице-ректор иезуитского университета, заявил, что «американцы все время помогали защищать верховное командование [сальвадорской армии]. Они боялись, что если расследование еще немного продвинется, весь их карточный домик рассыплется». Через год следователи из Организации Объединенных Наций по-прежнему жаловались, что Соединенные Штаты очень медленно передают жизненно важную информацию по этому делу [55].

Методы военных и политических кампаний партизан обычно резко контрастировали с правительственными кампаниями. Журнал «Ньюсвик» сообщает, что в 1983 году, когда мятежники «захватили город, они хорошо относились к гражданам, платили за еду и сводили разрушения к минимуму. Также они начали освобождать большую часть захваченных в плен правительственных войск, убеждая других солдат сдаваться, а не сражаться насмерть» [56]. Однако со временем партизаны стали относиться к гражданским более жестоко, в частности к лицам, подозреваемым в доносительстве или ином виде сотрудничества с правительством, и к тем, кто отказывался сотрудничать с повстанческими силами. Некоторых крестьян в качестве наказания вынудили покинуть свои деревни и фермы; несколько мэров деревень были убиты; молодых людей насильственно вербовали в повстанцы.

Однако, учитывая многочисленные случаи дезинформации о повстанцах, распространяемой правительством Сальвадора, к сообщениям о партизанской жестокости нужно подходить с осторожностью. Следующий случай весьма поучителен:

«В феврале 1988 года «Нью-Йорк таймс» сообщила: жители деревни говорят, что боевики публично казнили двух мужчин... потому что они подали заявку и получили новые регистрационные карточки избирателей. По словам односельчан, после казни партизаны вставили карточки избирателей [мужчинам] в рот — в качестве предупреждения, чтобы другие не принимали участия в выборах» [57].

Этот рассказ был включен в буклет Государственного департамента, чтобы выдвинуть на первый план «проводимую партизанами кампанию запугивания и терроризма». Буклет был отправлен в Конгресс США, редакторам газет и другим людям, влияющим на формирование общественного мнения. Но эта история, как оказалось, была придумана специалистом по пропаганде сальвадорской армии, который поместил ее в газете «Эль-Мундо» (El Mundo)

в Сан-Сальвадоре. Оттуда она и была взята корреспондентом «Нью-Йорк таймс», который создал впечатление, будто бы брал интервью у свидетелей инцидента, вместо того чтобы ссылаться на военных, как это сделала «Эль-Мундо». Позже в «Нью-Йорк таймс» отреклись от этой истории [58].

Внешние агитаторы

«Иногда я чувствую себя Сизифом, — сказал в марте 1982 года высокопоставленный представитель администрации Рейгана, отвечающий за развитие политики США в Латинской Америке. — Каждый раз, когда мы пытаемся объяснить или оправдать нашу политику, на нашу голову обрушивается шквал критики» [59].

Двумя неделями ранее государственный секретарь Александр Хейг (Alexander Haig) утверждал, что у Соединенных Штатов есть «ошеломляющие и неопровергимые» доказательства того, что повстанцы управляются извне. Однако Хейг отказался сообщить какие-либо подробности доказательств, говоря, что это может поставить под угрозу источники в разведке. Пытаясь доказать свои обвинения через два дня, он настаивал, что у Соединенных Штатов были «неоспоримые» доказательства никарагуанской и кубинской причастности к командованию и руководству операцией в Сальвадоре. За день до этого там был захвачен никарагуанский «солдат». Как выяснилось, согласно данным мексиканского посольства в Сан-Сальвадоре, этот человек был студентом, который возвращался в школу в Мексику из Никарагуа по суше, потому что не мог позволить себе билет на самолет [60].

На следующей неделе никарагуанец был захвачен, когда сражался вместе с партизанами. Он сказал американскому посольству и сальвадорским военным, что обучался на Кубе и в Эфиопии, а затем был послан в Сальвадор никарагуанским правительством. Государственный департамент был взволнован успехом. Молодой человек был представлен журналистам на пресс-конференции в Вашингтоне, где он, однако, заявил, что никогда не был ни на Кубе, ни в Эфиопии, присоединился к партизанам сам по себе, а предыдущее заявление сделал под пытками его сальвадорских похитителей. Он добавил, что никогда не видел других никарагуанцев или кубинцев в Сальвадоре и отрицал, что Никарагуа предоставляла помочь партизанам [61].

«Тогда было два перебежчика из никарагуанских военно-воздушных сил, — сообщает журнал «Тайм» в тот же период. — Планировалось, что они станут свидетелями причастности своей страны к событиям в Сальвадоре, но к концу недели они были признаны «не готовыми» предстать перед прессой». «Тайм» озаглавил свой рассказ так: «Много показухи, но нет фактов: так США доказывают наличие иностранной подрывной деятельности в Сальвадоре» [62].

В январе 1981 года американские дипломаты рассказали, что с использованием пяти лодок в Сальвадоре высадились «хорошо вооруженные и хорошо обученные партизаны», якобы из Никарагуа. Они знали, что лодки пришли из

Никарагуа, потому что «были сделаны из древесины, нетипичной для Сальвадора» [63]. Однако никаких признаков хоть одного из сотни захватчиков, живого или мертвого, найдено не было.

Казалось, «100» стало любимым числом администрации Рейгана. Таким, по словам старшего тактика Государственного департамента, было количество кубинских солдат, которые были отправлены в Сальвадор через Никарагуа осенью 1981 года. «Они были переправлены тайно и получили оперативные задания в Сальвадоре», — утверждал он [64]. Дальнейшее местонахождение и действия кубинцев так и остались загадкой.

Мир также узнал, что у повстанцев было изъято советское и китайское оружие, и это было названо еще одним доказательством коммунистической помощи [65]. Захваченное оружие, возможно, было реальным, хотя на складах ЦРУ уже давно было полно оружия советского блока всех видов и на все случаи жизни. Но что было делать с оружием США, Израиля, Бельгии и Германии, которое, по признанию Вашингтона, через месяц должны были также найти у повстанцев [66]? Мировой трафик оружия в действительности обширен и изменчив. В соседнем Гондурасе поддерживаемые США контрас использовали ракеты советского производства, чтобы сбивать советские же вертолеты в Никарагуа [67]. Кроме того, сальвадорские повстанцы захватили оружие у правительственные сил и утверждали, будто они также приобрели оружие у коррумпированных должностных лиц сальвадорской армии, что действительно является распространенной практикой партизанской войны в других странах Латинской Америки [68].

Источник, цитируемый «Нью-Йорк таймс», подтверждает заявления повстанцев: «Центральным элементом кампании администрации Рейгана в доказательстве международного заговора с целью свершения революции в Сальвадоре была «Белая книга», изданная через месяц после вступления Рейгана в должность и основанная на «захваченных партизанских документах», некоторые из них были включены в отчет». Среди различных анализов «Белой книги», ставящих под серьезные сомнения ее претензии на правдивость, был анализ Джонатана Квитни (Jonathan Kwitny) в «Уолл-стрит джорнал». Материал включал интервью с официальным представителем Государственного департамента Джоном Д. Глассманом (Jon D. Glassman), основным составителем «Белой книги». Согласно г-ну Глассману, часть статей данной книги были «вводящими в заблуждение» и «приукрашенными»... в них содержались «ошибки» и «предположения». Как считает «Уолл-стрит джорнал», «Внимательное прочтение... указывает, что г-н Глассман может преуменьшать содержание ошибок и предположений в «Белой книге».

Среди многих конкретных недостатков в документе, как отмечается в статье, был следующий:

«Статистика поставок оружия в Сальвадор, представленная как взятая непосредственно из документов, была экстраполяцией», — признает г-н Глассман. Экстраполяцией сомнительным способом, стоит добавить. Большая часть информации из «Белой книги» вообще не могла быть найдена в указанных источниках» [69].

Сомнению подвергалась не только точность изложения «Белой книги», но и подлинность самих документов, на которых она была основана. По этому поводу бывший посол США в Сальвадоре Роберт Уайт (Robert White), уволенный Рейганом из-за чрезмерной приверженности правам человека и реформам, прокомментировал: «Единственное, что заставляет меня думать, будто эти документы подлинные, так это то, что они так мало доказывают» [70].

Когда президента Дуарте попросили предоставить доказательства о вмешательстве Никарагуа, он отказался отвечать на том основании, что мир не поверит его словам в любом случае [71]. Зато президент Рейган мог предложить некоторые доказательства: он увидел дергавшую за веревочки руку иностранных кукловодов в том, что демонстранты в Канаде несли такие же плакаты, что и демонстранты в Соединенных Штатах: «США, вон из Сальвадора!» [72].

Но все это, по сути, не имело отношения к делу. Революции не экспортируются, как коробки с мылом. Мы видели, что тяжелые, не меняющиеся к лучшему обстоятельства в Сальвадоре, наконец вынудили людей взяться за оружие. Посол Уайт, не особо разбирающийся в причинах протеста повстанцев, отметил, что «в Сальвадоре сложилась революционная ситуация, потому что там была одна из самых эгоистичных олигархий в мире в сочетании с коррумпированными силами безопасности... Независимо от существования Кубы, в Сальвадоре все равно будет революционная ситуация» [73].

Перешедший в партизаны министр образования Сальвадор Самайоа (Salvador Samayoa), выступая в 1981 году, утверждал: американское обвинение в том, что партизанским движением руководил советский блок, «показывает глубокое невежество Вашингтона в отношении нашего движения». Он отметил, что три из пяти партизанских групп, которые составляли Фронт национального освобождения Фарабундо Марти (FMLN), были «сильно антисоветскими». Самайоа добавил: «Сказать, что мы подчиняемся Кубе, потому что у нас с ней есть отношения, это все равно что сказать, что мы христианское движение, потому что мы получили огромную помощь от церкви... Вместо того чтобы называть нас коммунистическими диверсантами, США должны увидеть в нас народ, борющийся за выживание» [74].

Несмотря на американские патрульные катера в заливе Фонсека, который отделяет Сальвадор от Никарагуа, несмотря на самолеты дальнего радиолокационного обнаружения AWACS в небе над Карибским морем и обилие аэрофотоснимков, несмотря на крупную американскую радарную установку в Гондурасе, укомплектованную 50 американскими военными техниками и лучшим электронным оборудованием слежения в мире, несмотря на всех информаторов, которых ЦРУ могло купить [75] — несмотря на все это, администрация Рейгана была не в состоянии доказать правоту своих заявлений о том, что пожар сальвадорской революции был разожжен никарагуанскими и кубинскими углами или Советским Союзом, Вьетнамом, Организацией освобождения Палестины, Эфиопией или любой другой страной, обвиненной когда-либо в поставках военной помощи.

В любом случае, объем военной помощи сальвадорским повстанцам, полученной из-за границы случайными перевозками по морю или грузовиками и всегда ограниченной ее подпольным характером, явно не принадлежит к тому уровню, на котором США осуществляли поставки сальвадорскому правительству — огромными транспортными самолетами и кораблями, загруженными до отказа многообразной американской помощью. Соединенные Штаты вели безжалостную войну против сальвадорской революции, угрожая худшим. В апреле 1991 года заявление сделал председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Колин Пауэлл: «В случае необходимости [гражданская война в Сальвадоре] может быть решена тем же путем, что и в Персидском заливе» [76].

В начале 1992 года, когда официальная комиссия Организации Объединенных Наций через полтора года усилий наконец уговорила противоборствующие стороны согласиться на прекращение огня и мирное соглашение, война подошла к концу. Крупное наступление, начатое партизанами в конце 1989 года, в ходе которого они перенесли военные действия в богатые столичные районы, где жили американцы, еще раз ясно дало понять Вашингтону и его союзникам в Сальвадоре, что в этой войне победителей быть не может. В феврале 1990 года генерал Максвелл Турман (Maxwell Thurman), глава Южного командования США, заявил Конгрессу, что правительство Сальвадора не в состоянии победить повстанцев, поэтому единственным путем к прекращению боевых действий были переговоры [77]. Кроме того, очевидный конец холодной войны подорвал ее обоснование Соединенными Штатами и, возможно, умерил их навязчивую идею нанести поражение «коммунизму» в Сальвадоре. В то же время Конгресс США все больше и больше, особенно после убийства иезуитских священников в ноябре 1989 года, уклонялся от продолжения военной помощи правительству Сальвадора.

Одним из многих положений плана мирного соглашения стало создание Комиссии ООН по установлению истины «в расследовании наиболее жестоких актов насилия, совершенных с 1980 года». В марте 1993 года комиссия представила свой доклад. Среди его результатов и выводов был следующий: вооруженные силы, поддерживаемые правительством и гражданскими учреждениями, явно были главными виновниками массовых убийств, казней, пыток и похищений людей во время гражданской войны. Ответственность за эти действия нельзя возложить на крайности войны — только на умышленное и идеологически вдохновленное решение убивать.

Комиссия призвала к увольнению более 40 высокопоставленных военных чиновников, в том числе министра обороны генерала Рене Эмилио Понсе (Rene Emilio Ponce), давнего фаворита официальных лиц США, — выяснилось, что это он отдал приказ, повлекший убийства священников, — и запрету для них занимать посты в военной сфере или сфере безопасности. Кроме того, им было запрещено принимать участие в общественной и политической жизни в течение десяти лет.

Увольнение и 10-летний запрет на политическую деятельность были также предписаны тем правительственные чиновникам и бюрократам, которые нарушали права человека или принимали участие в сокрытии таких нарушений. В их число вошел и председатель Верховного суда. Однако правые партии в сальвадорском Национальном собрании быстро протолкнули закон об амнистии, за исключением преследования за любые преступления, совершенные в течение войны.

Несколько лидеров левых были привлечены к ответственности за убийства 11 мэров во время войны.

Требовалось специальное исследование деятельности «эскадронов смерти». Эти отряды, говорилось в докладе Комиссии, «часто действовали при поддержке военных, влиятельных бизнесменов, землевладельцев и некоторых ведущих политиков». Мирные соглашения не положили этому конец: десятки лидеров и членов Фронта национального освобождения Фарабундо Марти, а также несколько правых, были убиты в 1992 и 1993 годах. В числе наиболее известных лидеров «эскадронов смерти» в докладе было указано имя Роберто д'Обюссона (Roberto d'Aubuisson), основателя националистического альянса республиканской партии «Арена» — партии нынешнего президента страны Альфредо Кристиани (Alfredo Cristiani). Доклад подтверждал, что д'Обюссон нанял снайпера для убийства архиепископа Ромеро.

Другими грехами, изложенными в докладе, были изнасилования и убийства трех американских монахинь и женщины-адвоката в 1980 году, убийство двух американских советников по проведению земельной реформы в 1981-м и убийство в 1982-м четырех голландских журналистов, чьи репортажи, очевидно, сочли симпатизирующими партизанам.

Комиссия не рассматривала американскую роль в злоупотреблениях и сокрытии военных преступлений. «Роль США в Сальвадоре — роль, более эффективно изученная американским Конгрессом», — сказал на пресс-конференции член комиссии, американский юрист Томас Бюргенталь (Thomas Buergenthal). Тем не менее Комиссия подвергла США жесткой критике за неспособность обуздить сальвадорских эмигрантов в Майами, которые «помогали управлять деятельностью «эскадронов смерти» в период между 1980 и 1983 годами при попустительстве со стороны правительства США. Такое использование американской территории для террористических актов за границей должно быть изучено и никогда не должно повториться» [78]. Надо сказать, что кубинские эмигранты, выступавшие против Фиделя Кастро, использовали Майами в качестве базы для терроризма за рубежом, а также в США, в течение 30 лет.

Члены Конгресса США, возмущенные выводами Комиссии по установлению истины, призвали к рассекречиванию документов Государственного департамента, министерства обороны и ЦРУ по Сальвадору, чтобы определить, действительно ли Рейган и Буш скрыли от Конгресса данные о распространенных нарушениях прав человека со стороны сальвадорских союзников.

«Он [отчет Комиссии] повторяет то, что многие из нас знали в течение 1980-х годов, — заявил конгрессмен Дэвид Оби (David Obey), — а именно то, что наше правительство бесстыдно лгало нам». Доклад доказывает, что администрация Рейгана была готова «лгать... и... утверждать что угодно... чтобы получить деньги, которые ей требовались» [79].

Действительно, многие из более чем 12 тысяч рассекреченных администрации Клинтона документов недвусмысленно подтвердили обвинение конгрессмена Оби. Другие документы показали, что к организации «эскадронов смерти» причастен и нынешний вице-президент Франсиско Мерино (Francisco Merino).

ЦРУ называет Роберто д'Обюссона «эгоцентричным, неосторожным и, возможно, психически неустойчивым»; он торговал наркотиками и занимался контрабандой оружия, его военизированное подразделение было ответственно за тысячи убийств; однако в 1983 году он и его советники были приглашены американским послом Дином Хинтоном (Deane Hinton) отобедать с Джин Киркпатриком (Jeane Kirkpatrick), представителем США в Организации Объединенных Наций. Шесть лет спустя, незадолго до того как ЦРУ сообщило, что сотрудники д'Обюссона, входившие в его внутренний круг, готовят заговор с целью убийства президента Кристиани, посол Уильям Уокер (William G. Walker) пригласил его в посольство на празднование Дня независимости [80].

Американские военные советники обучили и подготовили милицейскую вооруженную охрану примерно для 50 богатых сальвадорцев, якобы для того, чтобы они могли защитить свои роскошные дома от нападения повстанцев. Но фактически эта группа была связана с д'Обюссоном, и милиция служила лишь «прикрытием для вербовки, обучения и возможной отправки гражданских военизованных «эскадронов смерти». Посол Уокер остановил их обучение, как только узнал об этом, несмотря на протесты руководителя американской военной консультативной миссии. Другая записка, написанная чиновником министерства обороны, утверждала, что богатые сальвадорцы могли финансировать «эскадроны смерти», но на их руках крови нет [81].

20 марта 1994 года правящая партия «Аrena» и ее главный союзник одержали победу на выборах нового президента, членов Национального собрания и в сотнях муниципальных органов власти. За исключением нескольких реформ, затрагивающих гражданские свободы, значение которых еще предстоит выяснить, общество осталось, по существу, на том же самом месте, что и в 1980 году, когда война только началась и Хосе Наполеон Дуарте произнес: «В течение пятидесяти лет у тех же самых людей была вся власть, все деньги, все рабочие места, все образование». Теперь можно было бы сказать: «Вот уже более шестидесяти лет...».

Почему же большинство населения Сальвадора, большинство которого очень бедное, проголосовало за партии, тесно связанные не только с богатыми, но и с «эскадронами смерти»? Новый президент Армандо Кальдерон Сол (Armando Calderon Sol) имел давнюю тесную связь с крестным отцом

«эскадронов смерти» Роберто д'Обюссоном, чей большой портрет висел в его кабинете. Рассекреченные документы, упомянутые выше, подняли вопрос о непосредственной связи Кальдерона Сола с похищениями людей и группой молодых боевиков «Арены», которые бомбили министерство сельского хозяйства и сеяли хаос в начале 1980-х в попытке дестабилизировать правительство, чья новая аграрная реформа должна была отнять землю у богатых.

Сложные многомиллионные политические кампании «Арены» полагались на два вида страха: традиционный страх перед «коммунизмом», внущенный десятилетиями авторитарного правления, и воображаемую экономическую некомпетентность левых, которую демонстрировало сандинистское правительство в Никарагуа. Кроме того, игнорируя собственную бурную историю, «Арена» изображала левых как террористов, которые были ответственны за смерти и разрушения войны.

Насколько честным и справедливым было голосование? Были ли правые готовы положить конец полувековой политической изоляции левых? Вряд ли. Имея в своем распоряжении намного больше денег, чем оппоненты, партия власти «Арена» контролировала прессу в Сальвадоре в течение многих лет; здание ежедневной газеты «Диарио Латино» (*Diario Latino*), которая осмелилась проявить независимость, было взорвано [82]. Кроме того, состав руководящего выборами Верховного избирательного арбитража (Supreme Electoral Tribunal, TSE) был определен еще на выборах 1991 года, которые Фронт национального освобождения Фарабундо Марти (ФНОФМ) бойкотировал. Таким образом, в его состав входили люди из «Арены» и ни одного человека из Фронта национального освобождения.

Ход голосования также вызывал много вопросов. Так, большое количество избирателей, которые зарегистрировались для голосования, были не в состоянии проголосовать, поскольку не получили избирательных карточек. По словам наблюдателей Организации Объединенных Наций, с 1 февраля количество таких случаев составило более полумиллиона человек, то есть 20 процентов избирателей. После выборов Фронт национального освобождения подсчитал количество непроголосовавших — 340 тысяч человек. Еще 74 тысячам желающим проголосовать не позволили этого сделать, поскольку они не смогли предоставить свидетельство о рождении; часто это происходило потому, что записи местных отделений ЗАГС были уничтожены во время войны.

Многие избиратели с действующими карточками не проголосовали, потому что не могли добраться до удаленных избирательных участков. Транспортная проблема усугубилась, как сообщается, ухудшением работы автобусов компаний, принадлежащих сторонникам «Арены», а также контролируемому «Ареной» профсоюзу водителей автобусов. А те, кто все-таки добрался до избирательных участков, не смогли проголосовать, потому что их имена не значились в списках избирателей либо списки или имена были написаны неправильно: по данным ООН, насчитывалось, по крайней мере, 25 тысяч таких случаев; по данным Фронта национального освобождения, таких слу-

чаев было в несколько раз больше. Другие избиратели покинули участки, так и не опустив свои бюллетени в урну, поскольку не успели проголосовать из-за длинных очередей и чрезвычайно громоздкой и медлительной системы обработки данных.

Эти проблемы в первую очередь сказались на малоимущих, сельских жителях, малообразованных людях и тех, кто голосовал впервые, — то есть на основной массе избирателей Фронта национального освобождения.

По словам наблюдателей ООН, Верховный избирательный арбитраж отказался от международных консультаций, не захотел тратить деньги на доставку избирателей на избирательные участки и сделал голосование излишне сложным. «Ужасно неумелое руководство выборами подтвердило наши худшие ожидания, — сказал высокопоставленный чиновник ООН. — Перед голосованием повсеместно отсутствовало доверие избирателей, теперь ситуация стала гораздо хуже. [Верховный избирательный арбитраж] оказался полностью дискредитирован, и это бросило тень на выборы».

Во Фронте национального освобождения утверждали, что из-за подобных неувязок их партия потеряла места в нескольких муниципальных и законодательных органах; такое утверждение придавало правдоподобность заявлениям наблюдателей ООН о том, что тысячи людей были лишены карточек для голосования в 30 городах, где Фронт имел сильную поддержку избирателей. Партия оспорила результаты выборов в 37 городах и населенных пунктах, но Верховный избирательный арбитраж отклонил все претензии. Это решение Рафаэль Лопес Пинтор (Rafael Lopez Pintor), возглавлявший избирательный сектор ООН, назвал шокирующим. Команда наблюдателей, представляющих правительство США, также заявила, что результаты выборов являются «проблемными» и что «многие процедуры, признанные административно дефектными» в ходе предыдущих выборов, по-прежнему продолжают практиковаться.

В первые дни после голосования избирательная комиссия отложила оглашение официальных результатов. На третий день она внезапно заблокировала доступ партий к мониторам с компьютерными таблицами. Согласно Фронту национального освобождения, начальные таблицы показывали, что множество урн для избирательных бюллетеней содержало больше голосов, чем положено по юридическому максимуму (400), причем в некоторых из них в два-три раза. Они также утверждали, что в Сан-Мигеле (San Miguel), одном из крупнейших городов страны, группы боевиков «Арены» скрылись с 15 урнами.

Когда объявили результаты выборов президента, выяснилось, что «Арена» получила 641 тысячу голосов — 49 процентов от общего числа, в то время как демократическая коалиция, в которую вошел Фронт национального освобождения, — 326 тысяч голосов, или 25 процентов. Неспособность любой из сторон выиграть потребовала проведения через месяц второго тура выборов, на котором «Арена» получила уже 68 процентов голосов избирателей против 32 процентов у коалиции. Поскольку победитель второго тура был предрешен,

несомненно, что много бедных людей просто не голосовали, потому что не хотели проходить через большие неудобства и неопределенность во второй раз.

Кроме всего прочего, не исключалось и запугивание. По словам наблюдателей от Комитета солидарности с народом Сальвадора (CISPES):

«Тем временем армейские вертолеты летали на бреющем полете в городах, где оппозиция была сильна. Солдаты создавали контрольно-пропускные пункты и пулеметные гнезда в городах, и без того замученных армейской резней во время войны. Правительство сделало все возможное, чтобы посеять страх среди избирателей, и, должно быть, запугало множество избирателей, чтобы они остались дома».

Перед выборами некоторые работники были предупреждены, что если Фронт национального освобождения выиграет, полетят головы, и они будут уволены. Поскольку представитель избирательной комиссии отрывал от каждого бюллетеня уголок, содержащий такой же номер, как и избирательный бюллетень, избиратель видел, что кто-то мог сохранить этот номер и позже проверить, как он проголосовал.

«Лос-Анджелес таймс» сообщила историю о ведущем митинге, организованного «Ареной», на котором присутствовало множество крестьян, фермеров и рыночных торговцев:

«Все те, кто поддерживает «Арену», поднимите ваши шляпы! — просил толпу ведущий. Несколько человек подняли свои шляпы.

«Все те, кто поддерживает «Арену», поднимите ваши шляпы! — попробовал он еще раз. — Те, кто не поднимает шляпы, — terengos! — добавил он, употребив жаргонное обозначение слова «террористы», которое использовалось армией на протяжении всей жестокой гражданской войны в этой стране».

Многие люди сняли свои шляпы [83].

Но в интересах каких сальвадорцев «Арена» осталась у власти? Ради кого были убиты 75 тысяч гражданских лиц? Для кого американское казначейство опустело на шесть миллиардов долларов?

Вот два репортажа «Нью-Йорк таймс»:

«Смакуя канапе, которые разносила толпа официантов на вечеринке, одна из гостей сказала, что убеждена в том, что Бог создал два класса людей: богатых и тех, кто им служит. Она охарактеризовала себя как благотворительницу, позволяющую бедным работать в качестве ее слуг. «Это лучшее, что вы можете сделать», — сказала она.

Откровенность женщины была необычной, но ее взгляды разделяла значительная часть высшего общества Сальвадора.

Разделение между классами было настолько жестким, что даже к небольшим проявлениям доброты относились с подозрением. Когда американец, посетив магазин мороженого, сказал, что он делал покупки на день рождения ребенка своей горничной, другие посетители магазина сразу замолчали и стали смотреть на американца. Наконец, высказалась удивленная женщина из очереди. «Вы, должно быть, шутите», — сказала она.

Человек, уставший от этого и потому решивший уехать, дал газете «Таймс» свой комментарий: «Я не могу принять тот факт, что если вы родились здесь крестьянином, вы умрете крестьянином, и ваши дети будут крестьянами. Здесь не бывает так, что дети батраков пойдут в Гарвард и однажды станут управлять страной. Здесь нет видения современного общества» [84].

«После участия в десятилетней работе Вашингтона по подготовке и реформированию сальвадорской армии многие американские военные советники уехали, негодяя по поводу перемен в сальвадорском сопротивлении... Они говорили, что чувствуют манипуляции и предательство со стороны сальвадорских офицеров... Советники описали сальвадорских офицеров как заинтересованных в основном в накоплении богатства и власти, желающих лишить войска технических средств в собственных целях, а также тех, кто регулярно допускал убийства или жестокое обращение с заключенными... Но ни один нешел так далеко, чтобы сказать, что усилия по оказанию помощи вооруженным силам Сальвадора в их войне против левых повстанцев были напрасными. Они считали, что нарушения прав человека были бы хуже или что партизаны без их присутствия в Сальвадоре могли бы выиграть войну» [85].

«Таймс», видимо, не спросила советников, верят ли они, что правительство Соединенных Штатов было в некотором роде вынуждено принять чью-то сторону в гражданской войне. В противном случае, каков окончательный мотив правительства США? Если на то пошло, почему они не встали на сторону повстанцев? И насколько серьезно были бы нарушены права человека, если бы Вашингтон не поставлял вооруженным силам Сальвадора бесконечным потоком любые виды оружия, которое несло разрушение, боль и страдания огромному числу людей?

55. Гаити, 1986–1994

КТО ИЗБАВИТ МЕНЯ ОТ ЭТОГО БУЙНОГО СВЯЩЕНИКА?

Когда мне удается накормить бедных,
меня называют святым.
Когда я спрашиваю,
почему бедные люди голодают,
меня называют коммунистом.

Элдер Пессоа Камара (Dom Helder Camara)

Что делает правительство Соединенных Штатов, когда сталкивается с выбором между поддержкой: а) группы тоталитарных военных головорезов, виновных в убийстве тысяч людей, систематических пытках, широко распространенном насилии, оставляющих после себя на улицах изувеченные тела, и б) мирного священника, законно избранного на этот пост подавляющим большинством голосов, которого бандиты свергнут в результате государственного переворота?

Но что, если священник является левым?

Во времена диктатуры семьи Дювалье — сначала Франсуа Папа Док в 1957–1971 годах, а затем Жан-Клод Бэби Док в 1971–1986 годах — оба по жизненные президенты — Соединенные Штаты обучали и вооружали силы по борьбе с повстанцами на Гаити. При этом большая часть американской военной помощи в страну тайно переправлялась через Израиль, тем самым защищая Вашингтон от смущающих вопросов о поддержке жестоких режимов. После того как в феврале 1986 года Жан-Клод был вынужден покинуть страну, спасаясь во Францию на борту самолета ВВС США, Вашингтон возобновил открытую помощь. И в то время как несчастная толпа гаитян праздновала окончание трех десятилетий «дювальеризма», Соединенные Штаты были заняты сохранением этого режима под новыми именами.

Через три недели после бегства Жана-Клода США объявили о том, что они окажут Гаити помощь в размере 26,6 миллиона долларов США в качестве экономической и военной поддержки. В апреле было сообщено о том, что «еще 4 миллиона долларов будут направлены на обеспечение гаитянской армии грузовиками, средствами связи и на подготовку, чтобы армия могла перемещаться по стране и поддерживать порядок [1]. Поддержание порядка в Гаити означает внутренние репрессии и контроль. За 21 месяц между отречением Дювалье и очередными выборами в ноябре 1987 года, последовавшие гаитянские правительства успели уничтожить больше гражданских жертв, чем Бэби Доку удалось убить за 15 лет [2].

ЦРУ тем временем занималось организацией освобождения из тюрьмы и безопасной транспортировкой за границу двух своих агентов времен Дювалье — печально известных начальников полиции, тем самым спасая их от возможного смертного приговора за убийства и пытки и действуя вопреки страстному желанию общественности возмездия для своих бывших мучителей [3]. В сентябре лидер главного профсоюза Гаити Ив Ричард (Yves Richard) объявил, что Вашингтон работает над подрывом левых сил перед предстоящими выборами. Организации США, занимающиеся помощью, сказал он, поощряли людей в сельской местности идентифицировать и отклонять всех левых как «коммунистов» [4], хотя у страны явно была фундаментальная потребность в реформаторах и радикальных изменениях. Гаити был и остается самым крупным экономическим, медицинским, политическим, судебным, образовательным и экологическим инвалидом Западного полушария.

В это время Жан-Берtrand Аристид (Jean-Bertrand Aristide), харизматичный священник с массой последователей из беднейших трущоб Гаити, был единственным представителем церкви, выступавшим против репрессий Дювалье. Он осудил доминирование военных на выборах и призвал гаитян отказаться от всего процесса. Его деятельность заняла достаточно прочное место в предвыборной кампании, чтобы вызвать сильную антипатию со стороны официальных лиц США. Рональд Рейган, как позже писал Аристид, считал его коммунистом [5]. Заместитель госсекретаря по межамериканским делам Эллиот Абрамс (Elliott Abrams) счел необходимым атаковать Аристида во время предвыборной кампании, восхваляя действующее правительство Гаити в своем письме для журнала «Тайм» [6].

Католический священник в Гаити впервые получил известность как сторонник теологии освобождения, которая переплетала учение Христа с вдохновлением бедняков на организованность и сопротивление угнетению. На вопрос, почему ЦРУ стремилось противостоять идеям Аристида, высокопоставленный чиновник из комитета Сената по разведке заявил, что «сторонники теологии освобождения не слишком популярны в Управлении. Возможно, на втором месте после Ватикана по неприятию теологии освобождения стоит Лэнгли [штаб-квартира ЦРУ]».

Аристид призвал к бойкоту выборов, сказав: «Армия является нашим первым врагом». ЦРУ, с другой стороны, финансировало некоторых кандидатов.

Управление позднее настаивало, что целью программы финансирования было не противостояние Аристиду, а обеспечение «свободных и открытых выборов», где ЦРУ лишь помогало некоторым кандидатам, у которых не было достаточно суммы, и пыталось нейтрализовать попытки Аристида сократить явку, которая «уменьшила бы законность выборов». Неизвестно, кого из кандидатов финансировало ЦРУ и почему Управление или Государственный департамент, который, по сообщениям, выбрал кандидатов для поддержки, были обеспокоены такими целями в Гаити, когда та же самая избирательная ситуация постоянно происходит в Соединенных Штатах.

ЦРУ «оказывает меры поддержки ряду кандидатов», сказал сотрудник разведки, принимавший непосредственное активное участие в работе. Противодействие внушительной политической силе Аристида представляется единственным логическим объяснением участия ЦРУ, которое разрешили президент Рейган и Совет национальной безопасности США.

Когда комитет Сената по разведке потребовал доложить, что ЦРУ делает на Гаити и каких кандидатов он поддерживает, Управление воспротивилось. В конце концов, комитет Сената приказал прекратить тайные операции в ходе предвыборной кампании. Высокопоставленный источник в комитете сказал, что причина прекращения программы состоит в том, что «некоторые из нас верят в необходимость нейтралитета выборов» [7]. Тем не менее нельзя сказать с полной уверенностью, что программа была остановлена.

Выборы, намеченные на 29 ноября 1987 года, были отложены из-за насилия. На выборах в январе, кандидат, одобренный военным правительством, был объявлен победителем в голосовании, широко воспринято как сфальсифицированное; попытка ЦРУ повлиять на выборы — какими способами, неизвестно — оказалась неудачной [8].

Последовали более чем два года регулярного политического насилия, попыток переворота, репрессий, избавления от остатков диктатуры Дювалье и создания новой. В марте 1990 года новый военный диктатор генерал Пропстер Аврил (Prosper Avril) был вынужден ввиду широко распространенных протестов уйти с поста; на смену пришло некое гражданское правительство, но военные по-прежнему принимали все важные решения.

Соединенные Штаты не устраивал «хаос» в государстве-клиенте. Это плохо для контроля, это плохо для бизнеса, трудно предсказать, кто выйдет победителем — возможно, еще один Фидель Кастро. Опасность «массовых внутренних восстаний» побудила США информировать Жана-Клода Дювалье, что ему пора отправиться на французскую Ривьеру [9]. Подобная хаотическая ситуация принудила американского посла предложить Аврилу пойти на пенсию; транспортировка бравого генерала в место отдыха была любезно представлена Дядей Сэмом [10].

Далее посольство США в Порт-о-Пренс оказalo давление на офицерский корпус Гаити, чтобы провести новые выборы. Ни посольство, ни сам Аристид в то время не ожидали, что он станет кандидатом на выборах, намеченных на декабрь. К тому моменту с благословения Ватикана Аристид уже был изгнан

из религиозного ордена: он обвинялся, среди прочего, в «подстрекательстве к ненависти, насилию и прославлению классовой борьбы». Множество последователей и друзей Аристида не раз тщетно пытались уговорить его баллотироваться на пост. Теперь им это наконец удалось, и в октябре он стал кандидатом от коалиции реформистских партий и организаций [11].

Накануне выборов бывший посол США в ООН Эндрю Янг (Andrew Young) посетил Аристида и попросил его подписать письмо, согласно которому Аристид принимал Марка Базена (Marc Bazin) — кандидата, финансируемого и поддерживаемого США, — как президента, если Базен победит на выборах [12]. Янг объяснил опасения: если Аристид проиграет, его последователи выйдут на улицы и отклонят результаты. Янг сказал, что действует от имени своего наставника, бывшего президента Джимми Картера. Но, предположительно, Белый дом также поучаствовал в этом процессе, учитывая их озабоченность по поводу отсутствия контроля над Аристидом с его харизмой и потенциалом лидера.

Несмотря на то что кампания была омрачена террором и запугиваниями, почти тысяча наблюдателей ООН и Организации американских государств (ОАГ), а также необычно скрупулезный гаитянский генерал гарантировали, что голосование, в котором Аристид одержал победу с 67,5 процентами голосов, было относительно честным. «Люди выбрали его из 10 сравнительно буржуазных кандидатов, — пишет американский ученый из Гаити, который был международным наблюдателем на выборах, — из-за его откровенной и бескомпромиссной оппозиции к старому» [13]. Аристида также поддержали прогрессивные буржуазные элементы и более широкие народные массы.

Президент-священник вступил в должность в феврале 1991 года, после того как попытка государственного переворота против него в январе завершилась провалом. В июне в «Вашингтон пост» можно было прочитать:

«Провозгласив «политическую революцию», 37-летний Аристид вселяет дух надежды и честность в дела правительства — принципиально новый феномен после десятилетий официальной продажности в условиях диктатуры семьи Дювалье и ряда военных правителей. Заявив, что его ежемесячная зарплата в размере 10 тысяч долларов — это «не только скандал, но и преступление», Аристид объявил по телевидению, что он пожертвует зарплату на благотворительность» [14].

Католический священник уже давно и остро критиковал внешнюю политику США из-за поддержки Вашингтоном династии Дювалье и вооруженных сил Гаити. Он с подозрением относился к иностранной «помощи», которая целиком попадает в карманы богатых. «С 1980 года помошь достигла 200 миллионов долларов в год — и в те же десять лет доход на душу населения в стране сократился на 40 процентов!» [15]

Аристид не изложил конкретную экономическую программу, но четко выступал за перераспределение богатств, и говорил больше об экономической справедливости, чем о достоинствах рыночной системы. Позже он писал:

«Меня часто критикуют за отсутствие программы или, по крайней мере, за неточности в этом отношении. Было ли это из-за нехватки времени? Плохое оправдание... Фактически, у людей была своя собственная программа — достоинство, прозрачность, участие. Эти три идеи могли быть одинаково хорошо применены в политической, экономической и моральной сфере... Буржуазия должна быть в состоянии понять, что ее собственные интересы требовали некоторых уступок. Мы воссоздали 1789 год. Хотели ли они своим пассивным сопротивлением толкнуть голодных требовать более радикальных мер?» [16]

В отсутствии сильных левых традиций и с парламентом, у которого конституционно было больше власти, чем у президента, Аристиду не удалось провести ни одного закона. Он, однако, инициировал программы грамотности, здравоохранения и аграрной реформы, настаивал на увеличении дневной заработной платы, которая часто была меньше трех долларов, замораживании цен на основные товары и услуги и на введении программы общественных работ для создания рабочих мест. Аристид усилил ощущение безопасности среди населения, арестовав ряд ключевых головорезов из военизованных группировок, и запустил процесс по устранению института земских начальников, шерифов, — основной инструмент неограниченного контроля над жизнями крестьян в руках военных.

Не будучи бескомпромиссным пламенным революционером, как многие от него ожидали, Аристид нередко возмущал своих противников из богатого бизнеса, парламента, армии, критикуя их коррумпированность. Военные были особенно раздосадованы его политикой по борьбе с контрабандой и незаконным оборотом наркотиков, а также его попыткой деполитизировать их. Что касается богатых гражданских лиц — или, как их любовно называют, «морально отталкивающей элиты», — они не очень заботились о программе Аристида, согласно которой должны были заплатить налоги и поделиться своим богатством, создавая рабочие места и инвестируя прибыль в стране, а не за границей. Они были и остались раздраженными этим маленьkim священником с его святостью и его любовью к (фу!) бедным.

Тем не менее на практике правительство Аристида не было против бизнеса, и он приложил усилия, чтобы сделать шаг навстречу американским официальным лицам, иностранным капиталистам и некоторым элементам вооруженных сил Гаити. Он также сократил около 2000 государственных служащих, что очень понравилось Международному валютному фонду и другим иностранным спонсорам; но сократил он те посты, которые считал бесполезными и коррумпированными [17].

Жан-Берtrand Аристид пробыл на посту президента Гаити менее восьми месяцев и был свергнут 29 сентября 1991 года в результате военного переворота; было убито много сотен его сторонников, и еще тысячи бежали в Доминиканскую Республику. Хрупкого телосложения гаитянский президент, который в предыдущие несколько лет пережил ряд серьезных попыток убийства и поджог

его церкви — когда он находился внутри и читал проповедь, был спасен в этот раз в значительной степени благодаря вмешательству французского посла.

Только Ватикан признал новое военное правительство, хотя, конечно, переворот был поддержан богатой элитой. Они «нам очень помогли», — сказал новый начальник полиции страны и главный заговорщик Джозеф Мишель Франсуа (Joseph Michel Francois), — потому что мы спасли их» [18].

Нет доказательств прямой причастности США к перевороту, хотя, как мы увидим, ЦРУ обеспечивало финансирование и подготовку всех важных элементов нового военного режима. Гаитянский чиновник, поддержавший переворот, сообщил, что в момент переворота американские офицеры разведки находились в генштабе; это было «нормально», добавил он, — ЦРУ и РУМО (Разведывательное управление Министерства обороны США, Defense Intelligence Agency) всегда присутствовали там [19].

Мы видели в Никарагуа, как Национальный фонд в поддержку демократии (НФД, National Endowment for Democracy, NED), созданный для открытых действий, более «достойных» в сравнении с тем, что ЦРУ имело обыкновение делать втайне, — вмешался в избирательный процесс 1990 года. Параллельно, НФД работал в Гаити вместе с Агентством США по международному развитию (USAID), что принесло 189 тысяч долларов нескольким гражданским группам, в число которых входил Центр по защите прав и свобод Гаити (Haitian Center for the Defense of Rights and Freedom) во главе с Жан-Жаком Онора (Jean-Jacques Honora). Вскоре после изгнания Аристида, Онора стал премьер-министром в правительстве, пришедшем к власти после переворота. В 1993 году в интервью Канадской радиовещательной компании, он заявил, что «переворот был оправдан необходимостью защиты прав человека». На вопрос, что сделал он сам, премьер-министр, чтобы остановить массовые нарушения прав человека, которые последовали за свержением, Онора ответил: «У меня нет материалов с собой».

В предшествующие перевороту годы НФД вложил более 500 тысяч долларов в Гаитянский институт исследований и развития (Haitian Institute for Research and Development, IHRED). Эта организация сыграла одиозную роль на выборах 1990 года, когда она в союзе со ставленником США Марком Базеном, бывшим руководителем Всемирного банка, помогла ему создать свою коалицию (таким же образом НФД сыграла важную роль в Никарагуа в создании коалиции, которая победила сандинистов в начале года). IHRED возглавлял Леопольд Берленджер (Leopold Berlanger), который в 1993 году поддержал фиктивные выборы хунты, нацеленные на утверждение в должности премьер-министра Базена, преемника Оноре и политического соратника Берлендера.

Другим адресатом помощи НФД было радио «Солей» (Soleil), которым управляла Католическая церковь — в стиле, не вызывающем недовольства диктатуры. Во время путча 1991 года, по словам руководителя радиостанции преподобного Хьюго Триеста (Hugo Triest), они отказались передавать в эфир выступление Аристида.

НФД потратил финансы американского казначейства также на гранты для Федерации профсоюзных рабочих (*Fédération des Ouvriers Syndiqués*), основанной в 1984 году с одобрения Дювалье, так чтобы Гаити, где ранее препятствовали деятельности профсоюзов, смогло претендовать на пакет экономической помощи в рамках американской программы Инициативы стран Карибского бассейна (*Caribbean Basin Initiative*) [20].

Но, несмотря на свое название и непрестанную риторику, Национальный фонд в поддержку демократии не дал ни доллара ни одной из низовых организаций, которые в конечном итоге объединились в коалицию Аристида.

В течение недели после свержения Аристида, администрация Буша начала дистанцироваться от него, сообщала «Нью-Йорк таймс», «отказавшись заявить, что его возвращение к власти является необходимым предварительным условием для того, чтобы в Вашингтоне считали, что демократия в Гаити была восстановлена». Обоснованием такого отношения было то, что отчет о защите прав человека Аристида был сомнителен, так как некоторые руководители предприятий, законодатели и другие противники обвинили его в использовании народных масс, чтобы запугать их и заставить молчаливо потерпевшие насилию [21]. Некоторые гаитянские бедняки действительно устраивали акты насилия и поджогов против богатых, но в этом лишь с натяжкой можно было обвинить Аристида: эти люди были разгневаны и шли мстить своим угнетателям за долгую жизнь в условиях крайнего притеснения — месть, которой они давно ждали.

Через год, по мнению редакторского совета издания «Бостон глобус» (*The Boston Globe*), «презрение Администрации Буша к гаитянской демократии было вызывающим... отказываясь признать резню, имеющую место в Гаити, правительство почти даровало свое благословение путчистам».

Двумя месяцами ранее в выступлении перед Конгрессом ведущий аналитик ЦРУ по латиноамериканским делам Брайан Лателл (*Brian Latell*) описал лидера переворота генерал-лейтенанта Рауля Седра (*Raoul Cédras*) как одного из «самых перспективных гаитянских лидеров с того момента, как семья Дювалье была свергнута в 1986 году». Он также сообщил, что «не видел доказательств репрессий» в Гаити [22].

Тем не менее в ежегодном отчете Государственного департамента по правам человека в том же году было сказано:

«На протяжении всего 1992 года гаитяне часто сталкивались с нарушениями прав человека, включая внесудебные убийства силами безопасности, исчезновения, избиения и другие издевательства над задержанными и заключенными, произвольные аресты и задержания, и вмешательство исполнительной власти в судебный процесс» [23].

Через год после переворота репортаж «Нью-Йорк таймс» о текущей ситуации был удивительно прямолинейным:

«Вскоре после свержения — когда государственный секретарь Джеймс Бейкер повторил знаменитое заявление президента Буша об Ираке «эта агрессия не устоит» — американские силовые ведомства уделили мало внимания поддержке американских принципов в Гаити... Недавно советник [правительства переворота] повторил давнюю жалобу Аристида — «все это бы решил один телефонный звонок» из Вашингтона, чтобы успокоить руководство армии... Сторонники и противники отца Аристида согласились, что нет ничего более угрожающего, чем проходившееся и неэффективное эмбарго, быстро наложенное... Несмотря на большое количество крови на руках армии, американские дипломаты считают это жизненно важным противовесом отцу Аристиду, риторика классовой борьбы которого... угрожала или противодействовала традиционным центрам власти дома и за границей» [25].

В течение этого периода гаитянские подпольные газеты сообщали о многократныхочных посадках самолетов ВВС США в Порт-о-Пренс. Имел ли это отношение к нарушению эмбарго, никогда не станет известно. Когда об этом спросили официального посла США, он ответил, что полеты были «обычными» [26].

Клиенты ЦРУ

I. С середины 1980-х годов, по крайней мере до переворота 1991 года, ключевые члены военного и политического руководства на Гаити получали заработную плату от ЦРУ. Эти платежи чиновники и конгрессмены Вашингтона защищали от Комитета палаты по расследованиям, объясняя как нормальную и необходимую работу по сбору информации в иностранном государстве [27]. Этот аргумент, который ЦРУ часто использует для защиты от обвинений во взяточничестве, игнорирует простую реальность (неоднократно иллюстрируемую в этой книге): подкуп приносит больше, чем информацию — он приносит влияние и контроль. И глядя на уровень жестокости и антидемократии гаитянских вооруженных сил в период активного подкупа, нужно задаться вопросом: каково было влияние ЦРУ? Что защитники взяток сказали бы, если кто-то из американских конгрессменов или высокопоставленных чиновников Белого дома в годы холодной войны получал деньги от КГБ? Даже после предполагаемого окончания холодной войны, реакция на раскрытие «советского крота» в недрах ЦРУ Олдрича Эймса была вполне живая и энергичная. Хотя он всего лишь принимал деньги от КГБ за информацию. Как бы то ни было, деньги, заплаченные ЦРУ этим людям были, очевидно, доступны для финансирования их кровавых целей. Когда Каддафи в Ливии сделал то же самое, его называли «поддерживающим терроризм».

Содержала ли информация, переданная ЦРУ руководству Гаити, предупреждение о перевороте? Никаких доказательств этого не появилось, но

четыре десятилетия известного поведения ЦРУ делают это в высшей степени вероятным. И если так, сделало ли Управление что-нибудь, чтобы остановить это? Как ЦРУ использовало свою информацию о наркоторговле с участием гаитянских власть имущих, включая Бэби Дока? [28]

II. В 1986 году ЦРУ создало новую организацию, Службу национальной разведки (CNR, National Intelligence Service). Эта группа была укомплектована исключительно офицерами гаитянской армии, которая имела устойчивую репутацию непрофессиональной с заметной тенденцией к коррупции. CNR якобы была создана для борьбы с торговлей кокаином, хотя сотрудники CNR сами занимались этой самой торговлей при содействии некоторых гаитянских чиновников, получавших зарплату также и от Управления.

CNR служила инструментом политического террора, преследования и пыток сторонников Аристида и других «диверсантов», используя полученные от ЦРУ навыки и оборудование — точно так же, как все спецслужбы, созданные ЦРУ в других странах мира, в том числе в Греции, Южной Корее, Иране и Уругвае. И создана она была с той же целью: дать Управлениюенным образом обученный, оснащенный и верный инструмент контроля над страной. CNR получала оборудование, учебную и финансовую поддержку на сумму в полмилиона-миллион долларов в год — в те же годы Конгресс отказывал в 1,5 миллиона долларов на финансирование гаитянских вооруженных сил из-за нарушений ими прав человека.

Аристид безуспешно пытался добиться закрытия Службы национальной разведки. ЦРУ обещало, что Соединенные Штаты будут следить за тем, чтобы организация была реформирована, но ее деятельность, вне всяких сомнений, продолжилась. Затем произошел переворот. После этого американские чиновники сообщали, что ЦРУ прекратило связь с CNR, но в 1992 году в документе Управления США по борьбе с наркотиками служба была упомянута в настоящем времени как «блок скрытой разведки по борьбе с наркотиками, который часто работает в унисон с ЦРУ». В сентябре того же года работа по борьбе с наркотиками на Гаити привела к аресту офицера CNR, обвиненному властями Гаити в наркоторговле [29].

III. Среди наиболее злостных нарушителей прав человека на Гаити был Фронт продвижения и прогресса Гаити (The Front for the Advancement and Progress of Haiti, FRAPH), являвшийся на самом деле прикрытием для армии. Военизированные группы сеяли глубокий страх среди народа Гаити — регулярными убийствами, избиениями людей, рейдами с поджогами в беднейших кварталах и применением мачете. Лидер FRAPH Эммануэль Констант (Emmanuel Constant) состоял на зарплате у ЦРУ с начала 1992 года; по словам Управления, эти отношения закончились в середине 1994 года. Так или иначе, к октябрю посольство США на Гаити открыто признало, что Констант, ставший теперь убежденным демократом, получал зарплату *у них*.

Лидер FRAPH рассказывал, что вскоре после свержения Аристида офицер Разведывательного управления Министерства обороны США полковник Патрик Коллинз (Patrick Collins) заставил его организовать структуру-прикрытие, чтобы противодействовать успехам Аристида и вести разведывательную работу против него. В результате, Констант создал то, что в августе 1993 года превратилось во FRAPH. Члены FRAPH работали — и, возможно, работают до сих пор — в двух учреждениях социального обслуживания, финансируемых Агентством США по международному развитию (USAID), одно из которых ведет конфиденциальные досье на движения бедноты в Гаити.

Констант — который подробно рассказывал о том, что он был приглашен на инаугурацию Клинтона и сопутствующие балы, — был организатором толпы на пристани, которая атаковала 11 октября 1993 года судно с американскими военнослужащими на борту, прибывшими для переподготовки вооруженных сил Гаити в соответствии с соглашением ООН (см. ниже). В то время Констант работал на ЦРУ. Неужели Вашингтон действительно хотел бросить вызов военному правительству Гаити? Или только подавал вид, что сделает это? Этот инцидент, возможно, был с двойным дном. На самом деле Констант заранее проинформировал Соединенные Штаты о грядущем мероприятии, а затем отправился на радио, чтобы призвать всех «патриотов Гаити» присоединиться к массовой демонстрации в порту. Соединенные Штаты ничего не сделали ни до, ни после этого, но разрешили своему кораблю уплыть, поджав хвост [30].

Летом 1993 года организованные ООН переговоры на Губернаторском острове в Нью-Йорке между Аристидом, живущим в изгнании в Вашингтоне, и гаитянским военным правительством привели к соглашению, что лидер хунты генерал Седра уйдет в отставку 15 октября и позволит Аристиду вернуться на Гаити в качестве президента 30 октября. Но даты приходили и уходили, а военные не выполняли своих обещаний, тем временем продолжая нападения на сторонников Аристида: сентябрьское убийство известного доверенного лица Аристида, которого вытащили из церкви и расстреляли на глазах у чиновников ООН, а также убийство спустя месяц Ги Малари, министра юстиции при Аристиде, и многие другие случаи.

Довольная своим «внешнеполитическим успехом» в обеспечении соглашения в Нью-Йорке администрация Клинтона, казалось бы, была готова терпеть любые бесчинства.

Но советник Седра впоследствии заявил, что когда военные согласились на переговоры, «все это было дымовой завесой. Мы хотели, чтобы санкции были отменены... Но мы никогда не собирались действительно согласиться с решениями, принятыми на Губернаторским острове, что, я уверен, каждый теперь уяснил для себя. Мы тянули время».

Аристиду никогда не нравился план ООН, который предусматривал амнистию для участников переворота против него. Он заявил, что Соединенные Штаты оказывали на него давление, чтобы он его подписал [31].

Выступая перед конгрессменами в начале октября, сотрудник ЦРУ Брайан Лателл — который ранее высоко оценивал Седра и его правление — охарактеризовал Аристида как психически неуравновешенного. Было ли это связано с полученной ЦРУ информацией от агентов в гаитянских вооруженных силах? Во время избирательной кампании недоброжелатели Аристида на Гаити на самом деле распространяли слух, что он был психически болен [32]. Лателл также свидетельствовал, что Аристид «уделяет мало внимания принципам демократии», призывая сторонников к убийству своих противников путем necklacing, когда пропитанную бензином покрышку надевали на шею жертвы и поджигали. Ни Лателл, ни кто-либо другой не предоставил никаких доказательств участия Аристида в такой явной провокации. Хотя это не означает, что necklacing не использовался как акт отмщения гаитянскими массами, как это было в 1986 году после свержения Дювалье.

В то же время, конгрессмены оперировали документом, в котором якобы описывалась история болезни Аристида: он лечился в психиатрической больнице в Канаде в 1980 году, где ему был поставлен диагноз «маниакально-депрессивный психоз» и предписаны большие дозы нейролептиков. Это сообщение было описано в средствах массовой информации, как исходящее от ЦРУ, но даже Управление отрицало его подлинность, отмечая, что видело документ прежде и пришло к выводу, что это частичная или полная подделка. Но ЦРУ добавило, что по-прежнему считает верным свой психологический портрет Аристида 1992 года, в котором заключалось, что свергнутый президент, возможно, был психически неустойчив.

Претензии были отклонены Аристидом и его пресс-секретарем, а независимые проверки больницы в Канаде не выявили записей о том, что он был там пациентом. Тем не менее у противников Аристида в Конгрессе теперь появилось основание пытаться ограничить степень его поддержки со стороны США, и некоторые из них утверждали, что Соединенные Штаты не должны втянуть себя в гаитянские авантюры от имени таких лидеров [33].

«Он [Лателл] представил самое примитивное, одномерное сообщение, которое мог, — он убийца и психопат», — сказал представитель администрации, знакомый с докладом Лателла об Аристиде [34]. В 1960 году правительство Эйзенхауэра расценило поведение другого темнокожего иностранного лидера, не продавшегося Pax Americana, — Патриса Лумумбы — как «неустойчивое», «иррациональное, почти психотическое» [35]. Оппоненты Нельсона Мандэлы часто описывали его аналогичным образом. Некоторые из выдвигавших такие обвинения, возможно, действительно верили, что намеренное отрицание установленного США порядка является признаком безумия.

Хунта, обеспокоенная тем, что президент Клинтон может приказать начать военные действия против Гаити, была довольна докладом об Аристиде. Пресс-секретарь отметил: «После того как от наших друзей в ЦРУ появилась информация об Аристиде и Конгресс начал говорить о том, каким плохим он был, мы полагали, что риск вторжения исчез» [36].

Хотя администрация Клинтона публично отвергла утверждения о психическом нездоровье Аристида в недвусмысленных выражениях, она тем не менее продолжала вести переговоры с гаитянскими военными — политика, которая ошеломила сторонников католического священника. «Видимо, — поражался Роберт Уайт (Robert White), бывший посол США в Сальвадоре и добровольный советник Аристида, — ничто не поколеблет трогательную веру, которую правительство Клинтона питает в отношении честности гаитянских вооруженных сил».

Сторонники Аристида утверждали, что такая вера — отражение долгих отношений между американскими военными и высшим командованием Гаити, Седра и Франсуа, начальником полиции: оба прошли военную подготовку в Соединенных Штатах. Журнал «Тайм» предположил, что «позиция США в отношении некоторых приспешников в Гаити не так враждебна, как указывает американская риторика» [37].

Это отношение было прокомментировано Комитетом юристов по правам человека (Lawyers Committee for Human Rights):

«Столкнувшись с разговорами [Аристида] о радикальной реформе, сработал старый и закоренелый американский инстинкт. Повторившийся в бесчисленных странах во время и после окончания холодной войны, он заключается в следующем: если вы сомневаетесь, рассчитывайте на вооруженные силы как на единственную институциональную гарантию стабильности и порядка» [38].

Действительно, Рейган и Буш смотрели на армию как на пример этих качеств, несколько раз похвалив искреннюю приверженность гаитянской армии к демократии [39].

Правительство Клинтона было столь же лицемерно по вопросу о Гаити, как и его предшественники. Это иллюстрирует его выбор на пост министра торговли Рона Брауна (Ron Brown), высоко оплачиваемого и чрезвычайно активного лоббиста Бэби-Дока Дювалье [40]. Ложь Седраса «с пеной у рта» во время соглашений на Губернаторском острове, казалось, обеспокоила washingtonских чиновников намного меньше, чем несогласие Аристида сформировать совместное правительство с вооруженными силами [41]. К февралю 1994 года не было секретом, что Вашингтон собирался избавиться от Аристида. «Лос-Анджелес тайм» сообщила: «Официально [США] поддерживает восстановление Аристида. Конфиденциально, однако, многие чиновники говорят, что Аристид ... является настолько политически радикальным, что вооруженные силы и финансовая элита острова никогда не позволят ему вернуться к власти» [42].

Идеологические, если не эмоциональные, антипатии высших должностных лиц washingtonской администрации к политике Аристида не уступали таким антипатиям правящего класса страны. Кроме того, главная причина некоторой немилости Вашингтона по отношению к гаитянским военным имела мало общего с их злостными нарушениями прав человека. Это было

скорее связано с тем, что репрессии на Гаити побуждали десятки тысяч людей становиться беженцами, вызывая у Соединенных Штатов серьезную головную боль и проблемы с имиджем в странах Карибского бассейна и во Флориде, а также стоили сотни миллионов долларов.

Пропасть между администрацией и Аристидом расширилась еще больше, когда государственный секретарь Уоррен Кристофер (Warren Christopher) заявил, что группа гаитянских парламентариев, которых он назвал «центристами», выдвинула план, включавший амнистию офицеров — участников государственного переворота, и предлагал Аристиду назначить премьер-министра, который, в свою очередь, создаст кабинет, приемлемый для внутренних врагов Аристида. Эти шаги, согласно плану, создадут коалиционное правительство и расчистят путь для возвращения Аристида на пост.

Аристид, с которым не консультировались вообще, категорически отклонил это предложение: план позволял злодеям избежать наказания, не упоминал о дате его восстановления на посту, не содержал гарантий, что он когда-либо будет в состоянии вернуться к власти вообще. В конечном итоге у него могли потребовать, чтобы он разделил власть с политически несовместимым премьер-министром и другими членами правительства подобного рода.

Кристофер добавил, что любое укрепление эмбарго в отношении Гаити будет зависеть от принятия плана Аристидом. Соединенные Штаты, по его словам, не желали жестких санкций, поскольку они усилият страдания Гаити [43]. В то же время главный эксперт Государственного департамента по Гаити Майкл Козак (Michael Kozak) обвинил «экстремистов с обеих сторон» в срыве плана. Но, по словам гаитянского сторонника Аристида, этот план «создавал моральную равнозначность Аристида и военных. Этот план уравновешивал Аристида и убийц» [44].

Администрация Буша, используя ООН, а также Организацию американских государств, давила подобными предложениями и ультиматумами на Аристида несколько раз. Его отказ принять их вызвал его классификацию как «непримиримого» среди некоторых чиновников и СМИ [45].

Отклонение плана Аристидом, можно лучше понять, если сравнить, настаивал бы Вашингтон, чтобы кубинские изгнанники в Майами для возвращения на Кубу согласились на коалиционное правительство с Кастро или чтобы иракские изгнанники жили с Саддамом Хуссейном. Настойчивое требование Буша и Клинтона создания правительства «национального согласия» от Аристида тем более саркастично, что в окружении американских лидеров невозможно найти открытого лево-либерала, а тем более левого либо социалиста или даже просто подлинного либерала. Серьезные страдания кубинцев от американского эмбарго также не оказали никакого значимого эффекта на политику администраций США.

Вскоре был разработан план, маркированный как «двухпартийная гаитянская законодательная инициатива», фактически возникший из докладной записки Государственного департамента; хуже того, гаитянских вклад в него

исходил от сторонников свержения Аристида, в том числе лично от начальника полиции Франсуа [46].

Еще одним симптомом отчуждения администрации от Аристида был апрельский отчет посольства США на Гаити в Государственный департамент. Признавая широко распространенные и серьезные нарушения прав человека со стороны военного режима, докладе утверждал, что Аристид «и его последователи постоянно манипулировали и даже сделали нарушения прав человека инструментом пропаганды». Лагерь Аристида был описан как «жестко идеологический» [47].

Либералы Конгресса, в частности группы чернокожих конгрессменов, были возмущены. В разгар их растущей критики и давления специальный посланник Государственного департамента на Гаити Лоренс Пеззулло (Lawrence Pezzullo), к этому времени открыто описываемый как автор «законодательного» плана, подал в отставку. Неделю спустя несколько конгрессменов были арестованы на акции протesta у Белого дома, что получило широкое освещение в СМИ.

К началу мая под давлением Конгресса «большой план для Гаити» был дискредитирован и заброшен. Учитывая, что санкции стали международной дурной шуткой и беженцев по-прежнему выбрасывало на берега Флориды и на базу Гуантанамо на Кубе, администрация Клинтона была вынуждена прийти к выводу, что, хотя они по-прежнему не любят этого Жана-Бертрана Аристида с его нецентристскими мыслями, они не в состоянии создать что-либо приличное без его возвращения на пост президента. Билл Клинтон загнал себя в угол. Во время избирательной кампании в 1992 году он осудил политику Буша по возвращению беженцев в Гаити, назвав ее «жестокой». «Моя администрация, — заявил он, — будет выступать за демократию» [48]. С этого времени слово «Гаити» не могло быть произнесено без сопровождения по меньшей мере тремя фразами о «демократии».

Что-то нужно было сделать, иначе еще один «внешнеполитический провал» был бы добавлен к списку, на который республиканцы пускали слюни в этот год выборов. Но что? В течение следующих четырех месяцев, мир слышал непрерывные расшаркивания и постоянные перемены позиций по беженцам, по санкциям, по тому, за сколько времени хунта должна собраться и уехать (целых шесть месяцев), какое наказание или амнистия должны были последовать за убийства, совершенные вооруженными силами и полицией, вторгнутся ли США. «На сей раз мы имеем в виду это»; «теперь, мы *действительно* подразумеваем это»; «наше терпение закончилось»; на третий раз «мы не будем исключать группу войск»; в пятый раз... хунту все это не пугало.

Между тем группа по правам человека Организации американских государств обвинила режим Гаити в «систематической кампании убийств, насилия, похищений, задержаний и пыток, чтобы терроризировать гаитян, которые хотят возврата к демократии и президента Жана-Бертрана Аристида»; организация «Международная амнистия» сообщала о том же [49].

Время шло, и каждый день означал меньше времени для правления Аристида на Гаити. Он уже потерял почти три из пяти лет своего срока, отслужив восемь месяцев.

К лету Билл Клинтон отчаянно хотел выгнать хунту из власти, не прибегая к тернистому процессу одобрения Конгресса, без американского вторжения, без любых американских жертв, без того чтобы идти на войну от имени социалистического священника. Если сердце Вашингтона действительно было настроено на возвращение к власти священика Жана-Бертрана Аристида, то ЦРУ, возможно, было бы предписано дестабилизировать гаитянское правительство все время в течение предыдущих трех лет, используя оправдавшие доверие взяточничество, шантаж, подделку документов, дезинформацию, слухи, паранойю, оружие, наемников, убийства, экономическое удушение, свои молниеносные подразделения, воздушные налеты тут и там — в общем, нужное количество террора для нужных людей в нужное время. Управление делало так с намного более сильными и более устойчивыми правительствами — правительствами с гораздо более активной общественной поддержкой, как Иран и Гватемала, Эквадор и Бразилия, Гана и Чили.

Многое из необходимой инфраструктуры уже было заложено в Гаити, начиная с собственного детища ЦРУ Национальной разведывательной службы, а также широкой сети осведомителей и проплаченных агентов в других силовых ведомствах, вроде FRAPH, и свои надежные военные [50]. Офицеры разведки США даже провели полную инвентаризацию гаитянского вооружения [51].

Отказ Клинтона использовать этот вариант особенно любопытен, тем более что многие члены Конгресса и некоторые члены его собственной администрации на протяжении нескольких месяцев призывали его сделать это [52]. Наконец, в сентябре 1994 года, что ЦРУ «приступило к осуществлению крупной тайной операции в этом месяце, чтобы попытаться свергнуть военный режим Гаити... но пока попытка не удалась». Один чиновник заявил, что усилия «были предприняты слишком поздно, чтобы изменить ситуацию». Правительство, по слухам, провело месяцы, дебатируя, какие действия следует предпринять и будут ли они законными [53].

Хотя они могли сделать тот самый «один телефонный звонок». Как будто они этого хотели.

Предательство

«Самый насильственный режим в нашем полушарии»; «кампания насилия, пыток иувечий, людей морили голодом»; «издевательства над детьми, изнасилования женщин, убийства священников»; «убийство гаитянских сирот», подозреваемых в «тайных симпатиях к президенту Аристиду», по причине того, что он управлял приютом, будучи приходским священником»; «солдаты и полицейские насиливали жен и дочерей подозреваемых политических диссидентов — молодых девушек 13–16 лет, людей убивали и калечили как

предупреждение для остальных; дети были вынуждены наблюдать, как лица их матерей кромсали мачете» [54]. Так Уильям Джейферсон Клинтон объяснял американскому народу, почему он стремится «восстановить демократическое правительство на Гаити».

Следующее, что мы узнали: лидерам Гаити было сказано, что у них есть четыре недели, чтобы уйти в отставку, что с них будут сняты обвинения во всех преступлениях, что они смогут остаться в стране, что смогут баллотироваться в президенты, что смогут сохранить все свои активы, вне зависимости от того, как эти активы были получены. Тем, кто выберет изгнание, будут выплачены крупные суммы денег в Соединенных Штатах за аренду их недвижимости на Гаити и бесплатно сделан ремонт; два самолета будут предоставлены в их полное распоряжение, чтобы они со своим имуществом, включая мебель, могли улететь в любую страну по их выбору; их жилье там и текущие расходы будут оплачены в течение года, за всех членов семьи и десятков родственников и друзей — что составило миллионы долларов [55].

Почему Билл Клинтон как президент — в отличие, может быть, от Билла Клинтона как человека — не испытывал омерзения от Седра и его компаний? (Джимми Картер ранее назвал Седра человеком чести и признался в большом уважении к нему.) Потому что они не создавали никакого идеологического барьера для экономического и стратегического управления Гаити Соединенными Штатами. В отличие от Жана-Бертрана Аристида — человека, который только годом ранее объявил: «Я все еще думаю, что капитализм — смертный грех» [56]. Или Фиделя Кастро на Кубе. Чтобы здесь не было сомнений, нужно отметить, что незадолго до того как Клинтон сделал процитированные выше замечания о насилии военной хунты Гаити, вице-президент Гор объявил по телевидению, что Кастро — более злостный нарушитель прав человека, чем военачальники Гаити [57].

Злодеяния гаитянского правительства, как и его участие в наркоторговле, были представлены президентом Клинтоном просто для того, чтобы заручиться поддержкой для военного вмешательства. После долгих лет наблюдений Вашингтон вдруг «обнаружил» преступления военной хунты — точно так же, как «обнаружилась» преступная деятельность Норьеги ровно в тот момент, когда наступило время для военного вмешательства в Панаму.

Но самое страшное предательство было еще впереди.

По вышеуказанному соглашению с Раулем Седрой вооруженные силы США начали прибывать в Гаити 19 сентября, чтобы расчистить путь для возвращения Аристида в середине октября. Гаитянской народ встретил американцев с восторгом, солдаты США разоружили, арестовали и застрелили некоторых членов хунты, представлявших особую опасность для жизней и здоровья гаитян и во избежание хаоса в обществе. Но сначала американцы установили танки и автотехнику с пулеметами, чтобы блокировать улицы к жилым кварталам морально подавленной элиты — местных богатых, естественных союзников Вашингтона [58].

Возвращение Жана-Бертрана Аристида был радостным праздником, наполненным оптимизмом. Однако его поклонники не подозревали, что в то время как они возвращали Аристида, они, возможно, потеряли аристидизм. «Лос-Анджелес таймс» сообщила:

«В серии частных встреч представители администрации просили Аристида отказаться от риторики классовой борьбы... и обратиться вместо этого к примирению богатых и бедных гаитянцев. Администрация также призвала Аристида строго придерживаться свободной рыночной экономики и соблюдать конституцию, которая дает существенную политическую власть парламенту при введении жестких ограничений на полномочия президента... Представители администрации призвали Аристида обратиться к некоторым из своих политических оппонентов для создания его нового правительства... создать широкую правительенную коалицию... Администрация дала Аристиду понять, что если он не может достичь консенсуса с парламентом, Соединенные Штаты не будут пытаться поддержать его режим [59].

Почти каждый аспект планов Аристида на возобновленное правление — от обложения налогом богатых до разоружения вооруженных сил — был исследован американскими чиновниками, с которыми гаитянский президент встречается ежедневно, и представителями Всемирного банка, Международного валютного фонда и других организаций. Финальный пакет требований ясно отражал их приоритеты... Аристид, конечно, снизил накал освободительного богословия и риторики классовой борьбы, которые были его стилем до изгнания в Вашингтон» [60].

Обученный ведущими представителями администрации Клинтона, «Аристид усвоил принципы демократии [sic!], национального примирения и рыночной экономики со рвением, которое Вашингтон хотел бы видеть у всех лидеров развивающихся стран» [61].

Аристид вернулся в Гаити 15 октября 1994 года, спустя три года и две недели после того, как был свергнут. Соединенные Штаты могли организовать его возвращение на тех же условиях два-три года ранее. Но тогда washingtonские чиновники продолжали верить, что политика возвращения беженцев на Гаити или поселение их в Гуантанамо заставит проблемы исчезнуть — проблему беженцев и проблему Жана-Бертрана Аристида. Столкнувшись с неизбежностью возвращения Аристида к власти, Клинтон потребовал и получил, объявив об этом публично, обещание гаитянского президента, что он не будет пытаться оставаться у власти в компенсацию времени, потерянного в изгнании.

Клинтон, конечно, назвал это «демократией», хотя это было частичным узакониванием переворота. Как можно судить из приведенной выше подборки новостей, это был далеко не единственный пункт, по которому Аристиду пришлось капитулировать [62].

Его кандидатом на важный пост премьер-министра — того, кто назначает кабинет, — была Клодетт Верли (Claudette Werleigh), женщина, соответство-

вавшая его взглядам. Однако он был вынужден отказаться от ее кандидатуры из-за протестов против ее «левой наклонности» его политических противников, утверждавших, что она серьезно повредит перспективам получить иностранную помощь и инвестиции. Вместо этого Аристид подтвердил назначение Мишель Смарк (Michel Smarck), главного кандидата Вашингтона [63]. Правительство Клинтона и международные финансовые учреждения внимательно наблюдали за президентскими назначениями на посты министра финансов, министра планирования и главы Центрального банка [64].

Двою из кандидатов, одобренных Вашингтоном на эти посты, 22 августа встретились в Париже с международными финансовыми институтами, чтобы обговорить условия соглашения, в соответствии с которым Гаити получит приблизительно 700 миллионов долларов инвестиций и кредита. Как обычно в случае третьего мира, соглашение призывало к решительному сокращению государственного участия в экономике и увеличению роли частного сектора посредством приватизации общественных услуг. Гаити должна будет распахнуть двери для иностранных инвестиций и международных корпораций, для торговли с минимальными тарифами и ограничениями импорта, и предложить себя для сборочных производств как источник дешевой рабочей силы — чрезвычайно дешевой рабочей силы, радующаяся хоть небольшому увеличению текущей зарплаты в 10–25 центов в час, которая мучительно недостаточна даже для утоления голода. Такой образ жизни пропагандировали инвесторам Агентство США по международному развитию (USAID) и другие правительственные ведомства [65]. Сборочное производство рассматривается Вашингтоном как важное для американских компаний — настолько важное, что в разгар санкций в отношении Гаити США объявили, что «тонко корректируют» эмбарго, чтобы позволить компаниям импортировать и экспорттировать для продолжения бизнеса [66].

Соглашение также подчеркивает, что власть парламента должна быть усиlena. Должность президента даже не упоминается. Как и слово «правосудие» [67].

На момент написания статьи (конец октября 1994 года) мечты Аристида о прожиточном минимуме, цивилизованных условиях работы для гаитянских масс, социальной системе пенсионного обеспечения, достойном образовании, жилищном строительстве, здравоохранении, общественном транспорте и т. д. — так и остаются мечтами. О чем можно сказать с уверенностью, так это о том, что богатые станут еще богаче, а бедные останутся на самом дне латиноамериканской бедноты. При преемнике Аристида — кого бы Соединенные Штаты ни выбрали — их положение только ухудшится.

Аристид как радикальный реформатор знал все это, и в определенные моменты в сентябре и октябре у него, возможно, был шанс добиться лучших условий, поскольку Клинтон нуждался в нем почти так же, как он нуждался в Клинтоне. Если бы Аристид пригрозил предать огласке процесс предательства Гаити, обстоятельно объясняя все опущенные СМИ детали так, чтобы целый мир мог услышать что-то помимо вашингтонских банальностей и понять,

какой ложью было беспокойство Билла Клинтона по поводу «демократии» и благосостояния гаитянских людей — тогда американский президент столкнулся бы со скандалом очень крупного масштаба.

Но священник Аристид увидел мир в ином свете:

«Давайте сравним политическую власть с духовной. С одной стороны, мы видим контроль с помощью традиционных инструментов политики: оружие, деньги, диктатура, государственные перевороты, репрессии. С другой стороны, мы видим инструменты, которые используются уже 2000 лет: солидарность, сопротивление, храбрость, решимость, мужество, борьба за достоинство, уважение и власть народа. Мы видим превосходство. Мы видим веру в Бога. Вопрос, который мы теперь задаем, звучит так: какая власть сильнее — политическая или духовная? Я уверен, что последняя сильнее. Я также уверен, что эти две силы могут сходиться и что их сближение будет иметь критическое значение» [68].

56. Американская империя

С 1992 ГОДА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Мы заявляем, что ни одна нация не станет терпеть, чтобы ее страна была наполовину республикой и наполовину империей.

И мы предупреждаем американский народ, что империализм за рубежом быстро и неизбежно приведет к деспотизму дома.

*Демократическая партия (США),
Национальная платформа, 1900 год*

После бомбардировок Ирака в 1991 году Соединенные Штаты развернули свои военные базы в Саудовской Аравии, Кувейте, Бахрейне, Катаре, Омане и Объединенных Арабских Эмиратах.

После бомбардировок Югославии в 1999 году Соединенные Штаты развернули свои военные базы в Косово, Албании, Болгарии, Македонии, Венгрии, Боснии и Хорватии.

После бомбардировок Афганистана в 2001–2002 годах США развернули свои военные базы в Афганистане, Пакистане, Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Киргызстане, Грузии, Йемене и Джибути.

После бомбардировок Ирака и вторжения в страну в 2003 году Соединенные Штаты установили военное присутствие в Ираке.

Это вовсе не тонкая внешняя политика и, конечно, не прикрытай. Тех, кто управляют Американской империей, не так легко смутить.

Именно так империя и растет — повсюду размещаются военные базы, готовые активизироваться для подавления любой угрозы имперскому правлению, реальной или воображаемой. Спустя пятьдесят восемь лет после окончания Второй мировой войны Соединенные Штаты по-прежнему держат крупные базы в Германии и Японии. Через пятьдесят лет после окончания корейской войны десятки тысяч американских солдат продолжают размещаться в Южной Корее.

«Америка будет проявлять постоянный интерес и присутствовать в Центральной Азии в той мере, о какой мы не могли и мечтать раньше», — сказал в феврале 2002 года государственный секретарь США Колин Пауэлл [1]. В том же году Министерство обороны США заявило: «Вооруженные силы Соединенных Штатов в настоящее время развернуты в большем количестве мест, чем когда-либо на протяжении всей нашей истории» [2].

Столь же прямолинейными являются заявления, сделанные еще в начале 1990-х годов, когда распадался Советский Союз, и повторяемые до настоящего времени, о стремлении Вашингтона к мировому господству и путях его достижения. При этом мир убеждают в благородных целях этого крестового похода. Такие заявления регулярно излагались в программных документах Белого дома и Пентагона, а также в документах правительственный комиссий и исследовательских центров, тесно связанных с системой национальной безопасности.

Вот голос империи в 1992 году:

«Наша основная задача заключается в том, чтобы предотвратить повторное появление нового конкурента на территории бывшего Советского Союза или в другом месте, создающего угрозу, подобную той, которую представлял Советский Союз... Мы должны принимать во внимание интересы развитых промышленных стран в такой степени, чтобы отбить у новых конкурентов охоту бросать вызов нашему лидерству или стремиться изменить установленный политический и экономический порядок... Мы должны иметь механизмы удержания наших потенциальных конкурентов даже от *помыслов* играть более значительную региональную или глобальную роль» [3].

1996: «Когда-нибудь по целям на земле — кораблям, самолетам, наземным объектам — мы будем действовать из космоса... Мы собираемся наносить удары из космоса, и мы собираемся наносить удары *по космосу*» [4].

1997: «Что касается господства в космосе, то оно у нас есть, нам это нравится, и мы собираемся сохранить его» [5].

2000: «Новые стандарты [боевой готовности] предполагают поддержание военного превосходства над всеми потенциальными соперниками и готовность уже сейчас к будущему военному соперничеству, даже если оно еще не может быть идентифицировано, и его возможное появление существует только в теории... Военные требования существуют отдельно от чистой оценки реальных угроз безопасности. В качестве основы для планирования предложены общие войны и общие возможности... Особенности реальных сценариев угрозы стали вторичными по отношению к первостепенной необходимости показать грубую силу США всему миру» [6].

2001: «Присутствие американской армии в критических регионах мира является видимым выражением степени статуса Америки как сверхдержавы и гаранта свободы, мира и стабильности» [7].

2001: «Если мы дадим свободу нашему собственному видению мира, позволим ему развиваться, полностью примем его, не пытаясь умничать и искать тонкие дипломатические решения проблемы, а просто ведя тотальную войну против этих тиранов, думаю, что мы поступим правильно, и наши дети спустя годы будут петь о нас замечательные песни» [8].

2001: Документ администрации Буша «Обзор ядерной политики» (Nuclear Posture Review) призывает военных подготовить планы действий по использованию ядерного оружия в чрезвычайных ситуациях, по крайней мере, против семи стран: Китая, России, Ирака, Ирана, Северной Кореи, Ливии и Сирии, а также создавать тактическое ядерное оружие для использования в определенных ситуациях [9].

2002: В сентябре Белый дом опубликовал документ «Стратегия национальной безопасности» (National Security Strategy), где говорится: «Наши силы будут достаточными, чтобы разубедить потенциальных противников проводить наращивание военной мощи в надежде превзойти Соединенные Штаты или сравняться с ними мощью... Америка будет действовать против подобных возникающих угроз, прежде чем они полностью сформируются... Мы должны сдержать угрозу и защититься от нее, прежде чем она появится... Мы не можем позволить нашим врагам нанести удар первыми... Чтобы предупредить или предотвратить такие враждебные действия наших противников, Соединенные Штаты в случае необходимости должны действовать превентивно».

Превентивность — это главный аргумент для оправдания нападения на Перл-Харбор в 1941 году, который, не будучи чрезмерно пааноидальной, использовала имперская Япония, а нацистская Германия — в качестве оправдания вторжения в Польшу в 1939 году.

Для одного из критически настроенных обозревателей смысл «Стратегии национальной безопасности» выглядит так:

«Это разрушает надежды тех, кто считал, что мир движется к системе международного права, которая позволила бы осуществлять мирное разрешение конфликтов при помощи договоров и судов. Вместо этого одна страна, которая пренебрегает договорами и судами, объявила, что она намерена господствовать в военном отношении в мире и при необходимости превентивно вторгаться для создания угроз... Те, кто хочет видеть мир, в котором нет сверхдержав, где законы и соглашения используются для урегулирования конфликтов, начнут новую дискуссию о том, как бороться с имперской Америкой» [10].

Одержаные идеей господства национальной безопасности, США охарактеризовали создание в ноябре 2002 года группы по международным делам (public affairs group), которая должна отправиться на поле боя, «чтобы взаимодействовать с журналистами, помогать американским командирам и отправлять обратно в штаб новости и фотоснимки для распространения» как попытку «информационного господства» [11].

Холодная война закончилась. Да здравствует холодная война!

Примечательно, что в XXI веке правительство Соединенных Штатов по-прежнему сбрасывает на головы невинных и беззащитных людей бомбы с огромным количеством чрезвычайно мощных взрывчатых веществ. Так не должно было быть.

В середине 1980-х годов реформы Михаила Горбачева явились началом конца Советского государства. В 1989 году рухнула Берлинская стена, и люди по всей Восточной Европе стали радостно отмечать «новый день». Затем к празднованию присоединились Соединенные Штаты путем вторжения в Панаму и бомбардировок страны спустя всего несколько недель после падения стены. Тогда же США беззастенчиво вмешались в ход выборов в Никарагуа, чтобы не допустить победы левого правительства.

Вскоре после этого в Южной Африке освободили Нельсона Манделу, апартеид начал рушиться; в 1990 году на Гаити состоялись первые свободные выборы, и впервые на пост президента был избран действительно прогрессивный политик. Казалось, что все стало возможным, оптимизм распространялся повсюду — так же широко, как пессимизм сегодня.

Однако когда Болгария и Албания, «освобожденные от власти коммунизма», как сказали американские СМИ, посмели избрать правительства, не приемлемые для Вашингтона, США просто взяли и свергли эти правительства.

В то же время США бомбили Ирак и его народ 40 дней и ночей без милосердия, без всяких на то причин.

Вот чем обернулась наша надежда на другой и лучший мир.

Но американские лидеры не думали останавливаться. В 1993 году они атаковали Сомали, пытаясь изменить политическую карту страны, нанося еще больше ударов и совершая еще больше убийств.

Они вмешались, чтобы подавить диссидентские движения в Перу, Мексике, Колумбии и Эквадоре так же, как если бы холодная война в Латинской Америке 1950-х, 1960-х, 1970-х, 1980-х продолжалась и в 1990-х, и в новом веке.

Во второй половине 1990-х годов Вашингтон осуществлял серьезное вмешательство в выборы в самой России и на территориях, которые совсем недавно входили в советскую сферу влияния, в частности в Монголии и Боснии.

В 1999 году они бомбили народ Сербии и Косово в течение бесконечных 78 дней; кульминацией же генерального плана Вашингтона стало разрушение Социалистической Федеративной Республики Югославии как «последнего оплота коммунистов» [12].

И еще раз, осенью 2001 года, они грубо и открыто вмешались в выборы в Никарагуа, чтобы не допустить победы левых.

Параллельно США бомбардируют Афганистан, уничтожив там больше мирных жителей, чем погибло в Соединенных Штатах 11 сентября 2001 года [13], не говоря уже о бесчисленных жизнях «боевиков» (то есть тех, кто защищал от вторжения землю, на которой они живут).

Большинство террористов из числа иностранных граждан, действовавших в то время в Афганистане (в том числе прошедших обучение в лагерях Аль-Каиды), пришли туда, чтобы бороться против советских войск или помогать талибам в гражданской войне, начавшейся позднее. Для них это было религиозной миссией, не имевшей ничего общего с терроризмом или с Соединенными Штатами. Среди тысяч жертв американского вторжения ни одна не была определена как имеющая связь с событиями того трагического дня. 11 сентября террористы выбрали для нападения символические здания, а Соединенные Штаты в ответ — символическую страну для нанесения ответного удара [14].

Продолжая свирепствовать в Афганистане в 2002 году, Вашингтон нашел время, чтобы оказать необходимую поддержку участникам заговора с целью свержения Уго Чавеса и его правительства в Венесуэле, поскольку Чавес четко дал понять, что Венесуэла не собирается становиться иностранным форпостом империи [15].

И все эти годы США продолжали удерживать удавку на Кубе, спустя столетие после империалистической оккупации отказываясь уйти с базы Гуантанамо, превратив ее в современный Чертов остров для незаконного и жестокого тюремного содержания там людей, в том числе и нескольких детей, похищенных в разных местах мира в ходе так называемой «войны против терроризма».

Не было никаких «мирных дивидендов», обещанных за окончание холодной войны, — ни для американцев, ни для остального мира.

Что же мы имеем сейчас? В течение почти полувека американский народ учили, что холодная война, а также корейская война, вьетнамская война, огромный военный бюджет, все известные американские вторжения и свержения правительств — все это происходило, чтобы бороться с одной угрозой: «международным коммунистическим заговором», штаб-квартира которого находилась в Москве.

Но затем Советский Союз распался, Варшавский договор прекратил существование, а страны-сателлиты в Восточной Европе стали независимыми. Бывшие коммунисты даже стали капиталистами.

А в американской внешней политике ничего не изменилось.

Даже блок НАТО, созданный, как нам говорили, для защиты Западной Европы от советского вторжения, остался прежним. Он по-прежнему все увеличивался в размерах и нарастал военной мощью — этот договор на колесах, который может быть повернут в любом направлении, в зависимости от текущих потребностей политики Вашингтона. НАТО выступал в качестве американского суррогатного органа протектората на Балканах; ссылаясь на устав организации, оправдывалось участие стран — членов НАТО в американском вторжении в Афганистан.

Когда Россия закрывала свои базы времен холодной войны в странах Восточной Европы, во Вьетнаме и на Кубе, Соединенные Штаты открывали военные базы на территории бывшего Советского Союза и в других регионах

мира. В то время как Россия закрыла свою станцию радиоэлектронной разведки в Лурдесе на Кубе, Вашингтон построил в Латвии, на границе с Россией, мощную станцию прослушивания связи, входящую в состав американской глобальной системы радиоперехвата.

Вся американская политика была мошенничеством. Советский Союз и то, что называется коммунизмом, на самом деле не являлись объектом глобальных ударов Вашингтона. Никогда не существовало международного коммунистического заговора. Врагом было и остается любое правительство, движение или даже личность, стоящие на пути расширения Американской империи, какое бы название ни дали врагу — коммунист, государство-изгой, торговец наркотиками, террорист...

Борются ли Соединенные Штаты с терроризмом?

Должны ли мы полагать, что Американская империя выступает против терроризма?

Как зовут того человека, который взрывает самолет, убивая 73 гражданских человека по политическим мотивам? Того, кто пытается совершить убийство нескольких дипломатов? Того, кто стреляет из пушек по судам в американских портах или устанавливает бомбы в многочисленных коммерческих и дипломатических зданиях в США и за рубежом? И совершает десятки таких актов. Этого человека зовут Орландо Бош (Orlando Bosch). Он кубинец и живет в Майами, власти его ничуть не беспокоят. В Майами однажды даже предложили учредить новый праздник в его честь — День Орландо Боша [16]. Он был освобожден из тюрьмы в Венесуэле в 1988 году, где сидел за взрыв самолета, усилиями американского посла Отто Райха (Otto Reich), назначенного в 2002 году президентом Бушем на высокую должность в Госдепартаменте США.

По возвращении Боша в США в 1988 году министерство юстиции осудило его за совершение насильственных террористических действий, и все было готово, чтобы депортировать его. Но депортации помешал президент Буш-старший руками сына Джеба Буша во Флориде [17]. Таким образом, правда ли то, что президент Буш и его семья против терроризма? Ну да, они против тех террористов, которые не работают на империю.

Самолет, который в 1976 году взорвал Бош, принадлежал Кубе. На Кубе его искали и за ряд других преступлений, поэтому кубинцы просили Вашингтон о его выдаче. Для Кубы он был таким же, как Усама бен Ладен позднее для Соединенных Штатов. Но США отказались. Представьте себе реакцию Соединенных Штатов, если бы бен Ладен объявился в Гаване, а кубинцы отказались бы его выдать. Представьте себе реакцию Соединенных Штатов, если бы Гавана объявила День Усамы бен Ладена.

Вашингтонскую приверженность борьбе с терроризмом можно поставить под сомнение и из-за поддержки правительством США этнических албанцев

в Косово, которые состояли в Армии освобождения Косово (АОК). В целях поддержки своей политico-этнической повестки дня АОК проводила многочисленные террористические действия на протяжении многих лет в различных частях Балкан, но АОК была союзником США, потому что она нападала на людей, находящихся в немилости у Вашингтона. И это несмотря на то, что АОК имела идеологические и личные связи с Усамой бен Ладеном и Аль-Каидой, а также рассматривалась Госдепартаментом США как террористическая организация [18].

Кроме того, в 1980–1990-х годах США подкупали настроенных антикоммунистически вьетнамцев, камбоджийцев и лаосцев, проживающих в Штатах, чтобы они подстрекали своих соотечественников за рубежом совершать нападения на свои правительства и граждан. В надежде дестабилизировать правительство они время от времени путешествовали из США в эти страны для проведения непосредственных атак. Такие действия по «борьбе с терроризмом» проводились с молчаливого одобрения американского правительства, которое закрывало глаза на Закон о государственном нейтралитете (Neutrality Act), запрещающий американским гражданам или резидентам применять силу с целью свержения иностранных правительств [19].

Джордж Буш также высказывался категорически против *укрываемательства* террористов — «те, кто укрывает террористов, угрожают национальной безопасности Соединенных Штатов» [20]. Действительно ли он имел в виду именно *это*?

Зададимся вопросом: какая страна укрывает больше террористов, чем США? Орландо Бош в Майами является лишь одним из множества кубинцев, выступающих против Кастро, которые проводят сотни террористических актов в США, на Кубе и в других местах, совершают поджоги, покушения и взрывы. На протяжении десятилетий США укрывали и обеспечивали их безопасность — как и множества других террористов, палачей и нарушителей прав человека из Гватемалы, Сальвадора, Гаити, Индонезии и других стран — союзников империи [21].

ЦРУ было занято поисками террористов в пещерах в горах Афганистана, и в то же время его сотрудники сидели в барах, выпивая с настоящими террористами.

Мафия империи

Какой вывод мы должны сделать из всего этого? Как понимать внешнюю политику Соединенных Штатов? Ну, если бы требовалось написать книгу под названием «Американская империя для чайников», надо было бы не обращать внимания на моральный фактор. Внешняя политика США не имеет никакого морального фактора в своем ДНК. Предварительно придется очистить свой мозг от клише и банальностей, которые мешают видеть что-либо за их пределами.

Для большинства американцев и американофилов по всему миру довольно сложно сделать это. Они видят, как американские лидеры по телевидению улыбаются и смеются, рассказывают анекдоты, они видят их со своими семьями, слышат, как они говорят о Боге и любви, мире и праве, демократии и свободе, правах человека и справедливости, даже о бейсболе. Эти лидеры знают, как в недвусмысленных выражениях осудить зверства, происходящие в мире, используя те слова, которые хотят услышать порядочные люди, только лишь для того, чтобы показать, как они на самом деле озабочены. Разве могут такие люди быть монстрами, как можно называть их аморальными?

Их зовут Джордж, Дик или Дональд, ни одного Мохаммеда или Абдуллы. И все они говорят по-английски. Мохаммед и Абдулла отрезали людям руки в наказание за воровство. Американцы знают, что это ужасно. Американцы слишком цивилизованны для такого. Зато люди по имени Джордж, Дик, Дональд сбрасывают на города и села кассетные бомбы, многие из которых не взрываются и становятся минами. И очень скоро ребенок наступает на одну из них и лишается руки или ноги, либо обеих рук или ног, а иногда и зрения.

Но эти люди, возможно, не так аморальны, как кажется. Они вряд ли получают удовольствие, порождая так много смертей и страданий. Просто их это не заботит... Так же можно говорить и о социопатах. Пока империя вносит смерть и страдания в повестку дня, пока люди и корпорации правого толка богатеют и получают все больше власти, привилегий и престижа, пока смерть и страдания не коснутся их самих или их близких... Им просто все равно, что происходит с другими людьми, в том числе с американскими солдатами, которых они бросают на войну и которые приходят домой, пытаются вернуться к нормальной жизни, а последствия «агента оранж» или Персидский синдром тем временем пожирают их тела. Американские лидеры не вели бы такую политику, если бы их волновали подобные вещи.

Когда в 1999–2000 годах я писал свою книгу «Страна-изгой: путеводитель по единственной в мире сверхдержаве» (*«Rogue State: a Guide to the World's Only Superpower»*), я использовал термин «Американская империя» с некоторой осторожностью, потому что тогда он еще не вошел в употребление, и я не был уверен, что американская общественность готова его принять. Оказалось, мне не следовало так осторожничать. Идея гегемонии Соединенных Штатов стала обсуждаться не только открыто, но даже и с гордостью сторонниками империи, известными американскими интеллектуалами, вроде Динеша Д'Соузы (*Dinesh D'Souza*) из Гуверовского института, который написал статью под названием «Во славу Американской империи», в которой он утверждал, что «Америка — это самая великодушная на данный момент имперская держава» [22].

Политический обозреватель Чарлз Краутхаммер (*Charles Krauthammer*) говорит об Америке, как об «исключительно добной империи» [23].

Майкл Хирш (*Michael Hirsch*), редактор журнала «Ньюсуик», присоединяется к самодовольному хору с такими словами: «Союзники США должны признать, что некоторые из односторонних действий США неизбежны,

даже желательны. Это в основном подразумевает принятие американского превосходства и правдивую оценку того, как им исторически повезло, что их защищает такая относительно добрая держава» [24].

Роберт Кейган (Robert Kagan), главное светило американской внешней политики, ранее писал: «Правда заключается в том, что доброжелательная гегемония Соединенных Штатов — это благо для огромной части населения планеты. Это, безусловно, лучшее международное соглашение, чем все его реальные альтернативы» [25].

Таким образом, есть люди в американской внешней политике, которые приходят к выводу, провозглашают и, может быть, даже искренне верят, что такая американская политика — продукт гуманной силы, просвещенной империи, несущей порядок, благополучие и цивилизованность всему миру. И если США вынуждены идти на войну, они ведут ее *гуманным* образом.

Как уже заметил читатель, данная книга в мельчайших подробностях документирует как раз обратное, демонстрируя поразительные насилие и жестокость, подавление социальных реформ и множество других отвратительных последствий вмешательства США в жизнь людей во всех уголках земного шара на протяжении полувека.

Журналисты империи кажутся такими же аморальными, как и чиновники из Белого дома и Пентагона. В *их* организме не попадут частицы обедненного урана, чтобы облучить их на всю оставшуюся жизнь, Всемирный банк и Международный валютный фонд не обанкротят *их* экономику и не лишат *их* основных услуг, это не *их* семьям придется блуждать беженцами по пустыне.

Лидеры империи, имперская мафия — Джордж Буш, Дональд Рамсфелд, Ричард Чейни, Колин Пауэлл, Кондолиза Райс, Пол Вулфовиц, Ричард Перл и другие, а также их писаки — они такие же фанатики, как и фундаменталист Усама бен Ладен. Аллах Акбар! Бог велик!.. США! США! США!

Каган, интеллектуальный создатель интервенционизма, который стремится любыми средствами навязать миру неоконсервативную повестку дня, заявил, что Соединенные Штаты не должны признавать отдельные международные конвенции и институты: например, Международный уголовный суд и Киотское соглашение о глобальном потеплении. США, по его словам, «должны поддерживать контроль над вооружениями, но не всегда над своими собственными. Они должны жить по двойным стандартам» [26].

Соглашается с ним и Роберт Купер (Robert Cooper), высокопоставленный британский дипломат и советник премьер-министра Тони Блэра. Купер пишет:

«Вызов для постмодернистского мира состоит в том, чтобы привыкнуть к мысли о двойных стандартах. При работе с более старомодными государствами за пределами постмодернистского Европейского континента мы должны вернуться к грубым методам ранней эпохи: применение силы, упреждающий удар, обман — всему, что необходимо для решения проблем с теми, кто все еще пребывает в XIX веке, когда каждое государство было само по себе» [27].

Его выражение «каждое государство само по себе» следует понимать как государство, не желающее присоединяться к повестке дня Американской империи.

И вот что мы имеем. Мы официально имеем двойной стандарт. Золотое правило — «поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы они поступали с тобой» — отменяется.

Мафия империи и ее придворные интеллектуалы вроде Кейгана и Купера испытывают трудности с продвижением и защитой своего мировоззрения на основе стандартов права, морали, этики и справедливости. Поэтому они решили, что такими стандартами они не связаны.

Опять жидкое золото

Американская оккупация Афганистана была предпринята с целью создания нового правительства, достаточно податливого и согласного с международными задачами Вашингтона, в том числе с развертыванием военных баз и станций прослушивания, с прокладкой безопасных нефте- и газопроводов по территории Афганистана из района Каспийского моря, как только страна успокоится.

Уже давно американские нефтяные бароны положили глаз на огромные запасы нефти и газа вокруг Каспийского моря, предусматривая прокладку маршрута через Афганистан и Пакистан к Индийскому океану. Об этом вполне открыто говорили нефтяники, давая откровенные показания Конгрессу по данному вопросу [28].

После Афганистана их вожделения распространились на еще более обширные запасы нефти в Ираке. Нужно было подготовить американскую общественность. Известный автор шпионских романов Джон ле Карре (John le Carré) отметил: «То, как Бушу и его хунте удалось переключить гнев Америки с бен Ладена на Саддама Хусейна, является одним из самых великих фокусов в истории общественных отношений» [29].

В момент написания этой главы, в апреле 2003 года, Соединенные Штаты только что завершили бомбардировки, вторглись и захватили Ирак, вызвав огромные разрушения и гибель тысяч невинных людей, мирных жителей и солдат; еще больше людей получилиувечья и стали калеками. «Выглядит, как бомбардировка города, но это не так на самом деле», выступил в защиту американского «прицельного бомбометания» министр обороны США Дональд Рамсфелд [30].

Вашингтон посмотрел на результаты своих действий, которые другие посчитали бы ужасающими, и назвал их «освобождением», потому что режим Саддама Хусейна был свергнут.

А до того мафия империи на протяжении года организовывала пропагандистское шоу, чтобы убедить американцев и весь мир, будто у единственной в мире сверхдержавы не было другого выбора, кроме как напасть на супер孱弱的, но слабое государство, которое не нападало и не угрожало США,

которое знало, что если оно нанесет по Америке удар, то это будет означать мгновенное массовое самоубийство. Основные тезисы имперской мафии выглядели странно не просто потому, что Ирак не представлял угрозы, о чем свидетельствовала столь легкая победа в той войне, а потому что имперская мафия знала — Ирак совсем не страшен. Они рассказывали миру одну историю за другой о том, почему Ирак представляет угрозу, неминуемую ядерную, химическую, биологическую угрозу, рассказывали истории о том, что Ирак было террористическим государством, что Ирак был связан с Аль-Каидой. Только ни у одной истории не было доказательств. Они долго настаивали на том, что Ирак должен согласиться на возвращение в страну военных инспекторов ООН, а когда Ирак согласился, мафия заявила, что этого было недостаточно, и продолжала дискредитировать мирные усилия.

Поэтому и началась война, которой так жаждал Белый дом, война, за которую они получили крупнейшие за мировую историю антивоенные протесты и радикальную оппозицию в Организации Объединенных Наций. Им напомнили о выстраданных человечеством понятиях международного права и сотрудничества, чтобы сделать планету более мирной. Остается узнать, переживет ли и как переживает мировая общественность в лице ООН тот факт, что ее свели к унизительной нерелевантности в самом важном вопросе о войне и мире. Ибо ООН — институт, первое предложение устава которого говорит о решимости «избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе».

Был ли смысл хоть в каком-либо аспекте политики Вашингтона? Эта внезапно ставшая необходимой война в условиях отсутствия боевых действий? Смысл мог бы быть, если бы люди понимали, что вторжение произошло не по причине злобности Саддама Хусейна или наличия у него оружия массового уничтожения. Но когда в течение многих недель американской военной оккупации Ирака не удалось найти никакого оружия, о котором так много говорилось, Белый дом заявил, что ОМУ и не было реальным поводом для вторжения. Их целью, заверили они мир, было нанесение различных ударов по терроризму. «Мы не лжем, — сказал один из чиновников, — это всего лишь вопрос расстановки акцентов» [31].

Одна из причин войны заключалась в том, чтобы сместь Хусейна и установить марionеточное правительство, как это было в Афганистане. Таким образом, американские оккупационные власти могли открыть американским нефтяным компаниям дверь в Ирак и насладиться праздником «свободной конкуренции». Ирак займет свое место в новом мировом порядке глобализированной экономики, а Американская империя добавит еще одну страну и несколько военных баз для дальнейшего контроля и передела рынков на Ближнем Востоке. Это соответствует милому аморальному стилю имперской мафии, для которой дети региона в ближайшие годы распевали бы замечательные песни [32].

Согласие США на возвращение военных инспекторов ООН в Ирак в декабре 2002 года было не более чем блефом, чтобы утихомирить неожиданно

сильное сопротивление мировой оппозиции намечавшемуся вторжению Вашингтона. Три месяца проверок до начала вторжения ничего не выявили в отношении однозначно запрещенных видов оружия. В течение семи лет в 1990-х годах инспекторы ООН нашли и уничтожили огромное количество химического, биологического и ядерного оружия в Ираке. Скотт Риттер (Scott Ritter), глава инспекции ООН по вооружениям в Ираке, заявил в 2002 году:

«С 1998 года Ирак был практически разоружен; 90–95 процентов оружия массового поражения Ирака было ликвидировано, в том числе все заводы по производству химического, биологического и ядерного оружия, баллистические ракеты, оборудование этих и связанных с ними предприятий, а также подавляющее большинство поступающей с них продукции» [33].

В тот же период генеральный директор Международного агентства по атомной энергии Мохамед Эль-Барадей (Mohamed El Baradei) сообщил:

Его ведомство «демонтировало огромные объекты, связанные с ядерным оружием. Мы нейтрализовали ядерную программу Ирака. Мы конфисковали оружейный материал. Мы уничтожили, изъяли или обезвредили все объекты и оборудование, имеющие отношение к производству ядерного оружия» [34].

И такой обезоруженный Ирак, вдобавок истерзанный 12 годами санкций, по мнению США, представлял тревожную угрозу, которую необходимо было ликвидировать. Что касается санкций, советник по национальной безопасности США Сэмюэль Бергер (Samuel Berger) назвал их «самыми широкими санкциями, когда-либо наложенными на страну за всю историю человечества» [35].

Внешняя политика США: лаборатория для выращивания вируса антиамериканского терроризма

«Мы сравняли их с землей. Никого не осталось, только грязь и пыль», — сказал генерал-майор американской армии Франклин Хагенбек (Franklin Hagenbeck) об уничтожении трех деревень в долине Шахи-Кот в Афганистане [36].

За американскими бомбардировками Афганистана, начавшимися 7 октября 2001 года, последовала военная оккупация большей части страны. Это вызвало десятки террористических актов, направленных против американцев и американских учреждений, а также христианских и других западных объектов в Южной Азии, на Ближнем Востоке и в иных регионах. Около десятка нападений произошло в одном только Пакистане, в том числе похищение и убийство корреспондента газеты «Уолл-Стрит джорнэл» Даниэля Перла

(Daniel Pearl) [37], и самый крупный теракт 12 октября в Бали (Индонезия), в результате которого погибли более 180 человек — почти все австралийцы, американцы и британцы. Оба основных подозреваемых, арестованных по этому делу, заявили, что действовали в отместку за американское нападение на Афганистан и на мусульман [38].

Последующее нападение на Ирак — война, которой никто, кроме имперской мафии, не хотел — помогло рекрутировать еще тысячи мусульман мира в ряды нового поколения террористов, осуществляющих *джихад* против Великого Сатаны.

Неужели имперская элита, будучи все эти годы постоянной мишенью террористов, ничему не научилась? Джеймс Вулси (James Woolsey), бывший директор ЦРУ и член стратегического совета Министерства обороны США, спустя два месяца после начала американской бомбардировки Афганистана в своем выступлении о необходимости вторжения в Ирак не заботился о реакции арабского мира: молчание арабской общественности после побед Америки в Афганистане... доказывает, что «только страх восстановит уважение к США» [39].

В подобном контексте администрацией Буша была использована фраза, которую приписывают правителям Римской империи: *Oderint dum metuant* — «Пусть ненавидят, лишь бы боялись» [40].

Государственный департамент, возможно, кое-чему и научился. В первую годовщину трагедии 11 сентября 2001 года, и в последующие тоже, Госдепартамент провел конференции на тему, как улучшить имидж Америки за рубежом, чтобы снизить уровень ненависти. Но это лишь образ, который они разрабатывали, а не изменение политики. Статистика гласит, что с 1945 по 2003 год Соединенные Штаты пытались свергнуть более 40 правительств иностранных государств, подавить более 30 народных патриотических движений, боровшихся против диктаторских режимов. При этом США нанесли бомбовые удары по 25 странам, в результате чего погибли нескольких миллионов человек и еще миллионы были обречены жить в агонии и отчаянии.

«Идея заключается в том, чтобы создать глобальную антитеррористическую среду, — заявил в 2003 году газете «Нью-Йорк таймс» один из ответственных сотрудников Министерства обороны США, — чтобы через 20–30 лет терроризм, как и работоговля, был полностью дискредитирован» [41].

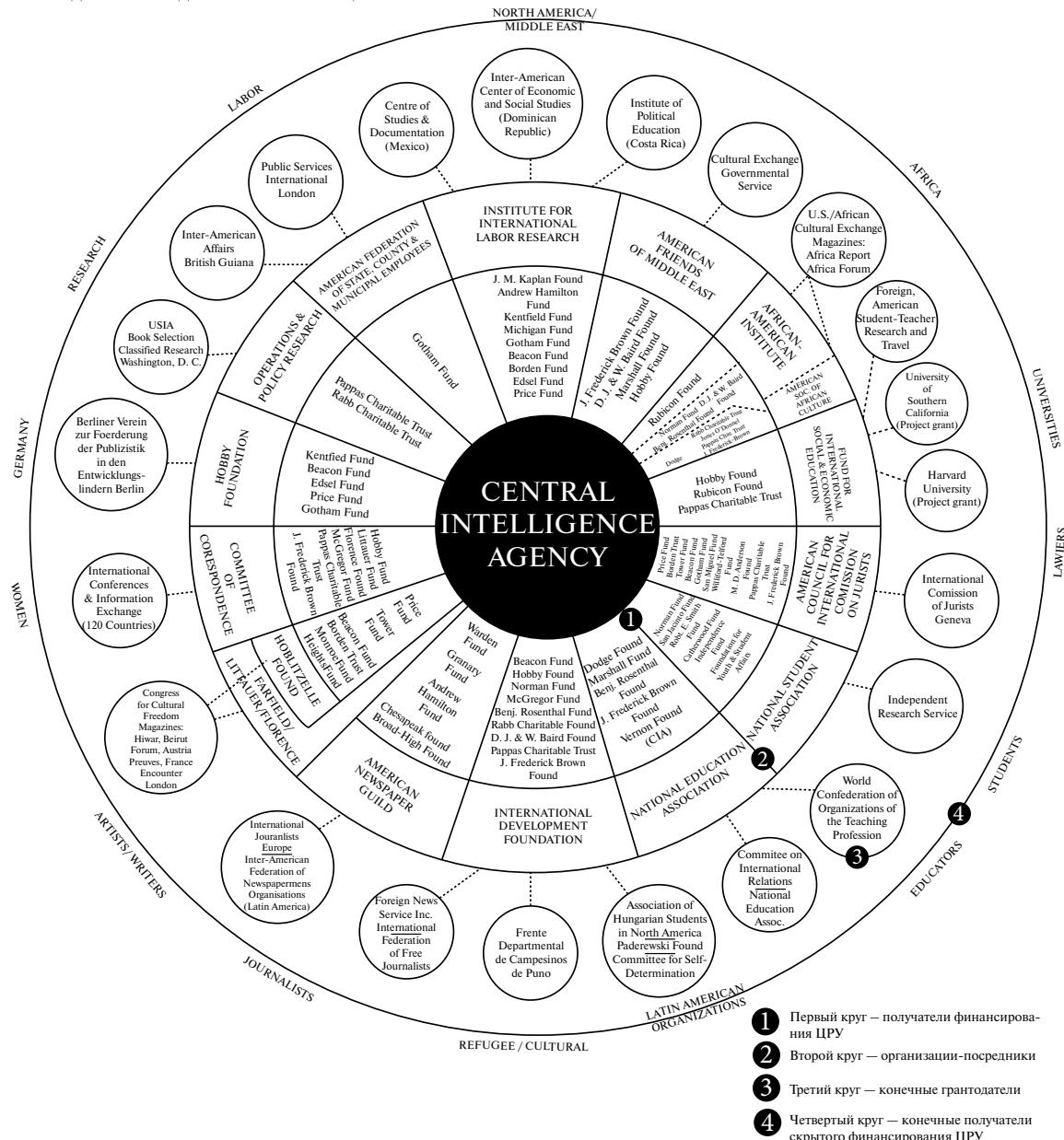
Остается лишь вопрос: наступит ли день, когда американские захватнические войны, ракетные обстрелы городов, использование обедненного урана и кассетных бомб против мирного населения также будут полностью дискредитированы?

Они уже дискредитированы. Но Соединенные Штаты еще не ведают об этом. Вместо того они ведут перманентную войну за перманентный мир.

Приложение 1

Как деньги шли по кругу*

Для ведения секретного правительственного финансирования частных лиц и организаций ЦРУ перечисляло средства напрямую определенным фондам (первый круг). Эти фонды передавали деньги другим частным организациям (второй круг). Связь с ЦРУ этих организаций-посредников установить было достаточно сложно. Далее организации-посредники передавали секретное финансирование конкретным одобренным ЦРУ группам, организациям, проектам, названным в третьем (внешнем) круге. И уже от них деньги попадали к частным лицам.

- 1 Первый круг – получатели финансирования ЦРУ
- 2 Второй круг – организации-посредники
- 3 Третий круг – конечные грантодатели
- 4 Четвертый круг – конечные получатели скрытого финансирования ЦРУ

* Источник: «Вашингтон пост», 1967, 26 февраля. Схема подготовлена отделом дизайна «Вашингтон пост».

Приложение 2

Вмешательство США за рубежом. 1798–1945

Список составлен отделом внешней политики Исследовательской службы Конгресса США (Congressional Research Service) Библиотеки Конгресса, обновленная версия 1969 года

1798–1800 — необъявленная морская война с Францией, включавшая также наземные боевые действия в Доминиканской Республике, в городе Пуэрта-Плата, где морские пехотинцы захватили французского капера под прикрытием пушек форта.

1801–1805 — Триполи: Первая берберийская война с участием кораблей «Джордж Вашингтон» и «Филадельфия» и экспедиции Итона, когда морская пехота под командованием Уильяма Итона (William Eaton) высадилась в Триполи с целью поднять восстание и в попытке освободить экипаж судна «Филадельфия». Триполи объявил войну, но не США.

1806 — Мексика (территории Испании): американские войска под командованием капитана Пайка (Z. M. Pike) вторглись на испанскую территорию в верховьях реки Рио-Гранде по приказу генерала Джеймса Уилкинсона (James Wilkinson). Капитан без сопротивления был взят в плен в крепости, построенной им на территории сегодняшнего штата Колорадо, перевезен в Мексику, а после изъятия документов освобожден. Политический смысл этой американской акции до сих пор неизвестен.

1806–1810 — Мексиканский залив: американские канонерки под командованием капитанов Джона Шоу (John Shaw) и Дэвида Портера (David Porter) действовали из Нового Орлеана в дельте Миссисипи против испанских и французских куперов, в частности «Ла-Фит».

1810 — Западная Флорида (испанская территория): по приказу президента губернатор штата Луизиана Клейборн (Claiborne) с войсками занял спорные территории к востоку от Миссисипи до Перл-Ривер, восточной границы Луизианы. Ему было разрешено продвинуться на восток до реки Пердиго. Вооруженных столкновений не зафиксировано.

1812 — Амелия-Айленд и другие части Восточной Флориды (испанские владения): временная оккупация, разрешенная президентом Мэдисоном и Конгрессом США, в целях предотвращения оккупации любой другой державой. Оккупация была осуществлена генералом Джорджем Мэтьюзом (George Matthews) со столь вопиющими нарушениями, что президент ее отменил.

1812–1815 — Великобритания: война 1812 года. Объявлена официально.

1813 — Западная Флорида (территория Испании): с санкции Конгресса США генерал Уилкинсон с 600 солдатами в апреле захватил бухту Мобайл. Небольшой испанский гарнизон сдался, и США без боя продвинулись на спорном участке до реки Пердиго, как это было предусмотрено еще в 1810 году. Военных действий не зафиксировано.

1813–1814 — Маркизовы острова: на одном из островов (Nukahiva) был построен форт для охраны трех трофейных британских судов.

1814 — Испанская Флорида: генерал Эндрю Джексон (Andrew Jackson) занял Пенсаколу и изгнал британцев, с которыми США находились в состоянии войны.

1814–1825 — Карибское море: регулярно происходили столкновения между пиратами и американскими кораблями в море и у побережья Кубы, Пуэрто-Рико, Санто-Доминго и

Юкатана. В период с 1815 по 1823 год были зарегистрированы 3000 пиратских нападений на торговые суда. В 1822 году коммодор Джеймс Бидл (James Biddle) направил в залив эскадру из двух фрегатов, четырех военных катеров, двух бригов, четырех шхун и двух канонерок.

1815 — Алжир: Вторая берберийская война, объявленная противниками, но не США. С санкции Конгресса США крупная группа морских кораблей под командованием Стивена Декейтора (Stephen Decatur) атаковала город Алжир и добилась reparаций.

1815 — Триполи: заключив соглашение с Алжиром, Декейтор отправился с эскадрой в Тунис и Триполи, где добился reparаций за ущерб, нанесенный во время войны 1812 года.

1816 — Испанская Флорида: Соединенные Штаты уничтожили Форт-Ничоллс, известный как Негритянский форт, с территории которого осуществлялись нападения на территорию США.

1816—1818 — Испанская Флорида: Первая семинольская война. Территория индейцев-семинолов служила прибежищем для беглых рабов и приграничных бандитов. Территорию атаковали генералы Джексон и Гейнс (Gaines) и гнали индейцев до Северной Флориды. Испанские посты были атакованы и заняты, а британские граждане уничтожены. Санкционирующего решения Конгресса США на такие действия принято не было, но генералы получили поддержку исполнительной власти.

1817 — остров Амелия (испанская территория у берегов Флориды): по приказу президента Монро войска США высадились и изгнали группу контрабандистов, искателей приключений и флибустьеров.

1818 — Орегон, август: шлюп «Онтарио» зашел в реку Колумбия и установил контроль над территорией. Британия уступила суверенитет, но Испания и Россия высказали претензии.

1820—1823 — Африка: военно-морские силы атаковали работоторговцев в соответствии с актом Конгресса 1819 года.

1822 — Куба: американские моряки в целях пресечения пиратства высадились на северо-западном побережье Кубы и сожгли пиратские базы.

1823 — Куба: кратковременные высадки во время преследования пиратов произошли 8 апреля около Эскондидо, 16 апреля возле Кайо-Бланко, 11 июля в заливе Сикуапа, 21 июля в Кабо-Крус, а 23 октября у Камиюка.

1824 — Куба, октябрь: шхуна Ropgoise, преследуя пиратов, высадила матросов у Матанзаса. Это произошло во время антиpirатского рейда, начатого в 1822 году.

1824 — Пуэрто-Рико (территории Испании): коммодор Дэвид Портер с десантом напал на город Фахардо, в котором разместились пираты и пленные офицеры флота США. Коммодор высадился с 200 моряками и заставил принести извинения.

1825 — Куба, март: произошла совместная антиpirатская высадка англо-американского десанта в Сагуа-ла-Гранде.

1827 — Греция, октябрь — ноябрь: американский флот провел антиpirатские рейды на островах Аргентир, Микони и Андрос.

1831—1832 — Фолклендские острова: США применили силу при расследовании захвата трех американских кораблей и для защиты своих интересов.

1832 — Суматра, 6—9 февраля: карательная экспедиция на Куала-Бату в наказание местным жителям за атаки на американские корабли.

1833 — Аргентина, с 31 октября по 15 ноября: американские войска высадились в Буэнос-Айресе для защиты интересов США и других государств в ходе восстания.

1835—1836 — Перу, с 10 декабря 1835 по 24 января 1836 года, с 31 августа по 7 декабря 1836 года: морские пехотинцы защищали американские интересы в Кальяо и Лиме во время попытки революции.

1836 — Мексика, с июля по декабрь: генерал Гейнс занял спорную территорию Накодочес (Техас) в ходе Техасской войны за независимость, исполняя приказ перейти «воображаемую линию границы» в случае угрозы со стороны индейцев.

1838—1839 — Суматра, с 24 декабря 1838 по 4 января 1839 года: карательные акции в городах Куала-Бату и Мукки.

1840 — Острова Фиджи, июль: карательная экспедиция в отношении местных жителей в наказание за атаки на американские корабли, занимавшиеся исследованием местности.

1841 — Острова Гилберта: карательная экспедиция за убийство американского моряка.

1841 — Самоа, 24 февраля: карательная экспедиция за убийство американского матроса на острове Уполу.

1842 — Мексика: коммодор Джоунс (T. A. C. Jones) во главе эскадрона, длительное время курсировавшего вдоль берегов Калифорнии, 19 октября занял Монтерей в штате Калифорния, подумав, что началась война. Обнаружив ошибку, он отвел флот. Подобный же инцидент произошел неделю спустя в Сан-Диего.

1843 — Китай: моряки и морские пехотинцы с корабля «Сент-Луис» высадились на берег, чтобы принять участие в столкновениях между китайцами и американцами в торговом порту Кантона.

1843 — Африка, с 29 ноября до 16 декабря: четыре американских корабля подошли к берегу и высадили несколько десантов (один из них в 200 морских пехотинцев и моряков), чтобы помешать пиратству и работоговле на береге Слоновой Кости и в наказание за атаки местных на американских моряков и корабли.

1844 — Мексика: президент Тайлер (John Tyler) развернул американские войска для защиты Техаса от Мексики, дожидаясь утверждения Сенатом договора об аннексии (который был отклонен). Сенат впоследствии провел расследование этого решения президента, которое тот защищал.

1846—1848 — Мексика: Мексиканская война была спровоцирована решением президента Полка (James Knox Polk) занять спорную территорию. Война была объявлена официально.

1849 — Смирна: силами флота был освобожден американец, удерживаемый австрийскими официальными лицами.

1851 — Турция, январь: после убийства иностранцев (в том числе американцев) в Яффе средиземноморская эскадра США устроила демонстрацию силы вдоль побережья турецкого Леванта, не открывая огонь.

1851 — Острова Джоанны (к востоку от Африки), август: акт возмездия за незаконное пленение американского китобоя.

1852—1853 — Аргентина, 3—12 февраля 1852 года, 17 сентября 1852 — апрель 1853 года: морские пехотинцы высадились в Буэнос-Айресе, чтобы защитить американские интересы во время революции.

1853 — Никарагуа, 11—13 марта: высадка солдат для защиты жизней и интересов американцев во время политических беспорядков.

1853—1854 — Япония: «Открытие Японии» и экспедиция Перри (Регги).

1853—1854 — острова Рюкю и Бонин: коммодор Перри трижды посетил Японию и в демонстрационных целях дважды провел высадку морской пехоты, что обеспечило угольные концессии от правителя города Наха на Окинаве. Такая же демонстрация силы была проведена на острове Бонин, опять же в интересах коммерции.

1854 — Китай, с 4 апреля по 15—17 июня: введены войска для защиты американских интересов во время беспорядков в Шанхае.

1854 — Никарагуа, 9—15 июля: Сан-Хуан-дель-Норте (Грейтаун) уничтожен, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное американскому министру.

1855 — Китай: 19—21 мая была произведена высадка десанта в Шанхае для защиты американских интересов, а 3—5 августа состоялась высадка рядом с Гонконгом для борьбы с пиратами.

1855 — Острова Фиджи, 12 сентября — 4 ноября: взыскание репараций за нападения на американцев.

1855 — Уругвай, 25—29 или 30 ноября: американские и европейские войска высадились в Монтевидео для защиты американских интересов во время попытки революции.

1856 — Панама, Республика Новая Гренада, 19—22 сентября: высадка для защиты американских интересов во время восстания.

1856 — Китай, с 22 октября по 6 декабря: высадка для защиты американских интересов в Кантоне во время военных действий между британцами и китайцами в период Опиумных войн и в отместку за нападение на безоружный корабль под флагом США.

1857 — Никарагуа, апрель — май, ноябрь — декабрь: выступления против попытки Уильяма Уокера (William Walker) получить контроль над страной. В мае командующий флотом К. Х. Дэвис (С. Н. Davis) с подразделением морской пехоты принял сдачу Уокера и защитил его от возможного возмездия со стороны местных жителей. В ноябре и декабре того же года корабли США «Саратога», «Уобаш» и «Фултон» воспрепятствовали еще одной попытке Уокера в Никарагуа. Коммодор Хирям Поулдинг (Hiram Paulding) высадил морскую пехоту и изгнал Уокера, что вызвало молчаливое неодобрение госсекретаря Льюиса Кэсса и привело к отставке Поулдинга.

1858 — Уругвай, 2—27 января: два американских корабля выступили на защиту американского имущества во время революции в Монтевидео.

1858 — Острова Фиджи, октябрь: акция возмездия за убийство двух американских граждан.

1858—1859 — Турция: демонстрация силы флотом США у побережья Леванта по просьбе госсекретаря после резни американцев в Яффе и жестокого обращения с ними в других местах, «чтобы напомнить властям (Турции) о... могуществу Соединенных Штатов».

1859 — Парагвай: Конгресс США уполномочил флот потребовать компенсации за нападение на военный корабль на реке Парана в 1855 году. Извинения были принесены после масштабной демонстрации силы.

1859 — Мексика: 200 солдат США пересекли Рио-Гранде в погоне за мексиканским бандитом Кортиной.

1859 — Китай, с 31 июля по 2 августа: высадка в Шанхае для защиты американских интересов.

1860 — Ангола, португальская Западная Африка, 1 марта: применение войск для защиты жизни и имущества американцев во время волнений туземцев в Киссембо.

1860 — Колумбия, Панамский залив, с 27 сентября по 8 октября: применение войск для защиты американских интересов во время революции.

1863 — Япония, 16 июля: ответная акция за оскорбление американского флага — обстрел американского судна в Симоносеки.

1864 — Япония, приблизительно с 14 июля по 3 августа: военная поддержка прибывшего на переговоры в Эдо американского министра. Переговоры касались американских претензий к Японии и прошли выгодно для США в результате демонстрации американской мощи перед Японией.

1864 — Япония, пролив Симоносеки, 4—14 сентября: попытка заставить японского принца Нагато разрешить использовать проливы для прохода иностранных судов в соответствии с уже подписанными международными договорами.

1865 — Панама, 9—10 марта: ввод войск для защиты жизни и собственности американских жителей во время революции.

1866 — Мексика: для защиты американских граждан в Мексике генерал Седжвик (Sedgwick) с 100 солдат заставил сдаться Матаморас. Через три дня генерал получил приказ отойти, президент США осудил его действия.

1866 — Китай: с 20 июня по 7 июля США применили войска в наказание за нападение на американского консула в Ньючванг (Инкоу); 14 июля прошли консультации с местными властями, а 9 августа американские войска приняли участие в тушении пожара в Шанхае.

1867 — Никарагуа: морские пехотинцы заняли Манагуа и Леон.

1867 — остров Формоза, 13 июня: карательная экспедиция в отношении дикарей, которые, предположительно, убили экипаж американского судна, потерпевшего кораблекрушение.

1868 — Япония (Осака, Хеого, Нагасаки, Иокагама, Инегата), 4—8 февраля, 4 апреля — 12 мая, 12—13 июня: применение войск в защиту американских интересов во время гражданской войны в Японии, в ходе которой был отменен сегунат и восстановлена власть мидзадо.

1868 — Уругвай, 7–8, 19–26 февраля: применение войск в защиту иностранных граждан и таможни во время восстания в Монтевидео.

1868 — Колумбия, Аспинуолл, 7 апреля: применение войск для защиты пассажиров и грузов во время бездействия местной полиции и армии из-за смерти президента Колумбии.

1870 — Мексика, 17–18 июня: уничтожение пиратского корабля «Форвард», который сел на мель в 40 милях вверх по реке Рио-Текапан.

1870 — Гавайские острова, 21 сентября: применение силы для того, чтобы приспустить американский флаг вследствие смерти королевы Калама, на что не решился американский консул в Гонолулу.

1871 — Корея, 10–12 июня: карательная экспедиция против местных жителей в отместку за нападения на американцев, в частности убийство команды шхуны «Генерал Шерман» и атаки на другие американские корабли на реке Сале.

1873 — Колумбия, Панамский залив, 7–22 мая, с 23 сентября по 9 октября: применение силы в защиту американских интересов во время борьбы за владения правительства штата Панама.

1873 — Мексика: американские войска неоднократно пересекали мексиканскую границу в целях угона скота и других преступлений. Ответные военные действия предприняла мексиканская сторона. Эти случаи рассматриваются как вторжение только технически, хотя Мексика постоянно высказывала протесты. Известны случаи в Ремолине в мае 1873 года и в Лас-Куэвас в 1875 году. Эти набеги часто совершались по приказу из Вашингтона. Соглашения между Мексикой и США, первое из них — в 1882 году, легитимизировали такие рейды, и они периодически продолжались до 1896 года.

1874 — Гавайские острова, 12–20 февраля: применение силы в защиту порядка и американских интересов во время коронации нового короля.

1876 — Мексика, 18 мая: применение войск для временного патрулирования города Матаморос, пока там отсутствовало правительство.

1882 — Египет, 14–18 июля: применение войск в защиту американских интересов во время британо-египетской войны и разграбления Александрии арабами.

1885 — Панама, 18–19 января: применение войск для охраны грузов и ценностей, следующих транзитом по Панамской железной дороге и для охраны сейфов компании во время революционной активности. В марте, апреле и мае в городах Колон и Панама войска использовались для восстановления свободной транспортировки грузов.

1888 — Корея, июнь: применение войск для защиты американских жителей в Сеуле во время политической нестабильности и вспышек насилия.

1888 — Гаити, 20 декабря: применение войск для убеждения гаитянского правительства освободить американский пароход, который был захвачен из-за обвинений в нарушении блокады.

1888–1889 — Самоа, с 14 ноября 1888 по 20 марта 1889 года: применение войск в защиту американских граждан и консульства во время гражданской войны.

1889 — Гавайские острова, 30—31 июля: применение войск в защиту американских интересов в Гонолулу во время революции.

1890 — Аргентина: высадка морского десанта в Буэнос-Айресе для защиты американского посольства.

1891 — Гаити: применение войск в защиту американских граждан и имущества на острове Навасса.

1891 — Берингово море, со 2 июля по 5 октября: применение войск для борьбы с браконьерами.

1891 — Чили, 28—30 августа: применение войск в защиту американского консульства, а также укрывшихся в нем женщин и детей во время революционных событий в Вальпараисо.

1893 — Гавайи, с 16 января по 3 апреля: вторжение якобы с целью защиты американских граждан и их собственности, а на самом деле в поддержку временного правительства Сэнфорда Доула (Sanford B. Dole). Эта акция отрицалась правительством США.

1894 — Бразилия, январь: применение войск в защиту американской торговли и судоходства в Рио-де-Жанейро во время гражданской войны. Десант высажен не был, но проведена демонстрация силы флотом.

1894 — Никарагуа, с 6 июля по 7 августа: применение войск в защиту американских интересов в Блуфилдс после революции.

1894—1895 — Китай: морская пехота была размещена в Тяньцзине и Пекине в целях защиты интересов во время китайско-японской войны.

1894—1895 — Китай: военный корабль был вытащен на берег и использовался в качестве форта для защиты американцев в Инкоу.

1894—1896 — Корея, с 24 июля 1894 по 3 апреля 1896 года: применение войск в защиту американских граждан и интересов в Сеуле во время и после китайско-японской войны. Подразделение морской пехоты оставалось в американском представительстве до апреля 1896 года.

1895 — Колумбия, 8—9 марта: применение войск в защиту американских интересов во время нападения бандитов на город Бокас-дель-Торо.

1896 — Никарагуа, 2—4 мая: применение войск в защиту американских интересов в Коринто во время политических волнений.

1898 — Никарагуа, 7—8 февраля: применение войск в защиту американских граждан и собственности в Сан-Хуан-дель-Сур.

1898 — Испания: Испано-американская война, объявлена официально.

1898—1899 — Китай, с 5 ноября 1898 по март 1899 года: применение войск для обеспечения безопасности дипломатической миссии в Пекине и консульства в Тяньцзине во время противостояния между вдовствующей императрицей и ее сыном.

1899 — Никарагуа, с 22 февраля по 5 марта и несколько недель спустя: применение войск в защиту американских интересов в Сан-Хуан-дель-Норте и Блуфилдс в связи с восстанием генерала Хуана Рейеса (Juan P. Reyes).

1899 — Самоа, с 13 марта по 15 мая: применение войск в защиту американских интересов и для участия в кровавой войне за престол.

1899—1901 — Филиппины: применение войск в защиту американских интересов после войны с Испанией и для удержания контроля над островами после войны за независимость.

1900 — Китай, с 24 мая по 28 сентября: применение войск для защиты иностранных граждан во время Боксерского восстания (востания ихэтуаней), особенно в Пекине. В течение многих лет после восстания посольство в Пекине использовало постоянную охрану, которая значительно усиливалась в моменты беспорядков. В 1934 году охрана оставалась.

1901 — Колумбия (штат Панама), с 20 ноября по 4 декабря: применение войск для защиты американской собственности на перешейке и сохранения транзита в периоды серьезных революционных беспорядков.

1902 — Колумбия, 16—23 апреля: применение войск для защиты американских граждан и имущества в Бокас-дель-Торо во время гражданской войны.

1902 — Колумбия (штат Панама), с 17 сентября по 18 ноября: применение войск для размещения вооруженной охраны на всех поездах, пересекающих перешеек, и для поддержания функционирования железной дороги.

1903 — Гондурас, 23—31 марта: применение войск для защиты американского консульства и пристани для пароходов в Пуэрто-Кортес в период революционной деятельности.

1903 — Доминиканская Республика, с 30 марта по 21 апреля: применение войск для защиты американских интересов в городе Санто-Доминго во время революционного восстания.

1903 — Сирия, 7—12 сентября: применение войск для защиты американского консульства в Бейруте, когда опасались мусульманского восстания.

1903—1904 — Абиссиния: 25 морских пехотинцев были отправлены в Абиссинию для защиты генерального консула США на время переговоров по соглашению.

1903—1914 — Панама: применение войск в защиту американских граждан и интересов во время и после революции за независимость от Колумбии в борьбе за строительство канала через перешеек. С небольшими перерывами морская пехота размещалась на перешейке с 4 ноября 1903 по 21 января 1914 года.

1904 — Доминиканская Республика, со 2 января по 11 февраля: применение войск для защиты американских интересов в Пуэрто-Плата, Сосуа и городе Санто-Доминго во время революционных боев.

1904 — Танжер, Марокко: «Мы хотим либо Пердикариса (Perdicaris) живого или Райсулу (Raisula) мертвого». Демонстрация силы с целью заставить освободить похищенных американских охранников при генеральном консуле.

1904 — Панама, 17—24 ноября: применение войск для защиты американских граждан и имущества в Анконе во время угрозы восстания.

1904—1905 — Корея, с 5 января 1904 по 11 ноября 1905 года: применение войск для охраны американской миссии в Сеуле.

1904—1905 — Корея: подразделение морской пехоты было направлено в Сеул для защиты во время русско-японской войны.

1906—1909 — Куба, с сентября 1906 по 23 января 1909 года: вмешательство с целью восстановить порядок, защитить иностранцев и создать стабильное правительство вследствие активной революционной деятельности.

1907 — Гондурас, с 18 марта по 8 июня: применение войск для защиты американских интересов во время войны между Гондурасом и Никарагуа; войска были дислоцированы в Трухильо, Сейба, Пуэрто-Кортес, Сан-Педро, Лагуна и Чолома.

1910 — Никарагуа: 22 февраля во время гражданской войны были применены войска, чтобы получить информацию о ситуации в Коринто; с 19 мая по 4 сентября войска использовались для защиты американских интересов в Блуфилдсе.

1911 — Гондурас, 26 января и последующие недели: применение войск для защиты американских граждан и интересов во время гражданской войны в Гондурасе.

1911 — Китай: в период подготовки революции, в октябре, прапорщик и 10 солдат пытались войти в Учан, чтобы спасти миссионеров, но не смогли. С октября небольшое подразделение охраняло американскую собственность и консульство в Ханькоу. С ноября морская пехота охраняла кабельные станции в Шанхае. Десанты высадились для защиты Нанкина, Чжэньцзянья, Таку и в других местах.

1912 — Гондурас: небольшой отряд высадился, чтобы предотвратить захват правительством железной дороги в Пуэрто-Кортес, принадлежавшей США. Отряд был отозван — Вашингтон не одобрял эти действия.

1912 — Панама: по просьбе обеих политических партий американские войска выступили наблюдателями в ходе выборов в зоне канала.

1912 — Куба, с 5 июня по 5 августа: применение войск для защиты американских интересов в провинции Ориенте и в Гаване.

1912 — Китай, 24—26 августа на острове Кентукки и 26—30 августа в Кэмп-Николсон: применение войск для защиты американских граждан и интересов во время революционной активности.

1912 — Турция, с 18 ноября по 3 декабря: применение войск для защиты американской миссии в Константинополе во время Балканской войны.

1912—1925 — Никарагуа, с августа по ноябрь 1912 года: применение войск для защиты американских интересов во время попытки революции. Небольшое подразделение осталось для охраны посольства, поддержания мира и правительенной стабильности до 5 августа 1925 года.

1912–1941 — Китай: беспорядки, начавшиеся с восстанием Гоминьдана в 1912 году и продолжившиеся в ходе вторжения Японии в Китай, и затем война между Японией и Соединенными Штатами в 1941 году привели к многократным демонстрациям силы и высадкам десантов для защиты интересов США в Китае. Охрана в Пекине и вдоль дороги к морю сохранилась до 1941 года. В 1927 году 5670 американских солдат дислоцировались на территории Китая и 44 военно-морских судна в китайских водах. В 1933 году США располагали на суше подразделениями общей численностью 3027 человек. Все эти меры основывались на договорах с Китаем, подписанных с 1858 по 1901 год.

1913 — Мексика, 5–7 сентября: несколько морских пехотинцев высадились в Кларисс-Эстero, чтобы помочь в эвакуации американских и других граждан из долины Яки, ставшей опасной для иностранцев в результате гражданских беспорядков.

1914 — Гаити, с 29 января по 9 февраля, 20–21 февраля, 19 октября: применение войск для защиты американских граждан во время беспорядков.

1914 — Доминиканская Республика, июнь — июль: во время революционного движения военно-морские силы США силой огня остановили бомбардировки Пуэрто-Плата и поддерживали нейтральную зону в городе Санто-Доминго.

1914–17 — Мексика: необъявленная мексикано-американская война после ареста моряков с корабля «Дельфин» и рейдов Панcho Вильи, включая захват Вера-Крус, а затем экспедиция Першинга в Северную Мексику.

1915–1934 — Гаити, с 28 июля 1915 по 15 августа 1934 года: применение войск для поддержания порядка в период угрозы восстания и непосредственно восстания.

1916 — Китай: американские войска высадились для подавления бунта в американских владениях в Нанкине.

1916–1924 — Доминиканская Республика, с мая 1916 по сентябрь 1924 года: применение войск для поддержания порядка в период угрозы восстания и собственно восстания.

1917 — Китай: американские войска высадились в Чунцине для защиты американских граждан в период политического кризиса.

1917–1918: Первая мировая война. Объявлена официально.

1917–1922 — Куба: применение войск для защиты американских интересов во время восстания и последующих нестабильных условий. Большая часть вооруженных сил США покинула Кубу к августу 1919 года, но два подразделения остались на Камагуэй до февраля 1922 года.

1918–1919 — Мексика: после отмены экспедиции Першинга американские войска входили в Мексику в погоне за бандитами по крайней мере три раза в 1918-м и шесть раз в 1919 году. В августе 1918 года американские и мексиканские войска сошлись в боях при Ногалес.

1918–1920 — Панама: применение войск для исполнения полицейских задач в Чирики, а также в соответствии с условиями договора во время нарушений в ходе выборов и последующих беспорядков.

1918–1920 — Советская Россия: в июне и июле морские пехотинцы высадились в районе Владивостока для защиты американского консульства и других объектов в боях между

войсками большевиков и чешской армией, которая пересекла Сибирь с западного фронта. В июле американское, японское, британское, французское и чешское командование совместно провозгласили чрезвычайное правительство и нейтралитет; американские части остались до конца августа. В августе военное присутствие было расширено: 7000 военных высадились во Владивостоке и оставались там до января 1920 года в качестве оккупационных сил союзников. В сентябре 1918 года 5000 солдат американских войск присоединились к интервенции союзников в Архангельске, потеряли 500 человек и оставались до июня 1919 года. Несколько морских пехотинцев ранее приняли участие в британской высадке в Мурманске (возле Норвегии), но это произошло случайно. Все эти операции ставили целью нейтрализовать действия большевиков в ходе революции в России и пользовались частичной поддержкой сторонников царя и правительства Керенского. Война не была объявлена. Большевистские элементы иногда выступали на американской стороне, но Советская Россия по-прежнему требовала возмещения ущерба.

1919 — Далмация: вооруженные силы США высадились в Трау по просьбе итальянских властей для сохранения порядка в отношениях между итальянцами и сербами.

1919 — Турция: морские пехотинцы с корабля «Аризона» высадились для охраны консульства США во время греческой оккупации Константинополя.

1919 — Гондурас, 8–12 сентября: десант был послан на берег для поддержания порядка в нейтральной зоне во время попытки революции.

1920 — Китай, 14 марта: десант был высажен на берег на несколько часов для защиты граждан во время беспорядков в Цзюцзяне.

1920 — Гватемала, 9–27 апреля: применение войск для защиты американского посольства и других американских интересов, в частности кабельной станции, в период боевых действий между профсоюзами и правительством Гватемалы.

1920–1922 — Россия (Сибирь), с 16 февраля 1920 по 19 ноября 1922 года: подразделение морской пехоты использовалось для охраны американской радиостанции и имущества на острове Русский, в заливе Владивостока.

1921 — Панама и Коста-Рика, апрель: американские эскадры продемонстрировали силу по обе стороны перешейка, чтобы предотвратить войну между двумя странами из-за пограничной территории.

1922 — Турция, сентябрь — октябрь: десант высадился на берег с согласия и греческих, и турецких властей для защиты американских граждан и имущества после того, как турецкие националисты вошли в Смирну.

1922–23 — Китай, в период с апреля 1922 по ноябрь 1923 года: морские пехотинцы высаживались пять раз для защиты американских граждан в периоды волнений.

1924 — Гондурас, с 28 февраля по 31 марта, 10–15 сентября: применение войск для защиты американских граждан и интересов во время беспорядков в ходе выборов.

1924 — Китай, сентябрь: морские пехотинцы высадились для защиты американских и других иностранных граждан в Шанхае во время внутренних беспорядков в стране.

1925 — Китай, с 15 января по 29 августа: продолжающаяся борьба китайских фракций сопровождалась массовыми беспорядками и демонстрациями в Шанхае, что потребовало

высадки американских войск для защиты граждан и имущества в рамках международного мирового соглашения.

1925 — Гондурас, 19—21 апреля: применение войск для защиты иностранцев в Ла-Сейба во время политических потрясений.

1925 — Панама, 12—23 октября: забастовки и беспорядки привели к необходимости высадки десанта численностью около 600 человек, чтобы следить за порядком и защитить американские интересы.

1926 — Китай, август и сентябрь: нападение националистов на Ханькоу потребовало высадки американского десанта для защиты американских граждан. Небольшое подразделение охраны оставалось в консульстве после 16 сентября, когда основные силы были выведены. Когда националистические силы захватили Цзюцзян, военно-морские силы высадились 4—6 ноября для защиты иностранцев.

1926—1933 — Никарагуа, с 7 мая по 5 июня 1926 года, с 27 августа 1926 по 3 января 1933 года: государственный переворот генерала Чаморро вызвал революционную активность, которая привела к высадке американских морских пехотинцев для защиты интересов Соединенных Штатов. Войска США приходили и уходили, но не покинули страну полностью вплоть до 3 января 1933 года. Их задачи включали действия против незаконного лидера Сандино в 1928 году.

1927 — Китай, февраль: борьба в Шанхае повлекла увеличение контингента американских военно-морских сил и морской пехоты. В марте, после захвата Нанкина войсками националистов, морская пехота охраняла американское консульство. Американские и британские эсминцы позже применили артиллеристский обстрел для защиты американцев и других иностранцев. «После этого инцидента дополнительные силы морской пехоты и военно-морские корабли были вызваны в Китай и дислоцировались в окрестностях Шанхая и Тяньцзиня».

1932 — Китай: американские войска высадились для защиты американских интересов во время японской оккупации Шанхая.

1933 — Куба: во время революции против президента Херардо Мачадо военно-морские силы продемонстрировали силу, но высадка не производилась.

1934 — Китай: морские пехотинцы высадились в Фучжоу для защиты американского консульства.

1940 — Ньюфаундленд, Бермудские острова, Сент-Люсия, Багамские острова, Ямайка, Антигуа, Тринидад, Британская Гвиана: были направлены войска, чтобы охранять военные базы BBC и BMC, полученные в результате переговоров от Великобритании. Их иногда называли «базами по ленд-лизу».

1941 — Гренландия, апрель: страна была взята под охрану Соединенными Штатами.

1941 — Нидерланды (Голландская Гвиана): в ноябре президент дал приказ американским войскам занять Голландскую Гвиану, но по соглашению с правительством Нидерландов в изгнании Бразилия помогла защитить поставки алюминиевой руды с месторождений бокситов в Суринаме.

1941 — Исландия: с согласия ее правительства была взята под защиту Соединенных Штатов по причинам стратегического порядка.

1941 — Германия: весной президент дал приказ флоту патрулировать торговые пути в Европу. В июле американские военные корабли конвойировали, а к сентябрю атаковали немецкие подводные лодки. Конгресс США не объявлял войны. В ноябре нейтралитет был частично отменен для оказания военной помощи Великобритании, России и другим странам.

1941–1945 — Германия, Италия, Япония и другие: Вторая мировая война. Объявлена официально.

Приложение 3

Заговоры американского правительства с целью убийства политических деятелей

26 июня 1993 года США провели бомбардировку Ирака в ответ на якобы готовящееся иракцами убийство бывшего американского президента Джорджа Буша. Как заявил президент Клинтон, атака «была необходима, чтобы те, кто вовлечен в государственный терроризм, получили предупреждение... а также чтобы подтвердить наше ожидание того, что государства будут вести себя цивилизованно».

Ниже приведен список известных зарубежных лидеров, в убийстве (или планировании убийства) которых были замешаны Соединенные Штаты в период с конца Второй мировой войны. Данный список не включает несколько политических убийств в различных частях мира, совершенных кубинцами, ведущими борьбу против Кастро, нанятыми ЦРУ и базирующимися в США.

1949 — Ким Гу, корейский оппозиционный лидер

1950-е — совместный «черный список» ЦРУ и неонацистов, включающий более 200 политических деятелей Западной Германии, которых необходимо было «убрать с пути» в случае советского вторжения

1950-е — Чжоу Эньлай, премьер-министр Китая, несколько покушений

1950-е, 1962 — Сукарно, президент Индонезии

1951 — Ким Ир Сен, правитель Северной Кореи

1953 — Мохаммед Мосаддык, премьер-министр Ирана

1950-е, середина — Кларо М. Ректо, филиппинский оппозиционный лидер

1955 — Джавахарлал Неру, премьер-министр Индии

1957 — Гамаль Абдель Насер, президент Египта

1959, 1963, 1969 — Нородом Сианук, лидер Камбоджи

1960 — бригадный генерал Абдель Керим Касем, лидер Ирака

1950—1970-е — Хоце Фигерес, президент Коста-Рики, два покушения

1961 — Франсуа «Папа Док» Дю瓦лье, лидер Гаити

1961 — Патрис Лумумба, премьер-министр Демократической Республики Конго

1961 — генерал Рафаэль Трухильо, лидер Доминиканской Республики

1963 — Нго Динь Зьем, президент Южного Вьетнама

1960—1990-е — Фидель Кастро, президент Кубы, множество покушений

1960-е — Рауль Кастро, высокопоставленный политический деятель Кубы

1965 — Франсиско Кааманьо, оппозиционный лидер в Доминиканской Республике

1965—1966 — Шарль де Голль, президент Франции

1967 — Че Гевара, кубинский лидер

1970 — генерал Рене Шнейдер, главнокомандующий вооруженными силами, Чили

1970 — Сальвадор Альенде, президент Чили

1970-е, 1981 — генерал Омар Торрихос, лидер Панамы

1972 — генерал Мануэль Норьега, глава разведки Панамы

1975 — Мобуту Сесе Секо, президент Заира

1976 — Майкл Мэнли, премьер-министр Ямайки

1980—1986 — Муаммар Каддафи, лидер Ливии, несколько заговоров и покушений

1982 — Аятолла Хомейни, лидер Ирана

1983 — генерал Ахмед Длими, главнокомандующий армии Марокко

1983 — Мигель д'Эското, министр иностранных дел Никарагуа

1984 — девять руководителей национального руководства Никарагуа

1985 — шейх Мухаммад Хусейн Фадлалла, ливанский шиитский лидер

1991 — Саддам Хусейн, лидер Ирака

1999 — Слободан Милошевич, президент Югославии

2003 — Саддам Хусейн и члены его семьи

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. *Michael Parenti*. *The Anti-Communist Impulse* (Random House, New York, 1969). P. 4.
2. Washington Pos, 24 October 1965. Статья Стэнли Карноу (Stanley Karnow).
3. Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Т. IV. Поворот судьбы (London, 1951). P. 428.
4. Уинстон Черчилль. Мировой кризис. Т. V (The Aftermath) (London, 1929). P. 235.
5. D. F. Fleming. The Western Intervention in the Soviet Union, 1918–1920, *New World Review* (New York), autumn 1967; см. также: *Fleming*. *The Cold War and its Origins, 1917–1960* (New York, 1961). P. 16–35.
6. Los Angeles Times, 2 September 1991. P. 1.
7. Frederick L. Schuman, *American Policy Toward Russia Since 1917* (New York, 1928). P. 125.
8. Там же. P. 154.
9. San Francisco Chronicle, 4 October 1978. C. 4.
10. *New Republic*, 4 August 1920. 42-страничный анализ, авторы — *Walter Lippmann* и *Charles Merz*.
11. *Life*, 29 March 1943. P. 29.
12. *New York Times*, 24 June 1941; интересные факты о том, как руководство США за-кладывало основы для холодной войны во время и сразу после Второй мировой войны — см. первую главу работы *Blanche Wiesen Cook* *The Declassified Eisenhower* (New York, 1981), исследования ранее засекреченных документов в библиотеке Эйзенхауэра.
13. Это прекрасно задокументировано и было бы «общеизвестно», если бы значение этих документов не было столь постыдно. См., к примеру, документы британского кабинета министров за 1939 г., обобщенные в *Manchester Guardian*, 1 January 1970; также у Флеминга: *The Cold War*. P. 48–97.
14. По словам министра иностранных дел Франции Кристиана Пино из интервью для *Dulles Oral History Project*, Princeton University Library; цитата приводится у *Roger Morgan*. *The United States and West Germany. 1945–1973: A Study in Alliance Politics* (Oxford University Press, London, 1974). P. 54, перевод с французского — Уильям Блум.
15. *Michael Parenti*. *The Anti-Communist Impulse* (Random House, New York, 1969). P. 35.
16. *John Stockwell*. *In Search of Enemies* (New York, 1978). P. 101. Выражения «сотрудник ЦРУ» и «оперативный сотрудник» используются в данной книге для обозначения кадровых сотрудников ЦРУ — профессионалов, работающих на полной ставке, в отличие от просто «агентов», то есть тех, кто работает на ЦРУ от случая к случаю. В цитируемых источниках, как это можно будет заметить, слово «агент» используется некорректно, обозначая то одну, то другую категорию.

17. Там же. Р. 238.
18. *Kwame Nkrumah*. Dark Days in Ghana (London, 1968). Р. 71–72.
19. Цитата из New York Times. 11 January 1969. Р. 1; внутренняя цитата: Национальный комитет (National Commission).
20. Mother Jones magazine (San Francisco), April 1981. P. 5.
21. San Francisco Chronicle, 14 January 1982. P. 2.
22. *Richard F. Grimmett*. Reported Foreign and Domestic Covert Activities of the United States Central Intelligence Agency: 1950–1974 (Library of Congress, 18 February 1975).
23. The Pentagon Papers (опубликованы в New York Times, 1971). Р. XIII. Доступны в интернете: http://www.nytimes.com/interactive/us/2011_PENTAGON_PAPERS.html?ref=us (Прим. ред.)
24. Речь перед Советом по международным делам (World Affairs Council) в Пенсильянском университете 13 января 1950 г. приведена в информационном бюллетене Республиканского комитета Конгресса (Republican Congressional Committee) 20 сентября 1965 г.
25. *Robert Scheer*. Los Angeles Times Book Review, 27 September 1992. Обзор книги Георгия Арбатова — *Georgi Arbatov. The System: An Insider's Life in Soviet Politics* (Times Books, New York, 1992).
26. International Herald Tribune, 29 October 1992. Р. 4.
27. The New Yorker, 2 November 1992. Р. 6.
28. Los Angeles Times, 2 December 1988: эмиграция советских евреев достигла пика — 51 330 человек в 1979 г. и снизилась до уровня порядка 1000 человек в год в середине 1980-х, в период администрации Рейгана (1981–1989); в 1988 г. она составила 16 572 человека.
29. а) *Frank Kofsky*. Harry S. Truman and the War Scare of 1948: A Successful Campaign to Deceive the Nation (St. Martin's Press, New York, 1993), в различных местах, в частности в Приложении А (Appendix A); книга изобилует отрывками подобных документов, написанных дипломатическими и военными аналитиками и аналитиками разведслужб в 1940-х; военный психоз должен был продавить программу внешней политики Администрации, послужить мощным толчком для значительного наращивания военной мощи и спасти авиастроение, находящееся практически в состоянии банкротства.
б) Справочная система по рассекреченным документам (Declassified Documents Reference System): указатели, обзоры, выдержки и документы на микропленках, ежегодные выпуски, подготовленные отдельными правительственные агентствами в год снятия грифа секретности.
с) Foreign Relations of the United States (State Department), ежегодные выпуски, внутренняя документация, опубликованная через 25–35 лет после ее создания.
30. Los Angeles Times, 29 December 1991. Р. M1.
31. The Guardian (London), 10 October 1983. Р. 9.
32. а) *Anne H. Cahn*. How We Got Oversold on Overkill. Los Angeles Times, 23 July 1993. Основаны на показаниях Элеанор Челимски (Eleanor Chelimsky), помощника главы Счетной палаты США в Конгрессе, 10 июня 1993 г. по вопросу расследования Счетной палаты США.
б) Los Angeles Times, 15 September 1991. Р. 1; 26 October 1991.
в) The Guardian (London), 4 March 1983; 20 January 1984; 3 April 1986.
г) *Arthur Macy Cox*. Why the U. S., Since 1977, Has Been Misperceiving Soviet Military Strength. New York Times, 20 October 1980. Р. 19; Кокс ранее занимал ответственные посты в Государственном департаменте и ЦРУ.
33. Для дальнейшей дискуссии по этим пунктам см.:
а) *Walden Bello*. Dark Victory: The United States, Structural Adjustment and Global Poverty (Institute for Food and Development Policy — Институт развития продовольственных программ, Oakland, CA, 1994), в различных местах.

- b) *Multinational Monitor* (Washington). July/August 1994, специальный выпуск, посвященный Всемирному банку.
- c) *Doug Henwood*. The U. S. Economy: The Enemy Within. *Covert Action Quarterly* (Washington), summer 1992. No. 41. P. 45–49.
- d) *Joel Bleifuss*. The Death of Nations. In *These Times* (Chicago) 27 June — 10 July 1994. P. 12 (UN Code).

1. КИТАЙ, 1945–1960

1. *David Barrett*. Dixie Mission: The United States Army Observer Group in Yenan, 1944 (Center for Chinese Studies, University of California, Berkeley, 1970), в различных местах; *R. Harris Smith*. OSS: The Secret History of America's First CIA (University of California Press, Berkeley, 1972). P. 262-3; *New York Times*, 9 December 1945. P. 24.
2. Chiang's policies during and after war: *Smith*. P. 259–282; *New York Times*, 19 December 1945. P. 2.
3. *Harry S. Truman*. Memoirs, Vol. Two: Years of Trial and Hope, 1946–1953 (Great Britain, 1956). P. 66.
4. *Smith*. P. 282.
5. *D. F. Fleming*. The Cold War and its Origins, 1917–1960 (New York, 1961). P. 570.
6. *New York Times*, September — December 1945, в различных местах; *Barbara W. Tuchman*. Stilwell and the American Experience in China 1911–1945 (New York, 1972). P. 666–677.
7. Congressional Record, Appendix. Vol. 92, part 9. 24 January 1946. P. A225, письмо к сенатору от штата Вашингтон Хью де Лейси (Hugh de Lacy).
8. *New York Times*, 6 November 1945. P. 1; 19 December 1945. P. 2.
9. Там же. 9 December 1945. P. 24; 26 December 1945. P. 5.
10. Там же. 26 December 1945. P. 5.
11. *Fleming*. P. 587.
12. *Christopher Robbins*. Air America (U. S., 1979). P. 46–57; *Victor Marchetti and John Marks*. The CIA and the Cult of Intelligence (New York, 1975). P. 149.
13. Из показаний Дина Ачесона (Dean Acheson) на закрытых слушаниях Комиссии по иностранным делам Сената США в 1949–1950 гг. на тему «Экономическая помощь Китаю и Корее в 1949–1950 гг.» (Economic Assistance to China and Korea: 1949–1950); опубликованы в январе 1974 г. в рамках Исторической серии (Historical Series). P. 23.
14. *Tuchman*. P. 676.
15. Для более детальной информации о репрессиях и жестокостях режима Цзян (Чан Кайши) на Тайване см.: *Scott Anderson and Jon Lee Anderson*. Inside the League (New York, 1986). P. 47–49, которые приводят слова именитых американских генералов и представителя Государственного департамента, находившихся в то время на Тайване. Также см.: *Fleming*. P. 578–579. В 1992 г. правительство Тайваня признало, что во время кровавой бойни 1947 г. армией было уничтожено от 18 до 28 тысяч коренных тайваньцев. *Los Angeles Times*. 24 February 1992.
16. *Felix Greene*. A Curtain of Ignorance (New York, 1964).
17. *Tuchman*. P. 676; *Fleming*. P. 572–574, 577, 584–585; *Milovan Djilas*. Conversations with Stalin (London, 1962). P. 164; *New York Times*. 7 November 1945. P. 12; 14 November. P. 1; 21 November. P. 2; 28 November. P. 1; 30 November. P. 3; 2 December. P. 34.
18. *New York Times*, 12 January 1947. P. 44.
19. *William Manchester*. American Caesar: Douglas MacArthur 1880–1964 (London, 1979). P. 535.
20. *Foreign Relations of the United States*, 1949. Vol. VIII. The Far East: China (U. S. Government Printing Office, Washington, 1978), в различных местах на стр. 357–399; 768, 779–780;

публикация этого тома в серии публикаций Госдепартамента была приостановлена именно по причине того, что в нем содержались отчеты о ходатайствах Чжоу Эньляя такого рода (*San Francisco Chronicle*. 27 September 1978. P. F-1).

21. См. главу «Индонезия, 1957—1958» и *The Guardian* (London). 24 August 1985.
22. *New York Times*, 25 April 1966. P. 20.
23. Бирма — прочее: *David Wise and Thomas Ross. The Invisible Government* (N. Y., 1965, в бумажном переплете). P. 138—144; *Joseph Burkholder Smith. Portrait of a Cold Warrior* (N. Y., 1976). P.77—78; *New York Times*, 28 July 1951; 28 December 1951; 22 February 1952; 8 April 1952; 30 December 1952. P. 3; опиум: *Robbins*. P. 84—87.
24. *Washington Post*, 20 August 1958. Джозеф Элсоп (Joseph Alsop), журналист, имеющий хорошие связи с Тайванем, был офицером штаба при генерале Шенонолте. На протяжении многих лет он выполнял различные секретные задания для ЦРУ, как и его брат Стюарт Элсоп (Stewart Alsop) (см.: *Carl Bernstein. The CIA and the Media. Rolling Stone magazine*, 20 October 1977.)
25. Кэймой (Кинмэн) и Мацзу: Stewart Alsop (ранее в сотрудник Управления стратегических служб — OSS; также см. примечание 24), *The Story Behind Quemoy: How We Drifted Close to War. Saturday Evening Post*, 13 December 1958. P. 26; Andrew Tulley, *CIA: The Inside Story* (New York, 1962). P. 162—165; *Fleming*. P. 930—931; *Wise and Ross*. P. 116; *New York Times*, 27 April 1966. P. 28.
26. *Wise and Ross*. P. 114.
27. Десант: *Wise and Ross*. P. 112—115; *Thomas Powers. The Man Who Kept the Secrets* (New York, 1979). P. 43—44; *Newsweek*, 26 March 1973.
28. Нарушение воздушной границы: *Marchetti and Marks*. P. 150, 287; *Washington Post*, 27 May 1966; *New York Times*, 28 March 1969. P. 40.
29. *Foreign Relations of the United States*, 1943, China (U. S. Government Printing Office, Washington, 1957). P. 630.
30. Тибет: *David Wise. The Politics of Lying* (New York, 1973). P. 239—254; *Robbins*. P. 94—101; *Marchetti and Marks*. P. 128—131 and p. 97 издания 1983 г.
31. *People's China*, англоязычный журнал, Foreign Languages Press, Peking, 17 September 1952. P. 28.
32. *Callum A. MacDonald. Korea: The War Before Vietnam* (New York, 1986). P. 161—162, приводит несколько источников информации об этом хорошо известном событии.
33. Бактериологическая война: *People's China*, 1952, в различных местах, начиная с 16 марта.
34. *New York Times*, 9 August 1970. IV. P. 3.
35. *Washington Post*, 17 December 1979. P. A18, «число зарегистрированных во Флориде случаев заболевания коклюшем с 339 и одного со смертельным исходом в 1954 г. выросло до 1080 и 12 смертельных случаев в 1955 г.». ЦРУ получило бактерии из биологического исследовательского центра армии в Форт-Детрике.
36. *San Francisco Chronicle*, 4 December 1979. P. 12. Для получения более подробной информации об экспериментах правительства США с биологическими возбудителями болезней на территории США см.: *Leonard A. Cole. Clouds of Secrecy: The Army's Germ Warfare Tests over Populated Areas* (Maryland, 1990), в различных местах.
37. *Department of State Bulletin*, 2 May 1966.

2. ИТАЛИЯ, 1947—1948

1. В обращении к Бруклинскому кафедральному клубу (Cathedral Club of Brooklyn), 15 January 1948 г.; цитируется по: *David Caute. The Great Fear: The Anti-Communist Purge Under Truman and Eisenhower* (Simon and Schuster, New York, 1979). P. 15.

2. *Robert T. Holt and Robert W. van de Velde*. Strategic Psychological Operations and American Foreign Policy (University of Chicago Press, 1960). P. 169.

3. Dissolving the cabinet: New York Times, 21 January 1947. P. 5; 26 January. P. 31; 3 February. P. 1; 5 May. P. 13; 13 May; 14 May; 29 May. P. 3; 2 June. P. 24.

4. New York Times, 5 May 1947. P. 1; 11 May, IV. P. 5; 14 May. P. 14 and 24; 17 May. P. 8; 18 May, IV. P. 4; 20 May. P. 2; *Howard K. Smith*. The State of Europe (London, 1950). P. 151 (включает цитату Рамадье (Ramadier); та же цитата в New York Times, 20 May).

5. Time, 22 March 1948. P. 35.

6. *William Colby*. Honorable Men: My Life in the CIA (New York, 1978). P. 109.

7. Кроме отдельно оговоренных случаев, цитаты в последующем списке приводятся из следующих источников:

a) New York Times, 16 March to 18 April 1948, в различных местах;

b) *Howard K. Smith*. P. 198–219;

c) *William E. Daugherty and Morris Janowitz*. A Psychological Warfare Casebook (Johns Hopkins Press, Baltimore, 1958). P. 319–326;

d) *Holt and van de Velde*. P. 159–205;

e) *E. Edda Martinez and Edward A. Suchman*. Letters from America and the 1948 Elections in Italy. The Public Opinion Quarterly (Princeton University), Spring 1950. P. 111–125.

8. *Cited in Smith*. P. 202, дата выпуска неизвестна.

9. *Tom Braden*. I'm Glad the CIA is 'Immoral'. Saturday Evening Post, 20 May 1967; Брейден (Braden) занимал высокий пост в ЦРУ.

10. *Miles Copeland*. Without Cloak and Dagger (New York, 1974). P. 235–236; книга также издавалась под названием The Real Spy World.

11. Из меморандума ЦРУ, адресованного Комитету сорока (Forty Committee) (Совет национальной безопасности — National Security Council) и представленного Специальному комитету по разведывательной деятельности в Палате представителей США (Комитет Пайка — The Pike Committee) во время закрытых слушаний, проходивших в 1975 г. В феврале 1976 г. произошла утечка большей части отчета комитета, содержащего меморандум, эта информация была впервые опубликована в книге CIA — The Pike Report (Nottingham, England, 1977). Меморандум в этой книге приводится на стр. 204–205 (см. также: Примечания: «Ирак»).

12. *Stephen Goode*. The CIA (Franklin Watts, Inc., New York, 1982). P. 45; *William R. Corson*. The Armies of Ignorance: The Rise of the American Intelligence Empire (The Dial Press, New York, 1977). P. 298–299. Корсон (Corson) высоко поднялся по карьерной лестнице в военной разведке и достиг ранга начальника секретариата штаба Специальной президентской группы совместной комиссии Минобороны США и ЦРУ по исследованиям и разработкам в области борьбы с повстанческими выступлениями.

13. Public Papers of the Presidents of the United States: Harry S. Truman. 1947 (U. S. Government Printing Office, Washington, 1963). P. 178–179.

14. New York Times, 8 April 1948.

15. Там же. 12 April 1948.

16. *Smith*. P. 200.

17. Там же. P. 202.

18. New York Times, 15 April 1948.

3. ГРЕЦИЯ, 1947–1950

1. *Jorge Semprun*. What a Beautiful Sunday! (пер. на англ., London, 1983). P. 26–27; Семпрун (Semprun) написал сценарии для фильмов «Дзета» (Z) и «Война окончена» (La Guerre est finie).

2. Небольшой список литературы о Народно-освободительной армии Греции (ЭЛАС) и Национально-освободительном фронте Греции (ЭАМ) приведен: *Todd Gitlin. Counter-Insurgency: Myth and Reality in Greece* in David Horowitz, ed., *Containment and Revolution* (Boston, 1967). P. 142–147. Также см.: *D. F. Fleming. The Cold War and its Origins, 1917–1960* (New York, 1961). P. 183–185; *Howard K. Smith. The State of Europe* (London, 1950). P. 225–230; *William Hardy McNeill. The Greek Dilemma: War and Aftermath* (US, 1947) в различных местах.

3. Что касается абсолютно беспринципной политики Британии в Греции и британских сделок с коллаборационистами в 1944–1946 гг. см.: *Fleming*. P. 174–187; *Smith*. P. 227–231, 234; *Lawrence S. Wittner. American Intervention in Greece, 1943–1949* (Columbia University Press, NY, 1982) в различных местах.

4. Цитата Черчилля: *Kati Marton. The Polk Conspiracy: Murder and Cover-Up in the Case of CBS News Correspondent George Polk* (New York, 1990). P. 23. Знак ЭАМ: Hearst Metrotone News, N. Y., фильм снят 3 ноября 1944 г., у автора есть копия фильма.

5. *Parliamentary Debates, House of Commons, 16 October 1946*, column 887 (здесь идет речь о заявлении Э. Бевина (Bevin), сделанном 10 августа). Также см.: *Christopher Simpson. Blowback: America's Recruitment of Nazis and its Effects on the Cold War* (New York, 1988). P. 81.

6. *Gitlin*. P. 157; *Wittner*. P. 25.

7. *Winston Churchill. The Second World War. Vol. VI. Triumph and Tragedy* (London, 1954). P. 198, 255. Дальнейшее подтверждение советского невмешательства можно также найти у Уиттнера (*Wittner*). P. 26–27.

8. *Fleming*. P. 182; также см.: *Smith*. P. 228.

9. См.: примечания 2 и 3; см. также: *James Becket. Barbarism in Greece* (New York, 1970). P. 6; *Richard Barnet. Intervention and Revolution* (London, 1970). P. 99–101; *Edgar O'Ballance. The Greek Civil War, 1944–1949* (London, 1966). P. 155, 167.

10. *Smith*. P. 232. Чтобы нарисовать полную картину того, насколько чудовищным было правительство Греции этого периода, см. Мартон (Marton), цитируемый ранее источник, в различных местах. В данной книге подробно изложено, как греческие власти с одобрения США сфабриковали доказательства того, что корреспондента службы новостей CBS Джорджа Полка (George Polk) убили коммунисты, а не правительство, в то время как он планировал сделать достоянием общественности сведения о погрязшем в коррупции премьер-министре.

11. *Stephen G. Xydis. Greece and the Great Powers, 1944–1947* (Institute for Balkan Studies, Thessaloniki, Greece, 1963). P. 479, информация из архивов Посольства Греции в Вашингтоне.

12. *Foreign Relations of the United States, 1947. Vol. V* (U. S. Government Printing Office, Washington, 1971). P. 222.

13. *New York Times Magazine, 12 October 1947*. P. 10.

14. *Foreign Relations*, цитируемый ранее источник. P. 222–223.

15. Приводится у Флеминга (*Fleming*). P. 444.

16. *Barnet*. P. 109.

17. *Public Papers of the Presidents of the United States: Harry S. Truman, 1947* (U. S. Government Printing Office, Washington, 1963). P. 177.

18. *Milovan Djilas. Conversations with Stalin* (London, 1962). P. 164. Разглашение государственной тайны в этой книге привело к тюремному заключению Джиласа (*Djilas*) в 1962 г.

19. Подробности американских военных акций:

a) *O'Ballance*, в различных местах.

b) *Wittner*. P. 242.

c) Отчет ЦРУ перед Президентом США, март 1948 г., приложения D и F, Declassified Documents Reference System (Arlington, Va.) 1977, документ 168A.

d) Внутренний документ Министерства сухопутных войск США (Department of the Army), 15 июня 1954, DDSR 1980, документ 253C.

- е) *Simpson*. P. 81–82 (секретный армейский резерв).
20. *O'Ballance*. P. 156.
21. Там же. P. 173.
22. *Christopher M. Woodhouse*. The Struggle for Greece, 1941–1949 (London, 1976). P. 260–261.
23. New York Times, 28 August 1947. P. 1; 5 September 1947. P. 1.
24. Foreign Relations, цитируемый ранее источник. P. 327.
25. *John O. Iatrides*. American Attitudes Toward the Political System of Postwar Greece / Под ред. Theodore A. Couloumbis и John O. Iatrides, Greek-American Relations: A Critical Review (New York, 1980). P. 6–65; *Lawrence Stern*. The Wrong Horse: The Politics of Intervention and the Failure of American Diplomacy (N. Y. Times Books, 1977). P. 16–17.
26. *Philip Deane*. I Should Have Died (Atheneum, New York, 1977). P. 102–103; *Andreas Papandreou*. Democracy at Gunpoint (Doubleday, New York, 1970). P. 84–85.
27. *Papandreou*. P. 80.
28. New York Times, 13 July 1947. P. 11.
29. Там же. 11 September 1947. P. 19; 17 October 1947. P. 11.
30. *Papandreou*. P. 5.
31. Данное послание отправлено Хорасом Смитом (Horace Smith) из Американской миссии помощи Греции (American Mission for Aid to Greece — AMAG); Национальное управление архивов и документации, США (U. S. National Archives), Record Group 59, приводится у Майкла Эймена (Michael M. Amen), American Foreign Policy in Greece 1944–1949: Economic, Military and Institutional Aspects (Peter Lang Ltd., Frankfurt, W. Germany, 1978). P. 114–115.

4. ФИЛИППИНЫ, 1940–1950

1. *Charles S. Olcott*. The Life of William McKinley (Boston, 1916). Vol. 2. P. 110–111; из беседы с представителями методистско-епископальной церкви.
2. Действия США против Народной антияпонской армии (Хукбалахап) во время Второй мировой войны:
- а) *D. M. Condit, Bert H. Cooper, Jr. и соавторы*. Challenge and Response in Internal Conflict, Volume 1, The Experience in Asia (Center for Research in Social Systems, The American University, Washington, D. C., 1968). P. 481, исследование проведено по заказу Министерства сухопутных войск (Department of the Army).
 - б) *Luis Taruc*. Born of the People (New York, 1953, хотя работа была закончена в июне 1949 г.). P. 147–162, 186–211, автобиография сдавшегося правительству в 1954 г. главнокомандующего Народной антияпонской армии (Хукбалахап).
 - в) *William J. Pomeroy*. An American Made Tragedy (New York, 1974). P. 74–77; Помрой (Pomeroy) — американец, служивший на Филиппинах во время войны, где и столкнулся с Народной антияпонской армией. После войны возобновил и продолжил борьбу с Хукбалахап, пока не был взят в плен в 1952 г.
 - г) *George E. Taylor*. The Philippines and the United States: Problems of Partnership (New York, 1964). P. 122 (см. примечание 13).
 - д) *Eduardo Lachica*. Huk: Philippine Agrarian Society in Revolt (Manila, 1971). P. 112–113, 116–117.
 - е) Philippines: A Country Study (Foreign Area Studies, The American University, Washington, D. C., 1983–1984). P. 43, подготовлено для Министерства сухопутных войск США (Department of the Army).
 - ж) *Taruc*. Глава 22; *Pomeroy*. P. 77–78; *Taylor*. P. 116–120.
 - з) New York Times, 19 December 1952. P. 13.
 - и) Philippines: A Country Study. P. 44.

6. New York Times, 5 January 1946. P. 26.
7. Слушания в Комитете по иностранным делам Палаты представителей (House Committee on Foreign Affairs) на закрытом заседании 7 июня 1946 г., текст опубликован в 1977 г. Р. 31. Арнольд был заместителем помощника начальника штаба оперативного управления Генерального штаба военного министерства (Deputy Assistant Chief of Staff, Operations Division, War Department General Staff).
8. Протесты американских военнослужащих: New York Times, 8 January 1946. P. 3; 11 January. P. 4; для более подробной информации см.: *Mary-Alice Waters. G. I.'s and the Fight Against War* (New York, 1967), брошюра, изданная журналом *Young Socialist*.
9. New York Times, 20 May 1946. P. 8; 2 June. P. 26; 4 June. P. 22 (письмо Томаса Конфескора (Tomas Confessor), выдающегося филиппинского политика, в котором он подробно аргументирует незаконность отказа в местах в Конгрессе Таруку и остальным); 18 September. P. 4; 19 September. P. 18; *Pomeroy*. P. 20; *Taruc*. P. 214–227; *Lachica*. P. 120–121.
10. New York Times, 12 March 1947. P. 15; приводятся те же слова, что и в *Times*; *Lachica*. P. 121.
11. Помрой (*Pomeroy*) на стр. 28 объясняет, как это произошло.
12. *Taruk* (*Taruc*). Главы 23 и 24; *Pomeroy*. P. 78; Филиппинская армия официально заявила о шестистах жертвах за время рейдов на территории, подконтрольные Хукбалахап, в течение месяца после выборов (New York Times, 20 May 1946. P. 8), но разделения на потери среди военных и мирных жителей в пресс-релизе не было; также см.: *Lachica*. P. 121.
13. *Taylor*. P. 114–115. Книга была напечатана издательским домом Фредерика Прагера (Frederick A. Praeger, Inc.) для Совета по международным отношениям (Council on Foreign Relations), аналитического центра высочайшего уровня, среди руководителей и сотрудников которого в то время были Аллен Даллес (Allen Dulles), Дэвид Рокфеллер (David Rockefeller), Джон Макклой (John J. McCloy). Как выяснилось впоследствии, публикацию Прагером ряда изданий в 1960-х профинансировало ЦРУ. Что касается данной книги, то ее содержание, хотя по большей части и приемлемо рациональное, скатывается к невразумительным и полуистерическим интонациям, как только речь заходит о Хукбалахап или коммунизме.
14. Department of State, Treaties and Other International Agreements of the United States of America, 1776–1949 (Washington, 1974). P. 84–89; *Pomeroy*. P. 21–23; *Taylor*. P. 129.
15. New York Times, 1 July 1946, переведено 50 млн долларов США; 11 February 1950. P. 6, переведено 163,5 млн долларов США по соглашению 1947 г.
16. *Edward G. Lansdale*. In the Midst of Wars (New York, 1972) в различных местах; *Stephen Shalom. Counter-Insurgency in the Philippines* / Под редакцией Дэниэла Ширмера (Daniel Schirmer) и Стивена Шалома (Stephen Shalom), The Philippine Reader (Boston, 1987). P. 112–113.
17. William Worden. Robin Hood of the Islands, Saturday Evening Post, 12 January 1952. P. 76.
18. *Lansdale*. P. 24–30, 47.
19. *Joseph Burkholder Smith*. Portrait of a Cold Warrior (New York, 1976). P. 95 (см. биографическую справку в примечании 30).
20. *Lansdale*. P. 72–73.
21. Там же. P. 47–59.
22. Там же. P. 70–71, 81–83, 92–93; *Smith*. P. 106; *Taruc*. P. 68–69; дальнейшее описание этой пропагандистской кампании см.: Шалом (Shalom). P. 115–116.
23. *Col. L. Fletcher Prouty*. US Air Force, Ret., The Secret Team: The CIA and its Allies in Control of the World (Ballantine Books, New York, 1974, в бумажном переплете). P. 38–39.
24. Там же. P. 102–103.
25. *Cmit* (*Smith*). P. 95, приводит слова кадрового сотрудника ЦРУ Пола Лайнбергера (Paul Lineberger).

26. *New York Times*, 16 October 1953. P. 26.
27. Из интервью, взятого писателем Томасом Бьюеллом (Thomas Buell) у Ральфа Ловетта (Ralph Lovett), начальника филиппинской резидентуры ЦРУ в начале 1950-х, и Лэнсдейла (Lansdale); приводится: *Raymond Bonner. Waltzing With a Dictator: The Marcoses and the Making of American Policy* (New York, 1987). P. 39–40. Также см.: *New York Times*, 31 March 1997. P. 1.
28. *Bonner*. P. 41.
29. *Sherman Adams. Firsthand Report* (New York, 1961). P. 123.
30. Полную и подробную картину того, как ЦРУ манипулировало политической жизнью Филиппин, и в частности Магсайаса, см.: *Smith. Chapters 7, 15, 16, 17*. Смит, будучи в начале 1950-х сотрудником дальневосточного подразделения ЦРУ, включавшего Филиппины, интересовался политическими аспектами и вопросами психологической войны.
31. *Smith*. P. 280.
32. Из интервью, взятого Бьюеллом у Ловетта (см. примечание 27), цитируется по: *Bonner*. P. 42.
33. *Reader's Digest*, April 1963, статья под названием «Democracy Triumphs in the Philippines».
34. *Smith*. P. 290.
35. Законопроект, внесенный Палатой представителей Конгресса Филиппин (House Bill) № 6584, Акт Республики Филиппины (Republic Act) № 1700, утвержден 20 июня 1957 г.
36. Условия Хукбалахап: *New York Times*, 3 April 1949. P. 20; 30 June 1950. P. 4.
37. *Lachica*. P. 131.
38. *Taylor*. P. 192.

5. КОРЕЯ, 1945–1953

1. *New York Times*, 1 October 1950. P. 3.
2. The U. S. Imperialists Started the Korean War, Pyongyang, North Korea, 1977. P. 109–110.
«Империалисты США начали корейскую войну» — именно под таким изящным заголовком опубликована эта книга.
3. Слова из обращения по радио 13 апреля 1950 г., напечатано в *The Department of State Bulletin*, 24 April 1950. P. 627.
4. Для разносторонней информации о непосредственно отправной точке войны см.:
 a) *Karunakar Gupta. How Did the Korean War Begin?* The China Quarterly (London) October — December 1972. No. 52. P. 699–716.
- b) Comment: *The Korean War*, The China Quarterly, April — June 1973. No. 54. P. 354–368.
Это ответы на статью Гупты (Gupta) в выпуске № 52 и его дальнейшие контраргументы.
- c) *New York Times*, 26 June 1950. С. 1: Заявление Южной Кореи по Хэчжу. С. 3: Заявление Северной Кореи по Хэчжу.
- d) *Glenn D. Paige. The Korean Decision* (June 24–30, 1950) (New York, 1968) в различных местах, в частности стр. 130.
- e) *I. F. Stone. The Hidden History of the Korean War* (New York, 1952), глава 7 и пр.
5. *John Gunther. The Riddle of MacArthur* (London, 1951). P. 151–152.
6. *New York Times*, 25 July 1950. P. 4; 30 July. P. 2.
7. *Khrushchev Remembers* (London, 1971), глава 11. Сравнение транскрипций записей и книги: *John Merrill. Book Reviews, Journal of Korean Studies* (University of Washington, Seattle). Vol. 3, 1981. P. 181–191.
8. *Joseph C. Goulden. Korea: The Untold Story of the War* (New York, 1982). P. 64.
9. *New York Times*, 26 June 1950.
10. Там же. 1 October 1950. P. 4.

11. *Goulden*. P. 87–88; *Stone*. P. 75, 77.
12. Для дополнительной информации, подтверждающей необъективность ООН в то время, см.: *Jon Halliday. The United Nations and Korea / Под редакцией Frank Baldwin, Without Parallel: The American-Korean Relationship Since 1945* (New York, 1974). P. 109–142.
13. *Trygve Lie*. In the Cause of Peace (New York, 1954), главы 18 и 19.
14. *Shirley Hazzard. Countenance of Truth: The United Nations and the Waldheim Case* (New York, 1990). P. 13–22. В своей книге на стр. 389 Лай (Lie) утверждает, что именно он был инициатором данной практики.
15. Из меморандума ЦРУ от 28 июня 1950 г., Declassified Documents Reference System (Arlington, Virginia) Retrospective Volume, документ 33C.
16. *Stone*. P. 77–78.
17. Полный текст резолюции Совета Безопасности ООН от 7 июля 1950 г. см.: New York Times, 8 July 1950. Р. 4 или по ссылке <http://www.unhcr.org/refworld/publisher,UNSC,,KOR,3b00f1e85c,0.html> на англ. яз., <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N50/407/28/PDF/N5040728.pdf?OpenElement> на русс. яз.
18. *Dwight Eisenhower. The White House Years: Mandate for Change, 1953–1956* (New York, 1963). P. 340.
19. Для дополнительной информации о послевоенной политике в Южной Корее см.:
 - a) *Bruce Cumings. The Origins of the Korean War: Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945–1947* (Princeton University Press, New Jersey, 1981), в различных местах.
 - b) *E. Grant Meade. American Military Government in Korea* (King's Crown Press, Columbia University, New York, 1951), главы 3–5.
 - c) *George M. McCune. Korea Today* (Institute of Pacific Relations, New York, 1950), в различных местах. Р. 46–50 (KPR). Профессор Маккьюн (McCune) сотрудничал с правительством США по проблемам Кореи во время Второй мировой войны.
 - d) *D. F. Fleming. The Cold War and its Origins, 1917–1960* (Doubleday & Co., New York, 1961). P. 589–597.
 - e) *Alfred Crofts. The Case of Korea: Our Falling Ramparts, The Nation* (New York) 25 June 1960. P. 544–548. Крофтс (Crofts) был членом Американского военного правительства в Корее с 1945 г.
20. *Crofts*. P. 545.
21. *Gunther*. P. 165.
22. *Crofts*. P. 545.
23. Там же.
24. Там же. P. 546.
25. Коллаборационисты: *Cumings*. P. 152–156; *Meade*. P. 61; *McCune*. P. 51; также в иных местах в этих источниках, как у Флеминга (Fleming) и Крофтса (Crofts). Японцы и коллаборационисты сохраняют свои позиции, чтобы противостоять КНР: *Cumings*. P. 138–139.
26. *McCune*. P. 83–84, 129–139, 201–209.
27. Выборы 1946 г.: *Mark Gayn. Japan Diary* (New York 1948). P. 398; выборы 1948 г.: *Crofts*. P. 546; *Halliday*. P. 117–122; выборы 1950 г. и предупреждение США: *Fleming*. P. 594. Для дополнительной информации о помехах проведению честных выборов, созданных Ли Сын Маном в 1952 г. и позже, и о его неизменно деспотичной системе правления, см.: *William J. Lederer. A Nation of Sheep* (W. W. Norton & Co., New York, 1961), глава 4.
28. *Gunther*. P. 166–167.
29. *Gayn*. P. 388.
30. Там же. P. 352.
31. *John Kie-Chiang Oh. Korea: Democracy on Trial* (Cornell University Press, Ithaca, NY, 1968). P. 35.

32. *The Nation* (New York), 13 August 1949. P. 152.
33. *Gunther*. P. 171.
34. *Oh*. P. 206; что касается убийства от 500 до 1000 человек в марте в той же местности, похоже, речь идет о том же инциденте — см. также: *New York Times*, 11 April 1951. P. 4.
35. *Jon Halliday*. *The Political Background / Под редакцией Маккормака (Gavan McCormack) и Селдена (Mark Selden)*, *Korea, North and South: The Deepening Crisis* (New York, 1978). P. 56.
36. *New York Times*, 11 April 1951. P. 4.
37. *Rene Cuforth*. *On the Korean War*, *The Listener* (BBC publication, London) 11 September 1969. P. 343.
38. *Gregory Henderson*. *Korea: The Politics of the Vortex* (Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1968). P. 167.
39. *New York Times*, 9 February 1951, George Barrett.
40. *Goulden*. P. 471—472. Эти выводы следуют из интервью, взятого Гулденом (*Goulden*) у Тофта (*Tofte*).
41. *New York Times*, 27 November 1951. P. 4.
42. *Eugene Kinkead*. *Why They Collaborated* (London, 1960). P. 17; опубликовано в США в 1959 г. с небольшими изменениями под заголовком *In Every War But One*. Записи исследования, проведенного в сухопутных войсках (СВ), не содержались в одном томе, а были разнесены по нескольким докладам. Книга Кинкеда (*Kinkead*), созданная при полном содействии руководства СВ, состоит из краткого изложения этих докладов и интервью военных и правительственные должностных лиц, которые либо участвовали в исследовании, либо были хорошо информированы о его тематике. Для простоты я ссылаюсь на данную книгу как на само исследование. В пользу СВ в высокой степени свидетельствует то, что большая часть результатов исследования не была засекречена; тем не менее исследование содержит антикоммунистические заявления самого нелепого характера: «ложь в Китае часто наказывается смертной казнью... коммунисты живут всю жизнь как животные...» P. 190, 193.
43. *Keesings Contemporary Archives*, 5—12 January 1952. P. 11931, из текста заявления от штаб-квартиры генерала Риджуэя 31 декабря 1951 г.
44. *Kinkead*. P. 34.
45. *Robert J. Lifton*. *Thought Reform and the Psychology of Totalism: A Study of 'Brainwashing' in China* (London, 1961). P. 4.
46. *John Marks*. *The Search for the Manchurian Candidate: The CIA and Mind Control* (New York, бумажный переплет, 1988). P. 25, основано на документах ЦРУ.
47. *Sunday Times* (London), 6 July 1975. P. 1. Нэрэт (*Narut*) в то время был сотрудником военно-морского американского госпиталя в Неаполе (Италия); свои замечания озвучил неделей раньше на конференции, проведенной в Осло (Норвегия) на деньги НАТО.
48. *Kinkead*. P. 31.
49. Там же. P. 17, 34.
50. Там же. P. 10—106.
51. Там же. P. 197.
52. Для краткого описания «террористических взрывов» в 1952—1953 гг. см.: *Gittings. Talks, Bombs and Germs: Another Look at the Korean War*, *Journal of Contemporary Asia* (London). Vol. 5. No. 2, 1975. P. 212—216.
53. Коммюнике BBC США, 2 февраля 1951 г., цитируется по *Stone*. P. 259.
54. *Military Situation in the Far East*. Слушания на заседании комиссий Сената по вооруженным силам и иностранным делам, 25 июня 1951 г. P. 3075.
55. *Louis Heren*. *The Korean Scene*, in *Rear-Admiral H. G. Thursfield*, ed., *Brassey's Annual: The Armed Forces Year-Book 1951* (London, 1951). P. 110.

56. San Francisco Chronicle, 15 December 1977. P. 11, информация основана на документах, раскрытых в соответствии с законом о доступе к информации (FOIA).

57. New York Times, 12 November 1951. P. 3.

58. Там же, 14 November 1951. P. 1.

6. АЛБАНИЯ, 1949–1953

1. *Douglas Sutherland. The Fourth Man* (London, 1980). P. 88.

2. *Thomas Powers. The Man Who Kept the Secrets: Richard Helms and the CIA* (New York, 1979). P. 54.

3. *Nicholas Bethell. The Great Betrayal: The Untold Story of Kim Philby's Biggest Coup* (London, 1984) в различных местах — для дальнейшей подробной информации о наборе, подготовке и дальнейшей судьбе эмигрантов (опубликовано в New York, 1984, под заголовком *Betrayed*). Также см.: *Bruce Page, David Leitch and Philip Knightly. The Philby Conspiracy* (New York, 1968). P. 196–203.

4. *Philby*. P. 117.

5. *E. Howard Hunt. Undercover: Memoirs of an American Secret Agent* (London, 1975). P. 93.

6. См. примечание 3 выше.

7. Политические предпосылки эмигрантов: New York Times, 20 June 1982. P. 22; *Bethell*, в различных местах; *Christopher Simpson. Blowback: America's Recruitment of Nazis and Its Effects on the Cold War* (New York, 1988). P. 123 (Xhafer Deva).

8. Радиостанция, волнения: New York Times, 31 March 1951. P. 5; 9 April 1951. P. 1; 26 September 1951.

9. *Philby*. P. 118.

10. New York Times, 27 March 1950; 9 April 1951. P. 1.

11. *Bethell*. P. 183.

12. New York Times, 9 April 1951. P. 1.

13. *Bethell*. P. 200.

7. ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА, 1948–1956

1. New York Times, 29 September 1954.

2. Информация об операции «Фактор раскола» (*Operation Splinter Factor*) взята из книги под тем же названием Стюарта Стивена (*Stewart Steven*), опубликованной в Лондоне в 1974 г. Стивен, ветеран британской журналистики, главный редактор *The Mail on Sunday* (London), дает намного больше подробностей, чем приведено здесь в кратком изложении событий. У него очень веская аргументация, и чтобы оценить ее, стоит прочитать его книгу целиком. Тем не менее его основное положение остается без документального подтверждения. Стивен утверждает, что данный тезис — Аллен Даллес спровоцировал Йозефа Святло использовать Ноэля Фильда описанным в книге способом — следует из личных интервью с бывшими сотрудниками ЦРУ, британской секретной разведывательной службы и другими людьми, работавшими подпольно и настоящими на условии анонимности.

Флора Льюис (*Flora Lewis*), корреспондент *Washington Post*, написавшая *Red Pawn: The Story of Noel Field* (New York, 1965; издана в Лондоне в том же году, что и *The Man Who Disappeared: The Strange History of Noel Field*), утверждала в своей книге, что при запросе ответов на четкие «простые вопросы о местах и датах» у американского, швейцарского, французского, британского и немецкого разведывательного центра она наткнулась на «официальный барьер молчания». При этом она не спрашивала об операции «Фактор раскола» как таковой, о существовании которой не подозревала, а только о Ноэле Фильде

спустя 10 лет после его освобождения. Подобным же образом американское правительство без какого-либо объяснения категорически отказалось ей в доступе к Йозефу Святло.

Ричард Смит в книге «Управление стратегических служб: тайная история первого центрального разведывательного управления Америки» (Richard Harris Smith, OSS: The Secret History of America's First Central Intelligence Agency, University of California Press, бумажный переплет, 1972. P. 238 note) отмечает, что «впоследствии предположили, что арест Фильда был частью британского плана расколоть восточноевропейских коммунистов, как обозначено в книге Джона Ле Карре «Шпион, пришедший с холода» (John Le Carré The Spy Who Came in From the Cold)».

Томас Пауэрс (Thomas Powers), автор The Man Who Kept the Secrets: Richard Helms and the CIA (Pocket Books, New York, 1979, бумажный переплет). Р. 405–406, предполагает, что высказанный Стивеном Стюартом «основной тезис явно проистекает от сильно не любившего Даллеса сотрудника британской разведслужбы».

3. New York Times, 25 October 1954. P. 1.
4. Там же. 19 February 1955. P. 1.
5. Там же. 17 November 1954. P. 1.
6. *Blanche W. Cook. The Declassified Eisenhower* (New York, 1981). P. 129.
7. Там же.
8. *Cord Meyer. Facing Reality: From World Federalism to the CIA* (New York, 1980). P. 120; *Steven. P. 208–209; Lewis. P. 238 (torture)*.
9. New York Times, 23 July 1948. P. 5; *Robert Bishop and E. S. Crayfield. Russia Astride the Balkans* (New York, 1948). P. 264–271.
10. New York Times, 9 April 1951 (автор заметки С. Sulzberger).
11. *Cook. P. 130–131; George Clay. Balloons for a Captive Audience*, The Reporter (New York) 18 November 1954; *Robert T. Holt and Robert W. van de Velde. Strategic Psychological Operations and American Foreign Policy* (University of Chicago Press, 1960). Ch. VII.
12. New York Times, 24 January 1952. P. 4.
13. Там же. 30 August 1955. P. 1.
14. Там же. 30 November 1976.
15. *Stephen Ambrose. Ike's Spies* (Doubleday & Co., New York, 1981). P. 235, 238.

8. ГЕРМАНИЯ, 1950-е

1. *Dean Acheson. Present at the Creation: My Years in the State Department* (New York, 1969). P. 260.
2. Там же.
3. Провал деиндустриализации: для дальнейшей информации см.: *Richard J. Barnet. Allies: America, Europe and Japan since the War* (London, 1984). P. 33–39.
4. *Dwight Eisenhower. The White House Years: Mandate for Change, 1953–1956* (New York, 1963). P. 79–80.
5. New York Times, 6 November 1952. P. 3.
6. Democratic German Report, 13 February 1953; см. описание этой публикации ниже.
7. *Victor Marchetti and John Marks. The CIA and the Cult of Intelligence* (New York, 1975). P. 147.
8. Саботаж и подрывная деятельность:
 - a) Democratic German Report, в разных выпусках с 1952 по 1957 г. (см. ежегодные указатели, разделы «саботаж», «шпионаж» и т. д.). Democratic German Report был малотиражным англоязычным новостным изданием, выходившим два раза в месяц в Восточном Берлине и издававшимся Бритишером Питом (Britisher John Peet), который ранее работал собкором в новостном агентстве Рейтерс (Reuters News Agency) в Западном Берлине.

- b) Nation's Business (издание Торговой палаты США — United States Chamber of Commerce), April 1952. P. 25–27, 68–69, приводятся разные примененные тактики.
- c) *Sanche de Gramont. The Secret War* (New York, 1963). P. 479–480.
- d) The New Yorker, 8 September 1951, статья о Следственной комиссии свободомыслящих юристов советской зоны <оккупированной Германии> (Investigating Committee of Freedom-minded Jurists of the Soviet Zone).
- e) The Nation (New York), 24 June 1961. P. 551–552.
- f) *Andrew Tully. CIA: The Inside Story* (Fawcett, New York, 1962). P. 133–134, деятельность ЦРУ во время волнений в июне 1953 г. в ГДР.
- g) Saturday Evening Post, 6 November 1954. P. 64, приводит информацию об организованных или запланированных при поддержке ЦРУ крушениях поездов в Восточной Германии, взрыве железнодорожного моста, создании помех на производствах восточноевропейских стран (каких именно не уточняется). Эта серия статей про деятельность ЦРУ была подготовлена при участии самого Управления (See Jonathan Kwitny, *Endless Enemies: The Making of an Unfriendly World*. New York, 1984. P. 165).
9. Тайная армия, список лиц, намеченных к ликвидации, и пр.:
- a) Newsweek, 20 October 1952. P. 42.
- b) New York Times, 9 October 1952. P. 8; 10 October. P. 3 (под примечательным заголовком «Немецкие вредители предали доверие США» — «German Saboteurs Betray U. S. Trust»); 12 October. P. 14.
- c) Der Spiegel (западногерманский еженедельный журнал), 15 October 1952. P. 6–8.
- d) Democratic German Report, 15 and 24 October 1952; 21 November 1952.
10. New York Times, 14 October 1952. P. 13.

9. ИРАН, 1953

Основные сведения и общий обзор событий, описанных в данной главе, можно найти в следующих источниках:

- a) *Kermit Roosevelt. Countercoup: The Struggle for the Control of Iran* (New York, 1979), в различных местах.
- b) *Bahman Nirumand. Iran: The New Imperialism in Action* (New York, 1969), главы 2–4, в частности — национализация в Иране, реакция Великобритании и США, развитие событий после переворота.
- c) *Stephen Ambrose. Ike's Spies* (Doubleday & Co., New York, 1981), главы 14–15.
- d) *Barry Rubin. Paved With Good Intentions: The American Experience and Iran* (New York, 1980), глава 33.
- e) *David Wise and Thomas B. Ross. The Invisible Government* (New York, 1965). P. 116–121.
- f) *Andrew Tully. CIA: The Inside Story* (New York, 1962). P. 76–84.
- g) *Fred J. Cook in The Nation* (New York) 24 June 1961. P. 547–551, в частности условия в Иране после переворота.
1. *Roosevelt*. P. 8.
 2. Там же. P. 18–19.
 3. *Anthony Eden. The Memoirs of the Right Honourable Sir Anthony Eden: Full Circle* (London, 1960). P. 194.
 4. *Dean Acheson. Present at the Creation: My Years in the State Department* (New York, 1969). P. 679–685; *Eden*. P. 201–202; *Nirumand*. P. 73–74.
 5. *Roosevelt*. P. 107.
 6. Там же. P. II, 2, 3, 91–92, 126, 134, 164, 119.
 7. *Acheson*. P. 504.

8. Отношения между Мосаддыком, Туде (Народной партией Ирана) и Советским Союзом:

a) *Manfred Halpern*. Middle East and North Africa / Под редакцией Блэка (C. E. Black) и Торнтона (T. P. Thornton), Communism and Revolution (U. S., 1964). P. 316–319.

b) *Donald N. Wilber*. Iran: Past and Present (Princeton University Press, Third Edition, 1955). P. 115. Уилбер (Wilber) — историк, который по его собственному признанию, также был агентом ЦРУ. В одной из своих последних книг он утверждает, что был основным разработчиком плана (известного как «операция Аякс» — Operation AJAX) по свержению Мосаддыка и что в книге Рузвельта содержится очень много фактических ошибок. См.: Adventures in the Middle East (1986). P. 187–188.

c) *Nirumand*, цитируемый ранее источник.

d) *Rubin*, цитируемый ранее источник.

9. The Declassified Documents Reference System (Arlington, Va.). T. 1979, документ 79E.

10. Там же.

11. Из интервью Рузвельта, взятого Робертом Шеером (Robert Scheer) для Los Angeles Times, 29 March 1979. P. 1.

12. New York Times, 10 July 1953. P. 4.

13. *Roosevelt*. P. 168.

14. *Fitzroy Maclean*. Eastern Approaches (London, 1949). P. 266, 274; Маклин (Maclean) — британский офицер, в годы Второй мировой войны похитивший Захеди, воспрепятствовав тем самым его дальнейшей помощи нацистам.

15. Подробности последних дней режима Мосаддыка можно обнаружить у Рузвельта, главы 11–12; Wilber. P. 124–127 (который целенаправленно не упоминает ЦРУ — см. примечание 8); *Ambrose*. Глава 15, а также в других книгах, упомянутых в этом разделе.

16. Демонстрация: *Wilber*. P. 125; *Roosevelt*. P. 179; New York Times, 19 August 1953.

17. *Brian Lapping*. End of Empire (Great Britain/US 1985). P. 220, основана на сериале телекомпании «Гранада Телевижн» (Granada Television), вышедшем в эфир под тем же названием в Британии в 1985 г.

18. *Halpern*. P. 318; *Wilber*. P. 125.

19. Встреча Хендersona с Мосаддыком: *Ambrose*. P. 208–209, интервью Хендersona Уильяму Блуму; *Roosevelt*. P. 183–185.

20. New York Times, 19 August 1953.

21. *Roosevelt*. P. 191–192.

22. New York Times, 20 August 1953. P. 1: The Times (London), 20 August 1953.

23. *David Leigh*. The Wilson Plot: How the Spycatchers and Their American Allies Tried to Overthrow the British Government (New York, 1988). P. 14–15.

24. Слушания 1954 г. в Комитете по иностранным делам нижней палаты Конгресса по вопросам закона о системе взаимной безопасности 1954 г. P. 503, 56–70. Стюарт (Stewart) был директором Управления по военной помощи Министерства обороны США.

25. *Kennett Love*. The American Role in the Pahlavi Restoration on 19 August 1953 (Пехлеви — имя шахской династии), неопубликованная рукопись, находящаяся среди документов Аллена Даллеса (Allen Dulles) в Принстонском университете (Princeton University); цитируется у Джонатана Квитни (Jonathan Kwitny), Endless Enemies: The Making of an Unfriendly World (New York, 1984). P. 164–177.

26. New York Times, 18 January 1953. IV. P. 8.

27. Из показаний Ричардса (Arthur L. Richards), директора Управления по делам Греции, Турции и Ирана Государственного департамента США, 17 июля 1953 г. на закрытых слушаниях в Комитете по иностранным делам Палаты представителей (House Committee on Foreign Affairs), опубликовано в 1981 г. С. 148.

28. New York Times, 21 July 1953.
29. Там же. 23 August 1953. IV. P. 1.
30. Из интервью Шеера (Scheer).
31. The Guardian (London) 2 January 1984, документы британского правительства 1953 г., разрешены к публикации с 1 января 1984 г.
32. Из свидетельства на слушаниях «По ситуации на Ближнем Востоке» (Hearings on the Situation in the Middle East), Комитет по международным отношениям Сената США, 24 февраля 1956 г. С. 23.
33. *Nirumand* (Nirumand). С. 100–108, приводится разбор подробностей контракта.
34. Из интервью Шеера — карьера Рузвелта после ЦРУ; *Wise and Ross*. P. 116–117; *Kwitny*. P. 183.
35. *Robert Engler*. The Politics of Oil: A Study of Private Power and Democratic Directions (New York, 1961). P. 310.
36. San Francisco Chronicle, 26 December 1979.
37. *Roosevelt*. P. 145.
38. New York Times, 6 August 1954.
39. *Allen Dulles*. The Craft of Intelligence (New York, 1965). P. 216.
40. Fortune (New York), June 1975. P. 90.
41. *Love*, цитируемый ранее источник, приводится у *Kwitny*. P. 175.
42. *Roosevelt*. P. 9.
43. Из интервью Джесса Лиф (Jesse J. Leaf), главного аналитика ЦРУ по Ирану (Chief CIA analyst on Iran), взятого Сеймуром Хершем (Seymour Hersh) для New York Times, 7 January 1979, за пять лет до ее отставки в 1973 г.
44. Мартин Энналс (Martin Ennals), генеральный секретарь Amnesty International, слова приводятся в статье: Reza Baraheni in Matchbox (Amnesty publication in New York) Fall, 1976.
45. *Tully*. P. 76.
46. См., к примеру: *Michael Klare*. War Without End (New York, 1972). P. 375, 379, 382. Основано на данных официальных документов правительства США периода 1950–1960 гг.
47. *Cook*. P. 550.
48. San Francisco Chronicle, 3 March 1980. P. 15.

10. ГВАТЕМАЛА, 1953–1954

Подробная информация о событиях, описанных в данной главе, по большей части взята из следующих источников:

- a) *Stephen Schlesinger and Stephen Kinzer*. Bitter Fruit: The Untold Story of the American Coup in Guatemala (Doubleday & Co., New York, 1982) в различных местах, основана частично на документах, полученных в соответствии с законом о доступе к информации из Госдепартамента, министерства обороны, ЦРУ, национальных архивов, военно-морского министерства и ФБР, кроме того, на документах из Библиотеки Эйзенхауэра (Eisenhower Library), бумагах Джона Фостера Даллеса (John Foster Dulles) и Аллена Даллеса (Allen Dulles) из Принстонского университета, а также интервью с людьми, чья роль в описанных событиях была заметной. Это первоисточник, если иное не указано.
- b) *Blanche Wiesen Cook*. The Declassified Eisenhower (Doubleday & Co., New York, 1981). Р. 222–292, информация основана частично на документах из Библиотеки Эйзенхауэра (Eisenhower Library) и архивах Гватемалы в Библиотеке Конгресса. Последний источник составлен из документов, конфискованных США после переворота.
- c) *Richard H. Immerman*. The CIA in Guatemala: The Foreign Policy of Intervention (University of Texas Press, Austin, 1982). Р. 118–122. Ch. 6–7, главы 6–7, информация основана на документах из Библиотек Трумэна и Эйзенхауэра (Truman Library, Eisenhower Library) и интервью.

d) *David Wise and Thomas Ross*. The Invisible Government (New York, 1965, бумажный переплет). Ch. 11.

e) *Thomas and Marjorie Melville*. The Politics of Land Ownership (New York, 1971). Ch. 4–6; главы 4–6; в том же году вышла в Великобритании в слегка измененном виде под названием Guatemala — Another Vietnam?

1. *Schlesinger and Kinzer*. P. 143–144.
2. New York Times, 16 June 1954.
3. Там же. 20 May 1954. P. 18.
4. Time, 11 January 1954.
5. Congressional Record, 8 February 1954. P. 1475.
6. Time, 19 July 1954. P. 34.
7. *Cook*. P. 274; Schlesinger and Kinzer. P. 148.
8. *Cook*. P. 234.
9. Там же. P. 240–141.
10. *Schlesinger and Kinzer*. P. 12.

11. Cook. P. 242–243, цитируется бывший министр иностранных дел Гватемалы Рауль Осегеда (Raul Osegueda).

12. *Schlesinger and Kinzer*. P. 61.

13. Washington Post, 15 November 1953. P. 3B.

14. *Schlesinger and Kinzer*. P. 58–59.

15. ЦРУ, Национальная разведывательная оценка обстановки (CIA National Intelligence Estimate), 11 March 1952. P. 1–3, Declassified Documents Reference System (Woodbridge, Connecticut) 1982 Volume, документ № 6.

16. Immerman. P. 118–122.

17. *Thomas P. McCann*. An American Company: The Tragedy of United Fruit (New York, 1976). P. 49. Маккан (McCann) был официальным лицом, связанным с United Fruit. Почти все источники отличаются суммой, предложенной ему гватемальским правительством, которая достигает почти 1 млн 200 тысяч долларов.

18. *Schlesinger and Kinzer*. P. 106–107 в различных местах; McCann, глава 4.

19. *Schlesinger and Kinzer*. P. 52.

20. Там же. P. 102–103.

21. Получено в первую очередь от Шлезингера и Кинзера (*Schlesinger and Kinzer*), в меньшей степени от других источников, перечисленных в начале этого раздела, а также указанных далее.

22. *Dwight Eisenhower*. The White House Years: Mandate for Change, 1953–1956 (New York, 1963). P. 424.

23. *Cook*. P. 270–271.

24. Там же. P. 249–252.

25. Time, 8 February 1954. P. 36.

26. New York Times, 30 January 1954. P. 1, 6.

27. *McCann*. P. 60.

28. *David Atlee Phillips*. The Night Watch: Twenty-five Years of Peculiar Service (Atheneum, New York, 1977). P. 34–35.

29. Life Magazine, 5 July 1954. P. 8.

30. Newsweek, 5 July 1954. P. 46.

31. Памятная записка государственного департамента, 23 June 1954, цитируется в *Schlesinger and Kinzer*. P. 189.

32. *James Hagerty*, пресс-секретарь Белого дома. Дневники 1954 года (Eisenhower Library), 24 June 1954, цитируется *Schlesinger and Kinzer*. P. 181.

33. *Brian Urquhart*. Hammarskjold (Knopf, New York, 1972). P. 91–94.
34. *New York Times*, 24 June 1954; *Schlesinger and Kinzer*. P. 175.
35. *Guillermo Toriello*. La Batalla de Guatemala (Mexico City, 1955). P. 189; Гватемальский министр иностранных дел сообщил, что он разговаривал с полковником Диасом (Diaz); цитируется *Schlesinger and Kinzer*. P. 207.
36. *Cook*. P. 285; *Wise and Ross*. P. 192–193.
37. *Paul Kennedy*. The Middle Beat (Teachers College Press, Columbia University, New York, 1971). P. 142; *Schlesinger and Kinzer*. P. 219–220.
38. *Time*, 12 July 1954. P. 31.
39. *Wise and Ross*. P. 194–195; *John Gerassi*. The Great Fear in Latin America (New York, 1965, исправленное издание). P. 183.
40. *Melville*. P. 93.
41. *Schlesinger and Kinzer*. P. 218–219.
42. Там же. P. 60, 221–222; *Cook*. P. 231; *Gerassi*. P. 183.
43. *Wise and Ross*. P. 187.
44. *Schlesinger and Kinzer*. 222–223.
45. *Hilda Gadea*. Ernesto: A Memoir of Che Guevara (London, 1973, перевод с испанского). P. 54.
46. *New York Times*, 1 July 1954.
47. Памятная записка ЦРУ, 16 August 1954, Declassified Documents Reference System (Woodbridge, Connecticut) 1983 Vol., документ № 32.
48. Заявление перед подкомитетом по Латинской Америке специального комитета Палаты представителей по коммунистической агрессии, 8 October 1954, перепечатано в *Department of State Bulletin*, 8 November 1954. P. 690.
49. *Eisenhower*. P. 421–427.
50. *New York Times*, 28 October 1955.

11. КОСТА-РИКА, середина 1950-х

1. *Los Angeles Times*, 10 March 1975.
2. *Miami Herald*, 10 March 1975.
3. *Christian Science Monitor* (Boston), 11 March 1975. Примечания 1–3 относятся к тому же телевизионному интервью Фигераса (Figueroes) в Мехико, 9 March 1975. Фигерес (Figueroes), возможно, признался в своих связях с ЦРУ в это время, потому что незадолго до этого вышла книга Филипа Эйджи (Philip Agee), которая идентифицирует Фигереса как «давнего сотрудника Управления» (*Inside the Company: CIA Diary*, New York, 1975. P. 244; опубликовано в Great Britain in 1974).
4. *David Wise and Thomas Ross*. The Invisible Government (New York, 1965, издание в бумажном переплете). P. 127.
5. Там же. P. 127–128.
6. *Charles D. Ameringer*. Democracy in Costa Rica (Praeger, New York and Hoover Institution Press, Stanford University, California, 1982). P. 83–85.
7. *John Gerassi*. The Great Fear in Latin America (New York, 1965, обновленное издание). P. 208.
8. *Miami Herald*, 13 February 1971.
9. *Wise and Ross*. P. 128.
10. *Charles D. Ameringer, Don Pepe. A Political Biography of Josй Figueres of Costa Rica* (University of New Mexico Press, 1978). P. 124–125.
11. *Washington Post*, 9 January 1953; *Wise and Ross*. P. 127.

12. СИРИЯ, 1956–1957

1. Department of State Bulletin (Washington), 18 June 1956. P. 999–1000.
2. Закон США о взаимной безопасности 1955 г., разделы 142(a)(4) and 413.
3. Declassified Documents Reference System:
1992 volume: документ № 2326, 10 May 1955; №. 2663, 21 September 1955; №. 2973, 9 January 1956; № 2974, 16 January 1956.
1993 volume: документ № 2953, 14 December 1955; № 2954, 26 January 1956; № 2955, 27 January 1956.
- За исключением № 2663, все документы имеют заголовок Координационного совета по проведению операций, подкомитета СНБ, который координировал тайную деятельность.
4. Там же. 1993 volume, № 2953, 14 December 1955. P. 4.
5. *Wilbur Crane Eveland*. Ropes of Sand: America's Failure in the Middle East (W. W. Norton & Co., New York, 1980). P. 122.
6. *Patrick Seale*. The Struggle for Syria: A Study of Post-War Arab Politics, 1945–1958 (London, 1965). P. 283–306: *Eveland*. P. 135, 169–173.
7. *Eveland*. P. 182.
8. Заговор 1956 г. и его предпосылки: *Eveland*. Главы 11–20; New York Times, 10 April 1956; 17 October 1956.
9. *Dwight D. Eisenhower*. The White House Years: Waging Peace, 1956–1961 (New York, 1965). P. 196.
10. Declassified Documents Reference System, 1981 volume, документ № 26E, 22 March 1957.
11. Там же. 1985 volume, документ № 283, March 1957.
12. Там же. 1981 volume, документ № 471B, 17 June 1957.
13. Заговор 1957 года: *Eveland*. P. 253-4; New York Times, 14 August 1957. P. 1, 6; 15 August. P. 1, 4.
14. New York Times, 17 August 1957. P. 3.
15. Там же. P. 14.
16. *Eisenhower*. P. 196.
17. Внутренний отчет ЦРУ, имя автора удалено, 18 June 1962, результат беседы с «западными дипломатами» о совещании Кеннеди и Макмиллана (Kennedy-Macmillan meeting), в Declassified Documents Reference System, 1975 volume, документ № 240A.

13. БЛИЖНИЙ ВОСТОК, 1957–1958

1. Wilbur Crane Eveland. Ropes of Sand: America's Failure in the Middle East (W. W. Norton & Co., New York, 1980). P. 240. То, что Ивлэнд (Eveland) называет «угрозой России», могло не быть тем, чем казалось. Кеннет Лав (Kennett Love) (см. его в главе) сообщил позже, что ЦРУ сфабриковало несколько докладов о деятельности советских военных без всяких фактов, чтобы побудить Францию и Великобританию прекратить военные действия — Suez: The Twice-Fought War (Great Britain, 1969). P. 615.
2. События в Иордании: New York Times, 5 April 1957. P. 1; 25 April. P. 13; 26 April. P. 1; слово «интервенция» цитируется из the Times, 26 April.
3. *Richard Barnet*. Intervention and Revolution, (London, 1972). P. 149.
4. Washington Post, 18 February 1977.
5. *Kennett Love*, цитируемый ранее источник. P. 655.
6. *Dwight D. Eisenhower*. The White House Years: Waging Peace, 1956–1961 (New York, 1965). P. 201.
7. Declassified Documents Reference System (Arlington, Va.), 1981 volume, документ 471B, 17 June 1957.

8. *Eisenhower*. P. 198.
9. *Emmet John Hughes*. *The Ordeal of Power* (London, 1963). P. 253–254; Замечание было сделано Хьюзу Hughes «через несколько месяцев после вступления Гертера (Herter) в должность» on 22 February 1957.
10. *Barry Blechman and Stephen Kaplan*. *Force Without War: U. S. Armed Forces as a Political Instrument* (The Brookings Institution, Washington, 1978). P. 84; хотя исследование было проведено по просьбе Пентагона и при его полном сотрудничестве, в книге говорится, что данное мнение принадлежит только автору.
11. События, касающиеся Сирии: *New York Times*, 6 September 1957. P. 1–2; 8 September. P. 3; 10 September. P. 1, 8, 9; 11 September. P. 10; 12 September. P. 1; 13 September. P. 1, 3; *Barnet*. P. 149–151; *Eisenhower*. P. 196–203; *Patrick Seale*. *The Struggle for Syria: A Study of Post-War Arab Politics, 1945–1958* (London, 1965). P. 303.
12. Стандартным образом ЦРУ обвиняли в причастности к перевороту, который Управление отрицало. В этом случае, похоже, молодому ЦРУ нужно было похвастаться успехами, и Управление распространяло слухи о том, что было мотивирующей силой египетского военного переворота. Но это утверждение, чаще всего встречающееся в опубликованных источниках, никогда не сопровождалось фактами, деталями произошедшего. Нет даже объяснения того, почему ЦРУ предпочло изгнать Фарука (Farouk) и привести к власти военных. Майлз Коупленд (Miles Copeland), один из первых сотрудников Управления и большой поклонник Кермита Рузельта (Kermit Roosevelt), дает некоторые объяснения в своей книге 1969 г. *The Game of Nations* в попытке распространить эту историю, но его рассказ — чистая ерунда. В той же самой книге Коупленд (Copeland) утверждает, что ЦРУ, при его личном участии, руководило переворотом в Сирии в 1949 г. И этот рассказ тоже написан в манере, не внушающей доверия. Возможно, кажется уместным, что коллега Коупленда по ЦРУ Уилбур Крейн Ивленд (Wilbur Crane Eveland) (р. 148), написал, что «у меня уже были доказательства, что Коупленд склонен к преувеличениям».
13. *Saud, Illah, и заговор против Насера Nasser*: *Eveland*. P. 243–244.
14. Там же. P. 246–248.
15. Заговоры:
 - a) *New York Times*, 8, 13–15 August 1957; 21 October 1957; 24, 28 December 1957; 14 February 1958; 6–8, 14, 29 March 1958; 8 October 1958.
 - b) *Eveland*. P. 273.
 - c) *Eisenhower*. P. 263–264.
 - d) *The Times* (London), многочисленные источники от July 1957 to October 1958 — см. приложения «Египет» и «Сирия»: «шпионаж» и «политическая ситуация».
16. *Eveland*. P. 292n.
17. Советские предложения: *New York Times*, 6 September 1957. P. 2; 11 September. P. 10.
18. *Eisenhower*. P. 269.
19. David Wise and Thomas Ross, *The Invisible Government* (New York, 1965, издание в бумажном переплете). P. 337.
20. Выборы 1957 г. и события после них: *Eveland*. P. 248–253, 256; *Eisenhower*. P. 265; *Barnet*. P. 143–148.
21. Цитаты Эйзенхауэра: *Eisenhower*. P. 266–267.
22. Пресс-конференция Даллеса, 20 May 1958: *Department of State Bulletin*, 9 June 1958. P. 945.
23. *Barnet*. P. 147–148.
24. *Eisenhower*. P. 268.
25. *Eveland*. P. 276.
26. *Robert Murphy*. *Diplomat Among Warriors* (US, 1965). P. 450.
27. *Eisenhower*. P. 273.

28. *Murphy*. P. 445, 455.
29. *Eisenhower*. P. 275.
30. *Eveland*. P. 294–295; Эйзенхауэр имеет в виду аналогичную ситуацию. Р. 277.
31. *Eveland*. P. 295–296.
32. *Wise and Ross*. P. 337–338; новостное сообщение из the St. Louis Post Dispatch, 23 July 1958, цитируется на р. 338.
33. *Blechman and Kaplan*. P. 253.
34. *Claudia Wright*. New Statesman (London), 15 July 1983. P. 20. Она не говорит, как СССР узнал о плане.
35. Interim Report: Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders, Специальная комиссия по изучению правительственные операций, связанных с разведывательной деятельностью (Сенат США), 20 November 1975. P. 181, сноска. В отчете Кассем (Kassem) упоминается как «иракский полковник». См. также: *Thomas Powers*. The Man Who Kept the Secrets: Richard Helms and the CIA (New York, 1979). P. 161, 163 для обсуждения того, как президент Эйзенхауэр, должно быть, дал одобрение для действий против Кассема.
36. См., например: *Eisenhower*. P. 274–275.
37. Там же. P. 290–291.

14. ИНДОНЕЗИЯ, 1957–1958

1. *Joseph Burkholder Smith*. Portrait of a Cold Warrior (G. P. Putnam's Sons, New York, 1976). P. 205.
2. New York Times, 18 May 1956.
3. Supplementary Detailed Staff Reports on Foreign and Military Intelligence. Книга 4. Заключительный доклад Специальной комиссии по изучению правительственные операций, связанных с разведывательной деятельностью (Сенат США), April 1976. P. 133.
4. New York Times, 12, 30 April 1955; 3, 4 August 1955; 3 September 1955; 22 November 1967. P. 23.
5. *John Discoe Smith*. I Was a CIA Agent in India (India, 1967) в различных местах; New York Times, 25 October 1967. P. 17; 22 November. P. 23; 5 December. P. 12; *Harry Rositzke*. The KGB: The Eyes of Russia (New York, 1981). P. 164.
6. Interim Report: Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders, Специальная комиссия по изучению правительственные операций, связанных с разведывательной деятельностью (Сенат США), 20 November 1975. P. 4, примечание.
7. *David Wise and Thomas Ross*. The Invisible Government (New York, 1965, издание в бумажном переплете). P. 149–150.
8. *Julie Southwood and Patrick Flanagan*. Indonesia: Law, Propaganda and Terror (London, 1983). P. 26–27.
9. *Wise and Ross*. P. 148.
10. *J. B. Smith*. P. 210–211.
11. Там же. P. 228–229.
12. Там же. P. 240.
13. Там же. P. 229, 246.
14. Там же. P. 243.
15. Операции с применением сексуального шантажа: Там же. P. 238–240, 248. Смит несколько раз допускает ошибку в своем комментарии о круглом столе. Статья только (по всей видимости) ссылается на женщину, о которой идет речь в комментариях на р. 133: «Другие и более скандальные причины были выдвинуты в отношении президентской склонности к коммунистической партии».

16. *New York Times*, 26 January 1976.
17. *Truman Smith. The Infamous Record of Soviet Espionage. Reader's Digest*, August 1960.
18. *J. B. Smith*. P. 220–221.
19. Упоминается в памятной записке Аллена Даллеса (Allen Dulles) Белому дому, 7 April 1961; апреля 1961 года; записка кратко излагает основные моменты вмешательства США: *Declassified Documents Reference System* (Arlington, Va.), выпущено 18 December 1974.
20. Военная операция и дело Поупа:
 - a) *Wise and Ross*. P. 145–156.
 - b) *Christopher Robbins. Air America* (US, 1979). P. 88–94.
 - c) *Col. L. Fletcher Prouty. US Air Force, Ret., The Secret Team: The CIA and its Allies in Control of the World* (New York, 1974). P. 155, 308, 363–366.
 - d) *New York Times*, 23 March 1958. P. 2; 19 April; 28 May. P. 9.
 - e) Sukarno, an Autobiography as Told to Cindy Adams (Hong Kong, 1966). P. 267–271; сначала отпечатано в США в 1965 г.; книга явно не шедевр, но ее стоит прочитать, чтобы узнать: о взглядах Сукарно; о том, почему глупо называть его коммунистом; о том, почему его, представителя страны третьего мира, который не проводил какую-то определенную линию, неоднократно оскорбляла и унижала администрация Эйзенхауэра, не говоря уже об интервенции; и о том, как американские порножурналы сделали его посмешищем.
 - f) *J. B. Smith*. P. 246–247. Кажется, возникает некоторая путаница по поводу взрыва в церкви. Смит утверждает, что это был Поуп, кто совершил это 18 мая перед тем, как его застрелили. Либо он, либо другие летописцы путают события апреля и мая.
21. *Wise and Ross*. P. 145.

15. ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА, 1950–1960-е

1. *Richard Fletcher. How CIA Money Took the Teeth Out of British Socialism*, in Philip Agee and Louis Wolf, eds., *Dirty Work: The CIA in Western Europe* (New Jersey, 1978). P. 200.
2. CCF, его деятельность и публикации:
 - а) Для более полной и вызывающей симпатию истории Конгресса за культурную свободу CCF см.: *Peter Coleman. The Liberal Conspiracy: The Congress for Cultural Freedom and the Struggle for the Mind of Postwar Europe* (New York, 1989), в различных местах; CCF magazines — главы 5 и 11; CCF books — Приложение D и др.;
 - б) *Russell Warren Howe. Asset Unwitting: Covering the World for the CIA. MORE* (New York), May 1978. P. 20–27, журнал, связанный с Колумбийским университетом журналистики;
 - в) *New York Times*, 26 December 1977. P. 37; 27 April 1966. P. 28; 8, 9 May 1967, и другие выпуски 1967 г.;
 - г) Журнал *Commentary* (New York), September 1967;
 - д) *Fletcher*. P. 188–200.

Среди других неевропейских журналов CCF были: *Thought* и *Quest* в Индии, *Aportes*, *Cademos Brasileiros* и *Informes de China* в Латинской Америке, *Black Orpheus* и *Transition* в Африке, *Horison*, *Social Science Review*, *Jiytt* и *Solidarity* в Азии и *Hiwar* в Бейруте.
3. *Ray Cline. Secrets, Spies and Soldiers* (US, 1976). P. 129.
4. *New York Times*, 26 December 1977. P. 37.
5. *Washington Post*, 15 May 1967. P. 1.
6. Forum World Features: Howe. Процитированный в Forum World Features автор — Howe. Бюджет ЦРУ: отчет комитета Палаты представителей цитируется в Howe. P. 27. Для детального изучения деятельности ЦРУ по использованию американских информационных организаций см.: *Carl Bernstein. The CIA and the Media. Rolling Stone*, 20 October 1977, and *New York Times*, 26 December 1977. P. 1, 37.

7. The Nation (New York), 19 June 1982. P. 738. В статье сообщается, что некоторые сотрудники ЦРУ утверждают, что Springer был довольно либеральным в начале 1950-х гг. и профинансирован для противодействия неонацистам и правым элементам в Германии. Это утверждение не внушает доверия, ибо главной целью американской оккупационной администрации в течение этого периода, независимо от настроя каждого отдельного американского чиновника, было подавить влияние лиц и групп слева от центра — коммунистов, радикалов и социал-демократов; в то же время власти США использовали «бывших» нацистов во всех сферах управления и разведки (см. главу 8 «Германия»).

8. Tom Braden. I'm Glad the CIA is Immoral'. Saturday Evening Post, 20 May 1967.

9. Там же.

10. Лейбористская партия /CND: Fletcher. P. 196—197; The Times (London), 5 October 1961.

11. Braden. P. 14.

12. Политические партии/ЦРУ:

a) New York Times, 7 and 9 January 1976.

b) Jack Anderson. San Francisco Chronicle, 11 and 12 November 1981.

c) Coleman. P. 183—185.

d) Chapman Pincher. Inside Story: A Documentary of the Pursuit of Power (London, 1979). P. 28.

13. Операция «Гладио»:

a) The Observer (London), 7 June 1992.

b) The Guardian (New York), 5 December 1990. P. 5, статья из Милана со ссылкой на итальянский журнал Panorama, Agence France Presse и другие европейские источники.

c) Washington Post, 14 November 1990. P. A19.

d) Die Welt (Germany), 14 November 1990. P. 7.

e) Los Angeles Times, 15 November 1990. P. A6.

16. БРИТАНСКАЯ ГВИАНА, 1953—1964

1. События 1953 г.: The Guardian (London), 28 December 1984, для детального описания неприкрытого цинизма, с которым действовала Великобритания, и основанного на правительственныех документах 1984 г.; см. также: The Times (London) 7 and 10 October 1953; Cheddi Jagan. The Weston Trial (London, 1966) главы 7—8; The Ordeal of British Guiana. Monthly Review, (New York) July — August 1964. P. 16—19.

2. Parliamentary Debates, House of Commons, 22 October 1953, column 2170, речь Oliver Lyttleton.

3. Инцидент с билетами: New York Times, 16 October 1953, Jagan. P. 149. PanAm: Morton Halperin, et al., The Lawless State (Penguin Books, New York, 1976). P. 47; Christopher Robbins. Air America (New York, 1979). P. 58; журнал Counter Spy (Washington) December 1983 — February 1984. P. 21; Трипп (Trippe) был членом двух старых организаций прикрытия ЦРУ: Американского института свободного профсоюзного развития (The American Institute for Free Labor Development) и Фонда Азия (The Asia Foundation, ранее National Committee for a Free Asia).

4. ORIT: Jagati. P. 296—297; Philip Agee. Inside the Company: CIA Diary (New York, 1975) see index; Survey of the Alliance for Progress: Labor Policies and Programs, Докладная записка Комиссии Сената США по иностранным делам, подкомитета по делам американских республик (US Senate Foreign Relations Committee, Subcommittee on American Republics Affairs), 15 July 1968. P. 8—9; Serafino Romuatdi. Presidents and Peons: Recollections of a Labor Ambassador in Latin America (New York, 1967). P. 346.

5. События 1957—1959 гг.: The Sunday Times (London) 16 and 23 April 1967.

6. New York Times, 22 February 1967. P. 1, 17.

7. The Sunday Times, цитируемый ранее источник.

8. *Jagan*. P. 304.
9. *Richard Barnet*. Intervention and Revolution (London, 1972). P. 244.
10. *Arthur Schlesinger*. A Thousand Days (Boston, 1965). P. 774–779.
11. San Francisco Chronicle, 21 March 1964. P. 27; New York Times, 31 October 1964. P. 7; The Times (London), 29 June 1963. P. 8.
12. *Jagan*. P. 255.
13. Забастовка 1962 года: New York Times, 2 February 1967. P. 17; 30 October 1994. P. 4 (media): *Barnet*. P. 245; *Agee*. P. 293–294; *Jagan*. P. 252–269; The Times (London) 13 March 1962. P. 10.
14. Забастовка 1963 года, общее описание: *Jagan*. Главы 13–14.
15. Parliamentary Debates, House of Commons, 4 May 1966, columns 1765–1767; см. также: 29 April 1966, columns 1133–1134.
16. New York Times, 22 February 1967. P. 17.
17. *Thomas J. Spinner Jr.* A Political and Social History of Guyana, 1945–1983 (London, 3984). P. 115–116; *Agee*. P. 406; New York Times, 4 January 1964. P. 10.
18. The Sunday Times, цитируемый ранее источник.
19. Там же.
20. New York Times, 11 August 1963. P. 28.
21. Там же. 11 September 1963. P. 1.
22. The Sunday Times (London) 25 May 1975. P. 4.
23. San Francisco Chronicle, 21 March 1964. P. 27.
24. *Jagan*. P. 372–375.
25. New York Times, 31 October 1964. P. 7.
26. The Times (London) 29 June 1963. P. 8: слова принадлежат The Times.
27. Parliamentary Debates, House of Commons, 27 April 1964, column 109.
28. The Times (London) 7 December 1964. P. 8.
29. События декабря 1964 года: The Times (London), 4 to 15 December 1964.
30. The Nation, June 4, 1990. P. 763–764.
31. New York Times, 30 October 1994. P. 4.
32. Там же. P. 1 and 4.
33. Там же. P. 4.

17. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, конец 1940-х – 1960-е

1. Шпионские планы:

- a) *James Bamford*. The Puzzle Palace (Penguin Books, Great Britain, 1983) pp, 136–9, 180–5.
- b) *Col. L. Fletcher Prouty*. USAF, ret., The Secret Team: The CIA and its Allies in Control of the World (New York, 1974). P. 167–172, 187–189, 369–379, 419–429.
- c) *Sanche de Grarnont*. The Secret War (New York, 1963) chapter 9.
- d) *Harry Rositzke*. The CIA's Secret Operations (New York, 1977). P. 23.
- e) New York Times, 6 May 1960. P. 7, список воздушных происшествий на эту дату.
2. *Ельцин*. Los Angeles Times, 13 June 1992; *Волкогонов*. Там же. 12 November 1992. Чтобы добавить путаницы, The New York Times от 12 ноября сообщала, что Волкогонов сказал, что все 730 пилотов после советских лагерей были «отправлены обратно домой». Все попытки автора найти точные свидетельства Волкогонова не увенчались успехом. Похоже, его свидетельства так никогда и не были опубликованы.
3. New York Times, 12 May 1960.
4. *Emmet John Hughes*. Ordeal of Power (London, 1963). P. 301.
5. *Prouty*. P. 399, 421–424, 427.
6. *Francis Gary Powers*. Operation Overflight (New York, 1970). P. 81–85, 113 и в других местах.

7. *Prouty*. P. 189.
8. *New York Times*, 5 May 1960. P. 29.
9. Там же. 10 May 1960. В статье говорится о континентальной части Соединенных Штатов. Ни о каком советском рейсе над Аляской, которая в 1959 г. стал штатом, не было упомянуто.
10. *Caught in The Act: Facts About U. S. Espionage and Subversion Against the U. S.* S. R. (Foreign Languages Publishing House, Moscow, второе переработанное издание, 1963). P. 95.
11. *Thomas Powers*. *The Man Who Kept the Secrets: Richard Helms and the CIA* (New York, 1979). P. 155, 157.
12. Эмигранты, проникновение в Советский Союз:
 - a) *De Grainont*. P. 185–189, 480–486.
 - b) *Konstantin Cherezov. NTS, A Spy Ring Unmasked* (Moscow, 1965) в различных местах; автор работал в тесном сотрудничестве с НТС в Западной Европе в течение нескольких лет, прежде чем вернулся в Советский Союз.
 - c) *Rositzke*. P. 18–50.
 - d) *Caught in the Act*, в различных местах.
 - e) *Wilbur Crane Eveland. Ropes of Sand: America's failure in the Middle East* (NY. 1980). P. 263.
 - f) *Kim Philby. My Silent War* (MacGibbon and Kee, London 1968). P. 199–202.
 - g) *Victor Marchetti and John Marks. The CIA and the Cult of Intelligence* (New York, 1975). P. 204–206.
- h) *Louis Hagen. The Secret War for Europe* (London, 1968). P. 163–164.
- i) *New York Times*, 30 August 195 S. P. 1, подготовка восточноевропейцев в Форт-Брэгге, Северная Каролина для ведения партизанской войны.
- j) *Kalian's Business* (опубликовано Торговой палатой США, US Chamber of Commerce), April 1952. P. 25–27, 68–69, обсуждение диверсионно-подрывной деятельности и других тактик, примененных в Советском Союзе и Восточной Европе.
13. *Cherezov*, в различных местах; de Gramont. P. 480–486; *Marchetti and Marks*. P. 165.
14. *Foreign and Military Intelligence*. Книга 1, заключительный отчет Специальной комиссии по изучению правительственные операций, связанных с разведывательной деятельностью (Сенат США), April 1976. P. 193.
15. *Book Week (Washington Post)*, 5 February 1967.
16. *Foreign and Military Intelligence*, цитируемый ранее источник. P. 194.
17. Для дальнейшего обсуждения книг, изданных ЦРУ и Информационным агентством США (USIA), и источников этих и других книг, см. ссылки в примечаниях 14 и 15; also *Washington Post* 28 September 1966; *New York Times*, 22 March 1967 and 22 December 1977; *Peter Coleman. The Liberal Conspiracy: The Congress for Cultural Freedom and the Struggle for the Mind of Postwar Europe* (New York, 1989), приложение D и др.; *Alexander Kendrick. Prime Time: The Life of Edward R. Murrow* (London, 1970). P. 478; *Marchetti and Marks*. P. 180–181; *E. Howard Hunt. Undercover: Memoirs of an American Secret Agent* (London, 1975). P. 70, 132.
18. *Marchetti and Marks*. P. 174–178; de Gramont. P. 486, 488–492.
19. *Washington Post*, 17 and 20 May 1982; 4 November 1982. Для более полной информации об использовании правительством США нацистов и их пособников в их антисоветском крестовом походе см.: *Christopher Simpson. Blowback: America's Recruitment of Nazis and Its Effects on the Cold War*. New York, 1988; *John Loftus. The Belarus Secret*. New York, 1982.
20. См. ссылки на примечание 12.
21. Служения в Специальной комиссии по изучению правительственные операций, связанных с разведывательной деятельностью, Сенат США (The Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities), Volume 4, 1975; *Washington Post*, 16 January 1975. P. 18; *Rositzke*. P. 62.
22. *Washington Post*, 25 April 1979.

23. *Rositzke*. P. 21, 33, 37.
24. San Francisco Chronicle, 9 October 1978.
25. *Rositzke*. P. 15.

18. ИТАЛИЯ, 1950–1970-е

1. Без источника, датировано 19 June 1953; копия воспроизведена in Declassified Documents Reference System (Arlington, Va.), 1977, документ 137A.
2. *Philip Agee and Louis Wolf*, eds. *Dirty Work: The CIA in Western Europe* (New Jersey, 1978). P. 168–169, английский перевод интервью с Victor Marchetti в *Panorama* (Milan, Italy), 2 May 1974, под названием «Le mani sull'Italia».
3. Докладная записка ЦРУ Комитету сорока (Совет национальной безопасности, The Forty Committee), представленная Комитету по разведке в Палате представителей (The Pike Committee) в ходе закрытых слушаний, проведенных в 1975 г. Основная часть доклада Комитета, в котором содержится этот меморандум, просочилась в прессу в феврале 1976 г. и впервые появилась в виде книги CIA — *The Pike Report* (Nottingham, England, 1977). Меморандум изложен на р. 204–205 этой книги (см. раздел Примечания для Ирака для дополнительной информации об этом докладе).
4. *Victor Marchetti and John D. Marks*. *The CIA and the Cult of Intelligence* (New York, 1975). P. 172; *William Colby*. *Honorable Men: My Life in the CIA* (New York, 1978). P. 119.
5. CIA — *The Pike Report*. P. 193.
6. *New York Times*, 7 January 1976. P. 1.
7. *Bob Woodward*. *VEIL: The Secret Wars of the CIA, 1981–1987* (New York, 1987). P. 398.
8. *New York Times*, 7 January 1976. P. 4.
9. Там же. P. 1.
10. Цитата ЦРУ: *New York Times*, 26 December 1977. P. 37. *Daily American*. Там же; *Carl Bernstein*. *The CIA and the Media*. *Rolling Stone*, 20 October 1977. P. 59; *Thomas Powers*. *The Man Who Kept the Secrets: Richard Helms and the CIA*. New York, 1979, paperback edition. P. 414. Одним из владельцев газеты был Роберт Каннингхем (Robert Cunningham), сотрудник ЦРУ с 1956 по 1964 г. (*Washington Post*, 19 September 1985. P. A18).
11. *Fred Landis*. Robert Moss, Arnaud de Borchgrave, and Right-Wing Disinformation. *Covert Action Information Bulletin* (Washington), August — September 1980. P. 43.
12. *Colby*. С. 124. Колби не упоминает, какой год имеется в виду, но в 1955 г., во время выборов доверенного лица профсоюза Fiat, доля голосов избирателей профсоюза коммунистов упала до 39% с 63% годом ранее. (*New York Times*, 30 March 1955. P. 9). В статье «Нью-Йорк таймс» говорится, что влияние коммунистического профсоюза в значительной степени способствовало снижению ценности Fiat для военной промышленности Запада и его права на офшорные заказы из США.
13. *Agee and Wolf*. P. 169.
14. *Mark Aarons and John Loftus*. *Unholy Trinity: The Vatican, The Nazis and Soviet Intelligence* (New York, 1991).
15. *Agee and Wolf*. P. 171.
16. *Colby*. ch. 4.
17. *The Sunday Times* (London), 21 March 1976. P. 34.

19. ВЬЕТНАМ, 1950–1973

1. *Le Monde*, 13 April 1950, цитируется в R. E. M. Irving, *The First Indochinese War (London, 1975)*. P. 101.

2. Цитируется в Hans Askenasy, *Are We All Nazis?* (Lyle Stuart, Secaucus, NJ, 1978). P. 64.
3. New York Times, 21 March 1954. P. 3; 11 April 1954. IV. P. 5. По словам Bernard Fall, *The Two Vietnams* (*Frederick A. Praeger*. Publishers, New York, 1967, второе переработанное издание). P. 472, только 954 млн долларов из 1,4 млрд долларов было потрачено на момент прекращения огня в 1954 г.

4. *The Pentagon Papers* (N. Y. Times edition, Bantam Books, 1971). P. XI.

5. Там же. P. 4, 5, 8, 26.

6. Washington Post, 14 September 1969. P. A25. Лансинг (Lansing) был дядей Джона Фостера и Аллена Даллеса. Он включил их обоих в американскую делегацию на Версальской мирной конференции в 1918–1919 гг., на которой Хо Ши Мин представил свое обращение.

7. Хо Ши Мин и Вьетминь (Vietminh) работают с УСС (OSS), почитатели Соединенных Штатов:

Archimedes L. A. Patti. *Why Vietnam? Prelude to America's Albatross* (University of California Press, Berkeley, 1980), в различных местах. Патти (Patti), бывший офицер OSS, консультировался у Хо; *Chester Cooper. The Lost Crusade: The Full Story of US Involvement in Vietnam from Roosevelt to Nixon* (Great Britain, 1971). P. 22, 25–27, 40. Купер был ветераном, американским дипломатом на Дальнем Востоке, который служил в качестве помощника по делам Азии в администрации президента Джонсона. Он также был тайным сотрудником ЦРУ, возможно, на протяжении всей дипломатической карьеры.

Сотрудничество французов с японцами: Fall. P. 42–49.

Хо Ши Мин не является подлинным националистом: *Department of State Bulletin* (Washington), 13 February 1950. P. 244, Dean Acheson; 10 April 1950, Ambassador Loy Henderson; 22 May 1950, Dean Acheson.

Рабочий стол Хо Ши Мина: *Blanche W. Cook. The Declassified Eisenhower* (New York, 1981). P. 184.

Декларация Независимости: Полный текст можно найти: *Ho Chi Minh. Selected Works, Volume III* (Hanoi, 1961). P. 17–21.

8. Fall. P. 122, 124.

9. *The Pentagon Papers*. P. 5; Fall. P. 473.

10. Fall. P. 473.

11. *Christopher Robbins. Air America* (G. P. Putnam, New York, 1979). P. 59–60.

12. New York Times, 11 April 1954. IV. P. 5.

13. *The Pentagon Papers*. P. 11.

14. Там же. P. 36.

15. Там же. P. 5, 11; *Dwight Eisenhower. The White House Years: Mandate for Change, 1953–1956* (New York, 1963). P. 340–341; *Cooper. Ch. IV; Sherman Adams. Firsthand Report* (New York, 1961). P. 122; Адамс был главой администрации Президента США при Эйзенхауэр.

16. *Adams*. P. 124.

17. *The Pentagon Papers*. P. 46.

18. *The Times* (London) 2 June 1954, цитата из статьи Willoughby.

19. *Cooper*. P. 72.

20. *Bernard Fall. Hell in a Very Small Place: The Siege of Dien Bien Phu* (Great Britain, 1967). P. 307; *Parade magazine* (Washington Post), 24 April 1966; *Roscoe Drummond and Gaston Coblenz. Duel at the Brink* (New York, 1960). P. 121–122.

21. *Joseph Burkholder Smith. Portrait of a Cold Warrior* (New York, 1976). P. 172–174.

22. Там же. P. 173–174.

23. *Eisenhower. Time magazine*, 12 July 1954.

24. Политика США в отношении Женевской конференции: *Cooper. Ch. IV*; Купер был членом американской делегации на конференции.

25. *Fall* (Two Vietnams). P. 153–154.
26. Все остальные действия: The Pentagon Papers, документ № 15: Lansdale Team's Report on Covert Saigon Mission in '54 and '55. P. 53–66.
27. *C. L. Sulzberger*. New York Times, 22 January 1955. P. 10.
28. New York Times, 17 July 1955.
29. Министерство обороны США, United States — Vietnam Relations, 1945–1967 (правительственное издание документов Пентагона), book 2, IV, A.5, tab 4. P. 66, цитируется: *Noam Chomsky и Edward Herman. The Washington Connection and Third World Fascism* (Boston, 1979). P. 370.
30. *J. B. Smith*. P. 199.
31. *Eisenhower*. P. 372.
32. The Pentagon Papers. P. 22.
33. Там же. P. 25.
34. Life magazine, 13 May 1957.
35. The Pentagon Papers. P. 23.
36. *Emmet John Hughes. The Ordeal of Power* (London, 1963). P. 208; Хьюз был составителем речей президента Эйзенхауэра.
37. *Michael Klare. War Without End* (Random House/Vantage Books, New York, 1972). P. 261–263; *David Wise and Thomas B. Ross. The Espionage Establishment* (Random House, New York, 1967). P. 152.
38. Time, 30 June 1975. P. 32 европейского издания.
39. *David Wise. Colby of CIA — CIA of Colby*. New York Times Magazine, 1 July 1973. P. 9.
40. *Donald Duncan. The New Legions* (London, 1967). P. 156–159.
41. Newsweek, 22 March 1976. P. 28, 31.
42. Washington Post, 20 March 1982. P. A19.
43. Во многих местах; см. например: *I. F. Stone's Weekly* (Washington), 4 March 1968; The 'Phantom Battle' that Led to War. U. S. News and World Report, 23 July 1984. P. 56–67; *Joseph C. Goulden. Truth is the First Casualty: The Gulf of Tonkin Affair — Illusion and Reality* (Rand McNally & Co., U. S., 1969), в различных местах.
44. Covert Action Information Bulletin (Washington) No. 10, August — September 1980. P. 43.
45. Washington Post, 24 March 1967.
46. Chicago Daily News, 20 October 1965; Washington Post, 21 October 1965.
47. Копия речи Оглсби (Oglesby) в собственности автора.
48. Washington Post, 12 February 1967.
49. Там же. 18 December 1966.
50. *Alexander M. Haig, Jr. Caveat: Realism, Reagan, and Foreign Policy* (New York, 1984). P. 202.
51. New York Times, 28 July 1975. P. 19.
52. New York Herald Tribune, 25 April 1965. P. 18.
53. U. S. Assistance Program in Vietnam, Слушания перед подкомиссией Комитета Палаты представителей по правительенным операциям, 19 July 1971. P. 189.
54. Там же. P. 183.
55. *Victor Marchetti and John Marks. The CIA and the Cult of Intelligence* (New York, 1975). P. 236–237.
56. *William Colby. Honorable Men: My Life in the CIA* (New York, 1978). P. 272, 275–276.
57. *Marchetti and Marks*. P. 237.
58. *Wise*. P. 33.
59. New York Times, 3 August 1971. P. 10.

60. Congressional Record, House, 12 May 1966. P. 9977–9978, перепечатка статьи Morley Safer of CBS News.
61. Washington Post, 25 November 1966.
62. U. S. Aid to North Vietnam, Слушания в подкомитете по азиатским и тихоокеанским делам Комитета Палаты представителей по международным связям, 19 July 1977, приложение 2.
63. Atlanta Journal, 25 September 1965.
64. San Francisco Chronicle, 9 January 1971; также см.: *Telford Taylor. Nuremberg and Vietnam: An American Tragedy* (New York, 1970).

20. КАМБОДЖА, 1955–1973

1. Принц Нородом Сианук (*Norodom Sihanouk*) при участии Уилфреда Берчетта (*Wilfred Burchett*). *My War With The CIA* (London, 1974, переработанное издание). Р. 75–76. Договор SEATO 1954 г. в действительности содержал протокол, который в одностороннем порядке поместил Камбоджу, Лаос и Южный Вьетнам под свою эгиду. Сианук позднее утверждал, что он отверг включение Камбоджи, хотя в то время, когда он находился во главе страны, та являлась членом своего рода системы обеспечения безопасности Запада для Юго-Восточной Азии. В любом случае, по различным причинам он скоро перешел от своей позиции к политике нейтралитета, которую он поддерживал после того. Для более полного обсуждения этих вопросов см.: *Michael Leifer. Cambodia: The Search for Security* (London, 1967), в частности глава 3.

2. События 1956 года: *Sihanouk*. P. 82–86; *New York Times*, 17 March 1956. P. 2; 24 March. P. 3; 20 April. P. 5; 21 April. P. 3.

3. *Sihanouk*. P. 94.

4. *Neak Cheat Niyum* (The Nationalist. Phnom Penh) 29 September 1963, цитируется: *Leifer*. P. 144.

5. Pentagon Papers, Vol 10. P. 1100, цитируется: *William Shawcross. Side-Show: Kissinger, Nixon and the Destruction of Cambodia* (New York, 1979, paperback edition). P. 53.

6. *Sihanouk*. P. 102–103; *New York Times*, 26 June 1958. P. 1; 25 April 1966. P. 20.

7. *Shawcross*. P. 54.

8. Там же.

9. Там же. P. 122.

10. *Washington Post*, 2 January 1966. P. E4.

11. Отношения США со «свободными камбоджийцами» (*Khmer Serei*) и «красными кхмерами»: *Charles Simpson III. Inside the Green Berets — The First 30 Years — A History of the US Army Special Forces* (London, 1983). P. 114–115; *Shawcross*, в различных местах; *Sihanouk*, в различных местах.

12. Заговор 1958–1959 гг.: *Sihanouk*. P. 102–109; *Washington Post*, 7 September 1965. P. 1; *Shawcross*. P. 54–55; *The Observer* (London) 22 February 1959. P. 8.

13. *Sihanouk*. P. 125.

14. Там же. P. 124–125.

15. *William Colby. Honorable Men: My Life in the CIA* (New York, 1978). P. 149–150.

16. *Sihanouk*. P. 113–115, 118–121.

17. Последствия американской помощи Камбодже: *Sihanouk*, в различных местах, в частности р. 93–96, 133–138; *Shawcross*. P. 58–60; *Washington Post*, 2 January 1966. P. E4.

18. *Sihanouk*. P. 139–140.

19. См., например: *Washington Post*, 4 August 1966 & 15 October 1966.

20. *Francois Ponchaud. Cambodia Year Zero*, переведено с франц. (London, 1978). P. 186.

21. San Francisco Chronicle, 23 July 1973.
22. Там же. 16 July 1973; *Shawcross*. P. 287–290.
23. *Shawcross*. P. 148–149.
24. Там же. Р. 114–115, основано на интервью, взятого Шокроссом (*Shawcross*) у Снеппа (*Snepp*).
25. Там же. Р. 114.
26. *Seymour M. Hersh. Kissinger: The Price of Power* (London, 1983). Р. 176. Херш в главе 15 предоставляет подробную информацию о махинациях между американцами и Лон Нолом и другими, свидетельствующую о том, что США заранее знали о готовившемся перевороте и поощряли его.
27. *Shawcross*. P. 122.
28. Там же. Р. 118–119.
29. Там же. Р. 120.
30. *Roger Morris. Uncertain Greatness: Henry Kissinger and American Foreign Policy* (Great Britain, 1977). P. 173.
31. *Shawcross*. P. 119; Ремарки Снеппа, основанные на интервью, которые у него взял Шоукросс (*Shawcross*).
32. *New York Times*, 21 March 1970. P. 1.
33. *Morris*. P. 174.
34. *Newsweek*, 22 November 1971. P. 37.
35. *Shawcross*. P. 400.
36. Показания перед Комиссией по иностранным делам Сената США, слушания по вопросу предоставления дополнительной помощи Камбодже, 24 February 1975. Р. 64.
37. Американская поддержка «красных кхмеров»:
 - a) *Jack Calhoun. U. S. Supports Khmer Rouge. Covert Action Information Bulletin*. № 34, Summer 1990. P. 37–40.
 - b) *David Munro. Cambodia: A Secret War Continues. Covert Action Information Bulletin*. № 40, Spring 1992. P. 52–57.
 - c) *Newsweek*, 10 October 1983. P. 41.
 - d) *Los Angeles Times*, 5 December 1980 (Ray Cline); 27 February 1991 (Признание администрацией Буша «тактического военного сотрудничества» между поддерживавшимися США силами и «красными кхмерами»).

21. ЛАОС, 1957–1973

1. Корреспондент Вьентьяна (Лаос). *The Labyrinthine War. Far Eastern Economic Review* (Hong Kong conservative weekly), 16 April 1970. P. 73.
2. Свидетельские показания перед комиссией Сената США по вооруженным силам, *Hearings on Fiscal Year 1972 Authorizations*, 22 July 1971. P. 4289.
3. Свидетельские показания перед подкомиссией по иностранным операциям и валютным вопросам Палаты представителей Конгресса США, комиссия по изучению правительственные операций, *Hearings on US Aid Operations in Laos*, May — June 1959; см. также: *New York Times*, 20 January 1961. P. 2, and *Washington Post*, 10 April 1966, о заявлениях лаосского премьер-министра Суванны Фумы (*Souvanna Phouma*) относительно неприятия Вашингтоном коалиционного либо нейтралистского правительства в Лаосе.
4. *New York Times*, 25 April 1957.
5. Там же. 18 May 1958. IV. P. 7.
6. Там же. 23 July 1958. P. 2; 25 July. P. 4.
7. Там же. 20 January 1961. P. 2; *Washington Post*, 10 April 1966.

8. New York Times, 15 January 1959. P. 15.
9. *Fred Branfman*. Voices from the Plain of Jars: Life Under an Air War (Harper & Row, New York, 1972). P. 12; New York Times, 18 May 1958. IV. P. 7.
10. New York Times, 25 April 1966. P. 20.
11. *Arthur Schlesinger*. A Thousand Days (Boston, 1965). P. 325.
12. 1958 год: там же. Р. 325–326 (это связано с событиями 1958 г., о которых говорилось ранее — см. примечания 6 и 7); 1959 год: там же. Р. 326; *Branfman*. P. 12; 1960 год: *Chester Bowles*. Promises to Keep: My Years in Public Life, 1941–1969 (New York 1971). Р. 393; Боулз (Bowles) был видным американским дипломатом.
13. *Roger Hilsman*. To Move a Nation (New York, 1967). P. 111–112.
14. New York Times, 25 January 1958. P. 6; 25 February. P. 6.
15. Там же. 9 August 1960.
16. *Norman Cousins*. Report from Laos, Saturday Review, 18 February 1961. P. 12.
17. Секретные армии:
 - a) New York Times, 26 October 1969. P. 1.
 - b) *Fred Branfman*. The President's Secret Army, in Robert Borosage and John Marks, eds., The CIA File (New York, 1976). P. 46–78.
 - c) *Christopher Robbins*. Air America (New York, 1979). Главы 5 и 8.
 - d) Col. L. Fletcher Prouty. BBC США, Ret., The Secret Team: The CIA and its Allies in Control of the World (New York, 1974). P. 190–193, 438.
 - e) *Victor Marchetti and John Marks*. The CIA and the Cult of Intelligence (New York, 1975). P. 54, 132.
 - f) San Francisco Chronicle, 25 July 1973 (данные о смертности).
18. New York Times, 18 May 1958. IV. P. 7.
19. *Robbins*, цитируемый ранее источник.
20. *Branfman* (CIA File). P. 65.
21. *Robbins*, цитируемый ранее источник.
22. Для более полного учета участия ЦРУ в незаконном обороте наркотиков из Латинской Америки в Юго-Восточную Азию и в Афганистан, с 1950 по 1980 г., см.:
 - a) *Alfred W. McCoy*. The Politics of Heroin in Southeast Asia (Harper & Row, New York, 1972) в различных местах; переработанное и обновленное издание, The Politics of Heroin: CIA Complicity in the Global Drug Trade (Lawrence Hill Books, New York, 1991) в различных местах.
 - b) *Henrik Kruger*. The Great Heroin Coup: Drugs, Intelligence, and International Fascism (Boston, 1980, первоначально опубликовано на датском языке в 1976 г.), в различных местах.
 - c) *Christopher Robbins*. Air America (New York, 1979). P. 128, 225–243.
 - d) *Leslie Cockburn*. Out of Control (New York, 1987), в различных местах.
 - e) *Peter Dale Scott, Jonathan Marshall*. Cocaine Politics: Drugs, Armies, and the CIA in Central America (University of CA Press, 1991), в различных местах.
 - f) Drugs, Law Enforcement and Foreign Policy, доклад комиссии Сената по международным отношениям, подкомитета по терроризму, наркотикам и международным операциям, 1989 г.
23. Свидетельство Даниэля Олексиша (Daniel Oleksiw), USIA, перед комиссией Сената США по международным отношениям, Hearings on US Security Agreements and Commitments Abroad: Kingdom of Laos, October 1969. P. 586–587.
- ЮСИА (USIA) подготовило ряд других публикаций без указания автора в Азии в 1950–1960-х гг. Списки документов 1954 г.: Four Seas (ежемесячный журнал, Юго-Восточная Азия), Free World (ежемесячный журнал, девять стран Дальнего Востока), American Reporter (выходящая два раза в неделю газета, Индия), Panorama (выходящая два раза в неделю газета, Пакистан), News Review (еженедельный журнал, Бейрут) (Памятная записка Белого дома

на основе информации, подготовленной ЮСИА, 15 February 1954, Declassified Documents Reference System, 1987, документ № 548).

24. New York Times, 25 April 1966. P. 20.
25. Там же. 20 January 1961. P. 2.
26. *Marchetti and Marks*. P. 132; *Branfman* (Voices). P. 16.
27. *Robbins*. P. 116.
28. *William Lederer & Eugene Burdick*. *A Nation of Sheep* (London, 1961). P. 12–13; см. также: *Bernard Fall*. *Anatomy of a Crisis: The Laotian Crisis of 1960–1961* (New York, 1969). Глава 7.
29. *Lederer and Burdick*. P. 15–22.
30. *Bernard Fall*. *Street Without Joy: Insurgency in Indochina, 1946–1963* (London, 1963, третье переработанное издание). P. 329; New York Times 3 January 1961. P. 10.
31. *Fall* (Street). P. 332.
32. *Schlesinger*. P. 329.
33. Там же. P. 517; см. также: *Andrew Tull*. *The Super Spies* (London, 1970). P. 165.
34. *Robbins*. P. 115.
35. *Prouty*. P. 314.
36. New York Times, 3 May 1964. P. 1; 7 May. P. 7; 14 May. P. 11.
37. Congressional Record, 18 July 1973. P. 24520–24522.
38. *Branfman* (Voices). P. 5; Бранфмен (Branfman) был в Лаосе в 1967–1971 гг., сначала как советник по образованию от International Voluntary Services («a Bible Belt version of the Peace Corps» — Robbins), затем как писатель и исследователь.
39. *Refugee and Civilian War Casualty Problems in Indochina*, Докладная записка, подготовленная для подкомитета Сената США по делам беженцев, юридического комитета, 28 September 1970. P. 19 and V.
40. Там же. P. 32.
41. The Guardian (London), 14 October 1971. P. 4.
42. *Robbins*. P. 132.
43. *Branfman* (Voices). P. 15.
44. New York Times, 23 February 1973. P. 1.
45. Там же. 8 April 1954.

22. ГАИТИ, 1959–1963

1. *Robert I. Rotberg with Christopher K. Clague*. *Haiti: The Politics of Squalor* (A Twentieth Century Fund Study, Boston, 1971). P. 244.
2. New York Times, 15 and 16 August 1959: *Robert Debs Heinl, Jr. and Nancy Gordon Heinl*. *The Story of the Haitian People, 1492–1971* (Boston, 1978). P. 600.
3. Hispanic American Report (Stanford University, California), October 1959. P. 434.
4. New York Times, 17 and 18 August 1959.
5. *Heinl*. P. 600; New York Times, 15 August 1959.
6. *Heinl*. P. 600; *Rotberg*. P. 219.
7. New York Times, 16 August 1959.
8. *Heinl*. P. 600.
9. New York Times, 16 August 1959.
10. *Rotberg*. P. 219.
11. *Heinl*. P. 618.
12. Interim Report: Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders, Специальная комиссия по изучению правительственные операций, связанных с разведывательной дея-

тельностью (Сенат США), 20 November 1975. P. 4, сноска 1. В докладе не уточняется, когда это произошло, но в New York Times, 14 November 1993. P. 12, размещено в 1961 г.

13. *Fritz Longchamp and Worth Cooley-Prost*. Hope for Haiti. Covert Action Information Bulletin (Washington). № 36, Spring 1991. P. 56. Longchamp — исполнительный директор вашингтонского отделения Центра анализа и государственного образования на Гаити; *Arthur Schlesinger, Jr.* A Thousand Days (Boston, 1965). P. 782–783; *Heinl*. P. 617.

23. ГВАТЕМАЛА, 1960

Основные источники этой главы:

- a) *Richard Gott*. Rural Guerrillas in Latin America (Great Britain, 1973, переработанное издание). P. 68–77; first published in 1970 as Guerrilla Movements in Latin America.
- b) *David Wise and Thomas Ross*. The Invisible Government (New York, 1965, издание в мягкой обложке). P. 22–24, 33.
- c) *Col. L. Fletcher Prouty*. US Air Force, Ret, The Secret Team: The CIA and its Allies in Control of the World (New York, 1974). P. 45–46.
- d) *John Gerassi*. The Great Fear in Latin America (New York, 1965, переработанное издание). P. 184–185; Герасси (Gerassi) был корреспондентом в Латинской Америке для New York Times и и редактором журнала Time.

1. *Gott*. P. 70.
2. New York Times, 18 November 1960.
3. Там же. 15, 19 November 1960.
4. *Gott*. P. 71; *Wise and Ross*. P. 33; *Prouty*. P. 46.
5. *Gerassi*. P. 185.
6. New York Times, 19 November 1960.
7. *Thomas and Marjorie Melville*. Guatemala: The Politics of Land Ownership (US, 1971). P. 142; *Gott*. P. 76.
8. *Gott*. P. 77.

24. ФРАНЦИЯ — АЛЖИР, 1960-е

1. *Andrew Tully*. CIA: The Inside Story (New York, 1962). P. 44.
2. *Allen Dulles*. The Craft of Intelligence (New York, 1965). P. 175.
3. New York Times, 4 May 1961. P. 10.
4. Цитируется в *Tully*. P. 45, статья Crosby Noyes, без даты в Washington Star.
5. Цитируется в *Sanche de Gramont*, The Secret War (New York, 1963). P. 29–30.
6. New York Times, 24 April 1961.
7. Washington Post, 5 May 1961. P. A16.
8. Time, 12 May 1961. P. 19.
9. New York Times, 29 April 1961. P. 1, 3.
10. Там же. 1 May 1961. P. 28.
11. Цитируется в *de Gramont*. P. 30–31.
12. Newsweek, 15 May 1961. P. 50–51.
13. L'Express/Claude Krief: как сообщается в *Alexander Werth*. The CIA in Algeria. The Nation (New York), 20 May 1961. P. 433–435.
14. Time, 12 May 1961. P. 19.
15. New York Times, 29 April 1961. P. 3.
16. Там же. 2 May 1961. P. 18.
17. Там же. 24 June 1975. P. 11.

18. *Christian Plume & Pierre Demaret*. Target: De Gaulle (перевод с французского, London, 1974) в различных местах.
19. Chicago Tribune, 15 June 1975. P. 1.
20. *David Wise*. The Politics of Lying (New York, 1973, издание в бумажном переплете). P. 431.
21. Military Assistance Training, Слушания в Комитете по иностранным делам Палаты представителей, подкомитете по вопросам политики национальной безопасности и научного развития, October and December 1970. P. 120.
22. Chicago Tribune, 20 June 1975. P. 6.

25. ЭКВАДОР, 1960–1963

1. *Philip Agee*. Inside the Company: CIA Diary (New York, 1975). P. 106–316, в различных местах. Книга Эйджи (Agee) сделала его врагом государства № 1. В рецензии на книгу, однако, бывший чиновник Агентства Miles Copeland — не скрывая своего отвращения к «предательству» Эйджи — заявляет, что «книга интересна как подлинное описание того, как действует обычный американский или британский оперативный сотрудник резидентуры... Будучи шпионом-куратором в Кито, Монтевидео и Мехико, он располагает информацией из первых рук... Все это, как утверждает его издатель, представлено «с убийственной точностью» (The Spectator, London, 11 January 1975. P. 40).

2. New York Times, 14 July 1963. P. 20. Для интересного и краткого обсуждения политических пристрастий Веласко (Velasco) и Аросеманы (Arosemana) см.: *John Gerassi*. The Great Fear in Latin America (New York, 1965, переработанное издание). P. 141–148.

26. КОНГО, 1960–1964

1. Interim Report: Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders, Специальная комиссия по изучению правительственные операций, связанных с разведывательной деятельностью (Сенат США), 20 November 1975. P. 14, 15, 16 соответственно; далее ссылка на Assassination Report.

2. Washington Post, 28 August 1960. P. A4.

3. Assassination Report. P. 58.

4. *Jonathan Kwitny*. Endless Enemies: The Making of an Unfriendly World (New York, 1984). P. 57.

5. *Alan Merriam*. Congo: Background to Conflict (Northwestern U. Press, Evanston, 1961). P. 352–354.

6. *David Gibbs*. The Political Economy of Third World Intervention: Mines, Money, and U. S. Policy in the Congo Crisis (University of Chicago Press, 1991). P. 100, предоставляет подробную информацию об этих связях; p. 90 о запросе посольства США на вмешательство Бельгии.

7. Там же. P. 92–93.

8. New York Times, 4 September 1960. IV. P. 3; *Gibbs*. P. 100.

9. *Kwitny*. P. 62–63, 65; *Stephen R. Weissman*. American Foreign Policy in the Congo, 1960–1964 (Cornell University Press, Ithaca, 1974). P. 88–95 (Вейсман (Weissman), бывший сотрудник подкомитета по Африке Комитета по иностранным делам Палаты представителей); *Andrew Tully*. CIA: The Inside Story (Fawcett, New York, 1962, издание в бумажном переплете). P. 179–180 (сотрудники ЦРУ).

10. Assassination Report. P. 16.

11. *Victor Marchetti* (бывший помощник заместителя директора ЦРУ) and *John D. Marks*. The CIA and the Cult of Intelligence (Laurel/Dell, 1983). P. 28; это издание содержит несколько ранее удаленных и засекреченных эпизодов.

12. *Stephen R. Weissman*. CIA Covert Action in Zaire and Angola: Patterns and Consequences. Political Science Quarterly (PSQ), Summer 1979. P. 267 (см. информацию о Вайсмане (Weissman) выше).

13. Переворот: *Kwitny*. P. 66; цитаты Лумумбы: *Assassination Report*. P. 16, 17, 18, 63 соответственно. Три последних — это цитаты или парофразы из высказываний американских официальных лиц.

14. Там же. P. 19–30. Готлиб (Gottlieb) имеет в виду Йозефа Шайдера (Joseph Scheider) в *Assassination Report*.

15. Там же. P. 13.

16. *New York Times*, 22 February 1976. P. 55.

17. *Assassination Report*. P. 30.

18. Там же. P. 18–19.

19. *Gibbs*. P. 96–97.

20. Там же. P. 48.

21. *Tully*. P. 178; для дальнейшего обсуждения взаимоотношений Соединенных Штатов с Мобуту см.: *Gibbs*. P. 96; *Kwitny*. P. 63, 66–67; *Weissman* (*American Foreign Policy*). P. 94–99, 108–109; *Weissman* (PSQ). P. 268.

22. *John Stockwell*. *In Search of Enemies* (New York, 1978). P. 105; see also 137, 236–237.

23. Депеши: 18 January 1961, от посла США в Леопольдвилле (Leopoldville) в американское консульство в Элизабетвилль (Elizabethville), and 20 January 1961, из Элизабетвилля в Вашингтон, Declassified Documents Reference System (Arlington, Va.), Retrospective Collection volume, документы 375B, E. Обе депеши были отправлены после смерти Лумумбы, указывая на то, что эти должностные лица Государственного департамента были не в курсе действий ЦРУ.

24. *Gibbs*. Глава 4; *Arthur Schlesinger*. *A Thousand Days* (Boston, 1965). P. 576.

25. Полковник BBC США в отставке *L. Fletcher Prouty*. *The Secret Team: The CIA and its Allies in Control of the World* (Ballantine Books, New York, 1974, издание в бумажном переплете). P. 26, 129–130, 438.

26. Коста-Рика в 1955 г. (см. эту главу); и Бирма в 1970 г., если не раньше, когда американские военные помогали военно-воздушным силам Бирмы нанести удар по повстанцам Бирмы, в то время когда ЦРУ помогала повстанцам в Лаосе (*San Francisco Chronicle*, 16 October 1970. P. 22). Кроме того, в Анголе в 1960–1970-х гг. и на Кубе в 1957–1958 гг. Управление финансировало повстанцев, пытавшихся свергнуть правительства, которые, в свою очередь, получали от США оружие для борьбы с повстанцами (см. в этих главах).

27. *Assassination Report*. P. 18. Lawrence Devlin is referred to as Victor Hedgman in the Report.

28. *Kwitny*. P. 67.

29. *Newsweek* 22 November 1971. P. 37.

30. Памятная записка Государственного департамента, 17 November 1961, от исполнительного секретаря Л. Д. Бэттл (L. D. Battle) специальному помощнику президента по вопросам национальной безопасности Макджорджу Банди (McGeorge Bundy); Declassified Documents Reference System (Arlington, Va.), Retrospective Collection volume, документ 383C.

31. *Marchetti and Marks*. P. 28.

32. *Kwitny*. P. 67–68; *Weissman* (*American Foreign Policy*). P. 105, 205; *Weissman* (PSQ). P. 270; меморандум ЦРУ под названием Congo: United States Assistance to Adoula Against Gizenga, без даты, но, по-видимому, написанный в ноябре 1961 г., найден в Национальных секретных досье (National Security Files) Президентской библиотеки Джона Ф. Кеннеди, Boston, цитируется: *Weissman* (PSQ).

33. CBS Reports, 26 April 1962, The Hot and Cold Wars of Allen Dulles. P. 19–20 стенограммы, цитируется: *Stephen R. Weissman* in *The CIA and U. S. Policy in Zaire and Angola in Ellen*

Ray, et al., eds., *Dirty Work 2: The CIA in Africa* (New Jersey, 1979). P. 200; это другая версия статьи Вайсмана (Weissman) в PSQ, упоминавшейся ранее.

34. *William Atwood*. *The Reds and the Blacks* (London, 1967). P. 194; В 1964–1965 гг. Этвуд был послом США в Кении; *Weissman* (PSQ). P. 271–272; *Weissman* (*American Foreign Policy*). P. 226–230.

35. *Atwood*. P. 192.

36. Наемники ЦРУ: *David Wise and Thomas Ross*. *The Espionage Establishment* (New York, 1967). P. 167; *Stockwell*. P. 187–188; *Marchetti and Marks*. P. 104; *Roger Morris* (бывший сотрудник Совета национальной безопасности) и Richard Mauzy. *Zaire (the Congo): An Exercise in Nation Building* in Robert Borosage and John Marks, eds., *The CIA File* (New York, 1976). P. 35–37.

37. *New York Times*, 26 April 1966. P. 1.

38. Там же. 17 June 1964. P. 1, 12; 18 June. P. 1.

39. M. Crawford Young. *Rebellion and the Congo*, in Robert Rotberg, ed., *Rebellion in Black Africa* (Oxford University Press, 1971). P. 230.

40. *Young*. P. 227, в различных местах; *Atwood*. P. 192 (захари); *Thomas Powers*. *The Man Who Kept the Secrets: Richard Helms and the CIA* (New York, 1979). P. 153 (Мулеle).

41. *Young*. P. 209.

42. *New York Times*, 15 November 1964. P. 27.

43. Там же. 1 November 1964. P. 12; 3 November. P. 14; *Atwood*. Глава 16.

44. *Richard Barnet*. *Intervention and Revolution* (London, 1970). P. 250.

45. *Atwood*. P. 218.

46. *The Times* (London) 25 November 1964.

47. *Marchetti and Marks*. P. 111.

48. *Atwood*. P. 194.

49. *Dwight Eisenhower*. *The White House Years: Waging Peace, 1956–1961* (New York, 1965). P. 270.

27. БРАЗИЛИЯ, 1961–1964

1. *Phyllis R. Parker*. *Brazil and the Quiet Intervention, 1964* (University of Texas Press, Austin, 1979). P. 64. Эта книга в значительной степени основывается на рассекреченных документах, найденных в библиотеках Джона Ф. Кеннеди и Линдона Джонсона. Автор дополнил эту информацию интервью с ключевыми фигурами событий, которые обсуждаются здесь.

2. Там же. P. 67.

3. Там же. P. 65.

4. Там же. P. 20, *Washington*, April 1962.

5. Там же. P. 30–31, 34.

6. Там же. P. 31, встреча в Бразилии 17 December 1962.

7. Там же. P. 45, 21, доклад Уолтерса (Walters) Пентагону, 6 August 1963.

8. Там же. P. 41–42.

9. Там же. P. 44 в различных местах.

10. *John Gerassi*. *The Great Fear in Latin America* (New York, 1965, переработанное издание). P. 83.

11. Там же. P. 82.

12. *New York Times*, 12 July 1961. P. 13.

13. *Peter Bell*. *Brazilian-American Relations in Riordan Roett*, ed., *Brazil in the Sixties* (Vanderbilt University Press, Nashville, 1972). P. 81; Интервью Белла с Кэботом, Washington, DC, 15 January 1970.

14. *Gerassi*. P. 84.

15. New York Times, 16 March 1962. P. 7.
16. *Stephen Schlesinger and Stephen Kinzer*. *Bitter Fruit: The Untold Story of the American Coup in Guatemala* (Doubleday & Co., New York, 1982). P. 103–104, 108.
17. New York Times, 16 March 1962. P. 7.
18. *Gerassi*. P. 84–88.
19. *Thomas E. Skidmore*. *Politics in Brazil, 1930–1964: An Experiment in Democracy* (Oxford University Press, New York, 1967). P. 130; *Gerassi*. P. 80–81.
20. *Jan Knippers Black*. *United States Penetration of Brazil* (University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1977). P. 40: цитируются слова Блэка (Black), взятые из его интервью с подполковником Эдвардом Л. Кингом (Edward L. King), членом Смешанной американо-бразильской военной комиссии (Joint Brazil-US Defense Commission) во второй половине 1960-х гг.; также см.: *Bell*. P. 83 о сомнениях Вашингтона в Гуларте (Goulart) с самого начала его президентского срока.
21. *Arthur Schlesinger*. *A Thousand Days* (Boston, 1965). P. 780–782; New York Times, 5 December 1961. P. 11.
22. New York Times, 5 April 1962. P. 3.
23. Time, 3 November 1961. P. 29.
24. *Gerassi*. P. 83, 88.
25. *Parker*. P. 29, интервью, взятое у Гордона (Gordon), 19 January 1976.
26. *Philip Agee*. *Inside the Company: CIA Diary* (New York, 1975). P. 321.
27. *Parker*. P. 27.
28. *A. J. Langguth*. *Hidden Terrors* (New York, 1978). P. 92; Ланггут (Langguth) ранее работал в New York Times, а в 1965 г. был начальником сайгонского бюро газеты.
29. *Parker*. P. 26, памятная записка от президента Кеннеди администратору Агентства по международному развитию Фоулеру Гамильтону (Fowler Hamilton), 5 February 1962.
30. Там же. P. 87–97.
31. *Agee*. P. 362.
32. *Langguth*. P. 77, 89–90, 92, 108.
33. *Parker*. P. 40.
34. Для ознакомления с весьма знаменательным примером этого см. историю мятежа ВМС у Скидмора (Skidmore). P. 296–297.
35. *Philip Siekman*. *When Executives Turned Revolutionaries*. Fortune magazine (New York), September 1964. P. 214.
36. *Parker*. P. 63, интервью, взятое у Вальтерса (Walters).
37. *Langguth*. P. 61–62, 98; Washington Post, 5 February 1968. P. 1.
38. *Skidmore*. P. 330; также см.: *James Kohl and John Litt*. *Urban Guerrilla Warfare in Latin America* (The MIT Press, Cambridge, Mass., 1974). P. 39, для дальнейшего рассмотрения вопроса о сильном проамериканском и антилевом уклоне учебной программы колледжа.
39. *Parker*. P. 98, телеграмма для Государственного департамента, 4 March 1964. В этой и следующих цитатах из телеграммы в целях читабельности текста были вставлены пропущенные артикли и предлоги. Для дальнейшего рассмотрения вопроса о тесных контактах между офицерами США и Бразилии и о предполагаемом проамериканском и антикоммунистическом влиянии, которому были подвержены последние, см.: a) *Langguth*. P. 94–96, 162–170; b) *Black*. Главы 9 и 10; c) *Michael Klare*. *War Without End* (New York, 1972). Глава 10; d) *Alfred Stepan*. *The Military in Politics: Changing Patterns in Brazil* (Princeton University Press, New Jersey, 1971, a RAND Corp. Study). P. 123–133.
40. *Parker*. P. 65.
41. Там же. P. 68.
42. Там же. P. 68–69.

43. Там же. Р. 74.
44. Там же. Р. 75, телетайп, из Вашингтона в Посольство США в Бразилии 31 March 1964.
45. Там же. Р. 68.
46. Там же. Р. 74, 77.
47. Там же. Р. 72, 75–76; см. также заявление изгнанного хунтой бывшего бразильского полковника Педро Пауло де Баруны (Pedro Paulo de Baruna) о влиянии военно-морских сил на мышление Каштелу Бранку (Castelo Branco): *Warner Poelchau*, ed. White Paper, Whitewash (New York, 1981). Р. 51.
48. Survey of the Alliance for Progress: Labor Policies and Programs, Докладная записка Комиссии по иностранным делам Сената США, подкомитета по делам американских республик, 15 July 1968. Р. 53; данные о создании и деятельности AIFLD можно найти на начальных страницах этого отчета; также см.: *Black*. Глава 6.
49. В докладе Сената США цитируется предыдущая записка. Р. 14, цитата из радиопередачи, в которой приняла участие семья Доэрти (Doherty).
50. *Eugene Methvin*. Labor's New Weapon for Democracy. Reader's Digest, October, 1966. Р. 28.
51. Poelchau. Р. 47–51.
52. Langguth. Р. 110, 113; Washington Post, 2 April 1964. Р. 23.
53. *Langguth*. Р. 112–113.
54. Там же. Р. 113; Washington Post, 3 April 1964. Р. 17.
55. Депеши Гордона (Gordon): *Parker*. Р. 81–83.
56. Там же. Р. 83.
57. Служение о выдвижении Линкольна Гордона на пост помощника Государственного секретаря по межамериканским делам, Комиссия по международным отношениям Сената США, 7 February 1966. Р. 44–45.
58. The Department of State Bulletin, 20 April 1964, пресс-конференция от 3 апреля 1964 г.
59. *Langguth*. Р. 116, из интервью, взятого Ланггутом (Langguth) у Гордона (Gordon).
60. Служение в Сенате, цитируемый ранее источник.
61. Foreign Assistance Act of 1965, Служения в Комитете по иностранным делам Палаты представителей, 25 February 1965. Р. 346.
62. *Langguth*. Р. 113, цитируется: Brazil Herald, 6 March 1964. Р. 4.
63. New York Times, 11 July 1965. Р. 13.
64. Там же. 25 November 1966. Р. 4.
65. *Marc Edelman*. The Other Super Power: The Soviet Union and Latin America 1917–1987. NACLA's Report on the Americas (Североамериканский конгресс по Латинской Америке, Нью-Йорк), January/February 1987. Р. 32–34; день траура: р. 29, цитируется Информационная служба иностранного радиовещания ЦРУ (FBIS-LAM), 15 November 1982.
66. Reader's Digest, November 1964. Р. 135–158.
67. *Agee*. Р. 364.
68. *Parker*. Р. 85–86.
69. *Agee*. Р. 364–365.
70. New York Times, 6 April 1964. Р. 1.
71. Reader's Digest, October, 1966, цитируемый ранее источник.
72. *Parker*. Р. 59.
73. Репрессивность правительства Бранку (Branco) и связи с Вашингтоном:
- a) *Penny Lernoux*. Cry of the People: The Struggle for Human Rights in Latin America — The Catholic Church in Conflict with U S. Policy (Penguin Books, London, 1982). Р. 166–175, 313–332 и других местах.
- b) *Langguth*. Главы 4, 5 и 7 и в других местах.

c) Torture and Oppression in Brazil, Слушания в подкомитете по международным организациям и движениям Комитета по иностранным делам Палаты представителей, 11 декабря 1974 г.; показания жертв о пытках и перепечатке статей из американской прессы.

d) *Noam Chomsky and Edward Herman*. The Washington Connection and Third World Fascism (Boston, 1979), см. приложение.

74. Агентство по международному развитию (AID), Program and Project Data Presentation to the Congress for Fiscal Year 1971. P. 26.

75. *Langguth*. P. 94; *Poelchau*. P. 65, интервью Ланггута.

76. Amnesty International, Report on Allegations of Torture in Brazil (London, 1974). P. 40.

77. Jornal do Brazil, 25 May 1972, цитируется в «Международной амнистии», цитируемый ранее источник. P. 49.

78. *Lawrence Weschler*. A Miracle, A Universe: Settling Accounts with Torturers (Penguin Books, New York, 1991). P. 122.

79. Special Study Mission to Latin America on Military Assistance Training, отчет Комитета по иностранным делам Палаты представителей, 1970.

80. New York Times, 27 April 1966. P. 28.

28. ПЕРУ, 1960–1965

1. New York Times, 22 December 1960. P. 3.

2. *Philip Agee*. Inside the Company: CIA Diary (New York, 1975). P. 145–146.

3. Wall Street Journal, 5 January 1961. P. 1.

4. New York Times, 28 December 1960. P. 5.

5. Там же. 6 and 7 January 1961; *Agee*. P. 146; Эйджи (*Agee*) не упоминает Рамоса (*Ramos*) по имени, но очевидно, что имеется в виду один и тот же человек.

6. *John Gerassi*. The Great Fear in Latin America (New York, 1965, переработанное издание). P. 20, 129; изначально опубликовано как The Great Fear (New York, 1963).

7. Для предпосылок, идеологии и судьбы различных революционных движений в Перу в этот период см.: *Richard Gott*. Rural Guerrillas in Latin America (Great Britain, 1973, переработанное издание). P. 363–463; *James Petras and Maurice Zeitlin*, eds. Latin America: Reform or Revolution? (Fawcett, New York, 1968). P. 343–350; New York Times, 30 August 1966. P. 1.

8. *Victor Marchetti and John Marks*. The CIA and the Cult of Intelligence (New York, 1975). P. 137.

9. Слушания в Комиссии по вооруженным силам и подкомиссии по делам министерства обороны Комиссии по ассигнованиям (Сенат США), 23 February 1966. P. 38.

10. *Michael Klare*. War Without End (Random House/Vantage Books, New York, 1972). P. 297–298.

11. New York Times, 12 September 1965. P. 32.

12. *Agee*. P. 440; также см.: P. 267–269, 427.

13. *Gott*. Указ. соч.; *Petras*. P. 349; *Norman Gall*. The Legacy of Che Guevara. Commentary magazine (New York) December 1967. P. 39.

14. *Petras*. P. 349.

29. ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА, 1960–1966

1. *Jerome Slater*. The Dominican Republic, 1961–1966, in Barry Blechman and Stephen Kaplan, Force Without War: U. S. Armed Forces as a Political Instrument (The Brookings Institution, Washington, 1978). P. 290–291, исследование, проведенное по просьбе Пентагона и при его полном сотрудничестве, хотя в книге оговаривается, что там представлено только мнение авторов.

2. *Bernard Diederich*. *Trujillo: The Death of the Goat* (London, 1978). P. 43.
3. Там же. P. 48–49; *New York Times*, 23 June 1975. P. 17 (эта статья более понятна, когда знаешь, что к Лир Риду (Lear Reed) обращались как к «полковнику» — его звание во времена Второй мировой войны. *Diederich*. P. 49).
4. *Interim Report: Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders*, Специальная комиссия по изучению правительственные операций, связанных с разведывательной деятельностью (Сенат США), 20 November 1975. P. 192; далее ссылка на *Assassination Report*.
5. Там же.
6. *Diederich*. P. 44.
7. *Assassination Report*. P. 191–215, в различных местах; *Diederich*, в различных местах, в частности р. 40–56.
8. *Assassination Report*. P. 210.
9. *Arthur M. Schlesinger*. *A Thousand Days* (Boston, 1965). P. 769.
10. *Diederich*. P. 170–249, краткое изложение на стр. 265.
11. *Schlesinger*. P. 661.
12. События 1961 г., предшествующие убийству: *Slater*. P. 294–297; *Diederich*. P. 220–251.
13. *Slater*. P. 298; *New York Times*, 20 January 1962. P. 4.
14. *John Bartlow Martin*. *Overtaken by Events: The Dominican Crisis From the Fall of Trujillo to the Civil War* (New York, 1966). P. 100.
15. Там же. P. 122.
16. *New York Times*, 9 June 1962. P. 10.
17. Вмешательство США в выборы: *Martin*. P. 22–229, 347–348.
18. *Martin*. P. 455–456; *Richard Barnet*. *Intervention and Revolution* (London, 1972). P. 168.
19. Miami News цитата: цитируется в *Newsweek*, 7 October 1963. P. 64. Hendrix: *Carl Bernstein*. *The CIA and the Media*. *Rolling Stone*, 20 October 1977. P. 59; *Thomas Powers*. *The Man Who Kept the Secrets: Richard Helms and the CIA* (Pocket Books, New York, 1979). P. 461.
20. *Martin*. P. 451.
21. Там же. P. 477–478.
22. *Sam Halper*. *The Dominican Upheaval. The New Leader* (New York), 10 May 1965. P. 4.
23. *Martin*. P. 481–490; *New York Times*, 17 July 1963. P. 10.
24. CONATRAL: Survey of the Alliance for Progress: Labor Policies and Programs, Докладная записка Комиссии по иностранным делам Сената США, подкомитета по делам американских республик, 15 July 1968. P. 18; *Jan Kippers Black*. *The Dominican Republic: Politics and Development in an Unsovereign State* (Boston, 1986). P. 35, 96, 117; *Barnet*. P. 170–171.
25. *Martin*. P. 570.
26. *Newsweek*, 7 October 1963. P. 64–65.
27. *New York Times*, 14 December 1963. P. 12.
28. *Washington Post*, 27 June 1965. P. E2.
29. *Wall Street Journal*, 25 June 1965. P. 8.
30. *Slater*. P. 308; *Tad Szule*. *Dominican Diary* (New York, 1965). P. 32; Шульц (Szulc) был корреспондентом *New York Times* в Доминиканской Республике в этот период.
31. *Slater*. P. 307.
32. *Martin*. P. 656–657; *New York Times*, 1 May 1965; *Slater*. P. 309; *Wall Street Journal*, 25 June 1965. P. 8.
33. *Martin*. P. 658.
34. *Washington Post*, 27 June 1965. P. E5; *Slater*. P. 322–323; *New York Times*, 20 May 1965.
35. *New York Times*, 20 May 1965; *Slater*. P. 325.
36. *New York Times Magazine*, 14 July 1982. P. 20.
37. Там же.

38. New York Times, 25 February 1967.
39. Коммунисты среди повстанцев: Washington Post, 27 June 1965. P. E4; телеграмма ЦРУ: Declassified Documents Reference System (Arlington, Virginia) книга 1977 г., документ 14G.
40. Philip Agee. Inside the Company: CIA Diary (New York, 1975). P. 421.
41. Barnet. P. 175–176.
42. Там же; Szulc. P. 71–73; Washington Post, 27 June 1965. P. E4.
43. Slater. P. 321; New York Times, 22 March 1967.
44. David Wise. The Politics of Lying (New York, 1973, издание в бумажном переплете). P. 32.
45. Barnet. P. 178–179.
46. См.: Wall Street Journal, 7 September 1971. In Dominican Republic, Political Murders Rise, and So Does Poverty; а также некоторые отчеты «Международной амнистии» о пытках (Amnesty International) Reports on Torture и Annual Reports в течение 1970-х гг.

30. КУБА, 1959–1980

1. Khrushchev Remembers (London, 1971). P. 494, 496.
2. Time, 2 November 1962.
3. Цитируется Уильямом Эпплманом Уильямсом (William Appleman Williams). American Intervention in Russia: 1917–1920, in David Horowitz, ed., Containment and Revolution (Boston, 1967). Написано в письме государственного секретаря Роберта Лансинга (Robert Lansing), дяди Джона Фостера и Аллена Даллеса, к президенту Вильсону.
4. Facts on File, Cuba, the U. S. & Russia, 1960–1963 (New York, 1964). P. 56–58.
5. International Herald Tribune (Paris), 2 October 1985. P. 1.
6. New York Times, 23 October 1959. P. 1.
7. Facts on File, цитируемый ранее источник. P. 7–8; New York Times, 19, 20 February 1960; 22 March 1960.
8. New York Times, 5, 6 March 1960.
9. David Wise. Colby of CIA — CIA of Colby. New York Times Magazine, 1 July 1973. P. 9.
10. Отчет о расследовании после вторжения, запрошенный Кеннеди, показал, что «это никогда не принималось в расчет; те, кто планировал операцию, свидетельствовали, что само вторжение свергнет Кастро. Была надежда, что первоначальный успех будет стимулировать восстания тысяч кубинцев, выступающих против Кастро. Корабли флота вторжения везли на борту 15 тысяч единиц оружия, которые должны были быть распределены между ожидавшимися добровольцами». U. S. News & World Report, 13 August 1979. P. 82. Некоторые сотрудники ЦРУ, включая Аллена Даллеса, позже отрицали, что восстание ожидалось, но это не более чем попытка замаскировать их идеологическое затруднение, возникшее оттого, что люди, жившие под гнетом «коммунистической тирании», вообще не ответили на призывы «свободного мира».
11. Нападения на Кубу:
 - a) Taylor Branch and George Crile III. The Kennedy Vendetta. Harper's magazine (New York), August 1975. P. 49–63.
 - b) Facts on File, цитируемый ранее источник, в различных местах.
 - c) New York Times, 26 August 1962. P. 1; 21 March 1963. P. 3; Washington Post, 1 June 1966; 30 September 1966; а также много других статей в обеих газетах в течение 1960-х гг.
 - d) Warren Hinckle and William W. Turner. The Fish is Red: The Story of the Secret War Against Castro (Harper & Row, New York, 1981) в различных местах.
12. Branch and Crile, цитируемый ранее источник. P. 49–63. В статье говорится, что более 300 американцев участвовали в операции, но в сообщении «Си-би-эс» «Секретная

армия ЦРУ» от 10 июня 1977 г., а также в письменных свидетельствах Билла Мойерса, того же Джорджа Крайла (George Crile III) и бывшего сотрудника ЦРУ Рэя Клайна (Ray Cline) говорится о том, что было задействовано 600–700 американских штабных офицеров.

13. New York Times, 26 August 1962. P. 1.
14. John Gerassi. *The Great Fear in Latin America* (New York, 1965, переработанное издание). P. 278.
15. *Branch and Crile*, цитируемый ранее источник. P. 52.
16. The Times (London), 8, 10 January 1964; 12 May. P. 10; 21 July. P. 10; 28, 29 October; The Guardian (London), 28, 29 October 1964.
17. Washington Post, 14 February 1975. P. C31; в рассказе Андерсона утверждается, что всего было лишь 24 автобуса. Их затем восстановили после кораблекрушения и использовали в Великобритании.
18. *Branch and Crile*, цитируемый ранее источник. P. 52.
19. New York Times, 28 April 1966. P. 1.
20. *Branch and Crile*, цитируемый ранее источник. P. 52.
21. Washington Post, 21 March 1977. P. A18.
22. Hinckle and Turner. P. 293, основано на их интервью, взятого у участника Ridgecrest, California, 27 September 1975.
23. San Francisco Chronicle, 10 January 1977.
24. Bill Schaap. *The 1981 Cuba Dengue Epidemic. Covert Action Information Bulletin* (Washington). № 17, Summer 1982. P. 28–31.
25. San Francisco Chronicle, 29 October 1980. P. 15.
26. Science (Американская ассоциация по содействию в деле развития науки) (American Association for the Advancement of Science, Washington), 13 January 1967. P. 176.
27. *Covert Action Information Bulletin* (Washington). № 22. Fall 1984. P. 35; суд над Эдуардо Виктором Аросеной Пересом (Eduardo Victor Arocena Perez), Федеральный окружной суд Южного округа Нью-Йорка, стенограмма от 10 September 1984. P. 2187–2189.
28. См., например: San Francisco Chronicle, 27 July 1981.
29. Washington Post, 16 September 1977. P. A2.
30. Там же. 25 October 1969, колонка Джека Андерсона.
31. Доклады о попытках покушения упоминаются во многих местах; см.: Промежуточный отчет: *Interim Report: Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders*, Специальная комиссия по изучению правительственные операций, связанных с разведывательной деятельностью (Сенат США), 20 November 1975. P. 71–180, для детальной, хотя и не совсем полной информации см. попытку взрыва стадиона: New York Times, 22 November 1964. P. 26.
32. New York Times, 12 December 1964. P. 1.
33. Там же. 3 March 1980. P. 1.
34. Террористические акты в США:
 - a) Jeff Stein. *Inside Omega 7. The Village Voice* (New York), 10 March 1980.
 - b) New York Times, 13 September 1980. P. 24; 3 March, 1980. P. 1.
 - c) John Dinges and Saul Landau. *Assassination on Embassy Row* (London, 1981). P. 251–252, примечание (также включает в себя нападения на кубинские объекты в других странах).
 - d) *Covert Action Information Bulletin* (Washington). № 6, October 1979. P. 8–9.
35. Взрыв самолета:
 - a) Washington Post, 1 November 1986. P. A1, A18.
 - b) Jonathan Kwitny. *The Crimes of Patriots* (New York, 1987). P. 379.
 - c) William Schaap. *New Spate of Terrorism: Key Leaders Unleashed. Covert Action Information Bulletin* (Washington). № 11. December 1980. P. 4–8.
 - d) Dinges and Landau. P. 245–246.

е) Речь Фиделя Кастро, 15 October 1976, перепечатано в *Toward Improved U. S.-Cuba Relations*, Комитет по международным отношениям Палаты представителей, приложение A, 23 May 1977.

Документы ЦРУ вместе с другими рассекреченными Агентством документами направлены в Национальный архив в 1993 г. Их сделали доступными для общественности. Об этом сообщается в *The Nation* (New York), 29 November 1993. P. 657.

36. *Dangerous Dialogue: Attacks on Freedom of Expression in Miami's Cuban Exile Community*. P. 26, опубликовано America's Watch и «Фондом за свободу слова» (The Fund for Free Expression), New York and Washington, August 1992.

37. Там же, в различных местах. Также см.: *Terrorism in Miami: Suppressing Free Speech*. CounterSpy magazine (Washington). Vol. 8. № 3, March-May 1984. P. 26–30; *The Village Voice*, цитируемый ранее источник; *Covert Action Information Bulletin* (Washington). № 6, October 1979. P. 8–9.

38. *New York Times*, 4 January 1975. P. 8.

39. *San Francisco Chronicle*, 12 January 1982. P. 14; *Parade magazine* (Washington Post), 15 March 1981. P. 5.

40. *The Village Voice*, цитируемый ранее источник.

41. *Jerome Levinson and Juan de Onis*. *The Alliance That Lost Its Way: A Critical Report on the Alliance for Progress* (A Twentieth Century Fund Study, Chicago, 1970). P. 56.

42. Там же. P. 309; список целей Альянса можно найти на р. 352–355.

43. Там же. P. 226–227.

44. *New York Times*, 26 December 1977. P. 37. Также см.: *Philip Agee. Inside the Company: CIA Diary* (New York, 1975). P. 380 (Editors Press Service).

45. *Tad Szulc, Fidel. A Critical Portrait* (New York, 1986). P. 480–481.

46. *Richard Nixon. Six Crises* (New York, 1962, издание в бумажном переплете). P. 416–417.

47. *Victor Marchetti and John Marks. The CIA and the Cult of Intelligence* (New York, 1975). P. 289.

48. *Marc Edelman. The Other Super Power: The Soviet Union and Latin America 1917–1987*. NACLA'S Report on the Americas (Североамериканский конгресс по Латинской Америке, Нью-Йорк), January — February 1987. P. 16; *Szulc*, см. приложение.

49. *Szulc*. P. 427–428.

50. *Miami Herald*. 29 April 1996. P. 1.

31. ИНДОНЕЗИЯ, 1965

1. *Time*, 17 December 1965.

2. *New York Times Magazine*, 8 May 1966. P. 89.

3. Это наиболее широко распространенное число погибших, см., например, различные доклады «Международной амнистии» по Индонезии, опубликованные в 1970-х гг.

4. *Rex Mortimer. Indonesian Communism Under Sukarno: Ideology and Politics, 1959–1965* (Cornell University Press, Ithaca and London, 1974). P. 413–417; *Indonesia — 1965: The Coup that Backfired* (исследования ЦРУ, Washington, December 1968). P. 21, здесь и далее именуемые как «Исследования ЦРУ» (CIA Study).

5. *Mark Selden*, ed. *Remaking Asia: Essays on the American Uses of Power* (New York, 1974). P. 47–48.

6. *Noam Chomsky and Edward Herman. The Washington Connection and Third World Fascism* (Boston, 1979). P. 207.

7. *New York Times*, 12 March 1966. P. 6.

8. *Life*, 11 July 1966.

9. Списки ЦРУ: *Kathy Kadane*. San Francisco Examiner, 20 May 1990. Также см.: Covert Action Information Bulletin. № 35. Fall 1990. P. 59, для экспертов из интервью, взятого Кадане (Kadane) у американских дипломатов.
10. *Nugroho Notosusanto and Ismail Saleh*. The Coup Attempt of the 'September 30 Movement' in Indonesia (Jakarta, 1968), цитируется Мортимером (Mortimer). P. 419, он отмечает, что «оба автора были тесно связаны с индонезийской армией».
11. Исследования ЦРУ. P. 199.
12. *Notosusanto and Saleh*. P. 9, цитируется Mortimer. P. 419.
13. Исследования ЦРУ, из Предисловия.
14. Там же. P. 3–4; *Mortimer*. P. 414.
15. Обсуждение роли Sjam:
 - a) Исследования ЦРУ. P. 23, 28, 100, 112, 117, и в других местах.
 - b) Mortimer. P. 418–440, в различных местах.
 - c) *W. F. Wertheim. Suharto and the Untung Coup —The Missing Link*. Journal of Contemporary Asia (London) Winter 1970. P. 53–54.
 - d) *Selden*. P. 48.
- e) *Julie Southwood and Patrick Flanagan*. Indonesia: Law, Propaganda and Terror (London, 1983). P. 9.
16. Памятная записка ЦРУ от 18 июня 1962 г., Declassified Documents Reference System (Arlington, Virginia) книга 1975 г., документ 240A.
17. *Arthur Schlesinger*. A Thousand Days (Boston, 1965). P. 533.
18. *Roger Hilsman*. To Move a Nation (New York, 1967). P. 377.
19. Military Assistance Training in East and Southeast Asia, Докладная записка для подкомитета по политике национальной безопасности и научных разработок Комитета по иностранным делам Палаты представителей, 16 February 1971. P. 18.
20. Там же. 2 April 1971. P. 13.
21. New York Times, 27 April 1966. P. 28.
22. Hearings on Foreign Assistance, 1966, перед Комиссией по международным отношениям Сената, 11 May 1966. P. 693.
23. Грин (Green) был процитирован на эту тему в ряде книг и периодических изданий с небольшими вариациями, что, по-видимому, объясняется, тем, что он затронул эту же тему в нескольких выступлениях в Австралии. Некоторые источники дают только «нам пришлось делать то, что мы делали», другие же дают более полную цитату. То, что я представил здесь — это комбинированное выражение, взятое из: a) *Denis Freney*. The CIA's Australian Connection (Australia, 1977). P. 17, цитируется выступление Грина в Австралийском институте международных отношений (Australian Institute for International Affairs) в 1973 г.; и b) *Peter Britton*. Indonesia's Neo-colonial Armed Forces. Bulletin Of Concerned Asian Scholars, July — September 1975.
24. New York Times, 19 June 1966. P. 12E.
25. Journal of Contemporary Asia (London). Vol. 9. № 2, 1979. P. 252.
26. *Chomsky and Herman*. P. 208–217.
27. The Guardian (London), 12 December 1983.
28. Los Angeles Times, 15 June 1991. P. 10.
29. Там же. 13 October 1989. P. A6.
30. New York Times 13 December 1975. P. 26, редакционная статья.
31. San Francisco Chronicle, 9 November 1979. P. 61.
32. Для более подробной информации по этой теме см.: *Chomsky and Herman*. P. 129–204; *Denis Freney*. US-Australian Role in East Timor Genocide. CounterSpy magazine (Washington). Vol. 4. № 2, Spring 1980. P. 10–21.

32. ГАНА, 1966

1. *Kwame Nkrumah*. Dark Days in Ghana (London, 1968). P. 96.
2. *E. H. Cookridge*. 'The Africa Dossier', The Daily Telegraph Magazine (London), 21 January 1972, вторая часть из трех частей в ЦРУ.
3. *John Stockwell*. In Search of Enemies (New York, 1978). P. 201, примечание.
4. Там же; New York Times, 9 May 1978, статья Сеймора Херша (Seymour Hersh).
5. *Stockwell*. P. 201, примечание. По другим источникам, 25 русских, которые составляли дворцовую стражу Нkrумаха (Nkrumah), были застрелены, когда они пытались сдаться: *Seymour Friedin and George Bailey*. The Experts (New York, 1968). P. 210.
6. New York Times, цитируемый ранее источник.
7. Там же.
8. Там же.
9. Washington Post, 17 March 1966.
10. *Nkrumah*. P. 97–102 (государственная промышленность, цены на какао).
11. *John Barron*. KGB: The Secret Work of Soviet Secret Agents (Bantam Books, New York, 1981; Reader's Digest Press, 1974, издание в бумажном переплете). P. 342.

33. УРУГВАЙ, 1964–1970

1. *Manuel Hevia Cosculluela*. Pasaporte 11333: Ocho Acos con la CIA (Havana, 1978). P. 286.
2. *A. J. Langguth*. Hidden Terrors (New York, 1978). P. 48–49, 51 в различных местах. Ланггут (Langguth) ранее работал в New York Times, а в 1965 г. был шефом сайгонского бюро газеты.
 3. New York Times, 1 August 1970.
 4. *Langguth*. P. 285–257; New York Times, 15 August 1970.
 5. *Alain Labrousse*. The Tupamaros: Urban Guerrillas in Uruguay (Penguin Books, London, 1973, перевод с французского, издание 1970 г.). P. 103.
 6. *Langguth*. P. 289.
 7. *Langguth*. P. 232–233, 253–254; *Philip Agee*. Inside the Company: CIA Diary (New York, 1975), см. приложение (Отношения Отtero с ЦРУ).
 8. *Major Carlos Wilson*. The Tupamaros: The Unmentionables (Boston, 1974). P. 106–107; *Langguth*. P. 236; *Agee*. P. 478, подтверждает личность Кантрелла (Cantrell).
 9. *Langguth*. P. 252.
 10. Интервью Ланггута (Langguth) в фильме On Company Business (режиссер Allan Francovich), цитируется: *Warner Poelchau*, ed. White Paper, Whitewash (New York, 1981). P. 66.
 11. Выдержки из доклада сенатской комиссии по расследованию пыток, документ сопровождается сценарием фильма State of Siege (Ballantine Books, New York, 1973). P. 194–196; также см.: Death of a Policeman: Unanswered Questions About a Tragedy. Commonweal (католический журнал, выходящий раз в две недели, New York), 18 September 1970. P. 457; *Langguth*. P. 249.
 12. *Death Squad*. TSD: *Langguth*. P. 245–246, 253.
 13. *Michael Klare and Nancy Stein*. Police Terrorism in Latin America. NACLA's Latin America and Empire Report (Североамериканский конгресс по Латинской Америке), January 1974. P. 19–23, основано на документах Государственного департамента, полученных сенатором Джеймсом Абурезком (James Abourezk) в 1973 г.; также см.: *Jack Anderson*. Washington Post, 8 October 1973. P. C33; *Langguth*. P. 242–243.
 14. *Klare and Stein*. P. 19.
 15. New York Times, 25 September 1968, 1 August 1970; *Langguth*. P. 241.

16. *Hevia*. P. 284, в переводе с испанского, слегка перефразировано автором, подобную трактовку этого и некоторые абзацы из работ Хевии (*Hevia*) можно найти у Ланггута (*Langguth*). P. 311–313.
17. *New York Times*, 5 August 1978. P. 3.
18. Mitrione's philosophy: *Hevia*. P. 286–287 (см. примечание 16 выше).
19. *Poelchau*. P. 68.
20. *Langguth*. P. 305.
21. *The Guardian* (London), 19 October 1984.
22. *Lawrence Weschler. A Miracle, A Universe: Settling Accounts With Torturers* (Penguin Books, 1991). P. 121.
23. Там же. Р. 147, сказано Вешлеру (*Weschler*) Галеано (*Galeano*).
24. *Nancy Stein and Michael Klare. Merchants of Repression. NACLA's Latin America and Empire Report* (Североамериканский конгресс по Латинской Америке), July — August 1976. P. 31.
25. Управление по борьбе с наркотиками (DEA), производители оружия, и т. д.: *Stein and Klare*. P. 31–32; *New York Times*, 23 January 1975. P. 38; 26 January 1975. P. 42; *Langguth*. P. 301.
26. Аргентинская комиссия по правам человека, Washington, DC: Отчет под названием U. S. Narcotics Enforcement Assistance to Latin America, 10 March 1977, имеется в виде пресс-конференция, прошедшая в мае 1977 г. в Аргентине.
27. *San Francisco Chronicle*, 2 November 1981.
28. *Agee*. P. 325–494, в различных местах.
29. Из *Gott's Introduction to Labrousse*. P. 7.
30. Cable News Network на испанском, 23 July 1998; *El Diario-La Prensa* (New York) 24 July 1998; *Clarín* (Buenos Aires) 22 July 1998. P. 45.

34. ЧИЛИ, 1964–1973

1. *Covert Action in Chile, 1963–1973*, докладная записка Специальной комиссии по изучению правительственные операций, связанных с разведывательной деятельностью (Сенат США) 18 December 1975. P. 16; именуемый в дальнейшем отчет Сената.
2. *Washington Post*, 6 April 1973.
3. Отчет Сената. P. 14, 18.
4. Там же. P. 9.
5. *Washington Post*, 6 April 1973.
6. Отчет Сената. P. 15.
7. *Paul E. Sigmund. The Overthrow of Allende and the Politics of Chile, 1964–1976* (University of Pittsburgh Press, 1977). P. 297.
8. Отчет Сената. P. 15–16.
9. *Sigmund*. P. 34.
10. Пропаганда из-за рубежа: Отчет Сената. P. 16.
11. *Sigmund*. P. 35; *Philip Agee. Inside the Company: CIA Diary* (New York, 1975). P. 387; *Miles Wolpin. Cuban Foreign Policy and Chilean Politics* (Lexington, Mass., 1972). P. 88, 176.
12. Отчет Сената. P. 8.
13. *Washington Post*, 6 April 1973.
14. Отчет Сената. P. 9, 16; *Wolpin*. P. 175, 372.
15. *David Wise. The Politics of Lying* (New York, 1973, издание в бумажном переплете). P. 167–168.
16. *Time magazine*, 11 August 1975, европейское издание. P. 47.
17. *Penny Lernoux. Cry of the People: The Struggle for Human Rights in Latin America — The Catholic Church in Conflict with U. S. Policy* (Penguin Books, London, 1982). P. 25–29, 289–292.

18. Отчет Сената. Р. 16.
19. Там же. Р. 5.
20. Там же. Р. 18.
21. Там же. Р. 9.
22. Survey of the Alliance for Progress: Labor Policies and Programs, докладная записка Комиссии Сената США по иностранным делам, подкомитета по делам американских республик, 15 July 1968. Р. 3.
23. Newsweek, 23 September 1974. Р. 51–52, во многих других местах, где может быть найдено это известное замечание.
24. Отчет Сената. Р. 21.
25. Там же. Р. 21–22.
26. Interim Report: Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders, Специальная комиссия по изучению правительственные операций, связанных с разведывательной деятельностью (Сенат США) 20 November 1975. Р. 227; именуемый в дальнейшем Assassination Report.
27. Отчет Сената. Р. 24.
28. Assassination Report, в различных местах; Отчет Сената. Р. 23.
29. Seymour Hersh. Kissinger: The Price of Power (London, 1983). Р. 259, 274, 292.
30. Отчет Сената. Р. 23, 25; Hersh. Р. 273.
31. Отчет Сената. Р. 26, 37.
32. Там же. Р. 24–25.
33. Foreign and Military Intelligence. Книга 1, окончательный отчет Специальной комиссии по изучению правительственные операций, связанных с разведывательной деятельностью (Сенат США), April 1976. Р. 200.
34. Washington Post, 5 January 1978; Отчет Сената. Р. 25.
35. Отчет Сената. Р. 24.
36. Assassination Report. Р. 234.
37. Там же. Р. 240.
38. Там же, 226, 245, 252 и в других местах; другое описание событий 4 сентября — 24 октября см.: Hersh. Главы 21–22.
39. The Sunday Times (London), 27 October 1974. Р. 15, имеется в виду тайные показания Уильяма Колби (William Colby) перед комиссией Конгресса 22 April 1974. См. the New York Times, 8 September 1974. Р. 1, перефразируя заявление Колби.
40. Отчет Сената. Р. 33.
41. Почти все книги, посвященные Чили времен Альянде, рассматривают тему экономического бойкота с некоторыми деталями, например: Edward Boorstein. Allende's Chile: An Inside View (New York, 1977); James Petras and Morris H. Morley. How Allende Fell (Great Britain, 1974).
42. Adam Schesch and Patricia Garrett. The Case of Chile in Howard Frazier, ed., Uncloaking the CIA (The Free Press/Macmillan, New York, 1978). Р. 38; Отчет Сената. Р. 32–33.
43. The Sunday Times (London), 27 October 1974. Р. 16.
44. Schesch and Garrett. Р. 48; Отчет Сената. Р. 37–38.
45. Time, 30 September 1974; Отчет Сената. Р. 31; New York Times, 21 September 1974. Р. 12.
46. John Dinges and Saul Landau. Assassination on Embassy Row (London, 1981). Р. 43.
47. AIFLD: Fred Hirsch, An Analysis of Our AFL-CIO Role in Latin America (San Jose, California, 1974) в различных местах, Chile. Р. 30–42; NACLA's Latin America and Empire Report (Североамериканский конгресс по Латинской Америке, New York and Berkeley, California), October 1973. Р. 11; The Sunday Times (London), 27 October 1974. Р. 15–16; Hortensia Bussi de

Allende (вдова Сальвадора Альенде) «The Facts About Chile» in Frazier, цитируемый ранее источник. Р. 60.

48. Собственные наблюдения автора о Чили в период с августа 1972 по апрель 1973 г.

49. Одним из закрытых изданий стал журнал *Punto Final*, который выпускался левыми из социалистической партии Альенде. Это было сделано во время чрезвычайного положения, объявленного после неудачной попытки военного переворота в июне 1973 г.

50. Отчет Сената. Р. 31; *Hortensia Bussi de Allende*, цитируемый ранее источник. Р. 60, 63; взрыв школы в городе Лос-Фреснос (*Los Fresnos*) описан в главе об Уругвае.

51. Отчет Сената. Р. 36–38.

52. *Ellen Ray and Bill Schaap*. Massive Destabilization in Jamaica. Covert Action Information Bulletin (Washington, D. C.) August — September 1980. Р. 8; *Fred Landis*. Robert Moss, Arnaud de Borchgrave and Right-wing Disinformation. Там же. Р. 42. (Лендис (*Landis*) был консультантом в комиссии Сената, которая готовила цитируемые в этой главе доклады).

53. *Landis*. Р. 42; Отчет Сената. Р. 39.

54. *The Guardian* (London), 20 December 1976. Р. 9; *Landis*. Р. 37–44.

55. *Landis*. Р. 38–39; Отчет Сената. Р. 30 (ссылается на «исследовательскую организацию оппозиции»); *Daily Mail* (London), 22 December 1976. Р. 6.

56. Отчет Сената. Р. 38.

57. Различные опубликованные оценки вместе с личными контактами автора со многими американцами и другими иностранцами, которые были в Сантьяго во время переворота.

58. Журнал *Time*, 30 September 1974.

59. *Victor Marchetti and John Marks*. The CIA and the Cult of Intelligence (New York, 1975). Р. 43; *Dinges and Landau*. Р. 50; *Hersh*. Р. 333.

60. *Time*, 24 September 1973. Р. 46.

61. Отчет Сената. Р. 39.

62. *Hortensia Bussi de Allende*, цитируемый ранее источник. Р. 64; Она добавляет, что пилотами самолета WB 575 были майоры Дуэнас (V. Duenas) и Шуль (T. Schull).

63. *Thomas Hauser*. The Execution of Charles Horman (New York, 1978). Главы 9–10, книга, на основе которой снят фильм *Missing*.

64. *New York Times*, 17 September 1974. Р. 22.

65. Там же.

66. Отчет Сената. Р. 47; *Washington Post*, 21 October 1973. Р. C1.

67. *Assassination Report*. Р. 229.

35. ГРЕЦИЯ, 1964–1974

1. *The Observer* (London), 1 July 1973, статья Чарлза Фоули (Charles Foley).

2. Действия хунты: *James Becket*. Barbarism in Greece (New York, 1970). Р. 1; *Bernard Nossiter*. Saving Greece from the Greeks. *New Republic* (Washington), 20 May 1967. Р. 10; *The Nation* (New York) 22 May 1967. Р. 644.

3. *Becket*. Р. 90 (Отчет «Международной амнистии», 27 January 1968).

4. *Philip Deane*. I Should Have Died (Atheneum, New York, 1977). Р. 92–124, состоит из бесед с греческими и американскими лицами, состоявшими в заговоре или имевшими к нему отношение, и ссылки на показания членов хунты и палачей в ходе судов в 1975 г.

5. Там же. Р. 113–114.

6. *New York Times*, 2 August 1974. Р. 3; также см.: *Newsweek*, 12 August 1974. Р. 36, где говорится о ЦРУ, подкупавшем политиков и избирателей в Греции до переворота.

7. *Stephen Rousseas*. The Deadlock in Greece. *The Nation* (New York), 27 March 1967. Р. 392.

8. Washington Post, 15 May 1967. P. A18.
9. Политические взгляды Андреаса Папандреу (Andreas Papandreou): *Nossiter*. P. 9; *Deane*. P. 116; *Lawrence Stern*. The Wrong Horse: The Politics of Intervention and the Failure of American Diplomacy (N. Y. Times Books, 1977). P. 20–30.
10. *Deane*. P. 116–117.
11. New York Times, 2 August 1974. P. 3; 3 August. P. 4.
12. George Papandreou: *Rousseas*. P. 390–391; *Nossiter*. P. 9; *Deane*. P. 115.
13. The Observer, цитируемый ранее источник.
14. Там же; также см.: *Deane*. P. 96, где говорится о прослушивании министров.
15. *Deane*. P. 96, в своих источниках ссылается на Андреаса Папандреу; *Julius Mader. Who's Who in CIA* (East Germany, 1968). P. 34, где говорится, что Анштутц (Anschuetz) служил в военной разведке армии США во время Второй мировой войны и устроился на работу в ЦРУ в 1950 г. Однако эта книга не всегда является достоверным источником.
16. The Observer, цитируемый ранее источник.
17. Там же; *Deane*. P. 96; *Becket*. P. 13.
18. Washington Post, 15 May 1967. P. A18.
19. *Stern*. P. 42–43.
20. The Observer, цитируемый ранее источник.
21. Там же.
22. New York Times, 2 August 1974. P. 1; *Deane*. P. 96.
23. The Observer, цитируемый ранее источник; *Deane*. P. 126.
24. The Observer, цитируемый ранее источник.
25. Там же.
26. *Becket*. P. 8.
27. Там же. P. 10.
28. Там же. P. XI.
29. Там же. P. 15.
30. Там же. P. 91.
31. См., например: *Becket*. P. 18–85; *Deane*. P. 128–133; «Международная амнистия», *Torture in Greece: The First Torturers' Trial in 1975* (London, 1977) в различных местах.
32. *Becket*. P. 4 and 115.
33. «Международная амнистия», *Report on Torture* (London, 1973). P. 93–94; также см.: *Deane*. P. 119, где приводятся доказательства мошеннического характера заявлений хунты о коммунистической угрозе до переворота; заявление Государственного департамента: *New York Times*, 11 December 1969.
34. *Report on Torture*, цитируемый ранее источник. P. 77; см.: P. 88, 89, 95, 98 для выбора примеров того, что имела в виду «Международная амнистия».
35. The Observer, цитируемый ранее источник.
36. *Seymour Hersh. Kissinger: The Price of Power* (Simon & Schuster/Summit Books, New York, 1983). P. 140.
37. The Observer, цитируемый ранее источник.
38. *Hersh*. P. 137–138, 648; *Los Angeles Times*, 1 August 1990. P. 5.
39. *Becket*. P. 16; также см.: P. 127.
40. *Report on Torture*, цитируемый ранее источник. P. 96.
41. *Deane*. P. 134; *New York Times*, 2 August 1974. P. 1.
42. *Deane*. P. 134.
43. *New York Times*, 7 September 1975. P. 6.
44. *Deane*. P. 125.
45. *Andreas Papandreou. Democracy at Gunpoint: The Greek Front* (New York, 1970). P. 294.

36. БОЛИВИЯ, 1964–1975

Отчет о событиях, которые привели к перевороту 1964 г., был получен главным образом из следующих источников:

- a) Cole Blasier. 'The United States and the Revolution' in James M. Malloy; Richard Thorn, eds., *Beyond the Revolution: Bolivia Since 1952* (University of Pittsburgh Press, 1971). P. 90–105;
 - b) James Dunkerley. *Rebellion in the Veins: Political Struggle in Bolivia 1952–1982* (London, 1984). P.112–119;
 - c) Lawrence Whitehead. *The United States and Bolivia: A Case of Neo-Colonialism* (London, 1969). P. 11–25;
 - d) Christopher Mitchell. *The Legacy of Populism in Bolivia: From the MNR to Military Rule* (New York, 1977). Глава 5;
 - e) William H. Brill. *Military Intervention in Bolivia: The Overthrow of Paz Estenssoro and the MNR* (Washington, 1967). P. 18–47.
1. Cornelius H. Zondag. 'Bolivia's 1952 Revolution' in Jerry R. Ladman, ed., *Modern-Day Bolivia* (Arizona State University, 1982). P. 37.
 2. Washington Post, 5 February 1968. Министр внутренних дел при президенте Барьентосе Антонио Аргедас (Antonio Arguedas) назвал Фокса (Fox) сотрудником ЦРУ. Об этом говорится в книге Виктора Маркетти (Victor Marchetti) и Джона Маркса (John Marks) *The CIA and the Cult of Intelligence* (New York, 1975). P. 144, но в оригинальной рукописи она была подвергнута цензуре ЦРУ (также см. примечание 22).
 3. New York Times, 9 August 1964. P. 10.
 4. Там же. 24 August 1964. P. 26.
 5. Blasier. P. 89–90; Whitehead. P. 14; Dunkerley. P. 106.
 6. Blasier. P. 97–98; Dunkerley. P. 113; Whitehead. P. 16; Washington Post, 5 February 1968.
 7. Сила шахтеров, цитата Савалеты (Zavaleta): Whitehead. P. 24–25. На самом деле, Хендерсон (Henderson) был послом всего один год во время государственного переворота, поэтому Савалета, возможно, ссылается на предшественника Хендерсона.
 8. New York Times, 22 November 1964. P. 26.
 9. США наращивает военную мощь: Dunkerley. P. 114; Blasier. P. 93–95; Whitehead. P. 24; Richard Harris. *Death of a Revolutionary: Che Guevara's Last Mission* (New York, 1970). P. 172.
 10. Washington Post, 5 February 1968.
 11. Blasier. P. 98.
 12. Mitchell. P. 94; Dunkerley. P. 116–117.
 13. Инцидент и его последствия, которые привели к замене Фортуне (Fortun) на Барьентоса: Dunkerley. P. 117; Mitchell. P. 94–95.
 14. El Diario and Sanjines: Dunkerley. P. 113–114; Blasier. P. 95; Whitehead. P. 15 (ссылка на члена кабинета Антонио Аргедаса).
 15. Mitchell. P. 95.
 16. Brill. P. 28.
 17. Там же. P. 27–29, 36–38.
 18. Там же. P. 37.
 19. Washington Post, 5 February 1968.
 20. Mitchell. P. 100–101.
 21. Слушания в Комиссии по вооруженным силам и подкомиссии по делам министерства обороны Комиссии по ассигнованиям (Сенат США), 23 February 1966. P. 39.
 22. Washington Post, 17 May 1975; New York Times, 17–18 May 1975. Аргедас раскрыл ряд других вещей о деятельности ЦРУ в Боливии и его собственные странные связи с Управле-

нием — см.: *Harris*. Глава 14; Intercontinental Press (њю-йоркский еженедельный журнал), 23 September 1968 (стенограмма пресс-конференции Аргедаса).

23. *Norman Gall*. ‘The Legacy of Che Guevara’. Commentary (New York) December 1967. P. 35.
24. *Philip Agee*. Inside the Company: CIA Diary (New York, 1975). P. 438.
25. Военная операция против Гевары: *Michael Klare*. War Without End (Random House, New York, 1972). P. 173–174, 177–179; *Marchetti and Marks*. P. 138–145; *Harris*. P. 172–178.
26. *Harris*. P. 185–186. См. примечание 22.
27. *New York Times*, 14 December 1969. P. 22.
28. Там же.
29. Рассылка международной пресс-службы от 18 декабря 1969 г., цитируется в *Gregorio Selser, La CIA en Bolivia* (Buenos Aires, 1970). P. 5.
30. Рассылка агентства Associated Press из Ла-Паса, появилась в *La Naciun* (ведущая газета Буэнос-Айреса), 21 December 1969. P. 4.
31. *New York Times*, 24 January 1970. P. 9.
32. Там же. 20 July 1970. P. 9.
33. Там же. 23 September 1970. P. 13.
34. Политика Торреса (*Torres*): Латиноамериканское бюро, *Bolivia and Coup d'Etat* (London, 1980). P. 36–38; *Dunkerley*. P. 180, 186.
35. *San Francisco Chronicle*, 30 August 1971.
36. *Washington Post*, 29 August 1971.
37. *Dunkerley*. P. 197.
38. *Dunkerley*. P. 200; *Washington Post*, 29 August 1971.
39. *San Francisco Chronicle*, 1 September 1971, репортаж из Мехико и ссылка на «освещенные источники здесь».
40. Заявления Бансера (*Banzer*) после переворота: *Washington Post*, 25 августа 1971; *New York Times*, 25 августа 1971, Лос-Анджелес Таймс, 24, 25 августа 1971.
41. *New York Times*, 30 December 1973.
42. *Penny Lernoux*. Cry of the People: The Struggle for Human Rights in Latin America — The Catholic Church in Conflict with U S. Policy (Penguin Books, London, 1982). P. 142–145.
43. *The Guardian* (London), 15 July 1985. P. 6.
44. *Bolivia — An Assessment of U S. Policies and Programs: Report to the Congress by the Comptroller General of the United States*, 30 January 1975. P. 29.
45. *New York Times*, 28 July 1978, статья Макса Холланда (Max Holland).

37. ГВАТЕМАЛА, 1962–1980

Подробная информация о событиях 1968 г., которые были затронуты в этой главе, получена в основном из следующих источников:

- a) *Thomas and Marjorie Melville*. Guatemala — Another Vietnam? (Great Britain, 1971) Главы 9–16; где говорится, в частности, об условиях жизни бедных слоев и о действиях США в Гватемале. Опубликованно в США в том же году в несколько иной форме *Guatemala: The Politics of Land Ownership*.
- b) *Eduardo Galeano*. Guatemala, Occupied Country (Mexico, 1967; English translation: New York, 1969) в различных местах; где говорится о политике партизан и характере террора правых; Галеано был уругвайским журналистом, который провел некоторое время с партизанами.
- c) *Susanne Jonas and David Tobis*, ed. *Guatemala* (Berkeley, California, 1974) в различных местах; в частности *The Vietnamization of Guatemala: U. S. Counter-insurgency Programs*.

P. 193–203, by Howard Sharckman; опубликовано Североамериканским конгрессом по Латинской Америке (NACLA, New York and Berkeley).

d) «Международная амнистия», Guatemala (London, 1976) в различных местах; статистика о жертвах террора. Другие отчеты «Международной амнистии», опубликованные в 1970-х гг. в Гватемале содержат информацию для сравнения.

e) *Richard Gott. Rural Guerrillas in Latin America* (Great Britain, 1973, переработанное издание). Главы 2–8; о политике партизан.

1. *The Guardian* (London), 22 December 1983. P. 5.

2. Плачевное положение бедных слоев населения: составлено из источников, приведенных здесь.

3. *New York Times Magazine*, 26 June 1966. P. 8.

4. США против повстанцев: *El Imparcial* (Guatemala City консервативная газета) 17 May 1962 and 4 January 1963, цитируется в *Melville*. P. 163–164.

5. *Stephen Schlesinger and Stephen Kinzer. Bitter Fruit: The Untold Story of the American Coup in Guatemala* (New York, 1982). P. 242.

6. Georgie Anne Geyer: *Miami Herald*, 24 December 1966. Также см.: *New York Herald Tribune*, 7 April 1963, статья Берта Квинта (Bert Quint), раздел 2. P. 1; *Schlesinger and Kinzer*. P. 236–244.

7. *Galeano*. P. 55.

8. Там же. P. 55–56.

9. *Time*, 26 January 1968. P. 23.

10. Там же.

11. Зверства и пытки: составлено из источников, приведенных здесь, см. также: *A. J. Langguth. Hidden Terrors* (New York, 1978). P. 139, 193 о причастности американцев к пыткам в Бразилии с применением полевых телефонов.

12. *Melville*. P. 292.

13. Там же. P. 291.

14. *Washington Post*, 27 January 1968. P. A4, свидетельство преподобного Блаза Бонпана (Blase Bonpane), американского священника в Гватемале в те времена.

15. *Panama*: обнародованное в сентябре 1967 г. гватемальским вице-президентом Клементе Маррокином Рохасом (Clemente Marroquin Rojas) интервью международного информационного агентства Inter Press Service, опубликовано в *Latin America*, 15 September 1967. P. 159 еженедельного издания в Лондоне. Эдуардо Галеано (Eduardo Galeano). P. 70, рассказывает о личном разговоре с Маррокином Рохасом, в котором вице-президент рассказывает о той же самой истории. Маррокин Рохас был ярым антисоветистом, но его возмутило, что американские самолеты нарушили воздушное пространство Гватемалы.

16. *Norman Diamond. Why They Shoot Americans*. *The Nation* (New York), 5 February 1968. Название статьи отсылает к случаю расстрела Джона Уэйнса (John Webber).

17. Вводная цитата: Клайд Сноу (Clyde Snow), судебный антрополог, цитируется в *Covert Action Quarterly*, spring 1994. № 48. P. 32. Терроризм правых: составлено из источников, приведенных здесь.

18. *Washington Post*, 4 February 1968. P. B1. Исторический диалог в Латинской Америке между христианством и марксизмом, начатый в 1970-х гг., можно проследить в значительной мере благодаря деятельности священников и монахинь, таких как Бонпан (Bonpane) и Мервилльс (Melvilles), в Гватемале в 1950–1960-х гг.

19. *Galeano*. P. 63.

20. *El Imparcial* (Guatemala City), 10 November 1967, цитируется у *Melville*. P. 289.

21. Richard Gott, в предисловии книги Мервилля (Melvilles). P. 8.

22. Американское агентство по международному развитию (AID), Управление общественной безопасности (OPS), Союз ради прогресса (Alliance for Progress):
- a) Guatemala and the Dominican Republic, Меморандум штаба, подготовленный для сенатской подкомиссии по делам Западного полушария Комиссии по международным отношениям, 30 December 1971. P. 6;
 - b) Jonas and Tobis. P. 199–200;
 - c) *Galeano*. P. 72–73;
 - d) Michael Klare. *War Without End* (Random House, New York, 1972). P. 241–269, для обсуждения учебной программы и философии Управления общественной безопасности (OPS);
 - e) *Langguth*. P. 242–243 и в других местах, обсуждения практик Управления общественной безопасности (OPS), в том числе его причастность к пыткам; автор относит свои исследования в основном к Бразилии и Уругваю, но это также относится и к Гватемале;
 - f) журнал *CounterSpy* (Washington), November 1980 — January 1981. P. 54–55, перечисляет имена почти 300 гватемальских полицейских, которые прошли подготовку в Соединенных Штатах с 1963 по 1974 г.;
 - g) *Michael Klare and Nancy Stein. Police Terrorism in Latin America. NACLA's Latin America and Empire Report* (Североамериканский конгресс по Латинской Америке) New York, January 1974. P. 19–23, основано на документах Государственного департамента, полученных сенатором Джеймсом Абурезком (James Abourezk) в 1973 г.;
 - h) *Jack Anderson. Washington Post*, 8 October 1973. P. C33.
23. Высказывания сотрудника Американского агентства по международному развитию (AID) цитируются у Jenny Pearce, *Under the Eagle: U. S. Intervention in Central America and the Caribbean* (Latin American Bureau, London, обновленное издание 1982). P. 67.
24. *George Cotter. Spies, strings and missionaries. The Christian Century* (Chicago), 25 March 1981. P. 321.
25. *Eqbal Ahmad. The Theory and Fallacies of Counter-insurgency. The Nation* (New York), 2 August 1972. P. 73.
26. Связь Араны (Arana) с американскими военными: *Joseph Goulden. A Real Good Relationship. The Nation* (New York), 1 June 1970. P. 646; *Norman Gall. Guatemalan Slaughter*. N. Y. Review of Books, 20 May 1971. P. 13–17.
27. *Le Monde Weekly* (английское издание), 17 February 1971. P. 3.
28. *New York Times*, 27 December 1970. P. 2; *New York Times Magazine*, 13 June 1971. P. 72.
29. Памятная записка Сената США, цитируемый ранее источник.
30. *New York Times*, 18 February 1976.
31. Там же. 9 November 1977. P. 2.
32. *Jonathan Marshall, Peter Dale Scott, Jane Hunter. The Iran-Contra Connection: Secret Teams and Covert Operations in the Reagan Era* (South End Press, Boston, 1987). Глава V, в различных местах; *The Guardian* (London), 9 December 1983; *CounterSpy*, цитируемый ранее источник. P. 53, ссылка на высказывания Элиаса Бараона-и-Бараона (Elias Barahona y Barahona), бывшего пресс-секретаря гватемальского министерства внутренних дел.
33. *CounterSpy*, цитируемый ранее источник. (Barahona). P. 53.
34. *Pearce*. P. 278; книга была опубликована позднее; в ней Менчи (Menchii) рассказывает о своей жизни и о многих кровавых бесчинствах гватемальских военных: *Elisabeth Burgos-Debray, ed. I... Rigoberta Mench' An Indian Woman in Guatemala* (London, 1984, перевод на английский).
35. *Pearce*. P. 176; роль Шервуда в 1954 г.: *Schlesinger and Kinzer*. P. 116, 122, 128. Его заявление частично процитировано: *Penny Lernoux. In Banks We Trust* (Doubleday, New York, 1984). P. 238, ссылка на CBS News Special, 20 March 1982: «Update: Central America in Revolt».

36. Washington Post, 22 February 1981. P. C7, колонка Джека Андерсона (Jack Anderson); Андерсон ссылается только на «официального представителя» MLN; идентичность Сандо-вала (Sandoval) была подтверждена другими источниками — см., например: The Guardian (London), 2 March 1984.

37. Washington Post. Там же. Обсуждения многих связей между американскими консерваторами и гватемальскими силовиками см. в докладе Совета по делам полуширья (Council on Hemispheric Affairs) (Washington), by Allan Nairn in 1981.

38. New York Times, 19 March 1981. P. 10.

39. Washington Post, 14 May 1981. P. A16.

40. Там же; New York Times, 18 May 1981. P. 18; доклад, опубликованный washingtonским Управлением по Латинской Америке (респектабельное в области прав человека лобби, работавшее во взаимодействии с отделом Государственного департамента по правам человека, State Department's human rights section), 4 September 1981.

41. Доклад washingtonского Управления по Латинской Америке, цитируемый ранее источник. Предположительно, за этим инцидентом скрываются традиционные для правых опасения в отношении бедных слоев, получающих образование.

42. New York Times, 28 December 1981.

43. Там же. 21 June 1981; 25 April 1982; The Guardian (London), 10 January 1983.

44. San Francisco Chronicle, 27 August 1981. P. 57.

45. Washington Post, 21 October 1982. P. A1.

46. The Guardian (London), 10 January 1983; 17 May 1983.

47. New York Times, 25 April 1982. p. 1.

48. Там же. 12 October 1982. P. 3 (смерти, ссылка на «Международную амнистию»); Los Angeles Times, 20 July 1994. P. 11 (деревни, ссылка на «организации по правам человека»). Ужасающие подробности деятельности эскадронов смерти, исчезновения и пытки в Гватемале в начале 1980-х гг. см.: Guatemala: A Government Program of Political Murder (Международная амнистия, London, 1981) and Massive Extrajudicial Executions in Rural Areas Under the Government of General Efrain Rios Montt (AI, July 1982).

49. New York Times, 6 December 1982. P. 14.

50. Contemporary Marxism (San Francisco). № 3, Summer 1981.

51. The National Catholic Reporter (Kansas City, Missouri еженедельно), 31 January 1968.

52. Los Angeles Times, 25 December 1988.

53. События 2 декабря 1990 г.; Отчет, Summer 1991, Witness for Peace, Washington, религиозно-ориентированная организация по правам человека в Центральной Америке.

54. Los Angeles Times, 7 May 1990.

55. Дело Девине и Бамака (DeVine and Bamacas cases): New York Times, 23 March 1995. P. 1; 24 March. P. 3; 30 March. P. 1; Los Angeles Times, 23 March 1995. P. 7; 24 March. P. 4; 31 March. P. 4; 2 April. P. M2; Time magazine, 10 April 1995. P. 43.

38. КОСТА-РИКА, 1970–1971

1. New York Times, 11 February 1971.

2. Там же. Термин «экономическое наступление», очевидно, был взят из газеты.

3. Основными источниками для понимания всей истории являются Miami Herald, 7 February 1971 и the Los Angeles Times, 28 February 1971; также см.: The Miami Herald, 9, 10, 11, 13 February 1971.

4. New York Times, 11 February 1971; Miami Herald, 11 February 1971.

5. Miami Herald, 10 February 1971.

39. ИРАК, 1972–1975

Основным источником информации для этой главы является штабная записка специального комитета по разведке Палаты представителей Конгресса США, основанной на слушаниях, проведенных в 1975 г. Публикация записи была запрещена Комитетом, пока Белый дом не подверг ее цензуре. Но часть штабной записи, подвергнутой цензуре, более известная как «доклад Пайка» (*The Pike Report*) — конгрессмена Отиса Пайка (Otis G. Pike), просочились в прессу. В частности, большая ее часть была опубликована в выпуске *The Village Voice* от 16 и 23 февраля 1976 г. Первое и, наверное, единственное появление этого материала в виде книги в 1977 г. в Англии под названием: CIA — *The Pike Report*, опубликованной Spokesman Books для Bertrand Russell Peace Foundation, Nottingham. Это именно та книга, которая упоминается в настоящей главе. Р. 56, 195–198, 211–217, именуемая в дальнейшем «доклад Пайка». В докладе упоминаются курды как «этническая группа», Иран или шах как «наш союзник», Ирак как «враг нашего союзника», Израиль как «другое государство». Здесь используются имена собственные.

1. *Seymour Hersh. The Price of Power: Kissinger in the Nixon White House* (Summit Books/Simon & Schuster, New York, 1983). P. 542n.
2. *New York Times*, 5 February 1976. P. 31, колонка Уильяма Сэфайера (William Safire).
3. Доклад Пайка. Р. 196.
4. Государственная история курдов: *The Times* (London), 26–28 November 1974.
5. Доклад Пайка. Р. 212.
6. Там же. Р. 197, 214–215.
7. Там же. Р. 214.
8. Там же. Р. 197.
9. *New York Times*, 12 February 1976. P. 31, колонка Уильяма Сэфайера (William Safire).
10. Доклад Пайка. Р. 214.
11. *New York Times*, 2 June 1972. P. 1; 3 June. P. 1; 8 June. P. 69.
12. Там же, 5 February 1976. P. 31, колонка Уильяма Сэфайера (William Safire).
13. Доклад Пайка. Р. 198, 215.
14. Там же. Р. 215–216.
15. Там же. Р. 217.
16. *New York Times*, 12 February 1976. P. 31, колонка Уильяма Сэфайера (William Safire); Доклад Пайка. Р. 198, где Киссинджер упоминается как «высокопоставленный чиновник США».

40. АВСТРАЛИЯ, 1973–1975

1. *Henry S. Albinski. Australian External Policy Under Labor* (Australia, 1977). P. 126.
 2. *Joan Coxsedge, Ken Coldicutt, Gerry Harant. Rooted in Secrecy: The Clandestine Element in Australian Politics* (Australia, 1982). P. 21.
 3. *Albinski*. P. 125.
 4. Там же.
 5. Coxsedge, et al. P. 24; *Seymour Hersh. The Price of Power: Kissinger in the Nixon White House* (Summit Books/Simon & Schuster, New York, 1983). P. 295.
 6. *Richard Hall. The Secret State* (Australia, 1978). P. 2.
 7. Coxsedge, et al. P. 25–26.
 8. *Denis Freney. The CIA's Australian Connection* (Sydney, 1977). P. 75–80, текст интервью.
- Эта книга касается многих событий, описанных в этой главе.

9. *Desmond Ball*. A Suitable Piece of Real Estate: American Installations in Australia (Sydney, 1980) в различных местах.
10. The National Times (еженедельная газета в Сиднее), 6—12 May 1983. P. 3.
11. *Jim Jose*. The Whitlam Years: Illusion and Reality in Pat Flanagan, ed., Big Brother or Democracy? (Great Britain, 1981). P. 50; *Albinski*. P. 11; Ball, в различных местах.
12. *Albinski*. P. 9, 241, 254—256.
13. Coxsedge, et al. P. 26.
14. *Jose*. P. 50.
15. The Australian Financial Review (еженедельная газета в Сиднее), 4 November 1975. P. 1; 5 November. P. 4. В своей книге об Агентстве национальной безопасности (АНБ), *The Puzzle Palace* (New York, 1982). P. 205, Джеймс Бэмфорд (James Bamford) определяет Столлинга (Stalling) как сотрудника АНБ, а не ЦРУ.
16. New York Times, 24 September 1974. P. 2.
17. Там же. 5 May 1977, цитируется the Sydney Sun, 4 May 1977.
18. Coxsedge, et al. P. 35.
19. The Australian Financial Review, 28 April 1977. P. 1; *Jose*. P. 51, добавляет, что чиновник, доктор Фэррандс (Farrands) отрицал это утверждение, но признал, что был у Керра в октябре, хотя он и отказался обсуждать характер встречи.
20. The Australian Financial Review, 28 April 1977. P. 1.
21. *Albinski*. P. 169.
22. Coxsedge, et al. P. 96.
23. *Freney*. P. 30—31, полный текст телекса.
24. Coxsedge, et al. P. 35; *Freney*. P. 33; The Village Voice (New York), 1—7 July 1981.
25. Рассмотрение политических и правовых вопросов, связанных с бюджетным кризисом и увольнением Керром Гофа Уитлэма (Whitlam):
- a) Coxsedge, цитируемый ранее источник; *Freney*, цитируемый ранее источник; *Flanagan*, цитируемый ранее источник.
- b) *Sir John Kerr. Matters for Judgment: An Autobiography* (New York, 1979). Главы 20—22.
- c) *Russel Ward. The History of Australia: The Twentieth Century, 1901—1975* (London, 1978). P. 398—419.
- d) New York Times, 12, 14 November 1975.
26. New York Times, 14 November 1975. P. 7.
27. The Age, 12 November 1975. P. 9 and 3.
28. *Kerr*. Главы 20—22.
29. *Victor Marchetti and John Marks. The CIA and the Cult of Intelligence* (New York, 1975). P. 178; см.: P. 178—179, где описывается Фонд Азии (Asia Foundation).
30. Kerr in the Association for Cultural Freedom and Lawasia: *Kerr*. P. 172—186, и большая часть австралийских книг, упомянутых выше; статья the Quadrant появилась в весеннем издании 1960 г. P. 27—38.
31. San Francisco Chronicle, 24 May 1982. Бойс (Boyce) является персонажем книги Роберта Линдси (Robert Lindsey) и снятого по ней фильму *The Falcon and the Snowman*.
32. New York Times, 28 April 1977. P. 18; The Guardian (London), 29 April 1977. P. 7.
33. Nogan Hand Bank:
- a) Sunday Times (London), 31 August 1980. P. 2;
- b) New York Times, 13 November 1982. P. 31;
- c) The Village Voice, 1—7 July 1981;
- d) Журнал CounterSpy (Washington, D. C.), November 1980 — January 1981. P. 30—33;
- e) *Jonathan Kwitny. The Crimes of Patriots: A True Tale of Dope, Dirty Money and the CIA* (New York, 1987), в различных местах.

41. АНГОЛА, 1975–1980

1. New York Times, 25 September 1975; 19 December 1975.
2. John A. Marcum. The Angolan Revolution. Vol. I, 1950–1962 (MIT Press, Cambridge, Mass., 1969). P. 229–230.
3. New York Times, 17 December 1964. P. 14.
4. Сравнение трех групп:
 - a) Jonathan Kwitny. Endless Enemies: The Making of an Unfriendly World (New York, 1984). Глава 9;
 - b) Marcum. Vol. II, 1962–1976 (1978). P. 14–15, 132, 172 и в других местах;
 - c) Basil Davidson. In the Eye of the Storm: Angola's People (London, 1972) в различных местах;
 - d) Ernest Harsch and Tony Thomas. Angola: The Hidden History of Washington's War (New York, 1976) в различных местах.
- Интернационал обращается за помощью Роберто и Савимби (Roberto and Savimbi); также см.: New York Times, 4 January 1964. P. 15; Kwitny. P. 136; Declassified Documents Reference System, 1977 volume, документ 210D (cable, 17 July 1964, американское посольство в Конго — Государственному департаменту).
5. Kwitny. P. 132–133.
6. State Department Circular 92, 16 July 1963, цитируется: Marcum II. P. 16.
7. Слушания перед Специальным комитетом по вопросам разведки Палаты представителей Конгресса США (The Pike Committee) опубликованы в CIA — The Pike Report (Nottingham, England, 1977). P. 218; именуемый далее «доклад Пайка» (Для доп. информации см. примечания «Ирак»).
8. Там же. P. 201.
9. New York Times, 25 September 1975; 19 December.
10. Доклад Пайка. P. 199, цитаты из Pike Committee; датируется Джоном Стоквеллом (John Stockwell), In Search of Enemies (New York, 1978). P. 67. Стоквелл был сотрудником ЦРУ, главой оперативной группы по Анголе.
11. Stockwell. P. 67–68; Marcum II. P. 257–258 (он цитирует несколько сообщений из международных газет).
12. New York Times, 25 September 1975.
13. Доклад Пайка. P. 199.
14. Stockwell. P. 67.
15. New York Times, 12 December 1975; Harsch and Thomas. P. 100, цитирует программу CBS-TV News, 17 December 1975, и сенатора Джона Танни (John Tunney), 6 January 1976.
16. New York Times, 16 July 1978. P. 1
17. Интервью, взятое автором у Стоквелла (Stockwell).
18. Stockwell. P. 223–224; также см.: Harsch and Thomas. P. 99–100.
19. Chapman Pincher. Inside Story: A Documentary of the Pursuit of Power (London, 1978). P. 20.
20. Stockwell. P. 225.
21. New York Times, 16 July 1978, имеется в виду заявление Киссинджера от 29 января 1976 г.
22. Stockwell. P. 162, 177–178, а также интервью, взятое автором у Стоквелла (Stockwell).
23. Там же. P. 194–195.
24. История о похищении русских и кубинцев появилась в прессе 22 ноября 1975 г.; история об изнасиловании — 12 марта 1976 г.
25. Stockwell. P. 196.

26. San Francisco Chronicle, 9 May 1978.
27. *Stockwell*. P. 196–198.
28. Foreign and Military Intelligence. Книга 1, Окончательный отчет Специальной комиссии по изучению правительственные операций, связанных с разведывательной деятельностью (Сенат США), 26 April 1976. P. 129.
29. *Stockwell*. P. 193.
30. Там же. Р. 205–206 («Боб Теммонс», Bob Temmons, вероятно, псевдоним); после окончания войны, Государственный департамент освободил самолеты.
31. Newsweek (международное издание), 17 May 1976. Р. 23, косвенное допущение премьер-министра ЮАР Бальтазара Йоханнеса Форстера (Balthazar Johannes Vorster).
32. New York Times, 16 July 1978. P. 1; 23 July 1986. P. 1; *Stockwell*. P. 208, 218; *Stephen Talbot. The CIA and BOSS: Thick as Thieves in Ellen Ray, et al., eds., Dirty Work 2: The CIA in Africa* (New Jersey, 1979). Р. 266–275 (BOSS — это южноафриканское Бюро государственной безопасности); Bob Woodward, *VEIL: The Secret Wars of the CIA 1981–1987* (New York, 1987). Р. 269.
33. The Guardian (London), 15 August 1986; The Times (London) 4 August 1986. Р. 10.
34. New York Times, 25 March 1982. Р. 7, ссылка на доклад Комитета по иностранным делам Палаты представителей.
35. *Stockwell*. P. 209.
36. Там же. Р. 75.
37. *Stockwell*. P. 216–217, рассказывается, как это произошло.
38. *Wayne S. Smith. Dateline Havana: Myopic Diplomacy*. Foreign Policy (Washington, D. C.) Fall 1982. P. 170. Также см.: New York Times, 31 March 2002. P. 4.
39. *Stockwell*. P. 234–235.
40. New York Times, 24 December 1975. P. 7.
41. *Henry Kissinger. American Foreign Policy* (New York, 1977, третье издание). Р. 317.
42. См., например: New York Times, 25 September 1975.
43. Слушания в подкомитете по Африке Комитета по международным отношениям Палаты представителей, 25 May 1978. Р. 7.
44. Доклад Пайка. Р. 200.
45. New York Times, 9 January 1976. P. 3.
46. Washington Post, 18 December 1975. P. A23.
47. *Kwitny*. P. 148.
48. *Harsch and Thomas*. P. 82–91; New York Times, 8 February 1981. IV. P. 5.
49. *Stockwell*. P. 203–204, 241; а также интервью, взятое автором у Стоквелла (*Stockwell*).
50. *Stockwell*. P. 172. Также см.: New York Times, 31 March 2002. P. 4.
51. *Galen Hull. Internationalizing the Shaba Conflict*. Africa Report (New York), July — August 1977. P. 9. Для дальнейшего рассмотрения возможной связи Советов с восстанием и политики СССР в отношении Анголы см.: *Jonathan Steele. Soviet Relations with Angola and Mozambique in Robert Cassen, ed., Soviet Interests in the Third World* (Опубликовано Sage for the Royal Institute of International Affairs, London, 1985). P. 290. See also New York Times, 31 March 2002. P. 4.
52. The Observer (London), 22 January 1984.
53. The Guardian (London), 21 December 1983.
54. The Times (London), 23 October 1986. P. 8; голосование в Европейском парламенте — 152–150.
55. The Guardian (London), 25 June 1990. P. 10; *Sharon Beaulaurier. Profiteers Fuel War in Angola. Covert Action Quarterly* (Washington, DC). № 45, Summer 1993. P. 61–65.
56. New York Times, 17 January 1993. IV. P. 5.

42. ЗАИР, 1975–1978

1. Удача Мобуту (Mobutu): *New York Times*, 3 June 1978, статья *Michael Kaufman*. The Nation (New York), 26 February 1983. P. 230. Недоедание: доклад Всемирного банка, 1975, цитируется: *Africa Today* (Denver, Colorado), October — December 1978. P. 7.
2. *Roger Morris* (бывший сотрудник СНБ) and *Richard Mauzy*. Zaire (the Congo): An Exercise in Nation Building in Robert Borosage and John Marks, eds., *The CIA File* (New York, 1976). P. 36–37. Более подробное описание коррупции и жестокости режима Мобуту см.: *Jonathan Kwitny*. *Endless Enemies: The Making of an Unfriendly World* (Penguin Books, New York, 1986). P. 86–91.
3. Обвинения в перевороте и сопутствующие события: *New York Times*, 18–23 June 1975; 2 September 1975. P. 21; *John Stockwell*. *In Search of Enemies* (New York, 1978). P. 44.
4. *Stockwell*. P. 96, цитата сотрудника ЦРУ Билла Эйвери (Bill Avery).
5. Досье Хинтона (Hinton) см.: *NACLA's Latin America and Empire Report*, October 1973. P. 14–15, опубликованном Североамериканским конгрессом по Латинской Америке (NACLA), New York.
6. *Stockwell*. P. 169.
7. Там же. P. 164.
8. Там же. P. 246, и примечания.
9. *New York Times*, 21 January 1976. P. 1.
10. Там же. 9 April 1977; цитата из этой газеты.
11. Все события 1977 года: *New York Times*, 16 March to 3 May 1977, в различных местах; *Galen Hull*. *Internationalizing the Shaba Conflict*. Africa Report (New York), July — August 1977. P. 4–9.
12. Bufkin/mercenaries: *Newsday* (Long Island, NY), 17 April 1977; *New York Times*, 17, 18, 20 April 1977.
13. *New York Times*, 8 August 1977.
14. История племени Балунда (Balunda): *Gerald Bender*. Zaire: Is There Any Rationale for U. S. Intervention? *Los Angeles Times*, 27 March 1977. VII. P. 2; Hull, цитируемый ранее источник.; *Kwitny*. Глава 2; *Stockwell*. P. 151.
15. *New York Times*, 6 April 1977.
16. Mobutu: Там же. 13 April 1977.
17. Конфискация бизнеса: Bender, цитируемый ранее источник.
18. *New York Times*, 13 April 1977.
19. *Washington Post*, 16 March 1977.
20. *New York Times*, 20 May 1978.
21. Военные события 1978 года: *New York Times*, 15 May to 24 June 1978, в различных местах; *Washington Post*, 21 May 1978. P. 14.
22. *New York Times*, 23 May 1978.
23. Там же. 19 May 1978.
24. Там же. 20 May 1978. Перефразированные слова из Times, «высокопоставленные чиновники администрации».
25. См., например: *New York Times*, 10 April 1977.
26. Carter-Castro exchange: Там же. 11, 13, 15 June 1978.
27. Там же. 24 June 1978.

43. ЯМАЙКА, 1976–1980

1. *Ernest Volkman and John Cummings*. *Murder as Usual*, журнал Penthouse (New York), December 1977. P. 114, цитирует участника встречи между двумя людьми. (Волкмен (Volkman) — бывший корреспондент *Newsday*).

2. *Michael Manley*. *Jamaica: Struggle in the Periphery* (London, 1982). P. 116.
3. *John Dinges and Saul Landau*. *Assassination on Embassy Row* (London, 1981). P. 44.
4. Свидетельство де Руле (de Roulet) перед Сенатом США: *Multinational Corporations and United States Foreign Policy*, Слушания в подкомиссии по вопросам многонациональных корпораций Комиссии по международным отношениям, 19 July 1973. P. 117–118. Представитель Госдепартамента, который давал показания, в то же время был явно смущен разоблачением де Руле и быстро попытался преуменьшить значение истории.
5. *Volkman and Cummings*. P. 114.
6. *Manley*. P. 116.
7. Там же. P. 136.
8. Там же. P. 98–103.
9. *New York Times*, 1 October 1979. P. 2.
10. *Manley*. P.101.
11. Там же. P. 116–117.
12. Там же. P. 117.
13. *Volkman and Cummings*. P. 182.
14. Там же. P. 183. Посада и взрыв самолета: см. главу «Куба» и примечания.
15. *Ellen Ray*. CIA and Local Gunmen Plan Jamaican Coup, журнал *CounterSpy* (Washington). Vol. 3. № 2, December 1976. P. 39; *Volkman and Cummings*. P. 182.
16. *Volkman and Cummings*. P. 182; *Manley*. P. 103.
17. *New York Times*, 17 July 1976. P. 29.
18. *Manley*. P. 228.
19. *Ray*. P. 38, 40; *Manley*. P. 229, 236; *New York Times*, 30 January 1976.
20. *Ray*. P. 37; *Volkman and Cummings*. P. 183, 188.
21. *Ray*. P. 41; *Washington Post*, 5 July 1979.
22. *Volkman and Cummings*. P. 182; *Ray*. P. 41.
23. Попытки убийства: *Volkman and Cummings*. P. 112, 183, 188, 190.
24. *Ray*. P. 40.
25. *Fred Landis*. The CIA and the Media: IAPA and the Jamaica Daily Gleaner. *Covert Action Information Bulletin* (Washington) December 1979—January 1980. P. 10–12; *Manley*. P. 231; *Fred Landis*. CIA Media Operations in Chile, Jamaica and Nicaragua. CAIB, March 1982. P. 32–43; *Carl Bernstein*. The CIA and the Media. *Rolling Stone*, 20 October 1977. P. 64.
26. *Ray*. P. 41.
27. *Newsday* (Long Island, NY), 28 February 1980, цитируется у Эллен Рей и Билла Шаапа (Ellen Ray and Bill Schaap), *Massive Destabilization in Jamaica. Covert Action Information Bulletin*, August –September 1980. P. 14; дата предыдущей статьи не упоминается.
28. *Daily Gleaner* (Kingston, Jamaica), 1 June 1980. P. 10; также см.: *Fred Landis*, цитируемый ранее источник. 1982.
29. *Manley*. P. 193–194.
30. Там же. P. 199–200.

44. СЕЙШЕЛЬСКИЕ ОСТРОВА, 1979–1981

1. Рене (Rene) и отношения США и Сейшельских островов: *Sunday Tribune* (Durban, South Africa), 29 November 1981, две отдельные статьи. P. 1 and 52; *Ellen Ray*. *Seychelles Beats Back Mercenaries. CovertAction Information Bulletin*. CAIB (Washington). № 16, March 1982. P. 4–10.
2. *Sunday Tribune*, цитируемый ранее источник. P. 52.

3. CAIB, цитируемый ранее источник. Р. 5.
4. Sunday Tribune, цитируемый ранее источник. Р. 1; CAIB, цитируемый ранее источник. Р. 4—10.
 5. Там же; New York Times, 6 November 1982. Р. 4 (преследование редакторов).
 6. New York Times, 10 May 1982. Р. 2; The Guardian (London), 19 August 1982. Р. 13.
 7. Судебные разбирательства и последующие события: New York Times, 6 January 1982. Р. 9; 11 March. Р. 6; 22 April. Р. 5; 4 May. Р. 10; 10 May. Р. 2; 17 June. Р. 12; 30 July. Р. 6; 28 November. Р. 5; The Guardian (London), 14 July 1986.
 8. CAIB. цитируемый ранее источник. Р. 10.
 9. The Guardian (London), 3 December 1983.

45. ГРЕНАДА, 1979—1984

1. New York Times, 1 November 1983: Лес Янка (Les Janka) был человеком, у которого ФБР в результате проверки не удалось обнаружить совесть.
2. Присутствие США: Hugh O'Shaughnessy, Grenada: Revolution, Invasion and Aftermath (London, 1984). Р. 156 (О'Шонесси (O'Shaughnessy) был корреспондентом лондонского The Observer в Латинской Америке, а до этого корреспондентом The Financial Times. Там же; Он был награжден British Press Award в 1983 г. за репортаж о вторжении в Гренаду). В соответствующем разделе о договоре Организации Восточных Карибских Государств (OECS): *William C. Gilmore. The Grenada Intervention: Analysis and Documentation* (London, 1984). Часть II. The Grenada Intervention in International Law и приложение 2.
3. The Guardian (London), 28 October 1983.
4. The Observer (London), 30 October 1983 (статья Хью О'Шонесси, Hugh O'Shaughnessy, см. Примечание 2); также см.: *Bob Woodward. VEIL: The Secret Wars of the CIA 1981—1987* (New York, 1987). Р. 290.
5. O'Shaughnessy. Р. 153.
6. Woodward. Р. 290.
7. The Guardian, 31 October 1983.
8. The Observer, 30 October 1983.
9. The Guardian, 1 November 1983.
10. The Guardian, 28, 29 October 1983; The Observer, 30 October 1983.
11. O'Shaughnessy. Р. 165; эта страница содержит другие доказательства, опровергающие утверждения Рейгана, которые еще здесь не обсуждались.
12. The Guardian, 26 October 1983.
13. New York Times, 27 October 1983.
14. O'Shaughnessy. Р. 205.
15. The Guardian, 26 October 1983.
16. O'Shaughnessy. Р. 160.
17. The Guardian, 27 October 1983.
18. Там же. 28 October 1983.
19. New York Times, 27 October 1983.
20. Там же. 28 October 1983.
21. The Guardian, 29 October 1983; Casey: *Woodward*. P. 294.
22. O'Shaughnessy. Р. 204.
23. The Guardian, 31 October 1983.
24. New York Times, 1 November 1983.
25. Woodward. Р. 299, приводится его перефразированная цитата.

26. *O'Shaughnessy*. P. 15, 16, 204.
27. *The Observer*, 23 October 1983.
28. Из выступления Фиделя Кастро 14 November 1983 in Havana; перепечатано в *The Guardian*, 19 November 1983. P. 8.
29. *The Guardian*, 27 October 1983.
30. Там же. 1 November 1983.
31. *New York Times*, 1 November 1983.
32. *The Guardian*, 12 June 1984.
33. *O'Shaughnessy*. P. 87, 95.
34. Там же. P. 85.
35. *The Guardian*, 4 November 1983.
36. *Woodward*. P. 290.
37. Цитируется высказывание Бишопа от 13 апреля 1979 г.: *Chris Searle*, ed. In *Nobody's Backyard: Maurice Bishop's Speeches 1979–1983* (London, 1984).
38. *New York Times*, 20 August 1979. P. 4.
39. *Chris Searle*. Grenada, The Struggle Against Destabilization (London, 1983). P. 56; это появилось, как новость в американских СМИ, а также было увидено либо услышано мной, но я не смог найти ее снова.
40. *New York Times*, 27 August 1983.
41. *Washington Post*, 27 February 1983. P. 1.
42. *O'Shaughnessy*. P. 192. Корреспондентом был Эд Коди (Ed Cody). Как это ни странно, но, похоже, что *the Post* сама не раскрывает историю.
43. *Washington Post*, 27 February 1983. P. 1.
44. *New York Times*, 26 March 1983.
45. *The Nation* (New York), 16 April 1983. P. 467, содержит таблицу, в которой сравниваются различные аэропорты.
46. *O'Shaughnessy*. P. 90.
47. *The Nation* (New York), 16 April 1983. P. 467; *O'Shaughnessy*. P. 89.
48. *The Guardian*, 31 October, 2 November 1983.
49. Там же. 2 May 1983.
50. *Wall Street Journal*, 29 April 1981; *The Guardian*, 2 May 1983.
51. *The Guardian*, 11 November 1983.
52. *New York Times*, 20 August 1979. P. 4.
53. Там же.
54. *The Observer*, 30 October 1983. P. 9.
55. *The Guardian*, 25 November 1983.
56. Там же. 27 October 1983, по словам кубинского посла в Лондоне.
57. Из выступления Фиделя Кастро от 14 ноября 1983 г. в Гаване; перепечатано в *The Guardian*, 19 November 1983. P. 8.
58. *The Observer*, 30 October 1983. P. 9.
59. *The Guardian*, 16 November 1983.
60. *The Observer*, 30 October 1983.
61. *O'Shaughnessy*. P. 208; *The Guardian*, 16 November, 19 December 1983.
62. *The Guardian*, 5 March 1984.
63. Там же. 12 June 1984.
64. *New York Times*, 4 November 1983. P. 16.
65. Там же. 22 March 1986.
66. *New York Times*, 15 April 1984. P. 10.

67. Там же. 4 December 1984.
68. Там же. 10 December 1984. P. 3.
69. The Guardian (London), 3 January 1986. Хотя администрация Рейгана описывает СОНА как левых, тот же самый ежегодный доклад резко критикует Кубу, Никарагуа и партизан «Сендеро луминосо» в Перу за нарушения прав человека.
70. Importation of Publications (Prohibition) Order. Statutory Rules and Orders. № 6. April 11, 1989, правительство Гренады.
71. Los Angeles Times, 25 August 1989.

46. МАРОККО, 1983

1. The Nation (New York), 26 March 1983. P. 356.
2. Интервью в Africa Now (London), March 1983. P. 14–18.
3. Claudia Wright. Showdown in the Sahara, журнал Inquiry (Washington), 12 April 1982. P. 24; New York Times, 1 February 1983. P. 3.
4. Africa Now, цитируемый ранее источник. P. 14.
5. New York Times, 1 February 1983. P. 3.
6. Wright. P. 24.
7. Там же. P. 24–25.
8. Africa Now, цитируемый ранее источник. P. 14–15.
9. Там же. P. 14.

47. СУРИНАМ, 1982–1984

1. Miami Herald, 1 June 1983.
2. New York Times, 1 June 1983. P. 13.
3. Miami Herald, 1 June 1983.
4. The Guardian (London), 1 November 1982, 7 January 1983; New York Times, 7 January 1983. P. 5.
5. New York Times, 12 December 1982. P. 4; 30 November 1983.
6. Tom Barry, et al. The Other Side of Paradise: Foreign Control in the Caribbean (Grove Press, New York, 1984). P. 361, ссылка на журнал Soberanía (Managua, Nicaragua) February — March 1983. См. приложение настоящей книги для дополнительной информации о AIFLD.
7. New York Times, 7 January 1983. P. 5.
8. Там же. 19 July 1983.
9. Miami Herald, 2 June 1983; Barry, op. cit. P. 361–362, цитируется: Latin America Weekly Report (London), 9 June 1983.
10. New York Times, 27 October 1983. P. 4; 31 October. P. 10; Miami Herald, 29 November 1983; Washington Post, 5 November 1983.
11. Newsweek, 7 November 1983. P. 78.
12. The Guardian (London), 22 February 1983. P. 7.
13. Miami Herald, 29 November 1983.
14. The Guardian (London), 11 and 13 January 1984.
15. Там же. 28 November 1985; Washington Post, 28 November 1985. P. 50.

48. ЛИВИЯ, 1981–1989

1. Adolf Hitler. Mein Kampf (Houghton Mifflin Co., Boston, 1971; оригинальное издание 1925). Vol. 1. Глава 10. P. 231.

2. New York Times, 15 April 1986.
3. *Seymour Hersh*. Target Qaddafi. The New York Times Magazine, 22 February 1987. P. 22.
4. New York Times, 15 April 1986. P. 11.
5. *Hersh*. P. 20. Подтверждающий комментарий дает пилот военно-воздушных сил. Также см.: The Guardian (London), 19 April 1986.
6. San Francisco Chronicle, 6 October 1987.
7. Там же. 16 April 1987. P. 15.
8. The Guardian (London), 24 February 1987.
9. *Hersh*. P. 20.
10. The Guardian (London), 9 May 1986. P. 11; также см.: New York Times, 15 April 1986. P. 11.
11. New York Times, 15 April 1986, в статье цитируются стенограмма выступления Рейгана и Лари Спикса (Larry Speakes). P. 11; *Bob Woodward*. VEIL: The Secret Wars of the CIA 1981–1987 (New York, 1987). P. 444–445.
12. Der Spiegel (Hamburg, West Germany), 21 April 1986. P. 20; Los Angeles Times, 11–13 January 1988; New York Times, 22 December 1988. P. 14; *Hersh*. P. 74. В декабре 1992 г. немецкие официальные лица обвинили палестинцев в причастности к взрыву. Неясно, что произошло в результате того ареста.
13. *Hersh*. P. 74.
14. Time magazine, 16 January 1989. P. 20.
15. The Times (London), 2 October 1989. P. 10; 28 September 1989. P. 9; LA Weekly (Los Angeles), 27 October — 2 November 1989. P. 10, колонка Александра Кокберна (Alexander Cockburn); Los Angeles Times, 2 November 1988; Washington Post, 2 & 26 September, 1999.
16. Los Angeles Times, 24 November 1988. P. 16.
17. Newsweek, 20 July 1981. P. 42, цитируется посол одной из западных стран в Триполи.
18. New York Times, 16 April 1986. P. 1, 20.
19. Washington Post, 21 March 1981. P. A3.
20. Newsweek 3 August 1981. P. 19.
21. См.: Boston Globe, 25 March 1986. P. 7, предлагается для рассмотрения этого вопроса.
22. Washington Post, 13 October 1981. P. D17, Jack Anderson.
23. *Hersh*. P. 24.
24. Newsweek, 19 October 1981. P. 43; New York Times, 25 October 1981; 26 October, 1981. P. 4.
25. Журнал Time, 23 November 1981.
26. New York Times, 13 November 1981. P. 3.
27. Там же. 4 December 1981. P. 1.
28. Там же. 8 December 1981. P. 7.
29. *Jack Anderson*. San Francisco Chronicle, 7 January 1982.
30. *Hersh*. P. 24, 26.
31. *Duncan Campbell and Patrick Forbes*. Tale of Anti-Reagan Hit Team Was 'Fraud'. New Statesman magazine (London), 16 August 1985. P. 6; *Jack Anderson*. San Francisco Chronicle, 13 January 1989. P. E5.
32. Журнал Time, 23 November 1981. P. 40.
33. *Hersh*. P. 48.
34. Washington Post, 20 February 1987. P. 1.
35. The Guardian (London), 30 and 31 December 1985.
36. San Francisco Chronicle, 13 July 1987, колонка Джека Андерсона (Jack Anderson); *Hersh*. P. 48, 71.
37. Sunday Times (London), 6 April 1986. P. 12.
38. The Guardian (London), 3 April 1986.

39. New York Times, 19 December 1986. P. 1, and 20 December. P. 6, предлагается для рассмотрения отчета об инциденте. Администрация Рейгана признала действия Вильсона в марте, и под давлением он ушел в отставку в мае. Это бы произошло раньше, если бы не тот факт, что он был близким другом Рейгана.

40. The Guardian (London), 30 August 1986, цитируется французский журнал L'Express.

41. См., например: Wall Street Journal, 25 August 1986. P. 1, предлагается для рассмотрения рассказ о планах Каддафи на новые антиамериканские террористические акты и планах США атаковать Ливию, and Washington Post, 2 October 1986, в котором сообщалось, что информация в статье журнала (собрана по большей части американскими СМИ) была частью программы по дезинформации. См. также: The Post, 27 August 1986. P. 1 and 5 October 1986. P. 1.

42. The Guardian (London), 18 September 1987, цитируется The Montgomery Journal (предположительно издание в Монтгомери, штат Алабама).

43. Washington Post, 2 October 1986. P. 1.

44. New York Times, 27 August 1986. P. 7.

45. The Guardian (London), 9 October 1986.

46. Там же. 13 October 1986, цитируется история из the Sunday Telegraph (London) of 12 October.

47. Washington Post, 31 August 1986. P. A25.

48. Wall Street Journal, 2 September 1986. P. 31.

49. *Patrick Seale & Maureen McConville*. The Hilton Assignment (London, 1973). P. 176–177 в различных местах; New York Times, 3 October 1971. P. 26.

50. См.: *Jonathan Bearman*. Qadhafi's Libya (Zed Books, London, 1986), предлагается для детального рассмотрения идеологического развития Каддафи и его программы социальной революции в Ливии.

51. Предполагаемые записи Каддафи о терроризме и его характерных особенностях: см., например: *John K. Cooley*. The Libyan Menace. Foreign Policy (Washington), Spring 1981. P. 75–77; *David Blundy and Andrew Lycett*. Qaddafi and the Libyan Revolution (Little, Brown & Co., Boston, 1987). Глава 6 и р. 21; а также другие приведенные здесь статьи, такие как в Los Angeles Times, 19 January 1989.

52. *Peter Maas*. Manhunt: The Incredible Pursuit of a C. I. A. Agent Turned Terrorist (Random House, New York, 1986), в различных местах.

53. San Francisco Chronicle, 18 July 1987.

54. Los Angeles Times, 26 October 1988, 19 January 1989.

55. New York Times, 15 March 1990. P. 1.

56. Los Angeles Times, 19 January 1989.

57. New York Times, 6 July 1972. P. 2. В этой же статье говорится, что черные мусульмане в Чикаго (группа Фаррахэна) получили кредит, а не пожертвование, в размере 3 млн долларов на строительство мечети. (Вызывает, однако, сомнение тот факт, что деньги действительно были получены.) См.: *Blundy and Lycett*. P. 80, скептицизм британских сил безопасности по поводу получения ИРА большой суммы денег от Каддафи.

58. Chicago Tribune, 1987: 3 April, 8 October, 15 October, 28 October, 30 October, 19 November, 25 November.

59. *Bill Schaap*. Covert Action Information Bulletin (Washington, DC). № 30, Summer 1988. P. 76.

60. Washington Post, 11 May 1989. P. 1.

61. Los Angeles Times, 10 October 1990. P. 1.

62. Там же. 15 November 1991. P. 25.

63. *Mark Perry*. *Eclipse: The Last Days of the CIA* (Wm. Morrow & Co., New York, 1992). P. 335–348. Несмотря на название, автор с пониманием относится к ЦРУ и принимает официальную версию о виновности ливийцев, хотя это нелегко для него или для читателя.

64. *Der Spiegel* (Hamburg, Germany), 18 April 1994. P. 92–97; *Sunday Times* (London), 19 December 1993. P. 2; *The Times* (London), 20 December 1993. P. 11; *Los Angeles Times*, 20 December 1993.

65. *Der Spiegel*, 18 April 1994. P. 93.

66. См. статью В. Блума: <http://members.aol.com/bblum6/panam.htm>.

67. *Los Angeles Times*, 24 November 1988. P. 1.

68. Там же. 19 January 1989.

69. Там же. 4 September 1989; 26 October 1989, Ссылка на интервью в египетском журнале *Al Mussawar*. Из статьи нельзя определить, относил ли себя Каддафи к одной из этих групп «террористов».

49. НИКАРАГУА, 1981–1990

1. *New York Times*, 11 January 1927. P. 2.

2. Там же. 22 July 1979, III. P. 1.

3. *Newsweek*, 8 November 1982. P. 44.

4. *Shirley Christian*. *Nicaragua: Revolution in the Family* (Random House, New York, 1985). P. 73–74; предлагается для рассмотрения, см. в главе 5; *Bernard Diederich*. *Somoza* (London, 1982). Глава 14.

5. *Christian*. P. 82.

6. *George Black*. *Triumph of the People: The Sandinista Revolution in Nicaragua* (London, 1981). P. 176.

7. *Christian*. P. 81.

8. *Bob Woodward*. *VEIL: The Secret Wars of the CIA 1981–1987* (New York, 1987). P. 113.

9. *Black*. P. 177.

10. *New York Times*, 15 January 1981. P. 10.

11. Помощь администрации Картера: *Christian*. P. 143–144; *Jeff McConnell*. ‘Counter-revolution in Nicaragua: The U. S. Connection’, журнал *CounterSpy* (Washington, DC). Vol. 6. № 3, May — June 1982. P. 11–23, в частности, к вопросу о помощи частным организациям.

12. Экономические меры: *The Times* (London) 1 October 1984; *The Guardian* (London), 1 July 1983, 30 May 1984, 8 March 1985, 1 May 1985; *New York Times*, 11 October 1984.

13. *The Guardian* (London) 24 May 1985, 14 June 1985.

14. *International Herald Tribune*, 18 April 1984; также см.: *Time*, 31 August 1987. P. 14.

15. *San Francisco Chronicle*, 4 August 1982.

16. *Holly Sklar*. *Washington’s War on Nicaragua* (Boston, 1988). P. 46–48, 66; *McConnell*. P. 15, 21.

17. *Newsweek*, 15 June 1987. P. 27–28.

18. *The Guardian* (London) 8 and 13 October 1983; 9 and 22 March 1984; 9 April 1984.

19. Там же. 17 October 1983.

20. Там же. 18 May 1983, 6 June 1983, 30 May 1984.

21. *Barricada International* (Еженедельная газета Сандинистского фронта национального освобождения на английском языке, Managua), 8 November 1982. P. 12.

22. *The Guardian* (London), 30 May 1984.

23. *Bitter Witness: Nicaraguans and the ‘Covert War’*, a Chronology and Several Narratives (Witness for Peace Documentation Project, Santa Cruz, Ca., 1984). P. 7–16, 18–22 (хронология событий, January 1981 — June 1982).

24. The Guardian (London), 12 May 1984; Covert Action Information Bulletin (Washington, DC). № 22. Fall 1984. P. 25–29 — обзор военных учений приводится на стр. 26; Los Angeles Times, 17 March 1988.
25. Eddie Adams. ‘How Latin Guerrillas Train on Our Soil’. Parade Magazine (Washington Post) 15 March 1981. P. 5 ff; New York Times, 17 March 1981; подготовка в США началась в 1980 г.
26. San Francisco Chronicle, 8 June 1982; The Guardian (London) 4 and 9 April 1983, 27 April 1984.
27. Дэвид Макмичел (David MacMichael) в телевизионном документальном фильме ‘Diverse Reports’, Channel 4, London, 30 October 1985. Р. 2 из стенограммы.
28. New York Times, 29 August 1984. P. 10; 4 September 1984. P. 1; Washington Post, 19–22 January 1984 (Вертолет США с американским пилотом, подбитый в Никарагуа, попытался скрыться); International Herald Tribune, 14 December 1984; The Guardian (London), 6 and 7 October 1983, 7 September 1984, 10 October 1986; Miami Herald, 26 July 1987; Time, 31 August 1987. P. 14.
29. New York Times, 17 December 1984; The Guardian (London) 18 December 1984, оба комментария основаны на истории из the Detroit Free Press of 16 December 1984.
30. The Guardian (London), 4 May 1984; San Francisco Chronicle, 27 July 1987.
31. San Francisco Examiner, 22 November 1987, статья Сеймура Херша (Seymour Hersh).
32. The Guardian (London), 15 November 1984. Многочисленные зверства контрас, см., например: *Bitter Witness*, цитируемый ранее источник, в различных местах; юридическая записка по делу, поданная Центром по конституционным правам (Center for Constitutional Rights) и Национальной гильдией адвокатов (National Lawyers Guild) против правительства США, редакторские выдержки Питера Россета (Peter Rosset) и Джона Вандермеера (John Vandermeer), *The Nicaragua Reader: Documents of a Revolution under Fire* (New York, 1983). P. 228–236; журнал New Yorker, 25 March 1985, раздел Talk of the Town; New York Times, 10 March 1985. IV. P. 23, колонка Энтони Льюиса (Anthony Lewis); *Reed Brody. Contra Terror in Nicaragua* (Boston, 1985), в различных местах.
33. The Guardian (London), 15 November 1984.
34. New York Times, 27 December 1984. P. 1.
35. The Guardian (London), 3 June 1983
36. New York Times, 17 October 1984. P. 1 and 12.
37. Там же. 20 and 24 October 1984.
38. The Guardian (London), 25 January 1985.
39. Там же. 7 June 1983; New York Times, 7 June 1983.
40. Covert Action Information Bulletin (Washington, DC). № 20, Winter 1984. P. 39.
41. Телевизионная программа *World in Action*, ITV London, 24 March 1986, в документальном фильме о Никарагуа дается интервью с членом группы убийц, часть 2. P. 12–13 стенограммы.
42. New York Times, 19 October 1984. P. 8; Covert Action Information Bulletin (Washington, DC). № 22. Fall 1984. P. 28.
43. New York Times, 19 January 1981. P. 11.
44. Там же. 12 February 1981. P. 11.
45. The Guardian (London), 23 July 1983.
46. Bob Woodward. *VEIL: The Secret Wars of the CIA 1981–1987* (New York, 1987). P. 120.
47. New York Times, 11 June 1984. P. B6.
48. The Guardian (London), 9 January 1985.
49. New York Times, 4 February 1988. P. 1 and 12.

50. Заявление подполковника корпуса морской пехоты США в отставке Джона Бьюкенена (John H. Buchanan) перед подкомитетом по международным делам Комитета по иностранным делам Палаты представителей (House Subcommittee on Inter-American Affairs, Committee on Foreign Affairs), 21 September 1982, переиздана: *Rosset and Vandermeer*. P. 48–57.
51. The Guardian (London) 30 March 1985.
 52. New York Times, 10 March 1982. P. 16.
 53. The Guardian (London), 12 March 1986.
 54. Там же. 25 March 1985, 24 February 1986 (цитата).
 55. Там же. 28 April 1983; также см.: New York Times 1 October 1987. P. 6, аналогичный доклад об отношении Советов.
 56. Washington Post, 22 May 1987. P. A18.
 57. New York Times, 2 May 1987.
 58. Los Angeles Times, 16 and 18 December 1987.
 59. Washington Post, 3 October 1984. P. A24, 6 November 1984. P. A1.
 60. New York Times, 3 October 1984. P. 3.
 61. Там же. 24 September 1984. P. 12.
 62. Washington Post, 2 October 1984. P. A12.
 63. Там же. 6 November 1984. P. A1.
 64. См.: *Sklar*. Глава 13, для подробного рассмотрения подрывной роли США в длительном процессе Контадора (Contadora process) и последующем процессе подписания мирного соглашения в Центральной Америке (Central American Peace Accord process).
 65. Panama, Honduras, Mexico: Miami Herald, 10 May 1987; также см.: New York Times, 18 May 1987.
 66. New York Times, 25 September 1988. P. 15.
 67. Washington Post, 4 November 1984. P. A1; также см.: New York Times, 4 November 1984 аналогичный доклад.
 68. New York Times, 5 November 1984.
 69. Там же. 26 July 1984. P. 5; 16 August 1984.
 70. Там же. 29 July 1984, IV. P. 2.
 71. Там же. 26 July 1984. P. 5.
 72. Там же. 24 September 1984.
 73. Там же. 23 August 1984. P. 10.
 74. Covert Action Information Bulletin (Washington, DC). № 22. Fall 1984. P. 27.
 75. New York Times, 21 October 1984. P. 12.
 76. Там же. 31 October 1984. P. 1.
 77. Там же. 7 November 1984. P. 26.
 78. Там же. 5 October 1984. P. 3.
 79. Там же. 19 July 1984. P. 6.
 80. The Guardian (London), 13 August 1986.
 81. International Herald Tribune, 22 January 1984; оба определения взяты из письма Юдзина Стокуэлла, который свидетельствовал перед комиссией после его визита в Никарагуа с делегацией Всемирного совета церквей (World Council of Churches).
 82. The Guardian (London), 15 March 1986.
 83. Covert Action Information Bulletin (Washington, DC). № 20, Winter 1984. P. 25.
 84. New York Times, 31 December 1983. P. 9; Американский посол Энтони Квентон (Anthony Quainton) был заменен в мае 1984 г.
 85. The Guardian (London), 21 March 1986.
 86. San Francisco Chronicle, 3 June 1987, колонка Джека Андерсона (Jack Anderson).

87. New York Times, 3 March 1982. P. 5; снимок был впервые напечатан в правой французской газете *Le Figaro*, которая позже признала свою «ошибку», будучи разоблаченной другими французскими изданиями; похоже, что Флейг (*Flaig*) не делал никаких публичных опровержений.

88. Miami Herald, 19 July 1987. P. 18A.

89. Peter Kornbluh. Propaganda and Public Diplomacy: Selling Reagan's Nicaragua Policy. Extra! (Опубликовано Fairness and Accuracy in Reporting, New York), Summer 1989. P. 20.

90. Miami Herald, 21 December 1986. P. 30A; *Kornbluh*, цитируемый ранее источник. P. 20–22; Extra! (FAIR, New York), June 1987. P. 3, October – November 1987. P. 4.

91. *Kornbluh*, op. cit. P. 20–22; Extra! (FAIR, New York), October – November 1987. P. 4, цитируется пример профессора John Guilmartin (Nicaragua is Armed for Trouble in the Wall Street Journal, 11 March 1985).

92. The Guardian (London), 9 January 1985.

93. *Black*. P. 218.

94. Там же. P. 215, 332, 356 приводится ряд примеров экономического саботажа.

95. The Guardian (London), 13 July 1985. P. 7.

96. Boston Globe, 9 February 1986. P. A20.

97. *Black*. P. 306.

98. New York Times, 21 September 1988. P. 6; 22 September. P. 15; 23 September. P. 5; 25 September. P. 15.

99. In These Times (чикагская еженедельная газета), 21–27 October 1987, ссылка на представительницу никарагуанского сопротивления (The Nicaraguan Resistance).

100. William I. Robinson. A Faustian Bargain: U. S. Intervention in the Nicaraguan Elections and American Foreign Policy in the Post-Cold War Era (Westview Press, Colorado, 1992). P. 79–81; San Francisco Chronicle, 13 October 1987; Jacqueline Sharkey. Anatomy of an Election: How U. S. Money Affected the Outcome in Nicaragua. Common Cause Magazine (Washington). May – June 1990. P. 24.

101. New York Times, 1 June 1986; *Robinson*, в различных местах.

102. Washington Post, 22 September 1991. P. C4. The Post добавил, что NED «сделал открытым то, что когда-то было невыразимо тайным».

103. Los Angeles Times, 23 September 1988. P. 24; New York Times, 21 September 1988. P. 6.

104. San Francisco Chronicle, 20 April 1987; Los Angeles Times, 31 December 1987.

105. New York Times, 20 August 1987. P. 1, на основе доклада разведки от February 1985.

106. Иран-контрас, схема:

a) Final Report of the Independent Counsel for Iran/Contra Matters, Washington, D. C., 1993. T. I and II, в различных местах.

b) The National Security Archive, The Chronology (New York, 1987), в различных местах.

c) Jonathan Marshall, Peter Dale Scott, Jane Hunter. The Iran-Contra Connection (Boston, 1987), в различных местах.

d) Jonathan Kwitny. The Crimes of Patriots: A True Tale of Dope, Dirty Money, and the CIA (New York, 1987), см. Приложение.

e) Sklar, см. Приложение.

107. Bush and Dole: *Sharkey*. P. 22–23.

108. Abrams: LA Weekly (Los Angeles), 9–15 March 1990. P. 12.

109. *Sharkey*. P. 22

110. LA Weekly, цитируемый ранее источник.

111. Национальный фонд поддержки демократии (National Endowment for Democracy) (Washington DC), Annual Report, 1989 and 1990.

112. Манипуляции Вашингтона на выборах были полномасштабными и представляли собой сложную операцию. Для более подробной информации, которая не представлена здесь, см.: *Robinson*, в различных местах; а также: *Sharkey*, в различных местах, and *LA Weekly*, цитируемый ранее источник.

113. *Sharkey*. P. 23.

50. ПАНАМА, 1969–1991

1. Составлено по: 1) *Francisco Goldman*. What Price Panama? A visit to a barrio destroyed by U. S. forces. *Harper's Magazine* (New York), September 1990; 2) *Los Angeles Times*, 1 April 1990, 1990; 2) *Los Angeles Times*, 1 апреля 1990 г., статья адвокатов Дэвида и Джона Кьюнага (David and John Kiyonaga), которые представили более 100 жертв вторжения в Панаму; 3) речь Ольги Мехии (Olga Mejia), президента Национальной комиссии по правам человека Панамы в мэрии Нью-Йорка 5 апреля 1990 г. (выдержки из *Covert Action Information Bulletin*, Washington. № 34, Summer 1990. P. 13).

2. *New York Times*, 22 December 1989. P. 16.

3. *John Dinges*. Our Man in Panama (переработанное издание, New York, 1991). P. 33; *New York Times*, 28 September 1988.

4. *Dinges*. P. 52. Уильям Джорден (William Jorden), посол США в Панаме в 1974–1978 гг., написал, что он почти уверен, что агенты американской разведки дали молчаливое согласие заговорщикам для реализации переворота: *Panama Odyssey* (Austin, Texas, 1984). P. 144.

5. *The Noriega Connection*, документальный фильм, который транслировался на *Frontline* (PBS), 30 January 1990, ссылка на бывшего сотрудника ЦРУ Джона Бэкона (John Bacon) (по кредитам в Бюро по наркотикам и опасным лекарственным средствам) и других неназванных сотрудников ЦРУ и федеральных следователей. См. также: статья Джо Конасона (Joe Conason) and Джона Келли (John Kelly) в *The Village Voice* (New York), 11 October 1988, and *Dinges*. P. 63–64, для рассмотрения вопроса об убийстве Норьеги во время правления Никсона, на основе документов из офиса Генерального прокурора и Сената США.

6. *Newsweek*, 18 June 1973. P. 22.

7. *New York Times*, 2 October 1988. P. 25.

8. *Frederick Kempe*. The Noriega Files. *Newsweek*, 15 January 1990. P. 21; *The Noriega Connection*, цитируемый ранее источник. В ходе суда над Норьегой в Майами в 1991 г. обвинение заявило, что Норьега за все годы получил от ЦРУ и армии США в общей сложности лишь 160 тысяч долларов. Однако обвинение стремилось противопоставить что-то иску адвокатов Норьеги, утверждавших, что миллионы долларов, которыми обладал их клиент, получены не от реализации наркотиков, а от выплат правительства США.

9. *Dinges*. P. 85–86; *Los Angeles Times*, 16 January 1990. P. 15.

10. *Dinges*. P. 88–90.

11. *San Francisco Chronicle*, 11 June 1987.

12. *Dinges*. P. 158.

13. *Dinges*. P. 160, 234, 241; *Newsweek*, 15 January 1990. P. 23; *Los Angeles Times*, 16 January 1990. P. 15 (встречается шесть раз).

14. Саботаж: *Newsweek*, 15 January 1990. P. 22.

15. Для рассмотрения других точек зрения, отличных от автора статьи Сеймура Херша (Seymour Hersh), см.: *Dinges*. P. 243–244, *Newsweek*, 22 June 1987. P. 37, and *Kevin Buckley. Panama, The Whole Story* (New York, 1991). P. 53–57.

16. *Dinges*. P. 253, ссылка на оговорки Оливера Норта (Oliver North) в суде. P. 97–99, 101 and 106; также см.: *Los Angeles Times*, 16 January 1990. P. 14–15.

17. *Dinges*. P. 253–254, ссылка на закон о регистрации иностранных агентов, подписанный должностным лицом специализированной фирмы по связям с общественностью, и его показания перед Комитетом по делу «Иран-контрас».

18. *Dinges*. P. 258.

19. William French Smith: *Dinges*. P. 27; *Lawn*: Los Angeles Times, 16 January 1990. P. 14. Позже он доложил: записка от марта 1984 г., что тогдашний администратор Управления по борьбе с наркотиками (DEA) Фрэнсис Маллен (Francis Mullen) выразил благодарность Норьеге за подписанную фотографию, заявив, что он «ее поместил в рамку, и она заняла почетное место в его кабинете».

20. Los Angeles Times, 4 January 1990. P. A12.

21. *Dinges*. P. 295–296.

22. *Saul Landau. General Middleman. Mother Jones*, February — March 1990. P. 17.

23. New York Times, 8 May 1988. P. 1. В этой же статье сообщается, что Эдвард Эверетт Бриггс (Edward Everett Briggs), который был послом США в Панаме, рассказал Бушу о связи Норьеги с наркотрафиком в 1985 г.

24. Los Angeles Times, 16 January 1990. P. 15; Newsweek, 15 January 1990. P. 19. В дополнение к его встрече с Норьегой, когда он был директором ЦРУ, Буш в качестве вице-президента встретился с ним в декабре 1983 г. в Панаме.

25. New York Times, 19 February 1989. P. 15.

26. New York Times, 24 April 1989. P. 1, 11. Комитеты по разведке Конгресса не имеют формальной власти ликвидировать тайные операции. Но они должны быть уведомлены относительно них заранее, и, хотя и крайне редко, их объединенная оппозиция может отговорить правительство от их реализации. На практике до конца холодной войны ЦРУ было обычно занято непрерывными ежедневными секретными операциями, и, таким образом, внимание Комитетов по разведке можно было привлечь только к наиболее серьезным действиям (и только в последние годы).

В октябре 1989 г. президент Буш, возможно в ответ на отказ Конгресса и в ожидании предстоящего вторжения в Панаму, издал новое распоряжение, допускающее операции, которые могут привести к гибели иностранного политического лидера, но только если это не будет считаться предумышленным убийством (Los Angeles Times, 14 October 1989. P. 1).

27. U. S. News & World Report, 1 May 1989. P. 40; Los Angeles Times, 23 April 1989. P. 1.

28. Los Angeles Times, 21 March 1992. P. A2.

29. *Dinges*. P. 187–189, 195–200, 369–372 (выдержки из доклада). Дингес (*Dinges*) получил копию отчета посольства согласно закону о свободе информации.

30. Buckley. P. 197–218; New York Times, 8 October 1989. P. 16; Washington Post, 5 October 1989. P. 1; 6 October. P. 36; 8 October. P. 1.

31. New York Times, 6 October 1989. P. 10; 8 October. P. 16; Washington Post, 7 October 1989. P. 1, 16; 12 October. P. 35; вертолеты: Los Angeles Times, 4 October 1989.

32. Сообщение канала ABC-TV в программе *Nightline*, 4 October 1989, что в то время как повстанцы не предлагали сдать Норьегу, они попросили, чтобы американские войска вошли и вывезли его на вертолете. Пентагон опроверг это сообщение (как говорится в the New York Times, 5 October 1989. P. 14).

33. New York Times, 6 October 1989. P. 10; 8 October. P. 16.

34. Washington Post, 21 December 1989. P. 37.

35. Los Angeles Times, 6 January 1990. P. 18. The Washington Post, 23 December 1989. P. 1, Сообщается, что в течение нескольких часов до вторжения американские войска искали Норьегу в его многих известных укрытиях, в том числе в квартире его любовницы, но нет никаких упоминаний о квартире бабушки любовницы.

36. New York Times, 21 December 1989 (Чейни), 22 December. P. 16 (Буш).
37. New York Times, 18 December 1989. P. 8.
38. Los Angeles Times, 22 December 1990, содержится ссылка на три американских военных и гражданских источника, которые подтвердили факты независимо друг от друга (следует отметить, что по заявлению об избиении американской пары администрация не предложила никаких подтверждающих доказательств).
39. Buckley. P. 228–229. Стенограмма беседы морских пехотинцев была включена в доклад Объединенного центра разбирательств СВ США (U. S. Army's Joint Debriefing Center).
40. Buckley. P. 187, 191; Timothy Harding. Why Are We In Panama? LA Weekly (Los Angeles), 29 December 1989 — 4 January 1990. P. 16.
41. Buckley. P. 193, цитируется Washington Post National Weekly Edition, 22–28 January 1990.
42. New York Times, 24 December 1989. P. 9. Заголовок этой истории на первой странице был: U. S. Invasion: Many Weeks of Rehearsals. Предыдущий выпуск The Times вышел в тот же день с заголовком: U. S. Drafted Invasion Plan Weeks Ago.
43. New York Times, 19 December, 1989. P. 12.
44. Washington Post, 21 December 1989. P. 36.
45. Compiled from: Los Angeles Times, 24, 26, 27, 30, 31 December 1989; 2, 4, 8, 25 January 1990; and Washington Post, 31 December 1989. P. 1.
46. Los Angeles Times, 24 December 1989. P. 1 and 6.
47. Там же. 21 December 1990, издательское.
48. Datelined 20 December, появилось в the New York Times 21 December 1989. P. 24.
49. New York Times, 22 December 1989. P. 16.
50. Los Angeles Times, 23 December 1989.
51. Там же. 23 December 1990.
52. Alan Nairn. The Eagle is Landing. The Nation, 3 October 1994. P. 347.
53. New York Times, 6 December 1990. P. 1; Dinges. P. XXVII.
54. The Nation, цитируемый ранее источник. P. 346.
55. Los Angeles Times, 23 June 1990.
56. New York Times, 22 December 1990. P. 26, издательское; Los Angeles Times, 29 December 1989, 1 February 1990.
57. Extra! January — February 1990. P. 5 (опубликовано FAIR, Fairness & Accuracy in Reporting, New York).
58. Los Angeles Times, 28 April 1991.
59. Там же. 1 February 1990. P. A8; 27 December 1990. P. A15; 20 April 1991; 28 April 1991. Р. A6. Предыдущий вариант договора от августа 1990 г. был отвергнут панамским правительством.
60. Kiyonaga (Los Angeles Times), цитируемый ранее источник.
61. Los Angeles Times, 27 October 1990.
62. New York Times, 24 December 1989. P. 9.
63. Там же. 22 December 1989. P. 17.
64. Там же. 24 December 1989. P. 9.

51. БОЛГАРИЯ, 1990

1. New York Times, 11 February 1990. P. 20.
2. The Guardian (London), 21 May 1990. P. 6.
3. Национальный фонд поддержки демократии, Washington, D. C., Annual Report, 1990 (October 1, 1989 — September 30, 1990). P. 23–24. Гранты Национального фонда поддержки

демократии NED также включают 111 тыс долларов на международные группы по наблюдению за выборами.

4. Los Angeles Times, 3 December 1990. P. 13.
5. New York Times, 6 June 1990. P. 10; 11 February 1990. P. 20.
6. The Guardian (London), 9 June 1990. P. 6.
7. *Luan Troxel*. Socialist Persistence in the Bulgarian Elections of 1990–1991. East European Quarterly (Boulder, CO), January 1993. P. 412–414.
8. Los Angeles Times, 12 June 1990.
9. The Guardian (London), 12 June 1990. P. 7.
10. Los Angeles Times, 12 June 1990; The Times (London), 12 June 1990. P. 15; The Guardian (London), 12 June 1990. P. 7.
11. The Times (London), 20 June 1990. P. 10.
12. The Guardian (London), 28 May 1990. P. 6.
13. The Times (London), 20 June 1990. P. 10.
14. The Times Higher Educational Supplement (London), 29 June 1990. P. 11.
15. Ежегодный отчет NED, 1990, цитируемый ранее источник. Р. 6–7, 23.
16. The Times (London), 7 July 1990. P. 11.
17. The Times Higher Educational Supplement (London), 13 July 1990. P. 9.
18. The Guardian (London), 12 July 1990. P. 10; The Times (London), 20 July 1990. P. 10.
19. The Times (London), 28 July 1990. P. 8; 30 July. P. 6.
20. Там же. 27 August 1990. P. 8.
21. The Times Higher Education Supplement (London), 14 December 1990. P. 8.
22. *Russ Bellant and Louis Wolf*. The Free Congress Foundation Goes East. Covert Action Information Bulletin. Fall 1990. № 35. P. 29–32, основан в значительной степени на публикациях фонда «Свободный конгресс».
23. New York Times, 9 October 1990. P. D20.
24. The Guardian (London), 29, 30 August 1990. Both p. 8.
25. Ежегодный отчет NED, 1990, цитируемый ранее источник. Р. 23; Los Angeles Times, 3 December 1990. P. 13.
26. *Howard Frazier*, ed. Uncloaking the CIA (The Free Press/Macmillan Publishing Co., New York, 1978). P. 241–248.
27. The Guardian (London), 7 November 1990. P. 10.
28. The Times Higher Educational Supplement (London), 16 November 1990. P. 11.
29. The Guardian (London), 9 June 1990. P. 6.
30. The Times (London), 24 November 1990. P. 10; 27 November. P. 16.
31. The Times Higher Educational Supplement (London), 30 November 1990. P. 8.
32. The Guardian (London), 30 November 1990. P. 9; The Times (London), 30 November 1990. P. 10.
33. Los Angeles Times, 3 December 1990. P. 13.
34. Там же.
35. Там же. 6 February 1994, статья Кароль Вильямс (Carol J. Williams).
36. Там же. 13 June 1991. P. 14.
37. Национальный фонд поддержки демократии, Washington, D. C., Annual Report, 1991 (October 1, 1990 — September 30, 1991). P. 42.

52. ИРАК, 1990–1991

1. Los Angeles Times, 17 March 1991. P. 8.

2. Washington Post, 13 January 1990. P. 11; 8 February 1990.
3. Там же. 12 February 1990, 16 June 1990. P. 6.
4. Los Angeles Times, 11 July 1990. P. 1.
5. The Gallup Poll: Public Opinion 1990 (Wilmington, Del. 1991).
6. a) *Ramsey Clark*. The Fire This Time: U. S. War Crimes in the Gulf (Thunder's Mouth Press, NY, 1992). P. 12–13; эта книга по большей части основана на выводах следственной комиссии Международного трибунала по военным преступлениям (International War Crimes Tribunal), который собрал показания оставшихся в живых свидетелей и очевидцев.
- b) *Ralph Schoenman*. Iraq and Kuwait: A History Suppressed. P. 1–11, а р. 21 монография опубликована Veritas Press, Santa Barbara, CA.
- c) New York Times, 15 September 1976. P. 17; вторжение было предотвращено без войны.
7. a) Note from the Iraqi Minister of Foreign Affairs, Mr. Tariq Aziz, to the Secretary-General of the Arab League, July 15, 1990, приложение 1 of Pierre Salinger and Eric Laurent, Secret Dossier: The Hidden Agenda Behind the Gulf War (Penguin Books, New York 1991). P. 223–234.
- b) New York Times, 3 September 1990. P. 7.
- c) Los Angeles Times, 2 December 1990. P. M4 (статья Генри Шулера (Henry Schuler), директора энергетических программ безопасности Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне).
- d) *John K. Cooley*. Payback: America's Long War in the Middle East (Brassey's [US], McLean, Va., 1991). P. 183–186.
8. *Murray Waas*. Who Lost Kuwait? How the Bush Administration Bungled its Way to War in the Gulf. The Village Voice (New York), 22 January 1991. P. 35; New York Times, 23 September 1990.
9. New York Times, 23 September 1990.
10. Там же. 25 July 1990. P. 1, 8.
11. Там же. 23 September 1990.
12. Там же. 17 September 1990. P. 23, колонка Вильяма Сэфайра (William Safire).
13. *Waas*. P. 31.
14. New York Times, 28 July 1990. P. 5.
15. Los Angeles Times, 21 October 1992. P. 8.
16. Developments in the Middle East. P. 14, Слушания в подкомитете по Европе и Ближнему Востоку Комитета по международным делам Палаты представителей, 31 July 1990.
17. Kuwaiti document: Los Angeles Times, 1 November 1990. P. 14.
18. Washington Post, 19 August 1990. P. 29.
19. Los Angeles Times, 1 November 1990. P. 14.
20. *Schoenman*. P. 11–12; New York Review of Books, 16 January 1992. P. 51.
21. Christian Science Monitor, 5 February 1991. P. 1.
22. *Michael Emery*. How Mr. Bush Got His War in Greg Ruggiero and Stuart Sahulka, eds., Open Fire (The New Press, New York, 1993). P. 39, 40, 52, основанный на интервью, взятого Эмери (Emery) у короля Хусейна (King Hussein), 19 February 1991 in Jordan (переработанная версия статьи в the Village Voice, 5 March 1991).
23. Там же. P. 42; под «ними» также имеются в виду саудовцы.
24. *Milton Viorst*. A Reporter At Large: After the Liberation. The New Yorker, 30 September 1991. P. 66.
25. *Schoenman*. P. 12–13, из письма министра иностранных дел Ирака к Генеральному секретарю ООН, 4 September 1990; Emery. P. 32–33.
26. New York Times, 5 August 1990. P. 12.
27. *Waas*. P. 30 and 38.
28. New York Times, 24 January 1991. P. D22.

29. Washington Post, 8 March 1991. P. A26.
30. а) Майор СВ США в отставке Джеймс Блэквелл (James Blackwell), *Thunder in the Desert: The Strategy and Tactics of the Persian Gulf War* (Bantam Books, New York, 1991). P. 85—86.
б) *Triumph Without Victory: The Unreported History of the Persian Gulf War* (U. S. News and World Report/Times Books, 1992). P. 29—30.
в) AIR FORCE Magazine (Arlington, Va.), March 1991. P. 82.
31. Newsweek, 28 January 1991. P. 61.
32. Los Angeles Times, 5 August 1990. P. 1.
33. Washington Post, 23 June 1991. P. A16.
34. Blackwell. P. 86—87.
35. Financial Times (London), 21 February 1991. P. 3.
36. Waas. P. 30.
37. New York Times, 31 May 1991.
38. Там же. 2 August 1990. P. 1; Washington Post, 3 August 1990. P. 7; цитата Буша в Post — обзор его высказываний.
39. New York Times, 3 August 1990; Los Angeles Times, 3 August 1990. P. 1; Washington Post, 3 August 1990. P. 7.
40. Los Angeles Times, 4 August 1990. P. 20.
41. Washington Post, 10 August 1990. P. F1.
42. New York Times, 23 September 1990. IV. P. 21.
43. Washington Post, 25 November 1990. P. C4.
44. Los Angeles Times, 2 October 1990. P. 18. См. Washington Post, 10 October 1990. P. 5, and 18 October. P. 1, предлагаются для рассмотрения некоторых реальных цифр и программ, которые свидетельствуют о том, как Конгресс старался изо всех сил не начать новую войну.
45. Согласно опросу Галлапа: *The Gallup Poll: Public Opinion 1989* (Wilmington, Del. 1990); написано в 1990 г., опубликовано в 1991 г.
46. Сообщается во многих местах, см., например: Wall Street Journal, 14 January 1991. P. 14; журнал Fortune (New York), 11 February 1991. P. 46; Clark. P. 153—156; Washington Post, 30 January 1991. P. A30 (IMF and World Bank); *Daniel Pipes. Is Damascus Ready for Peace?* Foreign Affairs magazine (New York). Fall 1991. P. 41—42 (Syria); Los Angeles Times, 18 June 1992. P. 1 (Turkey); *Elaine Sciolino. The Outlaw State: Saddam Hussein's Quest for Power and the Gulf Crisis* (John Wiley & Sons, New York, 1991). P. 237—239 (China, Russia).
47. Los Angeles Times, 4 May 1991. P. 8.
48. The Guardian (London), 9 January 1991.
49. Предлагается для анализа методов ведения переговоров администрацией Буша, см.: *John E. Mack and Jeffrey Z. Rubin. Is This Any Way to Wage Peace?* Los Angeles Times, 31 January 1991, op. ed.; также см.: Там же. 1 October 1990. P. 1, and 2 November 1990. P. 18.
50. New York Times, 9 August 1990. P. 15.
51. Los Angeles Times, 6 November 1990. P. 4.
52. August: *Robert Parry. The Peace Feeler That Was. The Nation*, 15 April 1991. P. 480—482; Newsweek, 10 September 1990. P. 17; October: Los Angeles Times, 20 October 1990. P. 6.
53. Новые границы: Wall Street Journal, 11 December 1990. P. 3.
54. Newsweek, 10 September 1990. P. 17.
55. Parry, цитируемый ранее источник.

56. Washington Post, 25 November 1990. P. C4.
57. Fortune, цитируемый ранее источник.
58. Там же.
59. The Guardian (London), 12 January 1991. P. 2.
60. *Theodore Draper*. The True History of the Gulf War. The New York Review of Books, 30 January 1992. P. 41.
61. Там же.
62. Wall Street Journal, 21 November 1990. P. 16.
63. New York Times, 3 August 1990. P. 9; 12 August. P. 1; Los Angeles Times, 17 November 1990. P. 14; Wall Street Journal, 3 December 1990. P. 3.
64. The Observer (London), 21 October 1990.
65. Webster, 23 January 1990. P. 60, and Schwarzkopf, 8 February 1990. P. 586, 594 of Threat Assessment; Military Strategy; and Operational Requirements, показания перед сенатской комиссией по делам ВС (Senate Armed Services Committee).
66. Basic Petroleum Data Book (American Petroleum Institute, Washington), September 1990, Section II, Таблица 1а, показатели 1989 г.: Ближний Восток — 572 млрд баррелей резерва, «свободный мир» — 824 млрд, СССР — 84 млрд.
67. Threat Assessment; Military Strategy; and Operational Requirements, цитируемый ранее источник. P. 600, for 1989 figures.
68. Говоря о Макнейле: Lehrer NewsHour, 11 September 1990.
69. *Draper*, цитируемый ранее источник. P. 41.
70. *Judith Miller and Laurie Mylroie*. Saddam Hussein and the Crisis in the Gulf (Times Books, New York, 1990). P. 192.
71. *Bob Woodward*. The Commanders (Simon & Schuster, New York, 1991). P. 263–273.
72. Los Angeles Times, 17 October 1990 (hecklers); 17 November. P. 14; 1 December. P. 5.
73. The Guardian (London), 12 September 1990. P. 7.
74. См., например: *Christopher Hitchens*. Harper's Magazine, January 1991. P. 72; *Dilip Hiro*. The Longest War: The Iran-Iraq Military Conflict (London, 1989). P. 71. Американская политика имела отношение к заложникам, удерживаемым в американском посольстве в Тегеране.
75. Saudi Arabia: Religious intolerance: The arrest, detention and torture of Christian worshippers and Shi'a Muslims (доклад «Международной амнистии», New York, 14 September 1993).
76. *Miller and Mylroie*. P. 220, 225; *Denis MacShane*. Working in Virtual Slavery. The Nation, 18 March 1991.
77. *Draper*, цитируемый ранее источник. P. 38, содержится подробная информация.
78. См. небольшой отрывок: Los Angeles Times, 7, 13, and 17 March 1991, 12 June 1991, and 10 July 1992 (Amnesty).
79. Все три цитаты: *Arthur Schlesinger, Jr.* White Slaves in the Persian Gulf. Wall Street Journal, 7 January 1991. P. 14.
80. New York Times, 18 November 1990. P. 1.
81. *Sciolino*. P. 139–140.
82. Los Angeles Times, 7 May 1991. P. 16; 6 September 1991. P. 17; Clark. P. 92, перечисляются восемь стран, с которыми Вашингтон заключил такие договоренности.
83. Threat Assessment; Military Strategy; and Operational Requirements, цитируемый ранее источник. P. 589–590.
84. *Scott Armstrong*. Eye of the Storm. Mother Jones magazine, November — December 1991. P. 30–35, 75–76.
85. Los Angeles Times, 1 December 1990. P. 1.
86. Там же. 7 June 1991. P. 1, 30.

87. Los Angeles Times, 12 September 1991. P. 1; Washington Post, 13 September 1991. P. 21; это произошло 24–25 февраля 1991 г.
88. Los Angeles Times, 12 June 1991. P. 1; 26 September. P. 16; произошло 18 января 1991 г.
89. Резолюция ГА ООН: Establishment of a nuclear-weapon-free zone in the region of the Middle East, 4 December 1990, Item № 45/52.
90. New York Times, 24 January 1991. P. 11; 31 January. P. 12; Los Angeles Times, 26 January 1991. P. 6.
91. *Clark*. P. 97–98; Комиссия Сената по делам ветеранов, Is Military Research Hazardous to Veterans' Health? Lessons from the Persian Gulf, 6 May 1994. P. 5–6.
92. Журнал Peacelink (Hamilton, New Zealand), March 1991. P. 19; Washington Post, 8 February 1991. P. 1.
93. *Clark*. P. 98–99. Доклад UKAEA был получен и опубликован лондонской газетой The Independent.
94. Needless Deaths in the Gulf War: Civilian Casualties During the Air Campaign and Violations of the Laws of War, отчет Middle East Watch/Human Rights Watch (US and London), November 1991. P. 95–111, 248–272.
95. Washington Post, 13 February 1991. P. 22, цитируется контр-адмирал Майк Макконнелл (Mike McConnell), начальник разведки ОКНШ.
96. The Guardian (London), 20 February 1991. P. 1, названный: Bombs rock capital as allies deliver terrible warning.
97. Needless Deaths, цитируемый ранее источник. P. 128–147; *Clark*. P. 70–72, предлагается для объяснения числа смертей, в частности рассмотрения вопроса о резне и ужасах.
98. The Gulf War and Its Aftermath. The 1992 Information Please Almanac (Boston 1992). P. 974.
99. *Laurie Garrett* (медицинский писатель в Newsday). The Dead, Columbia Journalism Review (New York), May – June 1991. P. 32.
100. Needless Deaths, цитируемый ранее источник. P. 135.
101. Los Angeles Times, 18 February 1991. P. 11.
102. Последствия разрушения энергоистемы: Needless Deaths, цитируемый ранее источник. P. 171–193. также см.: *Clark*. P. 59–72, предлагается для рассмотрения вопроса о разрушении инфраструктуры.
103. Washington Post, 23 June 1991. P. 16; Los Angeles Times, 21 May 1991. P. 1; Needless Deaths, цитируемый ранее источник. P. 184–185 (Отчет исследовательской группы Гарварда с методологией, позволяющей вывести число 170 тысяч).
104. Джулия Девин (Julia Devin), член Координационного комитета Международной исследовательской группы (87 специалистов по здравоохранению и окружающей среде, которые посетили Ирак в августе 1991 г.); выступление перед Международной оперативной группой Специального комитета по вопросам голода Палаты представителей, 13 November 1991. P. 40.
105. Washington Post, 23 June 1991. P. 1 and 16.
106. Needless Deaths, цитируемый ранее источник. P. 177–180.
107. Washington Post, 23 June 1991. P. 16.
108. Needless Deaths, цитируемый ранее источник. P. 201–224; *Clark*. P. 72–74; Los Angeles Times, 31 January 1991. P. 9; 3 February. P. 8; очевидно, эти нападения произошли в основном в конце января и начале февраля 1991 г.
109. Road to Basra: Washington Post, 27 February 1991. P. 1; Los Angeles Times, 27 February 1991. P. 1; Ellen Ray. The Killing Deserts. Lies Of Our Times (New York), April 1991. P. 3–4 (цитируется The Independent).

110. *Stephen Sackur*. On the Basra Road (London Review of Books, 1991). P. 25–26, цитируется в Draper, цитируемый ранее источник. P. 42.
111. Los Angeles Times, 24 August 1990.
112. Там же. 21 January 1991.
113. Там же. 30 September 1994. P. 26.
114. The Gallup Poll: Public Opinion 1991 (Wilmington, Del. 1992).
115. *Dennis Bernstein*, цитируется в the Newsletter of the National Association of Arab Americans (Greater Los Angeles Chapter), July 1991. P. 2. Предлагается для рассмотрения вопроса о СМИ как о государственной прислуге во время войны, см.: Extra! (Fairness and Accuracy in Reporting, New York), May 1991, Специальный выпуск о войне в Персидском заливе.
116. *Micah L. Sifry & Christopher Cerf*, eds. The Gulf War Reader: History, Documents, Opinions (Times Books, New York, 1991). P. 345, для рассмотрения основных положений соглашения, к которому пришли министры иностранных дел Советского Союза и Ирака.
117. *Clark*. Главы 8 и 9 и приложения, а также в других местах это исследуется в деталях.
118. Интервью, взятое у Игнатенко (Ignatenko) на канале CBS-TV, показано в Лос-Анджелесе в вечернем выпуске 22 февраля 1991 г.
119. The Gulf War and Its Aftermath. The 1992 Information Please Almanac (Boston 1992). P. 974.
120. *Clark*. P. 75–84.
121. Los Angeles Times, 7 September 1994. P. 6.
122. International Herald Tribune, 5 April 1991.

53. АФГАНИСТАН, 1979–1992

1. *Tim Weiner*. Blank Check: The Pentagon's Black Budget (Warner Books, New York, 1990). P. 149.
2. Там же. P. 149–150.
3. a) *Selig Harrison*. The Shah, Not the Kremlin, Touched off Afghan Coup. Washington Post, 13 May 1979. P. C1; содержит и другие примеры борьбы шаха с США.
- b) *Hannah Negaran*. Afghanistan: A Marxist Regime in a Muslim Society. Current History (Philadelphia), April 1979. P. 173.
- c) New York Times, 3 February 1975. P. 4.
- d) Для краткого резюме, с советской точки зрения, попытки Запада заманить Афганистан в сферу своих интересов в 1950–1960-х гг. см.: The Truth About Afghanistan: Documents, Facts, Eyewitness Reports (Novosti Press Agency Publishing House, Moscow, 1981, второе издание). P. 60–65.
- e) *Dwight D. Eisenhower*. The White House Years: Waging Peace, 1956–1961 (New York, 1965). P. 493, 495, 498 выражает свое беспокойство по поводу советского влияния в Афганистане.
4. *Selig Harrison*, цитируемый ранее источник.
5. New York Times, 4 May 1978. P. 11; *Louis Dupree*. A Communist Label is Unjustified, письмо в New York Times, 20 May 1978. P. 18. Дюпре (Dupree), антрополог, живший долгое время в Афганистане, был также в свое время консультантом в Совете национальной безопасности США. Он выступал как в Пакистане, так и в Соединенных Штатах против левого правительства Афганистана, объявившего его персоной нон-грата в 1978 г.
6. New York Times Magazine, 4 June 1978. P. 52 (цитата премьер-министра).
7. New York Times, 18 May 1979. P. 29, статья Фреда Холлидея (Fred Halliday), сотрудника либерального Транснационального института в Амстердаме и автора нескольких книг по Южной Азии.

8. The Economist (London), 11 September 1979. P. 44.
9. New York Times, 13 April 1979. P. 8.
10. Newsweek, 16 April 1979. P. 64.
11. Информационная служба иностранного радиовещания ЦРУ (CIA's Foreign Broadcast Information Service), 31 December 1979. P. S-13, цитируется в журнале CounterSpy (Washington, DC), № 4-2, Spring 1980. P. 36, статья Konrad Ege.
12. New York Times, 16 June 1978. P. 11.
13. Robert Neumann in Washington Review of Strategic and International Studies, July 1978. P. 117.
14. New York Times, 1 July 1978. P. 4.
15. San Francisco Chronicle, 4 August 1979. P. 9.
16. New York Times, 24 March 1979. P. 4; 13 April 1979. P. 8.
17. Washington Post, 11 May 1979. P. 23. Сотрудники американской разведки подтвердили, что исламские повстанцы убили советских гражданских лиц — мужчин и женщин — и изуродовали их тела, New York Times, 13 April 1979. P. 8.
18. New York Times, 11 September 1979. P. 12.
19. Washington Post, 15 November 1992. P. 32, из официального протокола беседы, среди рассекреченных Политбюро документов, полученных газетой.
20. Там же, со ссылкой на статью, опубликованную в 1992 г. бывшим сотрудником КГБ, заместителем главы резидентуры КГБ в Кабуле.
21. Там же. 23 December 1979. P. A8.
22. Selig Harrison. Did Moscow Fear An Afghan Tito? New York Times, 13 January 1980. P. E23.
23. The Sunday Times (London), 6 January 1980, Отчет по интервью, взятого газетой Al Sharq Al Awast у Амина (The Middle East); опубликовано в Лондоне и Мекке.
24. Washington Post, 15 November 1992. P. 32, со ссылкой на последний отчет в московской газете «Комсомольская правда».
25. The Truth About Afghanistan, цитируемый ранее источник. P. 15, взято из газеты «Правда» за 13 января 1980 г.
26. The Times (London), 5 January 1980.
27. New York Times, 15 January 1980. P. 6. Газета заявила, что обвинение в адрес ЦРУ со стороны Советов в это время снизилось, возможно, потому что они были смущены недоверчивой реакцией на событие в мире. Но вскоре возобновилась, предположительно в ответ на историю, опубликованную в Times.
28. Phillip Bonosky. Washington's Secret War Against Afghanistan (International Publishers, New York, 1985). P. 33–34. The Washington Post, 23 December 1979. P. A8, где также упоминается Амин, являвшийся студентом Колумбийского педагогического колледжа (Columbia teachers college).
29. How the CIA turns foreign students into traitors. Ramparts magazine (San Francisco), April 1967. P. 23–24. Это было через месяц после того, как журнал напечатал свое знаменитое разоблачение о связи ЦРУ с Национальной ассоциацией студентов (National Student Association), основной организацией американских студентов.
30. Bonosky. P. 34. Когда я говорил с г-ном Боноски (Bonosky) в 1994 г. об этой претензии, он сказал, что не может вспомнить ее источник, но, возможно, что был проинформирован об этом в Афганистане, когда находился там в 1981 г.
31. Charles G. Cogan. Partners in Time: The CIA and Afghanistan since 1979. World Policy Journal (New York), Summer 1993. P. 76. Коган (Cogan) был руководителем ближневосточного и южноазиатского подразделения ЦРУ по тайным операциям с 1979 по 1984 г. Он ссылается на связь Амина с Фондом Азии и больше ничего не говорит по этому поводу, но, учитывая

его прошлое положение, Коган может знать больше, чем пытался это показать, о ключевых моментах афганского вопроса. В противном случае статья была бы подвергнута цензуре ЦРУ, когда Коган представил ее для обзора.

32. Секретные телеграммы Госдепартамента, 11, 22, 23, 27, 29 September 1979, 28, 30 October 1979, среди документов, найденных при захвате посольства США в Тегеране 4 ноября 1979 г. и постепенно издаваемых в больших объемах в последующие годы под заголовком: *Documents from the Den of Espionage*, именуемых в дальнейшем «документы посольства» (*Embassy Documents*). Телеграммы, упомянутые в этом примечании, располагаются в 30 выпуске. Эти документы посольства и следующие за ними, процитированы в *Covert Action Information Bulletin*. № 30, Summer 1988, статья Стива Галстера (*Steve Galster*). P. 52–54. За исключением приводимых цитат, язык, резюмирующий содержание документов, принадлежит Галстеру.

Партия Амина знала об этой тайной деятельности задолго до того, как документы были опубликованы. 16 января 1980 г. пресс-секретарь Народно-демократической партии сообщил афганскому агентству новостей (*Bakhtar*): «В сентябре 1979 г. Амин начал готовить почву для сближения с Соединенными Штатами. Он провел конфиденциальные встречи с официальными лицами США, послал своих эмиссаров в Соединенные Штаты, передал личные устные сообщения президенту Картеру» (цитируется: *Bonosky*. P. 52).

33. Интервью с Кармалем (*Karmal*) в *World Marxist Review* (Toronto), April 1980. P. 36.

34. *New York Times*, 2 January 1980. P. 1.

35. *Wall Street Journal*, 7 January 1980. P. 12.

36. *Washington Post*, 15 February 1980.

37. Среди «документов посольства», цитируемый ранее источник. Vol. 29. P. 99: Секретная телеграмма Госдепартамента, 14 May 1979, ссылка на предыдущую встречу с лидером повстанцев в Исламабаде 23 апреля 1979 г.

38. *Weiner*. P. 145–146.

39. *Truth About Afghanistan*, цитируемый ранее источник. P. 16–17.

40. *Zbigniew Brzezinski. Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser, 1977–1981* (New York, 1983). P. 430.

41. *The Guardian* (London), 5 March 1986.

42. *Washington Post*, 13 January 1985. P. A30. Неназванный чиновник, возможно, был директором ЦРУ Стэнсфилдом Тернером (*Stansfield Turner*), чьи высказывания схожи с высказываниями Вайнера (*Weiner*). P. 146–147.

43. Там же.

44. Среди «документов посольства», цитируемый ранее источник: *Classified CIA Field Report*, 30 October 1979. Vol. 30.

45. *New York Times*, 22 November 1979. P. 1.

46. *Weiner*. P. 146.

47. Джон Балбак (*John Balbach*), бывший глава оперативной группы по Афганистану в Конгрессе США, статья в *the Los Angeles Times*, 22 August 1993.

48. Цитируется в *The Guardian* (London), 28 December 1983 and 16 January 1987. P. 19.

49. *Los Angeles Times*, 17 October 1988, 13 March 1989, 16 March 1989.

50. *The Daily Telegraph* (London), 5 August 1985.

51. *Brzezinski*. P. 356, трижды упоминается на одной странице.

52. *New York Times*, 9 February 1980. P. 3; хотя написано после советского вторжения, в статье имеется в виду апрель 1979 г.

53. Для рассмотрения этих и связанных с ними вопросов см. *Selig Harrison. Afghanistan: Soviet Intervention, Afghan Resistance, and the American Role* in Michael Klare and Peter Ko-

rnbluh, eds., *Low Intensity Warfare: Counterinsurgency, Proinsurgency, and Antiterrorism in the Eighties* (Pantheon Books, New York, 1988). P. 188–190.

54. Там же. Р. 188; часть о среднем классе была приписана Харрисоном (Harrison) Андреасу Колшуттеру (Andreas Kohlschutter), немецкому журналисту, с его статьей в *Die Zeit*.

55. Для более полного рассмотрения этих вопросов см. три статьи в лондонском *The Guardian*, написанных главным иностранным корреспондентом Джонатаном Стилом (Jonathan Steele), 17–19 March 1986.

56. *Lawrence Lifschultz*. The not-so-new rebellion. *Far Eastern Economic Review* (Hong Kong), 30 January 1981. P. 32.

57. *Los Angeles Times*, 22 April 1989. P. 12–13.

58. Там же. 1 December 1987. P. 8.

59. Среди «документов посольства», цитируемый ранее источник., Vol. 30 — Отчет Госдепартамента, 16 August 1979.

60. *Los Angeles Times*, 17 February 1989. P. 8.

61. Наджибулла, учебники: Там же. 18 February 1989. P. 18.

62. *Washington Post*, 13 January 1985. P. A30. Статья говорит о 70 российских заключенных, «переживших неописуемый ужас»; кажется, хотя это не подтверждено, что в более ранней статье их численность варьировалась от 50 до 200 человек.

63. *John Fullerton*. *The Soviet Occupation of Afghanistan* (London, 1984).

64. *Los Angeles Times*, 28 July 1989.

65. «Международная амнистия», *Torture in the Eighties* (London, 1984), глава «Афганистан».

66. Колонка Джека Андерсона (Jack Anderson), *San Francisco Chronicle*, 4 May 1987. Для рассмотрения вопроса о его связи и связи многих других людей с афганским лобби, см.: *Sayid Khybar. The Afghani Contra Lobby. Covert Action Information Bulletin*. № 30, Summer 1988. P. 65.

67. *New York Times*, 11 September 1979. P. 12.

68. *Washington Post*, 13 January 1985. P. A30.

69. Цитируется Extra! (опубликовано Fairness & Accuracy in Reporting, New York, October — November 1989). P. 1, ссылка на ряд статей в *the New York Post* beginning, 27 September 1989.

70. *Mary Williams Walsh*. Strained Mercy, журнал *The Progressive* (Madison, Wisconsin), May 1990. P. 23–26. Мэри Уолш (Mary Walsh), как основной корреспондент *Wall Street Journal* в Южной и Юго-Восточной Азии, освещала тему Афганистана. *The Journal* отказался печатать эту статью, которая привела к ее увольнению.

71. *San Francisco Chronicle*, 20 July 1987.

72. *New York Times*, 9 March 1982. P. 1; 23 March 1982. P. 1, 14; *The Guardian* (London) 3 November 1983, 29 March 1984; *Washington Post*, 30 May 1986.

73. *Julian Robinson*, et al. Yellow Rain: The Story Collapses, журнал *Foreign Policy*. Fall 1987. P. 100–117; *New York Times*, 31 August 1987. P. 14.

74. *Congressional Record*, 6 June 1980. P. 513582–513583.

75. *New York Times*, 29 March 1982. P. 1.

76. *San Francisco Chronicle*, 16 September 1985. P. 9.

77. *The Truth About Afghanistan*, цитируемый ранее источник. P. 85, 89, с фотографиями предполагаемых жертв, лежащих на земле; на другой фотографии представлена американская химическая граната.

78. *Los Angeles Times*, 28 July 1989.

79. Там же. 30 April 1990. P. 1 and 9.

80. *Weiner*. P. 150, 152.

81. *Weiner*. P. 151; Los Angeles Times, 26 May 1988. Расстрел пассажирских самолетов: New York Times, 26 September 1984. P. 9; 11 April 1988. P. 1.
82. San Francisco Chronicle, колонка Джека Андерсона (Jack Anderson): 29 April and 2 May 1987; 13 July 1987; журнал Time, 9 December 1985; Washington Post, 13 January 1985. P. A30.
83. Наркотики, моджахеды и ЦРУ:
- a) *Weiner*. P. 151–152;
 - b) New York Times, 18 June 1986;
 - c) *William Vornberger*. Afghan Rebels and Drugs. Covert Action Information Bulletin, No. 28, Summer 1987. P. 11–12;
 - d) Los Angeles Times, 4 November 1989. P. 14;
 - e) Washington Post, 13 May 1990. P. 1.
84. Los Angeles Times, 22 August 1993.
85. Hekmatyar, Neumann: Там же. 21 April 1992.
86. Там же. 24 May 1992.
87. Там же. 4 January, 24 May, 8 September, 1992.

54. САЛЬВАДОР, 1980–1994

1. New York Times, 7 March 1981. P. 10.
2. *Raymond Bonner*. Weakness and Deceit: U. S. Policy and El Salvador (Times Books, New York, 1984). P. 24.
3. События 1960–1961 гг.: *John Gerassi*. The Great Fear in Latin America (New York, 1965, revised edition). P. 178; *Michael McClintock*. The American Connection: State Terror and Popular Resistance in El Salvador (Zed Books, London, 1985). P. 135–137, 149; New York Herald Tribune, 7 April 1963. Раздел 2. P. 1.
4. Human Rights in Nicaragua, Guatemala and El Salvador: Implications for U. S. Policy, Слушания в подкомитете по международным организациям Комитета по международным отношениям Палаты представителей, 8 June 1976. P. 33–34.
5. New York Times, 22 October 1987. P. 11. Предлагается для дальнейшего рассмотрения роли США в процессах 1960–1970-х гг. см.: *McClintock*. Глава 12; American Civil Liberties Union & Americas Watch Committee, Report on Human Rights in El Salvador (Vintage Books, New York, 1982). P. 179–180, 189–197; *James Dunkerley*. The Long War: Dictatorship and Revolution in El Salvador (London, 1982). P. 74–75; *Jenny Pearce*. Under the Eagle (London, 1982). P. 214–216.
6. *McClintock*. P. 158, 226 (примечание 44).
7. Выборы 1960–1970-х гг.: *Robert Armstrong and Janet Shenk*. El Salvador: The Face of Revolution (London, 1982). P. 50–87; *McClintock*. P. 158–183, в различных местах; *Dunkerley*. P. 79–86, 103–106; *Gerassi*. P. 179; показания Фабио Кастильо (Fabio Castillo) перед Конгрессом США, цитируемый ранее источник. P. 42–44 (см. примечание 4).
8. *Armstrong and Shenk*. P. 87–88; *McClintock*. P. 183–184; *Dunkerley*. P. 106–107.
9. Facts on File (New York), 12 March 1977. P. 181.
10. *Allan Nairn*. Behind the Death Squads, журнал The Progressive (Madison, Wisconsin), May 1984. P. 1, 20–29 — Подробный отчет о давних и тесных связях ЦРУ с эскадронами смерти и/или с их вышестоящими организациями и их лидерами, состоявшими на службе у ЦРУ. Также см.: New York Times, 22 October 1987. P. 11; 6 December 1987. IV. P. 2.
11. *Carolyn Forche*. The Road to Reaction in El Salvador. The Nation (New York), 14 June 1980. P. 712.
12. События с октября 1979 по январь 1980 г.: *Dunkerley*. P. 132–144; *McClintock*. P. 245–260; *Armstrong and Shenk*. P. 115–130.

13. *Armstrong and Shenk*. P. 122; *Dunkerley*. P. 87–88.
14. *Dunkerley*. P. 144.
15. События января — марта 1980 г.: *The Guardian* (London) 24 January 1980; 20 March 1980; *McClintock*. P. 262–264; *Dunkerley*. P. 146, 156–157; *Liisa North*. *Bitter Grounds: Roots of Revolt in El Salvador* (Toronto, 1981). Приложение I. Хронология событий в период с февраля 1977 по июнь 1981 г., более подробная информация об убийствах, учиненных правительством и эскадронами смерти; *Armstrong and Shenk*. P. 149, цитата из последней проповеди Ромеро.
16. *James R. Brockman, Oscar Romero, Bishop and Martyr* (Orbis Books, Maryknoll, New York, 1982). P. 222, 236 (примечание 28); *Dermit Keogh, Romero, El Salvador's Martyr* (Dominican Publications, Dublin, 1981). P. 113; *New York Times*, 31 March 1980. P. 1.
17. *Los Angeles Times*, 24 November 1987; *New York Times*, 25 November 1987; Памятная записка ЦРУ советнику Рейтана по национальной безопасности Ричарду Аллену, March 1981, *New York Times*, 9 November 1993. P. 9; *Washington Post*, 27 April 1982. P. A3, статья Mary McGrory, ссылка на замечание д-р Обуссона (drAubuisson) в мексиканской газете *El Dna*.
18. *McClintock*. P. 268; см.: P. 266–271 для рассмотрения вопроса о ходе аграрных реформ в Сальвадоре в начале 1980-х гг.
19. *El Salvador — A Revolution Brews*. NACLA Report on the Americas (Североамериканский конгресс по Латинской Америке, New York), July — August 1980. P. 17, основано на интервью с техником в Сан-Сальвадор, 2 June 1980.
20. *Philip Wheaton*. *Agrarian Reform in El Salvador* (Ecumenical Program for Interamerican Communication and Action, Washington, DC, 1980). P. 13.
21. *New York Times*, 18 January 1981. P. 7; 19 January. P. 11; *McClintock*. P. 286 («наблюдатель»); *The Guardian* (London) 20 July 1983 (заявление Картера).
22. *New York Times*, 12 February 1985. P. 1; 16 November 1987. P. 5.
23. *Dissent Paper on El Salvador and Central America*, 6 November 1980, Section B3, 'International Context' (Argentina Chile, Uruguay) — этот документ, по всей видимости, работа членов внешнеполитического истеблишмента, не согласного с политикой США в Центральной Америке, был распространен во всех официальных кругах в Вашингтоне в 1980 г., переиздан: *Warner Poelchau*, ed. *White Paper, Whitewash* (New York, 1981), приложение B; *New York Times*, 2 December 1981 (Argentina); *Clarence Lusane*. *Israeli Arms in Central America. Covert Action Information Bulletin* (Washington, DC), Winter 1984. № 20. P. 34–37.
24. *McClintock*. P. 337; *New York Times*, 12 February 1985; 19 August 1986. P. 3; the «Dissent Paper», цитируемый ранее источник; раскрывается, что большая часть военной помощи США была направлена на увеличение численности войск Сальвадора; *Newsweek*, 14 March 1983. P. 18, сообщается, что в то время из 22 400 человек, составлявших армию Сальвадора, около 4100 человек прошли подготовку в США.
25. *McClintock*. P. 334; *New York Times*, 2 February 1982. P. 10.
26. *New York Times*, 30 March 1984. P. 1.
27. *The Guardian* (London), 5 February 1983; *New York Times*, 30 March 1984. P. 1; 20 October 1984; 26 February 1991. P. 10; *San Francisco Chronicle*, 17 July 1987.
28. Например, см.: *Washington Post*, 14 February 1982. P. 1; *The Guardian* (London), 26 March 1984, 22 October 1984; *New York Times*, 13 February 1982, 21 October 1984, 12 February 1985, 13 February 1986. P. 3, 1 April 1987. P. 1; *McClintock*. P. 347–348.
29. *San Francisco Chronicle*, 24 June 1982.
30. *Washington Post*, 19 December 1980. P. A26; 1 January 1981. P. A12.
31. *McClintock*. P. 345, ссылка на статью из газеты родного города Бейли (Bailey): *El Salvador: A Mercenary's View*, *News-Press* (Fort Myers, Florida ежедневное издание), 23 Oct 1983.

32. Los Angeles Times, 9 July 1987. P. 1 and 22; также см.: The Village Voice (New York), 11 August 1987. P. 21–22.
33. Los Angeles Times, 27 September 1988. P. 2.
34. Журнал Playboy (Chicago), November 1984. P. 73, интервью Марка Купера (Marc Cooper) и Грегори Голдина (Gregory Goldin).
35. *Stephen Webre*. Jose Napoleon Duarte and the Christian Democratic Party in Salvadoran Politics, 1960–1972 (Louisiana State University Press, Baton Rouge, La., 1979). P. 57. Замечания Дуарте были сделаны в ходе речи.
36. *Bob Woodward*. VEIL: The Secret Wars of the CIA 1981–1987 (New York, 1987). P. 117. Вудворд (Woodward) утверждает, что Дуарте (Duarte) «был хорошим источником разведывательной информации в течение многих лет, но он был человеком независимым, не было необходимости его контролировать, и возможно, он и не подозревал, что снабжает информацией ЦРУ».
37. Подробный отчет появляется: *Mark Danner*. The Truth of El Mozote. The New Yorker, 6 December 1993, также в развернутом виде в книге The Massacre at El Mozote (Vintage Books, 1994). Также см.: Los Angeles Times, 3 January 1993. P. 1; New York Times, 27 January 1982. P. 1; The Guardian (London) 29 January 1982; *McClintock*. P. 308–309.
38. U. S. Intelligence Performance on Central America: Achievements and Selected Instances of Concern, Доклад подкомитета по анализу и надзору Постоянного специального комитета по разведке Палаты представителей, 22 September 1982. P. 18–19.
39. Los Angeles Times, 1 February 1982. P. 4. Две недели спустя произошел еще худший инцидент: см.: The Washington Post, 14 February 1982. P. C1, предлагается для наглядного рассмотрения вопроса о варварстве вооруженных сил Сальвадора по отношению к населению. Этот вопрос американские чиновники старались скрыть от Комитета Конгресса, но безуспешно (см. U. S. Intelligence Performance, отчет, цитируемый ранее источник).
40. New York Times, 11 January 1982. P. 2.
41. Солдат Национальной гвардии, который представился как Мануэль, дал интервью в телевизионном документальном фильме «Пытка», продюсером и режиссером которого был Рекс Блумштайн (Rex Bloomstein) для Thames Television Ltd. (Great Britain) в 1986 г. при сотрудничестве «Международной амнистии». Видеокопия находится в распоряжении автора.
42. The Guardian (London), 7 August 1986.
43. «Международная амнистия», Torture in the Eighties (London, 1984). P. 155–156.
44. См., например: *McClintock*. P. 306–312; New York Times, 13 January 1986. P. 3, 1 February 1987. P. 11; *Tina Rosenberg*. Children of Cain: Violence and the Violent in Latin America (William Morrow and Company, New York, 1991) в различных местах.
45. The Guardian (London), 9 March 1984.
46. Там же. 11 March 1984. В подобных гуманных тонах администрация Рейгана отговорила в 1981 г. европейский Общий рынок от своего плана распределять зерновые и сухое молоко среди жертв боевых действий в Сальвадоре, поскольку Вашингтон опасался, что пища будет направлена партизанам (New York Times, 18 February 1981. P. 3).
47. San Francisco Chronicle, 18 July 1987. P. 9.
48. Los Angeles Times, 11 July 1987. P. 1.
49. Los Angeles Reader, 10 June 1988, специальный доклад о шпионаже ФБР за внутренними диссидентами; Los Angeles Times, 28 January 1988.
50. New York Times, 3 March 1984. P. 1; 22 March 1984. P. 1; 25 February 1986. P. 17; Newsweek, 2 April 1984, официальное лицо было идентифицировано как Сантибаньес (Santibanez); The Guardian (London), 22 March 1985, 29 March 1985.
51. Los Angeles Times, 2 February 1989.

52. Washington Post, 27 October 1989. P. A1; 19 November 1989. P. F2 (колонка Колмана Маккарти (Colman McCarthy); Los Angeles Times, 27 October 1989; LA Weekly (Los Angeles), 19–25 January 1990, 27 July — 2 August 1990.

53. LA Weekly (Los Angeles), 27 July — 2 August 1990. P. 14.

54. Washington Post, 22 October 1992. P. A5.

55. Los Angeles Times, 1 May 1990. P. 1; 25 August 1990. P. 3; 26 April, 1991, обзорные эссе отца Хосе Марии Торейхи (Father Jose Marha Tojeira), 10 September 1991. P. H6; 15 August 1992. P. 12; LA Weekly (Los Angeles), 22–28 December 1989; 2–8 February 1990; New York Times, 19 January 1990. P. 3; 30 September 1991. Оба офицера были приговорены к 30 годам тюремного заключения 25 января 1992 г.

56. Newsweek, 14 March 1983. P. 24, международное издание.

57. New York Times, 29 February 1988, статья Джеймса Лемойна (James LeMoine).

58. Extra! (Бюллетень of FAIR, Fairness & Accuracy in Reporting, New York), July — August 1988. P. 1, 12, также содержит ряд других примеров дезинформации правительства Сальвадора; September — October 1988. P. 2; New York Times, 15 September 1988 (отречение); LA Weekly (Los Angeles), 27 May — 2 June 1988, колонка Марка Купера.

Для дальнейших примеров дезинформации со стороны сальвадорских должностных лиц см.: New York Times, 29 March 1987. P. 3; 8 January 1988. P. 3; 20 February 1988. P. 3; 18 February 1990. P. 14.

59. New York Times, 17 March 1982. P. 1.

60. Там же. 3, 5 and 6 March 1982. Each p. 1.

61. Там же. 13 March 1982. P. 1.

62. Time, 22 March 1982. P. 5, международное издание.

63. New York Times, 19 January 1981. P. 11.

64. San Francisco Examiner, 20 December 1981.

65. New York Times, 19 January 1981. P. 11.

66. Госдепартамент США, Communist Interference in El Salvador, 23 February 1981, Специальный доклад № 80, известный как Белая Книга — the White Paper). Раздел II, Коммунистическое военное вмешательство: хронология.

67. The Guardian (London) 7 December 1985.

68. Dunkerley. P. 182; New York Times, 31 July 1983.

69. Wall Street Journal, 8 June 1981. P. 1 and 10; предлагается для анализа других положений Белой книги (the White Paper) (Государственный департамент США, Communist Interference in El Salvador, 23 February 1981, Специальный доклад № 80), см.: Philip Agee in Warner Poelchau, ed, White Paper, Whitewash (New York, 1981); Ralph McGehee. The CIA and the White Paper on El Salvador. The Nation (New York), 11 April 1981.

70. Wall Street Journal, 8 June 1981. P. 10.

71. Playboy, цитируемый ранее источник. P. 74.

72. Covert Action Information Bulletin (Washington, DC), March 1982. № 16. P. 27; об этом также было сообщено в ежедневной прессе.

73. U. S. News and World Report, 26 January 1981. P. 37, интервью с Уайтом (White).

74. San Francisco Chronicle, 24 February 1981.

75. New York Times, 30 July 1982 (снаряжение); 16 April 1983. P. 1 (ДРЛО «Авакс»); 31 July 1983. P. 1 (радар); Time, 22 March 1982 (аэрофотосъемка).

76. 9 April 1991 пресс-конференция в Гондурасе.

77. New York Times, 9 February 1990. P. 7.

78. Комиссия по установлению истины, амнистия: Los Angeles Times, 16 March 1993. P. 1 and 6; 21 March; 26 March.

79. Там же. 19 March 1993.
80. New York Times, 9 November 1993. P. 9; Los Angeles Times, 24 April 1994. P. 10.
81. Los Angeles Times, 14 December, 1993; New York Times, 14 December 1993. P. 1.
82. New York Times, 26 August 1990. P. 24; 10 February 1991. P. 3; 11 February 1991. P. 3.
83. Выборы:
Наблюдатели от ООН и правительства США: Los Angeles Times, 24 April 1994. P. 10, 22 March. P. 12, and 21 February. P. 10.
- Устрашающая история: Там же. 12 March. P. 6.
- Также см.: Там же. 23 March. P. 10 and 24 March; LA Weekly (Los Angeles), 15–21 April 1994. P. 12–13;
- Отчеты наблюдения CISPES: письменные работы и переговоры в ходе встреч в Лос-Анджелесе.
84. New York Times, 7 October 1990. P. 10.
85. Там же. 5 August 1991. P. 4.

55. ГАИТИ, 1986–1994

1. New York Times, 27 February 1986. P. 3; 11 April 1986. P. 4.
2. *Fritz Longchamp and Worth Cooley-Prost. Hope for Haiti. Covert Action Information Bulletin* (Washington). № 36, Spring 1991. P. 58. Лоншан (Longchamp) — исполнительный директор washingtonского отделения Центра анализа и государственного образования на Гаити; *Paul Farmer. The Uses of Haiti* (Common Courage Press, Monroe, Maine, 1994). P. 128–129.
3. The Guardian (London), 22 September 1986.
4. Там же.
5. Рейган: *Jean-Bertrand Aristide. An Autobiography* (Orbis Books, Maryknoll, NY, 1993, перевод с французского издания в 1992 г.). P. 79, в дальнейшем именуемая «Автобиография Аристида».
6. Журнал Time, 30 November 1987. P. 7.
7. ЦРУ и выборы 1987–1988 гг.: Los Angeles Times, 31 October 1993. P. 1; New York Times, 1 November 1993. P. 8.
8. New York Times, 1 November 1993. P. 8.
9. *Allan Nairn. The Eagle is Landing. The Nation*, 3 October 1994. P. 344; цитируется американский полковник Стивен Батлер (Steven Butler), бывший руководитель планирования вооруженных сил США в Карибском бассейне, участвовавший в операции.
10. *Farmer. P. 150; New York Times, 13 March 1990. P. 1.*
11. Автобиография Аристида. P. 105–106, 118–121.
12. *Haitian Information Bureau. Chronology: Events in Haiti, October 15, 1990 — May 11, 1994* in *James Ridgeway, ed., The Haiti Files: Decoding the Crisis* (Essential Books, Washington, 1994). P. 205.
13. *Robert I. Rotberg. Washington Post, 20 December 1990. P. A23.*
14. *Washington Post, 6 June, 1991. P. A23.* В своей автобиографии, стр. 147–148, Аристид (Aristide) пишет, что он сократил свое жалованье с десяти до четырех тысяч, а также исключил ряд других дополнительных доходов.
15. Автобиография Аристида. P. 144.
16. Там же. P. 127–128, 139.
17. Политика Аристида (Aristide):
 - a) *Washington Post, 6 June, 1991. P. A23; 7 October 1991. P. 10;*
 - b) Автобиография Аристида. Глава 12;

- c) *Farmer*. P. 167–180;
 - d) *Multinational Monitor* (Washington, DC), March 1994. P. 18–23 (земельная реформа и профсоюзы).
18. *San Francisco Chronicle*, 22 October 1991. P. A16.
 19. *Alan Nairn*. Our Man in FRAPH: Behind Haiti's Paramilitaries. *The Nation*, 24 October 1994. P. 460, Имеется в виду Эмманнэль Констант (Emmanuel Constant). Глава FRAPH.
 20. NED, etc.:
 - a) *The Nation*, 29 November 1993. P. 648, колонка Дэвида Корна (David Corn);
 - b) Информационное бюро Гаити, *Subverting Democracy*, *Multinational Monitor* (Washington, DC), March 1994. P. 13–15.
 - c) *National Endowment for Democracy*, Washington, D. C., Annual Report, 1989. P. 33; Annual Report, 1990. P. 41.
 - d) Автобиография Аристида. P. 111, *Radio Soleil* обслуживает правительство.
 21. *New York Times*, 8 October 1991. P. 10.
 22. *Boston Globe*, 1 October 1992.
 23. *New York Times*, 1 November 1993. P. 8; 14 November. P. 12. Отчет Лателла (Latell) был представлен в июле 1992 г.
 24. Там же. 14 November 1993. P. 12.
 25. *Howard French*. *New York Times*, 27 September 1992. P. E5.
 26. Chronology. *The Haiti Files*, цитируемый ранее источник. P. 211.
 27. *New York Times*, 1 November 1993. P. 1.
 28. Drugs: Там же. P. 8; *The Nation*, 3 October 1994. P. 344, цитируемый ранее источник; *Los Angeles Times*, 20 May 1994. P. 11.
 29. SIN: *New York Times*, 14 November 1993. P. 1; *The Nation*, 3 October 1994. P. 346, цитируемый ранее источник.
 30. a) *The Nation*, 24 October 1994. P. 458–461, цитируемый ранее источник; *Allan Nairn. He's Our S. O. B.*, 31 October 1994. P. 481–482.
 - b) *Washington Post*, 8 October 1994. P. A8;
 - c) *Los Angeles Times*, 8 October 1994. P. 12;
 - d) *New York Daily News*, 12 October 1993, Статья Хуана Гонсалеса (Juan Gonzales) подтверждает предположение, что инцидент на корабле был спланирован.
 31. *Журнал Time*, 8 November 1993. P. 45–46.
 32. *Farmer*. P. 152.
 33. Психическое состояние Аристида:
 - a) *Los Angeles Times*, 23 October 1993. P. 14; 31 October. P. 16; 2 November. P. 8.
 - b) *New York Times*, 31 October 1993. P. 12 (поддельный документ).
 - c) *Washington Post*, 22 October 1993. P. A26.
 - d) *CBS News*, 13 October 1993; 2 December 1993, Доклад Боба Фоу (Bob Faw), утверждает: «Эта больница в Монреале, как сообщает *Miami Herald*, никогда не лечила Аристида от психических расстройств».
 34. *New York Times*, 23 October 1993. P. 1.
 35. *Dwight Eisenhower*. *The White House Years: Waging Peace, 1956–1961* (New York, 1965). P. 573; *Jonathan Kwitny*. *Endless Enemies: The Making of an Unfriendly World* (New York, 1984). P. 57.
 36. *Time*, 8 November 1993. P. 46.
 37. Отношения администрации Клинтона с лидерами Гаити: Там же. P. 45.
 38. *George Black and Robert O. Weiner*, обзорная колонка в *Los Angeles Times*, 19 October 1993. Блэк (Black) — редакционный директор и Вайнер (Weiner) — координатор американских программ Комитета.

39. Washington Post, 2 December 1987. P. A32; 11 September 1989. P. C22, колонка Джека Андерсона (Jack Anderson); The Guardian (London), 22 September 1986.
40. *Juan Gonzalez*. As Brown Fiddled, Haiti Burned. New York Daily News, 9 February 1994.
41. New York Times, 18 December 1993. P. 7.
42. Los Angeles Times, 16 February 1994. P. 6.
43. Там же. 24 February 1994, 26 February; Multinational Monitor, March 1994, цитируемый ранее источник. P. 15.
44. Los Angeles Times, 14 April 1994. P. 4. Замечание Козака (Kozak) было сделано в феврале.
45. *Kim Ives*. The Unmaking of a President in The Haiti Files, цитируемый ранее источник. P. 87–103.
46. Multinational Monitor, March 1994, цитируемый ранее источник. P. 15; Los Angeles Times, 14 April 1994. P. 4.
47. *Murray Kempton*, колонка агентства печати, Los Angeles Times, 12 May 1994.
48. Los Angeles Times, 25 September 1994. P. 10.
49. Там же. 21, 24 May 1994; эти слова из Times; Amnesty Action (AI, New York). Fall 1994. P. 4.
50. The Nation, 3 October 1994. P. 346, цитируемый ранее источник.
51. Los Angeles Times, 23 September 1994. P. 5.
52. Там же. 24 June 1994. P. 7.
53. Там же. 16 September 1994.
54. Там же. 16 September 1994. P. 8.
55. Там же. 14 October 1994. P. 1.
56. *Isabel Hilton*. Aristide's Dream. The Independent (London), 30 October 1993. P. 29, цитируется: *Farmer*. P. 175; Аристид добавил: «Но на самом деле все по-другому в Соединенных Штатах».
57. Los Angeles Times, 5 September 1994. P. 18, Гор (Gore) выступал в передаче «Встреча с прессой» (Meet the Press).
58. Там же. 1 October 1994.
59. Там же. 17 September 1994. P. 1 and 10; также см.: P. 9.
60. Там же. 1 October 1994. P. 5.
61. Там же. 8 October 1994. P. 12.
62. New York Times, 16 September 1994.
63. Los Angeles Times, 24, 25 October 1994.
64. Там же. 19 October 1994.
65. Слегка сокращенную версию экономического плана Гаити можно найти в Multinational Monitor (Washington, DC), July — August 1994. P. 7–9. Для рассмотрения вопроса о тяжелом характере жизни на Гаити, см.: National Labor Committee, Sweatshop Development, in The Haiti Files, цитируемый ранее источник. P. 134–154.
66. New York Times, 5 February 1992. P. 8.
67. Multinational Monitor, July — August 1994, цитируемый ранее источник.
68. Автобиография Аристида. P. 166–167.

56. АМЕРИКАНСКАЯ ИМПЕРИЯ с 1992 года по настоящее время

1. Показания перед Комитетом по международным отношениям Палаты представителей, 6 февраля 2002 г.
2. Веб-сайт Министерства обороны США: развернутая ссылка: 10 December 2002: http://deploymentlink.osd.mil/deploy/info/info_intro.shtml.

3. Defense Planning Guidance for the Fiscal Years 1994–1999, цитата из New York Times, 8 March 1992. P. 14.

4. Генерал Джозеф Эши (Joseph Ashy), в то время главнокомандующий космического командования США, цитируется в Aviation Week and Space Technology (New York), 5 August 1996. P. 51.

5. Кейт Холл (Keith R. Hall), помощник министра BBC по космосу и директор Национального разведывательного управления; выступление в Национальном космическом клубе, 15 September 1997.

6. Чарлз Найт (Charles Knight), альтернативные оборонные проекты, презентации в Совете по международным отношениям в Нью-Йорке, New York, 14 June 2000, on U. S. Military Strategic Ambitions: Expanding to Fill the post Soviet Vacuum; <http://www.comw.org/pda/0006vacuum.html>.

7. Rebuilding America's Defenses: Strategy, Forces and Resources For a New Century, Отчет по проекту Нового американского века (New American Century) (Washington, DC), September 2000. P. 14.

8. Майкл Ледин (Michael Ledeen), бывший чиновник администрации Рейгана в известном деле «Иран-контрас». Теперь в Американском институте предпринимательства (Washington, DC), ведущем мозговом центре неоконсерваторов, ратовавшем за вторжение в Ирак, Ледин осуждает осторожность тех в ЦРУ и госдепартаменте, кто считает, что Америка должна вести войну с террором поэтапно. «Никаких этапов, — говорит он. — Это тотальная война». Village Voice (New York), 27 November 2001. P. 46; Scotland on Sunday (Glasgow), 25 November 2001.

9. Представлен министерством обороны Конгрессу 31 декабря 2001 г. как секретный документ, который впоследствии стал достоянием общественности, см.: Los Angeles Times, 9 and 10 March 2002.

10. Джеймс Лаксер (James Laxer), профессор политологии Йоркского университета, Toronto, Canada, из его статьи в the Toronto Globe and Mail, 24 September 2002. P. A15.

11. Washington Post, 28 November 2002. P. B4.

12. См.: *William Blum. Rogue State: A Guide to the World's Only Superpower* (Common Courage Press, Maine, 2000) для краткого описания вышеупомянутых вторжений США.

13. *Marc Herold. Blown Away: The Myth and Reality of Precision Bombing in Afghanistan* (Common Courage Press, Maine, 2003). Приложение 4. Daily casualty count of Afghan civilians killed by U. S. bombing and special forces attacks, October 7, 2001 until present day.

14. Для дальнейшего обсуждения см.: Эссе Уильяма Блума (William Blum), September 11, 2001 and the bombing of Afghanistan; <http://members.aol.com/bblum6/sep11.htm>.

15. См. <http://www.zmag.org/ZNET.htm> — отличная подборка статей на эту тему, поиск Venezuela.

16. A Dangerous Dialogue: Attacks on Freedom of Expression in Miami's Cuban Exile Community@. P. 26, опубликовано by Americas Watch/The Fund for Free Expression, New York and Washington, August 1992.

17. New York Times, 16 August 1989; *Jane Franklin. Cuba and the United States: A Chronological History* (Ocean Press, Melbourne, 1997), см.: Bosch Avila, Orlando в приложении; также см.: P. 190 и далее.

18. *Michael Parenti. To Kill a Nation: The Attack on Yugoslavia* (Verso, London/NY 2000). Глава 10 в различных местах; Washington Times, 4 May 1999. P. 1.

19. Washington Post, 30 July 2001. P. 1.

20. The Associated Press, 18 September 2001.

21. *Rogue State*, цитируемый ранее источник. Глава 9.

22. Christian Science Monitor, 26 April 2002.
23. The Bush Doctrine. The Weekly Standard (Washington, DC), 4 June 2001.
24. Foreign Affairs, журнал Совета по международным отношениям, New York, November 2002.
25. The Benevolent Empire. Foreign Policy (Washington, DC), Summer 1998.
26. *Robert Kagan*. Of Paradise and Power: America and Europe In the New World Order (New York, 2003). P. 99.
27. The Observer (London), 7 April 2002.
28. См., например, показания Джона Марески (John Maresca), Unocal Corporation, в подкомитете по Азии и Тихому океану Комитета по международным отношениям Палаты представителей, 12 февраля 1998 г.
29. The (London) Times Online, 15 January 2003.
30. Sydney Morning Herald, 25 March 2003.
31. *John Cochran*. WH Official Admits WMD NOT Main Reason for Iraq War. ABCNews.com, 25 April 2003 32. См. эссе автора о причинах иракского вторжения по ссылке: <http://members.aol.com/bblum6/mafia.htm>.
33. The Guardian (London), 19 September 2002; Washington Post, 21 October 2002.
35. Пресс-конференция Белого дома, 14 November 1997, стенограмма Newswire США.
36. Washington Post, 17 March 2002. P.25.
37. Там же. 15 February 2002. P. 12 and 13.
38. Antara (Индонезийское национальное информационное агентство), 13 December 2002; Agence France Presse, 23 December 2002; Jakarta Post, 5 January 2003; Washington Post, 9 November 2002. P. 15, 18 November. P. 16, 14 January 2003.
39. Washington Post, 27 December 2001. P. C2.
40. Там же. 5 March 2003. P. 19, 9 March 2003. P. B3.
41. New York Times, 17 January 2003. P. 10.